ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОЯБРЬ.

1874.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CLXXVI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.
1874.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Казанскія гимназіи въ XVIII столѣтіи (Окончаніе) . — А. И. Артемьева.

Индѣйскія сказки . — И. П. Минаева.

Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Константинополѣ XI и XII вѣковъ — В. Г. Васильевскаго.

Юридическіе знаки (Продолженіе) — П. Ефименко.

Критическія и библіографическія замѣтки:

Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. Экономическо-историческое изслѣдованіе. *Е. Карновича.* С.-Петербургъ. 1874 — А. Г. Брикнера.

Физиологија гласа и гласови српског језика, *Стојана Новаковића.*

Das Leben der Wurzel dê in den slavischen Sprachen von D-r. *V. Jagic.*

Descriptio codicum slovenicorum. *Aemiliani Kaluzniacki.* — И. Бодуэнъ-де-Куртенэ.

Олонецкая гимназія съ 1808 по 1831 годъ. — К. Петрова.

Шестиклассныя прогимназіи.

О введеніи обязательнаго обученія въ С.-Петербургѣ.

Село Мишенское, родина В. А. Жуковскаго. — П. Мартынова.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты, б) гимназіи, в) низшія училища.

Открытіе учительской семинаріи въ Псковѣ.

Письмо изъ Парижа . — Л. Л — ра.

А. И. Артемьевъ. (Некрологъ.) — Л. Н. Майкова.

Отдѣлъ классической филологіи. (См. на 3-й стр. обёртки.)

Библиотека "Руниверс"

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ CLXXVI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49—2).
1874.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (31-го августа 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Тульской гимназіи.*

Служащіе въ дирекціи училищъ Тульской губерніи, въ память управленія нынѣшняго товарища министра народнаго просвѣщенія, тайнаго совѣтника князя Ширинскаго-Шихматова, Московскимъ учебнымъ округомъ, собрали по добровольной подпискѣ *четыреста* руб. и просили объ учрежденіи на проценты съ сего капитала при Тульской гимназіи одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: «стипендія князя Александра Прохоровича Ширинскаго-Шихматова».

По донесенію объ этомъ попечителя Московскаго учебнаго округа и по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Высочайше на сіе соизволилъ.

2. (7-го сентября 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Харьковскомъ университетѣ.*

Опекунъ надъ имуществомъ умершаго штабсъ-капитана Тихоцкаго, землевладѣлецъ Левшинъ, согласно духовному завѣщанію Тихоцкаго, представилъ въ правленіе Харьковскаго университета билетъ Харьковскаго городскаго купеческаго банка на

Библиотека "Руниверс"

двѣнадцать тысячъ пятьсотъ руб., для учрежденія при означенномъ университетѣ трехъ стипендій: одной—имени Сергѣя Павловича Тихоцкаго и двухъ—имени покойной дочери его Агафіи Сергѣевны, по мужу Ковалевской.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія о семъ докладу, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Харьковскомъ университетѣ, на счетъ процентовъ съ завѣщаннаго Тихоцкимъ капитала въ 12.500 руб., трехъ стипендій для студентовъ: одной—имени Сергѣя Павловича Тихоцкаго и двухъ—имени Агафіи Сергѣевны Ковалевской, урожденной Тихоцкой.

3. (7-го сентября 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Харьковскомъ университетѣ.*

Потомственные почетные граждане, братья Адольфъ и Леонъ Романовичи Рубинштейны представили начальству Харьковскаго учебнаго округа *четыре тысячи* руб. шестипроцентными закладными листами Полтавскаго земельнаго банка, на учрежденіе изъ процентовъ сего капитала одной стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина, Харьковскаго 1-й гильдіи купца Романа Осиповича Рубинштейна, для студентовъ Харьковскаго университета.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія о семъ докладу, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Харьковскомъ университетѣ, на счетъ процентовъ съ капитала въ 4.000 руб., одной стипендіи съ наименованіемъ оной: «стипендіею потомственнаго почетнаго гражданина Харьковскаго 1-й гильдіи купца Романа Осиповича Рубинштейна».

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

30-го августа 1874 года (№ 11). *Производится за отличіе:* ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго универси-

Библиотека "Руниверс"

тета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Кремянскій* — въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (24-го августа 1874 года). *Положеніе о стипендіи имени генералъ-лейтенанта Андрея Андреевича Керстича, учрежденной при Оренбургской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, при Оренбургской гражданской гимназіи учреждается стипендія покойнаго генералъ-лейтенанта Керстича, на слѣдующихъ основаніяхъ:

2) Стипендія при Оренбургской гимназіи учреждается изъ процентовъ съ завѣщаннаго покойнымъ генералъ-лейтенантомъ Керстичемъ капитала въ 2.000 руб., который обращается въ ренты непрерывнаго дохода *ста десяти* руб. въ годъ.

3) Капиталъ этотъ долженъ находиться въ завѣдываніи педагогическаго совѣта гимназіи.

4) Въ стипендіаты избирается бѣдный сирота изъ вольноприходящихъ воспитанниковъ Оренбургской гимназіи, выборъ котораго, по волѣ завѣщателя, на первый разъ предоставляется душеприкащикамъ, а впослѣдствіи — начальству гимназіи.

5) На первый разъ, по волѣ душеприкащиковъ, стипендіатомъ избирается ученикъ приготовительнаго класса Іосифъ Гатти, съ тѣмъ, чтобы ему выдаваемо было изъ процентовъ съ завѣщаннаго капитала по 85 рублей ежегодно; остающіяся же за тѣмъ отъ процентовъ деньги помѣщаются для приращенія процентовъ въ кредитныя учрежденія и вмѣстѣ съ накопившимися процентами должны быть выданы Гатти при выходѣ его изъ Оренбургской гимназіи.

6) Деньги стипендіатамъ, избираемымъ впослѣдствіи начальствомъ гимназіи, выдаются всѣ сполна лицамъ, которымъ пору-

Библиотека "Руниверс"

чается воспитаніе стипендіатовъ, за исключеніемъ суммы, слѣдующей за право годоваго ученія въ гимназіи.

7) Каждому воспитаннику, избираемому въ стипендіаты, присвоивается названіе стипендіата генералъ-лейтенанта Андрея Андреевича Керстича.

2. (19-го сентября 1874 года). *Циркулярное предложеніе г. попечителямъ учебныхъ округовъ о допущеніи къ переводу изъ приготовительнаго въ первый классъ гимназій и прогимназій учениковъ, не достигшихъ 10-лѣтняго возраста.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему, въ 7-й день текущаго сентября, въ Ливадіи, Всемилостивѣйше соизволилъ: тѣхъ учениковъ приготовительнаго класса гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, кои поступили въ таковой, имѣя отъ роду 8 лѣтъ, и въ теченіе менѣе двухъ лѣтъ вполнѣ подготовились къ продолженію ученія въ I классѣ, но которые не могутъ быть переведены собственно за недостиженіемъ 10 лѣтъ, допускать къ переводу изъ приготовительнаго въ первый классъ, хотя бы имъ и не исполнилось 10 лѣтъ, если только они по своимъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію вполнѣ будутъ заслуживать перевода въ тотъ классъ, а по своимъ познаніямъ и умственному развитію легко могутъ слѣдовать за курсомъ I-го класса, по удостовѣренію гимназическаго начальства.

3. (28-го сентября 1874 года). *Циркулярное предложеніе г. попечителямъ учебныхъ округовъ о снабженіи директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ казенными гербовыми печатями.*

На основаніи Высочайше утвержденнаго $\frac{25\text{-го мая}}{6\text{-го іюня}}$ 1874 года мнѣнія государственнаго совѣта, упразднены дирекціи училищъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, а также званіе губернскихъ директоровъ училищъ въ губерніяхъ, означенныхъ въ томъ Высочайшемъ повелѣніи; взамѣнъ сего учреждены должности директо-

Библиотека "Руниверс"

ровъ народныхъ училищъ. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ на послѣднихъ перенесены всѣ права и обязанности бывшихъ дирекцій и губернскихъ директоровъ училищъ по отношенію къ низшимъ учебнымъ заведеніямъ и слѣдовательно директоры народныхъ училищъ, а равно инспекторы сихъ училищъ, по исполненію своихъ служебныхъ обязанностей, должны входить въ переписку съ различными мѣстами и лицами, то нѣкоторыя управленія учебныхъ округовъ обратились въ министерство народнаго просвѣщенія о разъясненіи слѣдующаго вопроса: могутъ ли директоры и инспекторы народныхъ училищъ имѣть казенныя печати съ правомъ безплатной пересылки по почтѣ за сими печатями офиціальныхъ бумагъ, а также могутъ ли имѣть таковыя же печати училищные совѣты.

Управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, съ которымъ министерство народнаго просвѣщенія входило въ сношеніе по сему предмету, отозвался, что со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ не встрѣчается препятствія къ снабженію директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ установленными казенными гербовыми печатями, для пересылки за сими печатями по почтѣ ихъ корреспонденціи по служебнымъ дѣламъ на точномъ основаніи 70 ст. временныхъ постановленій по почтовой части.

Вслѣдствіе сего покорнѣйше прошу ваше превосходительство сдѣлать распоряженіе о снабженіи какъ директоровъ народныхъ училищъ, такъ и инспекторовъ сихъ училищъ ввѣреннаго вамъ учебнаго округа означенными казенными печатями. Что же касается училищныхъ совѣтовъ, то исходящія изъ сихъ совѣтовъ бумаги могутъ быть отправляемы по почтѣ за печатями предсѣдателей оныхъ, такъ какъ въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ не представляется никакихъ основаній къ предоставленію этимъ совѣтамъ казенныхъ печатей и права безплатной корреспонденціи по почтѣ.

Библиотека "Руниверс"

4. (3-го октября 1874 года). *Положеніе о стипендіи имени умершаго Кронштадтскаго 1-й гильдіи купца Григорія Петровича Сидорова при Кронштадтской женской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 21-й день сентября сего года, при Кронштадтской женской гимназіи учреждается стипендія имени умершаго Кронштадтскаго 1-й гильдіи купца Григорія Петровича Сидорова на проценты съ капитала въ *одну тысячу рублей*, внесеннаго Кронштадтскимъ купцомъ Николаемъ Григорьевичемъ Сидоровымъ и заключающагося въ двухъ 500 рублеваго достоинства закладныхъ листахъ Полтавскаго земельнаго банка серіи 2-й за №№ 03007 и 03011.

2) Капиталъ этотъ, составляя неприкосновенную собственность Кронштадтской женской гимназіи, хранится въ Кронштадтскомъ расходномъ отдѣленіи и состоитъ въ завѣдываніи попечительнаго совѣта гимназіи. Проценты по означеннымъ бумагамъ поступаютъ въ плату за обученіе стипендіатки, при чемъ она освобождается отъ взноса таковой, если бы установленная въ гимназіи плата и превышала количество ежегодныхъ процентовъ; если же проценты будутъ превышать плату за ученіе или отъ таковой ученица будетъ освобождена помимо стипендіи, то въ первомъ случаѣ излишекъ, а во второмъ вся стипендія выдается стипендіаткѣ за каждое истекшее учебное полугодіе.

3) По истеченіи срока названнымъ листамъ, или въ случаѣ выхода оныхъ въ тиражъ, полученныя за нихъ деньги снова обращаются въ государственныя процентныя бумаги, по усмотрѣнію попечительнаго совѣта Кронштадтской женской гимназіи.

4) Избраніе кандидатки на упомянутую стипендію принадлежитъ пожизненно Кронштадтскому купцу Николаю Григорьевичу Сидорову, а послѣ него — попечительному совѣту означенной гимназіи.

5) Стипендіаткѣ, оставшейся на другой годъ въ томъ же классѣ,

Библиотека "Руниверс"

можетъ быть сохранена стипендія только по особо уважительнымъ причинамъ, разсмотрѣннымъ въ педагогическомъ совѣтѣ гимназіи, и не иначе, какъ съ согласія учредителя стипендіи.

6) Въ случаѣ упраздненія въ г. Кронштадтѣ женской гимназіи, если таковое произойдетъ при жизни учредителя стипендіи, сему послѣднему предоставляется право передачи стипендіальнаго капитала съ тѣмъ же назначеніемъ въ одну изъ ближайшихъ женскихъ гимназій; по смерти же учредителя, стипендія, на точномъ основаніи сего положенія, переводится въ женское учебное заведеніе по усмотрѣнію начальства С.-Петербургскаго учебнаго округа.

IV. ПРИКАЗЫ УПРАВЛЯВШАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, ТОВАРИЩА МИНИСТРА.

24-го Іюля 1874 года. (№ 15). *Утверждаются*: экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университа *Владиміровъ*—ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ каѳедрѣ уголовнаго судоустройства и судопроизводства, съ 20-го апрѣля 1874 года; директоръ Казанскаго ветеринарнаго института *Зейфманъ*—ординарнымъ профессоромъ сего института, съ 1-го января 1874 года, съ оставленіемъ въ званіи директора; бывшій преподаватель Петровской земледѣльческой и лѣсной Академіи, магистръ ветеринарныхъ наукъ, надворный совѣтникъ *Сергѣевъ*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Харьковскаго ветеринарнаго института; инспекторъ Харьковской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ *Одарченко*—директоромъ Бѣлгородской гимназіи, съ 1-го іюля 1874 года; учитель Симферопольской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Радкевичъ*—директоромъ открываемаго въ гор. Мелитополѣ, Таврической губерніи, реальнаго училища, съ 1-го іюля 1874 года; бывшій директоръ училищъ С.-Петербургской губерніи, статскій совѣтникъ *Калябинъ*—директоромъ народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи, съ

Библиотека "Руниверс"

13-го іюля 1874 года; бывшій членъ совѣта и инспекторъ классовъ Одесскаго института благородныхъ дѣвицъ, статскій совѣтникъ *Шугуровъ*—директоромъ учительскаго института въ гор. Ѳеодосіи, съ 1-го іюля 1874 года; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ *Ауновскій*—директоромъ Псковской учительской семинаріи, съ 1-го іюля 1874 года, съ отчисленіемъ отъ министерства; инспекторъ Каменской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ *Котляровъ* — директоромъ вновь открываемой Волчанской, Харьковской губерніи, учительской семинаріи, съ 1-го іюля 1874 года.

Назначаются: ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гогоцкій*—сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ каѳедрѣ философіи, съ 9-го марта 1874 года, на пять лѣтъ; окончившіе въ 1874 году курсъ наукъ студенты Императорскаго историко-филологическаго института учителями: Александръ *Кеммерлингъ*—въ гимназію при Императорскомъ историко-филологическомъ институтѣ по древнимъ языкамъ, Ѳедоръ *Владыковъ*—въ С.-Петербургскую Ларинскую гимназію по латинскому языку, Иванъ *Смирновъ*—во вторую С.-Петербургскую гимназію и Леонидъ *Доброхотовъ*—въ Кронштадтское реальное училище, оба по русскому языку, всѣ съ обязательствомъ прослужить по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія не менѣе шести лѣтъ.

Опредѣляется: предсѣдатель Алатырской уѣздной земской управы, Алатырскій уѣздный предводитель дворянства, подпоручикъ *Пазухинъ*—почетнымъ попечителемъ Порѣцкой учительской семинаріи, съ 16-го іюня 1874 года.

Продолжается срокъ отпуска: директору Николаевской Царскосельской гимназіи, дѣйствительному статскому совѣтнику *Пискареву*—по 15-е августа 1874 года, по болѣзни, въ Россіи; учителямъ гимназій: С.-Петербургской третьей, коллежскому совѣтнику *Крейцеру* и Тобольской *Никоровичу*, первому—на двадцать

Библиотека "Руниверс"

дней, по болѣзни, и послѣднему—по 28-е августа 1874 года, обоимъ за границу.

Увольняются въ отпускъ, по Россіи: канцелярскій чиновникъ департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій регистраторъ *Сѣрковъ*—на мѣсяцъ, въ Псковскую губернію, по болѣзни; директоръ Кіевской второй гимназіи, статскій совѣтникъ *Кустовъ*—на полтора мѣсяца, въ разныя губерніи, по болѣзни; директоръ Лубенской гимназіи *Симоновъ*—на лѣтнее вакаціонное время 1874 года, въ Полтаву и Кіевъ; *за границу, на лѣтнее вакаціонное время 1874 года:* ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *Эттингенъ*; доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета *Шимановскій*; учители Ришельевской гимназіи: *Бѣльчанскій* и *Кукуричекъ*; причисленный къ сверхштатнымъ чиновникамъ Варшавской учебной дирекціи *Целиховскій;* бывшій законоучитель римско-католическаго исповѣданія упраздненнаго Варшавскаго спеціальнаго уѣзднаго училища, священникъ *Краевскій;* начальница Тульской женской гимназіи *Сытина* и учитель начальнаго училища въ селѣ Вавржепчицахъ, Мѣховскаго уѣзда Кѣлецкой губерніи, *Войцѣховскій*; изъ нихъ: Эттингенъ, Шимановскій, Целиховскій, Краевскій, Сытина и Войцѣховскій по болѣзни; *на лѣтнее вакаціонное время 1874 года и двадцать восемь дней:* учитель Московской второй гимназіи, надворный совѣтникъ *Зарицкій*, по болѣзни; *на два мѣсяца*: директоръ Варшавской первой мужской гимназіи, статскій совѣтникъ *Крыжановскій;* библіотекарь Императорской публичной библіотеки, статскій совѣтникъ *Минцловъ;* завѣдывающій читальною залою сей библіотеки, надворный совѣтникъ *Юзъ*; секретарь правленія Императорскаго Дерптскаго университета *Блокъ* и учитель Суражскаго уѣзднаго училища *Кареницкій;* изъ нихъ: Крыжановскій, Блокъ и Кареницкій по болѣзни; *на четыре мѣсяца*: почетный смотритель С.-Петербургскаго Рождественскаго уѣзднаго училища *Воронинъ*, съ 1-го августа 1874 года.

Увольняется отъ службы: исправляющій должность экстраординарнаго профессора Демидовскаго юридическаго лицея *Духовской*.

Библиотека "Руниверс"

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: землевладѣльцу Хотинскаго уѣзда, Бессарабской губерніи, *Казиміру*—за усердіе его къ дѣлу народнаго образованія; предсѣдателю управленія Либавской Брестско-Кіевской и фабрично-Лодзкой желѣзныхъ дорогъ, банкиру *Блоху*; предсѣдателю правленія Варшавско-Вѣнской и Варшавско-Тереспольской желѣзныхъ дорогъ, банкиру *Кроненбергу* и жителю гор. Петрокова *Михалецкому*—за значительныя пожертвованія ихъ въ пользу Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ.

Исключаются изъ списковъ умершіе: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ *Могилянскій;* чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, въ званіи камеръ-юнкера, надворный совѣтникъ князь *Долгоруковъ;* директоръ училищъ Екатеринбургской дирекціи, статскій совѣтникъ *Предтеченскій*; директоръ Гродненской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Мысовскій*, и инспекторъ народныхъ училищъ Пермской губерніи, статскій совѣтникъ *Всеволодовъ*.

17-го августа 1874 года. (№ 16). *Назначаются*: инспекторъ Рязанской гимназіи, надворный совѣтникъ *Сыроѣчковскій*—исправляющимъ должность директора Александровской гимназіи Смоленскаго земства въ гор. Вязьмѣ; инспекторы народныхъ училищъ губерній: Саратовской, статскій совѣтникъ *Пановъ*, и Харьковской, надворный совѣтникъ *Жаворонковъ*, исправляющими должность директоровъ народныхъ училищъ: Пановъ—Саратовской, а Жаворонковъ—Харьковской губерніи, послѣдній съ 26-го, а первый съ 28-го іюля 1874 года.

Утверждаются: инспекторъ Варшавской первой мужской прогимназіи, коллежскій ассесоръ *Грушецкій*—инспекторомъ Института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, съ 6-го августа 1874 года; учитель Новгородсѣверской гимназіи, исполняющій обязанности инспектора сей гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Кизимовскій*—директоромъ Немировской гимназіи; инспекторъ Императорской первой Казанской гимназіи, статскій совѣтникъ *Горскій*—директоромъ Сызранскаго реальнаго училища, съ

Библиотека "Руниверс"

26-го іюля 1874 года; инспекторы: Влоцлавской реальной гимназіи, коллежскій ассесоръ *Лебедевъ*, и Института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи *Поповъ*—директорами реальныхъ училищъ, первый—Влоцлавскаго и послѣдній—Ловичскаго; директоръ Сызранскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Кудряшевъ*, инспекторы народныхъ училищъ статскіе совѣтники: Симбирской губерніи *Ульяновъ*, Московской *Краснопѣвковъ* и Тверской *Дружининъ*, коллежскіе совѣтники: Костромской *Петровскій* и Калужской *Львовъ*, надворные совѣтники: Ярославской *Шпееръ* и Казанской *Износковъ*, титулярные совѣтники: Владимірской *Чеховичъ* и Вятской *Нурминскій*—директорами народныхъ училищъ губерній: Кудряшевъ—Самарской, Ульяновъ—Симбирской, Краснопѣвковъ—Московской, Дружининъ—Тверской, Петровскій—Костромской, Львовъ—Калужской, Шпееръ—Ярославской, Износковъ—Казанской, Чеховичъ—Владимірской и Нурминскій—Вятской, всѣ съ 11-го іюля 1874 года; причисленные къ министерству народнаго просвѣщенія: статскій совѣтникъ *Оранскій*, коллежскій совѣтникъ *Григорьевъ* и инспекторъ народныхъ училищъ Воронежской губерніи, коллежскій совѣтникъ *Кулжинскій*—директорами народныхъ училищъ губерній: Оранскій—Курской, Григорьевъ-Тамбовской и Кулжинскій—Воронежской, всѣ съ 26-го іюля 1874 года, первые двое съ отчисленіемъ отъ министерства народнаго просвѣщенія; директоръ Полтавской гимназіи, статскій совѣтникъ *Кулжинскій*, инспекторъ народныхъ училищъ Полтавской губерніи, статскій совѣтникъ *Добротворскій*, учители гимназій: статскіе совѣтники: Псковской *Соколовъ* и Уфимской *Чоглоковъ*—директорами народныхъ училищъ губерній: Кулжинскій—Черниговской, Добротворскій—Полтавской, Соколовъ—Олонецкой и Чоглоковъ—Пермской, всѣ съ 28-го іюля 1874 года, изъ нихъ Кулжинскій съ оставленіемъ на службѣ на пять лѣтъ, считая съ 30-го декабря 1873 года; инспекторъ Нижегородской гимназіи, статскій совѣтникъ *Овсянниковъ* и учитель Кіевской 1-й гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Богатиновъ*—директорами народныхъ училищъ: первый—Нижегородской, а второй—Екатерино-

Библиотека "Руниверс"

славской губерній, оба съ 1-го августа 1874 года; инспекторъ народныхъ училищъ Смоленской губерніи, коллежскій совѣтникъ *Олонцевъ*—директоромъ народныхъ училищъ Витебской губерніи, съ 5-го августа 1874 года; инспекторъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской, коллежскій совѣтникъ *Бѣляевскій*—директоромъ учительскаго института въ гор. Глуховѣ, съ 26-го іюля 1874 года.

Перемѣщается: директоръ Немировской гимназіи, надворный совѣтникъ *Шульженко*—директоромъ Полтавской гимназіи.

Опредѣляется на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія изъ отставныхъ: статскій совѣтникъ *Крупенинъ*, съ утвержденіемъ директоромъ народныхъ училищъ Оренбургской губерніи, съ 11-го іюля 1874 года.

Командируется въ разныя губерніи Россіи: дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь *Тюльпановъ*.

Продолжается срокъ отпуска за границу: управляющему Варшавскимъ рисовальнымъ классомъ, въ званіи камергера, *Ляхницкому*, и доценту Императорскаго Дерптскаго университета *Рюлю*, первому—по болѣзни, на двадцать восемь дней, и послѣднему — на два мѣсяца.

Увольняются въ отпускъ, въ Россіи: Ковенскій директоръ народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ *Савельевъ* — на десять дней, въ Псковскую и С.-Петербургскую губерніи; дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь *Комовскій* — на три недѣли, въ Ярославскую, Курскую, Полтавскую и Кіевскую губерніи; помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ *Пироговъ* — на два мѣсяца, по болѣзни, въ С.-Петербургскую губернію; *за границу:* врачъ Императорскаго историко-филологическаго института, докторъ медицины *Левесъ*—на двадцать восемь дней, съ 20-го августа 1874 года; врачъ Бердянской женской прогимназіи *Гольдштейнъ*—по болѣзни, на два мѣсяца; докторъ ме-

Библиотека "Руниверс"

дицины Императорскаго Московскаго университета *Остроумовъ*— на четыре мѣсяца.

Отчисляется отъ министерства народнаго просвѣщенія: кандидатъ Московской духовной академіи *Первухинъ* по случаю окончанія возложеннаго на него порученія, съ 1-го іюля 1874 года.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: начальницѣ Омской женской гимназіи *Буланже* — за примѣрное исполненіе ею своихъ обязанностей; предсѣдателю Чистопольской земской управы *Якубовичу* и мировому посреднику 1-го участка Васильковскаго уѣзда, Кіевской губерніи, *Троицкому* — за усердіе ихъ къ дѣлу народнаго образованія.

24-го августа 1874 года. (№ 27). *Утверждаются*: инспекторъ Казанской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Островскій* — директоромъ Казанской третьей гимназіи, съ 10-го августа 1874 года; инспекторъ С.-Петербургской Введенской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Груздевъ*—директоромъ С.-Петербургской Введенской шестиклассной прогимназіи, съ 10-го августа 1874 года; директоръ Орловскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Померанцевъ*, инспекторъ Вологодской гимназіи, статскій совѣтникъ *Левицкій*, инспекторы народныхъ училищъ губерній: Херсонской, коллежскій совѣтникъ *Соловьевъ*, Псковской, коллежскій ассесоръ *Скляровъ*, и Бессарабской *Исаинъ*—директорами народныхъ училищъ губерній: Померанцевъ—Пензенской, Левицкій — Вологодской, Соловьевъ—Херсонской, Скляровъ—Псковской и Исаинъ—Бессарабской, первый съ 14-го, второй съ 20-го, третій съ 13-го и послѣдніе двое съ 14-го августа 1874 года; инспекторъ народныхъ училищъ Пензенской губерніи, статскій совѣтникъ *Хохряковъ* и *изъ отставныхъ* статскій совѣтникъ *Щерецкій*—директорами вновь открываемыхъ учительскихъ семинарій: Хохряковъ—Пензенской, съ 6-го августа 1874 года, а Щерецкій—въ м. Новомъ-Бугѣ, Херсонской губерніи, съ 17-го августа 1874 года.

Назначается: учитель Кіевской второй гимназіи, состоящій въ VIII классѣ, *Горватъ*—исправляющимъ должность директора Московской шестой гимназіи.

Библиотека "Руниверс"

Опредѣляется: потомственный почетный гражданинъ, временно Московскій 1-й гильдіи купецъ *Глинскій* — почетнымъ попечителемъ учительской семинаріи въ с. Поливановѣ, Подольскаго уѣзда Московской губерніи, съ 13-го августа 1874 года.

Продолжается срокъ отпуска: инспектору народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской *Соловьеву*—въ разныя губерніи Россіи, на двадцать пять дней; директору Динабургскаго реальнаго училища, статскому совѣтнику *Невзорову*—по болѣзни, за границу, по 8-е сентября 1874 года.

Отчисляется отъ министерства народнаго просвѣщенія: причисленные къ сему министерству: коллежскій совѣтникъ *Миловидовъ* и магистръ Московской духовной академіи *Хупотскій*, первый – за опредѣленіемъ его учителемъ въ Тульскую гимназію и послѣдній — по случаю окончанія возложеннаго на него порученія, оба съ 1-го августа 1874 года.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: президенту гор. Влоцлавска, Варшавской губерніи, отставному капитану *Добровольскому*—за усердіе къ дѣлу народнаго образованія.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ народнаго просвѣщенія, постановлено:

«*Международные словари для среднихъ учебныхъ заведеній*, составленные по программѣ министерства народнаго просвѣщенія *Н. Макаровымъ*. Часть *французско-русская*. Спб. 1873 г. Часть *русско-французская*. Спб. 1874 г.»—признать заслуживающими высокой чести посвященія Августѣйшему Имени Государя Императора и предпочтительной передъ другими словарями ре-

Библиотека "Руниверс"

комендаціи, какъ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

На посвященіе этихъ словарей Августѣйшему Имени Государя Императора послѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

Въ виду несомнѣнныхъ достоинствъ этихъ словарей, которые при особенной ихъ полнотѣ отличаются и рѣдкою дешевизною, при чемъ для учебныхъ заведеній дѣлается еще уступка въ 20%, г. министръ народнаго просвѣщенія изволилъ предложить начальствамъ учебныхъ округовъ о пріобрѣтеніи означенныхъ словарей для учебныхъ заведеній, предпочтительно предъ всѣми другими подобнаго рода изданіями.

Книги: 1) «*Естественная исторія пчелы и наставленіе къ разумному пчеловодству*. Съ 63-мя рисунками, на одной, особо приложенной таблицѣ. Составилъ *О. Паульсонъ*. Второе измѣненное и дополненное изданіе. Кіевъ. 1872 г.» — одобрить для народныхъ школъ и учительскихъ семинарій.

2) «*Cours élémentaire méthodique et pratique de langue française par E. Varon*. 1-re et 2 partie. Helsingfors. 1874 г.» — рекомендовать какъ руководство для мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій, а также реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

3) «*Географическую таблицу*. Курсъ I-го и II-го классовъ. Составилъ *Н. Лыткинъ*» — рекомендовать какъ необходимое учебное пособіе при преподаваніи географіи въ I-мъ и II-мъ классахъ гимназій, прогимназій и другихъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

4) Издаваемыя книгопродавцемъ Черкесовымъ книги: а) «*Физика проф. Балфура Стюарта*»; б) «*Физическая географія пр. Гейки*»; в) «*Химія пр. Роско*. Переводъ съ англійскаго» — рекомендовать для ученическихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ семинарій.

5) «*Руководство къ физикѣ. В. Полкотыцкаго*» — рекомендо-

Библиотека "Руниверс"

вать какъ руководство физики для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

6) «*Учебникъ химіи.* Составилъ преподаватель С.-Петербургскаго реальнаго училища *Ковалевскій*»—рекомендовать какъ руководство для преподаванія химіи въ реальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія.

7) «*Хрестоматія какъ пособіе при изученіи русской словесности и при повтореніи граматики.* Часть 2-я. Составилъ *А. Семеновъ.* Изданіе 3-е исправленное (Москва. 1874 г.)» — одобрить какъ пособіе при изученіи русской словесности и при повтореніи граматики.

8) «*Наука грамотѣ съ изборникомъ для послѣдовательнаго письма съ голосу. П. Перевлѣсскаго.* Начальный учебникъ роднаго языка. Изданіе 2-е, 1874 г.» — одобрить какъ учебное пособіе.

9) «*Таблицу удѣльнаго періода Русской исторіи.* Составилъ *Пикторскій*» — одобрить для употребленія въ классной комнатѣ, гдѣ проходится русская исторія.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра постановлено:

Книги подъ заглавіями: 1) «*Сказка объ Иванѣ Царевичѣ и Сѣромъ Волкѣ.* Соч. *В. И. Соболева.* Москва. 1873 г.»—допустить для чтенія въ народныя училища.

2) «*Исторія Россіи.* Съ картинками, для народныхъ училищъ. Сочин. *М. Острогорскій.* Цѣна 15 коп. Спб. 1874 г., въ 12 дол. стр. 66»—одобрить для чтенія въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

3) «*Животныя, полезныя для полей и лѣсовъ.* Соч. *П. Аникіевъ.*

Библиотека "Руниверс"

Спб. 1874 г.» (изъ народныхъ чтеній въ Соляномъ городкѣ)— одобрить для народныхъ училищъ и для книжныхъ складовъ.

4) Изданную княгинею Маріею *Барятинскою* книгу, подъ заглавіемъ: «*Начатки*. Приготовленіе къ христіанскому ученію, въ вопросахъ и отвѣтахъ, приспособленное къ дѣтскому возрасту. С.-Петербургъ. 1873 г.»—рекомендовать какъ полезное пособіе при преподаваніи Закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

5) «*Бесѣды о главнѣйшихъ потребностяхъ тѣлесной жизни человѣка*. (Опытъ народной гигіены). Съ 21 рисункомъ въ текстѣ. *С. Бобровскаго*. Спб. 1873 г. Цѣна 35 коп.»—одобрить для библіотекъ учительскихъ семинарій и народныхъ школъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, 27-го числа истекшаго августа, изволилъ осчастливить своимъ посѣщеніемъ Николаевскія мужскую и женскую гимназіи и Константиновскую школу грамотности и осмотрѣть всѣ классы въ сихъ заведеніяхъ; того же числа Государь Императоръ изволилъ осчастливить своимъ посѣщеніемъ Николаевское реальное училище, воспитанниками коего исполненъ былъ народный гимнъ.

— 27-го минувшаго августа, въ присутствіи г. попечителя Дерптскаго учебнаго округа, помощника его, управляющаго Лифляндскою губерніею, первенствующаго бургомистра г. Риги, директора Александровской гимназіи, членовъ управленія училищъ и выборныхъ отъ городскаго общества, послѣдовало въ г. Ригѣ открытіе двухъ начальныхъ училищъ, одного для мальчиковъ, и одного для дѣвочекъ, съ присвоеніемъ этимъ училищамъ наименованія «Петровскихъ», въ память совершившагося 30-го мая 1872 года празднованія 200-лѣтней годовщины дня рожденія Императора Петра Великаго.

По прочтеніи директоромъ Рижской Александровской гимназіи, ближайшему вѣдѣнію котораго подчинены означенныя учи-

Библиотека "Руниверс"

лища, краткой записки о причинахъ, побудившихъ Рижскій магистратъ ходатайствовать объ открытіи ихъ, законоучитель Александровской гимназіи отслужилъ въ каждомъ училищѣ молебствіе съ водосвятіемъ и сказалъ приличное случаю слово, послѣ чего провозглашено было многолѣтіе Государю Императору, Государю Наслѣднику Цесаревичу и всему царствующему дому и вѣчная память въ Бозѣ почивающему Императору Петру Первому, именемъ котораго названы эти училища.

Ко времени открытія въ училища принято: въ мужское 28 мальчиковъ и въ женское 16 дѣвочекъ. Преподаваніе въ этихъ училищахъ введено на русскомъ языкѣ.

— 24-го августа сего года Казанская прогимназія преобразована въ классическую третью гимназію. Нынѣ открыты V-й и VI-й классы оной, въ которые принято въ V—23 ученика и въ VI—22 ученика.

— 30-го августа сего года послѣдовало открытіе учительской семинаріи въ с. Поливановѣ, Подольскаго уѣзда, Московской губерніи, слѣдующимъ порядкомъ: въ мѣстной домовой церкви, въ присутствіи командированнаго начальствомъ округа для открытія семинаріи окружнаго инспектора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Кулина, наставниковъ и воспитанниковъ семинаріи, а также предназначеннаго на должность директора семинаріи статскаго совѣтника Григорьева, уѣзднаго исправника и владѣльца с. Поливанова, была совершена божественная литургія, за которою послѣдовало молебствіе съ возглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему царствующему дому; за тѣмъ окружнымъ инспекторомъ были прочитаны: Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи учительской семинаріи въ Московскомъ учебномъ округѣ и распоряженія министерства народнаго просвѣщенія и начальства Московскаго учебнаго округа, послѣдовавшія въ исполненіе таковой Высочайшей воли, послѣ чего статскій совѣтникъ Григорьевъ поименовалъ служащихъ лицъ и прочиталъ списокъ воспитанниковъ семинаріи, ознакомивъ присутствующихъ съ порядкомъ ежедневныхъ занятій воспитанни-

Библиотека "Руниверс"

ковъ. Въ заключеніе всѣ воспитанники пропѣли народный гимнъ: «Боже Царя храни». Въ означенную семинарію принято 47 воспитанниковъ, изъ нихъ 34 переведены изъ упраздненной учительской школы Московскаго земства, и 13 поступили вновь,—трое стипендіатами Московскаго земства и десять — казенными стипендіатами. Начало классовъ послѣдовало 2-го октября.

— Въ первомъ городскомъ училищѣ въ Москвѣ, преобразованномъ изъ уѣзднаго, 2-го сентября, передъ началомъ ученія, происходило молебствіе въ присутствіи служащихъ и учащихся, а также родителей и родственниковъ сихъ послѣднихъ. Всѣхъ учащихся въ означенномъ училищѣ состоитъ въ I-мъ классѣ—51 и во II-мъ — 59, въ томъ числѣ вновь принятыхъ 60; сверхъ того отказано въ пріемѣ 63-мъ лицамъ, о принятіи которыхъ были поданы прошенія.

— Въ селѣ Удосоло, Ямбургскаго уѣзда, С.-Петербургской губерніи, послѣдовало 8-го сентября 1874 года открытіе двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія. Училище это открыто во вновь выстроенномъ домѣ, имѣющемъ два класса, приблизительно на 100 учениковъ, сборную комнату, мастерскую, библіотеку и двѣ учительскія квартиры. Училище снабжено библіотекою, мебелью лучшаго образца и необходимыми учебными пособіями. Въ мастерской имѣются два столярныхъ станка съ полнымъ приборомъ. Мѣстный землевладѣлецъ Ал. Ив. Блокъ пожертвовалъ въ библіотеку до 800 томовъ книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія.

— На основаніи Высочайше утвержденныхъ $\frac{\text{25-го мая}}{\text{6-го іюня}}$ 1874 г. мнѣнія государственнаго совѣта объ измѣніи управленія низшими учебными заведеніями министерства народнаго просвѣщенія и положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, открыты слѣдующіе училищные совѣты:

Губернскіе: Самарскій—4-го іюля 1874 года; Екатеринославскій—25-го іюля 1874 года; Казанскій—3-го августа 1874 года; Симбирскій—15-го августа 1874 года; Владимірскій—19-го августа 1874 года.

Библиотека "Руниверс"

Уѣздные: 1) Казанской губерніи: Казанскій; Цивильскій — 15-го іюля 1874 года; Лаишевскій—9-го августа 1874 года; Тетюшскій — 13-го августа 1874 года.

2) Нижегородской губерніи: Балахнинскій—12-го іюля 1874 года; Княгининскій—12-го іюля 1874 года; Нижегородскій—20-го іюля 1874 года; Ардатовскій—30-го іюля 1874 года; Сергачскій — 7-го августа 1874 года; Горбатовскій—11-го августа 1874 года; Семеновскій—16-го августа 1874 года; Макарьевскій—19-го августа 1874 года; Лукояновскій—21-го августа 1874 года; Арзамасскій—23-го августа 1874 года; Васильскій—2-го сентября 1874 года.

— Въ Псковѣ по благословенію святѣйшаго сѵнода, съ 1867 года, издается священникомъ Константиномъ Голубевымъ журналъ «Истина» примиряющій раскольниковъ съ церковію православною; журналъ этотъ разсылается въ приходы, зараженные расколомъ по Имперіи, — чрезъ что весьма замѣтно слабѣетъ прежній фанатизмъ раскола и являются весьма частыя добровольныя возсоединенія бывшихъ раскольниковъ съ церковію православною. Два раза святѣйшій сѵнодъ циркулярными указами рекомендовалъ чрезъ епархіальныхъ архіереевъ всему православному духовенству выписывать журналъ «Истину» для руководства въ полемикѣ съ расколомъ.

Въ годъ выходитъ 6 книжекъ «Истины», — подписная цѣна съ пересылкою 3 рубля. Недостаточные подписчики, по рекомендаціи ихъ начальствъ, пользуются половинною уступкою въ цѣнѣ.

— Редакторъ-издатель журнала «Досугъ и Дѣло» Александръ Погосскій, нынѣ умершій, издалъ описаніе «Обороны Севастополя. Бесѣды о войнѣ 1853—1855 гг. для войскъ и для народа. Спб. 1873 г.», заключающее въ себѣ повѣсть чести, славы и любви защитниковъ къ отечеству и имѣющее, въ виду настоящей воинской повинности, глубоко поучительное для всего Русскаго народа значеніе.

Описаніе это одобрено особымъ отдѣломъ ученаго комитета

Библиотека "Руниверс"

министерства народнаго просвѣщенія для библіотекъ народныхъ школъ.

Нынѣ министръ народнаго просвѣщенія изволилъ приказать предложить чрезъ журналъ министерства начальствамъ учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ и народныхъ школъ, министерства народнаго просвѣщенія пріобрѣсти, если пожелаютъ, означенную книгу прямо отъ вдовы Погосскаго, по взаимному съ нею соглашенію.

Адрессъ редакціи журнала «Досугъ и Дѣло», гдѣ помѣщается и вдова Погосская, слѣдующій: С.-Петербургъ, Большая Московская улица, домъ Владимірской церкви.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

КАЗАНСКІЯ ГИМНАЗІИ ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ [1].

VI.

Празднество 21-го апрѣля 1773 года замѣчательно въ томъ отношеніи, что оно было послѣднимъ. Надолго послѣ него, прекратились въ Казани всякія торжества и театральныя зрѣлища [2]). Въ сопредѣльномъ съ Казанскою губерніей Оренбургскомъ краѣ было очень неспокойно; явленіе самозванца между Яицкими казаками наводило уныніе и страхъ на всѣхъ. Съ этого времени въ дѣлахъ гимназическихъ чаще и чаще начинаютъ встрѣчаться бумаги, касающіяся не столько устройства учебной части или внѣшняго благосостоянія гимназій, сколько мѣръ предосторожности на случай внезапныхъ тревогъ. Очевидно, что хотя гроза проходила еще далеко, однако горизонтъ уже помрачался сильно и здѣсь: паника увеличивалась.

Впрочемъ, нечего и удивляться распространявшемуся здѣсь унынію. Пугачъ, проявившійся на Яикѣ подъ именемъ „государя Петра Ѳедоровича", за три мѣсяца до настоящихъ происшествій находился въ Казани, какъ арестантъ, но пользовался значительною свободою и ходилъ по городу; въ острогѣ его посѣщали многіе доброжелатели, и при ихъ помощи, среди бѣлаго дня, онъ ускакалъ въ повозкѣ изъ города. Теперь очевидными становились для всѣхъ, съ одной стороны крайняя оплошность начальства въ отношеніи къ важному арестанту, а съ другой — то, что этотъ арестантъ имѣлъ въ городѣ и въ губерніи надежныхъ единомышленниковъ и пособниковъ.

Неумѣстно излагать здѣсь исторію Пугачевскаго бунта, но при всемъ томъ нельзя не войдти въ нѣкоторыя подробности объ этомъ

---

[1]) *Окончаніе.* См. майскую и іюльскую книжки *Журнала Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ.

[2]) *Рибушкинъ*, Ист. Казани, I, 123,—утверждаетъ, что никакихъ театральныхъ представленій не было до 1791 года.

Библиотека "Руниверс"

событіи, имѣвшемъ важныя послѣдствія для Казани и Казанскихъ гимназій.

Извѣстно, что Пугачевъ, въ концѣ 1772 года, былъ арестованъ въ селѣ Малыковѣ (нынѣ гор. Вольскъ Саратовской губерніи), какъ подговорщикъ волновавшихся Яицкихъ казаковъ къ выселенію, по примѣру Некрасовцевъ, въ турецкія владѣнія, на рѣку Лабу. Пересылаемый для допросовъ и передопросовъ по инстанціямъ, Пугачевъ изъ Симбирской воеводской канцеляріи былъ отправленъ въ Казань, куда и приведенъ 4-го января 1773 года. Казанскій губернаторъ фонъ-Брантъ, „сей любви достойный наукъ любитель" какъ называлъ его Мелиссино,—„только поглядѣлъ на приведеннаго арестанта". Черезъ нѣсколько дней губернаторскій секретарь Адріанъ Абрамовъ потребовалъ Пугачева въ канцелярію и прочиталъ ему допросъ, снятый съ него въ Малыковѣ; а когда Пугачевъ отрекся отъ взведенныхъ на него показаній, то „секретарь, не дѣлая никакого письменнаго допроса, только плюнулъ и приказалъ съ рукъ сбить желѣза". Вообще на этого арестанта не было обращено большаго вниманія: въ ту пору не считались рѣдкостью разглашатели разныхъ толковъ о дѣлахъ Яицкихъ казаковъ, и фонъ-Брантъ, донося сенату 21-го марта, признавалъ Пугачева просто „вралемъ". Тѣмъ не менѣе 6-го мая послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы Пугачева, наказавъ, за его враки и за утайку своего званія, плетьми, сослать въ городъ Нелымъ, и тамъ, употребляя его въ работу, въ какую годенъ будетъ, производить кормовыхъ по три копѣйки на день, но смотрѣть за нимъ на-крѣпко, чтобы не сдѣлалъ оттуда побѣгу.

Эта резолюція получена была въ Казани 1-го іюня, а за три дня до того, 28-го мая, Пугачевъ бѣжалъ...

Принятъ былъ Пугачевъ какъ колодникъ секретный, и первоначально содержался при губернской канцеляріи; но послѣ, въ ожиданіи отвѣта изъ Петербурга, перемѣщенъ въ общій острогъ, гдѣ содержался вмѣстѣ съ другими арестантами, безъ особенныхъ предосторожностей. Его не только высылали на разныя казенныя работы наравнѣ съ простыми колодниками, но выпускали также ходить по городу для сбора милостыни и къ разнымъ благодѣтелямъ. Благодѣтелей же онъ пріобрѣлъ себѣ довольно, потому что, какъ самъ говорилъ впослѣдствіи, „велъ порядочную жизнь, вина тогда не пилъ и временемъ молился Богу, почему прочіе колодники, также и солдаты, почитали его добрымъ человѣкомъ". Отъ этого и подаянія ему дѣлались значительнѣе: нѣкоторые вдругъ по рублю и больше, спраши-

Библиотека "Руниверс"

вали при подачѣ именно: кто, де, здѣсь Емельянъ Пугачевъ?—вотъ, де, ему рубль. Такимъ образомъ у него постоянно водились и порядочныя деньги. Особеннымъ благотворителемъ для него былъ зажиточный Казанскій купецъ Василій Григорьевъ Щелоковъ, ревностный раскольникъ и пріятель Иргизскаго игумена Филарета, у котораго Пугачевъ имѣлъ пріютъ, по выходѣ изъ знаменитой Вѣтки. Щелоковъ не только присылалъ ему неоднократно милостыню, но хлопоталъ за него у губернатора и давалъ взятки секретарю. Чрезъ Щелокова же онъ подбился въ милость къ другому важному раскольнику, Московскому купцу Ивану Иванову Хлѣбникову, который также обѣщалъ ходатайствовать объ его освобожденіи. Секретарь губернаторской канцеляріи даже положительно обнадеживалъ въ этомъ Пугачева: „Будетъ, мой другъ время"—говорилъ онъ ему. Законнаго освобожденія не послѣдовало; но льготы и послабленія въ содержаніи открыли Пугачеву возможность побѣга.

Въ числѣ арестантовъ былъ купецъ изъ пригорода Алата Парѳенъ Дружининъ, содержавшійся по какимъ-то казеннымъ взысканіямъ, но ожидавшій себѣ наказанія кнутомъ и ссылки, отчего и поговаривалъ: „Бѣжалъ бы куда ни есть, только не знаю, гдѣ скрыться будетъ". Съ нимъ особенно сдружился Пугачевъ и поддержалъ въ немъ мысль о побѣгѣ, утѣшая: „Если бы, де, можно было отсель уйдти, такъ бы я тебя вывелъ на Донъ, а тамъ бы вѣрно нашли мѣсто, гдѣ прожить". Дѣло было полажено тѣмъ скорѣе, что содѣйствовать побѣгу согласился еще одинъ изъ солдатъ, въ которомъ Пугачевъ замѣтилъ „малороссійскую наклонность къ неудовольствію въ его жизни". Дружининъ поручилъ своему сыну приготовить лошадь и кибитку и въ назначенное время поджидать ихъ. Утромъ 28-го мая, Дружининъ съ Пугачевымъ отпросились у караульнаго офицера къ одному знакомому попу для полученія милостыни. Провожатыми ихъ были два солдата, изъ которыхъ одинъ, какъ сказано, самъ участвовалъ въ замыслѣ. Попа, однако, они не застали дома и потому возвратились въ острогъ, а потомъ, часа черезъ два, „въ обѣдъ", опять отправились къ нему. На этотъ разъ попъ оказался дома, радушно принялъ колодниковъ и ихъ конвойныхъ и на данныя Дружининымъ деньги купилъ вина и меду. Заговорщики пили умѣренно, „а болѣе старались подпоить не согласнаго къ побѣгу солдата", и вполнѣ достигли своей цѣли. Тогда они распрощались съ попомъ, сказавъ, что идутъ въ острогъ; попъ проводилъ ихъ за ворота и хлопнулъ за ними калиткой. Какъ же скоро вышли, то сынъ Дружинина на одной лошади,

Библиотека "Руниверс"

запряженной въ кибитку, ѣдетъ на встрѣчу, къ которому Дружининъ, хотя и зналъ, что сынъ его ѣдетъ, но чтобъ отвесть въ смотрителяхъ подозрѣніе, закричалъ: „Ямщикъ, что возьмешь довезть до острогу?" А сынъ сказалъ: „Много ли васъ?" А какъ ему сказано, что четверо, то запросилъ 5 копѣекъ, за которую плату всѣ четверо, а сынъ Дружинина пятый, и сѣли, и покрылъ тотъ мнимый для другихъ извощикъ привязанною къ кибиткѣ рогожкой, и такъ поѣхали, говоря несогласному солдату къ побѣгу, что ѣдутъ въ острогъ. А какъ закрытые всѣ рогожкою ѣдутъ долго, то солдатъ спрашивалъ: „Что, де такъ долго ѣдемъ?" На то ему Пугачевъ отвѣчалъ: „Видно, де, не въ ту дорогу поѣхали". Когда же выѣхали на Арское поле, то рогожку открыли, и солдатъ удивился, что за чудо, и спрашивалъ, зачѣмъ выѣхали изъ Казани. „Оставайся, де, съ благополучіемъ!" А сами въ путь поѣхали; онаго солдата отнюдь не били...

Такія подробности о побѣгѣ сообщилъ самъ Пугачевъ, когда его допрашивали 16-го сентября 1774 года въ отдѣльной секретной коммиссіи въ Яицкомъ городѣ [1]).

Но и самый побѣгъ Пугачева, какъ кажется, не возбуждалъ на первыхъ порахъ въ Казани особенныхъ опасеній. Донесеніе о побѣгѣ его, написанное только 21-го іюня, пролежало не отправленнымъ еще семь дней; а между тѣмъ эти четыре недѣли надѣлали много разницы въ успѣхахъ Пугачева. Кромѣ того, есть поводъ думать, что первоначальныя распоряженія о поимкѣ бѣжавшихъ арестантовъ были разосланы въ такія мѣста, гдѣ Пугачеву не зачѣмъ было и скрываться... Все это раскрылось уже впослѣдствіи, но и то не разъяснило дѣла вполнѣ за смертію Бранта; а секретарь Абрамовъ оправдался тѣмъ, что онъ дѣйствовалъ какъ подчиненный...

И вотъ этотъ-то бѣжавшій арестантъ-бродяга, черезъ три мѣсяца послѣ побѣга изъ Казани, поднимаетъ все Яицкое казачье войско, забираетъ крѣпости и станицы, осадилъ самый Оренбургъ. Забунтовали Башкиры и начали грабить и раззорять русскія селенія; другіе инородцы этого края, Чуваши, Мордва, Черемисы, также волновались и приставали къ бунтовщикамъ. Киргизскій ханъ Нурали вошелъ въ сношенія съ самозванцемъ и готовится къ набѣгамъ. Крестьяне господскіе и горнозаводскіе явно выказывали свою приверженность къ Пугачеву, провозглашавшему полную свободу. Въ короткое время мя-

---

[1]) *Чт. Моск. Общ. Ист.* 1858, ч. II, стр. 8—10, 42; 1859, ч. III, стр. 104.— *Москвитянинъ*, 1845, № 9, стр. 26—31.

Библиотека "Руниверс"

тежное броженіе умовъ охватило весь край отъ Яика до Волги, Камы, Вятки и Тобола, край, занимаемый нынѣшними губерніями Оренбургскою, Самарскою, Уфимскою, Казанскою, Вятскою, Пермскою, Тобольскою. Вездѣ образовались шайки, предводители которыхъ, титулуя себя атаманами, есаулами и полковниками „государя-батюшки Петра Ѳедоровича", распространяли Пугачевскіе манифесты, захватывали казенное имущество, грабили и убивали всѣхъ остававшихся вѣрными законному правительству. При напряженномъ состояніи силъ государства, какъ по случаю военныхъ дѣйствій въ Турціи и Польшѣ, такъ и по причинѣ недавно свирѣпствовавшей чумы и вызванныхъ его мѣръ,—нельзя было ручаться за сохраненіе спокойствія и во внутреннихъ губерніяхъ.

При всей своей рѣшительности и находчивости, императрица Екатерина не безъ тревожнаго чувства взглянула на возникшее бѣдствіе: по странному стеченію обстоятельствъ, появленіе самозванца совпадало съ наступленіемъ совершеннолѣтія государя наслѣдника Павла Петровича [1]). Наскоро собрано нѣсколько ротъ и эскадроновъ изъ Петербурга, Новгорода и Москвы и отправлены въ Казань. Начальство надъ этими войсками, высочайшимъ указомъ 14-го октября 1773 года, поручено генералъ-маіору Кару, пріобрѣвшему большую извѣстность своими воинскими способностями во время дѣйствій въ Польшѣ. Губернаторамъ Оренбургскому Рейнсдорпу и Казанскому Бранту повелѣно оказывать всякое вспоможеніе Кару, которому вообще предоставлено было право распоряжаться вездѣ именемъ государыни. Вмѣстѣ съ этимъ обнародованъ повсемѣстно манифестъ о появленіи самозванца и о принятыхъ противъ мятежа мѣрахъ. Независимо отъ того, государыня особымъ рескриптомъ Казанскому архіепископу Веніамину повелѣла, чтобъ онъ составилъ для священниковъ подвѣдомой ему епархіи [2]) наставленія, кои бы они своимъ прихожанамъ во

---

[1]) Вѣсть о самозванствѣ Пугачева, какъ сообщаетъ *Державина* (Записки, стр. 49), разнеслась въ Петербургѣ въ день свадьбы Павла Петровича, 29-го сентября 1773 года.

[2]) Къ Казанской епархіи тогда принадлежала значительная часть Оренбургскаго края; остальная же часть его относилась къ епархіи Тобольской, почему Веніаминъ о волѣ государыни сообщилъ Тобольскому епископу Варлааму, и тотъ также разослалъ по своей епархіи наставленія духовенству. *Чтенія Московскаго Общества Исторіи* 1859 г., I, стр. 51, 52. Епископъ Вятскій Варѳоломей также издалъ «Краткое увѣщаніе къ народу своей епархіи». См. *Чтенія Моск. Общ. Ист.* 1848, № 7, а также мое описаніе рукописей Казанскаго университета, въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1854, № 8, отд. III, стр. 44.

Библиотека "Руниверс"

увѣщаніе читать и тѣмъ удерживать ихъ могли отъ присоединенія къ самозванцу. Увѣщанія Веніамина могли имѣть особенную важность, потому что онъ, до перемѣщенія въ Казань, занималъ архіепископскую каѳедру въ Петербургѣ и въ 1762 году былъ очевидцемъ событій, сопровождавшихъ воцареніе Екатерины. И дѣйствительно, Веніаминъ, въ одномъ изъ своихъ увѣщаній, свидѣтельствуясь Богомъ, объявлялъ, что бывшій императоръ всероссійскій Петръ III скончался въ 1762 году; что тѣло его, привезенное на утренней зарѣ въ Александроневскій монастырь, было поставлено въ залѣ тѣхъ деревянныхъ покоевъ, въ которыхъ самъ Веніаминъ имѣлъ тогда жительство; что нѣсколько дней, по обычаю древнему, приходили туда для отданія ему послѣдняго христіанскаго долга вельможи, всякаго званія люди и простой народъ, и что въ присутствіи ихъ перенесено оно потомъ съ подобающею церемоніей въ церковь, гдѣ по отпѣтіи запечатлѣно земною перстью имъ самимъ [1]).

Что касается дѣйствій Казанскаго губернатора, то онъ еще до назначенія Кара успѣлъ собрать нѣсколько сотенъ гарнизонныхъ солдатъ, а также отставныхъ, поселенныхъ по Закамской чертѣ, и расположить ихъ преимущественно по рѣкѣ Черемшану (въ нынѣшнемъ Чистопольскомъ уѣздѣ Казанской губерніи) и у Кичуйской крѣпости [2]); на Волгу также высланъ былъ небольшой отрядъ для пре-

---

[1]) *Бантыша-Каменскаго*, Словарь достопам. людей, I, 264. *Энциклоп. Лексиконъ*, IX, 418.

[2]) Нынѣ село въ Бугульминскомъ уѣздѣ Самарской губерніи, № 434 Списка населенныхъ мѣстъ Самарской губ. Устройство Закамской черты или сторожевой линіи начато было въ XVII столѣтіи, когда значительно усилились набѣги кочевниковъ изъ Киргизскихъ степей. Этихъ линій было двѣ: первая, называвшаяся «Старою», начиналась отъ р. Волги у села Бѣлый Яръ (№ 2186, Ставропольскаго уѣзда Самарск. губ.) и тянулась на востокъ по направленію рѣчки Черемшана до устья р. Ика. Но когда эта линія оказалась ненадежнымъ оплотомъ для Казанской области, то въ 1732 году провели «новую» черту гораздо южнѣе первой, между р. Самарой и тѣмъ же Икомъ. На этихъ «чертахъ» поселены были стрѣльцы, бѣлопашенные казаки, ландмилиціонеры, драгуны и гвардейскіе солдаты. Такая колонизація прекратилась только въ 1764 году. Поселенцы, подъ именемъ «пахатныхъ солдатъ», составили особое сословіе, освобожденное отъ рекрутства, но обязанное выставить по востребованію въ военную службу всѣхъ годныхъ молодыхъ людей. Это и послужило поводомъ къ названію ихъ «молодѣтними». При учрежденіи министерства государственныхъ имуществъ, они обращены въ государственныхъ крестьянъ, что не обошлось безъ замѣшательствъ. См. Списки населенныхъ мѣстъ Казанской губ., стр. XLVII и слѣд., Самарской губ., стр. XXI. — Описаніе Закамскихъ линій, составленное *Иванинымъ*, помѣщено въ *Вѣстникѣ Ист. Геогр. Общ.* 1851, ч. I, отд. VI, стр. 57—72.

Библиотека "Руниверс"

слѣдованія разныхъ шаекъ, постоянно издревле появлявшихся на этой рѣкѣ. При всемъ томъ фонъ-Брантъ находилъ эти силы крайне недостаточными и просилъ Московскаго главнокомандующаго князя Волконскаго [1]) о присылкѣ войска, но и тотъ могъ отрядить не болѣе трехсотъ человѣкъ съ одною пушкою, и отправилъ ихъ въ Казань на подводахъ.

Не знаемъ, дождался ли фонъ-Брантъ прибытія этого отряда, только онъ, когда успѣхи Пугачевщины разгорѣлись, „возымѣлъ изъ

---

[1]) Князь Михаилъ Никитичъ Волконскій, сынъ князя Никиты Ѳедоровича, бывшаго при императрицѣ Аннѣ шутомъ и оберегателемъ ея гончей собаки (*Manstein*, Nachrichten von Russland, Leipzig, 1771, в. 340; въ русскомъ переводѣ ч. I, 61) и Аграфены Петровны, урожденной Бестужевой-Рюминой, сосланной при императорѣ Петрѣ II, род. 9-го октября 1713 года, ум. 8-го декабря 1788 года. Онъ ждетъ еще себѣ біографа: доселѣ напечатанныя его біографіи (*Бантыша-Каменскаго*, Словарь, I, 327; *Языкова*, Энциклоп. Лексиконъ, X, 356; *Бартенева*, Русскій Архивъ 1865, стр. 1039), весьма недостаточны. Его дѣятельность на поприщахъ военномъ, дипломатическомъ и административномъ была обширна и разнообразна. Въ родовомъ имѣніи князей Голицыныхъ-Прозоровскихъ, въ селѣ Зубриловкѣ, Балашовскаго уѣзда Саратовской губерніи (№ 629 Списка населен. мѣстъ Саратовской губ.), мы имѣли случай въ 1854—1855 гг. видѣть весьма значительную коллекцію писемъ и рескриптовъ къ князю М. Н. Волконскому отъ Елизаветы I, Петра III, Екатерины II и Павла (бывшаго еще наслѣдникомъ); кромѣ того, и дневники Волконскаго. О богатствѣ содержанія этихъ бумагъ, особенно эпохи Екатерининской, и говорить нечего. Нѣкоторыя извлеченія изъ этой коллекціи сообщены были въ *Москвитянинѣ* 1845 г., № 9, стр. 26 — 58; въ *Зрителѣ* 1863 г., №№ 12 — 20; въ *Русскомъ Архивѣ* 1865 г., стр. 1042 — 1080; въ *Осмнадцатомъ вѣкѣ* I, стр. 52 — 161. Тѣ же документы послужили матеріаломъ для статьи *Дубровина* «Наканунѣ перваго раздѣла Польши» (*Вѣстн. Европы* 1870, іюль, 191 — 251; Срав. 1868. ноябрь, 83, декабрь, 543). Но мы прибавимъ къ этому, что въ Зубриловкѣ, кромѣ того, находятся и бумаги графа А. П. Бестужева-Рюмина (приходившагося дядею Волконскому), А. В. Макарова, извѣстнаго кабинетъ-секретаря, на дочери котораго (Елизаветѣ Александровнѣ), былъ женатъ князь Волконскій; затѣмъ вообще фамильныя бумаги князей Голицыныхъ, особенно князя Сергѣя Ѳедоровича. Коллекція фамильныхъ портретовъ, вооруженій, утвари, жалованныхъ вещей, также значительны и любопытны. Все это заслуживало бы хорошаго добросовѣстнаго описанія. *Ф. Ф. Вигель* въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (*Русскій Вѣстникъ* 1864, № 2) сообщаетъ довольно извѣстій о Зубриловкѣ и ея владѣльцахъ; есть упоминаніе у *Я. К. Грота* въ примѣчаніяхъ къ «Сочиненіямъ Державина» (изд. 2-е, т. I, стр. 159). Извѣстное стихотвореніе Державина «Осень во время осады Очакова» называется также и «Осень въ селѣ Зубриловкѣ» и написано было для княгини Варв. Васил. Голицыной (урожденной Энгельгардтъ, племянницы Потемкина), супруги князя Сергѣя Ѳедоровича, находившагося тогда въ арміи Потемкина.

Библиотека "Руниверс"

Казани отсутствіе", уѣхалъ въ г. Козмодемьянскъ и передалъ управленіе губерніей Казанскому коменданту генералъ-поручику Петру Петровичу Баннеру.

Мѣры, принятыя Баннеромъ „для предохраненія города и къ наблюденію внутренней тишины и спокойствія", дѣлаются намъ извѣстными изъ дѣлъ гимназическихъ. Въ журналѣ 18-го октября 1773 года записано, что Баннеръ, между прочимъ, положилъ: „находящихся въ Казани конныхъ служивыхъ Татаръ распредѣлить по частямъ—для денныхъ и ночныхъ разъѣздовъ, — а у состоящихъ при въѣздѣ въ улицы рогатокъ учредить изъ нихъ же (то-есть, Татаръ) пикеты, подъ командой оберъ-офицеровъ, и тихо и порядочно ѣхавъ, накрѣпко смотрѣть, чтобы когда по улицамъ, а особенно въ ночное время, никакого шумства и собранія подлыхъ людей и отъ нихъ пѣсенъ и другихъ непристойностей чинимо не было, — а ослушниковъ приводить въ полицію". Вообще Казань поставлена была въ такъ-называемое „военное положеніе": позже седьмаго часа пополудни позволено было ходить по улицамъ города только по особымъ билетамъ. Предписано было также имѣть осторожность отъ огня, а паипаче того накрѣпко наблюдать, дабы не могло послѣдовать отъ какихъ-либо злодѣевъ зажигательнаго пожару. Вслѣдствіе всего этого Каницъ съ особенною строгостью требовалъ наблюденія за тѣмъ, чтобъ ученики гимназіи вели себя скромно.

Между тѣмъ генералъ Каръ, ѣхавшій противъ мятежниковъ съ увѣренностію на успѣхи Цезаревскіе, опасавшійся „только того, чтобы сіи разбойники, свѣдавъ о приближеніи командъ, не обратились бы въ бѣгъ, не допустя до себя оныхъ",—при самой первой встрѣчѣ съ бунтовщиками (8-го ноября), при деревнѣ Юзеевой [1]), потерпѣлъ значительную неудачу и смутился до крайности. Военной коллегіи онъ представлялъ уже, что для пораженія Пугачева нужны цѣлые полки съ надежною конницей и сильною артиллеріей. Не прошло недѣли, какъ случилось новое несчастіе: довольно сильный отрядъ, веденный въ Оренбургъ Симбирскимъ комендантомъ полковникомъ Чернышевымъ, въ виду Оренбурга былъ почти весь захваченъ Пугачевымъ. При извѣстіи объ этомъ, Каръ окончательно растерялся: онъ собирался ѣхать въ Петербургъ для переговоровъ съ графомъ З. Г. Чернышевымъ о средствахъ къ устраненію встрѣченныхъ имъ затрудне-

---

[1]) Въ 100 верстахъ отъ Оренбурга—№ 45 Списка насел. мѣстъ Оренбург. губерніи.

Библиотека "Руниверс"

ній въ недостаткѣ войскъ и снарядовъ. Графъ Чернышевъ положительнымъ образомъ запрещалъ такую поѣздку. Не смотря на то, Каръ, подъ предлогомъ „во всѣхъ костяхъ нестерпимаго лома", сдалъ командованіе войсками генералу Фрейману и поспѣшно ускакалъ въ Казань, а оттуда въ Москву. „По такой слабости духа въ персонѣ званія его, примѣромъ для подчиненныхъ своихъ быть долженствующей", государыня повелѣла исключить его изъ воинскаго стата и списковъ. Къ князю Волконскому она писала 7-го декабря: „Пошлите ему (Кару) сказать отъ меня, чтобъ онъ не дерзалъ казаться мнѣ на глаза, ниже ѣхать сюда", и проч. Волконскій доносилъ, что въ Москвѣ сильно раздражены поступкомъ Кара, всѣ говорятъ: „Какой это генералъ, что не могъ съ такими бездѣльниками справиться и самъ суды ушелъ! Его бы надо повѣсить" и проч. [1]).

Всѣ эти событія сдѣлались извѣстны въ Казани немедленно и послужили поводомъ къ всеобщимъ толкамъ. Они, какъ видно, занимали умы даже гимназистовъ. Въ этомъ отношеніи очень интересенъ гимназическій журналъ 20-го ноября, который мы приводимъ вполнѣ: „Понеже сегодняшняго числа услышано, что ученики гимназическіе, въ разсужденіи нынѣшнихъ обстоятельствъ, по пустому много болтаютъ и такія рѣчи, которыя подлый народъ на площади говорилъ, другъ другу въ классахъ пересказываютъ, — то симъ опредѣляется: всѣмъ гимназическимъ чинамъ симъ наикрѣпчайше приказать, чтобы воздерживались отъ всякихъ пустыхъ слышанныхъ рѣчей, а ожидали бы единственно отъ своей команды приказанія, которое—если какія обстоятельства потребуютъ, имъ порядочнымъ образомъ отдано быть имѣетъ. А если кто изъ учениковъ послѣ сего еще пустыя слышанныя рѣчи пересказывать будетъ, тотъ, какъ нарушитель покоя, жестоко штрафованъ и куда надлежитъ отосланъ быть имѣетъ. Порядочнымъ же ученикамъ и прочимъ чинамъ принадлежитъ то, что они, противъ сего приказанія, отъ кого-либо изъ здѣшнихъ учениковъ услышатъ, — тотчасъ бы въ командѣ о семъ объявляли".

---

[1]) *Осмнадцатый вѣкъ*, I, стр. 101.—Записки о жизни А. И. Бибикова, стр. 123.—*Пушкина*, Сочиненія, VI, стр. 37—42. *Л. К. Грота*, Матеріалы для исторіи Пугачевск. бунта, стр. 21—38. Впрочемъ, обвинять Кара въ трусости нельзя безусловно: недостатокъ войскъ и снарядовъ былъ крайне великъ, какъ это обнаружилось позднѣе при назначеніи главнокомандующимъ А. И. Бибикова. Князь М. Н. Волконскій тогда же (23-го ноября) совѣтовалъ усилить число войскъ.

Библиотека "Руниверс"

Но какія мѣры ни принимали въ Казани, чтобы „подлый народъ пустыхъ рѣчей на площадяхъ не говорилъ",—совершавшіяся событія произвели впечатлѣніе самое ужасающее. Большая часть дворянъ и купцовъ немедленно стали уѣзжать изъ Казани въ другія губерніи; множество такихъ эмигрантовъ собралось въ Москву и своими разсказами навели трепетъ на древнюю столицу. Бунтъ, происшедшій во время чумы, еще былъ въ свѣжей памяти у Москвичей и заставлялъ ихъ опасаться повторенія подобнаго бѣдствія, тѣмъ скорѣе, что между чернью обнаруживалось сочувствіе къ успѣхамъ Пугачева. Явились и злоумышленные подстрекатели.

Тогда назначенъ былъ начальникомъ военныхъ дѣйствій противъ бунтовщиковъ генералъ-аншефъ А. И. Бибиковъ, незадолго до того главнокомандовавшій всѣми русскими полками въ Польшѣ. Бибикову былъ извѣстенъ уже этотъ край: еще за десять лѣтъ раньше онъ усмирилъ волненіе крестьянъ на Уральскихъ заводахъ, извѣстное подъ названіемъ Дубинщины, и своимъ безпристрастіемъ и умѣньемъ различать истинно виновныхъ отъ замѣшанныхъ въ дѣло,—снискалъ общее довѣріе. Кромѣ того, Бибиковъ состоялъ въ свитѣ императрицы, когда она совершала путешествіе по Волгѣ. Поэтому назначеніе его встрѣчено было всѣми съ большими надеждами на успѣшный ходъ дѣла [1]).

Въ Казань пріѣхалъ Бибиковъ 25-го декабря 1773 года. Уныв-

---

[1]) Какъ смотрѣла императрица на тогдашнее положеніе дѣлъ въ Оренбургско-Казанскомъ краѣ, всего лучше выразила она сама въ письмѣ къ Новгородскому губернатору Я. Е. Сиверсу, *въ декабрѣ 1773 года*: «Два года тому назадъ у меня въ сердцѣ Имперіи была чума; теперь у меня на границахъ Казанскаго царства политическая чума, съ которою вамъ справиться нелегко. Любезный и достойный вашъ собратъ Рейнсдорпъ, вотъ уже цѣлыхъ два мѣсяца, осажденъ толпою разбойниковъ, производящихъ страшныя жестокости и опустошенія. Генералъ Бибиковъ отправляется туда съ войсками, прошедшими черезъ вашу губернію, чтобы побороть этотъ ужасъ XVIII столѣтія, который не принесетъ Россіи ни славы, ни чести, ни прибыли; но наконецъ съ Божіею помощію надѣюсь, что мы возьмемъ верхъ, ибо на сторонѣ этихъ каналій нѣтъ ни порядка, ни искусства; это сбродъ голытьбы, имѣющей во главѣ обманщика столь же безстыднаго, какъ и невѣжественнаго. По всей вѣроятности, это кончится повѣшаніями. Какая перспектива, г. губернаторъ, для меня, не любящей повѣшаній! Европа въ своемъ мнѣніи отодвинетъ насъ ко временамъ царя Ивана Васильевича! Вотъ та честь, которой мы должны ожидать для имперіи отъ этой жалкой вспышки. Я велѣла не дѣлать болѣе тайны изъ этой исторіи, ибо полезно, чтобы должностныя лица высказали о ней свое мнѣніе тѣмъ тономъ, которымъ слѣдуетъ говорить объ этомъ дѣлѣ....» См. *Русскій Архивъ* 1870 г., стр. 1431 и 1432.

Библиотека "Руниверс"

шій и опустѣвшій городъ, оставленный губернаторомъ и другими начальствующими лицами, сталъ оживляться: начали съѣзжаться дворяне, воротился и губернаторъ. Бибиковъ въ письмѣ къ своей женѣ выразился о немъ такъ: „Бѣдный старикъ губернаторъ, Брантъ, такъ замученъ, что насилу уже таскается“ [2]). Вообще изъ донесеній Бибикова и частныхъ его писемъ видно, что Казань и весь здѣшній край находились въ положеніи весьма дурномъ. По увѣренію Державина, уже въ 60 верстахъ отъ Казани разъѣзжали толпы вооруженныхъ Татаръ и всякой злодѣйской сволочи [3]). Бибикова въ особенности тревожило общее настроеніе умовъ и обширность пространства, охваченнаго мятежомъ. „Слѣпота, невѣжество въ здѣшнемъ краю по большей части жителей превосходитъ, кажется, всякое понятіе; сіе примѣчаю не только въ самой черни, но и въ здѣшнихъ краяхъ живущихъ отставныхъ офицерахъ“, доносилъ Бибиковъ вскорѣ по прибытіи въ Казань. „Не непріятель опасенъ, какое бы множество его ни было“, писалъ онъ къ графу З. Г. Чернышеву,—„но народное колебаніе, духъ бунта и смятеніе: тушить оное, кромѣ войскъ, въ скорости не видно еще теперь способовъ, а могутъ ли на такой обширности войска поспѣвать и дѣлиться“.... Спустя мѣсяцъ по прибытіи въ Казань, въ письмѣ къ Д. И. фонъ-Визину онъ повторяетъ то же самое: „Отвѣчаю за себя, что употребляю всѣ способы, и забочусь ежечасно, чтобъ истребить на толикомъ пространствѣ разлившійся духъ мятежа и бунта. Бить мы вездѣ начали злодѣевъ, да только сей саранчи умножилось до невѣроятнаго числа. Побить ихъ не отчаяваюсь; да успокоить почти всеобщаго черни волненія предстоятъ трудности. Болѣе жь всего неудобнымъ дѣлаетъ то великая обширность сего зла. Но буди воля Господня! дѣлаю и буду дѣлать что̀ могу. Неужели та проклятая сволочь не образумится? Вѣдь не Пугачевъ важенъ, да важно всеобщее негодованіе. А Пугачевъ — чучела, которою воры Яицкіе казаки играютъ... J'avais diaboliquement peur de mes soldats, qu'ils ne fassent pas comme ceux de garnison de mettre les armes bas vis-à-vis des rebelles. Mais non, ils les battent comme il faut et les traitent en rebelles. Ceci me donne du courage. Да то бѣда, какъ нарочно, все противу насъ: и снѣга, и мятели, и бездорожица. Но все однако же одолѣвать будемъ“.

Дѣйствительно, Бибиковъ своею энергіей, въ короткое время, одо-

---

[2]) *Пушкина*, Сочиненія, VI, 53.

[3]) *Державина*, Записки, стр. 55.

Библиотека "Руниверс"

лѣлъ многое, не смотря на всѣ затрудненія: важнѣе же всего было то, что онъ своимъ присутствіемъ поднялъ упавшихъ духомъ. Казанское дворянство, въ торжественномъ собраніи своемъ, 1-го января 1774 года опредѣлило, по бѣдственнымъ обстоятельствамъ, заразившимъ бунтомъ и измѣною нѣкоторыя селенія, прилежащія къ Оренбургской границѣ, къ скорѣйшему искорененію сего зла и къ возстановленію всеобщаго покоя и собственной своей безопасности, на первый случай и въ самой скорости, какъ только возможно, собрать конный корпусъ войскъ изъ собственныхъ своихъ людей и иждивенія съ числа двухъ сотъ душъ по одному человѣку вооружить и снабдить всѣмъ потребнымъ къ службѣ, а затѣмъ всѣмъ и каждому особливо пріуготовить себя на всякій потребный случай къ защищенію отечества, не щадя жизни. Шефомъ этого корпуса избрали они генералъ-маіора Ларіонова, родственника Бибикова, назначали также эскадронныхъ и ротныхъ начальниковъ, а Бибикова просили комплектовать этотъ корпусъ унтеръ-офицерами и капралами и принять его въ составъ командуемыхъ имъ войскъ. Государыня, получивъ донесеніе объ этомъ, указомъ 16-го января, повелѣла Бибикову объявить Казанскому дворянству монаршее благоволеніе за такой патріотическій поступокъ, а корпусъ принять въ свою команду и употреблять оный, гдѣ и какимъ образомъ на мѣстѣ за лучшее усмотрится. Но для дворянства драгоцѣннѣе всего было слѣдующее собственноручное письмо государыни къ Бибикову, отъ 20-го января:

„Александръ Ильичъ!

„Подражая примѣру вѣрнаго и усерднаго дворянскаго корпуса Казанскаго, повелѣла я, яко помѣщица той губерніи, съ дворцовыхъ волостей, съ каждыхъ двухъ сотъ душъ, всѣмъ отдать по одному рекруту, и обмундировавъ и снабдя лошадью, велѣла присовокупить ихъ къ тому Казанскаго дворянства военному корпусу, о чемъ чрезъ сіе увѣдомляю, дабы вы о семъ и тамошнему дворянству сказать могли; впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Торжественно объявлено было дворянству монаршее благоволеніе; съ благоговѣніемъ и неменьшею торжественностію принято оно дворянствомъ. Предводитель дворянства [1]) и шефъ новосформированнаго

[1]) Въ постановленіи дворянства о сформированіи корпуса (*Чтенія Моск. Общ. Истор.* 1860, II, 62—65; 1864, III, 105—107) предводителемъ дворянства названъ «статскій совѣтникъ *Кудрявцевъ*»; въ Запискахъ Державина онъ названъ

Библиотека "Руниверс"

корпуса произнесли благодарственныя рѣчи въ присутствіи Бибикова, предъ портретомъ императрицы; такія же рѣчи обращены были и къ Бибикову, съ просьбою „подать дворянству случай пролить кровь свою за благополучіе отечества и монархини". Эти рѣчи были сообщены императрицѣ, и она отозвалась о нихъ, что онѣ „прямо благородными мыслями наполнены" [1]).

Государыня справедливо судила, что поступокъ Казанскаго дворянства послужитъ хорошимъ примѣромъ для другихъ провинцій, и что вслѣдствіе того диспозиція простаго народа вскорѣ перемѣнится. Дѣйствительно, по примѣру Казанцевъ, дворяне Свіяжскіе, Симбирскіе и Пензенскіе также изъявили готовность образовать ополченіе; Казанское купечество и мѣщанство, съ своей стороны, сдѣлали пожертвованія на образованіе и содержаніе особаго гусарскаго эскадрона. Въ эту пору всеобщаго одушевленія Казанцевъ и гимназіи выразили свое сочувствіе тѣмъ, что въ нихъ усилено было обученіе фехтованію: впослѣдствіи эти уроки очень пригодились. Все это утѣшало государыню, и она, „соотвѣтствуя усердію дворянства, приказала выбрать Казанскихъ помѣщиковъ изъ унтеръ-офицеровъ гвардіи охочихъ людей, и пожаловавъ ихъ въ оберъ-офицеры, обмундировавъ и снабдя всѣмъ, фельдмаршалу князю Голицыну приказала ихъ отправить въ Казань наискорѣе". Вмѣстѣ съ этимъ она поручила Бибикову „Казанскаго магистрата усерднѣйшимъ членомъ отъ имени ея дать шпаги" [2]). О всѣхъ этихъ доказательствахъ вѣрноподданичества объявлено по всей имперіи особымъ манифестомъ, 22-го февраля 1774 года, который повелѣно прочесть во всѣхъ церквахъ, да и положить въ архивѣ каждаго города по нѣскольку экземпляровъ онаго, дабы

Уковымъ (стр. 61); у Пушкина (Сочиненія, VI, 52) *Макаровымъ*; въ Запискахъ о жизни Бибикова (Приложенія стр. 56) говорится, что рѣчь произносилъ «помѣщикъ *Бестужевъ*».

[1]) *Русскій Архивъ* 1860, стр. 395. Рѣчь дворянства къ императрицѣ сочинена была Державинымъ, въ эту пору состоявшимъ при Бибиковѣ и уже успѣвшимъ совершить небольшую экспедицію въ Самару и въ крѣпость Алексѣевскую (Записки, 55—61). Рѣчь эта остается еще не напечатанною; но извѣстно въ печати письмо при адресѣ отъ лица дворянъ къ императрицѣ, сочиненіе котораго также приписываютъ Державину (*Заволжскій Муравей* 1834, № 5; *Пушкина*, Сочиненія, VI, 142—145). Ср. *Зап. Акад. Наукъ* 1862, ч. II, стр. 58. Но кто же сочинялъ рѣчи, помѣщенныя въ *Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист.* 1860, II, 64 и 65?

[2]) *Русскій Архивъ*, 1866 г., стр. 390—397.

Библиотека "Руниверс"

сіе публичное изъявленіе императорской милости могло навсегда оставаться прямымъ монументомъ [1]).

Бибиковъ оставался въ Казани до начала марта 1774 г., а потомъ перенесъ свой штабъ въ Кичуевскую крѣпость. Казань была успокоена, и разосланные Бибиковымъ отряды вездѣ дѣйствовали съ успѣхомъ, такъ что всѣ стали надѣяться на близкое окончаніе дѣла. Къ сожалѣнію, должно сказать, „дворянскій корпусъ" не оправдалъ общихъ ожиданій. Генералъ Ларіоновъ, отряженный на освобожденіе Уфы, выйдя изъ Казани въ началѣ февраля, почти цѣлый мѣсяцъ простоялъ безъ всякихъ дѣйствій въ Бакалахъ [2]). „За грѣхи мои", писалъ тогда Бибиковъ,—„навязался мнѣ братецъ мой А. Л., который самъ вызвался сперва командовать особливымъ деташаментомъ; а теперь съ мѣста сдвинуть не могу". А въ другомъ письмѣ выражался такъ: „Дворянскаго шефа принужденъ перемѣнить со всѣми его куртками, а послать Михельзона; тотъ за болѣзнію отказался. Я уже и тому радъ. Унеталъ меня сей храбрый герой: не могъ съ мѣста цѣлой мѣсяцъ двинуться" [3]).

Между тѣмъ въ это время, по повелѣнію императрицы, привезена была въ Казань съ Дону, изъ Зимовейской (нынѣ Потемкинской) станицы [4]), жена Пугачева, Софья Дмитріева, съ дѣтьми—сыномъ Трофимомъ и дочерьми Аграфеною и Христиною, а потомъ и родной братъ Пугачева, находившійся въ арміи. Бибиковъ по этому случаю писалъ къ начальнику секретной коммиссіи, А. М. Лунину, въ Казань: „Привезенную къ вамъ прямую жену Пугачева извольте приказать содержать на пристойной квартирѣ подъ присмотромъ, однако безъ всякаго огорченія, и давайте ей пропитаніе порядочное, ибо такъ ко мнѣ указъ. А между тѣмъ не худо, чтобъ пускать ее ходить, и чтобъ она въ народѣ, а паче черни, могла разказывать, кто Пугачевъ, и что она его жена. Сіе однакожь надлежитъ сдѣлать съ манерою, чтобъ не могло показаться съ нашей стороны ложнымъ увѣ-

---

[1]) *Чтен. Моск. Общ. Ист.* 1860 г., II, 77—79. Въ Полномъ Собраніи Законовъ этотъ манифестъ не находится.

[2]) Деревня въ Бугульминскомъ уѣздѣ на дорогѣ въ Белебей. Списокъ населенныхъ мѣстъ Самарской губерніи № 633.

[3]) *Русскій Архивъ* 1866 г., стр. 384. *Пушкина*, Сочиненія, VI, 59. — Ларіоновъ, Александръ Леонтьевичъ, былъ «сводный» братъ Бибикова, сынъ его мачихи.

[4]) Во 2-мъ Донскомъ округѣ области Донскаго казачьяго войска. См. Списокъ населенныхъ мѣстъ области, № 722.

Библиотека "Руниверс"

реніемъ; паче жь, думаю, въ базарные дни, чтобъ она, ходя, будто сама собою, разказывала объ немъ, кому можно или кстати будетъ" [1]).

Повторяемъ, всѣ распоряженія Бибикова исполнялись успѣшно; его реляціи были утѣшительны, и государыня, въ награду за такія дѣйствія, пожаловала его подполковникомъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, сенаторомъ и кавалеромъ Андреевскаго ордена. Но всѣ эти почести не застали уже Бибикова въ живыхъ. Измученный громадными трудами, безпокойствами, досадой и не обратившій особеннаго вниманія на начавшуюся съ нимъ лихорадку, Бибиковъ въ непродолжительное время слегъ совершенно и умеръ въ Бугульмѣ 9-го апрѣля. Молва приписывала смерть его отравѣ, будто бы данной однимъ изъ плѣнныхъ конфедератовъ [2]). Въ подобныхъ случаяхъ молва всегда ищетъ причинъ событія особенныхъ; но нельзя не замѣтить, что подозрѣніе на Поляковъ имѣло основаніе: Бибиковъ, какъ извѣстно, дѣйствовалъ въ Польшѣ очень рѣшительно, и быть можетъ, не мало отправилъ оттуда конфедератовъ въ Оренбургскій край. Несомнѣнно, что нѣкоторые изъ конфедератовъ чрезвычайно дѣятельно интриговали въ Казани, а другіе пристали къ шайкамъ Пугачева и явились ловкими ихъ руководителями. Положительно также извѣстно, что король Шведскій Густавъ III былъ не прочь воспользоваться Пугачевщиною и считалъ большимъ снисхожденіемъ съ своей стороны, что тогда не напалъ на Россію [3]). Вольтеръ признавалъ Пугачева за орудіе турецкой политики. Участіе иностранной политической интриги въ бунтѣ Пугачевскомъ было признаваемо и русскими правительственными лицами. „Тогда хитрые Французы не упустили отправить въ Уральскъ своихъ секретныхъ посланцевъ, кои, можетъ-быть, имѣли величайшее вліяніе на тогдашнія кровопролитныя произшествія",—сказано въ одной офиціальной бумагѣ Оренбургскаго губернатора, князя Г. И. Волконскаго, относящейся къ 1805 году [4]).

Можно сказать, до послѣдняго часа жизни Бибиковъ занимался дѣлами, хотя, сознавая опасность своего положенія, сдалъ начальство старшему по себѣ генералу, князю Ѳ. Ѳ. Щербатову.

---

[1]) *Русскій Архивъ* 1866 г., стр. 385.

[2]) *Пушкина*, Сочиненія, VI, 75.

[3]) *Храповицкаго*, Дневникъ, 1788 г., іюля 1-го и сентября 24-го. *А. Брикнера*, Война Россіи съ Швеціей въ 1788 году, стр. 53, 60 и др.

[4]) *Чтенія Моск. Общ. Истор.* 1860, II, 89. Но Бибиковъ въ одномъ изъ донесеній государынѣ прямо говорилъ: «Подозрѣніе на чужестранныхъ совсѣмъ неосновательно». *Я. Гроти*, Матеріалы, стр. 58.

Библиотека "Руниверс"

Со смертью Бибикова дѣло усмиренія мятежа измѣнилось къ худшему. Державинъ, въ „Примѣчаніяхъ къ своимъ сочиненіямъ", приписывалъ это несогласіямъ и пререканіямъ, возникшимъ между княземъ Щербатовымъ, Казанскимъ губернаторомъ фонъ-Брантомъ и освободителемъ Оренбурга княземъ Голицынымъ: они не пошли одинъ другому въ команду, дали скопиться новымъ злодѣйскимъ силамъ и разстроили начало побѣдъ [1]). Какъ бы то ни было, но Пугачевъ, неоднократно разбитый въ теченіе марта мѣсяца, укрывшійся въ Уральскихъ заводахъ, теперь опять усилился и началъ быстро переходить изъ одного мѣста въ другое, подвигаясь болѣе и болѣе къ сѣверу, то-есть, къ предѣламъ Казанскимъ. Самыми дѣятельными и счастливыми преслѣдователями мятежниковъ были генералъ де-Калонгъ и полковникъ Михельсонъ; но и тѣ не могли дѣйствовать соединенными силами. Де-Калонгъ, имѣвшій главною цѣлію преградить стремленіе мятежниковъ въ Сибирь, остановился наконецъ въ Челябѣ (нынѣ гор. Челябинскъ) и отказался отъ содѣйствія Михельсону, какъ думаютъ, просто изъ зависти къ его успѣхамъ. Что касается всѣхъ другихъ начальниковъ отрядовъ, то они, по распоряженію князя Щербатова, держались преимущественно около Оренбурга и Яицкаго-городка, въ мѣстахъ уже безопасныхъ. Михельсонъ, дошедшій до того, что у него оставалось только по два патрона на человѣка, не получая ни откуда поддержки, вынужденъ былъ пріостановиться и отправился въ Уфу [2]).

Такимъ образомъ, путь черезъ Каму и къ Казани остался открытымъ. Казанскій губернаторъ Брантъ обратился съ просьбой о помощи къ князю Щербатову, а между тѣмъ изъ находившагося въ Казани гарнизона отрядилъ часть солдатъ и вооруженныхъ крестьянъ съ маіоромъ Скрыпицынымъ въ наиболѣе угрожаемый пригородъ Осу.

Пугачевъ, потерпѣвъ неудачу подъ Кунгуромъ и Красноуфимскомъ, бросился къ Осѣ. Скрипицынъ выступилъ противъ него, но потерявъ три пушки, воротился въ крѣпость. Мятежники, не могши взять ее приступомъ, вознамѣрились ее сжечь и обложили сѣномъ и соломою. Тогда Скрипицынъ рѣшился сдаться. Одинъ изъ участниковъ взятія

---

[1]) *Пушкина*, Сочиненія, VI, 155.

[2]) Извлеченія изъ донесеній Бибикова о ходѣ военныхъ дѣйствій, съ разрѣшенія государыни, печатались въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. Съ смертію Бибикова, прекратились эти извѣстія, и вообще свѣдѣнія до окончательнаго усмиренія мятежа не обнародовались.

Библиотека "Руниверс"

Осы сообщаетъ такія подробности объ этомъ: „Изъ крѣпости перестали стрѣлять; всѣ жители собрались, тихо зазвонили въ колокола и отворили ворота; но еще прежде обезоруженные солдаты, распустивъ волосы по плечамъ, уныло шли къ намъ; тутъ же сняли съ нихъ мундиры, остригли и одѣли по казацки. Майоръ Скрипицынъ сдался плѣннымъ и слѣдовалъ вмѣстѣ съ (под)поручикомъ Минеевымъ, бывшимъ подъ его командою, за Пугачевымъ до пристани Рождественскаго завода господина Демидова: онъ принялъ веселый видъ, разъѣзжалъ и совѣтовался съ Пугачевымъ“ [1]).

Скрипицынъ поступалъ такъ съ особенною цѣлію: онъ, вмѣстѣ съ капитаномъ Смирновымъ и повѣреннымъ князей Голицыныхъ, Клюшниковымъ, отправилъ письмо къ исправнику Воткинскаго завода, уговаривая его вооружиться противъ Пугачева, обѣщая, съ своей стороны, заклепать у мятежниковъ пушки. Такія же письма были заготовлены въ Купгуръ и Казань. Подпоручикъ Минеевъ открылъ это самозванцу: письма были перехвачены, сочинители ихъ повѣшены, а доносчикъ названъ полковникомъ.

Минеевъ, желая войдти въ большую довѣренность у Пугачева, совѣтовалъ ему безостановочно идти на Казань, увѣряя, что, по ветхости крѣпостныхъ строеній и по недостатку гарнизона, овладѣть ею можно будетъ безъ затрудненій. Пугачевъ и самъ зналъ состояніе Казани, надѣялся, конечно, также на помощь единомышленниковъ и потому дѣйствительно направился на Казань, распространяя молву, что туда идетъ на соединеніе съ нимъ государь цесаревичъ съ войсками, и что они уже вмѣстѣ отправятся въ Москву.

Положеніе Казани, въ самомъ дѣлѣ, было весьма ненадежное. Князь Щербатовъ, получивъ извѣстіе о сдачѣ Осы, распорядился о передвиженіи нѣкоторыхъ отрядовъ къ Уфѣ, а самъ съ эскадрономъ гусаровъ и ротою гренадеровъ ушелъ въ Бугульму. Старикъ фонъ-Брантъ оставленъ былъ защищаться одинъ, какъ умѣетъ. Дѣятельными помощниками ему оказались комендантъ Баннеръ и генералъ П. С. Потемкинъ, начальникъ секретной слѣдственной комиссіи.

Численность войскъ, находившихся въ Казани, простиралась до 1.500 человѣкъ, а между тѣмъ въ скопищахъ мятежниковъ, шедшихъ къ городу, по слухамъ, было болѣе 20.000 человѣкъ. Брантъ отправилъ на встрѣчу Пугачеву небольшой конный отрядъ, подъ начальствомъ полковника Николая Васильевича Толстаго, и 2-го іюля

---

[1]) *Чтенія Моск. Общ. Ист.* 1862, III, 336, 337.

Библиотека "Руниверс"

1774 года объявилъ всѣмъ жителямъ, чтобъ они приготовились къ защитѣ города, который, по возможности, приведенъ былъ въ оборонительное состояніе.

Въ объявленіи губернатора о защитѣ города говорилось, что о приближеніи къ городу мятежниковъ поданъ будетъ сигналъ пушечнымъ выстрѣломъ и набатнымъ звономъ колоколовъ; что по этимъ сигналамъ всѣ лица, назначенныя къ оборонѣ города, должны спѣшить съ оружіемъ къ своимъ постамъ и не должны отлучаться съ своихъ мѣстъ, хотя бы ихъ собственные дома горѣли,—нарушители же такого порядка, на страхъ другимъ, безъ всякой пощады будутъ заколоты или застрѣлены, „дабы, смотря на то, отъ сей зловредности и прочіе воздержались и были бы неотлучными до послѣдней капли крови при своихъ мѣстахъ".

Вмѣстѣ съ этимъ губернаторъ старался привести въ извѣстность, какое число вооруженныхъ жителей можетъ выставить Казань. Каницъ, 4-го іюня, сообщилъ губернатору, что Казанскія гимназіи могутъ выставить слѣдующій „корпусъ": 13 учителей, 2 дежурныхъ офицера, 2 приказныхъ, 39 учениковъ, „кои имѣютъ не менѣе 16 лѣтъ, 6 человѣкъ дворовыхъ людей самого Каница и затѣмъ всѣхъ служителей гимназическихъ изъ отставныхъ солдатъ. Учителя и двое дежурныхъ офицеровъ, „будучи люди шпажные, имѣли по парѣ пистолетовъ", а всѣ прочіе вооружены были пиками (въ рапортѣ университету, однако, сказано было, что „50 человѣкъ учителей и учениковъ дѣйствовали карабинами, а прочіе — пиками, купленными на гимназическія суммы"). Каницъ просилъ у губернатора потребное количество пороху и пуль, а въ заключеніе говорилъ: „А какъ сему корпусу, состоящему изъ 74 человѣкъ, въ коемъ люди упражняющіеся въ наукахъ, непристойно съ прочими гражданами мѣшаться на-ряду, то-бъ повелѣно было означить мѣсто, гдѣ бы гимназическая команда при оборонѣ города сама собою, подъ предводительствомъ своего командира, стоять могла".

Нападенія слѣдовало ожидать съ восточной стороны, и потому здѣсь наиболѣе усилены были укрѣпленія. На огромномъ пространствѣ отъ лѣваго берега Казанки, чрезъ Арское поле, до озера Кабана поставлены были рогатки, и въ четырехъ мѣстахъ устроены батареи. Здѣсь стоялъ Потемкинъ съ отрядомъ солдатъ въ 400 человѣкъ, да кромѣ того, подъ командою комерціи совѣтника Дряблова, его суконщики и крестьяне подгородныхъ слободъ Архангельской и Поповки. Съ южной стороны, отъ озера Кабана, вокругъ Татарскихъ

Библиотека "Руниверс"

слободъ, также поставлены были 4 батареи и отряды солдатъ, подъ главнымъ начальствомъ шефа дворянскаго корпуса Ларіонова. На западѣ, отъ Ямской слободы, вокругъ Мокрой, чрезъ Московскую дорогу, до Казанки и крѣпости расположенъ былъ отрядъ съ одною батареею полковника Свѣчина и вооруженные ящики и обыватели окрестныхъ улицъ. Самая крѣпость поручена была полковнику Лицкому, а по Казанкѣ расположены были вооруженныя лодки подъ начальствомъ члена адмиралтейской конторы Щелина. Внутри города, по Арской улицѣ, недалеко отъ Богородицкаго дѣвичьяго монастыря, поставленъ былъ отрядъ волонтеровъ, вооруженныхъ карабинами и пиками. Этотъ отрядъ состоялъ изъ гимназистовъ и учителей, подъ командою директора фонъ-Каница; къ нимъ присоединились всѣ иностранцы мастеровые [1]). Небольшія партіи изъ этого отряда выдвинуты были на окраины овраговъ, примыкающихъ къ Казанкѣ, со стороны Арскаго поля.

Іюля 10-го Пугачевъ встрѣтился съ высланнымъ изъ Казани отрядомъ полковника Толстаго, верстахъ въ 12-ти отъ города, разбилъ его, при чемъ погибъ самъ командиръ, и отправилъ къ губернатору указъ, чтобъ онъ безъ боя сдался. Какъ только разнеслась объ этомъ вѣсть по Казани, многіе жители поспѣшили оставить городъ, и въ числѣ первыхъ шефъ дворянскаго корпуса Ларіоновъ уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, оставивъ на произволъ судьбы ввѣренную ему оборону южной стороны города....

На другой день, мятежники стали лагеремъ близъ села Царицына [2]), и вечеромъ самъ Пугачевъ ѣздилъ осматривать городскія укрѣпленія на Арскомъ полѣ.

Рано утромъ 12-го іюля Пугачевъ повелъ свои толпы къ городу. Такъ какъ прямо съ Арскаго поля, или съ Сибирскаго тракта, не легко было нестройному сборищу сдѣлать приступъ, потому что тамъ стояла сильнѣйшая батарея,—то Пугачевъ съ главными силами подвигался, имѣя впереди себя возы сѣна, между которыми ѣхали пушки. Подъ такимъ прикрытіемъ они заняли находившіеся тутъ кирпичные сараи и рощи, принадлежащія нынѣ Родіоновскому институту благородныхъ дѣвицъ и военному госпиталю, поставили свою батарею и сбили отрядъ Потемкина, защищавшій дорогу. Въ то же время измѣнникъ Минеевъ повелъ толпу заводскихъ крестьянъ овра-

---

[1]) *Рыбушкина*, Ист. Казани, I, 134—137.

[2]) Списокъ насел. мѣстъ Каз. губ., № 22.

Библиотека "Руниверс"

гами вдоль берега Казанки. Этотъ отрядъ состоялъ большею частью изъ людей, вооруженныхъ дрекольемъ и дубинами, и потому шелъ впередъ неохотно: казаки стегали его нагайками. Одушевляемые такимъ способомъ, мятежники ползкомъ пробирались далѣе и далѣе и смяли своею многочисленностію слабые посты, содержавшіеся гимназистами. „Гимназическій корпусъ", какъ засвидѣтельствовано впослѣдствіи губернаторомъ и Потемкинымъ, выдержалъ себя „твердо" [1]). Онъ, съ присоединеніемъ всѣхъ находившихся въ Казани художниковъ и ремесленниковъ иностранцевъ (почти исключительно Нѣмцевъ), расположенъ былъ въ двѣ шеренги: передняя вооружена была карабинами, а задняя — пиками; на флангахъ стояли „шпажные люди"— учителя съ пистолетами. Во время нападенія мятежниковъ самъ Каницъ раненъ былъ стрѣлою въ ногу, а также 6 учениковъ, изъ которыхъ одинъ умеръ; убиты два учителя (нѣмецкаго языка—Ааронъ Тихъ и рисовальный—Иванъ Кавелинъ) и пятеро находившихся въ корпусѣ иностранцевъ; кромѣ того, 6 человѣкъ пропали безъ вѣсти. Остатки этого „корпуса", тѣснимые мятежниками, достигшими до самаго дѣвичьяго монастыря, удалились въ крѣпость. Здѣсь на содержаніе гимназическихъ чиновъ отпущенъ былъ провіантъ изъ казенныхъ военныхъ магазиновъ, за который впослѣдствіи взыскана была съ гимназіи уплата.

Что касается самаго зданія гимназіи, то охрана его „при выступленіи директора въ поле" была поручена 14-ти человѣкамъ солдатъ и сторожей, подъ командою унтеръ-офицера. Когда мятежники заставили „гимназическій корпусъ" отступить съ своего поста, Каницъ, не смотря на рану, поспѣшилъ въ гимназію, чтобы распорядиться о спасеніи казеннаго имущества; но въ ту пору, когда служители переносили казну и вещи въ находившійся около гимназіи оврагъ, злодѣи ворвались въ домъ, отняли у караульныхъ сундукъ съ казною, зажгли строенія, и перевязавъ караульныхъ увели ихъ съ собою; самъ Каницъ скрылся.... При этомъ случаѣ гимназія, Каницъ и прочіе чины понесли убытку почти на 15.000 рублей: Каницъ, въ особенности, жалѣлъ объ истребленіи своей библіотеки, которую онъ собиралъ въ теченіе двадцати лѣтъ, и которая состояла изъ 980 ино-

---

[1]) Каницъ, донося, 10-го іюля, Аракчееву о томъ, что «онъ съ своею командою идетъ въ рогатинамъ», просилъ куратора не оставить своимъ покровительствомъ его семейство, если самъ онъ будетъ умерщвленъ злодѣями. *Владимірова*, Историч. записки, I, 127.

Библиотека "Руниверс"

странныхъ и русскихъ книгъ на сумму 1.760 рублей. Сохранились только гимназическій архивъ и нѣкоторыя изъ классныхъ принадлежностей, еще раньше снесенные въ погреба.

Минеевъ, овладѣвъ монастыремъ, гдѣ былъ убитъ и столѣтній генералъ Кудрявцевъ, поставилъ одну пушку на церковной паперти, а другую на монастырскихъ воротахъ и открылъ пальбу по крѣпости.

Лѣвое крыло Пугачева бросилось къ озеру Кабану. Суконщики стойко встрѣтили разбойниковъ дубьемъ; но явился самъ Пугачевъ съ пушками и прыснулъ картечью; конные Башкиры, пустивъ тучу стрѣлъ, съ гикомъ бросились въ улицы и немедленно зажгли нѣсколько домовъ... Надобно сказать, что съ самаго утра погода была весьма неблагопріятная для защитниковъ: сильный юго-восточный вѣтеръ дулъ прямо въ городъ, и впереди мятежниковъ вздымались тучи пыли. При этомъ вѣтрѣ пожаръ быстро началъ распространяться. Суконщики бѣжали; за ними, бросивъ пушки, пустились и солдаты Потемкина: всѣ искали послѣдняго спасенія въ крѣпости, гдѣ архіепископъ Веніаминъ совершалъ молебствіе въ Благовѣщенскомъ соборѣ [1]).

Городъ сдѣлался добычею мятежниковъ, разсѣявшихся всюду и производившихъ самое дикое опустошеніе....

Пугачевъ съ ближайшими своими сообщниками ворвался въ гостинный дворъ, отстоявшій не болѣе, какъ на 20 саженъ отъ крѣпости, и поставивъ въ находившемся тамъ трактирѣ двѣ пушки, направилъ сильную пальбу противъ Спасопреображенскаго монастыря, стоящаго въ крѣпости, стѣна которой въ этомъ мѣстѣ и безъ того была очень ветха, а одна изъ башенъ почти до половины развалилась. Невдалекѣ отъ гостинаго двора находился домъ Дряблова, гдѣ останавливалась въ 1767 году Екатерина II; большія тріумфальныя ворота и прочія иллюминаціонныя сооруженія еще были цѣлы и теперь послужили мятежникамъ надежною защитою: укрываясь за этими постройками, мятежники производили ружейную стрѣльбу по крѣпости.

„Сіи злодѣи", говоритъ свидѣтель этого событія, архимандритъ упомянутаго Спасскаго монастыря Платонъ Любарскій, — „не безъ

---

[1]) Объ этомъ сохранилось собственноручное письмо П. С. Потемкина къ графу Г. А. Потемкину, отъ 12-го іюля 1774 года. *Русская Старина* 1870 г., II, стр. 403.

Библиотека "Руниверс"

успѣха могли бы продолжать такимъ образомъ атаку; но видя своихъ паче на грабленіе устремившихся, бродящихъ по домамъ, обремененныхъ добычею, разъѣзжающихъ пьяныхъ по улицамъ и многихъ, одѣтыхъ въ различныя одежды, яко-то: въ стихари, подризники, въ женское платье и проч., также не стерпя жара отъ пламени зажженныхъ около крѣпости публичныхъ и приватныхъ зданій, а притомъ наипаче опасаясь охваченными быть сзади пожаромъ и приближающимся на помощь осажденнымъ, подъ командою подполковника Михельсона, войскомъ, не осмѣлились болѣе штурмовать крѣпость, хотя во многихъ мѣстахъ отъ древности и развалившуюся, но отступя въ лагерь, съ досады во многихъ мѣстахъ зажгли городъ".

Дѣйствительно Михельсонъ приближался къ Казани. Въ моментъ страшнаго разгрома ея онъ находился верстахъ въ 40 и видѣлъ густой, багровый дымъ. Не смотря на усталость предводимаго имъ отряда, требовавшаго отдохновенія, онъ, узнавъ, что вблизи находится одна изъ шаекъ, стремившихся къ Казани, напалъ на нее и захватилъ до 400 человѣкъ въ полонъ; остальные бѣжали и извѣстили самозванца объ опасности.

Получивъ это извѣстіе, Пугачевъ опять отступилъ за городъ, на Арское поле. Сюда вывезли 15 бочекъ вина: самозванецъ любилъ угощать дружину послѣ всякой побѣды. Привели до 10.000 плѣнныхъ; въ числѣ ихъ была и настоящая жена его Софья Дмитріева... Объ этомъ свиданіи самъ Пугачевъ впослѣдствіи показалъ слѣдующее: „Увидя (ее), говорилъ: „друга моего, Пугачева, жена, у котораго въ бѣдности я жилъ, и онъ за меня пострадалъ" — говоря при томъ: „я-де тебя, бѣдная, не покину". Итакъ велѣлъ ее и съ дѣтьми взять съ собою, и возилъ ихъ въ коляскѣ по самое послѣднее разбитіе, кое было подъ Чернымъ-Яромъ" [1]). Другіе полоняники поставлены были на колѣни передъ пушками. Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ, принимая дары отъ Татаръ. Довольный побѣдою, самозванецъ всѣмъ объявилъ прощеніе и вызывалъ охотниковъ на службу: вызвались многіе... Ночью шла попойка, Пугачевъ разъѣзжалъ по лагерю, а городъ горѣлъ...

Какъ только Пугачевъ прекратилъ пальбу, архіепископъ Веніаминъ, не смотря на нестерпимый зной пожара, со всѣмъ бывшимъ при немъ духовенствомъ, сопровождаемый народомъ, совершилъ крестный ходъ въ крѣпости. Вѣтеръ нѣсколько стихъ и даже принялъ

---

[1]) *Чтен. Моск. Общ. Ист.* 1858, II, 34.

Библиотека "Руниверс"

обратное направленіе. Наступила ночь: недоумѣвая, что̀ значитъ прекратившаяся пальба, „всякъ ожидалъ заутра несчастнаго конца своей жизни; всякъ прощаясь съ ближними, въ бдѣніи пребывалъ до утра, взирая на безпрепятственно обращаемый въ пепелъ городъ, и горькими слезами оплакивая кровныхъ и согражданъ своихъ, почитая ихъ отъ рукъ злодѣйскихъ или отъ пламени погибшими, отъ чего и самые бывшіе на большихъ сраженіяхъ приходили въ уныніе". Городъ дѣйствительно представлялъ необозримую громаду сожженныхъ и разграбленныхъ зданій: остались въ большей цѣлости слободы Архангельская, татарскія и часть Суконной, бывшія не подъ вѣтромъ, все прочее погибло; въ томъ числѣ до 28 церквей, 777 лавокъ и до 2.200 казенныхъ и частныхъ домовъ [1]). Зданія, гдѣ помѣщались Казанскія гимназіи, также сгорѣли совершенно. Число людей, убитыхъ въ это время въ Казани, насчитывалось болѣе 100 человѣкъ [2]), раненыхъ до 200 и пропавшихъ безъ вѣсти до 500.

Прошла ужасная ночь. Сидѣвшіе въ крѣпости жители ждали новаго штурма; но вмѣсто бунтовщиковъ съ изумленіемъ увидали скачущихъ въ городъ Михельсоновыхъ гусаровъ. По словамъ архимандрита Платона Любарскаго, „вообразить не можно, коль неописанная радость въ тотъ часъ объяла несчастныхъ; всякій предупреждаетъ другъ друга, стремится взбѣжать на крѣпостную стѣну, чтобъ воззрѣть на сего ангела Божія, желая увѣриться собственными глазами и хотя малое въ отягченномъ печалью сердцѣ получить облегченіе. Узнавъ же истину, съ воздѣніемъ на небо рукъ приносили благодареніе Вышнему, не безъ сожалѣнія нѣкотораго на свою судьбину, что и избавитель Михельсонъ немногими только часами опоздалъ въ Казани случившееся отвратить несчастіе; но и то за неисповѣдимое милосердіе къ себѣ Божіе почитали, что хотя безъ домовъ, безъ имѣнія, и лишась нѣсколькихъ согражданъ, а нѣкоторые и кровныхъ, сами живы остались". Впослѣдствіи завистники и порицатели распространяли молву, будто Михельсонъ умышленно допустилъ Пугачева разграбить городъ, дабы въ свою очередь поживиться богатою добычею отъ него. Но это чистая клевета: Михельсонъ, оставивъ въ Уфѣ больныхъ и раненыхъ и запасшись боевыми снарядами, немедленно

---

[1]) *Рыбушкина*, Ист. Казани, I, 155.

[2]) *Пушкина* въ числѣ убитыхъ показываетъ и директора Канца (Сочин., VI, 93); но это не справедливо, и мы рѣшительно не знаемъ источника, на которомъ основано такое извѣстіе.

Библиотека "Руниверс"

пустился преслѣдовать Пугачева, который въ ту пору, какъ было сказано выше, бросался и на Кунгуръ, и на Красноуфимскъ, и на Осу. На пути Михельсону встрѣчались многочисленныя шайки бунтующихъ Башкировъ, которыя также нужно было разсѣевать и уничтожать. Изъ Бирска шелъ онъ къ Осѣ, когда, 27-го іюня, узналъ отъ плѣнныхъ Башкировъ о сдачѣ этого городка и о переправѣ Пугачева черезъ Каму. Такимъ образомъ, Пугачевъ въ своемъ стремленіи на Казань былъ цѣлою недѣлею впереди Михельсона, которому еще предстояла трудная переправа черезъ Каму. Тогда Михельсонъ измѣнилъ свой маршъ и направился прямо къ Казани, но не успѣлъ упредить самозванца.

Въ ночь съ 12-го на 13-е іюля, когда Пугачевъ праздновалъ взятіе Казани, Михельсонъ напалъ на его становище. Мятежники встрѣтили его сильнымъ огнемъ, но не выдержали смѣлаго натиска правильно дѣйствующаго войска и бѣжали, потерявъ нѣсколько пушекъ и до тысячи человѣкъ убитыми и плѣнными. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, Михельсонъ двинулся къ Казани, уничтожая безпрестанно встрѣчавшіяся мелкія шайки Пугачевскаго сброда; въ городъ онъ отправилъ офицера съ нѣсколькими гусарами для увѣдомленія о своемъ прибытіи и съ просьбой о подкрѣпленіи. Потемкинъ вывелъ до 150 человѣкъ гарнизона и во время успѣлъ соединиться съ Михельсономъ. Пугачевъ пытался воспрепятствовать, но скоро былъ сбитъ, бѣжалъ къ селу Савинову, а оттуда, переправясь чрезъ Казанку, ушелъ въ село Сухую-Рѣку, лежащее въ 11 верстахъ отъ Казани на сѣверъ [1]). Преслѣдовать его было не возможно: у Михельсона не было и тридцати годныхъ лошадей.

Михельсонъ, однако, не вступилъ и въ крѣпость, но остановился лагеремъ на Арскомъ полѣ, ожидая новаго нападенія. Весь день 14-го іюля прошелъ безъ тревогъ, а между тѣмъ въ Казань прибылъ еще небольшой отрядъ войскъ съ подполковникомъ графомъ Меллинымъ. Пугачевъ въ теченіе этого дня производилъ разныя передвиженія, формировалъ новые полки, разглашая между прочимъ, что Казанская крѣпость раззорена, а прибывшее къ ней войско истреблено. На самомъ же дѣлѣ, какъ оказалось впослѣдствіи, Пугачевъ сначала считалъ отрядъ Михельсона несравненно сильнѣе, и только убѣдившись въ его немногочисленности, рѣшился въ третій разъ сдѣлать на него нападеніе.

---

[1]) Списокъ населенныхъ мѣстъ Каз. губ. №№ 45 и 311.

Библиотека "Руниверс"

На разсвѣтѣ 15-го іюля Пугачевъ собралъ вмѣстѣ всѣ свои „полки“ и плѣнниковъ, велѣлъ прочитать предъ ними манифестъ, которымъ возвѣщалось, что, послѣ торжественнаго вшествія въ Казань, будетъ предпринятъ походъ въ Москву. Затѣмъ всѣ эти скопища, простиравшіяся до 25.000 человѣкъ, двинулись отъ Сухой-Рѣки старою дорогою къ селу Савинову, а оттуда къ селу Царицыну и на Арское поле. „Можно было, по густой превеликой пыли, изъ-за лѣсовъ на подобіе дыма или черныхъ облаковъ на воздухъ подымающейся, всему городу издали явно видѣть злодѣйское третичное дерзновеніе, что̀ всѣхъ приводило въ страхъ и трепетъ, особливо представляющихъ себѣ несравненно превосходнѣйшее сволочи его число противу, такъ-сказать, горсти защитительнаго своего (которое не болѣе какъ изъ 800 карабинеровъ, гусаровъ и Чугуевскихъ казаковъ состояло) храбраго войска, хотя искусство предводителя отчаяваться въ побѣдѣ и не дозволяло“ Дѣйствительно, Михельсонъ смѣло и съ увѣренностію ударилъ на нестройныя полчища. Опрокинувъ Яицкихъ казаковъ, наилучше вооруженныхъ и наиболѣе стойкихъ, онъ могъ уже безъ большаго труда разбить и прогнать остальную сволочь, невооруженную и обыкновенно подстрекавшуюся къ наступленію нагайками и пиками. Какія усилія ни употреблялъ Пугачевъ, чтобъ удержать разсыпавшіяся толпы, ничто не помогало. Смятеніе произошло неизобразимое, когда отбитыя у мятежниковъ пушки обращены были противъ нихъ же. Все бѣжало стремглавъ: бывшіе съ Пугачевымъ Башкиры въ то же время оставили его совершенно и ускакали въ свои предѣлы. До двухъ тысячъ мятежниковъ положено было на мѣстѣ, огромное количество ихъ перетонуло въ Казанкѣ и захвачено въ плѣнъ 5.000 человѣкъ, въ томъ числѣ отставной капонировъ Иванъ Наумовъ Бѣлобородовъ, одинъ изъ приближеннѣйшихъ людей къ самозванцу, носившій титулъ „старшаго атамана и фельдмаршала“, завѣдывавшій письменною частію у Пугачева и введшій строгую дисциплину въ шайкахъ [1]). Всѣ Казанскіе плѣнники также были освобождены, и сверхъ того, побѣдителямъ достался почти весь обозъ

---

[1]) Бѣлобородовъ былъ пытанъ въ Казанской секретной коммиссіи, сознался во всѣхъ своихъ злодѣяніяхъ, наказанъ кнутомъ и отправленъ въ Москву, гдѣ преданъ смертной казни 5-го сентября 1774 года (см. *Лебедева*, Графы Панины, стр. 334). Измѣнникъ Минеевъ захваченъ въ плѣнъ еще прежде Бѣлобородова. По приговору военнаго суда, онъ лишенъ чиновъ и загнанъ сквозь строй до смерти.

Библиотека "Руниверс"

мятежниковъ. Потеря въ отрядѣ Михельсона простиралась до 35 человѣкъ убитыми и 68 ранеными.

Для преслѣдованія Пугачева отряженъ былъ подполковникъ графъ Меллинъ; но успѣха особеннаго достичь онъ не могъ. Пугачевъ ускакалъ на перемѣнныхъ лошадяхъ въ Царевококшайскъ, а оттуда, съ небольшимъ числомъ приближенныхъ („въ то время было у меня людей сотъ пять", показалъ онъ впослѣдствіи), переправился на правый берегъ Волги, у села Сундыря. Между его спутниками находился конфедератъ Пулавскій, жившій въ Казани подъ надзоромъ полиціи и радушно принятый въ домѣ привѣтливаго фонъ-Бранта [1]).

Торжественно, съ настоящимъ и вполнѣ заслуженнымъ тріумфомъ, вступилъ Михельсонъ въ крѣпость. Губернаторъ фонъ-Брантъ съ генералитетомъ и знатнѣйшими персонами встрѣтили побѣдителя за крѣпостными воротами и принесли ему поздравленія съ побѣдой и благодаренія за его неутомимые труды. Народъ, находившійся въ крѣпости, и освобожденные плѣнники и слезами, и радостнѣйшими восклицаніями „ура!" и другими знаками свидѣтельствовали свою благодарность и радость. Михельсонъ отправился въ соборъ, гдѣ архіепископъ отслужилъ благодарственный молебенъ [2]).

---

[1]) Для полноты очерка дѣйствій Пугачева въ предѣлахъ нынѣшней Казанской губерніи, прибавимъ здѣсь слѣдующія свѣдѣнія:

Торговое село Сундырь—нынѣ посадъ Маріинскій—Пугачевъ предалъ огню и грабежу за то, что жители его сами разбѣжались, а всѣ барки свои затопили. Можетъ-быть, овладѣвъ барками, самозванецъ спустился бы внизъ по Волгѣ; а теперь вынужденъ былъ углубиться внутрь страны. Отъ Сундыря онъ двинулся прямо на Суру чрезъ чувашскія и черемисскія селенія, жители которыхъ въ особенности жаловались на поповъ: Пугачевъ разрѣшилъ истреблять ихъ. Объявляя крестьянамъ вольность, безденежную раздачу соли и уничтоженіе повинностей, онъ въ короткое время возмутилъ весь здѣшній край. Нижегородскій губернаторъ Ступишинъ былъ почти убѣжденъ, что Пугачевъ раззоритъ и Нижній и проникнетъ до Москвы. Дѣйствительно, опасность была значительна: скопища мятежниковъ быстро увеличивались и пресѣкли прямое сообщеніе Нижняго съ Казанью. Пугачевъ, ограбивъ г. Цывильскъ, гдѣ повѣсилъ воеводу Копьева, двинулся къ Курмышу, а оттуда хотѣлъ идти на Ядринъ, но узнавъ о движеніи преслѣдующихъ войскъ, поворотилъ самъ къ Алатыри, въ Ядринъ же все-таки отправилъ особую шайку, которая, однако, была отбита жителями, а послѣ того совершенно разсѣяна графомъ Меллинымъ. Въ отраженіи мятежниковъ отъ города въ особенности отличился купецъ Засыпкинъ, котораго императрица пожаловала за это нагою.

[2]) Освобожденіе Казани описано было въ особой брошюрѣ, подъ заглавіемъ: «Михельсонъ въ бывшее въ Казани возмущеніе; надалъ *Дмитрій Зиновьевъ*». Москва, 1807, въ 8-ю д.

Библиотека "Руниверс"

Тяжелые труды предстояли губернскому начальству. Въ разоренномъ городѣ нужно было размѣстить болѣе 30.000 жителей по уцѣлѣвшимъ домамъ, а такихъ домовъ насчитывалось до 800, да и тѣ были необширны, потому что находились въ пригородныхъ слободахъ. Для помѣщенія гимназическихъ классовъ назначили на первый случай одинъ изъ купеческихъ домовъ на Проломной улицѣ, а ученикамъ отвели квартиры въ Татарскихъ слободахъ. Это было крайне неудобно; но на первыхъ порахъ еще некогда было думать объ ученіи: достаточно было и того, что всѣ получили хоть какой-либо пріютъ. Добыча, отбитая войсками у Пугачева, была значительна: начальство положило раздѣлить ее между жителями. Раздѣлъ этотъ, конечно, не могъ быть произведенъ съ неоспоримою точностію, и естественно, при этомъ иные не получили вещей, собственно имъ принадлежавшихъ; другіе воспользовались чужимъ. Солдаты отряда Михельсонова при этомъ дѣлежѣ обогатились значительно, и это обстоятельство впослѣдствіи, какъ мы сказали, поставлено было въ особое обвиненіе для самого Михельсона.

Прослѣдимъ кратко послѣдующія событія Пугачевщины, дабы объяснить, какое вліяніе имѣли они на Казань и на нѣкоторыхъ лицъ, упоминаемыхъ въ нашемъ очеркѣ.

Мы знаемъ, что по смерти Бибикова начальникомъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Пугачева, считался князь Ѳ. Ѳ. Щербатовъ. Нерѣшительный и даже робкій въ дѣйствіяхъ, онъ былъ главнымъ виновникомъ того, что мятежники, почти подавленные вовсе у Яицкаго города и Оренбурга, пріобрѣли новыя страшныя силы на горныхъ заводахъ въ сѣверо-восточной части Оренбургскаго края. Государыня была крайне недовольна Щербатовымъ и въ началѣ іюля отозвала его, поручивъ главное начальство надъ войсками князю П. М. Голицыну. Въ эту пору война съ Турціей уже закончилась, со дня на день ожидалось заключеніе мира, — слѣдовательно, представлялась возможность располагать большимъ числомъ войскъ для подавленія бунта. Поэтому повелѣно было нѣсколькимъ полкамъ — Владимірскому, Вологодскому и другимъ—двинуться въ Казань.

Событія шли, однако, быстрѣе. Пугачевъ успѣлъ разграбить Казань, и хотя разбитый и едва спасшійся отъ поимки, прорвался на правый берегъ Волги, взбунтовалъ инородцевъ и помѣщичьихъ крестьянъ и опять съ огромными скопищами двигался по направленію рѣки Суры. Было доискано, что курьеръ, ѣхавшій къ князю П. М. Голицыну съ указомъ о назначеніи его главноначальствующимъ, былъ оста-

Библиотека "Руниверс"

новленъ Нижегородскимъ губернаторомъ Ступишинымъ, „по причинѣ небезопасности дороги“ — и что нельзя ручаться за безопасность Москвы...

Тогда императрица, видя губерніи Оренбургскую, Казанскую и Нижегородскую „огнемъ наполненными“, созвала чрезвычайный совѣтъ изъ лицъ, наиболѣе довѣренныхъ, и объявила намѣреніе принять самой начальство надъ войсками для спасенія Москвы и имперіи. Графъ Н. И. Панинъ возразилъ, что волненіе презрительной черни не заслуживаетъ столь рѣшительныхъ мѣръ, и что родной его братъ, графъ Петръ, при всей дряхлости своей, не откажется спасать отечество и, велитъ нести себя на носилкахъ, если только государыня пожелаетъ ввѣрить ему начальство надъ войскомъ, не имѣя въ виду другаго полководца способнѣе его.

Одинъ изъ изслѣдователей этой эпохи называетъ упомянутый чрезвычайный совѣтъ „театральнымъ зрѣлищемъ“ [1]). Дѣйствительно, многія обстоятельства заставляютъ думать, что большая часть тогдашнихъ событій основывалась на тайной интригѣ различныхъ честолюбцевъ, между которыми самое видное мѣсто занимали два брата Панины. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, генералъ-аншефъ, командовавшій второю изъ дѣйствовавшихъ противъ Турокъ арміей, прославившійся взятіемъ Бендеръ (16-го сентября 1770 г.), считая для себя оскорбленіемъ орденъ св. Георгія 1-й степени, вдругъ почувствовалъ усиленіе подагрической болѣзни, коею онъ страдалъ бубучи еще полковникомъ, сталъ проситься въ отставку посреди разгара войны, на что̀ и получилъ согласіе государыни 27-го ноября 1770 года. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ большею частью въ Москвѣ, куда всегда любили удаляться всѣ, считавшіе себя обиженными правительствомъ или дѣйствительно подпавшіе подъ опалу. Его братъ, графъ Никита Ивановичъ, управлявшій коллегіей иностранныхъ дѣлъ и завѣдывавшій перепиской по важнымъ дѣламъ внутренняго управленія, состоялъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, воспитателемъ Наслѣдника престола. Между братьями происходили дѣятельныя сношенія: Петру Панину сообщались курьерами всѣ Петербургскія и придворныя новости, даже копіи съ военныхъ реляцій, депешъ нашихъ посланниковъ и другихъ документовъ, какъ это видно изъ напечатанной переписки Д. И. фонъ-Визина [2]). При такихъ условіяхъ графъ Петръ, въ своемъ кружкѣ, являлся вѣрнымъ предсказателемъ событій, и слѣдователь-

[1]) *Лебедева*, Графы Панины, стр. 115.

[2]) *Кн. Вяземскаго*, Фонъ-Визинъ, стр. 90—92 и 380—432.

Библиотека "Руниверс"

но. справедливымъ судіей всякихъ правительственныхъ мѣръ. Въ дѣлахъ государственнаго архива есть показаніе, что въ 1771 году, во время чумы, народное возстаніе въ Москвѣ было произведено по внушенію графа Петра Ивановича [1]). Показаніе это ничѣмъ не было подтверждено; однако, оно замѣчательно въ томъ отношеніи, что опредѣляетъ взглядъ нѣкоторыхъ современниковъ на вліяніе Петра Панина на событія.

Графъ Никита, въ свою очередь, въ своемъ кружкѣ, который въ то же время былъ кружкомъ Государя Наслѣдника, судилъ и рядилъ о способностяхъ военачальниковъ, дѣйствовавшихъ противъ мятежниковъ, разказывалъ, какъ дряхлый его братъ, „покоритель Бендеръ", вооружилъ своихъ дворовыхъ и крестьянъ и намѣренъ идти на самозванца, и т. п. Такимъ образомъ, при дворѣ и въ высшемъ обществѣ создавалось и распространялось мнѣніе, что спасеніе государства зависитъ единственно отъ назначенія графа Петра полномочнымъ начальникомъ губерній Московской, Нижегородской, Казанской и Оренбургской и всѣхъ войскъ, поспѣшающихъ на погубленіе государственнаго врага Емельки Пугачева [2]). Все это было извѣстно императрицѣ, и потому она въ упомянутомъ чрезвычайномъ засѣданіи совѣта отозвалась, что и она признаетъ графа Петра Ивановича способнѣйшимъ, но не рѣшалась назначить его только потому, что онъ находится въ отставкѣ. Главною же причиной ея нерѣшительности было полное убѣжденіе въ томъ, что патріотическая готовность Панина имѣетъ источникомъ непомѣрное властолюбіе.

Вотъ что писала она знаменитому Г. А. Потемкину по этому поводу: „Увидишь, изъ приложенныхъ при семъ штукъ, что господинъ графъ Панинъ изъ братца своего изволитъ дѣлать властителя, съ безпредѣльною властью, въ лучшей части имперіи, то-есть, Московской, Нижегородской, Казанской и Оренбургской губерніи, а sous entendus есть и прочія. Что если я подпишу, то не токмо князь Волконской будетъ огорченъ и смѣшенъ, но я сама ни малѣйше не сбережена, но предъ всѣмъ свѣтомъ—перваго враля и мнѣ персональнаго оскор-

---

[1]) *Лебедева*, Графы Панины, стр. 88 и 89.

[2]) Кн. М. Н. Волконскій въ одномъ изъ писемъ въ императрицѣ такъ выражается о П. Панинѣ: «Большой, нашему императорскому величеству извѣстной болтунъ вздоръ болтаетъ.... а другіе перебалтываютъ, но все ничего не значущее и единственно къ тщеславію его касающееся». (*Осмнадцатый вѣкъ*, I, стр. 105). Волконскій былъ вообще въ холодныхъ отношеніяхъ къ Панину издавна, и какъ самъ выражался, имѣлъ противъ него «jalousie de métier».

Библиотека "Руниверс"

бителя, побоясь Пугачева, выше всѣхъ смертныхъ въ имперіи хвалю и возвышаю. Вотъ вамъ книги въ руки, изволь читать и признавай, что гордыя затѣи сихъ людей всѣхъ прочихъ выше. При семъ прилагаю и Бибикова инструкцію для confronterie: и тотъ пунктъ не худъ, гдѣ сказано, что всѣхъ людей, гдѣ бъ они ни были, онъ можетъ какъ, гдѣ и когда хочетъ" (казнить смертью).

Какъ бы то ни было, но отчасти уступая мнѣнію вліятельной партіи, Екатерина, 29-го іюля 1774 г., подписала рескриптъ о порученіи П. Панину начальства надъ войсками, высланными противъ Пугачева, и надъ губерніями Казанскою, Оренбургскою и Нижегородскою, съ полномочіемъ „къ изъисканію и употребленію всѣхъ средствъ и мѣръ, необходимыхъ въ возлагаемомъ на него важномъ государственномъ дѣлѣ" Исключеніе Московской губерніи значительно ограничивало права Панина; но еще болѣе уменьшилось значеніе его власти тѣмъ, что дѣйствительное командованіе войсками возложено было на Суворова, который, по обыкновенію, явился изъ турецкой арміи чрезвычайно поспѣшно и немедленно отправился къ мѣсту назначенія. Кромѣ всего этого, многія распоряженія, клонящіяся къ усмиренію мятежа, предпринимались совершенно независимо отъ Панина, по непосредственнымъ сношеніямъ Г. А. Потемкина съ Московскимъ главнокомандующимъ княземъ М. Н. Волконскимъ и съ генералъ-прокуроромъ княземъ А. А. Вяземскимъ. Секретная коммиссія о мятежѣ, подчиненная прежде Бибикову, также была изъята изъ вѣдѣнія Панина и получила особаго начальника — П. С. Потемкина, поставленнаго въ прямыя отношенія къ императрицѣ [1]).

Въ сущности, впрочемъ, Суворовъ, а тѣмъ менѣе Панинъ, лично ничего не успѣли сдѣлать противъ Пугачева. Все дѣло закончено было неутомимымъ Михельсономъ и другими предводителями дѣйствовавшихъ отрядовъ. Суворовъ только успѣлъ принять въ Яицкѣ (Уральскѣ) уже выданнаго своими сообщниками самозванца и привезти его въ клѣткѣ къ Панину въ Симбирскъ; а Панинъ, при первомъ свиданіи съ Пугачевымъ, всенародно собственноручно далъ ему нѣсколько пощечинъ и оттрепалъ за бороду [2]), а послѣ того, превозносясь, показывалъ его Державину.

---

[1]) *Русская Старина* 1870 г., II, 400—402.

[2]) *Державина*, Записки, стр. 99; *Пушкина*, Сочиненія, VI, 521. Державинъ замѣчаетъ при этомъ, что первый вопросъ Панина Пугачеву былъ: «какъ смѣлъ онъ поднимать оружіе *противъ его?*», и что Пугачевъ отвѣчалъ: «что дѣлать,

Библиотека "Руниверс"

Важно было то, что графъ Панинъ, „хотя уже изчезли всѣ безпокойства внутреннія, и всюду тишина была возстановлена въ полной мѣрѣ", оставался полновластнымъ начальникомъ обширнаго края въ теченіе года слишкомъ, до 9-го августа 1775 года. За мѣсяцъ до этого, именно 10-го іюля 1775 г., въ торжественное празднованіе Кучукъ-Кайнарджискаго мира, государыня, щедро награждая разныхъ дѣятелей своего царствованія, дала особую похвальную грамоту Панину, въ которой выразилась, что „при самомъ началѣ его предводительства, Богъ благословилъ его предпріятіе поимкою злодѣевъ".

Въ отношеніи къ Казани и Казанской губерніи въ періодѣ главноначальствованія графа Панина совершилось слѣдующее.

Старикъ Казанскій губернаторъ фонъ-Брантъ, больной и вообще сильно потрясенный тогдашними событіями, вскорѣ по освобожденіи Казани отъ Пугачева умеръ (3-го августа 1774 г.). Вмѣсто него назначенъ былъ генералъ-поручикъ князь Пл. Степ. Мещерскій, до этого времени управлявшій Малороссіей. По отзыву самой императрицы, „сей новый губернаторъ, при самомъ началѣ отправленія его должности, уже соотвѣтствовалъ довѣренности и открылъ попечительность свою докладами" [1]). Одною изъ первыхъ его заботъ были соображенія о возобновленіи выжженнаго города и объ изысканіи способовъ къ обезпеченію продовольствія жителей въ краѣ. Государыня вполнѣ утвердила предположенія по первому предмету, прислала планъ для постройки губернаторскаго дома и повелѣла сенату отправить въ Казань особаго архитектора. Что касается мѣръ о продовольствіи, между прочимъ заключавшихся въ установленіи таксъ на предметы потребленія, то государыня хотя и согласилась на то, потому что дѣлать какія-либо измѣненія въ соображеніяхъ, основанныхъ на знаніи мѣстныхъ обстоятельствъ, не возможно,—однако, замѣтила: „предвидится, правда, что труднѣе всего будетъ удержать безъ нарушенія предписанныя цѣны, ибо и въ здѣшнемъ городѣ (то-есть, въ Петербургѣ) полицейскія таксы почти что мнимыя суть, потому что розничную продажу нѣтъ возможности всякую минуту свидѣтельствовать". Вслѣдствіе этого въ письмѣ къ графу Панину,

---

ваше сіятельство, когда уже воевалъ противъ государыни!»...Руничъ въ своихъ запискахъ (*Русская Старина* 1870 г. т. II, 348 — 350) описываетъ эту сцену значительно иначе.

[1]) Мещерскій пользовался особеннымъ благоволеніемъ Екатерины II; она называла его «почтеннымъ старцемъ». *Русскій Архивъ* 1872 г., стр. 2161.

Библиотека "Руниверс"

20-го ноября 1774 г., она высказала такое мнѣніе: „Дабы оное прокормленіе доставить наивящій голодъ терпящимъ, пришло мнѣ на умъ вамъ сообщить слѣдующую идею, сходственную, впрочемъ, съ вашимъ мнѣніемъ о обведеніи городовъ такими заградами, кои бы величины ихъ означали и служили бы имъ защитою отъ воровскаго иногда заброда. Идея сія есть слѣдующая: чтобъ начинать около тѣхъ уѣздныхъ городовъ, гдѣ голодъ найвящій есть, рыть ровъ и платить за сіе не токмо деньгами, но и хлѣбомъ. Тутъ всякой полъ и возрастъ сыщетъ прокормленіе, ибо кто не роетъ, то мало или много поля землю, не праздепъ будетъ, и изъ уѣзда не разбредутся въ другіе, но тутъ свое пропитаніе найдутъ. Таковыя работы начать можно въ разныхъ мѣстахъ, чѣмъ народъ удержите въ мѣстѣ его пребыванія, и упражняя его, уймете и воровства, и разбои. Сіе мое мнѣніе вамъ пишу не въ указъ, но какъ совѣтъ, котораго удобность вамъ на мѣстѣ надлежитъ разсмотрѣть и исполнить безъ огласки, дабы не притянуть работниковъ изъ изобилующихъ мѣстъ для сущаго изъѣденія вашихъ запасовъ“ [1]).

Князь Мещерскій, между прочимъ, не оставилъ безъ ходатайства о монаршемъ вниманіи къ Казанскимъ гимназіямъ, самоотверженно дѣйствовавшимъ противъ бунтовщиковъ. По этому случаю на имя губернатора послѣдовалъ, 25-го августа 1774 г., высочайшій рескриптъ, которымъ было повелѣно „выдать изъ штатсъ-конторскихъ доходовъ для исправленія ихъ состоянія, не въ зачетъ жалованья по ихъ окладамъ: директору гимназіи надворному совѣтнику фонъ-Каницу за полгода, учителямъ и другимъ чинамъ гимназій за треть, а ученикамъ за годъ“ [2]). Независимо отъ того, въ пособіе гимназіямъ выслано было отъ университета 1000 рублей.

Награждая преданность Казанцевъ, государыня хотѣла особенно отличить самого Панина, и потому дала указъ военной коллегіи принять въ службу поручикомъ родственника его Татищева „въ разсужденіи претерпѣннаго мученическаго конца въ вѣрности непоколебимаго старика Кудрявцева“, который, по женѣ графа П. И. Панина Аннѣ Алексѣевнѣ, урожденной Татищевой, приходился Панину дѣдомъ [3]).

[1]) *Чтенія Моск. Общ. Ист.* 1858 г., II, 56, 57.

[2]) *Рыбушкинъ*, Ист. Казани, I, 143.—Росписаніе наградъ помѣщено у *Владимірова*, Истор. записка, I, 130.

[3]) *Чтенія Моск. Общ. Ист.* 1858 г., II, 55.

Библиотека "Руниверс"

Замѣчательнѣе всего приключенія, постигшія Казанскаго архіепископа Веніамина, который, какъ мы видѣли, столь усердно трудился къ поддержанію спокойствія въ краѣ и выказалъ мужество въ моменты самаго отчаяннаго положенія Казани, опустошаемой разбойниками. Архіерейскій домъ его, находившійся въ крѣпости, занятъ былъ слѣдственною коммиссіей, главнымъ начальникомъ которой состоялъ генералъ П. С. Потемкинъ, двоюродный племянникъ „свѣтлѣйшаго". Архіерей, по этому случаю, имѣлъ пребываніе въ загородномъ своемъ домѣ, въ такъ-называемомъ Новомъ Іерусалимѣ, отстоящемъ отъ Казани въ 7 верстахъ, по Оренбургскому тракту [1]). Ровно черезъ три мѣсяца послѣ освобожденія Казани, именно 15-го октября 1774 года, пригласили Веніамина въ городъ, подъ предлогомъ личныхъ объясненій съ Потемкинымъ по дѣлу о раззореніи Казани. Не подозрѣвая ничего, онъ явился въ городской домъ и здѣсь былъ арестованъ, по обвиненію въ сношеніяхъ съ самозванцемъ. Доносъ такой былъ сдѣланъ однимъ изъ Казанскихъ дворянъ, Ильею Аристовымъ, который ссылался на купца Огородникова. Этотъ Аристовъ, служа капраломъ въ Томскомъ пѣхотномъ полку, бѣжалъ при началѣ Пугачевскаго бунта, и пробравшись на Донъ, возмущалъ казаковъ въ пользу самозванца. Схваченный гдѣ-то подъ стражу, онъ содержался съ другими преступниками въ Казани, освободился изъ острога при Пугачевѣ, присоединился къ бунтовщикамъ и дѣйствовалъ съ ними въ званіи полковника. Вскорѣ однако онъ попался въ плѣнъ и на допросѣ въ Нижнемъ принялся, ради собственнаго спасенія, клеветать на другихъ. Онъ оговорилъ, будто архіепископъ Веніаминъ сносился съ Пугачевымъ и присылалъ къ нему деньги; купецъ Огородниковъ, также состоявшій въ мятежническихъ шайкахъ, подтвердилъ показаніе Аристова о доставленіи самозванцу денегъ, однако отозвался невѣдѣніемъ, отъ кого были тѣ деньги присланы. Когда Аристовъ былъ присланъ изъ Нижняго въ Казань, то Потемкинъ, главный начальникъ слѣдственной коммиссіи, съ первыхъ допросовъ убѣдился, что онъ клевещетъ на архіерея, но при всемъ томъ „нашелъ нѣкоторую причину къ сумнѣнію", о чемъ и доносилъ императрицѣ (17-го августа 1774 г.), прибавляя въ заключеніе: „но до времени не приступаю я къ изобличенію, по малымъ сумнѣніямъ къ изобличенію, дабы напрасно не оскорбить толь великаго сана" [2]).

---

[1]) Списокъ населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи, № 133.

[2]) *Русская Старина* 1870 г., II, стр. 406, 407. — *Державинъ*, Записки, часть CLXXVI, отд. 2.

Библиотека "Руниверс"

Какъ бы то ни было, однако, чрезъ нѣсколько времени Веніаминъ подвергнутъ былъ крѣпкому аресту. Государыня, получивъ извѣстіе о доносѣ на Веніамина, повѣрила извѣту, тѣмъ болѣе, что она, какъ видно, и прежде почему-то не очень благоволила къ этому архіерею ибо перемѣстила его съ Петербургской каѳедры на Казанскую чрезъ мѣсяцъ по вступленіи своемъ на престолъ (26-го іюля 1762 г.). При всемъ томъ, желая утушить и слухъ дѣла „о его непростительной съ злодѣями пересылкѣ", Екатерина поручила Г. А. Потемкину предложить архіепископу С.-Петербургскому Гавріилу, чтобъ онъ отъ себя написалъ къ Веніамину, „съ тѣмъ, дабы сей изъ ума выжившій старикъ просился бы немедленно на обѣщанье, и если сіе сдѣлаетъ архіерей Казанскій, то въ разсужденіи сана уже далѣе слѣдствіе производить не велю". Письмо Гавріила императрица приказывала отправить къ Веніамину съ нарочнымъ и затѣмъ пріостановить отъѣздъ Веніамина въ Москву, куда предполагалось выслать его для окончательнаго дослѣдованія въ тайной экспедиціи у извѣстнаго Шешковскаго. Не извѣстно, писалъ ли Гавріилъ къ Веніамину; но съ одной стороны, явились и защитники Веніамина, представлявшіе государынѣ, что этотъ пастырь, въ теченіе 25-ти лѣтъ епископскаго служенія своего на разныхъ каѳедрахъ, былъ всегда примѣромъ доблестнымъ для паствы, а въ Казани дѣйствія его были открыты предъ всѣми; наконецъ, и самъ Веніаминъ, не смотря на всѣ строгости надзора, съумѣлъ тайно (по словамъ Державина, „чрезъ отверстіе нужнаго мѣста") отправить письмо къ государынѣ съ писцомъ архіерейской канцеляріи Петромъ Васильевымъ [1]). Все это послужило къ раскрытію истины, и государыня, послѣ казни Пугачева (10-го января 1775 г.), прибывъ въ Москву для празднованія Кучукъ-Кайнарджискаго мира, разсмотрѣла все дѣло о Веніаминѣ, и убѣдилась, какъ въ оклеветаніи его, такъ и въ пристрастности веденнаго слѣдствія; къ тому же и Аристовъ наконецъ сознался въ лживости своихъ обвиненій. Немедленно Екатерина поспѣшила огласить невинность архипастыря и „въ награжденіе его добродѣтели, удовлетворяя тѣмъ и

стр. 103 и 104, говоритъ, что Потемкинъ былъ слѣдователь довольно пристрастный и не достаточно опытный въ производствѣ этого рода дѣлъ, почему и далъ полную вѣру извѣтамъ на Веніамина. Изъ приведеннаго донесенія Потемкина усматривается противное. Срав. *Русскій Вѣстникъ*, 1866, №№ 6, статья г. Апучина.

[1]) Письмо Веніамина къ графу П. И. Панину напечатано въ *Русской Старинѣ* 1870 г., II, стр. 413.

Библиотека "Руниверс"

самое правосудіе", указомъ святѣйшему синоду 26-го января 1775 г., повелѣла Веніамина „именовать митрополитомъ Казанскимъ и носить ему по обычаю бѣлый клобукъ". Къ самому Веніамину государыня тогда же отправила съ нарочнымъ офицеромъ гвардіи новый клобукъ при слѣдующемъ собственноручномъ рескриптѣ:

„Преосвященный Веніаминъ, митрополитъ Казанскій!

„По пріѣздѣ моемъ въ Москву, первымъ попеченіемъ было для меня разсмотрѣть дѣла бездѣльника Аристова, и узнала я, къ крайнему удовольствію моему, что невинность вашего преосвященства совершенно открылась. Покройте почтенную главу вашу симъ отличнымъ знакомъ чести, да будетъ оный для всякаго всегдашнимъ напоминовеніемъ торжествующей добродѣтели вашей; позабудьте прискорбіе и печаль, кои васъ уязвляли; припишите судьбѣ Божіей, благоволившей васъ прославить по несчастныхъ и смутныхъ обстоятельствахъ тамошняго края; принесите молитвы Господу Богу, а я съ отличнымъ доброжелательствомъ есмь

Екатерина".

Вмѣстѣ съ этимъ рескриптомъ, при письмѣ Г. А. Потемкина, врученъ Веніамину крестъ для клобука, составленный изъ большихъ бриллiантовъ, „которые императрица изволила носить на себѣ" [1]).

Всѣ эти награды и дары вручены Веніамину торжественно, въ присутствіи губернатора и всѣхъ знатныхъ лицъ Казани, 1-го февраля. День былъ воскресный, и новый митрополитъ совершилъ божественную литургію и благодарственный молебенъ, предъ начатіемъ котораго прочитаны были высочайшій рескриптъ и указъ синоду. 6-го февраля митрополитъ отправилъ государынѣ благодарственное письмо, въ которомъ, между прочимъ, выразился, что ея безпримѣрные милость и судъ воскресили его отъ гроба, возвратили ему жизнь, которую онъ отъ малыхъ ногтей посвятилъ на службу по Бозѣ въ непоколебимой вѣрности монаршему престолу и отечественной пользѣ, сколько отъ него зависѣло, а продолжалась она чрезъ 53 года, по которую кле-

---

[1]) Кажется, однако, государыня невполнѣ была убѣждена въ невинности Веніамина. По крайней мѣрѣ, спустя десять лѣтъ послѣ этого событія, въ ту пору, когда во Франціи производилось остановившееся на всю Европу слѣдствіе надъ кардиналомъ Роганомъ объ ожерельѣ, купленномъ будто бы для королевы Маріи-Антуанеты,—Екатерина, по свидѣтельству *Храповицкаго* (Дневникъ, 14-го іюня 1786 г.), противополагала Рогана съ архіереемъ Казанскимъ, который сдѣланъ митрополитомъ, данъ указъ и крестъ нашитъ изъ собственнаго складни, ... а Роганъ оправданъ, но будетъ сосланъ въ ссылку.

Библиотека "Руниверс"

вета, напасть и злоба, противъ совѣсти и человѣчества, исторгнуть покушались [1]). Прибавимъ въ заключеніе, что клеветника Аристова, въ уваженіе претерпѣнныхъ имъ истязаній у Шешковскаго, императрица избавила отъ смертной казни, но велѣла наказать кнутомъ въ Казани, гдѣ жилъ оклеветанный имъ пастырь, и затѣмъ сослать въ каторжную работу въ Рогервикъ (нынѣ Балтійскій портъ).

VII.

Наше отступленіе, сознаемся очень велико, но казалось намъ отчасти необходимымъ, потому что разгромъ Казани въ Пугачевщину оказалъ важное вліяніе не только на состояніе гимназій, но даже и на самое ихъ существованіе. Возвращаемся снова исключительно къ исторіи гимназій.

Мы видѣли, что съ самаго открытія гимназій, въ теченіе 15-лѣтняго періода, постоянно каждый годъ директоры представляли о недостаточности содержанія гимназій, о тѣснотѣ помѣщенія и т. п. Пожаръ, произведенный мятежниками, истребилъ гимназическіе дома вовсе: разсадникъ просвѣщенія съ своими наставниками и воспитанниками теперь остался совершенно безпріютнымъ. Правда, довольно скоро отведено было помѣщеніе для гимназій и казеннокоштныхъ учениковъ; но все это оказывалось и недостаточнымъ, и неудобнымъ. Въ матеріалахъ, которые послужили намъ главною основою предлагаемой статьи, мы мало нашли свѣдѣній, относящихся до гимназій за 1774, 1775 и 1776 годы.

Какъ скоро возстановилось въ Казани спокойствіе послѣ постигшаго ее разгрома, Каницъ началъ хлопотать о возобновленіи гимназій. Онъ обращался съ просьбами объ этомъ къ губернатору, къ архіерею и къ П. С. Потемкину, начальнику слѣдственной коммиссіи о мятежѣ, въ распоряженіе котораго предоставлена была особая сумма, высо-

---

[1]) *Рыбушкина*, Ист. Казани, II, 1—13. *Бантыша-Каменскаго*, Словарь достопам. людей, I, 63, 263—267. Энцикл. Лексик. IX, 417—419. *Пушкина*, Сочиненія, VI, 88, 156, 538. *Державина*, Записки, 103 и 104. *Лебедева*, Графы Панины, 321—324. Этотъ послѣдній какъ будто сомнѣвается въ правотѣ Веніамина и все приписываетъ желанію государыни «замять дѣло». Но если бы это было такъ, то Екатерина поступила бы съ Веніаминомъ, какъ предполагала въ письмѣ Г. А. Потемкину; а между тѣмъ Веніаминъ оставался на своемъ мѣстѣ до 1782 года и уволенъ по прошенію съ пенсіей въ 4110 руб. Болѣе подробная біографія Веніамина помѣщена въ *Странникѣ*, 1866, январь.

Библиотека "Руниверс"

чайше назначенная на постройку сгорѣвшихъ домовъ въ Казани. Каницъ желалъ открыть классы въ одномъ изъ монастырей или въ домѣ „новокрещенской школы", но архіепископъ Веніаминъ не нашелъ возможнымъ исполнить это, потому въ особенности, что сгорѣвшая семинарія также нуждалась въ помѣщеніи. Какъ бы то ни было, но усильными просьбами Каницъ добился, что въ октябрѣ 1774 года отведенъ былъ для классовъ обгорѣвшій домъ купца Пушникова, на Проломной улицѣ [1]), гдѣ, съ приличнымъ торжествомъ, 3-го ноября и открыто было ученіе. Вскорѣ однако классы перемѣщены были въ два казенные каменные дома [2]), и сенатскимъ указомъ 5-го февраля 1776 года велѣно было оставить ихъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не отстроится особенный для гимназіи домъ.

Такимъ образомъ, по заботливости и настойчивости Каница, гимназіи вновь приступили къ продолженію своихъ педагогическихъ обязанностей, менѣе чѣмъ черезъ три мѣсяца по своемъ раззореніи. Въ дѣлахъ 1779 года мы встрѣтили весьма замѣчательное упоминаніе о томъ, что „слово, говоренное въ публичномъ собраніи гимназій въ 1775 году, было напечатано въ числѣ 1.300 экземпляровъ и съ портретомъ". Къ сожалѣнію, при этомъ не приведено полнаго заглавія этого „слова", и не обозначено его содержаніе, а также и того, чей портретъ былъ къ нему приложенъ,—и потому мы, до сихъ поръ, при всѣхъ стараніяхъ, не могли отыскать его въ разныхъ библіографическихъ изданіяхъ.

Съ начатіемъ классовъ, Каницъ, по прежнему, съ полнымъ усердіемъ, предавался какъ устройству ввѣренныхъ ему заведеній, такъ и изысканію способовъ къ распространенію полезныхъ свѣдѣній въ публикѣ вообще. Казанскій губернаторъ, князь Платонъ Степановичъ Мещерскій, хотя и не получилъ достаточнаго образованія, однако, по всему видно, понималъ пользу ученія и содѣйствовалъ Каницу въ разныхъ предпріятіяхъ. Извѣстно, что Мещерскій, будучи тридцати лѣтъ отъ роду, во время похода Ласси въ шведскія владѣнія (1742), выучился у одного пастора нѣмецкому языку и впослѣдствіи, въ Семилѣтнюю войну, еще болѣе усовершенствовалъ свои познанія. Теперь, какъ только водворилось спокойствіе въ краѣ, и Казань стала обновляться послѣ раззоренія, Мещерскій „за весьма полезное почелъ, чтобъ

---

[1]) *Рыбушкина*, Ист. Казани, I, 119.

[2]) Эти домы стоятъ рядомъ съ нынѣшнимъ зданіемъ 1-й Казанской гимназіи и занаты уѣзднымъ училищемъ.

Библиотека "Руниверс"

для образованія и удобренія нравовъ, при Казанскихъ гимназіяхъ моралическія, историческія и прочія сочиненія публично отъ времени до времени читаны были". Это вполнѣ согласовалось съ желаніями Каница, и онъ, „не взирая на крайнюю слабость своего здоровья и на приближающуюся старость лѣтъ", принялъ на себя чтеніе такихъ лекцій и продолжалъ ихъ, кажется, до конца своей жизни. Чтенія эти производились нѣсколько разъ въ году, обыкновенно въ свободные отъ ученія дни, въ послѣобѣденную пору, въ присутствіи губернатора и многочисленныхъ посѣтителей. Сочиненіе лекцій представляло Каницу не мало затрудненій, такъ какъ вся библіотека его погибла, а пріобрѣтеніе новыхъ книгъ обходилось не дешево. Поэтому иногда чтенія эти исключительно состояли изъ „моралей" Геллерта, сочиненія котораго своею простодушною простотою, вразумительными нравоученіями, безобидною, однако остроумною, шутливостію. въ ту пору пользовались громаднымъ успѣхомъ: извѣстно, что самъ Фридрихъ Великій, вообще не любившій нѣмецкой литературы и литераторовъ, называлъ Геллерта „le plus raisonnable de tous les savans allemands".—Не будемъ удивляться такимъ чтеніямъ. Если и въ наше время, наука, какъ бы оправдывая свое бытіе передъ обществомъ, угождаетъ его вкусамъ, домогается его покровительства и открываетъ иногда публичныя лекціи „популярно изложенныя",—то за 90 лѣтъ назадъ положительно было необходимо пробуждать въ обществѣ участіе къ наукамъ или указаніемъ на прямую пользу, ими приносимую, или рѣшеніемъ такихъ практическихъ вопросовъ, въ которыхъ эта польза являлась не только очевидною, но даже осязаемою.

Такъ мы узнаемъ еще, что князь Мещерскій 5-го сентября 1777 г. прислалъ къ Каницу рогъ неизвѣстнаго животнаго, найденный въ берегу рѣки Камы, въ двухъ верстахъ ниже пригорода Лаишева (нынѣ уѣздный городъ), и предлагалъ изслѣдовать эту мѣстность: „не найдется ли тамъ еще чего примѣчанія достойнаго". Плодомъ этого изслѣдованія было произнесенное Каницемъ на публичномъ актѣ гимназіи „до наукъ касающееся слово о естественныхъ въ Казанской губерніи обрѣтеніяхъ (Dissertatio de naturalibus in gubernio Kazanensi detectis)". Сочиненіе это, при отчетѣ о благосостояніи и успѣхахъ Казанскихъ гимназій, представлено было въ университетъ, конференція котораго постановила объявить Каницу благодарность и удовольствіе какъ за диссертацію, такъ и вообще за полезную дѣятельность его,—о чемъ и былъ онъ увѣдомленъ особеннымъ письмомъ директора М. В. Приклонскаго, 1-го ноября 1777 года.

Библиотека "Руниверс"

Попеченія князя Мещерскаго о распространеніи просвѣщенія доказываются еще и тѣмъ, что онъ малолѣтныхъ сиротъ дворянъ и разночинцевъ, убитыхъ въ Пугачевщину, зачислялъ въ гимназіи. Это значительно увеличивало число учениковъ; но какъ въ домахъ гимназій не было для нихъ помѣщеній, то по распоряженію губернатора, отведено было 12 квартиръ въ Татарской слободѣ и 4 въ городѣ, да и тѣхъ оказывалось недостаточно, почему Каницъ и просилъ губернатора (29-го августа 1779 г.) прибавить еще 6 квартиръ. Надобно замѣтить, что размѣщеніе учениковъ по разнымъ квартирамъ, удаленнымъ отъ гимназіи, служило однимъ изъ главныхъ препятствій къ поддержанію бдительнаго надзора за ихъ нравственностію и давало поводъ, отчасти справедливый, къ прогуливанію учениками классовъ; информаторы (учителя) также нерѣдко пропускали свои классы, отзываясь болѣзнію. Къ уничтоженію такихъ злоупотребленій Каницъ принималъ различныя мѣры: о неисправныхъ учителяхъ записано въ журналъ (1-го августа 1777 г.) и постановлено имъ на видъ возможно точное исполненіе обязанностей. Что касается учениковъ, то съ ними поступали съ обычною школьною строгостію, то-есть, наказывали розгами; но въ отношеніи казенныхъ учениковъ наказанія приняты были очень суровыя: такъ, за малоуспѣшность и другіе проступки учениковъ „изъ гимназій выкидывали, и въ примѣръ другимъ, отсылали въ Казанскую адмиралтейскую контору для записанія вѣчно въ матросы“.

Высокоторжественные дни, какъ и прежде, ознаменовывались особыми празднествами, которыя однако, кажется, отличались меньшею затѣйливостью; по крайней мѣрѣ, намъ не удавалось видѣть подробныхъ описаній. 29-го іюня 1777 г., по случаю тезоименитства государя наслѣдника, великаго князя Павла Петровича, „иллюминованы были всѣ города Казани улицы, въ числѣ онаго и при Казанскихъ гимназическихъ домахъ поставлены на столбахъ два большіе жестяные съ зажженными свѣчами казенные въ три рубля фонаря, которые и стояли до 12-го часа, а въ ономъ часу невѣдомо кѣмъ украдены“. Такое свѣдѣніе заимствовано нами изъ отношенія гимназіи въ полицію объ отысканіи покраденныхъ фонарей; но открылись ли виновники, и возвращены ли фонари—не знаемъ.

Наблюдая за нравственностію учениковъ и въ особенности стараясь давать имъ приличныя развлеченія въ вакаціальные дни, Каницъ старался возобновить при гимназіяхъ театральныя представленія. 7-го ноября 1777 г. онъ далъ инспектору гимназіи Листову

Библиотека "Руниверс"

слѣдующій ордеръ: „Поколику въ разсужденіи будущей о праздникахъ Рождества Христова вакаціи, дабы тогда находящіеся въ Казанскихъ гимназіяхъ ученики безъ всякаго благороднаго упражненія не были, то гимназіи предпріяли, для полезнаго препровожденія времени, представлять въ оную вакацію театральныя дѣйствія, въ разсужденіи чего извольте всѣмъ оныхъ гимназій ученикамъ благороднымъ и разночинцамъ обоего содержанія объявить, что если кто изъ нихъ въ таковыхъ дѣйствіяхъ быть склонность и способность въ себѣ чувствуетъ, по объявленіи сего, явились бы къ господамъ информаторамъ Горенкову и Бабушкину [1]), ибо таковыя представленія гимназіямъ похвальны и публикѣ полезны". Къ сожалѣнію, мы ничего не можемъ сказать о томъ, какое послѣдствіе имѣлъ этотъ ордеръ, и состоялись ли предполагаемые спектакли. Принимая въ соображеніе, что тогда духъ субординаціи предписывалъ безотговорочное исполненіе всякаго желанія начальства, — можно думать, что спектакли состоялись, хотя бы и не нашлось учениковъ, чувствовавшихъ въ себѣ склонность и способность къ драматическимъ представленіямъ.

Что Капицъ обладалъ педагогическимъ тактомъ и умѣлъ пользоваться различными способами развитія учениковъ и распространенія полезныхъ знаній,—это доказывается различными его распоряженіями. Мы видѣли, что онъ, съ самаго почти вступленія въ должность директора, заботился о распространеніи круга преподаванія въ гимназіяхъ и ввелъ было особые классы для ученія о состояніи неба и земли, о приведеніи сердецъ и поступковъ въ порядокъ, а также о томъ, какъ удобнѣе и съ большею пользою надобно читать книги. Эти классы, однако, были отмѣнены, по предписанію конференціи университета, а велѣно руководствоваться тѣми методами, какіе предложены были Мелиссино. Но постоянный недостатокъ въ хорошоприготовленныхъ учителяхъ былъ главною причиною неуспѣшности въ полномъ достиженіи предположенныхъ цѣлей. Еще Веревкинъ пытался учредить при гимназіяхъ родъ педагогическихъ засѣданій (конвенты), въ которыхъ учителя обсуждали мѣры „добраго правленія гимназій"; но такія собранія также отмѣнены были по распоряженію университета. Между тѣмъ необходимость подобныхъ учительскихъ совѣщаній чувствовалась тѣмъ сильнѣе, что между ними

[1]) Горенковъ былъ преподавателемъ ариѳметики и греческаго языка, а Бабушкинъ учителемъ исторіи.

Библиотека "Руниверс"

чаще встрѣчались люди малосвѣдущіе или неопытные въ преподаваніи. Поэтому Каницъ и завелъ литературно-педагогическія бесѣды учителей, собиравшіяся ежемѣсячно и иногда по нѣскольку разъ въ мѣсяцъ и происходившія въ его присутствіи. Такъ дѣло шло до 1774 года, а послѣ того, по причинѣ разоренія Казани и неустройства гимназій, эти собранія прекратились. Въ 1778 году Каницъ опять рѣшился возобновить ихъ и составилъ 4-го августа слѣдующій журналъ:

„Между прочими сихъ гимназій главнаго командира о ихъ благосостояніи попеченіями учреждено имъ, прежде общаго несчастія, чтобъ господа информаторы въ каждый мѣсяцъ по нѣскольку разъ собирались въ аудиторію, гдѣ въ его присутствіи, при чтеніи полезнѣйшихъ сочиненій, разсуждаемо было о литературныхъ матеріалахъ, также и о изобрѣтеніи лучшихъ способовъ къ обученію и воспитанію обучаемаго здѣсь юношества. А какъ сіе полезное учрежденіе по причинѣ бывшихъ притѣсненныхъ обстоятельствъ понынѣ прерваво было, то симъ отнынѣ паки опредѣляется, чтобъ они каждаго мѣсяца по крайней мѣрѣ одинъ разъ собирались въ аудиторію, гдѣ-бъ при чтеніи и разсужденіи разныхъ до наукъ и нравоученія касающихся піэсъ почерпая хорошія мысли, сообщать ихъ могли и учащимся, дабы при обученіи ихъ положенному вливаемо было въ нихъ просвѣщеніе разума, образованіе сердецъ и вкорененіе добродѣтели,—чрезъ что̀ бъ намѣреніе гимназій, съ коимъ онѣ учреждены, къ пользѣ отечества часъ отъ часу съ лучшими плодами исполняемо быть могло. А передъ каждымъ собраніемъ извѣщено имъ о томъ быть имѣетъ наканунѣ. Буде жь кто изъ нихъ чѣмъ-либо тогда отъ сего отказываться будетъ, тотъ покажетъ себя, что онъ о удобреніи своей должности, на которую онъ Богомъ призванъ, старанія прилагать не желаетъ, и съ таковымъ какъ съ нерачительнымъ исполнителемъ своей должности поступлено быть имѣетъ. И всѣмъ господамъ информаторамъ въ слышаніи сего опредѣленія подписаться“ [1]).

О такомъ постановленіи Каницъ донесъ въ подробномъ рапортѣ, 11-го августа, новому куратору университета М. М. Хераскову, объяснивъ притомъ порядокъ ученія въ гимназіяхъ вообще и извѣстивъ о тѣхъ особыхъ лекціяхъ, которыя предприняты по вызову губернатора. На этотъ разъ университетъ не нашелъ такія учительскія собранія несообразными съ уставомъ, всего вѣроятнѣе потому, что Херасковъ

---

[1]) Сравн. *Владимірова*, Историч. Записка, I, 108—110.

Библиотека "Руниверс"

самъ весьма много заботился объ улучшеніи образованія учителей и съ этою цѣлію учредилъ при университетской гимназіи педагогическую семинарію, гдѣ главнымъ дѣятелемъ былъ столь извѣстный профессоръ Іоганъ-Георгъ Шварцъ [1]).

Къ 1778 году относится одна изъ замѣчательныхъ работъ Каница, — это составленіе плана древняго города Казани съ краткимъ объясненіемъ къ нему и описаніемъ осады и взятія Казани въ 1552 году. „Чрезъ неутомимое по манускриптамъ и признакамъ изысканіе каждаго мѣста" Каницу удалось опредѣлить границы старой деревянной стѣны, окружавшей Казань. Главнымъ и самымъ точнымъ способомъ опредѣленія этой черты послужили ему крестные ходы, совершаемые въ Казани съ иконою Смоленскія Божіей Матери ежегодно въ іюлѣ мѣсяцѣ. Казань, какъ и всѣ старинные города, состояла нѣкогда изъ кремля или собственно города, обнесеннаго каменною стѣною и рвомъ, и посада, который также огражденъ былъ деревянною стѣной. Остатки деревянной стѣны существовали еще въ первой четверти XVIII столѣтія и окончательно уничтожены по распоряженію извѣстнаго А. И. Волынскаго, бывшаго въ Казани губернаторомъ. Тогда не представлялось уже надобности въ этой оградѣ, потому что городъ былъ безопасенъ отъ вторженій непріятеля, и при увеличившемся населеніи стоявшія за стѣною слободы Красная, Рыбная, Суконная, Мокрая слились съ посадами, стоявшими прежде внутри стѣны. Что касается упомянутыхъ крестныхъ ходовъ, то они установлены въ Казани съ 1654 года, въ память избавленія отъ моровой язвы. Каждый годъ 24-го іюня церковная процессія отправляется изъ Казани въ Седміозерскую пустынь, находящуюся въ 17-ти верстахъ къ сѣверу отъ города [2]). Отсюда на другой день, по совершеніи литургіи, та же процессія, принявъ изъ монастыря икону Божіей Матери Смоленскія, отправляется въ городъ и къ вечеру приходитъ въ подгородный монастырь святыхъ мучениковъ въ Кизицѣ (въ слободу Кизическую, или по просторѣчію, „въ Хижицы"). гдѣ и остается икона до утра слѣдующаго дня. 26-го іюня съ величественною торжественностію, при громадномъ стеченіи народа, икона приносится уже въ самый городъ, прямо въ Благовѣщенскій соборъ, стоящій въ крѣпости [3]). Образъ остается въ Казани до 27-го

[1]) *Шевырева*, Ист. Моск. универс., 219—222.

[2]) Списокъ насел. мѣстъ Казанск. губ., № 49.

[3]) Картина этой торжественной процессіи мастерски и живо описана въ этнографическомъ романѣ *П. И. Мельникова* (Андрея Печерскаго) «За Волгою».

Библиотека "Руниверс"

іюля, когда возвращается въ Седміозерскую пустынь, къ храмовому празднику „явленіе иконы Смоленскія Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы Одигитрія". Въ теченіе этого мѣсяца икона, по особому росписанію, переносится изъ прихода въ приходъ, и тогда каждый житель того прихода считаетъ обязанностью принять святую икону въ своемъ домѣ. Независимо отъ того, совершаются два крестные хода 2-го и 20-го іюля: въ первый обходятъ юго-западную половину города, а во второй сѣверо-восточную половину. Ходы эти совершаются по улицамъ и переулкамъ, соотвѣтствующимъ направленію древней деревянной стѣны; мѣста остановокъ, гдѣ совершаются литіи, соотвѣтствуютъ прежде бывшимъ городскимъ воротамъ. Вотъ эти крестные ходы и объяснили Каницу направленіе городской стѣны и обширность самаго города. Къ составленному на этихъ основаніяхъ плану Каницъ присоединилъ довольно подробное объясненіе и описаніе самой осады. Этотъ почтенный трудъ свой Каницъ, какъ увѣряютъ, посвятилъ митрополиту Веніамину. Въ дѣламъ гимназическихъ намъ не удалось встрѣтить никакого упоминанія объ этомъ планѣ, что̀ очень странно, потому что Каницъ о большей части своихъ произведеній доводилъ до свѣдѣнія университета.

По важности и замѣчательности этого труда, позволяемъ себѣ сообщить о немъ нѣсколько подробнѣе.

Подлинный планъ города Казани и осады его въ настоящее время хранится въ депо картъ Главнаго Штаба (за № 2228) и по тщательности отдѣлки заслуживаетъ особеннаго вниманія. Онъ начерченъ на листѣ длиною $1^1/_2$ аршина, шириною $^3/_4$ аршина. Масштабъ на на немъ не означенъ. Верхняя треть листа занята планомъ Казани 1778 года: густымъ карминомъ означены старыя каменныя зданія, тонкимъ карминомъ покрыты вновь возникшія каменныя строенія; гуммигутомъ съ тушью означены всѣ тѣ части города, которыя уцѣлѣли отъ пожара во время Пугачевскаго разгрома 1774 года. На этомъ планѣ цифрами (1—23) помѣчены названія улицъ, а буквами (А — М) площади и другія мѣста въ городѣ. Кромѣ того, особою чертою означены окружность и направленіе существовавшихъ нѣкогда деревянныхъ стѣнъ, окружавшихъ Казань.

Нижнія двѣ трети листа заняты изображеніемъ плана осады Казани въ 1552 году. Къ этой части принадлежитъ слѣдующая надпись: „Расположеніе древняго города Казани, кое она дѣйствительно имѣла въ 1552 году, когда показаннымъ здѣсь образомъ обступлена россійскимъ войскомъ и 2-го октября того же года взята была,

Библиотека "Руниверс"

изъ древнихъ манускриптовъ, преданій и прилежнѣйшихъ изслѣдованій на мѣстахъ еще находимыхъ покрытыхъ (?) остатковъ собрано и при особливо краткомъ, но точномъ описаніи всего того, что во время осады и взятія дѣйствительно происходило на всемъ, выдано отъ Ю. Ѳонъ-Каница". Для удобства сравненія древняго плана съ современнымъ на обоихъ поставлены одинаковыя буквы, означающія городскія ворота, башни, площади и проч. По сторонамъ плана помѣщены разныя пояснительныя надписи, между прочимъ, сказано, что „мѣстоположеніе отъ Волги до города и вкругъ онаго съ математическою точностію снято".

„Изъясненіе плана древняго города Казани и описаніе осады и взятія его" извѣстны намъ въ двухъ спискахъ, помѣщенныхъ въ принадлежащихъ библіотекѣ Казанскаго университета рукописныхъ сборникахъ подъ №№ 8417 и 8419 [1]). Они никогда не были изданы; впрочемъ, напечатаніе ихъ можетъ имѣть значеніе только при изданіи самаго плана. Что же касается плана, то онъ также не изданъ доселѣ, но дважды служилъ источникомъ при составленіи плановъ собственно осады Казани, а именно въ 1833 году Н. Г. Устряловымъ и въ 1834 году М. С. Рыбушкинымъ [2]). Изъ этихъ двухъ изданій планъ у Рыбушкина до нѣкоторой степени можетъ быть названъ воспроизведеніемъ или копіей подлиннаго плана Каница, только не вездѣ удержаны въ немъ тѣ знаки, какія употреблены Каницемъ для объясненія движеній русскихъ войскъ и проч. Устряловъ въ своемъ изданіи воспользовался основною идеею чертежа Каница (котораго, замѣтимъ, почему-то онъ называетъ „архитекторомъ"), а въ сущности составилъ новый чертежъ, на которомъ движенія русскихъ войскъ пріурочены къ слободамъ и деревнямъ, существующимъ нынѣ въ окрестностяхъ Казани. Главное же отступленіе отъ чертежа, составленнаго Каницемъ, состоитъ въ томъ, что Устряловъ, согласно свидѣтельству участника въ штурмѣ Казани—князя Андрея Курбскаго, а также и другимъ источникамъ [3]), ограничилъ пространство Казани лишь правымъ берегомъ Булака, тогда какъ у Каница стѣна город-

---

[1]) См. статью Историческія рукописи Казанскаго университета, въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1854, № 8, отд. III, стр. 35—37, 40—44.

[2]) Сказанія князя Курбскаго, издан. *Устрялова*, ч. I, стр. 310. *Рыбушкина*, Краткая исторія Казани, ч. I, стр. 32.

[3]) Сказанія князя *Курбскаго*, ч. I, стр. 21. Царственная книга или лѣтописецъ царя Ивана Васильевича (С.-Пб., 1769), стр. 269. Ср. *Татищева*, Ист. Росс., V, 343, 344, 346, 347, въ *Чтен. Моск. Общ. Ист.* 1847, кн. 9-я.

Библиотека "Руниверс"

ская перенесена и на лѣвый берегъ этого рва-протока. Это совершенно справедливо, но тѣмъ не менѣе и показаніе Каница о стѣнѣ, существовавшей за Булакомъ (то-есть, на лѣвой сторонѣ Булака), нельзя считать безусловно ошибочнымъ. Первоначальное намѣреніе Каница заключалось въ томъ, чтобъ опредѣлить границы деревянной стѣны, окружавшей Казань, и въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенно правъ, показавъ стѣну за Булакомъ, а ошибку сдѣлалъ въ томъ, что отчасти къ ней относилъ сказанія лѣтописей объ осадѣ. Слободы стали распространяться на лѣвый берегъ Булака вскорѣ послѣ взятія Казани: изъ писцовой книги Казани, составленной въ 1566 году, видно, что уже въ эту пору, то-есть, чрезъ 15 лѣтъ по взятіи Казани, за Булакомъ уже существовали слободы [1]). Геодезистъ Пестриковъ, составлявшій „Краткое описаніе царства Казанскаго" въ 1739 году для В. Н. Татищева, говоритъ слѣдующее: „О деревянной крѣпости, въ которомъ году построена была и кѣмъ, извѣстія нѣтъ; а въ бытность губернатора Волынскаго разрушена до основанія. Оная начало свое имѣла въ западную сторону отъ Никольскихъ воротъ и отъ рѣки Казанки и *продолжалася чрезъ рѣку Булакъ и въ Мокрую слободу; а оттуда къ Татарскому мосту, который лежитъ на Булакѣ* [2]), и прямо на гору, чрезъ Проломную улицу и къ Кузнечному ряду уваломъ; потомъ къ Ѳедоровскому монастырю, а отъ Ѳедоровскаго монастыря по увалу жь рѣки Казанки внизъ, прямо до каменной крѣпости, къ церкви великомученицы Параскевіи, нареченныя Пятницы, и къ Дмитріевскимъ воротамъ" [3]). Пестриковъ не могъ сдѣлать большихъ ошибокъ, потому что составлялъ описаніе свое не болѣе какъ лѣтъ пятнадцать спустя послѣ уничтоженія деревянной стѣны Волынскимъ, который управлялъ Казанскою губерніей съ половины 1725 до половины 1730 года. Слѣды этого „деревяннаго города" въ ту пору еще могли быть очевидны и воспоминанія о немъ живы въ на-

---

[1]) Подлинная писцовая книга, вмѣстѣ со множествомъ другихъ подобныхъ, хранится въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Мы пользовались новѣйшимъ съ нея спискомъ, имѣющимся въ археографической коммиссіи.

[2]) Все это пространство находится на лѣвой сторонѣ Булака.

[3]) Сочиненіе Пестрикова, безъ означенія его имени, извѣстно въ печати по немногимъ экземплярамъ оттисковъ, оставшихся отъ 2-го тома «Симбирскаго Сборника», котораго печатаніе остановилось за смертію издателя Д. А. Валуева. Значительная часть его, представляющая современное автору состояніе Казани, введена почти буквально *П. И. Рычковымъ* въ его «Опытъ Казанской исторіи», стр. 166—186.

Библиотека "Руниверс"

родной памяти, тѣмъ болѣе, что и понынѣ, какъ мы сказали, въ память избавленія Казани отъ моровой язвы, крестные ходы совершаются по направленію бывшей деревянной стѣны, хотя съ тѣхъ поръ расположеніе городскихъ улицъ значительно измѣнилось по причинѣ пожаровъ, много разъ опустошавшихъ Казань въ прошедшемъ и нынѣшнемъ столѣтіяхъ [1]). Что касается времени построенія деревянной стѣны за Булакомъ, то она, по всей вѣроятности, возникла послѣ покоренія Казани, и мы думаемъ, что ея началомъ послужили преимущественно тѣ укрѣпленія, которыя устроены были Русскими при осадѣ города: „повелѣ туры ставити по Булаку, вверхъ отъ Казани рѣки.... промежду туръ тынъ ставити, и утверди государь градъ Казанской крѣпостьми своими,—ни въ городъ, ни изъ города вѣсть пройдетъ" [2]). Во время Каница, лѣтъ черезъ 50 послѣ Волынскаго, послѣ страшныхъ пожаровъ, бывшихъ въ 1742, 1749, 1757 и особенно въ 1774 годахъ,—остатковъ стѣны, конечно, не существовало, и ему, дѣйствительно, приводилось составлять планъ „чрезъ неутомимое по манускриптамъ и признакамъ изысканіе каждаго мѣста". Во всякомъ случаѣ видно, что планъ, составленный Каницемъ, соотвѣтствуетъ показанію Нестрикова и вообще составляетъ весьма полезный источникъ при изученіи топографіи старой Казани.

Обращаемся къ изложенію событій, относящихся собственно до гимназіи.

Устройство зданій гимназическихъ и вообще экономическое положеніе гимназіи въ эту пору шло чрезвычайно медленно, не смотря на всѣ ходатайства Каница. Правда, еще въ ноябрѣ 1774 года, при утвержденіи общихъ правилъ для возобновленія Казани [3]), положено было начать постройку новаго гимназическаго дома; но на самомъ дѣлѣ къ этому почти не приступали и по прошествіи пяти лѣтъ послѣ того. Все ограничилось пока тѣмъ, что по распоряженію губернатора, улицу передъ (будущимъ) гимназическимъ домомъ выровняли, а вокругъ гимназическаго двора прорыли каналы, шириною въ два аршина, об-

---

[1]) Эти крестные ходы описаны у *Рыбушкина*, Исторія гор. Казани, I, 87—90, но еще съ большею подробностію въ статьѣ іеромонаха (нынѣ архимандрита) *Леонида Кавелина*: «Краткое изъясненіе плана древняго города Казани» и пр., помѣщенной въ *Маякѣ* 1843 г., № 4.

[2]) Царственная книга, стр. 269, 281. *Татищева*, Исторія Россійская, кн. V, 347, 352.

[3]) Полн. Собр. Зак. т. XIX, № 14.214.—Городскія поселенія въ Россійской имперіи, т. II, стр. 299.

Библиотека "Руниверс"

ложили ихъ дерномъ и осыпали пескомъ, а по берегамъ обсадили липками въ 4 аршина вышиною (см. донесеніе университету 26 августа 1779 года). Дѣло успѣшно и не могло идти, потому что на постройки особыхъ суммъ не отпускалось; все хотѣли исполнить „экономическимъ способомъ изъ свободныхъ остатковъ", а остатковъ не оказывалось. Да и не могли они оказываться, потому что изъ ассигнованной по штату на гимназіи суммы 3.400 р. (считая тутъ и жалованье директору и информаторамъ) постоянно не досылалось по тысячѣ рублей, а иногда и болѣе. Вслѣдствіе этого въ дѣлахъ мы встрѣчаемъ безпрестанныя и весьма жалобныя просьбы о досылкѣ денегъ: гимназіи входили въ долги; учителя, раззорившіеся въ Пугачевщину, не получая жалованья, вынуждены были снискивать себѣ пропитаніе наймомъ въ разныя работы. Въ рапортѣ университету 7-го октября 1779 года Каницъ, описывая такое стѣсненное положеніе, между прочимъ выражается: „жители дивятся, что гимназіи такъ оставлены". Обыкновенно суммы на содержаніе гимназій получались по векселямъ графа А. Р. Воронцова съ Шамбутскаго винокуреннаго завода, находившагося въ нынѣшнемъ Лаишевскомъ уѣздѣ [1]). Такой способъ полученія денегъ оказывался крайне затруднительнымъ, потому что и самое управленіе казеннымъ винокуреніемъ шло неудовлетворительно.

Къ этому періоду жизни Каница и управленія его гимназіями относится слѣдующій разказъ И. И. Дмитріева. Когда Херасковъ издалъ „Россіяду" (1779), то общество Новикова, состоявшее большею частію изъ почитателей поэта, вознамѣрилось написать разборъ его поэмы; но по неопытности въ критической оцѣнкѣ литературныхъ произведеній ничего не съумѣли сдѣлать. „Писали, чертили, переправляли, и наконецъ, при всемъ своемъ усердіи сознались въ своемъ безсиліи и предоставили этотъ трудъ совершить Нѣмцу, директору Казанской гимназіи. Ю. И. фонъ-Каницъ, не имѣвшій съ ними никакого сношенія, самопроизвольно сочинилъ на нѣмецкомъ языкѣ этотъ разборъ и помѣстилъ его въ *Рижскомъ Журналѣ*. Тогда тотчасъ поспѣлъ переводъ и напечатанъ въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ*, котораго издателемъ былъ г. Брайко, чиновникъ иностранной коллегіи" [2]).

---

[1]) Списокъ селеній Казан. губ., № 1048. Замѣтимъ, кстати, что и содержаніе Московскаго университета значительною частью относилось на доходы съ питейныхъ откуповъ. *Шевырева*, Ист. Москов. университ. стр. 59.

[2]) *Дмитріева*, Взглядъ на мою жизнь, стр. 84. *М. Н. Лонгиновъ* въ своихъ

Библиотека "Руниверс"

Посреди заботъ о приведеніи Казанскихъ гимназій въ надлежащее устройство, постигла Каница болѣзнь, отъ которой онъ и умеръ 6-го марта 1781 г. Подробностей о послѣднемъ времени его жизни намъ не удалось встрѣтить; но между разными бумагами мы нашли отпуски двухъ прошеній, писанныхъ Каницемъ въ февралѣ 1777 г. Одно изъ нихъ на высочайшее имя заключало въ себѣ просьбу о производствѣ Каница въ чинъ коллежскаго совѣтника. Прописавъ всю свою службу до назначенія командиромъ гимназій, онъ излагаетъ всѣ труды свои въ этомъ званіи, о которыхъ мы сообщали въ своихъ мѣстахъ. Другое прошеніе на имя директора университета В. Е. Ададурова — о томъ же и въ главныхъ частахъ почти буквально сходно съ первымъ прошеніемъ. Въ немъ только съ бо̀льшими подробностями Каницъ описываетъ свое стѣсненное положеніе послѣ Пугачевскаго раззоренія и какъ-бы смѣлѣе говоритъ о трудахъ своихъ, особенно указываетъ на свои сочиненія, которыя всегда „въ университетъ отъ каждаго публичнаго собранія посыланы были". Нѣтъ сомнѣнія, что Каницъ въ этомъ случаѣ былъ откровеннѣе предъ Ададуровымъ, потому что тотъ еще въ 1772 году представлялъ его къ производству въ слѣдующій чинъ за приведеніе гимназій въ отличное состояніе и вообще за полезную и неутомимую его дѣятельность. Въ ходатайствѣ этомъ было, впрочемъ, тогда отказано, на томъ основаніи, что въ общихъ спискахъ чиновниковъ считалось еще 12 надворныхъ совѣтниковъ, которые по службѣ гораздо старше Каница. Теперь Каницъ просилъ возобновить представленіе о чинѣ и исходатайствовать прибавку 200 рублей къ получаемому имъ жалованью, потому что дороговизна содержанія въ Казани увеличивалась со дня на день, а онъ не имѣлъ возможности дѣлать какіе-либо денежные обороты, потому что хотя въ ту пору уже и былъ открытъ въ Казани банкъ, однако въ закладъ въ немъ принимались только населенныя имѣнія и драгоцѣнности, а Каницъ не имѣлъ ни того, ни другаго. Просьбы Каница въ этотъ разъ имѣли болѣе успѣха: мы не знаемъ, сдѣлали ли ему прибавку жалованья, но можемъ сказать, что въ желаемый чинъ коллежскаго совѣтника онъ былъ произведенъ.

Управляя гимназіями болѣе 17 лѣтъ, Каницъ, какъ мы видѣли, дѣйствительно выказалъ много усердія къ дѣлу распространенія просвѣщенія. Если ему и не удалось поставить ихъ на надлежащую сте-

---

библіографическихъ замѣткахъ о Херасковѣ (*Русскій Архивъ*, 1873 г.) не упоминаетъ объ этомъ разборѣ «Россіяды».

Библиотека "Руниверс"

пень совершенства, то виноватъ въ этомъ былъ не самъ онъ, а тѣ обстоятельства и отношенія, въ коихъ находился онъ, какъ лицо, подчиненное университету. Средства содержанія гимназій никогда не были обезпечены, а со времени Пугачевскаго раззоренія гимназіи приходилось ,какъ-бы вновь открывать. Надобно удивляться, какъ умѣлъ изворачиваться Каницъ, что гимназіи не закрылись вовсе.

Несомнѣнно, что Каницъ былъ человѣкъ просвѣщенный и обладалъ свѣдѣніями разнообразными, если не глубокими; но насъ чрезвычайно удивляетъ то обстоятельство, что въ дѣлахъ гимназій мы не встрѣтили никакихъ извѣстій о посѣщавшихъ Казань и Казанскую губернію ученыхъ экспедиціяхъ. Въ періодъ управленія Каница здѣсь проѣзжали Паллась, Рычковъ, Лепехинъ, Озерецковскій, Георги, Фалькъ,—послѣдній даже умеръ въ Казани, прекративъ жизнь свою, въ припадкѣ ипохондріи, выстрѣломъ. Казалось бы, что Каницу, какъ представителю учености въ здѣшнемъ краѣ, слѣдовало являться посредникомъ въ сношеніяхъ этихъ лицъ съ мѣстными властями и т. п.; но повторяемъ, ничего подобнаго въ бумагахъ гимназическихъ не встрѣчается. Дѣйствительно ли Каницъ не входилъ ни въ какія сношенія съ учеными путешественниками, или не сохранилось о томъ извѣстій, быть можетъ, потому, что самъ Каницъ считалъ эти сношенія неважными,—рѣшить трудно [1]). Не менѣе странно и то, что всѣ упомянутые путешественники въ своихъ запискахъ не говорятъ ничего о гимназіяхъ и ихъ директорѣ. Только у одного Фалька встрѣчается слѣдующее коротенькое и неудовлетворительное упоминаніе: „Казанская гимназія состоитъ подъ вѣдѣніемъ Московскаго университета“ [2]), тогда какъ о семинаріи и училищахъ для дѣтей инородцевъ сообщаютъ нѣкоторыя подробности. Должно ли приписать это тому, что путешественники-естествоиспытатели, большею частію, скупились сообщать свѣдѣнія о предметахъ, не касавшихся спеціальной

---

[1]) Скажу съ большею осторожностію: быть можетъ, я не умѣлъ отыскать слѣдовъ этихъ сношеній. Вообще, было бы желательно, чтобы кто-нибудь изъ Казанцевъ съ большею тщательностію проштудировалъ старинный архивъ гимназій. Въ началѣ своей статьи я объяснилъ, что мое знакомство съ архивомъ вызвано было другою цѣлью и теперь, по истеченіи 20 лѣтъ, я не смѣю съ увѣренностью говорить, что я въ свои замѣтки внесъ все достопримѣчательное. Прибавлю и то, что когда я разсматривалъ дѣла гимназій, то не думалъ, что я оставлю Казань; нерѣдко дѣлалъ самыя краткія замѣтки, надѣясь, въ случаѣ надобности обратиться прямо къ источнику.

[2]) Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи, VI, 171.

Библиотека "Руниверс"

цѣли ихъ экспедицій, или въ ихъ молчаніи слѣдуетъ видѣть приговоръ о состояніи гимназій.

Состояніе гимназій, дѣйствительно, какъ мы знаемъ, въ строгомъ смыслѣ, похвалить, конечно, было нельзя. Каницъ, по его личнымъ отношеніямъ къ нѣкоторымъ начальствующимъ лицамъ въ университетѣ, хотя съ величайшими хлопотами, однако улаживалъ дѣла; теперь, съ его смертію, эти отношенія еще болѣе нарушились.

VIII.

Послѣ Каница „командованіе" гимназіями принялъ преміеръ-маіоръ *Георгъ Веделъ*; но не надолго, и исправленіе должности командира поручено было инспектору гимназіи коллежскому регистратору *Борису Листову* [1]).

Листовъ управлялъ гимназіями около года. Немного свѣдѣній можно сообщить о гимназіяхъ за этотъ періодъ. Можно сказать одно, что гимназіи продолжали существовать подъ тѣми же неблагопріятными условіями необезпеченности въ средствахъ. Полагаемъ, что главною причиною такого положенія дѣлъ служило то обстоятельство, что въ эту пору уже были въ ходу новыя предположенія правительства относительно устройства учебныхъ заведеній вообще, окончившіяся открытіемъ особой „коммиссіи объ установленіи въ государствѣ народныхъ училищъ" [2]). Конечно, въ ожиданіи этихъ преобразованій, Московскій университетъ и не находилъ удобнымъ принимать настойчивыя мѣры къ обезпеченію гимназій, удаленныхъ отъ непо-

---

[1]) Листовъ происходилъ изъ духовнаго званія и кончилъ курсъ въ Казанской семинаріи. Въ гимназію поступилъ онъ учителемъ съ 1762 года, а съ 1770 года былъ инспекторомъ и за труды, понесенные во время разоренія Казани Пугачевымъ, произведенъ былъ за отличіе въ чинъ коллежскаго регистратора. Впослѣдствіи, когда гимназія была закрыта, Листовъ поступилъ въ гражданскую службу и былъ стряпчимъ въ Казанской верхней расправѣ.

[2]) Указъ 7-го сентября 1782 года.—Полн. Собр. Зак. т. XXI, № 16507.—«Первоприсутствующимъ» въ коммиссіи былъ Завадовскій, впослѣдствіи графъ и первый министръ народнаго просвѣщенія. Екатерина II возлагала великія надежды на просвѣтительное вліяніе этихъ училищъ. *Храповицкій* (Записки, 18-го іюля и 20-го октября 1782 г.) приводитъ слѣдующія слова императрицы: «Въ 60 лѣтъ всѣ расколы исчезнутъ; коль скоро заведутся и утвердятся народныя школы, то невѣжество истребится само собою; тутъ насилія не надобно.... Заведеніемъ народныхъ школъ разнообразные въ Россіи обычаи приведутъ въ согласіе, и исправятся нравы». Для организаціи школъ былъ приглашенъ изъ Австріи ученый педагогъ Сербъ Ѳ. И. Янковичъ де-Миріево.

Библиотека "Руниверс"

средственнаго наблюденія и къ тому же подвершихся страшному разгрому. Въ 1781 г. открыто было Казанское намѣстничество [1]). По этому случаю часть гимназическаго помѣщенія, именно „командирскіе покои" (такъ какъ настоящаго командира не было) заняли подъ гражданскую и уголовную палату. Ученики, по прежнему, жили на отведенныхъ квартирахъ въ Татарской слободѣ.

Личный составъ гимназическихъ преподавателей въ эту пору былъ слѣдующій: инспекторъ Борисъ Листовъ преподавалъ латинскій языкъ въ среднихъ классахъ; катихизитаторомъ греко-россійскаго исповѣданія былъ священникъ Левъ Ѳедоровъ; информаторы преподавали: Григорій Горенковъ — ариѳметику въ высшихъ классахъ и греческій языкъ; Филипъ Фастрицкій — языкъ россійскій и въ нижнихъ классахъ ариѳметику и латинскій языкъ; Егоръ Бабушкинъ — исторію, съ присовокупленіемъ нравоученія, и географію; Ларіонъ Ивановъ — геометрію, тригонометрію и фортификацію; Петръ Лаурини — латинскій языкъ въ высшихъ классахъ; Даніилъ Редеръ — нѣмецкій языкъ въ высшихъ, а Иванъ Рейхвальдъ — въ низшихъ училищахъ; Иванъ Лаватеръ — французскій языкъ; Исканъ Хальфинъ — татарскій языкъ, Даніилъ Орфеевъ — музыку и Василій Смирновъ — рисованіе.

О количествѣ учениковъ свѣдѣній не имѣемъ, но въ одномъ отпускѣ „объясненія", представленнаго гимназіями въ намѣстническое правленіе [2]), говорится, что хотя на казенномъ содержаніи предписано имѣть 40 дворянъ и столько же разночинцевъ съ тѣмъ, чтобы по обученіи ихъ предписанному отправлять въ Московскій университетъ къ слушанію профессорскихъ лекцій и къ производству ихъ въ студенты, да кромѣ того, еще 60 разночинцевъ для пріуготовленія ихъ въ приказное званіе, — однако полнаго числа не состояло на лицо, за „неозначеніемъ на содержаніе суммы". „Но Казанскія гимназіи", прибавляло объясненіе, — „твердую имѣютъ надежду, что, при высочайшемъ попеченіи премудрыя обладательницы о распространеніи въ отечествѣ наукъ, оныя, чрезъ одареніе всѣмъ для нихъ потребнымъ, въ совершенное процвѣтаніе приведены будутъ". На сколько осуществились эти лестныя надежды, увидимъ далѣе. Здѣсь же, для курьеза,

---

[1]) Сентября 28 и 30-го. См. Полн. Собр. Зак., XXI, №№ 15.241 и 15.243. Торжественное же открытіе совершено 23-го декабря 1781 г. Генералъ-губернаторомъ Казанскимъ и Пензенскимъ остался князь П. С. Мещерскій, а губернаторомъ Казанскимъ назначенъ Илья Богдановичъ Бибиковъ.

[2]) Въ дѣлахъ 1782, л. 443 и 516.

Библиотека "Руниверс"

приведемъ замѣченную нами фюрму исключенія неблагонравныхъ и лѣнивыхъ учениковъ своекоштныхъ. Такъ ученика Брудинскаго велѣно было „при всѣхъ прочихъ ученикахъ изъ гимназіи чрезъ сторожа выбить". Въ чемъ состояла вина его, я въ своихъ замѣткахъ не нахожу [1]).

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1782 года командиромъ гимназій назначенъ Казанскаго 3-го баталіона подполковникъ *Иванъ Ѳедоровичъ фонъ-Людеманъ*, кажется, съ оставленіемъ и въ прежней должности.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о прежней дѣятельности этого новаго директора и не можемъ сказать, на чемъ основывались его права на полученіе званія главнаго руководителя по учебной части въ краю, столь обширномъ и удаленномъ отъ столицъ, гдѣ находились учебныя заведенія. Впрочемъ, сколько можно заключать изъ бывшихъ въ нашемъ разсмотрѣніи матеріаловъ, фонъ-Людеманъ обладалъ нѣкоторыми свѣдѣніями и вообще довольно внимательно относился къ гимназіямъ.

Главною заботой его было обезпеченіе экономическаго состоянія гимназій. Донося университету (2-го мая 1782 года) о вступленіи своемъ въ должность (29-го апрѣля), Людеманъ довольно обстоятельно описываетъ состояніе гимназій въ учебномъ, административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Онъ особенно распространяется о томъ, что учители и ученики постоянно нуждаются до крайности въ деньгахъ, потому что гимназіи никогда не получаютъ сполна ассигнованной по штату суммы, и усерднѣйше проситъ начальство университета обратить на это обстоятельство милостивое вниманіе, и, сколь возможно, устранить его вовсе, или по крайней мѣрѣ, ослабить его неблагопріятное и даже вредное вліяніе. Ученики, живущіе разсѣянно по отдаленнымъ концамъ города, на бѣдныхъ квартирахъ, легко портятъ свою нравственность, потому что бдительный надзоръ за ними оказывается рѣшительно невозможнымъ. Хотя вмѣсто погорѣвшихъ въ 1774 году деревянныхъ зданій и разрѣшено построить для гимназій каменный домъ, однако, исполненіе такого предположенія не предвидится въ близкомъ будущемъ, почему Людеманъ и проситъ университетъ дозволить ему обратиться съ просьбою къ генералъ-губернатору князю Мещерскому о занятіи какого-либо казеннаго зданія подъ квартиры учениковъ, „пока настоящій гимназическій

---

[1]) Еще свѣдѣнія относящіяся къ 1781 году: возъ сѣна въ Казани продавался за 50 коп., пудъ «простыхъ сальныхъ» свѣчъ стоилъ 2 руб. 60 коп.

Библиотека "Руниверс"

домъ построенъ будетъ". Необходимость такой мѣры Людеманъ доказывалъ тѣмъ, что „если ученики и впредь порознь находиться будутъ, то никогда сіе въ пользу отечества учрежденное училище въ принадлежащее процвѣтаніе привесть невозможно будетъ".

Представленіе Людемана не достигло вполнѣ свой цѣли. Университетъ держался въ подобныхъ случаяхъ давно принятой системы молчанія, которое прерывалось только послѣ многократныхъ убѣдительныхъ просьбъ, да и то не всегда совершенно удовлетворительнымъ отвѣтомъ. А между тѣмъ Людеманъ для совокупнаго помѣщенія всѣхъ учениковъ пріискалъ вблизи гимназіи довольно удобный домъ, „только онъ ни снутри, ни снаружи былъ еще не отстроенъ": Людеманъ все-таки донесъ университету (20-го іюня) о выгодности пріобрѣтенія или найма этого дома. Черезъ двѣ недѣли послѣ того (4-го іюля), Людеманъ рапортовалъ университету, что въ гимназіяхъ публичнаго экзамена учинить было нельзя, потому что большая часть гимназическаго помѣщенія взята подъ гражданскую и уголовную палаты. Онъ просилъ при этомъ, чтобъ университетъ отнесся къ генералъ-губернатору о перемѣщеніи палатъ и объ освобожденіи помѣщенія для гимназій.

Вотъ каковы были нужды гимназій Казанскихъ; но университетъ оставлялъ ихъ безъ удовлетворенія, и только черезъ два года по вступленіи Людемана въ должность послѣдовалъ положительный отвѣтъ на одно изъ главныхъ его ходатайствъ. Директоръ университета М. В. Приклонскій, 12-го марта 1784 года, увѣдомилъ Людемана: „дабы учители отъ неполнаго жалованья не могли претерпѣвать въ содержаніи себя крайней нужды, а паче къ лучшему во всѣхъ (во всемъ?) сихъ гимназій содержанію", — прибавлено еще 500 руб. къ положеннымъ по штату 2.900 рублямъ. Но и это увѣдомленіе нѣсколько странно, потому что еще въ 1765 году къ штатной суммѣ прибавлено было 500 руб., и общій бюджетъ гимназій съ тѣхъ поръ постоянно простирался также до 3.400 руб. Правда, эти 500 рублей тогда назначались собственно въ жалованье фонъ-Каницу; но въ дѣйствительности, какъ мы знаемъ, положенная сумма никогда не высылалась и въ 1779 году Каницъ именно указывалъ на это. Мы не знаемъ, какъ при жизни Каница пополнялись эти дефициты по штату; но очевидно, что университетъ, съ смертью Каница, вовсе прекратилъ отпускъ этой прибавочной суммы, и конечно, имѣлъ достаточное къ тому основаніе. Теперь эта прибавка вводилась въ штатъ, какъ существенная его часть.

Библиотека "Руниверс"

Что касается дѣйствій Людемана въ отношеніи къ учебной части гимназій, то личность его какъ-то не ясно обрисовывается. Встрѣчается въ дѣлахъ 1784 года очень интересное извѣстіе о томъ, что у него каждую недѣлю устраивались концерты, въ которыхъ участвовали знающіе музыку информаторы Де-Моръ и Рейхвальдъ и даже посторонніе лица. Это обличаетъ въ Людеманѣ любителя изящныхъ искусствъ, и его концерты, въ нѣкоторомъ отношеніи, замѣнили прежнія театральныя представленія, имѣвшія цѣлью проводить въ публику, то-есть, въ массу народа, идеи гуманности и даже разныя полезныя свѣдѣнія.

Нельзя оставить безъ замѣченія также и то обстоятельство, что въ эту пору университетъ какъ-то вообще мало относился къ гимназіямъ. Эти отношенія почти исключительно касаются предметовъ чисто служебныхъ, что называется канцелярскихъ, напримѣръ, о производствѣ инспектора гимназіи Бориса Листова (указомъ 16-го іюля 1784 года) въ губернскіе секретари, и т. п. Сюда же принадлежитъ и сообщеніе, что указомъ 11-го марта 1784 года Высочайше повелѣно, „если кто изъ академиковъ, профессоровъ или адъюнктовъ употребленъ будетъ коммиссіей объ установленіи въ государствѣ народныхъ училищъ для дѣлъ, ей порученныхъ, въ томъ не надлежитъ препятствовать или же затрудненія дѣлать". Это общее постановленіе прямо не относилось до Казанскихъ гимназій, потому что никто изъ здѣшнихъ учителей, сколько извѣстно, въ коммиссію приглашенъ не былъ.

Ничего также нельзя сказать о томъ, въ какихъ отношеніяхъ къ Казанскимъ гимназіямъ находились Московскія „Ученое дружеское общество" и „Типографическая компанія", дѣятельность которыхъ въ это время была въ полномъ развитіи. Можно предполагать, что оба эти учрежденія, стремившіяся къ распространенію „различнаго рода книгъ, особливо же учебныхъ, и о доставленіи ихъ въ училища", не забыли Казанскихъ гимназій, подчиненныхъ Московскому университету, типографію котораго знаменитый Н. И. Новиковъ взялъ въ откупъ на десять лѣтъ еще въ 1779 году и вскорѣ сблизился тѣснѣйшимъ образомъ съ „Нѣмчикомъ" И. Е. Шварцемъ, а черезъ него и съ И. А. Татищевымъ, богатымъ Казанскимъ помѣщикомъ, который, ставши усерднымъ масономъ, сдѣлалъ большія пожертвованія на предпріятія „Дружескаго ученаго общества". Новиковъ, стараясь о распространеніи книжной торговли, завелъ коммиссіонеровъ и открылъ книжныя лавки въ различныхъ городахъ; но ни откуда не видно,

Библиотека "Руниверс"

чтобы коммиссіонерство или книжныя лавки учреждены были въ Казани [1]). И. И. Дмитріевъ, ссылаясь на И. П. Тургенева, одного изъ главнѣйшихъ сотрудниковъ и друзей Новикова, положительно утверждаетъ, что Каницъ не имѣлъ никакихъ сношеній съ Новиковскимъ обществомъ [2]). Это свидѣтельство очень важно; но вообще какъ-то трудно представить, чтобы „Дружеское общество" или „Типографическая компанія" не имѣли никакихъ отношеній къ Казани, гдѣ еще въ 1776 году существовала масонская ложа „Восходящаго солнца" [3]). Что въ дѣлахъ гимназическаго архива не удалось открыть свѣдѣній по этому любопытному предмету, то это я готовъ приписать самому себѣ, потому что въ свое время не обратилъ должнаго вниманія на счеты о пріобрѣтеніи книгъ и т. п. Это замѣчаніе пусть послужитъ указаніемъ для того, кто со временемъ тщательно займется разсмотрѣніемъ дѣлъ гимназическаго архива.

Особенно замѣчательны въ этомъ періодѣ случаи, дававшіе поводъ генералъ-губернатору князю Мещерскому вступать въ сношенія съ гимназіями.

Въ іюнѣ 1782 года гимназіямъ было сообщено, что въ непродолжительномъ времени прибудетъ изъ Петербурга въ Казань полковникъ Алексѣй Михайловичъ Бушуевъ, имѣющій у себя указъ путешествовать въ нѣкоторые Россійскаго государства города, и что съ нимъ находятся нѣсколько офицеровъ гвардіи и одинъ профессоръ академіи. Въ случаѣ посѣщенія ими гимназіи предлагалось удовольствовать ихъ любопытство и сообщить имъ все потребное къ пріобрѣтенію полезнѣйшихъ о своей землѣ познаній.

Изъ дѣлъ гимназіи усматривается, что эти путешественники прибыли въ Казань въ концѣ іюля и осмотрѣли гимназіи, — но болѣе никакихъ подробностей мы не встрѣтили. Изъ другихъ же источниковъ объ этихъ путешественникахъ знаемъ слѣдующее.

Почти съ самаго открытія шляхетскаго сухопутнаго корпуса въ числѣ кадетовъ состоялъ „нѣкакій воспитанникъ г. Бобринскій". Носилась въ народѣ тайная молва, что находящаяся въ Тульской губерніи и прославившаяся во всей Россіи „Бобриковская, а также

---

[1]) *М. Н. Лонгинова*, Новиковъ и Московскіе Мартинисты, 110, 122, 126, 138, 209. Между тѣмъ, книжная лавка при гимназіи открыта была въ Казани еще въ 1762 году.

[2]) *И. И. Дмитріевъ*, Взглядъ на мою жизнь, 84.

[3]) *Русскій Вѣстникъ* 1857 г. ч. XII, стр. 175. *Пекарскій*, Дополненія къ исторіи масонства, стр. 181.

Библиотека "Руниверс"

и присоединенная къ ней знаменитая Богородицкая, также и прикупленная на доходъ съ сихъ третья Кіясовская, волости назначались этому воспитаннику". Такъ говоритъ извѣстный своими мемуарами А. Т. Болотовъ, занимавшійся строеніемъ палаццо и разведеніемъ сада въ селѣ Бобрикахъ, и присовокупляетъ къ тому, что „званіе его (Бобринскаго), сходственное съ Бобриковскою волостью, и отмѣнное отъ всѣхъ прочихъ казенныхъ деревень управленіе сихъ волостей, называвшихся все время правленія императрицы ея собственными, украшеніе ихъ разными зданіями, несмѣшиваніе доходовъ съ нихъ ни съ какими иными государственными, а достановливаніе оныхъ въ особо назначаемыя мѣста, и наконецъ, препоручиваніе оныхъ всегда особымъ командирамъ и содержаніе ихъ во всемъ почти на дворянскомъ правѣ, подавали поводъ къ таковымъ заключеніямъ, и всѣ почти не сомнѣвались, что они выбудутъ нѣкогда изъ казеннаго вѣдомства и пожалованы будутъ помянутому знаменитому воспитаннику" [1]). Въ 1782 году кадетъ Бобринскій выпущенъ изъ корпуса съ чиномъ лейбъ-гвардіи поручика. По уставу корпуса, отличные изъ выпускаемыхъ кадетовъ предназначаемы были въ путешествіе по Россіи и за границею. Вслѣдствіе этого главный начальникъ корпуса И. И. Бецкій избралъ четырехъ молодыхъ поручиковъ Алексѣя Григорьевича Бобринскаго, Алексѣя Ульяновича Болотникова, Николая Сергѣевича Свѣчина и Николая Ивановича Борисова; въ руководители имъ назначены полковникъ Алексѣй Михайловичъ Бушуевъ и академикъ Николай Яковлевичъ Озерецковскій [2]).

Для молодыхъ путешественниковъ была составлена 20-го мая

---

[1]) *Русскій Архивъ* 1864 г., стр. 751—753.

[2]) Всѣ эти молодые путешественники впослѣдствіи занимали весьма видныя мѣста въ государственной службѣ. А. Г. Бобринскій (1762—1813 гг.) при Екатеринѣ достигъ чина бригадира, а императоръ Павелъ произвелъ его въ генералъ-маіоры и пожаловалъ ему графское достоинство. А. У. Болотниковъ былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, госмейстеромъ и членомъ государственнаго совѣта. Н. С. Свѣчинъ былъ Санктпетербургскимъ комендантомъ и генералъ-провіантмейстеромъ; онъ былъ женатъ на Софьѣ Петровнѣ Соймоновой, перешедшей въ католичество и до конца своей жизни остающейся ультрамонтанкою. Объ Алексѣѣ Михайловичѣ Бушуевѣ извѣстно, что онъ состоялъ въ званіи адъютанта при А. И. Бибиковѣ, сопровождалъ его въ разныхъ путешествіяхъ и занимался перепискою его бумагъ, такъ какъ отличался красивымъ почеркомъ; онъ находился при Бибиковѣ до самой его кончины. *Я. К. Грота*, Матеріалы для истор. Пугачевск. бунта, стр. 10.

Библиотека "Руниверс"

Бецкимъ краткая, но замѣчательная инструкція, которую мы считаемъ не лишнимъ привести вполнѣ.

„Для путешествія вашего положено три года; а какъ познаніе своей земли необходимо нужно для всякаго благорожденнаго гражданина, уготовляющагося служить съ отмѣнною пользою отечеству, то и можете вы расположить путешествіе слѣдующимъ образомъ:

1) „Начать оное по Россіи, отсюда въ Москву, по всѣмъ знатнымъ, или хотя и не знатнымъ, но въ разсужденіи пріобрѣтенія полезныхъ знаній достойнымъ любопытства городамъ, не оставляя и части Сибири до Пермской губерніи, заключающей въ себѣ толь много отмѣнностей, и наконецъ, проѣзжая Малороссію чрезъ Кіевъ, въ чужихъ краяхъ Польшею, а оттуда въ Вѣну, въ Италію, въ Швейцарскіе кантоны, во Францію, Англію, Голландію и чрезъ Германію, а буде время допустить, то и чрезъ Данію и Швецію, предпріять обратный путь.

2) „Вамъ извѣстно, что всякое путешествіе въ чужихъ краяхъ должно имѣть себѣ предметомъ просвѣщеніе, пріобрѣтаемое познаніемъ свѣта, то-есть, людей, разностію климатовъ и правленія до безконечности отличаемыхъ, ихъ нравовъ, обычаевъ, великолѣпныхъ остатковъ ихъ минувшей славы и чѣмъ нынѣ славятся, ихъ образа правительства и слѣдствій онаго, причинствующихъ возвышенія, упадки, благоденствія и удрученіе народовъ, ихъ успѣховъ въ наукахъ или художествахъ; ихъ полезныхъ заведеній, установленій, воспиталищъ и обращенія въ бесѣдахъ, и словомъ, всего, что̀ достойно похвалы и подражанія, и даже и того, что̀ подвержено осужденію, для избѣжанія онаго; то надѣюсь, что, подкрѣпляемые совѣтами г. Бушуева, вы не пропустите ничего, заслуживающаго уваженія изъ пространной живой книги, выразительнѣе всякихъ книгъ научающей почерпнуть всѣ возможныя свѣдѣнія къ большому образованію сердца и разума, дабы со временемъ принесть существительныя услуги своему отечеству.

3) „Къ основательнѣйшему самихъ себя наставленію почитаю за весьма нужное вести дневныя записки или журналъ всему, что̀ видѣли, присоединяя ваши собственныя примѣчанія и разсужденія. Въ Россіи можетъ вамъ въ томъ вспомоществовать г. Озерецковскій, уже путешествовавшій по оной, которому также вести журналъ особый; почему, по свѣдѣнію его, удобнѣе пріобрѣтете полезнѣйшія познанія о своемъ отечествѣ какъ въ разсужденіи даровъ, коими его натура снабдѣваетъ, такъ и въ разсужденіи человѣчества, дѣлая свои на-

Библиотека "Руниверс"

блюденія о всемъ, что до сего касается, какъ-то о новомъ учрежденіи намѣстниковъ, о естественныхъ произведеніяхъ земли, о хлѣбопашествѣ, о торговлѣ, о правѣ, обычаяхъ жителей, о ихъ привольяхъ и недостаткахъ.

4) „Для лучшаго споспѣшествованія къ достиженію въ семъ путешествіи полагаемыхъ полезныхъ предметовъ, вручаются вамъ препоручительныя письма, въ Россіи — ко всѣмъ губернаторамъ, а въ чужихъ краяхъ — къ министрамъ и прочимъ особамъ, могущимъ съ выгодою вамъ вспомоществовать, чрезъ которыхъ можете присылать извѣстія, какъ о себѣ, такъ и о томъ кратко, что достойнѣе всего вашимъ любопытствомъ замѣчено“ [1]).

Въ рекомендательныхъ отношеніяхъ къ губернаторамъ Бецкій, между прочимъ, выражался: „Препоручаю ихъ вспомоществованію вашему, надѣяся, что не изволите оставить, по желанію ихъ, согласному съ совѣтами г. Бушуева, преподать имъ легчайшихъ способовъ во всемъ томъ, что какъ къ удовольствованію ихъ любопытства, пріобрѣтающаго имъ полезнѣйшія о своей землѣ познанія, такъ и всего, что къ достиженію полагаемыхъ въ семъ путешествіи предметовъ нужно отъ вашего наставленія или какого другаго пособія“ [2]).

Нѣтъ сомнѣнія, что при такой обстановкѣ путешественники встрѣтили вездѣ отличный пріемъ: губернаторы употребили возможные способы, дабы открыть имъ все, что могло сыскаться нужное и полезное къ свѣдѣнію, споспѣшествуя притомъ похвальному ихъ любопытству. Поэтому было бы чрезвычайно любопытно знать, представлены ли ими впослѣдствіи требуемые журналы, и гдѣ они находятся. Относительно журнала Н. Я. Озерецковскаго извѣстно, что въ печати его нѣтъ; но, быть можетъ, въ архивѣ Академіи Наукъ есть особыя донесенія его объ этомъ путешествіи.

Другое замѣчательное отношеніе генералъ-губернатора къ Казанской гимназіи въ 1872 году касалось слѣдующаго предмета. По указу ея императорскаго величества, находящійся у принятія челобитенъ на высочайшее имя полковникъ Соймоновъ [3]) сообщилъ князю Мещерскому планъ къ сочиненію топографическаго описанія намѣстни-

---

[1]) *Чтенія Моск. Общ. Ист.* 1863, IV, 143—145.

[2]) *Русскій Архивъ* 1865 г., стр. 951.

[3]) Статсъ-секретарь Петръ Александровичъ Соймоновъ управлялъ русскою придворною труппой; онъ былъ племянникомъ извѣстнаго составителя новыхъ картъ Каспійскаго моря — Ѳед. Ив. Соймонова. О дочери Соймонова, Софьѣ Петровнѣ, по мужѣ Сивчиной, упомянуто выше.

Библиотека "Руниверс"

чества „для сочиненія генеральнаго описанія Россійской имперіи". Вслѣдствіе этого, намѣстническое правленіе и потребовало отъ гимназій свѣдѣній о началѣ и настоящемъ состояніи ихъ. Планъ описанія намѣстничества намъ не извѣстенъ, потому что въ дѣлахъ гимназическихъ его нѣтъ, а есть только отпускъ съ доставленныхъ гимназіями свѣдѣній (столбъ дѣлъ 1782 г., л. 443 и 516). Въ царствованіе Екатерины II необходимость статистическихъ и политико-экономическихъ свѣдѣній сдѣлалась уже ощутительною и потому явилось нѣсколько попытокъ составленія описаній губерній, провинцій и всей Имперіи. Такъ, указомъ 1766 года вмѣнено было въ обязанность землемѣрамъ, при производствѣ собственно межевыхъ работъ, составлять особыя описанія или вносить въ особый журналъ такія свѣдѣнія, которыя послужили бы матеріаломъ для составленія такихъ описаній; позднѣйшими указами 1771, 1777 и 1788 годовъ эта программа значительно расширена [1]). Кромѣ того, извѣстны и другія предпріятія въ этомъ родѣ. Императорское вольное экономическое общество, тотчасъ послѣ учрежденія своего, обнародовало рядъ вопросовъ, отвѣты на которые должны были служить къ объясненію сельскаго хозяйства въ разныхъ губерніяхъ: при всей спеціальности этой программы, собранныя обществомъ свѣдѣнія представляли хорошій матеріалъ для изображенія картины государства съ хозяйственной точки зрѣнія. Еще важнѣе предпріятіе Императорской Академіи Наукъ: въ 1777 году директоръ ея С. Г. Домашневъ, желая составить что-нибудь цѣльное изъ обширнаго запаса свѣдѣній, собранныхъ путешествовавшими по Россіи академиками, предложилъ общими силами Академіи издать „всеобщее географическое, историческое, политическое, физическое и экономическое описаніе Россіи". Для обсужденія плана предполагавшагося изданія образованъ былъ особый комитетъ изъ академиковъ Румовскаго, Палласа, Лаксмана, Лепехина, Гюльденштедта и адъюнктовъ Иноходцева и Георги. Этотъ комитетъ составилъ очень подробный и тщательно обдуманный планъ, изданный отдѣльною брошюрою подъ заглавіемъ: „Начертаніе общаго топографическаго и физическаго описанія Россійской имперіи, предпринятаго Императорскою С.-Петербургскою Академіею Наукъ" (С.-Пб., 1778, въ 4 д. л.). По плану комитета

[1]) Полн. Собр. Зак. XVII, № 12711, XIX, № 13953, XX, № 14610 и XXII, № 16676. *Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ* 1848, XXI, 40—56; 1849, XXVI, 228—270, XXVII, 51—86, 204—235; *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1854, № 7, III, 7, 8.

Библиотека "Руниверс"

изданіе должно было состоять изъ слѣдующихъ частей: 1) общее географическое описаніе Россіи; 2) общее историческое описаніе Россіи; 3) общее статистическое описаніе Россіи; 4) особенная географія Россійскаго государства и 5) физическое онаго же описаніе. Сочиненіе статей, долженствовавшихъ войдти въ первую часть, члены комитета (къ которымъ присоединился инспекторъ академической гимназіи Бакмейстеръ) распредѣлили между собою. „Сіе раздѣленіе трудовъ подтверждаю", написалъ Домашневъ,—„препоручая почтеннѣйшимъ господамъ членамъ комитета скорѣйшимъ произведеніемъ онаго въ исполненіе соотвѣтствовать справедливой нетерпѣливости общества видѣть плоды отмѣнныхъ ихъ дарованій". Не смотря на всѣ такія приготовленія, „почтеннѣйшіе господа члены комитета" ничего не сдѣлали болѣе, кромѣ упомянутой брошюры [1]).

Кѣмъ составленъ былъ „Планъ къ сочиненію топографическаго описанія намѣстничествъ", присланный Соймоновымъ, сказать мы не можемъ. Полагаемъ однако, что извѣстныя „Топографическія описанія намѣстничествъ", напечатанныя около того времени (Калужскаго, С.-Пб., 1785; Курскаго, М., 1786, и Харьковскаго, М., 1788; послѣднее перепечатано вновь въ *Прибавленіяхъ къ Харьковскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ* въ 1865 году), — были вызваны именно этимъ планомъ, хотя полнаго единообразія въ ихъ изложеніи и не замѣчается, равно какъ не видно сходства и съ планомъ Академіи

---

[1]) Еще до учрежденія комитета, по порученію Академіи Наукъ, инспекторъ академической гимназіи Люд. Х. Бакмейстеръ издалъ: Топографическія извѣстія, служащія для полнаго географическаго описанія Россійской Имперіи (С.-Пб., 1771—1774). Это изданіе получило свое начало слѣдующимъ образомъ. Въ 1760 году Академія Наукъ составила вопросы о состояніи каждой губерніи и провинціи и при особомъ сенатскомъ указѣ разослала ихъ ко всѣмъ воеводамъ для доставленія отвѣтовъ; въ то же время и сухопутный шляхетный корпусъ, съ своей стороны, составилъ подобную же программу вопросовъ. Въ теченіе 1761—1766 годовъ получались изъ воеводскихъ канцелярій и магистратовъ отвѣты. Все это должно было служить матеріаломъ для составленія атласа имперіи; но Академія рѣшилась издать также и книгу, сочиненіемъ которой занялся Бакмейстеръ и приготовилъ ее въ 1769 г. Въ 1771 году приступлено къ печатанію и на 1774 конченъ былъ 1-й томъ, состоящій изъ 4-хъ частей (въ частяхъ 1-й, 2-й и 3-й описана Московская губернія; въ 4-й—Новгородская). *П. П. Пекарскій* въ Исторіи Академіи (т. II, стр. 664—668, 694, 787) сообщаетъ много подробностей о составленіи атласа имперіи и собираніи для него статистическихъ свѣдѣній, но ничего не говоритъ о сочиненіи «Топографическихъ Извѣстій», собственно потому, что 2-й томъ его «Исторіи Академіи» обнимаетъ событія только до 1766 года.

Библиотека "Руниверс"

Наукъ [1]). Что касается описанія намѣстничества Казанскаго, то такой книги никогда не было издано; а какъ и кѣмъ было оно составлено въ рукописи и было ли доставлено къ Соймонову,—не знаемъ, но считаемъ нелишнимъ замѣтить, что въ 1788 году напечатанное въ Москвѣ (въ 8-ю д., стр. 70) „Топографическое описаніе города Казани и его уѣзда",—сочиненіе Дмитрія Зиновьева,—на стр. 40 и 41 содержитъ свѣдѣнія о гимназіяхъ, почти буквально сходныя съ тѣмъ „объясненіемъ", какое сообщено гимназіями въ намѣстническое правленіе по упомянутому запросу Соймонова. Наконецъ, въ заключеніе всего, позволимъ себѣ высказать и такую догадку. Повторяемъ, намъ не извѣстно, составленныя по требованію Соймонова описанія намѣстничествъ были ли употреблены въ дѣло, то-есть, послужили ли „для сочиненія генеральнаго описанія имперіи", но думаемъ, что „Обозрѣніе Россійской имперіи въ нынѣшнемъ ея новоустроенномъ состояніи", сочиненное Сергѣемъ Плещеевымъ и изданное въ первый разъ въ 1786 году (второе изданіе въ 1787, третье въ 1790, четвертое въ 1793; въ нѣмецкомъ переводѣ 1787 и въ французскомъ въ 1796 г.), едва ли не было сводомъ этихъ частныхъ описаній. Пред-

---

[1]) Быть можетъ, сюда же слѣдуетъ отнести и изданное въ 1781 г. «Собраніе нужныхъ вещей для сочиненія новой географіи о Россійской имперіи», въ 1-й части котораго заключается описаніе Тульскаго намѣстничества. Это изданіе предпринято было профессоромъ Московскаго университета Г. Ф. Дильтеемъ и остановилось на 1-й части, вѣроятно, за смертію Дильтея, послѣдовавшею въ томъ же 1781 г. Оно начато было на двухъ языкахъ французскомъ и русскомъ; русскій сдѣланъ ротмистромъ Ив. Пестелемъ, впослѣдствіи извѣстнымъ генералъ-губернаторомъ Сибири, отцемъ декабриста. Дильтей, или какъ тогда писали Дилтей, былъ вообще большой затѣйникъ, умѣвшій созидать системы изъ немногихъ матеріаловъ; онъ вздумалъ составить «Опытъ россійской географіи толкованіемъ гербовъ и съ родословіемъ царствующаго дома, собранный разныхъ авторовъ и манускриптовъ» (Essay géographique sur la Russie le Blason etc...). Онъ посвятилъ свое произведеніе всѣмъ современнымъ епархіальнымъ епископамъ и всѣмъ губернаторамъ; списокъ этихъ особъ занимаетъ нѣсколько страницъ. Въ посвятительномъ письмѣ онъ проситъ ихъ (а въ предисловіи обращается и ко всѣхъ читателямъ) сдѣлать исправленія и дополненія и прислать ему книгу для новаго изданія. Книга напечатана въ Москвѣ въ 1781 году, въ 8 д. л., съ французскимъ текстомъ. «Съ французскаго на россійскій и съ россійскаго на французской», подъ руководствомъ Дилтея, ее переводилъ конной гвардіи квартермистръ П. П. Бибиковъ и артиллеріи сержантъ Н. М. Мацневъ. Спрашивается: на какомъ же языкѣ она писана была? О Дилтеѣ см. *Шевырева*, Исторія Моск. универс., стр. 33. Біографич. словарь Моск. универс., ч. II, стр. 301—311.

Библиотека "Руниверс"

положеніе свое основываемъ на томъ, что С. И. Плещеевъ, также какъ и П. А. Соймоновъ, состоялъ статсъ-секретаремъ при императрицѣ, и что сочиненіе его въ непродолжительное время выдержало четыре изданія на русскомъ языкѣ и было переведено на языки французскій и нѣмецкій [1]). Скудность въ нашей литературѣ изслѣдованій біографическихъ и библіографическихъ невольно вынуждаетъ разрѣшать дѣло предположеніями, иногда далеко неточными, и потому свою догадку отстаивать мы не будемъ.

Любопытны сношенія генералъ-губернатора съ гимназіями о знатокахъ татарскаго языка.

Трактатомъ 27-го декабря 1783 г. Порта признала владычество Россіи надъ Крымскимъ полуостровомъ. Потемкинъ немедленно приступилъ къ устройству новоприсоединеннаго края и образовалъ изъ него Таврическую область. Введеніе административнаго порядка на общихъ началахъ учрежденія о губерніяхъ поставило въ необходимость имѣть при разныхъ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ благонадежныхъ переводчиковъ съ татарскаго языка, такъ какъ масса населенія области состояла преимущественно изъ Татаръ. О доставленіи такихъ лицъ Потемкинъ обратился къ князю Мащерскому, въ генералъ-губернаторствѣ котораго также находилось много Татаръ. Поэтому князь Мещерскій, отношеніемъ 8-го апрѣля 1784 г., просилъ гимназіи доставить ему списокъ всѣхъ учениковъ, обучавшихся съ 1775 года татарскому языку, для выбора и назначенія переводчиковъ. Къ сожалѣнію, въ свои замѣтки я не внесъ требованнаго списка, а теперь не въ состояніи сказать, на сколько гимназіи могли удовлетворить желанію „свѣтлѣйшаго".

Вскорѣ послѣ этого, именно 30-го апрѣля, генералъ-прокуроръ, князь А. А. Вяземскій, потребовалъ отъ князя Мещерскаго отлич-

---

[1]) Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ первоначально служилъ во флотѣ и былъ въ Англіи; затѣмъ онъ состоялъ при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, что и сблизило его съ нимъ, а впослѣдствіи и съ его супругою Маріею Ѳеодоровною. Онъ сопровождалъ ихъ въ путешествіи по Европѣ и издалъ Description des Voyages du Comte et de la Comtesse du Nord. Благоволеніе и довѣренность, какими онъ пользовался всегда отъ Павла Петровича, когда онъ сдѣлался императоромъ, и отъ Маріи Ѳеодоровны, свидѣтельствуется многими письмами къ Плещееву, нынѣ напечатанными въ разныхъ сборникахъ. По обычаю своего времени Плещеевъ былъ масономъ, а въ 1788 году, находясь въ Авиньонѣ, вступилъ въ мистическое общество «Новый Израиль», основанное польскимъ графомъ Грабянкою, но воротившись въ Россію, отсталъ отъ этого общества. (*Лонгинов*, Новиковъ, стр. 290. *Русск. Вѣст.* 1860 г., № 16).

Библиотека "Руниверс"

нѣйшаго знатока татарскаго языка для повѣрки перевода „Учрежденія о губерніяхъ". Въ своемъ отношеніи князь Вяземскій, между прочимъ, говорилъ, что въ Казанской губерніи всего скорѣе можно ожидать такихъ знатоковъ, такъ какъ „одинъ изъ Казанскихъ Татаръ нынѣ при соборной мечети въ Константинополѣ шейхомъ: нѣтъ ли кого способнаго для сего изъ рода означеннаго шейха, въ разсужденіе, что жена его, какъ слышно, жительство имѣетъ съ семействомъ своимъ въ Казани". Князь Мещерскій, естественно, обратился опять къ гимназіи, и тамъ признали возможнымъ отправить въ Петербургъ учителя Искака Хальфина, сына прежняго учителя Сагита Хальфина. Мещерскій, сверхъ того, отправилъ съ Хальфинымъ муллу Усмана Исмаилова, изъ деревни Тюнтяръ, Арскаго уѣзда. Неизвѣстно, принадлежалъ ли этотъ мулла къ роду шейха, о которомъ упоминалъ генералъ-прокуроръ. однако, какъ видно, онъ признанъ былъ лучшимъ изъ переводчиковъ, потому что татарскій переводъ „Учрежденія для управленія губерній" изданъ въ 1786 году подъ именемъ этого муллы.

Въ томъ же 1784 году повелѣно было государынею Казанскому архіепископу Антонію [1]) составить татарскій словарь. Извѣстно, что Екатерина II, еще будучи великою княгиней, очень много заботилась о составленіи общаго сравнительнаго словаря. Сдѣлавшись императрицей, она не оставила этого намѣренія и не только придумывала и заказывала работы для словаря, но руководила ими и много работала сама. Наибольшая дѣятельность по этой части относится именно къ 1784 году [2]). Требованіе татарскаго словаря, безъ всякаго сомнѣнія, вызвано тѣмъ же стремленіемъ. Такъ какъ „въ новокрещенной школѣ иновѣрцевъ Татаръ дѣти обучаются только чтенію книгъ россійскихъ и письму россійскому же, а настоящихъ ихъ татарскихъ книгъ и чтенію и письму совсѣмъ уже не употребляются",—то архіепископъ Антоній обратился къ посредничеству князя Мещерскаго въ пріисканіи свѣдущихъ людей для исполненія такого дѣла. Тогда князь Мещерскій предложилъ гимназіи (28-го сентября 1784 года) объ отправленіи къ архіепископу ученика Семена Мальцева. По всей вѣроятности, этотъ Мальцевъ извѣстенъ былъ Мещерскому по списку, который составлялся для свѣтлѣйшаго князя Таврече-

---

[1]) Былъ переведенъ изъ Нижняго въ 1782 году и управлялъ Казанскою каѳедрою до 1785.

[2]) *Русскій Архивъ* 1863 г., стр. 388—391; 1864 г., стр. 593—295.

Библиотека "Руниверс"

скаго Вмѣстѣ съ Мальцевымъ назначенъ былъ въ составители словаря какой-то солдатъ Имангулъ Чуриковъ. Командиръ гимназіи Людеманъ, однако, крайне затруднялся исполненіемъ предложенія генералъ-губернатора, потому въ особенности, что съ отсылкою Мальцева гимназіи вовсе остались бы безъ преподавателя татарскаго языка: Искакъ Хальфинъ отправленъ былъ въ Петербургъ, а отецъ его Сагимъ Хальфинъ, за старостью и болѣзненностью, рѣшительно отказался приняться вновь за учительство. Директоръ университета П. И. фонъ-Визинъ вошелъ въ сношеніе съ архіепископомъ Антоніемъ, и дѣло уладили такъ, что Мальцевъ обязанъ былъ заниматься словаремъ, по указанію архіерея, въ свободное отъ занятій въ гимназіяхъ время. Впрочемъ, въ это время преподаваніе татарскаго языка поручено было временно Исмаилу Хальфину, меньшему брату Искака Хальфина. Какъ исполнено было ученикомъ Мальцевымъ и солдатомъ Чуриковымъ возложенное на нихъ составленіе словаря — мы не знаемъ.

Не менѣе интересно и нѣсколько сходно съ этимъ дѣломъ другое, бывшее уже въ слѣдующемъ году. Астраханскаго 4-го баталіона поручикъ Александръ Николаевъ Шондетовъ перевелъ Евангеліе св. апостола Матѳея на татарскій языкъ и представилъ свой переводъ святѣйшему синоду, который поручилъ разсмотрѣть и повѣрить правильность перевода архіепископу Казанскому Амвросію [1]). Этотъ архипастырь, извѣстный своею дѣятельностью на поприщѣ распространенія просвѣщенія въ духовенствѣ и самъ написавшій замѣчательное „Руководство къ чтенію писанія Ветхаго и Новаго завѣта“ (Москва, 1779 г.), желалъ исполнить возложенное на него порученіе вполнѣ соотвѣтственно важности предмета, но средствъ къ тому не открывалось никакихъ. Паства Казанской епархіи, какъ извѣстно, значительною частью состояла изъ крещеныхъ Татаръ, Чувашей, Черемисовъ и другихъ иновѣрцевъ и была окружена почти сплошною массою ихъ одноплеменниковъ не только не просвѣщенныхъ христіанствомъ, но подъ-часъ и враждебно относившихся къ христіанамъ. Не было недостатка въ ревности къ распространенію христіанства, но достигалась эта цѣль особыми льготами для крестив-

---

[1]) Амвросій Подобѣдовъ род. въ 1742 г., до перемѣщенія въ Казань управлялъ Крутицкой епархіей. На Казанской каѳедрѣ онъ находился до 1799 года, когда перемѣщенъ въ С.-Петербургъ, сначала архіепископомъ, а потомъ митрополитомъ. Умеръ въ 1818 г.

Библиотека "Руниверс"

шихся и особыми стѣсненіями для оставшихся не крещеными, а ограждались новопросвѣщенные отъ соблазна совращеній мѣрами устрашительными и карательными. Живой апостольской проповѣди Евангелія не было: школы, учрежденныя для обученія дѣтей инородцевъ, какъ мы видѣли, вовсе не имѣли учителей татарскаго и другихъ языковъ мѣстнаго населенія; причты приходовъ инородческихъ, даже и практически не изучали природнаго языка прихожанъ и не употребляли его, какъ вѣрное орудіе при утвержденіи христіанства между народами не христіанскими [1]). Это тѣмъ болѣе странно, что русская церковь прославила св. Стефана Велико-Пермскаго, который составилъ азбуку для Зырянъ, перевелъ нѣсколько церковныхъ книгъ на ихъ языкъ и на томъ же языкѣ совершалъ богослуженіе въ Усть-Вымской церкви, „дабы каждый могъ самъ сличать ученіе христіанское съ мыслями и дѣлами суевѣрія“ [2]).

Только въ весьма недавнее время обращено надлежащее вниманіе на распространеніе и утвержденіе христіанства между Татарами помощію распространенія христіанскихъ книгъ въ татарскихъ переводахъ и при посредствѣ учителей-миссіонеровъ, выбранныхъ изъ среды самыхъ Татаръ, безъ обращенія ихъ въ духовный санъ. Эта система еще только вводится, но уже ясно начинаетъ обнаруживаться, что она будетъ обильна утѣшительными результатами. Но за 80 лѣтъ до настоящего времени такого взгляда не существовало, и по видимому, не сознавалась необходимость перевода Евангелія по татарски: архіепископъ Амвросій, одинъ изъ просвященнѣйшихъ пастырей, даже не зналъ, существуютъ ли такіе переводы, и обратился къ гимназіи, 7-го ноября 1785 года съ вопросомъ: „нѣтъ ли перевода евангелія на татарскій языкъ“? Отвѣтъ гимназіи былъ, конечно, отрицательный. Но было бы весьма любопытно узнать, какой отзывъ далъ Амвросій о трудѣ поручика Шендетова, и вообще, какой ходъ данъ этому дѣлу правительствующимъ синодомъ.

Между тѣмъ коммиссія объ установленіи въ государствѣ народныхъ училищъ выработала планъ учрежденія въ губернскихъ городахъ „главныхъ училищъ“, а въ уѣздныхъ—„малыхъ народныхъ училищъ“ съ отнесеніемъ содержанія ихъ на счетъ приказовъ общественнаго призрѣнія, чрезъ что издержки государственнаго казначейства

---

[1]) Современное состояніе инородческихъ, особенно татарскихъ, приходовъ Казанской епархіи также неутѣшительно. См. *Православное Обозрѣніе* 1865 г., №№ 8, 10 и 12.

[2]) *Филарета* Русскіе Святые, апрѣль, 133—122.

Библиотека "Руниверс"

значительно сокращались. Но источники доходовъ приказовъ общественнаго призрѣнія были очень скудны къ осуществленію плана во всей его полнотѣ; поэтому „главныя народныя училища" открыты были только въ немногихъ городахъ. Въ Казани гимназіи оставлены подъ прежнимъ наименованіемъ и въ прежнемъ составѣ, но изъяты изъ вѣдѣнія Московскаго университета. Объ этомъ объявлено въ указѣ правительствующаго сената 1-го сентября 1785 г. слѣдующаго содержанія: „Казанскія гимназіи поручить въ вѣдѣніе приказа общественнаго призрѣнія Казанской губерніи, съ тѣмъ чтобъ ученіе, въ оныхъ преподаваемое, соображаемо было съ правилами, для прочихъ народныхъ школъ отъ ея императорскаго величества утвержденными, заимствуя потребныя въ томъ наставленія и пособія отъ коммиссіи для установленія народныхъ училищъ, въ здѣшней столицѣ учрежденной" [1]). Вмѣстѣ съ этимъ директоръ гимназій Людеманъ былъ уволенъ и управленіе гимназіями поручено вновь инспектору Листову. Московскій университетъ немедленно послѣ этого потребовалъ возвращенія всѣхъ книгъ, какія были разновременно высланы имъ въ гимназическую библіотеку.... [2]).

Такимъ образомъ новый періодъ существованія гимназій начался не при сочувствіи того высшаго учебнаго заведенія, которое открыло ихъ и управляло ими въ теченіи 27 лѣтъ. Московскій университетъ какъ-бы отрекался отъ всякой солидарности съ Казанскими гимназіями.

Періодъ этотъ продолжался только три года. Существованіе гимназій подорвалось и слабѣло все болѣе и болѣе, хотя число учениковъ и въ эту пору простиралось до 111 человѣкъ [3]). Важнымъ соперникомъ гимназій явилось главное народное училище, торжественно открытое въ Казани 22-го сентября 1786 г. Къ нему, какъ къ учрежденію новому и возникшему по идеѣ императрицы, привлечено было общее сочувствіе [4]). Попечителемъ училища былъ самъ Казанскій

---

[1]) Копія съ этого указа, сообщеннаго изъ намѣстническаго правленія, подписана совѣтникомъ Василіемъ (Ипатовичъ?) Полянскимъ,—личностію весьма замѣчательною.

[2]) Вѣдомости о составленныхъ тогда въ гимназіяхъ чинахъ и ученикахъ, а также о книгахъ и другомъ имуществѣ см. у *Владимірова*, Историч. Записка, I, 144—151, 155—159.

[3]) *Зиновьева*, Топографич. описаніе Казани, стр. 41.

[4]) Многіе изъ современниковъ Екатерины видѣли въ учрежденіи народныхъ училищъ одну изъ предварительныхъ мѣръ къ упраздненію крѣпостнаго состоянія. *И. Н. Болтинъ*, одинъ изъ образованнѣйшихъ писателей царство-

Библиотека "Руниверс"

губернаторъ, генералъ-маіоръ Татищевъ; училище посѣщали проѣзжавшіе чрезъ Казань царедворцы, напримѣръ, президентъ коммерцъ-коллегіи А. Р. Воронцовъ и дѣйствительный камергеръ А. Л. Нарышкинъ, и присутствовали на публичныхъ испытаніяхъ, при чемъ Казанское купечество пожертвовало въ пользу училища 5.000 р., а потомъ и дворянство подписалось внести въ приказъ общественнаго призрѣнія по 10 к. съ ревизской крестьянской души. При такихъ обстоятельствахъ училище могло идти впередъ, а гимназіи должны были падать, и въ 1788 г. онѣ были закрыты по недостатку средствъ содержанія [1]).

10-го Іюня 1866 года.

А. Артемьевъ.

вавія Екатерины, по поводу учрежденія народныхъ училищъ писалъ слѣдующее: «Не будучи апологистомъ рабства, не скажу я, чтобъ наши земледѣльцы въ такомъ состояніи были, чтобъ было не нужно дать имъ облегченія и пособія къ выгоднѣйшей жизни; но скажу, что сіе облегченіе, сіе пособіе не единственно въ дачѣ вольности долженствуетъ состоять; прежде должно учинить свободными души рабовъ (говоритъ Руссо), а потомъ уже тѣла. Мудрому сему правилу послѣдовала великая Екатерина. Желая снять узы съ народовъ, скипетру ея подверженныхъ, предначинала сіе великое и достойное ея намѣреніе освобожденіемъ душъ ихъ отъ тяжкія и мрачныя неволи невѣжества и суевѣрія. Не на иной конецъ устроились, по высочайшей ея волѣ, по всему государству установленныя училища для нижнихъ чиносостояній, дабы пріуготовить души юношества въ нихъ воспитываемаго къ воспріятію сего великаго и божественнаго дара, дабы учинить ихъ достойными вольности и способными къ снесенію ея. Не могу сказать, которое изъ двухъ благодѣяній есть вящшее: то ли, чтобъ дать вольность рабу, или то, чтобъ открыть ему таинство учиниться щастливымъ, то-есть, чтобъ научить его употреблять вольность на пользу самого себя и вкупѣ на пользу ближняго и отечества? Боже, помоги дѣлательницѣ премудрой и человѣколюбивой то и другое совершити и сподоби ее вкусити плоды трудовъ своихъ». См. Примѣчанія на Исторію древней и нынѣшней Россіи г. Леклерка, ч. II, стр. 236—237. Болтинъ могъ смотрѣть такъ тѣмъ скорѣе, что указомъ 19-го февраля 1786 г. (Пол. Собр. Зак.) Екатерина воспретила употреблять въ прошеніяхъ на высочайшее имя слово *рабъ*. Замѣчательно совпаденіе въ числахъ: 19-го февраля 1861 г. Правнукъ Екатерины упразднилъ рабство и фактически....

[1]) *Рибушкинъ*, Ист. Казани, I, 120; II, 33—37.

Библиотека "Руниверс"

ИНДѢЙСКІЯ СКАЗКИ.

Введеніе.

Изученіе религіозныхъ литературъ всѣхъ народовъ представляетъ высокій научный интересъ; мы въ правѣ ожидать отъ этого рода изслѣдованій массу данныхъ для рѣшенія главнѣйшихъ вопросовъ въ исторіи развитія человѣчества. Съ этой точки зрѣнія нѣтъ памятника, который не былъ бы достоинъ вниманія, нѣтъ литературы, которая не заслуживала бы строго научнаго изученія. Но среди обилія матеріаловъ, подлежащихъ ему, есть памятники, наиболѣе привлекающіе изслѣдователей, наиболѣе раздражающіе ихъ пытливость— или потому, что въ этихъ памятникахъ намъ открываются глубокое и возвышенное религіозное чувство, необыкновенная сила мысли въ соединеніи съ чистотою нравственнаго ученія, или благодаря особенностямъ народныхъ судебъ, среди которыхъ слагалась религіозная литература того или другаго народа. Прослѣдить ходъ ея развитія получаетъ совершенно особенный интересъ. Моменты и различныя стороны развитія таковой литературы могутъ быть любопытны не только сами по себѣ, но и какъ факты, свидѣтельствующіе о духовномъ общеніи народовъ, о чемъ весьма часто документально намъ ничего или весьма мало извѣстно.

Въ такомъ свѣтѣ представляется намъ одна изъ цѣлей изученія индійскихъ религій вообще и буддизма въ частности. Выясненіе духовнаго общенія народовъ, то-есть, опредѣленіе, съ какой стороны было заимствованіе, и какимъ путемъ оно шло, или же объясненіе сродныхъ явленій единствомъ человѣческой природы предоставляется сдѣлать изслѣдователю на основаніи фактовъ, весьма часто допускающихъ нѣсколько прямо противоположныхъ и всегда болѣе или менѣе вѣроятныхъ толкованій; въ такомъ случаѣ недостаточно обо-

Библиотека "Руниверс"

значеніе путей, которыми могло идти заимствованіе или опредѣленіе времени появленія памятниковъ, но необходимо выяснить мотивы, почему тотъ или другой народъ заимствовалъ тогда-то, тамъ-то, то или другое представленіе. И въ такомъ только случаѣ заимствованіе, какъ гипотеза для объясненія множества сходныхъ явленій въ области человѣческаго творчества, получаетъ научное значеніе; разъясненіе именно этихъ пунктовъ составляетъ всю суть вопроса о странствующихъ литературныхъ созданіяхъ. Время и мѣсто зарожденія этихъ литературныхъ произведеній въ большей части случаевъ для насъ неясно; мы можемъ прослѣдить съ большею или меньшею вѣроятностью послѣдовательность различныхъ редакцій; разсматривая различныя редакціи одного и того же сказанія, всегда есть возможность отмѣтить однѣ редакціи какъ болѣе искусственныя, а потому и болѣе позднія; другія, на оборотъ, простѣйшія представляются намъ какъ болѣе древнія; но всякіе дальнѣйшіе выводы на основаніи именно этихъ фактовъ будутъ гадательны; не всегда сложная, и по видимому, болѣе поздняя редакція можетъ свидѣтельствовать о заимствованіи именно этого произведенія однимъ народомъ отъ другаго, у котораго почему-либо сохранилась болѣе простѣйшая редакція.

За всѣмъ тѣмъ изученіе извѣстной редакціи какого бы то ни было памятника необходимо начинать съ вопроса хронологическаго, иными словами, постараться разъяснить, когда эта редакція появилась въ данной литературѣ и не слѣдуетъ ли ея начала отнести къ гораздо болѣе глубокой древности.

I.

На островѣ Явѣ, въ трехъ миляхъ отъ извѣстнаго храма Воро-Бодоръ, находится таковое же зданіе (Mundot), пользующееся хотя и меньшею извѣстностью, но тѣмъ не менѣе весьма замѣчательное. Всѣ храмы на островѣ имѣютъ одинъ общій признакъ: снаружи они подобны брахманическимъ, внутри буддійскимъ. Этотъ признакъ бросается въ глаза даже людямъ, никогда спеціально не изучавшимъ индѣйскую архитектуру. По этому поводу Юль приводитъ слѣдующій наивный отзывъ о характерѣ этихъ построекъ: „Господинъ", говорилъ ему его слуга,—внутри эти храмы подобны бирманскимъ, снаружи же сходны съ индусскими" (*Journal of the Asiatic Society of Bengal*, vol. XXXVI, стр. 16 и слѣд.). Въ храмѣ, о которомъ сейчасъ было упомянуто, на одномъ изъ барельефовъ изображены слѣдующія фигуры: два фламинго поднялись на воздухъ, держа на палкѣ черепаху; оче-

Библиотека "Руниверс"

видно, артистъ желалъ изобразить содержаніе извѣстной эзоповской басни о печальномъ странствованіи черепахи по воздуху (The Indian Antiquary, part X, стр. 320).

Такъ какъ храмъ, не смотря на внѣшнія индусскія украшенія, есть буддійскій, то и появленіе басни на внутреннемъ барельефѣ храма объясняется ея существованіемъ въ одномъ изъ каноническихъ буддійскихъ памятниковъ. Дѣйствительно, давно извѣстно, что это басня находится въ сборникѣ жатакъ или легендъ о перерожденіяхъ Будды. Разказывается она такъ слѣдующимъ образомъ:

II, 7, 5. „Убила, увы, сама себя", такъ разказывалъ учитель, пребывая въ Жетаванѣ и намекая на Кокалика.

Vatthu (то-есть, совокупность обстоятельствъ, подавшихъ поводъ сказать учителю жатаку) будетъ разказана въ легендѣ XIII, 1, 8.

Тогда учитель сказалъ: „О братья, не только теперь Кокалика убилъ себя своею рѣчью, но и прежде убивалъ себя!" Такъ сказавъ, онъ обратился къ прошедшему (I).

Въ древности, въ Баранаси царствовалъ Брahмадатта. Бодhисатва родился въ министерской семьѣ, и когда выросъ, сталъ царскимъ законоучителемъ.

Царь былъ весьма болтливъ; когда онъ начиналъ рѣчь, въ это время другимъ не представлялось возможности слова сказать. Бодhисатва пожелалъ отъучить его отъ болтливости. Размышляя о средствѣ къ тому, онъ прогуливался.

Въ это время, въ Гималайскихъ странахъ въ одномъ озерѣ жила черепаха. Два юные фламинго, расхаживая за пищею, подружились съ черепахой. Однажды, послѣ долгой дружбы, они сказали черепахѣ:

— Милая черепаха, въ Гималайской странѣ, у горы Читтакута, въ золотой пещерѣ наше жилище; прекрасно то мѣсто! Пойдемъ туда, вмѣстѣ съ нами.

— Какже я пойду? отвѣчала черепаха.

— Если ты можешь стеречь ротъ, никому не скажешь слова, мы тебя возьмемъ и пойдемъ.

— Стану стеречь ротъ; берите и ведите меня!

Взяли они палку, заставили черепаху закусить ее, и сами закусивъ палку за оба конца, направились по воздуху. Черепаху, везомую двумя фламинго, увидали деревенскіе мальчики и закричали:

— Два фламинго везутъ на палкѣ черепаху!

— Если меня везутъ друзья, какое вамъ тутъ дѣло, мерзкіе рабы! захотѣлось черепахѣ имъ отвѣтить; но такъ какъ фламинго

Библиотека "Руниверс"

летѣли очень быстро, то когда они достигли Варанаси и царскаго жилища, въ это время, только, черепаха выпустила изъ зубовъ палку, упала съ неба и разбилась на двѣ части.

Поднялся шумъ: съ неба свалилась черепаха и разбилась на двое! (III). Царь вмѣстѣ съ Бодhисатвою, окруженный министрами, пошелъ въ то мѣсто, и увидавъ черепаху, спросилъ:

— Мудрый, какъ черепаха упала?

Бодhисатва давно желалъ наставить царя и раздумывалъ о средствѣ, а потому онъ и обрадовался этому случаю.

„Эта черепаха", думалъ онъ,—„сдружилась съ фламинго: тѣ повезли ее къ Гималаю, заставили закусить палку и направились по воздуху; услышавъ чью-либо рѣчь, по болтливости она захотѣла отвѣтить, и выпустивъ палку, упала съ неба и погибла."

— „Великій царь, очень шумливый, неумѣренный въ рѣчахъ, подвергается таковой горькой участи", сказалъ мудрецъ, и такъ сказавъ, онъ прибавилъ стихи:

I. Убила, увы, сама себя черепаха, заговоривъ въ то время, когда хорошо держала палку. Рѣчью своею убила себя!

II. Глядя на это, мощный межь людей, не говори добрыхъ словъ безъ времени. Смотри, отъ болтливости погибла черепаха.

Царь понялъ, что Бодhисатва говоритъ, имѣя его въ виду.

— Мудрый, ты говоришь, имѣя насъ въ виду, сказалъ онъ.

— Ты ли, великій царь, другой ли кто, отвѣчалъ Бодhисатва, — всякій безъ мѣры говорящій подвергается таковому несчастію. Начиная съ тѣхъ поръ, царь воздержался и сталъ мало говорить (II).

Учитель въ приложеніе къ этому ученію закончилъ жатаку: „Тогда черепахою былъ Кокалика, два фламинго были два моихъ старшихъ ученика, царемъ былъ Ананда, мудрымъ министромъ—я." [1]).

Обыкновенно мнѣніе о заимствованіи Индѣйцами басенъ съ запада стараются подтвердить искусственностью и сложностью индѣйскихъ редакцій. Если сравнить сейчасъ приведенную индѣйскую басню съ простымъ изложеніемъ содержанія греческихъ баснописцевъ, то искусственность и сложность идѣйской редакціи каждому вполнѣ очевидна. Для того, однакоже, чтобы дѣлать изъ этого факта вполнѣ вѣрное заключеніе, необходимо прослѣдить развитіе подлежащихъ намъ редакцій и такимъ образомъ постараться опредѣлить

---

[1]) Сравн. *Benfey*, Панчатантра, стр. 241. *Weber*, Ueber das Râmâyana, стр. 14 примѣчаніе. Ни тотъ, ни другой не знали приводимой нами жатаки.

Библиотека "Руниверс"

хронологически начало этихъ поэтическихъ созданій и уже затѣмъ обращаться къ вопросу о томъ, откуда они могли явиться, и можно ли видѣть въ нихъ свидѣтельство отдаленнаго по времени литературнаго общенія востока съ западомъ.

Въ редакціи настоящей басни ясно различаются слѣдующія составныя части: вопервыхъ, обстоятельства, среди которыхъ и поводъ, по которому учитель разказалъ басню; вовторыхъ, разказъ о болтливомъ царѣ; втретьихъ, самая басня о черепахѣ. Въ баснѣ также нужно различать двѣ части: прозаическую и стихотворную. Сами буддисты въ каждой жâтакѣ видятъ двѣ части: 1) стихи или текстъ (pâli) и 2) прозу или комментарій (atthakuthâ). Та и другая части иногда сохранились въ отдѣльныхъ рукописяхъ, напримѣръ, въ библіотекѣ здѣшняго азіатскаго музея С.-Петербургской Академіи Наукъ или въ Парижской національной библіотекѣ. Строго держась такого различія, буддисты говорятъ, что текстъ (pâli) есть слово бгудgh и утвержденъ отцами первыхъ трехъ соборовъ (jât. I, 8, 7); приводятъ книги текста (pâlipotthaka, напримѣръ, jât. XI, 1, 8; XV, 1, 9; XXI, 1, 8 и т. д.) и упоминаютъ также о разночтеніяхъ текста (XVI, 1, 4; 1, 5; XXI, 1, 2). По языку стихотворная часть жâтакъ существенно не отличается отъ прозаической; о позднѣйшемъ происхожденіи послѣдней, однакоже, мы имѣемъ прямое свидѣтельство преданія, и кромѣ того, на появленіе прозаической части гораздо позднѣе записанія канона указываетъ одинъ внѣшній признакъ: въ стихотворной части не замѣчено ни одного выраженія, относящагося къ письму, въ прозаической же, напротивъ, встрѣчаются и „книги", и „записи", и „надписи", словомъ, рядъ выраженій, указывающихъ, что во время появленія прозаической редакціи въ буддійской общинѣ письменность была сильно распространена и во всеобщемъ употребленіи. Съ точки зрѣнія буддистовъ, комментарій хотя и имѣетъ равную съ каноническими сочиненіями силу и святость, но не есть „слово Будды", не составляетъ часть трехъ питакъ; онъ считается произведеніемъ Буддагоши и появился гораздо позднѣе перваго записанія канона.

„Великіе ставиры", говорится въ бирманской хроникѣ Sâsanavamsa,—„совѣщались о томъ, кто въ состояніи перевести на магадскій языкъ всецѣлость ученія, переведеннаго на языкъ сингалезскій. Пошли они на небо *Tâvatimsa*, и увидавъ тамъ сына боговъ Ghosy, вмѣстѣ съ Индрою, княземъ боговъ, стали его просить; они заставили его пріять зачатіе въ утробѣ брâhманки Кеси, жены брâhмана Кеса изъ деревни Ghosa, около древа „всеуразумѣнія" (ficus religiosa).

Библиотека "Руниверс"

Такъ какъ онъ родился во время взаимнаго крика брâhмановъ: „ѣшьте, возлюбленные, пейте, возлюбленные“, то и дали ему имя Гhоса (шумъ, крикъ). Семи лѣтъ онъ изучилъ три веды. Разсуждая однажды съ однимъ святителемъ о ведахъ, по окончаніи разсужденій, онъ былъ спрошенъ о безусловномъ знаніи, изреченіи Вѣщаго: „Явленія добры, явленія грѣшны, явленія откровенны, явленія не откровенны“ и т. д. Услышавъ это изреченіе, Гhоса хотѣлъ его понять, принялъ отъ святителя посвященіе и ежедневно читалъ изъ трехъ питакъ по шестидесяти словъ. Онъ затверживалъ ихъ, и въ три мѣсяца изучилъ всѣ три питаки.

Однажды, когда онъ сидѣлъ одинъ въ уединеніи, ему пришло на умъ: кто изъ двухъ, я или учитель, лучше понимаетъ три питаки, проповѣданныя Вѣщимъ?

Учитель, узнавъ это обстоятельство, осудилъ его и наставилъ. Испуганный Гhоса, чтобъ успокоить учителя, поклонился ему.

— Милый, сказалъ учитель,—ступай на островъ Цейлонъ и переведи съ сингалезскаго на магадскій языкъ три питаки. Если ты это сдѣлаешь, я успокоюсь.

Буддагhоса, освободивъ отца отъ еретическихъ воззрѣній и пріявъ въ голову слова учителя, отправился на суднѣ на островъ Цейлонъ переводить три питаки.

На третій день его плаванія по морю, ставира Буддадатта возвращался съ Цейлона; на перепутьи, по благости боговъ, они увидали другъ друга; спросивъ и узнавъ все обстоятельство, Буддадатта сказалъ такъ:

— Милый, я сочинилъ „Jinâlamkara“. Говорили, что сочиненіе не цѣнно, а потому и не дали перевести трехъ питакъ. Ты же объясни три питаки.

Онъ подарилъ Гhосѣ, дарованную ему княземъ боговъ Индрою, палочку для письма изъ Herîtakî (myrobolan) съ желѣзнымъ концемъ и точильный камышекъ.

Во время ихъ разговора два судна разошлись.

Прибывъ на островъ Цейлонъ, Буддагhоса сначала повидался съ старцемъ Сангhанâла.

— Я пришелъ, сказалъ онъ ему,—переводить три питаки на магадскій языкъ.

Цейлонскіе духовные, давъ ему стихъ: „на скалѣ ставъ“ и т. д., поручили объяснить его, не впадая въ противорѣчіе съ тремя пита-

Библиотека "Руниверс"

ками. Въ тотъ же день, начиная съ вечера, положивъ началомъ сказанный стихъ, онъ сочинилъ Visuddhimagga.

Когда онъ окончательно завершилъ это дѣло, Индра, князь боговъ, хотѣлъ испытать силу его разума и скрылъ книгу. Буддагhоса опять сочинилъ ее. Трижды Индра скрывалъ книги и затѣмъ показалъ первыя книги. Всѣ три книги ни въ одномъ словѣ не отличались другъ отъ друга.

Старецъ Сангhапала, совершенно довольный, передалъ Гhосѣ три питаки. Такъ повѣствуетъ о великомъ коментаторѣ бирманская хроника. Существуютъ другіе варіанты той же легенды, въ которыхъ его жизнь обставляется иными подробностями. „Въ разныхъ книгахъ", говоритъ бирманская хроника,—„разнообразно передается происхожденіе Буддагоса... Относительно ставиры слѣдуетъ считать за несомнѣнное его пребываніе на островѣ Цейлонѣ, записаніе имъ трехъ питакъ и сочиненіе комментарія. Объ остальномъ слѣдуетъ мысленно истязаться". Время жизни Буддагhоса въ той же хроникѣ опредѣляется царствованіемъ Mahânacah: въ 933 году п. Б. (то-есть, въ 390 по Р. Х.) онъ пришелъ на островъ Цейлонъ. По другимъ источникамъ (Mahâramsa) онъ жилъ въ половинѣ V-го вѣка. Но всѣ источники одинаково утверждаютъ, что Буддагhоса былъ авторъ коментаріевъ, и это извѣстіе повторяется въ началѣ каждаго коментарія; такъ, оно находится въ началѣ *jâtaka-attahavannanâ*; на основаніи этихъ данныхъ прозаическую часть сборника жâтакъ слѣдовало бы отнести къ IV—V вѣку по Р. Х. Такое опредѣленіе было бы, однакоже, приблизительно, вѣроятно, только относительно внѣшней формы; Буддагhоса переводилъ, говоритъ преданіе, а не сочинялъ; легенды, басни, сказки существовали до него, въ другой формѣ, и вѣроятно, также на другихъ нарѣчіяхъ; дѣйствительно, въ канонахъ другихъ сектъ (напримѣръ, *Mahâvastu*), мы встрѣчаемъ тѣ же басни, сказки, легенды; притомъ стихотворная часть буквально сходна съ палійскою, прозаическая же, передавая то же содержаніе, отличается языкомъ, стилемъ и второстепенными подробностями. Итакъ, какъ проза, такъ и стихи жâтакъ существовали до IV—V вѣка по Р. Х.; въ это время въ самой Индіи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жилъ Буддагhоса, смыслъ стиховъ не всегда былъ понятенъ, а потому чувствовалась необходимость въ пояснительныхъ разказахъ, за которыми великій ставира и отправился на островъ Цейлонъ. Но переработка этого древняго матеріала не окончилась въ V вѣкѣ,—въ сборникѣ жâтакъ находятся ссылки на *Petavatthu-atthakathâ*—сочиненіе, завѣдомо позднѣйшее;

Библиотека "Руниверс"

переработка касалась только формы, древнее же содержаніе въ общихъ чертахъ оставалось неискаженнымъ и его исторія тѣсно связана съ исторіей самаго текста или стихотворной части жâтакъ.

II.

Исторію своего священнаго писанія буддисты начинаютъ съ года смерти Учителя, въ VI вѣкѣ до Р. Хр. (то-есть, около тысячи лѣтъ до Буддагѣоса). Ни въ то время, ни гораздо позже текстъ не былъ записанъ; съ I вѣка до Р. Х. онъ передавался устно. Въ то время, когда буддисты собирались на соборы, спорили о различныхъ вопросахъ догматическаго ученія и расходились во взглядахъ на различныя стороны дисциплинарнаго устройства, Индія переживала знаменательное время: она впервые вошла въ столкновеніе съ Западомъ. Сношенія Индіи съ западнымъ міромъ начались, конечно, гораздо ранѣе, но то были или торговыя сношенія съ Финикіей и Вавилономъ, или не вполнѣ разъясненныя завоеванія Дарія Истаспа; обо всемъ этомъ до насъ дошли полусказочныя извѣстія. Свѣдѣнія же о походѣ Александра Великаго носятъ на себѣ совершенно другой характеръ. Ходъ его побѣдоносныхъ полчищъ на сѣверо-западѣ Индіи (чѣмъ, какъ извѣстно, и ограничились его завоеванія) мы можемъ прослѣдить почти шагъ за шагомъ: слѣдуя за Александромъ Великимъ по этимъ странамъ, мы непрестанно встрѣчаемся съ именами мѣстъ священныхъ въ глазахъ каждаго буддиста. Въ извѣстіяхъ какъ Грековъ, такъ и буддистовъ, намъ встрѣчаются тѣ же имена; такъ, напримѣръ, какъ тѣ, такъ и другіе упоминаютъ объ Александріи (Alasadra буддистовъ), откуда былъ родомъ благочестивый царь Мелинда, и о городѣ Сакала, гдѣ онъ царилъ и бесѣдовалъ съ благочестивымъ и мудрымъ старцемъ Нагасеною. Въ городѣ Пушкалавати нѣкогда была воздвигнута ступа, извѣстная во всей сѣверо-западной Индіи; въ этомъ мѣстѣ Вѣщій въ одномъ изъ предыдущихъ перерожденій пожертвовалъ своими глазами. До сихъ поръ, не далеко отъ Шахдери, на пространствѣ шести квадратныхъ миль, видимы величественные остатки Такшасилы, города нѣкогда богатаго и славнаго, какъ по легендамъ буддистовъ, такъ и по западнымъ извѣстіямъ. Такшасила была разсадникомъ учености и мѣсторожденіемъ многихъ буддійскихъ святителей. Тутъ же царили также Индо-скиѳы. Съ именемъ одного изъ мелкихъ народцевъ, *Sibi*, о которыхъ Арріанъ разказываетъ нѣсколько любопытныхъ подробностей, связана одна изъ важнѣйшихъ и знаменательнѣйшихъ легендъ буд-

Библиотека "Руниверс"

дистовъ. Здѣсь родился и царилъ Vessantara; въ этой странѣ онъ подвизался; съ отдѣльными мѣстами Сибійской страны связаны высоко поэтическіе моменты легенды. Страны, завоеванныя Александромъ и удержанныя его преемниками, были отняты у Грековъ Чандрагуптой, основателемъ Маурійской династіи. О борьбѣ съ Грсками у Индійцевъ сохранилось весьма смутное воспоминаніе (см. *Lassen*, Indische Alterthumskunde, II, 216); но легенда привязалась къ имени героя, освободителя, и Брâhманы, буддисты, Жайны одинаково чтутъ его память и по своему разказываютъ его исторію. Легенда Жайновъ (еще не изданная) о происхожденіи Чандрагупты разказывается такъ:

„Въ деревнѣ Чанака жилъ брâhманъ Чани; въ его домѣ жила супруга Чанеçвари. Оба были преданы вѣрѣ Жайновъ. Однажды у нихъ родился сынъ съ зубами. Ему дали имя Чанакја. При этомъ случаѣ въ ихъ домѣ сошлись *добрые люди* (то-есть, Жайны). Поднеся къ ногамъ добрыхъ малютку, брâhманъ Чани спросилъ:

— Повѣдайте, владыки, отчего въ нашемъ домѣ родился сынъ съ зубами? Каково будетъ его величіе?

— Царемъ будетъ! сказали добрые.

На это отецъ съ матерью подумали:—Сей сынъ, долго наслаждаясь царствомъ и симъ осквернившись, пойдетъ въ адъ.

Малютка заскрежеталъ зубами. Родители опять спросили добрыхъ, на что тѣ отвѣчали:

— Будетъ онъ царскимъ совѣтникомъ, потому что зубами скрежещетъ; станетъ онъ хранить царство, поставивъ кого-либо важнаго во главѣ.

По прошествіи нѣкотораго времени затѣмъ, Чанакја сталъ искуссенъ во всѣхъ знаніяхъ, и достигши юности, вкушалъ отъ мірскихъ страстей, влюбившись въ красавицу, брâhманскую дочь.

Однажды жена Чанакји пошла въ родительскій домъ, на свадьбу къ брату; тамъ, такъ какъ она была въ будничномъ одѣяніи, не имѣла богатствъ, ей не оказали почтенія; другихъ сестеръ, туда пришедшихъ, братъ принялъ съ уваженіемъ, такъ какъ на тѣхъ было много украшеній, прекрасныя одѣянія и пр. Увы, въ этомъ мірѣ все зависитъ отъ богатствъ.... У другихъ сестеръ братъ спрашивалъ о дѣлахъ, на эту же и не смотрѣлъ. Она, страдая, стояла въ углѣ дома и размышляла:—Увы, несчастна жизнь бѣдной, даже родной разрываетъ связь!“

По окончаніи брачныхъ обрядовъ, въ гнѣвѣ она вернулась къ себѣ Чанакја спросилъ ее:

Библиотека "Руниверс"

— Отчего ты такая скучная?

Жена разказала ему все поведеніе брата.

— Даже братъ не почтилъ моей бѣдной жены, подумалъ Чанакја; наживу богатства и исполню желаніе жены."

Такъ подумавъ, онъ пошелъ въ чужую страну. Бродя, онъ пришелъ въ городъ Паталипутру, съ просьбою къ царю Нанда. Въ царскомъ покоѣ онъ сѣлъ на престолъ.

— Брâhманъ, сказала ему рабыня,—покинь престолъ и укрась другое сѣдалище.

Тогда Чанакја сказалъ:—Здѣсь будетъ находиться моя чаша,—и поставилъ чашу на сѣдалище. Когда же ему показали третье мѣсто, онъ сказалъ:—Здѣсь будетъ лежать мой посохъ,—и положилъ туда посохъ. Показали ему четвертое мѣсто, а онъ положилъ на него вѣнокъ. Показали пятое, туда онъ положилъ жертвенный поясъ и такимъ образомъ занялъ пять мѣстъ.

— Кто ты, сказала разгнѣванная рабыня,—великимъ и надменнымъ являющійся? Если не оставишь престола, то не получишь мѣста!

И она ударила брâhмана ногою.

— Мерзкая рабыня! Сегодня ты меня презираешь, но потомъ, когда, свергнувъ царство Нанды, я поставлю новое, ты скажешь, что мои слова справедливы." [1]).

Уходитъ Чанакја изъ города, и согласно съ пророчествомъ добрыхъ, начинаетъ искать своего будущаго царя.

Обозрѣвая множество городовъ и деревень, онъ прибылъ въ деревню хранителей павлиновъ (mayûra) царя Нанды. Тамъ онъ бродилъ въ одѣяніи странника нищаго. У жены одного хранителя павлиновъ, на третьемъ мѣсяцѣ беременности, вслѣдствіе величія зародыша, возникло желаніе пить мѣсяцъ. Никто не могъ исполнить ея желанія, что̀ узнавъ, она, не говоря о томъ мужу, очень ослабла. Мужъ спросилъ ее съ любовью, и она разказала, все какъ есть. Увидавъ Чанакју, хранитель павлиновъ, спросилъ его о средствѣ удовлетворить желанію жены. Тотъ сказалъ:

— Если ты мнѣ отдашь сына, находящагося въ ея чревѣ, тогда изыщу средство удовлетворить ея желанію. Если же не отдашь, то и жена, и зародышъ погибнутъ отъ неудовлетворенія желанія.

Отецъ, выслушавъ это, при пяти свидѣтеляхъ отдалъ сына Чанакјѣ.

---

[1]) Сравн. *Lassen* Ind. Alterth. II, 212, пр. 1.

Библиотека "Руниверс"

Чанакја построилъ травяную хижину и вверху оставилъ отверстіе, надъ которымъ сталъ нѣкій человѣкъ съ покрышкою, въ хижину же посадили беременную. Ночью, когда полная луна взошла на небѣ, Чанакја поставилъ подъ отверстіемъ сосудъ съ молокомъ. Въ сосудѣ отразился мѣсяцъ, и сказалъ тогда Чанакја беременной:

— Ты счастлива, — на твое счастье луна пришла сюда!

Какъ только Чанакја сказалъ: „пей", беременная стала *пить луну*; человѣкъ же, стоявшій на верху, началъ прикрывать отверстіе, и когда окончилось питье луны, отраженной въ сосудѣ, закрылось и отверстіе. Желаніе беременной, такимъ образомъ, исполнилось.

Такъ повѣствуетъ легенда о рожденіи Чандрагупты (луною хранимаго). О его дѣтствѣ разказывается слѣдующее:

Когда ему было восемь лѣтъ, игралъ онъ съ малолѣтками. Самъ былъ царемъ и раздавалъ другимъ—кому деревню, кому цѣлую страну, кому начальство надъ крѣпостями. Въ это время Чанакја, странствуя, пришелъ въ это мѣсто, и увидавъ игру, сказалъ:

— О царь, всѣмъ ты даруешь желанное, подари и мнѣ что-либо желанное.

— Дарю тебѣ, сказалъ Чандрагупта,—всѣхъ этихъ коровъ.

— Эти коровы чужія, возразилъ Чанакја,—какъ же я могу ихъ взять?

— Кто способенъ, тому принадлежитъ земля, отвѣчалъ Чандрагупта (*upadeça mûlâprakarana*).

Затѣмъ Чанакја, пораженный этимъ отвѣтомъ, узнаетъ кто такой Чандрагупта, беретъ его съ собою и начинаетъ борьбу съ царемъ Нанда. О борьбѣ этой сохранилось нѣсколько подробностей въ brâhманической литературѣ; о царѣ же Нандѣ, какъ кажется, знали и Греки: можно предполагать, что Нанду они считали богатымъ царемъ Просіевъ и Гангаридовъ, о которомъ вѣсть доходила до самого Александра Великаго, когда онъ былъ на Гифазѣ, куда также являлся и Чандрагупта. Съ Селевкомъ у Чандрагупты были постоянныя сношенія,—ему была уступлена часть греческихъ завоеваній, и при его дворѣ жилъ Мегасѳенъ, первый изъ западныхъ писателей, упоминающій Будду и буддистовъ. Чандрагупта царствовалъ 25 лѣтъ и умеръ въ 291 году до Р. Х. При его внукѣ Асокѣ Великомъ произошло первое движеніе буддизма за индѣйскіе предѣлы. На третьемъ соборѣ, уладившемъ одну изъ распрей въ буддійской общинѣ, положено было послать миссіи въ отдаленныя страны. Обширныя владѣнія Асоки и его непосредственныя сношенія съ иноземными царями по-

Библиотека "Руниверс"

ясняютъ, откуда могло явиться это стремленіе покорить слову Вѣщаго—чуждыя страны. Извѣстія о буддійскихъ миссіяхъ во внѣиндѣйскія страны подтвердились, въ послѣднее время, случайно сдѣланными находками. Кённингему посчастливилось открыть въ ступѣ Canru, ящикъ съ мощами; на ящикѣ читалась надпись: „благочестиваго *Kassapagota*, наставника всего Гимавата"; внутри того же ящика была другая надпись: „благочестиваго Majhima...". Имъ же былъ найденъ, въ ступѣ Сонари, другой ящикъ, на которомъ были слова: „благочестиваго Gotiputa Гимаватскаго, Dadabhisara, по вѣрѣ родственника. (The Bhilsa Topes, стр. 119, 121). Имена Kassapa, Majhima, Dadabhisara встрѣчаются въ числѣ именъ пяти старцевъ, посланныхъ просвѣщать страны Гималайскія. Подъ именемъ странъ Гималайскихъ нужно разумѣть страну по сю сторону Гималая; такъ какъ съ буддизмомъ по ту сторону этого хребта мы встрѣчаемся нѣсколько позднѣе, хотя еще до начала нашей эры буддисты и буддійскій культъ появляются на западѣ отъ Яркента, въ Бактріи, во времена Канишки на востокѣ отъ Белуртага, и на западѣ отъ Желтой рѣки. Бирманская хроника (Sâsanaramsa) даетъ Гималайскимъ странамъ одно общее названіе—*Чина*. „Тамъ люди весьма чтили якшовъ: Canda (луну), Paramissara (верховнаго владыку)... Страны Кашмиръ и Гандhара иногда бывали покорены царемъ Чины, иногда бывали самостоятельны". О положеніи страны Чина Индѣйцы имѣли весьма смутное представленіе: ее представляли себѣ и на сѣверѣ, и на востокѣ. „На сѣверѣ", говорится въ Grayambhû purâna, „въ срединѣ есть страна, по имени Чина, моремъ окруженная. Тамъ есть мѣсто *Mahâчина*, прекрасное, семью рѣками и семью стѣнами окруженное, въ ширину семь кросъ и въ длину семь кросъ (кроса=6000 футовъ), жилище богатыхъ людей, снабженное разными вещами. Въ срединѣ находится пятиглавая гора, Манжушри по имени, въ ширину, длину, высоту одинаковая... Въ срединѣ срединной вершины находится великое озеро... Тамъ родился учитель Манжушри, всевѣдущій наставникъ...". Извѣстіе, что жители страны Чина чтили *луну* и *верховнаго владыку* дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что бирманская хроника отодвинула въ древность болѣе позднее событіе, и что здѣсь мы имѣемъ указанія на страны, подчиненныя Хувишнѣ и его преемникамъ, отъ которыхъ остались монеты, какъ съ изображеніемъ иранскихъ боговъ, такъ и съ буддійскими надписями. Изъ странъ внѣиндѣйскихъ, куда проникъ буддизмъ въ это время преданіе называетъ кромѣ того *aparânta* или западную пограничную страну; о ней говоритъ Асока въ Жи-

Библиотека "Руниверс"

рифской надписи, *Yona* или страны, уступленныя Чандрагуптѣ; Селевкомъ; *Suvanna bkûmi* или Пегу. Внутри Индіи были просвѣщены многія страны; тогда же буддизмъ былъ введенъ въ Кашмиръ и Гандhару, гдѣ, по сказанію бирманской хроники, жители, создавъ изображеніе змѣя, чтили его, покланялись ему и уважали его. На платьяхъ и сосудахъ они создавали также тѣ же образы...

III.

Въ то время, когда буддизмъ сдѣлалъ первыя попытки утвердиться внѣ Индіи, его ученіе не было еще записано и сохранялось по памяти; чрезъ 450 или чрезъ 433 года по смерти Будды, при царѣ Vattagamâni, сынѣ царя Saddhâtissa, ученіе было записано на Цейлонѣ, въ вихарѣ Alokalena. Около этого же времени, въ Кашмирѣ собрались духовные на соборъ, цѣлью котораго, вѣроятно, было также записаніе ученія, до того времени хранившагося устно.

Сами буддисты твердо вѣрятъ, что въ четыреста слишкомъ лѣтъ ученіе сохранилось неизмѣннымъ; цѣлыя легенды сложились у нихъ о подвигахъ старцевъ, хранителей священнаго писанія. Какъ бы предвидя сомнѣнія въ подлинности и древности своего ученія, могущія возникнуть при взвѣшиваніи голаго факта поздняго записанія священнаго текста, буддисты передаютъ намъ, какъ они хранили святыню; у нихъ существовали преемство учителей, особые термины для обозначенія разныхъ степеней знанія священнаго писанія (см. Пратимокша-сутра, стр. XIV); ученіе затверживалось отдѣльными лицами по частямъ и въ различномъ объемѣ. Такіе знатоки отдѣльныхъ частей пользовались извѣстностью, и къ нимъ сходились ученики со всѣхъ сторонъ:

„Во времена царя Mahâbhaya, на островѣ Цейлонѣ, одинъ духовный отлично зналъ *Mahâniddes'y*. Ставирѣ Mahârakkhit'ѣ сказалъ его учитель, изучившій три питаки:

— Милый, изучи у такого-то Mahâniddes'y.

— Возлюбленный, онъ грѣшенъ, не стану у него учиться.

— Милый, выучи, я стану рядомъ сидѣть.

— Хорошо, возлюбленный, если ты будешь сидѣть около, то стану изучать.

Условились такъ, и ставира Mahârakkhita непрестанно, днемъ и ночью, изучалъ. Въ послѣдній день, подъ постелью наставника, онъ увидалъ женщину. „Слыхано ли прежде таковое, возлюбленный? Знай я это прежде, не сталъ бы изучать закона у грѣшника“.

Библиотека "Руниверс"

Много великихъ старцевъ, изучивъ у него mahâniddes'y, утвердили ее"

Ученіе хранилось въ памяти, а память могла измѣнять, хотя стихотворный размѣръ помогалъ не забывать выученнаго. При каждомъ возникшемъ сомнѣніи, благочестивые буддисты не щадили трудовъ; по этому поводу въ бирманской хроникѣ разказывается слѣдующій характерный случай:

„На островѣ Цейлонѣ, у одного мірянина Purabbasuka былъ сынъ ставира Tissa. Изучивъ слово Будды, ставира пошелъ въ Индію и тамъ изучалъ слово Будды, подъ руководствомъ ставиры Dhammarakkhita, родомъ Yonaka (Грека). На возвратномъ пути къ гавани, у ставиры возникло сомнѣніе относительно одного изреченія. Онъ повернулъ назадъ, хотя и прошелъ уже путь,во сто јожанъ.

По дорогѣ къ учителю, ставира сказалъ одно изреченіе нѣкоему мірянину. Мірянинъ, исполнившись благочестія, подарилъ ставирѣ шерстяное одѣяніе, стоющее сто тысячъ. Принявъ его, ставира передалъ учителю... Ставира Tissa, разрѣшивъ у учителя сомнѣніе, пришелъ въ свое мѣсто, на островъ Цейлонъ".

„Результатомъ такого рода изученія „слова Будды", такихъ стараній о его чистотѣ, было, по мнѣнію буддистовъ, то, что ученіе сохранялось въ продолженіе столѣтій, до самаго записанія его въ книгахъ, неизмѣннымъ. „Начиная съ того времени", говорятъ они, — „когда еще жилъ господь-Будда, и до записанія ученія въ книгахъ, преемство учителей хранило устно три питаки. Дополнивъ ученіе, ставиры записали его въ книгахъ и твердили". Такимъ образомъ, великіе старцы съ немалымъ трудомъ блюли ученіе. Объ этомъ таковъ разказъ:

„Во время Candâlatissa, на островѣ Цейлонѣ было смущеніе: послѣ засухи возникъ голодъ. Въ то время пришелъ князь боговъ, Индра, и сказалъ духовнымъ:

— Милые, вы не въ состояніи сохранить три питаки; взойдите на судно и ступайте въ Индію; если судно будетъ вамъ недостаточно, плывите на доскѣ, тростникѣ; стану васъ охранять, дабы не было вамъ страху.

Шестьдесять духовныхъ пошли тогда къ берегу моря; и случилось съ ними такое:—Не пойдемъ въ Индію, поживемъ здѣсь и сохранимъ три питаки.

И засимъ, вернувшись отъ гавани, пошли въ одну изъ странъ острова, *Malaya*; жили тамъ корнями, плодами и свершали чтеніе

Библиотека "Руниверс"

священнаго ученія. Но, мучимые сильно страхомъ голода, и такъ не могли продолжать; возлегли грудью на песокъ, и обернувъ другъ къ другу голову, молча, умственно повторяли чтеніе.

Въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, сохраняя такъ три питаки, вмѣстѣ съ комментаріями, они пеклись объ ученіи. По прошествіи двѣнадцати лѣтъ исчезъ страхъ. Семьсотъ духовныхъ, еще прежде ушедшихъ въ Жамбудвûпу (Индію), прибыли на островъ Цейлонъ, и пришли въ монастырь *Mandalârâma*, въ странѣ *Râma*.

Тѣ шестьдесятъ духовныхъ пришли также въ тотъ монастырь, и сговорившись другъ съ другомъ, прочли вмѣстѣ (священное писаніе).

Взаимно они согласовались и, какъ вода Ганга сливается съ водою Ямуны, такъ и они не различествовали" (*Sâsanavamsa*).

IV.

Изъ двухъ отдѣловъ вышеприведенной басни, то-есть, прозы и стиховъ, мы видѣли, что проза считается буддистами за переводъ съ сингалезскаго, сдѣланный въ IV—V вѣкахъ по Р. Х.; стихи, резюмирующіе фабулу, составляютъ часть священнаго текста, развившагося отъ VI до I вѣка до Р. Х. Есть основаніе предполагать, что начало многихъ басенъ и сказокъ возможно отодвинуть въ болѣе глубокую древность; извѣстно, что многое изъ древняго умственнаго достоянія Индіи было усвоено буддистами и внесено въ литературу; книга уложенія или виная питака разказываетъ, что буддійскіе монахи любили наполнять праздное время слушаніемъ разказовъ, сказокъ, легендъ и т. д.; имъ запрещались этого рода развлеченія, но съ теченіемъ времени доктрина съумѣла воспользоваться легендами; старыми средствами буддисты пытались достичь новыхъ цѣлей; изъ стараго содержанія создавалось новое произведеніе, возвѣщавшее новыя идеи, новое ученіе.

Для изслѣдователя происхожденія странствующихъ сказаній было бы весьма важно опредѣлить, откуда буддисты взяли ту фабулу, которую они резюмировали въ хроникахъ, несомнѣнно весьма древнихъ и весьма часто составляющихъ общее достояніе всѣхъ школъ. До сихъ поръ вопросъ объ этомъ разрѣшался двояко: одни считали индѣйское происхожденіе сказочнаго матеріала вполнѣ возможнымъ, опираясь при этомъ на извѣстную древность индѣйской литературы; другіе, какъ, напримѣръ, Веберъ, говорили, что это содержаніе пришло въ Индію съ запада, отъ Грековъ; Греки сохра-

Библиотека "Руниверс"

нили то же содержаніе, въ болѣе безыскусственной формѣ; они явились въ Индію очень рано, вмѣстѣ съ македонскимъ завоевателемъ, и въ то время, какъ развивалось буддійское ученіе, политическія событія постоянно приводили Индію въ столкновенія съ Греками. Такимъ образомъ, какъ-бы указывался самый путь перехода странствующихъ сказаній, и самое мнѣніе подтверждалось искусственностью индѣйскихъ редакцій. Послѣдній доводъ, какъ намъ кажется, лишенъ всякаго научнаго основанія. Искусственная редакція и внѣшняя систематизація разказа не бросаетъ никакого свѣта на самое происхожденіе содержанія; редакція явилась въ IV—V вѣкахъ по Р. Хр., но содержаніе существовало и прежде, ранѣе появленія сингалезскаго оригинала, какъ это подтверждается стихотворною частью всякаго разказа. Греки бывали дѣйствительно въ Индіи, но было ли ихъ много, въ какомъ отношеніи они были къ туземному населенію, не жили ли они исключительно въ лагеряхъ и тѣхъ укрѣпленныхъ ставкахъ, которыя западные писатели называютъ громкимъ именемъ городовъ,—обо всемъ этомъ нѣтъ никакихъ извѣстій. Въ то время, когда Греки появились впервые въ Индіи и долго послѣ того, тамъ продолжалось время смутное,—военное положеніе было обыкновеннымъ явленіемъ; контингентъ греческаго войска долженъ былъ весьма часто мѣняться, а потому врядъ ли солдату было время сходиться съ туземнымъ населеніемъ и быть, такимъ образомъ, піонеромъ западной культуры въ странѣ, въ то время далеко не лишенной своей собственной оригинальной цивилизаціи. Часть Индіи дѣйствительно пала подъ ударами македонскаго завоевателя, но это случилось не вслѣдствіе ея низшаго культурнаго развитія, а благодаря военному генію Александра Великаго и стеченію второстепенныхъ обстоятельствъ; около этого времени Индія вступила въ сношенія и съ другими народами; буддійскихъ миссіонеровъ мы видимъ и на сѣверѣ, и на востокѣ еще до Р. Хр.; благодаря буддизму, началось религіозное общеніе между отдаленными народами; а потому если индѣйская литература подвергалась чужеземному вліянію, было бы весьма односторонне ограничивать это вліяніе однимъ греческимъ: сказки, басни, легенды миѳическаго содержанія могли идти и изъ другихъ мѣстъ.

Для того, чтобы вліять на народъ именно въ этомъ отношеніи, нужно говорить съ нимъ, нужно быть ему понятнымъ; мы не знаемъ, былъ ли греческій языкъ извѣстенъ, или на сколько онъ былъ распространенъ въ Индіи; въ позднѣйшихъ астрологическихъ сочине-

Библиотека "Руниверс"

ніяхъ попадаются греческія техническія выраженія, но они зашли въ Индію гораздо позднѣе той эпохи, о которой мы говоримъ теперь. Съ другой стороны, буддизмъ, распространяясь внѣ Индіи, несъ съ собою и свой языкъ; множество именъ странъ, встрѣчаемыхъ въ путешествіи Сюанъ-цзана или нѣкоторыя имена въ Загангской Индіи—санскритскаго происхожденія; двуязычныя монеты греко-бактрійскихъ царей свидѣтельствуютъ о распространеніи одного изъ индѣйскихъ нарѣчій далеко внѣ Индіи; индѣйская граматика процвѣтала въ странахъ пограничныхъ съ краемъ, которымъ владѣли Греки; все это заставляетъ думать, что и здѣсь—можетъ-быть—въ самой Бактріи, буддизмъ и языкъ его культуры былъ распространенъ, было, быть можетъ, то же, что̀ позднѣе повторилось въ самой Бирмѣ. „Тамъ", говоритъ бирманская хроника,—„въ древности, въ городѣ *Arimaddana*, даже женщины изучали книги.... встрѣчаясь другъ съ другомъ, онѣ спрашивали: Какое сочиненіе изучаешь? Какое сочиненіе затверживаешь?... Однажды нѣкая двѣнадцатилѣтняя дѣвушка, встрѣтившись съ духовнымъ, расхаживавшимъ за милостынею, спросила его:—Какъ тебя зовутъ, возлюбленный?—Мое имя, отвѣчаетъ тотъ, *Khemâ*!

— Какъ, милый, ты мужчина, а принялъ имя съ окончаніемъ женскаго рода?

Мать, стоявшая въ домѣ, закричала дочери:—Развѣ ты не знаешь отличія словъ *râjâ* и пр.?

— Да, знаю, отвѣчала дочь,—но слово *Khemâ* не принадлежитъ къ разряду словъ *râjâ* и пр.? Между женщинами завязался ученый споръ, и обѣ высказали большія познанія".

Факты говорятъ, что между народами древности были и сношенія духовнаго общенія, и нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ утверждать исключительное вліяніе Грековъ па Индѣйцевъ; вѣроятнѣе предположить, что заимствованіе было и съ той, и съ другой стороны, и конечно, болѣе сказочнаго матеріалу перешло изъ Индіи на западъ, нежели наоборотъ. Этотъ литературный матеріалъ дошелъ до насъ въ искусственныхъ редакціяхъ; но прослѣживая ихъ развитіе, мы приходимъ къ убѣжденію, что начало содержанія уходитъ въ глубокую древность, и самый вопросъ о томъ, откуда могло взяться это содержаніе, остается открытымъ вопросомъ.

Издавая небольшое собраніе индѣйскихъ, буддійскихъ сказокъ (жâтакъ), я счелъ необходимымъ предпослать нѣсколько общихъ соображеній о началѣ этихъ литературныхъ произведеній; окончательно же этотъ важный вопросъ въ исторіи культуры можетъ быть разрѣ-

Библиотека "Руниверс"

шенъ соединенными усиліями многихъ и путемъ сравнительнаго изученія литературъ различныхъ народовъ.

Сказки.

1.

I. 7, 2. *anda bhutajataka.* Бодhисатва родился бāрāнмасійскимъ царемъ. Онъ часто игрывалъ въ кости съ своимъ главнымъ жрецомъ (пурогита). Когда же бросалъ золотую кость на серебрянную доску, то припѣвалъ такую пѣснь:

— Всѣ рѣки криво текутъ; во всякомъ лѣсѣ дрова и всякая женщина сотворитъ грѣхъ, застигнутая въ скрытомъ мѣстѣ!—Такъ играя, царь всегда выигрывалъ, а пурогита проигрывалъ. Видя, какъ въ домѣ изчезаетъ достатокъ, пурогита задумалъ жениться и сталъ такъ разсуждать:—Не могу я стеречь женщину, уже видѣвшую мужчину; стану стеречь какую-нибудь женщину съ ея рожденія, и когда она достигнетъ возраста, подчиню ее себѣ; сдѣлаю ее принадлежащею одному человѣку, и приставивъ сильную стражу къ ней, наберу много богатства отъ царя.

Такъ и сдѣлалъ пурогита: досталъ отъ бѣдной женщины дѣвушку, окружилъ ее женщинами, и пока она росла, не игралъ съ царемъ; когда же дѣвочку выростилъ, то сказалъ царю:

— Поиграемъ, великій царь!

— Хорошо, согласился царь, и сталъ играть прежнимъ спосо-собомъ; когда же царь, распѣвая, бросалъ кость, пурогита прибавилъ:

— Исключая моей питомицы.—И начиная съ тѣхъ поръ пурогита выигрывалъ, а царь проигрывалъ.

Царю это не понравилось, и онъ отрядилъ одного плута соблазнить дѣвушку. Плутъ пошелъ и недалеко отъ дома главнаго жреца на царскія деньги завелъ торговлю благоуханіями. Питомицу стерегли такъ, что и въ домъ нельзя было проникнуть. У нея была служанка, которой случалось проходить недалеко отъ лавки того плута. Однажды, видя какъ она подходитъ, плутъ вышелъ изъ своей лавочки, упалъ къ ея ногамъ, и обнявъ ихъ крѣпко руками, сталъ плакать:

— Матушка, гдѣ ты была столько времени?

Другіе подъученные плуты стояли и говорили о сходствѣ матери съ сыномъ; ихъ словамъ служанка повѣрила, признала плута своимъ

Библиотека "Руниверс"

сыномъ и стала брать въ его лавочкѣ благоуханія для молодой жены пурогита, не платя за нихъ денегъ. Черезъ нѣсколько дней плутъ сказался больнымъ и объяснилъ свою болѣзнь названной матери такъ:

— Матушка, вотъ въ чемъ моя болѣзнь: слыша хвалы твоей питомицы, я влюбился; если овладѣю ею, то буду жить; не овладѣю, то умру.

Служанка донесла объ этомъ молодой женщинѣ, и съ ея согласія, пронесла въ корзинѣ съ цвѣтами плута въ домъ главнаго жреца; тамъ плутъ прожилъ два-три дня.

По прошествіи двухъ трехъ дней, молодая женщина сказала:

— Господинъ, теперь ты доженъ уходить.

— Не хочу уходить, не прибивъ брâhмана, отвѣчалъ плутъ.

— Да будетъ такъ, отвѣчала молодая женщина и спрятала плута.

Пришелъ брâhманъ.

— Господинъ, сказала ему жена,—хочу поплясать подъ твою игру на лютнѣ.

— Хорошо, милая, попляши!

— Если ты станешь смотрѣть, я застыжусь. Завязавъ тебѣ лицо платкомъ, буду плясать.

Брâhманъ и на это согласился. Завязала ему жена глаза, и поплясавъ, жена сказала:

— Господинъ, хочу ударить тебя, разъ, по головѣ.

Брâhманъ и это позволилъ. Когда же плутъ ударилъ его довольно сильно, онъ потребовалъ, чтобы жена подала ему руку:

— Рука нѣжна, сказалъ онъ, держа жену за руку, а ударъ крѣпокъ.

Когда брâhманъ ушелъ, вынесли и плута въ корзинкѣ. Плутъ пошелъ и разказалъ обо всемъ царю.

Когда брâhманъ явился къ царю, тотъ предложилъ ему поиграть и во время игры пѣлъ свою обыкновенную пѣснь; брâhманъ хотя и прибавилъ: „исключая моей питомицы!“ но проигралъ на этотъ разъ. Царь ему разказалъ все, что узналъ о его молодой женѣ. Брâhманъ, прійдя домой, сталъ бранить свою жену. Жена отрицала все и утверждала, что ни одинъ мужчина не касался ея руки; справедливость словъ своихъ она готова была подтвердить божьимъ судомъ. Брâhманъ согласился на это.

— Милая, обратилась жена къ служанкѣ,—когда я буду входить въ огонь, скажи сыну, чтобъ онъ пришелъ туда и взялъ меня за руку.

Библиотека "Руниверс"

Та пошла и научила плута, какъ дѣйствовать. Пришелъ на судъ плутъ и сталъ въ толпѣ.

Питомица, желая обмануть brâhmana, ставъ по срединѣ народа, сказала:

— Исключая brâhmana, не знала я прикосновенія руки другаго человѣка. Если я говорю правду, то да не сжетъ меня этотъ огонь! И стала входить въ огонь. Въ тотъ же мигъ плутъ обратился къ народу:

— Полюбуйтесь на дѣло пурогиты: такую женщину онъ посылаетъ въ огонь,—и схватилъ ее за руку. Жена, вырвавъ руку, обратилась къ brâhmanу:

— Господинъ, свидѣтельство мое нарушено. Не могу я входить въ огонь.

Brâhmanъ тутъ только понялъ, что онъ обманутъ, и прибивъ жену, прогналъ ее.

2.

I. 7, 7. *Ucchanga jâtaka*. Однажды въ странѣ *Koçala* три человѣка пахали въ лѣсу; въ то же время вблизи того же лѣса разбойники ограбили людей и убѣжали. Ограбленные люди, ища разбойниковъ и не видя ихъ, пришли къ тому мѣсту (гдѣ тѣ три человѣка пахали).—Награбили въ лѣсу, а теперь стали пахать! (сказали землепашцамъ ограбленные) и, считая ихъ разбойниками, связали, привели къ царю и отдали ихъ ему.

Нѣкая женщина (жена одного изъ трехъ), плача и приговаривая: „дайте мнѣ покровъ, дайте мнѣ покровъ", стала расхаживать вокругъ царскаго жилища. Царь, услыхавъ ея голосъ, приказалъ:—Дайте ей покровъ.—Слуги, взявъ одѣяніе, пошли къ ней, но она, увидавъ это, сказала:—Не этого я прошу, я прошу покрова—мужа.—Слуги пошли и доложили царю:—Не тотъ покровъ она разумѣетъ, мужа (покровъ) она разумѣетъ.—Царь, приказавъ ее позвать, спросилъ:—Ты просишь мужа—покровъ?

— Да, царь, для женщины мужъ—покровъ; если мужа нѣтъ, то хотя бы женщина одѣлась въ драгоцѣннѣйшее одѣяніе, она будетъ нага!—И чтобы доказать это, она прибавила слѣдующее изреченіе: Безводная рѣка нага; нага страна безъ царя; нага вдова, хотя бы у ней было десять братьевъ.

Довольный ею, царь спросилъ:—Эти три человѣка кто тебѣ?

— Одинъ мнѣ, о царь,—мужъ, другой—братъ, третій—сынъ.

Библиотека "Руниверс"

— Я доволенъ тобою, сказалъ царь,—изъ трехъ одного дарую тебѣ, кого желаешь?

— Покуда я жива, о царь, отвѣчала она,—мужа могу достать и могу достать сына, но такъ какъ мои родители померли, трудно мнѣ достать брата; а потому даруй мнѣ, о царь, брата.

Царю понравился этотъ отвѣтъ и онъ отпустилъ всѣхъ трехъ...

(Далѣе въ текстѣ слѣдуетъ пересказъ того же съ однимъ видоизмѣненіемъ, именно жена отвѣчаетъ такъ:—Въ колѣнахъ у меня сынъ, пойду по дорогѣ и мужа найду, но не вижу страны, откуда могла бы привести брата!).

3.

I. 10, 2. *mahāsāra jātaka*. По приглашенію царя *Kosala*, стhавира Ананда преподавалъ законъ его женамъ. Однажды у царя пропалъ драгоцѣнный камень изъ діадемы. Царь приказалъ отыскать его. Не смотря на усердные поиски, камень не находился; людей же очень мучили. Объ этомъ узналъ отъ царскихъ женъ Ананда; онъ отправился къ царю и предложилъ ему средство найдти камень, не муча людей: онъ посовѣтовалъ царю отобрать тѣхъ, кого подозрѣвали въ кражѣ, раздать каждому изъ нихъ по куску глины или соломы и заставить бросать то и другое, на разсвѣтѣ, въ опредѣленное мѣсто; такимъ образомъ найдется воръ. Это средство, хотя повторялось трижды, не открыло вора; тогда Ананда посовѣтовалъ еще другое средство: поставить въ одномъ мѣстѣ сосудъ съ водой и окружить его оградою; каждый долженъ былъ входить за ограду и омыть руки въ сосудѣ; воръ, убѣжденный, что рано или поздно стhавира откроетъ украденное, бросилъ въ сосудъ драгоцѣнный камень, который и нашли тамъ, выливъ воду.

По этому поводу учитель разказалъ жатаку: У баранасійскаго царя Брahмадатты былъ мудрый министръ (бодhисатва). Однажды царь со всѣми женами отправился въ садъ купаться. Жены, снявъ украшенія, отдали ихъ служанкамъ, а сами взошли въ прудъ. Увидала это одна обезьяна; воспользовавшись разсѣянностью служанки, обезьяна утащила ожерелья царицы, быстро влѣзла на дерево, и не желая показывать другимъ обезьянамъ украденное, спрятала его въ дуплѣ сухаго дерева. Служанка, проснувшись и не видя царицына ожерелья, подняла крикъ; сбѣжалась стража, и услыхавъ, въ чемъ дѣло, донесла о пропажѣ царю. Царь приказалъ поймать вора. Побѣжали стражи съ крикомъ:—ловите вора, ловите вора! — Въ это

Библиотека "Руниверс"

время одинъ прохожій, услыхавъ этотъ крикъ, принялся со страху бѣжать. Стражи сочли его за вора, поймали и стали бить.

Прохожій подумалъ:—Если я скажу, не бралъ ожерелья, то не жить мнѣ; станутъ бить и умертвятъ меня! — И сказалъ онъ: — Да, господинъ, я укралъ ожерелье.

Связали его стражи и потащили къ царю.

— Ты укралъ драгоцѣнное ожерелье (mahâsârapilandhanam), спросилъ его царь.

— Да, царь!

— Гдѣ же оно теперь?

— О царь, никогда не видывалъ я прежде постелей и стульевъ изъ *mahâsâra* (*Acacia Catechu*); Галова (*setthi*) заставилъ меня украсть драгоцѣнное украшеніе (*mahâsârapilandhana*). Укравъ, я отдалъ ему украшеніе, и онъ знаетъ, гдѣ оно теперь.

Царь приказалъ позвать голову (*setthi*) и спросилъ его:

— Бралъ ли ты изъ рукъ этого драгоцѣнное украшеніе (*mahâsârapilandhanam*)?

— Да, царь!

— Гдѣ жь оно теперь?

— Я отдалъ его пурогитѣ, отвѣчалъ голова.

Царь приказалъ позвать пурогиту и также допросилъ его; и тотъ сознался и сказалъ:

— Я отдалъ украшеніе музыканту.

Позвали музыканта.

— Бралъ ли ты изъ рукъ пурогиты, драгоцѣнное украшеніе (*mahâsârapilandhanam*).

— Да, царь!

— Гдѣ жь оно теперь?

— Изъ любви я отдалъ его гэтерѣ (*rannadâsi*).

— Царь приказалъ позвать гэтеру; та, будучи спрошена, отвѣчала: „не брала.“

Между тѣмъ зашло солнце, и царь, отложивъ дальнѣйшій допросъ до завтра, отдалъ пять человѣкъ министрамъ, а самъ отправился домой. Разумный министръ (bodhisatva) сейчасъ же догадался, что пять человѣкъ не крали украшенія, пришелъ къ царю и выпросилъ ихъ у царя.

— Великій царь, отдай мнѣ воровъ, я изслѣдую это дѣло.

— Прекрасно, мудрецъ, отвѣчалъ царь, изслѣдуй, — и отдалъ ему пять воровъ.

Библиотека "Руниверс"

Бодhисатва, призвавъ своихъ рабовъ, сказалъ имъ:

— Заключите этихъ пять человѣкъ въ одно мѣсто; сторожите ихъ кругомъ; прислушайтесь къ тому, что̀ они между собою станутъ говорить, и все это передайте мнѣ. Сказавъ такъ, онъ ушелъ; рабы такъ и сдѣлали.

Въ то время, какъ пять человѣкъ сидѣли тамъ, голова (*setthi*), обратившись къ домохозяину, сказалъ:

— Негодный домохозяинъ, когда ты меня прежде и когда я тебя прежде видѣлъ? Когда ты мнѣ отдавалъ украшеніе?

— Голова, отвѣчалъ домохозяинъ,—я не знавалъ постели или стула съ ножками, сдѣланными изъ дерева *Mahasara* (*acacia catechu*). Отъ тебя будетъ зависить мое освобожденіе, такъ думая, я сказалъ. Не гнѣвайся на меня, господинъ!

Пурогита сказалъ:—Голова, какъ могъ ты мнѣ дать то, что̀ тебѣ не было дано?

— Мы оба ловкіе люди, и если вмѣстѣ будемъ, въ то время ты быстро разрѣшишь дѣло; вотъ поэтому я оговорилъ тебя.

Музыкантъ сказалъ пурогитѣ: Брahманъ, когда ты мнѣ давалъ украшеніе?

— Я думалъ, отвѣчалъ пурогита,—съ тобою и въ заключеніи мнѣ будетъ пріятно, а потому такъ сказалъ.

Гэтера обратилась къ музыканту:

— Негодный музыкантъ, когда я къ тебѣ приближалась прежде, или ты подходилъ ко мнѣ? Когда ты мнѣ давалъ украшеніе?

— Сестрица, отвѣчалъ музыкантъ,—зачѣмъ ты сердишься? Если мы пять человѣкъ станемъ вмѣстѣ жить, то это будетъ какъ-бы жизнь дома. Не тоскуй, пріятно проживемъ; такъ думая—я сказалъ.

Выслушавъ отъ приставленныхъ людей донесеніе объ этомъ разговорѣ, бодhисатва убѣдился, что пять человѣкъ не суть воры. Подозрѣвая, что воръ—обезьяна, бодhисатва наловилъ обезьянъ и навязалъ имъ на ноги, руки, шею украшенія; видя это, обезьяна-воръ надѣла драгоцѣнное ожерелье и стала разгуливать. Приставленные бодhисатвою люди погнались за нею, отняли украденное и отдали бодhисатвѣ, который отнесъ его царю.

Царь, выслушавъ разказъ обо всемъ, сказалъ:

— Героя въ битвѣ, не болтуна въ совѣтѣ, за трапезой милаго желаютъ; когда же возникаетъ дѣло, мудраго желаютъ.

Библиотека "Руниверс"

4.

I. 8, 10. *bhimasena jâtaka*. Бодhисатва родился въ семьѣ брâhманской и научился въ *Takkasila* тремъ ведамъ и шестнадцати искусствамъ и былъ весьма искусный стрѣлокъ изъ лука. Пришелъ онъ въ Бâрâнаси, но, будучи малъ ростомъ, боялся предстать предъ царемъ; встрѣтивъ одного красиваго рослаго ткача, онъ условился съ нимъ такъ: если меня увидитъ царь, то скажетъ: „что̀ можетъ намъ сдѣлать такой малорослый?“ и разсердится. Если же ты скажешь царю: „я стрѣлокъ изъ лука“, онъ дастъ тебѣ жалованіе и возможность спокойно жить! Я стану за тебя дѣлать случившіяся дѣла и буду жить за твоею спиною, оба будемъ счастливы. Исполни мои слова.—Ткачь согласился; пошли вдвоемъ къ царю и нанялъ ихъ царь—ткача какъ стрѣлка, бодhисатву какъ ученика. Случилось вскорѣ, что царь послалъ ткача *Bhimasena* убить тигра, который нападалъ на людей по дорогѣ. Бодhисатва не пошелъ съ нимъ, а научилъ его, какъ дѣйствовать:—Не ходи одинъ въ логовище тигра; собери народъ и, взявъ тысячу или двѣ луковъ, ступай туда; когда же увидишь, что тигръ всталъ, бѣги въ чащу и припади на животъ; какъ скоро люди, побивъ тигра, возьмутъ его, откуси зубами ползучее растеніе,, и взявъ его за конецъ, ступай къ тигру мертвому и скажи: „Кто убилъ тигра? Я пошелъ въ лѣсъ за веревкою, хотѣлъ его связать, какъ корову, и привести къ царю. Но принесъ я веревки, а кто-то ужь убилъ его! Народъ испугается и скажетъ: „Господинъ, не докладывай объ этомъ царю.“ Дадутъ тебѣ много денегъ, ты же возмешь тигра и отъ царя получишь еще много богатства“.

Bhimasena все такъ и сдѣлалъ, и случилось все по словамъ бодhисатвы. Такъ же выходилъ онъ на буйвола. Затѣмъ сталъ онъ презрительно относиться къ бодhисатвѣ. Случилось вскорѣ, что какой-то царь осадилъ Бâранаси. Царь выслалъ Бhимасена на поединокъ съ нимъ. Вооружился *Bhimasena* съ ногъ до головы и выѣхалъ на слонѣ; сзади его сидѣлъ бодhисатва; какъ только услышавъ *Bhimasena* звуки битвы, такъ испугался, что испачкалъ сидѣніе.

Бодhисатва, побранивъ его, пересадилъ на заднее мѣсто, а самъ сѣлъ напередъ и побѣдилъ врага.

Бâрâнасійскій царь выбралъ его своимъ стрѣлкомъ, *Bhimasen'y* же отпустилъ.

5.

I. 10, 7. *namasiddhijâtaka*. Въ *Takkasila*, у одного брâhмана-учителя (бодhисатва) былъ ученикъ по имени Рâрака (грѣшникъ). Не

Библиотека "Руниверс"

понравилось такое имя ученику, и пошелъ онъ, съ позволенія учителя, отыскивать новое имя. Приходитъ въ нѣкоторый городъ; тамъ умеръ нѣкій человѣкъ, по имени *jivako* (живой); не понравилось ему это имя; и (живой) *jivako* умираетъ. Пошелъ онъ дальше; видитъ онъ, какъ одинъ хозяинъ бьетъ раба за недоставленіе оброка; раба звали *Dhanapali* (богачъ); не понравилось ему и это имя,—и *Dhanapali* (богачъ) бываетъ бѣднымъ. Вышелъ за городъ и видитъ человѣка заблудившагося; спросилъ, какъ его имя, а имя тому было (путникъ) *Panthako*; и *Panthako* (путникъ) теряетъ путь,—не понравилось ему и это имя; вернулся къ учителю и не хотѣлъ мѣнять имени. Тогда учитель сказалъ стихъ:

Увидѣвъ *jivaka* (живаго) мертвымъ, бѣднымъ *Dhanapali* (богача), заблудившимся *Panthaka* (путника), *Pāpaka* вернулся.

6.

I. 13, 6. *kataha jataka*. Въ древности, въ Бараначи царствовалъ Брахмадатта. Бодхисатва былъ въ то время весьма богатымъ цеховымъ начальникомъ (*setthi*). Жена его родила сына, и въ тотъ же день служанка родила сына. Оба мальчика росли вмѣстѣ; когда сынъ господина учился письму, сынъ слуги, нося за ними доску, научился письму, счету. По прошествіи нѣкотораго времени сталъ онъ искусенъ въ рѣчахъ и дѣлахъ; былъ красивъ, назывался *Katāhaka* и въ домѣ господина имѣлъ должность ключника.

Исполняя свою должность, задумалъ ключникъ такое: „Не вѣчно будетъ у меня должность ключника; замѣтятъ какой-нибудь проступокъ, прибьютъ, свяжутъ, заклеймятъ и будутъ мною пользоваться какъ рабомъ. Въ отдаленной странѣ у господина есть другъ *Setthi*. Если я, какъ-бы по словамъ господина, вмѣстѣ съ его письмомъ пойду туда, назовусь сыномъ господина, и такимъ образомъ обманувъ *Setthi*, женюсь на его дочери, то стану жить счастливо!

Въ тотъ же вечеръ ключникъ написалъ письмо, въ которомъ отъ имени своего господина рекомендовалъ себя, какъ сына и жениха дочери *Setthi*; запечаталъ письмо перстнемъ господина и отправился въ отдаленную страну. Прочиталъ *Setthi* письмо друга и исполнилъ все по писанному.

Женился сынъ служанки на дочери головы и имѣлъ самъ много слугъ. Пищу, наряды—все сталъ онъ корить. Между тѣмъ господинъ его разузналъ, куда бѣжалъ его слуга, и собрался самъ къ другу, въ далекую страну. Дошла объ этомъ вѣсть до сына служанки и по-

Библиотека "Руниверс"

нялъ онъ, зачѣмъ идетъ его господинъ.—Если я убѣгу, думалъ онъ,—то нельзя будетъ мнѣ вернуться. Осталось одно средство: Пойду на встрѣчу господину, исполню всѣ дѣла слуги и тѣмъ его умилостивлю!

И увѣрилъ онъ своихъ слугъ, что въ его странѣ дѣти у родителей тѣ же слуги, исполняютъ всѣ тѣ дѣла, что здѣсь дѣлаютъ слуги, и не ѣдятъ вмѣстѣ съ родителями. Увѣривъ въ этомъ слугъ, отпросился у тестя и отправился на встрѣчу своему господину. Прислуживая ему какъ слуга, *Katahaka* умолилъ господина не губить его. Господинъ обѣщалъ исполнить эту просьбу, и прійдя къ другу, призналъ сына служанки за своего сына. Съ этихъ поръ никто не могъ смотрѣть въ лице *Katahak'u*. Однажды господинъ призвалъ къ себѣ молодую жену *Katahak'u* и сталъ распрашивать о томъ, какъ живетъ ея мужъ.

— Нѣтъ у него пороковъ, отвѣчала жена;—только нищу всегда коритъ.

Господинъ научилъ ее одному стиху, которымъ жена должна была заставить мужа молчать. Ушелъ господинъ и возгордился еще болѣе. *Katâhaka*, и сталъ онъ разъ бранить обѣдъ, поданный женою. Жена отвѣтила ему стихомъ:

— Пришелъ въ иную страну и многое искажаетъ. За тобою въ слѣдъ опять придетъ и (тебя же) унизитъ. Наслаждайся, *Katahaka*!

— Господинъ сказалъ ей мое имя и все про меня, подумалъ *Katahaka* и съ тѣхъ поръ присмирѣлъ.

7.

X. 1, 15. *Ghata jataka*. Въ древности, на сѣверѣ (*uttara fatha*) въ странѣ *kamsabhoga*, въ городѣ *Asitanjana* царствовалъ *Mahâkamso*; у него было два сына: *Kamso* и *Upakamsa* и дочь *Deragabbhâ*. Въ тотъ день, когда родилась дочь, гадатели предсказали:—Сынъ, родившійся изъ ея чрева, погубитъ страну *Kamsabhoga* и фамилію *Kamsa*.—Царь, любя сильно дочь, не имѣлъ силы убить ее;—Да знаютъ объ этомъ ея братья! такъ думалъ онъ, и, проживъ свой вѣкъ, умеръ. Когда онъ умеръ, *Kamsa* сталъ царемъ, *Upakamsa* вице-царемъ. Стали они совѣщаться:—Если мы убьемъ сестру, станутъ насъ порицать. Не отдадимъ ее за мужъ; станемъ охранять ее дѣвственницей!—Построили дворецъ съ одною башнею, поселили сестру тамъ. У царевны была прислужница, по имени *Nandagopâ* и слуга *andhaka venhu*.

Въ это время въ сѣверной *Madhura* царствовалъ *Mahasâgara*; у него было два сына: *Sâgara* и *Upasâgara*; по смерти отца *Sâgara*

Библиотека "Руниверс"

сталъ царемъ, *Upasāgara* вице-царемъ. *Upasāgara* былъ товарищемъ вице-царя *Upakams'a*; оба учились искусствамъ въ домѣ одного и того же учителя. *Upasāgara*, пойманный разъ на свершеніи зла, въ городѣ брата, убѣжалъ изъ родины къ вице-царю *Upakamsa*. *Upakamsa* показалъ его царю *Kamsa*; а тотъ окружилъ его великимъ блескомъ. Отправляясь прислуживать царю *Kamsa*, *Upasagara* увидалъ жилище царевны *Devagabbhā*, дворецъ съ одною башнею, и спросилъ: чье это жилище? Услыхавъ все обстоятельство, онъ влюбился въ царевну *Devagabbhā*. Царевна *Devagabbhā*, увидавъ его однажды отправляющимся вмѣстѣ съ вице-царемъ *Upakamsa* прислуживать царю, спросила:—Кто это?—Услыхавъ отъ служанки *Nandagopā*, что это *Upasāgara*, сынъ царя *Mahāsāgara*, влюбилась въ него.

Upasāgara подкупилъ служанку *Nandagopā*:

— Сестрица, сказалъ онъ ей,—можешь ты мнѣ показать царевну *Devagabbhā*?

— Это не трудно, господинъ, отвѣчала та и разказала обстоятельства царевны.

Царевна, уже по природѣ влюбленная въ него, услыхавъ эту рѣчь, согласилась, сказавъ:—Хорошо.

Nandagopā, условившись съ *Upasāgara*, ночью ввела его во дворецъ. Онъ спалъ вмѣстѣ съ царевною. Оттого, что они повторительно спали вмѣстѣ, *Devagabbhā* пріяла зачатіе. Чрезъ нѣкоторое время ея беременность стала замѣтна. Братья спросили служанку *Nandagopā*. Служанка, испросивъ себѣ безопасность, разказала то обстоятельство. Братья подумали: нельзя убить сестры; если она родитъ дочь, то не будетъ убита; если родитъ сына, мы убьемъ его,—и отдали царевну за *Upasāgara*. Когда созрѣлъ плодъ, она родила дочь, братья остались довольны, возрадовались и назвали дѣвочку *Añjanadevi*, родителямъ же дали во владѣніе деревню *Govaddhamāna*. *Upasāgara* вмѣстѣ съ царевною жилъ въ той деревнѣ. *Devagabbhā* опять забеременѣла и въ тотъ же день забеременѣла *Nandagopā*. Когда плодъ у обѣихъ созрѣлъ, *Devagabbhā* родила сына, *Nandagopā*—дочь. *Devagabbhā*, опасаясь убіенія сына, тайно послала его къ *Nandagop'ѣ* и взяла дочь послѣдней. Доложили братьямъ, что ихъ сестра родила.

— Сына она родила? спросили тѣ.

— Дочь, отвѣчали имъ.

— Пусть и воспитываетъ, сказали они.

Такимъ образомъ *Devagabbhā* родила десять сыновъ, *Nandagopā*

Библиотека "Руниверс"

десять дочерей. Сыновья росли у *Nandagop*'ы, дочери у *Devagabbh*'ы. Никто не зналъ этого обстоятельства. Старшій сынъ *Devagabbh*'ы назывался *Vasudeva*, второй *Baladeva*, третій *Candadeva*, четвертый *Suriyadeva*, пятый *Aggideva*, шестой *Varunadeva*, седьмой *Ajjuna*, осьмой *Pajjunna*, девятый *Gahat*—мудрый, десятый *Ankura*. Они были извѣстны какъ десять братьевъ, десять сыновъ раба *Andhakavenhu*. Когда братья выросли и возмужали, стали они грабить страну. Жители пожаловались царю. Царь призываетъ мнимаго отца десяти братьевъ.

— Это не мои сыновья, то сыновья *Upasāgar*'ы, сказалъ тотъ и повѣдалъ царю все обстоятельство.

Испугался царь и спросилъ министровъ:—Какимъ способомъ овладѣемъ ими?

Тѣ отвѣчали:

— О, царь! они бойцы; устрой въ городѣ бой; когда они придутъ на кругъ, прикажемъ ихъ взять.

Царь приказалъ кормить двухъ бойцевъ: *Canura*, *Vutthika* (или *Muttthika*) и съ барабаннымъ боемъ возвѣстилъ въ городѣ: чрезъ семь дней будетъ бой. У царскихъ воротъ приготовили кругъ для боя вырыли яму, украсили кругъ для дома; привязали знамена. Весь городъ взволновался.... Десять братьевъ являются; происходитъ битва; бойцы царя побиты; *Vutthika* дѣлается *yakkha* и живетъ въ лѣсу *Kālamatti*.

— Хватайте десять братьевъ, рабовъ, сказалъ царь, вставая. Въ этотъ мигъ *Vāsudeva* бросилъ свой жезлъ, который снесъ голову двумъ братьямъ-дядямъ; испуганный народъ упалъ къ ногамъ десяти братьевъ, съ словами: будьте намъ убѣжищемъ.

Братья, убивъ двухъ дядей, овладѣли царствомъ въ городѣ *Asitanjana*; привели туда отца съ матерью.—Овладѣемъ всею Жамбудвиною, сказали десять братьевъ и вышли. Пришли въ городъ *Ayojjha*, жилище царя *Kālasena*. Обложили городъ, убили царя и овладѣли городомъ. Послѣ того пришли къ городу *Dvāravati*.

Съ одной стороны этого города было море, съ другой—гора, которою владѣли нелюди. На ней пребывалъ *Yakkha*, охраняя городъ. Увидѣвъ враговъ, онъ подъ видомъ осла ревѣлъ по ослиному. Въ то же мгновеніе, по могуществу *Yakkh*'и, весь городъ поднимался и становился въ срединѣ моря, на островокъ. Когда же враги уходили, городъ возвращался и становился на свое мѣсто.

То же самое повторилось, когда приблизились десять братьевъ.

Библиотека "Руниверс"

Не могши овладѣть царствомъ въ городѣ *Dvāravati*, они пошли и поклонились мудрецу *Kanhadipayana*.

— Возлюбленный, не можемъ мы овладѣть царствомъ въ городѣ *Dvāravati*, скажи намъ средство.

— За оградой, въ такомъ-то мѣстѣ, отвѣчалъ подвижникъ, расхаживаетъ нѣкій оселъ; онъ, увидавъ враговъ, реветъ и, въ то же мгновеніе городъ, поднявшись, уходитъ. Вы припадите къ его ногамъ, это средство для успѣха. Такъ имъ было сказано; десять братьевъ, поклонившись подвижнику, стали просить осла, упавъ къ его ногамъ:

— Господинъ, исключая тебя, нѣтъ для насъ помощи; не реви въ то время, когда мы будемъ брать городъ.

— Не могу не ревѣть, отвѣчалъ оселъ;—вы сперва прійдите и четыре человѣка, взявъ четыре большихъ желѣзныхъ плуга, у четырехъ воротъ города вройте четыре большихъ желѣзныхъ столба. Въ то время, когда городъ станетъ подниматься, возьмите плуги и привязанныя къ плугамъ желѣзныя привязи, прикрѣпите къ желѣзнымъ столбамъ,—оттого городъ не сможетъ подняться.

Братья поступили согласно съ этимъ наставленіемъ и взяли городъ; убивъ царей, они овладѣли царствомъ. То же самое они сдѣлали въ шестидесяти тысячахъ другихъ городахъ. Живя въ городѣ *Dvāravati*, они раздѣлили свои владѣнія на десять частей и при этомъ забыли о своей сестрѣ *Añjanadevi*; въ ея пользу отказывается отъ своей части *Ankura*; онъ отправляется торговать.

По прошествіи многаго времени, когда царствовалъ *Vāsudeva*, принцы-сыновья десяти братьевъ стали думать: *Kanhadipayana* называется обладающимъ небеснымъ зрѣніемъ, испытаемъ его. Взяли юношу, нарядили его, привязали ему на животъ подушку, и показывая какъ-бы беременною женщиною, спросили подвижника, что̀ родитъ эта женщина. Подвижникъ, предвидя свою и десяти братьевъ судьбу, предсказалъ, что чрезъ семь дней женщина родитъ палочку дерева *khadira* (*Acacia Catechu*), отъ которой погибнетъ родъ *Vāsudev*'ы. Вы возьмите эту палочку, сожгите ее и пепелъ бросьте въ рѣку, добавилъ онъ имъ. Принцы, насмѣявшись надъ подвижникомъ, придушили его. Чрезъ семь дней изъ живота юноши дѣйствительно вышла палочка. *Vāsudeva* приказалъ сжечь палочку и пепелъ бросить въ рѣку. Пепелъ, несомый водою, остановился передъ главными воротами, съ одной стороны, и сдѣлался растеніемъ *craka*.

Однажды десять братьевъ отправились къ главнымъ воротамъ, построили тамъ павильонъ и стали пировать. Между ними произо-

Библиотека "Руниверс"

шелъ споръ; одинъ изъ нихъ, не имѣя никакого орудія, беретъ листъ *eraka*, который превращается въ палку дерева *khadera*. Другіе слѣдуютъ его примѣру. Этими палками они побиваютъ другъ друга. Остаются въ живыхъ: *Vasudeva*, *Baladeva*, *Añjanadevi* и пурогита. Они бѣгутъ и попадаютъ въ лѣсъ якшаса *Mutthika*. Якшасъ, какъ только узналъ ихъ приходъ, созидаетъ селеніе, самъ принимаетъ видъ бойца. *Baladeva* идетъ съ нимъ состязаться и *Mutthika* пожираетъ его.

Убѣдившись, что онъ умеръ, *Vasudeva*, взявъ сестру и пурогиту, шелъ всю ночь; когда же взошло солнце, они достигли отдаленной деревни. *Vasudeva* послалъ туда сестру и пурогиту за пищею, самъ же прилегъ въ кустахъ. Здѣсь его подстрѣливаетъ нѣкій охотникъ *Jara* по имени. Такимъ образомъ, всѣ погибли за исключеніемъ царевны *Añjanadevi*.

8.

XII. 1, 2. *Bhaddasālajātaka*. Эта жатака разказана среди слѣдующихъ обстоятельствъ. Учитель пребывалъ въ Жетаванѣ; бhикшу ежедневно питались или у Анâтhапиндика, или у Висâкhâ и не принимали роскошной пищи отъ царя *Kosala*. Царь, услыхавъ отъ самого учителя, что бhикшу принимаютъ пищу отъ тѣхъ, кому довѣряютъ, то-есть, или отъ родственниковъ, или отъ семей, вѣрою просвѣщенныхъ, задумалъ жениться на çакійской дѣвушкѣ; съ этою цѣлью онъ посылаетъ сватать Çакійку. *Mahānāma* отдаетъ за него дочь *Vāsabhakhattiyā*, рожденную отъ рабыни *Nāgamundā*.

Послы царя *Kosala*, боясь, чтобы гордые Çакійцы не отдали имъ дѣвушку низкаго происхожденія, требовали, чтобы выдаваемая дѣвушка ѣла вмѣстѣ съ Çакійцами. Çакійцы призадумались.

Mahānāma сказалъ: „Не безпокойтесь; я придумалъ средство. Въ то время, когда я буду обѣдать, нарядите дѣвушку *Vāsabhakhattiya* и приведите. Какъ только я возьму кусокъ, вы скажите: „царь! такой-то царь прислалъ грамоту; выслушай его извѣщеніе!“ и покажите мнѣ грамоту.

Çакійцы отвѣчали: Хорошо!

Когда *Mahānāma* сталъ обѣдать, они нарядили невѣсту.

— Приведите мою дочь, сказалъ *Mahānāma*,—пусть обѣдаетъ она со мною вмѣстѣ.

— Она наряжается еще царь! отвѣчали ему, и помедливъ немного, привели дѣвушку.

Библиотека "Руниверс"

Дѣвушка, думая, что съ отцомъ станетъ ѣсть, протянула руку къ сосуду. *Mahanama* вмѣстѣ съ нею взялъ одинъ кусокъ; когда же протянулъ руку за другимъ, ему сказали:

— Царь, такой-то царь прислалъ грамоту; выслушай его извѣщеніе! и подали ему грамоту.

— Милая, сказалъ *Mahanama* дѣвушкѣ, кушай,—правую руку опустилъ въ сосудъ, лѣвою же взялъ грамоту и сталъ ее обозрѣвать.

Въ то время, когда онъ читалъ грамоту, дѣвушка ѣла. Когда же она поѣла, онъ вымылъ руки и выполоскалъ ротъ.

Такимъ образомъ, обманувъ пословъ, выдали за царя *Kosala* дочь рабыни. Отъ этой жены у царя *Kosala* родился сынъ; царь послалъ къ своей бабкѣ узнать, какъ назвать сына. Посланный министръ былъ нѣсколько глухъ и дурно выслушалъ слова бабки.

— Не родивъ еще сына, сказала бабка,—*Vasabhakhattiya* овладѣла всѣмъ народомъ, теперь же станетъ очень мила (*vallabha*) царю.

Глухой министръ дурно разслышавъ слово: „мила" (*vallabha*), принялъ его за *viccudaha*. Этимъ именемъ и назвали принца. Когда *Viccudaha* выросъ, онъ посѣтилъ своего дѣда *Mahanama*. Çакійцы отослали на это время всѣхъ юношей. Принцъ почтительно кланялся всѣмъ, ему же никто не кланялся, такъ какъ вся молодежь ушла. Когда принцъ уходилъ, то услыхалъ, какъ одна рабыня, омывая его сѣдалище водою съ молокомъ, назвала его сыномъ рабыни. Онъ принялъ рѣшеніе, какъ скоро сдѣлается царемъ, то омыть свое сѣдалище кровью изъ çакійскихъ горлъ. По возвращеніи въ *Sāvatthi*, министры донесли обо всемъ царю. *Kosala* удалилъ отъ себя жену и ея сына, и только послѣ увѣщанія учителя возвращаетъ ихъ.

У царя *Kosala* былъ военачальникъ, по имени *Bandhula*; онъ отослалъ свою безплодную жену *Mallika* въ городъ *Kusinara*.

— Ступай къ своей семьѣ, сказалъ онъ ей.

— Посмотрю на учителя, и потомъ пойду, отвѣчала она. Пошла въ Жетавана, поклонилась учителю и стала въ сторонѣ.

— Куда ты идешь? спросилъ ее учитель.

— Мужъ отсылаетъ меня въ семью.

— Почему?

— Потому, возлюбленный, что я безплодна, бездѣтна.

— Если такъ, сказалъ учитель,—то не зачѣмъ идти, вернись назадъ.

Безплодная жена возвращается домой и черезъ недолгое время становится беременной и получаетъ желаніе выкупаться въ торже-

Библиотека "Руниверс"

ственномъ прудѣ коронованія въ городѣ *Vesāli*. Около этого пруда была стража, и онъ былъ покрытъ мѣдною сѣтью. *Badhula* беретъ жену и ѣдетъ въ *Vesāli*. Прогнавъ стражу, онъ купаетъ тамъ жену и поитъ ее. Цари *Sicchavi* преслѣдуютъ его; онъ ихъ убиваетъ и приходитъ въ *Sāvatthi*. *Mallinā* рождаетъ шестьнадцать разъ по два сына. *Bandhula* дѣлается рѣшителемъ дѣлъ у царя. Министры, рѣшавшіе прежде дѣла, наговариваютъ на него у царя. Царь подозрѣваетъ его и посылаетъ съ сыновьями усмирять отдаленныя страны; вмѣстѣ съ нимъ онъ посылаетъ воиновъ убить его и его сыновей; когда *Bandhula*, послѣ усмиренія, возвращался назадъ, воины отсѣкли ему голову и его сыновьямъ. *Mallika* въ то время угощала бhикшу, и принявъ съ твердостью печальную вѣсть, съ разрѣшенія царя сама отправляется въ *Kusināra*, а гробъ отсылаетъ къ Çākiйцамъ.

Царь *Kosala*, убѣдившись въ невинности убитаго *Bandhulo*, дѣлаетъ военачальникомъ его младшаго брата *Dighakārāyata*; но этотъ не забываетъ преступленія царя и низводитъ его съ престола. Царемъ дѣлается *Viccudaha*. *Viccudaha* выступаетъ противъ Çākiйцевъ. Три раза ему мѣшаетъ учитель исполнить свое намѣреніе. Въ четвертый походъ онъ побиваетъ всѣхъ Çākiйцевъ.

Въ поясненіе этихъ обстоятельствъ учитель разказываетъ жātаку: Брahмадатта, бāрāнасійскій царь, задумалъ выстроить одинъ дворецъ въ одну колонну, для всѣхъ царей Жамбудвипы. Плотники долго искали надлежащихъ деревъ, и наконецъ, нашли такое дерево въ царскомъ саду; то было дерево *Bhaddasāla*, чтимое во многихъ мѣстечкахъ и деревняхъ. На немъ жило божество, которое рѣшилось спасти свой дворецъ и своихъ родныхъ. Божество ночью является къ царю, и ходатайствуя за родныхъ, убѣждаетъ царя отказаться отъ своего намѣренія.

9.

XIII. 1, 8. *takkāriyajātaka*. Въ древности царствовалъ въ Бāрāнаси Брahмадатта; у него былъ пурогита *Pingala* съ зубами, выступившими наружу; жена этаго пурогиты имѣла связь съ другимъ брahманомъ... Пурогита останавливалъ ее нѣсколько разъ, и не могши остановить, сталъ думать:—Не могу я своеручно убить эту мнѣ враждебную; убью ее хитростью.

Пришелъ пурогита къ царю и сказалъ:—Великій царь, твой городъ есть высшій городъ въ цѣлой Индіи; ты самъ высшій царь; но у тебя, высшаго царя, южныя ворота дурно выстроены и несчастны!

Библиотека "Руниверс"

— Что же теперь дѣлать? спросилъ царь.

Пурогита наставляетъ царя, какъ слѣдуетъ выстроить ворота, и между прочимъ говоритъ:—Во время счастливаго сочетанія созвѣздій слѣдуетъ поставить ворота и принести жертву божествамъ, охраняющимъ городъ.

У пурогиты былъ ученикъ *Takkariya*. Снесъ пурогита старыя ворота, выстроилъ новыя и пришелъ сказать объ этомъ царю:

— О царь, выстроены ворота; завтра счастливое сочетаніе созвѣздій; не пропуская этого времени слѣдуетъ, принести жертву, чтобъ установить ворота.

Царь спрашиваетъ, какую жертву слѣдуетъ принести; пурогита требуетъ, чтобы былъ принесенъ въ жертву разноглазый (*pingala*) брахманъ съ зубами, выступающими наружу. Царь согласился.

Пошелъ брахманъ домой и похвалился женѣ, что завтра убьетъ ея любовника, рыжаго и разноглазаго. Жена извѣстила объ этомъ любовника; всѣ рыжіе и разноглазые брахманы убѣгаютъ изъ города. На другой день, когда по указанію пурогиты царскіе люди стали искать таковаго брахмана, во всемъ городѣ, кромѣ самого пурогиты, не оказалось другаго рыжаго и разноглазаго брахмана. Царь приказываетъ его принести въ жертву; а его ученика *Takkariya* дѣлаетъ на это время пурогитою. Между учителемъ и ученикомъ возникаетъ разговоръ; *Takkariya* разказываетъ учителю нѣсколько басенъ:

1. У баранасійской гэтеры *Kali* былъ братъ *Tundila*; она давала ему денегъ, но онъ тратилъ ихъ; *Kali* приказала его прогонять.

Разъ проигравшись, *Tundila* пришелъ въ лохмотьяхъ къ сестрѣ; она приказала его выгнать. Служанка въ точности исполнила ея приказаніе.

Нѣкій сынъ цеховаго начальника (*setthi putta*), отправлявшійся къ гэтерѣ, увидалъ ея брата въ слезахъ. Прійдя къ *Kali*, онъ сталъ просить за брата.

— Не дамъ ему платья, сказала *Kali*,—если ты чувствуешь къ нему нѣжность, то дай самъ.

Въ домѣ этой гэтеры былъ такой обычай: изъ тысячи принесенныхъ ей денегъ пятьсотъ шли самой гэтерѣ, на пятьсотъ покупались одѣянія, благоуханія, гирлянды. Въ одѣянія эти наряжались люди, какъ только входили въ ея домъ.

Setthi putta переодѣвшись, отдалъ свою одежду брату гэтеры, а на другой день, по приказанію *Kali*, служанки отобрали у него одѣянія, и онъ долженъ былъ уйдти нагимъ.

Библиотека "Руниверс"

2. Нѣкая птица *kalengasakuna*, увидавъ двухъ дерущихся козловъ, вздумала ихъ останавливать, и попавъ между ихъ головъ, погибла.

3. Нѣкіе пастухи увидали плодоносное дерево; одинъ влѣзъ на дерево и сталъ сбивать плоды; вышла змѣя и полѣзла на дерево. Внизу стоящіе сказали о томъ товарищу; отъ испуга онъ закричалъ.

Внизу стоящіе взяли прочное одѣяніе; схватились за четыре угла. —Прыгай въ это одѣяніе", сказали они ему.

Отъ быстроты его паденія четыре человѣка ударились головами и погибли.

4. Нѣкіе воры укравъ козу, привели ее въ лѣсъ; но увидавъ, что ни у кого изъ нихъ нѣтъ ножа прирѣзать козу, отпустили ее.

Въ это время нѣкій человѣкъ, собиравшій тростникъ, спряталъ въ листьяхъ тростника свой ножъ. Отпущенная на волю коза стала прыгать; ударила задними ногами по тростнику и уронила ножъ.

Воры, услыхавъ звукъ паденія, обрадовались, убили козу и съѣли ее.

5. Нѣкій охотникъ, жившій въ Бāранаси, поймавъ въ Гимавантѣ пару киннаровъ (миѳическія существа, пѣвцы), подарилъ ихъ царю.

Царь, узнавъ отъ охотника, что киннары прекрасно поютъ и пляшутъ, пробовалъ заставить ихъ пѣть и плясать.

Киннары не пѣли и не плясали. Тогда царь приказалъ ихъ убить и изжарить.

Услыхавъ это, киннары объявили, что они не пѣли потому, что боялись дурно пѣть.

Царь остался доволенъ этимъ отвѣтомъ и приказалъ охотнику отнести киннаровъ на ихъ прежнее мѣсто.

Въ заключеніе *Takkāriya* отпустилъ своего учителя, зарѣзавъ вмѣсто него овцу.

10.

XIV. 1, 14. *mātanga jātaka*. Въ древности, во время царствованія Брахмадатты въ Бāранаси, великое существо родился внѣ города, между Чандалами; ему даровали имя *Mātanga*; когда онъ достигъ зрѣлости, то сталъ извѣстенъ какъ *Mātanga* мудрый.

Въ то время у бāранасійскаго головы была дочь „благополучіе зрящая", *Dittha mangalika*. Въ мѣсяцъ или въ два мѣсяца разъ она хаживала съ великою свитой играть въ садъ.

Однажды *Mātanga* пришелъ въ городъ за какимъ-то дѣломъ,

Библиотека "Руниверс"

У воротъ онъ встрѣтилъ дѣвушку, отошелъ въ сторону и прижавшись стоялъ.

Дѣвушка „благополучіе зрящая" (*Dittha mangalika*), открывъ занавѣску (въ паланкинѣ), выглянула и увидѣла его.

— Кто это? спросила она.

— Чандалъ, госпожа! отвѣчали ей.

— Вижу то, чего не слѣдуетъ видѣть! сказала она, и промывъ глаза пахучею водою, вернулась домою.

Люди, сопровождавшіе ее, разгнѣвались и стали бить мудраго *Mātang'y* ногами и руками, приговаривая:

— Ахъ, ты гадкій чандалъ, сегодня отъ тебя погибла наша нажива!

Приведя его въ безчувствіе, они ушли. Чрезъ минуту *Mātanga* пришелъ въ себя и сталъ думать:

— Свита „благополучіе зрящей" (*Dittha mangalika*) безъ причины прибила меня невиннаго. Поднимусь, получивъ дѣвушку „благополучіе зрящую" (*Dittha mangalika*), не поднимусь безъ нее!

Принявъ такое рѣшеніе, онъ пошелъ и легъ у воротъ дома ея отца.

— По какой причинѣ ты лежишь? спросилъ тотъ.

— Потому что желаю получить дѣвушку „благополучіе зрящую"; другой нѣтъ причины, отвѣчалъ *Mātanga*.

Прошелъ одинъ день такимъ образомъ; также прошли второй, третій, четвертый, пятый, шестой. Намѣренія бодhисатвъ исполняются успѣшно, а потому на седьмой день вывели дѣвушку и отдали ему.

— Встань, господинъ, пойдемъ въ твой домъ, сказала она ему.

— Милая, твоя свита прибила меня хорошо; ослабъ я—подними меня, положи къ себѣ на спину и такъ ступай.

Она такъ и сдѣлала. И въ виду всѣхъ городскихъ жителей вышла изъ городу и пошла въ деревню чандалъ.

Mātanga поселилъ ее въ своемъ домѣ, но не жилъ съ нею, какъ съ женою. Чрезъ нѣсколько дней онъ ушелъ въ лѣсъ и принялъ брahманское посвященіе; чрезъ семь дней онъ достигъ чудотворной силы и явился въ домѣ дѣвушки „зрящей благополучіе".

Услыхала „зрящая благополучіе" его приходъ и вышла къ нему на встрѣчу.

— Господинъ, зачѣмъ ты сдѣлалъ меня вдовой, выступилъ на путь (то-есть, принялъ посвященіе?) плакалась „зрящая благополучіе".

Библиотека "Руниверс"

— Не безпокойся, милая! Увеличу твою прежнюю славу. Можешь ли ты говорить, среди людей: „не *Mātanga* мой мужъ, великій брahмā мой супругъ!"

— Могу.

— Если теперь тебя спросятъ: гдѣ твой мужъ? говори „въ мірѣ Брahмы". Когда прійдетъ? спросятъ, отвѣчай: чрезъ семь дней, разбивъ полнолуніе, прійдетъ.

Такъ сказавъ, *Mātanga* отправился въ Гимавантъ.

„Зрящая благополучіе" говорила точно такъ среди толпы, во многихъ мѣстахъ, въ Бāрāнаси.

— Великій брahма приходитъ къ „зрящей благополучіе". Такъ это будетъ, говорилъ народъ, увѣровавъ.

На седьмой день *Mātanga* дѣйствительно явился въ образѣ великаго Брahмы, разбивъ дискъ луны. Вѣрующіе въ Брahму оказали ему великое почтеніе. Пальцемъ *Mātanga* коснулся чрева „зрящей благополучіе", и она стала беременна. На другой день по его уходѣ, вѣрующіе въ Брahму посадили „зрящую благополучіе" въ золотую колесницу и на своихъ головахъ принесли въ Бāрāнаси. Народъ, считая ее за жену великаго Брahмы, оказывалъ ей великое почтеніе и подавалъ много денегъ. Среди города построили великій павильонъ, гдѣ она поселилась и родила сына, которому по павильону дали имя *Mandavya* (*mandape jātattā mandavya kumāro*). Рядомъ съ павильономъ выстроили великолѣпный дворецъ.

Юношу *Mandavya* учили лучшіе учителя въ Жамбудвипѣ, и на шестнадцатомъ году онъ ежедневно кормилъ шестнадцать тысячь брāhманъ.

Mātanga является въ дворецъ юноши съ цѣлью научить его, кому слѣдуетъ давать дары. *Mandavya* отказываетъ ему подаяніе, не хочетъ слушать его и прогоняетъ чандала. *Mātanga* уходитъ. Разгнѣванные боги перебиваютъ всѣхъ брahмановъ, которыхъ угощалъ *Mandavya*, а ему сворачиваютъ голову, и онъ лежитъ, не двигая членами. Мать, узнавъ объ этомъ, идетъ отыскивать *Mātanga*; *Mātanga* даетъ „траву безсмертія", остатокъ своей пищи, которая должна оживить убитыхъ брāhмановъ и излѣчить *Mandavya*. „Благополучіе зрящая" такъ и сдѣлала. *Mandavya* и брāhманы стыдясь того, что ѣли остатокъ пищи чандала, ушли въ страну *Mejjha*.

Въ это время у города *Vettavati*, на рѣкѣ *Vettavati* жилъ родовитый брāhманъ; *Mātanga* вздумалъ смирить его гордость. Два раза *Mātanga* ронялъ свою зубочистку въ рѣку, и всякій разъ она попадала

Библиотека "Руниверс"

въ носъ braĥмана, въ то время, когда онъ умывался. Braĥманъ сталъ его прогонять.

Matanga на седьмой день помѣшалъ восходу солнца. Жители города обратились къ родовитому braĥману, и узнавъ отъ него, что то—дѣло чандала, стали просить *Matang'y*. *Matanga* согласился выпустить солнце, если только родовитый braĥманъ поклонится ему въ ноги. Жители заставили braĥмана такъ сдѣлать.

— Если я выпущу солнце, сказалъ затѣмъ *Matanga*,—голова braĥмана разобьется на семь частей.

Въ предупрежденіе этого голову braĥмана покрываютъ кускомъ кирпича и его ставятъ въ воду; лучи восходящаго солнца разбили на семь частей кирпичь, самъ же braĥманъ въ это время нырнулъ въ воду.

Затѣмъ *Matanga* отправляется въ страну *Mejjha* смирить шестнадцать тысячъ скрывшихся туда braĥмановъ; но царь *Mejjha*, по наговору тѣхъ же braĥмановъ, убиваетъ его.

Разгнѣванные боги опустошаютъ страну огненнымъ дождемъ.

И. Минаевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Библиотека "Руниверс"

ВАРЯГО-РУССКАЯ И ВАРЯГО-АНГЛІЙСКАЯ ДРУЖИНА ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ XI И XII ВѢКОВЪ.

I.

Положеніе вопроса о Византійскихъ Варягахъ и источники для его рѣшенія.

Одинъ изъ главныхъ борцевъ-противниковъ норманской теоріи, С. А. Гедеоновъ первый обратилъ вниманіе на то чрезвычайно важное обстоятельство, что имя Варяговъ появляется въ византійскихъ источникахъ очень поздно, не ранѣе 1034 года. Съ большимъ остроуміемъ онъ сопоставилъ появленіе въ Византіи новой по имени дружины Варяговъ съ извѣстіемъ русской лѣтописи, относящимся къ 980 году: „Въ этомъ году Владиміръ, недовольный требованіями своихъ Норманскихъ Варяговъ-союзниковъ, отправляетъ ихъ въ Грецію; его посольство къ императору доказываетъ, что дѣло идетъ о новомъ, до того времени небываломъ случаѣ, то-есть, о появленіи въ Константинополѣ цѣлой массы Норманновъ, вмѣсто отдѣльныхъ, въ русской дружинѣ изчезавшихъ лицъ". Прежде, то-есть, до 971 года, до эпохи разрыва Святослава съ Греками, наемное войско греческихъ императоровъ состояло главнымъ образомъ изъ Руссовъ (по теоріи г. Гедеонова, исконныхъ славянскихъ жителей южной Россіи); только нѣкоторые, немногіе Норманны вступали въ это русское отдѣленіе греческаго войска и служили подъ тѣмъ же именемъ Ῥῶς. Со времени прибытія Варяговъ, отправленныхъ Владиміромъ, становятся извѣстными въ Греціи два отдѣльные корпуса: вопервыхъ—Руссовъ, уже чисто-славянскій корпусъ безъ всякой норманнской примѣси, и вовторыхъ — Варяговъ-Норманновъ. О *постоянномъ отличіи обоихъ свидѣтельствуютъ всѣ писатели того времени.*

Д. И. Иловайскій пишетъ: „Норманисты много и убѣдительно доказывали, что Варанги Византійскіе были Норманны и означали то же,

Библиотека "Руниверс"

что у насъ Варяги. Съ чѣмъ *мы совершенно согласны;* только и въ этомъ случаѣ скандинавоманы слишкомъ упираютъ на Скандинавію. Относительно отечества Варанговъ византійскія извѣстія указываютъ иногда на *Германію*, иногда на далекій островъ, находящійся на океанѣ, который они называютъ Туле, *а чаще всею причисляютъ ихъ къ Англичанамъ.* Подъ островомъ Туле у Византійцевъ разумѣется вообще крайній сѣверный островъ, такъ что, смотря по обстоятельствамъ, подъ нимъ можно разумѣть острова Британскіе, Исландію, острова и полуострова Скандинавскіе. Но что жь изъ этого? Мы *все-таки не видимъ главнаго: тожества, съ Русью* и не только нѣтъ никакого тожества, *напротивъ, Византійцы ясно различаютъ Русь и Варяговъ*;—для насъ, повторяю, важно то обстоятельство, что Византійцы, *близко, въ очію видѣвшіе* предъ собою *въ одно и то же время и Варяговъ, и Русь, нигдѣ ихъ не смѣшиваютъ и нигдѣ не говорятъ о ихъ племенномъ родствѣ*".

И въ другомъ мѣстѣ: „*Византійцы нигдѣ не смѣшиваютъ Русь съ Варягами.* О Варягахъ они упоминаютъ только съ XI вѣка; а о народѣ Рось, подъ этимъ ея именемъ, говорятъ преимущественно со времени нападенія ея на Константинополь въ 865 году. Но и послѣ того они продолжаютъ именовать Руссовъ Скиѳами, Тавроскиѳами, Сарматами и т. д."

На страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* мы еще недавно читали: Византійское Βάραγγοι произошло не прямо отъ Varing (тогда было бы Βάριγγοι), а чрезъ посредство славянскаго „Варязи", которое впервые пришло къ Грекамъ изъ Кіева, вѣроятно, въ письменномъ сообщеніи. По свидѣтельству нашей лѣтописи, это было именно въ 980 году, когда наемники „Варязи", озаботившіе было Владиміра своими притязаніями, отпущены были имъ на службу къ императору, и притомъ съ рекомендаціей, не слишкомъ для нихъ лестною. Эти-то „Варязи" и были, стало быть, первыми Варангами въ Греціи, гдѣ до ихъ появленія имя Βάραγγοι было совершенно неизвѣстно, что вполнѣ доказано уже г. Гедеоновымъ". (Н. П. Ламбинъ въ статьѣ „Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси").

Тотъ же авторъ, объясняя вставныя, по его мнѣнію, слова лѣтописи „сице бо тіи звахуся Варязи Русь" и проч.,—пишетъ: „Толкованіе это вставлено послѣ, и никакъ не ранѣе *XI вѣка, когда Варяговъ, называвшихся Русью, нигдѣ уже не было,* когда пришедшіе къ намъ Варяги-Русь уже ославянились, и утративъ свое отдѣльное

Библиотека "Руниверс"

существованіе, слились съ массою туземнаго славянскаго населенія, которому сообщили свое имя, и когда вслѣдствіе этого сліянія самое имя Русь получило уже совершенно другое значеніе,—стало означать уже нашу славянскую, православную Русь, народъ Русскій".

Итакъ, въ настоящее время и норманистами, и противниками ихъ признаются несомнѣнными два слѣдующія положенія:

1) Имя Варанговъ появляется въ Византіи въ XI вѣкѣ, и появленіе этого имени объясняется прибытіемъ туда варяжской дружины, о которой говорится въ русской лѣтописи.

2) Съ XI вѣка Византійцы различали Русь и Варяговъ и никогда не смѣшивали этихъ двухъ названій.

Мы намѣрены провѣрить оба положенія полнымъ разборомъ всѣхъ византійскихъ извѣстій XI вѣка, гдѣ говорится о Варягахъ. Намъ уже давно казалось, что второе положеніе высказано и принято безъ достаточнаго изученія именно того византійскаго писателя, который въ этомъ случаѣ былъ важнѣе другихъ. Мы разумѣемъ Атталіота или Атталіоту, который жилъ и писалъ дѣйствительно въ XI вѣкѣ и не былъ компиляторомъ, какъ Зонара и Кедринъ, писатели болѣе поздніе. Лѣтомъ нынѣшняго года изданъ наконецъ и другой самостоятельный и оригинальный источникъ для византійской исторіи XI вѣка. Въ Bibliotheca graeca medii aevi (t. IV) напечатана исторія Михаила Пселла. Всѣ ученые, занимающіеся византійскою или русскою исторіей, должны будутъ принести глубокую благодарность ученому Греку Саѳѣ, (Sathas), неожиданно подарившему ихъ такимъ дорогимъ и цѣннымъ сюрпризомъ. Пселлъ, какъ извѣстно, былъ не только первымъ ученымъ своего времени, но и игралъ первостепенную политическую роль при Византійскомъ дворѣ Константина Мономаха и его преемниковъ. Онъ описываетъ то, чему самъ былъ свидѣтелемъ, въ чемъ самъ былъ главнымъ дѣятелемъ. Изъ его исторіи мы узнаемъ, что вмѣстѣ съ императоромъ Константиномъ Мономахомъ онъ слѣдилъ своими глазами за ходомъ морскаго сраженія Византійцевъ съ Русскими въ 1043 году. Разказъ его о походѣ Владиміра Ярославича, представляющій нѣкоторыя особенности противъ другихъ ранѣе извѣстныхъ источниковъ, мы приводимъ въ концѣ статьи въ видѣ приложенія, и оставляемъ за собою право поговорить впослѣдствіи подробнѣе о всемъ IV томѣ „Греческой Средневѣковой Библіотеки", гдѣ, кромѣ исторіи, находятся и нѣкоторыя другія мелкія сочиненія того же Пселла. Въ настоящее время мы воспользуемся тѣми данными, какія можно извлечь изъ исторіи Пселла относительно значе-

Библиотека "Руниверс"

нія слова Βάραγγοι у Византійцевъ, и относительно состава варяжской дружины въ XI вѣкѣ. Любопытно то обстоятельство, что Пселлъ, окончившій свою исторію около 1077 года, ни однажды не употребляетъ выраженія „Варанги", хотя несомнѣнно говоритъ о самомъ предметѣ и даже описываетъ одну сцену, въ которой самъ онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, а Варяги представляли грозную обстановку. Кромѣ Пселла и Атталіоты, мы должны будемъ приводить мѣста, относящіяся къ XI столѣтію, еще изъ четырехъ писателей: Іоанна Скилицы или Іоанна Ѳракисійскаго, Никифора Вріеннія, Кедрина и Зонары. Но изъ всѣхъ этихъ писателей только первый можетъ быть почитаемъ сколько-нибудь самостоятельнымъ писателемъ. Іоаннъ Ѳракисійскій, сановникъ императора Алексѣя Комнина (1081—1118 гг.), написалъ Ἐπιτομὴ ἱστοριῶν отъ 811—1057 гг., и это сочиненіе было такъ основательно обокрадено Кедринымъ, что по справедливости во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ будетъ называться Кедринъ, слѣдовало бы писать и читать Іоаннъ Скилица. Іоаннъ Скилица и самъ поступалъ въ отношеніи другихъ не лучше, чѣмъ Кедринъ въ отношеніи къ нему. Онъ написалъ, нѣсколько позже, продолженіе своего первоначальнаго труда, обнимающее время отъ 1057 года по 1081, и здѣсь довольно безцеремонно воспользовался сочиненіемъ Атталіоты. Эта именно часть труда и напечатана въ Боннскомъ изданіи подъ собственнымъ именемъ Скилицы, тогда какъ первая пропала въ компиляціи Кедрина. Никифоръ Вріенній и Зонара жили въ XII вѣкѣ, точно также, какъ и Кедринъ, и подобно ему не имѣютъ ничего своего самостоятельнаго. Это все нужно знать и имѣть въ виду при рѣшеніи всякаго частнаго вопроса, заставляющаго обращаться къ названнымъ источникамъ. Тѣмъ болѣе это нужно, что въ концѣ XI вѣка, какъ мы будемъ доказывать, составъ варяжской дружины въ Константинополѣ совершенно измѣнился, а между тѣмъ этого какъ будто не хотѣли знать писатели-компиляторы XII вѣка (Вріенній и Кедринъ). Въ суетномъ и тщетномъ желаніи придать себѣ нѣкоторый видъ самостоятельности, они прибѣгали нерѣдко къ легкимъ стилистическимъ измѣненіямъ подлинника и вносили при этомъ въ источникъ XI вѣка воззрѣнія своего времени. Это съ полною очевидностію можетъ быть доказано относительно Вріеннія и того объяснительнаго замѣчанія, которое онъ счелъ за нужное сдѣлать относительно Варяговъ. Но, съ другой стороны, такія стилистическія измѣненія и легкія добавленія помогаютъ намъ узнавать Варанговъ въ такихъ мѣстахъ у писателей XI вѣка, въ которыхъ безъ этого мы должны были бы огра-

Библиотека "Руниверс"

ничиваться одними догадками, не для всѣхъ убѣдительными. Не византійскими источниками мы пользуемся на столько, на сколько это необходимо для объясненія византійскихъ.

Еще одно предварительное замѣчаніе. Мы не считаемъ себя компетентными въ вопросахъ русской исторіи на столько, чтобы вмѣшиваться въ споръ, снова поднятый уважаемымъ Д. И. Иловайскимъ. Небольшое изслѣдованіе, которое мы посвящаемъ Византійскимъ Варягамъ, нисколько не касается существа норманской теоріи, и выводы, которые изъ него позволительно будетъ сдѣлать, могутъ быть обращены въ свою пользу какъ норманистами, такъ и съ такимъ же правомъ противниками ихъ. Мы совсѣмъ не касаемся вопроса о томъ, что̀ такое была Русь, о которой говорится въ бесѣдахъ патріарха Фотія и въ договорахъ Русскихъ князей съ Греками,—равно какъ и вопроса о томъ, кто была та служебная Русь въ Византіи, о которой упоминается въ сочиненіяхъ Константина Багрянороднаго,—и отправляемся отъ того положенія, въ настоящее время признаваемаго, кажется, обѣими сторонами, что въ XI вѣкѣ Русь есть не иная какая Русь, какъ славянская, православная.

II.

Варяги, отправленные въ Константинополь Владиміромъ, и первыя свидѣтельства исландскихъ сагъ о Норманнахъ, вступившихъ въ варяжскую дружину.

Первый изъ двухъ вышеозначенныхъ пунктовъ, подлежащихъ здѣсь изслѣдованію, состоитъ въ томъ, что появленіе на страницахъ византійской исторіи имени Варанговъ объясняется прибытіемъ въ Царьградъ дружины, находившейся до тѣхъ поръ на службѣ Кіевскихъ князей, въ частности—Кіевскаго князя Владиміра; или другими словами: первые Варанги въ Константинополѣ суть тѣ Варяги, которые были приведены Владиміромъ изъ-за моря, а потомъ, недовольные имъ, ушли въ Царьградъ. Положеніе это основывается на сопоставленіи двухъ явленій, связь между которыми открыта только комбинирующею силой ума извѣстнаго и замѣчательнаго русскаго изслѣдователя. Въ 980 году отправились изъ Кіева въ Византію Варяги; въ 1034 году у византійскихъ историковъ въ *первый разъ* упоминаются Варанги, до сихъ поръ имъ неизвѣстные: слѣдовательно, Византійцы узнали Варанговъ не задолго до 1034 года и всего скорѣе познакомились съ ними въ лицѣ тѣхъ Варяговъ, о прибытіи которыхъ въ Константинополь мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія. За-

Библиотека "Руниверс"

конность такого вывода и вообще такого пріема въ историческомъ изслѣдованіи не можетъ быть отрицаема. Но къ нему нужно прибѣгать только въ томъ случаѣ, когда нѣтъ никакихъ другихъ прямыхъ указаній, объясняющихъ вопросъ болѣе положительнымъ образомъ, и особенно—когда ничто не противорѣчитъ выводу. Мы оставляемъ въ сторонѣ довольно насильственное пониманіе г. Гедеоновымъ первоначальной лѣтописи. Услышавъ, что Ярополкъ убилъ Олега, Владиміръ бѣжалъ *за море*, то-есть, по объясненію г. Гедеонова, не къ Шведамъ, а безъ сомнѣнія, къ своимъ западнымъ одноплеменникамъ (на Балтійскомъ поморьи), быть можетъ, въ Юмну. Черезъ два года онъ пришелъ *съ Варягами* къ Новугороду, при помощи ихъ взялъ Кіевъ; въ его войскѣ преобладалъ *вендо*-варяжскій элементъ (Отрывки, стр. 162). А между тѣмъ Варяги, отправившіеся въ Константинополь, были Скандинавы. Такое довольно натянутое толкованіе находится въ связи съ теоріей г. Гедеонова о призваніи князей съ Балтійскаго поморья, которая не подлежитъ здѣсь обсужденію. Нашъ вопросъ состоитъ въ томъ,—существуетъ ли дѣйствительно связь между разказомъ первоначальной русской лѣтописи, помѣщеннымъ подъ 980 годомъ, и первымъ упоминаніемъ Варанговъ у византійскаго писателя. Въ лѣтописи мы читаемъ:

„Варязи (при помощи которыхъ Владиміръ одержалъ верхъ надъ Ярополкомъ и овладѣлъ Кіевомъ) рѣша Володимеру: „се градъ нашъ; мы пріяхомъ й, и да хочемъ имати окупъ на нихъ по двѣ гривнѣ отъ человѣка". И рече имъ Володимеръ: „пождѣте, даже вы куны сберуть, за мѣсяць". И ждаша мѣсяць, и не дасть имъ, и рѣша Варязи: „сольстилъ еси нами, да покажи ны путь въ Греки"; онъ же рече имъ: „идѣте". И избра отъ нихъ мужи добры, смыслены и храбры, и раздая имъ грады; *прочии же идоша Цареграду* въ Греки. И посла предъ ними слы, глаголя сице царю: „се идуть къ тебѣ Варязи, *не мози ихъ держати въ градѣ*, оли то створятъ ти зло, якоже и сде, *но расточи я разно*, а сѣмо не пущай ни единаго".

Сопоставляя это свидѣтельство съ толкованіемъ г. Гедеонова, замѣтимъ:

Вопервыхъ, на какомъ основаніи мы будемъ думать, что Византійскій императоръ не послушалъ даннаго ему совѣта? Само собою понятно, что лѣтописецъ, кто бы онъ ни былъ, никакъ не имѣлъ въ виду разказывать о какихъ-либо безплодныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ Кіева съ Константинополемъ. Совѣтъ Владиміра предполагаетъ исполненіе или даже есть только живая лѣтописная (эпическая) форма для

Библиотека "Руниверс"

передачи факта, совершившагося въ дѣйствительности. Варяги, отправившіеся изъ Кіева въ Византію, не остались въ городѣ, не остались при дворѣ императора, слѣдовательно, не сдѣлались его тѣлохранителями или лейбъ-гвардіей, то-есть, тѣмъ, чѣмъ, по общепринятому мнѣнію, были Ва́ранги въ Византіи. Они были *разсѣяны*, расточены розно; слѣдовательно, не могли образовать какого-либо отдѣльнаго военнаго корпуса. Мы знаемъ, что дѣйствительно въ Византіи не всегда благосклонно принимали вооруженную толпу, приходившую изъ Кіева. Примѣръ Хрисохира извѣстенъ и будетъ приведенъ ниже.

Вовторыхъ, мы можемъ обратить вниманіе и на то обстоятельство, что между 980 и 1034 годами приходится все-таки слишкомъ значительный промежутокъ. Съ той поры, какъ Варанги въ первый разъ были упомянуты въ византійской исторіи, они являются въ ней безпрерывно, постоянно и довольно часто. Отчего нѣтъ никакихъ слѣдовъ ихъ существованія въ первые пятьдесятъ четыре, или принимая въ разчетъ и не византійскіе источники, въ первые тридцать лѣтъ ихъ предполагаемаго пребыванія въ Константинополѣ? Правда, византійскіе источники очень скудны именно за послѣдніе годы X столѣтія. Но они восполняются лѣтописями армянскими, грузинскими, а потомъ южно-италіанскими, наконецъ,—исландскими сагами, обильнымъ источникомъ именно для исторіи Варяговъ и Варанговъ.

Втретьихъ, эти же самыя исландскія саги и опровергаютъ окончательно мысль, пущенную въ оборотъ г. Гедеоновымъ. Спѣшимъ, однако, замѣтить, что свидѣтельства исландскихъ сагъ опровергаютъ не только теорію г. Гедеонова о происхожденіи Византійскихъ Варанговъ, но точно также и всѣ возраженія, сдѣланныя на нее изъ противнаго лагеря, именно на основаніи исландскихъ сагъ.

А. А. Куникъ, съ нѣкоторою резигнаціей принявшій многіе изъ ударовъ (часто дѣйствительныхъ, иногда мнимыхъ), нанесенныхъ норманнской теоріи авторомъ „Отрывковъ о Варяжскомъ вопросѣ", дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія относительно византійскихъ „гвардейскихъ сѣкироносцевъ": „Относительно поѣздокъ въ Византію надобно различать Шведовъ и Норвежцевъ строже, чѣмъ это дѣлаетъ г. Гедеоновъ. Первое извѣстіе о Шведахъ, явившихся въ Византію, относится къ 838 году, и даже г. Гедеоновъ допускаетъ это, хотя и старается этотъ неудобный для него фактъ всячески перевернуть и перетолковать. А когда въ первый разъ прибыли въ Византію Норвежцы? Едва ли раньше 984 года, когда Норвежецъ Эгиль титуловалъ себя предикатомъ foldväringi, а вѣрнѣе 40 или 50 лѣтъ спустя. Сѣверныя саги, которыя,

Библиотека "Руниверс"

по ихъ содержанію, конечно, должно раздѣлить на миѳическія, романическія и болѣе или менѣе историческія, толкуютъ объ этомъ довольно опредѣленно. Какъ извѣстно, онѣ почти никогда не показываютъ годовъ, а представляютъ только не прямыя хронологическія данныя. За то въ нихъ — мы имѣемъ здѣсь въ виду саги историческія—называется по имени множество Норвежцевъ и Исландцевъ съ ихъ родословными, которыхъ древніе Исландцы собрали огромную массу. Иной разъ установить хронологію извѣстій помогаютъ также введенныя въ саги событія не скандинавскихъ странъ. *Такимъ путемъ* можно дойдти до того, что первые Норвежцы и Исландцы отправились въ Византію *для* поступленія въ военную службу, *по всей исторической вѣроятности* (курсивъ подлинника), лишь по смерти Святослава († 972). Первый императоръ, упоминаемый въ сагахъ, есть Jan (то-есть, Іоаннъ Цимисхій † 10-го января 976 года), побѣдитель Святослава. Чаще же стали такія поѣздки лишь съ начала XI столѣтія, какъ прямо даетъ понять одна сага. Этимъ подрывается положеніе г. Гедеонова о вступленіи Väringiar въ лейбъ-гвардію императоровъ". (Отрывки, стр. 223).

Но для того, чтобы сдѣлаться Варангомъ, мало было пріѣхать въ Грецію, а нужно было вступить въ военную службу, или даже, по общепринятому воззрѣнію, въ число тѣлохранителей императора, въ составъ его лейбъ-гвардіи. Извѣстіе Бертинскихъ лѣтописей о людяхъ, посланныхъ императоромъ Ѳеофиломъ къ Лудовику Благочестивому, которые называли себя *Росъ*, а по разслѣдованіи оказались *Шведами*, совершенно не относится къ вопросу о Византійскихъ Варангахъ, ибо нигдѣ не сказано, что это были Варанги. Далѣе, то, что Норвежецъ Эгиль титуловалъ себя въ 934 году foldväringi, также нисколько не служитъ къ опроверженію г. Гедеонова. Это слово объяснено самимъ А. А. Куникомъ на одной изъ предыдущихъ страницъ его замѣчаній (стр. 219) и значитъ *защитникъ наслѣдственной земли* (противъ несправедливаго приговора суда), ruris defensor, vindex. Если скандинавское названіе Варяговъ и происходитъ отъ корня, означающаго на сѣверномъ языкѣ защищать, оберегать, то это не значитъ, что для полученія названія защитникъ (чего бы то ни было) необходимо было съѣздить въ Византію. А главное, зачѣмъ дѣлать гадательныя предположенія, когда въ сагахъ есть совершенно опредѣленныя указанія о томъ, *кто именно и когда именно былъ первымъ* Норманномъ, вступившимъ въ варяжскую дружину. Мы удивляемся, какимъ образомъ никто до сихъ поръ не обратилъ вниманія на слѣдующее

Библиотека "Руниверс"

въ высшей степени важное мѣсто въ одной изъ древнѣйшихъ и наиболѣе достовѣрныхъ историческихъ сагъ:

„Когда Болле провелъ нѣсколько времени въ Даніи, онъ рѣшилъ отправиться въ болѣе отдаленныя страны, и не прежде остановился въ своемъ путешествіи, чѣмъ прибылъ въ *Миклагардъ* (Византію); онъ провелъ тамъ короткое время, какъ вступилъ въ общество Вэринговъ (=Варанговъ). *У насъ нѣтъ преданія* (намъ не передано), *чтобы кто-нибудь изъ Норманновъ служилъ у Константинопольскаго императора прежде, чѣмъ Болле, сынъ Болле.* Онъ провелъ тамъ много зимъ и во всѣхъ опасностяхъ являлся храбрѣйшимъ и всегда между первыми; подлинно, Вэринги много цѣнили Болле, когда онъ жилъ въ Константинополѣ". (Quumque Bollius in Dania transegisset, ad remotiores regiones adire paravit, haud itinere desistebat prius quam Miklagardum pervenisset; brevi ibi fuerat moratus, quum Vaeringiorum inivit societatem. *Nec nobis quidem relatum est, Normannorum aliquem sub Constantinopolitano rege meruisse prius, quam Bollium, Bollii filium.* Multas ibi degit hyemes ac in omnibus periculis fortissimus est habitus, ac semper inter principes, ac magni sane Vaeringi Bollium existimavere, dum Constantinopoli moraretur).

Это читается въ Лаксдэльской сагѣ (Laxdaela-Saga. Historia de rebus gestis Laxdölensium. Ex mss. leg. Arn. Magn. cum interpretatione latina et cet. Hafniae, 1827), стр. 315. Лаксдэльская сага записана, какъ полагаютъ, въ началѣ XIII столѣтія; слѣдовательно, по времени записанія она не принадлежитъ къ самымъ древнимъ, но событія, въ ней описываемыя, оканчиваются около половины XI вѣка [1]). Такимъ образомъ она, подобно всѣмъ другимъ сагамъ, довольно долго сохранялась въ устномъ преданіи. Вопросъ о томъ, въ какой степени первая письменная редакція, сохраняла подлинный устный текстъ саги, для насъ пока не имѣетъ никакой важности. Если замѣчаніе о томъ, что Болле Боллесонъ былъ первымъ Норманномъ, вступившимъ въ военную службу къ Византійскому императору, сдѣлано только при письменной редакціи, то это будетъ значить, что въ началѣ XIII вѣка, то-есть, во времена Снорри Стурлесона—когда послѣдній кульминаціональный пунктъ своеобразнаго историческаго творчества въ

---

[1]) См. *Peter Erasmus Müller*, Sagaenbibliothek (Aus der dänischen Handschrift übersetzt von *K. Lachmann*. Berlin, 1816) I, стр. 162 и слѣд., и также *Rosselet*, Isländische Litteratur въ Энциклопедіи *Эрша* и *Грубера*, II-е отдѣленіе, томъ 31, стр. 302.

Библиотека "Руниверс"

Исландіи уже завершился—не было извѣстно ни одной саги, которая говорила бы о болѣе ранней службѣ Норманновъ-Скандинавовъ въ Византіи.

Къ какому же времени относится вступленіе Болле Боллесона въ общество Варанговъ? Рѣшить этотъ вопросъ не трудно, потому что лица, дѣйствующія въ Лаксдэльской сагѣ, не только встрѣчаются въ другихъ историческихъ сагахъ, но упоминаются также у Аре Фроди, перваго исландскаго лѣтописца, то-есть, суть лица вполнѣ историческія. Отецъ перваго Византійскаго Варанга изъ Норманновъ, по имени Болле, есть одно изъ такихъ лицъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи; другой герой саги, Кіартанъ, не только появляется во всѣхъ разказахъ о стремленіяхъ короля Олафа Тригвесона обратить Исландію въ христіанство, но даже его гробница съ руническою надписью сохранилась до нашего времени. Болле отецъ, по лѣтописи, былъ убитъ въ 1006 году, а только послѣ его смерти родился его сынъ, Болле младшій или Боллесонъ. Двѣнадцати лѣтъ, по сагѣ, онъ предпринимаетъ исполнить долгъ мести за своего отца (1018 г.), но потерпѣлъ неудачу. Потомъ онъ женился и только послѣ этого отправился въ далекія страны, сначала въ Данію, а потомъ въ Константинополь. Итакъ, первый Норманнъ явился въ числѣ Варанговъ никакъ не ранѣе 1020 года, а по видимому, послѣ 1023 или даже 1026 года. О путешествіи Болле Боллесона говорится послѣ разказа о гибели Торкеля Ейлуфсона, что относится къ одному изъ сейчасъ означенныхъ годовъ [1]).

Такому заключенію, по видимому, противорѣчитъ упоминаніе Вэринговъ въ двухъ другихъ историческихъ сагахъ, считаемыхъ самыми древними—какъ на основаніи ихъ содержанія, такъ и по времени письменной редакціи, относящейся къ первой половинѣ XII-го вѣка [2]). Это суть: 1) сага о Вига-Стирѣ и 2) сага о битвѣ на полѣ (auf der Heide) или Heidarviga-Saga. Въ первой является на сцену Гестъ, сынъ Торгалла (Thorgall); убивъ Стира (1007 г.), одного изъ старшинъ или князьковъ Исландскихъ, онъ удаляется изъ опасенія мести сначала въ Норвегію, а потомъ въ Миклагардъ, гдѣ поступаетъ въ число Вэринговъ. Здѣсь находитъ его сынъ Стира, Торстейнъ (Thorstein), застаетъ его во время обѣда среди Вэринговъ,

---

[1]) *Müller-Lachmann*, Sagaenbibliothek, I, 163.

[2]) *Müller-Lachmann*; *Rosselet* p. 300. Сравни, впрочемъ, *Konrad Maurer*. Island (München, 1874) p. 463.

Библиотека "Руниверс"

и бросается на него съ мечемъ въ рукахъ и т. д. [1]). Событіе должно относиться къ *1011 году*, и слѣдовательно, сказаніе о Стирѣ противорѣчитъ прямому свидѣтельству Лаксдэльской саги о первомъ Норманнѣ въ византійской гвардіи. Но весьма легко рѣшить, на которой сторонѣ находится бо́льшая достовѣрность. Подлинная первоначальная рукопись Вигастировой саги и единственный списокъ съ нея, сдѣланный для Арна Магнусона (Arn Magneus), сгорѣли при Копенгагенскомъ пожарѣ 1728 года. Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ сага *возстановлена по памяти* переписчикомъ Арна Магнусона [2]). Понятно, что при этомъ не могли вполнѣ удержаться всѣ подлинныя выраженія саги, и легко могли явиться прибавки, особенно подъ вліяніемъ знакомства съ другими сагами. Путешествіе въ *Царьградъ* и вступленіе въ варяжскую дружину Византійскаго царя самая обычная черта въ позднѣйшихъ сагахъ; она легко могла попасть изъ нихъ чрезъ посредство такого поздняго редактора и въ Вигастирову сагу. Между тѣмъ не всегда нужно было ѣздить въ Византію, чтобы сдѣлаться Варангомъ: въ началѣ XI вѣка для этого можно было ограничиться Кіевомъ, или вообще, Русскою землей.

Не совсѣмъ вѣрно утверждаютъ, что Норманны, служившіе у Русскихъ князей, никогда въ сѣверныхъ сагахъ не называются Вэрингами. Въ Гейдарвига-сагѣ, которая составляетъ продолженіе Вигастировой, но по времени записанія даже древнѣе ея и сохранилась въ очень хорошей рукописи до нашего времени, разказывается о *Вига-Барди*, что онъ, изгнанный судомъ изъ своей родины въ Исландію, послѣ нѣсколькихъ скитаній, прибылъ съ женою въ Галогаландъ (Halogaland), то-есть, въ сѣверо-западную приморскую окраину Норвегіи. Здѣсь онъ поссорился съ женой и опять пустился путешество-

---

[1]) Islendinga Sögur (Kjobenh. 1847) II, 304: «Гестъ видѣлъ, что онъ не въ состояніи держаться противъ происковъ Торстейна въ Норвегіи, и отправился — — на югъ въ Миклагардъ и нанялся тамъ служить съ Вэрингами; онъ разчитывалъ тамъ быть лучше скрытымъ. До Торстейна дошли о томъ вѣсти, и онъ въ то же лѣто отправился въ Миклагардъ. Но таковъ обычай у *Вэринговъ* и *Норманновъ*, что день они проводятъ въ играхъ и борьбѣ». Торстейнъ, вступившій въ среду Вэринговъ, засталъ Геста во время обѣда, выхватилъ мечь и ранилъ его. Вэринги подбѣжали и хотѣли тотчасъ убить Торстейна, потому что былъ такой законъ, что если кто покусится на жизнь другаго во время обѣда, то долженъ потерять свою. Но самъ Гестъ освободилъ Торстейна, заплативъ за него выкупъ и потомъ помирившись съ нимъ. Ср. *Müller-Lachmann*, Sagaenbibl. I, 23.

[2]) *Müller-Lachmann*, Sagaenbibl. I, p. 30. Ср. *Rosselet*, p. 300, примѣч. 49-е.

Библиотека "Руниверс"

вать. „Онъ не оставилъ своего пути, пока не прибылъ въ Гардарики; и сдѣлался тамъ наемникомъ, и былъ тамъ съ Вэрингами, и всѣ Норманны высоко чтили его и вошли съ нимъ въ дружбу" (Islendinga Sögur II, 394: Kom i Gardariki, ok gekk thar á mála okvar thar medh Vaeringium, ok thotti öllum Nordhmönnum mikils um ann vert, ok höfdhu hann i kaerleikum medh ser) [1]).

Ясное дѣло, что здѣсь идетъ рѣчь о Русскихъ Варягахъ, о Варягахъ, находящихся въ Гардарикѣ; напрасно, стало быть, помѣщаютъ (Гопфъ и самъ Конрадъ Мауреръ) Вига-Стира въ число Византійскихъ Варанговъ. Но еслибъ это и было основательно, то и тогда прямое свидѣтельство Лаксдэльской саги не потеряетъ своего значенія. Событія, разказываемыя Гейдарвига-сагою, относятся къ началу XI-го столѣтія; эпоха битвы, отъ которой произошло самое названіе саги, опредѣляется лѣтописными показаніями 1013 годомъ, а по другимъ сагамъ, битва произошла въ 1014 или даже въ 1015 году [2]). Между сраженіемъ и судебнымъ приговоромъ, произнесеннымъ противъ Вига-Барди, находится значительный промежутокъ времени, такъ что варяжская служба нашего героя падаетъ близко къ 1020 годамъ, а съ точностію не можетъ быть опредѣлена хронологически. По свидѣтельству учебныхъ издателей подлинной саги, она кончается 1025 годомъ, а послѣднее событіе, въ ней разказанное, есть именно смерть Барди, павшаго въ битвѣ послѣ трехлѣтней службы въ Вэрингахъ.

Третья сага, упоминающая о Вэрингахъ, есть *Ньялова сага* (Niala или Nia'ls-Saga). По Мюллеру и Росселету, она записана въ первой половинѣ XII вѣка, и событія, составляющія ея содержаніе, относятся къ началу XI вѣка и оканчиваются приблизительно 1017 годомъ. Нужно однако думать, что мы имѣемъ сагу не въ томъ видѣ, какъ она была первоначально записана, а въ переработкѣ гораздо болѣе поздняго времени [3]). Здѣсь идетъ рѣчь о Норманнѣ (Норвежцѣ или Исландцѣ) Колскеггѣ: „Онъ отправился въ Данію и представился королю Даніи Свену Двойнобородому (Tuesking, furcibarbus) и здѣсь пользовался большимъ почетомъ. Въ Даніи Колскеггъ

---

[1]) Для перевода нужныхъ намъ мѣстъ въ сагахъ, не переведенныхъ на латинскій языкъ, мы обращались къ профессору А. Н. Веселовскому.

[2]) *Müller-Lachmann*, Sagaenbibl. I, 52.

[3]) *Müller-Lachmann*, I, 43; *Rosselet*, p. 300. Сравни замѣчанія *Конрада Мауреря* въ только что вышедшей книгѣ (Island, p. 57—65, 66 и о самой сагѣ p. 59): Manches deutet darauf hin, dass die Sage in der Gestalt, in welcher wir sie allein kennen, eine spätere Ueberarbeitung älteren Originals sei и т. д.

Библиотека "Руниверс"

принялъ крещеніе, но не нашедши никакого удовольствія жить въ ней, пошелъ на востокъ, въ *Московію* (sic), и провелъ тамъ одну зиму. Вскорѣ онъ отправился оттуда въ Константинополь и началъ тамъ служить наемникомъ. Послѣдній слухъ, принесенный о немъ, былъ тотъ, что онъ тамъ соединился бракомъ, и поставленный во главѣ *стражей царства*, остался тамъ до послѣдняго дня: и здѣсь упоминаніе о немъ заключается". (Jam de Kolskeggo memorandum est— Daniam orientem versus profectum se regi Danorum Sveini fuscibarbo commendasse.... Moscoviam orientem versus petiit... mox inde Constantinopolim profectus ibi stipendia coepit facere. *Novissima de illo fama* tulerat, illic matrimonio junctum et *custodibus regni* praefectum, ad supremum diem permansisse: atque hic mentio ejus clauditur.—Historia Nialis et filiorum latine reddita. Hafniae, 1809, pag. 257).

Мы можемъ принять разказъ о Колскеггѣ за вполнѣ достовѣрный, предполагая, что въ оригиналѣ вмѣсто Московіи читалось Гардарика, и что указаніе на *послѣдній* слухъ о судьбѣ Колскегга принадлежитъ не иначе какъ современнику. Но на первый взглядъ очевидно, что такимъ образомъ извѣстіе о службѣ Колскегга среди Варанговъ (ибо они, конечно, разумѣются подъ custodes regni) нѣсколько выходитъ изъ рамки повѣствованія, ограничиваемаго 1017 годомъ, и будетъ относиться по крайней мѣрѣ къ двадцатымъ годамъ XI столѣтія.

Въ Hallfredar-Saga мы читаемъ о Грисѣ Сэмингсонѣ (Griss - Saemingsson): „Есть человѣкъ, называемый Грисъ, сынъ Сэминга, мой пріятель и живетъ въ Гейтаскардіи въ Длинной долинѣ (Langadal); онъ былъ (прошелъ?) *по всему Миклагарду* и собралъ тамъ большія почести; онъ—богатый человѣкъ и у него много друзей" (*Fornsögur*. Vatnsdaelasaga. Hallfredarsaga, изд. *Vifgusson* и *Möbius*. Leipzig, 1860, стр. 88).

Гриссъ Сэмингсонъ жилъ также въ началѣ XI столѣтія, подобно Болле Боллесону и Колскеггу; поэтому нѣтъ никакой нужды пускаться въ хронологическія соображенія о томъ, не поступилъ ли онъ въ Варанги ранѣе Боллесона. Сверхъ того, въ сагѣ даже и не утверждается прямо, что онъ служилъ въ наемной византійской дружинѣ.

Что же касается Греттировой саги (Grettis-saga, Grettla по имени Скальда Греттира) и до Вэринговъ, въ ней упоминаемыхъ, то здѣсь пока не время говорить о нихъ. Торбіорнъ Онгуллъ и его товарищи суть уже современники Гаральда Гаардраде, въ одно съ нимъ время служатъ византійскому царю или царицѣ: слѣдовательно, они всту-

Библиотека "Руниверс"

пили въ число Варанговъ позднѣе вышеозначенныхъ Исландцевъ. Въ сагѣ прямо сказано, что Онгуллъ (Aungul) и Дромундъ пришли въ Миклагардъ тогда, когда уже былъ большой приливъ туда сѣверныхъ людей, и именно при *Михаилѣ Катлакѣ* (то-есть, Калафактѣ). (См. Grettla-saga ved *S. Magnussen*. Kiobenh. 1852. Ср *Müller-Lachmann*, I, 189).

Послѣ этого мы имѣемъ полное право утверждать, что исландскія саги не подтверждаютъ предположеніе, высказанное г. Гедеоновымъ и потомъ принятое другими. Первые Норманны, служащіе въ византійской гвардіи и носящіе имя Варяговъ, не были Варяги-Скандинавы, ушедшіе въ 980 году изъ Кіева, а другіе, отправившіеся туда позднѣе и намъ извѣстные поименно.

Нельзя, однако, оставить безъ вниманія слѣдующаго соображенія, подсказываемаго нѣкоторыми выраженіями въ приведенныхъ выше отрывкахъ. Норманны, приходящіе изъ Норвегіи и Исландіи, какъ будто отличаются отъ другихъ Варяговъ или Варанговъ. Варяжская дружина какъ на Руси, такъ и въ Миклагардѣ существуетъ ранѣе ихъ, ранѣе Болле Боллесона и ранѣе Вига-Стира. I. Олафсонъ, вышеупомянутый переписчикъ и возсоздатель Вига-Стировой саги, отмѣтилъ старинныя выраженія и обороты, въ ней встрѣчавшіеся. Въ его эксцерптахъ прямо замѣчено, что въ подлинной сагѣ Норманны часто отличались отъ Варинговъ. (Saepius eru Nordhmen distingueradir fra Vaeringium Islendinga.—Sögur, II, 481).

Изъ кого же состояла варяжская дружина въ Цареградѣ до вступленія въ нее Норвежцевъ, и кто составлялъ варяжскую дружину на Руси помимо Норманновъ?

Отвѣтъ на это можетъ быть двоякій. Норманисты должны сказать, что и здѣсь, и тамъ это были Шведы, то-есть, что когда исландская сага говоритъ о первомъ Норманнѣ, вступившемъ въ общество Варяговъ, и когда она отличаетъ въ русской варяжской дружинѣ, какъ особую составную часть, Норманновъ, то при этомъ подъ Норманнами она разумѣетъ только Норвежцевъ, живущихъ на самомъ полуостровѣ и въ Исландіи, выключая отсюда Шведовъ. Шведы, слѣдовательно, могли и ранѣе быть Варангами въ Константинополѣ, точно такъ, какъ на Руси они были долго первыми и единственными Варягами. Мы думаемъ, что такое положеніе будетъ очень трудно доказать. Выраженіе „Норманны, Nordhmenn" въ сагахъ употребляется въ двоякомъ значеніи. Въ первомъ, обширномъ значеніи оно обнимаетъ не только всѣхъ жителей Скандинавскаго полуострова, но также Датчанъ, и само

Библиотека "Руниверс"

собою разумѣется, Исландцевъ. Когда нужно несомнѣнно и ясно отличить между Норманнами Норвежца, тогда въ сагахъ употребляются выраженія: Austmenn или Noregsmenn. Второе, болѣе тѣсное значеніе слова Норманнъ, или собственно, nordhmadhur, norraenn, дѣйствительно, исключаетъ Датчанъ, Шведовъ и Готовъ, но оно исключаетъ также и всѣхъ людей Норвежскаго племени, поселившихся внѣ Норвегіи, то-есть, между прочимъ, Исландцевъ [1]). Ясно, что въ этомъ второмъ значеніи слово Норманнъ не могло быть приложено къ Болле Боллесону, родившемуся въ Исландіи и отправившемуся въ Византію изъ Даніи. Слѣдовательно, выраженіе Норманны въ Лакедэльской сагѣ мы должны принимать въ широкомъ значеніи. Болле былъ первый *скандинавскій* Норманнъ, вступившій въ варяжскую дружину. Притомъ съ предполагаемымъ нами норманно-шведскимъ толкованіемъ мы все-таки не далеко уйдемъ въ *византійской* исторіи варяжскаго военнаго корпуса. Все-таки останется несомнѣннымъ, что этотъ корпусъ является въ Константинополѣ очень поздно, на глазахъ вполнѣ ясной исторіи, которая и отмѣчаетъ Шведовъ въ составѣ Варанговъ, какъ скоро они въ немъ оказались (Шведы упоминаются въ числѣ Варанговъ, но только нѣсколько позднѣе и на ряду съ другими — въ сагѣ объ Олафѣ Святомъ и о Гаральдѣ).

Историческая логика, историческое чутье и внимательное изученіе приводятъ даже поборниковъ норманизма къ иному отвѣту на вышепоставленный нами вопросъ. Умѣренные норманисты теперь признаютъ, что иноплеменники принесли къ намъ только институтъ дружинный, только форму новаго общества; содержаніе же въ эту форму уже съ самаго начала стало вливаться какъ изъ варяжскаго, такъ и изъ славянскаго міра, и даже по преимуществу изъ послѣдняго. „Русь-дружина и притомъ сборная дружина, въ которую открытъ былъ свободный доступъ всѣмъ храбрымъ и достойнымъ, безъ различія національностей. Таковъ же, безъ сомнѣнія, былъ составъ и тѣхъ младшихъ служебныхъ дружинъ, члены которыхъ (на языкѣ пришельцевъ) назывались Варангами, а у автора первоначальнаго лѣтописнаго сказанія именуются Варягами; по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакого основанія предполагать, будто эти дружины состояли на-голо

[1]) См. объ этомъ въ превосходной статьѣ *К. Маурера:* «Ueber die Ausdrücke altnordische, altnorwegische und isländische Sprache», примѣчаніе 71 на стр. 705, въ *Abhandlungen der Bayer. Akademie der Wissensch.* Philol. classe, Bd. XI (1867 г.). Тамъ приведено много примѣровъ того и другаго словоупотребленія.

Библиотека "Руниверс"

изъ однихъ только заморскихъ выходцевъ, изъ Варяговъ" (Н. П. Ламбинъ, въ статьѣ: „Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси). Но это почти тотъ самый взглядъ, который уже давно былъ высказанъ С. М. Соловьевымъ, — именно, что Варяги русской исторіи IX вѣка собственно не народъ, а дружина, состоявшая изъ разноплеменнаго сброда съ преобладаніемъ Скандинавовъ. Съ дополненіемъ В. И. Ламанскаго, что при тѣсныхъ сношеніяхъ Норманновъ съ Славянами, необходимо предполагать и послѣднихъ въ составѣ этой разноплеменной дружины, — мы можемъ, вмѣстѣ съ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ (см. Русская исторія 1, 95. 96), считать разноплеменную дружину послѣднимъ словомъ науки по вопросу о первыхъ Варягахъ нашей лѣтописи. Что въ позднѣйшее время она—эта дружина—набиралась, быть можетъ, преимущественно изъ мѣстныхъ-туземныхъ, славянскихъ и русскихъ элементовъ—этого въ настоящее время также никто не будетъ отвергать.

Послѣ этого намъ понятно будетъ, почему даже въ исландскихъ сагахъ Норманны XI столѣтія, приходящіе на службу Русскаго князя, „отличаются" отъ прочихъ Варяговъ.

Обращаясь къ Византійскимъ Варангамъ, мы заранѣе можемъ высказать ожиданіе, что и тамъ насъ встрѣтитъ такое же явленіе, то-есть, что и византійскій военный корпусъ Варанговъ вовсе не состоялъ изъ однихъ только Норманновъ-Скандинавовъ, даже, быть можетъ, Норманны составляли небольшую его долю. Теперь для насъ всего важнѣе то, что Норманны, то-есть, Исландцы, Норвежцы, а потомъ Шведы, вступаютъ въ Константинополь уже въ готовое „Варяжское общество". Вопросъ, поставленный въ началѣ главы, остается пока не рѣшеннымъ. Мы не приняли сопоставленія, сдѣланнаго г. Гедеоновымъ, между Варягами, отправившимися изъ Кіева въ 980 году, и Византійскими Варангами 1034 года,—на томъ преимущественно основаніи, что этихъ Варяговъ г. Гедеоновъ считаетъ Норманнами, а Норманны появились въ составѣ византійской варяжской дружины гораздо позднѣе 980 года: мы опредѣленно знаемъ, когда именно. Но если Варяги существуютъ въ Константинополѣ ранѣе 1020 года, ранѣе перваго появленія среди ихъ Норманновъ, то вопервыхъ, кто жь они были?— а вовторыхъ, и это для насъ теперь главное, когда же былъ сформированъ знаменитый варяжскій корпусъ въ Византіи? Можно, конечно, оставить объясненіе г. Гедеонова, подвергнувъ оное небольшому видоизмѣненію. Варяги, отправившіеся въ 980 году изъ Кіева въ Царьградъ, не были Норманны, а или тѣ самые Венды-Славяне, ко-

Библиотека "Руниверс"

торые, по теоріи г. Гедеонова, въ сущности и были настоящими и основными Варягами, или просто Русскіе-Славяне, безъ сомнѣнія, также вступавшіе въ Кіевскую варяжскую дружину. Но мы уже указали трудности, какія встрѣтитъ такое толкованіе. Нужно будетъ предполагать, что Василій II не послушался совѣта, поданнаго Кіевскимъ княземъ. Нужно будетъ доказывать, что именно Варяги-пришельцы, которые все-таки были въ Кіевской варяжской дружинѣ, и по видимому, только что приведены были Владиміромъ изъ-за моря, остались на Руси, а ушли свои Русскіе, которымъ приходилось разстаться съ родиною. Можно здѣсь прибавить и еще одно соображеніе, помимо другихъ, которые пусть лучше подразумѣваются. Въ 988 году Русскій князь Владиміръ находился въ открытой враждѣ съ Византійскою имперіей; взятіе въ этомъ году Херсона извѣстно какъ изъ русской лѣтописи, такъ равно изъ византійскихъ источниковъ (Левъ діаконъ) [1]). Что же въ этомъ году сдѣлалось съ отрядомъ Варанговъ, находившимся въ Византіи и состоявшимъ исключительно изъ Русскихъ? Послѣ, при подобныхъ случаяхъ, отправляли Варанговъ подальше изъ Константинополя: но мы не видимъ, чтобы въ 988 году была принята такая мѣра. Правда, можно замѣтить, что въ 988 году Русскіе не угрожали самому Константинополю, какъ это было въ томъ нашествіи, которое мы подразумѣваемъ. Но во всякомъ случаѣ есть очень ясныя указанія, что зимой 987—988 годовъ не было въ Цареградѣ Русскихъ, а если они здѣсь явились въ продолженіе года, то это были не прежніе и старые пришельцы, а новые. Именно послѣ взятія Херсона и послѣ женитьбы Владиміра на греческой царевнѣ Аннѣ Русскіе въ Византіи являются вновь, послѣ перерыва, бывшаго слѣдствіемъ Болгарской войны Святослава. Наши русскіе историки и ученые разыскатели, гоняясь иногда за призраками, пропустили и пропускаютъ безъ вниманія фактъ громаднѣйшей важности въ исторіи не только русской, но и всего сѣвера. Этотъ фактъ мы выражаемъ надписаніемъ слѣдующей главы нашего изслѣдованія.

III.

Шеститысячный русскій корпусъ въ Константинополѣ съ 898 года.

На первыхъ страницахъ исторіи Михаила Пселла, начинающейся со смерти Цимисхія, и такимъ образомъ, служащей прямымъ продол-

---

[1]) Одна и та же комета предвѣщала для Льва діакона и возмущеніе Варды Фоки (987 — 989 гг.), и взятіе Херсона Русскими.

Библиотека "Руниверс"

женіемъ Льва діакона, разказывается о возмущеніи Варды Фоки противъ Василія II: непріятели дошли до самой Пропонтиды и расположились лагеремъ на другой сторонѣ моря, въ виду Константинополя. Тогда: „Императоръ Василій убѣдился въ нерасположеніи къ нему Грековъ, и такъ какъ *не задолго предъ тѣмъ* къ нему пришелъ отъ Тавроскиѳовъ *значительный военный отрядъ*, то онъ, соединивъ *ихъ* вмѣстѣ и устроивъ другую наемную силу, выслалъ (ихъ) противъ расположенной на другой сторонѣ фаланги" (Ὁ δὲ βασιλεὺς Βασίλειος τῆς τῶν Ῥωμαίων ἀγνωμοσύνης κατεγνωκώς, ἐπείδήπερ οὐ πρὸ πολλοῦ ἀπὸ τῶν ἐν τῷ Ταύρῳ Σκυθῶν λογὰς πρὸς αὐτὸν ἐφοίτησεν ἀξιόμαχος, τούτους δὴ συγκροτήσας καὶ ξενικὴν ἑτέραν ξυλλοχισάμενος δύναμιν, κατὰ τῆς ἀντικειμένης ἐκπέμπει φάλαγγος.—Pag. 10).

Что подъ Тавроскиѳами здѣсь разумѣется Русь, это не требуетъ никакихъ доказательствъ. Въ такомъ смыслѣ это слово употребляется у Льва діакона, къ послѣднимъ страницамъ котораго примыкаетъ, какъ продолженіе, трудъ Михаила Пселла. У другихъ позднѣйшихъ историковъ мы сейчасъ увидимъ именно *Русь* при разказѣ о томъ же самомъ фактѣ. Приведенное нами мѣсто представляетъ неопредѣленность и неясность не относительно національности „значительнаго военнаго отряда", а совершенно въ другихъ отношеніяхъ. Возмущеніе Варды Фоки падаетъ на 987—989 годы; военныя дѣйствія, въ которыхъ участвуютъ Русскіе, не многимъ предшествуютъ апрѣлю 989 года, когда Фока умеръ, а его армія разсѣялась [1]). Итакъ, куда должно быть отодвинуто „незадолго предъ тѣмъ", опредѣляющее время прибытія русскаго отряда? На основаніи неопредѣленныхъ выраженій Пселла, можно было бы предположить, что здѣсь идетъ рѣчь о тѣхъ Варягахъ, которые отправились изъ Кіева въ 980 году. По прямому смыслу вышеприведеннаго отрывка, къ 989 году относится не прибытіе Русскихъ военныхъ людей въ Константинополь, а ихъ организація въ особый отрядъ, внушающій болѣе довѣрія, чѣмъ мѣстныя силы. Слово συγκροτησάμενος (соединивъ, собравъ въ одно мѣсто) могло бы быть принято, какъ намекъ на то, что значи-

[1]) День смерти Варды Фоки отмѣченъ у Кедрина (II, 446) въ апрѣлѣ 647 (989-го года). Дельфина разбитъ нѣсколько ранѣе того—въ февралѣ или самомъ началѣ марта того же года. Это видно изъ отчетливаго разказа армянскаго историка Асохика (переводъ *Эмина*, стр. 479). Сраженіе около Скутари полагается въ 988 году, но это годъ мартовскій. Непосредственно затѣмъ читаемъ: «съ наступленіемъ (989) *слѣдующаго года*—время стояло весеннее—царь Василій отправился» противъ самаго Фоки. На Муральта полагаться нельзя.

Библиотека "Руниверс"

тельное количество русскихъ людей хотя и находилось (съ 980 года) въ Византіи, но было разсѣяно въ разныхъ мѣстахъ (какъ совѣтовалъ поступить Владиміръ). Все это оказалось бы, однако, напрасными и неосновательными догадками. Не совсѣмъ удовлетворительны для нашей пытливости, которой, конечно, Иселлъ не могъ имѣть въ виду, и послѣднія фразы выписаннаго нами отрывка. Слова ξενικὴν ἑτέραν δύναμιν могутъ быть понимаемы или въ смыслѣ противоположенія ненадежнымъ Грекамъ, служившимъ не по найму, или же въ смыслѣ сопостановленія съ русскимъ отрядомъ; такъ что въ первомъ случаѣ именно Русскіе и будутъ составлять *наемную другую* силу, а во второмъ — нужно будетъ допустить существованіе или учрежденіе еще какой-то иной, помимо Русскихъ, военной наемной силы. Гораздо естественнѣе первое объясненіе, потому, вопервыхъ, что образованіе новой силы выше мотивируется *только* прибытіемъ *однихъ* русскихъ людей; вовторыхъ, потому, что два глагола συγκροτήσας и ξυλλογισάμενος въ сущности представляютъ естественную градацію двухъ дѣйствій, относящихся къ одному объекту: первое значитъ стянуть, собрать въ одно мѣсто массу военныхъ людей, а второе—раздѣлить ихъ на отряды, дать надлежащую организацію; втретьихъ, потому, что другіе источники—всѣ говорятъ объ однихъ Русскихъ.

То, что̀ неясно въ разказѣ Иселла, объясняется параллельными мѣстами двухъ византійскихъ писателей XII вѣка, почерпавшихъ свои извѣстія изъ одного источника, то-есть, рабски копировавшихъ хронику Іоанна Ѳракисійскаго. Іоаннъ Ѳракисійскій, какъ уже было замѣчено, жилъ въ концѣ XII столѣтія. Мы имѣемъ одну докладную записку (ὑπόμνησις), представленную имъ Алексѣю Комнину въ 1092 году (*Zachariae*, Jus graeco-romanum, III, 376). Но есть очень много признаковъ, что извѣстія, относящіяся къ первой половинѣ XI вѣка и вошедшія первоначально въ его хронику, были записаны современно самымъ событіямъ, именно въ Малой Азіи. Во всякомъ случаѣ, съ перваго взгляда очевидно, что въ данномъ, насъ интересующемъ, мѣстѣ Кедринъ и Зонара независимы отъ Иселла.

Разказывая исторію возмущенія Варды Фоки, Кедринъ (II, 444) пишетъ, что когда одинъ отрядъ Варды явился въ виду Хрисополя (теперь Скутари), то Василій II „приготовилъ ночью корабли и посадилъ на нихъ *Русь*, такъ какъ кстати онъ призвалъ къ себѣ изъ нихъ *союзную* (военную) *силу* и сдѣлалъ затемъ князя ихъ Владиміра по своей сестрѣ Аннѣ; переправившись съ ними, онъ неожиданно нападаетъ на враговъ и легко захватываетъ въ свои руки“.

Библиотека "Руниверс"

(Πλοῖα παρασκεύασας νυκτός καὶ τούτοις ἐμβιβάσας Ῥώς [ἔτυχε γαρ συμμαχίαν προσκαλεσάμενος ἐξ αὐτῶν καὶ κηδεστὴν ποιησάμενος τὸν ἄρχοντα τούτων Βλαδιμηρόν ἐπι τῇ ἑαυτοῦ ἀδελφῇ Αννῃ], περαιωθεὶς μετ' αὐτῶν ἀνοήτως ἐπιτίθεται τοῖς ἐχθροῖς καὶ ῥᾶον χειροῦται).

Въ подобныхъ же выраженіяхъ описывается событіе у Зонары (II, 221, парижск. издан.): „Когда Дельфина (сторонникъ Фоки) расположился лагеремъ противъ Хрисополя, императоръ напалъ на нихъ съ *Русскимъ народомъ*, потому что онъ, устроивъ родственный союзъ съ княземъ ихъ Владиміромъ чрезъ сестру свою Анну, *получилъ оттуда вспомогательный военный отрядъ*: онъ одержалъ верхъ надъ противниками". (Αἰφνίδιον ἐπῆλθεν ὁ βασιλεὺς μετὰ λαοῦ ῥωσικοῦ, κῆδος γὰρ πρὸς Βλαδιμηρὸν τὸν ἄρχοντα τούτων ἐπὶ Αννῃ τῇ ἀδελφῇ αὐτοῦ θέμενος συμμαχικὸν ἐκεῖθεν ἐδέξατο καὶ ῥᾶον τῶν ἐναντίων χειροῦται).

Не останавливаясь на томъ, что здѣсь вмѣсто Тавроскиѳовъ является Русь, Русскій народъ, состоящій подъ властію князя Владиміра, мы получаемъ совершенно новое, болѣе яркое освѣщеніе факта и объясненіе причины, вслѣдствіе которой явился въ Византію „значительный военный отрядъ" Иселлa. Эта причина есть бракъ Кіевскаго князя на сестрѣ императора Василія, а по русской лѣтописи—соединенное съ нимъ крещеніе Владиміра, относимое къ 988 году. Слѣдовательно, вспомогательный русскій корпусъ отправленъ былъ въ Византію только въ 988 году, предъ самымъ приближеніемъ мало-азіатскихъ инсургентовъ къ Царьграду, на что и указываютъ выраженія Кедрина (ἔτυχε). Очевидно, все это вмѣстѣ бросаетъ нѣсколько новыхъ лучей свѣта на одно изъ важнѣйшихъ событій русской исторіи: съ одной стороны, должно быть оцѣнено затруднительное положеніе Василія II въ 988 году, а съ другой—должно быть признано, что не одно желаніе обратить Кіевскаго князя въ христіанство заставило царицу Анну отправиться въ Корсунь; что, наконецъ, условія брачнаго союза не ограничивались однимъ принятіемъ крещенія и возвращеніемъ Херсона. Обращаемся, однако, къ своему предмету.

Помимо Византійцевъ, объ отправленіи Владиміромъ вспомогательнаго союзнаго отряда въ Византію свидѣтельствуютъ два армянскіе историка. Одинъ изъ нихъ, Степаносъ Таронскій, по прозванію Асохикъ, есть ближайшій современникъ Владиміра Кіевскаго и Василія II. Онъ предпринялъ свой трудъ по приглашенію владыки Саргиса, о которомъ извѣстно, что онъ вступилъ на патріаршій престолъ армянской церкви въ 992 году (см. введеніе *Эмина* ко Всеоб-

Библиотека "Руниверс"

щей исторіи Асохика, стр. VII). „Асохикъ", по словамъ его русскаго переводчика,—„занимаетъ одно изъ почетныхъ и видныхъ мѣстъ между писателями своего отечества. Не говоря о правдивости, которою онъ по справедливости можетъ гордиться наравнѣ со всѣми армянскими историками, у которыхъ она составляетъ характеристическую черту и одно изъ главныхъ достоинствъ, онъ имѣетъ предъ ними еще то огромное преимущество, что съ необыкновенною тщательностію относится къ хронологіи" (стр. XII). То и другое качество, дѣйствительно, должно быть признано за Степаносомъ Таронскимъ: на точность его хронологіи мы сами обратили вниманіе ранѣе, чѣмъ прочитали предисловіе почтеннаго переводчика.

Въ концѣ своего сочиненія Асохикъ разказываетъ о приходѣ греческаго царя въ Восточную землю, то-есть, въ Арменію. Событіе, которое случилось при этомъ, имѣло своимъ ближайшимъ театромъ мѣстность, сосѣднюю съ Таронскимъ округомъ (теперь Мушъ, между Діарбекиромъ и Эрзерумомъ), то-есть, именно совершилось на родинѣ Степаноса Таронскаго. Оно относится къ 1000 году. Въ Таикской провинціи, въ городѣ Хав-тчиттѣ Византійскій императоръ былъ встрѣченъ Багаратомъ, царемъ Абхазскимъ, и отцемъ его Гургеномъ, царемъ Иверійскимъ. Василій, сдѣлавъ великолѣпный пріемъ обоимъ царямъ, отпустилъ ихъ въ ихъ земли.

„Въ самый день отъѣзда послѣдняго (то-есть, Грузинскаго царя) въ греческомъ лагерѣ произошла сильная схватка изъ-за ничтожной причины. Князья и вассалы Куропалата Давида (властитель Карталинскій и царь Армяногрузинской провинціи Даика, на сѣверо-востокѣ верхней Арменіи), прибывшіе туда, стали недалеко отъ греческаго лагеря. Изъ пѣхотнаго *отряда Рузовъ* какой-то воинъ несъ сѣно для своей лошади. Подошелъ къ нему одинъ изъ Иверійцевъ и отнялъ у него сѣно. Тогда прибѣжалъ на помощь къ Рузу другой Рузъ. Иверіецъ кликнулъ къ своимъ, которые, прибѣжавъ, убили перваго Руза. *Тогда весь народъ Рузовъ*, бывшій тамъ, поднялся на бой: *ихъ было 6.000* человѣкъ пѣшихъ, вооруженныхъ копьями и щитами, которыхъ *просилъ царь Василій у царя Рузовъ въ то время, когда онъ выдалъ сестру свою за мужъ за послѣдняго. Въ это же самое время Рузы увѣровали во Христа.* Всѣ князья и вассалы Таикскіе выступили противъ нихъ и были побѣждены. Тутъ погибли: великій князь князей, по имени Петріархъ (Патрикій? имя искажено въ рукописяхъ) два сына Очопентре—Габріель и Іоаннесъ, Чортванелъ внукъ и мно-

Библиотека "Руниверс"

rie другіе; ибо гнѣвъ Божій тяготѣлъ надъ ними за ихъ высокомѣріе" (стр. 200--201).

Разказъ въ высокой степени ясный, простой и естественный; ни одна малѣйшая подробность не возбуждаетъ сомнѣнія. Что русскій человѣкъ способенъ былъ подраться съ Грузиномъ изъ-за сѣнца, приготовленнаго для лошади, этому всякій повѣритъ, и уже никто, надѣемся, не скажетъ, что это чисто норманское качество. Критика, которая захочетъ быть строгою, можетъ напасть только на лошадь, которую имѣетъ пѣхотинецъ. На этотъ случай можно сдѣлать уступку. Въ другомъ переводѣ лошади именно и нѣтъ. Тамъ читается: „Les princes et les nobles de Daik avaient établi leur camp auprès de celui des Grecs. Or, un fantassin russe, étant sorti du camp, y rentra apportant une botte de foin. Un soldat georgien, s'approchant de lui, le lui enleva" и т. д. (отрывокъ переведенъ въ примѣчаніи къ тому мѣсту другаго армянскаго писателя, которымъ мы сейчасъ займемся). Но мы вѣримъ и въ лошадь: она могла быть какъ въ спискѣ г. Эмина, такъ и у русскаго пѣхотинца—въ видѣ военной добычи или для перевоза добычи. Походъ, изъ котораго возвращались Русскіе, былъ также не близкій: Василій II шелъ изъ Сиріи и Киликіи. Очень можетъ быть, наконецъ, что имѣющій лошадь Русскій служилъ пѣхотинцемъ, потому что это было выше и почетнѣе, то-есть, эта была русская пѣхотная гвардія. Что касается шеститысячнаго числа русскихъ военныхъ людей, то оно, конечно, неожиданно. Но за то оно напоминаетъ шеститысячную гвардію, около этого же времени учрежденную въ Англіи, знаменитый корпусъ Housecarls—на другомъ концѣ Европы. Неожиданныя, но также не подлежащія сомнѣнію цифры мы встрѣтимъ и далѣе. Утверждаютъ, напримѣръ, что варяжская гвардія въ Константинополѣ едва достигала пятисотеннаго числа (г. Гедеоновъ), а окажется, что ее надобно считать тысячами. Но мы забѣгаемъ впередъ.

О схваткѣ Русскихъ съ Грузинами упоминаетъ и продолжатель Асохика, Аристакесъ Ластивертскій, жившій въ первой половинѣ XI вѣка. Въ самомъ началѣ своей „Исторіи Арменіи" онъ повѣствуетъ о посѣщеніи Василіемъ II армянскихъ областей: „Воины благороднаго отряда провинціи Даикъ вышли ему на встрѣчу. Они были почтены большими дарами, каждый по своему достоинству, своему титулу или своей степени, и это исполнило ихъ великою радостію. Но тотчасъ исполнилось надъ ними пророчество, внушенное Духомъ Святымъ Давиду: „Утромъ они произрастутъ изъ земли, будутъ блистать

Библиотека "Руниверс"

и цвѣсти какъ трава, а вечеромъ они увянутъ, засохнутъ и упадутъ". Вслѣдствіе, не знаю какихъ причинъ, поднялась *ссора* между западными воинами, *называемыми Русскими*, и благороднымъ отрядомъ; тридцать человѣкъ самыхъ знатныхъ изъ этого послѣдняго умерли на этомъ мѣстѣ. Въ этотъ день не ускользнулъ ни одинъ благородный Данка; всѣ заплатили немедленною смертію за свое преступленіе"). (Une rixe s'étant élevée, je ne sais pour quels motifs, entre les soldats occidentaux appelés Russes et la legion noble, trente hommes des plus honorables de cette dernière moururent et cet endroit и т. д.— Histoire d'Armenie par Arisdaguès de Lasdiverd, traduite par *Evariste Prud'hommes*. Paris, 1864, pag. 9).

Преступленіе, совершенное благороднымъ легіономъ грузинскимъ, насъ не касается. Но если позволительно искать причины кровавой ссоры между Русскими и Грузинами помимо клочка сѣна, упомянутаго Асохикомъ, то мы должны обратиться назадъ къ событіямъ 989 года. Варда Фока, какъ мы узнаемъ отъ Пселла (стр. 11) и отъ самого Асохика, кромѣ греческихъ силъ опирался, главнымъ образомъ, на сочувствіе къ нему Грузинъ; въ сраженіи, которое рѣшило его участь, грузинская пѣхота составляла лучшую часть его войска (Пселлъ). Асохикъ (стр. 178) прямо утверждаетъ, что Фока началъ войну противъ царственнаго города Константинополя во главѣ греческихъ и *иверійскихъ* войскъ. Когда Дельфина укрѣпился насупротивъ царственнаго города, „Василій привелъ на противоположный берегъ всѣ войска, бывшія въ городѣ, равно какъ и *войска западныхъ странъ*" Мы сейчасъ видѣли, что Аристакесъ называетъ *Русскихъ* западными воинами. Такимъ образомъ, сверхъ вышеприведенныхъ источниковъ, и армянскій историкъ, по крайней мѣрѣ, намекаетъ на то, что Грузины Варды Фоки въ 989 году пострадали, главнымъ образомъ, отъ вновь организованнаго русскаго корпуса. Память объ этомъ тяжеломъ посрамленіи народной чести могла оставаться тѣмъ болѣе, что, по видимому, Русскіе заняли мѣсто Грузинъ въ византійской арміи. На первыхъ страницахъ исторіи Пселла, рослая иверская молодежь — самая воинственная часть греческой арміи; послѣ эти самые предикаты придаются Тавроскиоамъ.

Итакъ, фактъ присутствія въ Византійской имперіи съ 988 года до первыхъ годовъ XI столѣтія большаго русскаго военнаго корпуса—по крайней мѣрѣ, шеститысячнаго,—не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Мы только мимоходомъ отмѣчаемъ теперь то, конечно, не лишенное значенія обстоятельство, что Тавроскиоы (=Русскіе),

Библиотека "Руниверс"

упомянутые Михаиломъ Пселломъ при повѣствованіи о Василіи II Болгаробойцѣ, встрѣчаются потомъ нѣсколько разъ на страницахъ его исторіи и притомъ прямо въ *видѣ Варяговъ*. Это будетъ видно въ дальнѣйшемъ ходѣ нашего изслѣдованія. Теперь, оставляя пока Пселла въ сторонѣ, мы обращаемся къ другимъ источникамъ, у которыхъ находимъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ о важности и многочисленности русскаго элемента въ Византійской арміи. Мы находимъ въ нихъ продолженіе исторіи все того же русскаго корпуса.

Но извѣстное мѣсто Льва Остійскаго (*Pertz*, SS. VII, 652), въ которомъ норманисты и даже ихъ противники совершенно напрасно находили Варяговъ на ряду съ Русью, мы, по строгой справедливости, должны признать не имѣющимъ для насъ пока никакого значенія. Левъ Остійскій, разказывая о южно-италіанскихъ событіяхъ 1110 года, упоминаетъ о возстаніи Мело, прибавляя, что это былъ первый самый дѣятельный и умный изъ всѣхъ гражданъ города Бари и даже цѣлой Италіи. Когда Апулійцы не могли болѣе переносить высокомѣрія и наглости Грековъ, не задолго предъ тѣмъ, то-есть, во время Оттона I, при помощи союзныхъ *Датчанъ*, *Русскихъ* и *Гуаланов*ъ, присвоившихъ себѣ Апулію и Калабрію, то Мело сталъ во главѣ возмущенія (Grecorum, qui non multo ante, a tempore scilicet primi Ottonis Apuliam sibi Calabriamque sociatis in auxilium suum *Danis*, *Russis et Gualanis* vendicaverunt).

Вопервыхъ, Левъ Остійскій писалъ свою хронику Монте-Кассинскаго монастыря въ самомъ концѣ XI столѣтія и относительно южно-италіанской, греко-норманской исторіи пользовался сочиненіемъ своего старшаго по времени собрата, именно „Норманскою исторіей" Кассинскаго монаха Амата. Аматъ служилъ для него главнымъ источникомъ. Изъ этого слѣдуетъ, что даже въ томъ случаѣ, если бы событіе, совершившееся будто бы при помощи Датчанъ, *Русскихъ*, и положимъ, *Варяговъ* (хотя въ Gualani скорѣе скрываются Аланы или Вандалы Барійской лѣтописи), относилось къ началу XI столѣтія, то Левъ Остійскій самъ по себѣ далеко не былъ бы такимъ свидѣтелемъ, на точность котораго, особенно въ подробностяхъ, слѣдовало бы полагаться. Между тѣмъ, именно этой вставочной исторической реминисценціи и нѣтъ у Амата, тогда какъ изложеніе главнаго событія въ хроникѣ Льва несомнѣнно находится въ самой близкой зависимости отъ его L'ystoire de li Normant. „Sequentia Amatus non habet", замѣчено предъ вышеприведеннымъ отрывкомъ въ лучшемъ изданіи Льва Остійскаго (*Pertz*, Monumenta Germaniae).

Библиотека "Руниверс"

Вовторыхъ, событіе, въ которомъ участвовали Датчане, Русскіе и (предполагаемые) Варяги, должно относиться даже не къ XI столѣтію, а къ 60 годамъ X вѣка, ко времени Оттона I, которое еще менѣе было извѣстно Монте-Кассинскому монаху, писавшему около 1098 года, чѣмъ первая половина XI вѣка. Не только подробности, но и самая сущность и основа сообщаемаго мимоходомъ извѣстія — ошибочны. Апулію и Калабрію Греки присвоили себѣ вовсе не при Оттонѣ I. Итакъ, если Русскіе и Варяги сколько-нибудь различаются у Льва Остійскаго, то это можетъ имѣть значеніе лишь для опредѣленія тѣхъ воззрѣній и той дѣйствительности, которыя существовали въ концѣ XI вѣка, а не въ началѣ его.

Черезъ двадцать-пять лѣтъ послѣ появленія русской наемной дружины въ Константинополѣ, мы встрѣчаемъ Русскихъ среди византійской арміи въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ только шли военныя дѣйствія. Положимъ, что тотъ родственникъ князя Владиміра, который *содѣйствовалъ* покоренію Византійцами Хазаріи, не былъ на службѣ Василія II, а былъ отправленъ на помощь изъ Кіева, либо самъ пришелъ изъ какого-нибудь русскаго княжества За то Русскіе, дѣйствовавшіе подъ греческими знаменами въ южной Италіи и Болгаріи, несомнѣнно входили въ составъ домашнихъ военныхъ силъ императора Византійскаго. Въ 1016 году, въ походѣ на Болгаръ, Василій II въ равнинахъ Пелагоніи захватилъ множество плѣнниковъ. Онъ раздѣлилъ добычу на три части и одну часть предоставилъ союзной Руси, другую Грекамъ, а третью взялъ себѣ: καὶ τριχῇ τοὺς ἁλόντας μερισάμενος, καὶ μιὰν μὲν μερίδα τοῖς συμμαχοῦσι παρεσχηκὼς Ῥῶς, ἑτέραν δὲ Ρωμάιος, καὶ ἄλλην ἑαυτῷ παρακατασχών, ἐχώρει προσωτέρω (Cedren II, 465). Нужно думать, что число Русскихъ, служившихъ въ греческой арміи, было весьма значительно, если они получаютъ цѣлую половину добычи, доставшейся на долю войска. Въ 1019 году французскіе Норманны, явившіеся въ южной Италіи на помощь апулійскимъ инсургентамъ и вышеупомянутому Барійцу Мело, были разбиты греческимъ катапаномъ въ сраженіи при Каннахъ. Помимо классическихъ воспоминаній, пробуждаемыхъ названіемъ мѣста битвы, сраженіе замѣчательно тѣмъ, что здѣсь противъ Норманновъ дѣйствовали Русскіе, и что они-то были главными виновниками побѣды: „Когда императоръ услыхалъ, что смѣлые рыцари напали на его землю, онъ противъ Норманновъ отправилъ самыхъ храбрыхъ людей, какихъ только онъ могъ найдти“ (L'ystoire de li Normaut, I, 21). „Въ первыхъ трехъ сраженіяхъ Норманны остались побѣдителями,

Библиотека "Руниверс"

но въ четвертой битвѣ, гдѣ имъ пришлось бороться съ народомъ Русскимъ, они были побѣждены, обращены въ ничто и въ безчисленномъ количествѣ отведены въ Константинополь, гдѣ до конца жизни были истязуемы въ темницахъ. Отсюда вышла пословица „Грекъ на телѣгѣ ловитъ зайца" (Congressione bis et ter facta, victores Normanni existunt. Quarto congressu *cum gente Russorum* victi et prostrati sunt et ad nihilum redacti et innumeri ducti Constantionopolim и т. д.—Ademari historiarum libri III, *Pertz*. SS. IV, 140. Ср. Leo Ostiens. Pertz. SS VII, 652). Авторъ извѣстія, писавшій въ южной Франціи, кончилъ свою исторію въ 1028 году, когда, вѣроятно, умеръ; онъ вообще обнаруживаетъ знакомство съ дѣлами Іерусалимскими и Константинопольскими (см. предисловіе *Вайца*). Выраженіе *gens Russorum* напоминаетъ λαὸν Ρ'ωσικὸν Зонары. Пословица на счетъ Грековъ: Graecus cum carruca leporem capit, напоминаетъ галицкую пословицу: „Воломъ зайца не догонишь" (Ср. *Гедеоновъ*, Отрывки о Варяжскомъ вопросѣ въ *Запискахъ Академіи Наукъ*, II, стр. 165).

Одно византійское извѣстіе, которое относится или къ послѣднимъ годамъ правленія св. Владиміра, или же къ первымъ годамъ правленія Ярослава (1011—1025 гг.), указываетъ на постоянный приливъ русскихъ военныхъ людей въ Константинополь, такъ что византійское правительство стало уже смотрѣть на нихъ подозрительно и принимать мѣры осторожности. Время событія, о которомъ должна идти рѣчь, византійскимъ историкомъ опредѣлено такъ, что оно случилось послѣ того, какъ умерла въ Россіи сестра императора Василія Анна и еще прежде нея мужъ ея Владиміръ. Между тѣмъ, смерть Анны въ первоначальной русской лѣтописи отмѣчена подъ *1011* г., ранѣе смерти Владиміра. Впрочемъ, такъ какъ указаніе на смерть Владиміра повторено два раза, то отъ него и нужно отправляться въ опредѣленіи хронологіи. Съ другой стороны, греческая компилятивная хроника ставитъ сейчасъ приводимый разказъ предъ самою смертію Василія II, которая случилась въ декабрѣ—послѣ событій 1023 и 1025 годовъ, что̀, по видимому, можетъ служить болѣе надежнымъ путемъ для возстановленія истиннаго года событія. Итакъ: „Когда *умерла* на Руси сестра императора, а ранѣе ея *мужъ* ея Владиміръ, то *Хрисохиръ*, какой-то сородичъ *умершаго*, привлекши къ себѣ 800 человѣкъ и посадивъ ихъ на суда, пришелъ въ Константинополь, какъ будто желая вступить въ наемную службу. Но когда императоръ требовалъ, чтобъ онъ сложилъ оружіе и только въ такомъ видѣ предстaвился

Библиотека "Руниверс"

на свиданіе, то онъ не захотѣлъ этого и ушелъ черезъ Пропонтиду. Прибывъ въ Абидосъ и столкнувшись со стратигомъ оной (Пропонтиды), наблюдающимъ за морскимъ берегомъ, онъ легко его побороль и спустился къ Лемносу. Здѣсь (онъ и его спутники) были обмануты притворными обѣщаніями, данными начальникомъ флота Киварріотовъ и Давидомъ изъ Охриды, стратигомъ Самоса, да Никифоромъ Кавасилой, дукою Солунскимъ, и всѣ были перебиты" (Cedren, II, 478—479: Χρυσόχειρ — — ἄνδρας ὀκτακοσίους προσεταιρισάμενος — ἦλθεν, ὡς τάχα μισθοφορήσων τοῦ δὲ βασιλέως καταθεῖναι τὰ ὅπλα κελεύοντος καὶ οὔτω ποιήσασθαι τὴν' εὐτυχίαν, μὴ θελήσας διῆλθε τὴν Προποντίδα. — — — Ἐκεῖσε — — — παρασπονδηθέντες ἅπαντες κατεσφάγησαν).—Норманисты придумываютъ какого-то Gullhand'а или Gullmund'а (*Kunik*, Berufung II, 170), чтобъ изъ Хрисохира сдѣлать Норманна, переводя обратно на норманнскій греческое, по ихъ мнѣнію, переводное наименованіе. Противники скандинавской теоріи ссылаются на то, что у Норманновъ прозвища безъ имени не употребляются, тогда какъ въ русскихъ лѣтописяхъ есть и Волчій хвостъ, и Положи шило (*Гедеоновъ*, Отрывки, т. III, 262), слѣдовательно, возможна была и Золотая рука. Но предъ нами находится прозвище греческое, а не норманское; византійскому писателю не было нужды слѣдовать строго законамъ скандинавской ономатологіи. Трудно сказать что-нибудь безспорно убѣдительное по этому вопросу: очень можетъ быть, что въ основѣ греческаго „Хрисохиръ" лежитъ не переводъ, а искаженіе созвучнаго русскаго имени. Мы можемъ остановиться на слѣдующемъ соображеніи: такъ какъ Хрисохиръ былъ сородичъ Владиміра—συγγενής τις τοῦ τελευτήσαντος, то онъ, безспорно, былъ такой же Русскій Славянинъ, какъ и князь Владиміръ, и если онъ былъ Варягъ, то во всякомъ случаѣ не Норманнъ. Норманскіе Варяги, дѣйствительно, были въ Кіевѣ въ 1024 году; но Якунъ съ золотою лудою, ихъ предводитель, послѣ сраженія при Лиственѣ, ушелъ не въ Греки, а назадъ къ себѣ за море, то-есть, за Варяжское море. Было бы большимъ произволомъ предполагать, что именно его Варяги пробрались въ Малую Азію.

За то нѣтъ никакой причины сомнѣваться въ томъ, что Русскіе, снова дѣйствующіе около этого времени въ южной Италіи, суть тѣ же самые наемные союзники, которые отличались на мѣстѣ, прославленномъ побѣдою Аннибала надъ Римлянами. Въ 1024 (или въ 1025) году знаменитый Болгаробойца сбирался завершить свои подвиги возстановленіемъ греческой власти на Италійскомъ полуостровѣ; одинъ

Библиотека "Руниверс"

изъ его вѣрныхъ слугъ, постельничій (хитонитъ, κοιτωνίτης) Орестъ, отправился впередъ для завоеванія Сициліи, находившейся въ рукахъ невѣрныхъ. Въ одной изъ Барійскихъ лѣтописей описывается составъ войска, приведеннаго Орестомъ въ Италію. Тутъ были на первомъ мѣстѣ *Русскіе*, далѣе загадочные *Вандалы*, можетъ быть, одно и то же съ Гуаланами Льва Остійскаго и тогда всего скорѣе *Аланы*, то-есть, Грузины, давно служившіе въ греческихъ войскахъ [1]), далѣе Турки, Болгары, Волохи, Македоняне и другіе (Annales Barienses: *Pertz*, SS. V, 5, 3. Годъ (1027) поставленъ невѣрно: Hoc anno descendit ispo chitoniti in Italiam cum exercitu magno, id est *Russorum*, Guandalorum, Turcorum, Bulgarorum, Vlachorum, Macedonum aliorumque, ut caperet Sicilium. (Ср. относительно года Cedren. II, 479 и Chronic. Anonym. Barens.: *Murator*. V, 149.

Приведенныя свидѣтельства достаточно убѣждаютъ насъ въ важности, многочисленности и прочномъ, постоянномъ существованіи русскаго элемента въ войскахъ Византійскаго императора. Едва ли кто рѣшится думать, что и въ Болгаріи, и въ южной Италіи все дѣйствуетъ Русь норманская, а не славянская. Византійцы твердятъ о Руси, Русскихъ, а что̀ значитъ страна и народъ Русь на ихъ языкѣ? Это страна, гдѣ царствуетъ князь Владиміръ, и гдѣ умираетъ греческая царевна Анна. Это—*народъ*, находящійся подъ властію зятя страшнаго и славнаго Болгаробойцы; это народъ, котораго князья именуются Ярославомъ, Ростиславомъ, Звенислава̀мъ (Cedren, II, 515: Οἱ τῶν Ῥῶς ἄρχοντες Νοσισθλάβος καὶ Ἱεροσθλάβος καὶ — — Σιγνισθλάβος). Это, наконецъ, народъ, котораго архипастырь именовался митрополитомъ *Руси*, нерѣдко бывалъ въ Константинополѣ и участвовалъ своими вкладами въ византійской церковной литературѣ

---

[1]) Грузины участвовали въ походахъ въ южную Италію. См. Attaliota, p. 9. σύμμαχοι καὶ τῆς ἰσοπολιτείας ἡμῖν συμμετέχοντες, ὡς καὶ αὐτῆς τῆς θρησκείας Ἀλβανοί. Ср. Zonar. II, 101. Ἀλανοὺς, οὓς Ἀλβανοὺς Προκόπιος γράφει. Изъ Алановъ тѣмъ легче могли сдѣлаться Гуаланы, что и въ греческомъ средневѣковомъ языкѣ говорилось вмѣсто ἄραξ — γουάναξ, вмѣсто ἑλένη — Γουελένη. Впрочемъ, мы не имѣемъ ничего противъ всякаго другаго объясненія: можно подъ Вандалами разумѣть жителей сѣверной части Ютландскаго полуострова (Wendile); можно разумѣть и славянскихъ Вендовъ, какъ это принимаетъ г. Гедеоновъ. Къ несчастію, всего этого мѣста нѣтъ у анонима Барійскаго, напечатаннаго у Муратори и представляющаго болѣе древнюю и несравненно лучшую редакцію Барійскихъ лѣтописей. О Русскихъ мы все-таки не можемъ сомнѣваться, потому что ужь Адемаръ засвидѣтельствовалъ ихъ подвиги въ южной Италіи, а Венды или Вандалы остаются еще вопросомъ.

Библиотека "Руниверс"

(напримѣръ, Леонтій). Имя Руси, Русскихъ не было, притомъ, для Византійцевъ однимъ изъ тѣхъ унаслѣдованныхъ отъ классической древности терминовъ, которые были обязательны для порядочнаго писателя, и которые, не смотря на свое первоначальное этнографическое значеніе, продолжали въ теченіе вѣковъ прикладываться къ извѣстной странѣ, не смотря на многократную смѣну населенія. Оно означало больше народъ, чѣмъ страну, а теперь въ XI вѣкѣ—народъ очень хорошо извѣстный. Не тотъ, кто пришелъ съ сѣвера, изъ страны, называемой Русью, былъ Русскій, а тотъ, кто принадлежалъ къ этому извѣстному народу и говорилъ извѣстнымъ языкомъ. Но положимъ, что Византійцы имѣли какія-нибудь причины называть въ XI вѣкѣ Скандинавовъ Русскими. Остается все-таки вопросъ, почему современный армянскій свидѣтель говоритъ, что 6.000 Русскихъ — народъ Рузовъ, крестившійся въ 988 году. Остается вопросъ, почему Адемаръ, описывающій современныя ему событія—на основаніи извѣстій, полученныхъ, вѣроятно, отъ самыхъ участниковъ въ южно-италіанскихъ битвахъ,—употребляетъ выраженіе „gens Russorum", племя или народъ Русскій. Развѣ онъ могъ не знать настоящаго имени Датчанъ, Шведовъ и Норвежцевъ во времена Канута и святаго Олафа?

Мы предоставляемъ норманистамъ доказывать, что въ 988 году въ Кіевѣ крестилась Русь скандинавская, а не славянская, и что эта Русь въ XI столѣтіи была большой народъ, хорошо извѣстный и на Западѣ, и на Востокѣ, но послѣ какъ-то затерявшійся. Насъ можно упрекнуть въ томъ, что мы ставимъ вопросы тамъ, гдѣ нѣтъ никакого вопроса. Скажутъ, что въ настоящее время никто не думаетъ утверждать, будто въ XI вѣкѣ подъ Русью и Русскими разумѣлись скандинавскіе Норманны, и что опровергать такое мнѣніе значитъ воевать съ призраками.

Но если Русскіе, Русь, Ῥῶς, Тавроскиѳы въ XI вѣкѣ суть православные славянскіе люди, то и Варанги XI вѣка были такіе же православные славянскіе люди, другими словами: варяжская дружина въ Византіи состояла первоначально изъ Русскихъ; названіе Варанговъ прежде всего принадлежало тому наемному русскому корпусу, который существовалъ съ 988 года; если скандинавскіе Норманны также входили въ составъ этого корпуса, то они вступали въ готовую уже организацію и составляли здѣсь незамѣтное меньшинство, такъ что византійскіе источники могли совершенно умолчать о нихъ и называть варяжскую дружину по преобладающему національному составу русскою или тавроскиѳскою.

Библиотека "Руниверс"

IV.

Византійскіе Варанги 1034 года.

Въ 1034 году въ Малой Азіи, во Ѳракисійскомъ округѣ (темѣ), обнимавшемъ часть Фригіи, Каріи и Лидіи, зимовали Варанги. Византійскій писатель, который сообщаетъ этотъ фактъ, не нашелъ необходимымъ объяснить намъ, откуда явились эти военные люди, и какой они были національности, хотя именно здѣсь, при первомъ упоминаніи о Варангахъ, слѣдовало бы это сдѣлать. Само собою разумѣется, что не внезапно явились эти Варанги, что они уже прежде были въ византійской арміи. Мы сами должны поискать, какіе именно войска и какой національности могли зимовать въ 1034 году въ Малой Азіи. Если мы будемъ читать византійскаго автора, у котораго встрѣчается первый поминъ о варяжскомъ корпусѣ, въ связи и со вниманіемъ,—чего, кажется, до сихъ поръ никто не догадался сдѣлать,—то обнаружится, что ему и не нужно было объяснять, кого слѣдуетъ разумѣть подъ Варангами,—такъ это было ясно изъ общаго хода разказа.

Легко догадаться, что мы будемъ искать въ Малой Азіи Русскихъ, то-есть, слѣдить за переходами того большаго русскаго корпуса, о которомъ шла рѣчь въ предшествующей главѣ, и доказывать, что въ 1034 году онъ весь или часть его могли стоять на зимнихъ квартирахъ въ Малой Азіи. Мы не скрываемъ своего намѣренія: весь вопросъ въ томъ, въ какой степени превдоподобны будутъ наши соображенія. Но для нихъ мы должны обратиться нѣсколько назадъ.

Въ 1021 году императоръ Василій II снова былъ въ Арменіи. Причиной его появленія здѣсь были непріязненныя дѣйствія Багратида Георгія (Гургена) I, царя Абхазіи и Картліи (Карталиніи), нарушившаго византійскіе интересы захватомъ нѣкоторыхъ сосѣднихъ областей. Василій II явился на границахъ Арменіи и Грузіи — со *всѣми войсками Греціи и значительнымъ числомъ иностранцевъ* [1]). Большое сраженіе при Уктикѣ (Ough'thik, на сѣверо-западѣ Великой Арменіи), осталось нерѣшительнымъ. Василій II отступилъ къ Требизонду и зимовалъ съ своими войсками въ Халдіи. Между тѣмъ обнаружились связи Георгія I съ внутренними, домашними врагами Ва-

[1]) L'empereur Basile se mit en campagne avec toutes les troupes de la Grèce et avec un nombre considerable d'étrangers. *Brosset*, Histoire de Georgie traduite du Géorgien I, 306.

Библиотека "Руниверс"

силія, именно съ Никифоромъ, сыномъ того Варды Фоки, который прежде нашелъ себѣ большое сочувствіе въ Грузинахъ. Но эта опасность скоро миновала: Фока былъ измѣнически убитъ своимъ главнымъ пособникомъ, а этотъ послѣдній былъ выданъ Болгаробойцѣ приверженцами Фоки, искавшими мести. Послѣ разныхъ, ни къ чему не приведшихъ, переговоровъ съ Багратидомъ во время зимы, императоръ снова двинулся противъ властителя Абхазіи и Картліи. Грузины вели переговоры о мирѣ, а готовились къ войнѣ, желая усыпить Грековъ и напасть на нихъ въ расплохъ. Этотъ разчетъ не удался. Грузинскій передовой отрядъ, вѣроломно напавшій на византійскую армію, былъ разбитъ и обращенъ въ бѣгство. „Когда *русскіе полки императора* сдѣлали натискъ, то успѣло спастись только небольшое число изъ пришедшихъ первыми, потому что еще ни царь, ни кто бы то ни было изъ главнаго корпуса грузинской арміи не подоспѣли. Въ этотъ день погибли также и тѣ, которые противились заключенію мира. *Всѣ* были *обращены* въ бѣгство, большое число пало подъ мечемъ, нѣкоторые попались въ плѣнъ, другіе убѣжали. Греки получили громадную добычу и овладѣли всѣмъ тѣмъ, что было у Грузинъ изъ царскихъ сокровищъ“ [1]). Такъ разказываетъ грузинскій источникъ. Аристакесъ Ластивертскій, армянскій историкъ, равнымъ образомъ говоритъ объ этой битвѣ, не упоминая, впрочемъ, о Русскихъ, но только отмѣчая „безчисленное множество“ Грузинъ или Абхазовъ, убитыхъ при началѣ сраженія. Самая битва произошла 11-го сентября 1022 года при Шегфѣ (Schëgh'pha), по армянскому историку, то-есть, неподалеку отъ Эрзерума [2]). Василій преслѣдовалъ Георгія въ самую внутреннюю Грузію и принудилъ его къ миру, покорности и выдачѣ въ заложники собственнаго сына.

Итакъ, вотъ первый несомнѣнный примѣръ того, что Русскіе зимуютъ въ Азіи, даже около Трапезунта, и одинъ изъ нѣсколькихъ случаевъ, когда они рѣшаютъ судьбу битвъ въ пользу Византійскаго императора.

Ничтожный и безпечный братъ Василія II, Константинъ VIII, въ продолженіе своего царствованія (1025—1028 гг.) больше былъ озабоченъ ипподромомъ и театромъ, чѣмъ защитою границъ имперіи

---

[1]) Les *bataillons russes* de l'*empereur* ayant chargé, il n'échappa qu'un petit nombre des premiers venus и т. д. *Brosset*, Histoire de Géorgie I, 309.

[2]) Histoire d'Armenie par A. Lasdiverd, traduite par *Prud'homme*, p. 34 и сл. Ср. Cedren II, 478.

Библиотека "Руниверс"

противъ ея враговъ, между которыми самыми опасными были Сарацины. Но за то первымъ дѣломъ императора Романа III (1028 — 1034 гг.) былъ большой походъ именно противъ Сарацинъ, владѣвшихъ Сиріей. Пселлъ (стр. 33), разказывая о приготовленіяхъ Романа къ безразсудному и ничѣмъ не вызванному, въ его глазахъ, предпріятію, съ нѣкоторою ироніей описываетъ составъ арміи, собранной для похода. Императоръ „собиралъ и устроивалъ всяческое войско, увеличивая число полковъ и выдумывая новые, *стягивая наемныя силы* и набирая новое множество, какъ будто намѣреваясь съ перваго натиска захватить варвара. Онъ думалъ, что если онъ соберетъ число войска болѣе надлежащаго, и особенно если внесетъ разнообразіе въ греческій строй, то уже никто не выдержитъ, когда онъ нагрянетъ съ такою громадою своихъ и союзниковъ" (Ξενικὰς συγχροτῶν δυνάμεις — — — τοσούτῳ ἐπιὼν πλήθει ἰδίῳ τε καὶ συμμαχικῷ). Мы видѣли и еще нѣсколько разъ увидимъ, что главные наемники и союзники Византійскаго императора въ исторіи Пселла суть Ґавроскиѳы, то-есть, Русскіе [1]).

Походъ Романа Аргира кончился самымъ бѣдственнымъ образомъ. Въ сраженіи около Халепа (Верріи, Βέρροια), — присутствіе славянскаго элемента въ этомъ сраженіи замѣчено мѣстными лѣтописцами [2]), — императоръ былъ разбитъ на голову и едва успѣлъ спастись въ Антіохію, благодаря мужеству иностранной дружины, его окружавшей (августъ 1030 г.) (Ἐκθύμως ἀγωνισαμένων τῶν βασιλικῶν ἑταίρων καὶ διασωσάντων—τὸν βασιλέα. Cedren II, 493).

Начальникъ этой иностранной дружины царскихъ тѣлохранителей или великій этеріархъ (μέγας ἑταιρειάρχης), по имени Ѳеоктистъ, вскорѣ былъ опять отправленъ въ Сирію съ значительными силами греческими, а также *иностранными* (Cedren. II, 495: μετὰ δυνάμεως ἁδρᾶς Ῥωμαίων τε καὶ ἐθνικῶν). Послѣднее выраженіе (ἐθνικὸς) означаетъ совершенно то же самое, что у Пселла было названо союзнымъ отрядомъ (συμμαχικὸν). Оно вполнѣ объясняется однимъ мѣстомъ въ

---

[1]) Чтобы не было никакихъ сомнѣній, мы здѣсь же, отступая отъ принятаго порядка, приводимъ слова Пселла, относящіяся ко времени Михаила V (1041—1042 гг.): δεον ξενικόν τε καὶ συμμαχικὸν εἰώθασι παρατρέφειν οἱ βασιλεῖς, λέγω δὲ τοὺς περὶ τὸν Ταῦρον Σκύθας — — то-есть: Наемники и союзники, которыхъ привыкли держать при себѣ (кормить) императоры; я разумѣю *Ґавроскиѳовъ*. Psselli, Historia Byzantina, pag. 91.

[2]) Abulpharagii sive Bar-Hebraei chronicon Syriacum (ed. *Bruns* et *Kirsch*, Leipzig, 1789), II, говоритъ о Славянахъ, начальствовавшихъ въ арміи.

Библиотека "Руниверс"

исторіи Пселла, которое мы и приводимъ для избѣжанія длинныхъ разсужденій: Συμμαχικαὶ δυνάμεις, ὁπόσαι παρὰ τῶν ἐθνῶν (=εθνικὸς) αὐτοῖς παραγένοντο, Ἰταλοι τε καὶ Ταυροσκύθαι; то-есть, союзныя силы, которыя пришли къ Грекамъ отъ языковъ (народовъ), Италіанцы и *Тавроскиѳы*. См. Historia Byzant., p. 222.

Все это заставляетъ насъ предполагать, что тотъ военный корпусъ, съ которымъ императоръ Василій II совершилъ два раза свои походы въ Арменію и Грузію, продолжалъ оставаться въ Малой Азіи и въ 1031 году. Очень вѣроятно, что въ 1025 году въ Италію была отправлена только незначительная часть Русскихъ, — или же, когда планы Василія на Сицилію и Италію были покинуты, и византійское правительство отказалось отъ всякихъ энергическихъ дѣйствій на западѣ, то отправленныя туда силы были вызваны обратно.

Къ концу 1031 года Греки овладѣли Эдессой, городомъ при Евфратѣ, который былъ прославленъ нерукотвореннымъ образомъ Спасителя. Правитель греческой при-Евфратской области, Георгій Маніанъ (его мѣстопребываніе былъ городъ Самосата), призванный однимъ изъ мѣстныхъ эмировъ, вошелъ въ Эдесскую крѣпость съ небольшимъ отрядомъ въ 400 человѣкъ. Въ этомъ числѣ былъ какой-то слуга, приближенный Маніана, по имени *Рузарнъ* (Rouzar'n), отправленный посломъ къ эмиру Харранскому (Harran, Carrae, на югъ отъ Эдессы). Рузарнъ, имя котораго сильно говоритъ за его принадлежность къ Рузамъ, былъ вооруженъ совершенно такъ, какъ были вооружены Русскіе, сражавшіеся при Святославѣ противъ Грековъ, какъ послѣ всегда является вооруженною варяжская дружина: именно, онъ былъ вооруженъ *топоромъ* или сѣкирою (Un serviteur de Maniacès, nommé *Rousar'n*, lequel était venu à lui (то-есть, эмиру Харрана), en qualité de messager — — — d'un *coup de sa hache d'armes* — l'atteignit à l'épaule (Chronique de Matthieu d'Edesse, trad. par *E. Dulaurier*, pag. 49).

Въ 1033 году Романъ Апгиръ еще разъ отправилъ въ Сирію главнаго начальника своихъ иностранныхъ легіоновъ, великаго этэріарха Ѳеоктиста, и опять съ громадною силою (Cedren II, 502). Дѣло шло теперь о завладѣніи Триполисомъ, эмиръ котораго, тѣснимый Египетскимъ султаномъ, передался на сторону Грековъ. Въ то же самое время Сарацинъ Алимъ, въ рукахъ котораго находилась важная, по своему положенію, крѣпость Пергри (теперь Баргири) на

Библиотека "Руниверс"

самой армянской границѣ [1]), добровольно сдалъ ее Хрисилію, Болгарину, занимавшему высокое мѣсто при Константинопольскомъ дворѣ. Алимъ желалъ, чтобы сынъ его, въ награду за расположеніе отца, былъ возведенъ въ санъ патриція. Но въ Константинополѣ приняли юнаго Сарацина довольно холодно; возвратившись съ негодованіемъ на родину, онъ уговорилъ своего отца отнять у Грековъ обратно уступленную имъ крѣпость. Алимъ, при помощи сосѣднихъ сарацинскихъ эмировъ, дѣйствительно привелъ въ исполненіе желаніе и совѣтъ своего сына; при неожиданномъ нападеніи его на крѣпость было убито 600 человѣкъ. Виновенъ былъ въ потерѣ крѣпости и людей прежде всего безпечный Болгаринъ, въ ней начальствовавшій. Вмѣсто него былъ отправленъ патрицій Никита Пигонитъ, которому пришлось брать Перери уже трудною и продолжительною осадою.

Какія же силы привелъ съ собою патрицій Никита и кто были осаждающіе?

У Кедрина (II, 503) прямо сказано, что *то были Русскіе* и прочая греческая сила. Такимъ образомъ, Русскіе стоятъ на первомъ планѣ: Ἀλλὰ μετὰ μικρὸν ὁ πατρίκιος Νικήτας ὁ Πηγονίτης ἄρχειν ἐκεῖσε πεμφθεὶς καὶ ἐπιμόνῳ χρησάμενος πολιορκίᾳ μετὰ Ῥῶς καὶ ἄλλης Ῥωμαϊκῆς δυνάμεως, τότε φρούριον κατὰ κράτος εἷλε πολιορκίᾳ καὶ τὸν Ἀλεὶμ σὺν τῷ υἱῷ ἀπέκτεινε.

Это прямое упоминаніе о Русскихъ подкрѣпляетъ всѣ косвенныя указанія на ихъ присутствіе въ Азіи около 1031—1033 годовъ, приведенныя нами выше. Взятіе крѣпости Пергри Русскими должно относиться къ осени 1033 года. Непосредственно затѣмъ Кедринъ обращается отъ провинціальныхъ азіатскихъ происшествій къ западнымъ — столичнымъ и дворцовымъ; изъ ряда его хронологическихъ отмѣтокъ совершенно ясно, что онъ прервалъ свой разказъ ради важныхъ событій въ Константинополѣ: разумѣются болѣзнь и потомъ смерть Романа III (12-го апрѣля 1034 года). Доведя этотъ главный

---

[1]) Cedren. II, 502: το φρούριον το λεγόμενον Περχρὶν ἔγγιστα Βαβυλῶνος διακείμενον. Подъ Вавилономъ собственно долженъ разумѣться Багдадъ, но не возможно предположить, чтобы Греки зашли такъ далеко: можетъ быть, Кедринъ имѣлъ здѣсь въ виду Мосулъ. Мы думаемъ, что Περχρὶ та же самая крѣпость, о которой говорится чрезъ нѣсколько лѣтъ (1036) у Матвѣя Эдесскаго, и которая у него именуется Пергри, Pergri (стр. 60). По объясненію Дюлорье, это теперешній Баркири (Barkiry) въ пашалыкѣ Ванъ, на сѣверо-востокъ отъ озера Вана (примѣч. къ главѣ 49, стр. 396).

Библиотека "Руниверс"

отдѣлъ до необходимой и естественной грани, до смерти императора, Кедринъ снова обращается къ оставленнымъ на время въ сторонѣ дѣламъ восточнымъ. Такимъ образомъ, первая отмѣтка, относящаяся къ Азіи, будетъ непосредственно примыкать къ исторіи взятія Пергри Русскими.

Какая-жь это будетъ отмѣтка?

„Въ это время случилось и другое событіе, достойное памяти Одинъ изъ Варанговъ, разсѣянныхъ въ темѣ Ѳракисійской для зимовки, встрѣтивъ въ пустынномъ мѣстѣ туземную женщину, сдѣлалъ покушеніе на ея цѣломудріе. Не успѣвъ склонить ея убѣжденіемъ, онъ прибѣгъ къ насилію; но женщина, выхвативъ (изъ ноженъ) мечъ этого человѣка, поразила варвара въ сердце и убила его на мѣстѣ. Когда ея поступокъ сдѣлался извѣстнымъ въ окружности, Варанги, собравшись вмѣстѣ, воздали честь (буквально увѣнчали) этой женщинѣ, отдавъ ей и все имущество насильника, а его бросили безъ погребенія, согласно съ закономъ о самоубійцахъ" (Cedren. II, 508—509); Τῶν εἰς παραχειμασίαν ἐν τῷ θέματι τῶν Θρακησίων διεσπαρμένων Βαράγγων — — — βίαν ἤδη ἐπῆγεν, ἡ δὲ τὸν ἀκινάκην σπασαμένη τάνδρὸς — — ἀναιρεῖ. Τοῦ δὲ ἔργου διαδοθέντος ἐν τῇ περιχώρῳ συναθροισθέντες οἱ Βάραγγοι τὴν — γυναῖκα στεφανοῦσι и т. д.).

Въ этомъ разказѣ мы должны отмѣтить прежде всего ту черту, что Варанги, зимующіе въ округѣ Ѳракисійскомъ, являются здѣсь, очевидно, обыкновенными военными людьми, а не царскою дружиною, не императорскими тѣлохранителями (лейбъ-гвардіей). Согласно съ этимъ, по крайней мѣрѣ, тотъ Варягъ, который былъ первымъ виновникомъ появленія имени на страницахъ исторіи, не имѣетъ, *повидимому*, характеристическаго вооруженія придворныхъ императорскихъ Варяговъ—топора или сѣкиры, хотя, конечно, мечъ (ἀκινάκη) нисколько не мѣшалъ носить и сѣкиру [1]). Если бы то были императорскіе тѣлохранители, то они были бы въ Цареградѣ, а не въ Малой Азіи, и не были бы разсѣяны на зимовьяхъ. Но если здѣсь Варанги еще не суть дружина тѣлохранителей, то и вообще Варанги не были исключительно такою дружиною. Привычное представленіе Варанговъ исключительно въ видѣ императорской лейбъ-

[1]) Но Муральтъ ошибается, переводя ἀκίνακην военнымъ топоромъ; этого не значитъ самое слово, да и подробности разказа не позволяютъ предполагать, что рѣчь идетъ о топорѣ.

Библиотека "Руниверс"

гвардіи совершенно ложно. Это есть одно изъ многихъ недоразумѣній, скопившихся около варяжскаго вопроса. На самомъ дѣлѣ Варанги прежде всего суть наемники или союзники, или другими словами: союзный наемный корпусъ, συμμαχικόν или ξενικόν, и потомъ уже избранный (изъ среды такого корпуса) отрядъ тѣлохранителей, приближенная дружина императорская. Это съ совершенною ясностію обнаруживается, напримѣръ, въ разказѣ Іоанна Ѳракисійскаго о возмущеніи Варанговъ въ царствованіе Никифора Вотаніата (Scylitz., p. 737). Здѣсь являются: a) дворцовые Варанги и b) соплеменные имъ „внѣшніе Варанги". У Пселла (Historia Byzant. ed. *Sathas*, p. 153) перваго рода Варанги обозначаются слѣдующаго рода перифразомъ: „та часть наемническая, которая обыкновенно принимаетъ участіе въ царскихъ выходахъ"; она противополагается союзному корпусу, именно какъ часть цѣлому (Οὔτε συμμαχικὸν αὐτοῦ που συνέιλκετο, εἰ μή τις μερὶς ξενική, ὁπόση τις εἴωθεν ἐφέπεσθαι ταῖς βασιλικαῖς πομπαῖς). Да иначе нельзя и представлять себѣ эти отношенія, когда мы знаемъ, что Варанги считались не сотнями, а тысячами. Итакъ, нужно думать, что подъ Варангами 1034 года разумѣется просто союзный наемный корпусъ, который не задолго предъ тѣмъ дѣйствовалъ въ Азіи. А мы имѣемъ всѣ основанія предполагать, что этотъ корпусъ состоялъ главнымъ образомъ изъ Русскихъ.

Находить въ вышеприведенномъ разказѣ какіе-либо внутренніе признаки, характеризующіе ту или другую народность, мы считаемъ не только совершенно излишнимъ, но и весьма рискованнымъ дѣломъ. Лучшій изъ современныхъ византинистовъ (недавнюю смерть котораго нужно считать величайшею потерею для современной византійской науки), Гопфъ, сдѣлалъ несомнѣнную ошибку, вздумавъ отыскивать въ поведеніи Варанговъ указаніе на высокую нравственность Германскаго племени: „Что ядро варяжской лейбъ-гвардіи было германское", говоритъ онъ, — „это не подлежитъ сомнѣнію; даже нравы Варяговъ указываютъ на это". За германскимъ уваженіемъ къ женской чести является на сцену и Deutsche Treue: „Германцы своею вѣрностію (ob ihrer Treue) были тогда столько же знамениты, какъ послѣ Швейцарцы; они были лучшею, даже единственною опорою колеблющейся имперіи Ромейской (Geschichte der Griechenland im Mittelalter въ Энциклопедіи *Эрша* и *Грубера*, т. 85, стр. 149). Маленькое, но совершенно излишнее патріотическое увлеченіе. Что касается до гуманной вѣрности, то византійская исторія никакъ не можетъ служить ея доказательствомъ. Напротивъ того, по мнѣнію Византійцевъ

Библиотека "Руниверс"

XI вѣка, предателей всего скорѣе можно было найдти именно среди Нѣмцевъ, которые также были на службѣ византійской, но отличались отъ Варяговъ, между прочимъ, своею продажностію (См. Anna Comn. I, 120 и здѣсь, и ниже). Факты подтверждали это воззрѣніе.

Разказъ о такомъ частномъ и въ сущности маловажномъ событіи, какъ убійство одного Варяга женщиною, могъ попасть въ общую исторію Кедрина только изъ какихъ-либо мѣстныхъ источниковъ. Дѣйствительно, около этого времени мы находимъ въ сочиненіи этого Византійца XII вѣка цѣлый рядъ замѣтокъ, относящихся къ Ѳракисійской темѣ и особенную подробность относительно дѣлъ восточныхъ. Въ 1029 году во Ѳракисійской темѣ былъ слышанъ въ горахъ около одного источника какой-то жалобный плачущій голосъ (II, 489). Въ томъ же самомъ 1034 году отмѣчено появленіе саранчи во Ѳракисійскомъ округѣ; подъ 1035 говорится о нападеніи на него Сарацинъ съ моря и о новомъ появленіи саранчи и т. д. Прежде всего, естественно припомнить отношеніе исторіи Кедрина къ произведенію Іоанна Ѳракисійскаго или Скилицы. Всѣ эти частныя, мѣстныя замѣтки принадлежатъ собственно этому послѣднему; они случились на его родинѣ. Но едва-ли на этомъ мы можемъ остановиться. Іоаннъ Скилица Ѳракисійскій жилъ въ самомъ концѣ XI столѣтія; слѣдовательно, замѣтки о двадцатыхъ-тридцатыхъ годахъ столѣтія, носящія вполнѣ характеръ современности съ самыми событіями, не могли принадлежать ему, какъ первому автору. Въ византійской исторіографіи вообще, и въ частности въ исторіографіи XI вѣка, многое остается темнымъ и загадочнымъ. Изданіе исторіи Михаила Пселла, правда, разъяснило коё-что и въ этомъ отношеніи. Еще болѣе будетъ пролито свѣта полнымъ изданіемъ подлинной исторіи Іоанна Ѳракисійскаго, что̀ ужь обѣщано тѣмъ же неутомимымъ работникомъ по исторіи средневѣковой Греціи, которому мы обязаны исторіей Михаила Пселла. Но кромѣ этихъ двухъ писателей и третьяго—Атталіоты, въ XI вѣкѣ былъ еще одинъ историкъ, Іоаннъ, митрополитъ Евхаитскій. Его епархія лежала въ предѣлахъ Византійскаго армянскаго округа (прежняго Гелепонта), не на столько далеко отъ Фригіи, чтобы не могли доходить до него мѣстныя событія послѣдней; самъ онъ былъ старшимъ современникомъ и учителемъ Пселла, современникомъ Константина Мономаха и нашествія Руси на Царьградъ (1043 г.). Къ несчастію, о его хроникѣ мы знаемъ только одно то, что она существовала; знаемъ это изъ одного небольшаго стихотворенія, сочиненнаго митрополитомъ Евхаит-

Библиотека "Руниверс"

скимъ на свое историческое произведеніе. Какъ бы то ни было, почти несомнѣннымъ остается тотъ фактъ, что имя Варанговъ впервые внесено было въ греческую письменность какимъ-либо мѣстнымъ мало-азіатскимъ писателемъ-лѣтописцемъ. Важно это въ томъ отношеніи, что, быть можетъ, здѣсь находится путь къ объясненію самаго происхожденія византійскаго названія Варанговъ. Уже давно, хотя на довольно шаткихъ основаніяхъ было высказано предположеніе, что происхожденіе этого слова народное, то-есть, простонародное. Нужно, слѣдовательно, знать особенности мало-азіатскихъ нарѣчій средневѣковой Греціи, чтобы безошибочно рѣшать вопросъ. Мы лично не обладаемъ нужными для того свѣдѣніями; да и самыя, теперь довольно многочисленныя, изданія народныхъ греческихъ пѣсенъ Трапезундской, Понтійской и прочихъ областей совсѣмъ почти не доходятъ до Петербурга. Только по цитатамъ у Саѳы, помѣщеннымъ въ предисловіи къ II-му тому Средневѣковой Библіотеки, узнаемъ мы, что въ народныхъ пѣсняхъ при-понтійскихъ Грековъ, носящихъ на себѣ слѣды глубокой древности и даже именно XI столѣтія (упоминаніе объ Узахъ), воспѣваются наряду съ греческими палликарами также и *Фаранги*, которыхъ Сафà прямо принимаетъ за Варанговъ. Сценою геройскихъ подвиговъ служатъ ущелья и клисуры Тавра (Девы, Δέβα), то-есть, сосѣдній съ Ѳракисіей Кивиррхотскій округъ— тотъ самый округъ, куда, между прочимъ, стремился Хрисохиръ со своими удальцами, и далѣе пограничныя области Писидіи, Ликаоніи и Киликіи, за которыми начиналась сарацинская граница XI вѣка, спорный рубежъ между двумя мірами, по направленію къ Евфрату, Эдессѣ и Самосатѣ. Мы не споримъ противъ того, что Форанги могутъ быть прямо считаемы за Варанговъ; точно также не отвергаемъ тожества съ Варангами и тѣхъ *Маранювъ*, имя которыхъ подслушалъ еще Пуквилль (Pouqueville) въ собственной Греціи; этимъ именемъ, говорятъ, и теперь дѣти преслѣдуютъ и дразнятъ иностранцевъ:

Φράγγο, Μαράγγο
Πίτσι χαχαράγγο!

Мы думаемъ однако, что напрасно было бы находить здѣсь подтвержденіе западнаго происхожденія Варанговъ. Трудно согласиться даже съ тѣмъ, чтобы φάραγγοι были народною передѣлкой слова φράγγοι. Тогда нужно будетъ принять, что имя Варанговъ образовалось въ Греціи совершенно независимо отъ русскаго „Варяги“ и перешло не

Библиотека "Руниверс"

изъ Руси въ Византію, а на оборотъ, и что наша первоначальная лѣтопись современную ей терминологію XI и XII вѣковъ перенесла неправильнымъ образомъ въ предыдущія столѣтія. Легко высказать такое предположеніе, но чтобы доказать его строго научнымъ образомъ, нужны именно строго научныя доказательства и точныя изслѣдованія. Согласимся, впрочемъ, на время съ тѣмъ, что Франки и Варанги этимологически одно и то же. Такъ думалъ даже Гопфъ, а у насъ независимо отъ него Д. И. Иловайскій. Останется еще вопросъ, кого въ Малой Азіи, гдѣ впервые появилось имя Варанговъ или Фаранговъ, называли Франками, кого могли называть и кого не могли называть. Народъ могъ такъ называть и Русскихъ, могъ называть такъ всѣхъ иностранцевъ. Пѣсни, о которыхъ мы говорили, называютъ же не только Фаранговъ, но и Узовъ Эллинами — въ какомъ смыслѣ? теперь для насъ все одно. Пока гораздо проще предполагать, что сами Русскіе, служившіе въ Византіи, называли себя Варягами, принеся съ собою этотъ терминъ изъ Кіева, и что такъ стали называть ихъ тѣ Греки, которые прежде всего и особенно близко съ ними познакомились. Маранги представляютъ только другой выговоръ слова Варанги; а Фаранги могло быть или точно также діалектическимъ отличіемъ, или народнымъ искаженіемъ подъ вліяніемъ созвучнаго Φράγγοι.

Для нашей темы останется, во всякомъ случаѣ, тотъ не лишенный значенія выводъ, что названіе Варанговъ появилось тамъ, гдѣ русскій союзный корпусъ прославилъ себя въ походахъ Василія II Болгаробойцы, гдѣ онъ провелъ не одну зиму на постоѣ, гдѣ онъ, по видимому, стоялъ обыкновенно и постоянно, гдѣ онъ ясно и прямо указанъ именно около зимы 1034 года. Очень можетъ быть, что въ томъ первоначальномъ источникѣ, изъ котораго разказъ о женщинѣ, убившей Варяга, попалъ въ компиляцію Кедрина, зимовка Варанговъ въ Ѳракисійскомъ округѣ и эпизодъ, ознаменовавшій оную, стояла непосредственно за извѣстіемъ о взятіи Русскими крѣпости Баркири или Пергри на армянской границѣ. Могло быть нѣчто въ такомъ родѣ: „Греческими и русскими силами Никита Пигонитъ взялъ крѣпость. Когда же Варяги стали на зимнихъ квартирахъ, случилось слѣдующее достопамятное событіе“.

Болѣе рѣшительныя доказательства тожества Варяговъ и русскихъ союзниковъ или наемниковъ въ Византіи слѣдуютъ далѣе. Но прежде мы должны обратиться снова къ южной Италіи, гдѣ встрѣ-

Библиотека "Руниверс"

титъ насъ Гаральдъ и Норманны-Скандинавы, то-есть, по общепринятому мнѣнію, истые, несомнѣнные Варяги. Пока мы можемъ сказать о нихъ только то: пусть они будутъ истинные и настоящіе Варяги, но это нисколько не мѣшало быть подлинными Варягами и другимъ.

В. Васильевскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*).

Библиотека "Руниверс"

ЮРИДИЧЕСКІЕ ЗНАКИ [1].

III.

Юридическими знаками другихъ народовъ можно пользоваться для объясненія аналогическихъ явленій нашего быта.—Пятна и знамена, какъ корень печатей, гербовъ, межевыхъ знаковъ, заемныхъ, купчихъ и счетныхъ бирокъ, торговыхъ клеймъ, тавръ, денежныхъ и письменныхъ знаковъ.

Доказавъ, на основаніи древнихъ русскихъ законодательныхъ памятниковъ и юридическихъ актовъ, самобытное происхожденіе нашихъ знаковъ собственности, мы должны убѣдиться и въ томъ, что знаки собственности для однѣхъ и тѣхъ же цѣлей употреблялись различными народами, часто ничего не имѣвшими между собою общаго, кромѣ одинаково низкаго состоянія культуры. Приведя нѣсколько примѣровъ одинаковаго употребленія этихъ знаковъ у племенъ различныхъ странъ, мы будемъ уже имѣть прямое основаніе, при дальнѣйшемъ изложеніи, прибѣгать для своихъ заключеній къ помощи аналогіи. Мы видѣли, что въ Архангельской губерніи крестьяне употребляютъ знаки собственности вмѣсто подписей. То же обыкновеніе существуетъ у Лопарей, Корелъ, Самоѣдовъ, Зырянъ и у всѣхъ другихъ финско-татарскихъ племенъ. Объ этихъ знакахъ упоминается и въ Уложеніи Алексѣя Михайловича: „а у князей и у мурзъ и у Татаръ, которые татарской грамотѣ умѣютъ, обыски имати за руками же; а которые грамотѣ не умѣютъ и у тѣхъ и у ясачныхъ людей имати обыски за ихъ знамяны“ (гл. X, ст. 161).

Въ Архангельской губерніи знаками собственности отмѣчается различная посуда; у стакановъ клейма кладутъ на ихъ днѣ. То же самое можно встрѣтить на Кавказѣ. Такъ племя Джигетовъ кладетъ

---

[1]) *Продолженіе.* См. *Журн. Мин. Народ. Просв.*, октябрь 1874 года.

Библиотека "Руниверс"

свой родовой знакъ на кувшины [1]). Даже на днахъ древнихъ жертвенныхъ кувшиновъ и горшковъ, находимыхъ въ могилахъ, приписываемыхъ Славянамъ, встрѣчаются такіе же знаки [2]).

Карпатскіе Гуцулы означаютъ свое оружіе, топорики, особыми значками. У Черногорцевъ также имѣются знаки на оружіи [3]).

Въ Малороссіи, въ Сосницкомъ уѣздѣ Черниговской губерніи, бортные знаки на деревьяхъ и теперь существуютъ [4]).

Пермяки, живущіе въ Пермской губерніи, тоже накладываютъ знаки на борти и на ульи [5]). Въ старину же накладывали, вѣроятно, и теперь накладываютъ, знаки на борти Татары, Мордва и Черемисы [6]). Въ одномъ интересномъ актѣ 1686 года о продажѣ четырьмя темниковскими Татарами мурзѣ Асаю служилой своей отцовской и дѣдовской вотчины сказано, что продали они эту вотчину „лѣсы и съ поляны, съ озеры и съ истоки, и съ падущими рѣчками и со всякимъ вотчиннымъ угодьемъ, и со всякою птицею, и со всякимъ звѣремъ, и *знамя шесть рубежей* (№ 314), и до коихъ мѣстъ мы продавцы въ той своей вотчинѣ ходили и отъ коихъ мѣстъ воротились, а ему купцу до тѣхъ же мѣстъ ходить и отъ тѣхъ же мѣстъ воротититца, пчелы драть и звѣрь всякой бить, и вновь деревьи дѣлать и затворять и своими знаменами мѣтить“ [7]).

У тѣхъ славянскихъ народовъ, которые утратили знаки собственности, напримѣръ у Сербовъ, бортные знаки замѣняются начертаніями крестовъ, точно такъ, какъ и у насъ крестьяне нѣкоторыхъ губерній прикладываютъ на роспискахъ, вмѣсто заручныхъ знаковъ или подписей, три крестика [8]). Въ Сербіи, если кто найдетъ въ лѣсу пчелъ, то вырѣжетъ топоромъ крестъ на корнѣ дерева, въ которомъ находятся пчелы, и другое лицо не смѣетъ присвоить себѣ этого дерева, такъ какъ оно уже имѣетъ владѣльца. Чтобы выразить это первоначальное завладѣніе, употребляется глаголъ *закрстити* [9]).

---

[1]) Сообщилъ Б. С. Познанскій. Самый знакъ Джигетовъ см. подъ № 31.

[2]) Древности, изд. Моск. Археол. Общ. 1867 г, т. I, вып. 2, стр. 242.

[3]) Сообщилъ Н. Н. Бѣлозерскій.

[4]) Тоже.

[5]) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1869 г., кн. XII, стр. 338.

[6]) Акты, относящ. до юрид. быта древн. Россіи, т. II, стр. 433; т. I, стр. 622—625. Акты Юридич. № 202, стр. 213. Тутъ же находятся изображенія знаменъ Мордвы и Черемисъ.

[7]) Акты, относящ. до юрид. быта древн. Россіи, т. II, стр. 433, 149.

[8]) Pravni običaji u Slovena. Napisao V. Bogišić. U Zagrebu, 1867, стр. 168.

Библиотека "Руниверс"

Въ Псковской губерніи, въ мѣстностяхъ населенныхъ полувѣрцами, то-есть, Чухонцами, около дорогъ часто попадаются чисто вырѣзанные на земли, вершка въ полтора глубиною, знаки. Эти знаки или гербы полувѣрцы кладутъ на своихъ участкахъ, чтобы знать, кому именно чинить дорогу [1]). Знаки на нивахъ выдѣлываются сохой не только у крестьянъ Воронежской губерніи, но и у Зырянъ Вологодской [2]) и у Татаръ Уфимской губерніи [3]).

На межевыхъ предметахъ клались особые знаки, какъ у насъ, такъ и у другихъ Славянъ и у западныхъ народовъ. У древнихъ Чеховъ такіе знаки вырѣзывались или вырубались на деревьяхъ и скалахъ и состояли изъ стрѣлъ, крестовъ, кружковъ и т. п.; ихъ называли liha. Иречекъ говоритъ, что слово liha сходно и по звуку, и по значенію съ германскимъ laha, то-есть, arborum incisio (нынѣ lache—зарубка на деревѣ), откуда gelahiet—округъ, уѣздъ, ограниченный межами [4]). Германцы именно на межахъ своихъ, преимущественно на деревьяхъ, вырубали особые знаки [5]). Въ Англіи также на межевыхъ деревьяхъ дѣлались заруби [6]). Нѣкоторыя изъ сербскихъ племенъ на пограничныхъ камняхъ и скалахъ вырубаютъ крестъ (что̀ бываетъ наичаще) или какой-либо другой знакъ [7]). Въ Вартенскомъ статутѣ упоминаются „*знамените знаки*", которые состояли изъ крестообразныхъ нарѣзовъ на деревьяхъ [8]).

Мѣтки на ушахъ животныхъ вырѣзываются не только у насъ, но и у Сербовъ, Киргизъ и у другихъ народовъ. Каждый родъ Киргизъ имѣетъ свои примѣты, *іенъ*, которыя состоятъ собственно въ различныхъ вырѣзкахъ на ушахъ домашнихъ животныхъ, лошадей и овецъ. Такъ напримѣръ, у Султанскаго рода примѣта на лошадяхъ, *уюкъ-телекъ*, то-есть, обрѣзанная, распоротая, именно на лѣвомъ ухѣ сдѣланная вырѣзка задней части его, а на правомъ распорка; у овецъ же правое ухо разрѣзано такимъ же образомъ, а вырѣзка

---

[1]) Путев. письма изъ Новгородской и Псковской губ. П. Якушкина. С.-Пб. 1860 г., стр. 175.

[2]) Записано мною въ городѣ Вологдѣ.

[3]) Сообщилъ П. Ф. Студенцовъ.

[4]) Slovanske pravo v. Čechach a na Moravě. H. Jireček. Praha, 1863—1864 гг. Т. I, стр. 76; т. II, стр. 11, стр. 230—275.

[5]) Deutsche Rechtsalterthümer, von Grimm. Göt., 1854 г., стр. 497.

[6]) Англо-саксонск. община, Н. Сокальскаго. Харьк., 1872 г., стр. 141.

[7]) Pravni običaji u Slovena V. Bogišić, стр. 176.

[8]) Historya pravodavstv slovianskich, przez Maciejowskiego. W. 1865 г., т. V, стр. 304.

Библиотека "Руниверс"

сдѣлана на передней части лѣваго уха. У лошадей Адаевскаго рода только лѣвое ухо распорото (телекъ) и т. п. [1]). Въ Сербіи назначенъ даже особый день для торжественнаго обрѣзыванія ушей у ягнятъ. Тамъ значатъ ягнятъ въ Спасовъ день. Соберутся хозяева, и пастухъ овецъ, перекрестившись три раза, говоритъ: „Господи Іисусе Христе, милостивъ буди ко мнѣ и моему стаду и буди намъ въ помощь днемъ и ночью". Послѣ этого отрѣзываетъ у всякаго ягненка кусокъ уха, чтобы различать ихъ отъ чужихъ ягнятъ, и кладетъ отрѣзанные куски въ мѣдную посудину съ водою. Сосчитавъ куски, пастухъ узнаетъ настоящее число своихъ ягнятъ. Послѣ этого онъ относитъ отрѣзки ушей къ муравейнику и, бросая ихъ на муравейникъ, приговариваетъ: сколько муравейникъ имѣетъ муравьевъ, столько бы у меня было овецъ [2]). По древнему чешскому праву, въ случаѣ, если хозяинъ пропавшей лошади или другаго домашняго животнаго признавалъ его у сторонняго лица и обращался въ судъ съ жалобой, то судъ назначалъ члена для осмотра животнаго; тотъ, осмотря животное, долженъ былъ отрѣзать кусокъ уха и спрятать; затѣмъ животное доставлялось въ судъ [3]). Ухо, конечно, отрѣзывалось какъ доказательство принадлежности животнаго истцу, ибо на немъ вырѣзывалась мѣта.

Приведенныхъ примѣровъ одинаковаго употребленія клеймъ у различныхъ народовъ будетъ достаточно для того, чтобы имѣть право, для указанія дальнѣйшей судьбы собственно русско-славянскихъ знаковъ, ссылаться не только на отечественныя историческія свидѣтельства, но и пользоваться тамъ, гдѣ нѣтъ положительныхъ данныхъ, аналогическими явленіями у другихъ народовъ.

Мы уже сказали, что клейма служатъ иногда у насъ и служили прежде вмѣсто рукоприкладства къ бумагамъ. Но еще раньше вырѣзывали ихъ вмѣсто подписей на деревянныхъ дощечкахъ, служившихъ бирками и т. п. Здѣсь зародышъ печатей. Въ этомъ своемъ первобытномъ видѣ печати можно встрѣтить даже у такого неразвитаго племени, какъ самоѣдское. До сихъ поръ каждый Самоѣдъ

---

[1]) Мой рукописный сборникъ юридическихъ обычаевъ Киргизъ Малой Орды составленъ въ гор. Холмогорахъ со словъ бывшаго султана-правителя Магометъ-Галли.

[2]) Гласникъ српског ученог друштва кн. XXX, 1871 г. Обичаји српског народа у Босни. Петрановичъ, стр. 356.

[3]) *Жур. Мин. Нар. Просв.* 1841 г. іюнь. Древн. прав. чеховъ, *Иванишева*, стр. 147.

Библиотека "Руниверс"

имѣетъ при себѣ вырѣзанное на кускѣ дерева клеймо, по которому можно узнать, напримѣръ, личность погибшаго въ тундрѣ неизвѣстнаго человѣка изъ этого племени [1]). Въ Средней Азіи всѣ мужчины носятъ въ футлярѣ, прикрѣпленномъ ремнемъ къ поясу, въ числѣ другихъ необходимыхъ вещей, и тамги (родовой знакъ и печать), потому что тамъ вмѣсто подписей прикладываются печати, на которыхъ вырѣзываются имена владѣльцевъ ихъ [2]).

Отдѣльно вырѣзанное клеймо, какъ мы сказали, служило и у насъ печатью или гербомъ извѣстнаго лица; это доказываетъ слово „пятно", которое въ старину употреблялось такъ же, какъ названіе печати. Что печати извѣстны были Русскимъ съ раннихъ поръ, объ этомъ свидѣтельствуютъ слова договора Игоря съ Греками: „Посли ношаху печати златы, а гостье серебряны,"—а это было еще до 944 г. Древнія печати, какъ извѣстно, состояли изъ двухъ серебряныхъ, мѣдныхъ или, наконецъ, свинцовыхъ пластинокъ, сплоченныхъ вмѣстѣ и скрѣплявшихъ снурокъ, которымъ печати привѣшивались къ грамотамъ. Свинцовыя печати были очень похожи на пломбы, какія привѣшиваются къ товарамъ [3]). Всѣ подобнаго рода печати, свѣдѣнія о которыхъ дошли до нашего времени, употреблялись не простымъ народомъ, для котораго онѣ, вѣроятно, были недоступны по своей цѣнности, а только важными частными лицами и въ особенности лицами, облеченными властью, лицами, которыя легко оставляютъ одни обыкновенія, чтобъ принять другія. Поэтому неудивительно, что печати знатныхъ лицъ утратили свой первоначальный характеръ, а именно, на нихъ стали изображаться не знаки собственности, а чисто условные знаки [4]). Такъ на всѣхъ почти новгородскихъ печатяхъ XIV и XV стол., которыя описаны въ Актахъ юридическихъ, изд. археографической коммисіи, находятся разнообразныя изображенія крестовъ, и только на двухъ изъ нихъ изображены птицы. Зато на нихъ существуютъ надписи, указывающія на личность владѣльцевъ. Здѣсь мы опять видимъ повтореніе явленія, ука-

---

[1]) Арханг. губ. вѣд. 1870 г., № 22. Опис. Архангельска *фонъ-Поммана*.

[2]) Средняя Азія, *Костенко*. Спб. 1871 г., стр. 59.

[3]) Промышлен. древн. Руси, Аристова. Спб. 1866 стр. 119—125, 159, 213, 236.

[4]) Въ старину печатями служили также перстни съ большимъ глазкомъ, на которомъ дѣлались различныя вырѣзки. Такіе перстни назывались жиковинами, а въ Архангельской губерніи, гдѣ ихъ носили старики до недавняго времени, жуковинами.

Библиотека "Руниверс"

заннаго выше, а именно, замѣну знаковъ собственности изображеніемъ креста [1]). Разумѣется, это нужно приписать вліянію христіанства.

Монгольское иго также оказало свое вліяніе на наши гербы, какъ видно уже изъ передачи Монголами Русскимъ словъ *тамга* и *ясакъ*, которыя означаютъ и знакъ собственности, и печать, и гербъ [2]). Но никакъ нельзя предположить, что гербы появились у насъ подъ вліяніемъ Монголовъ; монгольское иго скорѣе способствовало утратѣ первоначальнаго значенія гербовъ, какъ постоянныхъ знаковъ, и замѣнѣ ихъ чисто условными знаками. Хотя въ монгольскій періодъ нашей исторіи такъ-называемые ясаки и тамги имѣли значительное распространеніе между высшими сословіями и даже употреблялись для отличія одного города отъ другаго, одного полка отъ другаго, но они были уже большею частью непостоянны и произвольны: каждый мѣнялъ ихъ, какъ и когда хотѣлъ; постоянны были только гербы нѣкоторыхъ городовъ: Москвы, Новгорода, Пскова и др. Удѣльные князья, не исключая даже и великихъ, имѣли свои собственные ясаки, мѣнявшіеся по ихъ произволу [3]).

Какъ бы то ни было, гербы нашего высшаго сословія рано утратили свой устойчивый характеръ. Въ этомъ отношеніи они очень отличаются отъ дворянскихъ гербовъ Польши. Родовые гербы польскихъ дворянъ, какъ извѣстно, постоянны и неизмѣнны; ихъ существуетъ опредѣленное количество и къ нимъ приписано все родовитое дворянство. Тамъ иногда одинъ гербъ приходится на сотню фамилій, совершенно несходныхъ, разноименныхъ, но происшедшихъ отъ одного корня, или впослѣдствіи причисленныхъ къ нему; тамъ всѣ благородныя фамиліи, которыя вели одинъ и тотъ же гербъ, юридически относились къ одному роду, не смотря даже на недоказанность ихъ родства [4]).

Безъ сомнѣнія, весьма естественно искать корня польскихъ гербовъ въ болѣе древнихъ знакахъ Польскаго или Литовскаго народа, хотя это и покажется весьма непріятнымъ для многихъ владѣльцевъ подобныхъ гербовъ. Покойный польскій археологъ графъ К. П. Тышкевичъ, въ статьѣ своей „Свинцовые оттиски, найденные въ р. Бугѣ,

---

[1]) Акты юрид., стр. 110—115 и др.

[2]) Промыш. др. Руси, стр. 226; Ист. Карамз. IV, 334.

[3]) Энцикл. словарь К. Крайя, т. 10, стр. 73.

[4]) О наслѣд. въ древн. рус. правѣ, *Никольскаго*. М. 1859. Прилож. 2-е о родовомъ союзѣ у Поляковъ, стр. 29 30.

Библиотека "Руниверс"

у Дрогичина, въ странѣ прежнихъ Ятвяговъ" [1]), между прочимъ, высказался: „Допустивъ въ этихъ отчеканенныхъ на свинцѣ знакахъ начало родовыхъ гербовъ, — признаковъ вполнѣ созрѣвшаго, образованнаго и сильнаго общества, которое, не довольствуясь въ своемъ существованіи, обезпечиваетъ еще, нѣкоимъ образомъ, своему имени будущность,—пришлось бы упрекнуть въ неправдѣ исторію, представляющую намъ Ятвяговъ на столь низкой степени образованности. Еслибы мы признали за Ятвягами начало гербовъ и были бы въ состояніи доказать это, то какой же переворотъ испытала бы въ своихъ началахъ литовская и польская геральдика, ибо на этомъ десяткѣ съ лишнимъ ятвяжскихъ печатей я вижу настоящій Наленчъ, вижу гербъ Огинскій и что-то весьма похожее на Пилаву". Тому, кто приступаетъ къ изученію славянскихъ знаковъ, придерживаясь историко-сравнительнаго метода, кажется до крайности страннымъ, что человѣкъ, посвятившій всю жизнь археологическимъ и историческимъ изысканіямъ, не хотѣлъ признать зачатковъ гербовъ въ простыхъ знакахъ собственности, предполагая, что черезъ это онъ черезъ-чуръ возвыситъ степень культурнаго развитія дикаго Литовскаго племени и уронитъ достоинство гербовъ благородныхъ фамилій.

Признавая древнѣйшее происхожденіе знаковъ собственности, мы должны показать, какую роль играли они въ старину при разнаго рода сдѣлкахъ: займѣ, куплѣ и пр. Для разрѣшенія этого вопроса у насъ мало фактовъ, касающихся собственно Русскаго народа, а потому намъ очень часто прійдется прибѣгать къ помощи аналогіи. Пользоваться ею мы будемъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣтимъ хотя малѣйшаго намека на существованіе у насъ иныхъ фактовъ или, по по крайней мѣрѣ, на существованіе такихъ условій, которыя могли бы породить у насъ иныя обыкновенія.

Многіе народы, находящіеся въ патріархальномъ состояніи кочевой, промысловой или земледѣльческой жизни, при всей своей грубости, отличаются замѣчательною честностью по отношенію къ своему слову и по отношенію къ чужому имуществу: они вѣрны въ словѣ, честны во всѣхъ сдѣлкахъ, не позволяютъ себѣ пользоваться чужимъ имуществомъ, въ особенности добычею, даже оставленною въ пустынномъ мѣстѣ. Такіе нравы сохранились до сихъ поръ въ значительной чистотѣ у обитателей крайняго сѣвера: Самоѣдовъ, Лопарей и отчасти даже у русскихъ крестьянъ, занимающихся звѣриными

[1]) Древности, изд. Моск. Археол. Общ. 1867 г., т. I, вып. 2, стр. 119.

Библиотека "Руниверс"

и птичьими промыслами. Даже въ самомъ южномъ уѣздѣ Архангельской губерніи, Шенкурскомъ, гдѣ нравы болѣе испорчены, нежели въ сѣверныхъ уѣздахъ, даже и тамъ то, что добыто посредствомъ промысловаго труда, считается неприкосновеннымъ, тогда какъ похищеніе другихъ вещей не составляетъ рѣдкаго явленія. Тамъ, по словамъ одного мѣстнаго этнографа, „никто изъ крестьянъ не рѣшится вынуть изъ чужаго силка птицу. Крестьянинъ всегда готовъ выкрасть у сосѣда изъ ямы рѣпу и тѣмъ лишить его зимняго, дароваго харча, или лѣтомъ вытащить изъ пряселъ ноши двѣ гороху; но крестьянинъ этотъ не посмѣетъ вынуть изъ чужаго силка птицы. Послѣдній поступокъ онъ считаетъ грѣшнымъ въ высшей степени. Конечно, въ семьѣ не безъ урода: были примѣры, что огромный тетеревъ или вкусный рябчикъ соблазняли вѣрность и правду мужика; но эти примѣры такъ рѣдки и мужики-воры такъ бываютъ наказаны за свои поступки всеобщимъ посмѣяніемъ, что, вѣроятно, болѣе не захотятъ нарушать издревле принятаго правила: „не моги ворошить въ чужихъ сильяхъ птицъ“ [1]). Разумѣется, въ сѣверныхъ уѣздахъ, въ которыхъ населеніе живетъ исключительно промысловою дѣятельностію и гдѣ живѣе сохранились первоначальныя обыкновенія звѣролововъ, указанный обычай имѣетъ болѣе широкое распространеніе. Сознавая всю тяжесть труда, Поморъ свято уважаетъ право собственности; онъ знаетъ по себѣ, съ какими усиліями достается каждый предметъ промысловъ, и потому никогда не посягнетъ на чужое. Это прекрасное, благородное чувство есть общее достояніе здѣшнихъ промышленниковъ. Чужая вещь, съ какимъ-нибудь знакомъ (биркою, палкою, весломъ и пр.), подлѣ нея находящимся, есть святыня для Помора; онъ не только не возьметъ ее, но и не прикоснется къ ней [2]).

У полукочевыхъ инородцевъ сѣвера, Лопарей, выработались, вслѣдствіе ихъ подвижной жизни среди пустынныхъ тундръ, такія честныя отношенія къ чужой собственности, какія трудно встрѣтить у народовъ осѣдлыхъ, стоящихъ далеко выше по своему развитію. Къ чести Лопарей, говоритъ одинъ изслѣдователь ихъ быта, можно сказать, что воровства у нихъ нѣтъ совсѣмъ: никто не имѣетъ амбаровъ и даже сундуковъ, куда бы можно положить свой багажъ. Лопарь, ничего не опасаясь, кладетъ оленьи кожи въ лѣсу, домашнія вещи

---

[1]) *Отеч. Зап.* 1848 г., т. LVIII, отд. VIII. „Врачев. забавы и повѣрія крестьянъ Шенк. и Арх. уѣздовъ, Харитонова, стр. 20.

[2]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1862 г., № 38.

Библиотека "Руниверс"

оставляетъ подлѣ жилья и, возвращаясь почти чрезъ полгода, находитъ въ цѣлости все, что̀ было у него. Если другому Лопарю понадобится изъ оставленнаго имущества какая-либо вещь, то онъ спокойно беретъ ее безъ хозяина, оставивъ только свое клеймо [1]). У Лопарей также есть обыкновеніе ставить клеймо надъ оленемъ, убитымъ на охотѣ и оставленномъ на сохраненіе въ тундрѣ до возвращенія за нимъ [2]). Самоѣды также спокойно оставляютъ убитое животное, охраняя его только приложеннымъ клеймомъ, вырѣзаннымъ на дощечкѣ [3]). У Самоѣдовъ, у которыхъ домашнее хозяйство состоитъ главнымъ образомъ изъ оленьей одежды и покрышекъ для чумовъ, есть обычай оставлять значительную часть своего хозяйства, какъ не нужную въ лѣтнее время, въ мѣстахъ лѣтнихъ кочевьевъ. Для этого они складываютъ свои вещи въ сани, а сани оставляютъ въ извѣстныхъ мѣстахъ рощъ и притомъ безъ всякой стражи. Хозяинъ нисколько не заботится объ оставленномъ; только мирный деревянный божокъ, поставленный въ сани (да, вѣроятно, бирка, прибавнмъ отъ себя) защищаютъ ихъ неприкосновенность отъ каждаго Самоѣда. „Этотъ обычай, говоритъ Шренкъ, можетъ служить доказательствомъ удивительной честности сѣвернаго номада, такъ какъ нѣсколько времени тому назадъ нельзя было услышать, чтобъ такой складъ былъ когда-либо разграбленъ Самоѣдами, потому что, по ихъ мнѣнію, если кто это сдѣлаетъ, тотъ долженъ ожидать всякихъ бѣдствій отъ неба на свою голову. Теперь этотъ обычай становится рѣдкимъ въ тундрѣ: Зыряне, гдѣ только ни находятъ подобный складъ, безъ всякаго страха начисто разграбливаютъ его, чѣмъ и научили Самоѣдовъ предосторожности. И тѣ нынѣ уже прячутъ свои сани въ лѣсу въ скрытномъ мѣстѣ или въ такихъ мѣстностяхъ, около которыхъ они останавливаются сами съ своими чумами, чтобы время отъ времени посѣщать ихъ“ [3]).

И въ другихъ частяхъ свѣта можно встрѣтить подобныя обыкновенія. Въ Австраліи, въ оставляемой на время деревнѣ, дикари ставятъ три столба, связанные къ верху и покрытые кускомъ коры. Подъ этимъ навѣсомъ туземцы оставляютъ лишнія вещи, не нужныя для нихъ при дальнѣйшемъ странствованіи. Такія мѣста, по обычаю, считаются

---

[1]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1870 г. № 27. Опис. Арх. губ. *Пошмана.*

[2]) Тамъ же, 1870 г. № 22.

[3]) Reise nach dem Nordosten des europäischen Russlands durch die Tundren Samojeden. Dorp. 1854, ч. I, стр. 316.

Библиотека "Руниверс"

священными и неприкосновенными [1]). Вѣроятно, и тамъ они охраняются знаками собственности, которые кладутся Австралійцами на различныя вещи Итакъ, изложенные факты даютъ возможность утверждать, что при самыхъ простыхъ и патріархальныхъ нравахъ звѣролововъ и промышленниковъ клеймо, съ одной стороны, является знакомъ, охраняющимъ собственность, съ другой — знакомъ, удостовѣряющимъ, что такой-то воспользовался или, лучше сказать, занялъ вещь у хозяина ея, во время его отсутствія. Въ послѣднемъ случаѣ клеймо является зародышемъ заемнаго письма и тѣсно связано съ биркой.

Биркой называется дощечка, на которой изображается или одно клеймо, или числовые знаки съ клеймомъ, или эти послѣдніе безъ клейма. На отдаленномъ сѣверѣ счетныя бирки, называемыя *рубежами*, всегда сопровождаются знакомъ собственности, на югѣ же безъ этого знака. Главное назначеніе бирки съ цифрами—служитъ своего рода роспиской при займахъ.

О биркахъ, какъ долговыхъ актахъ, упоминаютъ и лѣтописи наши, и законодательные памятники, называя ихъ *дсками*. Такъ, о дскахъ говорится въ Новгородской лѣтописи подъ 1208 годомъ: „А что на дъщькахъ (посадника Димитрія), то князю оставиша... Даша дъщкы Дмитровы Святославу, а бяше на нихъ безъ числа" [2]). Въ Псковской судной грамотѣ, составленной на основаніи древнихъ великокняжескихъ грамотъ въ 1397 году, также упоминаются заемные дски [3]). Тогда какъ посадникъ Дмитрій давалъ деньги въ заемъ по доскамъ на значительную сумму—(а бяше на нихъ безъ числа), слѣдовательно, сумма денегъ, которыя занимались подъ бирки, не была ограничена,—во время составленія Псковской судной грамоты, бирки, по словамъ Энгельмана, потеряли уже большую часть своей прежней силы, какъ акты слишкомъ грубые, слишкомъ мало обезпечивавшіе права и не соотвѣтствовавшіе уже тогдашнимъ, болѣе сложнымъ отношеніямъ лицъ между собою. Это выразилось тѣмъ, что судная грамота дастъ имъ полную доказательную силу только въ тѣхъ спорахъ, когда сумма, занятая и записанная на доскѣ, не превышаетъ одного рубля [4]). Въ народѣ, какъ мы сказали, до сихъ поръ удержались заемныя бирки; такъ, въ Архан-

---

[1]) Allgemeine Cultur-Geschichte der Menschheit von G. Klemm. Leipz. 1843, I, стр. 300.

[2]) Исторія Госуд. Рос., т. III, прим. 128.

[3]) Псков. Судн. Гр., изслѣд. Энгельмана. Спб. 1855, стр. 16, 36.

[4]) Тамъ же, стр. 116.

Библиотека "Руниверс"

гельской губерніи онѣ имѣютъ полную силу даже на довольно значительную сумму, именно на нѣсколько десятковъ рублей [1]). Тамошніе инородцы, Самоѣды, Лопари, Карелы и Зыряне, также употребляютъ бирки при займахъ и свято уплачиваютъ долгъ, хотя бы онъ былъ давній и простирался на значительную сумму. Такія бирки, какъ и у русскихъ крестьянъ Архангельской губерніи, всегда помѣчаются знакомъ собственности должника. Тоже самое обыкновеніе существуетъ и у инородцевъ другихъ губерній.

Остяки, разказываетъ Эрманъ, имѣютъ деревяшки, на которыхъ они обозначаютъ вырѣзками свои счеты, и эти деревяшки переходятъ по наслѣдству въ семьяхъ. Кромѣ того, сношенія полярныхъ жителей съ Русскими произвели особое шифрованное письмо, которымъ они обозначаютъ свои обязательства. Оно состоитъ изъ шести различныхъ фигуръ, которыя обозначаютъ извѣстное количество шкуръ, цѣнностью отъ 1 до 10 к. и отъ 1 рубля до 1000. Въ продолженіе самаго торга эти шифры изображаются на бумагѣ, а затѣмъ вырѣзываются на деревянныхъ палочкахъ [2]).

Здѣсь говорится, конечно, о тѣхъ знакахъ, которые приняты нашимъ законодательствомъ для квитанцій, выдаваемыхъ сибирскимъ инородцамъ и мезенскимъ Самоѣдамъ во взносѣ ясака. Въ Уставѣ о податяхъ (Св. Зак. т. V, ст. 907 и 959) сказано, что каждому родовому старостѣ, отъ котораго внесенъ будетъ ясакъ, выдается отъ земской полиціи квитанція въ печатныхъ бланкахъ. На каждой квитанціи, кромѣ изложенія словами, должно быть показываемо особыми знаками число внесенныхъ рублей и копѣекъ такъ, чтобы сдающіе, сосчитавъ эти знаки могли быть увѣрены въ справедливости показанія. Дабы не можно было сдѣлать здѣсь никакихъ прибавокъ, всѣ таковые знаки очерчиваютъ кругомъ прямыми линіями. При этой же статьѣ приложена самая форма квитанціи, въ которой тысяча рублей обозначена звѣздочкой, сто рублей — кружкомъ, десять — квадратомъ, одинъ рубль—римскою цифрой X, десять копѣекъ—десятью черточками, перечеркнутыми одною линіей и одна копѣйка—одною черточкой. Въ первый разъ форма такой квитанціи помѣщена въ уставѣ объ управленіи инородцами, изданномъ въ 1822 году іюля 22-го.

Другіе полярные номады (Эскимосы) даютъ письменныя обяза-

---

[1]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1870 г., № 71.

[2]) Allgem. Cultur-Geschichte der Menschheit von Klemm, т. III, стр. 128.

Библиотека "Руниверс"

тельства въ слѣдующей формѣ: когда желаютъ они занять что либо, тогда рисуютъ тотъ предметъ на кускѣ кожи, а также число дней, въ которые желаютъ уплатить, обозначаютъ соотвѣтствующимъ числомъ черточекъ. Они вѣрно держатъ свое слово и только удивляются, что умные Европейцы не такъ легко понимаютъ ихъ рисованье, какъ собственное свое царапанье [1]).

Вотъ что говоритъ Миллеръ, въ своей книгѣ: „Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ" [2]), о Черемисахъ, Чувашахъ и Вотякахъ. „Ежели одинъ другому что обѣщаетъ или съ кѣмъ въ договоръ вступаетъ, то оное обязательство для бо̀льшаго утвержденія и увѣренія бываетъ при нѣкоторыхъ порукахъ или свидѣтеляхъ. При заимодавствѣ заимодавецъ и должникъ берутъ двѣ палочки, которыя между собою складываются, и на оныхъ палочкахъ вырѣзываютъ столько крестовъ или херовъ (XXX) или зарубокъ (III), сколько будетъ гривенъ или копѣекъ, и каждый вырѣзываетъ на своей палочкѣ, на концѣ подъ крестомъ или подъ зарубками, какой-нибудь вмѣсто рукописанія знакъ; употребительные же у нихъ знаки суть такіе: (см. изображеніе подъ №№ 304—313) и другіе симъ подобные, какой кому на умъ придетъ для себя выбрать, который они во всѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется подписка, обыкновенно употребляютъ. Потомъ палочками оными между собою размѣниваются, которыя у нихъ такую же силу имѣютъ, какъ у насъ наикрѣпчайшія обязательства. Но сіе поведеніе служитъ у нихъ въ такой только суммѣ денегъ, въ которой не свыше десяти рублей; ежели же будетъ болѣе десяти рублей, то берутъ они въ такихъ долгахъ въ городѣ записи. Вышеписанные знаки въ употребленіи бываютъ и между Татарами, у такихъ людей, которые писать не умѣютъ."

На тѣхъ рубежахъ, которые употребляютъ Самоѣды и Русскіе, торгующіе съ ними, десятки рублей обозначаются крестиками, пять—минусомъ, четыре первыя единицы рублей — палочками, копѣйки же означаются точками [3]). Во внутреннихъ великороссійскихъ губерніяхъ десятки изображаются крестиками же въ видѣ римской цифры X, пять—тоже, какъ римское V, а единицы — палочками, четверти же знакомъ 1. Когда количество считается сотнями, то одинъ изъ знаковъ изображаетъ 100, другой 10, третій 1, а четвертый ¼.

---

[1]) Allgem. Cultur-Geschichte der Mensch. т. II, стр. 339.

[2]) Стр. 63—64.

[3]) Сборн. народн. юридич. обыч. Арх. губ. *П. Ефименко*, Арх. 1869 г., стр. 97.

Библиотека "Руниверс"

Крестьяне внутреннихъ губерній употребляютъ бирки не только какъ записныя доски, но и какъ счеты. Вотъ почему знаки для чиселъ имѣютъ такую форму, какую можно дать не только остроконечнымъ ножемъ и съ нѣкоторымъ искусствомъ, но и топоромъ, косою и всякимъ остріемъ, на дому или въ полѣ, гдѣ бы ни случилось [1]). Какъ во внутренней Россіи, такъ и въ Архангельской губерніи, многіе крестьяне считаютъ для себя обременительнымъ вести счетъ на память десятками, а считаютъ въ умѣ только до десяти; поэтому, досчитываясь до десятковъ, замѣчаютъ числа приведенными знаками на различныхъ предметахъ: мѣломъ или углемъ на деревѣ, зарубкой на деревѣ, то-есть, на биркѣ, завязкой узловъ на ниткѣ или тесемкѣ и т. п. Почти то же самое найдено и у дикихъ народовъ. Такъ, по свидѣтельству одного Моравскаго миссіонера, приводимому Тайлоромъ, Ирокезы считаютъ до 10 и дѣлаютъ крестъ; потомъ еще до десяти и такъ далѣе, пока не кончатъ счета; затѣмъ берутъ вмѣстѣ десятки и дѣлаютъ изъ нихъ сотни, тысячи и сотни тысячъ [2]). „Позднѣйшіе наблюдатели говорятъ о далекомъ племени Криковъ, что они считаютъ по десяткамъ, при чемъ ставятъ перпендикулярныя палочки вмѣсто единицъ и крестъ вмѣсто десяти“ [3]). Мы привели здѣсь эти примѣры, чтобы показать, какъ народы въ первобытныя эпохи своей жизни сходны между собою даже въ мелочныхъ обыкновеніяхъ, сохраняя эти обыкновенія и долго спустя послѣ своего выхода изъ первобытнаго состоянія. Это, повторяемъ еще разъ, даетъ наукѣ полное право ссылаться на аналогическія явленія у другихъ народовъ и объяснять ими не только свою старину, но и явленія новѣйшаго времени.

Если, какъ мы говорили, народы въ невѣжественномъ состояніи затрудняются въ счетѣ какого-нибудь десятка и для облегченія употребляютъ бирку, то, конечно, бирки были у насъ въ ходу и при мѣновой торговлѣ; во время самаго процесса торга на биркѣ отмѣчалось количество обмѣниваемыхъ и продаваемыхъ предметовъ, а впослѣдствіи и количество тогдашнихъ денежныхъ знаковъ, которые должны были обмѣниваться на товары. Въ случаѣ неуплаты денегъ за товаръ, продавцу давалась такая бирка съ приложеніемъ клейма должника; на этой же биркѣ кредиторы, по истеченіи извѣстнаго времени, нарѣзывали рѣзы, то-есть, цифры, обозначавшія условные

---

[1]) Журн. сельск. хоз. и овцев. 1845 г., № 25. О бирочномъ счетоводствѣ.

[2]) Домстор. бытъ человѣка. М. 1868 г., стр. 137.

[3]) Тамъ же, стр. 138.

Библиотека "Руниверс"

проценты. Такимъ образомъ счетная бирка обращалась въ заемное письмо.

Бирки у насъ служили не только долговыми актами, но также употреблялись, какъ акты укрѣпленія имуществъ. Во внутреннихъ великороссійскихъ губерніяхъ, какъ и въ Германіи, при передачѣ недвижимой собственности изъ однѣхъ рукъ въ другія, пріобрѣтателю имущества передается и бирка съ знакомъ этой собственности [1]). Тутъ бирка играетъ уже роль купчей крѣпости, а не долговаго обязательства.

Какъ счетные знаки вообще, бирки имѣютъ многоразличное употребленіе. Такъ въ Воронежской и Тамбовской губерніяхъ овчинники, собирающіе овчины для выдѣлки, *рѣжутъ жеребьи*, то-есть, бирки, въ полученіи овчинъ [2]). То же дѣлаютъ и лица, берущія холстъ для набойки. Бирки употребляются еще сборщиками податей. При сборѣ податей сборщики даютъ каждому крестьянину половину бирки, съ означеніемъ на ней внесеннаго послѣднимъ количества податей. Если же одинъ сборщикъ передаетъ общественныя деньги другому, вновь назначенному, то послѣдній въ пріемѣ денегъ *дѣлаетъ нарѣзку* на биркѣ первому [3]). Подрядчики, нанимающіе отъ себя рабочихъ, отмѣчаютъ на биркахъ полученіе платы рабочими [4]). На биркахъ также отмѣчается количество принимаемаго товара пріемщиками и поставщиками и т. п. Впрочемъ, надобно сказать, что бирки для разчетовъ между сборщиками податей и плательщиками введены были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ высшимъ начальствомъ. Такъ циркуляромъ министра государственныхъ имуществъ, отъ 25-го октября 1840 г., разъяснено было палатамъ, что въ IV части 313 ст. 2 пун. проекта учрежд. объ управленіи государственными имуществами предоставлено сборщикамъ податей означать въ семейныхъ таблицахъ итогъ сборовъ, кромѣ цифръ, такими знаками, какіе гдѣ употребляются; сверхъ того, дозволено для разчетовъ между сборщикомъ и плательщиками имѣть бирки. А потому министръ государственныхъ имуществъ призналъ весьма полезнымъ и необходимымъ, чтобы безграмотные крестьяне, сверхъ выдаваемыхъ имъ таблицъ, имѣли для разчетовъ съ сборщи-

---

[1]) Древности. Труды Моск. Археол. Общ. т. I, вып. 2, М. 1867, стр. 242 и слѣд.

[2]) Труды Ком. по преобраз. вол. судовъ, т. I. Тамб. губ., стр. 153.

[3]) Тамъ же, стр. 145.

[4]) Тамъ же, стр. 180.

Библиотека "Руниверс"

ками бирки, съ показаніемъ на одной сторонѣ оныхъ количества или итога всѣхъ сборовъ съ каждаго домохозяина, значущихся въ семейной таблицѣ, а на другой сторонѣ—поступленія или платежа, сдѣланнаго домохозяиномъ.

Биркамъ, которыя ведутъ биржевые артельщики и другіе пріемщики и поставщики товаровъ, дана закономъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сила полнаго доказательства на судѣ (Торг. Уст. ст. 1639). Даже въ Италіи бирки (tacche o taglie), вполнѣ соотвѣтствующія ихъ образцамъ (contrassegno), заслуживаютъ вѣры между лицами, имѣющими обычай удостовѣрять бирками передачу или полученіе предметовъ розничной торговли, то-есть, служатъ доказательствомъ на судѣ (Гражд. Улож. Итал. кор. час. I, кн. 5-я, § III, ст. 133). Въ Англіи бирки вышли изъ употребленія въ прошломъ столѣтіи и составляютъ только достояніе кабинетовъ древностей, какъ предметы, представляющіе археологическую рѣдкость [1]).

Выше мы говорили объ обычаѣ заочнаго займа и объ оставленіи бирки заемщика при тѣхъ предметахъ, изъ числа которыхъ онъ пользовался извѣстною частію. Въ связи съ обычаемъ займа находится другой, а именно обычай заочной торговли, остатки котораго сохранились, хотя въ измѣненной формѣ, на крайнемъ сѣверѣ даже у русскихъ обитателей.

Г. Михайловъ въ книгѣ „Очерки природы и быта Бѣломорскаго края" говоритъ объ Архангельскихъ крестьянахъ: „Никто, кромѣ звѣря, не возьметъ птицы изъ-подъ чужаго слопца, какъ никто не вынетъ рыбы изъ чужой мережи. Мнѣ случалось видѣть, какъ крестьяне вынимали изъ воды свои сѣтки и, вмѣсто рыбы, находили деньги, завернутыя въ тряпицу. Это—плата за взятую рыбу какого-нибудь прохожаго человѣка и плата, всегда соотвѣтствующая ея стоимости. Таковъ обычай, издавна установившійся и свято соблюдаемый" (стр. 104). Въ глухихъ мѣстностяхъ Пинежскаго уѣзда сохранилось между крестьянами, занимающимися извозомъ, слѣдующее обыкновеніе: они, имѣя надобность въ сѣнѣ для лошадей, сами берутъ его изъ зародовъ, находящихся на пути, въ далекомъ разстояніи отъ жилья, а деньги въ количествѣ, какое, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ уплатить, вѣшаютъ тутъ же на шестѣ зарода, завязавъ ихъ въ тряпку. Понятно, что такой обычай, требующій большаго уваженія къ чужой собственности какъ со стороны извощиковъ, такъ и со стороны постороннихъ лицъ,

---

[1]) Начало цивилизаціи, Лэбока, Спб. 1871, стр. 183.

Библиотека "Руниверс"

не могъ удержаться на большихъ дорогахъ, гдѣ шляется всякій народъ [1]). У Зырянъ, отправляющихся въ лѣса на звѣриный или птичій промыселъ за сотни верстъ отъ жилья, каждый лѣсникъ, смотря по дальности пути и продолжительности охоты, беретъ съ собой нѣсколько пудовъ сухарей, и, чтобъ не обременять себя этимъ грузомъ, зарываетъ его по частямъ въ разныхъ мѣстахъ лѣса и ставитъ свои знаки, то-есть, клейма. На обратномъ пути въ этихъ походныхъ магазинахъ онъ не рѣдко находитъ, вмѣстѣ съ сухарями, еще бѣлокъ и рябчиковъ: это значитъ, что какой-либо землякъ, истощивъ свой хлѣбный запасъ, взялъ себѣ частицу изъ его провизіи и заплатилъ за нее, по совѣсти, настрѣлянною дичью [2]). Разумѣется, настоящій случай не можетъ быть названъ сдѣлкой купли-продажи, потому что владѣлецъ вещи вовсе не предназначаетъ ее для продажи; это скорѣе купля-заемъ, то-есть, переходная форма отъ займа къ куплѣ. Но у Зырянъ же сохранился до сихъ поръ обычай настоящихъ заочныхъ торговыхъ сдѣлокъ, когда вещи прямо предназначаются для продажи. Интересное описаніе нынѣшней заочной торговли близъ Уральскихъ горъ сообщаетъ начальникъ Уральской экспедиціи г. Гофманъ въ своемъ сочиненіи „Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пайхой" (Спб. 1856 г., т. 2, стр. 66). За устьемъ рѣчки Пирсъ-ю (зырянское названіе), или Липкая (остяцкое), впадающей съ лѣвой стороны въ Илычъ (притокъ Печоры), который течетъ здѣсь по лѣсистой пустынной равнинѣ, Гофманъ и его товарищи разбили на ночь свои палатки подлѣ уединеннаго бревенчатаго сруба, къ которому были прислонены два балагана". „Постройки эти, говоритъ Гофманъ, „принадлежали знакомому моихъ гребцовъ (Зырянъ), который ежегодно выѣзжаетъ сюда на все лѣто отъ береговъ Печоры, для рыбной ловли; изба была на этотъ разъ пуста; дверь ея была извнутри заперта замкомъ, но ключъ торчалъ тутъ же въ стѣнѣ. Внутренность избы была раздѣлена бревенчатою перегородкой на двѣ части, изъ которыхъ одна была обращена въ баню, а другая въ амбаръ, для запасовъ. Эта кладовая была наполнена кадушками съ соленою рыбой, большими кучами вяленыхъ на солнцѣ щукъ и коробами изъ березовой коры съ рыбьимъ жиромъ. Подъ балаганомъ висѣла пара остяцкихъ мѣховъ на шестахъ подъ свѣжею березовою покрышкою и стояло на доскахъ множество новыхъ посудинъ изъ березовой коры различной величины

---

[1]) Сообщилъ П. А. Ивановъ.

[2]) Журн. Мин. Вн. Дѣлъ 1852 г., кн. I. Зыряне, стр. 57.

Библиотека "Руниверс"

вмѣстѣ съ другою хозяйственною утварью, принадлежавшею къ издѣліямъ лѣсныхъ жителей. Гребцы мои знали, что все это было приготовлено для продажи, и опредѣляли цѣну каждой вещи. Они просили меня купить пудъ сушеной щуки и нѣсколько фунтовъ рыбьяго жиру, для приготовленія обѣда. Деньги за это я могъ положить на видномъ мѣстѣ въ хижинѣ и быть увѣренъ, что они будутъ въ рукахъ у хозяина, потому что такой способъ покупки здѣсь очень обыкновененъ. Предполагая встрѣтить владѣльца хижины въ верховьяхъ рѣки, я рѣшился привести въ исполненіе эту странную сдѣлку, которая основывается на взаимной честности и довѣрія". Мы остановились на этой сдѣлкѣ, чтобы показать, какъ живучи бываютъ старинныя обыкновенія и какъ можно ими пользоваться тому, кто захочетъ по нимъ возсоздавать явленія давнопрошедшихъ временъ. Кому, послѣ прочтенія настоящихъ строкъ, не придетъ на память нѣмая торговля, которую на далекомъ сѣверѣ вели съ туземцами, по Герберштейну, въ Лукоморіи—Грустинцы и Серпеновцы, по Бакуи, въ Уакуа или Уальсу—Болгары, по Абулфедѣ—Болгары же съ народами, жившими по сосѣдству съ Сѣвернымъ океаномъ, по Павлу Іовію—Русскіе съ Лопарями, по Нестору—Югра съ чудесными обитателями Уральскихъ горъ и, по другимъ, Русскіе съ Тунгузами. Причины нѣмой торговли происходили, по словамъ указанныхъ писателей, отъ трусости бродячихъ ловцовъ, боявшихся чужеземцевъ, или отъ того, что торговцы не знали туземнаго языка. Самый процессъ нѣмой мѣновой торговли состоялъ въ томъ, что торговцы, пріѣхавъ съ своими товарами въ опредѣленное мѣсто, раскладывали ихъ тамъ и потомъ удалялись, а въ это время и туземцы, узнавъ о прибытіи торговцевъ, съ большою осторожностью и значительными обходами приближались туда же, раскладывали рядомъ свои товары, преимущественно мѣха, которые считали равноцѣнными, и также удалялись, издали наблюдая за купцами. Если торговцы находили мѣну выгодною, то брали съ собой туземные товары; въ противномъ случаѣ удалялись, показывая тѣмъ, что нужна прибавка. Туземцы дѣлали ту или другую надбавку, пока не заключался окончательно торгъ. Съ туземцами, болѣе смѣлыми, торговля велась при помощи условныхъ жестовъ. Не смотря на подозрительность и трусость туземцевъ, торговля велась съ чрезвычайною честностью [1]). Что самое интересное для насъ въ

[1]) Reise nach dem Nordostens europäischen Russlands, Шренка, т. II, стр. 231. Природа и челов. на крайн. сѣверѣ, Гартвига, стр. 224. Сѣвер. Уралъ, Гоомана.

Библиотека "Руниверс"

подобныхъ торговыхъ сдѣлкахъ, такъ это обозначеніе торговцами своихъ товаровъ особыми знаками при ихъ раскладываніи. О существованіи такого обычая у Болгаръ свидѣтельствуетъ Абулфеда. Знаки, которыми обозначались въ старину товары, были, конечно, такіе же знаки собственности, вырѣзанные на деревянной дощечкѣ, какъ и тѣ, которые до сихъ поръ кладутся при предметахъ промысла Русскими и инородцами на отдаленномъ сѣверѣ Россіи. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ эмбріономъ торговыхъ штемпелей; вотъ гдѣ начало обычая накладывать клейма на товары. Можно ли послѣ этого согласиться съ мнѣніемъ гр. Тышкевича, что свинцовые оттиски, найденные имъ въ рѣкѣ Бугѣ, не могли быть товарными клеймами потому только, что въ отдаленную эпоху до-христіанскихъ временъ, къ которымъ онъ относитъ оттиски, „не существовало таможеннаго порядка, а тѣмъ менѣе клеймленія товаровъ свинцовыми штемпелями".

Въ отдаленнѣйшую эпоху, когда еще не существовало таможень, продавцы и покупщики товаровъ сами накладывали клейма на вещи. Эти клейма сначала вырѣзывались на вещахъ или на дощечкахъ, которыя привѣшивались къ вещамъ, а потомъ выдѣлывались на свинцовыхъ и другихъ металлическихъ пластинкахъ. Эти же клейма служили, вмѣстѣ съ тѣмъ, и печатями, такъ что слово печать употреблялось и для обозначенія торговаго клейма [1]). Разумѣется, сначала не существовало никакой разницы между торговыми клеймами, печатями и знаками собственности; точнѣе сказать, они первоначально различались только по своему употребленію, а не по сущности. Только впослѣдствіи тѣ и другіе совершенно обособились.

Въ древнемъ обычаѣ торговцевъ накладывать свои клейма на предметы торговли таится начало обычая клеймить правительственными штемпелями всѣ предметы торговли, съ которыхъ собирались заграничныя и внутреннія торговыя пошлины. Отсюда тождество въ названіяхъ знаковъ собственности, торговыхъ клеймъ, таможенныхъ штемпелей и таможенныхъ пошлинъ. Мы уже знаемъ, что у насъ еще во время Русской Правды пятномъ назывались знаки собственности, которые налагались на лошадей. Впослѣдствіи пятномъ стали называть таможенное клеймо или тавро, налагавшееся на лошадей, и пошлину за проданную или промѣненную лошадь, а также пошлину,

---

т. II, стр. 66. Лѣтоп. Нестора подъ 1096 годомъ. Заволоцкая Чудь, П. Ефименко. Арх. 1869 г., стр. 66.

[1]) Промысл. древн. Руси, *Аристова*, стр. 213, 236.

Библиотека "Руниверс"

бравшуюся съ соли. За уклоненіе отъ пятнанья лошадей, при покупкѣ и мѣнѣ, взыскивался штрафъ подъ названіемъ *пропятнанье* [1]).

Въ старину главными поставщиками лошадей для Русскихъ были Татары и Ногайцы изъ Астрахани и Казани. Они ежегодно доставляли на продажу въ Москву табуны тысячъ отъ 30 до 50. Часть этихъ лошадей, тысячъ 5—8, по словамъ Котошихина, отбиралась мѣстными воеводами про царскій обиходъ, — лошадей записывали и запятнывали, остальныхъ присылали потомъ въ Москву. Въ Москвѣ эти лошади продавались всякаго чину служилымъ людямъ и инымъ чинамъ, при чемъ, съ продажи и съ записки тѣхъ лошадей, сопровождавшихся наложеніемъ пятенъ, собирались отъ покупателей записныя деньги въ Конюшенный Приказъ. Затѣмъ лошади перепродавались изъ Москвы по всей Россіи. Память о такомъ обыкновеніи до сихъ поръ сохранилась въ дѣтской припѣвкѣ въ Пермской губерніи:

Ударимъ въ доску,
Поѣдемте въ Москву;
Ребятъ крестить,
Жеребятъ пятнать [2]).

Разумѣется, въ старинной Руси, во время господства привиллегій, не всѣ обязывались платить пятно. Нѣкоторые изъ монастырей, въ томъ числѣ и наши сѣверные, освобождались отъ упомянутой пошлины великокняжескими и царскими жалованными грамотами. Въ грамотѣ Василія Ивановича Печеньскому Кольскому монастырю читаемъ: „а случится игумену или братьѣ и монастырскимъ слугомъ и крестьяномъ и дворникомъ, въ которомъ городѣ или волости, купить лошадь или промѣнять, а намѣстники Новгороцкіе и Устюжскіе и Двинскіе и волостели и пятинщики пятиннаго съ нихъ не емлютъ“ [3]). Въ грамотѣ Ивана Грознаго, данной въ 1548 году Соловецкому монастырю, между прочимъ сказано: „также пятенщики кони монастырскіе и у слугъ и у крестьянъ и у дворниковъ пятнаютъ, а отъ пятна у нихъ не емлють ничего“ [4]). Слуги и крестьяне Сійскаго монастыря также безпошлинно покупали и пятнали лошадей [5]). Нѣкоторымъ монастырямъ, напримѣръ Саво-Сторожевскому,

---

[1]) Тамъ же, стр. 70, 228, 43, 45, 197.
[2]) Зап. Русск. Геогр. Общ. 1869 г., т. II, стр. 664.
[3]) Зап. Русск. Отд. Археолог. Общ. 1861 г., т. II, стр. 647.
[4]) Опис. Соловецк. монаст., архим. Досиѳея, т. II, стр. 11.
[5]) Памятн. книж. Арх. губ. 1862 г., стр. 15.

Библиотека "Руниверс"

самимъ предоставлено было право собирать пятно или пятинное [1]). Сами князья иногда дарили монастырямъ пятна для пятнанія лошадей. Такъ, по свидѣтельству Никоновской лѣтописи, великій князь Дмитрій Донской далъ (до 1393 г.) Троицкому-Сергіеву монастырю пятно ногайское [2]).

Послѣдній фактъ служитъ прямымъ доказательствомъ того, что къ намъ, по крайней мѣрѣ въ высшія сословія, переходили пятна и отъ сосѣднихъ восточныхъ народовъ. Случаевъ знакомиться съ восточными клеймами, въ особенности во время монгольскаго ига, было не мало. Наши предки имѣли передъ глазами, вопервыхъ, ханскія клейма, которыя налагались на товары при сборѣ торговыхъ пошлинъ на всякаго рода грамоты и бумаги хановъ, вовторыхъ, родовыя клейма различныхъ восточныхъ народовъ, подвластныхъ монгольскимъ ханамъ, въ особенности тѣхъ, которые доставляли въ Москву лошадей, заклеймленныхъ, по восточному обычаю, особыми знаками. Внося къ намъ нѣкоторыя изъ своихъ клеймъ, восточные народы передали и слова для ихъ обозначенія: тамга и ясакъ. Первое слово, какъ мы уже говорили, означало сперва родовой знакъ и печать, потомъ таможенное клеймо и, наконецъ, пошлину или подать. Ясакъ также означалъ сначала родовое клеймо, а послѣ—подать кожами и другими предметами, которые, при пріемѣ, заклеймливались казеннымъ клеймомъ. Разумѣется, число клеймъ, принятыхъ отъ восточныхъ народовъ, не могло быть значительно, какъ потому, что у народовъ, сохраняющихъ родовой бытъ, какими были всѣ наши восточные сосѣди, родовыхъ клеймъ было очень мало [3]), такъ и потому, что ихъ заимствовали собственно высшія сословія и разнаго рода учрежденія, духовныя и гражданскія, и правительственныя лица; народъ же въ нихъ не нуждался, потому что имѣлъ собственные исконные знаки, которыхъ не мѣнялъ по произволу. Если бы у насъ существовали въ народѣ и въ офиціальной средѣ одни татарско-монгольскія названія клеймъ, то еще можно было бы утверждать о значительномъ запи-

[1]) Промышл. древн. Руси, *Аристова*, стр. 229.

[2]) Тамъ же, стр. 64 и 197.

[3]) У Монголовъ, напримѣръ, во время Чингизхана, было собственно 12 родовъ, имѣвшихъ свои особые гербы, или тамги, которыми служили птицы и деревья. Когда одинъ изъ этихъ родовъ, родственныхъ по гербамъ, отходилъ, то гербъ его удерживался, а онъ замѣнялся однимъ изъ 34 родовъ (свободныхъ Божіихъ людей), которые были поселены въ долинѣ Гларуса (Die Rechtsverhäl. bei verschied. Völker, von Bastian. 1872, стр. 164).

Библиотека "Руниверс"

ствованіи Русскими восточныхъ клеймъ. Но такъ какъ на-ряду съ подобными названіями сохранились и чисто русскія, то этого нельзя признать.

Мы уже говорили, что таможенные знаки произошли именно отъ знаковъ собственности и потомъ уже сдѣлались произвольными знаками. У Монголъ таможенными знаками служили родовыя клейма хановъ, а у насъ—личные знаки великихъ и удѣльныхъ князей и другіе, которые прежде тоже были родовыми и, слѣдовательно, постоянными. Родовые или личные знаки, будучи приложены къ товарамъ, съ которыхъ взималась пошлина, становились правительственными, офиціальными клеймами. Подобно этому и на деньгахъ выставлялись личные знаки князей, или знамена, сдѣлавшіяся правительственными.

Начало денежныхъ знаковъ также кроется въ торговыхъ клеймахъ. Въ странахъ, занимаемыхъ восточно-славянскими и литовскими племенами, также финскими и монгольскими народами, первоначально, какъ извѣстно, денежною единицей служили кожи дикихъ звѣрей, представлявшія важный предметъ внѣшняго сбыта. У насъ первоначально цѣлыя кожи, заклеймленныя родовыми или личными княжескими знаками (а клеймить продаваемыя вещи, въ особенности мѣха и кожи, и раньше было въ обычаѣ, какъ сказано выше), а потомъ части ихъ ходили вмѣсто денегъ, передаваясь при каждой покупкѣ. Отсюда происхожденіе названій многихъ денежныхъ знаковъ по именамъ животныхъ и ихъ частямъ: купы, бѣлки, мордки, погатки и проч. [1]). Могло быть и такъ, что кожи извѣстныхъ животныхъ принимались просто какъ воображаемыя мѣрила цѣнностей вещей, безъ передачи ихъ каждый разъ при обмѣнѣ однѣхъ вещей на другія, подобно тому, какъ до сихъ поръ въ мѣновой торговлѣ Русскихъ съ Самоѣдами единицей торговой мѣры считаются кожи песца или молодаго оленя, къ которой приравнивается цѣнность товаровъ при мѣнѣ [2]).

Весьма можетъ быть, что у насъ, какъ и у нѣкоторыхъ другихъ народовъ, до признанія монетой кусковъ металла съ изображеніемъ знаковъ, были въ употребленіи и деревянныя дощечки съ родовыми

---

[1]) Ист. Госуд. Росс., Карамзина, т. I, пр. 524. Дольше всего удержались мѣховыя деньги, куницы и бѣлки, на отдаленномъ сѣверѣ, на Днѣпрѣ и пр., а въ остальныхъ мѣстахъ Россіи уже со времени нашествія Монголовъ должны были распространиться серебряныя деньги, такъ какъ монгольскіе завоеватели не хотѣли признавать денегъ перваго рода.

[2]) Сборн. народн. юрид. обыч. Арх. губ., *П. Ефименко*, стр. 97.

Библиотека "Руниверс"

же клеймами, подобно тѣмъ дощечкамъ, которыя оставлялись при взятіи чужихъ вещей въ долгъ въ отсутствіе хозяина. Можно думать, что заемныя дощечки съ клеймами обратились въ денежные знаки. Въ примѣръ народа, употреблявшаго деревянныя деньги, можно привести Монголовъ. Монголы, говоритъ Карамзинъ, въ древнемъ своемъ отечествѣ и въ Китаѣ вмѣсто денегъ употребляли древесную кору и кожаные лоскутки съ ханскимъ клеймомъ. Но въ Бухаріи и въ Камчаткѣ тѣ же Монголы имѣли собственную серебряную и мѣдную монету, изъ коихъ первая называлась тангою, а вторая—пулою [1]). Въ Олонецкой губерніи и на развалинахъ города Булгара до сихъ поръ находятъ серебряные куски съ простыми значками, въ видѣ точекъ, черточекъ, звѣздочекъ и тому подобныхъ начертаній. Подобные куски, находимые въ Булгарѣ, Карамзинъ приписываетъ безграмотному народу; онъ признаетъ ихъ за чудскія деньги [2]). Принадлежали ли они Чуди или другому народу — объ этомъ можно еще спорить, но врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что изображенія на этихъ древнѣйшихъ монетахъ были ни болѣе, ни менѣе, какъ знаки собственности.

Древнѣйшія русскія монеты имѣютъ на себѣ изображенія животныхъ безъ надписи [3]). Изображенія же эти были ничто иное, какъ княжескіе гербы, которые произошли отъ знаковъ собственности. Догадка о первоначальномъ возникновеніи нашихъ монетъ изъ знаковъ собственности можетъ опираться еще на слѣдующіе факты. Подтвержденіемъ этому служатъ, вопервыхъ, сходство у насъ и у другихъ народовъ въ названіи нѣкоторыхъ монетъ съ названіями родовыхъ знаковъ и знаковъ собственности. Такъ, у Монголъ слово танга было названіемъ монеты и родоваго знака. Это же названіе усвоили и Русскіе, измѣнивъ его въ слово деньга и деньги [4]), у Нѣмцевъ марка — названіе извѣстной монеты и знака собственности. Вовторыхъ, тождество въ названіяхъ изображеній на деньгахъ съ названіями знаковъ собственности; тѣ и другія назывались знаменами [5]). По своему внѣшнему виду, монета представляетъ не болѣе, какъ измѣненную бирку, самый древній знакъ, который передавался при торговыхъ и

---

[1]) Ист. Гос. Рос., т. V, стр. 69 и прим. 135.

[2]) Тамъ-же, т. III, стр. 125 и Памятн. кн. Олонец. губ. 1867 г., стр. 112.

[3]) Тамъ-же, т. V, прим. 135.

[4]) Тамъ-же, т. V, стр. 96 и прим. 135.

[5]) Тамъ-же, т. I, прим. 298; VIII, прим. 67.

Библиотека "Руниверс"

другихъ сдѣлкахъ; именно, знамя монеты соотвѣтствуетъ клейму бирки, а числа, означающія достоинство монеты, цифрамъ бирки.

Еще одно примѣненіе пятенъ или знаменъ было сдѣлано первобытными народами, это — употребленіе ихъ какъ первоначальнаго письма. Вырѣзанныя на чемъ-нибудь или начертанныя на какомъ-нибудь предметѣ пятна и знамена составляли первое извѣстное человѣчеству письмо. Клейма, будучи начертаны, представляли собою два различныя понятія: понятіе о предметѣ, который служилъ эмблемой лица или рода, и вмѣстѣ съ тѣмъ понятіе о самомъ лицѣ или родѣ, называвшемся именемъ этого предмета. Здѣсь, слѣдовательно, источникъ эмблематическихъ начертаній, которыя играютъ такую важную роль въ фигурномъ письмѣ. Собраніе начертанныхъ знаковъ даннаго народа уже составляетъ первоначальную фигурную азбуку, изъ которой развилось дальнѣйшее письмо.

Самыя простѣйшія мысли могутъ быть выражены на письмѣ одними клеймами; дѣйствительно, посредствомъ клеймъ дикари выражаютъ свои мысли, при чемъ матеріаломъ для письма служитъ собственная кожа. Такимъ образомъ, татуированіе есть родъ первоначальнаго письма. Приводимъ примѣръ самаго простѣйшаго изображенія своихъ мыслей. Одинъ храбрый начальникъ индѣйскаго племени, по имени Вавундохвалендъ желалъ, чтобы ему дали другое имя; для этого онъ напунктировалъ себѣ сверху подбородка изображеніе водяной ящерицы, и съ тѣхъ поръ началъ называться Твакахшавсу (водяная ящерица) [1]).

Если къ знакамъ собственности присоединить изображеніе нѣкоторыхъ чиселъ, съ начертаніями которыхъ знакомы всѣ почти народы, находящіеся въ первобытномъ состояніи, то составится уже гораздо большее число знаковъ, съ помощью которыхъ не трудно выразить нѣкоторыя болѣе сложныя понятія.

У бродячихъ ловцовъ нашего сѣвера, у Самоѣдовъ, посредствомъ однихъ клеймъ и числовыхъ знаковъ пишутся своего рода предписанія или приказанія по службѣ, касающіяся до сбора ясачной подати и требованія подводъ. Самоѣдскіе старшины вырѣзываютъ на деревянной дощечкѣ клейма тѣхъ лицъ, отъ которыхъ требуется ясакъ или олени для подводы; противъ этихъ клеймъ дѣлаютъ зарубки, означающія количество требующихся рублей, звѣриныхъ шкуръ или оленей, прикладываютъ тутъ же свое клеймо и приказъ готовъ;

[1]) Allgem. Cultur-Geschichte der Menschheit, von Klemm, т. II, стр. 39.

Библиотека "Руниверс"

стòитъ только отослать его по принадлежности [1]). Конечно, такого рода письмо существовало и у Славянъ, если только они имѣли знаки собственности и числовые. Что въ первобытномъ письмѣ Славянъ важная роль была предоставлена тогдашнимъ числовымъ знакамъ, можно заключить изъ того, что они искусству чтенія и счисленія дали названія филологически тождественныя: слова читать и считать имѣютъ одинъ корень и показываютъ, что первоначально читали по цифрамъ, разумѣется, съ прибавленіемъ клеймъ. То же самое доказываютъ и другіе языки; напримѣръ, у Литовцевъ слова skaytan, skaytyte означаютъ и читать, и считать; потому чтеніе называется считаньемъ буквъ [2]).

Далѣе, въ фигурномъ письмѣ первобытныхъ народовъ мы встрѣчаемся, кромѣ символическихъ знаковъ рода или отдѣльнаго лица, а также счетныхъ знаковъ, съ фигурными изображеніями другихъ предметовъ. Это письмо уже болѣе высшаго разряда. Приводимъ примѣръ выраженія мыслей и въ подобной формѣ. Одинъ престарѣлый Индѣецъ, племени Ленапе, котораго все тѣло было покрыто рубцами отъ стрѣлъ, разрисовалъ всѣ свои непокрытыя мѣста кожи фигурами, которыя имѣли отношеніе къ его геройскимъ подвигамъ, такъ что вся его исторія, такимъ образомъ, была представлена на кожѣ и его соплеменники могли читать ее по этимъ фигурамъ [3]).

Если признать у Славянъ существованіе фигурнаго письма, въ родѣ самоѣдскаго или индѣйскаго, то съ помощію его можно объяснить способъ составленія нѣкоторыхъ славянскихъ надписей и письменъ, о которыхъ упоминаютъ иностранные писатели и отечественные историческіе акты, напримѣръ, собственныя подписи, которыми, по словамъ Константина Порфиророднаго, Хорваты подтвердили свою клятву нашѣ не воевать съ другими народами; надпись на могильномъ столбѣ, на которомъ, по словамъ Ибнъ-Фодлана, писалось имя покойнаго съ именемъ князя; извѣщеніе (какъ того требовалъ договоръ Игоря съ Греками) русскимъ княземъ о числѣ кораблей съ послами и гостями, которые посылались въ Византію и т. п. [4]).

Но для болѣе широкаго круга понятій, возникшихъ у Славянъ, уже недостаточно было картиннаго письма, которое притомъ, по своей

---

[1]) Арх. Губ. Вѣд. 1870 г., № 34.

[2]) Litwa, Kraszewskiego. W. 1847, т. I, стр. 249.

[3]) Allgem. Cult. Gesch. der Mensch., т. II, стр. 39.

[4]) Сказ. иностр. о бытѣ Слав., *Макушева* Спб. 1861, стр. 163 — 165.

Библиотека "Руниверс"

образности, довольно затрудняло пишущихъ. Поэтому, вмѣстѣ съ перемѣной въ характерѣ родовыхъ знаковъ, должно было появиться письмо простыми начертаніями и нарѣзками, письмо славянскими рунами, или тѣми чрьтами (пятна) и рѣзами (знамена), которыми, по словамъ Черноризца Храбра „чьтяху и гатаху Словѣне, погани суще". Что славянскія руны возникли изъ пятенъ и знаменій, а не на оборотъ, какъ думаютъ нѣкоторые, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Чтобы отрицать это, нужно доказать, что вообще родовые знаки возникли послѣ искусства письма и что самыя простыя изъ открываемыхъ надписей обходятся безъ клеймъ. Навѣрно, позднѣйшія изысканія и сравненіе древнѣйшихъ родовыхъ и домовыхъ знаковъ, открываемыхъ, напримѣръ, на днахъ жертвенныхъ горшковъ [1]), съ славянскими рунами покажутъ, что многіе изъ знаковъ перваго рода вошли въ составъ нашихъ рунъ. Въ подтвержденіе мысли о происхожденіи древнихъ славянскихъ письменныхъ знаковъ отъ пятенъ и знаменъ можно привести и филологическое соображеніе. По словамъ Шафарика, буквы у Славянъ назывались мѣтами или мѣтками, а писецъ—метельникъ; нынѣ же мѣтками и отмѣтинами называются знаки собственности [2]).

Арабскій писатель Ибнъ-Эль-Недимъ, сохранившій въ своемъ сочиненіи славянскія руны, сообщаетъ, что эти знаки были вырѣзываемы на кускахъ бѣлаго дерева. Что такой обычай существовалъ у насъ, подтверждаетъ слово „рѣзъ", которымъ обозначались буквы. О существованіи подобнаго же обыкновенія у ближайшихъ нашихъ сосѣдей—Литовцевъ, находившихся, пожалуй, на низшей степени развитія, нежели Славяне, свидѣтельствуютъ филологическія данныя. Вотъ что говоритъ Крашевскій по этому поводу: „письмо, писаніе по-литовски называется раштасъ, рашимасъ, пишу — рашау, письмо (написанное)—раштасъ. Значеніе этого слова, его корень указываетъ на характеръ древняго письма: рашыти, писать, означаетъ совершенно то же самое, что rizen, runen по-готски, то-есть, вырѣзывать. Рашыти до сихъ поръ означаетъ вырѣзывать на камнѣ. Насѣчки, затеси на деревѣ называются, также какъ и письмо, раштасъ. Наконецъ, раштасъ означаетъ кусокъ дерева, а это еще болѣе подтверждаетъ, что первоначально писали на деревѣ зарубками—раштасъ и знаками—зинкласъ. Буквы по-литовски называются рашитине, или скаитытине

---

[1]) Изображ. ихъ см. въ Древностяхъ, издав. Моск. Археол. Общ. 1867, т. I, вып. 2, табл. VIII—XI.

[2]) О началахъ наслѣдов. въ древн. рус. правѣ, *Никольскаго* М. 1859, стр. 67.

Библиотека "Руниверс"

(числовый знакъ, цифра), или раштелисъ, даже раштасъ... Слово рашыти, писать, употреблялось также для означенія цвѣтнаго вышиванья на рубахахъ" [1]).

И у Славянъ первоначально руны вырѣзывались на доскахъ; оттого вошло въ обычай называть письмо дсками, даже и тогда, когда, вмѣсто дерева, стали употреблять для письма иной матеріалъ [2]). Самое слово книга, по объясненію филологовъ, происходитъ отъ кнее или кніе, а кнее значитъ пень, дерево, доска [3]). У Римлянъ богъ границъ, Гермесъ, изображавшійся въ видѣ пограничныхъ камней, считался изобрѣтателемъ буквъ. Это, конечно, оттого, что на пограничныхъ камняхъ и столбахъ вырѣзывались сначала клейма и межевые знаки, а потомъ и разнаго рода надписи [4]).

---

[1]) Litwa, Kraszew., т. I, стр. 248.
[2]) Historya prawod. słowiańs. Maciejowskiego, т. I, стр. 239.
[3]) Slovanske pravo v Čechach a na Morave. Jireček, т. I, стр. 152.
[4]) Начало цивилиз., Лэбоко, стр. 142.

П. Ефименко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. Экономическо-историческое изслѣдованіе. *Е. Карновича.* С.-Петербургъ. 1874.

Исторія частнаго хозяйства не только въ нашей литературѣ, но и въ заграничной, вообще еще весьма мало разработана. Поэтому нельзя не признать выборъ темы г. Карновича весьма удачнымъ. Монографіи такого рода тѣмъ болѣе должны считаться важнымъ пріобрѣтеніемъ для науки, что онѣ представляютъ одинаково важный интересъ и для исторіи, и для политической экономіи.

Но что могло заставить г. Карновича считать свой трудъ изслѣдованіемъ? Монографія о „частныхъ богатствахъ въ Россіи" едва ли заслуживаетъ такого названія. Собраніе множества фактовъ, относящихся къ замѣчательнымъ частнымъ богатствамъ въ нашемъ отечествѣ, разказъ, большею частью анекдотическій, о многихъ богачахъ XVIII вѣка и о судьбѣ ихъ капиталовъ до позднѣйшаго времени въ томъ видѣ, въ какомъ все это излагается у г. Карновича, вовсе не имѣетъ характера научности. Въ разбираемой книгѣ мы находимъ лишь однѣ частности; авторъ не приходитъ къ какимъ-либо опредѣленнымъ выводамъ. Его книга произвела на насъ впечатлѣніе сборника фактовъ болѣе или менѣе интересныхъ, но еще ожидающихъ тщательной обработки.

Способы пріобрѣтенія значительныхъ богатствъ, какъ справедливо говоритъ г. Карновичъ, могутъ дать вѣрное понятіе о *нравственномъ* состояніи нашего общества. Мы сказали бы, что изученіе этихъ способовъ можетъ ознакомить насъ съ главными условіями быта *хозяйственнаго*, разъясненіе которыхъ, въ свою очередь, можетъ доставить матеріалъ для болѣе правильнаго обсужденія *нѣкоторыхъ* чертъ нравственнаго состоянія народа.

Библиотека "Руниверс"

Относительно матеріаловъ для составленія сочиненія о частныхъ богатствахъ въ Россіи, авторъ въ замѣчаніи подъ стр. 2-й говоритъ слѣдующее: „Мы считаемъ излишнимъ приводить особо длинный списокъ всѣхъ источниковъ, которыми мы воспользовались, такъ какъ на нихъ, тамъ гдѣ это оказывается нужнымъ, дѣлаются ссылки въ самомъ сочиненіи". Вопервыхъ, намъ кажется, что обязанность автора заключается не только въ сообщеніи списка источниковъ, но и въ точной оцѣнкѣ ихъ. Тутъ именно онъ могъ бы указать на значеніе разныхъ видовъ источниковъ, на степень довѣрія, котораго заслуживаютъ различныя записки или историческіе труды, относящіеся къ исторіи XVII и XVIII вѣковъ; могъ бы указать преимущественно на тѣ источники, которые заключаютъ въ себѣ богатый матеріалъ для исторіи хозяйства, какъ напримѣръ, на сочиненіе Котошихина и пр.; авторъ былъ бы обязанъ за тѣмъ упомянуть о значеніи матеріала, заключающагося въ такихъ сочиненіяхъ, какъ книга Гельбига „Russische Güstlinge" или біографическіе словари Бантышъ-Каменскаго и пр. Вовторыхъ, ссылки на нѣкоторыя сочиненія, которыми пользовался г. Карновичъ, встрѣчаются у него въ весьма небольшомъ числѣ, а къ тому же безъ достаточно подробныхъ указаній. Авторъ, впрочемъ, замѣчаетъ, „что при пользованіи упомянутыми матеріалами строгая историческая критика, въ большинствѣ случаевъ, была почти не возможна, такъ какъ очень часто нельзя дознаться съ точностью о томъ, какимъ именно способомъ пріобрѣтались богатства всѣми тѣми, которые въ разное время слыли у насъ извѣстными богачами, а также опредѣлить цѣнность или доходность принадлежавшаго имъ имущества". Тутъ, какъ видно, смѣшиваются два различные предмета. Историческая критика должна прежде всего опредѣлять степень достовѣрности источниковъ вообще, а затѣмъ уже опредѣляются съ возможною точностью частности каждаго факта. Совсѣмъ разныя вещи — объясненіе, почему, напримѣръ, сочиненіемъ Гельбига „Russische Güstlinge" должно пользоваться лишь съ величайшею осторожностью, или разборъ вопроса, на сколько можно считать вѣроятнымъ, что графъ Завадовскій занимался передѣломъ монеты въ разные предметы и этимъ самымъ содѣйствовалъ умноженію своего богатства.

Изъ книги г. Карновича читатель, хотя нѣсколько знакомый съ источниками, можетъ, конечно, составить себѣ понятіе о размѣрахъ начитанности автора. Очевидно, автору извѣстны общіе историческіе источники, записки современниковъ, журнальныя статьи; но очень

Библиотека "Руниверс"

жаль, что мы не въ состояніи прослѣдить способа, какимъ онъ пользовался всѣмъ этимъ. Такъ напримѣръ, на стр. 284 сказано: „Извѣстный историкъ Германъ разказываетъ, что по смерти императрицы Елизаветы графъ Алексѣй Разумовскій просилъ Петра III принять въ казну все пожалованное ему, Разумовскому, недвижимое имѣніе, оставивъ за нимъ одну только слободу, гдѣ бы онъ могъ вести остатокъ своихъ дней". При чтеніи этихъ строкъ насъ прежде всего поразили выраженія: „извѣстный историкъ Германъ разказываетъ". Откуда почтенный авторъ сочиненія „Geschichte des russischen Staats", профессоръ Марбургскаго университета, могъ узнать объ этомъ анекдотѣ, и можно ли приводить „разказъ Германа" въ томъ же тонѣ, въ какомъ передается обыкновенно разказъ современника-очевидца? Мы пожелали справиться съ самимъ Германомъ, но въ книгѣ г. Карновича не нашли надлежащей ссылки на него; тогда мы на удачу обратились къ тому изъ сочиненій Германа, въ которомъ легче всего можно было предполагать разказъ о Разумовскомъ, а именно въ „Geschichte des russischen Staats". Тутъ въ томѣ V, на стр. 265, нашли мы то указаніе, на которомъ г. Карновичъ основываетъ свой разказъ. Оказалось, что въ означенномъ мѣстѣ г. Германъ приводитъ in extenso обширную записку саксонскаго дипломата графа Брюля, такъ что „разказъ Германа" превратился этимъ самымъ въ разказъ Брюля. Что же касается до содержанія разказа, то онъ въ сочиненіи г. Карновича представленъ въ совершенно искаженномъ видѣ. Алексѣй Разумовскій и не думалъ отказываться отъ своихъ богатствъ въ пользу казны, а желалъ лишь отказаться отъ занимаемыхъ имъ должностей: не того ему хотѣлось, чтобы государь „оставилъ за нимъ одну слободу", а просилъ онъ подарить ему имѣніе въ Малороссіи [1]).

Такой случай небрежности едва ли можетъ развить въ читателяхъ-спеціалистахъ особенное довѣріе къ книгѣ г. Карновича [2]). Чѣмъ менѣе солидно пользовался онъ источниками, тѣмъ болѣе важною оказывается для насъ повѣрка данныхъ въ его книгѣ.

Во многихъ случаяхъ совершенное отсутствіе ссылокъ оказы-

---

[1]) *Hartmann*, Gesch. d. russ. Staats. V, 265.

[2]) Вотъ, между прочимъ, примѣры хронологическихъ погрѣшностей: на стр. 114 авторъ говоритъ, что со времени Семилѣтней войны прошло *два* столѣтія; на стр. 129 сказано, что въ 1760 (sic) году Екатерина II возвратила внуку Толстаго графское достоинство.

Библиотека "Руниверс"

вается чрезвычайно прискорбнымъ. Такъ, напримѣръ, вопросъ о фальшивыхъ русскихъ ассигнаціяхъ, привезенныхъ будто бы Французами въ 1812 году въ Россію, еще не такъ давно считался спорнымъ. Между тѣмъ какъ г. Богдановичъ положительно не довѣрялъ этому слуху, г. Липранди въ *Русскомъ Архивѣ* (1865 г, стр. 491—494 и 873—882) приводитъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ въ подтвержденіе его. Вообще же это обстоятельство еще не достаточно изслѣдовано [1]). Тѣмъ любопытнѣе замѣтка г. Карповича (стр. 27) о случаяхъ обогащенія фальшивыми, ввезенными Наполеономъ, ассигнаціями въ 1812 г., когда вдругъ появились въ Москвѣ громадные купеческіе капиталы у лицъ, до того времени совершенно бѣдныхъ и не занимавшихся никакими значительными коммерческими предпріятіями. Тутъ опять нѣтъ никакой ссылки. Вообще ссылки встрѣчаются въ книгѣ г. Карповича лишь какъ весьма рѣдкое исключеніе. То, что авторъ называетъ ссылкою, по нашему мнѣнію, вовсе не заслуживаетъ этого названія. На стр. 49, напримѣръ, сказано: „1.750.000 рублей при Екатеринѣ II, по сдѣланному въ *Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей* замѣчанію, равнялись 10 милліонамъ по нашему курсу 1862 года". Кто сдѣлалъ это „замѣчаніе"? Когда оно было сдѣлано? Въ какой статьѣ? Можетъ ли столь важный результатъ быть содержаніемъ простаго „замѣчанія", тогда какъ онъ долженъ быть основанъ на тщательномъ изысканіи объ отношеніи цѣнностей или монетныхъ единицъ въ различное время? Такого рода ссылки обнаруживаютъ полнѣйшій дилеттантизмъ.

Г. Карповичъ очень доволенъ своею начитанностью и считаетъ свой трудъ совершенно полнымъ, не имѣющимъ пробѣловъ. На стр. 4 сказано: „Мы не безъ увѣренности полагаемъ, что все, когда-либо появившееся въ печати какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ, касательно частныхъ богатствъ въ Россіи, внесено въ настоящій трудъ съ прибавленіемъ къ тому нѣкоторыхъ, впрочемъ, весьма немногихъ свѣдѣній, заимствованныхъ нами изъ рукописныхъ матеріаловъ". Имѣлъ ли авторъ, разсуждая такимъ образомъ, хотя бы приблизительное понятіе объ обширности своей задачи? Исчерпать все, встрѣчающееся въ иностранной литературѣ о частныхъ богатствахъ въ Россіи, было бы, вопервыхъ, нелегко, а вовторыхъ, совершенно безполезно. Многія подробности о частныхъ богатствахъ вовсе не

---

[1]) См. мою статью «Napoleon I als Fälscher russischen Papiergeldes» въ журналѣ: *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, 1867 II, 435.

Библиотека "Руниверс"

интересны, вовсе не заслуживаютъ вниманія и имѣютъ нѣкоторое значеніе только какъ сырой матеріалъ. Далѣе, число источниковъ, напримѣръ, однихъ записокъ современниковъ на различныхъ языкахъ, столь громадно, что едва ли кто-нибудь можетъ гордиться полнымъ знакомствомъ со всѣми такими книгами, въ которыхъ могло быть упомянуто о частныхъ богатствахъ въ Россіи. О князѣ Меншиковѣ, Биронѣ, графѣ Остерманѣ и пр. явилось за границею въ продолженіе XVIII вѣка множество брошюръ и довольно обширныхъ сочиненій, въ которыхъ говорится между прочимъ болѣе или менѣе подробно, о хозяйственномъ положеніи этихъ лицъ. Неужели г. Карновичъ убѣжденъ, что онъ вполнѣ знакомъ со всею этою литературою? Занимался ли онъ, напримѣръ, вопросомъ о частномъ богатствѣ извѣстнаго современника Петра Великаго Ивана—Посошкова? Читалъ ли онъ все то, что̀ Юрій Крижаничъ писалъ объ общественномъ положеніи богатыхъ людей, которыхъ онъ называетъ Сарданапалами? То, что̀ сказано въ сочиненіи г. Карновича, на стр. 173, о безкорыстіи Лефорта, заставляетъ сомнѣваться, чтобъ ему было извѣстно сочиненіе Поссельта о Лефортѣ, въ которомъ, однако, встрѣчаются весьма любопытныя данныя о частномъ богатствѣ этого любимца Петра Великаго.

Приступая къ рѣшенію такой задачи, за которую взялся г. Карновичъ, нельзя довольствоваться знакомствомъ съ историческою литературою въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Авторъ подобнаго труда долженъ быть экономистомъ, долженъ быть знакомъ съ важнѣйшими пособіями исторіи хозяйства вообще и исторіи хозяйства въ Россіи въ особенности. Ни того, ни другаго нельзя сказать о г. Карновичѣ, который, затрогивая экономическіе вопросы, разсуждая объ экономическо-историческихъ фактахъ, обнаруживаетъ изумительное незнакомство съ предметомъ и неумѣнье заниматься такого рода вопросами.

Размѣры богатства частныхъ лицъ выражаются въ цифрахъ, а именно чаще всего въ извѣстныхъ суммахъ денегъ или въ извѣстномъ числѣ крѣпостныхъ крестьянъ. Очевидно, доходность поземельной собственности была различна въ различное время и въ различныхъ мѣстахъ; нигдѣ, однако, въ сочиненіи г. Карновича мы не встрѣчаемъ попытки опредѣлить извѣстное отношеніе имущества къ доходамъ, получаемымъ изъ этого имущества. На стр. 305 авторъ разказываетъ, что братья Орловы получили въ сложности отъ 1762 по 1783 г. 45.000 душъ крестьянъ и 17 милліоновъ рублей налич-

Библиотека "Руниверс"

ными деньгами и разными драгоцѣнностями, а на стр. 307 сказано, что ежегодный доходъ князя Орлова (одного изъ братьевъ) простирался до 200.000 руб. Невольно рождается вопросъ: не кажется ли ежегодный доходъ относительно незначительнымъ въ сравненіи съ громаднымъ капиталомъ? Какихъ бы то ни было соображеній объ отношеніи дохода къ капиталу въ сочиненіи г. Карновича нигдѣ не встрѣчается.

Исторія монетной единицы, подвергавшейся въ продолженіе вѣковъ сильнымъ измѣненіямъ, какъ кажется, вовсе не интересуетъ автора. Все, что̀ упоминается объ этомъ въ книгѣ г. Карновича, показываетъ только, что онъ никогда не занимался исторіей денежной системы въ Россіи.

На стр. 36 разказано, что царь Борисъ Ѳедоровичъ подарилъ воеводѣ Петру Ѳедоровичу Басманову, за пораженіе Самозванца, между прочимъ, „2.000 рублей, составляющихъ по нынѣшнему курсу 100.000 рублей". На чемъ основано такое положеніе? Неужели на тщательномъ сравненіи монетной единицы въ началѣ XVII вѣка съ „нынѣшнимъ курсомъ"? Что̀ значитъ „нынѣшній курсъ"? Имѣется ли тутъ въ виду сравненіе количества серебра въ рублѣ при Борисѣ съ количествомъ серебра, соотвѣтствующимъ теперешнему бумажному рублю? Имѣется ли въ виду различная степень возможности купить извѣстное количество различнаго товара, а именно хлѣба, въ различное время? Мы полагаемъ, что авторъ едва ли въ состояніи отвѣчать на подобные вопросы.

Указаніе на то, что $1^3/_4$ милліона равнялись при Екатеринѣ II 10-ти милліонамъ „по нашему курсу 1862 года", онъ встрѣтилъ, какъ мы уже видѣли, гдѣ-то въ *Чтеніяхъ Московскаго общества*; но на чемъ основано такое положеніе — къ этому вопросу г. Карновичъ относится вполнѣ равнодушно.

Г. Карновичъ на стр. 362 говоритъ, что банкиру Сутерланду было поручено перевести въ Англію казенныя суммы въ количествѣ 6.000.000 гульденовъ, что̀ составляло на тогдашнія наши деньги 200.000 рублей" (sic!). Неужели г. Карновичъ считаетъ возможнымъ, чтобы при Екатеринѣ одинъ рубль равнялся 30-ти гульденамъ? Или это опечатка? Но она не оговорена въ спискѣ типографскихъ погрѣшностей, какъ и многія другія.

Какъ мало г. Карновичъ знакомъ съ исторіей денегъ въ Россіи — видно изъ слѣдующаго. На стр. 50 разказываетъ онъ объ искусствѣ графа Завадовскаго захватывать золотую и серебряную монету

Библиотека "Руниверс"

въ свои руки при самомъ выходѣ ея изъ чеканки, а затѣмъ продолжаетъ: „Даже мѣдныя деньги и тѣ быстро уходили изъ обращенія, такъ какъ цѣнность мѣди въ издѣліяхъ была выше, нежели въ монетѣ, и по слышаннымъ нами преданіямъ, многіе разжились тѣмъ, что сплавляли мѣдныя деньги и потомъ продавали мѣдь на вѣсъ, преимущественно на выдѣлку кубовъ для винокуренныхъ заводовъ".

Вообще ли, часто ли, когда именно „цѣнность мѣди въ издѣліяхъ была выше нежели въ монетѣ"? Такой вопросъ даже и не затрогивается авторомъ. Положившись на его слова, можно подумать, что мѣдныя деньги въ Россіи чеканились обыкновенно такимъ образомъ, что реальная цѣнность заключавшейся въ деньгахъ мѣди превышала номинальную цѣнность монеты, между тѣмъ какъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ сплавка денегъ оказывалась выгодною операціей. Объ отношеніи номинальной цѣны монеты къ реальной можно весьма легко узнать изъ многихъ доступныхъ каждому изслѣдованій, напримѣръ, изъ сочиненій барона Шодуара (Chaudoir), Заблоцкаго, изъ описаній нумизматическихъ коллекцій Шуберта, Рейхеля и др. Настоящій историкъ-экономистъ никогда не станетъ при оцѣнкѣ столь важныхъ фактовъ руководствоваться „слышанными преданіями", а обратится къ исторической литературѣ. Изъ нея г. Карповичъ узналъ бы, что, напримѣръ, въ то время, къ которому отнесены имъ операціи Завадовскаго по сплавкѣ монетъ, пудъ мѣди стоилъ не болѣе $5^1/_2$ рублей, тогда какъ изъ одного пуда мѣди чеканилось мѣдной монеты на сумму 16 рублей [1]). Значитъ, по крайней мѣрѣ въ то время, сплавка монетъ и передѣлка ихъ въ кубы для винокуренныхъ заводовъ оказываются невозможными. Неужели авторъ наивно „убѣжденъ, что правительство допускало въ мѣдной монетѣ такую несообразность между номинальною и реальною цѣнностями въ ущербъ казнѣ? Кто хотя сколько-нибудь знакомъ съ исторіей денегъ, тотъ знаетъ, конечно, что правительство гораздо легче ошибалось въ противоположномъ направленія, чеканя деньги по слишкомъ высокой номинальной цѣнѣ, то-есть, употребляя при чеканкѣ монетъ слишкомъ мало металлу, что̀ обыкновенно имѣло слѣдствіемъ пониженіе цѣнности монетной единицы.

Вотъ еще другой случай, показывающій незнакомство автора съ исторіей денегъ въ Россіи. На стр. 49 у него сказано: „Бумажно-денежныхъ цѣнностей въ старину у насъ вовсе не существовало;

[1]) См. *Chaudoir*, Aperçu sur les monnaies russes, I, 190—192.

Библиотека "Руниверс"

введенныя же при Екатеринѣ II ассигнаціи долгое время не пользовались большимъ кредитомъ, такъ что собственно при недостаткѣ звонкой монеты и копить было нечего". Значитъ, по мнѣнію автора, бумажныя деньги въ первое время послѣ выпуска не пользовались довѣріемъ публики, и только мало-по-малу („долгое время") упрочилось довѣріе къ нимъ? Исторія бумажныхъ денегъ въ Россіи свидѣтельствуетъ о совершенно противномъ. Въ началѣ выпускъ ассигнацій увѣнчался полнымъ успѣхомъ вслѣдствіе того, что правительство поступало осторожно, ограничиваясь выпускомъ сравнительно небольшой суммы бумажекъ. Въ самое первое время публика отдавала имъ даже предпочтеніе предъ металлическими деньгами, такъ что размѣнъ послѣднихъ на бумажныя деньги происходилъ съ наддачею $^1/_4$% звонкой монеты. Только спустя нѣсколько лѣтъ, когда вслѣдствіе политическихъ затрудненій, въ особенности же вслѣдствіе Второй Турецкой войны, правительство рѣшилось выпустить гораздо болѣе значительное количество бумажныхъ денегъ, ассигнаціи начали падать въ цѣнѣ и мало по малу утратили довѣріе публики. О всемъ этомъ г. Карповичъ могъ бы узнать подробно, заглянувъ въ одно изъ многочисленныхъ сочиненій, посвященныхъ этому предмету. Онъ убѣдился бы, что бумажныя деньги довольно долгое время пользовались большимъ кредитомъ, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Въ 1772	году	100	руб. звонкой монеты	=	101	бум. денегъ.
„ 1787		100	„	=	103	„
„ 1790		100	„	=	115	„
„ 1791		100	„	=	123	„

и т. д. [1]).

На той же 49 стр. въ сочиненіи г. Карновича встрѣчаются нѣкоторыя соображенія о количествѣ находившихся въ обращеніи при Екатеринѣ II денегъ. При этомъ случаѣ авторъ, приводя разныя данныя, ссылается на „одну изъ замѣтокъ Екатерины". Что это за замѣтка? Гдѣ она напечатана? На чемъ основаны цифры, сообщенныя императрицею?

Г. Карновичъ рѣдко затрогиваетъ вопросы, относящіеся до исторіи хозяйства вообще, но тамъ, гдѣ онъ это дѣлаетъ, обнаруживается вполнѣ его несостоятельность. На стр. 60 онъ говоритъ о роскоши,

---

[1]) См., между прочимъ, *П. Шторха*, Матеріалы для исторіи государственныхъ денежныхъ знаковъ въ Россіи съ 1653 по 1840 г. Спб. 1868, стр. 57. (Оттискъ изъ *Журн. Мин. Нар. Просв.*).

Библиотека "Руниверс"

которая выражалась главнымъ образомъ въ содержаніи многочисленной прислуги, и на ряду съ которою господствовала не рѣдко нищенская обстановка: „Такая въ сущности нищенская обстановка не помѣшала, однако, Карамзину, восхвалявшему до-Петровскій нашъ бытъ, написать слѣдующія фразистыя строки объ обстановкѣ московскаго боярства: „Въ теченіе вѣковъ народъ обыкъ чтить бояръ какъ мужей, ознаменованныхъ величіемъ, поклонялся имъ съ истиннымъ уничиженіемъ, когда они со своими благородными дружинами, съ азіятскою пышностію, при звукѣ бубновъ, являлись на стогнахъ, шествуя въ храмъ Божій, или шли на совѣтъ къ государю". Нападеніе г. Карновича на Карамзина лишено всякаго основанія. Народу, не привыкшему ни къ какой роскоши, обстановка бояръ должна была казаться чрезвычайно пышною и богатою, если даже она, по нашимъ нынѣшнимъ понятіямъ, можетъ отчасти казаться „нищенскою".

Далѣе на той же страницѣ говорится объ одеждѣ, не отличавшейся въ до-Петровскій періодъ особенною роскошью, между прочимъ потому, что „дорогіе наряды, какъ мужскіе, такъ равно и женскіе, не подчинялись причудливымъ требованіямъ моды и переходили постоянно отъ одного поколѣнія къ другому". На низкихъ степеняхъ культуры сырые продукты обыкновенно обходятся дешево, тогда какъ произведенія промышленности, напримѣръ, ткани, цѣнятся весьма дорого, особенно когда онѣ производятся за границею. Дорогіе наряды въ Московскомъ государствѣ состояли большею частью изъ матерій, бывшихъ предметомъ привоза изъ-за границы. Онѣ обходились чрезвычайно дорого. Многіе писатели XVII вѣка, иностранцы, посѣщавшіе Россію, въ своихъ запискахъ особенно говорятъ о томъ, что Русскіе любятъ наряжаться въ дорогія и заграничныя матеріи, и что на эту роскошь даже люди скромнаго состоянія обыкновенно тратятъ весьма значительныя суммы. Таковы, напримѣръ, отзывы Петрея, Олеарія, Крижанича и др. Кто хотя нѣсколько знакомъ съ костюмомъ Русскихъ въ XVII столѣтіи, напримѣръ, изъ великолѣпнаго изданія „Русскихъ Древностей", кто имѣлъ случай перелистывать ту или другую изъ расходныхъ книгъ XVII вѣка, напримѣръ, расходную книгу митрополита (впослѣдствіи патріарха) Никона, тотъ будетъ въ состояніи составить себѣ нѣкоторое понятіе о роскоши тогдашнихъ нарядовъ. Чтобы составить себѣ вѣрное понятіе объ этихъ нарядахъ, слѣдуетъ, между прочимъ, сравнивать цѣны на сукно, атласъ, бархатъ и т. п. съ хлѣбными цѣнами того времени. Вотъ нѣкото-

Библиотека "Руниверс"

рые результаты, къ которымъ мы пришли путемъ такихъ изслѣдованій. Никонъ на покупку сукна для саней истратилъ столько денегъ, сколько было нужно для покупки 30 четвертей ржи. Въ продолженіе семи мѣсяцевъ имъ была израсходована на платье сумма денегъ, соотвѣтствовавшая 500 четвертей ржи. Между тѣмъ какъ по нынѣшнимъ цѣнамъ аршинъ сукна, атласу, или бархату равняется въ цѣнѣ $^1/_4$ или $^1/_2$ четверти ржи, въ XVII вѣкѣ за десять четвертей ржи платилось столько же, сколько платилось за аршинъ этихъ матерій [1]).

На основаніи всего сказаннаго намъ кажется, что г. Карновичъ недостаточно приготовленъ для занятій экономическо-историческими темами. Тѣмъ не менѣе авторъ придаетъ своему сочиненію особенное значеніе. На стр. 4 онъ говоритъ: „Позволяемъ себѣ думать",— говоритъ онъ,—„что въ книгѣ нашей найдется не мало занимательныхъ подробностей; но если бы мы ограничились только ими, то трудъ нашъ представлялъ бы не столько общаго историческаго, сколько отрывочнаго, анекдотическаго интереса. Поэтому, независимо отъ подробностей, мы сдѣлали еще общіе выводы и такія же замѣчанія, указывающія, подъ вліяніемъ какихъ именно обстоятельствъ въ ту или другую пору могли возникать и развиваться у насъ замѣчательныя частныя богатства; какъ богатства эти подъ тѣмъ же вліяніемъ скоплялись въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ или какихъ-нибудь фамилій, какъ потомъ они дробились, распадались, переходили по наслѣдству или пропадали безслѣдно".

Къ сожалѣнію такихъ обобщеній, выводовъ почти вовсе не встрѣчается въ сочиненіи г. Карновича, и книга его, вопреки его желанію, сохраняетъ почти исключительно отрывочный, анекдотическій характеръ. Автору далеко не удалось овладѣть предметомъ. Утопая во множествѣ выписокъ, заключавшихъ въ себѣ лишь подробности, онъ даже и не съумѣлъ сгруппировать факты по какимъ-либо общимъ соображеніямъ.

Мы не встрѣчаемъ никакой цѣльности въ изложеніи г. Карновича. Одинъ случай пріобрѣтенія богатства слѣдуетъ за другимъ, безъ всякой связи. Авторъ, очевидно, не держался и не хотѣлъ держаться хронологическаго порядка, хотя въ первыхъ главахъ есть нѣкоторыя указанія на богачей XVII вѣка, а въ послѣдней говорится о богачахъ изъ временъ императора Павла и даже Александра I.

---

[1]) См. расходную книгу Никона въ *Временникѣ Моск. Общ. Ист.*, т. XIII.

Библиотека "Руниверс"

За то въ первыхъ же главахъ говорится и о богачахъ Екатерининскаго времени; о нѣкоторыхъ милліонерахъ времени Елизаветы упоминается во второй половинѣ книги, о богатствѣ фамиліи Строгановыхъ, получившемъ свое начало еще до Петра, въ одиннадцатой главѣ.

Авторъ могъ бы дѣлить богатства на пріобрѣтенныя при дворѣ или государственною службой и посредствомъ обширныхъ торговыхъ и промышленныхъ операцій. Онъ, однако, не держался такого порядка въ распредѣленіи своего матеріала, какъ видно изъ того обстоятельства, что въ одной и той же главѣ говорится довольно часто о богатыхъ купцахъ и о царедворцахъ, составившихъ себѣ громадное состояніе, о фабрикантахъ и о государственныхъ людяхъ, считавшихся милліонерами. Хотя, напримѣръ, въ 11-й и 12-й главахъ рѣчь идетъ преимущественно о Строгановыхъ, Демидовыхъ и т. п., но тутъ же совсѣмъ не кстати находятся указанія на Сибирскихъ князей, графа Владиславлевича-Рагузинскаго и т. п. Вмѣсто того, чтобъ отнести исторію богача Походяшина (въ 17-й главѣ) въ группѣ Баташевыхъ, Гордениныхъ, Тулиновыхъ, Твердышевыхъ (въ 11-й и 12-й главахъ), разказъ о Походяшинѣ какъ-то нечаянно попалъ въ ту главу, которая посвящена Миниху и Бирону, Волынскому и Неплюеву. Въ 19-й главѣ, правда, говорится только о богатствѣ государственныхъ людей, въ 20-й только о богатствѣ купцовъ, откупщиковъ и т. п., но такую группировку матеріала слѣдовало бы провести гораздо болѣе послѣдовательно. Отсутствіе этой послѣдовательности и лишаетъ сочиненіе г. Карновича значительной доли интереса. Г. Карновичъ въ большей части случаевъ считалъ нужнымъ прослѣдить судьбы капиталистовъ до новѣйшаго времени, разказать, какъ богатства дѣлились между сыновьями или дочерьми какихъ-нибудь милліонеровъ, какого рода браки были заключаемы въ ихъ потомствѣ и т. д., а между тѣмъ гораздо интереснѣе было бы поставить слѣдующіе вопросы: Какіе изъ самыхъ замѣчательныхъ богатствъ XVIII вѣка уцѣлѣли до настоящаго времени? Какія условія содѣйствовали главнымъ образомъ сохраненію большихъ капиталовъ? Какіе капиталы исчезли и какимъ путемъ? Авторъ могъ бы также изслѣдовать вопросъ о доходности поземельной собственности, о причинахъ упадка крупнаго землевладѣнія, объ участіи царедворцевъ или государственныхъ людей въ промышленныхъ и коммерческихъ предпріятіяхъ, о поощреніи, со стороны капиталистовъ, научнымъ интересамъ и т. п. Г. Карновичъ этого не сдѣлалъ. Нельзя, однако, не отдать ему справедли-

Библиотека "Руниверс"

вости въ томъ, что онъ собралъ въ своемъ сочиненіи значительный матеріалъ, хотя ему и не удалось овладѣть избраннымъ имъ предметомъ.

А. Брикнеръ.

Физиологија гласа и гласови српскога језика. Лингвистичка студија *Стојана Новаковића*. (Физіологія слова человѣческаго и звуки сербскаго языка. Лингвистическое изслѣдованіе *Стояна Новаковича*). У Београду, 1873 (Особый оттискъ изъ *Гласника српскоі ученоі друштва*, XXXVII).

Авторъ поставилъ себѣ задачею, съ одной стороны, показать, что̀ сдѣлала наука по части раздѣленія звуковъ языка, основаннаго на ихъ физіологическомъ происхожденіи, и именно показать это для разъясненія основнаго вопроса о природѣ науки языковѣдѣнія (то-есть, принадлежитъ ли она къ разряду историческихъ, или же естественныхъ наукъ) и о согласіи и связи между науками, — съ другой же стороны, усвоить сербской литературѣ и сербскому языку новѣйшія и наиболѣе раціональныя мнѣнія о звукахъ, о ихъ нѣкоторыхъ законахъ и объ ихъ раздѣленіи.

Во введеніи говорится о возникшемъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, спорѣ о томъ, слѣдуетъ ли причислить языковѣдѣніе къ естественнымъ или же историческимъ наукамъ. Представителями двухъ противоположныхъ мнѣній объ этомъ предметѣ авторъ справедливо считаетъ, съ одной стороны, Шлейхера и М. Мюллера, съ другой — Штейнталя. Намъ кажется только, что онъ не вполнѣ вѣрно характеризуетъ ученіе Штейнталя, говоря, что послѣдній возсталъ противъ Шлейхера и Мюллера съ старой точки зрѣнія идеализма и всевозможныхъ трансцендентальныхъ доктринъ. По нашему мнѣнію, гораздо болѣе идеализма и трансцендентализма можно найдти у Шлейхера, разсматривающаго языкъ въ отвлеченіи отъ человѣка и считающаго его какимъ-то особеннымъ, независимымъ организмомъ, нежели у Штейнталя, всѣ стремленія котораго сосредочиваются именно въ томъ, чтобы напоминать другимъ лингвистамъ, что языкъ не есть самъ по себѣ существующій организмъ, но только органъ духа (выраженіе, впрочемъ, далеко не опредѣленное) и физіологически-психологическая (по преимуществу же психологическая) функція человѣческаго физически-психическаго организма, и что, слѣдовательно, языкъ нельзя разсматривать въ отвлеченіи отъ его носителя, то-есть, отъ человѣка. Мы не рѣшаемъ вопроса о томъ, на сколько вѣрно это мнѣніе и другія, въ связи съ нимъ состоя-

Библиотека "Руниверс"

щія, общія положенія Штейнталя, но позволимъ себѣ замѣтить, что во всякомъ случаѣ его никакъ нельзя обвинять въ лишнемъ „идеализмѣ“ и „трансцендентализмѣ“. Г. Новаковичъ не соглашается ни съ тѣми, кто причисляетъ языковѣдѣніе къ естественнымъ наукамъ, ни съ тѣми, кто считаетъ его наукою историческою, и прежде всего не находя никакого существеннаго различія между естественными и историческими науками, совершенно правильно ставитъ языковѣдѣніе въ связь съ обѣими этими категоріями научной дѣятельности. Относительно мѣста, занимаемаго языковѣдѣніемъ между другими отдѣльными науками, авторъ соглашается съ философскою школой О. Конта и съ сербскимъ писателемъ по вопросамъ философіи Куюнджичемъ (Кујунџић), хотя, впрочемъ, этотъ послѣдній, на сколько можно судить по характеристикѣ его ученія, сообщенной г. Новаковичемъ, ограничивается болѣе общими мѣстами и не входитъ въ подробный, положительный разборъ этого вопроса.

II-я, III-я, IV-я, V-я и VI-я главы предлежащаго сочиненія посвящены разсмотрѣнію физіологической природы звуковъ, преимущественно въ примѣненіи къ сербскому языку. Это изслѣдованіе основано на добросовѣстномъ изученіи трудовъ другихъ лингвистовъ и физіологовъ и на собственныхъ наблюденіяхъ автора. Въ отдѣлѣ II-мъ разсматриваются органы рѣчи и ихъ дѣйствіе вообще; III-й отдѣлъ занимается происхожденіемъ и природою гласныхъ, а IV-й—образованіемъ согласныхъ и ихъ раздѣленіемъ по способу произношенія или артикуляціи; въ V-мъ отдѣлѣ говорится о звукѣ *х* у Сербовъ и различіи между звонкими („јасним“) и глухими („муклим“) согласными, а въ VI-мъ—о происхожденіи согласныхъ по предѣламъ и мѣстамъ артикуляціи. Представленное здѣсь ученіе нашего автора болѣе всего согласуется съ ученіемъ Брюке (Brücke), хотя и представляетъ нѣкоторыя отступленія отъ знаменитаго физіолога, конечно тамъ, гдѣ этотъ послѣдній не вполнѣ вѣрно понялъ природу того или же другаго звука или даже цѣлой категоріи звуковъ. При раздѣленіи согласныхъ по мѣсту артикуляціи авторъ придерживается И. Бодуэна-де-Куртенэ (О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія. Лейпцигъ, 1870), хотя въ нѣкоторомъ отношеніи исправляетъ его систему. Наглядное представленіе принятаго авторомъ раздѣленія звуковъ даетъ слѣдующая физіологическая таблица звуковъ сербскаго языка, приложенная г. Новаковичемъ въ концѣ VI-го отдѣла:

Библиотека "Руниверс"

СОГЛАСНЫЕ.								ГЛАСНЫЕ.	
Предѣлъ артикуляціи.	Мѣсто артикуляціи.	Мгновенные.		Продолжительные.		Носовые.	Полугласные.	Первичные.	Вторичные.
		Глухіе.	Звонкіе.	Глухіе.	Звонкіе.				
	Гортань.	—	—	х	—	—	—	а	
Языкъ и небо.	Заднее небо и задній край языка.	к	г	—	—	—	(л)		
	Середина неба и середина языка.	—	—	(х)	j	—	—	и	
	Передній край неба и языка.	—	—	I. ш II. ч	ж щ	—	—		(ъ)
	Верхняя челюсть и конецъ языка.	ħ	ḥ	(ѳ)	ź	ń	ł		о
Передніе зубы извнутри и передній край языка.			д	I. с II. ц	з (з)		л р		
Губы, нижняя губа, верхніе передніе зубы (рѣзцы).		п	б	ф	в	м	—	у	

Библиотека "Руниверс"

Не вдаваясь въ подробную оцѣнку этой таблицы, позволимъ себѣ замѣтить только слѣдующее:

1) Нѣтъ никакого основанія исключать мѣсто артикуляціи переднихъ зубовъ и передняго края языка изъ предѣла языка и неба. Отъ *т* и *д* къ ḣ и ḥ переходъ меньше, нежели отъ h и ḥ къ *к* и *г*.

2) Существенное различіе между звуками разряда *т* и *д* и звуками разряда *к* и *г* состоитъ въ томъ, что тамъ дѣйствуетъ конецъ или же передній край языка, здѣсь же его задняя поверхность. Различіе мѣста неба, къ которому языкъ приближается или же прижимается, есть при этомъ дѣло второстепенное и несущественное. Конецъ языка даже на границѣ твердаго и мягкаго неба все же производитъ звукъ, акустически подходящій подъ категорію *т* или *д* или т. п. Напротивъ того, какъ ни приближается задній край языка къ переднимъ зубамъ, онъ въ состояніи произвести только согласный изъ категоріи *к*, *г*, *х* и т. д.

3) Кромѣ мѣста артикуляціи, слѣдуетъ принимать во вниманіе его ширину и длину; такъ, напримѣръ, весьма важно опредѣлить,—совершается ли соприкосновеніе или же сближеніе языка и неба въ видѣ физической линіи или же въ видѣ поверхности; *j* есть именно результатъ *поверхностнаго* тѣснаго сближенія передней части языка съ переднимъ небомъ.

4) Совершенно ошибочно считать задненебное *х* (=*ch*, въ различіи отъ гортаннаго *х*=нѣмецкому *h*) глухимъ, соотвѣтствующимъ звонкому *j*. Глухому *х* соотвѣтствуетъ, какъ звонкій, тотъ придувной согласный, который, напримѣръ, въ чешскомъ (*h*), малорусскомъ и т. п. развился отъ звонкаго мгновеннаго *г*. Авторъ слѣдуетъ здѣсь Брюке, и потому не удивительно, что не хочетъ согласиться на эту связь *х* съ звонкимъ придувнымъ *г* (h) (ср. стр. 50).

5) Для *р* слѣдовало бы придумать особый разрядъ по способу произношенія, а не ставить его вмѣстѣ съ *л* въ одномъ и томъ же разрядѣ. Сверхъ того, названіе „полугласные", съ физіологической точки зрѣнія, совершенно неумѣстно. Если же сохранить его, то нужно замѣтить, что, напримѣръ, *j* или же чисто губное *в* (*w*) имѣютъ на него гораздо болѣе права, нежели *р* (r).

6) Авторъ силится доказать, что *ч* (ċ), *ц* (дż), h, ḥ, *ц* и т. п суть согласные совершенно простые, не сложные, точно также, какъ напримѣръ, *с*, *з*, *ш*, *j* и т. п. Онъ говоритъ объ этомъ довольно обширно (стр. 48 и слѣд.), отчасти даже противорѣча самому себѣ (стр. X,50—51), но все-таки въ концѣ концовъ онъ не въ состоя-

Библиотека "Руниверс"

ніи съ точностью опредѣлить, съ своей точки зрѣнія, природу этихъ будто бы безотносительно простыхъ согласныхъ, и не находя для нихъ ни особаго мѣста артикуляціи, ни особаго способа произношенія, онъ принужденъ отожествить въ своей таблицѣ ч съ *ш*, ц (дж) съ *ж*, *ц* съ *с* и т. п. Гораздо легче было бы г. Новаковичу сладить съ этими согласными, еслибъ онъ не считалъ ихъ съ такимъ упрямствомъ безотносительно простыми. Конечно, они, и по моему, сложны не въ томъ смыслѣ, чтобъ ихъ можно считать составленными изъ двухъ отдѣльныхъ согласныхъ. Но попробуемъ произносить протяжно, не переводя духа, съ одной стороны — *с*, *з*, *ш*, *ж* и т. п., съ другой же — *ц*, ѕ (дз), ч, ц (дж) и т. п., и мы увидимъ, что *с*, *з*, *ш*, *ж* и т. п. постоянно и неизмѣнно остаются *с*, *з*, *ш*, *ж*, тогда какъ *ц*, ч, ц (дж) и т. п., только въ самомъ началѣ отличаются чѣмъ-то особеннымъ, впослѣдствіи же становятся совершенно тожественны: *ц* съ *с*, ѕ съ *з*, ч съ *ш*, ц (дж) съ *ж* и т. п.; а такъ какъ такой согласный элементъ, котораго нельзя произнести протяжно, и для котораго возможно только мгновенное существованіе, мы называемъ мгновеннымъ, то и при произношеніи согласныхъ *ц*, ѕ (дз) ч, ц (дж) и т. п., рядомъ съ преобладающимъ въ нихъ продолжительнымъ элементомъ *с*, *з*, *ш*, *ж* и т. п., мы должны признать какой-то мгновенный элементъ, сливающійся съ продолжительнымъ и придающій особый характеръ этимъ звукамъ, но только въ обыкновенной рѣчи, то-есть, при ихъ (звуковъ *ц*, ч, ѕ, ц и т. п.) мгновенномъ произношеніи, — и изчезающій и дѣлающійся не возможнымъ, если мы попробуемъ произносить названные согласные нѣсколько болѣе продолжительное время, хотя бы равное только двойному времени, нужному для обыкновеннаго произнесенія согласнаго. Эти начальные мгновенные элементы согласныхъ *ц*, ѕ, ч, ц и т. п., конечно, походятъ на *т* и *д*, но они существенно отличаются отъ этихъ послѣднихъ тремя присущими имъ особенностями: 1) они такъ кратки, что отдѣленіе ихъ отъ слѣдующаго за ними продолжительнаго элемента и ихъ самостоятельное появленіе совершенно невозможны; 2) мѣста ихъ артикуляціи вполнѣ тожественны съ мѣстомъ артикуляціи слѣдующихъ за ними продолжительныхъ элементовъ, такъ что языкъ, переходя отъ положенія сжатія къ положенію сближенія съ небомъ, не совершаетъ никакого скачка, который былъ бы необходимъ при переходѣ, напримѣръ, отъ *т* или *д* къ *ш* или *ж*; 3) наконецъ, — и это самое важное, — голосовыя связки (Stimmbände) вовсе не измѣняютъ своего

Библиотека "Руниверс"

положенія, между тѣмъ какъ такое измѣненіе было бы необходимо при переходѣ, по крайней мѣрѣ, отъ славянскаго *т* къ *с* или же *ш*. Оно было бы необходимо потому, что голосовыя связки при произношеніи *т* и *с* или *ш* находятся въ совершенно различномъ положеніи: при *т* онѣ тѣсно сжимаются, подобно тому, какъ сжимаются тоже органы рѣчи въ полости рта (языкъ и небо), и затѣмъ только одновременно съ открытіемъ затвора во рту открывается затворъ въ гортани (между голосовыми связками), такъ что *т* является, такимъ образомъ, результатомъ двойной эксплозіи (взрыва) во рту и въ гортани; при *ш* же или при *с*, напротивъ того, никакое сжатіе не возможно, и въ особенности голосовыя связки, при произношеніи этого звука, остаются широко раскрытыми. Попробуемъ произнести непосредственно одно за другимъ *настоящее т* и *ш*, и увидимъ, что, кромѣ особеннаго усилія во рту, еще болѣе значительное усиліе мы должны совершить въ гортани, вслѣдствіе чего непосредственное соединеніе этихъ согласныхъ оказывается чрезвычайно труднымъ. Три выше исчисленныя условія, при которыхъ образуется мгновенный элементъ согласныхъ *ц*, *ѕ*, *ч*, *ц* и т. п., дѣлаютъ возможнымъ такое тѣсное слитіе обоихъ составныхъ элементовъ, что они оба вмѣстѣ производятъ впечатлѣніе единичнаго звука, и что поэтому этихъ согласныхъ нельзя назвать *сложными*, но только *слитными*. Но все-таки они физіологически состоятъ изъ двухъ элементовъ, что доказывается не только выше приведеннымъ разборомъ, но и исторіей развитія звуковъ въ разныхъ языкахъ. Такъ, между прочимъ извѣстно, что въ старо-славянскимъ сочетанія *сц*, *шч*, *ждж* (изъ *жж*) и т. п. замѣняются сочетаніями *ст*, *шт*, *жд* и т. п. Въ нѣкоторыхъ италіанскихъ говорахъ вмѣсто общеиталіанскаго *дж* (gi) мы встрѣчаемъ *д*, развившееся изъ *дз* (*z*), а это послѣднее изъ *дж* (gi), такъ что, напримѣръ, латинскому *juvenis* соотвѣтствуетъ въ этихъ говорахъ *dovin* рядомъ съ *dzovin* (zovin) нѣкоторыхъ другихъ говоровъ и *dżovinc* (giovinc) опять другихъ говоровъ и преимущественно италіанскаго литературнаго языка.

Сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній относительно чисто физіологическаго отдѣла книги г. Новаковича. Предполагаемое имъ, на стр. 21 и 22, произношеніе старо-славянскихъ ъ и ь весьма сомнительно. Точно также сомнителенъ выводъ слова *сладъкъ* изъ *свадъкъ* (стр. 38). Вѣроятно, по ошибкѣ авторъ утверждаетъ на стр. 28, что различіе въ произношеніи старогреч. ὁράω и χορός было подобно различію между нѣмецкими *h* и *ch*, и что, слѣдовательно, χ старогреч.

Библиотека "Руниверс"

$\chi = ch$; я говорю „вѣроятно, по ошибкѣ" потому, что на стр. 36 самъ же авторъ считаетъ $\chi = kh$.

Говоря объ отдѣльныхъ звукахъ языка съ точки зрѣнія физіологической акустики въ главѣ VII-й, авторъ добросовѣстно пользуется изслѣдованіями Гельмгольца (*Helmholtz*, Die Lehre von den Tonempfindungen, als physiologische Grundlage für die Theorie des Musik, 3-е изд. Braunschweig 1870) и Вольфа (Sprache und Ohr. Akustisch-physiologische und pathologische Studien von Dr. *Oscar Wolf*. Braunschweig 1871).

Въ главѣ VIII-й представлены въ сжатомъ очеркѣ мнѣнія многихъ ученыхъ объ удареніи и долготѣ гласныхъ вообще и о сербскомъ удареніи въ особенности. Относительно этого втораго пункта авторъ высказываетъ и свои собственныя соображенія.

Особенно интересны двѣ заключительныя главы: IX-я—„Звуковые законы и историческія измѣненія и развитіе языка. Взглядъ на исторію славянскихъ языковъ", и X-я — гдѣ говорится о правописаніи, то-есть, о правописаніи историческомъ и физіологическомъ, объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ, о вліяніи извѣстной системы правописанія на складъ ума читающихъ и пишущихъ, о ложныхъ лингвистическихъ ученіяхъ, обусловленныхъ ложною системой правописанія (графики) извѣстнаго народа и т. п., и наконецъ, о взаимодѣйствіи физіологіи языка и языковѣдѣнія. Авторъ является рѣшительнымъ сторонникомъ послѣдовательнаго фонетическаго правописанія.

Только что разобранная книга свидѣтельствуетъ о громадной начитанности и эрудиціи автора, которыя, однакоже, не мѣшаютъ ясности и простотѣ изложенія. Въ этомъ, относительно небольшомъ, сочиненіи затронуто столько самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, что нельзя не удивляться тому, съ какимъ талантомъ г. Новаковичъ съумѣлъ ихъ сосредоточить и обобщить.

Das Leben der Wurzel dê in den slavischen Sprachen von D-r. *V. Jagić*. (Жизнь корня *дѣ* въ славянскихъ языкахъ написалъ Д-ръ *В. Ягичъ*). Wien 1871.

Это нѣмецкое сочиненіе извѣстнаго хорватскаго лингвиста, занимающаго нынѣ каѳедру сравнительнаго языкознанія въ Новороссійскомъ университетѣ, посвящено подробному изслѣдованію всѣхъ тѣхъ славянскихъ словъ и формъ, въ которыхъ являются, по мнѣнію автора, свойственныя славянскимъ языкамъ видоизмѣненія первобытнаго арійскаго, корня *dha* (ср. греч. τί-θη-μι, ст.-сл. дѣ-ти, дождь и т. п.).

Библиотека "Руниверс"

Этотъ корень встрѣчается во всѣхъ славянскихъ языкахъ въ весьма разнообразныхъ видахъ: то въ видѣ простаго глагола, то въ видѣ глагола сложнаго и производнаго, то въ видѣ существительнаго или же прилагательнаго, то въ видѣ частицъ (нарѣчія и междометія); наконецъ онъ же служитъ вспомогательнымъ средствомъ при образованіи разныхъ формъ. Свое разсужденіе авторъ раздѣлилъ на шесть главъ.

Въ главѣ I-й разсматриваются разныя видоизмѣненія звуковой формы корня *dha*. Въ чистомъ, простомъ видѣ, который въ славянскомъ долженъ бы быть *de*, корень этотъ не встрѣчается; но за то мы его находимъ удвоеннымъ (редуплицированнымъ) (*dede*) или же усиленнымъ черезъ удлинненіе кореннаго гласнаго, (*dê*=*дѣ*), какъ напримѣръ, *дождѫ* (изъ *дед-j-ѫ*), *дождеши* и т. д., *дѣ-ти*. Кромѣ того, какъ удвоенный, такъ и удлиненный видъ этого корня являются тоже въ соединеніи съ предлогами (какъ въ глаголахъ, такъ и въ именахъ). Въ видѣ *dê* корень *de* получаетъ тематическое расширеніе въ словахъ, какъ *дѣ-ꙗ-ти*, *съ-дѣ-ꙗ-ти* и т. п., *дѣ-ва-ѭ* и т. п., за-дѣ-нѫ и т. п. Въ главѣ II-й авторъ приводитъ примѣры употребленія корня *dha* въ другихъ арійскихъ языкахъ, какъ-то въ санскритскомъ, зендскомъ, греческомъ, латинскомъ и другихъ древне-италійскихъ нарѣчіяхъ, въ германскомъ (готскомъ, древне-верхне-нѣмецкомъ и т. д.), и наконецъ, въ литовскомъ и латышскомъ. Глава III-я занимается разборомъ корня *de (dê)*, какъ самостоятельнаго глагола въ славянскихъ языкахъ. Г. Ягичъ различаетъ три главныя значенія этого корня: 1) ставить, ложить (ponere, collocare), 2) дѣлать (facere, agere), 3) говорить (loqui, dicere), и на всякое изъ этихъ значеній приводитъ множество примѣровъ изъ всѣхъ славянскихъ языковъ. (Удвоенной формѣ нашего корня (дождѫ и т. п.) вмѣстѣ съ предложными сложеніями свойственно одно только первое значеніе „ponere"). Напротивъ того, два другія значенія раздѣлены на формы, происшедшія отъ корня *dê*. Подъ первое значеніе подходитъ, напримѣръ, русское *дѣть*, *дѣну*, *дѣвать* и т. д. со всѣми сложными и производными, подъ второе значеніе—русское—*дѣй*, *дѣйка* (въ зло-дѣй, злодѣйка и т. д.), *дѣяніе*, *дѣйствіе* и т. д., *дѣло* и т. п.; третьимъ, наконецъ, значеніемъ объясняется, между прочимъ, Несторово *дѣютъ* въ „да аште къто, дѣютъ, въ нашу вѣру ступить", старопольское *dzieją mi* (то-есть, зовутъ меня) и т. д. Къ этому мы можемъ прибавить, что въ нѣкоторыхъ словенскихъ говорахъ исключительно этотъ глаголъ употребляется въ значеніи „сказать". Въ главѣ IV-й авторъ говоритъ о

Библиотека "Руниверс"

тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ разбираемый имъ корень является въ славянскихъ языкахъ въ видѣ различныхъ частицъ вопросительныхъ, вводныхъ и т. п. Сюда, между прочимъ, относится старославянское *не дѣи* (оставь, пусть, позволь), вставное русское *де* съ *дескать* и т. п., союзъ *да* и т. д. Въ главѣ V-й г. Ягичъ открываетъ корень *dhá=де* во многихъ славянскихъ словахъ въ роли словообразовательнаго элемента. Сюда, по его мнѣнію, слѣдуетъ отнести *сѫ-д-ъ* (instrumentum, vas), *при-д-ъ* (additamentum, lucrum), *за-д-ъ*, *на-д-ъ*, *по-д-ъ*, *прѣ-д-ъ*, *послѣ-д-ъ* со всѣми производными, далѣе *зъ-д-ъ* (!), *зь-д-ъ*, *зъ-д-ь*, *зи-д-ъ* (стѣна) изъ *съ-д-ъ* (?!) и т. д., производное отъ предыдущаго *пра-з-д-ьнъ* отъ *пра-з-д-ъ* изъ *пра-зъ-д-ъ* („ohne Materie, ohne Stoff, folglich *praždьnъ* = den Stoff weg habend, des Stoffes baar, also: leer, inhaltslos") (стр. 54), затѣмъ *узда* изъ *усто-да* = „въ уста влагаемое" (!!), *мьзда*, *иньздо*, числительныя нарѣчія *дважды*, *трижды*, *четырижды*, *пѧтижды*, *многажды*, *клижды* и т. д., мѣстоименія *кѫждо*, *кѫниждо* и т. п., существительныя *злѣдь* (?), *мокрѣдь*, *бѣда*, *стадо*, *ювѧдо*, *чудо*, *плодъ*, и т. д. Наконецъ, глава VI-я посвящена изслѣдованію корня *де (dê)*, какъ входящаго въ составъ нѣкоторыхъ глагольныхъ основъ (темъ) въ славянскомъ спряженіи. Къ такимъ глаголамъ авторъ причисляетъ *идѫ*, *ѩдѫ* съ производными и *бѫдѫ* (fio). Отъ этихъ старинныхъ сложеній глагольныхъ корней съ корнемъ *де* слѣдуетъ строго отличать столь расширенное въ настоящее время въ сербо-хорватскомъ и болгарскомъ языкахъ спряженіе въ родѣ *имадем*, *имадеш*, *имаде* и т. д. (имѣю, имѣешь, имѣетъ и т. д.), *знаде* (знаетъ) и т. д., *смиде* (смѣетъ), *стаде* (станетъ), *умиду* (умѣютъ), *имадоше* (имѣли), *познадоше* (познали), *дадох* (я далъ) и т. д. Авторъ весьма остроумно объясняетъ происхожденіе этихъ вторичныхъ, совершенно новыхъ формъ, и эта заключительная часть его книги безспорно самая лучшая и самая интересная. По весьма справедливому и мѣткому замѣчанію автора, всѣмъ этимъ формаціямъ дано было начало настоящимъ временемъ глагола *дать*, и именно тогда, когда 3-е лицо множ. числа *dade* (даде) = ст.-сл. *дадѧть*, подвергшись аналогіи другихъ глаголовъ съ окончаніемъ въ 3-мъ л. мн. *и (у)* = ст.-сл. ѫть, приняло именно это окончаніе и перешло въ *dadu* (даду). Тогда-то вслѣдъ за нимъ пошло и 3-е лицо единств. числа, и по аналогіи другихъ глаголовъ, первичную форму *da* замѣнило вновь образованною *dade* (даде). Затѣмъ эта новоразвившаяся основа *дад* мало-по-малу распространилась на все настоящее и прошедшее простое (аористъ) глагола *дати*. Глаголу *дати*

Библиотека "Руниверс"

послѣдовалъ прежде всего глаголъ *знати (знаде, знадем* и т. д.), конечно, вслѣдствіе внѣшняго сходства (односложность, тотъ же коренной гласный) обоихъ глаголовъ. Отъ *дати* и *знати* эта новая формація настоящаго и аориста перешла также на глаголъ *имѣти (имаде, имаду* и т. д.), и наконецъ (судя по литературнымъ памятникамъ, только въ XVIII столѣтіи), на громадное количество глаголовъ, тема настоящаго времени которыхъ оканчивается гласнымъ *(а, ѣ*, даже *і*). Это постепенное расширеніе новой формаціи настоящаго (съ согласнымъ *д*) авторъ доказываетъ многими примѣрами изъ памятниковъ сербо-хорватской литературы.

Не можемъ не замѣтить, что г. Ягичъ, стремясь къ возможной полнотѣ и къ отысканію всѣхъ случаевъ появленія корня дê = dha, увлекался иногда предметомъ и въ своихъ изысканіяхъ заходилъ слишкомъ далеко, подводя подъ избранный имъ корень даже и то, что вовсе къ нему не подходитъ. Такъ, онъ видитъ корень *dha* въ составѣ слова: *послѣдъ* отъ *послѣ* и *де* (стр. 50), между тѣмъ какъ оно несомнѣнно состоитъ изъ предлога *по* и существительнаго *слѣдъ* (ср. слѣдовать, послѣдовать, слѣдить и т. п.). Вполнѣ неудачнымъ нужно считать объясненіе существительнаго *зидъ, зѣдъ, зѣдь* (у автора тоже *зѣдъ!)* и затѣмъ глаголовъ *зиждѫ, зидати* и т. д. составомъ ихъ изъ предлога *съ* (cum) и возлюбленнаго корня *dha*. Всѣ доказательства автора въ пользу подобнаго предположенія (стр. 51—54) не имѣютъ ни малѣйшаго значенія въ виду того, что 1) здѣсь слѣдовало бы допустить неслыханный, впрочемъ, въ ст.-слав. переходъ *с* въ *з передъ гласнымъ*, 2) что настоящая ст.-слав. форма представляетъ здѣсь не ъ и ѣ, но ь и *и (і)*, 3) наконецъ, что, такъ какъ предлогъ *съ* развился изъ *сѫн (зѫп)*, то здѣсь, съ изчезновеніемъ *н (п)*, должно было бы, по крайней мѣрѣ, въ ударенныхъ слогахъ, явиться *ѫ* вмѣсто *ѫк* (ср. мою рецензію на книгу г. Будиловича въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1872, августъ и ноябрь, и Johannes *Schmidt*, Zur Geschichte des Indogermanischen Vocalismus, стр. 178). Къ той же категоріи вполнѣ несостоятельныхъ этимологическихъ выводовъ слѣдуетъ причислить объясненія состава словъ *узда* изъ *устода* (стр. 54), *гнѣздо* (стр. 55), *бѣда*; *чудо* (ср. тему *чудес-*), *плодъ, трудъ, тврдъ* (твердъ), *младъ* (стр. 59—60) и т. п. Къ какимъ натяжкамъ авторъ принужденъ прибѣгать для оправданія своей теоріи, это въ особенности видно при словѣ *гнѣздо* (стр. 55—56). Здѣсь сравнивается и санскритское *nida* изъ *ni* и *dha* (?) и литовское *lizda* (то-есть, собственно говоря, въ им. ед. *lizdas)* и латинское nidus и

Библиотека "Руниверс"

пр.,—здѣсь принимается, впрочемъ, небывалая, представка (prothesis) согласнаго *g (ѥ)* передъ *n*, здѣсь дѣлается еще кое-что въ этомъ родѣ, лишь бы только доказать (?) мнимое происхожденіе и родство славянскаго слова „гнѣздо". Впрочемъ, я долженъ признаться, что и для меня это темный вопросъ. Во всякомъ случаѣ не слѣдовало бы упускать изъ виду весьма схожихъ словъ *ѥнида*, *ѥнѣдой* и т. п. Можетъ быть, *ѥнида* стоитъ въ такомъ же болѣе или менѣе фонетическомъ отношеніи къ слову „*ѥнѣздо*", какъ „*ѣду*" къ „*jазда*" (изъ *jад-да)* и т. п. Въ такомъ случаѣ мы бы именно и нашли корень *dha* въ словѣ „*ѥнѣздо*", которое, слѣдовательно, означало бы мѣсто, куда кладутъ *ѥнидъ* („*ѥнида*" здѣсь не въ своемъ позднѣйшемъ спеціальномъ значеніи, но въ болѣе обширномъ значеніи „*яйца*", „*плода*").

Что касается словъ *двашьдъ* (дважды), *многашьдъ* (много разъ) и т. п. (стр. 57—58), то здѣсь, по всей вѣроятности, во второй части слѣдуетъ принять корень *шьд* (тотъ же, что въ *шелъ* изъ *шьдлъ* и т. п.). Относительно значенія ср. нѣмецкое *fahrt*, принявшее въ нѣкоторыхъ говорахъ просто значеніе „*разъ*" (нѣм. „*mal*") и перешедшее въ томъ же значеніи и въ формѣ *bart* къ нѣкоторымъ Словенцамъ; ср. тоже италіанское *volta* и *viaggio*, получившее въ нѣкоторыхъ говорахъ значеніе „*разъ*" („*mal*"). Созвучіе—*ѥд*—въ словахъ *къда*, *тъда* и т. п. (стр. 58), можетъ быть, состоитъ въ этимологической связи съ корнемъ *ѥод-* (ср. русск. *ѥодъ*, сербск. *ѥодина*, польск. *godzina*, чешск. *hodina* и т. д.). Но впрочемъ это только моя догадка, безъ всякихъ положительныхъ основаній.

Въ томъ, что глаголъ *бѣдѫ* составленъ изъ *ву* (*бъ*) съ носовымъ подъемомъ и *dha*, (стр. 62, 66), позволительно сомнѣваться, такъ какъ вообще этимологія этого слова совершенно темна. Въ особенности же нельзя согласиться съ авторомъ, что на основаніи предполагаемаго ослабленія дѣепричастія *сѫ* или же *сѧ* въ *сѫ* мы въ правѣ принять тоже подъемъ (steigerung) въ обратномъ направленіи: *бѫд-* въ *бѣд-* (стр. 66). При этомъ можно замѣтить, что формѣ *сѫ* никогда и не предшествовала форма „*сѣ*" или же „*сѧ*", такъ какъ *сѫ (sy)* развилось непосредственно изъ *sus*, а это послѣднее изъ *sans* (ср. литовскій) и т. д.

Сомнительными кажутся намъ еще: 1) этимологія слова *обьдо* (сокровище) (стр. 51); 2) нѣмецкое происхожденіе славянскихъ словъ *дума* (стр. 14—15) и *мъзда* стр. (52—53); 3) возможность въ литовскомъ слова *dedù* (вм., вѣроятно, *dedù*) (стр. 5); 4) переходъ въ сербо-хорватскомъ и болгарскомъ слова *neha* въ *neka* (стр. 37) и т. д.

Библиотека "Руниверс"

Объясненія на стр. 38 (*дѣй* изъ *дѣкши* и т. п.) и 45 (*degidi* изъ *де* или *dêj* и *gidi* или *jijid*) звучатъ какъ-то не совсѣмъ убѣдительно. Въ малорусскомъ *десь* (стр. 41), можно видѣть сокращеніе изъ *кѣдесь*= *hдесь* (ср. польское *gdzieś*). *Nadimak* (прозвище) (стр. 24) происходитъ, конечно, отъ *ime* (имя). Литовское *sudas* (стр. 53) усвоено изъ русскаго.—Суффиксъ *ъ* (стр. 50) есть что-то чудовищное.—Въ старославянскомъ есть только тема *възѣд-* (възѣди, възѣхати), темы же *въз-ѣд-* (стр. 65) не имѣется.

Впрочемъ, такихъ промаховъ у г. Ягича весьма немного, и подобная односторонность вполнѣ простительна, если принять во вниманіе нетвердость почвы и отсутствіе прочныхъ основаній при всякаго рода этимологическихъ изслѣдованіяхъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не сказать, что трудъ г. Ягича представляетъ весьма почтенный вкладъ въ сравнительную граматику арійскихъ языковъ.

Descriptio codicum slovenicorum, qui in bibliotheca universitatis Jagiell. inveniuntur, cura et opera *Aemiliani Kaluźniacki* confecta etc. a. MDCCCLXXI. (Описаніе славянскихъ рукописей, находящихся въ библіотекѣ Ягелленскаго университета, трудъ *Эмиліана Калужняцкаго*, изд. 1871 г.), съ двумя листками снимковъ. Въ гимназической программѣ: Sprawozdanie c. k. Dyrekcyi gimnazyalnéj przy św. Annie w Krakowie z roku szkolnego 1871. (Отчетъ дирекціи гимназіи св. Анны въ Краковѣ за учебный 1871 годъ). Краковъ, 1871.

Всѣ описанныя г. Калужняцкимъ рукописи привезены изъ Македоніи и подарены Ягелленской библіотекѣ въ Краковѣ докторомъ Рудольфомъ Гутовскимъ. Ихъ пять: 1) codex rescriptus graeco-slovenicus; 2) menaeum mensis septembris; 3) menaeum novembre; 4) octoëchus; 5) evangelium (fragmentum). Авторъ даетъ точную палеографическую и граматическую характеристику четырехъ первыхъ рукописей и говоритъ нѣсколько словъ о пятой, которая сама по себѣ весьма не велика. Часть первой рукописи писана въ XIV столѣтіи; это палимпсестъ, въ основаніи котораго лежитъ греческій текстъ, принадлежащій XII—XIII столѣтіямъ; вторая и третья часть той же рукописи обязаны своимъ происхожденіемъ XVI вѣку, за исключеніемъ нѣсколькихъ листковъ, написанныхъ частью въ XVIII вѣкѣ, частью несравненно раньше. Остальныя четыре рукописи принадлежатъ XVI вѣку.

Описаніе фонетическихъ и формальныхъ особенностей языка этихъ рукописей свидѣтельствуетъ, что авторъ вполнѣ знакомъ какъ съ ста-

Библиотека "Руниверс"

рославянскимъ языкомъ и его различными видоизмѣненіями, такъ и съ современными пріемами подобнаго рода изслѣдованій. Разсмотрѣніе этихъ особенностей, въ сравненіи съ настоящими старославянскими звуковыми явленіями и формами, приводитъ автора къ заключенію, что всѣ рукописи, кромѣ четвертой, списаны Сербами, съ значительною примѣсью сербскихъ особенностей, съ подлинниковъ, принадлежащихъ къ категоріи такъ-называемыхъ „mediae aetatis slovenicae" рукописей (по терминологіи И. И. Срезневскаго „юсовыхъ", и собственно говоря, составленныхъ въ Болгаріи) (стр. 11, 21, 25, 37); четвертая же рукопись, напротивъ того, по мнѣнію автора, чисто сербскаго происхожденія (стр. 29). Исчисляя звуковыя особенности, авторъ раздѣляетъ ихъ на указывающія на „mediam aetatem slovenicam" и на такія, которыя „e dialecto serbica desumpta sunt". Однако же, его дѣленіе не совсѣмъ строго, такъ какъ нѣкоторые признаки считаются имъ исключительно сербскими, тогда какъ они съ точно такимъ же правомъ могутъ быть болгарскими (то-есть, принадлежащими „mediae aetati slovenicae"), и наоборотъ, что отчасти признается даже самимъ авторомъ (стр. 14, 20—21). Кромѣ того, въ числѣ ихъ мы находимъ такія особенности, которыя не могутъ быть ни сербскими, ни болгарскими, и скорѣе позволяютъ подозрѣвать русское, въ особенности же малорусское, вліяніе. Такъ, между прочимъ, замѣны полугласнаго ъ гласнымъ *о*, какъ напримѣръ, любовь (любовь), кровыи (кровь) и т. п. вмѣсто любъвь, кръвь и т. д. (стр. 13, 30) въ 1-й и 4-й рукописи нельзя вовсе считать сербизмомъ, но скорѣе руссицизмомъ. Точно также окончаніе -омь творительнаго пад. единств. муж. и средн. (стр. 13, 30), если здѣсь *о* въ самомъ дѣлѣ стоитъ вмѣсто -ъ, можетъ быть приписано только русскому вліянію, хотя, съ другой стороны, это отлично можетъ быть первичное -омь, не имѣющее ничего общаго съ -ъ—ѫ вмѣсто ь, какъ напримѣръ, мѫглы (мглы, туманы) и т. п. (стр. 12), равно какъ и ь вмѣсто ѫ (стр. 12, 29), могутъ быть слѣдствіемъ только болгарскаго вліянія. Стало быть, авторъ совершенно ложно причисляетъ эту послѣднюю особенность (ь вмѣсто ѫ) къ сербскимъ признакамъ. Если въ глѣбина (глубина) и т. п. ѣ въ самомъ дѣлѣ стоитъ вмѣсто ѫ, въ такомъ случаѣ и 4-я рукопись, по причинѣ этого попадающагося въ ней слова, должна быть причислена къ рукописямъ, подвергшимся болгарскому (или *mediae aetatis slovenicae*) вліянію. Измѣненіе *і* передъ *j* въ *е* мы встрѣчаемъ только въ великорусскомъ; а такъ какъ это вліяніе должно быть вполнѣ исключено изъ нашихъ рукописей, то при родит. множеств.

Библиотека "Руниверс"

заповѣдєи (заповѣдей), гвоздєи (гвоздей), дѣтєи (дѣтей) и т. п. нельзя вовсе говорить о замѣнѣ *і* (и) черезъ *є* (є) (стр. 13 и др.); это *є* развилось здѣсь скорѣе изъ ь. Въ вьзоупи (возопилъ) и т. п. нельзя никакъ принимать замѣны ъ черезъ оу (стр. 13, 20, 26, 31), но нужно объяснять эту формацію совершенно иначе. Въ соуродство (сродство), соупрꙋгъ (супругъ) и т. п. оу стоитъ не вмѣсто ъ (стр. 13, 20), но вмѣсто ѫ. Въ дат. пад. единств. муж. и средн. прилагательныхъ на -омоу нельзя вовсе видѣть стяженія (contractio) изъ оуоумоу (стр. 22), но скорѣе пріуроченіе сложнаго прилагательнаго склоненія къ мѣстоименному, какъ это вообще имѣетъ мѣсто въ теперешнемъ сербскомъ и русскомъ. Если въ формахъ склоненія даже послѣ мягкихъ согласныхъ встрѣчается *о* вмѣсто *е*, то нельзя здѣсь говорить о чисто фонетической замѣнѣ гласнаго *е* гласнымъ *о* (стр. 13, 30—31), но слѣдуетъ тоже и здѣсь видѣть вліяніе аналогіи однихъ формъ на другія. Замѣна буквъ ы и ь буквою ѣ (стр. 31) понимается нашимъ авторомъ, по моему, не совсѣмъ вѣрно: тьмѣ въ кнєзь тьмѣ можетъ быть отлично или дательнымъ пад. или же родительнымъ, образованнымъ вслѣдствіе вторичнаго процесса аналогіи, по образцу такихъ существительныхъ, какъ доуша, боуря, коля и т. п., какъ это исключительно употребляется въ словенскихъ и сербскихъ говорахъ; въ -ѣхъ же родит. пад. множ. прилагательныхъ и числительныхъ нужно скорѣе видѣть пріуроченіе къ мѣстоименному склоненію. Родит. множ. женск. працьь не возможно считать, вмѣстѣ съ авторомъ (стр. 25), ошибкою; подобные родит. пад. на -ьь, то-есть, долгое ā, встрѣчаются довольно часто въ старосербскихъ памятникахъ (сравн. *Schaffarik*, Serbische Lesekörner, Pesth, 1833, стр. 30, 95, 99—100).

Эти и еще нѣкоторыя другія неточности изчезаютъ, однако, вполнѣ въ виду общаго благопріятнаго впечатлѣнія, производимаго трудомъ г. Калужняцкаго. Будущій старославянскій лексикографъ не оставитъ его безъ вниманія. Желательно, чтобъ авторъ продолжалъ по тому же методу обѣщанное имъ описаніе другихъ старославянскихъ рукописей, находящихся въ библіотекахъ и церквахъ Галиціи.

И. Бодуэнъ-де-Куртенэ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ОЛОНЕЦКАЯ ГИМНАЗІЯ СЪ 1808 ПО 1831 ГОДЪ [1].

Матеріалы для исторіи учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

22-го сентября 1786 года при Архангельскомъ и Олонецкомъ генералъ-губернаторѣ Т. Н. Тутомлинѣ открыто было въ Петрозаводскѣ главное народное училище изъ 4 классовъ съ 4 учителями. Въ 1797 году, при императорѣ Павлѣ I, послѣдовало упраздненіе нѣкоторыхъ городовъ и губерній. Олонецкое намѣстничество также было упразднено; Петрозаводскъ сдѣлался уѣзднымъ городомъ, а потому бывшее въ немъ главное народное училище преобразовано въ малое. При вторичномъ открытіи губерніи, въ 1802 году, всѣ училища Олонецкаго намѣстничества перешли въ вѣдѣніе Олонецкаго приказа общественнаго призрѣнія, снова открывшаго главное народное училище, въ которомъ преподавались почти тѣ же предметы, какіе излагались впослѣдствіи въ гимназіи.

5-го ноября 1804 года былъ утвержденъ уставъ учебныхъ заведеній, составленный главнымъ правленіемъ училищъ. Уставомъ этимъ сдѣланы были коренныя перемѣны въ составѣ и управленіи училищами; предполагалось открыть новыя заведенія и ввести въ нихъ новые предметы преподаванія. Такая важная реформа не могла осуществиться вдругъ и повсюду, потому что для этого требовалось большое количество новыхъ дѣятелей, въ которыхъ въ то время чувствовался недостатокъ; заведенія не имѣли даже домовъ для приличнаго помѣщенія учениковъ и учителей.

Преобразованіе училищъ Олонецкой губерніи по уставу 1804 года началось только въ 1808 году и окончательно приведено въ испол-

[1]) Продолженіе труда, первая часть коего появилась въ нашемъ журналѣ еще въ 1866 году (см. декабрьскую книжку этого года).

Библиотека "Руниверс"

полненіе въ 1810 году. Въ 1808 году, при директорѣ училищъ Н. П. Ушаковѣ, прибыли въ Петрозаводскъ 4 новыхъ учителя изъ воспитанниковъ Педагогическаго института: Егорьевскій, Кунцевъ, Яковскій и Соболевъ и съ августа мѣсяца открытъ былъ новый курсъ въ Петрозаводскомъ главномъ училищѣ, при чемъ два класса его получили названіе Олонецкой губернской гимназіи, а другіе два образовали Петрозаводское уѣздное училище. Учащихся въ I-мъ классѣ гимназіи было 11, во второмъ—7.

Гимназія существовала, но еще торжественно, какъ того требовало тогдашнее время, открыта не была.

Въ октябрѣ 1811 года прибылъ въ Петрозаводскъ, отправленный визитаторомъ отъ главнаго правленія училищъ въ Архангельскую и Олонецкую губерніи, ординарный профессоръ, академикъ Петръ Дмитріевичъ Лодій. Визитаторъ предварительно осмотрѣлъ гимназію, распрашивалъ каждаго изъ учителей „обо всемъ, что касается до учебной части, о должности каждаго, о наукахъ, о томъ, какого метода слѣдуютъ, и просилъ приготовить записки, какія кто употребляетъ". Лодій много говорилъ съ учителями о томъ, что „слѣдуетъ отъучать учениковъ отъ зубренія и стараться подавать дѣтямъ точныя понятія о томъ, что̀ говорится". Учителя отвѣчали, что у нихъ часто ведутся бесѣды съ учениками, которые пріучаются дѣлать возраженія. Визитаторъ совѣтовалъ вести дневныя записки занятій и историческую записку. Послѣ бесѣды съ учителями, Лодій осмотрѣлъ суммы и зданіе и „нашелъ ихъ во всемъ порядкѣ". 11-го октября разсматривалъ онъ рѣчи, приготовленныя по случаю предстоящаго торжественнаго открытія гимназіи; 12-го былъ въ уѣздномъ училищѣ, а 13-го ревизовалъ учебныя пособія; въ это же время произвелъ по классамъ частное испытаніе ученикамъ, потому что публичное происходило не задолго предъ тѣмъ.

15-го октября, въ воскресенье, въ 8 часовъ утра, ученики гимназіи, уѣзднаго и приходскаго училищъ собрались въ гимназію и, по окончаніи благовѣста въ соборной церкви, отправились къ литургіи, послѣ которой протоіерей Ф. Оштинскій произнесъ рѣчь, предварительно разсмотрѣнную визитаторомъ. По окончаніи молебна былъ крестный ходъ отъ собора до гимназіи при стеченіи всего города. Послѣ молебствія и освященія дома св. водою открылся актъ рѣчью визитатора, представившаго въ сжатой картинѣ исторію предшествовавшаго гражданскаго просвѣщенія Россіи: вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доказывалъ необходимость точнаго исполненія законовъ и объяснилъ

Библиотека "Руниверс"

цѣль новыхъ учебныхъ заведеній. Директоръ Ушаковъ прочелъ рѣчь „на открытіе Олонецкой гимназіи", а за рѣчью директора слѣдовали разсужденія учителей: Соболева — „О пользѣ естественной исторіи", Троицкаго — „Краткое обозрѣніе начала и успѣховъ опытной физики", Куняева — „Вообще о всемірной исторіи" и Якоповскаго — „О необходимости и слѣдствіяхъ гражданскаго образованія". Рѣчи и разсужденія сохранились въ дѣлахъ гимназіи, какъ память того, что̀ въ то время нужно было говорить о пользѣ наукъ. Актъ окончился раздачею наградъ ученикамъ, наиболѣе отличившимся успѣхами въ наукахъ. Двое изъ воспитанниковъ произнесли благодарственныя рѣчи къ посѣтителямъ, которые пожертвовали въ пользу гимназіи 339 рублей [1]). По окончаніи акта, губернаторъ В. Ѳ. Мертенсъ угощалъ обѣдомъ духовенство, многихъ гражданъ и учителей [2]).

По уставу 1804 года собственно гимназія состояла изъ четырехъ классовъ. При ней находилось и уѣздное училище, помѣщавшееся въ одномъ съ нею зданіи и, по понятію стариковъ-воспитанниковъ, составлявшее съ нею какъ бы одно цѣлое, тѣмъ болѣе, что учениковъ уѣзднаго училища переводили въ гимназію всѣхъ безъ исключенія. Въ курсъ гимназіи входили: 1) математика чистая и прикладная и общая физика; 2) исторія (при ней миѳологія и древности), географія и статистика; 3) философія (логика, всеобщая граматика, психологія, нравоученіе), изящныя науки (эстетика и реторика), политическія науки (политическая экономія, право естественное и народное); 4) естественная исторія, начальныя основанія наукъ, относящихся до торговли и технологіи; 5) языки нѣмецкій и французскій, и 6) рисованіе. Въ программѣ этой мы не видимъ закона Божія и роднаго языка, такъ какъ предметы эти преподавались въ уѣздныхъ училищахъ. Съ теченіемъ времени вполнѣ уяснились ошибки программы; многіе второстепенные въ ней предметы были замѣнены существенно важными. Уже въ 1811 году С. С. Уваровъ началъ хлопотать объ измѣненіи программы уничтоженіемъ преподаванія наукъ философскихъ, политическихъ и торговыхъ и введеніемъ вмѣсто нихъ закона Божія, русскаго и древнихъ языковъ.

---

[1]) Губернаторъ Мертенсъ и начальникъ завода Армстронгъ пожертвовали по 100 руб., управитель завода Бутеневъ 50 руб. Пожертвованныя деньги были въ 1820 г. употреблены на покупку физическихъ инструментовъ.

[2]) Историческая записка о 50-тилѣтіи Олонецкой гимназіи *Ѳ. Н. Фортунатова*. Подробности визитаціи профессора Лодія въ дѣлахъ гимназіи, 1811 годъ, № 33.

Библиотека "Руниверс"

Новая программа появилась въ 1819 году, при чемъ каждый учитель обязанъ былъ употреблять время, свободное отъ уменьшенія учебныхъ предметовъ по росписанію главнаго правленія училищъ, на прохожденіе остальныхъ по его части предметовъ [1]).

По росписанію 1819 года курсъ гимназіи составляли: чтеніе изъ св. писанія, географія, исторія, статистика, логика, реторика, языки латинскій, греческій, нѣмецкій и французскій, чистая математика, статистика, начала механики, опытная физика, естественная исторія и рисованіе [2]).

Въ Олонецкой гимназіи распредѣленіе предметовъ вводилось постепенно. Еще въ 1805 году въ главномъ народномъ училищѣ введено было обученіе новѣйшимъ языкамъ, съ отнесеніемъ жалованья учителямъ на счетъ остатковъ отъ суммъ, получаемыхъ отъ приказа. Въ 1811 году послѣдовало высочайшее повелѣніе о введеніи въ гимназіи преподаванія закона Божія и предложено на экзамены приглашать лицъ духовнаго сана. Въ Олонецкой гимназіи преподаваніе закона Божія введено тотчасъ же, но, по неимѣнію способныхъ духовныхъ лицъ [3]), преподавалъ этотъ предметъ учитель Троицкій по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, „чтобы не разстроивать распредѣленія учебныхъ часовъ", и только въ 1815 году былъ назначенъ особый законоучитель, занимавшійся преподаваніемъ до 1820 года безплатно. Въ 1819 году во всѣхъ гимназіяхъ, а въ томъ числѣ и въ Олонецкой, принято за правило—каждое утро собирать учащихся за полчаса до начатія уроковъ и читать съ ними по одной главѣ изъ Новаго Завѣта. Въ 1825 году къ курсу гимназическому прибавленъ былъ славянскій языкъ, а въ 1827 году—греческій, который, впрочемъ, преподавался до 1833 года учителемъ латинскаго языка и жалованья за этотъ предметъ не отпускалось.

Въ 1819 году миѳологія аббата Ліонне признана была неблагоприличною, а потому не только ее, но и вообще миѳологію, какъ особую науку, приказано было не преподавать отдѣльно, а проходить вкратцѣ вмѣстѣ съ исторіею. Замѣтимъ кстати, что еще ранѣе учитель гимназіи Куняевъ предлагалъ сократить книгу „Храмъ

---

[1]) Дѣла дирекціи училищъ, 1819 годъ, № 36.

[2]) Истор. стат. обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петерб. учебн. округа *А. С. Воронова*, т. I, стр. 216.

[3]) Одинъ священникъ былъ ректоромъ духовнаго училища, а двое другихъ не ученые.

Библиотека "Руниверс"

всеобщаго баснословія", исключивъ изъ нея соблазнительныя миѳологическія сказанія и затѣмъ уже дать ее въ руководство ученикамъ.

Чтобы составить себѣ понятіе, въ какомъ объемѣ преподавались въ гимназіи науки въ разсматриваемый періодъ, слѣдовало бы провести паралель между программами 1811 и 1831 годовъ; но это завлекло бы насъ слишкомъ далеко и потому мы должны ограничиться приведеннымъ выше распредѣленіемъ предметовъ. Просматривая программы учителей, мы видимъ, что очень много требовалось отъ гимназистовъ 1808—1830 годовъ, но что требованія эти далеко не приводились въ исполненіе. Очень жаль, что минувшее время не оставило намъ ясныхъ доказательствъ, какъ преподавались предметы, какъ смотрѣли на нихъ учителя, происходили ли у нихъ какія-нибудь совѣщанія объ улучшеніи методовъ преподаванія. По нѣсколькимъ замѣткамъ въ дѣлахъ дирекціи видно, однако, что учителя сознавали недостатокъ въ хорошихъ учебникахъ и принуждены были прибѣгать къ составленію записокъ. Такъ Яконовскій давалъ записки психологіи, Соболевъ проходилъ ботанику „съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ породъ извѣстныхъ по пользѣ"; изъ коммерціи учили по тетраднямъ „о банкахъ". Въ одной изъ вѣдомостей учителя Яконовскаго за 1813 годъ читаемъ: „Всеобщую граматику въ I классѣ не проходили за неимѣніемъ учебника. Недостатокъ сей отчасти замѣняемъ былъ повтореніемъ русской граматики. Недостатокъ философскихъ наукъ (въ учебникѣ) на русскомъ языкѣ и время года, большею частію проведенное въ писаніи психологіи и казуистики, были причиною того, что послѣдняя во II классѣ пройдена не вся и то краткимъ способомъ. Право народное въ III классѣ не пройдено по двумъ причинамъ: 1) что оно есть только приготовленіе къ естественному частному праву и 2) время, употребленное на писаніе политической экономіи, не позволило заняться онымъ". Методъ практическій былъ примѣняемъ къ теоріи. Тотъ же Яконовскій при разсматриваніи существа и видовъ стихотворства „практически занималъ учениковъ сочиненіемъ примѣровъ на разные виды стихотворства" [1]). „Разсма-

---

[1]) Яконовскій имѣлъ сильное вліяніе на развитіе нашего поэта В. Г. Бенедиктова, ученика Олонецкой гимназіи. Первыя стихотворенія Бенедиктова были написаны подъ вліяніемъ Яконовскаго (Портретная галлерея русскихъ дѣятелей, изд. *Мюнстера*, т. I, стр. 263). Случайно въ 1872 году одинъ изъ бывшихъ учениковъ Олонецкой гимназіи, К. К. Виттеотъ, живущій въ Одессѣ,

Библиотека "Руниверс"

тривая свойства хрій, большею частію занимались практикою". Ясно, что учители дѣлали свое дѣло, но ихъ стѣсняли программы и руководства; они учили такъ, какъ учились когда-то сами, а примѣровъ и указаній заимствовать было не откуда. Въ 1810 году Ушаковъ указывалъ начальству округа на усердіе учителей Олонецкой гимназіи, и въ концѣ своего донесенія прибавлялъ: „наставленія ихъ не ограничиваются однѣми книгами". Въ 1821 году учителямъ Куняеву и Яконовскому были предложены каѳедры въ Харьковскомъ университетѣ и попечитель даже зачислилъ ихъ кандидатами, но они оба, по слабости здоровья, отказались. Замѣтимъ здѣсь, что первые учители были изъ семинаристовъ, получившихъ образованіе въ Педагогическомъ институтѣ.

Преподаваніе въ гимназіи происходило по книгамъ, одобреннымъ и изданнымъ главнымъ правленіемъ училищъ. Не перечисляя ихъ подробно, замѣтимъ, что между ними находились: „Право народное" епископа Стройновскаго, „Нравоученіе" Фергюсона, „Древняя гео-

---

сообщилъ намъ весьма интересныя свѣдѣнія о гимназіи и, между прочимъ, одно стихотвореніе Яконовскаго, написанное ему на память.

Вотъ оно:

Вотъ вѣрные тебѣ пути,
Коль хочешь счастіе найдти:
Будь мужественъ, великодушенъ,
Воздерженъ и трудолюбивъ;
Царю, Отечеству послушенъ,
Услужливъ, вѣжливъ, справедливъ.
Ищи премудрости премноги,
На промыслъ Божій уповай.
Переноси зло неизбѣжно,
Въ несчастіи не унывай!
Иные съ лестью и коварствомъ,
Съ обманомъ, хитростью, лукавствомъ
Въ храмъ счастія ползутъ,
Но счастія не обрѣтутъ.

К. К. Витгефтъ окончилъ курсъ въ 1821 году. Вотъ какъ отзывается онъ о вліяніи на него гимназіи: «Религіозное чувство, посѣянное въ моемъ юномъ сердцѣ и не покидавшее меня до сихъ поръ—старца 67 лѣтъ,—я обязанъ моему пребыванію въ Олонецкой гимназіи, гдѣ въ 1818 году читалась одна глава изъ Св. Евангелія и молитва ежедневно при началѣ классовъ; добрые наши учители умѣли поддерживать это религіозное чувство. Имъ да будетъ всегдашняя добрая и вѣчная память и благодарность за посѣянное ими въ сердцахъ нашихъ доброе сѣмя Божьяго слова. Оно имѣло свою огромную благодѣтельную пользу въ нравственномъ отношеніи».

Библиотека "Руниверс"

графія" Стефенгагена; физика проходилась съ прибавленіями изъ Боссю, статистика Паратича съ добавленіями изъ записокъ Германа. Съ русскаго на латинскій переводили, между прочимъ, различные отрывки изъ наказа Екатерины II. Для нѣмецкаго языка употреблялась граматика Шумахера; „переводы на россійскій языкъ и обратно дѣлаются безъ посредства авторовъ, изустно, подъ руководствомъ самого учителя, природнаго Нѣмца". Учебники и пособія, изданныя для употребленія въ училищахъ, не могли удовлетворять потребностямъ даже и невзыскательныхъ учителей, которые вслѣдствіе того, по необходимости должны были прибѣгать къ составленію записокъ, къ извлеченіямъ изъ разныхъ авторовъ, съ приноравленіемъ ихъ къ программѣ или къ переводамъ учебниковъ иностранныхъ. Съ этою цѣлью Яконовскій перевелъ Эстетику Ешенбурга и представилъ чрезъ профессора Лодія свои записки о психологіи на разсмотрѣніе попечителя округа. Разумѣется, переписываніе тетрадей отнимало у учениковъ много времени и отзывалось весьма вредно на ихъ занятіяхъ; а при этомъ не нужно еще забывать, что иные учители требовали дословнаго заучиванія руководствъ, не соображаясь ни съ силами учащихся, ни съ потребностями ихъ. На вредъ, происходившій отъ этого, обращено было вниманіе еще въ 1810 году, а именно главное правленіе училищъ предписывало директору: 1) „при назначеніи учителей въ должности требовать отъ нихъ знанія методы ученія не механической, но способствующей къ дѣйствительному обогащенію ума; 2) имѣть неослабный надзоръ за учителями, дабы въ облегченіе себя не затрудняли дѣтей однимъ только вытверживаніемъ наизусть уроковъ, но приводили бы ихъ легкимъ и простымъ образомъ къ пониманію всего имъ преподаваемаго, останавливаясь на каждомъ словѣ сколько-нибудь для нихъ непонятномъ и объясняя оныя удобовразумительнымъ для ихъ лѣтъ способомъ. Изъ сего исключаются лучшія мѣста изъ писателей по части словесности, которыя для примѣровъ и подражанія затверживать наизусть весьма полезно и нужно, но не прежде, какъ послѣ яснаго аналитическаго истолкованія оныхъ. 3) Требовать, чтобы ученики, сколько менѣе можно, обременяемы были перепискою курсовъ, учителями самовольно составляемыхъ, и ученіе вообще преподаваемо было по книгамъ отъ высшаго начальства предписаннымъ. 4) На экзаменахъ предписывалось экзаменовать стороннимъ лицамъ или же учителямъ другихъ предметовъ" [2]) Это предписаніе Главнаго правленія училищъ

[1]) Дѣла дирекціи училищъ 1810 года, № 27.

Библиотека "Руниверс"

ясно указываетъ на состояніе учебной части въ гимназіяхъ, когда со стороны многихъ учителей не столько обращалось вниманія на то, понимаютъ ли ихъ дѣти, сколько на „зубренье".

Понятно, что тогдашніе гимназисты выходили съ аттестатами, въ которыхъ изчислялось множество наукъ, но со знаніями весьма поверхностными. Неоднократно приходилось намъ говорить съ людьми, учившимися въ Олонецкой гимназіи въ разсматриваемый періодъ времени, и мы вполнѣ убѣдились въ справедливости этого замѣчанія. Многіе предметы были забыты ими не только по содержанію, но даже и по названію. Случалось, что ученики, прошедшіе всѣ 3 класса [1]), не умѣли сдѣлать на бумагѣ умноженія и дѣленія, писали безтолково и безграмотно [2]).

Въ 1823 году изъ Олонецкой гимназіи были отправлены въ С.-Петербургскій университетъ 5 воспитанниковъ, окончившихъ въ ней курсъ,—и въ томъ числѣ Александръ Чивилевъ, впослѣдствіи извѣстный профессоръ Московскаго университета. По принятіи ихъ въ январѣ 1824 года, попечитель писалъ: „хотя свѣдѣнія ихъ въ нѣкоторыхъ предметахъ, и особенно въ латинскомъ языкѣ, оказались слабы, но конференція университета, имѣя у себя еще ни чѣмъ не занятыхъ кандидатовъ, приняла на себя исправить сей недостатокъ въ продолженіе 1824 года. Впрочемъ, не смотря на сіе, доставленіе воспитанниковъ изъ одной только Олонецкой гимназіи въ С.-Петербургскомъ округѣ приноситъ ей особенную честь и даетъ право на признательность начальства" [3]).

---

[1]) Что равняется теперешнимъ 6.

[2]) Вотъ прошеніе одного изъ бывшихъ гимназистовъ объ увольненіи изъ гимназіи его брата: «Родново брата моего N, находящагося подъ вѣдомствомъ В. В-іи учениковъ 4 класса губернской гимназіи, оставшагося послѣ смерти родителя нашего колегсиаго ассесора и кавалера N весьма въ бѣдномъ состояніи, такъ что едва могъ пропитываться братъ мой и одеваться по приличіи съ весьма великимъ трудомъ по настоящее время, а потому самому болѣе нѣтъ никакихъ средствъ продолжать далѣе ученіе до полнаго курса наукъ, какъ устроить его нынѣ на службу по гражданскому вѣдомству въ губернскія присутственныя мѣста. А потому всепокорнѣйше прошу сіе мое прошеніе принять» и проч...

[3]) Въ 1822 году былъ прекращенъ пріемъ семинаристовъ въ университеты; вмѣсто нихъ положено было принимать казенныхъ воспитанниковъ С.-Петербургскихъ гимназій, дѣтей учителей, служившихъ въ округѣ, и дѣтей бѣдныхъ чиновниковъ. Въ предписаніи, данномъ по этому случаю, прибавлено: «присылка учениковъ отнесется къ отличному усердію и дѣятельности вашей (директора)». Вслѣдствіе этого и были посланы изъ Олонецкой гимназіи 5 воспитанниковъ.

Библиотека "Руниверс"

Говоря о преподаваніи и преподавателяхъ, нельзя не обратить вниманія на недостатокъ въ гимназіи людей, направлявшихъ ее къ достиженію общей цѣли. Директоры, погруженные въ канцелярское дѣло, по перепискѣ съ начальствомъ и подвѣдомственными имъ лицами, мало имѣли возможности слѣдить за преподаваніемъ. Изъ бумагъ, однако, мы можемъ вывести заключеніе, что Крыловъ и Ушаковъ были преданы своему дѣлу. Крыловъ устроивалъ гимназію, но въ то же время былъ отвлекаемъ постоянно дѣлами по управленію дирекціею и по открытію сельскихъ училищъ. Онъ понималъ важность общихъ совѣщаній и еще въ 1805 году писалъ учителямъ: „рекомендую впредь въ первое воскресенье каждаго мѣсяца собираться ко мнѣ для совѣтованія объ удобнѣйшемъ усовершенствованіи способовъ ученія". Директоръ Ушаковъ самъ преподавалъ французскій языкъ. Башинскій весьма хорошо велъ хозяйственную часть и управлялъ дирекціею, будучи въ то же время предсѣдателемъ уголовной палаты. Въ гимназіи онъ не жилъ, предоставивъ казенную свою квартиру подъ помѣщеніе уѣзднаго училища. Инспектора тогда не было; учителя, за некомплектомъ, были обременены множествомъ уроковъ.

Совѣщанія ихъ происходили больше на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ, и состояли исключительно въ ежемѣсячной повѣркѣ суммъ. Въ 1808 году директоръ доносилъ начальству округа: „составилъ я расположеніе часовъ для тѣхъ учениковъ, которые должны поступить въ гимназію. Въ I классѣ назначилъ на математику по 6 часовъ, для философіи и естественной исторіи по 4 часа, дабы классъ латинскаго языка не оставался въ-пустѣ, а также для сравненія часовъ учителей философіи и естественной исторіи съ часами прочихъ учителей, то-есть, чтобы каждый занимался по 6 часовъ, назначилъ я имъ обучать латинскому языку до тѣхъ поръ, пока каждый не будетъ занимать полныхъ часовъ, назначенныхъ по уставу; но учители не согласились". Въ чемъ было несогласіе, неизвѣстно. Въ 1811 году (когда именно, не видно) „разсматривали отмѣтки учениковъ; потомъ трактовано было о способѣ ученія, и мнѣнія всѣхъ присутствующихъ о

Ранѣе этого, именно въ 1810 г., предписывалось о присылкѣ воспитанниковъ для помѣщенія въ Педагогическій институтъ, при чемъ было прибавлено, что если ученики окажутся слабы, то ихъ отсылать обратно на счетъ подписавшихъ аттестаты. Какъ были слабы отправленные гимназисты въ 1823 г., видно изъ того, что Чивилевъ въ теченіе только университетскаго курса имѣлъ возможность пополнить недостатки гимназическаго ученія (Біографическій словарь профессоровъ Московскаго университета. Т. 2, стр. 554).

Библиотека "Руниверс"

семъ предметѣ были согласны съ наставленіями устава учебныхъ заведеній и предписаніями главнаго правленія училищъ". Въ одной изъ мѣсячныхъ вѣдомостей 1811 года Соболевъ замѣтилъ, что надо ввести, согласно § 23 устава, преподаваніе начальныхъ основаній сельскаго хозяйства и домоводства. Въ 1812 году, въ числѣ постоянныхъ ежемѣсячныхъ свидѣтельствъ, записано только, что разсуждали о распредѣленіи времени экзаменовъ и положили производить ихъ не въ теченіе мѣсяца (какъ это, вѣроятно, было прежде), а въ теченіе четырехъ дней. Въ 1831 году директоръ предложилъ совѣту имѣть при гимназіи, для выдачи бѣднымъ воспитанникамъ, учебниковъ на 15 рублей, купивъ книги на счетъ штатныхъ суммъ, хранить ихъ особо и, въ случаѣ утраты, замѣнять новыми на тотъ же счетъ. Этимъ и ограничиваются свѣдѣнія о совѣщаніяхъ между 1808 и 1832 гг. Можетъ быть, бывали они и чаще, но въ дѣлахъ дирекціи нельзя отыскать никакихъ другихъ указаній.

Другою весьма важною причиною, замедлявшею успѣхи преподаванія, былъ постоянный недочетъ учителей. Вотъ одно изъ доказательствъ, какъ сильно нуждалась въ нихъ гимназія: учитель рисованія съ 1815 по 1831 годъ состоялъ въ то же время смотрителемъ училищъ Олонецкаго уѣзда, а Олонецкъ находится отъ Петрозаводска въ 150 верстахъ. Постоянное опущеніе уроковъ преподавателями очень дурно отзывалось на ученикахъ и, вѣроятно, не мало вредило заведенію въ глазахъ общества. Наличные учителя, не смотря на то, что получали плату за посторонній трудъ, вѣроятно, тяготились имъ. Въ 1831 году Берштрессеръ, учитель латинскаго языка, просилъ уволить его отъ занятій языкомъ нѣмецкимъ, „потому что безпрестанныя и безсмѣнныя занятія дѣлаются тягостными и изнуряютъ здоровье". Въ утѣшеніе его директоръ писалъ, что „благороднымъ своимъ поведеніемъ и исполненіемъ обязанностей онъ заслужилъ общую довѣренность и признательность".

Матеріальный бытъ старшихъ учителей гимназіи въ первые годы существованія ея, вѣроятно, былъ вполнѣ обезпеченъ, если принять во вниманіе, что, кромѣ жалованья 750 руб. асс. въ годъ, каждый изъ нихъ имѣлъ готовую квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ [1]) и, кромѣ того, получалъ добавочнаго жалованья отъ 200 до 300 руб.

---

[1]) Свѣчей полагалось каждому учителю въ годъ по 3 пуда, дрова же разчитывались по числу печей, полагая на голландскую печь по 5, а на русскую—по 10 саженъ.

Библиотека "Руниверс"

въ годъ. Съ 1811 года цѣны на все возвысились, а потому штатнаго только жалованья на содержаніе семейнаго учителя оказывалось недостаточно. Ушаковъ, ходатайствуя о вознагражденіи Якоповскаго за преподаваніе латинскаго языка, писалъ: „къ тому же, по возрастающей дороговизнѣ и неимѣнію никакихъ постоянныхъ доходовъ, помощь Якоповскому необходима; имѣть же особаго учителя пока нельзя, потому что нѣтъ возможности давать ему квартиру". Если жаловались уже въ 1811 году на скудость содержанія, то что же было въ 1821 и 1831 годахъ и какъ должны были жить младшіе учителя, получавшіе 400 руб. асс.? Чтобы улучшить домашній бытъ учителей, директоръ Башинскій неоднократно ходатайствовалъ предъ попечителемъ о вознагражденіи ихъ на счетъ остаточныхъ суммъ отъ штатнаго назначенія, что, по большей части, и увѣнчивалось успѣхомъ.

Можно положительно сказать, что учрежденіе Олонецкой гимназіи въ Петрозаводскѣ не было вызвано мѣстными потребностями, а условливалось лишь 3-ю статьею устава 1804 года, по которой каждый губернскій городъ долженъ былъ имѣть гимназію. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя же было огромное пространство, занимаемое Олонецкою губерніей, удаленною отъ всѣхъ губернскихъ городовъ, лишить заведенія, гдѣ бы, по крайней мѣрѣ, дѣти чиновниковъ могли получать достаточное образованіе. Мѣсто для гимназіи было выбрано самое невыгодное. Петрозаводскъ лежитъ какъ бы въ углу губерніи; самый ближайшій къ нему городъ отстоитъ отъ него на 150, а другіе на 185, 200, 386, 486 и 609 верстъ. Населеніе около Петрозаводска, въ районѣ на 200 верстъ, состоитъ изъ инородцевъ—Корелъ; даже въ самомъ городѣ бо́льшая часть жителей были мастеровые при пушечномъ заводѣ, вовсе не нуждавшіеся въ гимназическомъ образованіи для своихъ дѣтей, такъ что гимназія удовлетворяла только потребностямъ служилыхъ людей Петрозаводска; изъ уѣздныхъ городовъ поступало воспитанниковъ очень немного, что продолжается даже и теперь.

Число учащихся между 1808 и 1832 годами колебалось между 13 и 38; среднее число поступавшихъ въ гимназію было 9 человѣкъ въ годъ. Бо́льшая часть учащихся не оканчивали курса, потому что сами родители не сознавали еще пользы образованія: они брали дѣтей „для пріученія къ письменнымъ дѣламъ", или начальство завода требовало мальчиковъ для работъ въ заводѣ; однимъ словомъ, гимназія приготовляла не болѣе, какъ писарей для разныхъ присутствен-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ мѣстъ, начинавшихъ службу свою gratis или съ ежегоднымъ содержаніемъ въ 1 руб. асс. Упомянемъ еще, что въ гимназіи не могли обучаться не только солдатскіе дѣти, но и дѣти мастеровыхъ пушечнаго завода не могли поступать въ нее, ибо ихъ считали наравнѣ съ солдатскими. Въ 1822 году начальникъ заводовъ Фуллонъ думалъ ограничить число учащихся въ гимназіи мастеровыхъ двумя въ каждомъ классѣ, то-есть, 8 на всю гимназію. Директоръ представлялъ ему, какъ важно образованіе для всѣхъ сословій, ходатайствовалъ, чтобы указанное выше число этихъ воспитанниковъ увеличено было до 12-ти, чтобы ихъ не отрывали отъ учебныхъ занятій по приказанію начальства. Просьба была уважена; ученики-мастеровые были оставлены въ гимназіи, но съ оговоркою, что не будутъ брать въ заводъ для работы только отличнѣйшихъ изъ нихъ. Но при преобразованіи гимназіи по уставу 1828 года, то-есть, въ 1831 году, мастеровыхъ приказано было вовсе исключить и только въ 1843 году дозволено было обучать по три мальчика для приготовленія къ званію учителей для заводской школы.

Число окончившихъ полный курсъ между 1808 и 1831 годами составляетъ 46 человѣкъ, то-есть, меньше чѣмъ по два на годъ; но были и такіе годы, когда ни одинъ не окончилъ курса, а именно въ 1812, 1814, 1816, 1817, 1823 и 1827 годахъ. Изъ числа окончившихъ курсъ поступили: въ университетъ — 6, въ Педагогическій институтъ—1, въ военную службу—2, въ учителя уѣздныхъ училищъ—9, въ учителя приходскихъ училищъ — 1, въ гражданскую службу—17, въ заводскую службу—9 и къ занятіямъ торговлей—1. Выбыло же изъ гимназіи въ означенное время, до окончанія курса: изъ I класса 54, изъ II—43, изъ III—33 и изъ IV—54, то-есть, число не окончившихъ курсъ составляетъ $^3/_4$ всего числа выбывшихъ, а число окончившихъ курсъ только $^1/_4$.

Трудно сказать что-нибудь опредѣленное объ успѣхахъ учениковъ, но, судя по многому, нельзя вывести о нихъ особенно хорошаго заключенія; напримѣръ, въ 1811 году не было вовсе перевода изъ II въ III и изъ III въ IV классы, „потому что ученики объявили, что они желаютъ слушать предметы тѣхъ же классовъ". Въ 1822 году окончившіе курсъ 5 человѣкъ пожелали продолжать образованіе въ университетѣ, но за неимѣніемъ вакансій оставались въ гимназіи до 1824 года и все-таки на пріемномъ испытаніи оказались слабы въ латинскомъ языкѣ. И не мудрено: въ гимназію, какъ видно изъ

Библиотека "Руниверс"

вѣдомостей, поступали дѣти 8—9 лѣтъ [2]), и вынуждены были заниматься даже такими науками, которыя были имъ вовсе не по силамъ.

Нѣтъ также опредѣленныхъ свѣдѣній о мѣрахъ взысканія и поощренія, употреблявшихся въ гимназіи. Въ 1813 году министръ адресовалъ С. С. Уварову письмо, копія съ котораго была прислана въ гимназію и, вѣроятно, была исполнена въ точности. Вотъ это письмо: „Извѣстно, что соревнованіе къ успѣхамъ въ наукахъ и благонравію ничѣмъ столько въ учащихся не возбуждается, какъ приличными поощреніями, дѣйствительнѣйшими изъ коихъ дознаны тѣ, которыя въ молодыхъ людяхъ питаютъ честолюбіе. Наблюдаемое въ нѣкоторыхъ училищахъ обыкновеніе раздавать ученикамъ въ классахъ мѣста по ихъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію всегда имѣло полезныя слѣдствія, которыя, посредствомъ сего размѣщенія учениковъ, прилежанія самаго посредственнаго, имѣютъ нѣкоторую цѣль, коея и самая посредственность его не отъемлетъ у него надежды достигнуть". Поэтому, министръ предлагалъ установить, чтобы отличнѣйшіе ученики занимали высшія мѣста, а желающіе оспорить у нихъ эти мѣста по какому-либо предмету всегда допускались бы къ тому. Еще въ 50-хъ годахъ нѣкоторые преподаватели вызывали учениковъ для *заганиванія* другъ друга: низшій по мѣсту спрашивалъ высшаго о чемъ-либо и, если тотъ не могъ дать отвѣта, то спрашивавшій объяснялъ и занималъ его мѣсто. Въ Лодейнопольскомъ приходскомъ училищѣ иногда цѣлые классы проводились въ такого рода упражненіяхъ, давая учителю возможность ничего не дѣлать. Въ 1814 году было подтверждено, чтобы учениковъ не сѣкли, подъ страхомъ отрѣшенія отъ должности. На сколько достигало своей цѣли это предписаніе, можно судить уже по тому, что въ Олонецкой гимназіи въ сороковыхъ и позже годахъ наказывали еще розгами очень жестоко.

Единственная мѣра поощренія, на которую есть прямыя указанія, это—раздача наградъ за прилежаніе при открытыхъ ежегодныхъ испытаніяхъ. Награждали преимущественно похвальными листами, а изрѣдка—книгами. Въ 1811 году розданы были „Дѣтскій другъ" и „La première partie d'essai des mathématiques", въ 1814 году „Геометрія" Фусса. Въ 1820 году предписано, награждать дѣтей книгами духовно-нравственнаго содержанія и чтобы таковыя книги были въ запасѣ и въ хорошихъ переплетахъ. Книги выдавались обыкно-

---

[2]) А. И. Чивилевъ, какъ видно изъ его біографіи, поступилъ 7-ми лѣтъ въ гимназію.

Библиотека "Руниверс"

венно при открытыхъ испытаніяхъ, которыя велись по извѣстной программѣ. Вотъ одна изъ этихъ программъ: пѣснь „Днесь благодать Святаго Духа насъ собра"; рѣчь директора о необходимости соединять съ просвѣщеніемъ образованіе сердца; слово законоучителя о томъ, что добрыя дѣти составляютъ украшеніе родителей; вокальный концертъ; разсмотрѣніе образцовъ чистописанія; разсужденіе одного изъ учителей „о приходѣ"; инструментальный концертъ; чтеніе учениками своихъ сочиненій; раздача наградъ; благодарственныя рѣчи на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ; молитва. На открытыхъ испытаніяхъ производились также экзамены учениковъ изъ того, что̀ они успѣвали лучше всего приготовить.

Гимназія, кромѣ прямаго своего назначенія—давать общее образованіе желающимъ, имѣла еще въ виду спеціальную цѣль—приготовлять воспитанниковъ для занятія учительскихъ мѣстъ. 13-го февраля 1815 года состоялось положеніе комитета министровъ по этому поводу [1]). Въ запискѣ министра народнаго просвѣщенія говорилось, что по малому жалованію трудно пріискивать учителей въ уѣздныя и приходскія училища, а потому весьма полезно въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ имѣются остатки отъ штатныхъ суммъ, отдѣлять до 400 р въ годъ на содержаніе воспитанниковъ, желающихъ поступить въ учителя, выдавая каждому изъ нихъ отъ 75 до 100 руб. асс. ежегодно. Въ случаѣ болѣзни учителей, воспитанники могли заниматься повтореніемъ въ свободныхъ классахъ и тѣмъ мало-по-малу приготовляться къ учительской должности. За выданную стипендію они обязывались прослужить въ званіи учителя не менѣе 6 лѣтъ.

Мѣры, изложенныя въ этой запискѣ, были какъ нельзя болѣе выгодны для Олонецкой губерніи. Въ 1832 году директоръ писалъ къ попечителю округа: „сею только мѣрою былъ отвращенъ совершенный недостатокъ въ способныхъ наставникахъ, да и впредь, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, признается она существенною мѣрою, могущею предотвратить оный; ибо студенты Педагогическаго института и университетовъ неохотно соглашаются ѣхать въ сѣверныя губерніи, вредныя для многихъ по суровому климату". Для содержанія воспитанниковъ, предназначаемыхъ въ учителя, предложено было употреблять экономическія суммы, весьма необходимыя на ея различныя потребности, особенно на исправленіе зданія, а потому директоры постоянно хлопотали о займахъ экономическихъ суммъ

---

[1]) Сборн. по мин. народ. просв. т. I, стр. 766.

Библиотека "Руниверс"

уѣздныхъ училищъ. Займы эти не были возвращаемы, такъ что большая часть содержанія воспитанниковъ падала на суммы уѣздныхъ училищъ. Олонецкая гимназія имѣла 23 казенныхъ воспитанниковъ съ 1816 по 1855 годъ. Каждому изъ нихъ, кромѣ книгъ, выдавалось на содержаніе въ 1816 — 1819 гг. 100 руб., а съ 1820 по 1855 г. по 200 руб. асс. Въ 1822 году предложено было увольнять изъ гимназіи тѣхъ, которые замѣчены будутъ въ дурномъ поведеніи, а выданныя имъ деньги взыскивать съ нихъ; то же подтверждено было и въ 1827 году. Какъ дорожили казенными воспитанниками и какъ нужны были учителя, свидѣтельствуетъ слѣдующее: Мещерскій и Куняевъ, по вызову отъ академіи художествъ, поступили въ нее для приготовленія въ архитекторы путей сообщенія; но лишь только гимназія узнала объ этомъ, какъ тотчасъ же, по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, велѣно было возвратить ихъ въ Петрозаводскъ, а прогоны и деньги, употребленныя на теплую одежду, принять на счетъ гимназіи. Немного позднѣе одинъ изъ учителей хотѣлъ поступить въ военную службу, но ему отказали въ просьбѣ, ибо онъ не выслужилъ установленныхъ 6 лѣтъ. Воспитанникамъ, отправленнымъ въ университетъ, выдавались прогоны, но никакихъ другихъ пособій они не получали.

Изложивъ части учебную и воспитательную, перейдемъ теперь къ хозяйственной.

По штатамъ гимназіи 1804 года на библіотеку, кабинеты и учебныя пособія отпускалось ежегодно 200 р. асс. Такая сумма, при существовавшей въ прежнее время дороговизнѣ книгъ и пособій, не могла удовлетворять нуждамъ учебнаго заведенія. Библіотека наполнялась, большею частью, учебниками или книгами, не отличавшимися ни учеными, ни литературными достоинствами. Къ сожалѣнію, нельзя показать ежегоднаго приращенія въ учебныхъ пособіяхъ, по неимѣнію достаточныхъ данныхъ; каталоги почти не сохранились, а въ весьма немногихъ, уцѣлѣвшихъ изъ нихъ, не показано, сколько пріобрѣтено сочиненій въ тотъ или другой годъ. Впрочемъ, сумма, положенная на этотъ предметъ по штатамъ, расходовалась сполна. Въ 1810 году въ физическомъ кабинетѣ гимназіи были: астролябія съ цѣлью, компасъ, мѣдная линейка, циркуль, воздушный насосъ съ приборомъ (въ 500 р.), электрическая машина (300 р.), микроскопъ (50 р.), солнечный микроскопъ (100 р.), волшебный фонарь (60 р.), цилиндрическое зеркало съ картонами (30 р.), гальваническій приборъ (50 р.), бьющій фонтанъ (150 р.), барометръ (35 р.) термо-

Библиотека "Руниверс"

метръ, пневмато-химическій приборъ и камера-обскура (175 р.) Цѣнность кабинета по описи простиралась до 1552 р. асс. Затѣмъ, въ въ теченіе 10 лѣтъ, какъ замѣчено въ дѣлѣ 1810 г. № 13, почти ничего не было пріобрѣтаемо для кабинета. Въ 1820 году учитель Троицкій просилъ пріобрѣсти 16 названій разныхъ приборовъ, на которые и было израсходовано 350 р. [1]), но изъ этого числа 65 р. употреблены на исправленіе испорченнаго барометра, бьющаго фонтана и на пересылку вещей. За тѣмъ пріобрѣтены были два цилиндрическихъ колокола для доказательства давленія воздуха, стеклянный коническій колоколъ, деревянная чашка для доказательства давленія атмосферы и скважности тѣлъ; электрическое стекло съ ландшафтомъ и т. п. Въ теченіе послѣдующихъ 23 лѣтъ кабинетъ пришелъ въ большой упадокъ. Въ 1832 году былъ отправленъ въ Петербургъ учитель Колосовъ, чтобы отвезти инструменты для исправленія. Изъ описи вещей видно, что онъ взялъ съ собою чуть не весь кабинетъ: все было попорчено или изломано.

Кабинетъ естественныхъ наукъ остался до 1832, и даже до шестидесятыхъ годовъ точно такимъ, какимъ былъ онъ при учрежденіи гимназіи. Во время существованія главнаго училища, олонецкій горный начальникъ Армстронгъ пожертвовалъ свое собраніе олонецкихъ горныхъ породъ въ числѣ 166 названій; въ 1808 году гимназія на свои экономическія суммы пріобрѣла у Севастьянова за 600 р. 452 названія минераловъ. Въ 1819 году минералогическому кабинету была составлена опись, изъ которой видно, что онъ не увеличился ни однимъ номеромъ, ни однимъ камешкомъ. Минералы были распредѣлены по старой системѣ Вернера, когда малѣйшему измѣненію цвѣта какого-либо изъ нихъ давалось особое названіе. Коллекція эта по времени могла почитаться хорошею, но съ распредѣленіемъ минераловъ по системѣ Наумана она потеряла цѣну. Составленная въ 1819 году опись минералогическаго кабинета была отправлена къ попечителю для представленія въ экспедицію о снабженіи учебныхъ заведеній пособіями по естественной исторіи. Вѣроятно, вслѣдствіе этого представленія, Олонецкая гимназія получила собраніе раковинъ, числомъ 89. Въ 1810 году при гимназіи, въ числѣ пособій по естественной исторіи, находился гербарій, а въ 1819 году было ихъ уже два (изъ нихъ первый съ растеніями на 400 листахъ,

---

[1]) Деньги, употребленныя на кабинетъ, были пожертвованы въ 1811 г., въ день открытія гимназіи.

Библиотека "Руниверс"

а второй на 309); кромѣ того, Histoire naturelle и Collection des animaux quadrupedes Бюффона.

Пособія по географіи и исторіи во время разсматриваемаго періода состояли изъ 2 глобусовъ, 21 географической карты и карты „Рѣка временъ". Рисунковъ для класса рисованія въ 1810 году считалось 57, но учитель по 1819 годъ употреблялъ свои собственныя. Въ 1819 году отпущено было гимназіею на покупку рисунковъ 75 руб. Нумизматическая коллекція за это время увеличилась не многимъ: въ 1808 году было 29 серебряныхъ и 68 мѣдныхъ монетъ, а въ 1832 году 35 серебряныхъ и 81 мѣдная монета [1]).

Въ 1808 году, немедленно по открытіи гимназіи, пріобрѣтено было разныхъ учебныхъ пособій для ея библіотеки на 3.200 руб. асс., такъ что въ концѣ 1808 года, какъ видно изъ представленной попечителю вѣдомости, въ библіотекѣ этой состояло сочиненій по разнымъ отраслямъ знаній 293 названія въ 657 томахъ.

Изъ дѣлъ не видно, чтобы въ послѣдующее время произведена была сколько-нибудь значительная единовременная покупка пособій для библіотеки. Въ 1811 году была она передана въ вѣдѣніе учителей „по реестру и по предметамъ каждаго", такъ что книги составляли какъ бы ихъ собственность, а потому не удивительно, что при выбытіи кого-либо изъ нихъ директоръ вынужденъ былъ входить въ переписку о возвращеніи книгъ и о взысканіи денегъ. Въ 1812 году была потребована попечителемъ вѣдомость о библіотекѣ, такъ какъ обнаружилось, что нѣкоторыя изъ гимназій имѣютъ дублеты различныхъ сочиненій, а другія вовсе были лишены ихъ. Неизвѣстно, что пріобрѣла въ это время Олонецкая гимназія, но, какъ видно изъ отмѣтокъ въ каталогѣ, она выслала 38 томовъ въ Абовскій университетъ. Изъ департамента народнаго просвѣщенія посылались книги, изданныя, или купленныя имъ. За недостаткомъ положительныхъ данныхъ, нельзя сказать ничего опредѣленнаго объ ежегодномъ приращеніи библіотеки.

По уставу 1804 года, на полное содержаніе гимназіи назначено было 6.650 р. Сумма эта отпускалась еще и до преобразованія главнаго народнаго училища въ гимназію съ 1-го января 1805 года, такъ что съ теченіемъ времени образовались изъ нея значительныя сбере-

---

[1]) Объ образованіи кабинетовъ и нумизматической коллекціи см. статью «Исторія Олонецкой дирекціи до 1808 года» въ декабрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1866 годъ.

Библиотека "Руниверс"

женія. Кромѣ штатной суммы, отпускалось еще отъ приказа общественнаго призрѣнія 1.200 руб. Весь годовой бюджетъ гимназіи до преобразованія ея въ семиклассную былъ 7.850 руб. Изъ штатной суммы производились расходы: на жалованье директору—1.000 руб., 4 старшимъ учителямъ по 750 руб.—3.000 руб; 3 младшимъ учителямъ по 400 руб.—1.200 руб.; учителю рисованія—300 р.; на учебныя пособія—250 р.; на содержаніе дома—900 руб.

Затѣмъ 1.200 рублей, отпускаемые приказомъ общественнаго призрѣнія, употреблялись на наемъ квартиры для служащихъ, отопленіе, освѣщеніе, на пособіе къ штатной суммѣ для содержанія дома и другіе расходы [1]). Упомянутая выше сумма (7.850 р.) отпускалась на гимназію въ теченіе слишкомъ 24 лѣтъ, за исключеніемъ весьма незначительныхъ измѣненій, а именно: въ 1811 году учитель латинскаго языка сравненъ жалованьемъ со старшими учителями и къ прежнему его окладу добавлено 350 руб. Въ августѣ 1823 года, по несостоятельности приказа, взносъ имъ денегъ съ 1824 года совершенно былъ прекращенъ, съ отнесеніемъ всей суммы на счетъ государственнаго казначейства; изъ того же источника была уплачена и недоимка на приказѣ за прежнее время (1.600 руб.). Излишніе остатки отъ содержанія гимназіи отсылались въ банкъ для приращенія процентами и были вынимаемы оттуда, по мѣрѣ надобности, на необходимые расходы, особенно по ремонту зданія. Остатки эти бывали довольно значительны: напримѣръ, въ 1820 году—5.418 руб. 91 коп., въ 1825 году—7.604 руб. 26 коп., въ 1829 году—8.750 руб. 80 коп.

Пожертвованій во все это время въ пользу гимназіи, кромѣ 1811

---

[1]) Сверхштатные расходы были слѣдующіе:

	1808 г.	1809 и 1811 г.
Директору на квартиру	150 руб.	—
4 учителямъ на квартиры	240 —	—
2 учителямъ на квартиры	120 —	120 руб.
2 учителямъ уѣзднаго училища на квартиры	120 —	120 —
На наемъ дома для уѣзднаго училища	250 —	150 —
Писцу при директорѣ	90 —	100 —
На канцелярію	60 —	60 —
На прогоны директору	170 —	170 —
На свѣчи	—	420 —
На наемъ сторожей	—	360 —
	1.200 руб.	1.500 руб.

Библиотека "Руниверс"

года, когда послѣдовало ея открытіе, не было вовсе. Въ упомянутомъ году было пожертвовано разными лицами 339 рублей.

Недостаточность штатныхъ суммъ на содержаніе училищъ вызвала въ 1819 году сборъ платы за ученіе. Этою мѣрою, какъ видно изъ записки министерства народнаго просвѣщенія [1]), имѣлось въ виду обратить вниманіе родителей на занятія ихъ дѣтей и заохотить преподавателей, обезпеченіемъ ихъ содержанія, усерднѣе заниматься своимъ дѣломъ. О введеніи платы за ученіе было предписано Олонецкому директору въ 1819 году. Возникла переписка и, прежде всего, съ заводскимъ начальствомъ: директоръ предполагалъ взимать съ гимназистовъ въ годъ по 15 руб., съ учениковъ уѣзднаго училища—10 руб. и приходскаго—5 руб. асс., но лишь съ дѣтей чиновниковъ и гражданъ, а у начальника завода просилъ къ отпуску ежегодно по 500 руб. Начальникъ завода Фуллонъ, подъ разными предлогами, отказывался удовлетворить эту просьбу, писалъ, что мастеровые — люди очень бѣдные, что ввести плату или дать пособіе, безъ согласія горнаго департамента, онъ не можетъ. Директоръ донесъ объ этомъ попечителю, опровергая Фуллона тѣмъ, что многіе мастеровые получаютъ отъ 20 до 60 руб. [2]) въ мѣсяцъ задѣльной платы и имѣютъ хорошіе собственные дома; онъ говорилъ, что при заводѣ должно существовать особое училище, на которое даже отпускаются деньги, но училища этого нѣтъ, а дѣти заводскихъ чиновниковъ и мастеровыхъ обучаются въ школахъ министерства; „много изъ учениковъ сихъ хорошихъ офицеровъ и дѣловыхъ людей; слѣдовательно, заводъ имѣетъ значительный остаточный капиталъ отъ несуществованія при немъ училища". Съ дѣтей горныхъ и прочихъ чиновниковъ предполагалось взимать плату въ размѣрѣ существовавшей въ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ, на томъ основаніи, что „Олонецкая губернія, нуждающаяся въ хлѣбѣ, изобильна другими произведеніями. Наилучшимъ доказательствомъ денежнаго ея достатка служитъ существующая на все дороговизна и высокая плата за поденную и мѣсячную работу. Всѣ наилучшія соображенія и распоряженія по предмету взиманія платы съ учениковъ первоначально, конечно, могутъ быть сопряжены съ важными затрудненіями, ибо невѣжество и предразсудки самыя благонамѣренныя цѣли признаютъ за безполезныя и сочтутъ новымъ нало-

---

[1]) См. Сборн. пост. по мин. нар. просв., т. I, стр. 1145.

[2]) 60 руб.—сумма значительная для мастероваго, когда семейные чиновники въ то время получали 10—20 руб. асс.

Библиотека "Руниверс"

гомъ, пока не убѣдятся въ благоразуміи благодѣтельныхъ мѣръ правительства". Взимать плату за ученье съ учениковъ прочихъ сословій директоръ не думалъ на томъ основаніи, что города содержатъ на свой счетъ приходскія и помогаютъ уѣзднымъ училищамъ и что по малолюдству горожанъ нельзя ожидать прибавки на училища.

Этими соображеніями до 1838 года окончилось дѣло по введенію платы за ученье въ училищахъ Олонецкой дирекціи.

Въ 1810 году гимназія помѣщена была въ принадлежавшемъ ей до сего времени домѣ, отдѣланномъ почти за-ново послѣ пожара 1802 года [1]). Поспѣшность, съ которою производились работы,—поспѣшность, впрочемъ, неизбѣжная, ибо нужно было начинать ученье, а ничего еще приготовлено не было,—вскорѣ вызвала необходимость различныхъ исправленій въ домѣ. Уже въ 1811 году потребовалось въ классныхъ и жилыхъ комнатахъ исправить разсохшіеся полы и потрескавшіяся печи, на что̀ и разрѣшено было употребить проценты съ капитала 5.000 руб., образовавшагося отъ сбереженія. Работы эти обошлись въ 514 руб. 50 коп. Въ домѣ, кромѣ классовъ, находились квартиры директора и всѣхъ учителей. Въ 1814 году въ управленіе дирекціею вступилъ предсѣдатель уголовной палаты Башинскій. Имѣя въ Петрозаводскѣ свой собственный домъ, онъ уступилъ казенную квартиру для уѣзднаго и приходскаго училищъ, чрезъ что составилось для казны до 300 руб. ежегоднаго сбереженія. Гимназія помѣщалась въ верхнемъ этажѣ, училища же—въ нижнемъ; учителя занимали боковыя комнаты, такъ что могли имѣть постоянный надзоръ за дѣтьми, что̀ было необходимо уже потому, что директоръ въ гимназіи не жилъ, а должности инспектора еще не существовало. Передъ переводомъ въ гимназическій домъ училищъ сдѣланы были нѣкоторыя исправленія на 200 руб. Въ 1817 году въ квартирѣ одного изъ учителей отъ образовавшейся въ русской печи трещины произошелъ пожаръ. Домъ осмотрѣли и оказалось, что необходимо исправить всѣ печи, защебенить трещину въ стѣнѣ, исправить деревянныя колонны у парадняго входа и т. п. Донося объ этомъ начальству, директоръ говорилъ, что „домъ требуетъ многихъ поправокъ какъ внутри, такъ и снаружи". Снова началась переписка по исправленію дома, для чего по изчисленной смѣтѣ потребовалось уже 13.483 руб. 12½ коп. Работы производились хозяйственнымъ образомъ, подъ на-

---

[1]) О постройкѣ гимназическаго дома подробно сказано въ исторіи дирекціи до 1808 года (см. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, декабрь 1866).

Библиотека "Руниверс"

блюденіемъ губернатора, въ теченіе 1823—1826 гг. Гимназія и училища помѣщались въ одномъ зданіи до 1830 года; о тѣснотѣ, отъ которой страдали они, можно судить по слѣдующему: при разсужденіи въ совѣтѣ о необходимости устроить въ гимназіи публичную залу и хорошую мебель, было замѣчено, что въ залѣ помѣщается библіотека, кабинеты физическій и минералогическій, всѣ учебныя пособія; здѣсь же происходятъ и акты, при чемъ мебель берется у частныхъ людей, которые даютъ ее неохотно; совѣщанія происходятъ въ архивѣ, въ тѣсной и темной комнатѣ, гдѣ нѣтъ даже ни одного стула.

Не лишнимъ считаемъ упомянуть здѣсь о двухъ эпизодахъ, касающихся гимназіи, а именно: о попыткѣ устроить при ней ланкастерскій классъ и о помѣщеніи въ одномъ съ нею зданіи педагогическаго института.

Въ 1816 году было обращено вниманіе правительства на распространеніе въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ Ланкастеровой методы взаимнаго обученія. Въ 1828 году были собраны въ С.-Петербургскомъ батальонѣ военныхъ кантонистовъ учителя изъ всѣхъ гимназій округа для изученія этой методы. Изъ Олонецкой гимназіи былъ отправленъ учитель Баранкѣевъ. За дѣло принялись очень горячо; въ гимназіи уже составленъ былъ проектъ для устройства школы, планъ и смѣта передѣлокъ въ зданіи. Директоръ предполагалъ открыть при гимназіи ланкастерскую школу на 200 человѣкъ и, кромѣ того, еще школу при заводѣ; устроить въ гимназіи залу съ принадлежащимъ къ ней дополнительнымъ отдѣленіемъ, обзавестись новою мебелью по образцу Петербургской, пріобрѣсти необходимыя пособія; учителемъ опредѣлить воспитанника гимназіи Воскресенскаго, съ тѣмъ, чтобы онъ занимался подъ наблюденіемъ Баранкѣева; на содержаніе школы употреблять остатки штатныхъ суммъ и т. д. Предположенія эти не осуществились и отложены были до изданія новаго устава училищъ. Однако мы видимъ, что ланкастерскій способъ обученія Баранкѣевъ объяснялъ разъ въ недѣлю, по средамъ, а въ 1843 году онъ введенъ былъ, хотя не вполнѣ, въ Петрозаводскомъ приходскомъ училищѣ, которое и названо было „образцовымъ“.

Въ 1812 году въ зданіи Олонецкой гимназіи помѣщены были (впрочемъ, только до весны 1813 года) студенты С.-Петербургскаго Педагогическаго института и казенные воспитанники гимназіи С.-Петербургской, отправленные сюда подъ наблюденіемъ директора института Энгельгардта съ профессорами Лодіемъ, Кукольникомъ и Арсеньевымъ. Послѣдній въ своихъ запискахъ описалъ поѣздку свою въ

Библиотека "Руниверс"

Петрозаводскъ или, какъ онъ называетъ, „безславный походъ не на непріятеля, а отъ непріятеля". Директору Ушакову было предписано заблаговременно, еще до прибытія студентовъ, распустить учащихся и очистить, какъ классы, такъ и учительскія квартиры „съ нѣкоторымъ потѣсненіемъ, ибо чиновники сіи, яко благомыслящіе подчиненные, не отрекутся на время перенести нѣкоторую тѣсноту". Директоръ приготовилъ, по возможности, помѣщеніе, но прекратить уроки, не смотря на предписаніе, не рѣшился: два класса помѣстилъ онъ въ своей квартирѣ, оставивъ для себя только одну комнату и кухню, другіе же два класса —въ квартирахъ учителей: такимъ образомъ, въ домѣ гимназіи, имѣвшемъ 22 небольшихъ комнаты, считая и кухни, были помѣщены 5 чиновниковъ института, всѣ студенты и казенные воспитанники Петербургской гимназіи, директоръ института съ семействомъ, семейные директоръ гимназіи и 3 учителя и одинъ холостой учитель [1]). Можно по этому судить, какова была тѣснота въ зданіи, гдѣ во все это время не прекращались уроки ни для студентовъ, ни для гимназистовъ. Дѣла и вещи министерства были отправлены на одной бригѣ, 4-хъ доншкоутахъ и одной соймѣ; дѣла и вещи департамента, Педагогическаго института и Медицинской академіи были помѣщены при гимназіи, а Академіи наукъ и Публичной библіотеки въ гостиномъ дворѣ [2]).

К. Петровъ.

---

[1]) Этотъ холостой учитель былъ М. И. Троицкій, впослѣдствіи директоръ Олонецкой гимназіи; онъ былъ по воспитанію товарищемъ К. И. Арсеньева, какъ узнаемъ это изъ записокъ покойнаго. Самому Арсеньеву пришлось лечь на Петрозаводскомъ кладбищѣ. Онъ умеръ въ Петрозаводскѣ 29-го ноября 1865 года, находясь при сынѣ своемъ, Олонецкомъ губернаторѣ.

[2]) Подробности объ этомъ см. въ Запискахъ покойнаго К. И. Арсеньева и въ статьѣ моей, помѣщенной въ № 9 *Олонецкихъ губернскихъ вѣдомостей* 1866 года.

Библиотека "Руниверс"

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ШЕСТИКЛАССНЫЯ ПРОГИМНАЗІИ.

Въ октябрьской книжкѣ нашего журнала (см. отд. правит. распоряженій, стр. 95 — 98) напечатано Высочайше утвержденное, 8-го. іюня 1874 года, мнѣніе Государственнаго Совѣта, которымъ разрѣшается г. министру народнаго просвѣщенія открывать прогимназіи, не только въ четырехклассномъ, но и въ *шестиклассномъ* составѣ, Считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этой, въ высшей степени, полезной мѣрѣ, значеніе коей будетъ, конечно, оцѣнено по достоинству нашею публикою.

Учрежденіе прогимназій вообще вызвано было существенною потребностью: съ одной стороны, онѣ нужны были въ городахъ, гдѣ не представлялось возможности устроить полныя гимназіи, а съ другой — были необходимы даже и тамъ, гдѣ гимназіи существовали, ибо вслѣдствіе крайняго переполненія этихъ учебныхъ заведеній, постоянно приходилось отказывать въ пріемѣ значительному количеству дѣтей, желавшихъ поступить въ нихъ. Хотя первыя прогимназіи появились еще въ 1860 году (въ Виленскомъ округѣ), но повсемѣстное ихъ устройство было разрѣшено лишь Высочайше утвержденнымъ, 19-го ноября 1864 года, гимназическимъ уставомъ. Онѣ должны были состоять изъ *четырехъ* низшихъ классовъ, съ тѣмъ самымъ курсомъ который проходится въ означенныхъ классахъ гимназій. О томъ, въ какой мѣрѣ удовлетворяли онѣ насущнымъ потребностямъ общества можно лучше всего судить по быстрому увеличенію ихъ числа и по почти повсемѣстному переполненію ихъ учениками. До настоящаго времени находится у насъ 54 прогимназіи, изъ коихъ 34 содержатся

Библиотека "Руниверс"

на счетъ казны, 17 на счетъ казны и обществъ и 3 исключительно на счетъ обществъ.

Но если эти учебныя заведенія встрѣчены были съ самаго начала столь явнымъ сочувствіемъ, то явился вопросъ, не слѣдовало ли произвести въ нихъ нѣкоторыя измѣненія, съ цѣлью еще болѣе примѣнить ихъ къ образовательнымъ потребностямъ общества?

При нынѣшнемъ четырехклассномъ составѣ прогимназій, дѣти, поступающія въ нихъ въ 10-лѣтнемъ возрастѣ, оканчиваютъ курсъ 14 или 15 лѣтъ. Что ожидаетъ ихъ затѣмъ? Если родители намѣреваются дать имъ законченное образованіе, то нерѣдко вынуждены отсылать ихъ изъ дома въ отдаленныя гимназіи, находящіяся почти исключительно въ губернскихъ городахъ. Но подобное удаленіе 14-лѣтняго мальчика въ совершенно чуждую ему обстановку, при которой онъ, въ большей части случаевъ, лишенъ надлежащаго за собою присмотра (ибо пансіоны существуютъ только при немногихъ гимназіяхъ и, сверхъ того, переполнены воспитанниками), сопряжено съ значительною опасностью для нормальнаго развитія ребенка, что̀ къ сожалѣнію подтверждается несомнѣнными фактами: мальчикъ, въ этомъ, не вполнѣ еще установившемся возрастѣ, легко подчиняется пагубнымъ вліяніямъ, для устраненія коихъ онъ не находитъ средствъ ни въ самомъ себѣ, по недостатку окрѣпшихъ убѣжденій, ни въ окружающей его, чуждой ему средѣ. Многіе родители не рѣшаются поэтому посылать дѣтей своихъ въ гимназію, но если бы даже они и согласились разстаться съ ними, то не слѣдуетъ забывать, что тутъ ожидаетъ ихъ нерѣдко новое препятствіе: въ послѣднее время и старшіе (съ V-го) классы гимназій до такой степени начинаютъ переполняться учениками, что поступленіе въ нихъ дѣтей оказывается затруднительнымъ.

Вслѣдствіе всего этого, не малое количество мальчиковъ обречено было покидать школу съ 4-хъ классным прогимназическимъ образованіемъ, не представляющимъ законченнаго цѣлаго и весьма недостаточнымъ для практической дѣятельности. Это образованіе не даетъ получившимъ его никакихъ льготъ относительно отбыванія воинской повинности, такъ какъ 4-хъ классныя прогимназіи не подходятъ ни подъ одинъ изъ разрядовъ, поименованныхъ въ уставѣ о всесословной воинской повинности: онѣ стоятъ выше тѣхъ требованій, которыя установлены для 3-го разряда льготъ по образованію, и значительно ниже 2-го разряда, къ коему отнесены реальныя училища и *первые шесть классовъ гимназій*. Это послѣднее обстоятельство, вмѣ-

Библиотека "Руниверс"

стѣ съ соображеніями, о которыхъ мы упомянули выше, убѣдило министерство народнаго просвѣщенія, что прогимназіи, для полнаго достиженія своей цѣли, должны быть учреждаемы на будущее время не только въ четырехклассномъ, но и въ шестиклассномъ составѣ. Мѣрою этою отстраняются весьма важныя, существовавшія доселѣ, неудобства: молодые люди будутъ оканчивать курсъ 16—17 лѣтъ, когда уже не такъ опасно предоставлять ихъ самимъ себѣ; если даже не пожелаютъ они продолжать ученье въ 7-хъ классахъ гимназій, то во всякомъ случаѣ получатъ довольно законченное образованіе, усвоятъ значительный запасъ свѣдѣній, могущихъ дать имъ полную возможность съ успѣхомъ приняться за практическую дѣятельность въ томъ или другомъ направленіи; сверхъ того, эти молодые люди пріобрѣтаютъ, по отношенію къ отбыванію воинской повинности, права 2-го разряда льготъ по образованію, что̀ весьма важно вообще въ интересахъ просвѣщенія, ибо нельзя сомнѣваться, что благодаря упомянутому обстоятельству, приливъ молодежи къ прогимназіямъ не только не уменьшится, но еще усилится, тогда какъ, если бы прогимназіи оставались по прежнему только въ четырехклассномъ составѣ, то слѣдовало бы опасаться противнаго.

Не во всѣхъ еще 51 прогимназіяхъ находятся нынѣ, по недавнему ихъ открытію, четвертые классы, но въ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ они существуютъ, число учениковъ въ означенныхъ классахъ весьма значительно. Можно утвердительно сказать, что бо̀льшая часть этихъ молодыхъ людей, по окончаніи курса IV-го класса, пожелали бы продолжать ученье хотя бы только для того, чтобы по истеченіи двухъ лѣтъ воспользоваться льготами 2-го разряда по отбыванію воинской повинности. Но мы уже говорили, что тутъ могло встрѣтить ихъ весьма важное препятствіе, а именно, недостатокъ помѣщенія въ гимназіяхъ: если это препятствіе нерѣдко обнаруживалось и до сихъ поръ, то чего же слѣдуетъ ожидать въ будущемъ, когда V и VI классы, вслѣдствіе новыхъ условій, созданныхъ общею воинскою повинностью, будутъ, по всему вѣроятію, переполняться учениками еще въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ теперь? Многіе весьма даровитые и трудолюбивые юноши были бы такимъ образомъ лишены возможности продолжать гимназическое образованіе, что̀ не входитъ, конечно, въ виды правительства. Въ сѣверной Германіи общая воинская повинность давно уже вызвала преобразованіе значительнаго количества прогимназій въ шестиклассныя, и то же самое явленіе становится теперь и у насъ вполнѣ естественнымъ и необходимымъ.

Библиотека "Руниверс"

Вообще новому уставу о военной службѣ суждено значительно повліять на распространеніе образованія въ Россіи: уже теперь, на первыхъ порахъ, безпрерывно поступаютъ въ министерство народнаго просвѣщенія заявленія объ открытіи новыхъ училищъ, предлагаются посильныя пожертвованія для нихъ, и все это должно быть отчасти приписано желанію общества воспользоваться льготами воинской повинности. Въ будущемъ предстоитъ, конечно, открыть много новыхъ среднихъ учебныхъ заведеній, а вслѣдствіе этого увеличится число учениковъ, для которыхъ недостаточно будетъ образованіе, даваемое прогимназіями въ четырехклассномъ составѣ.

Полагаемъ, что эти свѣдѣнія достаточны для того, чтобы оцѣнить надлежащимъ образомъ новое постановленіе о нашихъ прогимназіяхъ. Читатели могли уже видѣть изъ офиціальныхъ документовъ, обнародованныхъ въ октябрьской книжкѣ нашего журнала, что г. министру народнаго просвѣщенія предоставлено, на первое время, приступить къ преобразованію *пятнадцати* четырехклассныхъ прогимназій въ шестиклассныя, изъ которыхъ *тринадцать* въ настоящее время уже преобразованы. Вотъ эти прогимназіи: С.-Петербургскія Введенская и вторая (на Пескахъ), Кіевская, Острогская, Виленская, Пензенская, Якутская, Николаевская, Мозырская, Херсонская, Корочанская, Ананьевская и Глуховская. Выборъ палъ на нихъ по той причинѣ, что онѣ или переполнены учениками, или находятся въ слишкомъ далекомъ разстояніи отъ городовъ, въ которыхъ имѣются гимназіи. Затѣмъ принимаются уже мѣры для преобразованія еще двухъ прогимназій.

Библиотека "Руниверс"

О ВВЕДЕНІИ ОБЯЗАТЕЛЬНАГО ОБУЧЕНІЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Въ наше время не подлежитъ уже никакому сомнѣнію та истина, что сила каждаго государства заключается въ его образованіи и что страны, въ которыхъ просвѣщеніе развито въ массахъ населенія, являются самыми сильными и пользуются наибольшимъ благосостояніемъ. Неопровержимымъ доказательствомъ этой истины служитъ Германія, которая справедливо считается самою образованною страною сколько потому, что она обладаетъ наибольшимъ числомъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, доставляющихъ высшее и среднее образованіе достаточнымъ классамъ населенія, столько же и потому, что въ Германской имперіи полученіе образованія въ извѣстной начальной его степени обязательно для всѣхъ подданныхъ обоего пола, и что поэтому въ Германіи безграмотными могутъ оставаться только идіоты отъ рожденія и вовсе неспособные къ ученію по болѣзни или физическимъ недостаткамъ. По германскимъ законамъ объ обязательномъ ученіи, всѣ должны учиться и каждый, кто не можетъ или не желаетъ доставить своимъ дѣтямъ необходимое образованіе у себя на дому, обязанъ, по достиженіи ими шестилѣтняго возраста, посылать ихъ въ школу, гдѣ обученіе продолжается до 14-ти лѣтъ. Размѣръ этого обязательнаго для каждаго образованія опредѣляются курсомъ начальнаго училища, въ который входятъ: законъ Божій, наглядное обученіе, чтеніе и письмо, счисленіе, начальная геометрія или собственно ученіе о формахъ и пространствѣ (Formen- und Raumlehre), отчизновѣдѣніе и отечествовѣдѣніе (Heimaths- und Vaterlandskunde), т. е., географія и исторія родины, необходимыя свѣ-

Библиотека "Руниверс"

дѣнія изъ естественныхъ наукъ, черченіе, рисованіе, пѣніе и гимнастика. Всякое уклоненіе отъ обязательнаго ученія преслѣдуется по законамъ и родители, за непосѣщеніе дѣтьми школы безъ уважительныхъ причинъ, наказываются денежными штрафами и даже арестомъ, а если вина уклоненія отъ школы заключается въ дурныхъ наклонностяхъ и упрямствѣ самыхъ дѣтей, то послѣднія могутъ быть помѣщаемы въ исправительныя заведенія. Обязывая дѣтей пріобрѣтать извѣстныя познанія, законъ не требуетъ, однако, непремѣннаго посѣщенія начальной общественной школы всѣми дѣтьми школьнаго возраста; дѣти могутъ учиться въ частныхъ школахъ и дома и должны только, въ доказательство того, что они дѣйствительно учатся, подвергаться установленному контролю.

Не одна Германія, но и другія государства, какъ напримѣръ, Швеція и Норвегія, гдѣ введено обязательное начальное обученіе, представляютъ неоспоримыя доказательства того, что обязательное начальное обученіе приноситъ только пользу, ускоряя ходъ умственнаго и нравственнаго образованія въ народѣ, укрѣпляя и просвѣтляя его религіозныя вѣрованія и чрезъ то значительно содѣйствуя уменьшенію преступленій, главный источникъ которыхъ коренится въ невѣжествѣ массы населенія.

При всемъ томъ, введеніе обязательнаго начальнаго обученія представляется, какъ показалъ опытъ Германіи, дѣломъ весьма не легкимъ. Начало обязательности ученія въ Германіи совпадаетъ со временемъ реформаціи; въ протестантскихъ государствахъ Германіи грамотность со временъ Лютера требуется религіею, и потому обученіе народа грамотѣ и краткому лютеранскому катехизису началось со введеніемъ реформаціи; сначала обучали пасторы и кистеры по воскреснымъ днямъ въ церквахъ, потомъ стали устраивать при церквахъ же ежедневныя народныя школы; при всемъ томъ, дѣло распространенія грамотности въ народѣ шло весьма медленно и масса населенія оставалась безграмотною. Въ Пруссіи, шедшей всегда впереди въ дѣлѣ народнаго образованія, обычай обученія, установленный церковью, подтвержденъ былъ въ 1738 году государственнымъ закономъ, изданнымъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I-мъ и дѣлавшимъ начальное обученіе обязательнымъ; законъ этотъ въ болѣе опредѣленной формѣ выраженъ былъ въ 1763 году въ общемъ уставѣ сельскихъ училищъ, изданномъ Фридрихомъ Великимъ. По уставу этому каждая община обязывалась учредить школу и посылать дѣтей учиться, па-

Библиотека "Руниверс"

чиная съ 6-ти лѣтняго возраста и до конфирмаціи, т. е., до 14-ти лѣтъ. Содержаніе школы возлагалось на родителей обучающихся дѣтей и *за неисполненіе этого постановленія назначался денежный штрафъ*. Успѣшное осуществленіе этихъ мѣръ встрѣтило, однако, огромныя препятствія, съ одной стороны, въ недостаткѣ учителей, такъ какъ учителями, за неимѣніемъ другихъ, назначались большею частію отставные унтеръ-офицеры и инвалиды, а съ другой стороны — въ бѣдности населенія. Правда, на приготовленіе учителей для начальныхъ училищъ обращено было уже нѣкоторое вниманіе, — до 1807 года устроено было въ Пруссіи до 11-ти учительскихъ семинарій; но дѣйствительное осуществленіе закона объ обязательномъ обученіи сдѣлалось возможнымъ только послѣ 1807 года, когда начало быстро распространяться матеріальное благосостояніе въ массѣ сельскаго населенія, и Прусское правительство, желая вознаградить потери, причиненныя тяжелою войною съ Франціею, обратило все свое вниманіе на развитіе внутренняго могущества путемъ распространенія въ массѣ населенія основательнаго начальнаго образованія. Съ этого времени дѣйствительное введеніе обязательнаго начальнаго обученія можно было уже считать дѣломъ вполнѣ обезпеченнымъ; вмѣстѣ съ приготовленіемъ учителей, съ каждымъ годомъ принимавшимъ бо́льшіе размѣры, быстро росли начальныя училища, и число дѣтей школьнаго возраста, не получающихъ никакого образованія, дошло наконецъ до ничтожной цифры. Въ 1864 году въ Прусскомъ королевствѣ изъ 3.457.301 дѣтей отъ 6 до 14 лѣтъ только 11.641 были освобождены отъ ученія по болѣзни, и о 15.568 дѣтяхъ не было достовѣрныхъ свѣдѣній; всѣ же остальныя обучались или въ начальныхъ училищахъ, или въ школахъ высшаго разряда. Вообще число дѣтей, остающихся въ Германіи безъ элементарнаго обученія, постоянно уменьшается. Сознаніе, что усвоеніе хорошаго элементарнаго образованія есть истинное благодѣяніе для дѣтей, все болѣе проникаетъ въ массу народа и облегчаетъ правительственный контроль за посѣщеніемъ школъ.

Изъ другихъ Европейскихъ государствъ, кромѣ Германіи, обязательное обученіе введено въ Швеціи и Норвегіи, въ Даніи, въ Австріи, въ Италіи, Испаніи, Португаліи, Швейцаріи и Греціи; вопросъ о введеніи его возбуждался нѣсколько разъ во Франціи, но остался пока въ этой странѣ еще не рѣшеннымъ.

Мѣра о введеніи обязательнаго обученія пользуется сочувствіемъ

Библиотека "Руниверс"

и у насъ въ значительной части образованнаго общества: она обсуждалась неоднократно въ печати, а нѣкоторыя земскія собранія и общества вошли уже въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствами объ узаконеніи этой мѣры. Безъ сомнѣнія, ходатайства эти должны быть удовлетворены въ той степени, въ какой это окажется возможнымъ; но теперь, прежде всего казалось бы необходимымъ, при введеніи обязательнаго начальнаго обученія, остановить вниманіе на нашихъ столичныхъ городахъ, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ значительное населеніе и въ которыхъ, однако, огромное большинство дѣтей школьнаго возраста остается безъ всякаго образованія на всю жизнь, дѣлаясь такимъ образомъ, по причинѣ своего невѣжества, легкою добычею порока и увеличивая собою число людей не только безполезныхъ, но и вредныхъ для общества.

Въ С.-Петербургѣ, по переписи, произведенной 10-го декабря 1869 года, на 667.963 жителей обоего пола приходилось дѣтей возраста отъ 8-ми до 14-ти лѣтъ включительно 56.234, т. е., 8,4% общаго населенія (см. приложеніе № 1), а учащихся школьнаго возраста обоего пола находилось около 22.915, или, прибавляя къ этому числу примѣрно до 2.085 учащихся дома, около 25.000 человѣкъ (см. приложеніе № 2), т. е., число учащихся составляетъ только 44% дѣтей школьнаго возраста, а остальные 31.234, т. е. 56%, вовсе не учатся.

Такое печальное положеніе начальнаго образованія въ столицѣ Имперіи не можетъ не представляться явленіемъ крайне ненормальнымъ и тѣмъ менѣе терпимымъ, что С.-Петербургъ заключаетъ въ себѣ всѣ условія, необходимыя для того, чтобы устроить здѣсь обязательное начальное ученіе. У С.-Петербургскаго городскаго общества всегда могутъ найдтись средства для содержанія достаточнаго по населенію числа начальныхъ училищъ; еще менѣе въ С.-Петербургѣ можетъ оказаться недостатокъ въ учителяхъ или учительницахъ.

Нижеслѣдующее изложеніе представляетъ собою главныя основанія, на которыхъ могла бы быть устроена система обязательнаго обученія въ С.-Петербургѣ.

1) При введеніи обязательнаго обученія прежде всего является вопросъ: *въ какой мѣрѣ должно быть обязательно для С.-Петербурга начальное обученіе, или, другими словами, изученіе какихъ именно предметовъ слѣдуетъ считать обязательнымъ для каждаго ребенка школь-*

Библиотека "Руниверс"

наго возраста. Въ Германіи, какъ сказано выше, въ составъ обязательнаго начальнаго курса входятъ: законъ Божій, наглядное обученіе, чтеніе и письмо, счисленіе, начальная геометрія, отчизновѣдѣніе и отечествовѣдѣніе, т. е., географія и исторія родины, необходимыя свѣдѣнія изъ естественныхъ наукъ, черченіе, рисованіе, пѣніе и гимнастика, и на обязательное изученіе этихъ предметовъ полагается 8 лѣтъ отъ 6-ти до 14-ти лѣтняго возраста. Соотвѣтственный этому курсу представляетъ у насъ курсъ городскихъ училищъ по положенію 31-го мая 1872 года; на прохожденіе его назначено 6 лѣтъ и городскія училища съ такимъ курсомъ имѣютъ быть открыты въ С.-Петербургѣ въ непродолжительномъ времени на счетъ правительства. Очевидно, что знаніе въ объемѣ курса этихъ городскихъ училищъ не можетъ быть признано обязательнымъ даже въ С.-Петербургѣ, гдѣ, какъ показано выше, находится такое огромное число дѣтей совершенно безграмотныхъ. Намъ, какъ начинающимъ, необходимо спуститься ниже и ограничиться уровнемъ требованій курса начальныхъ народныхъ училищъ, именно въ составъ обязательнаго курса ввести только: законъ Божій (знаніе молитвъ и краткаго катехизиса и священной исторіи), чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати, письмо, счисленіе и первыя четыре дѣйствія ариѳметики, а дальнѣйшее обученіе въ городскихъ или другихъ училищахъ предоставить уже на волю каждаго. Такой составъ обязательнаго курса значительно облегчитъ пріисканіе для училищъ способныхъ учителей, уменьшитъ расходы по содержанію училищъ и дастъ возможность *сократить срокъ обязательнаго обученія* вмѣсто 8-ми лѣтъ, принятыхъ въ Германіи, *до 4-хъ лѣтъ отъ 8-ми до 12-ти лѣтняго возраста.* Послѣднее обстоятельство имѣетъ особенное значеніе для дѣтей ремесленнаго и вообще рабочаго класса, которымъ должно быть оставлено время для ремесленныхъ и другихъ занятій, имѣющихъ въ виду обезпеченіе ихъ будущности; при томъ же, по суровости нашего климата и малому развитію большинства дѣтей, отнесеніе начала обученія ихъ не къ 6-ти, а къ 8-ми лѣтнему возрасту, является болѣе удобнымъ. Само собою разумѣется, что обязательное знаніе каждымъ ребенкомъ отъ 8-ми до 12-ти лѣтняго возраста вышеуказаннаго курса начальныхъ училищъ не можетъ быть связано съ обязательнымъ посѣщеніемъ начальной школы; желающіе изъ родителей могутъ учить дѣтей своихъ и дома, съ обязательствомъ не уклоняться отъ того контроля, который будетъ установленъ за дѣйствительностію обученія ихъ дѣтей требуемому курсу.

Библиотека "Руниверс"

2) Вторымъ важнымъ вопросомъ представляется вопросъ объ обезпеченіи С.-Петербурга достаточнымъ числомъ начальныхъ училищъ, чтобы всѣ дѣти школьнаго возраста, обязанныя учиться, имѣли возможность посѣщать начальныя школы. Изъ 56.234 дѣтей школьнаго возраста отъ 8-ми до 14-ти лѣтъ въ настоящее время въ С.-Петербургѣ вовсе не учатся около 56%, т. е. 31.234; отсюда ясно, что число училищъ въ С.-Петербургѣ далеко не достаточно для того, чтобы ввести обязательное начальное обученіе, а потому законъ объ обязательности ученія не могъ бы быть выполненъ при наличномъ числѣ существующихъ начальныхъ школъ. Полагая на каждую начальную школу при двухъ учителяхъ по 100 человѣкъ, пришлось бы учредить вновь до 312 школъ для 31.234 дѣтей школьнаго возраста. Но если принять срокъ обязательнаго ученія въ возрастѣ отъ 8-ми до 12-ти лѣтъ, на который, по переписи С.-Петербурга 10-го декабря 1869 года, приходится дѣтей отъ 8-ми до 12-ти лѣтъ только 28.119 (въ томъ числѣ мужскаго пола 14.196 и женскаго пола 13.923) и взять 56% не учащихся ничему изъ этого числа, то-есть 15.746, то и для этого послѣдняго числа безграмотныхъ дѣтей *пришлось бы учредить вновь до 157 начальныхъ училищъ.* Забота правительства и городскаго общества объ учрежденіи приведенной здѣсь цифры новыхъ начальныхъ училищъ, съ введеніемъ обязательнаго начальнаго обученія, конечно, была бы облегчена, съ одной стороны, тѣмъ, что увеличилось бы число начальныхъ училищъ, содержимыхъ частными лицами, а также хозяевами фабрикъ, заводовъ и разныхъ мастерскихъ учрежденій, и съ другой стороны тѣмъ, что и родители въ большемъ числѣ, чѣмъ теперь, стали бы обучать дѣтей своихъ дома курсу предметовъ начальнаго училища. Поэтому безъ всякаго сомнѣнія городскому обществу С.-Петербурга пришлось бы въ сущности учредить даже менѣе 157 новыхъ начальныхъ училищъ; но, во всякомъ случаѣ, необходимо для разчета имѣть въ виду эту цифру вновь требуемыхъ къ учрежденію начальныхъ народныхъ училищъ.

3) Третій и самый существенный вопросъ заключается въ матеріальномъ обезпеченіи начальныхъ училищъ въ С.-Петербургѣ. Начальныя школы во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ содержатся на счетъ общества, а не на счетъ государства: государство беретъ на себя только надзоръ за школами и приготовленіе учителей; заведеніе же и содержаніе школъ лежитъ на обязанности общества.

Библиотека "Руниверс"

Во Франціи на народное образованіе тратится изъ общественныхъ суммъ до 24 милліоновъ франковъ. Въ Пруссіи, стоящей въ этомъ отношеніи гораздо выше, на народное образованіе давалось земствомъ въ 1864 году болѣе 11-ти милліоновъ талеровъ; у насъ въ 1873 году на тотъ же предметъ удѣлялось земствомъ, городскими и сельскими обществами только около 3-хъ милліоновъ 600 тысячъ рублей и въ томъ числѣ однимъ земствомъ около 1.400.000 рублей. Изъ столичныхъ городовъ Парижъ въ 1872 году, при годовомъ бюджетѣ 194.660 тысячъ франковъ, давалъ на народное образованіе до 8.000.800 франковъ; Берлинъ въ томъ же году, при бюджетѣ 6.000.228 талеровъ, употребилъ на тотъ же предметъ до 1.000.058 талеровъ; въ С.-Петербургѣ въ 1872 году при бюджетѣ въ 3.000.582 рублей, на народное образованіе назначено было всего 27.864 руб., то-есть, $^1/_{132}$ доля всѣхъ расходовъ, между тѣмъ какъ расходы Парижа и Берлина въ этомъ отношеніи составляютъ въ первомъ $^1/_{22}$, а въ послѣднемъ даже $^1/_6$ долю всего бюджета [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что просвѣщенные члены городскаго управленія С.-Петербурга, въ виду важнаго значенія начальнаго образованія для большинства безграмотныхъ дѣтей школьнаго возраста, обратятъ вниманіе на устраненіе этого зла и не откажутся усилить средства начальнаго народнаго образованія, нынѣ крайне скудныя и вовсе уже несоотвѣтственныя тому высокому положенію, которое въ починѣ такого важнаго дѣла, какъ введеніе обязательнаго начальнаго ученія, должно принадлежать первому городу 80-ти милліонной Имперіи. Усиленіе это тѣмъ необходимѣе, что за послѣдніе три года во многихъ нашихъ губернскихъ и даже уѣздныхъ городахъ расходы по народному образованію гораздо значительнѣе, чѣмъ въ С.-Петербургѣ и составляютъ отъ $^1/_{22}$ до $^1/_7$ доли всѣхъ расходовъ, какъ видно изъ нижеслѣдующей таблицы:

---

[1]) Въ 1873 году въ С.-Петербургѣ назначено на народное образованіе 52.864 рубля, въ томъ числѣ собственно на народныя училища 14.571 руб. 42 коп.; но и цифра 52.864, по отношенію къ общимъ расходамъ, простиравшимся въ 1873 году до 5.239.837 рублей, составляетъ только $^1/_{99}$ долю.

Библиотека "Руниверс"

ГОРОДА.	Общіе расходы.	Расходы на народное образованіе.	Доля расходовъ на народное образованіе изъ суммъ всѣхъ расходовъ.
Кіевъ .	393,932	12,807	32-я доля.
Казань . .	411,980	18,336	22-я
Астрахань .	337,447	16,630	21-я
Одесса . .	690,351	54,075	13-я
Рига . .	868,955	71,625	12-я
Таганрогъ .	154,337	12,276	12-я
Кишиневъ. .	133,954	12,436	11-я
Ростовъ на Дону .	232,147	21,188	11-я
Самара . .	164,388	16,751	10-я
Орелъ .	105,974	11,142	9-я
Елисаветградъ .	113,693	14,110	8-я
Саратовъ. .	263,000	30,000	8-я
Керчь .	82,966	11,326	7-я

Впрочемъ, С.-Петербургская городская дума давно уже, именно съ 1863 года, признавала недостаточность средствъ, отпускаемыхъ отъ города на начальное образованіе, и особая коммиссія городской думы въ 1870 году высказала мысль о необходимости увеличить содержаніе собственно начальныхъ народныхъ училищъ до 72 тысячъ рублей и на эти средства къ нынѣ существующимъ 14-ти начальнымъ училищамъ прибавить еще 14 такихъ же.

Со введеніемъ обязательнаго начальнаго образованія въ С.-Петербургѣ и эта прибавка оказалась бы недостаточною: пришлось бы учредить не 14, а 157 новыхъ начальныхъ училищъ, назначить увеличенное, сравнительно съ нынѣшнимъ, содержаніе новымъ училищамъ и сравнить по содержанію съ новыми училищами нынѣ существующія 14.

По разчету, сдѣланному въ 1870 году особою коммиссіею городской думы, бюджетъ содержанія каждаго начальнаго училища въ

Библиотека "Руниверс"

С.-Петербургѣ, при комплектѣ 100 учениковъ, опредѣленъ въ 1.750 рублей, а именно:

Жалованье учителю (при готовой квартирѣ)	600 руб.
Законоучителю. .	90 „
На библіотеку и учебныя пособія .	100 „
Наемъ квартиры, отопленіе и ремонтъ мебели.	820 „
На награды ученикамъ.	20 „
Наемъ сторожа	130 „
Итого.	1.750 руб.

Въ училищѣ, гдѣ болѣе 100 учениковъ, предположено было имѣть еще помощника учителя съ жалованьемъ 300 рублей.

Бюджетъ этотъ могъ бы быть принятъ и теперь, съ тѣмъ только измѣненіемъ, чтобы комплектъ учениковъ каждаго отдѣльнаго училища не превышалъ 100 и чтобы въ каждомъ училищѣ при 100 ученикахъ былъ непремѣнно и помощникъ учителя: съ этими измѣненіями *бюджетъ одного училища составитъ 2.050 руб. въ годъ.* Особая коммиссія городской думы, при обсужденіи вопроса объ увеличеніи содержанія начальныхъ народныхъ школъ, высказала мысль, вполнѣ заслуживающую вниманія, что было бы весьма полезно учредить въ С.-Петербургѣ отдѣльныя женскія начальныя училища. Дѣйствительно, отдѣльное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ представляется въ С.-Петербургѣ болѣе удобнымъ и болѣе соотвѣтственнымъ нашимъ нравамъ, а потому эту мысль слѣдовало бы осуществить при введеніи обязательнаго обученія. *Содержаніе женскаго начальнаго училища можетъ быть сокращено до 1.750 руб. въ годъ* назначеніемъ жалованья учительницѣ 400 руб. и помощницѣ ея 200 рублей; но сбереженіе 300 руб. должно бы быть обращено на покупку матеріаловъ для рукодѣлій и на вознагражденіе учительницѣ рукодѣлія, поэтому и бюджетъ содержанія женскаго училища *не можетъ быть* менѣе 2.050 руб. въ годъ.

Число дѣтей мужескаго и женскаго пола въ школьномъ возрастѣ отъ 8-ми до 12-ти лѣтъ въ С.-Петербургѣ почти одинаково, съ небольшимъ перевѣсомъ мужскаго пола, а потому потребовалось бы учрежденіе почти одинаковаго числа мужскихъ и женскихъ начальныхъ училищъ. По разчету, сдѣланному выше, со введеніемъ обязательнаго обученія, пришлось бы учредить въ С.-Петербургѣ до 157 новыхъ начальныхъ училищъ, что съ нынѣ существующими уже 14-ю составило бы для С.-Петербурга начальныхъ училищъ, подле-

Библиотека "Руниверс"

жащихъ содержанію на счетъ городскаго общества, 171, или, раздѣляя ихъ по различію пола, 86 мужскихъ и 85 женскихъ. Такимъ образомъ, полагая на содержаніе одного училища по 2.050 руб. въ годъ, получится общая сумма, *требуемая ежегодно на содержаніе всѣхъ 171 училищъ, 350.551 рубль*, то-есть, отъ городской думы потребовалось бы къ нынѣ отпускаемымъ на начальныя народныя училища 14.571 руб. 42 коп. прибавлять еще ежегодно по 335.979 руб. 58 коп., для того, чтобы система обязательнаго начальнаго обученія могла быть введена въ С.-Петербургѣ съ надеждою на несомнѣнный успѣхъ. Какъ ни велика эта сумма, но все-таки, въ сравненіи съ тѣми плодотворными результатами, которыми должно сопровождаться въ близкомъ будущемъ распространеніе образованія въ массѣ столичнаго населенія, нынѣ въ большинствѣ безграмотнаго, она не можетъ быть признана непомѣрною: требуемая сумма, по отношенію къ расходамъ С.-Петербурга за 1873 годъ, составляетъ едва пятнадцатую долю, то-есть, менѣе того, что̀ уже тратятъ въ настоящее время Одесса, Рига, Таганрогъ и многіе другіе города, по отношенію къ своимъ расходамъ, на дѣло народнаго образованія, а по сравненію съ Берлиномъ, удѣляющимъ на образованіе шестую долю всѣхъ своихъ расходовъ, сумма эта составила бы расходъ въ два съ половиной раза меньшій. Полагая однако, что городское управленіе С.-Петербурга лишено возможности уменьшить другіе свои расходы, все же трудно было бы допустить, что оно не можетъ изыскать новыхъ источниковъ на покрытіе издержекъ по содержанію начальныхъ училищъ, то-есть, на такой расходъ, который вездѣ считается нынѣ самымъ производительнымъ: съ развитіемъ образованія разовьются и возрастутъ промышленныя и вообще производительныя силы, а съ тѣмъ вмѣстѣ усилится и матеріальное благосостояніе города.

Такой значительный ежегодный расходъ города можетъ быть, однако, облегченъ пособіями изъ нѣсколькихъ источниковъ. Первымъ источникомъ служитъ *плата за ученье*. Многіе раздѣляютъ тотъ взглядъ, что ученіе при обязательности должно быть для всѣхъ даровое; но такой взглядъ могъ бы быть справедливъ, если бы всѣ поучащіеся были дѣйствительно бѣдны; на дѣлѣ же оказывается, что между ними не малое число и такихъ, которымъ вовсе не трудно вносить весьма умѣренную плату за ученье, какъ напримѣръ, по 3 рубля въ годъ. Изъ 15.000 дѣтей, не учащихся въ возрастѣ отъ 8-ми до 12-ти лѣтъ, навѣрное найдется въ С.-Петербургѣ до 5.000 могущихъ платить, что̀ составило бы ежегодный доходъ въ 15 тысячъ р.

Библиотека "Руниверс"

Но этотъ доходъ необходимо оставлять въ запасѣ подъ именемъ училищнаго фонда. Кромѣ расходовъ, вошедшихъ въ бюджетъ, училища могутъ имѣть чрезвычайныя издержки, какъ напримѣръ, на приплату за помѣщеніе, на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій и принадлежностей для бѣдныхъ учениковъ и въ особенности на покупку теплой одежды и обуви для бѣдныхъ въ холодное время; послѣдній расходъ въ Берлинѣ довольно значителенъ; нельзя же требовать, чтобы бѣдные ученики, не имѣющіе обуви и теплой одежды, зимой являлись непремѣнно въ училище, а тѣмъ менѣе было бы справедливо взыскивать съ нихъ за неявку по этой причинѣ. Слѣдовательно, сборъ за ученье хотя и составляетъ пособіе, но это пособіе не можетъ имѣть вліянія на уменьшеніе вышеисчисленнаго ежегоднаго расхода городской думы на содержаніе училищъ. Имѣть особую сумму на особыя издержки необходимо. Въ Берлинѣ въ 1870 году, кромѣ 494.484 талеровъ на обыкновенное содержаніе начальныхъ училищъ, отпущено было изъ городскихъ суммъ на покупку земель и постройки училищныхъ домовъ 386.920 талеровъ, и такой отпускъ экстраординарныхъ суммъ совершается ежегодно.

Вторымъ источникомъ пособія городу могло бы быть наложеніе на фабрикантовъ и заводчиковъ обязательнаго содержанія на свой счетъ при ихъ фабрикахъ и заводахъ начальныхъ училищъ, въ которыхъ могли бы обучаться дѣти рабочихъ и малолѣтные рабочіе. Способъ этотъ не представляетъ ничего новаго и практикуется съ успѣхомъ въ Норвегіи, гдѣ каждая фабрика, мануфактура или заводъ, нанимающіе тридцать рабочихъ или болѣе, обязаны имѣть школу, если только вблизи нѣтъ общинной школы. Въ С.-Петербургѣ обязательство это могло бы быть примѣнено только къ обширнымъ фабрикамъ и заводамъ, особенно съ малолѣтными рабочими, чтобы и эти рабочіе могли удовлетворить требованіямъ обязательнаго начальнаго обученія. Если такихъ школъ можетъ быть учреждено до 15, то и въ такомъ случаѣ расходъ города уменьшился бы ежегодно болѣе, чѣмъ на 30.000 рублей.

Далѣе, городское управленіе, не учреждая вездѣ новыхъ общественныхъ школъ, можетъ, если признаетъ то болѣе выгоднымъ, входить въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ города въ сношеніе съ содержателями частныхъ начальныхъ училищъ о пріемѣ въ эти училища извѣстнаго числа дѣтей съ платою отъ города. Такія частныя училища находятся и въ Берлинѣ и въ нихъ въ 1870 году обучалось съ платою отъ города 11.725 дѣтей. Содержатели ихъ заключаютъ фор-

Библиотека "Руниверс"

мальное условіе съ городскимъ управленіемъ о принятіи извѣстнаго числа дѣтей за опредѣленное вознагражденіе и вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняются всѣмъ правиламъ, постановленнымъ для общественныхъ городскихъ училищъ. Весьма возможно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обученіе 100 дѣтей въ частныхъ школахъ окажется болѣе дешевымъ, чѣмъ содержаніе особаго начальнаго училища.

Затѣмъ, городское управленіе начальныхъ училищъ въ мѣстностяхъ, особенно многолюдныхъ, можетъ соединять нѣсколько общественныхъ школъ въ одномъ помѣщеніи, что представитъ сбереженіе относительно найма помѣщенія. Въ Берлинѣ есть такія общественныя школы, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ болѣе 1000 учащихся. Само собою разумѣется, что такая школа должна состоять изъ многихъ классовъ, и у насъ по разчету 100 человѣкъ на школу, въ ней должно бы быть при 100 учащихся 10 классовъ и въ каждомъ классѣ по особому учителю и его помощнику.

Всѣ эти источники, при благоразумномъ пользованіи ими, послужили бы значительнымъ пособіемъ городу. Наконецъ, исчисленная выше дополнительная сумма на содержаніе начальныхъ училищъ 335.979 рублей не потребовалась бы вдругъ, а могла бы быть назначена по частямъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, ежегодно по равной части; сначала, въ первый годъ, могло бы быть введено обязательное обученіе только для дѣтей восьмилѣтняго возраста, во второй годъ — для дѣтей девятилѣтняго возраста, въ третій — для дѣтей десятилѣтняго и въ четвертый — для дѣтей одиннадцатилѣтняго возраста, такъ что полное введеніе обязательнаго начальнаго обученія при этой системѣ осуществилось бы въ теченіе четырехлѣтняго періода, что, облегчивъ городскую думу, представило бы не маловажное удобство и для учебнаго начальства въ постепенномъ подготовленіи способныхъ учителей и учительницъ для новыхъ училищъ. Въ крайнемъ случаѣ постепенное введеніе обязательнаго обученія могло бы быть распредѣлено и на 8 лѣтъ, съ отпускомъ новой дополнительной суммы чрезъ каждые два года.

4) Въ виду значительности расхода изъ городскихъ суммъ по содержанію начальныхъ училищъ и еще болѣе въ виду сложности контроля, который необходимо установить и возложить главнымъ образомъ на членовъ городскаго управленія для того, чтобы всѣ постановленія обязательнаго обученія непремѣнно исполнялись на дѣлѣ, управленіе начальными училищами должно быть сосредоточено въ С.-Петербургской городской думѣ. Образцомъ въ этомъ отношеніи

Библиотека "Руниверс"

можетъ служить училищное управленіе при Берлинскомъ магистратѣ, завѣдующее всѣми училищами Берлина, содержимыми на счетъ города; оно могло бы быть примѣнено и у насъ съ нѣкоторыми измѣненіями, вызываемыми общею системою нашего училищнаго управленія. Высшее управленіе Берлинскими училищами, содержимыми на счетъ города, принадлежитъ министерству народнаго просвѣщенія. Устранивъ себя отъ непосредственнаго вмѣшательства въ дѣла Берлинскихъ начальныхъ школъ и предоставивъ городу въ этомъ отношеніи значительную долю самоуправленія, прусское министерство народнаго просвѣщенія удерживаетъ за собою право издавать законоположенія и уставы училищъ, утверждать наиболѣе важныя мѣры по училищной части, назначать служащихъ на болѣе важныя должности, не допускать упущеній или отклоненій отъ устава и требовать точнаго исполненія училищныхъ уставовъ; затѣмъ, непосредственное управленіе городскими школами въ Берлинѣ возложено на городской магистратъ, который исполняетъ свою задачу въ предѣлахъ, указанныхъ уставами, и распоряжается вполнѣ всею хозяйственною частью; для успѣшнаго выполненія этой обязанности въ числѣ членовъ магистрата находятся лица, свѣдущія въ учебномъ дѣлѣ, которыя, какъ и всѣ члены училищной депутаціи (Schul-Deputation), состоящей при магистратѣ и спеціально завѣдующей дѣлами училищъ, утверждаются въ должностяхъ правительствомъ, при чемъ на утвержденіе представляются всякій разъ трое выбранныхъ магистратомъ кандидатовъ, изъ коихъ утверждается одинъ.

Почти въ такомъ же отношеніи къ начальнымъ училищамъ, какъ въ Пруссіи, находится и у насъ министерство народнаго просвѣщенія, которое оставляетъ за собою право почина въ составленіи училищныхъ законовъ и наблюденія за точнымъ ихъ исполненіемъ, и затѣмъ, непосредственное управленіе училищами ввѣряется училищнымъ совѣтамъ. По нашимъ уставамъ всѣ начальныя училища С.-Петербурга должны бы подлежать управленію уѣзднаго училищнаго совѣта С.-Петербургскаго уѣзда; но, по причинамъ, которыя изложены выше, въ данномъ случаѣ, со введеніемъ обязательности ученія, оказалось бы необходимымъ отдѣлить всѣ начальныя училища С.-Петербурга отъ С.-Петербургскаго уѣзднаго училищнаго совѣта и поручить ихъ особому управленію, которое должно образоваться при С.-Петербургской городской думѣ подъ названіемъ *С.-Петербургскаго городскаго училищнаго совѣта*, и которое соединало бы въ себѣ по дѣламъ училищъ права и обязанности уѣзднаго и губернскаго училищнаго со-

Библиотека "Руниверс"

вѣта въ совокупности. Совѣтъ этотъ полезно было бы образовать въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдатель совѣта—городской голова, или за отсутствіемъ его, помощникъ его, три члена, назначенные отъ министерства народнаго просвѣщенія: директоръ народныхъ училищъ, инспекторъ С.-Петербургскихъ начальныхъ училищъ и особый членъ отъ министерства, и три члена отъ городской думы, имѣющихъ названіе городскихъ депутатовъ по дѣламъ училищъ и выбираемыхъ общимъ собраніемъ думы. Городскому головѣ, какъ предсѣдателю, должна принадлежать и власть, предоставленная предводителю дворянства въ училищныхъ совѣтахъ и, соразмѣрно съ этою властію, онъ несъ бы и соотвѣтственныя обязанности по дѣламъ училищъ. Въ числѣ членовъ отъ министерства народнаго просвѣщенія долженъ находиться особый инспекторъ С.-Петербургскихъ начальныхъ училищъ, такъ какъ, по значительному числу начальныхъ училищъ, учрежденіе такой должности было бы необходимо; двухъ существующихъ инспекторовъ едва достаточно для остальныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи. Инспекторъ долженъ получать жалованье по штату изъ суммъ государственнаго казначейства; казалось бы справедливымъ изъ того же источника назначить нѣкоторое вознагражденіе и другимъ двумъ членамъ отъ министерства народнаго просвѣщенія; но члены училищнаго совѣта, назначенные отъ думы, во избѣжаніе излишняго обремененія городскаго бюджета, исполняли бы свои обязанности безмездно, единственно въ виду пользы, приносимой городу ихъ дѣятельностію для распространенія начальнаго образованія. И въ Берлинѣ члены училищной депутаціи при магистратѣ также не получаютъ жалованья. Для облегченія членовъ училищнаго совѣта изъ городскихъ депутатовъ, обязательная ихъ служба по выбору могла бы быть ограничена трехлѣтнимъ срокомъ.

На С.-Петербургскомъ городскомъ училищномъ совѣтѣ должны лежать тѣ же обязанности по С.-Петербургскимъ начальнымъ училищамъ, какія возложены на уѣздные и губернскіе училищные совѣты по отношенію вообще къ начальнымъ школамъ; сверхъ того, С.-Петербургскій городской училищный совѣтъ имѣетъ общее наблюденіе за исправнымъ посѣщеніемъ школы дѣтьми, принимаетъ относительно этого необходимыя мѣры, заботится о томъ, чтобы городъ имѣлъ соотвѣтствующее потребностямъ населенія число училищъ, завѣдуетъ суммами, отпускаемыми городомъ на училища, суммою сбора за ученіе и вообще всѣми статьями прихода и расхода по учебной части. С.-Петербургскій городской училищный совѣтъ сносится, на правахъ

Библиотека "Руниверс"

губернскаго училищнаго совѣта, непосредственно съ попечителемъ учебнаго округа чрезъ своего предсѣдателя, который предложенія попечителя, касающіяся учебной части и предметовъ, имѣющихъ вліяніе на поддержаніе этой части въ должной исправности, вноситъ въ совѣтъ и постановленія совѣта сообщаетъ попечителю. Годичный отчетъ о состояніи начальныхъ училищъ С.-Петербургской городской училищный совѣтъ сообщаетъ также непосредственно попечителю учебнаго округа. Обыкновенныя собранія бываютъ два раза въ мѣсяцъ, а чрезвычайныя по мѣрѣ надобности.

Но, управляя дѣлами начальныхъ училищъ, С.-Петербургскій городской училищный совѣтъ, со введеніемъ обязательнаго обученія, долженъ имѣть особые органы для ближайшаго наблюденія за начальными школами во всемъ томъ, что касается точнаго исполненія постановленій закона объ обязательномъ обученіи. Такими органами въ Берлинѣ служатъ училищныя коммиссіи (Schul-Commissionen), непосредственно подчиненныя училищной депутаціи, состоящей при магистратѣ. Берлинъ раздѣленъ на 41 школьный округъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ особую коммиссію, завѣдывающую извѣстнымъ числомъ школъ. Коммиссія каждаго округа состоитъ изъ нѣсколькихъ гражданъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ гласныхъ и утверждаемыхъ магистратомъ, и изъ старшихъ учителей городскихъ училищъ того округа и содержателей тѣхъ частныхъ школъ, въ которыхъ есть дѣти, учащіяся на счетъ города. Число членовъ коммиссіи, избираемыхъ отъ города, зависитъ отъ числа школъ, и члены эти избираютъ изъ среды своей предсѣдателя коммиссіи, который утверждается училищною депутаціею при магистратѣ. Какъ предсѣдатель, такъ и члены училищной коммиссіи не получаютъ никакого вознагражденія. Засѣданія коммиссіи бываютъ обыкновенно одинъ разъ въ мѣсяцъ въ опредѣленный день; но предсѣдатель можетъ, въ случаѣ надобности, созывать членовъ и въ другое время. Занятія коммиссіи, главнымъ образомъ, составляютъ:

а) веденіе списковъ дѣтей школьнаго возраста, живущихъ въ различныхъ округахъ;

б) распредѣленіе дѣтей въ начальныя училища или въ тѣ частныя школы, въ которыхъ дѣти учатся на счетъ города, и

в) контроль за исправнымъ посѣщеніемъ дѣтьми школы.

Собираніе свѣдѣній о числѣ дѣтей, обязанныхъ въ данную минуту посѣщать школу, въ такомъ городѣ какъ Берлинъ, гдѣ населеніе ростетъ быстро и гдѣ, кромѣ того, происходитъ постоянная пе-

Библиотека "Руниверс"

рекочевка съ мѣста на мѣсто, конечно, не мыслимо безъ постояннаго содѣйствія полиціи. Поэтому всякое вновь прибывшее въ Берлинъ или переѣхавшее изъ другой части города семейство обязано заявить *въ теченіе трехъ дней* полицейскому комиссару своего участка о своемъ прибытіи. Если въ этомъ семействѣ есть дѣти школьнаго возраста, то полиція приглашаетъ родителей объявить ей *въ теченіе семи дней* о томъ, получаютъ ли эти дѣти образованіе дома и въ такомъ случаѣ, кто ихъ учитель, или же въ какую школу посылаютъ или желаютъ они посылать своихъ дѣтей. Свѣдѣнія эти полиція препровождаетъ мѣстной училищной коммиссіи. Коммиссія въ первомъ случаѣ разсматриваетъ, имѣетъ ли названный учитель разрѣшеніе на преподаваніе, и ей предоставлено право въ извѣстные сроки провѣрять занятія учителя; если успѣхи окажутся неудовлетворительными, то она можетъ принудить родителей посылать дѣтей въ общественную школу; во второмъ случаѣ коммиссія справляется, дѣйствительно ли дѣти посѣщаютъ названную въ объявленіи школу, или же, если родители выразили желаніе посылать дѣтей въ извѣстную школу, заявляетъ о томъ начальнику ея, а если въ ней нѣтъ свободнаго мѣста, то указываетъ родителямъ другую школу того же участка. Если родители не дадутъ полиціи чрезъ семь дней требуемаго отвѣта, то полиція сообщаетъ объ этомъ мѣстной училищной коммиссіи, которая въ такомъ случаѣ помѣщаетъ дѣтей, по своему усмотрѣнію, въ ту или другую школу.

При распредѣленіи дѣтей по школамъ, лежащемъ также на обязанности училищныхъ коммиссій, въ Берлинѣ опредѣлено два срока для пріема въ городскія училища: 1-го апрѣля и 1-го октября. Родители, дѣти которыхъ достигли къ одному изъ этихъ сроковъ школьнаго возраста, обязаны заявить о томъ мѣстной училищной коммиссіи заблаговременно за два мѣсяца, то-есть, къ 1-му февраля и къ 1-му августа. Коммиссія, на основаніи этихъ заявленій, озабочивается распредѣленіемъ дѣтей по школамъ своего округа, принимая во вниманіе желаніе родителей и близость ихъ квартиръ къ той или другой школѣ, но разчитывая также, чтобы въ каждой школѣ не было болѣе опредѣленнаго числа учениковъ. Если коммиссія при этомъ распредѣленіи увидитъ, что имѣющихся въ ея округѣ школъ не достаточно для удовлетворенія потребностей мѣстнаго населенія, то она сообщаетъ объ этомъ немедленно училищной депутаціи при магистратѣ съ возможно точнымъ обозначеніемъ числа дѣтей, которымъ не достаетъ мѣста. Для устраненія этого недостатка, училищная депу-

Библиотека "Руниверс"

тація или учреждаетъ параллельные классы при существующихъ уже школахъ, или открываетъ новыя школы, или же входитъ въ сношеніе съ содержателями частныхъ школъ въ различныхъ мѣстностяхъ о пріемѣ извѣстнаго числа дѣтей съ платою отъ города. По распредѣленіи дѣтей въ соотвѣтствующія школы, училищная коммиссія сообщаетъ о томъ какъ родителямъ, такъ и учителю начальнаго училища или содержателю частной школы. Родители, желающіе, по случаю перемѣны квартиры, перемѣстить своихъ дѣтей изъ одной школы въ другую, обязываются не позже 14-ти дней до переѣзда извѣстить о томъ учителя или содержателя школы, которую дѣти посѣщаютъ, съ указаніемъ своего адреса. Завѣдующій школой сообщаетъ имъ немедленно адресъ предсѣдателя той училищной коммиссіи, въ округѣ которой они переѣзжаютъ и, кромѣ того, увѣдомляетъ о предстоящемъ выбытіи ученика свою школьную коммиссію для свѣдѣнія и для извѣщенія подлежащей коммиссіи.

Вышеуказанныя мѣры обезпечиваютъ вполнѣ исправность поступленія дѣтей въ школы; для наблюденія же за тѣмъ, чтобы дѣти, поступившія въ школу, исправно посѣщали ее, въ Берлинѣ училищными коммиссіями принимаются слѣдующія мѣры. Учитель школы каждую субботу представляетъ предсѣдателю училищной коммиссіи списки дѣтей, пропустившихъ уроки въ теченіе недѣли, съ обозначеніемъ причинъ пропуска. Предсѣдатель училищной коммиссіи распредѣляетъ эти списки между членами коммиссіи для личнаго объясненія въ теченіе слѣдующей недѣли съ родителями не явившихся дѣтей и списки эти, съ отмѣтками членовъ коммиссіи о степени уважительности причинъ неявки, возвращаются опять учителямъ для принятія въ соображеніе при будущихъ манкировкахъ. При повтореніи манкировокъ безъ уважительныхъ причинъ, училищная коммиссія дѣлаетъ въ засѣданіи своемъ внушеніе родителямъ, а при неуспѣшности и этой мѣры, представляетъ о томъ училищной депутаціи при магистратѣ, которой предоставлено право налагать на виновныхъ родителей взысканія, состоящія въ денежныхъ штрафахъ или арестѣ; денежныя взысканія простираются отъ 1 зильбергроша до 1 талера, а арестъ отъ 4 до 24 часовъ. Денежные штрафы вносятся виновными въ городское казначейство и поступаютъ въ число училищныхъ доходовъ; въ случаѣ невзноса, взысканіе производится при содѣйствіи полиціи, на обязанности которой лежитъ также исполненіе приговоровъ объ арестѣ. Если по разслѣдованію окажется, что виною неисправнаго посѣщенія школы не нерадѣніе родителей, а дурныя наклонности

Библиотека "Руниверс"

и упрямство самихъ дѣтей, и если всѣ увѣщанія коммиссіи остаются безплодными, то коммиссія ходатайствуетъ о помѣщеніи такихъ дѣтей въ какое-либо исправительное заведеніе.

Изъ этого краткаго изложенія обязанностей училищныхъ коммиссій въ Берлинѣ не трудно вывести заключеніе, что коммиссіи эти являются крайне необходимыми для содѣйствія училищной депутаціи при магистратѣ въ дѣлѣ правильной организаціи обязательнаго начальнаго обученія. Поэтому, со введеніемъ въ С.-Петербургѣ обязательнаго обученія и съ устройствомъ особаго городскаго училищнаго совѣта при городской думѣ, *необходимо и въ С.-Петербургѣ въ помощь училищному городскому совѣту учредить также особыя училищныя коммиссіи съ возложеніемъ на нихъ тѣхъ же обязанностей, какъ и въ Берлинѣ, относительно обязательности обученія въ начальныхъ училищахъ.* По меньшему числу учащихся, было бы достаточно раздѣлить С.-Петербургъ на 20 училищныхъ округовъ и, соотвѣтственно тому, учредить 20 училищныхъ коммиссій, съ возложеніемъ на каждую изъ нихъ наблюденія за 10 школами; разчетъ этотъ сдѣланъ на томъ основаніи, что кромѣ 170 общественныхъ школъ, могутъ явиться и частныя, въ которыхъ будутъ учиться дѣти съ платою отъ города. Коммиссія каждаго округа должна состоять по числу училищъ изъ 10 депутатовъ отъ города, выбираемыхъ общимъ собраніемъ думы, и изъ 10 учителей или содержателей частныхъ школъ, если въ послѣднихъ обучаются дѣти съ платою отъ города. Предсѣдатель каждой коммиссіи выбирается самою коммиссіею изъ числа ея членовъ, назначаемыхъ отъ города, и утверждается въ этой должности городскимъ училищнымъ совѣтомъ. Члены отъ города назначаются въ коммиссіи на трехлѣтній срокъ, по истеченіи котораго производятся новые выборы. Занятія училищныхъ коммиссій должны состоять, какъ и въ Берлинѣ, преимущественно въ веденіи ученическихъ списковъ, въ распредѣленіи дѣтей по школамъ и въ наблюденіи за исправнымъ посѣщеніемъ школы учащимися. Подробное обозначеніе этихъ обязанностей опредѣляется особою инструкціею, составленною городскимъ училищнымъ совѣтомъ, по соглашенію съ учебнымъ начальствомъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ инструкціи этой должно быть обозначено, между прочимъ, что на хозяевъ мастерскихъ и ремесленныхъ заведеній, у которыхъ въ числѣ рабочихъ есть дѣти школьнаго возраста, возлагаются относительно обязательности посѣщенія послѣдними начальныхъ училищъ тѣ же обязанности, какъ и на родителей и, соотвѣт-

Библиотека "Руниверс"

ственно тому, они подлежатъ, при нарушеніи этихъ обязанностей, той же отвѣтственности, какъ и родители, которыхъ мѣсто они замѣняютъ въ этомъ случаѣ.

Вотъ тѣ главныя основанія, на которыхъ, со введеніемъ обязательнаго обученія, могло бы устроиться въ С.-Петербургѣ городское училищное управленіе. Къ сказанному можно присовокупить, что С.-Петербургскій городской училищный совѣтъ могъ бы еще, независимо отъ училищныхъ коммиссій, завѣдующихъ исключительно дѣлами по обязательности ученія, назначать для непосредственнаго наблюденія за каждою школою особыхъ попечителей и попечительницъ, которые были бы непосредственно подчинены училищному совѣту и пользовались бы правами, предоставленными попечителямъ и попечительницамъ общимъ положеніемъ о начальныхъ народныхъ училищахъ. Въ Берлинѣ, независимо отъ училищной депутаціи при магистратѣ и училищныхъ коммиссій, при каждой школѣ имѣется еще особое управленіе (Schulvorstand) изъ мѣстнаго священника и двухъ свѣтскихъ членовъ, избираемыхъ магистратомъ. Управленіе это у насъ, для избѣжанія затрудненій при выборахъ, могло бы быть замѣнено однимъ попечителемъ или одною попечительницей, если не при каждомъ училищѣ, то по крайней мѣрѣ при тѣхъ училищахъ, гдѣ найдутся желающіе занять такое мѣсто.

5) Опредѣленіе и увольненіе учителей и учительницъ начальныхъ училищъ и частныхъ школъ, въ которыхъ обучаются дѣти съ платою отъ города, можетъ быть устроено на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ сельскихъ училищахъ, съ тѣмъ, чтобы въ учителя и въ учительницы опредѣлялись лица, имѣющія, по выдержанному ими испытанію, право на преподаваніе. Соблюденіе этого послѣдняго условія, какъ существенной гарантіи за успѣшность школы, составляетъ первую необходимость, и правило это строго наблюдается во всѣхъ образованныхъ странахъ. Въ С.-Петербургѣ найдется достаточное число учителей и учительницъ, способныхъ удовлетворить требованіямъ закона; остается только дѣло за учрежденіемъ самыхъ училищъ.

Изъ всего вышеизложеннаго можно заключить, что ввести обязательное ученіе въ С.-Петербургѣ возможно теперь же, но что осуществленіе этого дѣла сопряжено съ значительными пожертвованіями: тутъ не только потребуются новые значительные и постоянные расходы изъ общественныхъ суммъ города, но и окажется необходимымъ живое и непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ не малой части депутатовъ городскаго общества. Но ни одно важное дѣло и не можетъ совер-

Библиотека "Руниверс"

шиться безъ такихъ матеріальныхъ, умственныхъ и нравственныхъ пожертвованій, а всякое пожертвованіе на дѣло народнаго образованія вознаграждается сторицею. Рѣшить этотъ вопросъ отрицательно значитъ оставить С.-Петербургъ, гдѣ почти половина населенія безграмотна, коснѣть въ невѣжествѣ еще на долгое время, не подвигаясь впередъ, а отставая съ каждымъ годомъ отъ прочихъ европейскихъ столицъ, обладающихъ болѣе значительными средствами образованія и постоянно усиливающихъ эти средства. Ждать спасенія отъ естественнаго постепеннаго развитія въ народѣ стремленія къ ученью значило бы увлекаться прекрасными, но не сбыточными мечтами. Опытъ Европы въ послѣдніе два столѣтія показалъ достаточно, что движеніе образованія, предоставленное самому себѣ безъ всякихъ побудительныхъ мѣръ, могло бы привести къ продолжительному застою, для насъ даже невозможному и крайне вредному при томъ движеніи, которое получила теперь наука въ Европѣ. Отсрочку обязательнаго обученія тамъ, гдѣ это возможно, нельзя оправдывать и тою теоріею, которая считаетъ всякое принужденіе, а слѣдовательно и принужденіе къ ученію, насиліемъ личной свободы. Въ каждомъ обществѣ личной свободѣ поставлены извѣстныя границы, и чѣмъ благоустроеннѣе общество, тѣмъ болѣе на каждомъ отдѣльномъ лицѣ лежитъ обязанность подчиняться требованіямъ общественнымъ, вызываемымъ сознаніемъ общественной пользы. Если законы, касающіеся общественнаго порядка, огражденія правъ собственности, защиты отечества и тому подобные, обязательны и не могутъ быть признаны нарушеніемъ личной свободы, то въ такой же мѣрѣ взглядъ этотъ долженъ быть примѣненъ и къ закону объ обязательномъ обученіи, требуемому также важными общественными интересами. Поэтому казалось бы, что рѣшеніе вопроса о введеніи обязательнаго обученія въ С.-Петербургѣ должно быть утвердительное; только этимъ путемъ можно сразу разрубить гордіевъ узелъ невѣжества, связывающій промышленныя и производительныя силы столицы, и поставить С.-Петербургъ въ такія условія образованія, при которыхъ за нимъ будетъ обезпечено почетное значеніе въ ряду важнѣйшихъ европейскихъ столицъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ позволительно думать, что въ С.-Петербургѣ городская дума, ближайшему обсужденію которой подлежитъ вопросъ о введеніи обязательнаго обученія въ столицѣ, не только дастъ на него отвѣтъ утвердительный, но и изыщетъ средства для осуществленія этого важнаго дѣла.

Библиотека "Руниверс"

Число дѣтей школьнаго возраста отъ 8-ми до 14-ти лѣтъ въ С.-Петербургѣ по переписи 10-го декабря 1869 года.

	мужескаго пола.	женскаго пола.
8-ми лѣтняго возраста .	3.500	3.757
9-ти лѣтняго „	3.480	3.535
10-ти лѣтняго „	3.745	3.589
11-ти лѣтняго „ . . .	3.471	3.042
Итого за 4 года	14.196	13.923
Всего	28.119	
12-ти лѣтняго возраста .	5.315	3.344
13-ти лѣтняго „	5.859	3.267
14-ти лѣтняго „ . . .	6.869	3.461
Итого за 7 лѣтъ	32.239	23.995
Всего	56.234	

Число 56.234, по отношенію къ общему населенію С.-Петербурга 667.963, составляетъ 8,4%.

Число учащихся обоего пола во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга въ возрастѣ отъ 8-ми до 14-ти лѣтъ [1]).

А. Вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

	мужеск. пола.	женск. пола.
Въ шести гимназіяхъ	1.081	—
Въ двухъ реальныхъ училищахъ	310	—
Въ четырехъ прогимназіяхъ	536	—
Въ гимназіи Человѣколюбиваго общества . .	190	—
Въ гимназіи при Историко-филологическомъ институтѣ.	112	—
Въ трехъ нѣмецкихъ училищахъ, съ приготовительными классами .	723	656

[1]) Показаніе сдѣлано за 1872 и 1873 годы.

Библиотека "Руниверс"

	мужск. пола.	женск. пола.
Въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и частныхъ церковныхъ училищахъ	4.740	4.538
Въ уѣздныхъ училищахъ	226	—
Въ приходскихъ училищахъ . .	1.190	123
Итого	9.148	5.217

Б. Духовно-православнаго вѣдомства.

Духовная семинарія .	7	—
Александро-Невское духовное училище	244	—
Итого	261	—

В. Вѣдомства IV отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи.

Въ 8 закрытыхъ женскихъ институтахъ и училищахъ . .	—	1.226
Въ 7 женскихъ гимназіяхъ и 1 прогимназіи . .	—	1.718
Въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ.	3	—
Въ С.-Петербургскомъ коммерческомъ училищѣ.	263	—
Въ училищѣ глухо-нѣмыхъ .	54	—
Въ Демидовскомъ домѣ призрѣнія трудящихся	—	96
Въ двухъ училищахъ солдатскихъ дочерей	—	91
Въ училищѣ дѣтей бѣдныхъ иностранцевъ . .	140	87
Въ 20 дѣтскихъ пріютахъ съ сиротскимъ отдѣленіемъ	1.016	1.489
Въ 12 школахъ .	—	1.205
Итого	1.497	5.980

Библиотека "Руниверс"

Г. Вѣдомства военнно-учебныхъ заведеній.

	мужеск. пола.	женск. пола.
Въ Пажескомъ корпусѣ. .	44	—
Въ приготовительномъ классѣ при Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ .	3	—
Въ 3 военныхъ гимназіяхъ	662	—
Въ военной прогимназіи . .	44	—
Итого	753	—

Д. Вѣдомства Императорскаго Двора.

Въ театральномъ училищѣ . . .	25	44
Итого .	25	44
Всего	11.675	11.241
	22.915	

Библиотека "Руниверс"

СЕЛО МИШЕНСКОЕ, РОДИНА В. А. ЖУКОВСКАГО.

Заслуги Жуковскаго, безспорно, принадлежатъ всей Россіи; но тѣмъ не менѣе, мы, жители Тульской губерніи, въ правѣ называть достойнаго поэта своимъ согражданиномъ, не только потому, что онъ родился въ нашей губерніи, но и потому, что лучшіе годы свой молодости онъ провелъ въ предѣлахъ ея и началъ здѣсь свою литературную дѣятельность.

Подобно знаменитому Сперанскому, Жуковскій не можетъ, конечно, похвалиться геральдикою: свое высокое общественное положеніе на пути государственной службы онъ пріобрѣлъ лишь умомъ, трудомъ и высокими нравственными качествами. Біографія его (отъ первыхъ дней его рожденія) долго была неизвѣстна публикѣ. Докторъ К. Зейдлицъ, изъ Дерпта, въ 1869 году написалъ ее по неизданнымъ источникамъ и личнымъ воспоминаніямъ: болѣе 40 лѣтъ авторъ былъ знакомъ съ Жуковскимъ и съ его ближайшими родными и знакомыми [1]). Зейдлицъ говорилъ не мало и о Мишенскомъ, родинѣ Жуковскаго, и о Бѣлевѣ, гдѣ покойный провелъ лучшіе годы своей молодости; но самъ онъ не видалъ этого села: я намѣреваюсь познакомить съ нимъ читателей, ибо, какъ уроженцу Бѣлева, Мишенское мнѣ извѣстно съ дѣтства.

Рѣка Большая-Выра [2]) беретъ свое начало въ сосѣднемъ Бѣлевскому — Лихвинскомъ уѣздѣ (Калужской губ.); она быстро течетъ съ запада на востокъ на протяженіи 25 — 30 верстъ и не далеко отъ Мишенскаго, въ полуверстѣ выше Бѣлева, впадаетъ въ Оку, съ лѣвой стороны. Большая-Выра не протекаетъ собственно въ

---

[1]) *Журн. Мин. Нар. Просв.*, апрѣль, май, іюнь 1869 г.

[2]) Въ Оку около Бѣлева впадаютъ четыре Выры: Большая (Фатьяновская) Малая (въ городѣ), Вежка, Гостунская. Выра, вѣроятно, происходитъ отъ глагола: вырывать, означая свойство рѣки въ отношеніи разлитія водъ весною.

Библиотека "Руниверс"

Мишенскомъ (въ селѣ есть только прудъ отъ рѣчки Семьюпки), но вблизи его омываетъ сочные, богатые растительностію луга этого села, прилегающіе къ большой Болховской дорогѣ, къ такъ-называемому „Горѣлому озеру" и изобилующей своими преданіями Васьковой горѣ[1]); а самая гора есть продолженіе той возвышенности, на которой, въ полуверстѣ, не много правѣе, расположено Мишенское. Возвышенность покрыта лѣсомъ, оканчивающимся, съ одной стороны, Болховскою дорогою, а съ другой — усадьбами; внизу же села, къ сторонѣ города, по Вырѣ тянется холмистая, луговая мѣстность, соединяющаяся съ за-очными лугами, такъ что отъ Мишенскаго, почти на 10 верстъ, виднѣются всѣ лучшіе зарѣчные виды: на сѣверъ—Жабынская пустынь[2]), на востокъ—Красная часовня[3]), немного южнѣе—село Темрянь и проч. Не удивительно, что здѣшнія живописныя окрестности, въ свое время, могли благотворно повліять на впечатлительную и воспріимчивую душу Жуковскаго. Западная, лѣвая, сторона заслонена возвышенностью (въ молодости Жуковскаго тутъ была роща[4]), на которой стоитъ Бѣлевъ и по окраинѣ которой идетъ дорога (нижняя) въ городъ; возвышенность эта тянется, лѣвымъ берегомъ Оки, почти до Жабынской пустыни.

Изъ Бѣлева на Мишенское идутъ двѣ дороги: одна, горная, мимо Петропавловскаго кладбища, другая, нижняя, по Берестовой улицѣ, мимо Никольской часовни и Пониковской слободы. Послѣдняя дорога, какъ ближайшая, безъ всякаго сомнѣнія, служила покойному Василію Андреевичу его обычнымъ путемъ, когда онъ, во время своей молодости, въ 1807 — 1809 годахъ, хаживалъ изъ Мишенскаго въ Бѣлевъ для обученія своихъ родныхъ племянницъ Марьи и Александры Протасовыхъ. Обѣ эти дороги скрещиваются въ дер. Фатьяновой, отдѣленной отъ Мишенскаго только небольшимъ лугомъ, при-

---

[1]) Гора получила это названіе, по преданію, отъ хозяйничавшаго когда-то здѣсь извѣстнаго разбойника Васьки; на вершинѣ ея, по народной молвѣ, хранятся зарытые имъ клады. Мѣсто для разбоя, въ самомъ дѣлѣ, избрано весьма удобно.

[2]) «Жабынскою» пустынь именуется по жабынцу-кладезю, на которомъ она основана старцемъ Онуфріемъ въ 1558 году; возобновлена въ началѣ XVII столѣтія Макаріемъ, признаваемымъ здѣсь за праведнаго, — что подтверждаетъ и монастырскій синодикъ.

[3]) Часовня именуется «Красною» по красотѣ окружающей ее мѣстности.

[4]) Роща эта, именовавшаяся «Фатьяновою», до 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія была обыкновенно мѣстомъ воскресныхъ удовольствій жителей Бѣлева.

Библиотека "Руниверс"

нимающимъ къ Окѣ бо́льшіе размѣры. Въ 6—7 верстахъ отъ Мишенскаго, въ верховьяхъ Выры, лежитъ село Долбино (Лихв. уѣзда), гдѣ жилъ покойный ученый И. В. Кирѣевскій, глубокій знатокъ философіи Гегеля и близкій родственникъ Жуковскаго [1]); тутъ Жуковскій родственно проводилъ свое время.

Село Мишенское было, по видимому, уже изстари фамильнымъ достояніемъ Буниныхъ: изъ нихъ Андрей и Артемій Романовы Бунины, при обновленіи закрывшейся Жабынской пустыни, въ началѣ XVIII столѣтія, много дѣлали пожертвованій житомъ и записаны, для поминовенія, въ мѣстный синодикъ; а двѣ мукомольныя на Большой-Вырѣ мельницы, лежащія близъ Мишенскаго, и теперь носятъ наименованіе „Бунинскихъ". Въ концѣ прошлаго столѣтія Мишенское принадлежало богатому помѣщику Аѳанасію Ивановичу Бунину, человѣку уже не молодому, имѣвшему земли и въ Орловской губерніи. Аѳанасій Ивановичъ (отецъ Жуковскаго), по разказамъ знавшихъ его лично, былъ честнѣйшій, благороднѣйшій и весьма дѣятельный человѣкъ и баринъ добраго стараго времени относительно пышности домашней обстановки. Плѣнившись красотою этого имѣнія и близостью города (по нижней дорогѣ менѣе 3-хъ верстъ), владѣлецъ избралъ его постояннымъ мѣстопребываніемъ для своего семейства и, по обычаю того времени, роскошно обстроилъ и украсилъ его. Тутъ былъ огромный домъ съ флигелями, службами, оранжереями, теплицами, прудами, паркомъ и садомъ; неумолимая рука времени не пощадила ничего этого: теперь все разрушилось такъ, что не сохранилось и слѣда прежняго; остались только неприкосновенными каменный старинный храмъ Покрова Пресвятыя Богородицы, съ придѣломъ св. Николая (разрушившіеся хоры надъ входомъ свидѣтельствуютъ, что у Бунина были свои пѣвчіе), ручеекъ (Гремучій) [2]), воспѣтый Жуковскимъ, роща и холмъ, сохранившій названіе: Греева элегія [3]). Родная внучка Бунина, извѣстная писательница Анна Петровна Зонтагъ, долго жила одинокою въ небольшомъ домикѣ,

---

[1]) Кирѣевскій доводился Аннѣ Петровнѣ Зонтагъ роднымъ племянникомъ отъ ея сестры Авдотьи.

[2]) Прежде воду этого ручья почитали за цѣлебную, и многіе, даже изъ города, приходили обливаться ею. На мѣстѣ ручья было устроено часовня. Существовалъ, по видимому, и другой ручей, любимый Жуковскимъ (въ долинѣ—къ городу), но онъ изсякъ.

[3]) На этомъ холмѣ Жуковскій перевелъ въ дѣтствѣ первое свое стихотвореніе «Сельское кладбище», Грея, обратившее на него вниманіе Карамзина.

Библиотека "Руниверс"

отъ котораго, какъ старый памятникъ прошлаго великолѣпія, идетъ къ церкви густая, сросшаяся аллея. Огромный садъ съ гротомъ внизу запустѣлъ и только украшается отличными розами; изъ сада ходъ въ лѣсъ къ Васьковой горѣ. Прекрасная библіотека покойной Зонтагъ [1]) долго хранилась въ ея домѣ, но теперь она разобрана. Къ чести покойной Зонтагъ нужно сказать, что въ Мишенскомъ еще и при крѣпостномъ правѣ была сельская школа, съ особымъ учителемъ, часто посѣщаемая помѣщицею, наблюдавшею за ходомъ ученія; въ настоящее время, если не ошибаюсь, школы не существуетъ.

Живыми памятниками Жуковскому въ Бѣлевѣ служатъ публичная библіотека и ремесленная школа, основанная въ домѣ покойнаго.

Прежде нежели обратимся къ описанію библіотеки, скажемъ нѣсколько о зданіи, въ которомъ она помѣщается. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія существовалъ въ Бѣлевѣ родъ богатыхъ портовыхъ купцовъ Гуровыхъ [2]), отъ которыхъ теперь не осталось и потомства. Къ усадьбѣ одного изъ нихъ прилегала площадь старой деревянной церкви св. Зосимы и Савватія, вслѣдствіе чего, вѣроятно, двѣ близъ лежащія улицы, пересѣкающія Георгіевскую, и въ настоящее время именуются Зосимовскими. Гуровъ пожелалъ воспользоваться этимъ мѣстомъ и, силою своего вліянія, постарался упразднить церковь (будто бы за ветхостью), а мѣсто пригородилъ къ своей усадьбѣ; но случившееся вскорѣ грозою, разразившеюся надъ домомъ, уголъ каменнаго дома былъ сильно поврежденъ. Купца это событіе сильно поразило; для успокоенія своей совѣсти, онъ, отдѣливъ захваченный силою участокъ отъ своей усадьбы каменною стѣною, устроилъ на мѣстѣ церкви каменное одноэтажное зданіе для помѣщенія бѣдныхъ, съ лавками, и отдалъ его въ распоряженіе мѣстной думы. Образъ остался въ устроенномъ помѣщеніи, а зданіе стало именоваться „Гуровскою богадѣльнею"; получаемые же съ лавокъ небольшіе доходы поступали въ пользу города.

До конца 30-хъ годовъ серебряный образъ находился въ богадѣльнѣ, потомъ былъ перенесенъ въ Троицкую (кладбищенскую) цер-

---

[1]) Г-жа Зонтагъ умерла 6 или 7 лѣтъ тому назадъ, имѣя болѣе 80-ти лѣтъ.

[2]) Со времени открытія Петербургскаго порта, Бѣлевскіе купцы торговали съ Петербургомъ пенькою, саломъ, масломъ и хлѣбомъ. Торговля эти, на весьма значительную сумму, производится и теперь. Хотя роды старинныхъ «портовыхъ» торговцевъ и пресѣклись, но есть въ Бѣлевѣ и теперь фирмы, производящія торговлю съ Петербургомъ болѣе 70-ти лѣтъ.

Библиотека "Руниверс"

ковь, а затѣмъ—въ Срѣтенскую, на площади; зданіе изъ богадѣльни превратилось въ столярную.

Въ молодость Жуковскаго Гуровы еще славились своими богатствами; у нихъ, по разказамъ, были лошади съ серебряными подковами, а въ банѣ на плиту лились духи.

Обращаемся затѣмъ къ библіотекѣ. Въ Бѣлевскомъ уѣздѣ живетъ много родныхъ покойнаго поэта, которые, желая почтить достойнымъ образомъ память своего родственника, задумали въ 1858 году основать въ Бѣлевѣ публичную библіотеку. Собравъ 1.309 руб. 50 коп., они вручили эту сумму бывшему тогда городничимъ г. Максимову. Онъ передѣлалъ весьма неприглядное и полуразвалившееся зданіе богадѣльни, устроилъ просторные шкафы со стеклами, пріобрѣлъ необходимую мебель и т. д. Теперь богадѣльня, находящаяся на большой улицѣ, близъ хлѣбной площади [1]), приноситъ городу доходу около 100 руб.

Задумавъ учредить библіотеку, одна изъ родственницъ покойнаго, А. В. Пелопидасъ (урожденная Азбукина). обратилась съ просьбою о содѣйствіи въ этомъ къ статсъ-секретарю Д. Н. Блудову, бывшему тогда предсѣдателемъ государственнаго совѣта. Вотъ отвѣтъ Блудова г-жѣ Пелопидасъ: „Дочь моя передала мнѣ письмо ваше отъ 21-го ноября прошлаго года, и оно доставляетъ мнѣ пріятный случай благодарить васъ отъ имени всѣхъ, коимъ драгоцѣнна память В. А. Жуковскаго, за ваши и супруга вашего заботы объ устроеніи публичной, посвященной имени незабвеннаго нашего поэта и друга, библіотеки. Я доселѣ не могъ отвѣчать вамъ, м. г., потому, что желалъ придумать средства также съ своей стороны чѣмъ-либо содѣйствовать успѣху сего прекраснаго предпріятія. Нынѣ имѣю честь увѣдомить васъ, что мною сдѣлано распоряженіе о доставленіи для Бѣлевской публичной библіотеки нѣкоторыхъ изъ книгъ, изданныхъ вторымъ отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, Императорскою Академіею Наукъ и Императорскимъ Археологическимъ обществомъ. Списокъ оныхъ при семъ прилагается.

„Да будетъ сіе неважное приношеніе выраженіемъ моего душевнаго желанія способствовать полезному дѣлу и добрымъ началомъ для дальнѣйшаго приращенія библіотеки. Что касается до званія почетнаго члена оной, то, зная дружбу, которая меня связывала съ

---

[1]) Близъ библіотеки находится уѣздное училище и вдовій домъ, въ коемъ въ 1826 году скончалась государыня Елизавета Алексѣевна.

Библиотека "Руниверс"

покойнымъ Жуковскимъ, вы, конечно, не сомнѣваетесь въ искреннемъ удовольствіи, съ какимъ я принимаю сіе званіе. Пусть оно будетъ какъ бы новою связью между мною и другомъ, коего я умѣлъ уважать во все теченіе и во всѣхъ положеніяхъ моей жизни, и коего не перестаю оплакивать со времени его неожиданной кончины".

Вѣроятно, по ходатайству статсъ-секретаря Блудова, многіе редакторы и издатели вызвались доставлять въ библіотеку журналы, книги и газеты. Г. Кокоревъ пожертвовалъ портретъ Жуковскаго, работы Вишневецкаго, писанный съ оригинала Брюлова и отличающійся поразительнымъ сходствомъ.

Въ 1871 году Бѣлевское земство избрало въ директоры библіотеки почетнаго гражданина Сорокина, который сдѣлалъ очень много для ея благоустройства. Вслѣдствіе его ходатайства, земская управа стала отпускать на вспомоществованіе библіотеки 100 руб., а городская—50 руб. Вообще дѣйствія г. Сорокина по библіотекѣ были такъ полезны, что собраніе гласныхъ, при открытіи въ сентябрѣ 1872 года очередныхъ земскихъ собраній, журнальнымъ постановленіемъ своимъ выразило ему благодарность.

Василій Андреевичъ устроилъ для матери своей въ Бѣлевѣ въ 1810 году деревянный, двухъэтажный, на каменномъ фундаментѣ домъ, при которомъ, еще на нашей памяти, были хорошія службы и фруктовый садъ, погибшій отъ морозовъ 1837 года. Полагать надобно, что Жуковскій зналъ Бѣлевъ какъ свои пять пальцевъ: выбранная имъ для постройки дома мѣстность считается лучшею въ городѣ какъ по чистотѣ воздуха, такъ и по живописнымъ видамъ, разстилающимся на десятки верстъ. Верхній этажъ дома Жуковскаго былъ отданъ въ 1820 году подъ помѣщеніе уѣзднаго суда, а нижній — земскаго. Къ усадьбѣ Жуковскаго прилегаетъ усадьба и домъ вѣрнаго дядьки его Михаила Ив. Звѣрева, умершаго въ концѣ 20-хъ годовъ. Въ началѣ 30-хъ годовъ домъ Жуковскаго пріобрѣтенъ, покупкою, секретаремъ магистрата Емельяновымъ. Этотъ-то Емельяновъ имѣлъ счастіе принимать, въ 1837 году, въ купленномъ имъ домѣ Государя Императора, тогда еще наслѣдника престола, вмѣстѣ съ достойнымъ хозяиномъ дома, Жуковскимъ.

Князь П. А. Вяземскій, одинъ изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ современниковъ и друзей покойнаго поэта, обратился съ предложеніемъ въ министерство народнаго просвѣщенія о пріобрѣтеніи этого дома въ вѣдѣніе министерства, съ цѣлію устроить въ немъ народное училище, въ память Жуковскаго. 5-го іюля 1868 года Госу-

Библиотека "Руниверс"

дарю Императору благоугодно было Высочайше соизволить на открытіе для сего по Имперіи, въ теченіе года, подписки для сбора добровольныхъ приношеній. По подпискѣ собрано было 7.337 руб. 83½ коп., изъ коихъ 3.000 выданы наслѣдникамъ Емельянова за ветхій домъ съ мѣстомъ. Перестройка дома совершена лѣтомъ 1872 года, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ инспектора народныхъ училищъ Тульской губерніи г. Конопацкаго; а 12-го декабря того же года послѣдовало открытіе училища [1]), на содержаніе коего разрѣшено отпускать изъ государственнаго казначейства по 2.070 руб. Училище это, въ которомъ обучаютъ и ремесламъ, пользуется въ Бѣлевѣ хорошею репутаціею и имѣетъ около 70 учащихся.

П. Мартыновъ.

---

[1]) Передѣланный домъ фасадомъ оставленъ на память такимъ же, какимъ онъ былъ у Жуковскаго, который не только самъ наблюдалъ за постройкою, но и чертилъ планъ и фасадъ.

Библиотека "Руниверс"

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Харьковскаго университета въ 1873 году: личный составъ преподавателей; вакантныя каѳедры; усиленіе учебныхъ занятій студентовъ; темы для соисканія наградъ медалями; ученые труды преподавателей и другихъ служащихъ; публичныя чтенія; испытанія на ученыя степени и званія; командировки съ ученою цѣлію; свѣдѣнія объ учащихся; бюджетъ университета; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій. — Рѣчь, произнесенная на актѣ Варшавскаго университета ректоромъ, Н. М. Благовѣщенскимъ.

Въ теченіе 1873 года въ Харьковскомъ университетѣ состояло слѣдующее число преподавателей: по историко-филологическому факультету: ординарныхъ профессоровъ — 8, доцентовъ — 3, лекторовъ новѣйшихъ языковъ — 3; по физико-математическому: ординарныхъ профессоровъ—12, экстраординарныхъ—3, лаборантовъ—4; по юридическому: ординарныхъ профессоровъ—5, экстраординарный—1, доцентъ—1; въ медицинскомъ: ординарныхъ профессоровъ—11, экстраординарныхъ — 2, доцентовъ — 7, прозекторовъ — 2, помощниковъ прозектора — 3, лаборантовъ — 2, ординаторовъ факультетскихъ клиникъ, въ томъ числѣ 1 сверхштатный, — 6. Сверхъ сего, состоялъ 1 ординарный профессоръ по каѳедрѣ богословія (онъ же настоятель университетской церкви). Приватъ-доцентовъ было два, оба по физико-математическому факультету; имъ поручено было чтеніе нѣкоторыхъ отдѣловъ, одному—по математикѣ, другому — по физикѣ. Вакантныхъ каѳедръ было 5: агрономіи—съ 16-го сентября 1872 года, энциклопедіи права—съ 29-го сентября 1868 года, римскаго права — съ 1-го іюня 1858 года, гражданскаго права — съ 4-го іюля 1873 года и международнаго права съ 21-го декабря 1872 года. Сверхъ того, не открыты еще положенныя по уставу 1863 года каѳедры: а) теоріи и исторіи искусствъ, б) исторіи русскаго права, в) исторіи

Библиотека "Руниверс"

славянскихъ законодательствъ, г) государственнаго права, д) церковнаго законовѣдѣнія, е) госпитальной терапевтической клиники и ж) госпитальной хирургической клиники.

Въ 1873 году факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій—27, физико-математическій—38, юридическій—33 и медицинскій—45. Для замѣщенія каѳедръ, остававшихся вакантными къ 1-му января 1873 года, приняты были слѣдующія мѣры: каѳедра философіи поручена, на основаніи § 20 устава университетовъ, избранному совѣтомъ доценту Зеленогорскому; каѳедра славянской филологіи — доценту Дринову; вновь открытая каѳедра всеобщей литературы предоставлена доценту Кирпичникову; на каѳедру русской исторіи перемѣщенъ профессоръ Варшавскаго университета Аристовъ; для отдѣльнаго преподаванія политической экономіи перемѣщенъ профессоръ университета св. Владиміра Цѣхановецкій. Для приготовленія къ профессорскому званію при университетѣ состояло 9 стипендіатовъ: Ильинскій — по русской исторіи, Гладкій — по технической химіи, Порѣцкій—по астрономіи, Бѣлецкій—по зоологіи, Загурскій—по римскому праву, Полкотыцкій—по энциклопедіи права, Куплеваскій—по русскому государственному праву, Ковалевскій—по государственному праву и Фесенко — по предмету акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней. Контроль надъ занятіями студентовъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, заключался: а) въ постоянномъ, въ теченіе года, наблюденіи преподавателей за практическими занятіями студентовъ, б) въ годовыхъ и полугодовыхъ теоретическихъ испытаніяхъ и в) въ годовыхъ и полугодовыхъ практическихъ испытаніяхъ. Практическія занятія студентовъ заключались въ слѣдующемъ: *по историко-филологическому факультету*: по каѳедрѣ греческой словесности — студенты двухъ высшихъ курсовъ занимались переводомъ сочиненій Платона—Апологіи Сократа и Протагора. Представленные ими переводы признаны преподавателемъ удовлетворительными; студенты же 1-го курса занимались письменными переводами съ русскаго языка на греческій по учебнику Шенкеля. По каѳедрѣ латинской словесности студенты всѣхъ курсовъ упражнялись, подъ руководствомъ преподавателя, въ письменныхъ переводахъ съ русскаго языка на латинскій. Переводы эти представляемы были большею частію студентовъ ежемѣсячно, а нѣкоторыми — еженедѣльно. По сравнительной граматикѣ индо-европейскихъ языковъ студенты внѣ лекцій занимались переводами съ санскритскаго языка на русскій и сравненіемъ всѣхъ сродныхъ формъ и корней языковъ родственныхъ. Преподавателемъ пред-

Библиотека "Руниверс"

ложены были слушателямъ двухъ высшихъ курсовъ слѣдующія темы: „Особенности словообразованія въ латинскомъ языкѣ", „Разборъ звукоподражательныхъ словъ въ языкѣ греческомъ", „Указаніе всѣхъ, произшедшихъ путемъ удвоенія, словъ и формъ въ языкахъ классическихъ", „Слова съ суффиксомъ *а* въ языкахъ латинскомъ и древне-болгарскомъ". Письменныхъ работъ на эти темы представлено не было. По исторіи русской литературы и русскаго языка, независимо отъ чтенія и разбора памятниковъ литературы, указываемыхъ на лекціяхъ, предложено было нѣсколько темъ для письменныхъ работъ, изъ которыхъ на одну (разсужденіе Ломоносова „О размноженіи россійскаго народа") представлена была работа студентомъ Сумцовымъ, признанная удовлетворительною; письменныя же работы на предложенныя студентамъ 3-го и 4-го курсовъ темы по исторіи русскаго языка („О правописаніи по поводу разсужденія академика Грота" и „О древнѣйшихъ слѣдахъ малорусскаго нарѣчія въ памятникахъ") не были окончены студентами Одолламскимъ и Лядскимъ и представленіе ихъ отложено до слѣдующаго полугодія. Студенты 1-го и 2-го курсовъ упражнялись въ разборѣ указанныхъ имъ главъ Евангелія Матѳея по нынѣшнему церковно-славянскому переводу съ цѣлію возстановленія чертъ древнѣйшаго, извѣстнаго намъ по памятникамъ, старо-славянскаго языка. По каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій, преподаваніе которыхъ возобновилось съ начала втораго полугодія, со времени опредѣленія доцента Дринова, практическія упражненія внѣ лекцій состояли въ ознакомленіи студентовъ, подъ руководствомъ преподавателя, съ важнѣйшими памятниками древне-славянской письменности. По всеобщей исторіи, независимо отъ чтенія указанныхъ на лекціяхъ сочиненій и памятниковъ, предложено было нѣсколько темъ, изъ которыхъ на одну („Вѣкъ болгарскаго царя Симеона") представлена была письменная работа студентомъ Кузнецовымъ, признанная удовлетворительною. По русской исторіи предлагались для чтенія и разбора внѣ лекцій историческіе памятники и сочиненія, съ обязательствомъ представленія письменнаго или устнаго отчета о результатахъ занятій этого рода. Письменные отчеты представлены были студентами: Сумцовымъ—разборъ послѣдняго сочиненія Костомарова „Русская исторія въ біографіяхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ", Яшичемъ—разборъ сочиненія Карновича „Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи". Студентомъ Ѳедотовымъ представлена была вторая половина сочиненія, начатаго въ 1872 году, на тему „Разборъ дѣла о ссылкѣ Романовыхъ"; студентомъ Полниц-

Библиотека "Руниверс"

кимъ составленъ былъ удовлетворительно библіографическій указатель житій русскихъ святыхъ какъ напечатанныхъ, такъ и остающихся въ рукописяхъ. По церковной исторіи, независимо отъ чтенія историческихъ памятниковъ и сочиненій, указываемыхъ на лекціяхъ, представлены были письменныя работы студентами Полницкимъ, Діаконенко и Клевцовымъ на тему: „Взятіе Константинополя крестоносцами въ 1204 году" и студентомъ Дмитріевымъ—на тему: „Колдовство въ западной Европѣ въ XVI и XVII вѣкахъ" по сочиненію Рейса: „La Sorcellerie aux XVI et XVII siécles, particulièrement en Alsace". Paris, 1872. По всеобщей литературѣ, преподаваніе которой началось только со втораго полугодія, со времени опредѣленія доцента Кирпичникова, представлены были письменныя работы студентами: Сумцовымъ — изслѣдованіе новогреческой сказки „Астериносъ и Пулья" (*Hahn*: Griechische und Albanesische Märchen, № 1), сравнительно съ нѣмецкими сказками Гримма; Капустянскимъ—„Карлъ Великій въ исторіи, легендахъ, Chanson de Roland и Chanson de Geste"; Ѳедотовымъ—„Бытовыя черты изъ Dialogus miraculorum Ц. Гейстербаха". *По физико-математическому факультету*: по чистой математикѣ занятія состояли—въ рѣшеніи задачъ студентами 2-го, 3-го и 4-го курсовъ: по астрономіи—въ упражненіи студентовъ 3-го и 4-го курсовъ въ астрономическихъ наблюденіяхъ и въ рѣшеніи задачъ; по зоологіи—въ упражненіи студентовъ 2-го курса въ гистологическихъ наблюденіяхъ, студентовъ 3-го курса — въ секціяхъ и опредѣленіи животныхъ; по ботаникѣ — въ упражненіи студентовъ 2-го, 3-го и 4-го курсовъ въ гистологическихъ, морфологическихъ изслѣдованіяхъ и опредѣленіи растеній; по геологіи—въ упражненіи студентовъ 4-го курса въ опредѣленіи горныхъ породъ и окаменѣлостей; по минералогіи—въ кристаллографическихъ упражненіяхъ и опредѣленіи минераловъ; по химіи—въ химическомъ анализѣ; по физикѣ—въ упражненіи студентовъ 2-го и 4-го курсовъ въ физическихъ изслѣдованіяхъ; по химіи—въ химическомъ качественномъ и количественномъ анализѣ, приготовленіи препаратовъ и спеціальныхъ работахъ по органической и неорганической химіи; по технической химіи — въ техническомъ анализѣ; по математикѣ—въ рѣшеніи задачъ интегральнаго изчисленія; по физической географіи — въ производствѣ и обработкѣ метеорологическихъ наблюденій. *По медицинскому факультету* практическія занятія студентовъ были, по примѣру прежнихъ лѣтъ, главною заботою каждаго преподавателя, такъ какъ почти всѣ предметы этого факультета не могутъ быть иначе усвоены, какъ только при практи-

Библиотека "Руниверс"

ческомъ изученіи ихъ. Такъ, по описательной анатоміи: а) для изученія остеологіи, изъ музея физіологической анатоміи, въ продолженіе всего года, выдавались студентамъ на домъ сухіе препараты костей; б) для изученія синдесмологіи, эстезіологіи, спланхнологіи, ангіологіи и неврологіи были выставляемы въ секціонной залѣ препараты сухіе, изъ papier mâché, а также находящіеся въ спиртѣ; в) по отдѣламъ міологіи, англіологіи, неврологіи, также синдесмологіи и спланхнологіи студенты, подъ непосредственнымъ руководствомъ профессора, упражнялись въ изготовленіи препаратовъ на трупахъ, причемъ студенты 1-го курса приготовили 206, а студенты 2-го курса 84 препарата; матеріаломъ для занятій студентовъ служили 84 трупа, доставленные изъ тюремнаго замка и изъ губернской земской больницы, частію же трупы, оставшіеся послѣ судебно-медицинскихъ вскрытій, не взятые родственниками; г) многіе студенты пользовались книгами и атласами, которые выдавались имъ изъ кабинета физіологической анатоміи на домъ для болѣе спеціальнаго ознакомленія съ анатоміей. Въ гистологическомъ кабинетѣ занимались практическими упражненіями въ изслѣдованіи строенія тканей и органовъ студенты 1-го и 2-го курсовъ въ часы, назначенные для практическихъ занятій. Кромѣ того, въ часы свободные отъ лекцій, изученіемъ методовъ гистологическаго изслѣдованія и прослѣдованіемъ тканей и органовъ занимались четыре студента 2-го курса. Одинъ студентъ 4-го курса занимался изслѣдованіемъ процесса возстановленія перерѣзанныхъ нервовъ. Изслѣдованіе его было удостоено совѣтомъ университета золотой медали. Изслѣдованія эти продолжались въ 1874 году, съ цѣлію дополнить представленную въ факультетъ работу и помѣстить ее въ одномъ изъ русскихъ медицинскихъ журналовъ. Въ физіологическомъ кабинетѣ занимались: одинъ студентъ 5-го курса, одинъ ординаторъ, одинъ кандидатъ физико-математическаго факультета и три студента 2-го курса медицинскаго факультета. Въ физіолого-химической лабораторіи студенты ежедневно занимались, сверхъ опредѣленнаго для практическихъ занятій времени, отъ 9-ти часовъ утра до 2-хъ по полудни, въ часы свободные отъ лекцій. Занятія ихъ состояли въ приготовленіи препаратовъ, относящихся къ физіологической и патологической химіи, въ повтореніи на практикѣ слышаннаго на теоретическихъ лекціяхъ, въ аналитическихъ упражненіяхъ надъ животными жидкостями и тканями, какъ нормальными, такъ и патологическими. По патологической анатоміи занятія раздѣлялись на обязательныя и необязательныя. Обязательными занятіями

Библиотека "Руниверс"

были: для студентовъ 3-го курса—упражненія по практической гистологіи подъ непосредственнымъ руководствомъ профессора и производились по два часа въ недѣлю въ теченіе цѣлаго учебнаго года; для студентовъ 4-го и 5-го курсовъ — упражненія въ патолого-анатомическихъ вскрытіяхъ клиническихъ труповъ, которыя и производились, когда представлялся соотвѣтственный матеріалъ, въ клиническіе часы по принадлежности. Наиболѣе плодотворными изъ этихъ занятій оказались упражненія по патологической гистологіи, такъ что многіе изъ студентовъ 3-го курса уже обнаружили довольно хорошій навыкъ въ приготовленіи микроскопическихъ препаратовъ, въ толкованіи ихъ и анализѣ. Матеріаломъ для этихъ упражненій служили главнымъ образомъ органы и части тѣла, получаемые отъ патологическихъ и судебно-медицинскихъ вскрытій, и отчасти патологическіе наросты и части тѣла, удаляемыя съ помощію операцій и доставляемыя по временамъ изъ хирургической клиники университета. Оба эти источника анатомическаго матеріала оказывались, однако, недостаточными, вслѣдствіе чего нерѣдко приходилось прибѣгать къ пользованію, для практическихъ упражненій въ патологической гистологіи, препаратами музея патологической анатоміи. Къ необязательнымъ практическимъ занятіямъ относились отдѣльныя изслѣдованія патолого-анатомическихъ объектовъ, предпринимавшіяся по временамъ студентами старшихъ курсовъ въ кабинетѣ, частію съ цѣлію упражненія въ гистологіи, частію съ цѣлію діагноза анатомическихъ измѣненій отдѣльныхъ органовъ, частію, наконецъ, съ цѣлію подробнаго анатомическаго анализа нѣкоторыхъ, почему-либо замѣчательныхъ, клиническихъ случаевъ. Изъ занятій этой группы оказались особенно плодотворными изслѣдованія студента Дмитріевскаго, относящіяся къ одному случаю бѣлокровія, при одновременно существующемъ амилоидномъ перерожденіи органовъ, при чемъ изслѣдователю удалось напасть на амилоидное перерожденіе слизистой оболочки желудка, доселѣ неизвѣстное въ медицинской литературѣ. При чтеніи тератологіи (ученіе объ уродствахъ) студенты ознакомлены практически со всѣми видами и формами уродствъ, находящихся въ распоряженіи патолого-анатомическаго музея, и происхожденіе ихъ объяснено на основаніи эмбріологическихъ, макро-и микро-скопическихъ препаратовъ музея. Въ кабинетѣ общей патологіи производились практическія занятія по предмету общей патологіи для студентовъ 3-го курса, состоявшія въ практическомъ изученіи микроскопической патологіи. Объектами для этой

Библиотека "Руниверс"

цѣли служили различнаго рода опухоли, новообразованія, различнаго рода воспалительные, а также и регрессивные процессы. Во время практическихъ занятій производились различные эксперименты, частію самимъ преподавателемъ, частію студентами, относящіеся къ общей патологіи. Внѣ обязательныхъ занятій, студенты 3-го курса самостоятельно занимались въ кабинетѣ производствомъ опытовъ, а также и практическимъ ознакомленіемъ съ пріемами и методами изслѣдованія патологическихъ объектовъ. Нѣкоторые изъ студентовъ 3-го курса, а также и высшихъ, занимались самостоятельно разработкою отдѣльныхъ вопросовъ (5-го курса Кемарскій—вопросомъ о золотухѣ, 3-го курса Фавръ—вопросомъ о возрожденіи мышцъ). Въ фармакологическомъ кабинетѣ студенты 3-го курса занимались практически рецептурою по одному часу въ недѣлю и, кромѣ того, во время зимнихъ каникулъ, желающіе занимались упражненіями въ фармакологическихъ наблюденіяхъ. Занятія въ терапевтической и хирургической клиникахъ велись въ томъ же направленіи и въ томъ же духѣ, какъ и въ минувшіе годы. Они состояли въ изученіи студентами способовъ изслѣдованія больныхъ, какъ съ цѣлію діагностической, такъ и съ цѣлію изучить тѣ перемѣны, которыя произошли въ организмѣ больнаго подъ вліяніемъ терапевтическихъ агентовъ. Для этихъ двухъ цѣлей студенты упражнялись въ стетоскопіи, перкуссіи, термометріи надъ больными, а также въ химическомъ и микроскопическомъ изслѣдованіи какъ нормальныхъ, такъ и патологическихъ выдѣленій, читали подробно исторіи болѣзней больныхъ, находящихся подъ ихъ наблюденіемъ, и, въ случаѣ смерти больнаго, присоединялся протоколъ вскрытія. Въ обоихъ случаяхъ исторія болѣзни заканчивалась научнымъ эпикритомъ. Въ амбулаторной клиникѣ (которая была ежедневно) студенты, подъ руководствомъ профессора, разбирали каждаго больнаго, ставили діагнозъ и назначали леченіе. Кромѣ того, въ терапевтической клиникѣ были отдѣльные вечерніе часы, въ которые студенты упражнялись перкуссіей, аускультаціей и т. п. Въ хирургической клиникѣ, въ такіе же часы, студенты 5-го курса упражнялись въ производствѣ операцій на трупахъ. Замѣчательнѣйшіе случаи изъ терапевтической клиники описывались въ медицинскихъ журналахъ; такъ, напримѣръ, случай истерической нѣмоты описанъ студентомъ Бѣлинымъ и случай лейкеміи приготовленъ къ печати студентомъ Дмитревскимъ. Практическія занятія студентовъ 3-го курса по предмету діагностики состояли въ примѣненіи у кровати больнаго всѣхъ способовъ физикальнаго изслѣдованія для постановленія правильнаго

Библиотека "Руниверс"

діагноза болѣзни. Въ акушерской клиникѣ нѣкоторые студенты 5-го курса, сверхъ обыкновенныхъ, обязательныхъ для каждаго изъ нихъ, практическихъ занятій, состоящихъ въ уходѣ за беременными, роженицами, родильницами и больными, въ тщательномъ изслѣдованіи ихъ и веденіи подробныхъ и точныхъ исторій,—занимались точными научными изслѣдованіями по заданнымъ для того задачамъ. Такъ, студентъ Смоленскій занимался измѣреніями живота беременныхъ, роженицъ и родильницъ и выводы изъ своихъ работъ изложилъ въ особой статьѣ; студентъ Бѣллипъ—сравнительными измѣреніями температуры подмышечной и рукава у больныхъ и составилъ для печати описаніе трехъ клиническихъ случаевъ; студентъ Фессенко продолжалъ занятія, состоящія въ взвѣшиваніи новорожденныхъ. Въ кабинетѣ гигіены съ половины сентября нѣкоторые студенты занимались упражненіями въ опредѣленіи угольной кислоты воздуха по способу Петтенкофера; такъ, два изъ нихъ опредѣлили угольную кислоту воздуха въ хирургической клиникѣ, одинъ—угольную кислоту подпочвеннаго воздуха и одинъ занимался объемнымъ опредѣленіемъ уксусной кислоты въ разныхъ сортахъ продажнаго уксуса.

Для соисканія наградъ медалями въ 1873 году предложены были студентамъ слѣдующія темы: по историко-филологическому факультету—„Бытъ дьяковъ и подъячихъ", „Шекспиръ въ русской литературѣ", „Историческій очеркъ христіанской демонологіи" и „О трагедіяхъ, обыкновенно приписываемыхъ Сенекѣ" (de tragaediis vulgo Senecae adscriptis); по физико-математическому—„Изложить теорію паровой машины и опредѣлить, на основаніи механической теоріи теплоты, условія наивыгоднѣйшаго ея дѣйствія", „Опредѣлить длину секунднаго маятника въ лабораторіи физическаго кабинета Харьковскаго университета" и „Произвести химическое изслѣдованіе состава полевыхъ шпатовъ и результаты привести въ связь съ изслѣдованіями Чермака, сдѣланными въ этомъ направленіи"; по юридическому—„О значеніи трактатовъ и обычаевъ въ международномъ правѣ"; по медицинскому—„О движеніи, представляемомъ протоплазмою", „О вліяніи желчи на организмъ", „О вліяніи возвышенной температуры на измѣненіе тромбовъ" и „Изслѣдованіе примѣсей пищевыхъ веществъ Харьковскаго рынка (хлѣбъ, соль, масло, молоко, мясо, уксусъ, водка и вино)". За представленныя на эти темы сочиненія награждены медалями: золотыми: въ историко-филологическомъ факультетѣ—Константинъ *Ѳедотовъ*, въ медицинскомъ—Илларіонъ *Солодихинъ*; серебряными: въ историко-филологическомъ факультетѣ—Евгеній

Библиотека "Руниверс"

Лядскій и Семенъ *Дьяченко*, въ юридическомъ — Кипріянъ *Ярошъ*; удостоены почетнаго отзыва за сочиненія по физико-математическому факультету кандидатъ Владиславъ *Кочетовъ* и студентъ Михаилъ *Штандель*.

Въ теченіе 1873 года напечатали слѣдующіе труды преподаватели Харьковскаго университета и другія служащія въ ономъ лица: ординарные профессоры: *Шерцль* — „Санскритскую граматику", „Славянскую граматику славянскихъ и другихъ родственныхъ языковъ, ч. II. Словопроизведеніе" и „Санскритскую хрестоматію"; *Леваковскій* — „Изслѣдованіе осадковъ мѣловой и слѣдующей за нею формацій между Днѣпромъ и Волгою"; *Лавровскій* — „Воспоминанія о В. Н. Каразинѣ" въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, „О русской исторіи профессора Харьковскаго университета Рейта", тамъ же; „Замѣчанія о гирѣ Константина Багрянороднаго" тамъ же; „Эпизодъ изъ исторіи Харьковскаго университета" въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ"; *Лебедевъ* — „Молодые годы Фотія, патріарха Константинопольскаго" въ „Чтеніяхъ общества любителей духовнаго просвѣщенія", и „Объ избраніи въ епископскій санъ въ древней церкви" въ „Русскомъ Вѣстникѣ"; *Бекетовъ* — „Къ вопросу о различіи элементовъ отъ сложныхъ соединеній"; *Имшенецкій* — „Sur un rapport inharmonique. Application du théorème de Meusnier" въ Mémoires de la société royale des sciences de Liège, „Общій способъ интегрированія двухъ совмѣстныхъ уравненій съ частными производными 1-го порядка при двухъ зависимыхъ и независимыхъ перемѣнахъ" въ „Московскомъ математическомъ сборникѣ"; *Лазаревичъ* — „Описаніе неправильныхъ тазовъ, хранящихся въ кабинетѣ акушерской клиники Харьковскаго университета" въ изданіи Лондонскаго акушерскаго общества; *Лашкевичъ* — „Наблюденіе о syphilis hereditarea tarda" и „Къ этіологіи болѣзни сердца"; *Кремянскій* — „О дѣйствіи Эссентукскихъ минеральныхъ водъ на организмъ" въ „Военно-Медицинскомъ Журналѣ"; „О патолого-анатомическихъ явленіяхъ у собакъ подъ вліяніемъ эссентукской соленощелочной воды, называемой № 17" въ „Журналѣ для нормальной и патологической гистологіи", „О дѣйствіи различныхъ Кавказскихъ минеральныхъ ваннъ на вѣсъ и температуру тѣла, пульсъ и дыханіе", читано въ обществѣ опытныхъ наукъ медицинской секціи; экстраординарный профессоръ *Лагермаркъ* — „Объ изомерныхъ соединеніяхъ C_2H_4BrS въ „Журналѣ русскаго химическаго общества"; доценты: *Цитовичъ* — „Деньги въ области гражданскаго права"; *Потебня* — „Замѣтки по

Библиотека "Руниверс"

исторической граматикѣ русскаго языка" въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, „Изъ записокъ по русской граматикѣ" въ „Филологическихъ Запискахъ"; *Кирпичниковъ*—„Поэмы Ломоносовскаго цикла"; *Дриновъ*—„Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами", „Вопросъ за Българската и Срьбска церкви прѣдъ съдилището на Ліонскій съборъ", „Три грамоты императора Василія II" въ Періодическомъ описаніи Болгарскаго ученаго общества Бранла; стипендіатъ при университетѣ (нынѣ приватъ-доцентъ) *Парицкій*—„Опредѣленіе географической широты астрономической башни Харьковскаго университета".

Въ 1873 году публичныя лекціи читали безплатно ординарные профессоры: Бекетовъ—по предмету технической химіи, Ковальскій—по практической механикѣ и экстраординарный профессоръ Яцуковичъ—по технологіи.

Въ 1873 году Харьковскимъ университетомъ утверждены: въ степени доктора медицины—Каспарьянци, Яковенко, Ивановъ, Горелейченко, Габетинъ и Пономаревъ; въ степени доктора гражданскаго права—Цитовичъ, въ степени магистра русской словесности—Колосовъ. Затѣмъ удостоены: степени кандидата—36, званія дѣйствительнаго студента—35, лекаря—26, уѣзднаго врача—25, провизора—37, аптекарскаго помощника—39, дантиста—2, повивальной бабки—35.

Съ Высочайшаго соизволенія командированы были за границу съ ученою цѣлію профессоры Лазаревичъ и Якобій, лекторъ фонъ-Видертъ и лаборантъ Богомоловъ. Командированы были въ Казань для принятія участія въ съѣздѣ естествоиспытателей: профессоръ Ценковскій, лаборанты Кроянскій и Эльтековъ, помощники лаборантовъ Пенго и Рейнгардтъ и стипендіаты университета Погорѣлко и Гладкій.

Студентовъ въ Харьковскомъ университетѣ къ 1-му января 1873 года было 448; въ теченіе года вновь поступило 81, въ томъ числѣ: изъ гимназій—34, изъ духовныхъ семинарій—30, изъ другихъ университетовъ и Медико-Хирургической академіи—7, изъ бывшихъ студентовъ Харьковскаго университета—10; въ теченіе года выбыло: до окончанія курса—47, по окончаніи курса—93, всего 140; затѣмъ къ 1-му января 1874 года оставалось 389, которые были распредѣлены по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: въ историко-филологическомъ—20, въ юридическомъ—165, въ физико-математическомъ—42 (по отдѣленію математическихъ наукъ—26, по отдѣленію наукъ естественныхъ—11, по отдѣленію наукъ физико-химическихъ—5), въ медицинскомъ—162. Постороннихъ слушателей къ 1-му января 1873

Библиотека "Руниверс"

года состояло 76; въ теченіе года поступило 29, въ томъ числѣ: лицъ съ опредѣленнымъ общественнымъ положеніемъ—15, аптекарскихъ помощниковъ—9, ветеринарныхъ помощниковъ—5; въ теченіе года выбыло—76, изъ нихъ до окончанія курса—21, по окончаніи курса—55; затѣмъ 1-му января 1874 года оставалось—29. Независимо отъ сего, въ 18⁷³/₇₄ учебномъ году слушали въ Харьковскомъ университетѣ лекціи 134 студента мѣстнаго ветеринарнаго института. Изъ общаго числа студентовъ освобождено было отъ платы за слушаніе лекцій: въ первой половинѣ 1873 года—233, что составляетъ 52%, и во второй половинѣ—219, то-есть, 56,2% общаго числа. Изъ состоявшихъ къ 1-му января 1874 года студентовъ пользовались стипендіями—104 лица, въ томъ числѣ: на счетъ суммъ государственнаго казначейства—88 (размѣръ стипендій отъ 250 до 340 руб.), на проценты съ пожертвованныхъ капиталовъ—13 (отъ 200 до 325 руб.), на счетъ Тамбовской губернской земской управы—1 (200 руб.), на счетъ Курскаго дворянскаго депутатскаго собранія—1 (197 руб.), на счетъ Екатеринославскаго дворянства—1 (138 руб. 50 коп.).

По финансовой смѣтѣ на содержаніе Харьковскаго университета въ 1873 году ассигновано было 304.704 руб. 86 коп., въ томъ числѣ: на содержаніе личнаго состава съ присоединеніемъ экстраординарнаго кредита—182.483 руб. 74 коп.; на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы съ присоединеніемъ экстраординарнаго кредита—119.721 руб. 12 коп., обществу испытателей природы, учрежденному при университетѣ—2.500 руб. Спеціальныхъ средствъ поступило 27.420 руб. 49 коп., именно: сбора со студентовъ за слушаніе лекцій—9.800 руб., процентовъ и остатковъ отъ процентовъ за прежніе годы съ пожертвованныхъ капиталовъ—12.652 руб. 49 коп., валоваго дохода университетской типографіи—4.968 руб. Вся сумма спеціальныхъ средствъ израсходована вполнѣ.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Харьковскаго университета къ 1-му января 1874 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ библіотекѣ университета числилось на лицо 43.417 названій въ 84.616 томахъ; студентское отдѣленіе библіотеки заключало 1.628 названій. Въ астрономическомъ кабинетѣ состояло 223 нумера инструментовъ, разныхъ приборовъ и книгъ. Въ теченіе 1873 года студенты производили наблюденія съ помощію универсальнаго инструмента. Въ физическомъ кабинетѣ имѣлось 564 нумера. Изъ пріобрѣтенныхъ приборовъ, общая стоимость которыхъ составляетъ 608 руб., особеннаго вниманія заслуживаетъ баттарея въ 60 элементовъ новой конструк-

Библиотека "Руниверс"

ціи съ выдвижными цинками. Въ кабинетѣ физической географіи находилось 40 нумеровъ, а въ метеорологической обсерваторіи—87. Въ химической лабораторіи числилось 1.964 нумера. Въ лабораторіи произведены были слѣдующія изслѣдованія: помощникомъ лаборанта Эльтековымъ—превращеніе бромистаго изобутила въ бромюръ триметилъ-карбинола и бромистаго изоамила въ бромисто-водородный амиленъ; лаборантъ Кроянскій произвелъ большое число анализовъ для правительственныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, а именно: а) для Херсонской губернской земской управы — анализъ посуды, содержащей свинецъ; б) для Кубанской области—анализъ минерала, содержащаго селитру; в) анализъ различныхъ водъ (одна изъ минеральныхъ водъ доставлена изъ Самарской губерніи); г) анализы свинцовыхъ, желѣзныхъ, мѣдныхъ и другихъ рудъ; д) соды, хинина, спирта и другихъ веществъ, въ которыхъ оказались подмѣси. Число всѣхъ лицъ, для которыхъ произведены анализы, доходило до двадцати. Кромѣ того, г. Кроянскій занимался изслѣдованіемъ дѣйствія амміака въ присутствіи свѣта на фосфоръ и дѣйствія тока на углекислоту. Студенты 2-го курса медицинскаго факультета и студенты 2-го, 3-го и 4-го курсовъ физико-химическаго и естественно-историческаго разрядовъ занимались анализомъ и другими работами. Изъ студентовъ занимались спеціально органическою химіею, подъ руководствомъ профессора Лагермарка, слѣдующіе: студентъ 2-го курса физико-химическаго разряда Слоневскій изслѣдовалъ продукты разложенія метиловыхъ эфировъ лимонной кислоты при сухой перегонкѣ; студентъ 2-го курса физико-химическаго разряда Осиповъ занимался изученіемъ дѣйствія обыкновеннаго амилена на сѣрную кислоту, разведенную на половину по объему воды; при этомъ, какъ показали изслѣдованія, образуется ненормальный амиловый спиртъ, по видимому, третичный, то-есть, диметалъ-этилъ-карбоналъ; студентъ 3-го курса естественнаго разряда Гордѣенко занимался изслѣдованіемъ продуктовъ разложенія хинина подъ вліяніемъ безводной корболовой кислоты. Членъ общества опытныхъ наукъ Щербачевъ, продолжая заниматься вопросомъ о диссоціаціи гидратовъ солей въ растворахъ, замѣтилъ вліяніе одной соли на растворимость другой съ повышеніемъ температуры и объяснилъ, на основаніи своихъ опытовъ, образованіе твердыхъ осадковъ въ котлахъ (такъ-называемый котельный камень). Въ медицинскомъ отдѣленіи химической лабораторіи ежедневно, отъ 9-ти до 2-хъ часовъ, занимались студенты 2-го, 3-го и 5-го курсовъ медицинскаго факультета экспериментальнымъ повторе-

Библиотека "Руниверс"

ніемъ слышаннаго ими на лекціяхъ, приготовленіемъ препаратовъ, изученіемъ метода изслѣдованія животныхъ жидкостей какъ нормальныхъ, такъ и патологическихъ. Къ 1-му января 1874 года состояло въ лабораторіи 167 нумеровъ приборовъ. Въ минералогическомъ кабинетѣ состояло 12.097 нумеровъ. Коллекціи и приборы кабинета служили для демонстрацій при лекціяхъ и для практическихъ упражненій студентовъ. Въ кабинетѣ геологическомъ съ палеонтологическимъ собраніемъ находилось 4.715 нумеровъ окаменѣлостей, горныхъ породъ, геологическихъ картъ, сочиненій и инструментовъ. Въ ботаническомъ садѣ имѣлось до 3.500 видовъ растеній, разводимыхъ и дико растущихъ и до 300 видовъ сѣмянъ растеній. Въ ботаническомъ кабинетѣ состояло 732 нумера коллекцій и разныхъ предметовъ. Въ зоологическомъ кабинетѣ всѣхъ предметовъ состояло 16.923. Изъ пріобрѣтеній 1873 года особенно замѣчательны: а) коллекція жесткокрылыхъ насѣкомыхъ, пожертвованная почетнымъ членомъ Д. А. Донецъ-Захаржевскимъ, заключающая 2.310 родовъ Coleoptera и много насѣкомыхъ изъ другихъ порядковъ, окончательно еще не опредѣленныхъ, и б) коллекція разныхъ экзотическихъ формъ животныхъ, купленная у Сальмина въ Гамбургѣ. Спеціальными работами были заняты студенты: Рейнгардъ—животными паукообразными, и Штандель — нематодами. Предметы зоологическаго кабинета служили постоянно для демонстрацій при преподаваніи; въ зоологической лабораторіи студенты занимались практическими упражненіями по систематикѣ животныхъ. Въ зоотомическомъ кабинетѣ съ лабораторіею состояло 1.696 нумеровъ препаратовъ, моделей, книгъ, инструментовъ и проч. Кабинетъ служилъ пособіемъ при преподаваніи сравнительной анатоміи, гистологіи животныхъ и эмбріологіи; въ лабораторіи занимались практически студенты 2-го, 3-го и 4-го курсовъ отдѣленія естественныхъ наукъ. Въ физіологическомъ кабинетѣ, съ лабораторіею находилось вещей 287 нумеровъ. Изъ пріобрѣтенныхъ въ 1873 году наиболѣе замѣчательны: 5 камертоновъ, настроенныхъ на тоны гласныхъ, съ 5-ю резонаторами къ нимъ, и гальваническая баттарея изъ 40 элементовъ Гренеля. Въ лабораторіи производились постоянно опыты, служащіе для демонстрацій студентамъ при чтеніи курса физіологіи. Практически занимались въ лабораторіи 3 студента, 1 кандидатъ и 1 лекарь. Въ кабинетѣ общей патологіи находилось 187 нумеровъ разныхъ предметовъ. Занятія заключались въ самостоятельныхъ опытныхъ работахъ студентовъ высшихъ курсовъ и въ практическомъ изученіи гистологической па-

Библиотека "Руниверс"

тологіи студентами 3-го курса. Въ технологическомъ кабинетѣ съ лабораторіею состояло 1.250 нумеровъ. Пріобрѣтенія 1873 года, въ числѣ 50 нумеровъ, состояли исключительно изъ принадлежностей лабораторіи, между которыми самое капитальное—перегонный снарядъ съ паровикомъ пятиатмосфернаго давленія. Занятія въ лабораторіи, кромѣ демонстрацій на лекціяхъ, состояли въ упражненіи студентовъ 3-го и 4-го курсовъ физико-химическаго разряда въ качественномъ и количественномъ анализѣ. Въ агрономическомъ кабинетѣ было 1.459 предметовъ. Въ музеѣ физіологической анатоміи имѣлось 910 нумеровъ препаратовъ, книгъ, рисунковъ, инструментовъ и другихъ принадлежностей. По примѣру прошлыхъ лѣтъ, для практическаго изученія анатоміи студентамъ выдавались препараты, которыми обладаетъ анатомическій музей. Для практическихъ работъ надъ трупами студентамъ 1-го и 2-го курса служили 84 трупа. Самыя практическія занятія студентовъ въ музеѣ были ведены подъ руководствомъ профессора анатоміи, при чемъ упражнялись студенты 1-го курса на 206, а студенты 2-го курса на 87-ми препаратахъ. Лекціи анатоміи сопровождались демонстрированіемъ какъ свѣже-приготовленныхъ къ лекціи препаратовъ на трупахъ, такъ равно и при помощи всѣхъ вспомогательныхъ средствъ кабинета. Въ музеѣ патологической анатоміи находилось патолого-анатомическихъ препаратовъ, книгъ, инструментовъ и разныхъ принадлежностей 1.115 нумеровъ. Постоянныя практическія занятія въ рабочемъ отдѣленіи патолого-анатомическаго музея и кабинета состояли: а) въ патолого-анатомическомъ вскрытіи труповъ; б) въ ознакомленіи студентовъ и слушателей съ свѣжимъ патологическимъ матеріаломъ болѣзненно-измѣненныхъ органовъ какъ изъ клиническихъ, такъ и изъ другихъ труповъ; в) въ упражненіи учащихся, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и надзоромъ профессора, въ гистологическихъ изслѣдованіяхъ болѣзненно-измѣненныхъ тканей и органовъ, и г) въ изготовленіи патолого-анатомическихъ препаратовъ для музея. Временными занятіями были отдѣльныя изслѣдованія болѣе выдающихся патолого-анатомическихъ измѣненій органовъ, разработка нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ, производившаяся частію студентами, частію врачами, и составленіе систематической описи препаратовъ патолого-анатомическаго музея, основанной на началахъ патологической гистологіи. По спеціальнымъ вопросамъ докторомъ Горелейченко произведены нѣкоторыя наблюденія и изслѣдованія: „О вліяніи пельвиперитонита на происхожденіе отклоненій матки“ и начаты наблюденія надъ вліяніемъ подкож-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ впрыскиваній эрготина на сосуды при воспаленіи; докторомъ Пономаревымъ начаты и продолжаются изслѣдованія: а) о развитіи и ростѣ раковыхъ опухолей матки, б) объ измѣненіяхъ нервовъ роговой оболочки при воспаленіи; студентомъ Дмитревскимъ предпринято подробное гистологическое изслѣдованіе органовъ въ одномъ случаѣ лейкеміи. Составленіе систематической описи препаратовъ музея начато и окончено профессоромъ Крыловымъ во время лѣтнихъ каникулъ, при чемъ въ необходимыхъ для этого гистологическихъ изслѣдованіяхъ принимали дѣятельное и полезное участіе лекаря Бергъ и Гиршовскій. Въ гистологическомъ кабинетѣ состояло разныхъ предметовъ 156 нумеровъ. Въ теченіе года занимались практическою гистологіей студенты 1-го и 2-го курсовъ, между прочимъ и въ часы свободные отъ лекцій. Студентъ 4-го курса Солодихинъ произвелъ изслѣдованіе надъ вырожденіемъ перерѣзанныхъ нервовъ, удостоенное совѣтомъ университета золотой медали. Въ фармацевтической лабораторіи находилось 325 нумеровъ препаратовъ и 18 сочиненій въ 19 томахъ. Въ лабораторіи занималось фармацевтовъ, державшихъ экзаменъ на степень провизора — 37, на степень аптекарскаго помощника—39 и нѣсколько аптекарскихъ учениковъ. Въ теченіе всего года въ лабораторіи производились различные фармацевтическо-химическіе опыты и приготовленія. Практическими занятіями для студентовъ по судебной медицинѣ служили вскрытія труповъ, производившіяся студентами-медиками 4-го и 5-го курсовъ подъ руководствомъ профессора; при вскрытіяхъ были демонстрированы важнѣйшіе признаки въ судебно-медицинскомъ отношеніи посредствомъ различныхъ методовъ, приложимыхъ къ каждому данному случаю, при помощи микроскопа, надуванія, погруженія въ воду и другихъ способовъ изслѣдованія. Въ теченіе года произведено было болѣе 40 вскрытій. Въ терапевтической клиникѣ занятія состояли, какъ и въ прежніе годы, въ чтеніи клиническихъ лекцій студентамъ, совмѣстномъ съ ними разборѣ стаціонарныхъ больныхъ и въ пріемѣ амбулаторныхъ больныхъ. Стаціонарныхъ больныхъ въ 1873 году было 139; изъ нихъ вновь прибывшихъ 121, отъ 1872 года оставалось 18; больныхъ приходящихъ было 1028, такъ что общее число больныхъ составляло 1.167. Изъ стаціонарныхъ больныхъ выбыло — 106, умерло—17, оставалось къ 1-му января 1874 года — 16. Изъ числа выбывшихъ больныхъ этой категоріи большинство окончательно выздоровѣло; меньшая часть получила значительное облегченіе; нѣсколько человѣкъ не получили никакого облегченія и трое оставили клинику

Библиотека "Руниверс"

съ ухудшеніемъ здоровья. Въ клиникѣ начаты были двѣ самостоятельныя работы: „О физіологическомъ дѣйствіи и терапевтическомъ употребленіи кокаина", принадлежащая ординатору Данини, который наблюденія свои по этому предмету производилъ на клиническихъ больныхъ, и „О дѣйствіи двууглекислаго натра на организмъ собакъ", принадлежащая студенту Ломиковскому. Отдѣлъ этой работы: „О вліяніи двууглекислаго натра на содержаніе сахара въ печени" произведенъ въ кабинетѣ терапевтической клиники подъ руководствомъ профессора Лашкевича. Въ кабинетѣ клиники разныхъ аппаратовъ и инструментовъ, вмѣстѣ съ книгами, имѣлось 224 нумера. Въ состоящемъ при терапевтической клиникѣ Маньковскомъ электролечебномъ заведеніи книгъ и разныхъ вещей находилось 387 нумеровъ; больныхъ въ 1873 году было 264. Въ хирургической клиникѣ въ теченіе 1873 года пользовалось 2.230 больныхъ, изъ нихъ стаціонарно—179. Изъ послѣднихъ выздоровѣло вполнѣ—118, получило облегченіе—25, выбыло безъ операцій—20, умерло—16, то-есть, 9% общаго числа больныхъ Операцій произведено было около 600, изъ нихъ студентами — болѣе 100. Занятія студентовъ состояли: а) въ изслѣдованіи стаціонарныхъ больныхъ и веденіи исторій ихъ болѣзней, при чемъ многія изъ этихъ исторій читались въ аудиторіи и подробно разбирались директоромъ клиники; б) въ микроскопическомъ и химическомъ изслѣдованіи болѣзненныхъ продуктовъ; в) въ упражненіи въ изслѣдованіи внутренностей уха, гортани и другихъ полостей, доступныхъ хирургическому изслѣдованію, и г) въ производствѣ операцій на живыхъ и на трупахъ, подъ руководствомъ директора клиники. Въ хирургическомъ кабинетѣ состояло на лицо 1.290 нумеровъ. Въ офталмологической клиникѣ больныхъ въ 1873 году было 1.773, изъ нихъ стаціонарныхъ — 118. Изъ числа послѣднихъ совершенно выздоровѣло—56, получило значительное облегченіе припадковъ болѣзни и улучшенія зрѣнія—38, оставило клинику безъ существеннаго улучшенія—14, осталось въ клиникѣ—10. Изъ стаціонарныхъ больныхъ произведено 100 операцій, въ томъ числѣ ординаторомъ клиники — 4, и студентами 5-го курса — 3. Амбулаторнымъ сдѣлано 124 операціи, въ томъ числѣ ординаторомъ клиники — 12, студентами 5-го курса — 4 операціи. Сверхъ того, поликлинически произведено 79 операцій. Занятія студентовъ въ теченіе года состояли: а) въ подробномъ изслѣдованіи стаціонарныхъ и амбулаторныхъ больныхъ и въ разборѣ болѣзней сообща съ завѣдывающимъ клиникою; б) въ веденіи исторій болѣзней; в) въ производствѣ операцій на

Библиотека "Руниверс"

живыхъ; г) въ упражненіяхъ производства операцій на фантомѣ, надъ вырѣзанными глазами животныхъ, и д) въ упражненіяхъ въ разнообразныхъ методахъ изслѣдованія и леченія глазъ. Кромѣ того, нѣкоторые изъ студентовъ 5-го курса, внѣ клиническихъ занятій, наблюдали за болѣе серьезными больными и оперированными на дому, поликлинически, подъ руководствомъ завѣдывающаго клиникою, и производили даже значительныя операціи. Клиника акушерская, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней съ оспопрививательнымъ заведеніемъ въ 1873 году просуществовала всего три мѣсяца. Она была закрыта 10-го марта, по случаю прекращенія срока найма занимаемаго ею помѣщенія. Только къ началу декабря оказалось возможнымъ открыть ее въ домѣ, принадлежащемъ городу. Въ короткое существованіе клиники, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ 1873 года, нѣкоторые изъ студентовъ занимались самостоятельными работами. Такъ, Бѣллинъ приготовилъ къ печати статью объ изслѣдованіи гимена; студентъ Смоленскій производилъ измѣреніе живота беременныхъ и объ этомъ предметѣ приготовляетъ статью для напечатанія; стипендіатъ-лекарь Фесенко занимался наблюденіями надъ колебаніями вѣса и температуры новорожденныхъ. Студенты вели исторію родовъ и болѣзней съ достаточною подробностію, добросовѣстно записывая ежедневныя наблюденія и прилагая заключенія о каждомъ случаѣ. Всѣхъ пользовавшихся совѣтами въ клиникѣ акушерской и генекологической въ теченіе трехъ мѣсяцевъ 1873 года было 311. Изъ нихъ больныхъ женскими болѣзнями было: стаціонарныхъ—35, амбулаторныхъ—172, беременныхъ было 28 и амбулаторныхъ дѣтей — 46. Изъ стаціонарныхъ больныхъ женскими болѣзнями умерла одна, шесть оставили клинику безъ перемѣны, остальные или выздоровѣли, или получили облегченіе. Въ повивальномъ клиническомъ институтѣ состояло 87 учениць. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ къ 1-му января 1873 года состояло 1.360 нумеровъ предметовъ. Въ теченіе 1873 года пріобрѣтено 7 нумеровъ, въ томъ числѣ пожертвованная музею Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ большая картина: Видъ города Костромы, писанная масляными красками Н. Чернецовымъ. Сверхъ того, музей въ томъ же году обогатился большимъ художественнымъ собраніемъ, пожертвованнымъ по завѣщанію умершимъ въ Боннѣ въ 1872 году любителемъ искусствъ А. Н. Алферовымъ, бывшимъ студентомъ Харьковскаго университета. Собраніе это, оцѣненное за границею въ 13.000 талеровъ, состоитъ изъ 50 картинъ, писанныхъ масляными красками, 4-хъ папокъ съ 316 акварелями и рисунками

Библиотека "Руниверс"

прошлаго и настоящаго столѣтій, обширнаго собранія (до 800) гравюръ старыхъ и новыхъ и изъ библіотеки, содержащей болѣе 500 названій книгъ, между которыми около 200 принадлежатъ къ сочиненіямъ по искусству и къ художественнымъ изданіямъ. Въ собраніи монетъ и медалей состояло 22.256 экземпляровъ.

— 30-го августа происходилъ въ Варшавскомъ университетѣ торжественный актъ, на которомъ г. ректоръ университета, Н. М. Благовѣщенскій, произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Въ числѣ обычныхъ своихъ почетныхъ гостей, университетъ не видитъ сегодня того, присутствіемъ котораго онъ всегда такъ дорожилъ, не видитъ доблестнаго воина и знаменитаго государственнаго человѣка, имя котораго съ почетомъ перейдетъ на страницы русской исторіи. Покойный намѣстникъ Царства Польскаго, генералъ-фельдмаршалъ графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ глубоко понималъ значеніе Императорскаго Варшавскаго университета и благосклонно относился къ нашей дѣятельности. Благодарная о немъ память навсегда сохранится въ нашей средѣ, и то не простая случайность, что въ рѣчи одного изъ достойныхъ ея представителей объ экономическомъ развитіи Царства Польскаго за послѣднее десятилѣтіе, которая будетъ представлена вашему вниманію вслѣдъ за моимъ словомъ, такъ ярко, хотя нисколько не преднамѣренно, обозначились тѣ благодѣтельные слѣды, которые оставило по себѣ доблестное служеніе покойнаго намѣстника интересамъ Привислянской окраины.

„Императорскій Варшавскій университетъ въ первый разъ имѣетъ честь привѣтствовать сегодня на своемъ обычномъ торжествѣ новаго главнаго начальника здѣшняго края. Всѣмъ намъ хорошо извѣстно, сіятельный графъ, то теплое и просвѣщенное участіе къ дѣлу народнаго образованія, на всѣхъ ступеняхъ его развитія, начиная отъ народной школы до университета, которое вы такъ постоянно и плодотворно заявляли въ только что оставленномъ вами Новороссійскомъ краѣ; всѣмъ намъ памятны тѣ благородныя и душевныя благожеланія, которыми еще такъ недавно напутствовало васъ ученое его сословіе на мѣсто новаго вашего высокаго служенія. Позвольте же мнѣ, ваше сіятельство, отъ имени нашей университетской корпораціи, заявить отрадную для насъ надежду, что тѣ же благоволительныя отношенія вы перенесете и на нашъ университетъ и вашимъ одобрительнымъ сочувствіемъ облегчите намъ нашъ не легкій подвигъ.

„Варшавскій университетъ—могу сказать это съ полною добросовѣстностью—усильно стремится выполнить свою высокую миссію. Для

Библиотека "Руниверс"

этого въ настоящую пору онъ обладаетъ всѣми средствами, дарованными ему Высочайше утвержденнымъ его уставомъ. Къ сожалѣнію, въ подтвержденіе этого заявленія, я не могу, за недостаткомъ времени, остановить ваше вниманіе на всѣхъ подробностяхъ нашей университетской жизни въ минувшемъ академическомъ году. Потому остановлюсь на болѣе выдающихся ея проявленіяхъ.

„Вступая въ 6-й годъ своего существованія, Варшавскій университетъ является въ надлежащей полнотѣ, относительно своего ученаго состава. Въ настоящее время въ немъ почти нѣтъ вакантныхъ каѳедръ. Наша ученая корпорація увеличилась въ минувшемъ году двумя новыми достойными членами: протоіереемъ Дьячаномъ, въ качествѣ исправляющаго должность доцента греческой словесности, и экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ русской исторіи, Никитскимъ. Благодаря щедрости правительства и въ особенности благосклонному участію къ нашимъ научнымъ нуждамъ со стороны его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія, университетъ получилъ въ недавнее время значительный сверхсмѣтный кредитъ на улучшеніе внѣшняго вида и спеціальныхъ потребностей своихъ многочисленныхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій. Многія изъ нихъ, напримѣръ, библіотека, заключающая въ себѣ болѣе 300 тысячъ томовъ, зоологическій музей и нѣкоторыя другія, ни въ какомъ отношеніи не уступаютъ подобнымъ же университетскимъ учрежденіямъ не только въ Имперіи, но и въ остальной Европѣ.

„Собранныя въ означенныхъ коллекціяхъ сокровища не остаются у насъ мертвымъ капиталомъ. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ усиливающаяся въ нашемъ университетѣ учено-литературная дѣятельность его членовъ. Многіе изъ нихъ и въ минувшемъ академическомъ году обогатили науку, въ разныхъ ея отрасляхъ, своими замѣчательными трудами. Здѣсь же я долженъ упомянуть, что съ нѣкотораго времени Варшавскій университетъ началъ принимать живое и дѣятельное участіе въ ученыхъ съѣздахъ, періодически повторяющихся въ разныхъ нашихъ культурныхъ центрахъ. Такъ на недавнемъ съѣздѣ натуралистовъ, происходившемъ въ Казани, Варшавскій университетъ имѣлъ пять изъ своихъ представителей и столько же ихъ было на только что окончившемся археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, а именно: гг. Мѣржинскій, Павинскій, Самоквасовъ, Никитскій и Яковлевъ. Кромѣ того, нѣкоторые изъ нашихъ профессоровъ принимали участіе въ экспедиціяхъ, имѣвшихъ цѣлію научныя изслѣдо-

Библиотека "Руниверс"

ванія здѣшняго края и, наконецъ, нѣкоторые изъ нихъ участвовали въ заграничныхъ ученыхъ съѣздахъ.

„Переходя отъ преподавателей нашего университета къ его слушателямъ, я и на этотъ разъ не безъ понятнаго чувства удовольствія могу сказать, что и въ минувшемъ году со стороны ихъ не было почти ни одного, сколько нибудь рѣзкаго, уклоненія отъ дисциплинарныхъ правилъ, за безуклоннымъ исполненіемъ которыхъ университетская администрація слѣдитъ зорко и тщательно. Къ числу знаменательныхъ и отрадныхъ явленій въ нашемъ учащемся мірѣ принадлежитъ также замѣтно съ нѣкоторыхъ поръ увеличивающееся число чисто русскихъ студентовъ. Въ наступающемъ академическомъ году ихъ, кромѣ уніатовъ, будетъ до 60. Многіе изъ нихъ явились сюда изъ внутреннихъ и отдаленныхъ губерній Имперіи. Есть поводъ думать, что этотъ притокъ русскаго элемента въ Варшавскій университетъ со временемъ увеличится еще болѣе. Мы счастливы тѣмъ, что можемъ служить не только здѣшнимъ мѣстнымъ педагогическимъ потребностямъ, но и общему нашему отечеству, которое, при быстромъ развитіи просвѣщенія во всѣхъ составныхъ частяхъ Имперіи, все болѣе и болѣе нуждается въ университетской наукѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ новыхъ образовательныхъ центрахъ. Въ настоящее время Варшава представляетъ хорошую научную и воспитательную почву для всѣхъ мѣстностей нашего обширнаго отечества. Служеніе Варшавскаго университета общерусскому дѣлу въ истекшемъ году выразилось и тѣмъ, что два Казанскіе кандидата, гг. Смирновъ и Зеленогорскій, выдержали здѣсь испытаніе и защитили диссертаціи на степень магистра философіи.

„Испытанія которыми заключился нашъ академическій годъ, снова подтвердили уже прежде замѣченное мною отрадное явленіе, а именно то, что удовлетворительные отвѣты нашихъ студентовъ находятся въ тѣсной связи съ усерднымъ посѣщеніемъ ими лекцій. Главная характеристическая черта этихъ отвѣтовъ состоитъ въ ихъ ровности, которая, очевидно, является не дѣломъ простаго случая, а результатомъ постояннаго и добросовѣстнаго труда въ теченіе всего учебнаго времени. При этомъ нельзя также было не обратить вниманія на замѣтные успѣхи нашихъ студентовъ какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ знаніи русскаго языка. Многихъ изъ нихъ очень трудно отличить въ этомъ отношеніи отъ лицъ чисто русскаго происхожденія.

„Для того, чтобы поддержать и надлежащимъ образомъ направить

Библиотека "Руниверс"

это рвеніе къ наукѣ въ средѣ нашего университетскаго юношества, начальствомъ университета и его совѣтомъ принято было, съ разрѣшенія г. попечителя, въ истекшемъ году нѣсколько мѣръ, изъ которыхъ прежде всего слѣдуетъ упомянуть о студентской читальнѣ. На первоначальное ея устройство г. министру народнаго просвѣщенія угодно было разрѣшить 3.000 рублей изъ нашихъ спеціальныхъ суммъ. Помѣщеніе для читальни отведено въ нижнемъ этажѣ нашего библіотечнаго зданія и отличается просторомъ и удобствомъ. Въ читальню проведенъ газъ, такъ какъ она открыта не только въ утренніе часы, но и по вечерамъ, три раза въ недѣлю. На столахъ и въ особыхъ помѣщеніяхъ, рядомъ съ нѣкоторыми періодическими изданіями, выложены лексиконы, атласы и разныя справочныя книги по всѣмъ читаемымъ въ университетѣ наукамъ. Кромѣ того, студенты имѣютъ право пользоваться книгами изъ нашей богатой фундаментальной библіотеки, и при томъ не только въ ея помѣщеніи, но и дома. Нѣтъ, однако, сомнѣнія въ томъ, что тѣ изъ нихъ, а такихъ очень много, которые въ своей домашней обстановкѣ не находятъ надлежащаго комфорта для занятій, предпочтутъ работать въ читальнѣ. Здѣсь они не только могутъ съ большимъ удобствомъ готовиться къ лекціямъ и экзаменамъ, но и заниматься подготовленіемъ письменныхъ работъ на избранныя ими, или предлагаемыя факультетами, темы. Для того, чтобы, по возможности, удовлетворить вполнѣ сознаваемой здѣшнимъ мѣстнымъ юношествомъ необходимости ближайшаго ознакомленія съ разными сторонами русской жизни, составляющаго одну изъ главныхъ цѣлей нашего университета. въ читальнѣ уже теперь собрана очень замѣчательная коллекція русскихъ книгъ, оригинальныхъ и переводныхъ, какъ научнаго, такъ и беллетристическаго содержанія.

„Съ этою же цѣлію въ смежныхъ съ читальнею залахъ отведено въ минувшемъ году помѣщеніе для принадлежащаго доценту Іезберѣ русскаго этнографическаго музея, который заключаетъ въ себѣ до 20 тысячъ разнообразнѣйшихъ предметовъ. Почтенный владѣлецъ этой коллекціи употребилъ на составленіе ея много времени и труда. Многіе изъ выставленныхъ предметовъ онъ получилъ въ даръ отъ лицъ, сочувственно отнесшихся къ его предпріятію. Нельзя, конечно, сказать, чтобы русская техническая культура выказывалась въ этомъ музеѣ съ блестящей своей стороны. Для этого доцентъ Іезбера не имѣлъ достаточно денежныхъ средствъ, но и теперь его коллекція представляетъ не малый этнографическій интересъ. Весьма желательно, чтобы подобная же коллекція составилась изъ предметовъ, облегчаю-

Библиотека "Руниверс"

щихъ изученіе этнографическихъ особенностей здѣшняго края. Университетъ, разумѣется, гостепріимно открылъ бы свои двери и для этого собранія.

„Возвращаясь къ нашимъ студентамъ, замѣчу еще, что, въ видахъ усиленія ихъ учебной дѣятельности, совѣтъ опредѣлилъ въ минувшемъ году увеличить число ежегодныхъ темъ на медальныя диссертаціи. Для предоставленія же студентамъ возможности къ болѣе тщательной обработкѣ сочиненій на заданныя темы, совѣтъ нашелъ необходимымъ установить правиломъ, что если на какую-нибудь изъ заданныхъ темъ не будетъ вовсе представлено диссертацій, или если онѣ окажутся неудовлетворительными, то тема должна оставаться открытою и на слѣдующій годъ

„Матеріальное положеніе нашихъ студентовъ, число которыхъ въ послѣднюю пору, вслѣдствіе нѣкоторыхъ случайныхъ и временныхъ условій, нѣсколько уменьшилось, также постоянно составляло предметъ особенной заботливости университетской администраціи. Мѣрами къ облегченію ихъ нерѣдко бѣдственнаго положенія по прежнему служили: 1) стипендіи, 2) освобожденіе отъ платы за слушаніе лекцій, въ количествѣ, согласно уставу университета, 10% со всего числа учащихся, и 3) единовременныя пособія.

„Изъ числа имѣющихся въ распоряженіи нашего университета стипендій, 22 выдаются студентамъ изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія, 25 изъ спеціальныхъ средствъ университета, а всѣ остальныя—изъ частныхъ пожертвованій. Общая сумма стипендіальныхъ пособій составляетъ 20.760 руб. 97 коп. Въ минувшемъ году число университетскихъ стипендій увеличилось тѣми, которыя должны вновь образоваться изъ процентовъ съ капиталовъ, пожертвованныхъ съ этою цѣлію покойнымъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Воловскимъ, деканомъ бывшей Варшавской Главной Школы, и покойнымъ же Францемъ Корвиномъ-Шимановскимъ,—первымъ въ количествѣ 3.000, а вторымъ—6.000 рублей.

„Опытъ достаточно и окончательно убѣдилъ насъ въ томъ, что третій изъ названныхъ источниковъ вспоможенія нашимъ студентамъ, значительное большинство которыхъ состоитъ изъ людей крайне бѣдныхъ, имѣетъ особенное и весьма благотворное значеніе. Дѣйствительно, не рѣдко ничтожное временное пособіе выводитъ молодаго человѣка изъ безвыходнаго положенія, а иногда имѣетъ рѣшительное вліяніе на всю остальную его жизнь. Сознавая это, университетъ, со времени своего открытія, ежегодно назначаетъ изъ своихъ спеціаль-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ суммъ по 1.000 руб. для единовременныхъ пособій наиболѣе нуждающимся студентамъ. Сумма эта, однако, далеко недостаточна для ихъ обезпеченія. Это обстоятельство вызвало необходимость частной благотворительности, которая—я говорю это съ понятнымъ чувствомъ благодарности—постоянно является на помощь университету. Съ публичныхъ лекцій, концертовъ, баловъ и т. д., ежегодно образуется довольно значительная сумма. Въ прошломъ году такихъ пожертвованій поступило до 5.000 руб., чему наиболѣе содѣйствовали гг. Равичъ, Потканскій, Мюнгеймеръ и Аполлинарій Коптскій.

„Для правильнаго распредѣленія временныхъ пособій между бѣдными студентами, при университетѣ учрежденъ, подъ предсѣдательствомъ ректора, особый комитетъ, членами котораго состоятъ инспекторъ и 4 профессора, по одному отъ каждаго факультета, а именно профессоры: Александровичъ, Тырховскій, Струве и Кашница. Мы увѣрены въ томъ, что эти, пользующіяся въ здѣшнемъ обществѣ полнымъ уваженіемъ и довѣріемъ, имена могутъ служить для всякаго жертвователя достаточнымъ ручательствомъ въ томъ, что временныя пособія въ пользу бѣдныхъ студентовъ распредѣляются между ними вполнѣ добросовѣстно и нелицепріятно. Уже одной этой причины достаточно для того, чтобы университетъ, съ своей стороны, не видѣлъ необходимости въ учрежденіи внѣ его особыхъ благотворительныхъ комитетовъ.

„Г. попечитель Варшавскаго учебнаго округа изъ находящихся въ его распоряженіи суммъ распредѣлилъ между 13 студентами, по 25 руб. на каждаго, всего 325 руб.

„Долгомъ считаю упомянуть также о томъ, что здѣшній банкиръ г. Лессеръ Леви предложилъ мнѣ обращать къ нему нашихъ бѣдныхъ студентовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, по моей рекомендаціи, уже воспользовались его помощію.

„Всѣ означенныя пособія и пожертвованія, къ сожалѣнію, далеко недостаточны для обезпеченія всей массы нашей неимущей молодежи. Для облегченія ея, университетская администрація въ минувшемъ году, съ разрѣшенія г. попечителя, который постоянно съ полнымъ сочувствіемъ относится ко всѣмъ нашимъ полезнымъ для университета начинаніямъ, и на основаніи устава, приняла еще одну мѣру, успѣвшую уже оказать хорошія послѣдствія. Я разумѣю отсрочку платы за слушаніе лекцій. До послѣдняго времени, по принятому въ Варшавскомъ университетѣ правилу, означенный 50-рублевый взносъ производился студентами два раза въ годъ, а именно 1-го сентября

Библиотека "Руниверс"

и 1-го января. Эти сроки, однако, никогда не считались окончательными и обыкновенно отдалялись на нѣкоторое время, такъ какъ постоянно оказывалось, что цѣлыя сотни студентовъ не въ состояніи были своевременно удовлетворить означенному требованію. Всѣ такіе студенты лишались права посѣщать лекціи или навсегда, или до времени взноса ими упомянутой платы. Какъ лицо, обязанное слѣдить за правильностію и успѣшностію университетскаго преподаванія, я не могъ не обратить вниманія на такой искусственный перерывъ въ занятіяхъ студентовъ. Не посѣщая лекцій въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, молодой человѣкъ, очевидно, теряетъ нить преподаванія, которое вообще при означенномъ условіи не можетъ быть успѣшнымъ и правильнымъ. Я очень счастливъ тѣмъ, что въ настоящее время эти крайне стѣснительныя для нашихъ неимущихъ студентовъ условія болѣе не существуютъ. Окончательный взносъ платы за слушаніе лекцій производился ими въ минувшемъ году въ самомъ концѣ академическихъ семестровъ. Эта мѣра оказалась благотворною не только въ педагогическомъ и нравственномъ, но и въ финансовомъ отношеніи, такъ какъ дала молодымъ людямъ болѣе возможности къ удовлетворенію означеннаго требованія. Тѣмъ не менѣе и въ прошломъ году за неисполненіе его пришлось, къ сожалѣнію, удалить изъ университета нѣсколько человѣкъ. Впрочемъ, едва ли не большею частію это были такіе молодые люди, которые не чувствовали себя способными продолжать университетскій курсъ.

„Представляя этотъ далеко не полный перечень наиболѣе знаменательныхъ событій и явленій въ нашей университетской жизни за послѣднее время, я тѣмъ не менѣе позволяю себѣ надѣяться, что и онъ довольно ясно указываетъ на посильное стремленіе Императорскаго Варшавскаго университета исполнить свое назначеніе и возможно твердо идти по пути, указанному ему Вѣнценоснымъ его Основателемъ".

ГИМНАЗІИ.

О состояніи Николаевской Царскосельской гимназіи въ 18[73]/74 учебномъ году.

Николаевская Царскосельская гимназія, открытая въ 1870 году въ составѣ трехъ нормальныхъ классовъ съ приготовительнымъ, состоитъ нынѣ изъ семи классовъ нормальныхъ и приготовительнаго; ученики послѣдняго, по степени развитія, раздѣлены для занятій на

Библиотека "Руниверс"

два отдѣленія. Къ 1-му сентября 1874 году учащихъ было 15, учащихся— 172, въ томъ числѣ вновь поступившихъ—35. Пріемъ въ наступившемъ учебномъ году открытъ былъ во всѣ классы гимназіи. Изъ 43 молодыхъ людей, заявившихъ желаніе поступить въ гимназію, приняты 31 по испытанію и 4 безъ испытанія, по свидѣтельствамъ другихъ гимназій. Затѣмъ одинъ не явился на испытаніе и семи отказано по недостаточной подготовкѣ. Учащіеся распредѣляются слѣдующимъ образомъ, по вѣроисповѣданіямъ: православнаго — 138, лютеранскаго—18, католическаго—8, еврейскаго — 8; по сословіямъ: дворянъ и чиновниковъ—88, духовнаго званія—12, городскихъ сословій—55, сельскаго состоянія—7, иностранцевъ—10; по классамъ: въ приготовительномъ—39, въ I-мъ—43, во II-мъ—25, въ III-мъ—25, въ IV-мъ—16, въ V-мъ—13, въ VI-мъ—7, въ VII-мъ—4. Изъ общаго числа учившихся въ минувшемъ учебномъ году освобождены были отъ платы за ученіе 12; получали стипендіи: двое—на счетъ процентовъ съ пожертвованныхъ частными лицами капиталовъ, и одинъ—отъ педагогическаго совѣта гимназіи, въ видѣ помѣсячнаго пособія, по добровольной подпискѣ преподавателей. Съ наступившаго учебнаго года учреждаются еще двѣ стипендіи: одна — министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстаго, другая — члена государственнаго совѣта, статсъ-секретаря И. Д. Делянова, обѣ на счетъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Губкинымъ.

Ученіе въ минувшемъ учебномъ году началось съ 20-го августа и продолжалось по 10-е іюня. Учебныхъ дней было 206. Уроковъ дано: въ приготовительномъ классѣ: предметныхъ — 529, чистописанія—82; въ четырехъ низшихъ: предметныхъ—3.456, чистописанія—171, черченія и рисованія — 196; въ V-мъ и VI-мъ: предметныхъ—1.884, черченія и рисованія—69. Пропущенныхъ учениками уроковъ было: въ приготовительномъ классѣ—9,91, въ низшихъ четырехъ—1,66, въ V-мъ и VI-мъ классахъ — 5,53 на каждаго ученика изъ 100 данныхъ уроковъ; изъ этого числа 20,22 не имѣли оправданія. Число пропущенныхъ преподавателями уроковъ составляетъ 2,46 на 100 данныхъ уроковъ. По числу случаевъ, записанныхъ преподавателями въ видѣ жалобъ на невнимательность учениковъ въ классахъ, приходится, по разверстапія всѣхъ записей на общее число учащихся и таковое же число данныхъ уроковъ, по 0,03 случая на каждаго ученика въ 100 уроковъ; случаевъ неприготовленія уроковъ, при тѣхъ же условіяхъ, оказалось 0,004. Замѣчено, что кромѣ разсѣянности и не-

Библиотека "Руниверс"

внимательности во время классныхъ занятій, одною изъ существенныхъ помѣхъ къ исправному выполненію задаваемыхъ на домъ уроковъ служитъ превратное пониманіе учащимися метода ученія. Учащіеся пренебрегаютъ мнемоническимъ элементомъ ученія, называя такое ученіе зубреніемъ и не разграничивая въ семъ случаѣ механическаго затверживанія урока отъ раціональнаго воспринятія его памятью, обогащающаго умъ и усвоивающаго твердое значеніе въ готовой формѣ. Результатъ ученія за минувшій учебный годъ выразился въ слѣдующихъ данныхъ: а) успѣвшихъ по отдѣльнымъ предметамъ своего класса по среднему выводу изъ четырехъ срочныхъ вѣдомостей за годъ: въ приготовительномъ классѣ: по закону Божію — 84,61%, по русскому языку—76,92%, по математикѣ—79,48%, по чистописанію—50%; въ низшихъ четырехъ классахъ: по закону Божію—97,54%, по русскому языку съ церковно-славянскимъ—62,04%, по латинскому языку — 55,45%, по греческому языку—63,15%, по математикѣ—67,66%, по исторіи—73,68%, по географіи—67,27%, по нѣмецкому языку—86,51%, по французскому—85,48%, по чистописанію—83,33%; въ V-мъ и VI-мъ классахъ: по Закону Божію—100%, по русской словесности съ элементарною логикою—94,73%, по латинскому языку—73,68%, по греческому—73,68%, по математикѣ—92,10%, по физикѣ—100%, по исторіи—78,94%, по нѣмецкому и французскому языкамъ—100%; б) успѣвшихъ по всѣмъ научнымъ предметамъ своего класса и оправдавшихъ свои успѣхи на испытаніяхъ и потому переведенныхъ въ слѣдующіе классы: въ приготовительномъ классѣ — 61,59%, въ низшихъ четырехъ классахъ—49,47%, въ V-мъ и VI-мъ классахъ—55,55% всего числа учившихся въ означенныхъ классахъ; в) не успѣвшихъ въ первый годъ пребыванія въ классѣ и потому оставленныхъ въ томъ же классѣ на второй годъ—37,25%; г) неуспѣвшихъ въ продолженіе двухлѣтняго пребыванія въ одномъ и томъ же классѣ, а потому, на основаніи устава, выбывшихъ изъ гимназіи — 7,22%; д) удостоенныхъ наградъ (изъ общаго числа переведенныхъ въ слѣдующіе классы, не включая приготовительнаго): 1-й степени, то-есть, похвальнаго листа и подарка—1,53%; 2-й степени, то-есть, похвальнаго листа—10,76%, и 3-й степени, то-есть, похвальнаго отзыва—9,23%.

Переводныя испытанія произведены были съ 22-го мая по 12-е іюня. Къ испытаніямъ не явились 8 учениковъ; изъ нихъ двумъ разрѣшено дополнительное испытаніе послѣ вакаціи, а шесть оставлены въ тѣхъ же классахъ. Сверхъ того, назначено было дополнительное

Библиотека "Руниверс"

испытаніе послѣ вакаціи одному изъ учениковъ IV-го класса, который, явившись въ назначенный для испытанія изъ этого предмета день, не могъ держать онаго по причинѣ болѣзни. Темы и задачи для письменныхъ испытаній во всѣхъ классахъ избраны были такъ, что предметъ ихъ и рѣшеніе доступны были среднимъ силамъ класса, а для устныхъ испытаній въ IV-мъ и VI-мъ классахъ составлены были особыя испытательныя программы, въ которыя внесено было только существенное изъ пройденнаго по предметамъ испытанія.

На вакаціонное время назначены были ученикамъ каждаго класса письменныя и устныя работы и задачи. Тѣ и другія взяты были изъ пройденныхъ курсовъ по закону Божію (только устныя), по русскому языку и словесности, древнимъ языкамъ и математикѣ (только письменныя). Задачи были даны какъ переведеннымъ въ слѣдующіе классы, такъ и оставленнымъ въ тѣхъ же классахъ, и при этомъ каждая категорія учениковъ (переведенные и оставленные) раздѣлена была въ каждомъ классѣ по каждому изъ названныхъ предметовъ на группы, по соображенію успѣховъ, степени развитія учениковъ, мѣрѣ прилежанія ихъ и другимъ соображеніямъ. Каждой группѣ предложена особая задача и работа. Вакаціонныя работы поданы были 47% учащихся; не поданы по уважительнымъ причинамъ—27%, по неуважительнымъ причинамъ—26% учениковъ. Изъ поданныхъ исполнены удовлетворительно—58%, неудовлетворительно—42%. Существенный недостатокъ почти всѣхъ неудовлетворительныхъ упражненій состоялъ въ отсутствіи самостоятельной работы,—упражненія списывались учениками другъ у друга, и больше у хорошихъ учениковъ. Это обстоятельство и было причиною, почему въ минувшемъ учебномъ году ученики каждаго класса раздѣлены были на группы и каждой группѣ дана особая задача или работа.

Педагогическій совѣтъ гимназіи имѣлъ въ минувшемъ учебномъ году 32 засѣданія, изъ коихъ 20 посвящены были обсужденіямъ вопросовъ учебной и воспитательной части, остальныя 12 заняты были производствомъ испытаній на разныя учительскія званія и на первый классный чинъ.

Учебно-вспомогательныя учебныя учрежденія гимназіи къ началу $18^{74}/_{75}$ учебнаго года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ основной библіотекѣ имѣлось книгъ 556 названій въ 1.012 томахъ, въ ученической библіотекѣ—262 названія въ 405 томахъ; въ физическомъ кабинетѣ—118 нумеровъ; въ кабинетѣ естественныхъ наукъ—220 коллекцій и отдѣльныхъ предметовъ; пособій по исторіи, географіи,

Библиотека "Руниверс"

черченію, рисованію и пѣнію — 590; гимнастическихъ снарядовъ и принадлежностей—29. Стоимость всѣхъ исчисленныхъ пособій, по инвентарнымъ цѣнамъ, составляетъ до $5^1/_2$ тысячъ рублей. Изъ сдѣланныхъ въ $18^{73}/_{74}$ учебномъ году въ пользу гимназіи пожертвованій заслуживаютъ особеннаго вниманія: 8 тысячъ рублей, пожертвованные потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ А. С. Губкинымъ; 1.000 р., ассигнованные Царскосельскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, и приношенія въ пользу гимназической библіотеки, сдѣланныя Академіею Наукъ, Царскосельскою обывательницею Н. С. Добротиной, директоромъ гимназіи И. П. Пискаревымъ и графинею И. И. Голицыною, урожденною графинею де-Моранжіе. Августѣйшій покровитель гимназіи, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ соизволилъ прислать въ даръ гимназіи коллекцію препаратовъ, спиртныхъ и сушеныхъ, представляющую исторію развитія шелковичнаго червя, выведеннаго въ С.-Петербургѣ въ 1873 году при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ обществѣ.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

— Недавно происходилъ актъ въ женской учительской семинаріи, учрежденной въ Москвѣ г-жею Чепелевскою при Братствѣ св. Маріи. Поводомъ къ нему послужилъ второй выпускъ воспитанницъ, окончившихъ полный курсъ обученія въ означенной школѣ. Заимствуемъ изъ *Московскихъ Вѣдомостей* подробныя свѣдѣнія объ этомъ скромномъ, но знаменательномъ по своему нравственному значенію, торжествѣ.

Актъ открылся чтеніемъ краткаго отчета объ основаніи и дѣятельности семинаріи.

Женская учительская семинарія получила начало восемь лѣтъ тому назадъ. Въ то время вопросъ о приготовленіи учительницъ только еще возникалъ въ обществѣ и не встрѣчалъ въ немъ особаго сочувствія. Учрежденію семинаріи предшествовало основаніе четырехкласснаго женскаго училища съ педагогическими курсами. Училище это имѣло значеніе подготовительной для курсовъ школы; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оно сосредоточивало свою дѣятельность на правильной постановкѣ учебнаго курса въ объемѣ курса женской прогимназіи, и успѣло обратить на себя вниманіе какъ учебнаго начальства, такъ наконецъ и общества.

Въ маѣ 1870 года открыты были женскіе педагогическіе курсы

Библиотека "Руниверс"

на положеніи учительской семинаріи. Въ 1873 году учрежденіе вполнѣ преобразовано въ семинарію при Братствѣ св. Маріи, получивъ при этомъ особый уставъ и права.

По мѣрѣ своего развитія, учрежденіе это пріобрѣтало все большее и большее сочувствіе общества своимъ задачамъ, и дѣятельностью своею обратило на себя особое вниманіе Московскаго духовенства и земства. Московскій архипастырь, высокопреосвященный Иннокентій, удостоилъ своимъ присутствіемъ и благословеніемъ открытіе педагогическихъ курсовъ для приготовленія народныхъ учительницъ (1870 года, 14-го сентября).

Духовенство, какъ Московское, такъ въ особенности уѣздное и сельское, озабоченное устройствомъ своихъ взрослыхъ дочерей, отнеслось съ большимъ сочувствіемъ къ учрежденію, впервые открывавшему двери для образованія взрослыхъ дѣвицъ и приготовленія ихъ къ педагогической дѣятельности и, съ цѣлію обезпеченія стипендіями поступающихъ въ семинарію дочерей лицъ духовнаго званія, учредило Братство св. Маріи. Братство это, кромѣ заботы объ учрежденіи стипендій, приняло на себя также устройство четырехклассныхъ женскихъ училищъ въ селахъ, для образованія малолѣтнихъ дочерей священно- и церковно-служителей. Московское земство, желая воспользоваться педагогическими курсами для приготовленія учительницъ въ земскія школы, назначило 30 стипендій и предоставило воспитанницамъ семинаріи право на занятіе учительскихъ мѣстъ въ начальныхъ школахъ и женскихъ училищахъ Московской губерніи,—право, принадлежавшее до сего времени исключительно учителямъ.

Результаты перваго опыта приготовленія учительницъ оказались удовлетворительными: вопреки тѣмъ неблагопріятнымъ условіямъ, съ которыми новое учрежденіе встрѣтилось въ началѣ своей дѣятельности, какъ напримѣръ, слабая подготовка поступающихъ воспитанницъ, большею частію, кромѣ усердія и желанія учиться, не приносящихъ въ заведеніе почти никакихъ познаній, оно поставило учебную часть такъ, что, не смотря на краткость времени (двухгодичный курсъ), успѣло доставить воспитанницамъ свѣдѣнія, необходимыя для правильнаго веденія педагогическаго дѣла. Доказательствомъ этого могутъ служить, вопервыхъ, выпускные экзамены, а вовторыхъ, одобрительные отзывы о практическихъ занятіяхъ учительницъ, послѣдовавшіе какъ отъ учебнаго начальства и училищныхъ совѣтовъ, такъ и отъ земства. Учительская семинарія дѣятельностью своею обратила на себя вниманіе и другихъ земствъ. Воспитанницы семинаріи были пригла-

Библиотека "Руниверс"

шаемы на мѣста учительницъ со стороны земствъ губерній: Курской, Смоленской, Калужской, Тульской, Пермской и др.; сверхъ того, нѣкоторыя земства заявили желаніе имѣть въ женской семинаріи своихъ стипендіатокъ и назначили для нихъ стипендіи.

Во избѣжаніе исключительныхъ мѣръ, какія семинарія вынуждена была принимать для успѣшнаго выполненія своей задачи, при двухгодичномъ курсѣ ученія, признано было необходимымъ образовать въ семинаріи два класса—младшій теоретическій и старшій теоретико-практическій. Такимъ образомъ, полный курсъ семинарскаго образованія опредѣлился въ четыре года, по два года въ каждомъ классѣ. Благодаря этому, явилась возможность отказаться отъ исключительныхъ мѣръ, тормозившихъ до тѣхъ поръ дѣятельность семинаріи. Слабая подготовка и недостатокъ развитія поступавшихъ воспитанницъ при двухгодичномъ курсѣ вызывали необходимость: а) назначать огромное число уроковъ по главнымъ предметамъ (по ариѳметикѣ и русскому языку восемь уроковъ еженедѣльно по тому и другому предмету); б) начинать практическія занятія позднѣе, чѣмъ бы слѣдовало; в) увольнять тѣхъ воспитанницъ, которыя не могли слѣдовать за курсомъ. (Открытіе младшаго класса представляетъ ту выгоду, что воспитанницы, не успѣвающія въ старшемъ классѣ, могутъ быть не увольняемы, а переводимы въ младшій классъ для необходимой подготовки). Предметы обученія въ семинаріи слѣдующіе: законъ Божій, русскій языкъ, математика, исторія, географія, естественная исторія, школовѣдѣніе, скорописаніе, гимнастика и пѣніе. Кромѣ того, воспитанницы знакомились съ правильнымъ веденіемъ обученія въ народной школѣ; онѣ давали пробные уроки по обученію грамотѣ по звуковому способу, по наглядному обученію, объяснительному чтенію, орѳографическимъ и граматическимъ упражненіямъ, ариѳметикѣ, отечествовѣдѣнію, скорописанію, пѣнію и т. д.

Для всѣхъ воспитанницъ втораго выпуска устроенъ былъ при семинаріи интернатъ, при чемъ на нихъ возлагались различныя дежурства: по классамъ, образцовой школѣ, домашнему хозяйству и проч., что̀ служило несомнѣнно хорошею подготовкой для нихъ къ самостоятельному завѣдыванію школами, развивало привычку къ порядку и правильному распредѣленію своихъ занятій и времени. Кромѣ того, интернатъ способствовалъ сближенію воспитанницъ съ учрежденіемъ и ознакомленію завѣдующихъ семинаріей съ характеромъ и наклонностями каждой воспитанницы.

Въ началѣ учебнаго курса 1872 года поступили въ старшій классъ

Библиотека "Руниверс"

32 воспитанницы, изъ которыхъ одна своекоштною, одна стипендіаткою его высокопреосвященства митрополита Московскаго, остальныя стипендіатками Московскаго земства. Выбыли среди курса: по болѣзни четыре, въ младшій классъ, вслѣдствіе слабой подготовки, переведены были три, уволены за неспособностію двѣ, исключены двѣ, оставлена на второй курсъ одна. Окончили съ отличными успѣхами семь, съ хорошими—одиннадцать, съ удовлетворительными—двѣ, всего двадцать воспитанницъ. Въ младшій классъ приняты въ 1872 году стипендіатками Братства св. Маріи пятнадцать, благотворителей—двѣ, учредительницы—четыре, своекоштными—пять, всего—26. Изъ нихъ переведены по экзамену въ августѣ 1874 года на стипендіи имени Ея Величества Государыни Императрицы—три, земства—шестнадцать воспитанницъ, своекоштныхъ—двѣ. Приняты по экзамену въ старшій классъ вновь своекоштными двѣ, стипендіатками земства—четырнадцать, Благотворительнаго общества—одна. Всего состоитъ въ старшемъ классѣ 38 воспитанницъ. Въ младшій классъ въ августѣ 1874 г. принято: своекоштныхъ, на полномъ содержаніи, двѣ, приходящихъ—девять, стипендіатками Ея Величества—три, братства св. Маріи—девять, его высокопреосвященства митрополита Московскаго—одна, учредительницы—три, всего—28. Итого къ началу учебнаго 1874—1875 года состоитъ въ семинаріи 67 воспитанницъ, изъ коихъ шестнадцать приходящихъ и 42 на полномъ содержаніи. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что число лицъ, заявившихъ желаніе поступить въ семинарію, значительно превышало число имѣющихся стипендій, и бо̀льшая часть изъ нихъ могли поступить по экзамену въ младшій классъ. Изъ означенныхъ цифръ видно, что половина воспитанницъ, поступившихъ въ старшій классъ, переведены изъ младшаго, гдѣ онѣ уже получили достаточную для успѣшныхъ занятій подготовку. Необходимость младшаго класса подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ даетъ лучшій контингентъ воспитанницъ для старшаго класса. Въ женской учительской семинаріи состоитъ: преподавателей пять, учительницъ семь, рукодѣльная дама одна, завѣдывающая хозяйствомъ одна. Строго держась вышеприведенной учебной программы, семинарія, однакожь, полагаетъ въ будущемъ не ограничиваться ею, а ввести нѣкоторыя дополнительныя занятія, необходимыя для учительницъ народныхъ школъ, какъ-то: по техническому рисованію, по нѣкоторымъ мастерствамъ и сельскому хозяйству. Для этой цѣли устраиваются при семинаріи особые дополнительные курсы

Библиотека "Руниверс"

и сельско-хозяйственная ферма, гдѣ воспитанницы будутъ проводить лѣтнее время.

Таковы въ общихъ чертахъ данныя, сообщаемыя отчетомъ. „Въ этотъ знаменательный для учрежденія день", заключаетъ отчетъ, „нельзя не привести на память того высокаго вниманія, котораго удостоена семинарія отъ Августѣйшей Покровительницы женскаго образованія, Государыни Императрицы. Ея Величеству благоугодно было лично отъ учредительницы освѣдомиться объ устройствѣ семинаріи и веденіи въ ней учебно-воспитательной части и выразить по этому поводу Свое удовольствіе и одобреніе. Ея Высочество Герцогиня Эдинбургская, по желанію Государыни Императрицы, не смотря на краткость пребыванія въ Москвѣ, осчастливила семинарію Своимъ посѣщеніемъ, познакомившись съ учрежденіемъ, выразила Свое полное ему сочувствіе, и въ память Своего посѣщенія пожаловала семинаріи Свой портретъ.

Въ послѣдній проѣздъ чрезъ Москву, Ея Величество Государыня Императрица, освѣдомившись о предстоящемъ второмъ выпускѣ воспитанницъ, вновь удостоила семинарію Своего благосклоннаго вниманія и изволила поручить почетному попечителю семинаріи, московскому губернскому предводителю дворянства, князю А. В. Мещерскому, передать П. И. Чепелевской, какъ учредительницѣ семинаріи и предсѣдательницѣ совѣта, благодарность Ея Величества за приготовленіе учительницъ и за ея полезные и неусыпные труды по народному образованію.

Министерство народнаго просвѣщенія, съ своей стороны, оказало весьма важное содѣйствіе семинаріи предоставленіемъ ей права выдавать дипломъ на званіе учительницъ сельскихъ и начальныхъ школъ и трехклассныхъ женскихъ училищъ.

Вслѣдъ за отчетомъ былъ прочитанъ списокъ окончившихъ курсъ воспитанницъ, съ означеніемъ ихъ успѣховъ и назначенныхъ имъ мѣстъ. Изъ этихъ свѣдѣній оказывается, что шесть воспитанницъ поступаютъ въ городскія и сельскія училища Московской губерніи, съ жалованьемъ 300 руб. въ годъ, остальныя четырнадцать съ жалованьемъ отъ 175 до 250 руб. въ годъ.

Изъ числа означенныхъ воспитанницъ четыре поступили въ училища благотворительныхъ обществъ, двѣ въ пріютъ и сельскую школу Можайскаго общества, состоящаго подъ покровительствомъ Государыни Цесаревны, и двѣ въ четырехклассное Ризположенское училище, учрежденное Братствомъ св. равноапостольной Маріи, въ на-

Библиотека "Руниверс"

мять бракосочетанія Великой Княгини Маріи Александровны, Герцогини Эдинбургской.

Во время чтенія означеннаго списка воспитанницъ, выданы были имъ помощникомъ попечителя учебнаго округа С. С. Ивановымъ, аттестаты на званіе учительницъ, а затѣмъ почетный попечитель семинаріи, князь А. В. Мещерскій, напутствовалъ воспитанницъ слѣдующею рѣчью:

„Будучи попечителемъ народныхъ школъ, согласно волѣ Государя Императора, на основаніи новаго положенія, и однимъ изъ учредителей нашего Братства св. равноапостольной Маріи, я считаю своею обязанностію сказать вамъ нѣсколько напутственныхъ словъ.

„Привѣтствую васъ съ окончаніемъ вашего курса въ учительской семинаріи, къ которой вы должны сохранить навсегда благодарное чувство глубокой привязанности.

„Дай Богъ, чтобы вы нашли на избранномъ вами поприщѣ какъ нравственное удовлетвореніе добросовѣстно исполненнаго вами долга, такъ и матеріальное обезпеченіе вашей жизни.

„Вы призваны быть работницами въ великомъ дѣлѣ народнаго образованія: ведите дѣло такъ, чтобъ образованіе не посѣяло въ умахъ народа какихъ-нибудь вредныхъ началъ, всегда такъ скоро созрѣвающихъ и приводящихъ такъ неожиданно къ весьма прискорбнымъ послѣдствіямъ. Съ этою цѣлью пользуйтесь всѣми представляющимися вамъ случаями, даже до мельчайшихъ подробностей, чтобы насадить, укрѣпить и развивать въ дѣтяхъ религіозно-нравственное чувство. Да, вы призваны къ великому дѣлу! Но да не возгордитесь, но будьте кротки и смиренны сердцемъ.

„Знайте, что посвящая себя дѣлу школьнаго преподаванія, вы тѣмъ самымъ взяли на себя обязанность предъ обществомъ строго исполнить вашу задачу и что общество за вами зорко будетъ слѣдить.

„Знаете ли вы, дѣвицы, что, вступая на это поприще, вы въ то же время дали важный обѣтъ? Не вынужденный обѣтъ—обѣтъ свободный. Обѣтъ не только сохранить себя въ чистотѣ и благочестіи, но обѣтъ кротости, смиренія, лишеній всякаго рода, обѣтъ терпѣнія и безпредѣльной любви христіанской!

„Вотъ, дѣвицы, мое вамъ напутственное слово и сердечное пожеланіе. Дай Богъ вамъ этотъ обѣтъ исполнить свято и безупречно".

На это привѣтствіе князя А. В. Мещерскаго одна изъ выпускныхъ воспитанницъ семинаріи выразила отъ имени своихъ подругъ

Библиотека "Руниверс"

благодарность и увѣренность, что онѣ удостоены будутъ того же благосклоннаго вниманія и довѣрія на своемъ новомъ поприщѣ, какое встрѣтили воспитанницы перваго выпуска, и съ своей стороны сдѣлаютъ все возможное, чтобы заслужить это.

Въ отвѣтъ на это князь А. В. Мещерскій сказалъ:

„Будьте увѣрены, что вы можете ожидать отъ всѣхъ насъ нравственную поддержку и всегда разчитывать на наше покровительство".

Послѣ того воспитанницами былъ пропѣтъ народный гимнъ, которымъ и закончился актъ.

— Сообщаемъ здѣсь свѣдѣнія о различныхъ, болѣе или менѣе значительныхъ, пожертвованіяхъ на народное образованіе, сдѣланныхъ въ послѣднее время:

Въ первыхъ числахъ сентября, говорятъ *Московскія Вѣдомости*, въ Верейскомъ уѣздѣ, по добровольному желанію крестьянъ, положено начало устройству народныхъ школъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что нельзя обойдти молчаніемъ этотъ фактъ.

Прежде всего нужно коснуться причинъ, которыя возбудили въ крестьянахъ такое ревностное желаніе учить своихъ дѣтей. Кто можетъ забыть недавно обнародованныя слова нашего Монарха, которыя Онъ изволилъ сказать депутаціи, состоявшей изъ губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства Московской губерніи? Въ этихъ милостивыхъ словахъ Государь Императоръ выразилъ Свое довѣріе къ дворянству въ великомъ дѣлѣ народнаго образованія и тѣмъ самымъ, такъ сказать, положилъ начало повсемѣстному устройству народныхъ школъ. Слова Государя благотворно подѣйствовали на исполнителей Его повелѣнія. Это обнаружилось, между прочимъ, и въ Верейскомъ уѣздѣ. Уѣздный предводитель дворянства, съ 1-го сентября, въ сопровожденіи мировыхъ посредниковъ, сталъ объѣзжать всѣ волости и въ каждой изъ нихъ на волостномъ сходѣ объяснялъ крестьянамъ, какъ Государь Императоръ заботится объ ихъ дѣтяхъ, особенно объ ихъ правильномъ умственно-нравственномъ образованіи. Но прежде чѣмъ г. предводитель дворянства началъ указывать крестьянамъ на необходимость и пользу обученія, онъ объявилъ, что желаетъ узнать, почему такъ медленно прививается у крестьянъ желаніе обучать своихъ дѣтей грамотѣ. При этомъ онъ просилъ ихъ непринужденно высказаться. На эти разспросы г. предводителя многіе изъ крестьянъ чаще всего повторяли одно и то же, именно, что они сознаютъ потребность въ обученіи дѣтей, но боятся, что дѣти ихъ изъ существующихъ нынѣ школъ большею частью выходятъ почти безъ всякихъ

Библиотека "Руниверс"

добрыхъ познаній, а такая грамотность не приноситъ имъ никакой пользы. Отвѣчая на всѣ вопросы крестьянъ, г. предводитель въ теплыхъ, весьма понятныхъ для русскаго крестьянина, словахъ объяснилъ имъ, что будущія народныя школы, по волѣ Государя, поведутъ дѣло на другихъ основаніяхъ, что отъ наставниковъ будутъ требоваться отчеты въ ихъ дѣйствіяхъ, что для этого надъ ними учредится контроль; наконецъ, что будущіе училищные совѣты будутъ имѣть право выдавать воспитанникамъ, успѣшно окончившимъ курсъ въ этихъ училищахъ, свидѣтельства, съ которыми молодые люди будутъ пользоваться двухлѣтнею льготой въ отправленіи воинской повинности. При этомъ на ссылку нѣкоторыхъ крестьянъ о желаніи имѣть школы, какія существуютъ въ уѣздѣ отъ Императорскаго Воспитательнаго дома, пользующіяся доброю репутаціей, г. предводитель обѣщалъ ходатайствовать объ учрежденіи новыхъ школъ на половинныхъ издержкахъ со стороны крестьянъ и Воспитательнаго дома или частныхъ лицъ. Вообще, объясненія крестьянамъ словъ Государя и пользы обученія дѣтей въ школахъ, такъ серьезно подѣйствовали на нихъ, что они выразили желаніе какъ можно скорѣе завести школы, при чемъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ крестьяне, по разнаго рода предполагаемымъ неудобствамъ, желали имѣть отдѣльныя школы чуть ли не въ каждой деревнѣ.

Однако, послѣ разъясненія крестьянамъ, что имъ придется въ такомъ случаѣ принести значительныя пожертвованія, состоялись большею частію общіе волостные приговоры, съ пожертвованіемъ на нѣсколько училищъ въ избранныхъ ими пунктахъ извѣстной волости. Изъ приговоровъ этихъ видно, что по Верейскому уѣзду крестьяне пожелали имѣть 27 народныхъ школъ, а именно:

Въ Вышегородской волости, съ пожертвованіемъ по 25 коп. съ 4.882 душъ, на устройство 5-ти школъ.

Въ Назарьевской волости, съ пожертвованіемъ по 25 коп. съ 3.219 душъ, на устройство 4-хъ школъ.

Въ Капонской волости, съ пожертвованіемъ по 26 коп. съ 2.350 душъ, на устройство 3-хъ школъ.

Въ Богородской волости, съ пожертвованіемъ по 26 коп. съ 1.556 душъ, на устройство 2-хъ школъ.

Въ Кубинской волости, съ пожертвованіемъ по 16 коп. съ 2.009 душъ, на устройство 3-хъ школъ.

Въ Петровской волости, съ пожертвованіемъ по 20 коп. съ 1.736 душъ, на устройство 3-хъ школъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ Рудневской волости, съ пожертвованіемъ по 25 коп. съ 1.956 душъ, на устройство 3-хъ школъ.

Въ Мауринской же волости нѣкоторыя отдѣльныя общества положили открыть школы сборомъ на таковыя съ отдѣльныхъ обществъ, а именно: Крюковское, съ прилегающими селеніями — по 36 коп. съ 555 душъ, Плесенское—по 49²/₃ коп. съ 304 душъ, Горковское—по 35¹/₂ коп. съ 282 душъ и Ташировское — по 50 коп. съ 212 душъ. Всего же будетъ ежегодно вноситься крестьянами на этотъ предметъ 4.755 руб. 34 коп.

Не знаемъ, говоритъ корреспондентъ *Московскихъ Вѣдомостей*, скоро ли устроятся эти школы, но нельзя искренно не пожелать имъ успѣха, тѣмъ болѣе, что крестьяне, составляя свои приговоры, выразили въ нихъ твердую рѣшимость покончить разъ навсегда съ упорствомъ нѣкоторыхъ изъ ихъ среды, что̀ доказывается тѣмъ, что въ большей части приговоровъ, крестьяне пожелали *обязательнаго обученія* дѣтей обоего пола съ девятилѣтняго возраста. При этомъ крестьяне, довѣряясь вполнѣ просвѣщенной дѣятельности г. предводителя, предоставили все дѣло по устройству школъ въ его распоряженіе. Кромѣ того, крестьяне Верейскаго уѣзда установили сборы на школы и на будущее время единогласнымъ опредѣленіемъ за подписью надлежащаго по закону числа лицъ, долженствующихъ быть на волостномъ сходѣ, а во многихъ волостяхъ завершили дѣло, сдѣлавъ приговоры о закрытіи кабаковъ.

— 24-го сентября закрылось въ Лебедяни очередное земское собраніе, которое нынѣшній годъ особенно отличалось сочувствіемъ къ просвѣщенію: ассигновано единовременно *три тысячи* рублей для устройства двухкласснаго училища, положеннаго къ открытію въ одномъ изъ селеній уѣзда, предположено отпускать ежегодно по *пяти тысячъ* рублей для содержанія *прогимназіи*, объ открытіи которой постановлено ходатайствовать вмѣстѣ съ городскимъ обществомъ предъ правительствомъ, и наконецъ состоялось положеніе объ учрежденіи *восьми стипендій* для помѣщенія восьми воспитанницъ въ сиротское отдѣленіе въ Тамбовѣ, въ размѣрѣ *ста пятидесяти* рублей каждой.

— Чрезвычайное Александровское уѣздное, Екатеринославской губерніи, земское собраніе, въ засѣданіи 7-го мая нынѣшняго года, при обсужденіи вопроса объ открытіи въ селѣ Александровкѣ земскаго ремесленнаго училища, постановило: принимая во вниманіе, что

Библиотека "Руниверс"

предположенное къ устройству въ с. Александровкѣ земское ремесленное училище будетъ способствовать къ распространенію ремесленныхъ знаній въ населеніи всей губерніи, и что содержаніе его въ тѣхъ размѣрахъ, какіе опредѣлены уставомъ, превышаетъ средства Александровскаго уѣзднаго земства, — ходатайствовать предъ Екатеринославскимъ губернскимъ собраніемъ о принятіи двухъ третей суммы, потребной на содержаніе училища (именно 6.493 руб.), на губернскій земскій сборъ; затѣмъ, самую постройку училищныхъ зданій разрѣшить уѣздной управѣ только по удовлетвореніи означеннаго ходатайства уѣзднаго земства, и поручить управѣ выработать основанія для развитія труда будущихъ воспитанниковъ ремесленной школы, въ связи съ обезпеченіемъ средствъ на содержаніе школы.

Изъ доклада уѣздной управы объ учрежденіи въ с. Александровкѣ ремесленнаго училища, между прочимъ видно, что однимъ изъ гласныхъ, г. Гнѣдинымъ, для устройства названнаго училища пожертвовано 12.000 руб. и четыре десятины земли; по смѣтѣ же на устройство заведенія управою исчислено: 1) единовременно на постройку зданій 16.000 руб. и на обзаведеніе мастерскихъ моделями и инструментами, а также на пріобрѣтеніе мебели, покупку книгъ для библіотеки и проч.—4.000 руб., итого—20.000 руб., и 2) ежегодно на содержаніе заведенія и 20 пансіонеровъ земства и на жалованье директору, учителямъ, мастерамъ и проч.—9.740 рублей.

— На нѣкоторыхъ изъ сахарныхъ заводовъ въ Кіевской губерніи издавна существуютъ, пишутъ въ газетѣ „Кіевлянинъ", школы для дѣтей служащихъ и рабочихъ. Въ особенности замѣчательны школы при Городищенскомъ сахарномъ заводѣ братьевъ Яхненко и Симиренко и при Смѣлянскомъ заводѣ графовъ Бобринскихъ. Въ настоящемъ же году возникла школа другаго рода: школа для несовершеннолѣтнихъ, работающихъ на заводѣ. Она устроена при Смѣлянскомъ рафинадномъ заводѣ графовъ Бобринскихъ и содержится на пожертвованія частныхъ лицъ, при пособіи со стороны завода, отъ котораго поступаютъ въ пользу ея штрафныя суммы. Учитель школы, изъ окончившихъ курсъ духовной семинаріи, получаетъ квартиру и 250 руб. жалованья. Въ настоящее время открыто только первое отдѣленіе школы; съ открытіемъ въ слѣдующемъ году втораго отдѣленія, преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ принимаютъ на себя безвозмездно

Библиотека "Руниверс"

нѣкоторыя изъ лицъ, служащихъ при заводѣ. Курсъ перваго отдѣленія предполагается одинъ годъ, а втораго—два года. Для того, чтобы несовершеннолѣтніе рабочіе могли посѣщать школу, устроены нынѣ для нихъ три смѣны, то-есть, они работаютъ не 12 часовъ, а 8, и на обученіе въ школѣ полагается два часа. Предметы, преподаваемые въ школѣ, слѣдующіе: законъ Божій, русскій языкъ, письмо, ариѳметика, предметные уроки въ примѣненіи къ заводской техникѣ, черченіе геометрическихъ фигуръ и церковное пѣніе.

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТІЕ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРІИ ВЪ ПСКОВѢ.

1-го сентября 1874 года происходило открытіе учительской семинаріи въ Псковѣ. Къ часу пополудни, по приглашенію г. директора семинаріи В. А. Ауновскаго, прибыли г. губернаторъ, начальствующіе отдѣльными учрежденіями, представители земства и города, учители отъ всѣхъ учебныхъ заведеній и другія лица. Послѣ молебствія и водоосвященія, провозглашено было многолѣтіе Государю Императору, министру народнаго просвѣщенія, земству, учащимъ и учащимся. Затѣмъ г. директоръ обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, изъ которой заимствуемъ слѣдующія мѣста:

„Первыя семинаріи въ нашемъ отечествѣ возникли въ 1864 году: одна—въ селѣ Молодечнѣ, Виленской губерніи, по иниціативѣ министерства народнаго просвѣщенія, другая—въ Петербургѣ, при Воспитательномъ домѣ, отъ IV Отдѣленія. Затѣмъ, только въ 1870 году министерство народнаго просвѣщенія приступило къ открытію цѣлаго ряда учительскихъ семинарій и институтовъ, разрѣшивъ въ то же время земству и частнымъ лицамъ учреждать учительскія школы. Въ настоящій моментъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія состоитъ 46 различныхъ учебныхъ заведеній для приготовленія учителей. Если принять населеніе Россіи въ 80 милліоновъ, то одна семинарія придется болѣе чѣмъ на $1^1/_2$ милліона жителей, тогда какъ у сосѣдки нашей Пруссіи семинарія приходится на 300.000 жителей. Далѣе, въ Россіи считается 24.000 народныхъ школъ съ 875.000 учащихся, или, другими словами, одна семинарія существуетъ для 500 школъ и для 18.000 учащихся дѣтей, что слишкомъ недостаточно, особенно потому, что ежегодный выпускъ едва ли можетъ превышать 20 человѣкъ, такъ что на каждаго выпускнаго семинариста придется 27 школъ и 951 учащійся. Приведенныя циф-

Библиотека "Руниверс"

ры убѣдительно говорятъ о необходимости бо̀льшаго числа учительскихъ семинарій. Настоятельная потребность въ нихъ оказалась у насъ тотчасъ же по отмѣнѣ крѣпостнаго права. Дѣйствительно, давая свободу массѣ грубаго населенія, нельзя было не думать о средствахъ къ его образованію. Слѣдовавшія за тѣмъ одна за другой великія реформы вносили въ нашу жизнь такія общественныя учрежденія, которыя невольно требовали бо̀льшаго умственнаго и нравственнаго развитія народной массы.

„Обогатить будущаго учителя знаніями, воспитать его для будущей учительской дѣятельности, есть прямая цѣль семинаріи, которая должна достигаться какъ преподаваніемъ предметовъ семинарскаго курса, такъ и всею обстановкой этого учебнаго заведенія, тѣми особенными отношеніями, какія должны водвориться между учителями и ихъ учениками какъ въ классное время, такъ и внѣ его. Выходя изъ основной цѣли семинаріи, преподаваніе каждаго предмета должно быть образцовое, примѣрное и вообще пригодное воспитанникамъ въ ихъ будущей дѣятельности. Здѣсь болѣе всего умѣстны методы катехизическій и еврестическій, способствующіе какъ сознательному усвоенію пройденнаго, такъ и самостоятельному развитію учащихся. На этомъ основаніи самый учебный матеріалъ по каждому предмету должно располагать, по возможности, концентрически. Въ частности пріемы преподаванія должны быть направлены на всестороннее умственное развитіе учащихся, на развитіе въ нихъ находчивости, самодѣятельности и любознательности. Было бы также полезно употреблять въ преподаваніи такія преимущественно наглядныя пособія, которыя въ состояніи имѣть народная школа, или которыя могли бы быть сдѣланы самимъ преподавателемъ. Необходимо обращать особенное вниманіе на письменныя работы учащихся, какъ со стороны опрятности ихъ, такъ и по внутреннему достоинству, при томъ не только по русскому языку, но и по всѣмъ прочимъ предметамъ семинарскаго курса; точно также каждый преподаватель долженъ способствовать къ выработкѣ граматически правильной рѣчи постояннымъ требованіемъ отъ учениковъ отвѣтовъ ясныхъ, полныхъ и точныхъ. Вести дѣло иначе, значитъ поступать не по семинарски.

„Воспитанники семинаріи должны быть вполнѣ и основательно ознакомлены какъ съ планомъ народной школы, такъ и со всѣмъ ея учебнымъ матеріаломъ. Какъ бы ни былъ ограниченъ матеріалъ народной школы, но будущій ея учитель долженъ совершенно ясно понимать его и вполнѣ обладать имъ; только тогда знанія могутъ

Библиотека "Руниверс"

ясно отразиться въ головахъ учениковъ, когда они совершенно ясными представляются въ головѣ учителя. А потому, съ учениками семинаріи необходимо основательно переработать весь тотъ учебный матеріалъ, который они впослѣдствіи будутъ передавать своимъ ученикамъ. Но чтобы умѣть передать, необходимо знать, и знать значительно больше того, что̀ придется передавать, а потому семинарія должна обогатить учащихся положительными и полезными знаніями, при томъ, по возможности, разносторонними, такъ чтобы учитель, возбудивъ любознательность учениковъ, не затруднился удовлетворить обращенныхъ къ нему различныхъ вопросовъ.

„На основаніи только что высказаннаго, будущій учитель долженъ имѣть познанія не только въ законѣ Божіемъ, граматикѣ и ариѳметикѣ, господствующихъ предметахъ нашей народной школы, но и въ географіи и исторіи, преимущественно отечественныхъ, въ естественныхъ наукахъ, гигіенѣ, сельскомъ хозяйствѣ; долженъ ясно и правильно понимать физическое и духовное развитіе дѣтскаго организма, при всемъ этомъ долженъ еще умѣть плавно, ясно и выразительно читать и толково разъяснять прочитанное, правильно и красиво писать и хорошо чертить. Тогда только онъ будетъ въ состояніи сообщить своимъ ученикамъ свѣдѣнія, дѣйствительно необходимыя и полезныя въ ихъ будущей трудовой жизни.

„Въ частности, или по каждому отдѣльному предмету курса, необходимо стремиться къ осуществленію слѣдующихъ цѣлей.

„Не касаясь вопроса о томъ, въ какихъ размѣрахъ должно совершаться преподаваніе различныхъ статей закона Божія, какъ предметовъ опредѣлившихся, вошедшихъ въ границы, скажу, не ошибаясь, что часы по закону Божію преимущественно должны быть посвящены на изученіе Евангелія. Далѣе, законоучитель постоянно долженъ имѣть въ виду спеціальную цѣль заведенія. Такъ, онъ долженъ обратить особенное вниманіе на точное знаніе текста главныхъ молитвъ, Моисеевыхъ заповѣдей и сѵмвола вѣры, на евангельскіе разказы и особенно воскресныя Евангелія; на объясненіе богослуженія, исторіи праздниковъ, посты, таинства,—вообще на такіе религіозные факты, подъ вліяніемъ которыхъ простой народъ находится, что̀ чаще всего видитъ и слышитъ онъ въ церкви и внѣ церкви, и къ чему онъ примѣшиваетъ свои предразсудки и суевѣрія. Вообще законоучитель семинаріи долженъ быть не столько учителемъ, сколько краснорѣчивымъ проповѣдникомъ, не столько сообщать массу свѣдѣній, сколько имѣть нравственное вліяніе, не столько увлекаться

Библиотека "Руниверс"

подробностями, сколько блюсти и очищать отъ суевѣрій родную вѣру. Съ послѣднею цѣлію онъ обязанъ также обратить вниманіе, по отношенію къ расколу, на объясненіе различныхъ ихъ возраженій и болѣе рельефныхъ граматическихъ безсмыслицъ, чѣмъ опредѣляется также необходимость возложенія преподаванія церковно-славянскаго языка на законоучителя. Изученіе церковно-славянскаго языка важно уже потому, что простой народъ, какъ извѣстно, относится съ особеннымъ довѣріемъ и съ живою симпатіей къ той именно сельской школѣ, ученики которой научаются читать церковныя книги бойко и выразительно. Для воспитанника семинаріи достаточно будетъ, если онъ выучится бѣгло, правильно, осмысленно читать всякую книгу съ новѣйшимъ церковно-славянскимъ текстомъ, съумѣетъ перевести и объяснить молитву, общеупотребительную церковную пѣснь, общеизвѣстный библейскій фактъ, всякій евангельскій разказъ.

„*Русскій языкъ*. Въ народной школѣ родное слово есть основа, сокровищница всѣхъ знаній. Обучая дѣтей грамотѣ, счету, ведя съ ними объяснительное чтеніе, знакомя ихъ съ окружающими явленіями и предметами изъ жизни природы и людей, вводя дѣтей въ кругъ новыхъ познаній, учитель дѣлаетъ только то, что учитъ ихъ языку, обогащаетъ умъ ихъ новыми словами, какъ выраженіями новыхъ представленій, понятій дѣтскаго ума, комбинируя ихъ въ такой между собою зависимости, которая представлялась бы легчайшею и наиболѣе удобною для усвоенія. Слѣдовательно, учитель народной школы (разумѣется, при извѣстныхъ естественно-историческихъ и географическихъ знаніяхъ и методическомъ пріемѣ) только тогда можетъ надѣяться на полный успѣхъ въ своемъ дѣлѣ, только тогда можетъ возбудить въ крестьянскихъ мальчикахъ любознательность, пріохотить ихъ къ труду, невольно заставить полюбить школу и ученіе и себя самаго, если онъ хорошо владѣетъ родною рѣчью. Имѣя большой запасъ русскихъ словъ и оборотовъ рѣчи, онъ можетъ разнообразить, при занятіяхъ съ дѣтьми, вопросы, измѣняя ихъ форму, не измѣняя содержанія, для того, чтобы удовлетворить дѣтскій умъ и пріучить его къ болѣе легкому и быстрому усвоенію знаній, что̀ въ особенности важно при начальномъ обученіи. Отсюда сама собою вытекаетъ необходимость основательнаго изученія будущими сельскими учителями отечественнаго языка. А такое изученіе должно заключаться, кромѣ собственно граматики, въ чтеніи и самостоятельномъ ознакомленіи учащихся въ учительской семинаріи съ образцовыми словесными произведеніями, въ которыхъ отразился лучшій

Библиотека "Руниверс"

языкъ Русскаго народа. Работа эта, не замѣтно вводя учащихся въ кругъ самостоятельныхъ занятій, начавшихся, конечно, подъ руководствомъ преподавателя, разовьетъ въ нихъ наблюдательность, логическое мышленіе, обогатитъ ихъ умъ русскими словами, оборотами рѣчи, мыслями, познаніями, возбудитъ интересъ къ занятіямъ, заставитъ полюбить родной языкъ. Такимъ образомъ, преподаваніе русскаго языка въ учительской семинаріи должно имѣть въ виду слѣдующія цѣли: 1) научить правильно и хорошо владѣть устною, а также письменною рѣчью, съ помощію усвоенія, путемъ практическимъ, законовъ и граматическихъ правилъ роднаго языка; 2) познакомить воспитанниковъ съ различными родами образцовыхъ произведеній русской литературы и тѣмъ побудить ихъ къ дальнѣйшему саморазвитію при посредствѣ чтенія; 3) развить въ учащихся умѣнье владѣть методомъ обученія родному языку въ народной школѣ.

„*Ариѳметика и геометрія.* Оба эти предмета важны въ курсѣ, какъ по своей образовательной силѣ, такъ и по практическому примѣненію, а потому при преподаваніи ихъ необходимо преслѣдовать двѣ цѣли: формальную и матеріальную. Умственный счетъ, быстрота соображенія при рѣшеніи практическихъ задачъ—вотъ существенныя условія для успѣшнаго хода преподаванія ариѳметики. Отъ учителя ариѳметики потребуется также не мало педагогическаго такта и умѣнья при передачѣ методики этого предмета. Преподаваніе геометріи должно быть по преимуществу наглядное, тѣмъ болѣе, что почти всѣ предметы, окружающіе насъ, суть геометрическія формы и тѣла. Опредѣленіе величины этихъ предметовъ, измѣреніе ихъ, даетъ понятіе о геометрическихъ измѣреніяхъ. Но рядомъ съ наглядностью въ преподаваніи и развитіемъ самостоятельности, необходимо обращать преимущественное вниманіе на усвоеніе тѣхъ въ особенности геометрическихъ истинъ, которыя имѣютъ практическое примѣненіе. Дѣйствительно, трудно представить себѣ народнаго учителя, который бы не умѣлъ рѣшать вопросовъ, постоянно встрѣчающихся въ сельской жизни, какъ напримѣръ, измѣреніе разныхъ участковъ, снятіе плана и т. п.; едва ли возможно не требовать отъ народнаго учителя, чтобы онъ научилъ своихъ учениковъ, какъ разрѣшать имъ потомъ въ жизни различные споры, возникающіе между ними изъ-за ошибки въ размѣрѣ полей и проч., какъ уберечь себя отъ опасностей, не разлучныхъ съ ошибками, происходящими отъ неправильной постройки жилищъ, амбаровъ и пр. А потому, крайне необходимо упражнять воспитанниковъ, какъ можно болѣе, въ рѣ-

Библиотека "Руниверс"

шеніи различныхъ практическихъ задачъ, напримѣръ въ такомъ родѣ: —сколько квадратныхъ аршинъ занимаетъ данная комната? сколько кубическихъ футовъ воздуха заключается въ ней? какой длины, ширины и высоты долженъ быть амбаръ, который бы вмѣстилъ въ себѣ столько-то четвертей ржи? и т. п.; точно также при измѣреніи различныхъ поверхностей геометрическихъ тѣлъ должно обращать вниманіе на приложеніе ихъ, напримѣръ, къ измѣренію площадей полей, раздѣленію ихъ, на измѣреніе объемовъ, связь ихъ между собою и вѣсомъ, разсматривать, въ какой мѣрѣ возможно приложеніе геометрическихъ построеній къ ремесламъ, къ различнымъ хозяйственнымъ вопросамъ и проч.

„*Географія.* Цѣль преподаванія географіи должна заключаться въ ознакомленіи съ рельефомъ и климатическими условіями болѣе важныхъ географическихъ мѣстностей, равно также съ тѣмъ вліяніемъ, какое имѣютъ эти условія на развитіе растительной и животной жизни извѣстной мѣстности, на характеръ и свойства самого человѣка и на развитіе общественной и исторической жизни его. Выходя изъ педагогическаго принципа, что „не отдаленное и чужое, но вблизи находящееся и отечественное должно стоять во главѣ обученія", — изученіе географіи должно начинаться съ родной мѣстности (отчизновѣдѣнія) и перейдти, затѣмъ, къ отечествовѣдѣнію и міровѣдѣнію. Начинать изученіе географіи съ отчизновѣдѣнія выгодно въ томъ отношеніи, что учащіеся, во время прогуловъ, на мѣстѣ могутъ изучать всѣ элементарныя географическія понятія путемъ нагляднымъ, чрезъ непосредственное наблюденіе, которое не можетъ замѣнить ни одно изъ самыхъ лучшихъ искусственныхъ наглядныхъ пособій, были бы то рельефныя карты, глобусы, разныя модели и т. п., тѣмъ болѣе, что въ природѣ на каждомъ клочкѣ земли сосредоточены въ миніатюрѣ всѣ формы земной поверхности и многія изъ физическихъ ея свойствъ. Кромѣ того, отчизновѣдѣніе, заключая въ себѣ прекрасный матеріалъ для первоначальныхъ упражненій, на ряду съ прочими предметами семинарскаго курса, неминуемо разовьетъ въ учащихся наглядность, пріучитъ ихъ сознательно относиться къ пріобрѣтеннымъ познаніямъ и, въ то же время, подготовитъ учащихся къ послѣдующему курсу географіи. За отчизновѣдѣніемъ, — изученіемъ родной мѣстности, уѣзда, губерніи,—должно слѣдовать возможно подробное ознакомленіе съ Россійскою Имперіей и затѣмъ, по преимуществу, съ тѣми изъ иностранныхъ государствъ, которыя связаны съ Россіею торговыми отношеніями, политическими, племеннымъ род-

Библиотека "Руниверс"

ствомъ и единовѣріемъ. Курсъ долженъ быть законченъ систематическимъ обозрѣніемъ всѣхъ частей свѣта и болѣе подробнымъ очеркомъ математической и физической географіи. Вообще, карта, съ умѣніемъ чертить ее отъ руки, характеристика странъ и чтеніе или оживленный разказъ,—вотъ тѣ существенные пріемы, которые должны господствовать въ преподаваніи географіи.

„*Исторія.* Цѣль ея: 1) познакомить съ судьбами исторической жизни Русскаго народа, съ чѣмъ тѣсно будетъ связано развитіе національнаго чувства и любви къ своей родинѣ. 2) Научить воспитанниковъ передавать въ начальной школѣ, при объяснительномъ чтеніи, важнѣйшія историческія событія простымъ, плавнымъ и понятнымъ разказомъ, затрогивающимъ умъ и сердце. Преподаваніе исторіи, какъ и географіи, слѣдуетъ начинать съ 1-го класса, съ исторіи той мѣстности, гдѣ находится семинарія, при чемъ должно быть указано на постепенное заселеніе края, на тѣ устныя преданія, пѣсни, въ которыхъ говорится объ историческихъ событіяхъ края, равно также на племенное различіе въ краѣ и на отношеніе племенъ другъ къ другу, на бывшія смуты, время возникновенія городовъ, развитіе промышленности и торговли, просвѣщенія; не должны быть также упущены изъ виду курганы, развалины, постройки, какъ остатки старины и проч. За тѣмъ должно послѣдовать болѣе систематическое преподаваніе русской исторіи въ связи съ тѣми явленіями исторической жизни другихъ народовъ, знаніе которыхъ необходимо для лучшаго пониманія исторіи нашего отечества. Чтобы сдѣлать занятія по исторіи болѣе живыми и наглядными, полезно пользоваться при преподаваніи картинами, изображающими историческія сцены и заставлять, по возможности, самихъ учащихся объяснять содержаніе показываемыхъ картинъ, полезно также показывать портреты историческихъ дѣятелей, прочитывать, если есть, стихотворенія, относящіяся къ ихъ біографіямъ. Такой пріемъ преподаванія даетъ возможность обратить урокъ исторіи въ живую классную бесѣду, при чемъ главное вниманіе необходимо обращать на то, чтобы ученики сами объяснили изучаемые факты. Посредствомъ предлагаемыхъ ученикамъ вопросовъ учитель заставитъ ихъ подмѣчать характеристическія черты въ изучаемыхъ ими лицахъ и событіяхъ, заставитъ ихъ дѣлать сравненія и возможныя для ихъ умственнаго развитія выводы изъ фактовъ. Такимъ методомъ преподаванія исторіи учитель побудитъ учениковъ вдумываться въ изучаемыя ими событія, разовьетъ въ учащихся самодѣятельность, наблюдательность и сообразительность, что для семи-

Библиотека "Руниверс"

наристовъ, какъ будущихъ учителей, весьма важно. Необходимо также давать воспитанникамъ различныя историческія статьи и сочиненія, могущія пополнить запасъ свѣдѣній и пробудить любовь къ полезному чтенію.

„*Естествознаніе.* Исходною точкой преподаванія должна тутъ служить та мѣстность, гдѣ мы живемъ. Для сокращенія объема преподаванія и для выигрыша времени, въ естественно-историческій курсъ, по преимуществу, должны войдти необходимыя свѣдѣнія по части мѣстной ботаники, зоологіи и минералогіи. Кромѣ того, многія свѣдѣнія по этой части могутъ быть сообщены и помимо уроковъ, въ бесѣдахъ и на экскурсіяхъ съ учениками. Такъ, напримѣръ, собирая образцы камней, можно сказать о свойствѣ минераловъ, объ ихъ употребленіи и т. п.; собирая растенія и составляя изъ нихъ гербарій, можно сообщить о строеніи и жизни растеній, о полезныхъ и вредныхъ растеніяхъ и т. п., тоже и по зоологіи. Свѣдѣнія, добытыя помимо уроковъ, должны приводиться въ классѣ въ должную систему, при ознакомленіи учениковъ съ необходимыми къ тому руководствами. Привыкнувъ къ такимъ занятіямъ, народный учитель извлечетъ изъ нихъ пользу и въ будущей дѣятельности: онъ не будетъ скучать въ часы досуга и обставитъ свою школу, не дѣлая большихъ матеріальныхъ затратъ, всѣми наглядными пособіями, столь необходимыми при ознакомленіи учениковъ съ окружающей природой. Хорошо бы также было большую часть опытовъ производить при помощи самыхъ простыхъ средствъ и машинъ, легко устраиваемыхъ домашнимъ образомъ, что̀ и пригодилось бы будущему учителю при объясненіи тѣхъ же явленій.

„Единственный предметъ, входящій въ кругъ семинарскаго преподаванія и указывающій на спеціальное значеніе семинаріи, есть *педагогика* съ своими частями — дидактикой и методикой. Уроки педагогики принадлежатъ непосредственно директору семинаріи. Эта наука должна развить въ учащихся горячую любовь къ тому поприщу, на которомъ они со временемъ будутъ дѣйствовать. Основныя педагогическія положенія, дидактика и методика курса народной школы, біографіи тѣхъ изъ педагоговъ, жизнь которыхъ можетъ особенно сильно подѣйствовать на учащихся—вотъ содержаніе того, что̀ должно входить въ курсъ педагогики въ обширномъ смыслѣ. Но будущему учителю недостаточно только знать, онъ долженъ умѣть прилагать добытыя знанія на практикѣ; съ послѣднею цѣлію устраивается при

Библиотека "Руниверс"

семинаріи образцовая школа. „Безъ школы", говоритъ Дистервегъ, „учительская семинарія—*ничто*, съ нею—*все*".

„Практическія занятія семинаристовъ по преподаванію въ школѣ, какъ и теоретическія, должны отличаться строгою послѣдовательностью въ своемъ развитіи. Такъ, напримѣръ, упражненія учениковъ 2-го класса и въ началѣ 3-го класса должно ограничить присутствіемъ ихъ на урокахъ въ начальной школѣ и воспроизведеніемъ этихъ уроковъ письменно. Къ преподаванію въ школѣ могутъ быть допущены только ученики 3-го класса и то въ началѣ съ ограниченіемъ слѣдующаго рода. Преподаватель долженъ сообщить ученикамъ матеріалъ и планъ урока, который они обязаны разработать письменно; затѣмъ подвергнуть трудъ свой оцѣнкѣ товарищей и преподавателя, исправить его сообразно сдѣланнымъ замѣчаніямъ, и только тогда они получатъ право дать урокъ и то сперва небольшому числу учениковъ начальной школы. Только послѣ нѣсколькихъ упражненій въ такомъ родѣ можно дозволить ученикамъ выступить самостоятельно въ классѣ. Директоръ и наставники, по очереди, присутствуютъ въ школѣ при преподаваніи въ ней семинаристовъ. Преподаватели русскаго языка и математики руководятъ обученіемъ каждый по отношенію къ своему предмету. Преподаватели же тѣхъ предметовъ, которыхъ нѣтъ въ народной школѣ, должны руководить объяснительнымъ чтеніемъ, каждый по предметамъ своей спеціальности.

„Теоретическимъ и практическимъ курсомъ еще не вполнѣ исчерпывается задача семинаріи. Для учителя, а тѣмъ болѣе для народнаго, не достаточно знать и умѣть. Отъ него необходимо требовать, чтобы онъ былъ образцовой нравственности, чтобы убѣжденія его были проникнуты идеей христіанства. Всего же болѣе, въ этомъ отношеніи, должно ожидать не отъ ограждающихъ и понудительныхъ мѣръ, а отъ примѣра и нравственнаго вліянія всѣхъ лицъ, на обязанности которыхъ лежитъ дѣло воспитанія и обученія въ семинаріи; отъ тѣхъ теплыхъ, искреннихъ отношеній наставниковъ къ воспитанникамъ, которыя непремѣнно должны существовать въ этомъ заведеніи. Вообще солидарность, дружное и добросовѣстное стремленіе къ осуществленію общей цѣли заведенія нигдѣ такъ необходимы, какъ въ семинаріи; только ими можно создать характеръ, выработать прочное направленіе и твердыя убѣжденія будущаго школьнаго учителя, и такимъ образомъ, поставить школу и народное образованіе на прочную почву. За воспитанниками семинаріи, безъ сомнѣнія, долженъ быть надзоръ, даже наблюденіе за квартирами должно быть раздѣ-

Библиотека "Руниверс"

лено между преподавателями. Если въ наставникахъ, посѣщающихъ ихъ квартиры, они будутъ видѣть только надзирателей за нравственностью, съ цѣлью оцѣнки ихъ поведенія, то нельзя ожидать со стороны воспитанниковъ ни искренности, ни откровенности. Понятно, что подобныя отношенія положительно вредны, потому что они развовьютъ въ учащихся такіе недостатки, какъ притворство, скрытность, обманъ,—качества, едва ли терпимыя въ будущемъ народномъ учителѣ. Напротивъ, если въ наставникахъ они встрѣтятъ прежде всего людей, принимающихъ самое горячее, живѣйшее участіе въ ихъ нуждахъ, потребностяхъ, готовыхъ при всякомъ случаѣ помочь имъ добрымъ совѣтомъ и т. п., которые, наконецъ, потому только и ходятъ къ нимъ, что искренно заинтересованы въ томъ дѣлѣ, которое составляетъ предметъ и цѣль ихъ занятій и стремленій, тогда дѣйствительно можно сказать, что между наставниками и семинаристами установилась прочная нравственная связь. Только подъ этимъ условіемъ и возможно нравственно-воспитывающее вліяніе. Съ цѣлью единенія наставниковъ съ воспитанниками и для облагороженія послѣднихъ весьма полезно устроивать въ семинаріи въ свободное, особенно праздничное время, бесѣды, на которыхъ читались бы отрывки изъ болѣе замѣчательныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей и поэтовъ, декламировались бы стихи, читались и разбирались самостоятельныя ученическія произведенія, показывались картины при помощи волшебнаго фонаря, производились химическіе и физическіе опыты и проч. и, для большаго разнообразія, допускались бы музыка и пѣніе.

„Очертивъ, на сколько было возможно, задачу и значеніе учительской семинаріи, перехожу къ открываемому нынѣ учебному заведенію.

„Существованіемъ своимъ оно обязано Высочайшей волѣ Государя Императора, послѣдовавшей 11-го ноября 1873 года, мѣстной потребности въ народныхъ учителяхъ, а также сочувствію и матеріальной поддержкѣ со стороны земства Псковской губерніи, которое постановило дать на нужды семинаріи единовременно 3.000 рублей, и затѣмъ, по истеченіи двухъ лѣтъ, отпускать ежегодно по 2.100 рублей. На первый учебный годъ постановлено открыть при семинаріи только первый курсъ и начальную школу. Съ іюля послѣдовало назначеніе штата служащихъ, который ко дню открытія заведенія былъ уже въ полномъ составѣ. 20-го августа приступлено было къ пріемнымъ испытаніямъ. Желающихъ поступить въ семинарію явилось 46 человѣкъ; но изъ нихъ 22-мъ отказано вслѣдствіе устава о воинской повинности, дающаго льготу по образованію

Библиотека "Руниверс"

въ семинаріи до 22-лѣтняго возраста. Изъ 24-хъ человѣкъ, допущенныхъ къ экзамену, принято въ семинарію 15; но, вслѣдствіе поступленія новыхъ просьбъ, пріемъ не законченъ и экзамены будутъ продолжаться въ сентябрѣ". При семинаріи открыто теперь и училище, въ которое поступило 20 дѣтей, въ томъ числѣ 4 дѣвочки.

Послѣ этого пѣвчими пропѣтъ былъ народный гимнъ. По единодушному желанію публики, была послана г. министру народнаго просвѣщенія телеграмма слѣдующаго содержанія:

„Сегодня, по совершеніи торжественнаго молебствія, послѣдовало открытіе Псковской учительской семинаріи. Всѣ присутствующіе просятъ ваше сіятельство принять выраженіе искренней признательности за избраніе города Пскова мѣстомъ учрежденія этого заведенія".

На что получена была отъ г. министра на имя губернатора слѣдующая телеграмма:

„Покорно прошу васъ принять и передать всѣмъ присутствовавшимъ при открытіи учительской семинаріи мою признательность за ихъ ко мнѣ вниманіе. Искренно желаю полнаго успѣха этому, столь важному для края, учебному заведенію".

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

⁶/₁₈ октября 1874 года.

I.

Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, когда я былъ лишенъ возможности доставлять вамъ свои обычныя корреспонденціи, не произошло почти ничего особенно замѣчательнаго въ нашемъ училищномъ мірѣ. Не разъ, впрочемъ, собирался для совѣщаній высшій совѣтъ народнаго просвѣщенія и въ числѣ новыхъ его административныхъ распоряженій особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія: вопервыхъ, окончательно состоялась мѣра, о которой я заранѣе и лишь по ходившимъ о ней слухамъ извѣщалъ васъ весьма подробно, а именно, отнынѣ экзамены на степень баккалавра должны происходить въ два различные срока, съ значительнымъ промежуткомъ между ними; вовторыхъ, совѣтъ произвелъ весьма существенныя перемѣны въ программахъ классыхъ занятій нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Извѣстно, что классы въ этихъ заведеніяхъ (lycées и colléges) раздѣляются на три категоріи: 1) классы элементарные (восьмой и седьмой) для дѣтей отъ 8-ми до 12-тилѣтняго возраста; 2) классы граматики (classes de grammaire — шестой, пятый и четвертый), и наконецъ 3) высшіе классы (classes supérieures или, какъ иначе называютъ ихъ, classes de lettres), гдѣ молодыхъ людей заставляютъ упражняться въ сочиненіяхъ на латинскомъ и французскомъ языкахъ. Первые изъ этихъ классовъ, то-есть, элементарные существуютъ не во всѣхъ лицеяхъ.

Вотъ какъ распредѣлены теперь учебныя занятія по новымъ программамъ: въ *элементарныхъ классахъ*: французская грамáтика съ изученіемъ орѳографіи; священная исторія; основныя понятія о всеобщей географіи и физическая географія Франціи; краткая геогра-

Библиотека "Руниверс"

фія Палестины; латинская граматика; переводъ *Epitome historiae sacrae*, составленнаго въ прошломъ столѣтіи Ломондомъ; *De viris illustribus*, того же автора, и небольшой книжки *De ducibus et heroibus poeticis*, изданной въ прошломъ столѣтіи іезуитомъ Жувансі. Г. Жюль Симонъ, во время управленія своего министерствомъ народнаго просвѣщенія, пытался замѣнить эти компиляціи чтеніемъ подлинныхъ латинскихъ авторовъ, но попытки его не увѣнчались успѣхомъ. Что касается до упражненій во французскомъ языкѣ, то для этого избраны преимущественно басни Лафонтена и Флоріана.

Программою для среднихъ классовъ (classes de grammaire) постановлено: для *шестаго* класса—продолженіе прежнихъ упражненій по французски; латинская граматика и синтаксисъ съ переводомъ „Selectae e profanis scriptoribus historiae" (компиляціи въ родѣ указанныхъ выше) и басенъ Федра. Изъ греческаго языка склоненія и первая часть спряженій; при этомъ чтеніе басенъ Эзопа и избранныхъ мѣстъ изъ легчайшихъ авторовъ. Древняя исторія востока; географія Азіи, Африки, Америки и Океаніи. Въ *пятомъ* классѣ: французская граматика; отрывки изъ Фенелонова „Dialogue des morts", „Эсфирь" Расина. Латинская граматика и синтаксисъ, „Selectae historiae", Юстинъ, Корнелій Непотъ, метаморфозы Овидія. Греческая граматика: продолженіе склоненій и спряженій и начальныя правила синтаксиса. Переводъ діалоговъ Лукіана и Ксенофонтовой Киропедіи. Исторія древней Греціи. Общая географія Европы. Въ *четвертомъ* классѣ: французская граматика; Фенелоновъ „Телемакъ" и Расинова „Аталія". Изъ латинскаго языка повтореніе граматики и основныя свѣдѣнія о просодіи; комментаріи Цезаря; избранныя мѣста изъ переписки Цицерона; Квинтъ-Курцій, Овидій, I и II пѣсни Вергиліевой Энеиды. По греческому языку повтореніе пройденнаго изъ граматики; евангеліе св. Луки по гречески; Ксенофонтъ и нѣсколько біографій Плутарха; Геродотъ.—Исторія древняго Рима. Географія Франціи. Съ этого класса начинается геометрія, тогда какъ во всѣхъ предшествовавшихъ проходилась ариѳметика.

Переходимъ теперь къ высшимъ классамъ. *Третій* классъ: исторія французскаго языка и литературы (для чтенія приняты тутъ Вольтеровъ Карлъ XII, „Considérations sur les causes de la grandeur et de la décadence des Romains" Монтескье, сатиры Буало), французскія сочиненія. По латинскому языку: повтореніе граматики и просодія. Pro Archia, De signis, De supplicio Цицерона, Саллюстій, нѣсколько комедій Теренція, эклоги Вергилія и отрывки изъ геор-

Библиотека "Руниверс"

гикъ; III и IV пѣсни Энеиды. Въ этомъ классѣ, одновременно съ сочиненіями на латинскомъ языкѣ, начинаются также упражненія въ латинскомъ стихотворствѣ. Изъ греческаго языка: Исократовъ „Панегирикъ", діалоги Лукіана и біографіи Плутарха, Геродотъ, Иліада, творенія отцевъ церкви; греческія сочиненія. Исторія европейскихъ государствъ отъ V до конца XIII вѣка. Физическая, политическая и экономическая географія Франціи.—*Второй* классъ: продолженіе исторіи французскаго языка и литературы: „Discours sur l'histoire universelle" Боссюэта, „Les caractères" Лабрюйера, „Petit carême" Массильона, „Epitres" Буало, замѣчательнѣйшія произведенія классическаго театра; разборъ французскихъ авторовъ; сочиненія. Изъ латинскаго языка: „Narrationes excerptae", нѣкоторыя произведенія Цицерона (рѣчи противъ Катилины, De senectute, De amicitia), жизнеописаніе Агриколы Тацита, VI, VII и VIII пѣсни Энеиды, оды Горація, избранныя мѣста изъ западныхъ отцевъ церкви; писаніе сочиненій прозаическихъ и стихотворныхъ. По греческому языку: филиппики и олинѳскія рѣчи Демосѳена, „Апологія Сократа" и „Критонъ" Платона, Одиссея, трагедіи Эврипида. Исторія европейскихъ государствъ отъ конца XIII до начала XVII вѣка. Географія Азіи, Африки, Америки и Австраліи. Алгебра, геометрія. Естественная исторія.

Классъ *реторики* имѣетъ особенную важность относительно всѣхъ учебныхъ предметовъ; многіе изъ молодыхъ людей, которые отличаются лучшими способностями, остаются въ немъ болѣе установленнаго срока, вслѣдствіе чего и произошло обычное раздѣленіе воспитанниковъ этого класса на „новичковъ" и „старичковъ". Занимаются здѣсь преимущественно изученіемъ реторики и упражненіями въ ораторскомъ краснорѣчіи на латинскомъ и французскомъ языкахъ.

Въ программѣ французскаго языка для означеннаго класса сдѣлано довольно существенное измѣненіе, а именно, въ нее вошли избранныя мѣста изъ замѣчательнѣйшихъ писателей XVI вѣка. До сихъ поръ молодые люди знакомились только съ литературою XVII и XVIII столѣтій и не имѣли почти никакого понятія о томъ, что предшествовало ей. Главная цѣль упражненій въ такъ-называемыхъ „discours français" состоитъ въ томъ, чтобы пріучить воспитанниковъ владѣть изящною рѣчью; но на достиженіе этой цѣли обращали у насъ слишкомъ уже исключительное вниманіе: высшій совѣтъ старается помочь этому недостатку, требуя отъ молодыхъ людей критическаго разбора изучаемыхъ ими писателей.

Библиотека "Руниверс"

Что касается до другихъ предметовъ, то изъ латинскаго языка стоятъ въ программѣ „Concciones excerptae", то-есть, отрывки изъ замѣчательнѣйшихъ историковъ, а также изъ Цицерона, Вергилія, Горація, Лукреція и Плавта; по греческому языку — избранныя мѣста изъ Аристотелевой политики, изъ рѣчей Демосѳена, изъ Платонова „Федона", Гомера, Софокла и Аристофана. — Исторія Европы отъ 1610 до 1789 г. съ повтореніемъ пройденнаго прежде курса. Физическая и политическая географія Франціи и ея колоній. Геометрія. Космографія.

Наконецъ переходимъ къ послѣднему классу—*классу философіи*. Сюда отнесено преподаваніе тѣхъ наукъ, которыя въ другихъ европейскихъ государствахъ составляютъ принадлежность университетскаго курса, и вотъ почему многіе молодые люди старательно избѣгали этого класса; они знакомились по кое-какимъ учебникамъ съ элементарными понятіями о философіи и прямо изъ класса реторики спѣшили держать экзаменъ на степень баккалавра. Высшее учебное начальство давно уже заботилось объ искорененіи этого зла; бывшій министръ народнаго просвѣщенія г. Дюрюи думалъ отстранить его тѣмъ, что отъ являвшихся на испытаніе стали требовать довольно обширныхъ диссертацій по предмету философіи, но и эта мѣра не принесла пользы. Только теперешнему высшему совѣту удалось достигнуть цѣли, благодаря той реформѣ, которую произвелъ онъ въ порядкѣ испытаній на ученую степень.

Въ классѣ, о которомъ идетъ рѣчь, преподаются главнымъ образомъ философскія науки (логика, психологія и т. д.) и исторія этихъ наукъ. Воспитанники усиленно занимаются, кромѣ того, диссертаціями на латинскомъ и французскомъ языкахъ. Вотъ тѣ классическія произведенія, которыя предназначены для этого класса: Ксенофонтъ о Сократѣ; Платоновъ Федонъ и VII глава его республики; De officiis, De finibus bonorum et malorum Цицерона, логика Поръ-Рояля; „Discours de la méthode" Декарта; философскія сочиненія Паскаля; „Traité de la connaissance de Dieu et de soi-même" Боссюэта, „Traité de l'existence de Dieu" Фенелона, теодицея Лейбница. Новѣйшая исторія отъ 1789 до 1848 года. Повтореніе ариѳметики, геометріи, алгебры и космографіи. Физика и химія.

Я изложилъ, быть можетъ, слишкомъ подробно новыя программы нашихъ лицеевъ, но надѣюсь, что вы не посѣтуете на меня за это, ибо предметъ самъ по себѣ представляетъ значительный интересъ. Любопытно сопоставить съ этими программами темы для сочиненій,

Библиотека "Руниверс"

которыя были заданы въ нынѣшнемъ году, на вступительныхъ экзаменахъ въ Нормальной школѣ, тѣмъ молодымъ людямъ, которые готовятся, какъ извѣстно, быть преподавателями лицеевъ. Вотъ онѣ:

По философіи, французская диссертація на тему: какое значеніе имѣетъ понятіе о Богѣ въ области нравственности?

Латинское сочиненіе: G. Caecilius Epirota gramaticus, qui primus, imperante Augusto, Vergilium poetasque novos in schola sua prolegere instituerat amico cuidam consilium suum approbaturus scribit.

Переводъ избранныхъ мѣстъ изъ философскихъ произведеній Сенеки. Французское сочиненіе: критическій разборъ „Поліевкта" Корнеля.

Переводъ съ французскаго на греческій избранныхъ мѣстъ изъ „Caractères" Лабрюйера.

Тема для латинскаго стихотворенія: Dantes Florentinus postquam latino sermone Divinam Comoediam scribere caperat veniam a Vergil o petit quum nobilioris lingua desertor ad vulgarem dicendi modum sese convertat: imo amice precatur ne candidioris magistri benegnitas desit tristissimum iter rursus ingressuro.

II.

Въ засѣданіи своемъ 1-го (13-го) августа Французская академія присудила ежегодныя преміи за лучшіе литературные труды. Изъ отчета, прочтеннаго непремѣннымъ ея секретаремъ, г. Патеномъ, видно, что высшихъ премій удостоились: г. Пико (во второй разъ) за свою „Исторію генеральныхъ штатовъ", г. Лескюръ за сочиненіе о Генрихѣ IV, г. Э. Гюгъ за „Исторію протестантизма во Франціи въ XVIII вѣкѣ", г. Бело за изслѣдованіе о „Римскихъ всадникахъ", г. Генрихъ Гуссе за „Исторію Алкивіада", г. Дантье за его „Историческіе этюды объ Италіи". О всѣхъ этихъ трудахъ мнѣ уже приходилось въ свое время упоминать довольно подробно. Г. Боссеръ также получилъ премію за свою „Исторію германской литературы" и г. Гейврихъ за трудъ, посвященный тому же предмету. Между увѣнчанными произведеніями я долженъ, кромѣ того, назвать этюды о Ксенофонтѣ г. Круазе и о Давидѣ Юмѣ г. Компайре.

Обыкновенно на соисканіе премій представляется очень много книгъ, но академія останавливаетъ свое вниманіе преимущественно на тѣхъ изъ нихъ, которыя находятся въ связи съ вопросами практической и общественной морали. Г. Патенъ выразилъ сожалѣніе, что по этой только причинѣ академія не могла увѣнчать и нѣко-

Библиотека "Руниверс"

торые другіе труды, заслуживающіе по мнѣнію ея, особеннаго вниманія, напримѣръ, „Очеркъ исторіи французскаго языка" г. Белиссье, „Дипломаты временъ Лиги" г. Эдуарда Фреми и „Славянскій міръ" г. Луи Лежера. Темою для соисканія преміи краснорѣчія академія избрала въ нынѣшнемъ году похвальное слово знаменитому проповѣднику Бурдалу и преміи этой удостоился одинъ изъ нашихъ молодыхъ профессоровъ, г. Фёжеръ, который скоро будетъ защищать въ парижскомъ факультетѣ диссертацію по тому же самому предмету. Носятся слухи, что ему же, въ качествѣ помощника г. Ломени, предназначается каѳедра французской литературы въ Collège de France.

Для конкурса будущаго года академія назначила разсужденіе „о геніи Рабле, о характерѣ и значеніи его произведеній". Она требуетъ при этомъ не кропотливаго изслѣдованія, а по возможности оживленной и яркой оцѣнки великаго писателя, съ указаніемъ, сколько ума, здраваго смысла, философской и политической проницательности скрывалось у него часто подъ грубою и циническою обстановкою.

Французская наука и литература понесли въ полномъ смыслѣ слова невознаградимую потерю въ лицѣ г. Гизо. Творенія его слишкомъ извѣстны всей образованной европейской публикѣ, чтобы упоминать здѣсь о нихъ подробно. Г. Гизо занималъ почетное мѣсто въ каждой изъ нашихъ пяти академій. Онъ родился въ Нимѣ, въ 1797 году; родители его были протестанты и до конца жизни оставался онъ неизмѣнно вѣренъ этому исповѣданію. Литературная его дѣятельность начинается съ 1809 года, когда обратилъ онъ на себя общее вниманіе своимъ „Словаремъ французскихъ синонимовъ" и переводомъ знаменитаго творенія Гиббона о римской имперіи. Въ 1812 году получилъ онъ каѳедру въ Сорбоннѣ, а при Бурбонахъ выступилъ и на политическое поприще, ревностно отстаивая либеральные принципы, вслѣдствіе чего лишился своей каѳедры въ 1825 году. Онъ снова занялъ ее лишь по истеченіи шести лѣтъ, въ царствованіе Людовика-Филиппа. Изъ него, Кузена и Вильмена образовался тотъ литературный тріумвиратъ, который привлекалъ къ себѣ вниманіе всей просвѣщенной Европы, хотя нужно сказать, что онъ былъ неизмѣримо выше названныхъ нами сейчасъ ученыхъ, раздѣлявшихъ съ нимъ почетную извѣстность. Въ 1832 году Гизо поручено было министерство народнаго просвѣщенія, управляя которымъ онъ оказалъ огромныя услуги: его собственно можно назвать творцемъ той учебной системы, которая господствуетъ нынѣ во Франціи. Отстраненный отъ всякой политической дѣятельности зло-

Библиотека "Руниверс"

получною революціей 1848 года, г. Гизо удалился въ частную жизнь, но и при второй имперіи, благодаря высокому значенію французской академіи, въ которой вліяніе его было чрезвычайно сильно, онъ все-таки игралъ не маловажную роль.

Было бы долго исчислять здѣсь всѣ произведенія этого знаменитаго дѣятеля, въ которомъ такъ трудно отдѣлить писателя отъ профессора и профессора отъ политическаго человѣка. Послѣднимъ его трудомъ была „Histoire de France, racontée à mes petits enfants": печатаніе IV тома этой книги началось еще при жизни автора и увѣряютъ теперь, что по сохранившимся рукописямъ онъ будетъ доведенъ до конца, то-есть, до 1789 года.

Со смертью г. Гизо въ каждой изъ трехъ академій открывается по одному вакантному креслу: въ Академіи надписей и изящной словесности думаютъ, кажется, замѣстить покойнаго г. Дежарденомъ, ученымъ издателемъ карты Пейтингера; въ Академіи французской явится кандидатомъ профессоръ Collége de France, г. Гастонъ Буассье.

III.

Переходя къ замѣчательнѣйшимъ литературнымъ произведеніямъ, появившимся въ послѣднее время, я долженъ прежде всего остановиться на трудѣ писателя и ученаго, который былъ названъ мною сейчасъ. Г. Буассье издалъ весьма обширное изслѣдованіе (въ двухъ томахъ) о „Римской религіи отъ Августа до Антониновъ" (La réligion romaine d'Auguste aux Antonins). Это новое изслѣдованіе, конечно, еще болѣе упрочитъ почетную репутацію, которую составила автору его прежняя книга „Цицеронъ и его друзья" (Ciceron et ses amis), переведенная на различные европейскіе языки и, между прочимъ, на нѣмецкій. „Читатель", говоритъ г. Буассье въ предисловіи, „который перешелъ бы вдругъ отъ писемъ Цицерона къ корреспонденціи Марка-Аврелія, очутился бы въ совершенно новомъ для него мірѣ. Въ теченіе двухъ вѣковъ римское общество подверглось коренному перевороту, и конечно, изъ всѣхъ испытанныхъ имъ перемѣнъ самою замѣчательною и наименѣе ожиданною является переходъ отъ невѣрія къ набожности. Въ письмахъ Цицерона нигдѣ не встрѣчаемся мы съ религіей, — о ней не упоминается тамъ ни слова. По всему вѣроятію, она занимала извѣстное мѣсто въ жизни друзей и товарищей великаго оратора, ибо каждый изъ нихъ принадлежалъ къ какой-нибудь коллегіи жрецовъ и правильно совершалъ предписанные обряды, но она не владѣла ихъ сердцемъ. Напротивъ того, въ пе-

Библиотека "Руниверс"

перепискѣ Марка-Аврелія безпрерывно идетъ рѣчь о религіи, боги упоминаются на каждомъ шагу... Во II вѣкѣ всѣ философы становятся вѣрующими и даже суевѣрными; самъ Маркъ-Аврелій горячо благодаритъ боговъ за то, что въ сновидѣніи открыли они ему лекарства, которыми онъ можетъ исцѣлиться отъ своихъ болѣзней". Г. Буассье ставитъ себѣ задачею изслѣдовать причины подобной перемѣны въ настроеніи римскаго общества и для этого онъ не ограничивается собственно религіозною сферою. „Движеніе, намѣченное мною", говоритъ онъ, „я намѣреваюсь прослѣдить въ полномъ его развитіи, въ теченіе цѣлыхъ двухъ вѣковъ, повсюду, гдѣ оно ни проявлялось — какъ въ храмахъ, такъ и въ философскихъ школахъ; я буду подробно останавливаться на системахъ, которыя были придумываемы философами съ цѣлью разрѣшить религіозныя сомнѣнія, и на усиліяхъ моралистовъ исправить нравы современнаго имъ общества". По мнѣнію ученаго автора, въ исторіи римскаго язычества со временъ Августа надо различать два момента: тотъ, когда этотъ культъ развивался самъ собою, сообразно своему принципу и свойствамъ, и тотъ, когда онъ дѣлалъ попытки примѣниться къ христіанскому ученію, вступившему съ нимъ въ борьбу. Г. Буассье сосредоточиваетъ свое вниманіе почти исключительно на первомъ изъ этихъ моментовъ; онъ доводитъ свое изслѣдованіе до временъ Марка-Аврелія, до той поры, когда начинается повсемѣстная и открытая проповѣдь христіанства. Этотъ періодъ представляетъ нѣчто цѣльное и имѣетъ важность для изученія постепеннаго торжества самой христіанской религіи, ибо указываетъ, съ какими вѣрованіями приходилось ей имѣть дѣло, что это былъ за культъ, разлагавшійся предъ ея вѣчными истинами, каково было нравственное состояніе римскаго общества въ I и II столѣтіяхъ. Многіе французскіе ученые занимались уже этимъ важнымъ предметомъ,—между прочимъ г. Шампаньи въ 3-мъ томѣ своей „Исторіи цезарей" и г. Гаве въ своемъ сочиненіи объ „Элленизмѣ и первыхъ временахъ христіанства". Этотъ послѣдній трудъ соприкасается многими своими сторонами съ приведеннымъ трудомъ г. Буассье, хотя авторы приходятъ къ совершенно различнымъ заключеніямъ.

Г. Буассье не только воспользовался для изданной имъ теперь книги новѣйшими изслѣдованіями германскихъ и французскихъ писателей, но также и источниками, къ которымъ мало обращались у насъ до сего времени, а именно собраніями надписей Орелли, Моммзена, Леона Ренье и т. д. Все это было употреблено имъ въ дѣло съ обычнымъ его талантомъ. Сначала излагаетъ онъ въ общихъ чер-

Библиотека "Руниверс"

тахъ римскую языческую религію, за тѣмъ изслѣдуетъ судьбы этой религіи въ послѣднія времена республики и при императорѣ Августѣ (преимущественно по произведеніямъ Вергилія), реформы этого императора относительно улучшенія нравовъ, философскія системы, возникшія въ послѣдующее время (Сенека, Эпиктетъ), состояніе общества при Антонинахъ, семейный бытъ, различныя ассоціаціи, и все это оканчиваетъ изложеніемъ тѣхъ условій, которыя должны были содѣйствовать побѣдѣ христіанскаго ученія. Книга г. Гастона Буассье встрѣчена была единодушными похвалами нашей критики.

Ученый, менѣе извѣстный, но обладающій несомнѣнными достоинствами, г. Фердинандъ Делоне издалъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, изслѣдованіе, которое можетъ служить какъ бы дополненіемъ къ упомянутому мною труду г. Буассье, ибо и въ немъ рѣчь идетъ объ отношеніяхъ христіанства къ разлагавшемуся язычеству: сочиненіе это озаглавлено „Монахи и сивиллы въ греко-іудейскомъ древнемъ мірѣ" (Moines et sibylles dans l'antiquité judeo-greque, par F. Delaunay). Почтенный авторъ уже извѣстенъ своимъ основательнымъ изслѣдованіемъ о Филонѣ Александрійскомъ; онъ доказалъ, что трактатъ „О созерцательной жизни", который долгое время только приписывали Филону, дѣйствительно принадлежитъ этому лицу. Г. Делоне сдѣлалъ его переводъ, чрезвычайно точный, при чемъ онъ руководился старинѣйшими рукописями. Занимаясь изученіемъ Филона, онъ обратилъ вниманіе на александрійскія и еврейскія секты и плодомъ этого была книга, которая состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: монашество у Евреевъ, монашество въ Александріи, греческія сивиллы, капитолійскіе оракулы, еврейскія сивиллы, идея мессіанизма, апокрифы. Г. Делоне подробно объясняетъ, какимъ образомъ само древнее общество, истомленное нравственными недугами, шло на встрѣчу христіанству и жаждало спасительнаго его свѣта. Авторъ, одинъ изъ сотрудниковъ католическаго органа *Correspondant*,— глубоко вѣрующій человѣкъ, что не помѣшало, однако, г. Ренану отозваться въ Академіи надписей съ большими похвалами объ его обширной эрудиціи и добросовѣстности его изысканій.

Появилась вторымъ изданіемъ диссертація, которую г. Октавъ Грсаръ защищалъ въ парижскомъ словесномъ факультетѣ еще въ 1866 году: „О нравственности у Плутарха" (De la morale de Plutarque, par Octave Greard). Въ свое время этотъ трудъ удостоился преміи Французской академіи и г. Вильменъ сдѣлалъ о немъ слѣдующій отзывъ въ своемъ отчетѣ: „Авторъ старается отстранить все

Библиотека "Руниверс"

то, что называетъ онъ легендою о Плутархѣ... Баснямъ, возникшимъ въ средніе вѣка и въ эпоху возрожденія, противопоставляетъ онъ настоящую дѣйствительность, рисуетъ намъ жизнь геніальнаго писателя именно такою, какою могла она сложиться тогда подъ римскимъ владычествомъ. Въ біографіи, вышедшей изъ-подъ пера г. Греара, разсѣяно много тонкихъ и ученыхъ изысканій о сочиненіяхъ Плутарха и о нравахъ той эпохи: въ семейномъ быту, въ муниципальныхъ учрежденіяхъ римскихъ провинцій, въ общественномъ и мѣстномъ культѣ авторъ уловилъ множество характеристическихъ чертъ для своего разказа. Читатели найдутъ въ этой книгѣ въ высшей степени нравственное чтеніе: она написана искусно и не безъ краснорѣчія и, отличаясь большими философскими достоинствами, служитъ въ то же время превосходнымъ историческимъ этюдомъ". Общественное мнѣніе вполнѣ подтвердило приведенный нами сейчасъ приговоръ г. Вильмена.

Не такъ давно появился посмертный трудъ весьма почтеннаго филолога, г. Ф. Мёнье, „Алфавитный указатель къ граматикѣ Боппа", переведенной на французскій языкъ г. Бреалемъ. Этотъ указатель продается и отдѣльно отъ самой граматики.

Г. Брюйеръ перевелъ по французски народныя русскія сказки, изданныя Англичаниномъ, г. Ральстономъ. Къ сожалѣнію, переводчикъ выпустилъ изъ этой книги всю научную часть, всѣ объясненія и старался познакомить публику только съ самими сказками. Замѣчу здѣсь кстати, что г. Ральстонъ издалъ краткій очеркъ русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ до Петра Великаго подъ заглавіемъ: „Early Russian History."

Въ Сорбоннѣ происходила недавно публичная защита двухъ диссертацій: г. Леонъ Буше, бывшій преподаватель французской Страсбургской гимназіи, выступилъ съ слѣдующими темами; „Iogannes Barcelaius„ и „Вилліамъ Коуперъ, его корреспонденція и стихотворенія", а темами, избранными г. Лапгуаномъ, окончившимъ курсъ наукъ въ Нормальной школѣ, были: „De Cicerone contra oratores atticos disputante" и „Исторія французскихъ среднеучебныхъ заведеній въ XVII вѣкѣ".

Академія надписей избрала преемникомъ покойному Бёле г. Леона Гёзе (Heuzey), археолога, извѣстнаго преимущественно своими изысканіями въ Греціи и Македоніи, а въ Академіи политическихъ и нравственныхъ наукъ кресло Мишле досталось г. Целлеру.

Л. Л—ръ.

Библиотека "Руниверс"

А. И. АРТЕМЬЕВЪ [1].

(НЕКРОЛОГЪ).

Въ ноябрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* помѣщено окончаніе статьи, которая, подъ заглавіемъ „Казанскія гимназіи въ XVIII столѣтіи", представляетъ рядъ весьма любопытныхъ очерковъ изъ исторіи просвѣщенія въ сѣверо-восточной Россіи, въ серединѣ прошлаго вѣка. Автору этого труда не суждено было видѣть его окончаніе въ печати: Александръ Ивановичъ Артемьевъ скончался 29-го сентября текущаго года здѣсь въ Петербургѣ, послѣ тяжкихъ и продолжительныхъ страданій.

Имя его не принадлежало къ числу общеизвѣстныхъ за предѣлами круга ученыхъ спеціалистовъ. Но тѣмъ не менѣе А. И. Артемьевъ олицетворялъ собою одинъ изъ лучшихъ типовъ ученаго дѣятеля. Любовь къ наукѣ и обширность познаній соединялись въ немъ съ неутомимымъ трудолюбіемъ и необыкновенною скромностью: въ глазахъ многихъ это рѣдкое достоинство, быть можетъ, заслоняло другія его качества, какъ ученаго и человѣка; но кто ближе всматривался въ эту личность, для того скромность покойнаго лишь ярче освѣщала его достоинства.

Александръ Ивановичъ былъ уроженецъ юго-восточной Россіи: онъ родился въ г. Хвалынскѣ 4-го октября 1820 года. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ уѣздномъ училищѣ, затѣмъ пере-

---

[1]) Скудныя біографическія данныя этого некролога заимствованы изъ формулярнаго списка А. И. Артемьева и краткой записки о его жизни, составленной съ его собственныхъ показаній и напечатанной въ № 193 *Всемірной Иллюстраціи* 1872 года, гдѣ можно найдти и весьма схожій портретъ покойнаго. Нельзя не пожелать, чтобы кто-либо изъ лицъ, близко и много лѣтъ знавшихъ его, составилъ обстоятельную его біографію.

Библиотека "Руниверс"

шелъ въ Саратовскую гимназію, и по окончаніи здѣсь курса въ 1837 году, поступилъ въ Казанскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, по восточному отдѣленію и разряду китайской словесности. По тогдашнему распредѣленію предметовъ преподаванія на этомъ факультетѣ, студенты слушали почти полный курсъ отдѣленія словеснаго; такимъ образомъ, и Александръ Ивановичъ, состоя на китайскомъ разрядѣ, слушалъ всеобщую и русскую исторію у одного изъ замѣчательнѣйшихъ профессоровъ этого предмета въ свое время— Н. А. Иванова, извѣстнаго обширностью своихъ познаній и большимъ критическимъ талантомъ. Подъ руководствомъ даровитаго преподавателя А. И. Артемьевъ пристрастился къ изученію русской исторіи и древностей. Съ другой стороны, и способности молодого человѣка не остались не замѣченными его наставниками: онъ окончилъ университетскій курсъ въ 1841 году съ золотою медалью и степенью кандидата и былъ оставленъ при университетѣ въ должности помощника библіотекара (съ 10-го января 1842 года).

Съ первыми мѣсяцами службы покойнаго въ этой должности совпадаетъ одно изъ тѣхъ печальныхъ событій, жертвою которыхъ не разъ была Казань, какъ многіе другіе русскіе города, особенно въ то время. Описаніе этого событія сохранилось въ одной изъ статей покойнаго, и мы приводимъ его здѣсь, такъ какъ оно живо изображаетъ и ученыя наклонности молодого библіотекаря, и его горячее религіозное чувство: „Страшный пожаръ 24-го августа 1842 года, разрушившій большую часть Казани, истребившій астрономическую и магнитную обсерваторіи и другія зданія университета, грозилъ тѣмъ и библіотекѣ... Уже загорѣлось заднее крыльцо и весь юго-западный уголъ ея, сгорѣли рамы, и затворились желѣзныя ставни въ окнахъ ея съ южной стороны; ураганъ сыпалъ милліоны искръ и бросалъ цѣлыя головни внутрь главной залы... Спасать, то-есть, выносить 40.000 волюмовъ, не было никакой возможности; да и куда спасать, когда казалось, что жертвою пламени будетъ весь городъ?... Только то, что̀ составляло гордость библіотеки, важнѣйшія изъ рукописей были вынесены на рукахъ студентовъ на Арское Поле—остальное передано на волю Божію. Снова съ опасностью жизни затворили ставни, заперли двери; библіотекарь перекрестилъ эту дверь, самъ и его помощники поклонились предъ нею въ знакъ прощанья... Трогательно было это прощанье!... И сила Животворящаго Креста спасла библіотеку, потому что силы человѣческія никогда бы не были въ состояніи это сдѣлать. Библіотека собою даже защищала всѣ прочія зда-

Библиотека "Руниверс"

нія университета: загорись она, тогда неизвѣстно чѣмъ и когда кончился бы пожаръ?...“ [1]). Такимъ образомъ, библіотека уцѣлѣла, и утраты ея въ этотъ день простирались всего до 73 сочиненій; но на долю А. И. Артемьева, какъ и другихъ хранителей, выпало нелегкое дѣло—приводить ее въ порядокъ послѣ грозившей опасности.

Александръ Ивановичъ любилъ и зналъ книги, и потому должность, которую онъ занималъ, была ему вполнѣ по душѣ. За то и обязанности библіотекаря, которыя онъ несъ на себѣ около десяти лѣтъ, были имъ выполнены такъ, какъ онѣ рѣдко выполняются другими. Онъ написалъ исторію библіотеки Казанскаго университета (напечатана въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1851 г., чч. LXX и LXXII, отд. III), издалъ въ 1851 г., въ Казани, каталогъ русскихъ и иностранныхъ книгъ той части ея, которая носитъ названіе студентской (въ 1850 г. въ ней было 2.220 названій, 6.394 экземпляра въ 9.839 волюмахъ на сумму 20.619 руб. 90 коп.), и наконецъ, составилъ весьма замѣчательное подробное описаніе славянскихъ, русскихъ и вообще европейскихъ рукописей, принадлежащихъ библіотекѣ (въ 1851 г. ихъ числилось тамъ 190). „Въ описаніи своемъ“ — такъ говорилъ впослѣдствіи авторъ о своемъ трудѣ,— „я не только старался опредѣлить вѣкъ рукописи и мѣсто ея написанія, но также, смотря по надобности, излагалъ содержаніе рукописей и привелъ много извлеченій изъ нихъ какъ для ознакомленія съ языкомъ рукописи, такъ и для показанія любопытнѣйшихъ фактовъ. Описаніе свое я дополнялъ разными историческими примѣчаніями и библіографическими ссылками на изданія гг. Кеппена, Востокова, Строева и проч., и присовокупилъ алфавитный указатель всѣхъ предметовъ, упоминаемыхъ въ рукописяхъ или въ описаніи ихъ. Здѣсь, въ Петербургѣ, я, по мѣрѣ возможности, описанія свои сравнивалъ съ рукописями одинаковаго содержанія, находящимися въ Императорской Публичной библіотекѣ и Румянцевскомъ музеумѣ, и также, гдѣ, по моему мнѣнію, казалось это нужнымъ, сдѣлалъ замѣчанія о найденныхъ мною различіяхъ или сходствѣ между рукописями этихъ библіотекъ и библіотеки Казанской. Сверхъ того, я снялъ также нѣсколько заводскихъ знаковъ (Wasserzeichen) съ бумаги, не помѣщенныхъ въ палеографическихъ снимкахъ Лаптева и Тромонина. Въ такомъ видѣ и по такому плану составлялось мною, и составлено, опи-

[1]) Прогулки по Казани. VI. Университетская библіотека, стр. 150 — 152 (отдѣльныя оттиски изъ *Казанскихъ губернскихъ вѣдомостей* 1850 года).

Библиотека "Руниверс"

саніе рукописей библіотеки Императорскаго Казанскаго университета. Знаю, что планъ этотъ былъ слишкомъ обширенъ, и можетъ быть, не вполнѣ соотвѣтствуетъ какъ моимъ силамъ и палео-библіографическимъ познаніямъ, такъ и важности самыхъ рукописей, — тѣмъ не менѣе могу сказать, что выполнить его старался я по крайнему разумѣнію и съ полною добросовѣстностью, тѣмъ болѣе, что, занимаясь преимущественно изученіемъ русскихъ древностей, я видѣлъ въ этомъ трудѣ много пользы для самого себя... Полное „Описаніе" едва ли когда будетъ издано мною; по крайней мѣрѣ собственныхъ средствъ къ этому я не имѣю..." [1]).

Дѣйствительно, почтенный трудъ А. И. Артемьева остался не изданнымъ за исключеніемъ одного отдѣла—рукописей историческихъ, описаніе которыхъ, въ числѣ 70-ти, появилось въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1852 — 1857 гг. (чч. LXXV, LXXXIII, XC и XCIV), и еще нѣсколькихъ отрывковъ, разсѣянныхъ въ другихъ журналахъ. Но всѣ эти отрывки доказываютъ, что библіографическая задача, которую поставилъ себѣ А. И. Артемьевъ, была имъ рѣшена весьма обстоятельно и съ большимъ знаніемъ дѣла. Послѣ появленія Востоковскаго „Описанія рукописей Румянцевскаго музея" и до выхода въ свѣтъ превосходнаго труда А. В. Горскаго и К. И. Невоструева Московской Синодальной библіотекѣ у насъ едва ли появлялась другая палео-библіографическая работа, столь широко задуманная и столь отчетливо выполненная, какъ описаніе, составленное А. И. Артемьевымъ. Поэтому весьма желательно, чтобы прекрасный трудъ покойнаго — если только онъ сохранился въ цѣлости—былъ, наконецъ, обнародованъ въ полномъ видѣ: хотя рукописный отдѣлъ Казанской библіотеки и не имѣетъ первостепенной важности, тѣмъ не менѣе ознакомленіе съ нимъ не можетъ быть безполезно для науки.

Одновременно съ описаніемъ рукописей Казанскаго университета А. И. Артемьевъ пересмотрѣлъ и старинный архивъ Казанскихъ гимназій и изъ „десятковъ тысячъ листовъ его" извлекъ тѣ любопытныя данныя, которыя легли въ основаніе позднѣйшихъ статей его объ этихъ гимназіяхъ, написанныхъ въ 1866 году, а напечатанныхъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

Но между тѣмъ какъ библіотечныя и архивныя работы Александра Ивановича совершались исподволь, рядъ другихъ ученыхъ изысканій былъ предпринятъ имъ для написанія магистерской диссертаціи. Четыре

---

[1]) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1852 г., № 9, отд. III, стр. 23—24.

Библиотека "Руниверс"

года спустя по выходѣ изъ университета, А. И. Артемьевъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра историческихъ наукъ и 15-го февраля 1846 года публично защищалъ диссертацію, написанную на тему: „Имѣли ли Варяги вліяніе на Славянъ, и если имѣли, то въ чемъ оно состояло?" (Казань, 1845). Это, къ сожалѣнію, весьма мало извѣстное сочиненіе покойнаго принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ изслѣдованій по варяжскому вопросу. Въ немъ сдѣлана попытка разсмотрѣть этотъ вопросъ съ культурной стороны; авторъ, тщательно собравъ и разобравъ мнѣнія прежнихъ ученыхъ о свойствѣ и степени вліянія Варяговъ на Славянъ, приходитъ къ заключенію, что Варяги (Скандинавы), во время пришествія ихъ въ землю Славянскую, были народомъ безземельнымъ, кочевымъ; что будучи призваны послѣдними, они сдѣлались повелителями по добровольному подданству, а не по насилію; что эти пришлые люди были весьма немногочисленны и притомъ безсемейные, холостые. Изъ всего этого авторъ выводитъ, что Варяги стояли на низшей степени образованности, чѣмъ Славяне, которые вели жизнь осѣдлую, домовитую, имѣли законы и промышленность, и что посему Варяги не могли имѣть сильнаго вліянія на Славянъ, да и дѣйствительно, не имѣли его, тѣмъ болѣе, что на всѣ стороны народной жизни Славянъ, и особенно, на самый духъ народа и умственное его просвѣщеніе оказывала сильное и рѣшительное дѣйствіе Византія. Изданное въ періодъ сильнаго господства норманизма, сочиненіе А. И. Артемьева представляетъ смѣлый и основательный отпоръ той теоріи, по которой весь внутренній строй жизни въ древнѣйшей Руси представляется съ рѣзкимъ отпечаткомъ норманскаго характера. Уже въ этой диссертаціи А. И. Артемьевъ обнаружилъ свое особенное вниманіе къ вопросамъ исторической этнографіи, которые не разъ занимали его и впослѣдствіи [1]).

[1]) Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь положенія этой диссертаціи подлинными словами автора, тѣмъ болѣе, что въ числѣ тезисовъ, выставленныхъ авторомъ, есть нѣсколько такихъ, кои не касаются ближайшимъ образомъ предмета его сочиненія:

«I. Славяне болѣе Варяговъ имѣли средствъ къ преуспѣянію своей гражданственности, а потому и стояли выше ихъ.

«II. Вліяніе Варяговъ на Славянъ было незначительно.

«III. Несравненно важнѣе, чѣмъ вліяніе Варяговъ, было дѣйствіе Византіи на древнюю Русь. Оно простиралось на всѣ главнѣйшія условія тогдашней русской гражданственности.

«IV. Исторія русскаго права, равно какъ и исторія русскаго гражданскаго общества, должна начинаться до призванія Варяговъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ то же время интересовался онъ и вопросами мѣстной исторіи и этнографіи Казанскаго края, гдѣ соприкосновеніе русскаго народнаго быта съ бытомъ инородцевъ и особенности того и другаго невольно обращаютъ на себя вниманіе наблюдателя. Назначенный въ 1844 года редакторомъ *Казанскихъ губернскихъ вѣдомостей*, А. Н. Артемьевъ, помѣстилъ здѣсь много статей и замѣтокъ историческихъ, этнографическихъ и статистическихъ о тамошнемъ краѣ. Изъ нихъ особенно замѣчательны: „Моровое повѣтріе въ Казани въ 1654—1656 годахъ" (перепечатана въ *Маякѣ* 1844 года, ч. XVIII) и „Прогулки по Казани", рядъ очерковъ, представляющихъ занимательное и богатое свѣдѣніями описаніе и исторію Казанскихъ достопримѣчательностей, преимущественно разныхъ коллекцій и ученыхъ учрежденій при университетѣ. Для однихъ изъ этихъ статей, онъ добывалъ матеріалы поисками въ архивахъ казенныхъ учрежденій; другія заключали въ себѣ плоды его личныхъ наблюденій во время многочисленныхъ разъѣздовъ по губерніи. Вообще изыскательность его въ дѣлѣ изученія мѣстной исторіи и народнаго быта принимала самое разнообразное направленіе, и всюду готовъ онъ былъ приложить свой трудъ и знаніе, лишь бы освѣтить не разъясненныя или забытыя явленія. Такъ, напримѣръ, собравъ въ статьѣ своей о библіотекѣ Казанскаго университета любопытныя свѣдѣнія объ одномъ

«V. Направленіе, данное изысканіямъ по русской исторіи Шлёцеромъ, сосредоточивъ вниманіе изслѣдователей исключительно на первомъ ея періодѣ, замедлило успѣхи обработанія прочихъ ея частей, въ особенности же помѣшало внимательному разсмотрѣнію гражданскаго быта древней Руси въ разные періоды ея существованія.

«VI. Сомнѣнія въ подлинности Несторова временника, равно какъ и толки о Варягахъ, не принесли существенной пользы русскому дѣеписанію.

«VII. Основныя положенія Венелина и его послѣдователей могутъ удовлетворить даже требованіямъ осмотрительной исторической критики; но въ частностяхъ они слишкомъ увлеклись догадками, которыя нерѣдко вредятъ главному дѣлу.

«VIII. Изслѣдованія о Смутномъ періодѣ понынѣ не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, потому что вниманіе изыскателей обращалось преимущественно на личность самозванцевъ, а не на пружины, двигавшія тогдашнія событія.

«IX. Несправедливо утверждаютъ, будто до Петра Великаго у насъ существовало коллегіальное устройство судовъ. Во всей древней Руси управленіе было личное, основанное на единоначаліи.

«X. Доселѣ сдѣланныя попытки обработанія русскихъ древностей не имѣютъ никакого основанія и показываютъ, что занимавшіеся этимъ предметомъ не дали себѣ отчета, какими правилами надлежитъ руководствоваться въ этомъ отношеніи».

Библиотека "Руниверс"

изъ первыхъ вкладчиковъ ея, В. И. Полянскомъ, онъ печатно приглашалъ доставлять новыя о немъ біографическія данныя „на имя редактора неофиціальной части губернскихъ вѣдомостей, въ университетъ" и заявлялъ „живѣйшую готовность" заняться ихъ обработкою; и эта „живѣйшая готовность" никогда не была у него пустымъ, празднымъ словомъ. При такихъ условіяхъ, при такой постоянной дѣятельности, редакторство А. И. Артемьева чрезвычайно оживило мѣстную газету и привлекло къ ней полезныхъ сотрудниковъ: извѣстное сочиненіе В. А. Сбоева о Чувашахъ написано въ формѣ писемъ къ А. И. Артемьеву и первоначально появилось въ *Казанскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ*. Тамъ же, если не ошибаемся, были напечатаны первыя статьи дѣльнаго этнографа Казанскаго, С. Михайлова, природнаго Черемисина. Статьи небольшой Казанской газеты были замѣчены столичными журналистами, которые стали перепечатывать ихъ въ своихъ изданіяхъ.

Быть можетъ, поощряемый этимъ успѣхомъ, Александръ Ивановичъ и самъ началъ посылать свои статьи, также по мѣстной исторіи, для напечатанія въ Петербургъ и Москву: такъ, въ *Сѣверномъ Обозрѣніи* 1848 г., № 1, появилась довольно большая рецензія его на сочиненіе г. Н. Баженова: „Казанская Исторія" (Казань, 1847 г.), а въ *Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*, 1851 г., кн. 1, статья: „Древній болгарскій городъ Жукотинъ", въ которой точно опредѣлено мѣстоположеніе этого города въ Чистопольскомъ уѣздѣ, гдѣ на его мѣстѣ и по нынѣ существуетъ село того же имени. Объ участіи А. И. Артемьева въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, начало котораго восходитъ къ тому же времени, упомянуто выше.

Кромѣ того, около этого же времени, А. И. Артемьевъ сталъ сообщать въ *Москвитянинъ* корреспонденціи объ ученыхъ новостяхъ Казанскихъ и вступилъ въ сношенія съ нѣкоторыми учеными обществами обѣихъ столицъ. Въ XI-й книгѣ *Временника Общества Исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ* (1851 г.) напечатана статья А. И. Артемьева: „Каталоги библіотеки Московской сунодальной типографіи", составленная на основаніи копій съ нихъ, принадлежащихъ Казанской университетской библіотекѣ"; а въ томѣ III-мъ *Записокъ С.-Петербургскаго Археологическаго Общества* (1851 года) появилась его статья: „Медальные комитеты, учрежденные императрицею Екатериною II", съ любопытными свѣдѣніями о медаляхъ, выбитыхъ по повелѣнію Екатерины на разныя событія изъ цар-

Библиотека "Руниверс"

ствованія Петра Великаго, на основаніи документовъ, также хранящихся въ Казанской библіотекѣ; сверхъ этого, въ *Перечнѣ засѣданій* того же общества за 1850 годъ (изд. 1851 г.) помѣщены: „Минцъ-кабинетъ Императорскаго Казанскаго университета" и „Разгадка старинной анаграммы, помѣщенной въ послѣсловіи къ житію св. Александра Невскаго". Еще ранѣе присылки этихъ статей, 14-го февраля 1850 года, А. И. Артемьевъ былъ выбранъ членомъ-корреспондентомъ Археологическаго общества.

За нѣсколько дней передъ тѣмъ, 8-го февраля 1850 года, состоялось избраніе его и дѣйствительнымъ членомъ Русскаго Географическаго общества. Около этого времени онъ задумалъ составить, на основаніи собственныхъ наблюденій и изслѣдованій и другихъ матеріаловъ, общее описаніе Казанской губерніи въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ; первую часть этого труда онъ и препроводилъ въ Географическое общество, но здѣсь она осталась не напечатанною [1]).

Такая участь одного изъ большихъ трудовъ А. И. Артемьева, присланнаго въ Петербургъ, не охладила, однако, ученой дѣятельности Александра Ивановича и не прекратила уже завязанныхъ имъ учено-литературныхъ сношеній съ обѣими столицами; а вскорѣ затѣмъ переселеніе его въ Петербургъ помогло его личному сближенію съ тѣмъ кругомъ людей науки, который по преимуществу интересовалъ его въ столицѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, доставило возможность людямъ, которые были знакомы только съ учеными трудами Александра Ивановича, оцѣнить его высокія личныя достоинства.

Еще въ 1851 году А. И. Артемьевъ, безъ всякаго исканія съ своей стороны, получилъ приглашеніе отъ графа Л. А. Перовскаго служить по министерству внутреннихъ дѣлъ. Годъ спустя по полу-

---

[1]) Рукопись была взята на разсмотрѣніе однимъ изъ членовъ Общества и не заслужила его одобренія; причиною тому были, по видимому, нѣкоторыя стилистическія шероховатости, слишкомъ поразившія столичнаго рецензента въ трудѣ провинціальнаго писателя; такъ, по крайней мѣрѣ, можно догадываться по замѣткамъ критика на поляхъ рукописи, которая и по нынѣ находится въ ученомъ архивѣ Общества. Когда, лѣтъ семь тому назадъ, пишущій эти строки нашелъ ее въ этомъ складѣ и сообщилъ о томъ автору, оказалось, что почтенный Александръ Ивановичъ ничего не зналъ о судьбѣ своего сочиненія съ самаго того времени, какъ отправилъ его въ Петербургъ: переселившись впослѣдствіи въ столицу и сдѣлавшись однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Географическаго общества, онъ, по обычной своей скромности, никогда не рѣшался навести справку о томъ, что̀ сталось съ его сочиненіемъ.

Библиотека "Руниверс"

ченіи этого приглашенія, онъ былъ причисленъ (9-го апрѣля 1852 г.) къ названному министерству и покинулъ Казань. Съ перваго дня прибытія въ Петербургъ поставленный въ прямыя сношенія съ покойными Н. А. Милютинымъ и Н. И. Надеждинымъ, А. И. Артемьевъ началъ работать по канцелярскія работы. Въ ту пору снаряжались министерствомъ статистическія экспедиціи, и А. И. Артемьевъ былъ назначенъ членомъ-редакторомъ одной изъ нихъ, направленной въ Ярославскую губернію [1]). Эта экспедиція еще болѣе, чѣмъ частныя поѣздки по Казанской губерніи, была для А. И. Артемьева практическою школой, въ которой онъ имѣлъ случай близко ознакомиться съ пріемами и способами собиранія статистическихъ свѣдѣній, а также съ народною жизнью въ одной изъ самыхъ промышленныхъ великорусскихъ губерній. Здѣсь встрѣтился онъ, между прочимъ, съ обширнымъ распространеніемъ раскола, наблюдалъ вліяніе раскольничьихъ понятій безпоповщины на разныя стороны народнаго быта и изучалъ особенности различныхъ сектъ; наглядное и близкое знакомство съ этимъ поразительнымъ явленіемъ русской жизни не могло не оказать сильнаго вліянія на весь складъ общественныхъ воззрѣній умнаго и проницательнаго наблюдателя. Масса свѣдѣній, собранныхъ этою экспедиціей, по огромности своей, не могла быть издана вполнѣ, но только главнѣйшіе выводы напечатаны въ особой книгѣ: „О составѣ и движеніи населенія по губерніямъ Нижегородской и Ярославской" (С.-Петербургъ, 1861 г.); это изданіе можно однако считать библіографическою рѣдкостью, ибо большая часть экземпляровъ его погибла въ пожарѣ, бывшемъ въ зданіи министерства внутреннихъ дѣлъ 28-го мая 1862 года. Послѣ объѣзда Ярославской губерніи, А. И. Артемьевъ посѣтилъ, также по дѣламъ службы, Саратовскую губернію, а по возвращеніи изъ экспедиціи былъ назначенъ, 28-го іюня 1853 года, старшимъ производителемъ (впослѣдствіи редакторомъ) статистическихъ работъ въ статистическій комитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ, который позже получилъ названіе центральнаго статистическаго комитета.

Ровно двадцать лѣтъ, до назначенія въ 1871 г. членомъ статистическаго совѣта, А. И. Артемьевъ оставался въ этой должности и былъ

---

[1]) Личный составъ этой экспедиціи былъ слѣдующій: начальникъ — *Н. М. Синицынъ* (ум. въ 1856 г.), члены—*Д. К. Насиловъ*, *А. И. Пискаревъ*, графъ *А. К. Сиверсъ*, *Г. Г. Григорьевъ*, и *А. И. Артемьевъ*. Впослѣдствіи къ экспедиціи былъ присоединенъ графъ *Э. К. Гуттенъ-Чапскій*. Въ то же время такая же экспедиція была отправлена въ Нижегородскую губернію.

Библиотека "Руниверс"

постояннымъ участникомъ всѣхъ преобразованій по статистической части и всѣхъ ученыхъ работъ комитета, предпринятыхъ въ теченіе этого времени. При его непосредственномъ участіи выработанъ планъ изданія „Списковъ населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи“ (выходящаго въ свѣтъ съ 1861 года); подъ его редакціей и съ его обширными введеніями изданы въ свѣтъ списки губерній: Астраханской, Бессарабской, Казанской, Курской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской и Ярославской. Имъ же обработаны нѣкоторые важные отдѣлы въ другихъ изданіяхъ комитета, вышедшихъ подъ заглавіями: „Статистическія Таблицы“ (изд. 1856 г.), „Статистическій Временникъ“ (въ особенности VIII-й выпускъ второй серіи этого изданія, заключающій въ себѣ сводъ свѣдѣній о движеніи населенія по Имперіи за 1867 г., съ обширнымъ предисловіемъ объ устройствѣ у насъ статистической регистраціи по этому предмету) и „Санктпетербургъ по переписи 1869 г.“ (въ первомъ выпускѣ этого изданія А. И. Артемьеву принадлежатъ предисловіе, излагающее ходъ всей операціи переписи, и обработка отдѣла о вѣроисповѣданіи, родномъ языкѣ и грамотности жителей столицы). Въ подготовительныхъ работахъ по производству этой переписи, а также къ съѣзду секретарей губернскихъ статистическихъ комитетовъ въ 1870 году, и еще ранѣе того, по устройству поземельной регистраціи (по нынѣ, впрочемъ, не осуществленному) А. И. Артемьевъ также принималъ самое постоянное и дѣйствительное участіе, внося во всѣ свои работы и сужденія основательность фактическаго знанія и близкое, утвержденное на опытѣ знакомство съ условіями какъ народной жизни, такъ и административной дѣятельности. Всегда высоко цѣнимый и уважаемый своими начальниками, Александръ Ивановичъ являлся постояннымъ совѣтникомъ и руководителемъ своихъ сослуживцевъ, охотно, дружески и безъ малѣйшаго самомнѣнія дѣлясь съ ними своими обширными свѣдѣніями и опытностью.

Кромѣ занятій собственно по статистическому комитету, А. И. Артемьевъ, работая подъ руководствомъ Н. А. Милютина, съ первыхъ дней дѣйствія редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому дѣлу, привлеченъ былъ къ занятіямъ по этому великому вопросу. Подъ его наблюденіемъ и редакціей напечатаны были разныя изданія, относящіяся къ тому, между прочимъ „Второе изданіе матеріаловъ редакціонныхъ коммиссій“ (6 томовъ, 1859—1860) и „Матеріалы по вопросу объ обезпеченіи продовольствія въ Россіи“ (3 части, 1860—1861). Съ объявленіемъ манифеста 19-го февраля 1861 года, по мысли Н. А.

Библиотека "Руниверс"

Милютина, было предпринято особое ежемѣсячное изданіе, подъ заглавіемъ *Лѣтописи сельскаго благоустройства*, въ которомъ сообщались всѣ правительственныя распоряженія по устройству быта освобожденныхъ крестьянъ и всѣ свѣдѣнія о ходѣ этого дѣла въ губерніяхъ; это изданіе также было редактируемо А. И. Артемьевымъ.

Учено-литературная дѣятельность А. И. Артемьева со времени его переселенія въ Петербургъ была въ связи съ его служебными занятіями. Онъ участвовалъ въ редакціи *Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*, и сверхъ того, съ 1857 года по 1862 почти въ каждой книжкѣ его помѣщалъ библіографическіе разборы статистическихъ изданій и нѣкоторыя другія статьи. Въ двухъ обширныхъ изданіяхъ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ онъ также былъ приглашенъ къ дѣятельному сотрудничеству. Такъ, въ „Городскихъ поселеніяхъ Россійской имперіи" (7 томовъ, 1860—1868) А. И. Артемьеву принадлежатъ историческіе очерки 26 губерній и всѣхъ городовъ въ нихъ (перечень этихъ губерній находится въ предисловіи къ тому I-му), а въ „Экономическомъ состояніи городовъ Европейской Россіи" имъ описаны нѣсколько южныхъ губерній. По прекращеніи *Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ* А. И. Артемьевъ принималъ участіе въ редакціи *Сѣверной Почты*, а въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* помѣстилъ довольно обширныя статьи: „Подворная перепись населенія г. Перми", „Фабрично-заводская промышленность, ремесленность и ярмарки Варшавской губерніи" и „Обозрѣніе смѣты доходовъ и расходовъ города Варшавы за 1868 годъ". Изъ частныхъ изданій А. И. Артемьевъ, по переселеніи на службу въ Петербургъ, принималъ участіе въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (1857 г. ч. X), гдѣ помѣщена обширная его статья „О народныхъ переписяхъ", отчетливо излагающая ихъ исторію, организацію и результаты, и притомъ, имѣвшая тогда современное значеніе въ виду предполагавшейся на 1858 годъ десятой ревизіи,—въ газетѣ *Русскій Дневникъ* 1859 года и въ обоихъ „Энциклопедическихъ Словаряхъ"—А. А. Краевскаго и нынѣ издаваемомъ—И. Н. Березина. Въ томъ и другомъ были печатаемы Артемьевымъ статьи историко-статистическаго содержанія.

Извѣстно, какъ важно въ статистическихъ трудахъ—критически оцѣнить первичныя данныя и аккуратно сдѣлать подготовительную черновую работу для упорядоченія и правильной постановки этого матеріала, прежде чѣмъ приступать къ систематическому распредѣленію итоговъ и къ опредѣленію отношеній между отдѣльными цифрами и ихъ группами. А. И. Артемьевъ, во всѣхъ своихъ статистическихъ рабо-

Библиотека "Руниверс"

тахъ, въ высшей степени внимательно относился къ этой необходимой, хотя и не видной части труда, никогда не останавливаясь передъ громадностью нерѣдко требовавшихся при этомъ усилій. Напротивъ того, онъ былъ очень остороженъ и сдержанъ въ выводахъ и особенно въ объясненіи статистическихъ результатовъ. Чрезвычайно искусно умѣлъ онъ сочетать съ данными статистическими свой обширный запасъ этнографическихъ и историческихъ познаній. Поэтому съ особенною любовью обработывалъ онъ списки населенныхъ мѣстъ, которые давали разнообразную пищу его ученой изыскательности. Во всѣхъ написанныхъ имъ введеніяхъ къ спискамъ населенныхъ мѣстъ отдѣльныхъ губерній, кромѣ спеціально статистическихъ выводовъ, дано самое широкое мѣсто изслѣдованіямъ и замѣчаніямъ по исторической географіи и этнографіи. Движеніе колонизаціи, постепенное сліяніе первобытныхъ жителей съ позднѣйшими пришельцами и образованіе этимъ путемъ настоящаго населенія извѣстнаго края, распредѣленіе древнихъ селищъ, номенклатура населенныхъ мѣстностей, вліяніе природы на характеръ и промыслы жителей и обусловливаемое этимъ вліяніемъ образованіе разновидностей кореннаго народнаго типа—всѣ эти задачи, по преимуществу историко-географическія и историко-этнографическія, всегда занимали собою А. И. Артемьева и разсматривались имъ съ возможною подробностью, большею частью на основаніи самостоятельныхъ его розысканій.

Изъ числа редактированныхъ имъ списковъ два наиболѣе замѣчательны по полнотѣ обработки предпосланныхъ имъ введеній: мы говоримъ о спискахъ населенныхъ мѣстъ въ губерніяхъ Казанской и Ярославской. Раздѣляя мнѣніе Н. И. Надеждина, что „наша древняя географія тѣмъ запутана, что никто не пріурочивалъ ее живымъ наблюденіемъ“, и сожалѣя, что „у насъ еще не явился свой Реннель, который бы совершилъ пѣшехожденіе исключительно для повѣрки Большого Чертежа“ [1]), —А. И. Артемьевъ въ обоихъ названныхъ трудахъ постарался примѣнить въ широкихъ размѣрахъ столь цѣнимый имъ методъ сличенія древнихъ историко-географическихъ и историко-этнографическихъ свидѣтельствъ съ самыми мѣстностями, о которыхъ въ этихъ свидѣтельствахъ говорится. Это удалось ему тѣмъ лучше, что въ своихъ поѣздкахъ онъ не оставлялъ безъ замѣчанія дѣйствительно ничего касающагося древностей и народнаго быта, начиная съ земляныхъ сооруженій—кургановъ, валовъ и городищъ,

[1]) Списокъ Каз. губ., введеніе, стр. XXXI.

Библиотека "Руниверс"

и съ названій всякаго рода урочищъ и кончая особенностями народнаго хозяйства въ извѣстномъ краѣ и прозвищами, которыми характеризуются жители той или другой мѣстности. Это-то примѣненіе живого наблюденія дало А. И. Артемьеву возможность удовлетворительно рѣшить такіе вопросы, какъ, напримѣръ, означеніе предѣловъ древней Болгарской земли и движеніе славянской колонизаціи въ Ростовской землѣ, опредѣлить мѣстонахожденіе Шернскаго лѣса, гдѣ, въ 1238 году, убитъ былъ Татарами Василько Ростовскій, или наконецъ, указать слѣды татарскаго населенія, нынѣ исчезнувшаго, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Ярославской губерніи [1]). Вообще можно сказать, что тщательная обработка историко-географическихъ и историко-этнографическихъ вопросовъ во введеніяхъ ко всѣмъ спискамъ населенныхъ мѣстъ, которые редактированы А. И. Артемьевымъ, дѣлаетъ эти этюды, небольшіе по объему, по богатые содержаніемъ, вкладами въ науку тѣмъ болѣе полезными, что мѣстная исторія весьма мало у насъ разработана. Будущій историкъ славяно-русской колонизаціи не только найдетъ въ этихъ трудахъ многочисленныя для себя указанія, но и пріиметъ многіе частные выводы, сдѣланные А. И. Артемьевымъ въ этомъ отношеніи, и вѣроятно, усвоитъ себѣ ту главную идею, которую постоянно проводилъ онъ въ своихъ очеркахъ, именно, что Славяно-Русское племя, какъ наиболѣе культурное на восточно-европейской равнинѣ, не столько матеріальною силой, сколько своею сравнительно высшею цивилизаціей покоряло своихъ иноплеменныхъ сосѣдей—Финновъ и Тюрковъ.

Къ Петербургскому періоду жизни А. И. Артемьева относится дѣятельность его въ трудахъ двухъ ученыхъ обществъ—Русскаго Археологическаго и Русскаго Географическаго. Въ *Извѣстіяхъ* перваго изъ нихъ помѣщено нѣсколько рецензій, написанныхъ А. И. Артемьевымъ; сверхъ того, онъ былъ участникомъ двухъ первыхъ археологическихъ съѣздовъ—въ Москвѣ и Петербургѣ, и принадлежалъ къ составу той ученой коммиссіи, которая была избрана Петербургскимъ Археологическимъ обществомъ для изданія трудовъ второго съѣзда. Предсмертная болѣзнь застала Александра Ивановича за этою работою. Въ коммиссіи по устройству архивовъ, возникшей по иниціативѣ второго съѣзда,

---

[1]) Списокъ Каз. губ., введеніе, стр. XXXI—XXXIII и Списокъ Яросл. губ., введеніе, стр. XXIV—XXV и XXIX—XXXI. Ср. Отчетъ Геогр. Общ. за 1852 годъ, стр. 80.

Библиотека "Руниверс"

А. И. Артемьевъ также явился членомъ въ качествѣ представителя министерства внутреннихъ дѣлъ.

Еще тѣснѣе связанъ онъ былъ съ Обществомъ Географическимъ. Онъ дѣятельно трудился по двумъ его отдѣленіямъ — этнографіи и статистики, и можно сказать, что ни одинъ изъ главныхъ вопросовъ, въ нихъ возбуждавшихся, не выработывался безъ его участія. Имъ было разсмотрѣно большое количество присылаемыхъ въ Общество статей этнографическаго и статистическаго содержанія, преимущественно относительно губерній приволжскихъ. Постоянный членъ коммиссій, ежегодно избираемыхъ отдѣленіями для присужденія медалей, онъ всегда являлся серьезнымъ и добросовѣстнымъ критикомъ всѣхъ трудовъ, разборъ которыхъ выпадалъ на его долю. Онъ написалъ между прочимъ рецензіи на сочиненія — г. Лаптева: „Матеріалы для географіи и статистики Казанской губерніи", — г. Кривошапкина: „Енисейскій округъ и его жизнь" и общій обзоръ ученыхъ трудовъ В. П. Васильева при присужденіи Константиновской медали нашему знаменитому синологу. Въ другихъ ученыхъ коммиссіяхъ, которыя были избираемы названными отдѣленіями, А. И. Артемьевъ былъ тоже почти постояннымъ членомъ, и вездѣ, какъ въ сферѣ чисто научной, такъ и при практической постановкѣ вопросовъ, его опытное слово имѣло особый вѣсъ. Въ особенности важно было его участіе въ коммиссіи, разсматривавшей трудъ г. Куклинскаго надъ возстановленіемъ Большого Чертежа, гдѣ обширная историко-географическая эрудиція покойнаго нашла себѣ широкое примѣненіе.

Избранный редакторомъ двухъ первыхъ томовъ *Записокъ* отдѣленія статистики, А. И. Артемьевъ, можно сказать, мастерски исполнилъ это порученіе. Въ первомъ томѣ этого сборника помѣщенъ трудъ священника Ѳ. В. Гиляровскаго: „О рожденіи и смертности дѣтей въ Новгородской губерніи". По отзыву секретаря отдѣленія статистики въ 1867 году, М. П. Раевскаго, „рукопись протоіерея Гиляровскаго, замѣчательная по богатству содержанія, представляла тѣмъ не менѣе не мало затрудненій при редакціи. Авторъ—глубокій и тонкій наблюдатель, въ то же время не можетъ быть названъ ученымъ статистикомъ въ строгомъ смыслѣ слова: дойдя до научныхъ выводовъ преимущественно путемъ личныхъ наблюденій, онъ неизбѣжно впадаетъ въ недоразумѣнія, разрѣшая вопросы экономическіе, медицинскіе; вдобавокъ, крайне тяжелый слогъ и совершенно оригинальная терминологія нерѣдко затемняютъ сущность дѣла. И трудъ Ѳ. В. Гиляровскаго оставался въ рукописи до тѣхъ поръ, пока отдѣленіе не обратилось къ содѣйствію

Библиотека "Руниверс"

Александра Ивановича. Благодаря неутомимому его старанію, I-й томъ *Записокъ* отдѣленія, сохраняя всю своеобразность труда отца Гиляровскаго, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ стройное цѣлое въ чисто-научномъ смыслѣ" [1]). Второй томъ тѣхъ же *Записокъ* если и не потребовалъ отъ А. И. Артемьева такой коренной переработки, за то обогатился составленными имъ дополнительною статьею къ изслѣдованію В. А. Попова: „О движеніи населенія въ Вологодской губерніи" и некрологомъ другого вкладчика въ этомъ же сборникѣ— А. Ѳ. Попова.

Въ дѣятельности отдѣленія этнографіи участіе А. И. Артемьева было столь же полезно. Нѣсколько примѣровъ тому приведено уже выше. Но должно указать еще на одно ученое предпріятіе этого отдѣленія, гдѣ помощь Александра Ивановича была существенно необходима. Когда въ 1868 году бывшій секретарь Географическаго общества, баронъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакенъ, предложилъ нѣкоторымъ изъ членовъ Отдѣленія этнографіи обсудить вопросъ о составленіи этнографическаго атласа Россіи, Артемьевъ оказалъ горячее содѣйствіе разсмотрѣнію этого проекта, и подъ его руководствомъ былъ выработанъ первый планъ этого труда. Хотя проектъ этотъ оказался не осуществимымъ по недостатку матеріальныхъ средствъ, но вскорѣ затѣмъ явилось предложеніе М. И. Венюкова объ изданіи новой этнографической карты Европейской Россіи; А. И. Артемьевъ и въ этомъ дѣлѣ явился однимъ изъ руководящихъ дѣятелей и много помогалъ указаніями своими почтенному редактору названной карты А. Ѳ. Риттиху. Наконецъ, свое глубокое уваженіе, и можно сказать, преданность ученой дѣятельности Географическаго общества А. И. Артемьевъ выразилъ составленіемъ, по случаю двадцатипятилѣтія Общества, замѣчательнаго обзора трудовъ его по исторической географіи (С.-Пб., 1873). Нельзя не вспомнить здѣсь о томъ, какъ трудясь надъ этимъ превосходнымъ критико-библіографическимъ очеркомъ и отдавая полную справедливость многимъ почтеннымъ работамъ своихъ сочленовъ по исторической географіи, покойный — самъ неутомимый трудолюбецъ—скорбѣлъ, когда находилъ, при тщательномъ просмотрѣ протоколовъ Общества, указанія на какіе-либо задуманные и не выполненные предпріятія и труды.

Всѣ эти разнообразныя заслуги А. И. Артемьева предъ Географическимъ обществомъ были почтены присужденіемъ ему въ 1867 г. малой

[1]) Отчетъ Геогр. Общества за 1867 годъ, стр. 80—81.

Библиотека "Руниверс"

золотой медали и указали ему мѣсто въ совѣтѣ Общества; въ этомъ званіи онъ пробылъ одно четырехлѣтіе, и чрезъ годъ послѣ того, вторично призванный къ исполненію тѣхъ же обязанностей, несъ ихъ до самой кончины.

Наконецъ, въ 1867 и 1868 годахъ А. И. Артемьевъ имѣлъ честь сопровождать Его Императорское Высочество, великаго князя Алексѣя Александровича, въ путешествіи по Европейской Россіи и Кавказскому краю и въ плаваніи по Черному и Средиземному морямъ.

Но не одна только высоко-полезная ученая дѣятельность покойнаго, не только его трудолюбіе, его свѣтлый, просвѣщенный умъ и даровитость внушали уваженіе къ почтенному Александру Ивановичу. Всѣ сближавшіеся съ нимъ цѣнили въ немъ еще человѣка въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Человѣкъ истинно добрый, онъ никогда не выставлялъ на показъ скрытую нѣжность своей души; сдержанный въ обращеніи и въ выраженіи своего расположенія, онъ любилъ затаивать свои привязанности въ глубинѣ сердца. Но всегда снисходительный къ другимъ и строгій только къ себѣ, всегда благожелательный къ чужому успѣху и скромный въ признаніи лишь своихъ заслугъ, онъ всегда готовъ былъ помочь тому, кто желалъ его помощи: много найдется людей, особенно тружениковъ науки, которыхъ онъ ободрилъ и руководилъ своимъ добрымъ словомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ человѣкъ прямой и свое спокойное, разумное мнѣніе высказывалъ всегда безъ утайки, такъ, какъ требовала его совѣсть. За то у него не было—да и не могло быть—недоброжелателей: всякая непріязнь склонялась предъ этимъ благороднымъ, высоко-нравственнымъ характеромъ. Вотъ почему незабвенный покойникъ пользовался такимъ полнымъ уваженіемъ, такою единодушною любовью всѣхъ знавшихъ его, какія выпадаютъ на долю немногихъ.

22-го октября 1874 года.

Л. Майковъ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ОТДѢЛЪ

КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ЗАМѢТКА О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ ПРЕПОДАВАНІИ ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА.

Извѣстно предубѣжденіе противъ классическаго образованія вообще и греческаго языка въ особенности.—*Аще свѣтъ, иже въ тебѣ, тма есть, то тма кольми?* (Матѳ. 17, 23). Если половина образованнаго русскаго общества и бо̀льшая половина нашей періодической печати предавала и предаетъ анаѳемѣ нашъ многострадальный классицизмъ, то можно вообразить себѣ, какими очами взглянула и смотритъ на этотъ предметъ провинціальная полуобразованная, а часто и совершенно невѣжественная среда, изъ которой дѣти поступаютъ въ гимназіи! Неоднократныя бесѣды и разсужденія съ родителями и опекунами учениковъ о греческомъ языкѣ убѣдили и убѣждаютъ меня, что языкъ этотъ у нихъ еще въ меньшемъ почетѣ и уваженіи, чѣмъ языкъ цыганскій или татарскій. Наслушавшись дома такихъ разсужденій и усвоивъ себѣ подобные взгляды, дѣти, естественно, вступаютъ въ гимназію не только съ полнѣйшимъ предубѣжденіемъ противъ этого языка, но даже съ чувствомъ страха и отвращенія къ нему. Очевидно поэтому, что самая первая и главная задача педагога, *начинающаго* преподаваніе греческаго языка,— разсѣять предубѣжденіе его учениковъ противъ этого предмета, уничтожить въ нихъ ни на чемъ не основанный какой-то паническій страхъ предъ нимъ, вырвать съ корнемъ навѣянное извнѣ глупѣйшее отвращеніе къ нему и, взамѣнъ всего этого, расположить ихъ къ этому предмету, сначала заронивъ въ нихъ любопытство, потомъ возбудивъ интересъ и наконецъ любовь, безъ которыхъ, какъ извѣстно каждому, не мыслимо изученіе чего бы то ни было.

Какъ же поступать педагогу въ этомъ важномъ и критическомъ случаѣ? Я говорю—*критическомъ* потому, что здѣсь отъ перваго шага учителя зависитъ вся будущность предмета въ гимназіи; и если гдѣ,

Библиотека "Руниверс"

то именно въ настоящемъ случаѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія изреченіе Горація: dimidium facti, qui bene coepit, habet. Отвѣчая на поставленный вопросъ, мы должны сознаться, что наша педагогическая практика пока не можетъ дать прямаго и положительнаго отвѣта на него. Безъ сомнѣнія, причиной этому новость дѣла и тѣ неблагопріятныя обстоятельства, которыя сопровождали появленіе на свѣтъ Божій нашего злосчастнаго классицизма. По большей части наши педагоги, въ данномъ случаѣ, раздѣляются на два разряда или класса: одни не сознаютъ исключительнаго положенія греческаго языка въ кругу предметовъ гимназическаго курса; другіе хотя и сознаютъ его, но, въ силу различныхъ личныхъ соображеній и побужденій, или игнорируютъ его, или не придаютъ этому обстоятельству особеннаго значенія. Вслѣдствіе этого тѣ и другіе идутъ по одному и тому же педагогическому пути и держатся однихъ и тѣхъ же пріемовъ въ преподаваніи: вооружившись учебникомъ Кюнера и стоическимъ хладнокровіемъ, они шагъ за шагомъ слѣдуютъ за руководствомъ (съ дозволенными учебнымъ планомъ сокращеніями), пока не дойдутъ до положеннаго по программѣ мѣста, то-есть, начинаютъ преподавать греческій языкъ, какъ всѣ предметы гимназическаго курса, то-есть, такъ, какъ будто бы противъ него не существовало никакого предубѣжденія. Но этотъ путь, очевидно, не вѣренъ, потому что онъ не уничтожаетъ въ ученикахъ вышеупомянутаго предубѣжденія противъ предмета, а слѣдовательно не возбуждаетъ въ нихъ интереса и любви къ нему. Дѣти не перестаютъ испытывать отталкивающее чувство и по прежнему считаютъ греческій языкъ чѣмъ-то внѣшнимъ, чуждымъ, чѣмъ-то такимъ, что не только не содѣйствуетъ умственному ихъ развитію, но даже мѣшаетъ ему, какъ тормазъ, какъ тяжкое и лишнее бремя. А усвоивъ въ самомъ началѣ это убѣжденіе, ученикъ, предоставленный самому себѣ, не въ силахъ высвободиться изъ-подъ него и въ послѣдствіи.

Чтобы уничтожить въ ученикахъ унаслѣдованное нелѣпое и уродливое, но тѣмъ не менѣе упорное предубѣжденіе противъ греческаго языка и возбудить въ нихъ, на первыхъ же порахъ, любопытство, интересъ и расположеніе къ нему, я стараюсь, при первоначальномъ его преподаваніи, провести и доказать мысль, что языкъ этотъ не есть что-либо чуждое намъ, но что мы уже нѣсколько знаемъ его и не учившись.—Исходя изъ этой мысли, я употребляю слѣдующіе способы и пріемы:

1) Чуть только ученики познакомятся съ азбукой и начнутъ чи-

Библиотека "Руниверс"

тать и писать, я называю имъ слова—азбука, буквы, удареніе греческими терминами — ἀλφάβητον, γράμματα, τόνος; сопоставляю ихъ съ русскими словами—алфавитъ, грамота, тонъ, и такимъ образомъ ipso facto убѣждаю ихъ, что эти послѣднія цѣликомъ взяты въ нашъ языкъ изъ греческаго. Вслѣдъ за этимъ я останавливаю ихъ вниманіе на названіи книгъ, по которымъ они учатся, на словахъ — граматика, хрестоматія и объясняю ихъ греческое происхожденіе; затѣмъ разъясняю названія частей граматики—этимологія, синтаксисъ, орѳографія. На объясненіе этихъ словъ я посвящаю по нѣскольку минутъ при концѣ или началѣ урока. Но чтобы эти объясненія не были толченіемъ воды и празднымъ препровожденіемъ времени, пишутся на доскѣ всѣ разсматриваемыя слова съ ихъ русскими значеніями: ἀλφάβητος, γράμμα, γράμματα, τόνος, γράφω, γραμματική (τέχνη), χρηστός, μανθάνω, ἔτυμος, λόγος, τάσσω, συντάσσω, σύνταξις, ὀρθός и пр. Ученики записываютъ ихъ въ свои тетради и заучиваютъ, кто хочетъ Заронивъ въ молодые умы первое зерно любопытства и интереса къ предмету, я, при дальнѣйшемъ прохожденіи граматики, неотступно преслѣдую ту же цѣль, и потому обращаю вниманіе моихъ слушателей на слова, постоянно ими употребляемыя: каѳедра, библіотека, гимназія, гимнастика, лицей и др. Разъяснивъ названія предметовъ, почти ежеминутно встрѣчающіяся, я перехожу къ объясненію значенія собственныхъ именъ учениковъ, напримѣръ: Стефанъ, Василій, Макаръ, Николай, Ѳеодоръ, Филиппъ и др. Такъ какъ имена наши мы получаемъ отъ церкви, то, въ слѣдъ за ихъ разъясненіемъ, я останавливаюсь на толкованіи и объясненіи употребительнѣйшихъ словъ языка церкви: іерей, протоіерей, архіерей, пресвитеръ, протопресвитеръ, іерархъ, митрополитъ, епископъ, діаконъ, архидіаконъ, протодіаконъ, ктиторъ, амвонъ, библія, евангеліе, апостолъ, каѳизма, акаѳистъ, ангелъ, діаволъ и др. Показавъ, что относительно названія церковныхъ предметовъ мы въ совершенной зависимости отъ языка греческаго, и что не зная послѣдняго, мы произносимъ ихъ или изуродовавъ (какъ напримѣръ, титоръ вм. ктиторъ, панахида или панафида вм. панихида), или еще чаще машинально и безсознательно, не соединяя съ ними надлежащаго смысла и значенія, я предлагаю, въ заключеніе, этимологическое значеніе словъ, относящихся къ наукѣ, искусству и жизни вообще; напримѣръ, катехизисъ, ариѳметика, географія, исторія, геометрія, физика, стихъ, реторика, піитика, поэтъ, поэма, поэзія, музыка, архитектура, фосфоръ, фотогенъ, фотографія, телеграфъ, стеаринъ, керосинъ, ми-

Библиотека "Руниверс"

кроскопъ, термометръ, барометръ, баритонъ и др. — Разумѣется, все это дѣлается исподволь, при случаѣ и какъ бы мимоходомъ, но съ записываніемъ объясняемыхъ словъ, заучиваніе которыхъ предоставляется *ad libitum*. Если ученики выучили и знаютъ всѣ эти слова, прекрасно; если же нѣтъ, не большая бѣда: матеріалъ здѣсь играетъ второстепенную роль, а главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы привлечь вниманіе ученика къ предмету и заставить его volens-nolens признать этотъ предметъ не чуждымъ себѣ. Но, по опыту могу завѣрить, что подлежащія слова затверживаются мальчиками охотно и безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ.

Этимъ путемъ, по моему мнѣнію, достигаются двѣ цѣли: вопервыхъ, ученики незамѣтно обогощаются извѣстнымъ лексическимъ матеріаломъ, а вовторыхъ, и это самое главное, глубже и глубже проникаются убѣжденіемъ, что греческій языкъ не только не чуждъ намъ. но что онъ находится въ очевидной и несомнѣнной связи со стихійнымъ составомъ нашего языка.

2) Чтобы поднять въ глазахъ учащихся филологическое значеніе и авторитетъ греческаго языка, дѣлаются, къ мѣсту и по временамъ, параллели и сближенія съ языкомъ латинскимъ; напримѣръ, θεός—deus, πατήρ—pater, μήτηρ—mater, ἄροτρον—aratrum, ἀρόω—aro, ἀροτήρ—arator, βοῦς—bos, ποῦς—pes, λύκος—lupus, ἐπιστολή—epistola и друг.

3) Доказавъ лексикологическимъ путемъ, что греческій языкъ помогаетъ нашему въ наименованіи многихъ предметовъ церкви, науки, искусства и жизни и что уже по одному этому онъ заслуживаетъ нашего вниманія и изученія, я стараюсь потомъ доказать моимъ слушателямъ, что онъ, по богатству выраженій (напримѣръ, φιλέω, στέργω, ἀγαπάω, ἐράω — люблю) и по разнообразію формъ (tempora prima et secunda), способенъ выражать самые тонкіе оттѣнки мысли, самыя нѣжныя движенія сердца и религіознаго чувства. Чтобы фактически подтвердить это, я, чуть только ученики пройдутъ мѣстоименія и усвоятъ таблицу спряженія глаголовъ, предлагаю имъ въ переводѣ на греческій языкъ обыкновенныя классныя молитвы—предъ ученіемъ и послѣ ученія. Чтобы усвоеніе ихъ учащимися не было механическимъ заучиваніемъ и чтобы молитва была истинною молитвой, то-есть, сознательнымъ и прочувствованнымъ обращеніемъ къ Богу, я посвящаю нѣсколько уроковъ на самый подробный граматическій разборъ и разъясненіе ихъ, и только уже послѣ этого приглашаю выучить ихъ наизусть. Зная значеніе каждаго отдѣльнаго слова и со-

Библиотека "Руниверс"

знавая граматическую связь и зависимость всѣхъ словъ, ученики охотно и безъ труда выучиваютъ молитвы. А что это усвоеніе доставляетъ имъ удовольствіе, объ этомъ можно заключить изъ той охоты и готовности, съ какими они наперерывъ другъ предъ другомъ вызываются читать ихъ, и притомъ не только на урокахъ греческаго языка, но и другихъ предметовъ, особенно же закона Божія. Вотъ эти классныя молитвы въ переложеніи:

Προσευχὴ πρὸ τῆς μαθήσεως.

Ὑπεράγαθε Κύριε ἡμῶν! κατάπεμψον ἡμῖν τὴν χάριν τοῦ ἁγίου Σου Πνεύματος, χαρίζουσαν ἡμῖν διάνοιαν καὶ ἐνισχύουσαν τὰς τῆς ψυχῆς ἡμῶν δυνάμεις, ἵνα, προσέχοντες τοῖς διδασκομένοις, προσαυξήσαιμεν εἰς δόξαν Σου, Πλάστου ἡμῶν, καὶ τὸ συμφέρον τοῦ Βασιλέως ἡμῶν, γονέων τε καὶ παντὸς τοῦ βασιλείου.

Молитва передъ ученіемъ.

Преблагій Господи! ниспосли намъ благодать Духа Твоего Святаго, дарствующую намъ смыслъ и укрѣпляющую душевныя наши силы, дабы мы, внимая преподаваемому намъ ученію, возросли Тебѣ, Создателю нашему, во славу, Государю же, родителямъ нашимъ и обществу всему на пользу.

Προσευχὴ μετὰ τὰ μαθήματα.

Εὐχαριστοῦμέν Σοι, τῷ Πλάστῃ ἡμῶν, ὅτι ἠξίωσας ἡμᾶς τῆς χάριτός Σου εἰς κατάληψιν τῶν μαθημάτων. Εὐλόγησον τὸν Βασιλέα ἡμῶν, ἀρχικούς τε, γονεῖς καὶ διδασκάλους, τοὺς ὁδηγοῦντας ἡμᾶς εἰς ἐπίγνωσιν παντὸς ἀγαθοῦ, καὶ χάρισον ἡμῖν δύναμιν καὶ ἰσχὺν εἰς ἀκολουθίαν τῶν μαθημάτων τούτων.

Молитва послѣ ученія.

Благодаримъ Тебѣ, Создателю нашему, яко сподобилъ еси насъ благодати Твоея во еже внимати ученію. Благослови Государя нашего, начальниковъ, родителей и учителей, ведущихъ насъ къ познанію блага, и подаждь намъ силу и крѣпость къ продолженію ученія сего.

Нѣтъ спора, что эти пріемы нѣсколько погрѣшаютъ противъ строгаго научнаго изложенія предмета; но, въ замѣнъ его, они обогащаютъ учащихся полезнымъ лексическимъ матеріаломъ, фактически доказываютъ участіе греческаго языка въ историческомъ развитіи нашей культуры и, чуждаясь мертвящаго педантизма и убійственной сухости изложенія, сообщаютъ первоначальному преподаванію необходимую жизненность, главное же—разсѣяваютъ въ учащихся уродливое предубѣжденіе противъ предмета и возбуждаютъ теплое, родственное сочувствіе къ нему, безъ котораго не мыслимо надлежащее изученіе его. Что это не одни лишь пустыя слова или pia desideria педагога, считающаго свои пріемы непогрѣшимыми, доказательствомъ могутъ служить нѣкоторыя явленія школьной жиз-

Библиотека "Руниверс"

ни: такъ ученики, по собственной иниціативѣ, отыскиваютъ и выучиваютъ на греческомъ языкѣ церковныя молитвы: „Христосъ воскресе" и „Кресту твоему поклоняемся"; такъ, они, говоря между собою, часто называютъ другъ друга, вмѣсто собственныхъ именъ, русскими ихъ значеніями; напримѣръ: вмѣсто Андрей — мужественный, вмѣсто Василій — царственный и проч.; такъ они интересуются знать, какъ по-гречески русскія выраженія: добраго утра, здравствуйте, прощайте, поздравляю васъ и др. (выраженія брани играютъ не послѣднюю роль).

Что касается до собственно такъ-называемаго преподаванія, или классиаго объясненія уроковъ въ тѣсномъ смыслѣ, то извѣстно, что послѣ умѣнья и усердія учителя, хорошій учебникъ есть первое условіе успѣшности дѣла. Принятый у насъ учебникъ Кюнера не вполнѣ удовлетворителенъ, потому что не вполнѣ приноровленъ къ возрасту учащихся и изложенъ не всегда ясно и вразумительно для дѣтей; къ тому же, въ немъ не рѣдко встрѣчаются промахи и недосмотры, по крайней мѣрѣ, въ переводѣ II. II.

4. Всѣмъ учившимся и учащимъ греческому языку, безъ сомнѣнія, извѣстно, что 3-е склоненіе этого языка есть камень преткновенія для неофитовъ. Этотъ-то камень преткновенія у Кюнера и возведенъ въ перлъ созданія, выражаясь языкомъ Гоголя: въ его учебникѣ сначала предложена таблица 3-го склоненія (но безъ окончаній именительнаго падежа) съ *общими* падежными окончаніями, затѣмъ примѣры склоненія именъ существительныхъ съ корнями и въ довершеніе всего — болѣе исключеній (по Кюнеру примѣчаній), чѣмъ правилъ. При такой системѣ, вниманіе начинающаго ученика раздвоется и теряетъ всякую точку опоры, будучи вынуждено, съ одной стороны, слѣдить за падежными окончаніями (и переходомъ ударенія), а съ другой—быть постоянно на-стражѣ, чтобы не потерять изъ виду корня слова (обнаруживающагося въ родительномъ падежѣ). Чтобы устранить это капитальное неудобство и сосредоточить вниманіе учащихся, я нахожу необходимымъ прохожденію 3-го склоненія по предложеннымъ въ учебникѣ парадигмамъ предпосылать свою таблицу этого склоненія, въ которой показаны всѣ окончанія именительнаго его падежа, съ указаніемъ, по возможности, рода, и характеристическія окончанія падежа родительнаго именъ каждаго окончанія съ главнѣйшими исключеніями, и только послѣ твердаго усвоенія учащимися этой таблицы обращаюсь снова къ Кюнеру. Вотъ эта таблица:

Библиотека "Руниверс"

3-е СКЛОНЕНІЕ.

№	Именит. пад.	Родит. пад.
I.	α (сред. р.).	ος (+ τ, δ, θ).
	τὸ κτῆμα, пріобрѣтеніе.	τοῦ κτήματος.
	τὸ σῶμα, тѣло.	τοῦ σώματος.
	τὸ ποίημα, стихотвореніе.	τοῦ ποιήματος.
	τὸ γάλα, молоко.	τοῦ γάλακτος.
II.	ι (сред. р.).	ιος, εος.
	τὸ πέπερι, перецъ.	τοῦ πεπέριος.
	τὸ σίναπι, горчица.	τοῦ σινάπεος.
	Исключенія:	
	τὸ μέλι, мёдъ.	τοῦ μέλιτος.
III.	υ (сред. р.).	εος.
	τὸ ἄστυ, городъ.	τοῦ ἄστεος.
	Исключенія:	
	τὸ δάκρυ, слеза.	τοῦ δάκρυος.
	τὸ γόνυ, колѣно.	τοῦ γόνατος.
	τὸ δόρυ, копье.	τοῦ δόρατος.
IV.	ω (жен. р.).	οος = ους.
	ἡ ἠχώ, эхо.	τῆς ἠχόος = ἠχοῦς.
	ἡ εὐεστώ, благоденствіе.	τῆς εὐεστόος = εὐεστοῦς.
V.		νος, ντος.
	ὁ παιάν, побѣдная пѣсня.	τοῦ παιᾶνος.
	ὁ λειμών, лугъ.	τοῦ λειμῶνος.
	ὁ μήν, мѣсяцъ.	τοῦ μηνός.
	Ξενοφῶν, Ксенофонтъ.	Ξενοφῶντος.
	ὁ ποιμήν, пастухъ.	τοῦ ποιμένος.
	ὁ δαίμων, божество.	τοῦ δαίμονος.
	ὁ λέων, левъ.	τοῦ λέοντος.
	Прилагат. и причас. сред. р. на αν, ον,	имѣютъ всегда: ντος.
	πᾶν, все.	παντός.

Библиотека "Руниверс"

№	Именит. пад.	Родит. пад.
VI.	ρ (αρ сред. р.).	ρος.
	τὸ νέκταρ, божеств. напитокъ.	τοῦ νέκταρος.
	ὁ ῥήτωρ, ораторъ.	τοῦ ῥήτορος.
	ὁ αἰθήρ, эфиръ.	τοῦ αἰθέρος.
	Исключенія:	
	τὸ ἧπαρ, печень.	τοῦ ἥπατος.
	τὸ φρέαρ, колодезь.	τοῦ φρέατος.
	τὸ ἄλειφαρ, мазь.	τοῦ ἀλείφατος.
	τὸ στέαρ, сало.	τοῦ στέατος.
	τὸ ὕδωρ, вода.	τοῦ ὕδατος.
VII.	ς (ος сред. р.).	(Различно).
1.	αις	δος, τος.
	ὁ ἡ παῖς, дитя.	τοῦ, τῆς παιδός.
	ἡ δαίς, пиръ.	τῆς δαιτός.
2.	ας (муж. р.).	ντος.
	ὁ γίγας, гигантъ.	τοῦ γίγαντος.
	ας (жен. р.).	δος.
	ἡ λαμπάς, лампада.	τῆς λαμπάδος.
	ας (сред. р.).	αος.
	τὸ σέλας, блескъ.	τοῦ σέλαος.
	τὸ κρέας, мясо.	τοῦ κρέαος = κρέως.
	Исключеніе:	
	τὸ τέρας, чудо.	τοῦ τέρατος.
3.	αυς.	αος.
	ἡ γραῦς, старуха.	τῆς γραός.
	Исключеніе:	
	ἡ ναῦς, корабль.	τῆς νεώς.
4.	ευς.	εως.
	ὁ βασιλεύς, царь.	τοῦ βασιλέως.

Библиотека "Руниверс"

№	Именит. пад.	Родит. пад.
5.	ης (им. собств. и прилаг.).	εος = ους.
	Σωκράτης, Сократъ.	Σωκράτεος = Σωκράτους.
	ης (ж. р. въ корнѣ τ).	τητος.
	ἡ κακότης, подлость.	τῆς κακότητος.
	ἡ νεότης, юность.	τῆς νεότητος.
6.	ος (всѣ сред. р).	εος = ους.
	τὸ γένος, родъ.	τοῦ γένεος = γένους.
7.	ις, υς.	τος, δος, θος, νος, ιος, υος, εως.
	ἡ χάρις, пріятность.	τῆς χάριτος.
	ἡ πατρίς, отечество.	τῆς πατρίδος.
	ὁ κόρυς, шлемъ.	τοῦ κόρυθος.
	ἡ ρίς, носъ.	τῆς ῥινός.
	ὁ δελφίς, дельфинъ.	τοῦ δελφῖνος.
	ὁ ἰχθύς, рыба.	τοῦ ἰχθύος.
	ἡ πόλις, городъ.	τῆς πόλεως.
8.	ους.	οός.
	ὁ, ἡ βοῦς, быкъ.	τοῦ, τῆς βοός.
	Исключенія:	
	τὸ οὖς, ухо.	τοῦ ὠτός.
	ὁ ὀδούς, зубъ.	τοῦ ὀδόντος.
	ὁ πούς, нога	τοῦ ποδός.
	и сложныя съ ними.	
9.	ως (муж. р.).	ωος.
	ὁ ἥρως, герой.	τοῦ ἥρωος.
	ως (въ корнѣ τ).	ωτος.
	ὁ ἱδρώς, потъ.	τοῦ ἱδρῶτος.
	ως (жен. р.).	οος = οῦς.
	Одно слово:	
	ἡ αἰδώς, стыдъ.	τῆς αἰδόος = αἰδοῦς.

Библиотека "Руниверс"

№	Именит. пад.	Родит. пад.
VIII.	ξ. ὁ κόραξ, воронъ. ὁ λάρυγξ, горло. ὁ ἄναξ, царь. ἡ νύξ, ночь.	ος. (+ κ, γ, χ, κτ.) τοῦ κόρακος. τοῦ λάρυγγος. τοῦ ἄνακτος. τῆς νυκτός.
IX.	ψ. ἡ λαῖλαψ, буря.	ος. (+ π, β, φ.) τῆς λαίλαπος.

5. Такъ какъ у Кюнера замѣчанія объ образованіи падежей разбросаны и не представляютъ цѣльнаго ученія, единственно доступнаго для начинающихъ, то я концентрирую эти замѣчанія и излагаю съ возможною полнотою и цѣльностію образованіе каждаго изъ подлежащихъ падежей: дательнаго, винительнаго и звательнаго единственнаго числа и дательнаго падежа множественнаго числа.

6) У Кюнера, въ силу одинаковости склоненія именъ прилагательныхъ съ существительными (смотря по окончанію), нѣтъ отдѣльной статьи объ именахъ прилагательныхъ, въ которой были бы показаны всѣ ихъ окончанія, съ указаніемъ, какія изъ нихъ суть имена прилагательныя трехъ, двухъ и одного окончанія. Вниманіе начинающихъ, само по себѣ, безъ помощи учителя, не въ силахъ составить себѣ ясное и раздѣльное представленіе объ этомъ, а тѣмъ болѣе наглядное и какъ-бы рельефное изображеніе его. Чтобы помочь этому, я, по окончанія 3-го склоненія, предлагаю своимъ слушателямъ слѣдующую таблицу окончаній именъ прилагательныхъ съ указаніемъ на тѣ §§ Кюнерова учебника, въ которыхъ говорится объ особенностяхъ склоненія.

Библиотека "Руниверс"

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЯ ИМЕНА.

№	3-хъ окончаній.	Склоненіе.
1.	ος, η, ον. — καλὸς, ή, όν; См. § 28, прим. 3.	Женскій родъ всѣхъ прилагательныхъ съ 3-мя окончаніями склоняется по 1-му склоненію, а мужескій и средній именъ на ος и ους по 2-му (на ους по 2-му слитному), всѣхъ же прочихъ прилагательныхъ мужескій и средній родъ склоняется по 3-му склоненію. (См. § 26, 2, прим. 1.)
2.	ος, α, ον. — ἅγιος, ία, ιον; δίκαιος, δικαία, ον; μακρός, μακρά, ον; ἀθρόος, όα, ον; см. § 26, прим. 1; § 28, прим. 3.	
3	οῦς, ῆ, οῦν. — (сокращенныя), χρυσοῦς, ῆ, οῦν.	
4.	οῦς, ᾶ, οῦν. — (сокращенныя), ἀργυροῦς, ᾶ, οῦν; см. § 29, прим.	
5.	ας, αινα, αν. — μέλας, αινα, αν; р. μέλανος, μελαίνης, ος; τάλας, αινα, αν (несчастный); р. τάλανος, ταλαίνης, ος; см. § 40, прим. 1.	
6.	ας, ασα, αν. — πᾶς, πᾶσα, πᾶν; р. παντός, πάσης, παντός; см. § 40, прим. 1; § 33, III, 6, исключ.	
7.	υς, εῖα, υ. — γλυκύς, εῖα, ύ; р. γλυκέος, είας, έος; см § 46, прим. 1: Въ сред. р. мн. ч. εα не сокращается.	
8.	εις, εσσα, εν. — χαρίεις, εσσα, εν; р. — εντος, έσσης, εντος; см. § 40, прим. 1; § 8, прав. 8. Дат. п. мн. ἔσι.	
9.	ην, ενα, εν. — τέρην, τέρενα, εν; р. τέρενος, τερείνης, νος (нѣжный).	
10.	ων, ουσα, ον. — ἑκών, ἑκοῦσα, ἑκόν (добровольный); ἄκων, ἄκουσα, ἄκον (недобровольный), р. — οντος, ούσης, οντος; см. § 40, прим. 1, с. Сюда относятся и причастія на ων, ουσα, ον.	
11.	Прич. на ας, ασα, αν. — λύσας, λύσασα, αν; р. αντος, άσης, αντος.	
12.	Прич. на ως, υῖα, ος. — λελυκώς, κυῖα, κός; р. ότος, υίας, ότος.	
13.	Прич. на εις, εῖσα, εν. — λυθείς, λυθεῖσα, θεν; род. έντος, είσης, έντος. Дат. п. множ. ч. εῖσι. См. § 40, прим. 1; § 8, прав. 8.	

Библиотека "Руниверс"

№	2-хъ окончаній.	Склоненіе.
1.	ος, ον. — Большею частью составленныя чрезъ сложеніе 2-хъ словъ или слова съ частицей: ἄλογος, ον; δύσκολος, ον; εὔπορος, ον; см. § 28, прим. 3.	По 2-му склоненію.
2.	ους, ουν. — εὔνους, εὔνουν, р. ου.	По 2-му склоненію.
3.	εως, εων. — ἵλεως, ἵλεων, р. εω, ω.	По 2-му склоненію аттически. См. § 30.
4.	ης, ες. — ἀληθής, ἀληθές, р. ἀληθέος = ἀληθοῦς. См. § 42.	По 3-му склоненію.
5.	ις, ι. — εὔχαρις, εὔχαρι (веселый), р. на ιδος и ιτος; см. § 38, прим. 2; ἵδρις, ἵδρι (сведущій), р. ἵδριος; см. § 46, прим. 2.	
6.	υς, υ. — ἄδακρυς, υ (безслезный), р. υος; см. § 46, прим. 1. Ср. εα = η.	
7.	ους, ον. — μονόδους, μονόδον, р. μονόδοντος; см. § 40, прим. 2.	
8.	ην, εν. — ἄρρην, ἄρρεν. р. ενος; см. § 35, прим. 4.	
9.	ων, ον. — (и сравнит. степ.) σώφρων, σώφρον, р. ονος; μείζων, μεῖζον, р. ονος. См. § 35, прим. 4.	
10.	ωρ, ορ. — ἀπάτωρ, ἄπατορ; ἀμήτωρ, ἄμητορ, р. ορος. См. § 35, прим. 4.	

Библиотека "Руниверс"

№	1-го окончаніе.	Склоненіе.
1.	ασ, р. ου. μονίας, ου; см. § 27, прим. 2.	По 1-му склоненію.
2.	ας, р. άδος. φυγάς, δος, (бѣглый, ссыльный). См. § 38, прим. 2.	По 3-му склоненію.
3.	ας, р. αντος. ἀκάμας, ντος (неутомимый). См. § 40, прим. 2.	
4.	αρ, р. αρος. μάκαρ, ρος (счастливый, блаженный).	
5.	ης, р. οῦ. ἐθελοντής, οῦ; см. § 27, прим. 2.	По 1-му склоненію.
6.	ησ, р. ῆτος. ἀργής, ἀργῆτος (бѣлый). См. § 38, прим. 2.	По третьему склоненію.
7.	ην, р. ηνος. ἀπτήν, ἀπτῆνος (безперый).	
8.	ις, р. ιδος. ἄναλκις, ἀνάλκιδος (безсильный). См. § 38, прим. 2.	
9.	υς, р. υδος. νέηλυς, νεήλυδος (новоприбывшій). См. § 38, прим. 2.	
10.	ως, р. ωτος. ἀγνώς, ἀγνῶτος (неизвѣстный). См. § 38, прим. 2.	
11.	ξ, р. γος, κος, χος. ἅρπαξ, γος (хищный), ἥλιξ, ἥλικος (ровесникъ); μώνυξ, μώνυχος (однокопытый). См. § 37, прим.	
12.	ψ, р. κος. αἰγίλιψ, κος (очень высокій). См. § 37, прим.	
13.	Сложныя съ какимъ-нибудь существит. 3-го склоненія, напр. μακρόχειρ, ρος (долгорукій).	

Библиотека "Руниверс"

Наконецъ 7) говоря объ образованіи временъ въ глаголахъ, я нахожу цѣлесообразнымъ къ § 93 учебника Кюнера присоединить выводы, заключающіеся въ §§ 68, 69, 70 и 81 Греческой грамматики Бюрнуфа.

Опытъ показалъ, что этими способами и пріемами можно достигнуть если не блестящихъ, то по меньшей мѣрѣ удовлетворительныхъ результатовъ, о чемъ считаю не лишнимъ подѣлиться съ товарищами по занятію.

Ем. Бѣлобровъ.

Библиотека "Руниверс"

DE CLAVO PURPUREO, TUNICAE ROMANAE ORNAMENTO.

Senatores Romanos ius lati clavi, equites angusti clavi ius habuisse eorum, qui vel primoribus labris antiquitatis studia gustaverunt, nemo est, qui ignoret. Quid vero fuerit clavus et quibus in vestimentis suum habuerit locum, non paucos ignorare video; nam, ut unum e multis veterum scriptorum interpretibus nominem, Orellius in nota, quam ad Hor. art. poet. v. 16 scripsit, de *togae* lato clavo loquitur limbum [1]) vestimentorum et clavum temere confundens. Quæ cum ita sint, haec de clavi forma et usu quaestio non indigna mihi visa est, quae breviter retractetur, praesertim cum duos scriptorum Romanorum locos ad hanc rem explicandam facientes invenerim, qui, ut nunc circumferuntur corrupti, tenebras quasdam antiquitatis studiosis offuderunt.

Jam olim optime Albertus Rubenius (de re vestiaria praecipue de lato clavo libri duo, in Graevii thesauro antiquitatum Romanarum tom. VI, cap. II, p. 938 E.) diversissimas aliorum opiniones refutavit, quorum alii clavos fibulas esse, quibus tunicae conecterentur, alii flores dixerunt vestibus intextos, alii aliis indulserunt alucinationibus, idemque clavos fuisse purpureas lineas vel virgulas, quae medias [2]) vestes intersecabant, probavit.

---

[1]) Ultima pars telae tenui circumdata limbo. *Ovid.* Metam. VI, 127. Limbus est fascia, quae ambit extremitatem vestium *Serv.* ad Vergil. Aen. IV, 137. cf. *Verg.* Aen. IV, 137; *Ovid.* Met. V, 51. Hic togae limbus plerumque simpliciter purpura vocabatur v. *Cic.* pro Cluent. 40, 111 «usque ad talos demissa purpura». Discernit togam praetextam et tunicae clavum *Horat.* sat. I, 5, 36: Praetextam *et* latum clavum.

[2]) Non apte quidem chlamydes appellat tunicas Joannes Laurentius Lydus, de clavo vero quae dicit non absona sunt: ἐπίσημα δὲ τοῖς πατράσι, ἤτοι πατριχίοις ἦν δίπλακες μὲν ἤτοι χλαμύδες ἄχρι κνημῶν ἐξ ὤμων διήκουσαι... πορφύρᾳ κατὰ μέσου διάσημοι (λατικλαβίας αὐτὰς ὠνόμαζον) de magistr. pop. Rom. I, 17. Graeci tunicas clavatas vernaculo sermone μεσοπορφύρους χιτῶνας dixerunt.

Библиотека "Руниверс"

Ut togas et magistratuum et puerorum Romanorum limbus purpureus ambiebat, ita tunicae clavis exornabantur. Utrum vero clavi in priore tantum tunicae parte, an etiam in posteriore fuerint, utrum e singulis, an e binis virgulis purpureis constiterint, adhuc dubitari videmus. Atqui sunt loci veterum scriptorum, qui dubitationem nobis eximant. Nam *purpurae* plurali numero a Quintiliano (instit. orat. XI, 3, 139 codd. Bernens. et. Bamberg.) de unius tunicae clavo ponuntur; Festus p. 209 haec habet: „tunica palmata a latitudine *clavorum* dicebatur;" Varro apud Nonium p. 536, 33 haec: „quorum vitreae [1]) togae ostentant tunicae *clavos*".

Horum locorum ultimus ita demum recte intellegetur, si tunicae partem, quae togum tegebat, et ipsam clavo insignem fuisse nobis persuaserimus. Constabat autem tunica Romanorum e binis pannis vel plagulis, quarum altera pectus obtegens a collo ad genua, altera tergum velans a collo ad poplites descendebat. Legimus enim apud Suetonium in vita Augusti c. 94 ei sumenti virilem togam tunicam lati clavi resutam ex utraque parte ad pedes decidisse, quod ita tantum fieri potuit, si quae erant in umeris suturae relaxabantur. Rem ita se habuisse etiam e Josephi [2]) verbis colligere licet.

Sed non solum pectora, [3]) verum etiam terga senatorum equitumque clavis insignia fuisse e loco quodam, qui in Varronis de lingua latina lib. IX. §. 79 legitur, discimus. Refutat Varro eos, qui analogiam in vocabulorum declinatione esse negant, et contendit, si nominativi forma cum genetivo non congruat, in suo tamen genere et nominativum et obliquos casus servare analogiam. Tum haec sequuntur: „Non, si quis tunicam in usu ita consuit, ut altera plagula sit angustis clavis, altera latis, utraque pars in suo genere caret analogia".

Utramque tunicae plagulam clavo intexto ornatam fuisse patet, neque quisquam dubitabit, quin ambae plagulae unius tunicae aut laticlaviae aut angusticlaviae fuerint. Fingit tantum Varro aliquem perverse et contra morem diversi generis plagulas consuere. Hoc si reputamus,

---

[1]) De hoc genere togarum, quae perlucidae dicebantur (Seneca epist. CXIV, 21). Diodorus exc. libr. XXXVII. 3 ed. S. Bekk. scribit: οἱ νέοι κατὰ τὴν ἀγοράν ἐφόρουν ἐσθῆτας διαφόρους μὲν ταῖς μαλακότησι, διαφανεῖς δε καὶ κατὰ τὴν λεπτότητα ταῖς γυναικείαις παρεμφερεῖς. cf. Ovid. a. a. III, 445.

[2]) Antiqu. Jud. III, 7, 4: ῥαπτὸς ἐπὶ τῶν ὤμων καὶ τῶν παρὰ πλευράν. Cf. Marquardt, röm. Alterth. V, 2. p. 160.

[3]) Notissima sunt Horatii verba, quae in I. Satirarum libro 6, 28 leguntur: latum *demisit pectore* clavum.

Библиотека "Руниверс"

iam ea verba, quae quomodo explicari possint nescio, — nam quis potest *in usu* consuere tunicam?—facile ita corrigemus, ut pro: „in usu ita" scribamus „*inusitate*".

His ita disputatis viam mihi munivisse videor ad sententiam loci Suetoniani, qui gravi mendo laborans multorum errorum quasi fons fuit, recte perspiciendam. In Divi Julii enim vitae cap. 45, ubi scriptor Caesarem dixit circa corporis curam morosiorem fuisse, ut non solum tonderetur diligenter ac raderetur, sed etiam deficientem capillum a vertice revocaret et ius aureae coronae perpetuo gestandae libentissime usurparet, leguntur haec: „Etiam cultu notabilem ferunt; usum enim lato clavo ad manus fimbriato, nec ut unquam aliter, quam super eum cingeretur, et quidem fluxiore cinctura, unde emanasse Sullae dictum, optimates saepius admonentis, ut male praecinctum puerum caverent"!

Verba, quae sunt: *lato clavo ad manus fimbriato* difficilia esse intellectu interpretes viderunt. Scripsit igitur Casaubonus in animadversionibus suis haec: „*Latum clavum ad manus fimbriatum* interpretor χιτῶνα πλατύσημον χερίδας ἔχοντα μέχρι ποῦ καρπῶν κροσσωτάς, tunicam laticlaviam, manicas ad manus usque habentem, easque fimbriatas". Approbavit Casaubonianam loci enarrationem Ernestius, approbavit et verborum ambitu auxit Baumgarten-Crusius. Mihi vero, ut ingenue profitear, quod sentio, haec enarratio tantopere displicet, ut nihil contortius aut minus probabile esse censeam.

Non nego clavi vocabulum a scriptoribus nonnunquam ita poni, ut pro tunica vel laticlavia vel angusticlavia positum esse videatur; sed ubi tandem Suetonius dixit eam, quam significat, tunicam manicatam fuisse? An hoc dicere supervacaneum fuit in vestimento, quod manicis caruisse [1]) et scriptorum consensus et monumentorum docet aspectus? Jam vero is, qui tunica manicata usum esse Caesarem diceret, non iustum atque concessum corporis cultum laudaret, sed vituperaret vehementer effeminatam viri luxuriam. Nam post Ciceronem [2]) in orat. Catil, II, 10, 22, pueros manicatas tunicas gestantes acerbissimis verbis exagitantem. Gellius n. a. VI. 12, 1: „tunicis uti virum prolixis",

---

[1]) Cf. Nonius p. 536: tunica est vestimentum *sine manicis*.

[2]) Cf. Orat. in Clodium et Curionem, 5. Tu vero festivus, quem decet muliebris ornatus, quem incessus psaltrae... qui indutus muliebri veste fueris... cum vix *manicatam tunicam* in lacertos induceres. Verg. Aen. IX, 615. Curt. III, 3, 13. Sueton. C. Caligula, 52. Gallienum Trebellius Pollio XVI, 4, dicit purpuream tunicam auraiamque virilem eandemque *manicatam* habuisse; sed ita hoc de eo prædicat, ut hominis auri scobem crinibus suis aspergentis inauditam luxuriam exagitet et mollitiem.

Библиотека "Руниверс"

inquit, „ultra brachia et usque in primores manus ac prope in digitos Romae atque in omni Latio *indecorum* fuit; feminisque solis vestem longe lateque diffusam indecere existimaverunt ad ulnas cruraque adversus oculos protegenda". Jam vero fimbrias tunicae assutas fuisse, id non mirum ac novum, sed prorsus inauditum est; hoc enim vestium ornamentum ex Oriente Romam translatum paenularum lacernarumque proprium fuit, a tunica Romana atque a toga semper abhorruit.

Haec paullo fusius exposui, ut Casauboni explicationem virorum doctorum consensu comprobatam et verborum vim detorquere nec sententiam efficere probabilem docerem. Jam medicinam corruptalae quærentibus non exiguum fert auxilium locus quidam, qui legitur in Quintiliani instit. orat. lib. XI, 138: „Cui lati clavi ius non erit", inquit, „ita cingatur, ut tunicae prioribus oris infra genua paullum, posterioribus ad medios poplites usque perveniant. Nam infra mulierum est, supra centurionum. Ut purpurae recte descendant, levis cura est; notatur interim neglegentia. Latum habentium clavum modus est, ut sit paullum cinctis summissior".

Postulat igitur Quintilianus, ut oratoris clavus recte, id est ad perpendiculum descendat, ne oblique trans pectus transcurrens eiusdem neglegentiae nomine hominem Romanum arguat, quo nostrae aetatis homines notari solent, si nodus fasciae, quo collum sub mento ornari oportet, ad aurem semotus „dissidet impar".

Idem quod oratori, qui a multis conspiciebatur, observandum erat, Cæsarem observasse Suetonius scripsit. Verba corrupta igitur sic refingenda esse puto, ut pro iis, quae nunc in editionibus ut genuina Suetonii verba circumferuntur:

ad manus fimbriato

scribatur: ad amussim striato [1]).

---

[1]) *Striata* a Plinio et folia et conchae dicuntur, a Vitruvio proprie columnae; vestes vero striatas alibi dictas esse quamquam equidem non invenio, tamen hanc vocem a plantis et columnis ad vestimenta traductam esse, nemo, opinor, mirabitur. Nam striae columnarum, quas non semper excavatas fuisse Vitruvius dicit (columnas autem striari XX striis oportot. Quae si *planae* erunt, angulos habeant XX designatos, IV, 3, 9), paribus intervallis inter se distantes ita ad perpendiculum descendunt, ut cum tunicae clavis aptissime conferantur. Accedit, quod vocabulum Graecum ραβδωτὸς, quod idem valet ac striatus, et de columnis usurpatur et de vestibus. Cf. Xenoph. Cyropaed. VIII, 3, 16 ἱματίοις ῥαβδωτοῖς. Apud Plinium nat. hist. XIX, 8, 146 haec: «asparagus in toros *striatus* potest et semine seri» respondent Catonis de re rustica», c. 161 his: «*ad lincam* grana bina aut terna paxillo demittito».

Библиотека "Руниверс"

Eum ipsum ad finem, ut clavus diligentissime compositus et ad perpendiculum directus eodem vestigio maneret, cincturam tunicæ laticlaviae imposuit, id quod senatores facere non solebant.

Jam ut paucis complectamur, quid hac disputatiuncula consecuti simus, Varronis ille locus corruptela liberatus nos docet, constantem Romanorum consuetudinem fuisse ita consuere tunicae plagulas, ut et prior pars et posterior eodem clavorum genere insignes essent. Si vero ea, quae ad mendum loci Suetoniani tollendum protuli, probabuntur, non solum Cæsar gravi effeminatae mollitiae opprobrio [1]), cuius nunc reus est, absolvetur, verum etiam de tunicae Romanae fimbriis [2]), quas nullas unquam fuisse mihi persuasi, quia alius scriptor Romanus eas nullus usquam commemoravit, actum erit.

Ernestus Schulze.

---

[1]) Marquardt, röm. Alterth. V, 2, p. 160, n. 1486. Becker, Gallus III, p. 117. Pauly, Real-Encyclopädie IV, p. 482.

[2]) Marquardt, l. l. p. 154, n. 1439.

Библиотека "Руниверс"

ЗНАЧЕНІЕ И УПОТРЕБЛЕНІЕ ЖЕЛАТЕЛЬНАГО НАКЛОНЕНІЯ ГРЕЧЕСКАГО ГЛАГОЛА[1]).

IV. Желательное наклоненіе безъ ἄν (κέν) въ придаточныхъ предложеніяхъ.

§ 8. Мы начнемъ съ разсмотрѣнія предложеній относительныхъ, такъ какъ эти предложенія были первоначально самостоятельными. Многія изъ нихъ сохранили даже (особенно у Гомера) слѣды своей прежней самостоятельности. Поэтому не удивительно, что въ относительныхъ предложеніяхъ встрѣчаются тѣ же самыя наклоненія, съ тѣмъ же самымъ значеніемъ, какъ и въ предложеніяхъ независимыхъ.

Примѣчаніе. Подъ категорію относительныхъ предложеній подходятъ также предложенія, опредѣляющія мѣсто дѣйствія, и бо̀льшая часть предложеній сравнительныхъ.

a) Optativus относительнаго предложенія выражаетъ желаніе (см. § 2, a), напримѣръ:

Od. IV, 699. μνηστῆρες φράζονται, ὃ μὴ τελέσειε Κρονίων.

Od. VII, 148. XIII, 42. Il. XXIV, 212.

S. Ph. 509. ἄθλ' ὅσσα μηδεὶς τῶν ἐμῶν τύχοι φίλων.

S. Ph. 275; 316. S. Tr. 1039.

X. An. III, 2, 3. οἴομαι ἂν ἡμᾶς τοιαῦτα παθεῖν, οἷα τοὺς ἐχθροὺς οἱ θεοὶ ποιήσειαν, quae utinam dii in hostium capita vertant.

Dem. XVIII, 299. τί σύ.... λέγεις, ἃ σοὶ καὶ τοῖς σοῖς οἱ θεοὶ τρέψειαν εἰς κεφαλήν;

Dem. VIII, 51. XVIII, 89. XXI, 209.

Ср. въ лат. Ov. Met. VI, 209. et me, quod in ipsam recidat, orbam dixit.

---

[1]) *Окончаніе.* См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1874 г., январь и іюнь.

Библиотека "Руниверс"

b) Иногда встрѣчается въ относительныхъ предложеніяхъ optativus potentialis безъ ἄν (см. § 1, a), выражающій личную, субъективную мысль, не зависящую отъ дѣйствительности и находящуюся только въ представленіи говорящаго лица (у Гомера, рѣдко у трагиковъ, весьма рѣдко въ прозѣ).

Il. V, 303. ὁ δὲ χερμάδιον λάβε χειρί, Τυδείδης, μέγα ἔργον, ὃ οὐ δύο γ'ἄνδρε φέροιεν.

Il. XX, 285. Andoc. III, 1. οἱ ῥήτορες τῷ μὲν ὀνόματι τῆς εἰρήνης συγχωροῦσι, τοῖς δ'ἔργοις, ἀφ'ὧν ἡ εἰρήνη γένοιτο, ἐναντιοῦνται.

Примѣчаніе. Къ этимъ мѣстамъ можно причислить тѣ, въ которыхъ встрѣчается οὐκ ἔσθ'ὅς (ὅστις) въ смыслѣ οὐδεὶς съ optativus.

Il. XXII, 348. ὣς οὐκ ἔσθ'ὅς σῆς γε κύνας κεφαλῆς ἀπαλάλκοι.

Il. II, 687.

Aesch. Pr. 292. οὐκ ἔστιν, ὅτῳ μείζονα μοῖραν νείμαιμ'ἢ σοί.

Aesch. Ch. 170.

Сюда принадлежатъ также относительныя предложенія съ optativus potentialis безъ ἄν, зависящія отъ вопросительныхъ предложеній, напримѣръ:

S. Ol. 1172. καὶ τίς ποτ'ἐστίν, ὃν γ'ἐγὼ ψέξαιμί τι;

Pl. Euthyd. 292, e. τίς ποτ'ἐστὶν ἡ ἐπιστήμη ἐκείνη, ἣ ἡμᾶς εὐδαίμονας ποιήσειεν;

Въ подобныхъ случаяхъ можно оба предложенія сократить въ одно, напримѣръ:

τίνα ἐγὼ ψέξαιμί τι;—τίς ἐπιστήμη ἡμᾶς εὐδαίμονας ποιήσειεν.

c) Optativus часто встрѣчается въ относительныхъ предложеніяхъ послѣ одного изъ историческихъ временъ (обыкновенно послѣ imperfectum, или послѣ многократной формы на σκον) въ главномъ предложеніи. Эти относительныя предложенія большею частью могутъ быть замѣняемы условными предложеніями (= εἰ cum optativo), принимаютъ поэтому отрицаніе μή и выражаютъ не одинъ отдѣльный, конкретный случай, а весь родъ одинаковыхъ случаевъ или, другими словами, неопредѣленное повтореніе дѣйствія. Что это значеніе повторенія дѣйствія не заключается въ желательномъ наклоненіи, разъяснено выше (см. § 7, b). Въ относительномъ предложеніи Il. II, 188 sq.

ὅντινα (какого бы ни) μὲν βασιλῆα καὶ ἔξοχον ἄνδρα κιχείη,
τὸν δ'ἀγανοῖς ἐπέεσσιν ἐρητύσασκε παραστάς.

Библиотека "Руниверс"

мы собственно не должны искать ничего другаго, какъ случай, существующій въ представленіи поэта. Положимъ, что Одиссей встрѣчалъ какого-нибудь царя, тогда онъ его удерживалъ. Связь и содержаніе періода и многократная форма (verbum frequentativum) главнаго предложенія ἐρητύσασκε показываютъ, что это случалось часто. Поэтому можно при переводѣ такихъ относительныхъ предложеній употреблять союзы „какъ часто", „всякій разъ какъ", хотя это не необходимо, такъ какъ и русскій языкъ имѣетъ оборотъ, способный выражать эту общность, это неопредѣленное повтореніе дѣйствія: кто ни, кто бы ни, какой бы ни и т. д. (ср. лат. quicunque).

Примѣры:

Il. X, 489. ὅντινα Τυδείδης ἄορι πλήξειε παραστάς,
τὸν δ'Ὀδυσσεὺς μετόπισθε λαβὼν ποδὸς ἐξερύσασκεν.

Il. II, 198. IV, 232, 240. XII, 268, 428. Od. XXIII, 66. Od. IX, 94.

S. Tr. 906. κλαῖε δ', ὀργάνων ὅτου
ψαύσειεν. . . .

Herod. III, 39. ὅκου ἰθύσειε στρατεύεσθαι, πάντα
οἱ ἐχώρεε εὐτυχέως (предложеніе, опредѣляющее мѣсто дѣйствія).

Th. I, 22. οὐ ταὐτὰ περὶ τῶν αὐτῶν ἔλεγον,
ἀλλ' ὡς ἑκατέρου τις εὐνοίας ἢ μνήμης
ἔχοι (предложеніе сравнительное).

Th. IV, 4. ξυνετίθεσαν, ὡς ἕκαστόν τι ξυμβαίνοι.

Th. II, 67. πάντας. . . . οἱ Λακεδαιμόνιοι, ὅσους
λάβοιεν. . . . διέφθειρον.

Th. II, 100. καὶ ᾗ μὲν προσπέσοιεν, οὐδεὶς ὑπέμενεν ἄνδρας (предложеніе, опредѣляющее мѣсто дѣйствія).

Th. III, 1. VII, 29. VIII, 66.

X. An. I, 9, 20. φίλους γε μὴν ὅσους ποιήσαιτο καὶ εὔνους γνοίη ὄντας καὶ ἱκανοὺς κρίνειε συνεργοὺς εἶναι, ὅτι τυγχάνοι βουλόμενος κατεργάζεσθαι, ὁμολογεῖται πρὸς πάντων κράτιστος δὴ γενέσθαι θεραπεύειν.

X. An. I, 1, 5. II, 6, 13. IV, 2, 24. I, 9, 15. III, 1, 32.

X. Hell. VI, 2, 28.

X. Cyr. III, 3, 5. III, 3, 67. ἱκετεύουσι (praes. hist.), ὅτῳ ἐντυγχάνοιεν, μὴ φεύγειν.

Plat. Apol. 21, a.

Библиотека "Руниверс"

Dem. 22, 52.

d) Если въ главномъ предложеніи стоитъ одно изъ главныхъ временъ, то въ такихъ относительныхъ предложеніяхъ обыкновенно употребляется сослагательное наклоненіе съ ἄν (у Гомера также съ κέν или безъ κέν), которое выражаетъ случай ожидаемый. Но если говорящій выражаетъ опредѣленіе (attributum), какъ случай только представляемый, безъ всякой мысли о его существованіи, то онъ и въ этомъ случаѣ употребляетъ въ относительномъ предложеніи optativus безъ ἄν.

Il. XVIII, 631. τῶν μὲν γὰρ πάντων βέλε'ἅπτεται, ὅστις ἀφείῃ.

Il. XXIII, 494. Od. XIX, 511.

S. OR. 315. ἄνδρα δ'ὠφελεῖν ἀφ'ὧν
ἔχοι τε καὶ δύναιτο κάλλιστος πόνος.

S. OR. 979.

S. Ant. 666. ἀλλ'ὃν πόλις στήσειε, τοῦδε χρὴ κλύειν
(= εἴ τινα πόλις στήσειεν).

S. OC. 1172. Ar. Th. 872.

X. Cyr. I, 6, 19. τοῦ μὲν αὐτὸν λέγειν, ἃ μὴ σαφῶς
εἰδείη, φείδεσθαι δεῖ.

X. Cyr. I, 6, 3. VII, 5, 56; X. Hell. VII, 3, 7.

Dem. 3, 14.

Примѣчаніе. Особенно интересны тѣ мѣста, гдѣ въ относительномъ предложеніи встрѣчается optativus безъ ἄν рядомъ съ conjunctivus съ ἄν (у Гомера также безъ ἄν), напримѣръ:

Od. VI, 286, sq. καὶ δ'ἄλλῃ νεμεσῶ, ἥτις τοιαῦτά γε ῥέζοι, ἥ τ'ἀέκητι φίλων πατρὸς καὶ μητρὸς ἐόντων ἀνδράσι μίσγηται, πρίν γ'ἀμφάδιον γάμον ἐλθεῖν.

Второе относительное предложеніе (ἥ τ'. . . μίσγηται = ἐὰν μίσγηται) опредѣляетъ женщину, о которой говоритъ Навзикая, точнѣе чѣмъ первое, выражающее свойство женщины только общими словами (ἥτις τοιαῦτά γε ῥέζοι = εἴ τις. . . ῥέζοι). Поэтому Навзикая выражаетъ первую мысль отвлеченнѣе, какъ случай мыслимый, неизвѣстный (посредствомъ optativus), а вторую, какъ случай ожидаемый (чрезъ conjunctivus).

X. Cyr. II, 4, 10.

e) Часто желательное наклоненіе относительнаго предложенія обусловливается наклоненіемъ того предложенія, отъ котораго оно зависитъ (attractio или assimilatio modi). Это бываетъ тогда, когда относительное предложеніе зависитъ отъ такого предложенія, кото-

Библиотека "Руниверс"

рое, выражая случай только мыслимый, имѣетъ глаголъ въ желательномъ наклоненіи.

Это послѣднее предложеніе съ желательнымъ наклоненіемъ можетъ выражать или желаніе, или предположеніе, или можетъ быть само придаточнымъ предложеніемъ. Большею частью можно такое относительное предложеніе обратить въ условное (= εἰ cum optativo), иногда оно можетъ быть замѣнено предложеніемъ цѣли.

Относительное предложеніе съ желательнымъ наклоненіемъ служитъ, вопервыхъ, опредѣленіемъ предложенія, выражающаго желаніе, и означаетъ мыслимый случай безъ всякаго отношенія къ дѣйствительности, напримѣръ:

Il. III, 299, sq. ὀππότεροι δέ κε νικήσῃ κρείσσων τε γένηται,
τάων ἤν κ'ἐθέλῃσιν ἀναστὰς αὐτὸς ἑλέσθω,

гдѣ говорящій Антиной ожидаетъ побѣды одного изъ противниковъ.

Примѣры:

Od. I, 47. ὡς ἀπόλοιτο καὶ ἄλλος, ὅστις τοιαῦτά γε ῥέζοι.

Il. VI, 58, sq. XXIV, 139. Od. XV, 360. XVI, 386. XVIII, 142.

S. Ph. 529. μόνον θεοὶ σώζοιεν ἔκ τε τῆσδε γῆς ἡμᾶς, ὅποι τ'ἐνθένδε βουλοίμεθα πλεῖν

(предложеніе, опредѣляющее мѣсто дѣйствія).

Ar. V. 1431. ἔρδοι τις, ἣν ἕκαστος εἰδείη τέχνην.

Pl. Phaed. 279, c. τὸ δὲ χρυσοῦ πλῆθος εἴη μοι ὅσον μήτε φέρειν μήτε ἄγειν δύναιτ'ἄλλος ἢ ὁ σώφρων.

Il. XVII, 640. εἴη δ'ὅστις ἑταῖρος ἀπαγγείλειε τάχιστα.

Il. XIV, 107. νῦν δ'εἴη ὃς τῆς δέ γ'ἀμείνονα μῆτιν ἐνίσποι.

S. Tr. 953, sq. Въ послѣднихъ трехъ примѣрахъ относительное предложеніе имѣетъ значеніе предложенія цѣли—utinam sit, qui nunciet — utinam nunciet aliquis.

Относительное предложеніе съ желательнымъ наклоненіемъ можетъ, вовторыхъ, зависѣть отъ главнаго предложенія съ optativus potentialis cum ἄν (κέν).

Il. VI, 329, sq. . . . οὐ δ'ἂν μαχέσαιο καὶ ἄλλῳ
ὅντινά που μαθιέντα ἴδοις στυγεροῦ πολέμοιο.

Od. XIV, 402, sq. ξεῖν', οὕτω γάρ κέν μοι εὐκλείη τ'ἀρετή τε
εἴη ἐπ'ἀνθρώπους, ἅμα δ'αὐτίκα καὶ μετέπειτα,
ὅς σ', ἐπεὶ ἐς κλισίην ἄγαγον καὶ ξείνια δῶκα,
αὖτις δὲ κτείναιμι, φίλον τ'ἀπὸ θυμὸν ἑλοίμην,
гдѣ ὅς. . . . = εἴ σε κτείναιμι.

Библиотека "Руниверс"

Il. IX, 125, 267. Il. XIII, 118, 322. Od. VIII, 240. Od. I, 229. Od. IV, 222.

Od. XIII, 291. XXIII, 102.

Ar. R. 97. γόνιμον δὲ ποιήτην ἂν οὐχ εὕροις ἔτι
ζητῶν ἄν, ὅστις ῥῆμα γενναῖον λάκοι.

X. An. I, 3, 17. ὀκνοίην ἂν εἰς τὰ πλοῖα ἐμβαίνειν, ἃ
ἡμῖν δοίη (= εἰ δοίη πλοῖα, ὀκνοίην ἂν ἐμβαίνειν).

Pl. Symp. 8, 17. τίς μισεῖν δύναιτ' ἄν, ὑφ' οὗ εἰδείη
καλός τε καὶ ἀγαθὸς νομιζόμενος;

X. Cyr. II, 4, 23.... οὓς δὲ μὴ δύναιντο λαμβάνειν,
ἀποσοβοῦντες ἂν ἐμποδὼν γίγνοιντο τὸ μὴ
ὁρᾶν αὐτοὺς τὸ ὅλον στράτευμά σου.

X. Mem. I, 5, 4. IV, 6, 7.

Pl. Mem. 92, c. πῶς οὖν ἂν εἰδείης περὶ τούτου τοῦ
πράγματος, εἴτε τι ἀγαθὸν ἔχει ἐν ἑαυτῷ εἴτε
φλαῦρον, οὗ παντάπασιν ἄπειρος εἴης;

Pl. Lys. 215, b.

Затѣмъ, сюда же принадлежатъ относительныя предложенія съ желательнымъ наклоненіемъ, зависящія отъ придаточныхъ предложеній съ желательнымъ наклоненіемъ.

Il. X, 17. sq. ἧδε δέ οἱ κατὰ θυμὸν ἀρίστη φαίνετο βουλή,
Νέστορ' ἔπι πρῶτον Νηλήιον ἐλθέμεν ἀνδρῶν,
εἴ τινά οἱ σύν μῆτιν ἀμύμονα τεκτήναιτο,
ἥτις ἀλεξίκακος πᾶσιν Δαναοῖσι γένοιτο.

Il. XII, 334 sq. Od. VI, 112 sq. Od. XI, 479 sq.

Pl. Phaed. 72, c. εἰ ἀποθνήσκοι μὲν πάντα, ὅσα τοῦ ζῆν
μεταλάβοι, ἐπειδὴ δὲ ἀποθάνοι, μένοι ἐν τούτῳ
τῷ σχήματι τὰ τεθνεῶτα καὶ μὴ πάλιν
ἀναβιώσκοιτο, ἆρ' οὐ πολλὴ ἀνάγκη τελευτῶντα
πάντα τεθνάναι καὶ μηδὲν ζῆν;

Примѣчаніе. Такъ какъ во всѣхъ означенныхъ трехъ случаяхъ желательное наклоненіе того предложенія, отъ котораго зависитъ предложеніе относительное, выражаетъ дѣйствіе, относящееся къ настоящему или будущему, то говорящій иногда принимаетъ въ соображеніе осуществленіе высказываемаго въ относительномъ предложеніи случая и употребляетъ поэтому сослагательное наклоненіе (обыкновенно съ ἄν), напримѣръ:

Библиотека "Руниверс"

Il. XIII, 232, sq. Ἰδομενεῦ, μὴ κεῖνος ἀνὴρ ἔτι νοστήσειεν
ἐκ Τροίης, ἀλλ'αὖθι κυνῶν μέλπηθρα γένοιτο,
ὅστις ἐπ'ἤματι τῷδε ἑκὼν μεθιῇσι μάχεσθαι.

Pl. Phaed. 104, d. ἐπὶ τὸ τοιοῦτον δὴ ἡ ἐναντία ἰδέα
ἐκείνῃ τῇ μορφῇ, ἣ ἂν τοῦτο ἀπεργάζηται,
οὐδέποτ' ἂν ἔλθοι.

§ 9. *Предложенія, опредѣляющія время дѣйствія.*

а) Временныя предложенія съ желательнымъ наклоненіемъ обозначаютъ большею частью кромѣ времени и условіе главнаго дѣйствія и поэтому весьма близко подходятъ къ предложеніямъ условнымъ (εἰ cum optativo). Отрицаніемъ служитъ μή. И въ этихъ предложеніяхъ желательное наклоненіе выражаетъ случай воображаемый, существующій только въ представленіи говорящаго безъ всякаго отношенія къ дѣйствительности.

Желательное наклоненіе употребляется въ предложеніяхъ времени (какъ и въ относительныхъ) преимущественно тогда, когда въ главномъ предложеніи стоитъ одно изъ историческихъ временъ. Это происходитъ отъ того, что говорящій, высказывая представляемый случай по отношенію къ прошедшему, не ожидаетъ и не принимаетъ въ соображеніе его осуществленія. Значеніе неопредѣленнаго повторенія, которое часто соединено съ такими предложеніями, не заключается въ желательномъ наклоненіи, а происходитъ отъ связи и содержанія всего періода, какъ уже выше сказано (§ 7, b и § 8, c); въ главномъ предложеніи стоитъ тогда или imperfectum, или verbum frequentativum, или аористъ (обыкновенно съ ἄν).

Il. I, 609 sq. Ζεὺς δὲ πρὸς ὃν λέχος ἦϊ Ὀλύμπιος ἀστεροπητής,
ἔνθα πάρος κοιμᾶθ', ὅτε μιν γλυκὺς ὕπνος ἱκάνοι.

Od. VII, 138. ᾧ πυμάτῳ σπένδεσκον, ὅτε μνησαίατο κοίτου.

Il. III, 232 sq. πολλάκι μιν ξείνισσεν ἀρηΐφιλος Μενέλαος
οἴκῳ ἐν ἡμετέρῳ, ὁπότε Κρήτηθεν ἵκοιτο.

Od. XI, 585 sq. ὁσσάκι γὰρ κύψει' ὁ γέρων πιέειν μενεαίνων,
τοσσάχ' ὕδωρ ἀπολέσκετ' ἀναβροχέων....

Il. XXIV, 14 sq. ἀλλ' ὅ γ'ἐπεὶ ξεύξειεν ὑφ' ἅρμασιν ὠκέας ἵππους
Ἕκτορα δ'ἕλκεσθαι δῃσάσκετο δίφρου ὄπισθεν.

Il. X, 11, 14, 78. XI, 543. XVII, 732 sq. XIX, 132.

Od. IX, 208, 384. XI, 596. XIX, 49, 371.

Herod. VI, 61. ὅκως δὲ ἐνείκειε ἡ τροφὸς (τὸ παιδίον), πρός τε τῶγαλμα ἵστα καὶ ἐλίσσετο τὴν θεὸν ἀπαλλάξαι τῆς δυσμορφίης τὸ παιδίον.

Библиотека "Руниверс"

Herod. VI, 75. ὅκως γάρ τεῳ ἐντύχοι Σπαρτιητέων, ἐνέχρας ἐς τὸ πρόσωπον τὸ σκῆπτρον.

Herod. VII, 119. I, 14. I, 29.

Th. II, 49. ὁπότε (ὁ πόνος, morbus) ἐς τὴν καρδίαν στηρίξαι, ἀνέστρεφε αὐτήν.

Th. II, 10. II, 15.

Pl. Phaed. 59, d. ἀεὶ γὰρ δὴ καὶ τὰς πρόσθεν ἡμέρας εἰώθειμεν φοιτᾶν... πρὸς τὸν Σωκράτη· περιεμένομεν οὖν ἑκαστότε, ἕως ἀνοιχθείη τὸ δεσμωτήριον· ἐπειδὴ δὲ ἀνοιχθείη, ἤειμεν παρὰ τὸν Σωκράτη.

X. An. I, 2, 7. (Κῦρος ἄγρια θηρία) ἐθήρευεν ἀπὸ ἵππου ὁπότε γυμνάζειν βούλοιτο ἑαυτόν τε καὶ τοὺς ἵππους.

X. An. I, 5, 2. I, 9, 25. II, 6, 12. III, 4, 20. IV, 1, 16. IV. 5, 8. IV, 7, 10. VII, 1, 7.

X. Mem. I, 2, 97. II, 9, 4.

X. Cyr. VII, 1, 10.

Примѣчаніе. При союзахъ ὁσάκις и ὁποσάκις, *всякій разъ какъ*, встрѣчается часто вмѣсто сослагательнаго послѣ главныхъ и вмѣсто желательнаго послѣ историческихъ временъ изъявительное наклоненіе; тогда говорящій выражаетъ дѣйствіе временнаго предложенія какъ фактъ и обозначаетъ посредствомъ самихъ союзовъ ὁσάκις и ὁποσάκις, что этотъ фактъ повторялся нѣсколько разъ.

X. Mem. III, 4, 3. ὁσάκις κεχορήγηκε, νενίκηκεν.

X. Cyr. II, 2, 30. ὁποσάκις αὐτὸν ἐκάλεσα....

X. Cyr. II, 3, 23.

Pl. Charm. 158, a. ὁσάκις .... ἀφίκετο.

Въ остальныхъ временныхъ предложеніяхъ употребляется въ такомъ случаѣ изъявительное наклоненіе весьма рѣдко.

X. An. IV, 7, 16. καὶ ᾖδον καὶ ἐχόρευον, ὁπότε οἱ πολέμιοι αὐτοὺς ὄψεσθαι ἔμελλον.

Herod. VI, 110. οἱ στρατηγοί...., ὡς ἑκαστοῦ αὐτῶν ἐγίγνετο πρυτανηίη τῆς ἡμέρης, Μιλτιάδῃ παρεδίδοσαν.

b) Если въ главномъ предложеніи стоитъ одно изъ главныхъ временъ, то во временномъ предложеніи употребляется, для выраженія представляемаго случая, обыкновенно сослагательное наклоненіе (большею частію съ ἄν), такъ какъ говорящій, высказывая представляемый случай, относящійся къ настоящему или будущему, думаетъ обыкновенно о его осуществленіи. Но если говорящій оставляетъ въ сторонѣ мысль о его осуществленіи и такимъ образомъ лишаетъ его

Библиотека "Руниверс"

всякаго отношенія къ дѣйствительности, то онъ и въ этомъ случаѣ употребляетъ во временномъ предложеніи optativus безъ ἄν (ср. § 8, д). И эти временныя предложенія выражаютъ часто неопредѣленное повтореніе дѣйствія.

Il. III, 54 sq. οὐκ ἄν τοι χραίσμῃ κίθαρις τά τε δῶρ' Ἀφροδίτης
ἥ τε κόμη τό τε εἶδος, ὅτ' ἐν κονίῃσι μιγείης.

Il. IV, 261 sq. εἴ περ γάρ τ'ἄλλοι γε καρηκομόωντες Ἀχαιοί
δαιτρὸν πίνωσιν, σὸν δὲ πλεῖον δέπας αἰεί
ἕστηχ' ὥς περ ἐμοὶ πιέειν, ὅτε θυμὸς ἀνώγοι.

Od. XXIV, 343. ἔνθα δ'ἀνὰ σταφυλαὶ παντοῖαι ἔασιν,
ὁππότε δὴ Διὸς ὧραι ἐπιβρίσειαν ὕπερθεν.

Od. XXIV, 254. τοιούτῳ δὲ ἔοικας, ἐπεὶ λούσαιτο φάγοι τε.

Il. XIII, 317 sq. Od. II, 43. Od. XIV, 372 sq.

Aesch. Eum. 696. οὔκουν δίκαιον τὸν σέβοντ' εὐεργετεῖν
ἄλλως τε πάντως χὥτε δεόμενος τύχα;

S. Tr. 94. ... καὶ γὰρ ὑστέρῳ, τό γ'εὖ
πράσσειν ἐπεὶ πύθοιτο, κέρος ἐμπολᾷ.

X. Hipparch. 7, 4. φρονήσεως δεῖ πολλῆς πρὸς τοὺς πολὺ πλείους καὶ τόλμης, ὁπότε καιρὸς παραπέσσοι.

Pl. civ. 332, a. ἀποδοτέον δέ γε (sc. ὃ παρακατέθετο) οὐδ' ὁπωστιοῦν τότε, ὁπότε τις μὴ σωφρόνως ἀπαιτοῖ;

c) Иногда случается, что предложеніе времени опредѣляетъ время дѣйствія такого предложенія, которое, выражая случай только мыслимый, имѣетъ глаголъ въ желательномъ наклоненіи и въ предложеніи; тогда стоитъ желательное наклоненіе и въ предложеніи времени (assimilatio modi, ср. § 8, е).

Временное предложеніе съ желательнымъ наклоненіемъ опредѣляетъ:

1) время дѣйствія предложенія, выражающаго желаніе, напримѣръ:

Il. XVIII, 464. αἰ γάρ μιν θανάτοιο δυσηχέος ὧδε δυναίμην
νόσφιν ἀποκρύψαι, ὅτε μιν μόρος αἰνὸς ἱκάνοι.

Od. XII, 106. Od. XVIII, 148.

S. Tr. 658 ..... μὴ σταίη
πολύκωπον ὄχημα ναὸς αὐτῷ
πρὶν τάνδε ποτὶ πόλιν ἀνόσειε.

S. Ph. 961. ὄλοιο μήπω, πρὶν μάθοιμ', εἰ καὶ πάλιν γνώμην μετοίσεις.

Библиотека "Руниверс"

2) время дѣйствія предложенія съ optativus potentialis cum ἄν (κέν), напримѣръ:

Il. XIV, 247 sq. Ζηνὸς δ'οὐκ ἂν ἔγωγε Κρονίονος ἄσσον ἱκοίμην
οὐδὲ κατευνήσαιμ' ὅτε μὴ αὐτός γε κελεύοι.

Il. VIII, 23. Od. II, 30. XI, 375.

S. OR. 505. οὔποτ' ἔγωγ', ἂν, πρὶν ἴδοιμ' ὀρθὸν ἔπος, μεμφομένων ἂν καταφαίην.

X. Mem. II, 1, 18. ὁ μὲν ἑκὼν πεινῶν φάγοι ἂν, ὁπότε βούλοιτο.

X. Cyr. II, 4, 17. ὁπότε δὲ σὺ προεληλυθοίης σὺν ᾗ ἔχοις δυνάμει καὶ θηρῴης καὶ δὴ δύο ἡμέρας, πέμψαιμι ἄν....

X. Cyr. I, 3, 11. III, 1, 16. X. An. VII, 7, 17.

3) время дѣйствія придаточныхъ предложеній съ желательнымъ наклоненіемъ, напримѣръ:

Od. IX, 332 sq. ὅστις τολμήσειεν ἐμοὶ σὺν μοχλὸν ἀείρας,
τρῖψαι ἐπ' ὀφθαλμῷ, ὅτε τὸν γλυκὺς ὕπνος ἱκάνοι.

Il. XX, 147 sq. ὄφρα τὸ κῆτος ὑπεκπροφυγὼν ἀλέαιτο,
ὁππότε μιν σεύαιτο ἀπ' ἠιόνος πεδίονδε.

Th. III, 22. (ὅπως) μὴ βοηθοῖεν..., πρὶν σφῶν οἱ ἄνδρες οἱ ἐξιόντες διαφύγοιεν καὶ τοῦ ἀσφαλοῦς ἀντιλάβοιντο.

X. Cyr. I, 5, 10. οἷον εἴ τις γεωργὸς ἀγαθὸς προθυμηθεὶς γενέσθαι καὶ εὖ σπείρων καὶ εὖ φυτεύων, ὁπότε καρποῦσθαι ταῦτα δέοι, ἐφῃ τὸν καρπὸν ἀσυγκόμιστον εἰς τὴν γῆν πάλιν καταῤῥεῖν.

Pl. leg. 752, c.

Примѣчаніе 1. Желательное наклоненіе встрѣчается въ означенныхъ случаяхъ иногда даже при союзахъ, сложныхъ съ частицею ἄν (ер. κέν), см. § 19, f.

Примѣчаніе 2. Говорящій употребляетъ въ означенныхъ случаяхъ во временномъ предложеніи иногда сослагательное наклоненіе (съ ἄν), объясн. § 8, e, напримѣръ:

S. Tr. 2. ὡς οὐκ ἂν αἰῶν' ἐκμάθοις βροτῶν, πρὶν ἂν
θάνῃ τις, οὔτ' εἰ χρηστὸς, οὔτ' εἰ τῷ κακός.

X. Oec. 12, 1.

§ 10. *Сравнительныя предложенія относятся, какъ выше сказано, къ предложеніямъ относительнымъ.*

Особеннаго вниманія заслуживаютъ предложенія съ ὡς εἰ (ὡς εἴ τε) и ὡς ὅτε cum optativo, встрѣчающіяся въ сравненіяхъ Иліады и Одиссеи и выражающія случай только воображаемый, взятый для сравненія изъ области человѣческаго представленія безъ всякой мысли

Библиотека "Руниверс"

о его осуществленіи. Такое сравнительное предложеніе собственно ничто иное, какъ сокращенный условный періодъ, аподозисъ котораго подразумѣвается. Греки, конечно, не замѣчали этого эллипсиса: ὡς εἰ (ὡς ὅτε) получило значеніе одного слова = quasi = какъ будто, какъ бы = wie wenn.

Il. XI, 389. οὐκ ἀλέγω, ὡς (подраз. οὐκ ἀλέγοιμι ἄν) εἴ με γυνὴ
βάλοι ἢ παῖς ἄφρων.

Мнѣ же ничто! какъ бы дѣва ударила, или ребенокъ.
(Гнѣдичъ).

Il. II, 780. οἱ δ'ἄρ' ἴσαν ὡς εἴ τε πυρὶ χθὼν πᾶσα νέμοιτο.

Il. XI, 467. XXII, 410 sq.

Od. X, 415 sq. . . . . δόκησε δ'ἄρα σφίσι θυμός
ὥς ἔμεν, ὡς εἰ ποτρίδ' ἱκοίατο καὶ πόλιν αὐτήν
τρηχείης Ἰθάκης, ...

Od. X, 420. Od. XVII, 366.

Od. IX, 384. δίνεον, ὡς ὅτε τις τροπῷ δόρυ νήιον ἀνήρ.

Вмѣсто ὡς εἰ встрѣчается иногда οἷον εἰ, напримѣръ:

X. Cyr. I, 5, 10. οἱ τοιοῦτοι ὅμοιον ἐμοὶ δοκοῦσι
πεπονθέναι, οἷον εἴ τις εὖ σπείρων καὶ
εὖ φυτεύων ὁπότε καρποῦσθαι ταῦτα δέοι,
ἐφῃ τὸν καρπὸν ἀσυγκόμιστον εἰς τὴν γῆν
πάλιν καταῤῥεῖν.

§ 11. *Предложенія съ* ὥστε, *выражающія слѣдствіе дѣйствія главнаго предложенія.*

Optativus безъ ἄν встрѣчается въ этихъ предложеніяхъ:

a) весьма рѣдко вмѣсто optativus potentialis съ ἄν (см. § 1, a), напримѣръ:

Eur. J. A. 418. μήτηρ δ'ὁμαρτεῖ. . . .
καὶ παῖς Ὀρέστης, ὥστε τερφθείης ἰδών.

b) иногда даже при аттракціи наклоненія (см. § 8, e и § 9, c), напримѣръ:

X. Oec. 1, 13. εἴ τις χρῷτο τῷ ἀργυρίῳ, ὥστε κάκιον τὸ σῶμα ἔχοι, πῶς ἂν ἔτι τὸ ἀργύριον αὐτῷ ὠφέλιμον εἴη;

X. Cyr. V, 5, 30.

c) въ косвенной рѣчи вмѣсто изъявительнаго наклоненія (см. § 15).

§ 12. *Предложенія цѣли.*

Предварительное замѣчаніе. Предложенія цѣли присоединяются къ періоду, часть котораго они составляютъ, или посредствомъ союза

Библиотека "Руниверс"

(собств. мѣстнаго нарѣчія) ἵνα, или (у Гомера) посредствомъ временныхъ союзовъ ὄφρα, ἕως (собст. пока не), или посредствомъ союзовъ ὡς, ὅπως, соотвѣтствующихъ латинскому ut. Отрицаніемъ всегда служитъ μή (чтобы не = μή или ἵνα μή, ὡς μή).

а) Желательное наклоненіе въ предложеніяхъ цѣли обыкновенно встрѣчается послѣ историческаго времени главнаго предложенія, тогда какъ послѣ главнаго времени употребляется сослагательное наклоненіе. Граматики, считающіе желательное наклоненіе сослагательнымъ историческихъ временъ, находятъ въ этомъ обстоятельствѣ подтвержденіе своему мнѣнію и говорятъ, что въ предложеніяхъ цѣли выборъ наклоненія (желательнаго или сослагательнаго) обусловливается временемъ главнаго предложенія. Что это мнѣніе не вѣрно, показываютъ, съ одной стороны, тѣ мѣста (и они не такъ рѣдки), въ которыхъ послѣ историческаго времени въ предложеніи цѣли стоитъ conjunctivus, а съ другой стороны—тѣ, въ которыхъ, наоборотъ, послѣ главнаго времени въ предложеніи цѣли встрѣчается optativus. Прежде всего надо рѣшить вопросъ: отчего въ предложеніяхъ цѣли, послѣ главнаго времени, стоитъ обыкновенно conjunctivus, а послѣ историческаго — optativus? Отчего въ этихъ предложеніяхъ conjunctivus послѣ историческихъ временъ встрѣчается только въ видѣ исключенія? Отчего optativus послѣ главнаго времени употребляется въ нихъ весьма рѣдко? Причина всему этому заключается въ существенномъ значеніи самихъ наклоненій. Мы сказали, что говорящій посредствомъ желательнаго наклоненія выражаетъ свою мысль, какъ случай только представляемый безъ всякаго отношенія къ дѣйствительности. Но когда же говорящему представляется возможность выразить цѣль дѣйствія, какъ чистое представленіе безъ всякой мысли о его осуществленіи, если не въ разказѣ о происшедшихъ уже дѣйствіяхъ? Въ такомъ повѣствованіи разказывающій передаетъ цѣль прошедшаго дѣйствія, какъ чистое представленіе, оставляя въ сторонѣ мысль о его осуществленіи, сопровождавшую дѣйствующее лицо во время дѣйствія. Только въ томъ случаѣ говорящій употребляетъ въ предложеніяхъ, выражающихъ цѣль прошедшаго уже дѣйствія, сослагательное наклоненіе, если онъ, переносясь въ прошедшее, становится на точку зрѣнія дѣйствующаго лица (repraesentatio); это даетъ ему возможность уяснить цѣль дѣйствующаго лица прямо изъ его мыслей, то-есть, съ тѣмъ оттѣнкомъ, который выражаетъ его ожиданіе, напримѣръ:

Herod. 1, 29. Σόλων ἀπαδήμησεν ἔτεα δέκα, ἵνα δὴ μή τινα τῶν νόμων ἀναγκασθῇ λῦσαι τῶν ἔθετο.

Библиотека "Руниверс"

Наоборотъ, говорящій употребляетъ въ предложеніяхъ цѣли послѣ главнаго времени большею частію сослагательное наклоненіе, такъ какъ къ мысли, составляющей цѣль дѣйствія главнаго предложенія, если послѣднее относится къ настоящему или будущему, присоединяется понятіе ожиданія ея осуществленія. Optativus употребляется весьма рѣдко; насчетъ этого употребленія желательнаго наклоненія Cavallin говоритъ къ

Il. VII, 340. ἐν δ'αὐτοῖσι πόλας ποιήσομεν εὖ ἀραρυίας,
ὄφρα δι'αὐτάων ἱππηγασίη ὁδὸς εἴη.

In hoc loco aliisque similibus Thiersch (§ 342, 3) conjunctivum restitutum vult. Tamen, si quid ego judico, optativus ferri potest, quamquam de re futura oratio est. Finis enim, cur exstruerentur portae, non ut aliquid, quod exspectaretur, sed ut pura cogitatio proponitur.

Въ нашу статью входятъ только тѣ предложенія цѣли, которыя имѣютъ глаголъ въ желательномъ наклоненіи. Мы уже сказали, что въ этихъ предложеніяхъ желательное наклоненіе выражаетъ цѣль главнаго дѣйствія какъ представленіе безъ всякой мысли о его осуществленіи. При этомъ все равно, излагаетъ ли говорящій свою собственную цѣль, или посторонняго (дѣйствующаго) лица. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что говорящій употребляетъ желательное наклоненіе чаще для выраженія цѣли посторонняго лица, чѣмъ для выраженія своей собственной.

b) Optativus послѣ историческаго времени главнаго предложенія.

Il. II, 280 sq. παρὰ δὲ γλαυκῶπις Ἀθήνη,
εἰδομένη κήρυκι, σιωπᾶν λαὸν ἀνώγει,
ὡς ἅμα θ'οἱ πρῶτοί τε καὶ ὕστατοι υἷες Ἀχαιῶν
μῦθον ἀκούσειαν καὶ ἐπιφρασσαίατο βουλήν.

Il. IV, 113 sq. πρόσθεν δέ σάκεα σχέδον ἔσθλοι ἑταῖροι,
μὴ πρὶν ἀναΐξειαν ἀρηΐοι υἷες Ἀχαιῶν.

Il. V, 1 sq. ἔνθ'αὖ Τυδείδῃ Διομήδεϊ Παλλὰς Ἀθήνη
δῶκε μένος καὶ θάρσος, ἵν' ἔκδηλος μετὰ πᾶσιν
Ἀργείοισι γένοιτο ἰδὲ κλέος ἐσθλὸν ἄροιτο.

X. An. III, 1, 47. καὶ ἅμα ταῦτ εἰπὼν ἀνέστη, ὡς μὴ
μέλλοιτο ἀλλὰ περαίνοιτο τὰ δέοντα.

X. Cyr. I, 4, 25 ἐπεὶ δ' ἤκουσεν (sc. Καμβύσης) ἔργα ἀνδρὸς ἤδη διαχειριζόμενον τὸν Κῦρον, ἀπεκάλει δή, ὅπως τὰ ἐν Πέρσαις ἐπιχώρια ἐπιτελοίη.

X. Cyr. VII, 8, 14.

Примѣчаніе. Такъ какъ praesens historicum большею частью раз-

Библиотека "Руниверс"

сматривается какъ время историческое, то въ предложеніяхъ цѣли, зависящихъ отъ него, часто ставится желательное наклоненіе.

Eur. Hec. 10. πολὺν δὲ σὺν ἐμοὶ χρυσὸν ἐκπέμπει λάθρα πατήρ, ἵν', εἴ ποτ' Ἰλίου τείχη πέσοι, τοῖς ζῶσιν εἴη παισὶ μὴ σπάνις βίου.

Eur. Hec. 1148 sq.

Th. I, 139.

X. An. IV, 6, 1. τούτον δ' Ἐπισθένει παραδίδωσι φυλάττειν, ὅπως, εἰ καλῶς ἡγήσαιτο, ἔχων καὶ τοῦτον ἀπίοι.

X. An. IV, 7, 19. X. Cyr. I, 4, 7.

c) Послѣ главнаго времени главнаго предложенія говорящій употребляетъ въ предложеніяхъ цѣли желательное наклоненіе только въ томъ случаѣ, если онъ по своей скромности или нерѣшительности желаетъ выразить мысль, составляющую цѣль главнаго дѣйствія безъ того оттѣнка, который выражаетъ ожиданіе ея осуществленія. Этотъ optativus близко подходитъ къ optativus potentialis.

Il. VII, 340 (см. выше).

Il. I, 344. οὐδέ τι οἶδε νοῆσαι ἅμα πρόσσω καὶ ὀπίσσω
ὅππως οἱ παρὰ νηυσὶ σόοι μαχέοιντο Ἀχαιοί.

Od. XVII, 250. τόν ποτ' ἐγὼν ἐπὶ νηὸς ἐυσσέλμοιο μελαίνης
ἄξω τῆλ' Ἰθάκης, ἵνα μοι βίοτον πολὺν ἄλφοι.

S. OC. 11. στῆσόν με κἀξίδρυσον, ὡς πυθοίμεθα,
ὅπου ποτ' ἐσμέν.

Herod. II, 93. ἀντέχονται (τῆς γῆς)..., ἵνα δὴ μὴ ἁμάρτοιεν τῆς ὁδοῦ διὰ τὸν ῥόον.

X. An. II, 4, 4. ἴσως δέ που ἢ ἀποσκάπτει ἢ ἀποτειχίζει, ὡς ἄπορος εἴη ἡ ὁδός.

X. An. III, 2, 36. ἀσφαλέστερον (sc. ἐστίν) ἡμῖν πορεύεσθαι πλαίσιον ποιησαμένους τῶν ὅπλων (ὁπλιτῶν), ἵνα ὁ πολὺς ὄχλος ἐν ἀσφαλεστέρῳ εἴη.

X. Cyr. I, 6, 34. οὐ διαλεγόμεθα ..., ἵνα μὴ χρῷντο.

Примѣчаніе. Иногда говорящій хотя и высказываетъ дѣйствіе, относящееся къ настоящему времени, но вмѣстѣ съ тѣмъ думаетъ о какомъ-нибудь другомъ, уже происшедшемъ дѣйствіи, такъ что предложеніе цѣли съ optativus относится не столько къ дѣйствію, выраженному чрезъ praesens, сколько къ дѣйствію уже прошедшему, напримѣръ:

Библиотека "Руниверс"

S. El. 759 sq. σῶμα
φέρουσιν ἄνδρες Φωκέων τεταγμένοι,
ὅπως πατρῴας τύμβον ἐκλάχοι χθονός.

(педагогъ высказываетъ цѣль тѣхъ, которые ἔταξαν φέρειν).

Pl. civ. 420 c. ἆρ' οὖν καὶ οἱ καθιστάντες μουσικῇ καὶ γυμναστικῇ παιδεύειν οὐχ, οὐ ἕνεκά τινες οἴονται, καθιστᾶσιν, ἵνα τῇ μὲν τὸ σῶμα θεραπεύοιντο, τῇ δὲ τὴν ψυχήν;

(цѣль относится къ тому времени, когда законодатели издали законъ).

Dem. XXIV, 147. οὗτος (ὁ νόμος) οὐκ ἐπὶ τοῖς κεκριμένοις καὶ ἠγωνισμένοις κεῖται, ἀλλ' ἐπὶ τοῖς ἀκρίτοις, ἵνα μὴ διὰ τὸ δεδέσθαι χεῖρον ἀναγκάζοιντο ἀγωνίζεσθαι.

Dem. XXII, 11.

d) Иногда предложеніе цѣли съ желательнымъ наклоненіемъ зависитъ отъ другаго предложенія съ желательнымъ наклоненіемъ (съ ἄν или безъ ἄν), хотя послѣднее предложеніе выражаетъ дѣйствіе, относящееся къ настоящему или будущему (attractio modi, см. § 8, c, § 9, c и § 11).

Od. XX, 79 sq. ὣς ἔμ' ἀιστώσειαν Ὀλύμπια δώματ' ἔχοντες,
ἠέ μ' ἐυπλόκαμος βάλοι Ἄρτεμις, ὄφρ' Ὀδυσσῆα
ὀσσομένη καὶ γαῖαν ὕπο στυγερὴν ἀφικοίμην
μηδέ τι χείρονος ἀνδρὸς εὐφραίνοιμι νόημα.

Od. XIV, 408. XVIII, 369. Od. III, 347. Od. XXI, 210. XIII, 189 sq.

S. Ph. 325. θυμὸν γένοιτο χειρὶ πληρῶσαί ποτε,
ἵν' αἱ Μυκῆναι γνοῖεν.....

X. An. II, 4, 3. οὐκ ἐπιστάμεθα, ὅτι βασιλεὺς ἡμᾶς
ἀπολέσαι περὶ παντὸς ἂν ποιήσαιτο, ἵνα καὶ
τοῖς ἄλλοις Ἕλλησι φόβος εἴη ἐπὶ βασιλέα
μέγαν στρατεύειν;

X. Cyr. II, 4, 17. εἰ δὴ πείσαις ἐπαινεῖν σε πολλούς, ὅπως
δόξαν λάβοις, ἄρτι ἐξηπατηκὼς εἴης ἄν.

Примѣчаніе. Въ такихъ предложеніяхъ цѣли употребляется иногда conjunctivus (объясн. § 8, e, прим. сравн. § 9, c примѣч. 2).

Il. XXIV, 75. εἴ τις καλέσειε ...., ὄφρα τί οἱ εἴπω.

Od. IV, 738. ἀλλά τις .... καλέσειε γέροντα, ...ὄφρα ... καταλέξῃ.

Il. XXIV, 264. οἴκ ἂν δή μοι ἅμαξαν ἐφοπλίσσαιτε τάχιστα,
ταῦτά τε παντ' ἐπιθεῖτε, ἵνα πρήσσωμεν ὁδοῖο;

X. An. III, 1, 38. οἴομαι ἂν ὑμᾶς μέγα ὀνῆσαι τὸ στρατευμα,
εἰ ἐπιμεληθείητε, ὅπως ἀντὶ τῶν ἀπολωλότων
ὡς τάχιστα στρατηγοὶ ἀντικατασταθῶσιν.

Библиотека "Руниверс"

X. Cyr. III, 2, 28.

Pl. Apol. 28, d. αὐτίκα τεθναίην, ἵνα μὴ ἐνθάδε
μένω καταγέλαστος.

Dem. XXV, 33.

e) Интересны тѣ періоды, въ которыхъ нѣсколько предложеній цѣли слѣдуютъ одинъ за другимъ то съ сослагательнымъ, то съ желательнымъ наклоненіемъ. Въ такомъ случаѣ сослагательное наклоненіе выражаетъ цѣль какъ такую, осуществленіе которой дѣйствующій ожидаетъ, или оно выражаетъ цѣль какъ главную, которую дѣйствующій въ особенности имѣетъ въ виду; желательное наклоненіе, напротивъ, означаетъ цѣль какъ чистое предположеніе безъ всякаго отношенія къ дѣйствительности или какъ менѣе важную, болѣе отдаленную цѣль, зависящую отъ осуществленія главной цѣли, выраженной посредствомъ conjunctivus.

Il. XV, 595 sq. Ἕκτορι γάρ οἱ θυμὸς ἐβούλετο κῦδος ὀρέξαι
Πριαμίδῃ, ἵνα νηυσὶ κορωνίσι θεσπιδαὲς πῦρ
ἐμβάλῃ ἀκάματον Θέτιδος δ' ἐξαίσιον ἀρήν
πᾶσαν ἐπικρήνειεν.

(непосредственная и болѣе отдаленная цѣль).

Herod. VIII, 76. τῶνδε δὲ εἵνεκεν ἀνῆγον τὰς νέας, ἵνα δὴ τοῖς Ἕλλησι μηδὲ φυγεῖν ἐξῇ, ἀλλ' ἀπολαμφθέντες ἐν τῇ Σαλαμῖνι δοῖεν τίσιν τῶν ἐπ' Ἀρτεμισίῳ ἀγωνισμάτων.

Herod. XI, 51. ἐς τοῦτον δὴ τὸν χῶρον ἐβουλεύσαντο μεταστῆναι, ἵνα καὶ ὕδατι ἔχωσι χρᾶσθαι ἀφθόνῳ, καὶ οἱ ἱππέες σφέας μὴ σινοίατο (главная и побочная цѣль).

Herod. IV, 139.

Th. III, 22. παρανῖσχον δὲ καὶ οἱ ἐκ τῆς πολέως Πλαταιῆς ἀπὸ τοῦ τείχους φρυκτοὺς πολλούς, ὅπως ἀσαφῆ τὰ σημεῖα τῆς φρυκτωρίας τοῖς πολεμίοις ᾖ καὶ μὴ βοηθοῖεν ἄλλο τι νομίσαντες τὸ γιγνόμενον εἶναι ἢ τὸ ὄν (осуществленія первой мысли не только можно, но и должно было ожидать, но нельзя было знать, придутъ ли непріятели на помощь или нѣтъ).

Th. VII, 17. Dem. XVIII, 32.

Сперва желательное, затѣмъ сослагательное наклоненіе встрѣчаются въ слѣдующихъ примѣрахъ:

Il. XXIV, 582 sq. δμωὰς δ'ἐκκαλέσας λοῦσαι κέλετ'ἀμφί τ'ἀλεῖψαι,
νόσφιν ἀειράσας, ὡς μὴ Πρίαμος ἴδοι υἱόν,
μὴ ὁ μὲν ἀχνυμένῃ κραδίῃ χόλον οὐκ ἐρύσαιτο

Библиотека "Руниверс"

παῖδα ἰδών, Ἀχιλῆι δ'ὀρινθείη φίλον ἦτορ
καί ἑ καταχτείνειε, Διὸς δ'ἀλίτηται ἐφετμάς.

(Здѣсь рядомъ съ тремя предложеніями, выраженными желательнымъ наклоненіемъ, стоитъ conjunctivus, посредствомъ котораго поэтъ ex mente Achillis выражаетъ послѣднее и самое страшное изъ всѣхъ послѣдствій съ оттѣнкомъ боязни; читая слова Διὸς δ'ἀλίτηται ἐφετμάς, мы, такъ сказать, чувствуемъ, какъ Ахиллесъ боится „нарушить священные Зевса завѣты").

Herod. I, 196. ἄλλο δέ τι ἐξευρήκασι νεωστὶ γενέσθαι, ἵνα μὴ ἀδικοῖεν αὐτὰς μηδ'ἐς ἑτέρην πόλιν ἄγωνται (побочная и главная цѣль).

Th. VI, 96.

f) Особенный отдѣлъ составляютъ предложенія цѣли, зависящія отъ глаголовъ и выраженій, означающихъ боязнь, опасеніе. Греки (какъ и Римляне) соединяли всегда съ понятіемъ боязни понятіе желанія. Поэтому нашему союзу *что* (=чтобы не) соотвѣтствуетъ греч. μή, лат. ne, а нашему что не — греческ. μὴ οὐ, лат. ut или ne non. Относительно употребленія желательнаго наклоненія въ этихъ предложеніяхъ цѣли слѣдуетъ замѣтить, что оно употребляется весьма рѣдко послѣ главнаго времени. Причина этого явствуетъ изъ сказаннаго выше.

1) Optativus послѣ историческаго времени главнаго предложенія:

Il. V, 297 sq. Αἰνείας δ'ἀπόρουσε σὺν ἀσπίδι δουρί τε μακρῷ,
δείσας, μή πώς οἱ ἐρυσαίατο νεκρὸν Ἀχαιοί.

Od. XI, 635. ἐμὲ δὲ χλωρὸν δέος ᾕρει,
μή μοι Γοργείην κεφαλὴν δεινοῖο πελώρου
ἐξ Ἀΐδεω πέμψειεν ἀγαυὴ Περσεφόνεια.

X. An. I, 10, 9. ἔδεισαν οἱ Ἕλληνες, μὴ προσάγοιεν πρὸς τὸ χέρας καὶ περιπτύξαντες ἀμφοτέρωθεν αὐτοὺς κατακόψειαν.

X. An. V, 7, 2.

2) Optativus послѣ главнаго времени главнаго предложенія:

S. Aj. 279. δέδοικα, μή'κ θεοῦ
πληγή τις ἥκοι.

Herod. VII, 103. ὅρα, μή μάτην κόμπος ὁ λόγος οὗτος εἰρημένος εἴη.

Иногда желательное наклоненіе чередуется съ сослагательнымъ, напримѣръ:

Il. IX, 244 sq. ταῦτ'αἰνῶς δείδοικα κατὰ φρένα, μή οἱ ἀπειλὰς
ἐκτελέσωσι θεοί, ἡμῖν δὲ αἴσιμον εἴη
φθίσθαι ἐνὶ Τροίῃ ἑκὰς Ἄργεος ἱπποβότοιο.

(Одиссей выражаетъ чрезъ conjunctivus то, чего онъ прежде всего и

Библиотека "Руниверс"

больше всего опасается, а чрезъ optativus то, что̀ онъ себѣ представляетъ слѣдствіемъ выраженнаго чрезъ conjunctivus дѣйствія).

Eur. Hec. 1138 sq. ἔδεισα, μὴ σοὶ πολέμιος λειφθεὶς ὁ παῖς
Τροίαν ἀθροίσῃ καὶ ξυναικίσῃ πάλιν,
γνόντες δ' Ἀχαιοὶ ζῶντα Πριαμιδῶν τινα
Φρυγῶν ἐς αἶαν αὖθις ἄρειαν στόλον,
κἄπειτα Θρῄκης πεδία τρίβοιεν τάδε
λεηλατοῦντες, γαίτοσιν δ' εἴη κακὸν
Τρώων, ἐν ᾧπερ νῦν, ἄναξ, ἐκάμνομεν.

(Pflugk объясняетъ: alterum enim, Troja ut restitueretur, verebatur ne eveniret; de altero conjecturam faciebat, haud esse dissimile veri Achivos redituros).

§ 13. *Optativus orationis obliquæ.*

Такъ какъ желательное наклоненіе выражаетъ только представляемый случай безъ всякаго намека на дѣйствительность, то понятно его употребленіе въ косвенной рѣчи, въ которой говорящій передаетъ мнѣнія или мысли посторонняго лица ex mente этого лица, какъ предметъ своего представленія, безъ всякаго отношенія къ дѣйствительности. Постороннимъ лицомъ мы называемъ лицо, составляющее подлежащее глагола sentiendi или declarandi, отъ котораго зависитъ косвенная рѣчь. Желательное наклоненіе встрѣчается въ косвенной рѣчи послѣ praeteritum глагола sentiendi или declarandi; это соединеніе желательнаго наклоненія съ прошедшимъ временемъ имѣетъ свою причину въ назначеніи этого наклоненія выражать такія мысли, съ которыми не соединено ожиданіе ихъ осуществленія (см. § 12, a).

Optativus orationis obliquae встрѣчается послѣ praeteritum:

a) Въ главныхъ предложеніяхъ косвенной рѣчи. Главными предложеніями косвенной рѣчи называются: 1) предложенія дополнительныя, присоединяемыя къ глаголу sentiendi или declarandi посредствомъ союзовъ ὅτι (у Гомера также ὅ) и ὡς; 2) косвенные вопросы. Первыя предложенія могутъ быть также выражены чрезъ accusativus cum infinitivo.

b) Въ придаточныхъ предложеніяхъ косвенной рѣчи въ томъ случаѣ, если въ прямой рѣчи стоялъ бы въ нихъ indicativus одного изъ главныхъ временъ или conjunctivus. Изъ этого правила исключаются, конечно, тѣ придаточныя предложенія, которыя, заключая въ себѣ замѣчанія или объясненія передающаго намъ чужую рѣчь, не

Библиотека "Руниверс"

входятъ въ ея составъ и выражаются поэтому чрезъ изъявительное наклоненіе, напримѣръ:

Herod. IV, 120. ἐβουλεύοντο.... καὶ πρὸς μὲν τὴν μίαν τῶν μοιρέων, τῆς ἐβασίλευε Σκώπασις, προςχωρέειν Σαυρομάτας.

Примѣчаніе. Не рѣдко встрѣчается желательное наклоненіе въ главныхъ предложеніяхъ, присоединенныхъ посредствомъ γάρ, οὖν и δέ къ предыдущему предложенію съ ὅτι или ὡς, или къ предшествующему accusativus cum infinitivo: эти вводныя предложенія составляютъ, такъ сказать, продолженіе предыдущаго предложенія.

Чаще всего употребляется въ этихъ предложеніяхъ optativus аттическими прозаиками; до Геродота не встрѣчается еще такое употребленіе желательнаго наклоненія.

Примѣры:

Aesch. Ag. 591. ταῦτ' ἀπάγγειλον πόσει,
ἥκειν ὅπως τάχιστ' ἐράσμιον πόλει·
γυναῖκα πιστὴν δ'ἐν δόμοις εὕροι μολὼν
οἵαν περ οὖν ἔλειπε.

Herod. VII, 13. ἔλεγε..., ὡς αὐτὸς μὲν γένοιτο Δαρείῳ ἤδη βασιλεύοντι..., Ἀρταβαζάνης δὲ ἔτι ἰδιώτῃ ἐόντι Δαρείῳ· οὔκ ὦν οὔτ' εἰκὸς εἴη οὔτε δίκαιον ἄλλον τινὰ τὸ γέρας ἔχειν πρὸ ἑωυτοῦ.

Th. II, 72. ἀπεκρίναντο αὐτῷ, ὅτι ἀδύνατα σφίσιν εἴη ποιεῖν... παῖδες γὰρ σφῶν καὶ γυναῖκες παρ' ἐκείνοις εἴησαν.

X. An. VII, 3, 13. ἔλεγον πολλοὶ κατὰ ταὐτά, ὅτι παντὸς ἄξια λέγοι Σεύθης· χειμὼν γὰρ εἴη, καὶ οὔτε οἴκαδε αποπλεῖν τῷ βουλομένῳ δυνατὸν εἴη κτλ.

X. An. IV, 6, 13. VI, 2, 10.

X. Hell. III, 2, 23. VI, 5, 36. VII, 1, 23.

Pl. civ. 420, c.

§ 14. *Предложенія съ* ὅτι *и* ὡς *и косвенные вопросы.*

Въ предложеніяхъ съ ὅτι и ὡς, а также въ косвенныхъ вопросахъ употребляется optativus aoristi въ томъ случаѣ, если бы въ прямой рѣчи въ этихъ предложеніяхъ стоялъ indicativus aoristi; или, другими словами, optativus aoristi имѣетъ значеніе прошедшаго времени.

S. OR. 1161. οὐ δῆτ' ἔγωγ'· ἀλλ' εἶπον, ἵος δοίην πάλαι (or. recta: ἔδωκα).

Th. IV, 108. ἐδήλου, ὡς ἐλευθερώσιον τὴν Ἑλλάδα ἐκπεμφθείη (or. recta: ἐξεπέμφθην).

Od. XV, 423. εἰρώτα δὴ ἔπειτα, τίς εἴη καὶ πόθεν ἔλθοι.

Библиотека "Руниверс"

Od. XIX, 464. καὶ ἐξερέεινον ἕκαστα,
οὐλὴν ὅττι πάθοι.

Herod. I, 111. ἡ γυνὴ εἴρετο, ὅ τί μιν οὕτω προθύμως Ἅρπαγος μεταπέμψαιτο (or. recta: τί σε Ἅρπαγος μετεπέμψατο;).

X. An. VI, 3, 25. ἐπυνθάνοντο οἱ Ἀρκάδες τῶν περὶ Ξενοφῶντα, τί τὰ πυρὰ κατασβέσειαν (or. recta: τί κατεσβέσατε;).

Optativus praesentis и perfecti соотвѣтствуетъ изъявительному praesentis и perfecti прямой рѣчи; напримѣръ:

Th. II, 13. προηγόρευε (Περικλῆς) τοῖς Ἀθηναίοις ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ, ὅτι Ἀρχίδαμος μὲν οἱ ξένος εἴη οὐ μέντοι ἐπὶ κακῷ γε τῆς πόλεως γένοιτο (or. recta: Ἀ....ἐστίν, οὐ μέντοι ἐγένετο).

Th. I, 67. κατεβόων ἐλθόντες τῶν Ἀθηναίων, ὅτι σπονδάς τε λελυκότες εἶεν καὶ ἀδικοῖεν τὴν Πελοπόννησον (or. recta: λελυκότες ἐστὲ καὶ ἀδικεῖτε).

X. An. III, 5, 15. οἱ δ'ἔλεγον, ὅτι τὰ πρὸς μεσημβρίαν τῆς ἐπὶ Βαβυλῶνα (sc. ὁδοῦ) εἴη καὶ Μηδίαν, δι' ἧσπερ ἥκοιεν (or. recta: τὰ... ἐστι... δι' ἧσπερ ἥκετε).

X. An. VI, 25.

Od. IX, 89. δὴ τότ' ἐγὼν ἑτάρους προΐειν πεύθεσθαι ἰόντας,
οἵτινες ἄνδρες εἶεν ἐπὶ χθονὶ σῖτον ἔδοντες.

Od. IX, 402. ἱστάμενοι δ'εἴροντο περὶ σπέος, ὅττι ἑ κήδοι.

Il. XXI, 609. Od. XIII, 415 (ἤ=εἰ).

Herod. III, 64. εἴρετο ὁ Καμβύσης, ὅ τι τῇ πόλει οὔνομα εἴη (or. recta: τί οὔνομά ἐστιν).

X. Cyr. I, 3, 15. ἡ μήτηρ διηρώτα τὸν Κῦρον, πότερον βούλοιτο μένειν, ἢ ἀπιέναι.

X. Hell. III, 4, 5.

Indicativus imperfecti и plusquamperfecti прямой рѣчи остается большею частью и въ косвенной рѣчи, такъ какъ при optativus было бы неизвѣстно, относится ли выраженное чрезъ него дѣйствіе къ настоящему или къ прошедшему, напримѣръ:

X. Cyr. III, 2, 27. ἤκουσεν, ὅτι πολλάκις πρὸς τὸν Ἰνδὸν οἱ Χαλδαῖοι ἐπορεύοντο.

Только въ томъ случаѣ, если изъ связи и содержанія рѣчи видно, что дѣйствіе предложенія съ ὅτι (ὡς) или косвеннаго вопроса относится къ прошедшему, можно вмѣсто indicativus imperfecti и plusquamperfecti употреблять optativus praesentis и perfecti, напримѣръ:

X. Mem. II, 1, 13. ἤκουσα μὲν ὅτι Περικλῆς πολλὰς (ἐπῳδὰς) ἐπί-

Библиотека "Руниверс"

σταιτο, ἃς ἐπᾴδων πόλει ἐποίει αὐτὴν φιλεῖν αὐτόν (or. recta: Π. ἠπίστατο).

X. An. I. 3, 20. ὁ δ' ἀπεκρίνατο, ὅτι ἀκούοι (or. recta: ἤκουον).

X. An. IV, 1, 24. IV, 3, 11.

X. Hell. I, 7, 5.

Примѣчаніе 1-е. Особенный разрядъ составляютъ вопросительныя предложенія, выражающія недоумѣніе, въ которыхъ въ прямой рѣчи ставится conjunctivus deliberativus (въ первомъ лицѣ), напримѣръ: ποίαν ὁδὸν τράπωμαι; какой мнѣ избрать путь? Этотъ conjunctivus (безъ ἄν) остается въ такихъ предложеніяхъ и въ томъ случаѣ, если они зависятъ отъ одного изъ главныхъ временъ, напримѣръ:

X. Mem. II, 1, 23. ὁρῶ σε, ὦ Ἡράκλεις, ἀποροῦντα, ποίαν ὁδὸν ἐπὶ τὸν βίον τράπῃ.

Если же такое предложеніе зависитъ отъ praeteritum, то conjunctivus замѣняется желательнымъ наклоненіемъ, какъ скоро говорящій передастъ ex mente посторонняго лица, какъ чистое представленіе, то-есть, безъ понятія ожиданія. Optativus aoristi въ этомъ случаѣ не имѣетъ значенія прошедшаго времени; отрицаніемъ служитъ μή. Многіе изъ этихъ вопросовъ состоятъ изъ двухъ противопоставляемыхъ частей.

Il. I, 189, sq. διάνδιχα μερμήριξεν,
ἢ ὅγε φάσγανον ὀξὺ ἐρυσσάμενος παρὰ μηροῦ
τοὺς μὲν ἀναστήσειεν, ὁ δ' Ἀτρείδην ἐναρίζοι
ἦε χόλον παύσειεν ἐρητύσειέ τε θυμόν.

Il. II, 3. ἀλλ' ὅγε μερμήριζε κατὰ φρένα, ὡς Ἀχιλῆα
τιμήσει', ὀλέσαι δὲ πολέας ἐπὶ νηυσὶν Ἀχαιῶν.

Il. X, 503, sq. Il. XVI, 713, sq. Od. XXIV, 235, sq.

Herod. V, 67. ἐχρηστηριάζετο, εἰ ἐκβάλοι τὸν Ἄδρηστον (or. recta: ἄρ' ἐκβάλω...;).

Th. I, 25. τὸν θεὸν ἐπήροντο, εἰ παραδοῖεν Κορινθίοις τὴν πόλιν κτλ. (or. recta: ἆρα παραδῶμεν...).

X. An. I, 10, 5. ὁ Κλέαρχος ἐβουλεύετο, εἰ πέμποιέν τινας ἢ πάντες ἴοιεν.

X. An. I, 10, 17. VII, 4, 10.

Примѣчаніе 2-е. Отъ упомянутыхъ въ предыдущемъ примѣчаніи косвенныхъ вопросовъ съ conjunctivus deliberativus послѣ главнаго времени слѣдуетъ отличать тѣ, въ которыхъ послѣ главныхъ временъ стоитъ ἐάν (εἰ κεν), ὅπως ἄν (ὅπως κέν) cum conjunctivo, а послѣ историческихъ εἰ, ὅπως cum optativo, и которые зависятъ

Библиотека "Руниверс"

отъ глаголовъ, означающихъ размышлять, испытывать, стараться узнать (φράζεσθαι, σκοπεῖν, πειρᾶσθαι) и т. п. Эти косвенные вопросы употребляются, когда говорящій сообщаетъ, что онъ или кто-нибудь другой размышляетъ (думаетъ и т. д.) о томъ, произойдетъ ли (εἰ) или какъ (ὅπως) произойдетъ дѣйствіе въ данномъ случаѣ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ (ἄν, κέν см. § 3, c), напримѣръ:

Od. I, 205. φράσσεται, ὥς κε νέηται.

Pl. Gorg. 452, c. εἴποι ἄν ὁ χρηματιστής· σκόπει δῆτα, ἐάν σοι πλούτου φανῇ τι μεῖζον ἀγαθὸν ὄν.

Послѣ praeteritum ставится въ этихъ предложеніяхъ вмѣсто ἐάν, ὅπως ἄν cum conjunctivo обыкновенно εἰ, ὅπως cum optativo orationis obliquae, посредствомъ котораго говорящій передаетъ намъ мысль, вызвавшую размышленіе дѣйствующаго лица, какъ чистое представленіе безъ всякаго отношенія къ дѣйствительности.

Optativus aoristi и въ этомъ случаѣ не имѣетъ значенія прошедшаго.

Il. XIII, 806. πάντῃ δ' ἀμφὶ φάλαγγας ἐπειρᾶτο προποδίζων,
εἴ πώς οἱ εἴξειαν ὑπασπίδια προβιβάντι.

Od. XIV, 459. τοῖς δ' Ὀδυσεὺς μετέειπε συβώτεω πειρητίζων,
εἴ πώς οἱ ἐκδὺς χλαῖναν πόροι, ἤ τιν' ἑταίρων
ἄλλον ἐποτρύνειεν....

Особеннаго вниманія заслуживаютъ вопросы съ ἐάν и εἰ (лат. si), зависящіе отъ глаголовъ, выражающихъ такое дѣйствіе, въ которомъ уже заключается понятіе вышеупомянутыхъ глаголовъ πειρᾶσθαι, σκοπεῖν и т. п., такъ что всегда можно къ нимъ добавить выраженіе „для того, чтобы узнать, желая открыть".

Эти косвенные вопросы могутъ быть легко замѣнены предложеніями цѣли, какъ показываетъ:

Od. IX, 228. ἀλλ' ἐγὼ οὐ πιθόμην — ἦ τ'ἄν πολὺ κέρδιον ἦεν —
ὄφρ' αὐτόν τε ἴδοιμι, καὶ εἴ μοι ξείνια δοίη.

Od. XXII, 90. εἴρυτο δὲ φάσγανον ὀξύ,
εἴ πώς οἱ εἴξειε θυράων...

Th. I, 27. ἐδεήθησαν δὲ καὶ τῶν Μεγαρέων ναυσὶ σφᾶς ξυμπροπέμψειν, εἰ ἄρα κωλύοιντο ὑπὸ Κερκυραίων πλεῖν.

Th. I, 58.

X. An. IV, 1, 21. διὰ τοῦτό σε οὐχ ὑπέμενον, εἴ πως δυναίμην φθάσαι, πρὶν κατειλῆφθαι τὴν ὑπερβολήν.

Библиотека "Руниверс"

X. An. II, 5, 2. V, 4, 3. VI, 1, 31.

X. Cyr. VII, 3, 15. ἐκπλαγεὶς ἴεται εἴ τι δύναιτο βοηθῆσαι.

Такъ какъ эти предложенія съ ἐάν и εἰ собственно условныя (ἐάν, εἰ=на случай, если), то въ нихъ употребляется отрицаніе μή.

§ 15. *Придаточныя предложенія косвенной рѣчи.*

Мы уже сказали (§ 13), что въ придаточныхъ предложеніяхъ косвенной рѣчи, зависящей отъ praeteritum, ставится optativus обыкновенно только въ томъ случаѣ, если въ прямой рѣчи стоялъ бы въ нихъ indicativus одного изъ главныхъ временъ или conjunctivus.

Il. VI, 176. καὶ τότε μιν ἐρέεινε καὶ ᾔτεε σῆμα ἰδέσθαι
ὅττί ῥά οἱ γαμβροῖο πάρα Προίτοιο φεροίτο.

Il. XVIII, 510 sq.... δίχα δέ σφισιν ἥνδανε βουλή,
ἠὲ διαπραθέειν ἢ ἄνδιχα πάντα δάσασθαι,
κτῆσιν ὅσην πτολίεθρον ἐπήρατον ἐντος ἐέργοι.

Il. XXI, 580. οὐκ ἔθελεν φεύγειν, πρὶν πειρήσαιτ' Ἀχιλῆος
(priusquam... tentasset).

Od. XXIV, 173 sq. ἔνθ' ἡμεῖς μὲν πάντες ὁμοκλέομεν ἐπέεσσιν'
τόξον μὴ δόμεναι, μηδ' εἰ μάλα πολλ' ἀγορεύοι.

Herod. I, 50. Δυδοῖσί τε πᾶσι προεῖπε θύειν πάντα τινὰ αὐτῶν τούτῳ, ὅ τι ἔχοι ἕκαστος (or. recta: θυέτω πᾶς τις ὑμῶν τούτῳ, ὅ τι ἔχει ἕκαστος).

X. An. I, 8, 12. Κῦρος.... τῷ Κλεάρχῳ ἐβόα ἄγειν τὸ στράτευμα κατὰ μέσον τὸ τῶν πολεμίων, ὅτι (quia) ἐκεῖ βασιλεὺς εἴη (or. recta: ἄγε, ὅτι ἐκεῖ βασιλεύς ἐστιν).

X. An. I, 9, 11. II 1, 2.

X. Hell. II, 3, 17. ἔλεγεν ὁ Θηραμένης, ὅτι, εἰ μή τις κοινωνοὺς ἱκανοὺς λήψοιτο τῶν πραγμάτων, ἀδύνατον ἔσοιτο τὴν ὀλιγαρχίαν διαμένειν (or. recta: εἰ μή τις λήψεται, ἀδύνατον ἔσται).

X. Ag. I, 10. Τισσαφέρνης ὤμοσεν Ἀγησιλάῳ, εἰ σπείσαιτο, ἕως ἔλθοιεν, οὓς πέμψειε πρὸς βασιλέα ἀγγέλους, διαπράξεσθαι αὐτῷ ἀφεθῆναι αὐτονόμους τὰς ἐν τῇ Ἀσίᾳ πόλεις Ἑλληνίδας (or. recta: ἐὰν σπείσῃ ἕως ἂν ἔλθωσιν, οὓς πέμψω.... διαπράξομαι).

X. Hell. III, 5, 23. X. Cyr. I, 4, 14.

Если же въ прямой рѣчи въ придаточныхъ предложеніяхъ стоитъ indicativus историческихъ временъ, то онъ остается и въ косвенной рѣчи, напримѣръ:

Herod. I, 87. λέγεται.... Κροῖσον.... ἐπιβώσασθαι τὸν Ἀπόλλωνα ἐπικαλεόμενον, εἴ τί οἱ κεχαρισμένον ἐξ αὐτοῦ ἐδωρήθη, παραστῆναι (or. recta: παράστηθί μοι, εἴ τί σοι κεχαρισμένον ἐξ ἐμοῦ ἐδωρήθη).

Въ этихъ предложеніяхъ желательное наклоненіе можно употреблять

Библиотека "Руниверс"

только въ томъ случаѣ, если уже содержаніе рѣчи и связь ея частей показываютъ, что дѣйствія этихъ предложеній относятся къ прошедшему времени. Въ такомъ значеніи встрѣчается optativus praesentis и aoristi особенно въ предложеніяхъ съ ὅτι (=quia); напримѣръ:

X. Hell. VII, 2, 34. εἶχε γὰρ λέγειν (Πελοπίδας)..... ὡς Δακεδαιμόνιοι διὰ τοῦτο πολεμήσειαν αὐτοῖς, ὅτι (quia) οὐκ ἐθελήσαιεν μετ' Ἀγησιλάου ἐλθεῖν ἐπ'αὐτόν, οὐδὲ θῦσαι ἐάσαιεν αὐτόν (or. recta: Λ.οὐκ ἠθέλησαν... οὐδὲ εἴασαν).

Примѣчаніе 1-е. Optativus futuri, встрѣчающійся какъ въ главныхъ, такъ и въ придаточныхъ предложеніяхъ косвенной рѣчи, зависящей отъ praeteritum, соотвѣтствуетъ изъявительному будущаго прямой рѣчи, напримѣръ:

Herod. IX, 38. λέγων, ὡς ἀπολάμψοιτο συχνούς.

Herod. VIII, 226.

X. An. VII, 1, 33. ἔλεγεν, ὅτι ἕτοιμος εἴη ἡγεῖσθαι αὐτοῖς εἰς τὸ Δέλτα καλούμενον, ἔνθα πολλὰ καὶ ἀγαθὰ λήψοιντο.

X. An. I, 6, 3. ὁ δ' Ὀρόντας νομίσας ἑτοίμους εἶναι αὐτῷ τοὺς ἱππέας γράφει ἐπιστολὴν παρὰ βασιλέα, ὅτι ἥξοι ἔχων ἱππέας ὡς ἂν δύνηται πλείστους.

X. An. IV, 1, 23. ἔφη εἶναι ἄκρον, ὃ εἰ μή τις προκαταλήψοιτο, ἀδύνατον ἔσεσθαι παρελθεῖν.

X. Cyr. III, 1, 3. εἰ δή τινα φεύγοντα λήψοιτο, προηγόρευεν, ὅτι ὡς πολεμίῳ χρήσοιτο.

Примѣчаніе 2-е. Условные періоды съ εἰ cum modo irreali (indicativo hypothetico) и съ εἰ cum optativo остаются съ тѣмъ же самымъ наклоненіемъ и въ косвенной рѣчи, напримѣръ:

X. Mem. I, 3, 3. οὔτε γὰρ τοῖς θεοῖς ἔφη καλῶς ἔχειν, εἰ ταῖς μεγάλαις θυσίαις μᾶλλον ἢ ταῖς μικραῖς ἔχαιρον.... οὔτ' ἂν τοῖς ἀνθρώποις ἄξιον εἶναι ζῆν, εἰ τὰ παρὰ τῶν πονηρῶν μᾶλλον ἢν κεχαρισμένα τοῖς θεοῖς ἢ τὰ παρὰ τῶν χρηστῶν (or. recta: οὔτε καλῶς εἶχεν, εἰ ἔχαιρον, οὔτ' ἂν ἄξιον ἦν...., εἰ... ἦν).

X. An. VI, 6, 25. Ἀκούσας ταῦτα ὁ Κλέανδρος εἶπεν, ὅτι Λέξίππον μὲν οὐκ ἐπαινοίη, εἰ ταῦτα πεποιηκὼς εἴη. οὐ μέντοι ἔφη νομίζειν, οὐδ' εἰ παμπόνηρος ἦν Λέξιππος, βίαν χρῆναι πάσχειν αὐτόν....

Th. I, 136 extr. ἐκεῖνον δ' ἄν, εἰ ἐκδοίη αὐτόν.....
σωτηρίας ἂν τῆς ψυχῆς ἀποστερῆσαι,
(or. recta: εἰ ἐκδοίην... ἀποστερῆσαι ἄν).

Библиотека "Руниверс"

X. Cyr. I, 5, 2. .....ἐνόμιζεν, εἰ τοὺς Μήδους ἀσθενεῖς ποιήσειε, πάντων γε τῶν πέριξ ῥᾳδίως ἄρξειν.

X. Mem. I, 2, 15.

§ 16. *Косвенная рѣчь, зависящая отъ одного изъ главныхъ временъ.*

Если косвенная рѣчь зависитъ отъ одного изъ главныхъ временъ, то наклоненія прямой рѣчи остаются и въ косвенной рѣчи: разказывающій становится въ этомъ случаѣ, такъ сказать, на мѣсто того лица, чьи слова или мысли онъ передаетъ, и поэтому употребляетъ тѣ же самыя наклоненія, которыя употребилъ бы самъ авторъ, напримѣръ: οἱ φιλόσοφοι ζητοῦσιν, ὡς ἀκήκοα, τί ἐστιν ἀγαθόν, κοὐδὲ εἷς εὕρηκέ πω τί ἐστιν.

Если же въ косвенной рѣчи, зависящей отъ praesens (perfectum), встрѣчается optativus orationis obliquae (сравн. § 13), то въ такомъ случаѣ, или a) praesens глагола declarandi (sentiendi) совпадаетъ по своему значенію съ аористомъ (praesens historicum), или b) главное время управляющаго глагола означаетъ дѣйствіе, заключающее въ себѣ другое дѣйствіе, относящееся къ прошедшему.

X. An. I, 1, 3. Τισσαφέρνης διαβάλλει (praes. historicum) τὸν Κῦρον πρὸς τὸν ἀδελφόν, ὡς ἐπιβουλεύοι αὐτῷ.

Herod. I, 70. οἱ μὲν Λακεδαιμόνιοι λέγουσι (какъ теперь, такъ и прежде) ὡς Σάμιοι ἀπελοίατο αὐτὸν (τὸν κρητῆρα)..., αὐτοὶ δὲ Σάμιοι λέγουσι, ὡς..... ἀπέδοντο τὸν κρητῆρα.

X. Cyr. VIII, 2, 14. καὶ λόγος δὲ αὐτοῦ ἀπομνημονεύεται, ὡς λέγοι παραπλήσια ἔργα εἶναι νομέως ἀγαθοῦ καὶ βασιλέως ἀγαθοῦ (этотъ λόγος былъ уже прежде часто высказываемъ).

Pl. civ. 409, a. ἆρ' οὖν οὐ μετρίως ἀπολογησόμεθα, ὅτι πρὸς τὸ ὂν πεφυκὼς εἴη ἁμιλλᾶσθαι ὅ γε ὄντως φιλομαθής κτλ., id est, ἆρ' οὖν δὴ οὐ μετρίως ἀπολογησόμεθα, ὃ ἐλέγομεν ἐν τοῖς ἔμπροσθεν, ὅτι.... εἴη...

Pl. Lys. 215, c. ἤκουσά ποτε τοῦ λέγοντος καὶ ἄρτι ἀναμιμνήσκομαι, ὅτι ὅμοιον ομοίῳ πολεμιώτατον εἴη, id est.... καὶ ἄρτι ἀναμιμνήσκομαι, ὅτι ἔλεγεν, ὅτι.... εἴη.

Pl. Charm. 156, b.

Примѣчаніе 1-е. Если optativus orationis obliquae встрѣчается въ косвенной рѣчи, зависящей отъ неопредѣленнаго наклоненія или причастія, находящихся въ зависимости отъ главнаго времени глагола declarandi (sentiendi), то infinitivus или participium выражаютъ дѣйствіе, относящееся къ прошедшему времени, такъ что optativus совершенно правиленъ, напримѣръ:

Библиотека "Руниверс"

Herod. I, 24. (λέγουσι) τὸν Ἀρίονα... παραιτήσασθαι, ἐπειδή σφι... οὕτω δοκέοι, περιιδεῖν αὐτὸν.... ἀεῖσαι.

Th. V, 26. ἀεὶ μέμνημαι προφερόμενον, ὅτι.... δέοι γενέσθαι τὸν πόλεμον.

X. Cyr. I, 6, 6. οἶδά σε λέγοντα ἀεί, ὡς οὐδὲ θέμις εἴη αἰτεῖσθαι=οἶδα, ὅτι ἔλεγες ἀεί, ὅτι... εἴη.

X. Oec. I, 17. οὓς ἐγῶ ὁρῶ.... οὐκ ἐθέλοντας ἐργάζεσθαι, ὡς μὲν ἐγὼ οἶμαι, δι' αὐτὸ τοῦτο, ὅτι δεσπότας οὐχ ἔχοιεν = οὓς ἐγὼ ὁρῶ, ὅτι οὐκ ἠθέλον ἐργάζεσθαι.... ὅτι (quod) δεσπότας οὐκ ἔχοιεν.

Примѣчаніе 2-е. Въ косвенной рѣчи, зависящей отъ optativus (съ ἄν или безъ ἄν) глагола dicendi (sentiendi), встрѣчается (впрочемъ, довольно рѣдко) желательное наклоненіе, не смотря на то, что optativus главнаго предложенія имѣетъ значеніе настоящаго. Это объясняется аттракціею наклоненія (ср. § 8, e; 9, c; 11; 12, d), напримѣръ:

Il. XVII, 102. sq. εἰ δέ που Αἰαντός γε βοὴν ἀγαθοῖο πυθοίμην,
ἄμφω κ' αὖτις ἰόντες ἐπιμνησαίμεθα χάρμης
καὶ πρὸς δαίμονά περ, εἴ πως ἐρυσαίμεθα νεκρόν.
(косвенный вопросъ).

Od. XIV, 496. sq. ἀλλά τις εἴη (желаніе)
εἰπεῖν Ἀτρείδῃ Ἀγαμέμνονι ποιμένι λαῶν,
εἰ πλέονας παρὰ ναῦφιν ἐποτρύνειε νέεσθαι.
(косвенный вопросъ).

X. Cyr. VI, 3, 20. οὗτοι ἂν εἰδεῖεν (=cognoscent) εἰ οἱ κυκλούμενοι κυκλωθεῖεν (косвенный вопросъ).

X. Cyr. III, 1, 28. οὓς δὲ γιγνώσκειν δοκοίην ὅτι εὐνοίᾳ καὶ φιλίᾳ τῇ ἐμῇ τὸ δέον συλλαμβάνοιεν, τούτους ἄν μοι δοκῶ καὶ ἁμαρτάνοντας ῥᾷον φέρειν ἢ (предложеніе съ ὅτι).

Dem. XVI, 5. οὐ γὰρ ἐκεῖνο γ'ἂν εἴποιμεν, ὅτι...
... βουλοίμεθα (предложеніе съ ὅτι).

Примѣчаніе 3. Въ косвенныхъ вопросахъ, зависящихъ отъ главнаго времени, встрѣчается (хотя довольно рѣдко) желательное наклоненіе съ тѣмъ же самымъ значеніемъ, какъ и въ вопросахъ прямыхъ, упомянутыхъ въ § 1, d; напримѣръ:

Eur. Alc. 52. ἔστ' οὖν, ὅπως Ἄλκηστις ἐς γῆρας μόλοι;

Pl. Phaed. 107, a. οὐκ οἶδα, εἰς ὅντινά τις ἄλλον
καιρὸν ἀναβάλλοιτο, ἢ τὸν νῦν παρόντα.

Pl. Euthyd. 296, e. οὐκ ἔχω, ὑμῖν πως ἀμφισβητοίην.

Библиотека "Руниверс"

§ 17. *Oratio mixta.*

Желательное наклоненіе не необходимо въ косвенной рѣчи. Греки по своей живости и подвижности, отразившимся какъ на ихъ жизни, такъ и на языкѣ, не любили строго проведенной косвенной рѣчи. Передавая чужія слова или мысли, они часто мысленно переносились въ прошедшее время (repraesentatio), становились на ту точку зрѣнія, съ которой самъ авторъ передаваемыхъ ими словъ (мыслей) смотрѣлъ на окружающій его міръ и употребляли, поэтому, наклоненія прямой рѣчи тамъ, гдѣ слѣдовало бы ожидать optativus orationis obliquae (объективный способъ выраженія); иногда они даже совсѣмъ переходили отъ косвенной рѣчи къ прямой.

Il. IV, 301. sq. ἱππεῦσιν μὲν πρῶτ'ἐπετέλλετο· τοὺς γὰρ ἀνώγει
σφοὺς ἵππους ἐχέμεν μηδὲ κλονέεσθαι ὁμίλῳ.
μηδέ τις ἱπποσύνῃ τε καὶ ἠνορέῃφι πεποιθὼς
οἷος πρόσθ' ἄλλων μεμάτω Τρώεσσι μάχεσθαι,
μηδ' ἀναχωρείτω ἀλαπαδνότεροι γὰρ ἔσεσθε.

(переходъ отъ косвенной рѣчи къ прямой).

X. Ап. I, 2, 21. ἦκεν ἄγγελος λέγων, ὅτι λελοιπὼς εἴη Συέννεσις τὰ ἄκρα, ἐπεὶ ᾔσθετο (quum sensisset) τὸ Μένωνος στράτευμα ὅτι ἤδη ἐν Κιλικίᾳ ἦν.

X. Ап. I, 3, 20. ὁ δ' ἀπεκρίνατο, ὅτι ἀκούοι Ἀβροκόμαν, ἐχθρὸν ἄνδρα, ἐπὶ τῷ Εὐφράτῃ ποταμῷ εἶναι, ἀπέχοντα δώδεκα σταθμούς· πρὸς τοῦτον οὖν ἔφη βούλεσθαι ἐλθεῖν· κἂν μὲν ᾖ ἐκεῖ, τὴν δίκην ἔφη χρῄζειν ἐπιθεῖναι αὐτῷ, ἢν δὲ φεύγῃ, ἡμεῖς ἐκεῖ πρὸς ταῦτα βουλευσόμεθα.

X. Ап. I, 3, 14. II, 1, 3. III, 1, 6.

Примѣчаніе 1. Такимъ образомъ, послѣ историческаго времени глагола dicendi (sentiendi) весьма часто встрѣчается или прежде indicativus (conjunctivus), а потомъ optativus, или наоборотъ, прежде optativus, а потомъ indicativus (conjunctivus). Разница между объективнымъ и субъективнымъ способомъ выраженія въ большинствѣ случаевъ только формальная и нельзя сказать, чтобы желательное наклоненіе, выражая неизвѣстное, составляло контрастъ съ изъявительнымъ, выражающимъ фактическое, такъ какъ можно безчисленными примѣрами доказать, что изъявительное наклоненіе можетъ выражать и случай неизвѣстный, а желательное—и случай фактическій. Но, съ другой стороны, нельзя отрицать того, что иногда говорящій выбираетъ объективный способъ выраженія (indicativus и conjunctivus) или opta-

Библиотека "Руниверс"

tivus orationis obliquae не случайно, какъ попало, а смотря по тому, соглашается ли онъ съ мнѣніями или мыслями того лица, чьи слова (мысли) онъ передаетъ, или нѣтъ. Особенно слѣдуетъ замѣтить соединеніе conjunctivus съ optativus: conjunctivus въ такомъ соединеніи выражаетъ весьма часто то, что̀ ожидается прежде всего, тогда какъ optativus означаетъ мыслимое слѣдствіе, выраженное чрезъ conjunctivus дѣйствія (ср. § 12, e).

Herod. I, 70. οἱ μὲν Δακεδαιμόνιοι λέγουσι, ὡς. . . .
Σάμιοι ἀπελοίατο αὐτὸν (sc. τὸν κρητῆρα) ...αὐτοὶ
δὲ Σάμιοι λέγουσι, ὡς . ἀπέδοντο τὸν κρητῆρα.

(Геродотъ высказываетъ мнѣніе ὡς . Σάμιοι ἀπελοίατο ex mente Lacedaemoniorum; съ мнѣніемъ же Самосцевъ ὡς . . . . ἀπέδοντο онъ готовъ согласиться, какъ показываетъ то, что̀ онъ говоритъ вслѣдъ за тѣмъ: τάχα δὲ ἂν καὶ οἱ ἀποδόμενοι λέγοιεν ἀπικόμενοι ἐς Σπάρτην ὡς ἀπαιρεθείησαν ὑπὸ Σαμίων).

Xen. Mem. IV, 8, 4.

Il. XVI, 646 sq. καὶ φράζετο (sc. Ζεὺς) θυμῷ
πολλὰ μάλ' ἀμφὶ φόνῳ Πατρόκλου, μερμηρίζων
ἢ ἤδη καὶ κεῖνον ἐνὶ κρατερῇ ὑσμίνῃ
αὐτοῦ ἐπ' ἀντιθέῳ Σαρπηδόνι φαίδιμος Ἕκτωρ
χάλκῳ δηώσῃ, ἀπό τ' ὤμων τεύχε' ἕληται
ἢ ἔτι καὶ πλέονεσσιν ὀφέλλειεν πόνον αἰπύν.

(Первыя двѣ мысли, выраженныя чрезъ conjunctivus deliberativus, по изображенію поэта, прежде всего возбуждаютъ вниманіе Зевса, такъ что онъ уже готовъ осуществить ихъ, какъ вдругъ ему на умъ приходитъ новая мысль, выраженная чрезъ optativus, какъ чистое представленіе: „или, можетъ быть, лучше будетъ отложить смерть Патрокла“).

Herod. I, 53. ἐνετέλλετο ὁ Κροῖσος ἐπειρωτᾶν τὰ χρηστήρια, εἰ στρατεύηται ἐπὶ Πέρσας Κροῖσος καὶ εἴ τινα στρατὸν ἀνδρῶν προσθέοιτο φίλον.

(Первая мысль озабочиваетъ Креза прежде всего; вторая вытекаетъ изъ первой).

X. Ап. VII, 7, 57. ἐδέοντο μὴ ἀπελθεῖν, πρὶν ἂν ἀπαγάγῃ τὸ στράτευμα καὶ Θίβρωνι παραδοίη.

Примѣчаніе 2. Смѣшеніемъ субъективнаго способа выраженія съ объективнымъ объясняется также соединеніе частицы ἄν съ optativus orationis obliquae, встрѣчающееся въ предложеніяхъ съ εἰ, ἐπεί, πρίν, ὅτε, ἕως, ὅς, ὅσος, ὅστις и т. п.

Библиотека "Руниверс"

§ 18. *Optativus orationis obliquae въ придаточныхъ предложеніяхъ прямой рѣчи.*

Optativus orationis obliquae встрѣчается часто среди прямой рѣчи въ придаточныхъ предложеніяхъ, зависящихъ отъ предложеній, выраженныхъ чрезъ praeteritum. Это бываетъ въ томъ случаѣ, если говорящій желаетъ высказать что-нибудь не отъ себя, не какъ свою собственную мысль, а какъ мысль посторонняго, то-есть, дѣйствующаго лица, которая для него (говорящаго) служитъ только однимъ представленіемъ.

a) въ относительныхъ предложеніяхъ:

Od. V, 238 sq. . . . . ἦρχε δ'ὁδοῖο
νήσου ἐπ' ἐσχατιῆς, ὅθι δένδρεα μακρὰ πεφύκει,
κλήθρη τ' αἴγειρός τ', ἐλάτη τ' ἦν οὐρανομήκης,
αὖα πάλαι, περίκηλα, τά οἱ πλώοιεν ἐλαφρῶς.
(мысль Калипсы, „о которыхъ она думала, что...")

Od. XV, 458. καὶ τότ' ἄρ' ἄγγελον ἦκαν, ὃς ἀγγείλειε γυναικί.
(= qui nunciaret).

S. Tr. 903. κρύψασ' ἑαυτήν, ἔνθα μή τις εἰσίδοι.
(ubi se a nullo visum iri credebat).

b) въ предложеніяхъ, опредѣляющихъ время дѣйствія:

Il. II, 792 sq. ὃς Τρώων σκοπὸς ἵζε, ποδωκείῃσι πεποιθώς,
τύμβῳ ἐπ' ἀκροτάτῳ Αἰσυήταο γέροντος,
δέγμενος ὁππότε ναῦφιν ἀφορηθεῖεν Ἀχαιοί.
(expectans dum ... proficiscerentur).

Il. IV, 335. . . . . οἱ δὲ μένοντες
ἔστασαν, ὁππότε πύργος Ἀχαιῶν ἄλλος ἐπελθών
Τρώων ὁρμήσειε καὶ ἄρξειαν πολέμοιο.

Il. VII, 415. πάντες ὁμηγερέες, ποτιδέγμενοι, ὁππότ' ἄρ' ἔλθοι
Ἰδαῖος. . .,

Od. IX, 376. καὶ τότ' ἐγὼ τὸν μοχλὸν ὑπὸ σποδοῦ ἤλασα πολλῆς,
εἴως θερμαίνοιτο. . . . . .

X. Hell. III, 2, 20. ἀλλήλοις σπονδὰς ἐποιήσαντο, ἕως
ἀπαγγελθείη τὰ λεχθέντα Δερκυλίδᾳ μὲν εἰς
Λακεδαίμονα, Τισσαφέρνει δὲ ἐπὶ βασιλέα.

X. Hell. I, 3, 11. Φαρνάβαζος περιέμενεν ἐν Καρχηδόνι,
μέχρι ἔλθοι (sc. Ἀλκιβιάδης) ἐκ τοῦ Βοσαντίου.

c) въ условныхъ предложеніяхъ:

Od. II, 343. ἐν δὲ πίθοι οἴνοιο παλαιοῦ ἡδυπότοιο

Библиотека "Руниверс"

ἕστασαν, ἄκρητον θεῖον ποτὸν ἐντὸς ἔχοντες,
ἐξείης ποτὶ τοῖχον ἀρηρότες, εἴ ποτ' Ὀδοσσεύς
οἴκαδε νοστήσειε καὶ ἄλγεα πολλὰ μογήσας.

(„на случай, если когда-нибудь Одиссей возвратится" ex mente тѣхъ, которые берегли вино для Одиссея).

S. Aj. 313. ἔπετ' ἐμοὶ τὰ δείν' ἐπηπείλησ' ἔπη,
εἰ μὴ φανοίην πᾶν τὸ συντυχὸν πάθος.

Th. IV, 131. οἱ δὲ .... Πελοποννήσιοι ἱδρύθησαν ἐπὶ λόφου ..., ὃν εἰ μὴ ἕλοιεν οἱ ἐναντίοι, οὐκ ἐγίγνετο σφῶν περιτείχισις „proprie Th. in verbis ὃν εἰ μὴ ἕλοιεν ita incepit, ut si haec e mente Lacedaemoniorum dicturus οὐ γίγνεσθαι ἂν σφῶν περιτείχισιν (ἐνόμιζον) perrecturus esset; sed hanc sententiam miscuit cum altera ὃν εἰ μὴ ᾕρουν οἱ ἐναντίοι, οὐκ ἐγίγνετο σφῶν περιτείχισις (Poppo).

X. An. I, 4, 7. οἱ δ' ᾤκτειρον, εἰ ἁλώσοιντο.

Dem. XVIII, 145.

d) Часто въ предложеніяхъ, означающихъ причину дѣйствія:

Herod. VII, 2. ἐστασίαζον (οἱ παῖδες), ὁ μὲν Ἀρταβαζάνης, κατότι πρεσβύτατός τε εἴη παντὸς τοῦ γόνου, καὶ ὅτι νομιζόμενα εἴη... πρὸς πάντων ἀνθρώπων τὸν πρεσβύτατον τὴν ἀρχὴν ἔχειν· Ξέρξης δὲ, ὡς Ἀτόσσης τε παῖς εἴη..., καὶ ὅτι Κῦρος εἴη ὁ κτησάμενος τοῖσι Πέρσῃσι τὴν ἐλευθερίαν.

Th. II, 21. (οἱ Ἀχαρνεῖς) ἐκάκιζον (τὸν Περικλέα), ὅτι στρατηγὸς ὢν οὐκ ἐπεξάγοι, quod (quia) exercitum non educeret (e mente Acharnensium).

Th. IV, 65.

Ср. въ лат. Cic. Tusc. 5, § 105. Aristides nonne ob eam causam expulsus est patria, quod praeter modum justus esset (мнѣніе его согражданъ).

e) Весьма часто въ предложеніяхъ, выражающихъ цѣль дѣйствія, см. § 12.

V. Желательное наклоненіе съ ἄν (κέν) въ зависимыхъ предложеніяхъ.

§ 19. a) Въ дополнительныхъ предложеніяхъ съ ὅτι, ὡς и въ косвенныхъ вопросахъ употребляется желательное наклоненіе съ ἄν (κέν) въ тѣхъ же самыхъ случаяхъ и съ тѣми же самыми оттѣнками значенія, какъ и въ предложеніяхъ независимыхъ (см. § 4); при этомъ все равно, зависятъ ли эти предложенія отъ главныхъ или отъ историческихъ временъ.

Библиотека "Руниверс"

Примѣры:

α) Предложенія съ ὅτι, ὡς.

S. Tr. 2. λόγος μὲν ἔστ' ἀρχαῖος ἀνθρώπων φανείς,
ὡς οὐκ ἂν αἰῶν' ἐκμάθοις βροτῶν.

X. An. V, 6, 3. γιγνώσκομεν γάρ, ὅτι ὅπου μὲν ἂν κρατῶμεν, δυναίμεθ' ἂν καὶ σώζεσθαι καὶ τὰ ἐπιτήδεια ἔχειν.

X. An. III, 2, 24.

X. Cyr. II, 4, 11. ἐὰν σὺ ἀφθόνα ἔχῃς, οἶδ', ὅτι καὶ ἐμοὶ ἂν εἴη λαμβάνειν κτλ.

X. Conv. III, 13. ἀλλὰ λανθάνει σε, ὅτι οὐκ ἂν δέξαιο τὰ βασιλέως χρήματα ἀντὶ τοῦ υἱοῦ;

X. Mem. I, 2, 19. ἴσως οὖν εἴποιεν ἂν πολλοί..., ὅτι οὐκ ἄν ποτε ὁ δίκαιος ἄδικος γένοιτο.

Pl. ap. 32, a. ἀκούσατε δή μου τά ἐμοὶ ξυμβεβηκότα, ἵνα εἰδῆτε, ὅτι οὐδ' ἂν ἑνὶ ὑπεικάθοιμι παρὰ τὸ δίκαιον δείσας θάνατον κτλ.

Pl. ap. 39, a. Pl. Crat. 402, a. Dem. XXIX, 22.

β) Косвенные вопросы.

Il. XI, 792. τίς δ'οἶδ' εἰ κέν οἱ σὺν δαίμονι θυμὸν ὀρίνας.

Od. XIV, 119, sq. Ζεὺς γάρ, που τόγε οἶδε καὶ ἀθάνατοι θεοὶ ἄλλοι,
εἴ κέ μιν ἀγγείλαιμι ἰδών. ἐπὶ πολλὰ δ'ἀλήθην.

Od. XV, 300. ὁρμαίνων, ἤ κεν θάνατον φύγοι, ἤ κεν ἁλώη
(opt. pot. почти=ind. futuri).

Il. XVIII, 308. ἀλλὰ μάλ' ἄντην
στήσομαι, ἤ κε φέρῃσι μέγα κράτος, ἤ κε φεροίμην

(optat. potentialis, стоящій рядомъ съ conjunctivus cum κέν, имѣетъ свою причину въ скромности Гектора).

X. An. V, 4, 7. εἰ δὲ ἡμᾶς ἀφήσετε, σκέψασθε, πόθεν αὖ ἂν τοσαύτην δύναμιν λάβοιτε σύμμαχον.

X. An. V, 7, 20. ἐβουλευόμεθα σὺν τοῖς Κερασουντίοις, ὅπως ἂν ταφείησαν οἱ τῶν Ἑλλήνων νεκροί.

X. An. III, 1, 6. ἐλθὼν δ'ὁ Ξενοφῶν ἐπήρετο τὸν Ἀπόλλω, τίνι ἂν θεῶν θύων καὶ εὐχόμενος κάλλιστα καὶ ἄριστα ἔλθοι τὴν ὁδόν, ἣν ἐπινοεῖ, καὶ καλῶς πράξας σωθείη.

X. An. III, 1, 7. V, 7, 6. V, 7, 7.

b) Такъ какъ предложенія, выраженныя чрезъ ὥστε (пер. „и вслѣдствіе этого") cum verbo finito, получаютъ значеніе главныхъ предложеній, то употребленіе въ нихъ желательнаго наклоненія съ ἄν не представляетъ никакихъ особенностей.

Библиотека "Руниверс"

S. El. 333 sq. ἀλγῶ 'πὶ τοῖς παροῦσιν, ὥστ'ἄν, εἰ σθένος
λάβοιμι, δηλώσαιμ' ἄν, οἵ' αὐτοῖς φρονῶ.

S. Aj. 213.

Th. I, 70. (οἱ Ἀθηναῖοι) ἀπολαύουσιν ἐλάχιστα τῶν ὑπαρχόντων...., ὥστε, εἴ τις αὐτοὺς.... φαίη πεφυκέναι ἐπὶ τῷ μήτε αὐτοὺς ἔχειν ἡσυχίαν, μήτε τοὺς ἄλλους ἀνθρώπους ἐᾶν, ὀρθῶς ἂν εἴποι.

X. An. V, 6, 20. πλοῖα δὲ ὑμῖν πάρεστιν, ὥστε, ὅπῃ ἂν βούλησθε, ἐξαίφνης ἂν ἐπιπέσοιτε.

X. An. II, 5, 15. X. Cyr. I, 1, 4.

Pl. ap. 24. a; 33, e.

Pl. conv. 197, a.

Dem. XXIX, 3. (ταῦτα πεποίηκεν) ὥστε πολὺ ἂν δικαιότερον διὰ ταῦτα τὰ ἔργα τοῦτον μισήσαιτε ἢ ἐμοῦ τινα ἀνεπιείκειαν καταγνοίητε.

c) Такъ какъ въ предложеніяхъ, означающихъ причину дѣйствія, высказывается точно также какое-нибудь сужденіе, какъ и въ предложеніяхъ главныхъ, то употребленіе желательнаго наклоненія съ ἄν (κέν) въ этихъ предложеніяхъ совершенно сходно съ употребленіемъ его въ предложеніяхъ независимыхъ (см. § 4).

Il. IX, 304. νῦν γάρ χ'Ἕκτορ' ἕλοις, ἐπεὶ ἂν μάλα τοι σχεδὸν ἔλθοι.

Th. V, 93. Mel. Καὶ πῶς χρήσιμον ἂν ξυμβαίη ἡμῖν δουλεῦσαι, ὥσπερ καὶ ὑμῖν ἄρξαι; Ath. ὅτι ὑμῖν μὲν πρὸ τοῦ τὰ δεινότατα παθεῖν ὑπακοῦσαι ἂν γένοιτο, ἡμεῖς δὲ μὴ διαφθείροντες ὑμᾶς κερδαίνοιμεν ἄν.

X. Mem. III, 2,2. Pl. civ. 597, c.

Optativus безъ ἄν встрѣчается въ этихъ предложеніяхъ только въ косвенной рѣчи вмѣсто indicativus (см. § 15).

d) Въ относительныхъ предложеніяхъ желательное наклоненіе съ ἄν (κέν) выражаетъ точно также, какъ и въ главныхъ, сужденіе какъ случай неизвѣстный, мыслимый при извѣстныхъ условіяхъ (см. § 4).

Il. III, 235. νῦν δ'ἄλλους μὲν πάντας ὁρῶ ἑλίκωπας Ἀχαιούς,
οὓς κεν ἐὺ γνοίην καί τ' οὔνομα μυθησαίμην.

Il. V, 361 sq. λίην ἄχθομαι ἕλκος, ὅ με βροτὸς οὔτασεν ἀνήρ
Τυδείδης, ὃς νῦν γε καὶ ἂν Διὶ πατρὶ μάχοιτο.

Il. XXIV, 733..... σὺ δ'αὖ, τέκος, ἢ ἐμοὶ αὐτῇ
ἕψεαι, ἔνθα (ubi) κεν ἔργα ἀεικέα ἐργάζοιο.

Od. VII, 293..... ἡ δ' οὔ τι νοήματος ἤμβροτεν ἐσθλοῦ,
ὡς (=qua ratione) οὐκ ἂν ἔλποιο νεώτερον ἀντιάσαντα ἔρξεμεν..

Il. XV, 738. Od. VIII, 239. Od. XI, 366.

S. Oc. 190... ἄγε νυν σύ με, ἵν' (ubi) ἂν....
τὸ μὲν εἴποιμεν, τὸ δ'ἐκούσαιμεν.

Библиотека "Руниверс"

Eur. Or. 639. ἔστι δ', οὗ σιγὴ λόγου κρείσσων
γένοιτ' ἄν, ἔστι δ', οὗ σιγῆς λόγος.

Eur. Rh. 626. χρὴ δ'ἄνδρα τάσσειν, οὗ
μάλιστ' ἂν ὠφελοῖ.

Th. I, 33. τὸν δὲ πόλεμον, ὅτ' ὅπερ χρήσιμοι ἂν εἴημεν, εἴ τις ὑμῶν μὴ οἴεται ἔσεσθαι, γνώμης ἁμαρτάνει.

X. An. V, 4, 25. δόρατα, ὅσα ἀνὴρ ἂν φέροι μόλις.

X. An. V, 6, 30. X Mem. I, 3, 14.

X. Hell. III, 1, 14. αὐτῆς.... ἀσπαζομένης (τὸν Μειδίαν), ὥσπερ ἂν γυνὴ γαμβρὸν ἀσπάζοιτο.

(сравнительное предложеніе).

X. Cyr. 5, 4, 44.

Pl. Phaed. 89, d. οὐκ ἔστιν ὅ τι ἂν τις μεῖζον τούτου κακὸν πάθοι.

Pl. Phaedr. 230, b.

Dem. 40, 45. ὥσπερ αὐτοὶ οὐκ ἂν ἀξιώσατε κακῶς ἀκούειν ὑπὸ τῶν ὑμετέρων παίδων, οὕτω μηδὲ τούτῳ ἐπιτρέπετε περὶ τοῦ πατρὸς βλασφημεῖν.

Dem, 2, 3.

Особый отдѣлъ составляютъ относительныя предложенія съ optativus cum ἄν (κέν), имѣющія значеніе протазисовъ условныхъ періодовъ съ εἰ ἄν (κέν) cum optativo (см. § 7, c). Въ этихъ предложеніяхъ отрицаніемъ служитъ μή.

Il. X, 305 sq. δώσω γὰρ δίφρον τε δύω τ' ἐριαύχενας ἵππους,
οἵ κεν ἄριστοι ἕωσι θοῇς ἐπὶ νηυσὶν Ἀχαιῶν,
ὅς τίς κε τλαίῃ, οἵ τ' αὐτῷ κῦδος ἄροιτο.

Послѣ историческаго (рѣдко послѣ главнаго) времени главнаго предложенія такія относительныя предложенія выражаютъ неопредѣленное повтореніе дѣйствія (см. § 8, c и d).

X. An. II, 6, 25. καὶ ὅσους μὲν ἂν αἰσθάνοιτο ἐπιόρκους καὶ ἀδίκους, ... ἐφοβεῖτο (ἄν = при представившемся случаѣ, случайно).

X. Cyr. VIII, 3, 38. ὅ τι γὰρ ἂν λάβοι σκέρμα (ὁ ἀγρός), καλῶς καὶ ὀρθῶς ἀπεδίδου αὐτό.

Od. VII, 33. οὐ γὰρ ξείνους οἶδε μάλ' ἀνθρώπους ἀνέχονται
οὐδ' ἀγαπαζόμενοι φιλέουσ', ὅς κ'ἄλλοθεν ἔλθοι.

(въ главн. пр. главное время).

Od. XI, 149. ᾧ δέ κ' ἐπιφθονέοις, ὁ δέ τοι πάλιν εἶσιν ὀπίσσω.

Pl. Lys. 218, d. φίλος ὅς ἂν εἴη, πότερόν ἐστί τῳ φίλος ἢ οὔ;

Относительныя предложенія съ optativus cum ἄν (κέν), имѣющія значеніе условныхъ протазисовъ, часто зависятъ отъ предложеній,

Библиотека "Руниверс"

которыя сами выражаютъ только мыслимый случай и имѣютъ поэтому глаголъ въ желательномъ наклоненіи (см. § 8, e).

Od. II, 54. δοίη (желаніе) δ' ᾧ κ' ἐθέλοι καί οἱ κεχαρισμένος ἔλθοι.

Od. XVI, 392 . . . . ἡ δέ κ' ἔπειτα
γήμαιθ', ὅς κε πλεῖστα πόροι καὶ μόρσιμος ἔλθοι.

X. Mem. V, 5, 1. ἄρ', ὅντιν' ἂν αἰσθανοίμεθα, ἥττω γαστρὸς ἢ οἴνου . . . , τοῦτον ἂν αἱροίμεθα;

X. Mem. IV, 4, 17. τῷ (= τίνι) δ' ἄν τις ἥττον πολεμήσειεν ἢ ᾧ ἂν μάλιστα μὲν φίλος εἶναι βούλοιτο;

X. An. I, 3, 17. ἐγὼ γὰρ ὀκνοίην μὲν ἂν εἰς τὰ πλοῖα ἐμβαίνειν, ἃ ἡμῖν δοίη, . . . φοβοίμην δ' ἂν τῷ ἡγεμόνι ᾧ ἂν δοίη ἕπεσθαι.

Особый отдѣлъ составляютъ относительныя предложенія съ optativus cum ἄν (κέν), имѣющія значеніе предложеній цѣли (отрицаніе— μή) или значеніе слѣдствія. Но это значеніе цѣли (слѣдствія) не соединено непосредственно съ относительнымъ предложеніемъ, такъ какъ optativus съ ἄν и въ этомъ случаѣ не выражаетъ ничего другаго, какъ предположеніе, зависящее отъ извѣстныхъ условій, а происходитъ отъ соединенія этого предложенія съ предложеніемъ главнымъ.

Il. XV, 735 sq. ἠέ τινάς φαμεν εἶναι ἀοσσητῆρας ὀπίσσω
ἠέ τι τεῖχος ἄρειον, ὅ κ' ἀνδράσι λοιγὸν ἀμύναι;
(стѣна, которая отвратила бы при случаѣ).

Il. XXIV, 149. κῆρυξ τίς οἱ ἕποιτο γεραίτερος, ὅς κ' ἰθύνοι.

Od. XIII, 401. κνυζώσω δέ τοι ὅσσε πάρος περικαλλέ' ἐόντε,
ὡς ἂν ἀειχέλιος πᾶσι μνηστῆρσι φανείης
(= qua ratione possis apparere).

Od. VIII, 21. Od. XV, 538. Od. XXIII, 135.

Dem. 20, 161. χρή . . . τοιαῦτα καὶ λέγειν καὶ νομοθετεῖν, οἷς μηδεὶς ἂν νεμεσήται.

X. Cyr. VI, 1, 14. τίς οὕτως ἰσχυρός, ὃς λιμῷ καὶ ῥίγει δύναιτ' ἂν μαχόμενος στρατεύεσθαι;

e) Отъ этихъ относительныхъ предложеній можно перейти къ предложеніямъ цѣли. Въ предложеніяхъ цѣли съ союзами ὡς и ὅπως (ер. ὄφρα) встрѣчается иногда послѣ историческаго времени главнаго предложенія optativus съ ἄν (κέν). Желательное наклоненіе выражаетъ цѣль какъ мыслимый случай; а частица ἄν (κέν) показываетъ, что эта мысль зависитъ отъ извѣстныхъ условій (ἄν=eventuell, möglicher Weise).

Il. XII, 25. . . . . ὗε δ' ἄρα Ζεὺς
συνεχές, ὄφρα κε θᾶσσον ἁλίπλοα τείχεα θείη.

Библиотека "Руниверс"

Od. XXIV, 333 sq. . . . . σὺ δέ με προΐεις καὶ πότνια μήτηρ ἐς πατέρ' Αὐτόλυκον μητρὸς φίλον, ὄφρ' ἂν ἑλοίμην δῶρα, τὰ δεῦρο μολών μοι ὑπέσχετο καὶ κατένευσεν.

Herod. I, 99. ταῦτα δὲ περὶ ἑωυτὸν ἐσέμνυνε. τῶνδε εἵνεκεν, ὅκως ἂν μὴ ὀρέοντες οἱ ὁμήλικες . . . . λυπεοίατο . . . .

Herod. I, 75. V, 37. IX, 22. IX, 51.

Th. VII, 65.

X. An. VII, 4, 2. καὶ τὴν μὲν λείαν ἀπέπεμψε διατίθεσθαι Ἡρακλείδην εἰς Πέρινθον, ὅπως ἂν μισθὸς γένοιτο τοῖς στρατιώταις.

X. Hell. IV, 8, 16.

X. Cyr. VIII, 3, 33. τοῖς νικῶσι πᾶσιν ἐδίδου βοῦς, ὅπως ἂν θύσαντες ἑστιῷντο.

Ar. Av. 1338 γενοίμαν ἀετὸς ὑψιπέτας, ὡς ἂν ποταθείην (attractio modi вмѣсто ὡς ἂν ποταθῶ).

f) Въ предложеніяхъ, опредѣляющихъ время дѣйствія, optativus съ ἄν (κέν) встрѣчается довольно рѣдко. Желательное наклоненіе и здѣсь выражаетъ мыслимый случай, а частица ἄν (κέν) означаетъ, что этотъ случай зависитъ отъ извѣстныхъ обстоятельствъ.

Il. XVII, 501 sq. . . . . οὐ γὰρ ἔγωγε
Ἕκτορα Πριαμίδην μένεος σχήσεσθαι οἴῳ,
πρίν γ' ἐπ' Ἀχιλλῆος καλλίτριχε βήμεναι ἵππω,
νῶϊ καταχτείναντα, φοβῆσαί τε στίχας ἀνδρῶν.
Ἀργείων, ἤ κ' αὐτὸς ἐνὶ πρώτοισιν ἁλοίη.
(optativus съ κέν рядомъ съ infinitivus).

X. Oec. 11, 14. ἐγὼ ἀνίστασθαι ἐξ εὐνῆς εἴθισμαι, ἡνίκ' ἂν ἔτι ἔνδον καταλαμβάνοιμι, εἴ τινα δεόμενος ἰδεῖν τυγχάνοιμι (когда я вѣроятно засталъ бы дома).

Dem. 4, 31. φυλάξας Φίλιππος τοὺς ἐτησίας ἢ τὸν χειμῶνα, ἐπιχειρεῖ (οἷς διαπράττεται), ἡνίκ' ἂν ἡμεῖς μὴ δυναίμεθα ἐκεῖσε (εἰς τὴν τοῦ Φιλίππου χώραν) ἀφικέσθαι (отрицаніе μή, потому что съ понятіемъ времени соединено понятіе условія.

Послѣ историческаго времени главнаго предложенія временныя предложенія съ optativus получаютъ, какъ уже выше сказано (см. § 9, a), значеніе неопредѣленнаго повторенія. Если при желательномъ наклоненіи такого временнаго предложенія стоитъ частица ἄν (κέν), то она выражаетъ зависимость повторяющаго дѣйствія отъ извѣстныхъ условій.

Il. XI, 524. οὕτω καὶ τῶν πρόσθεν ἐπευθόμεθα κλέα ἀνδρῶν ἡρώων, ὅτε κέν τιν' ἐπιζάφελος χόλος ἵκοι.

Библиотека "Руниверс"

Od. XVII, 298.

Hs. ep. 132. ἀλλ' ὅτ' ἂν ἡβήσειε καὶ ἥβης μέτρον ἵκοιτο, παυρίδιον ζώεσκον ἐπὶ χρόνον.

Herod. I, 196. ὡς ἂν αἱ παρθένοι γενοίατο γαμῶν ὡραῖαι,.... ἐς ἓν χωρίον ἐσάγεσκον ἁλέας.

X. Cyr. VIII, 1, 44. καὶ γὰρ ὁπόταν ἐλαύνοιεν τὰ θηρία.... εἰς τὰ πεδία, φέρεσθαι σῖτον εἰς θήραν τούτοις ἐπέτρεπεν.

Часто временныя предложенія съ optativus cum ἄν (κέν) зависятъ отъ предложеній, которыя сами выражаютъ только представляемый случай и имѣютъ поэтому глаголъ въ желательномъ наклоненіи (см. § 9, c).

Il. XXIV, 226 .... αὐτίκα γάρ με κατακτείνειεν Ἀχιλλεύς
ἀγκὰς ἑλόντ' ἐμὸν υἱόν, ἐπὴν γόου ἐξ ἔρον εἴην.
(optativus главнаго предл. выражаетъ желаніе).

Od. II, 77. τόφρα γὰρ ἂν κατὰ ἄστυ ποτιπτυσσοίμεθα μύθῳ χρήματ' ἀπαιτίζοντες, ἕως κ' ἀπὸ πάντα δοθείη.

Od. IV, 222 sq. Il. XV, 70 sq.

Ar. eq. 1056. ἐπεί κεν ..... ἀναθείη.

X. Cyr. I, 3, 11. ὁπόταν и ἐπειδάν cum optativo.

Pl. Phaed. 101, d. εἰ δέ τις αὐτῆς τῆς ὑποθέσεως ἔχοιτο, χαίρειν ἐῴης ἂν καὶ οὐκ ἀποκρίναιο, ἕως ἂν τὰ ἀπ' ἐκείνης ὁρμηθέντα σκέψαιο.

Pl. civ. 412, d. 501, c.

Объ условныхъ предложеніяхъ съ εἰ ἄν (κέν) cum optative см. § 5, f и § 7, c.

g) Въ предложеніяхъ косвенной рѣчи, зависящей отъ praeteritum, optativus съ ἄν соотвѣтствуетъ иногда сослагательному съ ἄν прямой рѣчи. Частица ἄν (κέν), соединенная съ optativus, выражаетъ и здѣсь тѣ обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ мысль, передаваемая говорящимъ чрезъ optativus orationis obliquae. (см. § 3, c).

Il. II, 597. στεῦτο γὰρ εὐχόμενος νικησέμεν, εἴπερ ἄν αὐταί
Μοῦσαι ἀείδοιεν, κοῦραι Διὸς αἰγιόχοιο.
(Еслибъ даже Музы случайно пѣли).

Il. VII, 387. ἠνώγει Πρίαμός τε καὶ ἄλλοι Τρῶες ἀγαυοί
εἰπεῖν, αἴ κέ περ ὔμμι φίλον καὶ ἡδὺ γένοιτο.
(ex mente Priami).

Il. XIX, 205 sq. . . . . ἦ τ' ἂν ἔγωγε
νῦν μὲν ἀνώγοιμι πτολεμίζειν υἷας Ἀχαιῶν

Библиотека "Руниверс"

νήστιας ἀκμήνους, ἅμα δ' ἠελίῳ καταδύντι
τεύξεσθαι μέγα δόρπον, ἐπὴν τισαίμεθα λώβην.
„если намъ удастся (ἄν) отомстить.

S. Tr. 687. ἕως ἄν . . . . . ἁρμόσαιμι.

S. Tr. 164. ἡνίκ' ἄν . . . . . ἀπείη.

Herod. VI, 44. ἀτὰρ ἐν νόῳ ἔχοντες ὅσας ἂν πλείστας δύναιτο καταστρέφεσθαι τῶν Ἑλληνίδων πολίων, τοῦτο μὲν δὴ τῇσι νηυσὶ Θασίους φὺδὲ χεῖρας ἀνταειφαμένους κατεστρέψαντο, τοῦτο δὲ τῷ πεζῷ Μακεδόνας πρὸς τοῖσι ὑπάρχουσι δούλους προσεκτήσαντο.

Th. VIII, 27. ἐκέλευε τοὺς ἐπίπλους, ἤν που καιρὸς εἴη, ποιεῖσθαι.

Th. VIII, 54.

X. Hell. II, 3, 48. οὐκ οἴονται καλὴν ἂν ἐγγενέσθαι ὀλιγαρχίαν, πρὶν ἂν εἰς τὸ ὑπ' ὀλίγων τυραννεῖσθαι τὴν πόλιν καταστήσειαν.

X. Hell. II, 4, 18.

X. An. I, 5, 9. νομίζων, ὅσῳ μὲν ἂν θᾶττον ἔλθοι, τοσούτῳ ἀπαρασκευαστοτέρῳ βασιλεῖ μαχεῖσθαι.

X An. III, 2, 12. VII, 2, 6.

X. Cyr. VII, 5, 49, X. Mem. IV, 1, 2. Dem. 30, 6.

І. Гобза.

Библиотека "Руниверс"

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Принимается подписка на ежемѣсячное историческое изданіе, выходящее въ С.-Петербургѣ:

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

1875 г. (шестой годъ изданія).

Цѣна за 12-ть книгъ, со всѣми приложеніями: портретами, рисунками и снимками—**ВОСЕМЬ** рублей съ доставкой и съ пересылкой.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ — въ книжномъ магазинѣ **А. Ѳ. Базунова** (Невскій, 30); въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Ив. Григорьевича **Соловьева**—на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

☛ Гг. **Иногородныхъ** подписчиковъ просятъ **исключительно** обращаться въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ въ С.-Петербургъ, Литейной части, въ д. Трута, кв. № 12.

Статьи и матеріалы, которые будутъ напечатаны въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ 1875 года, относятся къ слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Записки (мемуары) и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ Русской Исторіи, преимущественно XVIII и XIX вѣковъ. — III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ оте-

Библиотека "Руниверс"

чественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч.—VI. Историческіе разсказы, анекдоты и мелочи, эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и начала XIX в.—Курьезныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листки изъ записной книжки „Русской Старины".—VII. Народная русская словесность: историческія и сатирическія пѣсни XVII и XVIII вв.—Стихи духовные и раскольничьи.—Пѣсни скопцовъ; замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа.—VIII. Библіографическій листокъ новыхъ, преимущественно историческихъ, русскихъ книгъ.

Къ первой книгѣ „Русской Старины" 1875 г. будетъ, между прочимъ, приложенъ гравированный въ Лейпцигѣ портретъ графа **Алексѣя Андреевича Аракчеева**, съ изображеніемъ его герба и девиза: *„безъ лести преданъ"*

„РУССКАЯ СТАРИНА" 1874 г. высылается подписавшимся съ I-й книги. Всѣ книги этого журнала за 1874 г. вышли каждая перваго числа соотвѣтственнаго мѣсяца съ приложеніями портретовъ, рисунковъ и снимковъ.

Цѣна „РУССКОЙ СТАРИНЫ" 1874 г., за 12-ть книгъ, 8 руб. съ пересылкой.

Цѣна „РУССКОЙ СТАРИНЫ" 1875 г., за 12-ть книгъ, 8 руб. съ пересылкой.

Въ составленіи и изданіи «РУССКОЙ СТАРИНЫ» принимаетъ постоянное и непосредственное участіе

М. И. Семевскій.

В. Семевскій,
отвѣтств. изд.-ред. «Русской Старины».

Библиотека "Руниверс"

РУССКІЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРОФЕССОРОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА И. Н. БЕРЕЗИНЫМЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Принимается подписка на седьмой, восьмой, девятый и десятый выпуски (томы); цѣна съ первыми шестью выпусками *сорокъ два рубля*. При подпискѣ выдаются первые четыре выпуска и начало пятаго и шестаго, на остальные же выпуски выдается билетъ.

Подписка принимается для жителей Петербурга въ книжномъ магазинѣ Ѳ. В. Базунова (Невскій, 39). Гг. иногородныхъ просятъ обращаться на имя издателя, И. Н. Березина, въ контору Русскаго Энциклопедическаго Словаря, Вознесенскій проспектъ 27, квар. 30.

Отдѣльно выпуски не продаются. Для гг. служащихъ допускается разсрочка въ уплатѣ черезъ ихъ казначеевъ: живущіе въ Петербургѣ благоволятъ обращаться въ Типографію Товарищества Общественной Пользы (по Мойкѣ, 5), къ Д. И. Гонецкому, а гг. иногородные въ контору изданія.

И. Березинъ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ОТЪ РЕДАКЦІИ

2-ГО ИЗДАНІЯ

ОСТРОМИРОВА ЄВАНГЄЛІЯ.

Редакція долгомъ считаетъ довести до свѣдѣнія учебныхъ заведеній, что согласно ея объявленію 2-ое изданіе ОСТРОМИРОВА ЄВАНГЄЛІЯ будетъ напечатано *только* въ томъ количествѣ экземпляровъ, какое потребно для раздачи подписавшимся *заблаговременно* и въ отдѣльную продажу не будетъ выпущено ни въ какомъ случаѣ ни одного экземпляра ни за какія деньги *).

Въ виду того, что учебныя заведенія Духовнаго вѣдомства были извѣщены о предпринятомъ изданіи двумя мѣсяцами позже, срокъ заявленій о желаніи пріобрѣсти ими 2-ое изданіе продолженъ до 1-го января 1875 года. Этимъ же льготнымъ срокомъ могутъ воспользоваться *учебныя заведенія* Мин. Народ. Просвѣщенія и *служащіе въ послѣднихъ* для присылки въ Редакцію требованій о необходимомъ для нихъ количествѣ экземпляровъ. Къ этому считаемъ не лишнимъ присовокупить, что въ редактируемомъ нами изданіи, при точномъ соблюденіи палеографическихъ особенностей подлинника (для этой цѣли будетъ отлитъ шрифтъ особый) и вообще принятаго А. Х. Востоковымъ порядка изданія, граматическія объясненія пополнятся значительно примѣрами, а словарь будетъ обработанъ вновь соотвѣтственно словарю старославянскаго языка Фр. Миклошича.

Адресъ Редакціи прежній: *Зиминъ Переулокъ, д. № 1* (Глазунова), *кв. № 17, въ Санктпетербургѣ*.

---

*) У одного изъ петербургскихъ книгопродавцевъ есть *одинъ экземпляръ* 1-го изданія (А. Х. Востокова, 1843 года), который этотъ торговецъ книгами не соглашается уступить менѣе 75 руб. сер.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ДЕКАБРЬ.

1874.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CLXXVI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.
1874.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Францъ Палацкій . — І. І. Первольфа.

Юридическіе знаки (Окончаніе) — П. Ефименко.

О философскихъ трудахъ П. Д Юркевича. — В. С. Соловьева.

Критическія и библіографическія замѣтки:

Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся, за время: 8-е генваря 1654 — 30-е мая 1672 года. Сочиненіе *Геннадія Карпова*. М. 1870. — К. П. Бестужева-Рюмина.

Нравственное и умственное развитіе римскаго общества во II вѣкѣ. Историческое изслѣдованіе *В. Кожевникова*. Козловъ. 1874. — Н. И.

Мусульманскія училища Туркестанскаго края — И. Т.

Замѣтка о гимнастикѣ для дѣвицъ — Д-ра Ѳ. Кляузля.

О введеніи обязательнаго обученія по ходатайствамъ нѣкоторыхъ земскихъ собраній.

Путевыя замѣтки о долинѣ средняго и нижняго Дуная — А. Будиловича.

Отчетъ о семнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова за историческія сочиненія.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты, б) гимназіи, в) низшія училища.

Письмо изъ Парижа . — Л. Л — ра.

Отдѣлъ классической филологіи. — (См. на 3-й стр. обёртки.)

Библиотека "Руниверс"

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ CLXXVI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49—2).
1874.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

4. (14-го сентября 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при С.-Петербургскомъ Университетѣ.*

Нѣкоторые представители акціонерныхъ банковъ краткосрочнаго кредита, принимавшіе участіе въ банковомъ съѣздѣ 1873 года, проникнутые чувствомъ высокаго уваженія къ дѣятельности управляющаго государственнымъ банкомъ, тайнаго совѣтника Ламанскаго, положившей начало и способствовавшей развитію частнаго и акціонернаго кредита въ Россіи, и исполненные глубочайшей признательности къ его трудамъ по учрежденію и личному руководству занятіями упомянутаго съѣзда, изъявили желаніе учредить въ С-Петербургскомъ университетѣ стипендію имени тайнаго совѣтника Ламанскаго, и съ этою цѣлію собравъ по подпискѣ капиталъ въ *девять тысячъ четыреста пятьдесятъ* рублей, обратились къ министру народнаго просвѣщенія съ прошеніемъ объ исходатайствованіи на сіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія.

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія объ этомъ докладу, въ Ливадіи, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при С.-Петербургскомъ университетѣ на счетъ процентовъ съ капитала въ 9,450 руб., одной

Библиотека "Руниверс"

стипендіи, съ наименованіемъ оной: «стипендіею тайнаго совѣтника Евгенія Ивановича Ламанскаго.

5. (21-го сентября 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи въ Кронштадтской женской гимназіи.*

Кронштадтскій купецъ Николай Григорьевъ Сидоровъ, представивъ при прошеніи въ попечительный совѣтъ мѣстной женской гимназіи два срочныхъ 43½ года закладныхъ листа, серіи 2-й № 03007 и 03011, Полтавскаго земельнаго банка по 500 руб. каждый, а всего одну тысячу руб., ходатайствовалъ объ учрежденіи въ Кронштадтской женской гимназіи стипендіи имени покойнаго отца его, Кронштадтскаго 1-й гильдіи купца Григорія Петровича Сидорова, съ тѣмъ, чтобы стипендія эта состояла въ уплатѣ за ученіе въ гимназіи одной дѣвицы по выбору его, жертвователя, а послѣ его смерти, по усмотрѣнію попечительнаго совѣта заведенія.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 21-й день сентября сего года, Высочайше соизволилъ на приведеніе изложеннаго ходатайства въ исполненіе.

6. (21-го сентября 1874 года). *О присвоеніи Жиздринской женской прогимназіи наименованія «Маріинской.»*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія докладу ходатайства Жиздринскаго уѣзднаго земства, въ 21-й день сентября сего года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе Жиздринской женской прогимназіи наименованія «Маріинской», въ честь имени Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны.

7. (21-го сентября 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Костромской гимназіи.*

Чиновники Костромской казенной палаты, движимые чувствомъ скорби по случаю кончины директора департамента государствен-

Библиотека "Руниверс"

наго казначейства, бывшаго передъ тѣмъ управляющимъ Костромскою казенною палатою, тайнаго совѣтника Гаврилова; желая выразить сердечную ихъ къ нему привязанность и уваженіе и тѣмъ увѣковѣчить память усопшаго, собрали по добровольной подпискѣ капиталъ въ 420 р., проценты съ котораго положили уплачивать ежегодно за право ученія въ Костромской гимназіи одного воспитанника изъ дѣтей недостаточнаго состоянія чиновниковъ казенной палаты, или подвѣдомственныхъ ей казначействъ, съ тѣмъ, чтобы воспитанникъ этотъ именовался стипендіатомъ тайнаго совѣтника Д. П. Гаврилова.

Вслѣдствіе сообщенія о семъ управляющаго министерствомъ финансовъ и отзыва начальства Московскаго учебнаго округа, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія о семъ докладу, Государь Императоръ, въ 21-й день сентября сего года, Высочайше соизволилъ какъ на принятіе пожертвованнаго членами и чиновниками Костромской казенной палаты капитала въ *четыреста двадцать* руб., такъ и на учрежденіе на проценты съ онаго одной стипендіи при Костромской гимназіи съ наименованіемъ оной: «стипендія тайнаго совѣтника Дмитрія Петровича Гаврилова».

8. (21-го сентября 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Кіевскомъ реальномъ училищѣ.*

Землевладѣлецъ Полтавской губерніи, Лохвицкаго уѣзда, коллежскій ассессоръ Корсунъ, проникнутый чувствомъ благодарности за воспитаніе въ Кіевскомъ реальномъ училищѣ воспитанника его, ученика IV класса Адріана Семенепка, представилъ директору этого училища *пятьсотъ* руб., какъ посильное съ его стороны пожертвованіе въ пользу заведенія, для употребленія по усмотрѣнію директора. Вопросъ о назначеніи этихъ денегъ былъ переданъ директоромъ на обсужденіе педагогическаго совѣта Кіевскаго реальнаго училища, который нашелъ болѣе всего цѣлесообразнымъ передать этотъ капиталъ въ кредитное учрежденіе, а полученные съ него проценты выдавать по своему усмотрѣнію

Библиотека "Руниверс"

ежегодно одному изъ бѣдныхъ учениковъ, отличающихся поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ; въ память же благотворителя ходатайствовать о присвоеніи этой стипендіи наименованія: «стипендія Михаила Михаиловича Корсуна».

Вслѣдствіе донесенія управлявшаго Кіевскимъ учебнымъ округомъ и по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія о семъ докладу, Государь Императоръ, въ 21-й день сентября сего года, Высочайше соизволилъ какъ на принятіе пожертвованнаго землевладѣльцемъ Полтавской губерніи, Лохвицкаго уѣзда, коллежскимъ ассесоромъ Михаиломъ Михаиловичемъ *Корсуномъ*, капитала въ *пятьсотъ* руб., такъ и на учрежденіе изъ процентовъ съ онаго стипендіи при Кіевскомъ реальномъ училищѣ, съ наименованіемъ оной: «стипендія Михаила Михаиловича Корсуна».

9. (21-го сентября 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Кіевской второй мужской гимназіи*

Чиновники управленія акцизными сборами Кіевской губерніи, въ память совмѣстнаго служенія съ бывшимъ управляющимъ этими сборами, надворнымъ совѣтникомъ Петромъ Емельяновичемъ Манчтетомъ, заявили желаніе учредить при Кіевской второй мужской гимназіи стипендію имени Манчтета, для воспитанія одного изъ дѣтей бѣднѣйшихъ чиновниковъ Кіевскаго акцизнаго управленія. Съ цѣлію осуществленія этого дѣла, ими собранъ капиталъ въ 1600 р., на которые пріобрѣтены 3 свидѣтельства государственнаго банка на непрерывный доходъ по выкупу въ $5^1/_2$%, составляющихъ въ годъ 88 р., которые и переданы для храненія въ казначейство.

Вслѣдствіе донесенія о семъ управлявшаго Кіевскимъ учебнымъ округомъ, и по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія докладу, въ 21-й день сентября сего года, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ какъ на принятіе капитала въ *одну тысячу шестьсотъ* рублей, собраннаго чиновниками управленія акцизными сборами Кіевской губерніи,

Библиотека "Руниверс"

такъ и на учрежденіе на проценты съ онаго одной стипендіи при Кіевской второй мужской гимназіи, съ наименованіемъ оной: «стипендія надворнаго совѣтника Петра Емельяновича Манчтета».

10. (7-го октября 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Демидовскомъ юридическомъ лицеѣ.*

Душеприкащики умершаго статскаго совѣтника Соколова представили въ Демидовскій юридическій лицей въ Ярославлѣ билетъ Ярославскаго общественнаго банка въ тысячу рублей, на учрежденіе при лицеѣ изъ процентовъ этой суммы одной стипендіи имени статскаго совѣтника Соколова.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія представленія по сему предмету попечителя Московскаго учебнаго округа, въ 7-й день октября сего года, въ Ливадіи, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Демидовскомъ юридическомъ лицеѣ, на счетъ процентовъ съ означенныхъ 1000 руб., одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: «стипендіею статскаго совѣтника Соколова».

11. (7-го октября 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи въ Московскомъ университетѣ.*

Душеприкащикъ умершей вдовы сенатора, тайнаго совѣтника Долгополова, Юліи Карловны Долгополовой, представилъ въ министерство народнаго просвѣщенія шесть тысячъ рублей, завѣщанныя ею на учрежденіе изъ процентовъ съ сего капитала одной стипендіи для студентовъ Московскаго университета, имени мужа ея, тайнаго совѣтника Ѳедора Ивановича Долгополова.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія о вышеизложенномъ, въ 7-й день октября сего года, въ Ливадіи, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Московскомъ университетѣ, на счетъ процентовъ означеннаго капитала одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: «стипендіею тайнаго совѣтника Ѳедора Ивановича Долгополова».

Библиотека "Руниверс"

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

14-го сентября 1874 года.(№ 12) *Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію:* директору училищъ Херсонской губерніи, статскому совѣтнику *Бѣлому* — до 1-го октября 1874 года; наставнику Херсонской учительской семинаріи *Маркову* — до 24-го октября 1874 года; кандидату императорскаго Новороссійскаго университета *Зайкевичу* — до 15-го марта 1875 года.

Командируются за границу съ ученою цѣлію: докторъ медицины Императорскаго Московскаго университета *Остроумовъ* и кандидатъ Императорскаго Харьковскаго университета *Эльтековъ* — на два года,—первый съ зачетомъ въ сію командировку четырехмѣсячнаго заграничнаго отпуска.

Увольняется: помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ивановъ* — отъ должности почетнаго попечителя Александровской гимназіи Смоленскаго земства въ гор. Вязьмѣ, по случаю назначенія его помощникомъ попечителя.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

5. (12-го октября 1874 года). *Циркулярное предложеніе попечителямъ учебныхъ округовъ о своевременномъ доставленіи въ контрольныя палаты шнуровыхъ книгъ.*

Циркулярными предложеніями министерства, отъ 25 марта 1867 года за № 2206 и 22 іюля 1872 года за № 7870, было вмѣнено въ обязанность начальствамъ учебныхъ заведеній и учрежденій доставлять шнуровыя книги, для скрѣпы и засвидѣтельствованія, въ мѣстныя ревизіонныя учрежденія не позже, какъ за два мѣсяца до того времени, съ котораго должна начаться записка въ тѣ книги денежныхъ суммъ и казеннаго имущества, наблюдая при этомъ, чтобы означенныя книги были доставляемы въ ревизіонныя учрежденія въ надлежащемъ порядкѣ.

Библиотека "Руниверс"

Нынѣ г. управляющій государственнымъ контролемъ сообщилъ министерству народнаго просвѣщенія, что установленныя правила, относительно времени присылки и порядка заготовленія шнуровыхъ книгъ, исполняются подвѣдомственными министерству управленіями далеко не въ надлежащей точности. Такъ, только незначительная часть шнуровыхъ книгъ поступаетъ въ контрольныя палаты своевременно и въ должномъ порядкѣ; огромное же большинство ихъ присылается въ палаты въ декабрѣ (и часто даже во второй его половинѣ) и притомъ или безъ шнура и надписей,— для кого и на какой предметъ книги предназначаются, — или же безъ постраничной нумераціи.

Вслѣдствіе сего имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство вновь подтвердить всѣмъ начальствамъ подвѣдомственныхъ вамъ учебныхъ заведеній и учрежденій, къ непремѣнному и точному исполненію, чтобы подлежащія утвержденію контрольныхъ палатъ шнуровыя книги доставлялись въ палаты, для скрѣпы и засвидѣтельствованія, никакъ не позже 1-го ноября и притомъ непремѣнно съ постраничною нумераціею, съ шнуромъ и надписями о томъ, для какого управленія и на какой предметъ книга предназначается.

6. (12-го октября 1874 года). *Циркулярное предложеніе попечителямъ учебныхъ округовъ о составѣ экзаменныхъ коммиссій для поступающихъ вольноопредѣляющимися въ военную службу.*

Въ п. 4 правилъ и программъ для производства испытаній въ учебныхъ заведеніяхъ лицамъ, желающимъ поступить въ военную службу вольноопредѣляющимися 3 разряда, на основаніи статей 171 и 173, пункта 3, устава о воинской повинности, сказано, что экзаменныя коммиссіи въ каждомъ изъ поименованныхъ учебныхъ заведеній составляются: изъ предсѣдателя (начальника заведенія или инспектора) и, по крайней мѣрѣ, двоихъ преподавателей соотвѣтственнаго предмета въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, по избранію педагогическаго совѣта; а въ военно-учебныхъ заведеніяхъ — по назна-

Библиотека "Руниверс"

ченію начальника заведенія, съ присоединеніемъ въ сихъ послѣднихъ еще двухъ членовъ, изъ коихъ одинъ по назначенію военно-окружнаго начальства, а другой изъ числа лицъ, принадлежащихъ къ строевому или воспитательному составу того заведенія.

Равнымъ образомъ въ п. 5 лит. *б* и *д*, а также въ формѣ экзаменнаго свидѣтельства отдѣльно упоминаются экзаменаторы и отдѣльно члены. На этомъ основаніи нѣкоторые начальники учебныхъ заведеній полагали, что въ составъ экзаменаціонной коммиссіи должны входить, кромѣ предсѣдателя и двухъ экзаменаторовъ, еще и отдѣльные члены.

Хотя по точному смыслу приведеннаго п. 4 изложенное въ ономъ условіе о назначеніи въ экзаменныя коммиссіи кромѣ двухъ преподавателей, еще двухъ членовъ можетъ касаться только военно-учебныхъ заведеній, но какъ неточность въ редакціи этой статьи можетъ ввести въ заблужденіе, какъ это дѣйствительно и вышло по одному изъ учебныхъ округовъ, то я полагалъ необходимымъ измѣнить редакцію этой статьи, выяснивъ въ ней, что помянутое условіе касается только военно-учебныхъ заведеній.

Военное министерство, съ которымъ я входилъ въ сношеніе по сему предмету, увѣдомило меня нынѣ, что экзаменныя коммиссіи въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія должны состоять изъ предсѣдателя и преподавателей, числомъ не менѣе двухъ, а въ военно-учебныхъ заведеніяхъ къ означеннымъ лицамъ присоединяются еще два другіе члена; согласно чему и экзаменныя свидѣтельства должны быть подписываемы: въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія — предсѣдателемъ и двумя экзаменаторами, а въ военно-учебныхъ заведеніяхъ — предсѣдателемъ, двумя членами и двумя экзаменаторами.

О вышеизложенномъ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, покорнѣйше прося васъ предложить подлежащимъ учебнымъ заведеніямъ ввѣреннаго вамъ учебнаго округа къ руководству и исполненію.

Библиотека "Руниверс"

7. (19-го октября 1874 года). *Положеніе о стипендіи надворнаго совѣтника Петра Манчтета.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ трехъ платежныхъ свидѣтельствъ государственнаго банка на $5^1/_2$% непрерывный доходъ по выкупу отъ 1-го сентября 1863 года за № 103.902, въ 300 руб., за № 103.903 въ 300 руб. и за № 104.446 въ 1.000 руб., пожертвованныхъ чиновниками управленія акцизными сборами Кіевской губерніи, учреждается при Кіевской 2-й гимназіи стипендія по 88 руб. въ годъ, съ наименованіемъ оной: *«стипендія надворнаго совѣтника Петра Емельяновича Манчтета»*.

2) Стипендія эта предоставляется одному изъ дѣтей бѣднѣйшихъ чиновниковъ кіевскаго акцизнаго управленія и выборъ стипендіата производится каждый разъ представителями отъ окружныхъ управленій и наличнымъ составомъ губернскаго акцизнаго управленія.

3) Избранное лицо не прежде можетъ получать означенную стипендію, какъ по выполненіи всѣхъ условій, требуемыхъ для поступленія въ гимназію. Въ равной мѣрѣ оно подчиняется всѣмъ правиламъ, дѣйствующимъ въ этомъ заведеніи, и по выбытіи изъ него по какимъ-либо причинамъ лишается получаемой стипендіи.

4) Стипендія выдается по ассигновкѣ по полугодно родителямъ, или лицамъ, на попеченіи коихъ стипендіатъ находится; при чемъ удерживается въ пользу гимназіи плата за право ученія стипендіата.

8. (9-го ноября 1874 года). *Правила о стипендіи тайнаго совѣтника Ѳедора Ивановича Долгополова при Московскомъ университетѣ.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На завѣщанный вдовою тайнаго совѣтника Юліею Карловною Долгополовой, капиталъ въ шесть тысячъ руб. учреждается при Императорскомъ Московскомъ университетѣ стипендія.

Библиотека "Руниверс"

2) Стипендія эти, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 7-го октября 1874 г., именуется «стипендіею тайнаго совѣтника Ѳедора Ивановича Долгополова».

3) Стипендія учреждается для студентовъ всѣхъ факультетовъ.

4) Стипендія назначается факультетомъ съ утвержденія совѣта университета, одному изъ бѣдныхъ и отличныхъ студентовъ.

5) Стипендіатъ, оставшійся вторично на курсѣ, по какому бы то ни было случаю, лишается стипендіи.

9. (26-го октября 1874 года). *Дополнительныя статьи къ правиламъ о спеціальныхъ испытаніяхъ по министерству народнаго просвѣщенія.*

(Утверждены министромъ народнаго просвѣщенія).

Нижеизложенныя статьи опредѣляютъ условія для пріобрѣтенія права на званіе учителя или учительницы: а) начальныхъ школъ для инородцевъ-христіанъ и инородцевъ-язычниковъ и б) начальныхъ школъ для Татаръ—магометанъ и учителя русскихъ классовъ при мектебе и медрессе.

1) Лица, желающія пріобрѣсти званіе учителя и учительницы начальной школы для крещеныхъ инородцевъ (какъ-то: Татаръ, Чувашъ, Черемисъ, Вотяковъ, Мордвы и т. п.), подвергаются испытанію, установленному на таковыя же званія въ русскихъ начальныхъ народныхъ училищахъ правилами для спеціальныхъ испытаній, утвержденными министерствомъ народнаго просвѣщенія 15-го мая 1870 года. Сверхъ того, упомянутыя лица подвергаются испытанію изъ языка того инородческаго племени, для образованія котораго они себя посвящаютъ. Знаніе подлежащаго инородческаго языка должно состоять въ томъ, чтобы испытуемое лицо было въ состояніи свободно читать изданныя на этомъ языкѣ русскимъ шрифтомъ книги и отчетливо излагать устно свои мысли на этомъ инородческомъ языкѣ.

Примѣчаніе. Удостовѣреніе въ такомъ знаніи пріобрѣтается посредствомъ пробныхъ уроковъ испытуемаго въ со-

Библиотека "Руниверс"

отвѣтствующей инородческой школѣ. Примѣчаніе сіе относится и къ ст. 3-й.

2) Лица, желающія пріобрѣсти званіе учителя или учительницы начальной школы для инородцевъ—язычниковъ, подвергаются испытаніямъ, указаннымъ въ предыдущей статьѣ, съ тѣмъ исключеніемъ, что на сихъ лицъ не распространяется испытаніе въ знаніи закона Божія.

3) Лица, желающія пріобрѣсти званіе учителя или учительницы начальнаго училища для Татаръ-магометанъ, а равно званіе учителя русскихъ классовъ при мектебе, подвергаются испытанію, установленному на таковыя же званія въ русскихъ начальныхъ народныхъ училищахъ вышеназванными правилами о спеціальныхъ испытаніяхъ 15-го мая 1870 года, за исключеніемъ испытанія въ законѣ Божіемъ. Сверхъ того, лица сіи испытуются въ татарскомъ языкѣ, знаніе котораго должно состоять въ свободномъ чтеніи татарскихъ книгъ и въ умѣньи правильно излагать устно свои мысли на татарскомъ языкѣ.

4) Опредѣленному въ предыдущей 3-й статьѣ испытанію подвергаются и тѣ лица, кои желаютъ пріобрѣсти званіе учителя русскихъ классовъ при медрессе, но съ тѣмъ, чтобы лица сіи, кромѣ того, по математикѣ или по русскому языку выдержали испытаніе, установленное для пріобрѣтенія званія учителя уѣзднаго училища правилами о спеціальныхъ испытаніяхъ 15-го мая 1870 года.

Примѣчаніе. Лица, выдержавшія такое испытаніе по обоимъ названнымъ предметамъ, то-есть, по математикѣ и по русскому языку, пользуются при опредѣленіи на должность предпочтеніемъ предъ тѣми, кои выдержали сіе испытаніе только по одному изъ названныхъ предметовъ.

5) Лица, имѣющія свидѣтельства на званіе учителя или учительницы русскаго начальнаго народнаго училища и изъявившія желаніе получить право на преподаваніе въ инородческихъ училищахъ, поименованныхъ въ ст. 1, 2 и 3, подвергаются только установленному въ сихъ статьяхъ испытанію въ знаніи соотвѣт-

Библиотека "Руниверс"

ственныхъ инородческихъ языковъ. Равнымъ образомъ лица, имѣющія свидѣтельства на званіе учителя уѣзднаго училища и желающія получить право на преподаваніе въ русскихъ классахъ при медрессе, подвергаются лишь указанному выше испытанію въ татарскомъ языкѣ.

Примѣчаніе. Воспитанники Казанской учительской семинаріи и татарскихъ учительскихъ школъ Уфимской и Симферопольской, окончившіе въ сихъ заведеніяхъ курсъ съ аттестатомъ на званіе учителя, совершенно освобождаются отъ установленныхъ настоящими статьями испытаній.

6) Испытанія на званіе учителя или учительницы начальнаго училища: для инородцевъ-христіанъ и язычниковъ производятся въ педагогическомъ совѣтѣ Казанской учительской семинаріи, при чемъ пробные уроки даются испытуемыми въ одномъ изъ мѣстныхъ начальныхъ инородческихъ училищъ при семинаріи или внѣ оной, смотря по населенію, среди котораго предполагается учительская дѣятельность испытуемаго лица. Испытанія на званіе учителя или учительницы начальной школы для Татаръ-магометанъ и на званіе учителя русскихъ классовъ при мектебе и медрессе производятся въ педагогическихъ совѣтахъ татарскихъ учительскихъ школъ въ Уфѣ и Симферополѣ, при чемъ пробные уроки даются испытуемыми также въ мѣстныхъ татарскихъ-магометанскихъ училищахъ. Впрочемъ всѣ означенныя испытанія могутъ быть производимы какъ въ поименованныхъ выше мѣстахъ, такъ и въ испытательныхъ комитетахъ и педагогическихъ совѣтахъ, указанныхъ въ общихъ правилахъ о спеціальныхъ испытаніяхъ по министерству народнаго просвѣщенія. При производствѣ испытаній въ сихъ послѣднихъ учрежденіяхъ пробные уроки испытуемымъ даются также въ мѣстныхъ соотвѣтственныхъ инородческихъ училищахъ, при чемъ для удостовѣренія въ знаніи испытуемымъ подлежащаго инородческаго языка или нарѣчія приглашается лицо, знающее этотъ языкъ или нарѣчіе, каковое лице пользуется правомъ голоса при обсужденіи объ удовлетворительности пробныхъ уроковъ.

Библиотека "Руниверс"

10. (15-го октября 1874 года). *Правила для выдачи свидѣтельствъ о знаніи курса начальныхъ училищъ лицамъ, желающимъ при отбываніи воинской повинности воспользоваться льготою, опредѣленною п. 4 ст. 56 устава о воинской повинности.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

I. Правила общія.

§ 1. Лица, желающія воспользоваться правомъ на выслугу сокращенныхъ сроковъ службы, установленныхъ п. 4-мъ ст. 56-й устава о воинской повинности, должны имѣть отъ мѣстнаго уѣзднаго училищнаго совѣта, а гдѣ его нѣтъ, отъ педагогическаго совѣта одного изъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній, поименованныхъ въ 1-мъ примѣчаніи къ сему §, свидѣтельства о знаніи курса начальныхъ народныхъ училищъ, опредѣленнаго положеніемъ 14 іюля 1864 года, или курса другихъ училищъ 4-го разряда, поименованныхъ въ приложеніи къ ст. 53-й устава о воинской повинности.

Примѣчаніе 1. Въ тѣхъ губерніяхъ и областяхъ, въ коихъ нѣтъ училищныхъ совѣтовъ, учрежденныхъ положеніемъ о народныхъ училищахъ 25 мая 1874 года, а есть уѣздныя училища, свидѣтельства выдаются педагогическими совѣтами сихъ училищъ; при чемъ лицамъ тѣхъ уѣздовъ, или округовъ, въ коихъ нѣтъ уѣздныхъ училищъ, свидѣтельства выдаются педагогическими совѣтами уѣздныхъ училищъ ближайшихъ изъ сосѣднихъ уѣздовъ, по назначенію губернскаго директора училищъ, или директора народныхъ училищъ губерніи, основанному на соглашеніи съ гражданскимъ начальствомъ и на мѣстныхъ условіяхъ. Въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской, въ коихъ нѣтъ уѣзныхъ училищъ, а есть двухклассныя городскія мужскія училища, по правамъ равныя уѣзднымъ, свидѣтельства выдаются училищными совѣтами сихъ городскихъ училищъ; причемъ, въ засѣданіяхъ этихъ совѣтовъ, по выдачѣ свидѣльствъ, не принимаютъ участія надзирательницы мѣстныхъ женскихъ училищъ, входящія въ составъ совѣтовъ. Въ тѣхъ уѣздахъ сихъ губерній и другихъ мѣстностей, въ коихъ нѣтъ ни уѣздныхъ, ни городскихъ училищъ, а есть учительскія семинаріи или мужскія гимназіи и прогимназіи или реальныя училища министерства народнаго просвѣщенія, свидѣльства выдаются педагогическими совѣтами сихъ заведеній, по назначенію Попечителя округа въ томъ случаѣ, когда тако-

Библиотека "Руниверс"

выхъ заведеній будетъ въ одной мѣстности болѣе одного. Въ губерніяхъ Варшавскаго учебнаго округа свидѣтельства выдаются педагогическими совѣтами мѣстныхъ учительскихъ семинарій, а за неимѣніемъ ихъ, — педагогическими совѣтами мужскихъ прогимназій, по назначенію попечителя округа, съ участіемъ начальниковъ учебныхъ дирекцій.

Примѣчаніе 2. Въ засѣданіяхъ педагогическихъ совѣтовъ тѣхъ изъ вышепоименованныхъ учебныхъ заведеній, кои не имѣютъ прямаго отношенія къ завѣдыванію народными училищами, по дѣламъ о выдачѣ названныхъ свидѣтельствъ участвуютъ мѣстные инспекторы народныхъ училищъ или другія лица, коимъ ввѣрено ближайшее управленіе начальными училищами.

§ 2. Уѣздные училищные совѣты, а гдѣ ихъ нѣтъ—педагогическіе совѣты подлежащихъ учебныхъ заведеній, выдаютъ желающимъ свидѣтельства о знаніи курса, указаннаго въ 1 § сихъ правилъ, по надлежащемъ удостовѣреніи въ знаніи ими такого курса, на основаніи слѣдующихъ правилъ, опредѣляющихъ порядокъ выдачи свидѣтельствъ: I. лицамъ, окончившимъ курсъ ученія въ тѣхъ начальныхъ народныхъ училищахъ и школахъ, поименованныхъ въ приложеніи къ ст. 53 устава о воинской повинности, кои имѣютъ постоянное существованіе и не менѣе двухъ преподавателей: законоучителя и учителя, въ коихъ проходится курсъ ученія не ниже опредѣленнаго положеніемъ 14 іюля 1864 г. и въ коихъ обученіе производится лицами, имѣющими установленное свидѣтельство на званіе учителя начальнаго училища; и II. лицамъ, не учившимся въ училищахъ, означенныхъ въ 1 п. сего § или не окончившимъ въ нихъ курса, но выдержавшимъ особое испытаніе въ знаніи курса начальнаго училища, а также лицамъ, окончившимъ курсъ въ какомъ бы то ни было училищѣ до изданія настоящихъ правилъ.

II. О порядкѣ выдачи свидѣтельствъ лицамъ, окончившимъ курсъ ученія въ начальныхъ училищахъ, удовлетворяющихъ условіямъ, опредѣленнымъ въ п. 1 § 2.

§ 3. Въ степени знанія лицъ, оканчивающихъ курсъ въ училищахъ, указанныхъ выше въ 1 п. § 2, подлежащіе уѣздные училищные или педагогическіе совѣты удостовѣряются посредствомъ обычныхъ экзаменовъ, производимыхъ въ училищахъ предъ окончаніемъ курса ученія.

Библиотека "Руниверс"

§ 4. Для сего уѣздные училищные совѣты, а гдѣ ихъ нѣтъ, педагогическіе совѣты подлежащихъ учебныхъ заведеній составляютъ ежегодно, предъ началомъ учебнаго курса, списокъ начальнымъ училищамъ своей мѣстности, удовлетворяющимъ условіямъ, опредѣленнымъ въ п. 1 § 2, и публикуютъ этотъ списокъ во всеобщее свѣдѣніе въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ и особыми объявленіями, которыя разсылаются въ городскія управленія и волостныя или другія, замѣняющія ихъ, сельскія правленія.

Примѣчаніе. Педагогическимъ совѣтамъ тѣхъ учебныхъ заведеній, кои не имѣютъ прямаго отношенія къ управленію начальными училищами, означенные списки доставляются инспекторами сихъ училищъ или другими лицами, кои завѣдуютъ училищами.

§ 5. Съ приближеніемъ времени, когда оканчивается ученіе въ начальныхъ училищахъ и происходятъ обычные экзамены для учениковъ училищъ, названные совѣты заблаговременно назначаютъ сроки для производства такихъ испытаній оканчивающимъ курсъ въ училищахъ, означенныхъ въ спискѣ, и о срокѣ, назначенномъ для каждаго училища, извѣщаютъ оное чрезъ мѣстное, городское или сельское начальство, независимо отъ публикаціи о семъ во всеобщее свѣдѣніе чрезъ губернскія вѣдомости.

§ 6. Временемъ для испытаній долженъ быть преимущественно послѣдній мѣсяцъ предъ окончаніемъ ученія въ училищахъ; но сроки испытаній въ отдѣльности по каждому училищу слѣдуетъ опредѣлять такимъ образомъ, чтобы, съ одной стороны, можно было окончить испытанія во всѣхъ училищахъ ко времени прекращенія въ нихъ занятій, а съ другой, чтобы не встрѣтилось препятствія къ присутствованію на испытаніяхъ лицъ для того назначенныхъ.

§ 7. Одновременно съ опредѣленіемъ сроковъ для испытаній по училищамъ, совѣты дѣлаютъ распоряженія о назначеніи по одному изъ своихъ членовъ для присутствованія на сихъ испытаніяхъ въ каждомъ училищѣ.

§ 8. Совѣты, въ случаѣ затрудненія назначить своего члена для присутствованія на испытаніяхъ, назначаютъ для сего тѣхъ лицъ уѣзда, кои по ст. 41 положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 25 мая 1874 г., будутъ избраны въ помощь уѣзднымъ предводителямъ дворянства для наблюденія за сими училищами, или лицъ, состоящихъ въ званіи почетныхъ смотрителей, почетныхъ блюстителей,

Библиотека "Руниверс"

а равно попечителей училищъ, если сіи послѣднія лица признаны будутъ со стороны совѣта соотвѣтствующими цѣли назначенія.

§ 9. Испытанія оканчивающимъ курсъ ученія въ вышеозначенныхъ училищахъ производятся въ каждомъ училищѣ изъ пройденнаго въ ономъ курса своими преподавателями, т. е. законоучителями и учителями, въ присутствіи лица, назначеннаго подлежащимъ совѣтомъ.

§ 10. Лица, означенныя въ § 8, могутъ, если пожелаютъ, присутствовать на испытаніяхъ съ правомъ голоса и въ томъ случаѣ, когда одинъ изъ членовъ совѣта будетъ назначенъ для производства испытанія.

§ 11. Мѣстные инспекторы народныхъ училищъ и другія лица учебнаго вѣдомства, завѣдывающія сими училищами, обязаны, по возможности, посѣщать училища, въ коихъ происходятъ испытанія, въ самое время производства испытаній; кромѣ того, при осмотрѣ въ теченіе года училищъ, въ коихъ имѣютъ быть производимы испытанія, члены училищныхъ совѣтовъ и въ особенности инспекторы народныхъ училищъ и соотвѣтствующія имъ лица учебнаго вѣдомства обращаютъ преимущественное вниманіе на успѣхи учениковъ, оканчивающихъ курсъ, повѣряютъ знаніе такихъ учениковъ, и свѣдѣнія о нихъ сообщаютъ подлежащему училищному или педагогическому совѣту, съ оцѣнкою каждаго такого ученика.

§ 12. Ко дню испытанія учитель, завѣдывающій училищемъ, приготовляетъ (по образцу № 1) экзаменный списокъ ученикамъ, имѣющимъ окончить курсъ и подвергнуться экзамену.

§ 13. По прибытіи лица, назначеннаго подлежащимъ совѣтомъ для производства испытанія, въ каждомъ училищѣ образуется коммиссія: изъ сего лица, подъ его предсѣдательствомъ, законоучителя и учителя училища, а равно изъ лицъ, поименованныхъ въ § 8, если таковыя явятся.

§ 14. Мѣра требованій испытанія по каждому предмету опредѣляется объемомъ преподаннаго ученикамъ, но она не можетъ быть ниже программы, приложенной къ § 26. Тотъ признается выдержавшимъ испытаніе, кто вполнѣ удовлетворитъ этимъ требованіямъ.

§ 15. Лица, не выдержавшія удовлетворительно испытаніе въ первый разъ, могутъ быть допускаемы къ оному во второй разъ, но не иначе какъ черезъ годъ и при условіи, если они этотъ годъ пробудутъ въ томъ же училищѣ.

§ 16. Вопросы предлагаются экзаменующимся по выбору членовъ

Библиотека "Руниверс"

коммиссіи, а оцѣнка отвѣтовъ производится согласно § 31 III-го отдѣла настоящихъ правилъ.

§ 17. По окончаніи испытанія, коммиссіею составляется протоколъ, который, вмѣстѣ съ экзаменнымъ спискомъ, представляется въ подлежащій училищный или педагогическій совѣтъ.

§ 18. Совѣтъ сей, разсмотрѣвъ экзаменный списокъ и заключеніе коммиссіи, совмѣстно съ имѣющимися при дѣлахъ совѣта свѣдѣніями, упомянутыми въ § 11, для тѣхъ лицъ, поименованныхъ въ спискѣ, которыя будутъ признаны достойными свидѣтельствъ, изготовляетъ таковыя (по образцу № 2) и, записавъ ихъ въ особую книгу, составляемую совѣтомъ (по образцу № 3), высылаетъ сіи свидѣтельства въ училища по принадлежности, не позже 1 сентября.

Примѣчаніе. Печатные бланки для свидѣтельствъ приготовляются училищными совѣтами на ихъ канцелярскія суммы, а педагогическіе совѣты учебныхъ заведеній снабжаются таковыми бланками изъ управленій учебныхъ округовъ.

§ 19. По полученіи свидѣтельствъ въ подлежащихъ училищахъ, завѣдывающіе оными учители записываютъ сіи свидѣтельства въ книгу, составляемую по образцу № 3, проставляютъ на свидѣтельствахъ нумера, подъ которыми они записаны въ книгѣ училища, и затѣмъ выдаютъ свидѣтельства по принадлежности удостоеннымъ оныхъ или ихъ родителямъ, а за неимѣніемъ послѣднихъ—родственникамъ, опекунамъ и вообще лицамъ, заступающимъ мѣсто родителей, подъ росписки получателей въ означенной книгѣ.

§ 20. Изложенныя въ предшествующихъ 3 — 19 §§ правила не простираются на губерніи, входящія въ составъ Варшавскаго учебнаго округа, гдѣ порядокъ выдачи свидѣтельствъ производится на основаніи послѣдующихъ параграфовъ.

III. О порядкѣ выдачи свидѣтельствъ лицамъ не учившимся или не окончившимъ курса въ училищахъ, означенныхъ въ п. 1 § 2, а равно окончившимъ курсъ ученія до изданія настоящихъ правилъ и всѣмъ лицамъ въ губерніяхъ Варшавскаго учебнаго округа.

§ 21. Въ степени знанія лицъ, поименованныхъ въ п. 2 § 2, а равно всѣхъ лицъ въ губерніяхъ Варшавскаго учебнаго округа, желающихъ воспользоваться льготою, присвоенною учебнымъ заведеніямъ 4-го разряда, подлежащіе уѣздные или педагогическіе совѣты удостовѣряются посредствомъ особыхъ испытаній, для производства коихъ

Библиотека "Руниверс"

открываются испытательныя коммиссіи или при самыхъ совѣтахъ, или въ другихъ городскихъ, а также сельскихъ мѣстностяхъ губерніи или уѣзда, по усмотрѣнію совѣтовъ.

§ 22. Означенныя въ предыдущемъ параграфѣ лица, чтобы быть допущенными къ испытанію, должны: а) имѣть не менѣе 16-ти лѣтъ отъ роду и не свыше призывнаго возраста и б) подать прошеніе въ подлежащій училищный или педагогическій совѣтъ, собственноручно написанное по образцу № 4, съ приложеніемъ удостовѣренія о личности и лѣтахъ отъ роду отъ городскаго управленія или волостнаго правленія, или же отъ полиціи, смотря по сословію или званію и мѣсту жительства просителя.

§ 23. Испытательная коммиссія составляется, подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ подлежащаго училищнаго совѣта или педагогическаго совѣта, изъ законоучителя и учителя мѣстнаго народнаго училища, по выбору названнаго совѣта. Прочимъ членамъ совѣта, а равно и лицамъ, поименованнымъ въ § 8, гдѣ таковыя есть, предоставляется, по ихъ желанію, участвовать въ занятіяхъ испытательной коммиссіи съ правомъ голоса. Въ случаѣ значительнаго числа желающихъ экзаменоваться, можетъ быть образовано нѣсколько коммиссій вышеозначеннаго состава въ данномъ уѣздѣ или губерніи.

§ 24. Испытанія производятся два раза въ годъ, по возможности только въ теченіе зимнихъ и лѣтнихъ вакацій, когда учители начальныхъ народныхъ училищъ и члены педагогическаго совѣта, назначаемые въ испытательныя коммиссіи, свободны отъ своихъ прямыхъ занятій. Но если по ближайшимъ мѣстнымъ соображеніямъ не представится особыхъ затрудненій къ производству испытаній и въ учебное время, то сіе не воспрещается. О времени и мѣстѣ открытія испытательныхъ коммиссій училищный или педагогическій совѣтъ публикуетъ во всеобщее свѣдѣніе въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ и сообщаетъ печатными объявленіями подлежащимъ городскимъ управленіямъ и волостнымъ правленіямъ. О назначеніи же тѣхъ или другихъ лицъ въ составъ коммиссій дѣлается извѣстнымъ по возможности не задолго до начала испытаній.

§ 25. Ко дню испытанія, учитель, назначенный въ испытательную коммиссію, приготовляетъ (по образцу № 5) экзаменный списокъ лицамъ, допускаемымъ къ испытанію.

§ 26. Испытаніе производится по приложеннымъ къ сему (№ 6) программамъ и раздѣляется на письменное и устное.

Библиотека "Руниверс"

§ 27. Письменное испытаніе состоитъ въ слѣдующемъ: а) по выбору коммиссіи диктуется учителемъ небольшой отрывокъ изъ какой нибудь книги для чтенія и б) предлагается экзаменующимся рѣшить двѣ ариѳметическія задачи, по назначенію коммиссіи, съ цѣлью опредѣлить знакомство ихъ съ 4-мя ариѳметическими дѣйствіями надъ цѣлыми числами и узнать, на сколько у нихъ развито соображеніе для приложенія этихъ дѣйствій къ рѣшенію несложныхъ практическихъ задачъ.

§ 28. На представленныхъ письменныхъ работахъ члены коммиссіи отмѣчаютъ ошибки и затѣмъ коммиссія, оцѣнивъ достоинство ихъ, выставляетъ въ экзаменномъ спискѣ соотвѣтственныя отмѣтки словами и цифрами, по 5-бальной системѣ.

Примѣчаніе 1-е. 5 означаетъ отлично, 4—хорошо, 3—удовлетворительно, 2—не совсѣмъ удовлетворительно и 1—неудовлетворительно.

Примѣчаніе 2-е. Отмѣтки по чистописанію коммиссія выставляетъ на основаніи письменныхъ работъ.

Примѣчаніе 3-е. Письменная работа признается удовлетворительною, если продиктованный отрывокъ написанъ четко и скорописью безъ линеекъ и безъ пропуска или искаженія продиктованныхъ словъ; отъ письменнаго же рѣшенія ариѳметическихъ задачъ требуется правильное пониманіе смысла задачи и правильное производство соотвѣтственныхъ вычисленій, при чемъ письменное разъясненіе предложенныхъ задачъ не требуется.

§ 29. Къ устному испытанію допускаются только лица, получившія по предметамъ испытанія письменнаго отмѣтку не ниже: „удовлетворительно“

§ 30. Предметы устнаго испытанія слѣдующіе: а) законъ Божій (молитвы и священная исторія), б) толковое чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати, в) первыя четыре дѣйствія ариѳметики.

Примѣчаніе. Иновѣрцы испытанію по закону Божію не подвергаются.

§ 31. Каждый членъ коммиссіи оцѣниваетъ въ своемъ спискѣ соотвѣтственнымъ балломъ знанія экзаменующихся по каждому предмету; по окончаніи отвѣтовъ испытуемаго по извѣстному предмету, предсѣдатель тотчасъ дѣлаетъ изъ общей сложности балловъ средній выводъ и полученный средній баллъ цифрами и словами заноситъ въ общій экзаменный списокъ; образующіяся при этомъ дроби, половина

Библиотека "Руниверс"

и болѣе половины, принимаются за единицу, а менѣе половины отсѣкаются.

§ 32. Отвѣчавшіе неудовлетворительно по одному изъ предметовъ устнаго испытанія считаются не выдержавшими испытанія, но имъ, а равно и не выдержавшимъ письменнаго испытанія, предоставляется право явиться къ испытанію въ другой разъ, но не ранѣе какъ черезъ годъ.

§ 33. По окончаніи испытанія, коммиссіею составляется протоколъ, который вмѣстѣ съ экзаменнымъ спискомъ представляется въ подлежащій училищный совѣтъ или въ педагогическій совѣтъ.

§ 34. Совѣтъ сей, разсмотрѣвъ экзаменный списокъ и заключеніе испытательной коммиссіи, выдаетъ безъ замедленія свидѣтельства (по образцу № 2) тѣмъ изъ экзаменовавшихся, которые будутъ признаны достойными такого свидѣтельства. Предъ выдачею, свидѣтельства вписываются въ особую книгу и на нихъ проставляется нумеръ, какъ указано въ § 19.

§ 35. Настоящія правила вводятся въ дѣйствіе на два года, въ видѣ опыта.

Библиотека "Руниверс"

Образецъ № 1
къ § 12.

СПИСОКЪ

ученикамъ N N училища, подвергнутымъ испытанію при окончаніи въ ономъ курса въ такомъ-то мѣсяцѣ 18 г.

№ по порядку.	1. Прозваніе (или фамилія), имя и отчество ученика. 2. Сословіе или званіе [1]).	Вѣроисповѣданіе.	Годъ, мѣсяцъ и день рожденія.	Оцѣнка по 5 бальной системѣ отвѣтовъ ученика на испытаніи.				Считаетъ ли коммисія достойнымъ получить свидѣтельство.
				Законъ Божій.	Чтеніе.	Письмо.	Ариѳметика.	

Подписи: Прѣдсѣдателя и Членовъ Коммиссіи съ обозначеніемъ званія каждаго изъ нихъ.

---

[1]) При обозначеніи сословія должно быть объяснено: о лицахъ купеческаго и мѣщанскаго сословія — къ какому городу они приписаны, о крестьянахъ — какого уѣзда, къ какой волости и къ какому сельскому обществу они принадлежатъ, о лицахъ прочихъ сословій и званій — мѣсторожденіе.

Библиотека "Руниверс"

Образецъ № 2
къ § § 18 и 34.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Такой-то уѣздный Учительный Совѣтъ (или Педагогическій Совѣтъ *такого-то* учебнаго заведенія) симъ удостовѣряетъ, что *такой-то* (обозначить: имя, отчество и прозваніе или фамилію, сословіе, или званіе, общество въ коемъ числится, если принадлежитъ къ сословіямъ, вносимымъ въ ревизскія сказки, а въ противномъ случаѣ—мѣсто рожденія, годъ, мѣсяцъ и день рожденія) успѣшно окончилъ курсъ ученія въ такомъ-то училищѣ (или выдержалъ испытаніе въ знаніи курса начальнаго народнаго училища), а потому имѣетъ право на льготу, установленную пунктомъ 4-мъ статьи 56-й Устава о воинской повинности. Выдано *такого-то* числа, мѣсяца и года.

№ 000/00 { Совѣта / училища.

Подписи Членовъ Совѣта.

(Печать Предсѣдательствовавшаго въ Совѣтѣ).

Библиотека "Руниверс"

Образецъ № 3
къ § § 18 и 19.

КНИГА

для записки свидѣтельствъ, выданныхъ на право пользованія льготою, установленною п. 4 ст. 56 Устава о воинской повинности.

№ по порядку.	Кому свидѣтельство выдано, съ обозначеніемъ свѣдѣній о немъ, прописанныхъ въ свидѣтельствѣ.	Годъ, мѣсяцъ и день выдачи свидѣтельства.	Росписка получившаго свидѣтельство.

Библиотека "Руниверс"

Образецъ № 4
къ § 22.

Въ такой-то уѣздный Училищный Совѣтъ (или Педагогическій Совѣтъ такого-то учебнаго заведенія).

Желая воспользоваться льготою, установленною пунктомъ 4-мъ ст. 56-й Устава о воинской повинности, прошу подвергнуть меня испытанію въ знаніи курса начальнаго народнаго училища. Къ сему прилагаю удостовѣреніе о моей личности и о лѣтахъ.

Подпись (имя, отчество, фамилія или прозвище и сословіе или званіе).

Годъ, мѣсяцъ и число.
Мѣсто жительства.

Библиотека "Руниверс"

Образецъ № 5
къ § 25

СПИСОКЪ

лицамъ, подвергнутымъ испытанію въ знаніи курса начальнаго народнаго училища, въ такомъ-то мѣсяцѣ, такого-то года.

№ № по порядку.	Прозвище или фамилія, имя и отчество.	Сословіе или званіе, съ объясненіемъ о лицахъ купеческаго или мѣщанскаго сословія — къ какому городу приписаны, о крестьянахъ, какого уѣзда, къ какой волости и къ какому сельскому обществу принадлежатъ, а о лицахъ прочихъ сословій и званій — мѣсто рожденія.	Вѣроисповѣданіе.	Годъ, мѣсяцъ и день рожденія.	Оцѣнка письменныхъ отвѣтовъ.			Заключеніе коммиссіи относительно допущенія или недопущенія къ продолженію испытанія.	Оцѣнка устныхъ отвѣтовъ.			Вывод.	Считаетъ ли коммиссія достойнымъ получить свидѣтельство.
					По русскому языку.	По ариѳметикѣ.	По чистописанію.		По закону Божію.	По русскому языку.	По ариѳметикѣ.		

Подписи: Предсѣдателя и Членовъ Коммиссіи, съ обозначеніемъ званія каждаго изъ нихъ.

Библиотека "Руниверс"

Приложеніе № 6 къ § 26.

Программы для испытанія лицъ, желающихъ пріобрѣсть свидѣтельство въ знаніи курса начальныхъ народныхъ училищъ, поименованныхъ въ приложеніи къ ст. 53-й Устава о воинской повинности.

I. Законъ Божій.

а) *Молитвы, съ объясненіемъ содержанія, а также отдѣльныхъ словъ и выраженій ихъ:*

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Господи Іисусе Христе. Слава Тебѣ, Боже. Царю небесный. Святый Боже. Слава Отцу и Сыну и Св. Духу. Пресвятая Троица. Отче нашъ. Молитва предъ обѣдомъ и послѣ обѣда. Къ Тебѣ Владыко, Человѣколюбче, отъ сна возставъ, прибѣгаю. Достойно есть, яко во истину. Богородице Дѣво, радуйся. Символъ вѣры и десять заповѣдей.

б) *Краткая священная исторія ветхаго и новаго завѣта.*

1) Сотвореніе міра и человѣка. Грѣхопаденіе первыхъ людей; обѣтованіе о Спасителѣ и наказаніе за грѣхъ. Всемірный потопъ. Непочтительность Хама къ отцу. Столпотвореніе Вавилонское и разсѣяніе народовъ. Призваніе Авраама и жертвоприношеніе Исаака. Исторія Іосифа. Рожденіе и призваніе Моисея. Исходъ Евреевъ изъ Египта. Синайское законодательство. Вступленіе Израильтянъ въ землю обѣтованную. Краткое понятіе о временахъ судей израильскихъ. Избраніе Саула на царство и отверженіе его Богомъ. Побѣда Давида надъ Голіафомъ. Воцареніе Давида; устройство имъ новой скиніи и перенесеніе въ нее ковчега завѣта. Мудрость Соломона; построеніе имъ храма Іерусалимскаго. Раздѣленіе Израильтянъ на два царства и паденіе того и другаго. Понятіе о пророкахъ; событія изъ жизни пророковъ: Иліи, Елисея и Даніила.

2) Разказъ событій изъ священной исторіи новаго завѣта, празднуемыхъ православною церковью: Рождество Богородицы; Введеніе во храмъ; Благовѣщеніе Пресвятыя Дѣвы. Рожденіе Предтечи. Рождество Іисуса Христа; поклоненіе волхвовъ; срѣтеніе Господа Симеономъ и Анною во храмѣ. Крещеніе Іисуса Христа. Преображеніе Господне; воскрешеніе Лазаря; входъ Господень во Іерусалимъ; тайная вечеря; страданія, смерть, погребеніе, воскресеніе и вознесеніе Іисуса Христа. Сошествіе Св. Духа на Апостоловъ. Успеніе Богоро-

Библиотека "Руниверс"

дицы и обрѣтеніе креста Господня. Сверхъ того: понятіе о притчахъ, притча о милосердномъ Самарянинѣ. О чудесахъ Христовыхъ, укрощеніе бури и исцѣленіе бѣсноватаго въ странѣ Гадаринской.

II. Русскій языкъ.

Чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати.

Отъ экзаменующагося требуется, чтобы онъ читалъ по доступной его понятіямъ, не знакомой ему книгѣ, правильно, бѣгло, со смысломъ. Затѣмъ онъ долженъ передать прочитанное своими словами послѣдовательно и, по меньшей мѣрѣ, по предлагаемымъ ему экзаменаторами вопросамъ, исчерпывая по возможности все содержаніе статьи. Кромѣ того, онъ долженъ прочесть какую-нибудь четкую рукопись. Для чтенія по книгѣ гражданской печати можетъ быть предлагаема какая бы то ни была книга, заключающая повѣствованіе или описаніе, изъ числа одобренныхъ для начальныхъ народныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія; для чтенія же по-славянски должно быть предлагаемо Евангеліе на церковно-славянскомъ языкѣ, или же какая-нибудь изъ Богослужебныхъ книгъ.

III. Письмо.

Экзаменующійся доженъ умѣть написать диктуемый отрывокъ, который предварительно долженъ быть имъ прослушанъ, четко, скорописью (средней скорости) и притомъ безъ пропуска и искаженія словъ; при этомъ онъ долженъ умѣть отдѣлять предложенія знаками препинанія.

IV. Ариѳметика.

Первыя четыре дѣйствія ариѳметики.

Отъ экаменующагося требуется знаніе первыхъ четырехъ дѣйствій надъ цѣлыми числами и умѣнье приложить это знаніе къ рѣшенію несложныхъ практическихъ задачъ, встрѣчающихся въ житейскомъ быту. Онъ долженъ имѣть отчетливое понятіе о русскихъ мѣрахъ длины, вѣса, времени, сыпучихъ и жидкихъ тѣлъ и монетъ.

Примѣчаніе. Въ Варшавскомъ учебномъ округѣ употребляются программы, одобренныя г. министромъ народнаго просвѣщенія въ предложеніи попечителю округа отъ 22-го декабря 1873 года за № 13582.

Библиотека "Руниверс"

11. (12-го октября 1874 года). *Циркулярное предложеніе попечителямъ учебныхъ округовъ о введеніи въ учебныя заведенія «Международныхъ Словарей» г. Макарова.*

Опредѣленіемъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, мною утвержденнымъ, постановлено: *Международные словари для среднихъ учебныхъ заведеній*, составленные по программѣ министерства народнаго просвѣщенія *Н. Макаровымъ* (части французско-русская и русско-французская) признать заслуживающими высокой чести посвященія Августѣйшему Имени Государя Императора и предпочтительной передъ другими словарями рекомендаціи, какъ учебнаго пособія, для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

На посвященіе этихъ словарей Августѣйшему Имени Государя Императора послѣдовало, по всеподданнѣйшему моему докладу, Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

Въ виду несомнѣнныхъ достоинствъ этихъ словарей, которые, при особенной ихъ полнотѣ, отличаются и рѣдкою дешевизною, при чемъ для учебныхъ заведеній дѣлается еще уступка въ 20%,— долгомъ считаю покорнѣйше просить ваше превосходительство обратить особенное вниманіе начальствъ подвѣдомственныхъ вамъ заведеній на пріобрѣтеніе означенныхъ словарей для сихъ заведеній предпочтительно предъ всѣми другими подобнаго рода изданіями.

IV. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

14-го сентября 1874 года (№ 18). *Утверждаются:* докторъ медицины *Пашутинъ*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Казанскаго университета по каѳедрѣ общей патологіи, съ 27-го мая 1874 года; наставникъ-руководитель гимназіи при Императорскомъ историко-филологическомъ институтѣ *Гаазе*—директоромъ Псковской гимназіи, съ 31-го августа 1874 года;

Библиотека "Руниверс"

инспекторъ Могилевской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Тупылевъ*—директоромъ Динабургскаго реальнаго училища; отставной статскій совѣтникъ *Григорьевъ*—директоромъ учительской семинаріи въ селѣ Поливановѣ, Подольскаго уѣзда, Московской губерніи, съ 12-го августа 1874 года; инспекторъ народныхъ училищъ Орловской губерніи, статскій совѣтникъ *Воршевъ*—директоромъ народныхъ училищъ сей губерніи, съ 24-го августа 1874 года; директоръ Псковской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Веревкинъ*—директоромъ народныхъ училищъ Новгородской губерніи, съ 31-го августа 1874 года.

Назначается: инспекторъ Мозырской четырехклассной прогимназіи, статскій совѣтникъ *Носовичъ*—исправляющимъ должность директора Мозырской шестиклассной прогимназіи.

Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія: дѣйствительный студентъ Демидовскаго юридическаго лицея Александръ *Талантовъ*, съ прикомандированіемъ для занятій къ департаменту народнаго просвѣщенія.

Продолжается срокъ отпуска: почетному попечителю Ананьевской мужской прогимназіи *Корбе*—въ С.-Петербургъ, на двадцать два дня; ординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику *Бекетову*—за границу, на двадцать пять дней.

Увольняются въ отпускъ, по Россіи: директоръ Виленскаго еврейскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ *Гвайта*—на семь дней, въ Либаву; *за границу*: директоръ народныхъ училищъ Пензенской губерніи, коллежскій совѣтникъ *Померанцевъ* и директоръ училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ *Кирхнеръ*—на четырнадцать дней; изъ нихъ первый по болѣзни; причисленный къ Варшавскому учебному округу *Шнабель*—на пятнадцать дней; помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ивановъ*—на двадцать восемь дней; старшій письмоводитель канцеляріи конференціи Императорской Академіи Наукъ, коллежскій ассессоръ *Сомовъ*—на одинъ мѣсяцъ; почетный попе-

Библиотека "Руниверс"

читель Зарайскаго реальнаго училища, генералъ-маіоръ *Дивовъ* — на четыре мѣсяца.

Увольняются отъ службы за выслугою сроковъ: директоръ Динабургскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Невзоровъ*, и инспекторы народныхъ училищъ губерній: Рязанской, статскій совѣтникъ *Смирновъ* и Калужской, надворный совѣтникъ *Кононацкій*; послѣдніе двое съ 28-го августа 1874 года, Невзоровъ же съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: начальнику Мѣховскаго уѣзда, Кѣлецкой губерніи, полковнику *Орлу*, бывшему предсѣдателю Курскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, мировому посреднику *Ребиндеру* и Курскому городскому головѣ *Устимовичу*—за усердіе ихъ къ пользамъ народнаго образованія; учителю 2-й Казанской гимназіи *Исленьеву* — за добросовѣстные и полезные труды его по занимаемой имъ должности.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: книги

1) составленныя *Г. Острогорскимъ*: а) «*Хронологія всеобщей и русской исторіи*. Курсъ эпизодическій III-го и IV-го классовъ гимназій и прогимназій; б) *Хронологія всеобщей и русской исторіи*. Курсъ систематическій. Выпускъ I. Средняя исторія (курсъ V-го класса) и в) *Курсъ всеобщей и русской исторіи*. Курсъ систематическій. Выпускъ II — новая исторія (для VI и VII классовъ гимназій)» — одобрить какъ полезное пособіе при изученіи исторіи въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

2) «*Природа*, популярный естественно-историческій сборникъ.

Библиотека "Руниверс"

Книга 2. Москва. 1864 г., составилъ *Сабанѣевъ*»—одобрить для библіотекъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ семинарій и институтовъ.

3) «*Очеркъ ученія православной вѣры.* Пособіе къ усвоенію истинъ, изложенныхъ въ пространномъ христіанскомъ катихизисѣ православной каѳолической церкви. Составилъ законоучитель 1-го военнаго Павловскаго училища протоіерей *Іоаннъ Заркевичъ.* С.-Петербургъ, 1873 года» — допустить согласно опредѣленію святѣйшаго синода отъ $\frac{\text{21-го февраля}}{\text{5-го марта}}$ сего года къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія въ VII классѣ гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

4) Составленныя *А. Леве:* а) «*Наглядная геометрія и собраніе геометрическихъ задачъ.* С.-Петербургъ, 1873 года, in 8, стр. 284, цѣна 65 коп.» — допустить въ библіотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, а также учительскихъ семинарій; б) «*Начальныя основанія геометріи и собраніе геометрическихъ задачъ*, въ 3-хъ частяхъ in 8. С.-Петербургъ, 1872 г.»—одобрить какъ пособіе для гимназій и реальныхъ училищъ.

5) «*Способъ къ обученію скорописи, А. Верре*, преподавателя Николаевскаго сиротскаго института; второе изданіе, исправленное и дополненное. Москва 1874 г.»—одобрить какъ руководство при обученіи скорописи.

6) Изданіе *Ильина*: а) «*Опытъ статистическаго атласа Россійской имперіи*»—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій; б) «*Атласъ полнаго гимназическаго курса*» — одобрить для употребленія въ гимназіяхъ.

7) «*Практическій курсъ элементарной статистики латинскаго языка въ соединеніи съ изученіемъ синонимики*, составленный по *Шпенделю*, преподавателями древнихъ языковъ Костромской гимназіи *Л. Кульчицкимъ* и *В. Демидовымъ.* Выпускъ первый. Москва. 1874 г. Цѣна 80 коп.»—одобрить какъ полезное учебное пособіе при изученіи латинскаго языка въ VI классѣ и въ младшемъ отдѣленіи VII класса гимназій, а также для пользованія какъ руководствомъ, подготовляющимъ къ употребленію

Библиотека "Руниверс"

въ старшемъ отдѣленіи VII класса одобренной и удостоенной Петровской преміи книги г-на Фохта «Матеріалы для упражненія въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій».

8) «*Лекціи по исторіи римской литературы*, читанныя въ университетѣ св. Владиміра, ординарнымъ профессоромъ *В. П. Модестовымъ*. Курсъ первый. Отъ начала римской литературы до эпохи Августа. Кіевъ 1873 г. Цѣна 3 руб.»—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій и прогимназій.

9) Изданіе: «*Исторія римской литературы въ таблицѣ*. Составилъ (по Фрейнду) *А. Захарбековъ*, инспекторъ Владимірской гимназіи. Владиміръ, 1874 года. Цѣна 25 коп.»—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій и прогимназій.

10) «*Руководство къ переводамъ на греческій языкъ Э. Бергера и Г. Гейдельберга*, обработанное для русскихъ гимназій *Я. Левенштейномъ*, преподавателемъ 2-й Московской гимназіи. Москва 1874 года» — допустить къ употребленію какъ руководство въ V классѣ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

11) «*Учебникъ русской словесности для учениковъ V-го класса гимназій, съ приложеніемъ хрестоматіи*. Составилъ *П. Смирновскій*. Учебникъ заключаетъ въ себѣ: 1) Изложеніе основныхъ началъ теоріи словесности и 2) Изложеніе элементарныхъ свѣдѣній изъ логики. С.-Петербургъ, 1874 г. Цѣна 60 к.»—одобрить какъ пособіе при изученіи словесныхъ произведеній.

12) Составленные *К. Клоссе*: «*Нѣмецкую граматику для русскихъ гимназій и реальныхъ училищъ*. С.-Петербургъ 1874 года, и *Учебный нѣмецко-русскій словарь синонимовъ и однозвучныхъ словъ нѣмецкаго языка*. Пособіе для учащихся. С.-Петербургъ 1874 года»—рекомендовать граматику какъ руководство для мужскихъ и женскихъ гимназій и реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, а словарь какъ пособіе при изученіи нѣмецкаго языка для тѣхъ же учебныхъ заведеній.

13) Составленные *И. Балицкимъ*: «*Избранные отрывки изъ памятниковъ церковно-славянскаго языка древняго и новаго для гра-*

Библиотека "Руниверс"

матическаго разбора, со свѣдѣніями и замѣчаніями о памятникахъ, съ палеографическими снимками греческихъ текстовъ и словаремъ. С.-Петербургъ 1874 г.»—одобрить какъ учебное пособіе при изученіи церковно-славянскаго языка въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ, учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ.

14) Изданія *А. Добрякова:* а) «*Историческія таблицы.* Подробный историческій конспектъ. Учебное пособіе при повтореніи курса всеобщей и русской исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Выпускъ 1-й. *Древняя исторія.* I. *Восточные народы.* II. *Греки.* III. *Римляне.* 2-е исправленное изданіе. С.-Петербургъ 1874 г. Цѣна 25 коп.» б) «*Рисунки памятниковъ искусства древнихъ народовъ съ объяснительнымъ къ нимъ текстомъ.* С.-Петербургъ 1874 г. Цѣна 40 коп.»—одобрить для употребленія въ качествѣ пособій при преподаваніи исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

15) «*Географическія таблицы. Обозрѣніе европейскихъ государствъ.* Курсъ III класса. Составилъ *Г. О. Лыткинъ.* С.-Петербургъ 1874 г.»—рекомендовать какъ полезное пособіе при преподаваніи географіи въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

16) Брошюру изъ народныхъ чтеній въ Соляномъ городкѣ, подъ заглавіемъ: «*О грозѣ* *Н. П. Животовскаго.* С.-Пб. 1874 г. Цѣна 10 коп.»—одобрить для народныхъ школъ и вообще для народнаго чтенія.

17) Брошюру изъ народныхъ чтеній въ Соляномъ городкѣ, подъ заглавіемъ: «*Объ апоплексіи мозга или пострѣлѣ.* Д-ра *Н. Ф. Глинскаго.* С.-Пб. 1874 г. Цѣна 10 коп.»—рекомендовать для библіотекъ народныхъ училищъ.

18) Книгу: «*Новая Зеландія и Океанія или острова Южнаго моря.* Соч. *Кристмана* и *Оберлендера.* Съ двумя картами и рисунками. Переведено съ нѣмецкаго. С.-Пб. 1874 г.»—одобрить какъ не безполезную для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для старшихъ трехъ классовъ.

19) Брошюру: «*О птицахъ и гадахъ, полезныхъ для земле-*

Библиотека "Руниверс"

дѣльца и лѣсовода. П. А. Аникіева. Чтеніе для народа. Избрано коммиссіею къ напечатанію изъ числа чтеній для народа, происходившихъ въ Соляномъ городкѣ. С.-Петербургъ, 1874 г.« — одобрить для народныхъ училищъ и книжныхъ складовъ.

20) Брошюра: «*Какъ разводить ленъ и какъ увеличить сборы съ разныхъ посѣвовъ. Н. П. Казанскаго.* Изданіе Высочайше учрежденной коммиссіи народныхъ чтеній. С.-Пб., 1864 г.»— можетъ быть рекомендована для чтенія въ сельскихъ школахъ и для библіотекъ народныхъ училищъ.

21) Книгу: «*Греко-латино-русскій словарь* къ сочиненію Ксенофонта Κύρου Ἀνάβασις, составленный *П. Тихоновичемъ.* Харьковъ, 1874 г.»—одобрить какъ весьма полезное для спеціальной его цѣли учебное пособіе по греческому языку для тѣхъ классовъ гимназій, въ которыхъ предполагается чтеніе Анабазиса Ксенофонта.

22) Книгу: «*Синтаксисъ латинскаго языка.* По нѣмецкимъ источникамъ, составилъ *Э. Кесслеръ.* С.-Пб., 1874 г.»—рекомендовать какъ руководство по латинскому языку для высшихъ классовъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

1) Книгу Н. Потулова, подъ заглавіемъ: «*Руководство къ практическому изученію древняго Богослужебнаго пѣнія православной россійской церкви.* Москва, 1873 г.»—рекомендовать какъ учебное руководство при обученіи пѣнію для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

2) Брошюру: «Народныя чтенія въ Соляномъ городкѣ. *А. В. Кольцовъ и его пѣсни.* Сост. *М. П. Парунов.* Съ 4-мя раскра-

Библиотека "Руниверс"

шенными картинами. Изданіе учрежденной по Высочайшему повелѣнію министромъ народнаго просвѣщенія постоянной коммиссіи народныхъ чтеній. С.-Пб., 1874 г., in 8, стр. 27. Цѣна 10 коп.«—допустить въ народныя библіотеки.

3) Брошюры: «Народныя чтенія въ Соляномъ городкѣ. Труды коммиссіи педагогическаго отдѣла музея прикладныхъ знаній по составленію чтеній для народа. С.-Пб. 1873 г. 1) *О томъ, какого вида земля и какъ велика она. Н. Б. Медера*, и 2) *Отчего бываетъ день и ночь, весна, лѣто, осень и зима. Н. Б. Медера.* Цѣна 10 коп.»—одобрить для библіотекъ и для употребленія въ народныхъ школахъ и учительскихъ семинаріяхъ.

4) Брошюра подъ заглавіемъ: «*Задачи практическаго счета для швейцарскихъ народныхъ школъ, составленныя г. Цернигеромъ и передѣланныя для употребленія въ русскихъ народныхъ школахъ П. Щукинымъ.* С.-Пб., 1873 г., въ 12 дол.»—I, II, III тетради означенныхъ задачъ могутъ быть допущены къ употребленію въ русскихъ народныхъ школахъ.

5) Книги подъ заглавіями: 1) *Троице-Сергіева лавра.* Историческій очеркъ. *Т. Толычевой.* С.-Пб., 1873 г. Цѣна 10 коп.» 2) «*Приключенія Робинзона Крузе. А. Н. Яхонтова.* С.-Пб., 1874 г., № 10. Цѣна 25 коп.»—могутъ быть допущены въ школы и 3) «*Котъ въ сапогахъ. Овсяный кисель. Свѣтлана.* Соч. *В. А. Жуковскаго.* С.-Пб. 1874 г. Цѣна 10 коп.»—можетъ быть вполнѣ одобрена для употребленія въ школахъ.

6) *Руководство гимнастики для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній духовнаго и гражданскаго вѣдомствъ.* Составилъ *К. Л. Шмидтъ.* С.-Петербургъ, 1874 г.» —допустить въ библіотеки учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

7) «*Сборникъ ариѳметическихъ задачъ* Изданіе 6-е, часть II. Составилъ *В. Евтушевскій.* С.-Пб., 1874 г.»—допустить какъ пособіе при преподаваніи ариѳметики въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

8) Книга: «*Европейскіе классики въ русскомъ переводѣ* (для учащихся), подъ редакціею Петра Вейнберга. (Съ примѣчаніями

Библиотека "Руниверс"

и біографіями). Выпускъ I. *Гете.* С.-Петербургъ, 1874 г. Цѣна 50 к.»—допустить для ученическихъ библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ.

9) Книга: «*Отечественная война 1812 года и Кутузовъ. Е Желябужскаго.* Изданіе народнаго журнала «*Грамотей*». Москва 1873 года. Цѣна 50 коп.»—допустить къ пріобрѣтенію для библіотекъ народныхъ, городскихъ училищъ и прогимназій.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, во время проѣзда Его Величества чрезъ г. Харьковъ, 24-го минувшаго августа, въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, изволилъ обратиться къ попечителю Харьковскаго учебнаго округа съ вопросами: 1) начались ли лекціи въ учебныхъ заведеніяхъ округа, и 2) сколько учащихся въ Харьковской женской гимназіи. На первый вопросъ тайный совѣтникъ Воскресенскій отвѣчалъ, что въ гимназіяхъ экзамены и ученье начались съ первыхъ чиселъ августа, а въ университетѣ съ 16-го по 20-е производились повѣрочныя испытанія, а съ 20-го начались лекціи. Передъ отъѣздомъ Его Императорское Величество соизволилъ разрѣшить тридцати воспитанницамъ женской гимназіи представиться Августѣйшей покровительницѣ заведенія, Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ. На другой день, 25-го августа, въ часъ пополудни воспитанницы гимназіи имѣли счастіе представиться Государынѣ Императрицѣ, а въ $4^1/_2$ часа — Государю Императору. Ихъ Императорскія Величества изволили обратить милостивое вниманіе на начальницу гимназіи и воспитанницъ.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 7-й день октября, Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку портрета его сіятельства графа Дмитрія Андреевича Толстаго въ рекреаціонномъ залѣ Казанской второй гимназіи.

Библиотека "Руниверс"

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 31-й день августа, Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Екатеринбургской гимназіи портрета покойнаго директора этой гимназіи Предтеченскаго.

Педагогическій совѣтъ Николаевской Маріинской женской гимназіи, единодушно желая сохранить память о посѣщеніи Его Императорскимъ Величествомъ этой гимназіи 27-го августа 1874 г., опредѣлилъ: день и часъ этого посѣщенія занести золотыми буквами на мраморную доску, которую и поставить въ пріемной залѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 30-й день минувшаго октября, Высочайше соизволилъ на приведеніе изложеннаго ходатайства педагогическаго совѣта упомянутой гимназіи въ исполненіе.

— Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ г. министру народнаго просвѣщенія, что курское городское общество, постановивъ открыть въ г. Курскѣ, на средства города, двухклассное безплатное женское училище, въ память бракосочетанія Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Маріи Александровны съ Его Королевскимъ Высочествомъ Герцогомъ Альфредомъ Эдинбургскимъ, обратилось съ ходатайствомъ о наименованіи этого училища «Маріинскимъ» въ честь Имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Александровны.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу объ этомъ г. министра народнаго просвѣщенія, въ 21-й день минувшаго октября, Высочайше на сіе соизволилъ.

— Военный губернаторъ Амурской области донесъ главному управленію Восточной Сибири, что жители этой области, желая увѣковѣчить память о посѣщеніи Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Алексіемъ Александровичемъ Амурскаго края, ходатайствуютъ о разрѣшеніи учредить

Библиотека "Руниверс"

въ г. Благовѣщенскѣ женскую школу Имени Его Высочества, на средства этого города.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу объ этомъ г. министра народнаго просвѣщенія, въ 21-й день минувшаго октября, Высочайше на сіе соизволилъ.

— Г. попечитель Московскаго учебнаго округа, князь Н. П. Мещерскій, изъявилъ желаніе ежегодно жертвовать, пока онъ будетъ состоять попечителемъ Московскаго учебнаго округа, по *двѣсти пятидесяти* руб. на устройство и содержаніе въ университетской клиникѣ двухъ кроватей для больныхъ изъ недостаточныхъ студентовъ Московскаго университета. Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ совѣту университета принять означенное ежегодное пожертвованіе, съ употребленіемъ онаго по назначенію и выразилъ князю Н. П. Мещерскому искреннѣйшую благодарность за этотъ новый знакъ его просвѣщеннаго вниманія къ нуждамъ нашихъ учебныхъ заведеній.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ принять 5% банковый билетъ въ *одну тысячу* руб., пожертвованный умершимъ генералъ-маіоромъ *Грековымъ*, въ неприкосновенный капиталъ Новочеркасской гимназіи, для выдачи процентовъ съ означенной суммы бѣднымъ ученикамъ названной гимназіи.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ открыть два низшіе класса при Сарапульскомъ реальномъ училищѣ на счетъ мѣстнаго земства.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать, съ начала будущаго $18^{75}/_{76}$ учебнаго года, за обученіе въ Ларинской гимназіи по *тридцати* рублей въ годъ съ учениковъ приготовительнаго класса и по *пятидесяти* рублей въ годъ съ учениковъ прочихъ классовъ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ для учениковъ евангелическо-лютеранскаго и римско-католическаго исповѣданій Николаевской Царскосельской гимназіи ввести преподаваніе закона Божія сихъ исповѣданій.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ ввести

Библиотека "Руниверс"

для учениковъ лютеранскаго исповѣданія Казанской третьей гимназіи обученіе закону Божію этого исповѣданія.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать плату за ученіе въ Прилукской прогимназіи: въ приготовительномъ классѣ по *восьми* руб., а въ прочихъ классахъ по *двѣнадцати* руб. и въ Суражской прогимназіи: въ приготовительномъ классѣ по *пяти* руб., а въ первомъ классѣ по *десяти* руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ открыть параллельное отдѣленіе при одномъ изъ низшихъ классовъ Кронштадтскаго реальнаго училища.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ для учениковъ Моисеева закона Мелитопольскаго реальнаго училища ввести преподаваніе закона Божія этого исповѣданія.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать плату за обученіе въ Ахтырской прогимназіи по *восьми* руб. въ годъ съ каждаго ученика приготовительнаго класса, и по *двѣнадцати* руб. въ годъ съ каждаго ученика прочихъ классовъ.

— Вслѣдствіе представленій попечителей учебныхъ округовъ: *С.-Петербургскаго*, *Казанскаго*, *Виленскаго* и *Варшавскаго*, г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать плату за ученіе: въ прогимназіяхъ: 5-й С.-Петербургской—въ приготовительномъ классѣ по 25 руб., а въ прочихъ классахъ по 35 руб., Вольской—въ приготовительномъ классѣ по 10 руб., а въ прочихъ классахъ по 15 руб., и Брестской—въ приготовительномъ классѣ по 18 руб., а въ прочихъ классахъ по 25 руб., и въ реальныхъ училищахъ: Варшавскомъ по 30 руб., Влоцлавскомъ и Ловичскомъ по 20 руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать плату за ученіе въ С.-Петербургской 6-й прогимназіи: въ приготовительномъ классѣ по *двадцати-шести*, а въ прочихъ классахъ по *сорока* рублей въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать плату за ученіе въ приготовительномъ классѣ Николаевской Цар-

Библиотека "Руниверс"

скосельской гимназіи *по двадцати руб.* въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать плату за ученіе въ Одесской второй прогимназіи: въ приготовительномъ классѣ по *двадцати пяти руб.*, а въ прочихъ классахъ по *сорока руб.* въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ ввести въ Одесскомъ реальномъ училищѣ преподаваніе закона Божія римско-католическаго исповѣданія, для учениковъ сего исповѣданія, съ производствомъ законоучителю *по семисотъ пятидесяти рублей* въ годъ, изъ спеціальныхъ средствъ названнаго учебнаго заведенія.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ для учениковъ римско-католическаго исповѣданія Псковскаго реальнаго училища, ввести преподаваніе закона Божія этого исповѣданія, съ платою за таковой трудъ ксендзу *Болтуновичу* по *пятидесяти рублей* за годовой урокъ, изъ спеціальныхъ средствъ названнаго училища.

— Вслѣдствіе представленія попечителя Одесскаго учебнаго округа, г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ открыть параллельное отдѣленіе при IV классѣ Кишиневскаго реальнаго училища, съ производствомъ жалованья учителямъ *изъ одной тысячи шестисотъ руб.*, ассигнованныхъ на этотъ предметъ Кишиневскою городскою думою, и съ прибавленіемъ къ нимъ недостающихъ *ста восьмидесяти руб.* изъ спеціальныхъ средствъ Кишиневскаго реальнаго училища.

— Въ виду заявленія нѣсколькихъ дѣвицъ, окончившихъ въ прошедшемъ учебномъ году курсъ ученія въ Виленскомъ Маріинскомъ высшемъ женскомъ училищѣ, о желаніи ихъ остаться въ училищѣ еще на годъ для посѣщенія уроковъ педагогическаго курса, г. управляющій Виленскимъ учебнымъ округомъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 27-й день февраля 1873 года, разрѣшилъ открыть при названномъ учи-

Библиотека "Руниверс"

лищѣ, съ начала текущаго учебнаго года, VIII спеціально-педагогическій классъ.

СПИСОКЪ

училищныхъ совѣтовъ, открытыхъ на основаніи Высочайше утвержденнаго Положенія $\frac{25\text{-го мая}}{6\text{-го іюня}}$ 1874 года.

Наименованіе уѣздовъ.	Время открытія.
I. Тверской губерніи:	
Губернскій	3 іюля.
Уѣздные училищные совѣты:	
Весьегонскій	11 іюля.
Старицкій	19 іюля.
Тверской	20 августа.
Зубцовскій	23 августа.
Ржевскій	25 августа.
Осташковскій	27 августа.
Вышневолоцкій	31 августа.
II. Владимірской губерніи:	
Губернскій	19 августа.
Уѣздные училищные совѣты:	
Владимірскій	31 августа.
Шуйскій	2 сентября.
Вязниковскій	4 сентября.
Гороховецкій	5 сентября.
Покровскій	5 сентября.
Муромскій	7 сентября.
Александровскій	7 сентября.
Меленковскій	9 сентября.
Переславскій	9 сентября.
Юрьевскій	11 сентября.
Судогодскій	12 сентября.
Суздальскій	13 сентября.
Ковровскій	14 сентября.

Библиотека "Руниверс"

Сверхъ того открыты нижеслѣдующіе учительскіе совѣты:

Губернскіе: Калужскій, Ярославскій, Нижегородскій, Харьковскій, Курскій, Тамбовскій, Пензенскій, Пермскій, Херсонскій, Екатеринославскій, Таврическій, Бессарабскій.

Уѣздные: Калужскій, Медынскій, Тарусскій, Лихвинскій, Малоярославецкій, Козельскій, Мещовскій, Жиздринскій, Боровскій; Ярославскій, Романо-Борисоглѣбскій, Даниловскій, Любимскій, Мологскій, Рыбинскій, Угличскій, Ростовскій, Мышкинскій, Пошехонскій; Лебединскій; Курскій, Дмитріевоспасскій, Щигровскій, Корочанскій, Павловскій; Козловскій; Пензенскій, Краснослободскій, Наровчатскій, Мокшанскій, Нижнеломовскій, Бѣлгородскій, Ахтырскій, Льговскій, Суджанскій, Чембарскій, Обоянскій, Кирсановскій, Липецкій, Рыльскій, Путивльскій, Волчанскій, Грайворонскій, Новооскольскій, Свіяжскій, Чебоксарскій, Козьмодемьянскій; Ядринскій; Одесскій, Херсонскій, Александрійскій, Елисаветградскій, Аннаньевскій; Славяносербскій, Павлоградскій, Новомосковскій, Бахмутскій, Верхнеднѣпровскій, Маріупольскій, Александровскій; Ѳеодосійскій, Симферопольскій, Евпаторійскій, Бердянскій, Мелитопольскій, Днѣпровскій, Перекопскій; Кишиневскій, Оргѣевскій, Аккерманскій, Бендерскій, Ясскій, Сорокскій; Хотинскій.

Библиотека "Руниверс"

ФРАНЦЪ ПАЛАЦКІЙ,

ИСТОРІОГРАФЪ ЧЕШСКАГО НАРОДА. ЕГО УЧЕНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ [1]).

Чешскій народъ, хотя малочисленный, занимаетъ между народами славянскими одно изъ первыхъ мѣстъ. Чехи, часть Славянъ лабскихъ, не раздѣлили ихъ участи. Между тѣмъ какъ сѣверные сосѣди и ближайшіе соплеменники Чеховъ — Сербы, Лютичи и Бодричи, — послѣ долголѣтняго сопротивленія, погибли въ неравной борьбѣ съ Нѣмцами, Чехи не пошли по ихъ слѣдамъ, а сохранили свою политическую независимость и свой національный бытъ. Славяне лабскіе и балтійскіе тратившіе всѣ свои силы на внутреннія распри и войны, не выработали *государственной идеи*, и сдѣлались добычей своихъ сосѣдей. Чехи, напротивъ, создали рано довольно сильное государство. Князь чешскій, располагая безусловно силами Чехіи и Моравіи, былъ однимъ изъ первостепенныхъ государей средней Европы; личная его зависимость до извѣстной степени отъ Римско-нѣмецкихъ императоровъ, нисколько не мѣшала его суверенитету. На основаніи политической самостоятельности Чешскаго государства, Славянская народность въ Чехіи могла успѣшно развиваться и преодолѣвать встрѣчившіяся препятствія. Наконецъ, чешскій народъ—первый между народами всей Европы—началъ существующее до сихъ поръ движеніе: вмѣстѣ съ идеей чешской и славянской народности, Чехи подняли

[1]) Собственно *біографіи* Палацкаго мы здѣсь не предлагаемъ. Лучшая его біографія находится въ чешской энциклопедіи, въ Словникѣ Научномъ; ее написалъ (въ 1865 г.) на основаніи данныхъ, доставленныхъ самимъ Палацкимъ, второй редакторъ Словника Я. Малый; она переведена, тотчасъ послѣ появленія на чешскомъ языкѣ, и по русски, въ *Современной Лѣтописи*, прибавленіи къ *Москов. Вѣдомостямъ*. Замѣтимъ, что имя «Пѣлацкій» выговаривается съ удареніемъ на *первомъ* слогѣ.

Библиотека "Руниверс"

знамя свободы совѣсти и стремились также къ нововведеніямъ въ соціальныхъ порядкахъ своего времени. Это-то движеніе, *движеніе гуситское*, придастъ чешской исторіи особенную важность въ культурной исторіи не только славянской, но и общечеловѣческой.

Дальнѣйшему развитію чешскаго народа помѣшалъ страшный погромъ, постигшій Чеховъ въ 1620 году. Испанско-габсбургскій абсолютизмъ, въ соединеніи съ іезуитско-католическимъ Римомъ, успѣлъ наконецъ подавить столь ненавистный Нѣмцамъ и Риму, славянскій, еретическій народъ.

Несчастная страна сдѣлалась театромъ безпрестанныхъ войнъ, раззорялась войсками нѣмецкими, шведскими и императорскими. Народонаселеніе массами исчезало, либо посредствомъ выселенія, либо по бѣдствіямъ войны. Оставшееся же было подвержено контр-реформаціи: изъ бывшихъ гуситовъ-протестантовъ, іезуиты, съ помощію императорскихъ драгоновъ, дѣлали римскихъ католиковъ. Рядомъ съ этой католическою реформаціей шла все усиливающаяся германизація. Высшія сословія, города и окраины Чехіи и Моравіи наполнялись новыми пришлецами-Нѣмцами, которые замѣняли выселившуюся интеллигенцію. Такимъ образомъ чешская народность, въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ, упала до такой степени, что даже сами чешскіе патріоты отчаявались въ возможности возрожденія своего народа.

Надъ духовною жизнью остатковъ чешскаго народа бдѣли строгіе стражи—іезуиты. Они изображали ему его прошлое по своему, внушали ему, что самая славная эпоха его исторіи (1403—1620 гг.)—страшное заблужденіе. Гусъ, Жижка, Прокопій, Юрій Подѣбрадскій, Рокицана, Аугуста, Благославъ, Будовецъ и другіе чешскіе герои XV—XVII вѣковъ, представляемы были сыновьями дьявола, извергами ада, чудовищами; при произношеніи ихъ именъ, благочестивый Чехъ XVII—XVIII вѣковъ открещивался и наполнялся страхомъ и ужасомъ. Іезуиты и ихъ орудія, бродя въ Чехіи, отнимали, сожигали или рвали всѣ чешскія и латинскія книги, писанныя съ появленія Гуса до 1620 года: всѣ эти книги считались или еретическими, или подозрительными.

При такомъ положеніи дѣлъ, чешская исторіографія не могла процвѣтать. Чешскую исторію стали разработывать почти исключительно католическіе монахи, особенно іезуиты, и можно себѣ вообразить, въ какомъ духѣ эти исторіографы представляли народу его исторію!

Поворотъ къ лучшему сдѣланъ только во второй половинѣ XVIII

Библиотека "Руниверс"

вѣка, когда новыя начала стали пріобрѣтать себѣ господство въ жизни государственной, научной и литературной, когда стали исчезать многія узы, сковывавшія до тѣхъ поръ и чешскую исторіографію.

Тогда началъ свою дѣятельность патріархъ чешской исторической критики, *Добнеръ*, изданіемъ важныхъ „Annales Hayeci", то-есть, латинскаго изданія лѣтописца *Гайка* XVI вѣка, съ критическими объясненіями. Обширная чешская хроника Вячеслава Гайка (1541 г.), написанная въ смыслѣ строго католическомъ, стала впослѣдствіи, въ XVII—XVIII столѣтіяхъ, любимымъ чтеніемъ чешскаго простонародья, избѣгнувъ костровъ и индексовъ іезуитовъ. Хроника эта написана не только безъ всякой критики, но и съ большою долею недобросовѣстности, и надо удивляться, что она могла вводить въ заблужденіе даже такихъ историковъ, какимъ былъ, знаменитый въ свое время ученый, іезуитъ *Бальбинъ* († 1688 г.). Эта-то хроника Гайка, написанная по чешски, переведена была въ XVIII вѣкѣ на латинскій языкъ; Добнеръ же, снабдивъ переводъ критическими замѣчаніями, сталъ ее издавать, но, къ сожалѣнію, не кончилъ своего труда († 1790 г.). Стараніемъ Добнера авторитетъ Гайка наконецъ рухнулъ къ немалой пользѣ чешской исторіографіи. Эта побѣда критики надъ авторитетомъ Гайка замѣтна уже въ историческихъ трудахъ современниковъ Добнера, въ исторіяхъ Чехіи *Пубички* и *Пельцеля*, равно какъ и въ историческихъ трудахъ *Добровскаго*. Разумѣется, и эти труды представляютъ только несовершенныя попытки нарисовать картину чешской исторіи; но замѣтный прогрессъ является именно въ томъ, что эти писатели уже не увлекаются баснями Гайка, а черпаютъ свѣдѣнія прямо изъ источниковъ и разбираютъ ихъ критически.

Вторая половина XVIII вѣка ознаменована *возрожденіемъ чешской народности*. Тогда готовились нанести чешскому, какъ казалось спящему летаргическимъ сномъ, народу смертельный ударъ и докончить давно приготовляемую его германизацію. Но этотъ планъ не удался. Вслѣдствіе германизаторскихъ тенденцій австрійскаго правительства, чешскій народъ, напротивъ, пробудился къ новой жизни. Чешское національное движеніе, хотя шло медленно, но его уже ничѣмъ нельзя было остановить, благодаря неусыпнымъ трудамъ чешскихъ писателей и дѣятелей.

Не мало способствовало къ этому возрожденію чешскаго народа и развивавшееся изученіе его исторіи. Въ царствованіе императора Іосифа II повѣяло болѣе либеральнымъ духомъ въ разныхъ сферахъ общественной и научной жизни. Въ то время, хотя отчасти, снято было

Библиотека "Руниверс"

вѣковое давленіе, наложенное на чешскую исторію. Тогда раздается также даже изъ среды чешскаго католическаго духовенства голосъ: „Гусъ не еретикъ", и вскорѣ присоединяется къ нему кликъ: „Жижка—славный чешскій полководецъ и мститель Гуса!"—къ немалому изумленію іезуитско-нѣмецкихъ кружковъ, не сомнѣвавшихся въ смерти ненавистнаго имъ чешскаго народа. Не всѣ историки чешскіе стали уже довольствоваться сухимъ изложеніемъ фактовъ и ихъ критическою разработкой; нѣкоторые начинаютъ писать съ патріотическимъ вдохновеніемъ и представлять чешскому народу картину его блестящей исторіи, въ утѣшеніе и назиданіе. Такъ именно дѣйствовалъ *Пельцель*, одинъ изъ лучшихъ чешскихъ дѣятелей и историковъ конца XVIII вѣка.

Главнымъ недостаткомъ чешской исторіографіи того времени было—не считая разныхъ другихъ препятствій — то, что чешскіе историки стали разработывать свой предметъ преимущественно по лѣтописямъ и вообще по источникамъ болѣе извѣстнымъ, а не обращали надлежащаго вниманія на документальные памятники, грамоты и пр., хранившіеся въ архивахъ мѣстныхъ и заграничныхъ. Это можно сказать именно о трудѣ *Пубички*, который въ 1770—1801 гг. издалъ десять томовъ исторіи чешской, сухой и довольно безжизненной компиляціи. Пубичка довелъ свою исторію до 1618 года; смерть автора (1807 г.) прекратила обнародованіе XI тома, доведеннаго до 1630 года. Свою исторію Пубичка издавалъ съ помощію чешскихъ чиновъ, которые охотно пожертвовали деньги изъ земской казны на сочиненіе „для прославленія чешскаго народа". Смертью Пубички прекратилось дальнѣйшее изданіе его исторіи, и чешскіе чины долго не могли найдти ему преемника, который бы продолжалъ его трудъ.

Всѣ вышеприведенные труды по чешской исторіи, Добнера, Пубички, Пельцеля, Добровскаго и др., писаны на латинскомъ или нѣмецкомъ языкахъ; по чешски одинъ только Пельцель сталъ писать „Новую хронику чешскую", но довелъ ее лишь до гуситскаго движенія. Причины ясны. Чешская народность, послѣ страшныхъ погромовъ, постигшихъ ее въ 1620—1648 гг., упала такъ, что сдѣлалась достояніемъ только простаго народа; высшія сословія, шляхта и города, онѣмечились, и хотя продолжали признавать себя въ политическомъ отношеніи „Чехами", чинами чешскаго королевства и моравскаго маркграфства, но все-таки говорили и писали только по латински или по нѣмецки. Чешскій языкъ знали очень немногіе изъ нихъ. Къ этому постепенному онѣмеченію присоединились во второй

Библиотека "Руниверс"

половинѣ XVIII вѣка, со временъ Маріи Терезіи и Іосифа II, германизаторскія тенденціи австрійскаго правительства.

Съ другой стороны, эти самыя тенденціи пробудили чешскій народъ къ новой жизни, поощряли ревностныхъ чешскихъ патріотовъ къ неутомимой дѣятельности, которая и не осталась безплодна: чешская народность въ самомъ дѣлѣ стала возвышаться, не смотря на всѣ многочисленныя препятствія. Не забудемъ, что пробужденіе чешскаго народа происходило только частнымъ образомъ, благодаря безпредѣльному самопожертвованію нѣсколькихъ лицъ, не только безъ содѣйствія, но еще при сопротивленіи правительственныхъ кружковъ. Чешскій языкъ нигдѣ не былъ въ употребленіи въ публичной жизни; вездѣ господствовалъ языкъ нѣмецкій: во всѣхъ школахъ, начиная съ такъ-называемыхъ нормальныхъ (приходскихъ) школъ, и гимназій до университета и техническаго института, въ присутственныхъ мѣстахъ, судебныхъ и административныхъ, государственныхъ, городскихъ и многочисленныхъ патримоніальныхъ (дворянскихъ); по нѣмецки говорила шляхта, мѣщане, чиновники, профессора и вообще почти вся интеллигенція въ Чехіи и въ Моравіи. Правда, и между высшими сословіями и интеллигенціей встрѣчались патріоты — они-то и способствовали къ учрежденію чешскаго народнаго музея (1818 г.); но они считали полное возрожденіе чешскаго народа, по ихъ взглядамъ уже приговореннаго къ неминуемой смерти, и возстановленіе чешскаго языка дѣломъ невозможнымъ. Такими патріотами были напримѣръ Хотки, Коловраты, Штернберги, Кинскіе и другіе, таковъ былъ и патріархъ славистики Іосифъ Добровскій. Этимъ людямъ усилія и стремленія Пельцеля, Крамеріуса, Пухмайера, Юнгманна, Пресля и другихъ вдохновенныхъ борцовъ за чешскую народность казались несбыточными утопіями. Кромѣ того, возникшія въ самой средѣ чешскихъ писателей распри объ орѳографіи, пуризмѣ и другихъ мелочахъ, выставляли ихъ въ глазахъ публики не въ очень выгодномъ свѣтѣ.

Чешскій языкъ раздавался только въ деревняхъ, да въ устахъ малочисленныхъ писателей и патріотовъ чешскихъ, а въ публичной жизни—лишь только въ самыхъ низшихъ народныхъ школахъ, и на амвонахъ проповѣдниковъ.

Таково было положеніе дѣлъ въ Чехіи, когда весной 1823 г. прибылъ въ Прагу, изъ странъ угорскихъ Словаковъ, двадцатипятилѣтній Моравaнинъ, человѣкъ скромный, безъ средствъ и безъ связей, извѣстный лишь только маленькому кружку чешскихъ литераторовъ

Библиотека "Руниверс"

нѣкоторыми стихотвореніями и эстетическими статьями. Это былъ— *Францъ Палацкій.*

Познакомившись со всѣми знаменитостями науки и литературы того времени, въ томъ числѣ съ графами Штернбергами (Каспаромъ и Францомъ), и съ Іосифомъ Добровскимъ, Палацкій скоро занялъ между ними видное мѣсто. Бросивъ разнообразныя студіи, онъ посвятилъ себя исключительно *чешской исторіи*, не имѣя другаго желанія, „какъ ради добра отечества совершить что-нибудь полезное и знаменитое". Уже тогда, сознавъ главный недостатокъ своихъ предшественниковъ, онъ сталъ знакомиться съ архивными и вообще рукописными сокровищами, и работать въ архивахъ въ Требони, Индриховомъ Градцѣ, Рудницѣ, Будѣёвицахъ и въ государственномъ архивѣ вѣнскомъ.

Палацкій вовсе не раздѣлялъ взглядовъ вышеупомянутыхъ чешскихъ патріотовъ на счетъ неминуемой гибели чешской народности. „Если будемъ всѣ такъ себя вести", высказалъ онъ однажды (въ 1825 году) графу Каспару Штернбергу, президенту чешскаго музея, и Добровскому, „то, конечно, нашъ народъ погибнетъ съ духовнаго голоду; но я, еслибъ я былъ даже цыганскаго роду и послѣдній его потомокъ, то считалъ бы своею обязанностью всячески стараться, чтобъ осталась по немъ по крайней мѣрѣ честная память". Результатомъ этого достопамятнаго разговора былъ между прочимъ и планъ изданія *музейныхъ журналовъ* на нѣмецкомъ и чешскомъ языкахъ, которые и стали выходить съ 1827 года. Въ нихъ сосредоточились всѣ тогдашнія умственныя и научныя силы Чехіи, чешской и нѣмецкой народности. Редакція обоихъ журналовъ поручена была Палацкому.

Молодой ученый скоро обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Уже въ 1827 году чешскіе чины имѣли Палацкаго въ виду для продолженія чешской исторіи Пубички. Но Палацкій, съ удовольствіемъ принимая это предложеніе въ принципѣ, прямо указалъ и на неудобство его, а именно на то, что сочиненіе Пубички не соотвѣтствуетъ требованіямъ современной науки. Кромѣ того, эпоха чешской исторіи, о которой слѣдовало писать, была самая трудная и щекотливая и вмѣстѣ съ тѣмъ—такъ какъ тогда самостоятельное государство Чешское перестало существовать — мало интересная. Поэтому Палацкій предложилъ чешскимъ чинамъ написать совсѣмъ новую исторію своего народа. Труды чешскихъ историковъ прежнихъ временъ — такъ разсуждалъ Палацкій — страдаютъ однимъ важнымъ недостаткомъ,

Библиотека "Руниверс"

именно тѣмъ, что эти историки, пользуясь особенно бѣдными и сухими лѣтописями, наполняютъ свои книги довольно безсвязными разказами о войнахъ, революціяхъ и проч., а на внутреннюю жизнь народа не обращаютъ почти никакого вниманія. Архивные документы остались этимъ историкамъ по большей части неизвѣстными, или они ими пользовались очень мало. А все-таки только изъ этихъ документовъ чешская исторія можетъ выясниться и только такимъ образомъ можно пріобрѣсти себѣ болѣе ясное представленіе о государственномъ и общественномъ устройствѣ, судопроизводствѣ, культурѣ и прочихъ сторонахъ внутренней жизни Чешскаго народа. Разсмотрѣніе всѣхъ этихъ документовъ долженъ сдѣлать самъ историкъ, такъ какъ онъ одинъ только можетъ оцѣнить нужное и имъ воспользоваться. Надо осмотрѣть разные архивы пражскіе и провинціальные, архивы моравскіе, вѣнскіе, пештскіе: изъ заграничныхъ—архивы въ Мюнхенѣ, Дрезденѣ, Бреславлѣ, Пулавахъ и ватиканскій въ Римѣ. Прежде чѣмъ не будетъ оконченъ этотъ долголѣтній трудъ, нечего и думать о писаніи чешской исторіи, то-есть, такой исторіи, которая бы представляла что-нибудь болѣе, чѣмъ компиляцію изъ печатныхъ книгъ. Такой громадный трудъ—собирать матеріалы и сводить ихъ, разумѣется, не можетъ предпринять человѣкъ безъ большихъ средствъ, — для этого нужно значительное вспомоществованіе со стороны чиновъ. Еслибы чины Чешскаго королевства захотѣли способствовать развитію отечественной исторіографіи и возложили бы этотъ трудъ на него, Палацкаго, то его пламенное желаніе было бы исполнено. Предложеніе это ревностно поддержалъ благородный и ученый графъ Францъ Штернбергъ, и чешскіе чины согласились, на сеймѣ 1829 года, назначить Палацкаго своимъ исторіографомъ.

Для рѣшенія сеймоваго заключенія на счетъ назначенія Палацкаго „исторіографомъ чешскихъ чиновъ“ нужно было утвержденіе правительства. Но высшій канцлеръ (министръ внутреннихъ дѣлъ), въ то время графъ Заурау, отвѣтилъ, что онъ считаетъ ходатайство чешскихъ чиновъ непозволительнымъ (unzulässig).

Недовольные тѣмъ, чешскіе чины представили канцлеру ремонстрацію, и на этотъ разъ графъ Заурау уступилъ и счелъ ходатайство уже возможнымъ. Объ этомъ же самомъ дѣлѣ хлопоталъ и государственный и конференцъ-министръ, графъ Коловрат, бывшій намѣстникъ чешскій; онъ самъ два раза вручалъ императору Францу актъ для подписи, но тотъ устранилъ его словами: „это можетъ

Библиотека "Руниверс"

еще подождать", и наконецъ (1830 г.) уже прямо отказалъ (der Antrag hat vor der Hand auf sich zu beruhen).

Такъ какъ „исторіографъ чешскихъ чиновъ" не былъ утвержденъ, то чины поручили Палацкому уже не продолженіе исторіи Пубички, а новое сочиненіе съ вознагражденіемъ 1.200 гульденовъ въ годъ. Но и это не понравилось въ Вѣнѣ, и когда Палацкій, въ 1831 году, желая облегчить себѣ доступъ въ Мюнхенскій государственный архивъ, назвалъ себя „дезигнованнымъ исторіографомъ чешскихъ чиновъ", то въ Вѣнѣ тотчасъ же обратили на это вниманіе и Палацкій получилъ въ Мюнхенѣ черезъ австрійскаго посланника выговоръ.

Титулъ „исторіографа чешскихъ чиновъ" утвердилъ за нимъ въ 1838 году уже императоръ Фердинандъ. Позже титулъ этотъ былъ замѣненъ титуломъ „исторіографъ земскій".

Съ 1831 года Палацкій, въ своей новой должности, сталъ продолжать уже до того времени предпринимаемыя имъ изслѣдованія въ архивахъ домашнихъ и заграничныхъ, и продолжалъ ихъ до недавняго времени (1863 года).

Въ теченіе этого времени онъ разсмотрѣлъ наиболѣе важные архивы и библіотеки въ Чехіи и въ Моравіи, именно въ Прагѣ—университетскій, Вышеградскій, капитольный, намѣстническій, городской, доски земскія и другія, знаменитый архивъ Требонскій (въ немъ работалъ онъ девять разъ), архивы въ Индриховомъ Градцѣ, Рудницѣ, Осѣкѣ, Домажлицахъ, Будѣёвицахъ, Духцовѣ и другихъ городахъ; въ архивахъ моравскихъ, въ Оломуцѣ, Кромѣжири и др., въ важномъ придворномъ архивѣ вѣнскомъ, въ которомъ, между прочимъ, хранится бывшій государственный архивъ чешскій и архивы уничтоженныхъ чешскихъ монастырей, въ архивахъ пештскихъ. За границей работалъ онъ преимущественно въ Ватиканскомъ архивѣ въ Римѣ, нѣсколько разъ въ Вратиславлѣ (Бреславлѣ), Берлинѣ, Франкфуртѣ, Згорѣльцѣ (Герлицъ), Будышинѣ (Бауценѣ), Бамбергѣ, Эрфуртѣ, Вольфенбюттелѣ, Лейпцигѣ, Базелѣ, Парижѣ и проч. Особенно важныя пріобрѣтенія сдѣланы были имъ въ Ватиканскомъ архивѣ (1837 г.): Палацкій здѣсь прочиталъ 45.000 грамотъ и списалъ больше 400; о научной сторонѣ своего путешествія въ Римъ и вообще въ Италію, онъ сообщилъ въ статьѣ Litterarische Reise nach Italien im J. 1837 (Prag, 1838), и въ письмахъ къ Шафарику и Хмеленскому (въ Часописѣ Чешскаго музея 1837 года).

Очеркъ дѣятельности Палацкаго мы раздѣлимъ на три части. Во-первыхъ, поговоримъ вкратцѣ о его *литературной дѣятельности*,

Библиотека "Руниверс"

относящейся къ языку и литературѣ чешской; потомъ взглянемъ на него, какъ на *собирателя и издателя* матеріаловъ по чешской исторіи и, наконецъ, какъ на *исторіографа*.

I. Литературная дѣятельность Палацкаго.

Прежде чѣмъ мы начнемъ говорить объ исторической дѣятельности Палацкаго, коснемся хоть вкратцѣ его дѣятельности по чешской литературѣ и по чешскому языку, — дѣятельности, которая во многомъ тѣсно связана съ его историческими трудами, равнымъ образомъ какъ и съ возрожденіемъ Чешскаго народа въ теченіе первой половины нашего вѣка.

Мы уже выше сказали, что когда Палацкій прибылъ въ Прагу, литературная дѣятельность чешская находилась только въ зародышѣ; чешскій языкъ, вытѣсненный изъ школъ и изъ присутственныхъ мѣстъ находилъ себѣ убѣжище только въ маленькомъ кружкѣ чешскихъ литераторовъ. Въ числѣ ихъ были, конечно, и люди просвѣщенные и высоко образованные, какъ, напримѣръ, Юнгманнъ и Преслъ, но большинство, хотя тоже воодушевленные борцы за чешскую народность, были люди довольно простые и недалекіе. Занимаясь съ любовью и увлеченіемъ роднымъ языкомъ, форма котораго была строго установлена уже 300 — 400 лѣтъ тому назадъ, они стали подъискивать въ немъ разные недостатки, то въ правописаніи, то въ формальномъ, то въ лексикальномъ отношеніяхъ. Изъ этого возникали споры и эти-то споры о буквахъ, правописаніи, пуризмѣ, неологизмахъ, просодіи и пр. занимали тогда въ литературной дѣятельности чешской одно изъ главнѣйшихъ мѣстъ.

Палацкій, сдѣлавшись редакторомъ главнаго органа тогдашней литературы чешской, „Журнала Чешскаго музея“ (съ 1827 года), сталъ, конечно, важнымъ лицомъ въ кружкѣ писателей, не говоря уже о все больше увеличивавшемся значеніи его какъ историка. Онъ, какъ человѣкъ просвѣщенный и своимъ образованіемъ значительно превышавшій большинство своихъ современниковъ-литераторовъ, съ перваго же шага сталъ на точку зрѣнія самостоятельную и безпристрастную. Сознавая, что безплодные споры о буквахъ и пр. ни къ чему не ведутъ, да еще вредятъ литературной дѣятельности, онъ не далъ имъ мѣста въ музейномъ журналѣ, и требовалъ отъ чешскихъ писателей, чтобъ они старались всѣми силами писать полезныя книги для поученія только что пробуждавшагося народа. Въ такомъ духѣ онъ велъ и журналъ музейный во все время

Библиотека "Руниверс"

своего редакторства (до 1837 года). Журналъ этотъ сдѣлался достойнымъ органомъ возрождавшейся чешской литературы; онъ предлагалъ публикѣ хорошія статьи, знакомилъ ее съ различными памятниками древне-чешской литературы и значительно способствовалъ къ усиленію національнаго сознанія въ Чехіи и въ Моравіи. Между тѣмъ какъ чешскій журналъ музейный преуспѣвалъ, журналъ, издаваемый на нѣмецкомъ языкѣ тоже подъ редакціею Палацкаго, долженъ былъ прекратиться уже въ 1831 году. Палацкій, въ концѣ своей редакторской дѣятельности (въ 1837 году редакція была передана Шафарику) съ справедливою гордостью могъ указать на успѣхи журнала.

Палацкому принадлежитъ честь не только поднятія „Журнала Чешскаго музея, но и самаго музея и разныхъ его секцій. Уже въ 1830 году Палацкій, вмѣстѣ съ Юнгманномъ и Пресломъ, дали мысль объ учрежденіи особой секціи музейной для научнаго образованія чешскаго языка и литературы, и фонда для изданія хорошихъ чешскихъ книгъ „Матицы чешской", которая и до сихъ поръ дѣйствуетъ съ большою пользою.

Въ 1841 году Палацкій выбранъ былъ въ члены комитета музейнаго. Въ томъ же году, въ обширномъ меморандумѣ онъ указалъ на нѣкоторые недостатки музея, именно на то, что музей долженъ бы былъ заботиться, вмѣстѣ съ естественными науками, главнымъ образомъ, объ исторіи чешской въ наиобширнѣйшемъ смыслѣ. Стараніемъ Палацкаго сложенъ въ музеѣ рукописный *дипломатарій чешскій*, который потомъ безпрестанно умножался новыми списками (надъ переписываніемъ ихъ особенно трудились, подъ надзоромъ Палацкаго, прославившіеся позже историки Эрбенъ и Томекъ); кромѣ того, значительно обогащалась коллекція оригинальныхъ документовъ. Въ 1850 году архивъ музейный содержалъ 16.000 подлинниковъ и больше 10.000 списковъ. Кромѣ архива, Палацкій обратилъ вниманіе и на коллекцію *древностей*, и по его иниціативѣ учреждено при музеѣ особое археологическое общество.

При подобной дѣятельности Палацкій, разумѣется, не могъ не имѣть столкновеній съ разными властями, въ особенности съ цензурой. Уже въ 1831 году онъ жаловался на чрезвычайную строгость цензуры высшему бургграфу Хотку, а также на то, что все школьное образованіе, очевидно, стремится къ полной германизаціи и къ истребленію чешскаго языка, что цензура запрещаетъ все, что указывало бы на это печальное положеніе и что бы служило къ возвышенію чешской рѣчи. Промеморія объ этомъ представленная вы-

Библиотека "Руниверс"

шеупомянутою секціей для образованія чешскаго языка и литературы, осталась безъ результатовъ. Также не удался планъ Палацкаго издать энциклопедію на чешскомъ языкѣ. Этотъ планъ возымѣли уже въ 1829 году Палацкій, Юнгманнъ и Преслъ, побуждая къ тому вышеупомянутую секцію и Матицу чешскую, но не успѣли его осуществить. Въ 1850 — 1855 гг. Палацкій вновь поднялъ этотъ вопросъ и, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими чешскими писателями, предложилъ его Матицѣ чешской, ожидая отъ такой энциклопедіи великой пользы для народа. Планъ „Словаря научнаго" не былъ принятъ Матицей, и кромѣ того общество музейное, напуганное правительствомъ, уступило настоятельнымъ требованіямъ пражскаго полиціймейстера, и въ своемъ годичномъ собраніи 1852 г. не избрало Палацкаго въ члены комитета. Планъ „Словаря научнаго" осуществился только позднѣе, не съ помощью Матицы, а частнымъ образомъ; редакцію его принялъ на себя зять Палацкаго. Др. Ригеръ и съ помощью многихъ чешскихъ писателей издалъ въ 1859—1874 гг. „Словникъ научный", лучшую энциклопедію въ литературахъ славянскихъ. Палацкій, послѣ исключенія своего изъ музея, конечно, сталъ держать себя въ сторонѣ, но въ 1861 г. онъ былъ выбранъ опять въ члены музейнаго комитета, въ которомъ дѣйствуетъ и до сихъ поръ.

Изучая памятники древнечешской исторіи и литературы, преимущественно XIV—XV вѣковъ, Палацкій рано вникнулъ въ духъ чешскаго языка; онъ, вмѣстѣ съ Юнгманномъ, былъ главнымъ его знатокомъ и считается до сихъ поръ лучшимъ чешскимъ стилистомъ. Извѣстно, что чешскій языкъ уже въ XV—XVI вѣкѣ пріобрѣлъ вполнѣ установленную форму, и вмѣстѣ съ тѣмъ — удивительную гладкость стиля, такъ что памятники тогдашней литературы остались и впослѣдствіи образцами языка. Особенно цѣнился языкъ литературы единства чешскихъ братьевъ, именно языкъ Кралицкой библіи (1579—1593 гг.), который считается до сихъ поръ классическимъ. Этотъ-то „библейный" языкъ, крѣпче всего соединившій Чеховъ, Моравамъ и Словаковъ въ единство литературное, остался образцомъ и канономъ и для новой, пробуждающейся съ конца XVIII вѣка, литературы чешской, разумѣется, не безъ нѣкоторыхъ необходимыхъ измѣненій, которыхъ требовалъ духъ времени; самая же основа его, формальная, граматическая и синтаксическая осталась не тронутою, и измѣненія касались только нѣкоторыхъ недостатковъ орфографіи и способа словосложенія. Но многіе новые писатели думали, что въ ли-

Библиотека "Руниверс"

тературный языкъ чешскій надо вводить разныя измѣненія, то въ орѳографіи, то въ формахъ; они поступали такъ не по какимъ-нибудь реальнымъ, вѣскимъ причинамъ, а только по прихоти и своему усмотрѣнію. Двое Чеховъ, жившихъ въ Моравѣ, Терника и Жакъ, стали ратовать противъ разныхъ формъ чешскаго литературнаго языка, какъ онѣ установились въ теченіе вѣковъ и безъ разбора вводить разные моравизмы и словакизмы.

Противъ такой манеры строго выступилъ Палацкій (1832 г.), и ревностно и съ успѣхомъ защищалъ установившійся до тѣхъ поръ письменный языкъ чешскій. Въ подобномъ же смыслѣ выступилъ Палацкій еще разъ въ 1846 г., защищая нѣкоторыя особенности установившейся орѳографіи и граматики чешской, особенно противъ нововведеній В Ганки и Франты. Тогда же поднялъ онъ свой голосъ и въ защиту единства общаго литературнаго языка у Чеховъ, Мораванъ и Словаковъ. Въ то время Штуръ сталъ письменно употреблять одинъ изъ говоровъ словенскихъ и создавать новую литературу словенскую. Вожаки чешской литературы, Чехи, Мораване и Словаки, Юнгманнъ, Шафарикъ, Палацкій, Коларъ и другіе выступили противъ этой опасной попытки и защищали общій древній литературный языкъ для всѣхъ трехъ отраслей одного народа, но, къ сожалѣнію, уже напрасно. Разрывъ установился и существуетъ у Словаковъ до сихъ поръ.

Свои знанія по древнечешскому языку Палацкій обратилъ тоже въ пользу чешской *филологіи*, хотя, разумѣется, дѣятельность его по этому предмету была только второстепенная, такъ сказать, между прочимъ. Такъ, для лучшаго пониманія древнечешскихъ памятниковъ, особенно XV вѣка, онъ составилъ краткій словарь менѣе извѣстныхъ словъ; изъ разныхъ древнихъ грамотъ и другихъ документовъ собралъ множество личныхъ именъ, и пр. На основаніи своихъ богатыхъ коллекцій разныхъ древнечешскихъ названій лицъ и мѣстъ, онъ написалъ важный „Разборъ этимологическій чешскихъ мѣстныхъ названій“ (1834 г.), и указалъ, что названія происходятъ либо отъ именъ лицъ, либо отъ мѣстныхъ особенностей. Эта статья удержала свое значеніе до сихъ поръ не только для чешскихъ, но и вообще для славянскихъ мѣстныхъ названій. Тѣ же самыя явленія какъ у Чеховъ, встрѣчаемъ мы и у другихъ Славянъ; такъ, напримѣръ, чешскія названія мѣстъ—Чаславь, Яромирь, Кіевъ, Богуславицы, Славѣтинъ,—происходящія отъ именъ лицъ: Чаславъ, Яромиръ, Кій, Богуславъ,

Библиотека "Руниверс"

Славѣта,—повторяются и у другихъ Славянъ, напримѣръ, у Русскихъ: Ярославль, Володимірь, Кіевъ, Дѣдогостичи, Гордятинъ и проч.

Что касается литературной дѣятельности Палацкаго, то онъ, преимущественно въ качествѣ редактора перваго журнала чешскаго, „Журнала музейнаго", имѣлъ значительное участіе въ умственномъ движеніи того времени. Его критики на выходившія тогда болѣе или менѣе важныя книги отличаются здравымъ и вѣрнымъ пониманіемъ потребностей чешской публики, подходятъ безъ всякихъ лишнихъ фразъ прямо къ сути дѣла. Палацкій не былъ чуждъ и изящной литературы: до своего прибытія въ Прагу онъ написалъ нѣсколько поэмъ, занимался чешскою просодіей и особенно *эстетическими* студіями; статьи по послѣднему предмету, писанныя въ 1820—1823 гг., свидѣтельствуютъ, что молодой литераторъ усердно старался изучить его. Критики на трагедію „Ангелина", альманахъ „Весна", „Отголоски русскихъ пѣсенъ" Челаковскаго и др. доказываютъ, что Палацкій съумѣлъ воспользоваться результатами своихъ прежнихъ занятій по изящной словесности.

Труды Палацкаго по *исторіи чешской литературы* относятся преимущественно къ древнечешскому періоду. Особенно замѣчательны статья о чешскихъ *прогностикахъ и календаряхъ* XVI вѣка (написана въ 1829 году), статья по исторіи чешской астрологіи, астрономіи и математики, позднѣе расширенная Ганушемъ. Изъ этой статьи мы видимъ, между прочимъ, что одинъ изъ издателей чешскаго календаря, ректоръ Кодициллъ выпустилъ память I. Гуса и Іеронима,—праздновавшуюся у Чеховъ въ день 6-го іюля,—ко всеобщему негодованію гуситскихъ Чеховъ: „Вылетѣлъ у Чеховъ изъ Праги Гусь—продалъ его магистръ Кодициллусъ", такъ насмѣхались они надъ издателемъ. Въ томъ же году (1829) Палацкій написалъ по-чешски и по-нѣмецки біографію славнаго философа и педагога чешскаго *Коменскаго*, защищая его противъ Беля (Bayle) и Аделунга. Еще недавній біографъ этого знаменитаго епископа единства чешскихъ братьевъ, Зоубекъ (1871 г.), съ благодарностью отзывается объ этой статьѣ Палацкаго. Назовемъ здѣсь и другіе труды Палацкаго, а именно статьи его объ ученой дѣятельности Добровскаго и графовъ Штернберговъ, и изданіе автобіографіи графа Каспара Штернберга.

Особенное вниманіе обратилъ Палацкій на драгоцѣнные остатки древнечешской поэзіи, на рукописи *Краледворскую* и *Зеленогорскую*. Извѣстно, что эти рукописи, найденныя въ 1817 году, произвели тогда большую сенсацію не только у Чеховъ, но и у остальныхъ Славянъ

Библиотека "Руниверс"

и вообще во всей Европѣ. Скоро переведенныя почти на всѣ европейскіе языки, эти рукописи сдѣлались общимъ достояніемъ всѣхъ европейскихъ народовъ. Кромѣ поэтической цѣны, рукописи эти имѣли еще другое значеніе: они свидѣтельствовали о высокой степени цивилизаціи древнихъ Чеховъ, еще до упроченія у нихъ нѣмецкаго вліянія, слѣдовательно о самобытной цивилизаціи славянской. Понятно, почему эти древнечешскіе памятники возбудили у Славянъ всеобщій восторгъ, но съ другой стороны понятно также, что Нѣмцы стали смотрѣть на нихъ искоса и мало по малу заподозрѣвать ихъ подлинность. Противъ подлинности Зеленогорской рукописи возсталъ и самъ патріархъ славистики, Іосифъ Добровскій; противъ же Краледворской рукописи возстали гораздо позже, именно съ 1858 года, разные нѣмецкіе ученые, Бюдингеръ, Фейфаликъ и др.

Въ объясненіи и защитѣ обоихъ древнечешскихъ памятниковъ, Палацкій занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ, одинъ или вмѣстѣ съ своимъ другомъ Шафарикомъ, который—благодаря побужденіямъ и помощи Палацкаго и нѣкоторыхъ другихъ чешскихъ писателей—переселился изъ Новаго Сада южной Угріи въ Прагу (1833 г.). О Краледворской рукописи издалъ Палацкій уже въ 1829 году обширную статью въ вѣнскомъ журналѣ „Jahrbücher der Litteratur". Онъ думаетъ, что эпическія поэмы Забой и Честміръ сочинены около конца XII вѣка, Бенешъ Германовъ въ началѣ XIII вѣка, остальныя—Олдрихъ, Людиша, Ярославъ,—во второй половинѣ XIII вѣка; лирическія же пѣсни взяты изъ устъ народа. Собраніе всѣхъ этихъ пѣсень, а отчасти и авторство (пѣсней Олдрихъ, Людиша, Ярославъ) онъ приписываетъ славному Завишѣ Витковичу († 1290 г.). Но въ позднѣйшихъ трудахъ, именно въ своей чешской исторіи и въ историческихъ примѣчаніяхъ къ изданію Зеленогорской и Краледворской рукописей графа I. M. Туна (Gedichte aus Böhmens Vorzeit. Mit einer Einleitung von P. I. Šafařík und Anmerkungen von F. Palacký, Prag, 1845), Палацкій отступилъ отъ своего прежняго мнѣнія: поэмы Забой и Честміръ относитъ онъ къ болѣе древнему языческому періоду, точно также какъ и пѣснь Олень; поэму Олдрихъ приписываетъ началу XI вѣка, вскорѣ послѣ событія, воспѣтаго ею (1004 г.), и проч. Въ своей чешской исторіи онъ признаетъ поэмы Олдрихъ, Бенешъ и Ярославъ отчасти даже источниками; остальныя же — важными свидѣтельствами о внутренней жизни Чеховъ. Палацкому принадлежитъ заслуга болѣе точнаго опредѣленія нѣкоторыхъ событій и лицъ, встрѣчающихся въ Краледворской рукописи. Такъ, напримѣръ, раз-

Библиотека "Руниверс"

казываемое въ поэмѣ событіе о пораженіи Саксонцевъ чешскимъ простонародьемъ въ сѣверной Чехіи, подъ Бенешомъ-Германовымъ—Добровскій, Мейнертъ и Свобода относили къ 1281—1282 гг.; но Палацкій (въ 1829 г.) доказалъ, что оно относится къ 1203 году, и отыскалъ въ грамотахъ 1197—1222 годовъ Бенеша сына Германа, жупана Будышинскаго. Разказъ автора поэмы „Ярославъ" объ убіеніи княжны Кубласевны Нѣмцами Палацкій (въ 1841 г.) объяснилъ мѣстомъ изъ Волынской (Ипатіевской) лѣтописи объ ограбленіи русскаго князя Михаила Всеволодовича и убіеніи его внучки около Середы, въ Силезіи (1241 г.), и проч.

Когда съ 1858 года нѣмецкіе писатели стали сомнѣваться въ подлинности Краледворской рукописи, Палацкій былъ первый, который поднялъ свой голосъ въ защиту этого драгоцѣннаго славянскаго памятника, и прямо указалъ на источникъ спора, который проистекаетъ не изъ чистыхъ научныхъ цѣлей, а изъ совсѣмъ другихъ побужденій, именно изъ той „innata Teutonicis superbia, quod semper tumido fastu habent despectui Slavos et eorum linguam", какъ говоритъ уже первый лѣтописецъ чешскій, Косма. Вслѣдствіе этихъ статей Палацкаго (1858—1859 гг.) началась живая полемика между чешскими и нѣмецкими учеными, окончившаяся полнымъ пораженіемъ послѣднихъ; по крайней мѣрѣ, послѣ изданія важнаго сочиненія братьевъ Иречковъ о Краледворской рукописи (1862 г.), Нѣмцы совсѣмъ замолкли.

Равнымъ образомъ, какъ за Краледворскую, ратовалъ Палацкій и за подлинность Зеленогорской рукописи и нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ древнечешской литературы. Уже въ 1834 году онъ возстаетъ противъ Палковича, подозрѣвавшаго эту рукопись въ фальсификаціи и—вмѣстѣ съ Шафарикомъ—обѣщаетъ обширное сочиненіе по этому предмету. Чрезъ шесть лѣтъ Палацкій и Шафарикъ, вмѣстѣ и въ полномъ согласіи другъ съ другомъ, издали важный трудъ: „Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache: Libuša's Gericht, Evangelium Johannis, der Leitmeritzer Stiftungsbrief, Glossen der Mater Verborum (Prag, 1840). Здѣсь разобраны съ большимъ ученымъ авторитетомъ вышеприведенные памятники, особенно же Зеленогорская рукопись (Любушинъ судъ), въ отношеніи палеографическомъ, филологическомъ и историческомъ; доказательства подлинности Зеленогорской рукописи направлены особенно противъ Добровскаго, мнѣніе котораго касательно памятника вполнѣ опровергается. Приведенныя въ этой книгѣ доказательства подлинности памятниковъ, особенно рукописи Зеленогорской,

Библиотека "Руниверс"

такъ вѣски, что съ тѣхъ поръ никто не отваживался ихъ опровергать, и подлинность Зеленогорской рукописи, послѣ недавняго (1859 года) объясненія загадочнаго ея открытія и статей Гатталы, сдѣлалась неоспоримою.

II. Палацкій какъ собиратель и издатель матеріаловъ по чешской исторіи.

Палацкій, уже въ началѣ своихъ историческихъ занятій, понялъ, что пока не собраны разные матеріалы по отечественной исторіи, нечего и думать о систематическомъ ея изложеніи. Поэтому онъ съ самаго начала не ограничивался только выписками изъ архивныхъ документовъ и другихъ источниковъ, но обратилъ вниманіе на ихъ собраніе или списываніе и — на сколько позволяли тогдашнія средства—на ихъ обнародованіе.

1) *Собраніе лѣтописей.* Съ развитіемъ историческихъ наукъ въ Чехіи со второй половины XVIII вѣка, обращено было вниманіе на изданіе древнихъ чешскихъ лѣтописей. Стараніемъ Добнера, Добровскаго и Пельцеля изданы еще въ XVIII вѣкѣ древніе чешскіе лѣтописцы. Косма и его продолжатели, Викентій, Герлахъ, Петръ Збраславскій, Неплахъ, Францискъ, Бенешъ Крабица, Мариньола, Пулкава, Бартошекъ и другіе, въ сборникахъ: Monumenta historica Bohemiae (6 vol., 1764—1785) и Scriptores rerum bohemicarum (2 vol., 1783—1784). Кромѣ того, Прохазка издалъ тогда и чешскаго Пулкаву и риѳмованную хронику такъ называемую Далимила. Всѣ эти лѣтописцы доходятъ только до начала XV вѣка, кромѣ Бартошка изъ Драгоницъ, описавшаго событія 1419—1443 гг. XV столѣтіе, бурная эпоха гуситская, очень бѣдна домашними лѣтописями; хроники Лаврентія изъ Брезовой, Николая изъ Пельгримова и нѣкоторыя мелкія хроники оставались въ рукописяхъ; въ числѣ послѣднихъ есть также нѣсколько писанныхъ по чешски. Уже въ 1825 году ученое общество Пражское, побужденіемъ графа Штернберга, поручило Палацкому собраніе и сведеніе этихъ, по чешски писанныхъ, лѣтописей, преимущественно относящихся къ XV вѣку. Палацкій для этой цѣли собралъ семнадцать рукописей, сравнилъ и свелъ ихъ въ одно, и издалъ какъ третій томъ къ вышедшимъ уже книгамъ Добровскаго и Пельцеля Scriptores rerum bohemicarum: Staří letopisové čeští od r. 1378 до 1527 (v Praze 1829, стр. 534). Хотя эти лѣтописи довольно скудны, но все-таки, при бѣдности домашнихъ источниковъ для исторіи XV вѣка, представляютъ много важнаго матеріала, записаннаго по большей ча-

Библиотека "Руниверс"

сти очевидцами; кромѣ того онѣ важны и какъ памятникъ чешскаго языка XV вѣка. Лѣтописи ведутъ люди простые, мѣщане, ревностные патріоты чешскіе и „любители чаши Христовой", то-есть гуситскіе утраквисты. Къ этимъ лѣтописямъ Палацкій прибавилъ и разныя другія статьи подобнаго содержанія, напримѣръ, риѳмованные разказы о началѣ гуситства, о сектѣ таборской, о смерти священника-демагога Іоанна Желивскаго, о священникѣ Михаилѣ Полякѣ и друг. Очень жаль, что Палацкій не продолжалъ этой издательской дѣятельности, что онъ не издалъ именно Младеновица, Прибрама, Лаврентія изъ Брезовой, Николая изъ Пельгримова и другихъ памятниковъ о гуситскомъ движеніи. Изданіе этихъ важныхъ источниковъ предоставилъ онъ нѣмецкому профессору Гёфлеру, который, не будучи въ состояніи хорошо читать рукописи XV вѣка и не зная ни слова по чешски, издалъ эти памятники съ безчисленными ошибками, и кромѣ того, снабдилъ ихъ весьма неудачными разглагольствованіями (Scriptores rerum hussiticarum, 3 vol., 1856—1866). Это чрезвычайно плохое изданіе, обнародованное вѣнскою академіей, было поводомъ къ тому, что Палацкій, въ особой книгѣ, долженъ былъ открыть ученому міру всѣ ошибки и промахи нѣмецкаго издателя. (Die Geschichte des Hussitenthums und Professor Höfler, 1868).

Рѣдкость и недостаточность изданій источниковъ по чешской исторіи дали Палацкому поводъ къ отличной мысли, которая по его плану уже осуществляется. Въ 1868 году Палацкій праздновалъ свой 70-ти лѣтній день рожденія. Чешскій народъ собралъ тогда значительную сумму, около 20,000 гульденовъ, изъ которой созданъ фондъ Палацкаго для пособія чешской исторіографіи. Палацкій назначилъ бо̀льшую часть процентовъ для критическаго изданія всѣхъ памятниковъ чешской исторіи съ древнѣйшихъ временъ до XVI вѣка. Въ это изданіе должны войдти легенды, лѣтописи и разныя статьи лѣтописнаго содержанія, всѣ въ подлинникѣ, съ чешскимъ переводомъ и критическими примѣчаніями. Изданіе началось съ 1871 года (Fontes rerum bohemicarum), и первый томъ содержитъ въ себѣ Vitae Sanctorum, легенды о свв. Кириллѣ и Меѳодіѣ, Иванѣ, Людмилѣ, Вячеславѣ, Войтѣхѣ и проч. Второй томъ, только что начинающійся, содержитъ хронику Космы. Кромѣ домашнихъ лѣтописей, въ изданіе войдутъ и выписки изъ чужихъ лѣтописей — нѣмецкихъ, польскихъ, угорскихъ, русскихъ и другихъ, касающихся чешской исторіи. Въ изданіи Fontes rerum bohemicarum участвуютъ всѣ историки чешскіе: Томекъ, Эмлеръ, Иречекъ, Тифтрункъ и друг.; ле-

Библиотека "Руниверс"

генды издали Первольфъ, Эмлеръ, Коларь, Тругларь, Зоубекъ и друг. Изданіе это, разчитанное на цѣлый рядъ лѣтъ, въ матеріальномъ отношеніи вполнѣ обезпечено.

2) *Дипломатарій чешскій.* Важность грамотъ для чешской исторіи понимали уже Добнеръ и Пельцель; оба напечатали въ своихъ трудахъ, въ Монументахъ, въ жизнеописаніяхъ императоровъ и королей Карла IV и Вячеслава IV, значительное число грамотъ. Пельцель задумалъ изданіе чешскаго дипломатарія и для этой цѣли приготовилъ 642 списка грамотъ съ 824 до 1544 г. Грамоты важны особенно для чешской исторіи, такъ какъ лѣтописныя извѣстія часто очень скудны въ разказываніи событій; безъ грамотъ нельзя и думать объ изложеніи политическихъ событій въ нѣкоторыя эпохи, не говоря уже о внутренней исторіи страны. Такъ, чтобы привести одинъ примѣръ, самая важная часть чешской исторіи — гуситское движеніе—излагалась, до Палацкаго, чрезвычайно бѣдно и безсвязно именно по той причинѣ, что историки не могли воспользоваться архивными документами, а лѣтописныя извѣстія объ этой эпохѣ очень скудны. Палацкій, вскорѣ послѣ своего прибытія въ Прагу, познакомившись съ драгоцѣнными документами богатаго архива Требонскаго (теперь принадлежащаго князьямъ Шварценбергамъ, а прежде—панамъ Розенбергамъ), усвоилъ себѣ совсѣмъ другой взглядъ на этотъ блестящій эпизодъ исторіи не только чешской, но и общечеловѣческой. Важность грамотъ для чешской исторіи понялъ и оцѣнилъ Палацкій вполнѣ, и еще до 1830 года списалъ для себя 1.155 грамотъ и другихъ документовъ. Въ 1831 году онъ обратилъ вниманіе чешскихъ чиновъ на необходимость учрежденія полнаго дипломатарія, на первое время хотя бы только рукописнаго, и съ тѣхъ поръ обогащалъ его съ неутомимымъ прилежаніемъ, или самъ списывая грамоты, или же поручая списывать ихъ изъ разныхъ архивовъ домашнихъ и заграничныхъ. Для древней исторіи, то-есть, до начала XIV вѣка, описаны всѣ какіе только тамъ были памятники, для позднѣйшей—только съ выборомъ, хотя и здѣсь заботились о возможной полнотѣ до начала XVI вѣка. Для этой цѣли далъ пособіе чешскій Музей и нѣсколько членовъ чешской аристократіи (князья Ауэрсбергъ, Коллоредо, Шварценберги, графы Вальдштейнъ, Кламъ-Галласъ и др.). Такимъ образомъ, чешскій дипломатарій, умноженный собственными коллекціями Палацкаго, значительно обогатился. Этотъ дипломатарій хранится въ чешскомъ Музеѣ и составляетъ до сихъ поръ одно изъ важнѣйшихъ сокровищъ для чешскихъ историковъ. Къ сожалѣнію, не

Библиотека "Руниверс"

нашлось достаточно средствъ для полнаго его изданія, по примѣру моравскаго дипломатарія, который, къ сожалѣнію напрасно отдѣленный отъ чешскаго, издается съ 1836 года. Но если изданіе полнаго дипломатарія чешскаго оказалось невозможнымъ, то все-таки оно замѣнено было позднѣе обширными *регестами*. Извѣстный чешскій ученый, Карлъ Эрбенъ, будучи архиваріусомъ чешскаго Музея, сталъ дѣлать обширныя извлеченія изъ грамотъ чешскаго дипломатарія. Этотъ трудъ, пересматриваемый Палацкимъ, былъ изданъ позднѣе ученымъ обществомъ пражскимъ: Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae. Pars I, ann. 600—1253 (Pragae, 1855, in 4°, pag. 812, съ подробными index'ами). Продолженіе этой публикаціи предпринялъ въ 1872 г. д-ръ Эмлеръ. Эти регесты, будучи довольно обширны, достаточно замѣняютъ пока полный дипломатарій. Какъ богаты эти коллекціи, видно изъ того, что I-й томъ регестъ содержитъ 1.358 нумеровъ грамотъ, писемъ и другихъ документовъ, касающихся исторіи чешской и моравской только до половины XIII вѣка. Издаваемый въ настоящее время II-й томъ доведенъ пока (1874 г.) только до 1300 года и, для сорока семи-лѣтней эпохи, содержитъ уже 1.863 нумера. Такимъ богатствомъ документовъ не можетъ похвалиться ни одинъ другой народъ славянскій. Документы, здѣсь находящіеся, снесены, такъ сказать, со всѣхъ угловъ свѣта, со списковъ музейнаго дипломатарія, списковъ съ другихъ оригиналовъ, изъ разныхъ печатныхъ изданій и пр. Желательно было бы, чтобъ трудолюбивый д-ръ Эмлеръ успѣлъ со временемъ издать свои регесты по крайней мѣрѣ до начала XV вѣка.

Часть чешскаго дипломатарія, особенно документы, относящіеся къ XV вѣку, Палацкій издалъ въ слѣдующихъ сборникахъ.

3) *Формуларіи*. Въ средніе вѣка былъ обычай собирать разныя грамоты, съ нѣкоторыми измѣненіями, въ такъ-называемые письмовники (manuel epistolaire), то-есть, какъ образцы для сочиненія подобныхъ документовъ. Такимъ образомъ въ разныхъ формуларіяхъ уцѣлѣло множество документовъ, подлинники которыхъ давно пропали. Палацкій собралъ нѣсколько такихъ формуларій по чешской исторіи,—формуларій королевы Кунигунды (русской княжны, супруги короля Премысла II), разные формуларіи въ тайномъ архивѣ Ватиканскомъ, въ монастырѣ Осѣцкомъ, въ архивѣ Требонскомъ, въ Пражскомъ архивѣ капитольномъ и др. Такимъ образомъ изъ разныхъ формуларій возстановлено 422 грамоты, относящіяся къ чешской исторіи XIII и XIV вѣковъ. Палацкій издалъ ихъ подъ названіемъ

Библиотека "Руниверс"

Über Formelbücher, zunächst in Bezug auf böhmische Geschichte (2 vol., Prag. 1842—1847).

4) *Архивъ чешскій.* Такъ какъ Чехи приняли христіанство и культуру съ запада, то латинскій языкъ сдѣлался господствующимъ въ ихъ государственной и общественной жизни, хотя и народный, чешско-славянскій языкъ, не былъ совсѣмъ вытѣсненъ изъ литературы, какъ это случилось, напримѣръ, въ сосѣдней Польшѣ. Грамоты писаны почти до конца XIV вѣка исключительно на латинскомъ языкѣ; многія грамоты, издаваемыя въ городахъ нѣмецкаго происхожденія—также и по нѣмецки. Въ концѣ XIV вѣка стали употреблять въ грамотахъ и чешскій языкъ, а съ начала XV вѣка—съ великаго народнаго движенія гуситскаго—употребленіе его въ публичной жизни сдѣлалось господствующимъ; латинскій языкъ употребляли Чехи въ сношеніяхъ съ иностранцами, или Чехи — ученые. Такихъ документовъ, XIV и XV вѣковъ, писанныхъ по чешски, сохранилось нѣсколько десятковъ тысячъ.

Въ 1840 году, Палацкій, съ помощью чешскихъ чиновъ (позднѣе, съ 1861 года, на земскія деньги), сталъ издавать самый важный изъ сборниковъ—сборникъ разныхъ историческихъ и юридическихъ документовъ, писанныхъ по чешски, съ XIV до начала XVI вѣка, подъ названіемъ „Архивъ чешскій". Съ 1840—1873 г., съ промежутками, вышло шесть большихъ томовъ in 4°. Цензура, которой чешскіе чины боялись, на этотъ счетъ не дѣлала никакихъ препятствій до 1848 года, и только наступившая послѣ этого года реакція помѣшала дальнѣйшему его изданію. Въ 1853 году продолженіе Архива чешскаго отсрочено на неопредѣленное время, но послѣ политическихъ переворотовъ 1860 года было опять возобновлено. Чтобы составить себѣ хотя поверхностное понятіе объ этомъ важномъ трудѣ, надо познакомиться вкратцѣ съ его содержаніемъ.

Въ „Архивѣ чешскомъ" изданы, вопервыхъ, *юридическіе памятники* чешскіе XIV вѣка: а) такъ-называемая *книга пана Розенберга*, собраніе юридическихъ обычаевъ, особенно касающихся призыванія къ суду; б) *судебный порядокъ земскаго права*, на латинскомъ и чешскомъ языкахъ; в) такъ-называемая *Majestas Carolina*, то-есть, опытъ свода земскихъ правъ, земскаго уложенія (на латинскомъ и чешскомъ языкахъ), предпринятый императоромъ и королемъ Карломъ IV, но отклоненный чешскими чинами; г) *объясненіе права земскаго* (1400 г.) пана Андрея изъ Дубой, высшаго судьи королевства чешскаго (министра юстиціи), памятникъ чрезвычайно важный и любопытный;

Библиотека "Руниверс"

наконецъ д) *земское уложеніе короля Владислава* 1500 года, то-есть, сводъ земскихъ правъ, на чешскомъ языкѣ, съ позднѣйшимъ переводомъ латинскимъ.

Вторая важная публикація, вошедшая въ „Архивъ чешскій", это — остатки главнаго *архива древне-чешскаго,* такъ-называемыхъ *земскихъ досокъ.* „Досками"—по-чешски „деськами"—называли древніе Славяне записи вообще. Такія „доски, дьщки" встрѣчаемъ и на Руси, въ Новгородѣ (въ XIII вѣкѣ) и въ Псковѣ (въ XV вѣкѣ). Въ древней Чехіи назывались „деськами" преимущественно судебныя записи, книги, веденныя въ каждомъ уѣздѣ (жупѣ, позднѣе— краѣ); слѣды такихъ жупныхъ и крайскихъ „деськъ" сохранились до нашего времени. Съ постепенною централизаціей чешскаго государства доски *пражскаго* суда сдѣлались самыми главными и, наконецъ, поглотили всѣ остальныя—сдѣлались *земскими.* Мало того—въ эти доски стали записывать не только судебныя дѣла, но вообще всѣ документы, касающіеся государственной, политической и общественной жизни, такъ что земскія доски сдѣлались главнымъ архивомъ чешскаго государства. Сначала записи въ этихъ доскахъ были на латинскомъ языкѣ съ примѣсью многихъ чешскихъ словъ и изреченій; съ половины же XIV вѣка встрѣчаются также и чешскія записи, а съ конца XV вѣка земскія доски велись исключительно на чешскомъ языкѣ. Подобныя тому доски были и въ Моравіи. Въ 1541 году земскія доски чешскія постигло страшное бѣдствіе—онѣ сгорѣли. Во вновь учрежденныя тогда доски вошли и нѣкоторыя записи истребленныхъ досокъ, сохранившихся въ отдѣльныхъ рукописяхъ, грамотахъ и проч., но имѣвшія тогда только практическую, юридическую цѣну; объ остальныхъ записяхъ въ то время не заботились. Палацкій, рано понявъ чрезвычайную важность сгорѣвшихъ земскихъ досокъ для внутренней исторіи чешской, сталъ усердно собирать уцѣлѣвшіе ихъ остатки и печатать ихъ въ „Архивѣ чешскомъ"; древнѣйшая запись относится къ 1287 году. Вмѣстѣ съ тѣмъ Палацкій не переставалъ заботиться о *полномъ* собраніи этихъ драгоцѣнныхъ остатковъ, и по его иниціативѣ въ 1863 году принялъ на себя этотъ громадный трудъ вышеупомянутый молодой историкъ, д-ръ *Эмлеръ.* Съ 1870 года этотъ послѣдній—съ значительнымъ денежнымъ вспомоществованіемъ графа Клама-Мартиница, президента чешскаго музея — издаетъ: Reliquiae tabularum terrae regni Bohemiae. Pozůstatky desk zemských království českého (пока два тома in 4°),—публикація, чрезвычайно важная для чешской и вообще славянской исторіи и права.

Библиотека "Руниверс"

Кромѣ остатковъ досокъ земскихъ, Палацкій печаталъ въ Архивѣ чешскомъ и разные другіе *юридическіе памятники*: выписки изъ (уцѣлѣвшихъ) досокъ придворныхъ, учрежденныхъ для ленъ (feudum), изъ XIV—XV вѣковъ, приговоры придворнаго и коморнаго суда, записки о дѣлахъ крестьянскихъ и проч. Многіе юридическіе памятники, изданные Палацкимъ, вошли также въ издаваемый докторомъ Иречкомъ Codex juris bohemici.

Кромѣ юридическихъ памятниковъ въ архивъ чешскій вошло множество *актовъ историческихъ*, относящихся къ чешской исторіи начиная съ конца XIV до начала XVI вѣка; значительная ихъ часть относится, слѣдовательно, къ гуситскому движенію. Помѣщены тутъ акты сеймовые и другіе публичные, начиная съ 1394 года до начала XVI вѣка; письма, публичныя и частныя, королей Вячеслава IV, Сигизмунда, Альбрехта, Ладислава, Юрія Подѣбрадскаго, Владислава Ягайловича, Матвѣя Угорскаго; письма разныхъ знаменитыхъ лицъ XV вѣка, Жижки, Сигизмунда Корыбутовича, Ольдриха Розенберга, Альша Голицкаго, Шликовъ, Рабштейна, Штернберговъ, Швамберговъ, пановъ Градецкихъ, Лобковицовъ, Коловратовъ, Гиларія Литомѣрицкаго, князей Минстербергскихъ (Подѣбрадовичей), Вилема Пернштейна и др.; акты общинъ Пражской, Домажлицкой, Гораждеёвицкой, Таборской, Пардубицкой и другіе; разные важные акты гуситскіе, напримѣръ: артикулы вѣроученія Таборитовъ, заключенія съѣзда Таборитовъ въ Пискѣ вообще нѣсколько сотъ тысячъ разныхъ документовъ, относящихся особенно къ событіямъ XV вѣка. Въ числѣ этихъ актовъ есть нѣкоторые интересные и для польской и для русской исторіи: такъ напримѣръ, акты, касающіеся Сигизмунда Корыбутовича, польскихъ пановъ изъ Остророга, Тенчина, Дубна, русскаго князя Вячеслава Острожскаго, акты объ избраніи королевича Владислава въ чешскіе короли, акты силезскіе, писанные на чешскомъ языкѣ и проч.

Изъ этого бѣглаго очерка видна громадная важность Архива чешскаго для чешской исторіи. Кромѣ историческаго, онъ имѣетъ также и *лингвистическое значеніе*. Почти всѣ обнародованные здѣсь документы писаны на чешскомъ языкѣ; языкъ этотъ является чрезвычайно выработаннымъ, стиль его удивительно гладокъ. „Архивомъ чешскимъ“ Чехи справедливо гордятся: такого собранія актовъ и другихъ памятниковъ не можетъ представить ни одинъ другой народъ славянскій. Желательно, чтобы маститый чешскій историкъ и впредь продолжалъ это предпріятіе и въ скоромъ времени издалъ бы

Библиотека "Руниверс"

всѣ болѣе важные документы, писанные на чешскомъ языкѣ до 1526 года.

5. *Документы о I. Гусѣ.* Религіозно-національное движеніе, которое началось въ Чехіи съ I. Гусомъ, рано привлекало особенное вниманіе Палацкаго, отчасти потому, что эта эпоха чешской исторіи самая блестящая, отчасти и потому, что она до тѣхъ поръ была мало извѣстна. Нѣсколько тысячъ документовъ, относящихся къ этому движенію, писанныхъ на чешскомъ языкѣ, напечатаны въ Архивѣ чешскомъ. Вышеупомянутое, крайне ошибочное и недостаточное, изданіе Scriptores rerum hussiticarum нѣмецкаго профессора Гёфлера и нелѣпыя его нападки на Гуса и на гуситское движеніе дали Палацкому поводъ къ важному труду: Documenta Mag. Joannis Hus, vitam, doctrinam, causam in Constantiensi concilio actam, et controversias de religione in Bohemia annis 1403—1418 motas illustrantia, quae partim adhuc inedita, partim mendose vulgata, nunc ex ipsis fontibus hausta. (Pragae 1869, pag. 768). Въ 1865—1868 гг. издалъ К. Эрбенъ собраніе чешскихъ сочиненій I. Гуса (Sebrané spisy české); собраніе латинскихъ его сочиненій вышло уже въ 1558 и 1715 гг. въ Нюренбергѣ (Historia et monumenta I. Hus atque Hieronymi Prag.), хотя нѣкоторыя статьи, приписываемыя въ этомъ изданіи Гусу, принадлежатъ не ему. Сборникъ Палацкаго составляетъ важное дополненіе къ этимъ изданіямъ. Въ немъ напечатаны: а) всѣ *письма* Гуса 1408—1415 гг. на языкѣ латинскомъ и чешскомъ, числомъ 92; б) разные документы, относящіеся къ пражскимъ бурямъ, вызваннымъ Гусомъ и къ его дѣлу на Констанцскомъ соборѣ, жалобы духовенства пражскаго и другихъ лицъ, и отвѣты Гуса; в) разказъ *Петра изъ Младеновицъ*, ученика Гуса и очевидца, о дѣлѣ его учителя на соборѣ Констанцскомъ, источникъ очень важный; г) разные документы, числомъ 120, о начинавшемся движеніи гуситскомъ до 1418 года, статута синода пражскаго, акты о спорѣ университетскомъ и побѣдѣ Чеховъ въ пражскомъ университетѣ, акты о волненіи умовъ въ Чехіи по поводу наступательствъ противъ Гуса, его узничества и сожженія въ Констанцѣ, и проч.; наконецъ прибавлено д) нѣсколько статей, касающихся нѣкоторыхъ предшественниковъ Гуса, катехизисъ, кажется, самого Гуса, отрывки изъ чешскихъ его сочиненій, служащихъ къ его характеристикѣ, и, наконецъ, нѣкоторыя лѣтописныя записки. Чешскіе документы снабжены латинскимъ переводомъ, такъ что сборникъ сдѣлался доступенъ всему ученому міру.

6. *Историческіе акты о гуситской войнѣ.* Въ Архивѣ чешскомъ

Библиотека "Руниверс"

напечатаны лишь акты, писанные на чешскомъ языкѣ; акты, писанные по латинѣ и по нѣмецки, и собранные Палацкимъ въ теченіе пятидесяти лѣтъ, издалъ онъ особо въ сборникѣ: Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges in den Jahren 1419—1436 (съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ актовъ 1437 года), Prag 1872—73, 2 vol., p. 655,547); въ сборникѣ помѣщены и краткіе регесты чешскихъ документовъ 1419—1437 гг., такъ что онъ содержитъ 1059 нумеровъ. Эта публикація прилегаетъ къ предыдущей. Въ нее вошли и нѣкоторые документы изъ другихъ печатныхъ изданій, напримѣръ, изъ канцеляріи Ціолка (изд. Каро), изъ силезскихъ грамотъ (изд. Грюнгагена) и пр.; но бо́льшая часть почерпнута изъ разныхъ рукописей. Собранные здѣсь документы важны не только для чешской исторіи того времени, но и для исторіи другихъ сосѣднихъ странъ, особенно для Польши и Литвы; документы, взятые изъ пражскаго Codex Přemyslaeus и друг., объясняютъ многія событія и личности въ Польшѣ и Литвѣ,—короля Владислава, Витовта, князя „русскаго" (herzog von Reussen) Сигизмунда Корыбутовича и другихъ. Такъ напримѣръ, изъ одного документа узнаемъ, что галицкіе Русскіе не только отказывались воевать съ „еретиками" чешскими, но еще спѣшили сами къ нимъ на помощь.

7. *Акты о царствованіи Юлія Подѣбрадскаго.* Сборникъ, въ томъ же родѣ какъ предыдущій; здѣсь изданы документы на латинскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, числомъ 535; чешскіе документы того времени напечатаны въ Архивѣ чешскомъ. Желательно, чтобъ издано было еще собраніе такихъ же документовъ 1437—1450 гг. и 1471—1526 гг., параллельно съ публикаціей Архива чешскаго.

8. Въ сборникѣ, изданиомъ Вѣнскою академіей: Concilium Basiliense (1857, Monumenta conciliorum generalium seculi XV, tom. I), Палацкій помѣстилъ три важныя сочиненія, касающіяся чешскихъ дѣлъ на Базельскомъ соборѣ, открытыя имъ по большей части въ 1849 году въ Базелѣ и Парижѣ, именно: два трактата одного изъ главныхъ дѣятелей на этомъ соборѣ, югославянина Іоанна *Стойковича* изъ Дубровника, „доктора славянскаго", какъ его называли Чехи (Initium et prosecutio Basil. concilii, tractatus, quomodo Bohemi reducti sunt ad unitatem ecclesiae), и дневникъ гуситскаго священника *Петра Жатецкаго* о чешскихъ дѣлахъ на упомянутомъ соборѣ (Liber diurnus de gestis Bohemorum in concilio Basil.).

9. Кромѣ этихъ обширныхъ сборниковъ, Палацкій издалъ и другіе памятники, писанные по чешски, въ журналѣ Чешскаго музея,

Библиотека "Руниверс"

напримѣръ, дневникъ чешскаго посольства отъ короля Юрія къ королю французскому 1464 г., собраніе чешскихъ пословицъ пана Смила Флашки около 1400 года, военные порядки Гайка 1413 г. и Волчка изъ Ченова около 1490 года, промеморію королю Юрію объ улучшеніи торговли въ Чехіи около 1463 г., Брезана краткую хронику рода Розенбергскаго, 1609 г., записки Корки, Дачицкаго, Жеротина XVI и начала XVII вѣка, чешскія письма литовскаго князя Швитригайла, важное стихотвореніе 1424 года о тогдашнихъ религіозныхъ спорахъ въ Чехіи, инструкціи пана Гриспека его чиновникамъ и крестьянамъ 1588 г., отрывки изъ книгъ Ѳомы Шитнаго и пр.

Наконецъ Палацкій же далъ толчекъ къ разнымъ изданіямъ, предпринятымъ другими лицами. Такъ, онъ задумалъ планъ важной выборки изъ древнечешской литературы (Výbor z literatury české), изданной Юнгманномъ и Эрбеномъ; онъ снабдилъ изданіе Викторина Корнелія изъ Вшегордъ о правахъ чешскихъ своимъ введеніемъ.

Пятидесятилѣтняя дѣятельность Палацкаго, какъ собирателя и издателя памятниковъ по чешской исторіи, по истинѣ громадна. Бо́льшая часть изданныхъ памятниковъ списана имъ собственноручно, и авторъ этихъ строкъ, часто разсматривая рукописный дипломаторій въ чешскомъ музеѣ, былъ поражаемъ неутомимымъ трудомъ славнаго историка, который, при многочисленныхъ и разнообразныхъ своихъ работахъ, успѣлъ самъ переписать нѣсколько тысячъ документовъ. То, что въ другихъ странахъ исполняютъ академіи и ученыя общества, при щедрой помощи правительствъ, совершилъ у Чеховъ одинъ человѣкъ своимъ неутомимымъ, безмѣрнымъ трудолюбіемъ, съ малою матерьяльною помощію чешскихъ чиновъ.

III. Палацкій, какъ исторіографъ.

Задумавъ изобразить исторію чешскую съ древнѣйшихъ до новѣйшихъ временъ, Палацкій засталъ этотъ предметъ, такъ сказать, не обработаннымъ; нѣсколько статей Добнера, Пельцеля, Добровскаго, Мейнерта, Миллаура и другихъ было все, что онъ нашелъ. Поэтому на его долю достался тяжелый трудъ приступить къ осуществленію своего плана не на основаніи многочисленныхъ монографій своихъ предшественниковъ, а самому проложить себѣ путь на всемъ полѣ чешской исторіи и объяснять разныя ея части отдѣльными монографіями.

Первымъ дѣломъ Палацкаго было, разумѣется, основательное знакомство съ *источниками* чешской исторіи, начиная съ лѣтописей.

Библиотека "Руниверс"

Въ 1826 году ученое общество пражское устроило конкурсъ на „оцѣнку чешскихъ лѣтописцевъ съ древнѣйшихъ временъ до Гайка (1541 г.)". Общество получило только одинъ трудъ, но признало его достойнымъ „увѣнчанія". Этотъ трудъ — сочиненіе Палацкаго: Würdigung der alten böhmischen Geschichtschreiber (Prag. 1830, pag. 308). Съ полнымъ знаніемъ предмета и съ строгимъ критическимъ взглядомъ разбираетъ здѣсь Палацкій сочиненія лицъ, писавшихъ о чешской исторіи, даетъ ихъ біографіи и свѣдѣнія о рукописяхъ и изданіяхъ ихъ трудовъ. Разобраны здѣсь Косма и его продолжатели, монахи Сазовскій и Опатовицкій, Викентій, Герлахъ, такъ-называемый Далимилъ, Петръ Збраславскій, Францискъ, Неплахъ, Мариньола, Пулкава, Бенешъ Крабица, Лаврентій изъ Брезовой, Бартошекъ, Эней Сильвій, анонимные лѣтописцы XV вѣка, Бартошъ Пражскій, Кутенъ, Гаекъ; кромѣ того разобраны нѣкоторыя легенды и другіе, менѣе значительные, писатели. Книга Палацкаго считается до сихъ поръ главною по этому предмету; нѣкоторые пробѣлы и недостатки своего труда Палацкій пополнялъ въ разныхъ позднѣйшихъ своихъ трудахъ, самъ отыскивая новые источники, или оцѣнивая вновь найденные. Такъ впослѣдствіи писалъ онъ болѣе обширно о Пулкавѣ и Гайкѣ, пагубное значеніе и вліяніе котораго въ чешской исторіи объяснено Палацкимъ какъ слѣдуетъ, говорилъ о писателяхъ гуситскихъ временъ, Петрѣ изъ Младеновицъ, Лаврентіѣ изъ Брезовой, Прибрамѣ, Николаѣ изъ Пельгримова и другихъ; объ иностранныхъ авторахъ, писавшихъ о чешской исторіи, о франкскомъ лѣтописцѣ VII вѣка Фредегарѣ, объ Стойковичѣ и Карлеріѣ, писавшихъ о Базельскомъ соборѣ, о Лужичанинѣ Скультетѣ († 1614 г.), о Силезійцахъ XV вѣка Эшенлёрѣ и Іонсдорфѣ.

Сюда принадлежатъ тоже критическія изслѣдованія о двухъ важныхъ источникахъ древнѣйшей исторіи чешской, о *славянскомъ жизнеописаніи св. Вячеслава* (1834 г.), и о древнихъ *грамотахъ Лютомѣрицкой церкви* (1836 г.). Славянская легенда о св. Вячеславѣ, открытая въ 1830 году Востоковымъ, значительно дополняетъ латинскія легенды объ этомъ чешскомъ князѣ, разобранныя уже Добровскимъ, и даже еще превосходитъ ихъ. Палацкій, съ помощію Шафарика, доказалъ, что легенда написана на церковно-славянскомъ языкѣ, судя по нѣкоторымъ уцѣлѣвшимъ чехизмамъ—Чехомъ, еще въ X вѣкѣ. Въ критическомъ разборѣ Лютомѣрицкихъ грамотъ онъ указалъ, что жалованная грамота, относимая къ XI вѣку, написана, на основаніи древнихъ грамотъ, въ XIII вѣкѣ. Въ латинской грамотѣ встрѣ-

Библиотека "Руниверс"

чаются нѣкоторыя чешскія фразы и слова; интересны старинныя особенности въ названіяхъ жалованныхъ селъ съ окончаніемъ ás (Trnovás, Brňás и друг., вмѣсто Trnovanech, Brňanech),—форма, которая и для Добровскаго осталась темною и которую объяснилъ только Палацкій. Чешскія слова и фразы этой грамоты, впрочемъ, объяснены тоже въ вышеупомянутыхъ Aelteste Denkmäler.

Другія монографіи Палацкаго, писанныя по чешски и по нѣмецки, касаются разныхъ сторонъ чешской исторіи, политической и внутренней. Къ первому разряду принадлежатъ статьи (1831 г.) о *Завишѣ Витковичѣ*, противникѣ несчастнаго короля Премысла II Отакара и любимцѣ его вдовы, русской княжны Купигунды; статья (1841 г.) объ отцѣ Купигунды, русскомъ князѣ Ростиславѣ Михаиловичѣ, впослѣдствіи угорскомъ банѣ въ Мачвѣ, лицѣ до тѣхъ поръ мало извѣстномъ и объясненномъ, съ помощью угорскихъ и русскихъ источниковъ, только Палацкимъ; критическій разборъ (1841 г.) всѣхъ свидѣтельствъ о *наѣздѣ Монголовъ* въ среднюю Европу и о побѣдѣ Чеховъ надъ ними подъ Оломуцомъ; опроверженіе разказа лѣтописцевъ и историковъ о такъ-называемомъ кровавомъ сеймѣ Вилемовскомъ, бывшемъ будто бы во время короля Вячеслава (1843 г.); статьи (1827 г.) объ избраніи короля чешскаго въ 1440 году и о завоеваніи Праги Юріемъ Подѣбрадскимъ въ 1448 году; критическій разборъ (1856 г.) свидѣтельствъ о смерти короля Ладислава и очищеніе Юрія Подѣбрадскаго отъ подозрѣнія въ его отравленіи; генеалогія (1861 г.) пановъ изъ Цимбурга и проч. Занимаясь гуситскимъ періодомъ, Палацкій уже въ 1828 году обратилъ вниманіе публики на мало-извѣстное до того времени военное искусство Чеховъ въ XV вѣкѣ, которое распространилось на востокѣ и юговостокѣ Европы.

Особенно важны по исторіи гуситизма двѣ статьи Палацкаго: о *предшественникахъ гуситизма* въ Чехіи (1842 г.) и объ отношеніяхъ *Вальденцевъ къ гуситамъ* (1868 г.). Въ первой статьѣ, на основаніи разныхъ неизданныхъ документовъ, разказывается дѣятельность знаменитыхъ проповѣдниковъ пражскихъ во время Карла IV, нѣмецкаго — *Конрада изъ Вальдгаузена* и чешскаго — *Милича изъ Кромѣржиži*; авторъ объясняетъ интересную личность ученика Милича, *Матвѣя изъ Янова*, поборника причащенія подъ обоими видами, и сообщаетъ отрывки изъ его обширнаго, до того времени неизданнаго сочиненія Regulae veteris et novi Testamenti; наконецъ говоритъ объ *Іоаннѣ изъ Щекна*. Эту статью не дозволено было напечатать и она сдѣлалась извѣстною только позже, въ 1846 году, въ нѣмецкомъ пе-

Библиотека "Руниверс"

реводѣ Іордана, который, съ позволенія Палацкаго, издалъ ее въ Лейпцигѣ подъ заглавіемъ: Die Vorläufer des Hussitenthums in Böhmen. Эта статья была началомъ задуманнаго Палацкимъ обширнаго труда „Ученые Чехи и Мораване XIV и XV вѣковъ"; но невзгода постигшая ее отняла у автора охоту къ дальнѣйшей работѣ. Замѣчательна и другая статья — „о сношеніяхъ и объ отношеніи секты Вальденской къ давнимъ сектамъ чешскимъ". Палацкій указываетъ на то, что въ Чехіи были и до гуситскаго движенія разные еретики, Катары и Вальденцы, но что послѣдніе были поглощены въ новомъ религіозномъ движеніи; что романскіе Вальденцы приняли по большей части ученіе радикальныхъ гуситовъ, именно Таборитовъ; единство же чешскихъ братьевъ, хотя и знало Вальденцевъ, но развилось самостоятельно и во многомъ отличалось отъ нихъ, и уже само, подобно Таборитамъ, имѣло значительное вліяніе на установленіе ученія Вальденцевъ.

Разныя части чешской исторіи Палацкій объясняетъ и въ своихъ полемическихъ сочиненіяхъ противъ нѣмецкихъ историковъ-памфлетистовъ, Гёфлера и его сподвижниковъ, осыпающихъ Палацкаго и чешскую исторію разною бранью (Die Geschichte des Hussitenthums und Prof. Höfler 1868, Zur böhmischen Geschichtschreibung 1871). Здѣсь онъ подробнѣе объясняетъ, напримѣръ, королевскій титулъ чешскаго князя Вратислава (1086 г.), гибель татарскаго князя подъ Оломуцомъ (1241 г.), чешскихъ еретиковъ 1244 года, отношеніе Гуса къ нѣмцамъ, пропускное письмо императора Сигизмунда Гусу, учителей гуситовъ, гуситскія войны, компактаты и проч.

Результатомъ занятій Палацкаго историческими памятниками былъ, правда, сухой, но очень важный трудъ: это—синхронистическія *таблицы всѣхъ высшихъ должностныхъ лицъ* королевства чешскаго съ древнѣйшихъ временъ до 1832 года (Přehled současný nejvyšších důstojníkův a úředníkův zemských i dvorských v Království Českém, v Praze, 1832). Нѣкоторыя дополненія, касающіяся древнѣйшаго періода (до половины XIII вѣка) изданы позднѣе въ прибавленіяхъ ко 2-й части 1-го тома чешской исторіи.

Статьи Палацкаго по *внутренней исторіи чешской*, то-есть, по древнечешскому государственному устройству и праву, важны особенно потому, что славный историкъ вступилъ здѣсь на совсѣмъ невоздѣланное поле, еще не тронутое его предшественниками и что онъ своими изслѣдованіями далъ толчекъ къ серьезному изученію древнечешскаго права въ сравненіи съ славянскимъ, и указалъ путь

Библиотека "Руниверс"

славянскимъ юристамъ. Важность изслѣдованій по чешскому праву Палацкій понялъ рано и старался собрать и изучить его памятники. Мы уже выше говорили о собирательской дѣятельности Палацкаго по этому предмету. Первая попытка Палацкаго обработать матеріалы относится къ 1831 году. Тогда онъ, на основаніи грамотъ и формуларій XIII вѣка, попытался начертать очеркъ *государственнаго устройства чешскаго* въ XIII вѣкѣ; онъ говоритъ вкратцѣ о сеймахъ, о должностяхъ земскихъ и придворныхъ, о земскихъ доскахъ, о крайскихъ должностяхъ, о вновь строимыхъ тогда городахъ королевскихъ, о королевскихъ доходахъ, о чешской монетѣ и проч. Въ этой статьѣ указано на *судъ присяжныхъ* (пороту) въ Чехіи уже во второй половинѣ XIII вѣка и открытъ первый извѣстный до сихъ поръ древнѣйшій слѣдъ *земскихъ досокъ* къ 1287 году. На доски земскія Палацкій, какъ уже выше сказано, не переставалъ обращать вниманіе во все время своихъ изслѣдованій, печаталъ ихъ отрывки въ „Архивѣ чешскомъ" и еще въ 1863 году, въ особой статьѣ, говорилъ о ихъ необычайной важности для чешской исторіи, о необходимости собрать всѣ уцѣлѣвшіе ихъ остатки. Этотъ трудъ, какъ мы уже замѣтили выше, принялъ на себя д-ръ Эмлеръ. Какъ бы продолженіемъ статьи о государственномъ устройствѣ чешскомъ XIII вѣка служатъ двѣ статьи по *древнечешскому праву и судебному порядку* (1835 г.) и по *праву древнеславянскому* (1837 г., повторено и въ Исторіи чешскаго народа, томъ I-й, часть 2-я). Въ первой статьѣ Палацкій старался хотя немного пополнить пробѣлы въ изученіи древнечешскаго права и исправить ошибки и промахи Мацѣёвскаго въ его „Исторіи славянскаго права", побуждаемый къ тому самимъ Мацѣёвскимъ. Палацкій уже зналъ всѣ до него изданные источники древнечешскаго права, книгу Розенбергскую, Majestas Carolina, Судебный порядокъ, объясненіе чешскаго права Андреемъ изъ Дубой, книгу Викторина изъ Вшегордъ. На основаніи тѣхъ и другихъ памятниковъ, досокъ и грамотъ, объясняетъ онъ древнечешское и вообще древнеславянское устройство жупское или городовое, значеніе жупныхъ чиновниковъ, жупана, коморника, судьи, писаря, и паденіе жупнаго устройства въ концѣ XIII и въ началѣ XIV-го вѣка; онъ подробно говоритъ о доскахъ земскихъ, земскомъ судѣ и кметяхъ (наивысшихъ судьяхъ), о древнихъ жупахъ и позднѣйшихъ краяхъ (уѣздахъ).

Статья „Право древнеславянское или сравненіе законовъ царя сербскаго Стефана Душана съ древнѣйшими учрежденіями земскими

Библиотека "Руниверс"

въ Чехіи" произвела заслуженное впечатлѣніе въ ученомъ славянскомъ мірѣ (она переведена на языки русскій и сербскій), и сохранила свою важность до сихъ поръ. Съ помощію Шафарика, доставившаго законъ Стефана Душана и другіе памятники, и разныя свѣдѣнія о древней Сербіи, Палацкій выступилъ на путь *сравнительнаго изученія древнеславянскихъ учрежденій* и указалъ на ихъ поразительное сходство у Чеховъ, Поляковъ, Югославянъ и Русскихъ, какъ оно является въ разныхъ памятникахъ; такими явленіями были—круговая порука, глава, вражда или вира, сводъ, лице; устройство судовъ у Чеховъ и Сербовъ, судъ присяжныхъ и суды Божіи у обоихъ народовъ, наслѣдственное право, дѣдины или баштины, земскія работы, положеніе крестьянъ и проч. Результаты, добытые Палацкимъ, еще подробнѣе объяснены и дополнены позднѣйшими изслѣдованіями славянскихъ историковъ и юристовъ; но сама статья останется почетнымъ памятникомъ чешскому историку, который уже въ 1837 году вникъ въ духъ славянскаго права глубже и основательнѣе, чѣмъ всѣ его современники.

Рядомъ съ трудами по исторіи и праву чешскому Палацкій занимался также древнею *чешскою топографіей*. Бѣдствіями гуситской и тридцатилѣтней войнъ уничтожено множество чешскихъ селеній, укрѣпленій и простыхъ селъ, мѣстоположеніе которыхъ неизвѣстно; кромѣ того, вслѣдствіе усилившейся германизаціи, многія чешскія селенія онѣмечились, и что касается жителей, и что касается названій; такъ, напримѣръ, изъ древнечешскаго „Модлибоги" Нѣмцы сдѣлали свой Nudelbaum, изъ „Непомышля"—Pomeisl, изъ „Убиславичи"—Auslauf, изъ „Устье"—Aussig, изъ „Болеславля"—Bunzlau, и проч. Размноженіе нѣмецкаго народонаселенія въ окраинахъ чешскихъ, начинающееся съ половины XIII вѣка, со временъ нѣмецкой колонизаціи, нѣкоторые нѣмецкіе историки объясняли остатками будто бы полумиѳическаго племени Маркоманъ, слѣдовательно, считали Нѣмцевъ автохтонами въ Чехіи, славянскихъ же Чеховъ — новыми пришлецами. Соображая всѣ эти обстоятельства, Палацкій предпринялъ въ 1845 году обширный трудъ, на основаніи разныхъ документовъ, грамотъ, каталоговъ епархій, досокъ и пр. отыскать исчезнувшія селенія и возстановить ихъ первоначальныя славянскія названія, съ цѣлью представить полную древнечешскую топографію. Но этотъ многолѣтній трудъ не доведенъ до конца по внѣшнимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ; сохранились только его отрывки; изъ нихъ видно, что мѣстныя названія въ онѣмеченныхъ краяхъ,

Библиотека "Руниверс"

Жатецкомъ и Литомѣрицкомъ, — славянскаго, а не нѣмецкаго происхожденія.

Нѣкоторые результаты этихъ занятій, касавшихся древней *чешской топографіи и генеалогіи* до XIII—XIV вѣковъ, Палацкій помѣстилъ въ прибавленіяхъ ко 2-й части I-го тома своей исторіи. Особенно важны зачатки древней генеалогіи знатныхъ родовъ чешскихъ и моравскихъ, которые съ XVIII вѣка стали принимать по вновь строившимся замкамъ особыя названія и гербы; съ великимъ трудомъ здѣсь собраны изъ разныхъ документовъ (до начала XIV вѣка) всѣ данныя, относящіяся къ папскимъ родамъ Грабишичей, Витковичей, Гроповичей, Бузичей, Марквартичей, Яповичей, Куничей, Босковичей и многихъ другихъ, которые стали называться потомъ панами изъ Ризенбурга, Розенберга, Лихтенбурга, Газенбурга, Вальдштейна, Коловратъ, Ризенберга, Мартиницъ и проч..

Другимъ результатомъ этихъ топографическихъ трудовъ Палацкаго есть подробное описаніе всѣхъ *мѣстъ чешскаго королевства*, съ ихъ чешскими и нѣмецкими названіями (Popis Království českého, v Praze, 1848). Кромѣ того, результаты такихъ историко-топографическихъ изслѣдованій видны на многихъ страницахъ главнаго труда Палацкаго—въ его чешской исторіи; укажемъ только на разказъ его о началѣ славнаго города Табора (1420 г.).

Въ 1834 году Палацкій написалъ любопытную статью о *числѣ народонаселенія* Чехіи прежнихъ временъ. Изъ нея видно, что во второй половинѣ XVI вѣка было въ Чехіи около 3 милліоновъ жителей, въ 1618 году около 4 милл., но во второй половинѣ XVII вѣка, послѣ страшныхъ бѣдствій 30-тилѣтней войны, только $1^1/_2$ мил. жителей.

Всѣ эти громадныя разнообразныя работы Палацкаго направлены къ одной цѣли, цѣли его жизни — къ написанію *исторіи чешскаго народа*.

Когда Палацкій былъ назначенъ исторіографомъ чешскихъ чиновъ, то ему поручено было (въ 1831 г.) написать чешскую исторію въ 4-хъ или 5-ти томахъ, съ древнѣйшихъ временъ до новѣйшихъ, разумѣется, на *нѣмецкомъ языкѣ*. При тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Чехіи, которое мы вкратцѣ начертали выше, нечего было и думать объ изложеніи подобнаго сочиненія на чешскомъ языкѣ. Высшія, болѣе образованныя сословія хотя и сохраняли полное сознаніе своей народности, но вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ народность эта тогда находилась, не были въ состояніи читать по-

Библиотека "Руниверс"

добную книгу на чешскомъ языкѣ, а для этихъ-то самыхъ сословій Палацкій и долженъ былъ писать ее; простой же народъ довольствовался и восхищался сказочною хроникой Гайка, или хроникой Пабста или, наконецъ, не полною, но лучшею хроникой Пельцеля. Что касается количества 4-хъ или 5-ти томовъ, опредѣленнаго съ начала для всей исторіи чешской, то Палацкій рано убѣдился, что это невозможно, если чешская исторія должна быть изложена хоть нѣсколько полнѣе. Въ четырехъ томахъ, изданныхъ въ 1836—1845 гг. его „Geschichte von Böhmen", содержится только разказъ съ древнѣйшихъ временъ до начала гуситскихъ волненій, то-есть, до смерти короля Вячеслава IV въ 1419 году.

Если Палацкій по необходимости вынужденъ былъ сначала писать свою исторію на нѣмецкомъ языкѣ, то впослѣдствіи онъ задумалъ издать ее и *по-чешски*. Къ такой новой обработкѣ его труда побуждало его, кромѣ любви къ собственному языку и народу, еще и то обстоятельство, что онъ вынужденъ былъ часто, такъ сказать, ускорять изданіе томовъ: публика съ нетерпѣніемъ ждала изданія первой лучшей исторіи чешской, и не понимая огромныхъ препятствій, затруднявшихъ исторіографу болѣе скорое осуществленіе его задачи, торопила его; да къ тому же раздавались еще голоса, будто бы Палацкій нарочно медлитъ, чтобъ дольше пользоваться жалованьемъ исторіографа чешскихъ чиновъ. Въ чешскомъ изданіи своей исторіи, Палацкій намѣревался избѣжать нѣкоторыхъ недостатковъ нѣмецкаго изданія и вообще обработать предметъ по болѣе обширному и болѣе удобному плану.

1848 годъ, годъ громадныхъ переворотовъ во всей Европѣ, въ томъ числѣ и въ положеніи Чеховъ, ускорилъ и замѣну нѣмецкаго языка въ историческомъ трудѣ Палацкаго—чешскимъ. Обработку эту Палацкій началъ уже въ Римѣ (1838—1839 гг.) и Ниццѣ (1844—1845 гг.); первый томъ чешскаго изданія, обнимающій древнюю исторію до 1125 года, вышелъ въ началѣ марта 1848 года. Вслѣдствіе наступившихъ потомъ переворотовъ, сдѣлалось Палацкому „морально невозможнымъ", продолжать свой главный трудъ на чужомъ языкѣ. Съ одной стороны, признанная равноправность нѣмецкаго и чешскаго языковъ не позволяла ему предпочитать чужой родъ своему собственному; съ другой же стороны, брань, посыпавшаяся тогда на Палацкаго отъ всѣхъ писателей нѣмецкихъ, лишила его права трудиться въ средѣ, въ которой чешскій историкъ вращался не съ любовью, да и не по праву. Палацкій рѣшился продолжать по-чешски свою

Библиотека "Руниверс"

исторію, начиная съ гуситскаго движенія (1403 г.). Такимъ образомъ, „Исторія народа чешскаго въ Чехіи и въ Моравіи“ (Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě) Палацкаго — начиная съ 1403 года — есть подлинникъ (1850 г.), и рядомъ съ нимъ выходящій текстъ нѣмецкій — переводъ. Объ этой перемѣнѣ доложилъ Палацкій земскому комитету—какъ въ то время уже назывался бывшій комитетъ чешскихъ чиновъ—который, послѣ долгихъ сопротивленій, долженъ былъ наконецъ дать свое согласіе. Переписка, веденная (1851 г.) по этому поводу Палацкимъ и комитетомъ, которымъ овладѣвала все усиливавшаяся реакція, во многихъ отношеніяхъ довольно интересна. Палацкій, касаясь двухъ вышеприведенныхъ причинъ, по которымъ онъ предпочиталъ писать по-чешски, считаетъ выборъ нѣмецкаго языка для своего сочиненія (1831 г.) дѣломъ второстепеннымъ; назначеніе исторіографомъ вѣроятно послѣдовало не за тѣмъ, чтобы, съ помощію чешскихъ чиновъ, нѣмецкая литература обогатилась оригинальнымъ сочиненіемъ, а скорѣе за тѣмъ, чтобы чешская исторіографія была спасена отъ совершеннаго упадка. При новомъ положеніи дѣлъ въ Австріи и въ Чехіи относительно народной равноправности, при усиливающемся развитіи и значеніи чешскаго языка и чешской литературы, справедливо, чтобъ и чешская публика могла пользоваться выходящею на земскія деньги книгой по отечественной исторіи. Кромѣ того, не надо забывать, что источники чешской исторіи, начиная съ гуситскаго движенія, писаны преимущественно по-чешски, и что ихъ воспроизведеніе въ самомъ сочиненіи прибавитъ ему больше интереса и живости. Наконецъ, сами Нѣмцы прямо высказывали, что надо писать чешскую исторію скорѣе по-чешски, чѣмъ по-нѣмецки, если авторъ не можетъ стать на нѣмецкую точку зрѣнія; а этого Палацкій, разумѣется, не былъ въ состояніи сдѣлать. „Еслибъ я“, говоритъ онъ, „съ-молоду не взялъ твердаго намѣренія и не считалъ бы цѣлью своей жизни представить когда-нибудь своимъ соплеменникамъ исторію ихъ народа на ихъ отечественномъ языкѣ, то врядъ-ли я сдѣлался бы когда-либо чешскимъ исторіографомъ“. Комитетъ долженъ былъ согласиться, особенно когда Палацкій нашелъ издателя для своей, по-чешски писанной, исторіи и, кромѣ того, заявилъ, что нѣмецкій переводъ будетъ выходить подъ его контролемъ. Случилось, однако, что одна книга исторіи Палацкаго, именно періодъ царствованія Юрія Подѣбрадскаго, вышла по-чешски раньше, чѣмъ по-нѣмецки (1860 года); комитетъ сдѣлалъ своему исторіографу выговоръ, требуя отъ него,

Библиотека "Руниверс"

чтобъ его историческій трудъ выходилъ на нѣмецкомъ языкѣ раньше, чѣмъ на чешскомъ, и угрожая, въ противномъ случаѣ, „прекратить пособіе". Вслѣдствіе новыхъ политическихъ переворотовъ, наступившихъ вскорѣ послѣ того въ Австріи, Палацкій освободился отъ повторенія подобныхъ „выговоровъ".

Такимъ образомъ завоевалъ Палацкій для своего труда оригинальность чешскаго текста, начиная съ гуситскаго времени, и издалъ, въ теченіе 1850—1867 гг., по-чешски шесть книгъ своего сочиненія (томы III, IV, V, каждый изъ двухъ частей), содержащаго исторію *гуситскаго движенія*, царствованіе *Юрія Подѣбрадскаго* и обоихъ чешскихъ *Ягайловичей*, то-есть, періодъ съ 1403 по 1526 годъ. Нѣмецкій текстъ выходилъ одновременно съ чешскимъ. Между тѣмъ Палацкій трудился и надъ редакціей чешскаго текста для періодовъ исторіи, написанныхъ до тѣхъ поръ только по-нѣмецки: въ 1854 году онъ издалъ вторую часть I-го тома (1125—1253 гг.), въ 1874 году—начало первой части II-го тома (1253—1282 гг.). Періодъ, обнимающій 1283—1403 гг. существуетъ пока только еще въ нѣмецкомъ текстѣ; редакціей чешскаго текста этой части исторіи Палацкій занимается въ настоящее время. Чтобы судить о соотношеніи нѣмецкаго и чешскаго текстовъ исторіи Палацкаго до 1403 года, замѣтимъ, что періодъ съ древнѣйшихъ временъ по 1253 годъ считаетъ въ нѣмецкомъ текстѣ 639 страницъ, въ чешскомъ же—906 страницъ, періодъ 1253—1282 гг. въ нѣмецкомъ текстѣ 195, въ чешскомъ—240 страницъ. Кромѣ того, Палацкій издалъ въ 1870—1872 гг. новое дополненное изданіе своей исторіи *гуситскаго* періода (1403—1439 гг.) въ трехъ томахъ; первое изданіе содержитъ 989 страницъ, второе — 1125 страницъ.

Когда Палацкій въ 1831 году предпринялъ планъ написать новую чешскую исторію, то уже тогда, предвидя всѣ затрудненія своего предпріятія, онъ отказался точнѣе опредѣлить срокъ, въ который довершитъ свой трудъ. Эти затрудненія все больше увеличивались, такъ какъ Палацкій вездѣ и повсюду вынужденъ былъ то собирать историческіе матеріалы, то пролагать новый путь почти въ каждой отрасли чешской исторіи; кромѣ того отняла у него время и его политическая дѣятельность 1848—1849 гг., особенно же начиная съ 1860 года. Достигши, между тѣмъ, уже преклонной старости, Палацкій увидѣлъ, что онъ не въ состояніи довести свой историческій трудъ до новѣйшихъ временъ и долженъ остановиться на извѣстномъ періодѣ. Онъ выбралъ 1526 годъ.

Библиотека "Руниверс"

Эпоха 1526 года, кромѣ другихъ причинъ, знаменита въ чешской исторіи и потому, что она составляетъ, такъ сказать, рѣзкую грань между двумя періодами относительно сохранившихся источниковъ. Чешскому историку приходится жаловаться на безпримѣрное запущеніе всѣхъ письменныхъ памятниковъ періода до 1526 года. Изъ правительственнаго архива не уцѣлѣло никакихъ остатковъ; изъ богатыхъ королевскихъ регистровъ, веденныхъ уже со времени Отакара II, извѣстенъ одинъ только томъ изъ царствованія Карла IV, 1360—1361 гг. (издалъ его Глафей); и одинъ томъ изъ царствованія Владислава 1498—1502 гг. (изданъ недавно Палацкимъ); древнія земскія доски сгорѣли въ 1541 году, и случайно уцѣлѣвшія выписки изъ нихъ не могутъ замѣнить тяжелой потери; архивы чешскихъ прелатуръ, съ тѣхъ поръ какъ духовное сословіе лишено политическихъ правъ, лишены также исторической важности. Въ столицѣ чешскаго государства, въ Прагѣ, уже давно умышленно уничтожены всѣ политическіе акты XV и XVI вѣка; панскіе роды мало заботились о своихъ частныхъ архивахъ, такъ какъ земскія доски вполнѣ удовлетворяли ихъ потребностямъ; исключеніе составляютъ только паны изъ Розенберга, архивъ которыхъ въ Требони вышелъ цѣлъ изъ всѣхъ погромовъ. Наконецъ, извѣстно больше чѣмъ столѣтнее свирѣпствованіе іезуитскихъ миссіонеровъ, на повалъ истреблявшихъ всѣ древнечешскіе, будто бы еретическіе, памятники. Съ 1526 года положеніе дѣлъ измѣняется. Правительственные архивы, королевскіе регистры, сеймовые и судебные акты, земскія доски, все это сохранилось съ тѣхъ поръ если не вполнѣ, все-таки въ достаточномъ изобиліи; кромѣ того множество матеріаловъ находится въ разныхъ архивахъ домашнихъ и заграничныхъ. Поэтому, если чешскому историку пришлось бороться до 1526 года съ недостаткомъ нужныхъ источниковъ и извѣстій, настаетъ для него съ этого времени борьба другаго рода, а именно съ ихъ изобиліемъ.

Палацкій, соображая всѣ эти обстоятельства, отказался отъ продолженія своего труда, а обратилъ всю свою дѣятельность на дополненіе и усовершенствованіе написанныхъ уже періодовъ. Объ этомъ намѣреніи онъ извѣстилъ земскій комитетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поручилъ ему заботиться объ учрежденіи особаго архива земскаго (1862 г.).

До 1848 года рукопись исторіи Палацкаго должна была посылаться въ Вѣну въ главный цензурный комитетъ. Такъ какъ рукопись часто лежала тамъ по нѣскольку мѣсяцевъ, то высшій бургграфъ чешскій, графъ Хотекъ, сдѣлалъ предложеніе, что онъ самъ будетъ цензуро-

Библиотека "Руниверс"

вать рукопись въ Прагѣ и сдѣлалъ пробу въ рукописи, обнимающей періодъ 1061 — 1092 гг. Но въ Вѣнѣ не согласились на это предложеніе и какъ бы въ доказательство того, что графъ Хотекъ дѣйствовалъ не съ надлежащею осмотрительностью, отмѣтили въ рукописи множество неудобныхъ мѣстъ. Впрочемъ, впослѣдствіи и Вѣнская цензура отнеслась къ исторіи Палацкаго довольно снисходительно.

Другое дѣло когда Палацкій въ 1843 и 1844 гг. доставилъ рукопись о началахъ *гуситскаго движенія* (1403—1419 гг.). Тутъ, цензоръ, профессоръ теологіи, даже сдѣлалъ предложеніе совершенно прекратить исторію Палацкаго. Но это показалось рѣшающимъ лицамъ слишкомъ строгимъ, такъ что объ этомъ сочли нужнымъ извѣстить самого канцлера Меттерниха. Тотъ рѣшилъ, чтобъ „неподобающія резонированія" (missliebige Raisonnements) вычеркивались, но что автору нельзя запретить разказывать дѣйствительные факты.

Такихъ „неподобающихъ резонированій" въ рукописи цензура находила довольно много, хотя авторъ, соображаясь съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ, всевозможно старался быть очень умѣреннымъ въ своихъ выраженіяхъ. Цензура налегала на то, что чешская исторія вообще, гуситскій же періодъ въ особенности, должна быть такъ изложена, чтобъ католическіе читатели не были введены въ заблужденіе. Цензура вставила въ характеристику Гуса слова „упрямство и непреклонное своенравіе" (Hartnäckigkeit, unbilgsamer Eigensinn); третье качество навязанное Гусу „страсть къ спорамъ и желаніе быть всегда правымъ" (Rechthaberei) осталось, только въ рукописи, а не перешло въ печать. Разказъ о чрезмѣрной испорченности тогдашней іерархіи былъ исключенъ; гуситизмъ долженъ былъ явиться дѣйствіемъ безъ причины, и могъ объясниться лишь разными „дурными" качествами Гуса.

Разказъ Палацкаго о процессѣ Гуса на Констанцскомъ соборѣ показываетъ, по мнѣнію цензора, что авторъ хотѣлъ возбудить состраданіе къ осужденному. Цензурѣ не понравились: слово „папизмъ" (что̀ и было выпущено), сцена между Гусомъ и генераломъ миноритовъ (выпущена), слова Палацкаго, что „мужество Гуса возбудило удивленіе даже у его отъявленныхъ враговъ" (выпущены), такъ какъ католическая церковь видитъ здѣсь не мужество, а ослѣпленіе и упрямство; слова „король Сигизмундъ не понялъ высшаго значенія Гуса" (выпущены), описаніе Іеронима въ извѣстномъ письмѣ Поджіо

Библиотека "Руниверс"

(осталось съ нѣкоторыми измѣненіями), мысли Палацкаго объ осужденіи Гуса и Іеронима (остались), и пр.

Отвѣты и защита Палацкаго противъ подобныхъ отзывовъ цензуры опять не понравились, и самъ министръ полиціи, графъ Чедлницкій, велѣлъ, чрезъ посредство пражскаго полиціймейстера, сдѣлать Палацкому строгій выговоръ за неприличный тонъ его отвѣта (dem Palacký sei das Unangemessene seiner Schreibart nachdrücklich zu verheben).

Съ 1848 года ничего подобнаго уже не повторялось, и въ чешскомъ изданіи Палацкій могъ говорить о процессѣ Гуса и Іеронима, какъ подобаетъ историку, безъ всякаго вмѣшательства заботливой о католическихъ читателяхъ цензуры. Счастлива была мысль Палацкаго издать гуситскій періодъ въ 1850—1851 гг.; ибо вскорѣ послѣ того наступившая въ Австріи реакція, вѣроятно, не дозволила бы ему исполнить эту задачу. Такъ какъ гуситская исторія Палацкаго давно уже разошлась тогда въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ и жадно читалась всѣми классами чешскаго народа, то въ Вѣнѣ попробовали, по крайней мѣрѣ, парализовать впечатлѣніе, сдѣланное разказомъ Палацкаго на чешскую публику. Извѣстный публицистъ, баронъ *Гельфертъ*, побуждаемый министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ Туномъ, издалъ въ пользу благочестивыхъ католиковъ книгу о Гусѣ по-нѣмецки и по-чешски; чешское изданіе вынуждена была принять Матица чешская (1857 г.). Но все напрасно: гуситскій періодъ исторіи Палацкаго вышелъ недавно въ новомъ изданіи, а книга Гельферта давно заброшена и забыта, и множество ея экземпляровъ загромождаетъ до сихъ поръ книжный складъ чешской Матицы.

Познакомимся теперь съ главнымъ трудомъ Палацкаго, съ его „Исторіей чешскаго народа въ Чехіи и въ Моравіи",—съ этимъ „трудомъ цѣлой жизни, съ этою главною и послѣднею цѣлью всѣхъ его стремленій".

„Съ-молоду я не зналъ болѣе горячаго и высшаго желанія въ своей жизни," говоритъ Палацкій, „какъ только представить любимому своему народу вѣрную картину его прошлаго, въ которой онъ узналъ бы самого себя какъ въ зеркалѣ и помнилъ, въ чемъ онъ нуждается. Уже по этой причинѣ сочиненіе мое должно было быть написано на языкѣ и въ духѣ народномъ и, можетъ быть, я бы вообще никогда не сдѣлался историкомъ, еслибъ съ самаго начала не посвятилъ себя всецѣло служенію чешской литературѣ. Всѣ свои

Библиотека "Руниверс"

историческія сочиненія, изданныя до тѣхъ поръ, я считалъ и считаю предварительными студіями, или простымъ подготовленіемъ къ этому труду „Исторіи чешскаго народа" — главной и послѣдней цѣли всѣхъ моихъ прежнихъ стремленій. Хотя я усердно старался о томъ, чтобъ мой трудъ служилъ народу въ пользу, мнѣ же самому въ честь, но все таки съ болью сознаю, что онъ мнѣ удался только очень несовершенно, что онъ недостаточенъ почти на каждой страницѣ; но мнѣ не оставалось другаго выбора, какъ или навсегда отказаться отъ самаго любимаго своего желанія и надежды и, стало быть, вполнѣ прекратить неудовлетворительный этотъ трудъ, или же предложить его народу такимъ, какъ онъ есть. Приступивъ къ своему труду безъ руководителя, безъ помощника и безъ средствъ, я вынужденъ былъ прежде всего обратить вниманіе на заброшенные до тѣхъ поръ источники нашей исторіи. Я ходилъ по городамъ и краямъ, обильно питался пылью архивовъ и библіотекъ, иногда еще не тронутыхъ, старательно подбиралъ всѣ крошки древнечешской литературы, какъ драгоцѣнныя такъ и малозначущія, самъ все списывалъ, счастливый, когда въ пеплѣ минувшихъ временъ находилась искра, обѣщающая разсвѣтъ въ темныхъ и забытыхъ сферахъ! Но рѣдко выпадала на мою долю такая утѣха: пріобрѣтенная добыча мало соотвѣтствовала усилію и нуждамъ изслѣдователя. Наши предки не очень заботились о духовныхъ потребностяхъ своихъ потомковъ, записывали мало и сохраняли еще меньше. Потому и запасъ того, что̀ возможно было собрать въ теченіе многихъ лѣтъ, недостаточенъ для яснаго взгляда на всѣ отрасли темной древности; постоянно еще и напрасно задаетъ себѣ изслѣдователь тысячи вопросовъ во мракѣ минувшихъ вѣковъ, и если тамъ и сямъ мелькаетъ что нибудь, то часто сомнительно, свѣтъ-ли это или же блудящій огонекъ!

„Болѣе кого-либо другаго я уважаю заслуги всѣхъ своихъ предшественниковъ по части чешской исторіи, начиная отъ Космы Пражскаго до Добнера и Пельцеля, и благодарю ихъ за поученіе въ ихъ трудахъ: но не правъ-ли я, говоря, что всѣ они даже издалека не удовлетворили требованіямъ настоящей исторіографіи? Доставленныя ими извѣстія, въ сравненіи съ безчисленными историческими явленіями, очень бѣдны и недостаточны даже для составленія полнаго перечня простыхъ фактовъ и, такъ сказать, грубыхъ событій въ отечествѣ на духъ же, изъ котораго исторія проистекала, на идеи, которыя въ нихъ являлись, на многообразное государственное устройство, на перемѣны отношеній и нравовъ въ народѣ, на формы, въ которыхъ

Библиотека "Руниверс"

вращалась общественная жизнь, — на такія и подобныя тому вещи у насъ въ давнія времена не обращали почти никакого вниманія, да и въ новѣйшій вѣкъ нельзя было ими заниматься, пока источники нашей исторіи не вполнѣ собраны и не всесторонне изслѣдованы; а если кто и приступилъ къ подобной задачѣ на основаніи басней Гайка, то выходило еще хуже.

„При такомъ положеніи дѣлъ требовать, чтобъ я сейчасъ всему удовлетворилъ и одинъ, съ-разу, такъ сказать, нанесъ и подготовилъ себѣ почву, посадилъ и выростилъ зерна, подготовилъ ихъ разцвѣтъ и вывелъ зрѣлые плоды, это, думаю, ужь слишкомъ много для такихъ слабыхъ силъ, какія я въ себѣ чувствую. Кто занимался изслѣдованіемъ нашей древности, тотъ навѣрно испыталъ, что каждый ея отдѣлъ требуетъ цѣлаго человѣка и цѣлой его жизни: какъ же мнѣ одному овладѣть ими всѣми? Поэтому, если послѣ меня болѣе счастливые изслѣдователи найдутъ, что я, говоря о древнихъ порядкахъ и безпорядкахъ, оставался иногда какъ будто только на поверхности и не вникалъ въ самую суть вопроса,—то я только буду жалѣть, что они меня не предупредили и не поучили. Но надѣюсь съ ихъ стороны на безпристрастное свидѣтельство, что если и не вездѣ уловилъ я правду, то, по крайней мѣрѣ, старался вездѣ ее отыскивать усердно и искренно.

„Старые Чехи, народъ малочисленный, попытались когда-то одни, можетъ быть преждевременно, разрѣшить великую задачу: освободить человѣческій духъ изъ подъ средневѣковаго авторитета, или добыть себѣ право свободнаго изслѣдованія и убѣжденія въ дѣлахъ вѣры и религіи. Поэтому имъ пришлось два раза поднять великую и рѣшительную борьбу, какой свѣтъ не видалъ до тѣхъ поръ: *борьбу за интересы и достояніе человѣческаго духа.* На первый разъ, въ такъ называемой гуситской войнѣ, Чехамъ удалось почти чудеснымъ образомъ побѣдить и одолѣть все остальное христіанство и принудить его къ признанію правъ другаго убѣжденія: но народы возненавидѣли за то чешское имя. Въ другой разъ, въ тридцатилѣтней войнѣ, хотя Чехи пріобрѣли себѣ союзниковъ, были побѣждены и замучены такъ, что три четвертыхъ народа погибли и исчезли въ неслыханныхъ несчастіяхъ и бѣдствіяхъ, одна же оставшаяся четверть уцѣлѣла только подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ она не только отреклась отъ стремленій предковъ, но и осудила ихъ. Съ тѣхъ поръ одержало верхъ мнѣніе, что вся чешская исторія XV и XVI вѣковъ была—заблужденіемъ, о которомъ слѣдуетъ жалѣть и стыдиться его. Всеобщая и безжало-

Библиотека "Руниверс"

стная реакція захватила всѣ памятники духовной жизни той эпохи; сочиненія, отъ нея оставшіяся, считались опаснымъ ядомъ и поэтому разъискивались и истреблялись сплошь впродолженіе болѣе чѣмъ цѣлаго вѣка; то̀, что случайно не подверглось свирѣпому фанатизму, пропало, благодаря безумію и превратному ревнодушію потомковъ. Когда преобладала мысль, что лучше утопить тѣ событія въ морѣ забвенія, чѣмъ нарушать ими глубокое спокойствіе позднѣйшаго вѣка, то не мудрено, что самая заботливость и спросъ на нихъ навлекали подозрѣнія въ неблагонамѣренности. Какъ при такомъ положеніи дѣлъ могли преуспѣвать изслѣдованія по чешской исторіи—не нужно излагать подробно.

„Принявъ на себя задачу чешской исторіографіи, я хотя и не былъ новичкомъ на этой почвѣ, все таки не могъ предвидѣть всѣхъ препятствій и затрудненій, которыя меня ожидали. Нашъ народъ, конечно, и во время глубочайшаго своего упадка, не переставалъ жаждать своей исторіи, обращая на нее глаза, какъ на священный якорь при угрожавшемъ потопленіи. По этой причинѣ всегда были патріоты, которые охотно и съ любовью занимались чешскою исторіей; но, при строгости цензуры, они вынуждены были выбирать себѣ предметомъ только отдѣльные вѣка и явленія, всего менѣе предосудительныя (съ точки зрѣнія тогдашнихъ властей, свѣтскихъ и церковныхъ), или проводить направленіе, которое a priori осуждало почти всѣ давнія желанія и стремленія народа. Извѣстно, какія непріятности испыталъ на этомъ пути, напримѣръ., самъ патріотическій іезуитъ Богуславъ Бальбинъ. Въ теченіе минувшаго вѣка отличились заслугами по чешской исторіи, особенно древнѣйшаго періода, Добнеръ, Пельцель и Добровскій. Это я признаю и прославляю съ тѣмъ большей благодарностью, чѣмъ больше они мнѣ облегчили, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя мои задачи. Но вообще, когда я впервые предпринялъ свой трудъ, не былъ еще подготовленъ матеріалъ, безъ котораго исторія никакъ не можетъ обойдтись, если она хоть мало мальски должна удовлетворять требованіямъ нашего времени. Дѣйствительныхъ и настоящихъ источниковъ сохранилось слишкомъ мало; древніе письменные памятники, которые избѣжали погрома минувшихъ вѣковъ, лежали по большей части еще скрытыми и незамѣченными въ домашнихъ и заграничныхъ архивахъ и библіотекахъ; дипломатарію чешскому только старательностію Пельцеля сдѣлано очень незначительное начало. Даже и для древнѣйшаго до-гуситскаго періода, хотя онъ относительно былъ лучше всего обработанъ, недоставало нужной

Библиотека "Руниверс"

научной основы, и я былъ вынужденъ провести нѣсколько лѣтъ, только надъ студіями древней чешской топографіи, жупнаго устройства и проч. Въ періоды гуситскій и послѣдующіе часто приходилось мнѣ жаловаться на недостатокъ данныхъ и на отрывочность нашихъ свѣдѣній о самыхъ важныхъ событіяхъ, такъ какъ бѣдность источниковъ, въ особенности домашнихъ, увеличивалась равномѣрно съ важностью и интересомъ самыхъ историческихъ явленій. Нельзя, конечно, обвинять старыхъ Чеховъ, что они оставили намъ послѣ себя мало памятниковъ, ибо я знаю, что эти памятники долго, да отчасти еще и въ мое время, были громадно и умышленно истребляемы.

„Больше всего времени отняло у меня отыскиваніе и собираніе уцѣлѣвшихъ тамъ и сямъ древнихъ источниковъ, строительнаго матеріала, разбросаннаго во всѣхъ концахъ міра. Само строеніе, не смотря на весь тяжелый трудъ, доставляетъ все-таки больше удовольствія, хотя строитель знаетъ, что не смотря на всю старательность, изъ-за бѣдности матеріала, онъ не будетъ въ состояніи совершить ничего, ни великаго, ни виднаго.

„Въ своемъ трудѣ я желалъ соблюсти законы историческаго стиля; но, не говоря уже о своей недостаточности, мнѣ мѣшала еще бѣдность нашихъ источниковъ, которые часто довольно многорѣчивы о незначительныхъ дѣлахъ, а болѣе важныхъ вовсе даже не касаются. Историкъ-художникъ не долженъ строить свободно по своей фантазіи, а только по опредѣленнымъ и достовѣрнымъ даннымъ. Какъ же создать художественное сочиненіе, если для него не достаетъ даже потребнаго матеріала? Многіе рекомендовали мнѣ воспользоваться модой нашего времени, которая учитъ окружать фразами всевѣдущихъ философическихъ системъ всѣ явленія, которымъ не умѣемъ возвратить пластическихъ ихъ формъ: но я искренно признаюсь, что мнѣ не по вкусу это непогрѣшимое мечтательство, которое, заходя далеко за границы опыта и осязаемости, гораздо чаще минуетъ исторію, чѣмъ съ нею встрѣчается.

„Пусть мой трудъ послужитъ нашему народу къ самопознанію и къ сознанію того, чѣмъ онъ есть и чѣмъ онъ долженъ быть. Пусть нашъ любимый и всегда тяжело испытываемый народъ скорѣе получитъ вѣрное зеркало своего минувшаго, въ поученіе, память и укрѣпленіе въ своемъ бытѣ, чтобы онъ всегда шелъ по пути правды и права, чтобъ онъ не былъ высокомѣренъ въ счастьи и не падалъ духомъ въ несчастьи!"

Библиотека "Руниверс"

Такими словами начинаетъ Палацкій свой трудъ, обращаясь къ чешскому народу.

Какъ видно изъ заглавія „Исторія народа чешскаго въ Чехіи и Моравіи", Палацкій обнялъ въ своемъ трудѣ судьбы обѣихъ этихъ странъ. „Моя цѣль была всегда не отдѣлять того, что соединилъ Богъ, и не дѣлать преградъ тамъ, гдѣ ихъ отъ природы нѣтъ: ибо я крѣпко убѣжденъ, что *я родомъ Моравaнинъ, а народностью — Чехъ*". Поэтому справедливо замѣчаетъ Палацкій, что основательная исторія чешскаго народа должна равнымъ образомъ относиться къ обѣимъ странамъ, Чехіи и Моравіи, какъ къ двумъ частямъ одного цѣлаго, которыя уже съ IX вѣка находятся въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ. Подъ словомъ „чешскій народъ" Палацкій понимаетъ Славянъ, живущихъ и въ Чехіи, и въ Моравіи, или скорѣе „на Моравѣ", главной рѣкѣ той страны.

Исторія чешскаго народа представляетъ во многомъ большой интересъ. Если чешская земля лежитъ въ серединѣ, такъ сказать, въ сердцѣ Европы, то и чешскій народъ въ теченіе многихъ вѣковъ служилъ средоточіемъ, въ которомъ соприкасались разные элементы и принципы новой европейской жизни, національной, государственной и церковной. Именно здѣсь видна долговѣчная борьба и обоюдное прониканіе элементовъ римскаго, нѣмецкаго и славянскаго.

Подлѣ завоевательнаго, плотно сосредоточеннаго подъ одною центральною властью, элемента нѣмецкаго, является элементъ славянскій, къ завоеваніямъ не расположенный, разрозненный, и потому постоянно подпадающій подъ иго иноплеменниковъ. Если Славянинъ не хотѣлъ въ конецъ погибнуть, то онъ долженъ былъ отчасти измѣнить, преобразовать свою натуру и принять долю чуждыхъ элементовъ.

Это мы видимъ особенно у Чеховъ.

Главное содержаніе и основная черта всей исторіи чешскаго народа—*безпрерывное сношеніе и сталкиваніе славянства съ германизмомъ* и романизмомъ; а такъ какъ послѣдній касался Чеховъ только посредствомъ Нѣмцевъ, то можно сказать, что чешская исторія основывается, главнымъ образомъ, на борьбѣ съ нѣмечиной, или на принятіи и отрицаніи нѣмецкихъ учрежденій Чехами. Правда, и у другихъ славянскихъ племенъ было такое же столкновеніе обоихъ элементовъ, но оно либо не было такъ всесторонне и живо, какъ напримѣръ, у Поляковъ и у Русскихъ, либо давно окончилось гибелью славянской народности, какъ у Лютичей, Бодричей и друг. Чешскій

Библиотека "Руниверс"

народъ одинъ, примкнувъ къ нѣмецкому какъ равный къ равному и въ теченіе болѣе чѣмъ тысячелѣтіе вступивъ съ нимъ въ самыя тѣсныя связи, *отстоялъ свою народность* до сихъ поръ, и хотя много нѣмецкаго принялъ и переработалъ въ свой бытъ, но не пересталъ быть славянскимъ народомъ. И теперь еще осталось его задачей, проистекающею изъ его исторіи и географическаго положенія, служить *мостомъ между нѣмечиной и славянствомъ*, между востокомъ и западомъ Европы вообще.

Эти свои взгляды на нѣмецко-славянскія отношенія Палацкій часто высказывалъ и помимо своей исторіи, особенно въ замѣчательной статьѣ „Разница въ исторіи Нѣмцевъ и Славянъ" (1868 г.). „Чешская исторія есть та почва, гдѣ издавна сталкиваются другъ съ другомъ сильнѣе всего контрасты германизма и славянства, и гдѣ они всего яснѣе проявляются; все ея содержаніе—безпрестанная борьба нѣмецкаго и славянскаго элементовъ". Контрастъ обоихъ племенъ выказывается въ самомъ началѣ ихъ исторіи. Нѣмцы, подобно Римлянамъ и азіатскимъ племенамъ, народъ завоевательный, слѣдовательно, первоначально—народъ разбойническій; Славяне, подобно Грекамъ, народъ не завоевательный. У первыхъ, завоевательныхъ племенъ, источникомъ права была сила; у другихъ, не завоевательныхъ, право основывалось на согласной волѣ цѣлаго народа; у первыхъ господствовало болѣе позитивное право, у другихъ — естественное. Римское право, послѣ паденія Рима, подходило и къ германскимъ завоевателямъ. Завоевательный князь - побѣдитель раздѣлялъ плоды побѣды съ своею дружиной; поэтому возникло особое положеніе вассаловъ, разница сословій, неравенство передъ закономъ, привиллегіи, иммунитеты, послабленія однимъ и притѣсненія другихъ. Въ славянскомъ правѣ не преобладало начало силы и завоеванія, не было такъ называемаго права сильнаго. У древнихъ Славянъ, равно какъ, напримѣръ, въ современной Сербіи, не было политической разницы сословій и неравенства передъ закономъ, не родились господа и рабы. Общимъ знакомъ первобытныхъ славянскихъ отношеній была *свобода*; германскихъ же — *господство* и его естественное послѣдствіе, *рабство*. Славяне, любя черезъ-чуръ свободу, не подчинялись авторитету центральной власти и вслѣдствіе того пропала ихъ свобода: они сдѣлались жертвой своихъ завоевательныхъ сосѣдей—Нѣмцевъ, Татаръ, Турокъ и другихъ. Славяне вообще, и Чехи въ особенности, если не хотѣли сдѣлаться настоящими „славами" Нѣмцевъ, рано вынуждены были ограничить свою первобыт-

Библиотека "Руниверс"

ную свободу и подчиниться принципу авторитета, праву болѣе сильнаго.

Культура современныхъ христіанскихъ народовъ есть общее благо, надъ осуществленіемъ котораго тысячи лѣтъ трудились разные народы міра; она, какъ ее выработали Евреи и Греки, передана Риму, и преимущественно черезъ его посредство перешла къ остальнымъ народамъ, романскимъ, германскимъ и славянскимъ. Нѣмцы, сносясь раньше и ближе съ преемниками этой культуры, опередили Славянъ, конечно, только по этой приведенной причинѣ, а не по какому-нибудь племенному превосходству. Вслѣдствіе своего географическаго положенія, Славяне не могли добиться продолжительнаго спокойствія, имъ пришлось почти еще цѣлое тысячелѣтіе бороться за свое существованіе съ постоянно появляющимися изъ Азіи безчисленными ордами, между тѣмъ какъ Нѣмцы, защищаемые съ тылу спокойными Славянами, не предпринимали другихъ войнъ, кромѣ тѣхъ, которыя возбуждала у нихъ жадность и властолюбіе. Никогда не шли Славяне наступательно противъ Нѣмцевъ; они всегда держались въ оборонѣ и предпринимали только въ крайнемъ случаѣ, уже сильно раздраженные, нѣкоторыя мимолетныя нападенія на нѣмецкой почвѣ, въ отплату и отмщеніе. Но если страшное нѣкогда, азіатское варварство теперь совсѣмъ поражено и навсегда сдѣлано безвреднымъ, то Европа обязана этимъ только Славянамъ; это не маловажная съ ихъ стороны услуга христіанско-европейской цивилизаціи.

„Демократическій, характеръ древнихъ Славянъ еще сорокъ лѣтъ назадъ оспаривался почти всѣми, или же подвергался сомнѣнію. Но съ тѣхъ поръ это сдѣлалось, по крайней мѣрѣ въ Россіи, общимъ, совершенно узаконеннымъ мнѣніемъ, и хотя неволя низшихъ слоевъ тамъ прекратилась только недавно, но въ національномъ русскомъ обществѣ кастовый духъ теперь уже почти совсѣмъ исчезъ, между тѣмъ какъ на западѣ, особенно гдѣ преобладаютъ нѣмецкіе элементы, онъ еще процвѣтаетъ, не смотря на всѣ либеральные законы и фразы".

„Иронія судьбы! Взгляды на права и отношенія, которыя за тысячу лѣтъ назадъ были общимъ достояніемъ Славянъ и которыя считались варварскими, сегодня составляютъ гордость и цѣль стремленій самыхъ цивилизованныхъ народовъ Запада, а Славянъ честятъ полуварварами, потому что воображаютъ себѣ, что они имѣютъ пристрастіе къ учрежденіямъ, которыя, будучи созданы по примѣру За-

Библиотека "Руниверс"

пада, еще не болѣе какъ за сто лѣтъ назадъ прославлялись имъ же, какъ убѣжище образованности и справедливости".

Чешская исторія удобно можетъ быть раздѣлена на *три вѣка*, древній, средній и новый. *Средній* вѣкъ отличается преимущественно религіозными спорами, которые явились съ возникновеніемъ гуситизма въ 1403 году и кончились въ 1627 выселеніемъ всѣхъ его приверженцевъ. Предыдущія времена принадлежатъ *вѣку древнему*, послѣдующія затѣмъ — *новому*.

Въ *древній* вѣкъ чешской исторіи преобладаютъ интересы по большей части государственные, стремленія государей упрочить свою власть внутри и извнѣ. Вѣкъ этотъ раздѣляется на три періода: первый, съ древнѣйшихъ временъ до 895 года, Чехія языческая независимая; второй отъ 895 до 1253 года—Чехія христіанская въ зависимости отъ Германіи, но съ перевѣсомъ славянскихъ учрежденій; третій отъ 1253 до 1403 года—Чехія королевская, соединенная съ Германіей какъ государство равное съ равнымъ, но благопріятствующее въ земскомъ правленіи нѣмецкому элементу.

Въ концѣ V столѣтія по Р. Х. являются на верхней Лабѣ и ея притокахъ, Волтавѣ и Огрѣ, разныя славянскія племена, которыя впослѣдствіи принимаютъ названіе *Чеховъ*. Общая опасность со стороны сосѣдей, Нѣмцевъ и Аваровъ, сблизила ихъ въ болѣе тѣсное цѣлое, и уже въ VII вѣкѣ Чехія сдѣлалась ядромъ перваго западославянскаго государства, къ сожалѣнію, мимолетнаго. Со смертью его основателя, Сама, славянскія племена разошлись: центръ тяготѣнія перенесли отъ Чеховъ Славяне карпатскіе и моравскіе, и *Великая Моравія* Мойміровичей сдѣлалась ядромъ втораго западославянскаго государства, которое однако въ началѣ X вѣка стало добычей азіатскихъ Мадьяръ. Между тѣмъ чешскія племена сгруппировались около князей пражскихъ рода Премысла, но, послѣ долговѣчныхъ войнъ съ сосѣдними Нѣмцами, должны были примкнуть къ имперіи Римско-нѣмецкой. Чешско-моравскіе Славяне, находясь въ первобытномъ своемъ состояніи, жили въ родовомъ быту, склоняющемся къ демократическимъ учрежденіямъ; на немъ основывалась власть князя,— судьи, правителя, воеводы и жреца народнаго; разница сословій не была такъ рѣзка, какъ у Нѣмцевъ, рабство почти неизвѣстно; лѣхи и владыки были главные земляне, то-есть, землевладѣльцы, и они-то, вмѣстѣ съ княземъ и съ его совѣтомъ, кметями, совѣщались на снемахъ объ общественныхъ дѣлахъ; земля раздѣлялась на жупы, средоточіемъ которыхъ былъ градъ (городъ), начальникомъ—прямо жупанъ;

Библиотека "Руниверс"

религія основывалась на обожаніи природныхъ силъ. Въ IX вѣкѣ къ Чехамъ и Моравамъ стала проникать новая религія, христіанство, съ двухъ сторонъ: съ запада, посредствомъ Нѣмцевъ, римско-латинское, съ востока, изъ Царьграда, богослуженіе славянское; послѣднее должно было впослѣдствіи уступить первому. „Если посмотримъ на картину первобытности чешской", замѣчаетъ Палацкій, „какъ мы ее, хотя не полно и часто не совсѣмъ опредѣленно, нарисовали, по по подлиннымъ и хорошимъ источникамъ, то мы не можемъ не узнать въ ней такого положенія дѣлъ, которое свидѣтельствуетъ о дѣйствительномъ прогрессѣ въ образованности, равно какъ и о томъ, что первобытные Чехи не были такими варварами и полудикарями, какъ о нихъ до сихъ поръ господствуетъ почти всеобщее мнѣніе; но не вели они и такой идиллической жизни, какъ казалось лѣтописцу Гайку и потомъ другимъ. Пускай новѣйшіе нѣмецкіе историки помнятъ, что именно ихъ предки, Эйнгардъ, лѣтописцы Фульдскіе, Видукиндъ, Титмаръ, Адамъ, Гельмольдъ, біографы св. Оттона и другіе представили, хотя большею частью по неволѣ, но за то тѣмъ болѣе заслуживающія довѣрія свидѣтельства о раннемъ и многонадежномъ развитіи образованности у первобытныхъ Славянъ. Поэтому только общимъ невѣжествомъ этихъ историковъ должно объяснить, если они проповѣдуютъ о природномъ славянскомъ скотообразіи".

Нашествіемъ Мадьяръ и паденіемъ Великой Моравіи произведенъ былъ переворотъ въ жизни Славянъ вообще, и западныхъ Славянъ въ особенности. Чехи, именно, должны были вступить съ Римско-нѣмецкою имперіей въ болѣе тѣсныя, политическія и церковныя связи, но при этомъ верховная власть ихъ князей осталась не тронутою, и еще значительно усилилась; чешскіе князья уже въ X вѣкѣ не имѣли соперниковъ въ Чехіи, да скоро распространили свою власть и на сосѣднія племена славянскія — на Моравѣ, верхней Одрѣ и Вислѣ, и въ Карпатахъ. Но этотъ объемъ Чешскаго государства былъ кратковременный; осуществленіе западославянскаго государства не удалось ни чешскимъ князьямъ, ни польскимъ; только нынѣшняя Моравія присоединена къ Чехіи и раздѣляетъ съ тѣхъ поръ судьбу Чешскаго государства и народа. Зависимость чешскихъ князей отъ римскихъ императоровъ усиливалась съ междоусобицами размножившихся членовъ рода Премысла; эти междоусобицы, это добываніе великокняжескаго достоинства, наполняютъ вторую половину XI и цѣлый XII вѣкъ, составляя печальную сторону чешской исторіи того времени. Законъ о родовомъ старшинствѣ не соблюдался чешскими, равно какъ и поль-

Библиотека "Руниверс"

скими и русскими князьями. Но, благодаря усиліямъ нѣкоторыхъ энергическихъ князей, единство Чешскаго государства уцѣлѣло, а междоусобицы прекратились въ самомъ концѣ XII вѣка, при первомъ наслѣдственномъ королѣ чешскомъ Премыслѣ I Отакарѣ. При немъ точно опредѣлено отношеніе чешскаго короля къ императору, введено первородство, разрѣшенъ споръ между государственною и церковною властью въ пользу первой. Идея государства была упрочена еще больше при сынѣ Премысла, королѣ Вячеславѣ I. Громадныя заслуги пріобрѣли себѣ Чехи передъ Европой при Вячеславѣ: ихъ усиліемъ спасена средняя Европа отъ страшнаго нашествія Монголовъ. Царствованіе короля Вячеслава составляетъ важный предѣлъ въ древней чешской исторіи. „Премыслъ I Отакаръ возобновилъ Чехію въ политическомъ отношеніи, Вячеславъ хотѣлъ преобразовать ее нравственно; тотъ создалъ новыя юридическія отношенія и новые законы для своего государства, этотъ склонялъ свой народъ къ новымъ нравамъ, обычаямъ и развлеченіямъ; если стараніемъ перваго Чехія пріобрѣла себѣ политическую независимость относительно Германіи, второй старался присоединить ее къ ней опять связями болѣе пріятными, и слѣдовательно болѣе прочными, спокойнаго сосѣдства, потребностей образованности и роскоши“.

Не смотря на тѣсныя связи Чехіи съ Германіей, начиная съ конца IX вѣка, въ ней сохранились славянскія учрежденія почти ненарушимо до первой половины XIII вѣка. Славянскій характеръ носитъ на себѣ жизнь государственная, юридическая, общественная, умственная, сходная съ жизнью другихъ народовъ славянскихъ; имъ проникнуты такія учрежденія, какъ, княжескіе удѣлы, нераздѣльность сословій, равенство всѣхъ передъ закономъ, не существованіе извѣстныхъ привиллегій, перевѣсъ мужнаго устройства и соединенныя съ нимъ земскія повинности, особые судебные порядки и т. д. Такой же славянскій характеръ имѣетъ и народная поэзія, сохранившаяся въ Зеленогорской и Краледворской рукописяхъ. Въ этотъ славянскій періодъ чешскій народъ не былъ еще раздѣленъ на строго опредѣленныя сословія съ разными политическими правами, не было въ Чехіи и Моравіи особаго сословія городскаго, хотя оно уже начинало создаваться; разница между шляхтой (лѣхами или панами и владыками) и не шляхтой (дѣдичами, кметями) не была строго опредѣлена, никто не былъ освобожденъ отъ общихъ земскихъ судовъ и повинностей и проч. „Если соберемъ все здѣсь сказанное въ одно“, оканчиваетъ Палацкій этотъ періодъ, „и посмотримъ на

Библиотека "Руниверс"

все это какъ на вѣрное зеркало духа и жизни народной, то увидимъ, что, конечно, нельзя прилагать къ упомянутымъ явленіямъ мѣрку созрѣвшей образованности, но, съ другой стороны, что мы были бы не правы передъ своими предками, еслибъ представляли ихъ себѣ варварами или полудикарями, погрязшими только въ звѣрской сторонѣ человѣческаго быта. Чехи и Моравяне XII и XIII вѣковъ равнялись въ образованности и благородствѣ духа съ лучшими своими сосѣдями, и превосходили еще многихъ другихъ своимъ примѣромъ".

При Премыслѣ II Отакарѣ (1253—1278) чешское государство вступило въ рядъ первостепенныхъ державъ Европы, и чешская исторія выходитъ изъ предѣловъ исторіи провинціальной, пріобрѣтаетъ болѣе обширный объемъ. Послѣ нѣсколькихъ вѣковъ Чехія опять сдѣлалась центромъ великаго государства, которое обнимало Австрію, Штирію, Каринтію и Краину, распространялось въ верхнюю Италію. Рядомъ съ этимъ расширеніемъ границъ чешскаго государства, шли важныя перемѣны и внутри его: король Премыслъ сдѣлался политическимъ реформаторомъ. Онъ создалъ особое сословіе городское, преимущественно изъ Нѣмцевъ, ограничилъ власть жупановъ и судовъ жупныхъ, подчинивъ ихъ центральнымъ властямъ въ Прагѣ, и вообще строго смотрѣлъ за соблюденіемъ справедливости безъ различія сословій; не менѣе того старался о подъемѣ сельскаго хозяйства, промышленности и торговли; самъ онъ былъ человѣкъ великодушный и образецъ, процвѣтавшихъ тогда въ западной и средней Европѣ, рыцарскихъ добродѣтелей. Король Премыслъ занимаетъ важное мѣсто въ исторіи чешской народности именно тѣмъ, что онъ, во вновь создаваемые королевскіе города и окраины чешскія и моравскія призвалъ множество Нѣмцевъ, мѣщанъ, промышленниковъ, рудокоповъ, ремесленниковъ и проч. Хотя самъ онъ не принялъ нѣмецкой народности и вмѣстѣ съ женой сохранялъ живое сознаніе „славянское", именно сознаніе одного происхожденія славянскихъ народовъ, чешскаго и польскаго не смотря на все это, онъ все-таки благоволилъ къ Нѣмцамъ. „Мы не хотимъ, говоритъ Палацкій, и не можемъ его порицать за то, что онъ уничтожалъ древнеславянскія учрежденія въ своей землѣ, которыя въ западной Европѣ не могли дольше ни процвѣтать, ни сохраняться: иначе онъ долженъ былъ бы противиться имперіи и церкви римской, не находя за то у славянскаго востока ни духовной, ни матеріальной поддержки. Но если взглянемъ на повальное онѣмеченіе столькихъ городовъ и пограничныхъ жупъ (уѣздовъ), то едвали можемъ освободиться отъ подозрѣ-

Библиотека "Руниверс"

нія, что не столько потребность опоры противъ шляхты, сколько излишняя жадность новыхъ источниковъ обогащенія была виною его опрометчивости. Если онъ невольно нанесъ этимъ своему народу, быть можетъ, роковой ударъ, то пострадалъ за то самъ скорѣе и тяжелѣе. Судьба, по истинѣ трагическая, наказала его тѣмъ, чѣмъ онъ грѣшилъ: ему досталось не только поруганіе, но, наконецъ, и гибель со стороны того же, воспламенѣвшаго національною враждой, элемента, которому въ жизни чрезмѣрно онъ мирволилъ". Вслѣдствіе соединенныхъ силъ Германіи, Рима и Угріи и присоединившейся къ нимъ, партіи, недовольной своимъ сильнымъ государемъ, — чешско-моравской шляхты,—онъ упалъ съ высоты и погибъ въ сраженіи на Моравскомъ полѣ. „Король Премыслъ Отакаръ былъ на всемірномъ поприщѣ, въ числѣ передовыхъ людей исторіи, явленіемъ не только достопамятнымъ, но и гораздо болѣе благороднымъ, чѣмъ думало наше, сбиваемое съ толку, общественное мнѣніе. Конечно, дѣйствительнаго величія и славы его не слѣдуетъ мѣрить ни числомъ, ни объемомъ земель, которыя онъ присоединилъ къ своей отчинѣ, ни побѣдами, которыя онъ часто одерживалъ надъ могущественными врагами, ни богатствомъ наконецъ, и придворною роскошью, которою онъ превосходилъ всѣхъ государей своего вѣка: она основывалась больше на рѣдкомъ согласіи отличныхъ качествъ правителя, на возвышенныхъ планахъ и принципахъ относительно политики и права, на мудрости, съ которою онъ преобразовалъ устарѣвшее устройство своего государства по потребностямъ своего времени, создавъ новое политическое сословіе не въ ущербъ до тѣхъ поръ существовавшихъ правъ, — на всеобъемлющемъ и сильномъ духѣ, съ которымъ ясно всматривался во всѣ дѣла и отношенія своего государства, и управлялъ имъ мудро, справедливо и основательно; на усердномъ попеченіи о процвѣтаніи промышленности и торговли, объ образованіи и благосостояніи подданныхъ, наконецъ, особенно на энергіи, съ которою онъ защищалъ право и справедливость противъ многочисленныхъ насильниковъ своего вѣка. Онъ былъ и назывался главнымъ щитомъ бѣдныхъ и угнетенныхъ противъ своеволія и злодѣяній сильныхъ людей, въ неравной борьбѣ съ которыми ему пришлось пасть. Оба часто несогласные начальники христіанскаго міра, папа и императоръ римскій, каждый для своихъ собственныхъ выгодъ сговорились другъ съ другомъ на его погибель, взявъ въ союзники невѣрность и измѣну, страсти и предразсудки человѣческіе".

Разшатанное до самыхъ основъ чешское государство было поднято

Библиотека "Руниверс"

только черезъ нѣсколько лѣтъ молодымъ Вячеславомъ II Премысловичемъ, и вслѣдствіе благопріятныхъ обстоятельствъ опять распространено, но на этотъ разъ уже не на югъ, а на востокъ: разрываемая внутренними междоусобицами Польша пригласила къ себѣ Вячеслава; нѣкоторое время казалось, что и корона угорская примкнетъ ближе къ государству чешскаго и польскаго короля. Но это величіе чешскаго государства было непродолжительно: по смерти короля Вячеслава II (1305 г.) и скоро затѣмъ послѣдующемъ убіеніи молодаго его сына Вячеслава III (1306 г.) — послѣдняго члена рода Премысла—чешское государство ограничилось Чехіей и Моравіей и, чрезъ нѣсколько лѣтъ, досталось династіи Люксенбургской (1310 г.).

Съ воцареніемъ новаго короля, Іоанна Люксенбургскаго, Чехія не достигла желаемаго успокоенія. Король Іоаннъ былъ вполнѣ рыцарь-авантюристъ того времени и предпочиталъ болѣе гоняться за приключеніями въ Германіи, Франціи, Угріи, Польшѣ и Литвѣ, чѣмъ заботиться объ устройствѣ своего государства, да нерѣдко онъ находился въ войнѣ и съ своими подданными. Деньги своего государства тратилъ онъ за границей и всѣ коронныя имѣнія отдавалъ въ залогъ за долги. Но за то онъ прославилъ вездѣ въ Европѣ чешское имя и распространилъ границы чешскаго государства, именно въ Лужицы и Силезію. Сынъ и преемникъ Іоанна, Карлъ (1346—1378 гг.) во многомъ не походилъ на своего отца. „Онъ не наслѣдовалъ ни его достоинствъ, ни его недостатковъ. Рыцарски храбрый, при томъ отчасти тщеславный, Іоаннъ поддавался обыкновенно своему живому, непостоянному, но направленному на все благородное, темпераменту; серьезно, или шутя, онъ предпочиталъ всему оружіе, выискивалъ войны и турниры, гонялся больше за славой, чѣмъ за пріобрѣтеніемъ, издерживалъ болѣе, чѣмъ имѣлъ и умѣлъ больше захватывать, чѣмъ сохранять; онъ хотѣлъ великаго, но слишкомъ часто доходилъ до мелочей, потому что не умѣлъ разчитывать. Его ученый и серьезный сынъ выказывалъ, напротивъ, полнѣйшее самообладаніе во всемъ и руководствовался во всѣхъ занятіяхъ планами и разчетами; хотя онъ тоже, когда это было нужно, храбро сражался, но предпочиталъ путь мирныхъ переговоровъ, велъ въ порядкѣ свое хозяйство, выказывалъ отличный талантъ правителя рядомъ съ незначительнымъ даромъ полководца, и дипломатическимъ искусствомъ пріобрѣлъ гораздо болѣе, чѣмъ когда-либо могъ пріобрѣсти оружіемъ. Іоаннъ едва скрывалъ свое малое расположеніе къ народу и землѣ чешской: у Карла же эта любовь, казалось, была единственною его страстью. Іоаннъ

Библиотека "Руниверс"

смотрѣлъ на свое государство какъ на нѣчто, доставляющее ему титулъ, деньги и могущество; не заботясь о его будущности, онъ искалъ только, въ ущербъ благосостоянію страны, вытянуть изъ него все, что̀ возможно въ данный моментъ, хотя его значеніе и могущество погибло черезъ это еще скорѣе, чѣмъ благосостояніе народа. Карлъ же дѣйствовалъ такъ, какъ будто земля и народъ вездѣ были его первою и единою цѣлью; убѣжденный, что могущество правителя прежде всего основывается на умственномъ развитіи, нравственности и благосостояніи его подданныхъ, онъ дѣйствовалъ сообразно этому и этимъ самымъ укрѣплялъ въ то же время и свое могущество".

„Карлъ — самый популярный король, какой когда-либо царствовалъ въ Чехіи. При произношеніи его имени согрѣвается еще и теперь каждое чешское сердце и уста переполняются благодарностью и уваженіемъ къ тѣни государя, который въ народной традиціи сталъ представителемъ наивысшаго разцвѣта и благосостоянія своего отечества". Хотя избранный также въ императоры римско-нѣмецкіе, онъ главное свое попеченіе посвятилъ своему чешскому государству, въ которомъ дѣйствительно могъ царствовать, между тѣмъ какъ при разстроенныхъ отношеніяхъ въ Германіи, это было уже невозможно. Карлъ, принявъ правленіе въ свои руки, выказалъ великолѣпную и обширную дѣятельность. Онъ не стремился къ несбыточнымъ мечтамъ, фантастическимъ теоріямъ, маніямъ чудака; предпринятые имъ подвиги соотвѣтствовали истиннымъ потребностямъ его времени, содѣйствовали благороднѣйшимъ интересамъ человѣчества. Границы и объемъ чешскаго государства Карлъ распространилъ въ Лужицы, Силезію, Бранденбургъ и въ другія сосѣднія нѣмецкія земли, не оружіемъ, а договорами и деньгами. Отношенія чешскаго государства къ Римской имперіи были точно опредѣлены. „Очень вѣроятно, что Карлъ стремился къ возстановленію императорской власти посредствомъ своего дома, изъ Чехіи; еслибъ это удалось, то Германія сдѣлалась бы такою монархіей, какъ Франція, но съ другой стороны исчезла бы чешская народность".

Замѣчательна дѣятельность Карла внутри его государства: отношенія отдѣльныхъ частей къ чешскому королевству были точно опредѣлены; въ немъ водворено полное спокойствіе и справедливое судопроизводство, въ которое самъ король нерѣдко вмѣшивался; онъ былъ, хотя не по праву, но на дѣлѣ, настоящимъ самодержцемъ, хотя и не своевольнымъ тираномъ. Чешскіе вельможи, столь сильные и даже опасные при его предшественникахъ, покорялись его волѣ и управленію;

Библиотека "Руниверс"

только не удалось введеніе общаго уложенія для цѣлаго государства. Карлъ, будучи ученѣйшимъ государемъ и однимъ изъ первыхъ ученыхъ своего времени, покровительствовалъ наукамъ и художествамъ; его побужденіемъ и съ его помощью занялись нѣкоторые ученые отечественною исторіею, при немъ процвѣтала живопись и скульптура; онъ основалъ въ Прагѣ университетъ. При отсутствіи войнъ и при всеобщей безопасности процвѣтали торговля, ремесла и другія занятія мирнаго времени, возникали новыя строенія, именно въ столицѣ Чехіи и Германіи, въ Прагѣ.

Споры преемника и сына Карла, короля Вячеслава IV, съ чешскимъ духовенствомъ и панами скоро отодвинулись на второй планъ вслѣдствіе важныхъ волненій, которыя составляютъ предѣлъ древней и средней исторіи чешской.

Во внутреннихъ отношеніяхъ чешскаго государства и народа—съ половины XIII до начала XV вѣка — произошли важныя перемѣны. Различіе сословій упрочилось и сдѣлалось болѣе рѣзкимъ. Чешская шляхта все больше распадалась на два разряда, пановъ и владыкъ или рыцарей; важное мѣсто пріобрѣло себѣ новое сословіе городское, первоначально почти исключительно нѣмецкое. Отъ древнихъ дѣдичей или дѣдиниковъ, то-есть, людей-ншляхтичей, лично и вещественно свободныхъ, осталось очень мало; подданные кмети (крестьяне) осѣдлые, по чешскому и нѣмецкому праву, пользовались личною, хотя не вещественною свободой. Древнеславянское жупное устройство совсѣмъ пало вслѣдствіе многочисленныхъ и все больше умножавшихся изъятій изъ общаго права, Такимъ образомъ преобразовалась древнеславянская администрація и судопроизводство, развилось особое правленіе земское для учрежденій старыхъ, и особое правленіе придворное для новыхъ учрежденій, возникло нѣсколько судебныхъ мѣстъ и правъ. Кромѣ того, съ половины XIII вѣка распространилось въ Чехіи много чужихъ обычаевъ, особенно же нѣмецкихъ, не только въ государственной, но и въ общественной и литературной жизни. „Если съ одной стороны справедливо, что Чехи, какъ вообще ни одинъ народъ въ мірѣ, не образовались только сами собою и независимо отъ чужаго вліянія, то съ другой стороны видно, что они развили самостоятельно и соотвѣтственно своему собственному духу принятыя извнѣ зародыши. Нельзя не возставать противъ издавна распространеннаго у Нѣмцевъ предразсудка, будто цивилизація въ Чехіи началась только черезъ нихъ, то-есть, черезъ нѣмецкія колоніи. Уже при первомъ взглядѣ на древнѣйшія и лучшія произведе-

Библиотека "Руниверс"

нія чешской литературы ясно видно, что онѣ написаны въ національномъ славянскомъ, даже анти-нѣмецкомъ духѣ. Въ XIV вѣкѣ, когда Нѣмцы въ городахъ пользовались положительнымъ вліяніемъ, духовный перевѣсъ въ странѣ былъ все-таки не на ихъ, а на сторонѣ природныхъ Чеховъ. Доказательствомъ того служитъ большое количество оставленныхъ Чехами латинскихъ и чешскихъ сочиненій, тогда какъ Нѣмцы не могутъ представить ничего другаго кромѣ, конечно, драгоцѣннѣйшей Збраславской лѣтописи архимандрита Петра Житавскаго и переводовъ Далимила и Ткадлечка съ чешскаго на нѣмецкій языкъ. Не видно ли уже изъ этого послѣдняго обстоятельства подтвержденія приведеннаго факта? Но не нужно, конечно, игнорировать и того, что при разнообразномъ смѣшеніи обоихъ племенъ въ странѣ, чешская воспріимчивость и живучесть, съ примѣсью нѣмецкой настойчивости и твердости, пріобрѣла себѣ такую многосторонность, которая отличала Чеховъ столько же отъ ихъ соплеменниковъ, сколько и отъ Нѣмцевъ".

Съ XV столѣтіемъ начинается *средній періодъ* чешской исторіи. Главное содержаніе и характеръ его—это споры и борьба церковная, религіозная, которая два раза повела къ кровавымъ и долголѣтнимъ войнамъ: первой, гуситской, которую Чехи и Мораване довершили побѣдоносно; второй — тридцатилѣтней, которую они несчастливо начали и въ которой, на смерть обезсиленные, исчезли со сцены. Партія гуситская или утраквистская въ это время числомъ и силой стояла на первомъ планѣ. Связь чешской короны съ Германіей, вслѣдствіе отреченія короля Вячеслава IV отъ нѣмецкой короны и потомъ вслѣдствіе гуситской войны, ослабла такъ, что заключалась только въ правѣ чешскихъ королей подавать голосъ при выборѣ императора. Власть королевская въ землѣ была слаба, народъ давалъ самъ себѣ законы, чешскій языкъ былъ въ публичной жизни господствующимъ, нѣмецкій элементъ, сопротивлявшійся гуситству, кромѣ Силезіи и Лужицъ, глубоко упалъ и почти погибъ. Но съ другой стороны, феодальные нѣмецкіе порядки развивались все больше и больше; разница сословій не только сдѣлалась крѣпче и рѣзче, но между шляхтой и городами возникли долголѣтніе споры и даже кровавыя войны; духовное сословіе въ Чехіи вытѣснено съ политической арены; сельское народонаселеніе, пользовавшееся до тѣхъ поръ личною свободой, порабощено.

Болѣе крупныя явленія средняго вѣка суть: возникновеніе *гуситской войны* (1419 г.) и примиреніе утраквистовъ съ католическою

Библиотека "Руниверс"

церковью на Базельскомъ соборѣ; *упадокъ королевской власти* во время долгаго междуцарствія и неудавшееся стремленіе короля Юрія къ ея возстановленію; *распри сословій* и порабощеніе сельскаго народонаселенія при королѣ Владиславѣ; *призваніе Габсбурговъ* на чешскій тронъ (1526 г.) и укрѣпленіе королевской власти на кровавомъ сеймѣ (1547 г.); зачатки новыхъ религіозныхъ споровъ (1602 г.) и возникновеніе *тридцатилѣтней войны* (1618 г.).

Палацкій, какъ извѣстно, не успѣлъ написать исторію всего средняго вѣка, а остановился, по многимъ причинамъ, о которыхъ упомянуто выше, на 1526 году.

Гуситскій періодъ чешской исторіи Палацкаго составляетъ самую блестящую и самую обширную часть его труда (7 томовъ для періода 1403—1526 гг.); и такъ какъ этотъ періодъ, особенно же первая его половина, самый важный въ чешской исторіи, то мы поговоримъ о немъ подробнѣе, чѣмъ о предыдущихъ.

Господствовавшій въ римско-католической церкви расколъ папскій, подкапываніе духовнаго авторитета взаимными анаѳемами обоихъ папъ, свѣтскаго же авторитета—проклятіемъ одпимъ папой не признающаго его государя, испорченность іерархіи и духовенства представляли много причинъ къ сомнѣніямъ: были ли тѣ власти руководимы св. Духомъ? Сомнѣнія въ правотѣ признаваемаго до тѣхъ поръ авторитета повели къ отыскиванію новыхъ источниковъ истины, къ Библіи—какъ къ слову Божіему. Это новое направленіе съ самаго своего начала носитъ характеръ исключительно религіозный, церковный, обратившись противъ папы и іерархіи, а не противъ свѣтской власти, которая въ то время нигдѣ не была абсолютно-монархическою.

Такія сомнѣнія часто являлись въ средневѣковой Европѣ, особенно со стороны разныхъ ересей, Катаровъ и Вальденцевъ, толки которыхъ достигли и Чехіи. „Но то великое движеніе духовное, тѣ бури религіозныя, которыя въ XV вѣкѣ составляютъ главное содержаніе исторіи и существенно измѣнили весь характеръ чешскихъ дѣлъ, происходили не изъ какой-нибудь средневѣковой секты, Вальденской, ни Катарской, а развились изъ собственныхъ зародышей и причинъ, сначала, какъ казалось, незначительныхъ, но пріобрѣтавшихъ себѣ мало-по-малу все болѣе серьезности и важности. Это была идея христіанской жизни въ спорѣ и борьбѣ съ контрастомъ дѣйствительной жизни, которая, не удовлетворяя глубоко благочестиваго сердца старыхъ Чеховъ, вела ихъ все къ новымъ попыткамъ осуществить

Библиотека "Руниверс"

ее въ человѣческомъ обществѣ". Къ тому стремились уже во второй половинѣ XIV вѣка ревностные проповѣдники, Вальдгаузеръ, Миличъ, Матвѣй изъ Янова; къ тому не мало способствовала и кипучая духовная жизнь въ пражскомъ университетѣ, гдѣ, въ числѣ многихъ другихъ ученыхъ сочиненій, въ то время только что стали извѣстными и книги англійскаго теолога Виклифа.

Къ новому движенію въ духовной жизни присоединилось и другое движеніе, національное, которое направилось противъ многочисленныхъ Нѣмцевъ въ университетѣ и повело со временемъ къ ихъ вытѣсненію не только изъ университета, но почти изъ всей Чехіи.

Во главѣ обоихъ движеній, духовно-религіознаго и національнаго, сталъ магистръ *Іоаннъ Гусъ*, въ 1402—1403 гг. ректоръ Пражскаго университета, славный проповѣдникъ Виѳлеемской часовни. „Менѣе грубый въ рѣчахъ, чѣмъ когда-то Конрадъ Вальдгаузеръ и менѣе мечтательный, чѣмъ Миличъ, онъ не волновалъ слушателей до такой степени, какъ эти его предшественники, но за то дѣйствіе его проповѣдей было болѣе продолжительное. Онъ дѣйствовалъ преимущественно на умъ, наводилъ на размышленіе и, предварительно поучивъ и убѣдивъ, только потомъ уже употреблялъ также трогательныя и проникающія слова. Остроуміе и ясность его мыслей, особенная способность касаться сути дѣла и развить его у всякаго на глазахъ, необыкновенное знаніе книгъ вообще и священнаго писанія въ особенности, энергическая и послѣдовательная защита цѣлой учебной системы — все это давало ему значительный перевѣсъ надъ его товарищами и современниками. Къ этому присоединялась строгая серьезность во всѣхъ дѣйствіяхъ, набожная мысль, живая и твердая вѣра; жизнь, даже по отзывамъ враговъ, безпорочная, нѣжное чувство къ друзьямъ, ревностное стремленіе къ улучшенію народа и къ реформѣ всего, что̀ тогда было испорченнаго въ церкви; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, также чрезвычайная смѣлость, неуступчивость и безпощадность противъ враговъ, бьющее въ глаза желаніе пріобрѣсти себѣ народную любовь, честь и славу, но славу такую, апогея которой находится въ мученическомъ вѣнцѣ".

Такъ характеризуетъ Палацкій знаменитаго реформатора, который за свое смѣлое выступленіе противъ іерархіи поплатился смертью, назначенною для еретиковъ. Собравшіеся на соборѣ Констанцскомъ іерархи римской церкви думали, что сожженіемъ Гуса и его друга Іеронима возстановленъ вновь ихъ потрясенный авторитетъ.

Но вышло иначе. Констанцскіе костры произвели огромный по-

Библиотека "Руниверс"

жаръ, охватившій почти все христіанство. Бо́льшая часть Чеховъ вовсе не хотѣла поддаться старому авторитету церкви, и такъ какъ церковь стремилась покорить ихъ силой, или истребить какъ еретиковъ, то они схватились за оружіе. Такимъ образомъ начались страшныя *гуситскія войны*, въ которыхъ воодушевленный чешскій народъ на голову разбивалъ своихъ враговъ, особенно Нѣмцевъ.

Борьба эта приняла двоякій характеръ: вопервыхъ, это была борьба религіозная, борьба за новыя идеи, за убѣжденія противъ притязаній Рима; вовторыхъ, закипѣла старая національная вражда между нѣмецкимъ и чешско-славянскимъ элементомъ, и Чехи хорошо поняли, что вѣковые ихъ враги—„Нѣмцы, которые безъ всякой причины всегда злятся на нашъ языкъ и какъ поступили съ нимъ на Лабѣ и Одрѣ и выгнали его, такъ хотятъ поступить и съ нами и сами занять мѣста выгнанныхъ". Эта-то національная борьба возобновила мысль о соединеніи Чеховъ съ сосѣднимъ славянскимъ государствомъ, польско-литовско-русскимъ, „мысль соединить всѣ *народы славянскіе* подъ одинъ скипетръ и основать на востокѣ Европы не только могущественное государство славянское, но и устроить въ немъ одну церковь и одно вѣроисповѣданіе, подъ знаменемъ святой чаши; это было, однимъ словомъ, осуществленіе *панславистической* идеи, о которой много толкуется только въ наше время". Эта-то идея привела въ Чехію польскихъ и литовско-русскихъ воиновъ, въ томъ числѣ знаменитаго князя Сигизмунда Корыбутовича и князя Острожскаго. Она же заставляла Чеховъ XV вѣка искать себѣ нѣсколько разъ короля „славянскаго рода" и повела, наконецъ, къ воцаренію Ягайловичей на тронѣ чешскомъ [1]).

Хотя грустно смотрѣть на безчисленныя варварства, которыми сопровождались означенныя войны, все таки надъ этою грустною картиной сверкаетъ утѣшительная заря. „Не проводилъ здѣсь своей гнусной игры подлый эгоизмъ, но дѣло шло о благородныхъ потребностяхъ духа, о моральныхъ, а не матеріальныхъ имуществахъ, о свободѣ. Гуситскіе вожди не жаждали ни богатства, ни славы, ни могущества и власти: они были всегда и вездѣ готовы пожертвовать не только имущество, но и жизнь, за идеи, за святое дѣло своей совѣсти и народности".

Первымъ такимъ вождемъ-героемъ является *Іоаннъ Жижка*; онъ

---

[1]) О панславизмѣ во время гуситскаго движенія см. нашу книгу «Славянская взаимность», стр. 139.

Библиотека "Руниверс"

понялъ задачу борьбы чешскаго народа и воевалъ „для освобожденія правды закона божьяго, языка чешскаго и *славянскаго*". Геніальный полководецъ — онъ создалъ новую стратегію, которая сдѣлала Чеховъ первымъ военнымъ народомъ XV вѣка. „Жижка былъ фанатикомъ. Считая вѣру свою спасительною, онъ не думалъ, чтобы кто-либо могъ быть правъ, не имѣя спасительной вѣры. Онъ желалъ не одного излишка набожныхъ чувствъ, но также энергіи въ богоугодныхъ дѣйствіяхъ; онъ желалъ набожности, а не ханжества. Подъ вліяніемъ своего фанатизма, онъ немилосердно убивалъ всѣхъ тѣхъ, кто не жилъ согласно съ нимъ. Больше всего свирѣпствовалъ онъ противъ латинскихъ священниковъ и монаховъ, потому что они, долженствуя быть примѣромъ набожности для народа, были, по его мнѣнію, величайшими грѣшниками и лицемѣрами. Вѣротерпимость и снисхожденіе были неизвѣстныя ему добродѣтели; всякое двоемысліе, равнодушіе и нерѣшительность казались ему мерзостью передъ Господомъ. Онъ хотѣлъ имѣть въ Чехіи только людей искреннихъ, энергичныхъ и надежныхъ, хотя бы ихъ было и мало. Поэтому онъ также гнушался всякимъ примиреніемъ съ врагами; но если кому-нибудь что-либо обѣщалъ, то старался добросовѣстно исполнить свое слово. Ненавидя феодальное панство, онъ не благопріятствовалъ нигдѣ различію сословій. Не любя Нѣмцевъ, онъ примкнулъ тѣмъ сердечнѣе къ славянству, былъ однимъ изъ немногихъ людей того времени, для которыхъ *идея славянская* была побужденіемъ къ дѣйствію. Хотя онъ обладалъ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, но у него недоставало того духа, которымъ нѣкогда Римляне и Нѣмцы умѣли добывать себѣ и укрѣплять господство надъ народами; онъ былъ и въ этомъ отношеніи Славяниномъ. Чехи, подъ начальствомъ Жижки, умѣли побѣждать, но не умѣли пользоваться побѣдами для политическихъ цѣлей. Жижка былъ искренній фанатикъ, пренебрегавшій всегда личною пользой; онъ не жаждалъ ни имущества, ни власти, ни славы. Побѣдитель въ столькихъ сраженіяхъ и вождь непобѣдимаго войска, онъ не гонялся за удовольствіями и умеръ такимъ же бѣднякомъ, какимъ былъ сначала".

У Жижки воспиталось множество полководцевъ, которые, послѣ его смерти, вели Чеховъ къ новымъ и новымъ побѣдамъ. Таковы были попъ Прокопій великій, Прокопій малый, Чапекъ изъ Санъ, Рогачъ изъ Дубой, попъ Бедрихъ изъ Стражницы, Колла изъ Жампаха.

Движеніе, начатое Гусомъ, не остановилось на томъ, чему

Библиотека "Руниверс"

онъ училъ, а пошло дальше. Послѣ разрушенія признаваемаго до тѣхъ поръ авторитета римской церкви, чешскіе гуситы замѣнили его другимъ—авторитетомъ Библіи. Изъ нея они вывели себѣ новый канонъ, извѣстные *четыре артикула* пражскіе и всякій ревностный приверженецъ закона Божьяго ратовалъ за свободу слова Божьяго и за причащеніе подъ обоими видами, противъ свѣтскости духовенства и противъ снисхожденія явнымъ грѣхамъ. Но не всѣ гуситы объясняли себѣ Библію одинаково: одни занимались ею больше чувствомъ, другіе умомъ; одни признавали подлѣ Библіи церковную традицію, на сколько она не противилась Библіи, другіе ее вполнѣ отвергали. Первые составляли большинство въ народѣ и назывались обыкновенно по главному своему знаку—*чашники* (по чешски *калишники*, калихъ=чаша), или *утраквисты* (sub utraque, scil. specie), или, наконецъ, по столицѣ Чехіи — *Пражане*; другіе, меньшинство—*Таборитъ*, по своей столицѣ, новому городу Табору въ южной Чехіи. Чашники очень мало отличались отъ римской церкви,—ихъ ученіе лучше всего видно изъ заключеній синода 1418 г. — и такимъ образомъ получили возможность примириться съ Римомъ на Базельскомъ соборѣ. Между ними были партіи умѣренная, ревностная и крайняя, первая и послѣдняя уступили потомъ средней, ревностнымъ чашникамъ, вождями которыхъ были магистры Яковъ изъ Серебра (*Стрибро* городъ) и Іоаннъ изъ Рокиданъ. Новыя идеи отразились и въ политическомъ устройствѣ чешской столицы: Прага, послѣ паденія власти короля Сигизмунда, сдѣлалась теократическою республикой, управляемою вліятельными священниками; верховною властью пользовалась „великая община", то-есть, совокупность мѣщанъ, ремесленниковъ, поденщиковъ и другихъ, вообще всѣхъ жителей пражскихъ, богатыхъ и бѣдныхъ, которые въ городѣ занимались самостоятельною промышленностью; великая община собиралась на площади и ея приговоры составляли для города законъ, подобно тому какъ это было на древнерусскихъ вѣчахъ.

Другая главная партія гуситовъ, *Таборитъ*, распадалась на разные отдѣлы, прибавлявшіе къ слову Божіему больше или меньше толкованій изъ собственнаго ума. „Здѣсь въ полной и долголѣтней свободѣ и своевольствѣ всплыли разомъ всякія нелѣпости; поэтому видимъ несогласія и споры не только церковные и религіозные, но и соціальные и политическіе, все подъ авторитетомъ слова Божіяго и свободнаго его толкованія. Всякія человѣческія желанія и страсти, при господствѣ установленныхъ порядковъ, обыкновенно болѣе или менѣе

Библиотека "Руниверс"

укрощаемыя и скрываемыя, явились теперь на сцену и заявили свои притязанія.

Хиліастическое мечтаніе, то-есть, вѣра въ новое Божіе царство на Таборѣ скоро исчезло, но за то замѣнилось разными толками коммунистическими и соціалистическими. Стали учить, что не будетъ ни господства, ни подданства, что всѣ люди будутъ равны, что прекратятся всѣ подати, что не будетъ частнаго имущества, а всѣ будутъ владѣть всѣмъ сообща, какъ то дѣйствительно и было на Таборѣ, что права государственныя, земскія, городскія и сельскія будутъ уничтожены, какъ выдумки человѣческія. „Эти ученія брали въ Чехіи верхъ уже въ XV вѣкѣ изъ ложнаго толкованія Библіи точно такъ, какъ во Франціи недавно изъ философскихъ системъ: по настоящій ихъ источникъ былъ, тамъ и здѣсь, внезапное и полное увольненіе и освобожденіе народа изъ-подъ авторитета, который съ теченіемъ времени сдѣлался слишкомъ тяжелымъ". Не менѣе радикально относились Табориты и къ теологическимъ вопросамъ, считая библію единственнымъ источникомъ слова Божіяго; они отвергали всякую традицію, всѣ церковные обряды, посты, праздники (кромѣ воскресенія) и пр., какъ изобрѣтенія антихриста, поклоненіе иконамъ — какъ идолопоклонство, латинскую литургію, которую замѣняли чешскими пѣснями, и проч.; важный у гуситовъ вопросъ объ эвхаристіи они рѣшили самымъ радикальнымъ образомъ; нашлись и такіе люди, которые отвергали Библію и вообще всякое христіанство, клонясь къ пантеизму: это такъ-называемые *голые* или *адамиты*. Но скоро крайнія ученія исчезли, или были истреблены силой, и на Таборѣ взяло верхъ, особенно стараніемъ знаменитаго епископа *Николая изъ Пельгримова*, ученіе среднихъ Таборитовъ, которые, впрочемъ, мало отличались отъ крайнихъ. Какой духъ вѣялъ въ этихъ замѣчательныхъ Таборитахъ, видно особенно на ихъ съѣздѣ въ Пискѣ 1426 года.

Вопросъ о пресуществленіи, которое Табориты отрицали, далъ поводъ къ отложенію отъ нихъ мирныхъ элементовъ, которые вѣрили въ пресуществленіе, соблюдали посты, поклонялись святымъ и пр.; они-то по смерти своего вождя, Жижки, назвались *Сиротками*. „Кажется вообще, что между всѣми гуситскими сектами Сиротки вѣрнѣе держались ученія Гуса, между тѣмъ, какъ Пражане или чашники приближались все больше къ Риму; Табориты же шли дальше, чѣмъ указалъ не только Гусъ, но и Виклифъ. Отдѣломъ мирныхъ Таборитовъ были и братья *Оребскіе*, назвавшіеся такъ по горѣ Оребу, недалеко отъ Градца Королевой. Между Таборитами встрѣчаемъ, впро-

Библиотека "Руниверс"

чемъ, „фактъ, въ то время очень рѣдкій: на Таборѣ, гдѣ съ самаго начала встрѣчалось столько разныхъ и противоположныхъ мнѣній, рано разцвѣла и все больше пріобрѣтала право гражданства религіозная терпимость, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи всѣхъ тѣхъ, которые желали мирнаго сожительства съ сосѣдями.“

Соціализмъ въ Таборскихъ и Сиротскихъ общинахъ есть одно изъ самыхъ интересныхъ явленій въ чешской исторіи вообще, и гуситской въ особенности. Нѣтъ сомнѣнія, что сначала, именно до распаденія Таборитовъ, у нихъ господствовалъ полный коммунизмъ начавшійся во время хиліазма. Кромѣ письменныхъ свидѣтельствъ, это доказываютъ особенно тѣ общія кассы или, какъ ихъ называли, „кади“, которыя были учреждены въ Таборѣ, Пискѣ и Водняпахъ. Какъ долго существовалъ на практикѣ этотъ коммунизмъ нельзя сказать; въ 1422 году о немъ нѣтъ уже и помину и на его мѣсто выступило устройство соціалистическое. Раздѣленіе общинъ Таборскихъ и Сиротскихъ съ тѣхъ поръ „на общину домашнюю (мѣстную)“, и на „общину полевую (то-есть, военную)“ или „полемъ работающую“ является ясно въ теченіе многихъ лѣтъ, по крайней мѣрѣ навѣрно до 1434 года, если не дольше. Полевыя общины должны были заниматься исключительно войной; мѣстныя же — ремеслами и хозяйствомъ и доставлять всякія потребности въ „поле“, то-есть на войну; кажется, что эти общины мѣнялись въ извѣстное время, переходя съ женами и дѣтьми отъ войны къ ремесламъ и наоборотъ. Гражданскій начальникъ общинъ назывался *справца* (правитель), позже *владарь*, военный же былъ *гейтманъ* (гетманъ), подлѣ котораго были *старшіе* войскъ.

Эти разныя религіозныя, политическія и соціалистическія мнѣнія повели и къ спорамъ сословнымъ. Радикальные гуситы стремились къ уничтоженію разницы сословій, и если Табориты и Сиротки и признавали шляхетскіе титулы своихъ приверженцевъ, то ихъ сословныхъ правъ не признавали, и выбирали въ начальники самыхъ способныхъ людей, не смотря на родъ и имущество. И въ этой борьбѣ между аристократическимъ и демократическимъ началами, которая, разумѣется, велась тоже подъ религіознымъ знаменемъ, являлись болѣе или менѣе радикальные элементы: такъ именно мы знаемъ „среднихъ братьевъ“ въ Моравіи, которые требовали, чтобъ платились только законныя подати законнымъ господамъ, а всѣ незаконныя повинности прекратились; эта партія была уничтожена силой. Такія стремленія, конечно, пугали шляхту и тѣснили ее все больше въ ла-

Библиотека "Руниверс"

герь римскій и короля Сигизмунда; она-то позже, въ союзѣ съ иноземцами, нанесла дальнѣйшему развитію гуситизма смертельный ударъ.

Вотъ вкратцѣ характеристика разныхъ гуситскихъ партій, какъ ее могъ начертать Палацкій послѣ долголѣтнихъ изслѣдованій (съ 1824 года); она находится только во второмъ изданіи его исторіи гуситскаго движенія (1872 г.); въ первомъ изданіи (1850—1851 г.) ея еще недостаетъ.

Если разныя гуситскія партіи между собой ссорились, спорили и даже воевали, то все-таки противъ иностранныхъ враговъ они выступали соединенными силами. Чехи нѣсколько разъ разбивали и прогоняли огромныя ополченія всей западной Европы и наконецъ, чтобъ заставить своихъ противниковъ примириться съ собой, они перешли отъ оборонительной системы къ наступательной, и стали опустошать сосѣднія страны. Этотъ поворотъ случился особенно подъ вліяніемъ главнаго послѣ Жижки вождя, *Прокопія великаго*. „Ставъ изъ попа военнымъ начальникомъ, какъ счастливый побѣдитель, онъ пріобрѣлъ себѣ славу непобѣдимости. Образованностью и любовью къ наукамъ и книгамъ онъ отличался передъ другими вождями Таборскими; религіознымъ и національнымъ энтузіазмомъ, энергіей воли и неустрашимостью равнялся Жижкѣ, но превосходилъ его политическимъ разумомъ и не былъ, подобно ему, фанатикомъ. Ибо хотя онъ пошелъ гораздо дальше въ церковныхъ нововведеніяхъ и отстаивалъ ихъ съ чрезвычайною энергіей, но онъ также охотно признавалъ у другихъ право свободы и примиренія съ врагами, гдѣ это соглашалось съ безопасностью его партіи. Ревностный защитникъ общинъ или демократіи своего вѣка, онъ все-таки охотно переговаривался съ шляхтой, чтобы привлечь ее къ своему ученію и не желалъ построить свою власть на гибели противной партіи. По поводу такого миролюбія и уступчивости онъ часто навлекалъ на себя подозрѣніе, будто бы онъ относится къ своимъ приверженцамъ неискренно,— общая участь людей высшаго разума, если они стоятъ во главѣ крайнихъ партій. Такъ какъ въ немъ сосредоточилась сила крайнихъ началъ и партій, и относительно вѣроисповѣданія, и относительно соціальныхъ вопросовъ, то не могло быть иначе, какъ что партіи римская, чашническая и шляхетская наконецъ соединились, чтобъ его погубить“.

Страшный разгромъ ополченія крестоносцевъ у Домажлицъ и начавшіяся, по примѣру гуситовъ, движенія народовъ въ Германіи и во Франціи, заставили наконецъ римскую іерархію искать примире-

Библиотека "Руниверс"

нія съ Чехами, и интересно видѣть, какъ она на соборѣ Базельскомъ покорно относится къ гуситскимъ вождямъ, и еще сама посылаетъ своихъ депутатовъ въ Прагу. Примиреніе совершилось благодаря роковой катастрофѣ, которая постигла радикальныхъ гуситовъ. Шляхта католическая и чашническая, соединившись съ Пражанами, уничтожила главную силу Таборитовъ и Сиротокъ въ кровавомъ сраженіи Липанскомъ (1434 г.). „Подъ Липанами былъ пораженъ и ослабленъ демократическій элементъ такъ, что онъ пересталъ быть самостоятельною властью въ странѣ; солнце Табора, навсегда зашедшее, сдѣлалось блуждающею звѣздой, кружащеюся подобно другимъ около Праги, единственнаго потомъ средоточія чешскаго народа. Чехія возвратилась въ политическомъ отношеніи опять къ тому же положенію, въ которомъ она была вообще до начала войнъ; аристократія заняла опять первыя мѣста въ земскомъ устройствѣ; та сила, которая прежде, особенно подъ вліяніемъ попа Прокопія великаго, преобладала и рѣшала на сеймахъ, перемѣнилась теперь въ простую оппозицію меньшинства, довольно спокойную и безвредную. Власть королевская въ Чехіи была возстановлена и примиреніе главной партіи чешской, чашниковъ, съ римской церковью состоялось; послѣдняя торжественно заявила, что „Чехи и Моравяне, причащающіеся подъ обоими видами, суть вѣрные христіане и первые сыновья церкви". Но римская курія съ самаго начала относилась неискренне къ новымъ „компактатамъ", и нѣсколько лѣтъ спустя формально уничтожила ихъ.

„Такимъ образомъ окончился рядъ событій, первою пружиной которыхъ были пробудившіяся идеи реформаторскія и національныя. Высшеее значеніе этихъ вопросовъ и свѣжесть силъ, которыми они вводились въ жизнь и защищались, обезпечиваютъ гуситской исторіи всемірную важность и интересъ, хотя чешскія стремленія къ освобожденію духа, будучи слишкомъ преждевременны и не нашедъ себѣ въ окрестныхъ странахъ достаточно воспріимчивой почвы, не привились до такого размѣра и объема, чтобы преодолѣть всѣ бури. Чехія того времени внесла свою долю въ развитіе человѣчества вообще; если въ томъ была заслуга и слава, то нельзя отрицать, что она пріобрѣтена тяжкими жертвами и бѣдствіями".

Если аристократія значительно возвысилась уже послѣ Липанскаго сраженія, то ея власть пріобрѣла себѣ рѣшительный перевѣсъ во время долголѣтняго *междуцарствія* (1439—1453 г.). Между партіями отличалась патріотическимъ духомъ особенно партія ревностныхъ чашниковъ; ихъ начальниками были благородные Гинекъ Пта-

Библиотека "Руниверс"

чекъ изъ Пиркштейна, Алешъ (Алексѣй) Галицкій изъ Штернберга и, особенно, молодой Юрій изъ Подѣбрадъ; духовною же главой— нововыбранный, но папой не утвержденный, гуситскій архіепископъ Пражскій, Ракицана. Партія Подѣбрадская, съ завоеваніемъ Праги, взяла наконецъ верхъ и Юрій Подѣбрадскій былъ признанъ правителемъ земскимъ; онъ занималъ и послѣ воцаренія короля Ладислава первое мѣсто въ его совѣтѣ.

„Духовное состояніе чешскаго народа около половины XV вѣка не можетъ быть названо отраднымъ и исполненнымъ надеждъ; недоставало той всесторонней тонкости, живости и эластичности, которыми отличались предыдущіе вѣка. Доказательствомъ могущественности вліянія Гуса и Жижки было то, что ихъ земляки впослѣдствіи не были въ состояніи, даже цѣлый вѣкъ спустя, опомниться и освободиться отъ него: ихъ дѣятельность и стремленіе обращались всегда почти исключительно къ дѣламъ религіознымъ и военнымъ. Чехъ того вѣка, если возвышался въ области духа и мысли, то не искалъ и не находилъ тамъ ничего, кромѣ безконечныхъ вопросовъ о церкви и ереси, о Божіемъ словѣ и антихристѣ, объ эвхаристіи и чашѣ, о правахъ и обязанностяхъ іерархіи и проч., и его занятія сосредоточивались, какъ на самомъ важномъ и полезномъ дѣлѣ, на упражненіи оружіемъ, устройствѣ возовъ и военнаго строя, наемномъ упражненіи въ военномъ ремеслѣ, не глядя, для кого и противъ кого. Но не только запущена была обработка обширной области наукъ естественныхъ и историческихъ вообще, не только изгнана эстетика и введено варварство, но ослабли также предпріимчивость и прогрессъ въ промышленности, которая ограничилась потомъ только необходимыми обыденными потребностями. Конечно, въ томъ была виновата и нетерпимость противной партіи, которая сознательно и явно стремилась къ обѣдненію чешскаго духа, запрещая своимъ вѣрнымъ всякое общеніе съ Чехами и стремясь изолировать ихъ и исключить, такъ сказать, изъ міра. Кругозоръ ума человѣческаго расширяется только сношеніями съ чужими элементами. Чехамъ-утраквистамъ и послѣ примиренія посредствомъ компактатовъ не переставали затворять заграничныя школы, въ которыхъ умъ ихъ могъ бы хотя немного выбиться изъ мѣстной узкой сферы, и хотя чешскіе воины были нужны и ихъ искали во всѣ страны, но ихъ исключало изъ болѣе интимнаго общенія съ чужеземнымъ обществомъ не только грозное ихъ ремесло, но народность и вѣра; эта послѣдняя сдѣлалась препятствіемъ не только для дворянъ въ исканіи ры-

Библиотека "Руниверс"

царскихъ приключеній, но мѣшала и купцамъ въ ихъ торговлѣ и промышленности. Несчастье Чеховъ зависѣло здѣсь опять отъ ограниченнаго ихъ числа; еслибъ они были сорокамилліоннымъ народомъ, то ихъ изолированное положеніе не могло бы продолжаться".

Въ чешской литературѣ того времени, воздѣлываемой на языкахъ латинскомъ и чешскомъ, нѣтъ ни одного болѣе замѣчательнаго историка, ни одного поэта, и всѣ писавшіе по этимъ предметамъ не выходятъ изъ ряду посредственности. За то число разныхъ богословскихъ статей значительно, не смотря на безконечные ауто-да-фе древнихъ чешскихъ книгъ и рукописей, зажигаемымъ іезуитами ad majorem Dei gloriam. Богослововъ разныхъ оттѣнковъ, защищавшихъ мнѣнія своихъ партій словомъ и перомъ, было очень много. Между ними особенно извѣстенъ гуситскій архіепископъ пражскій, Янъ изъ Рокицанъ,—человѣкъ, не обладавшій творческимъ талантомъ и не глубокій мыслитель, онъ принялъ систему ученія отъ своего учителя, магистра Якова изъ Серебра, но усвоилъ ее себѣ съ такимъ живымъ убѣжденіемъ, защищалъ ее съ такою ученостью и краснорѣчіемъ, что еще при жизни Якова считался главнымъ вождемъ усердныхъ чашниковъ. Въ жизни этой главной религіозной партіи замѣтно въ половинѣ XV вѣка интересное явленіе: чашники, отвергаемые Римомъ, обращаются на востокъ, въ Царьградъ. Хотя соединеніе чешской утраквистской церкви съ православною тогда и не состоялось, но чашники не переставали озираться на востокъ, и еще въ концѣ XV вѣка администраторъ утраквистской консисторіи, Коранда, вызываетъ Чеховъ бросить римскую церковь и примкнуть къ восточной греческой.

Остатки Таборитовъ, безпрестанно преслѣдуемыхъ чашниками, удержались до половины XV вѣка (1452 г.) и, наконецъ, насильно принуждены были отказаться отъ своихъ особенностей и примкнуть къ утраквистамъ; первый и послѣдній ихъ епископъ, Николай изъ Пильгримова (Бискупецъ), погибъ въ тюрьмѣ. Еще наканунѣ паденія этой замѣчательной теократической республики, посѣтилъ ее заклятый врагъ гуситовъ, извѣстный Эней Сильвій (позже папа Пій II), и оставилъ намъ интересное ея описаніе; между прочимъ онъ замѣчаетъ, что на Таборѣ можно свободно вѣровать, какъ кому угодно, и что Табориты любятъ науки. Кромѣ Таборитовъ, существовало еще нѣсколько меньшихъ сектъ, подходившихъ къ нимъ, но съ своими особенностями. Между ними преимущественно замѣчательны приверженцы Петра Хелчицкаго. Этотъ знаменитый философъ и моралистъ обращалъ

Библиотека "Руниверс"

главное вниманіе не на догматическую, теоретическую часть религіи, а на сторону моральную, на христіанскую практику; между прочимъ онъ осуждалъ войны и всякое кровопролитіе, отличаясь тѣмъ отъ всѣхъ остальныхъ сектъ того времени. Хелчицкій былъ духовный отецъ новой секты, извѣстнаго *единства чешскихъ братьевъ*, возникшаго во второй половинѣ XV вѣка, въ сѣверовосточной Чехіи.

Чешскія бури XV вѣка произвели не меньшія перемѣны въ военныхъ, чѣмъ въ церковныхъ дѣлахъ: онѣ составили переходное время между средневѣковымъ и нововѣковымъ воеваніемъ въ Европѣ вообще. Чехи считались лучшими воинами въ XV вѣкѣ; ихъ уважали, искали и подражали имъ. Чешскія общины, „работающія полемъ", представляютъ зародышъ постоянныхъ войскъ. Эти-то „братья", „роты", то-есть, устроенныя военныя общества, признающія своимъ начальствомъ только гетмановъ, участвуютъ потомъ почти во всѣхъ войнахъ XV вѣка въ средней, восточной и юговосточной Европѣ. Числу чешскихъ богослововъ XV вѣка соотвѣтствуетъ число чешскихъ полководцевъ; къ чешскимъ воинамъ присоединились и многіе Поляки и Русскіе. Палацкій считаетъ даже русское казначейство подражаніемъ чешскимъ военнымъ ротамъ или братствамъ.

„Одною добродѣтелью превышали Чехи того времени всѣ народы: это была любовь къ родинѣ и къ народу или, какъ тогда выражались, къ языку своему. Непріязнь, съ которою они, какъ иновѣрцы и еретики, встрѣчаемы были у всѣхъ заграничныхъ народовъ, имѣла для нихъ, по крайней мѣрѣ, ту выгоду, что тѣснѣе связывала ихъ самихъ и придавала имъ энергію для самопожертвованія на общественную пользу. Благородныхъ и отличныхъ патріотовъ, какими были, напримѣръ, паны Гинекъ Птачекъ изъ Пиркштейна, Алешъ Голицкій изъ Штернберга и друг., было въ Чехіи гораздо больше, чѣмъ въ Германіи или въ Угріи. Юрій изъ Подѣбрадъ пріобрѣлъ себѣ потому особенную любовь народа, что онъ преимущественно заботился объ общемъ благосостояніи своей родины. Поэтому патріотическое чувство было больше развито въ партіи утраквистической, чѣмъ католической, которая тогда прильнула къ чужеземщинѣ, хотя и въ ней также Вилемъ младшій изъ Ризенберга оставилъ свѣтлый и славный примѣръ. Это чувство являлось чаще въ низшихъ и въ среднихъ слояхъ, чѣмъ у высшихъ классовъ. Только патріотическій энтузіазмъ сдѣлалъ возможными бо́льшую часть тѣхъ дѣйствій XV вѣка, которыя возбудили удивленіе міра. Не одинъ Нѣмецъ, сравнивая та-

Библиотека "Руниверс"

кое сознаніе чешское съ почти всеобщимъ равнодушіемъ къ родинѣ у своего народа, не скрывалъ своего удивленія и сожалѣнія".

Въ 1458 году, 2-го марта, сеймъ чешскій выбралъ въ короли любимца чешскаго народа, Юрія Подѣбрадскаго.

Царствованіе Юрія принадлежитъ къ одному изъ самыхъ важныхъ періодовъ чешской исторіи. „Чехи увидѣли опять исходящее съ трона не только могущество и желаніе общаго блага, но также примѣръ и образецъ неутомимой дѣятельности, высокой мудрости, всеобъемлющаго попеченія и непреклонной энергіи. По этой причинѣ въ лицѣ государя сосредоточились всѣ публичныя событія и нація оставалась на заднемъ планѣ даже тамъ, гдѣ она оказывала сопротивленіе. Но Чехія, какъ особое государство и отдѣльное цѣлое, не ограничилась своею мѣстной дѣятельностью, но выступила опять, въ послѣдній разъ, — на обширную міровую сцену и сдѣлалась европейскою державой; еще разъ стало видно, какое важное положеніе занималъ чешскій народъ посреди Европы, какія свѣжія зародыши государственной и чисто человѣческой жизни содержалъ онъ въ себѣ. Условливалось это, правда, ни громомъ оружія и славой завоеваній, ни разжиганіемъ новыхъ, міръ смущающихъ, идей, ни, наконецъ, тою прославленною мудростью и справедливостью, которая дѣлала чешскаго короля въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ посредникомъ между государями средней Европы, и едва не возвела его на тронъ Римской имперіи; важность его вліянія не зависѣла отъ потоковъ множества пролитой крови, ни отъ объема спорныхъ матеріальныхъ успѣховъ, но вообще отъ преимущества духовныхъ интересовъ. Ибо опять долженъ былъ разрѣшиться, и не для одной только Чехіи, вопросъ — имѣли ли право на всемірное господство *идеи средняго или новаго вѣка*.

„Король Юрій сдѣлался, быть можетъ, безсознательно и невольно, представителемъ и защитникомъ новаго времени въ двоякомъ отношеніи и направленіи: вопервыхъ, какъ гуситъ, вовторыхъ, какъ государь и курфирстъ Римской имперіи. Первое направленіе обратилось къ жизни духовной и христіанской вообще, и, слѣдовательно, было гораздо обширнѣе и важнѣе другаго, которое относилось къ дѣламъ политическимъ и свѣтскимъ и ограничивалось почти только одной Германіей.

„Признакомъ среднихъ вѣковъ было черезъ-чуръ сильное владычество принципа *авторитета* въ духовной жизни вообще и въ христіанской въ особенности; новый вѣкъ знаменовался собственно эманципаціей ума отъ авторитета, или принципомъ свободнаго изслѣдо-

Библиотека "Руниверс"

ванія (examen liberum). Послѣ громаднаго моральнаго упадка перваго принципа (расколъ и споры обоихъ его представителей, — императоровъ и папъ), послѣ первой его горячей борьбы съ принципомъ свободнаго изслѣдованія, объявленной міру зажженными въ Констанцѣ кострами, наступила критическая пора, самый важный моментъ въ исторіи послѣдняго пятисотлѣтія.

„Римскіе папы были убѣждены, что апостольская курія должна погибнуть, если ея принципъ дѣлаетъ какія бы то ни было уступки противному принципу; всякій христіанинъ долженъ былъ отказаться отъ права на свободное изслѣдованіе и непремѣнно и безусловно преклониться предъ ихъ ученіемъ. Послѣ пораженія примирительной партіи повсюду, особенно въ Германіи, Чехи-утраквисты и ихъ король были уже единственными видными представителями и защитниками права свободнаго изслѣдованія.

„Это положеніе, само по себѣ важное, сдѣлалось еще важнѣе по поводу тѣхъ отношеній, въ которыя вступилъ король, какъ курфирстъ Германіи и какъ государь вообще. Тѣсный союзъ папы съ императоромъ не понравился нѣмецкимъ государямъ, и они обратили свое вниманіе на короля, какъ на самаго могущественнаго и способнаго въ ихъ средѣ. Онъ долженъ былъ служить ей щитомъ противъ императора и папы, и попытаться поправить то, что было испорчено.

„Если, такимъ образомъ, къ лицу Юрія примыкали всѣ оппозиціонные элементы современнаго міра внутри и внѣ Чехіи, то легко понять, почему папы обращали на него такое вниманіе, почему они стремились, прежде всего, склонить его къ себѣ лаской, и когда на это исчезла надежда, почему борьба съ нимъ казалась имъ еще болѣе нужною, чѣмъ защита христіанскаго міра противъ Турокъ.

„Возобновилась, вслѣдствіе того, религіозная борьба не менѣе упорная и убійственная, чѣмъ та, которою волновалась Чехія за полвѣка раньше; разница состояла въ слѣдующемъ: то, что въ первую пору гуситизма осуществлялось путемъ революціоннымъ и демократическимъ, теперь облеклось въ одежду консервативную и монархическую; нападеніе выходило уже съ той стороны, которая прежде довольствовалась больше обороною. Но эта борьба, хотя веденная съ обѣихъ сторонъ съ крайнимъ напряженіемъ силъ, осталась все-таки нерѣшенною, кончилась обоюднымъ изнеможеніемъ. Ни средневѣковая власть, хотя отлично организованная, не могла задушить и истребить въ христіанскомъ мірѣ зародыши новаго вѣка, ни новый вѣкъ не имѣлъ довольно силъ, чтобъ искоренить то, что ему сопротивлялось

Библиотека "Руниверс"

въ духѣ минувшихъ вѣковъ, то-есть, моральную основу власти императорской и папской.

„Какъ вообще въ чешской исторіи трагическая стихія превосходитъ эпическую, такъ и въ жизни и въ царствованіи Подѣбрадскаго видно то же самое. Патріотическія его заботы и заслуги были такъ признаваемы всѣми, что королевскій вѣнецъ достался ему почти самъ собою, какъ бы въ вознагражденіе за вѣнецъ гражданскій. Онъ, и какъ государь, считался однимъ изъ знаменитѣйшихъ своего вѣка. На его мудрость и способности смотрѣли вездѣ съ удивленіемъ и уваженіемъ. Но счастье его достигло скоро своего зенита, и реакція настала тѣмъ упорнѣе, чѣмъ знаменитѣе была его предыдущая дѣятельность. Тѣ, которые больше всего должны были быть обязаны ему благодарностью, сдѣлались его страшнѣйшими врагами. Его же поведеніе въ роковой борьбѣ отличалось болѣе достоинствомъ и отвагой, чѣмъ успѣхомъ".

Юрій желалъ быть государемъ мирнымъ: „многіе другіе заботились о войнахъ и побѣдахъ, мы же—о соблюденіи права и справедливости; многіе старались размножить и расширить свое владычество, мы же заботились только о чести государства и о благосостояніи его жителей; другіе хотѣли, чтобъ люди боялись ихъ власти, мы же заботились о народѣ и служили ему не иначе, какъ рачительный о своемъ семействѣ отецъ". Такъ понималъ новый король чешскій задачу государя. Король Юрій обратилъ на себя всеобщее вниманіе и пользовался общимъ уваженіемъ у своихъ сосѣдей, у императора и князей нѣмецкихъ, у королей угорскаго и польскаго; нѣкоторые нѣмецкіе князья, недовольные императоромъ, даже задумали возвести въ этотъ санъ перваго курфирста Римской имперіи, короля чешскаго, и поставить его во главѣ задуманнаго похода противъ Турокъ. По дальнѣйшему развитію чешскаго государства по этому пути воспрепятствовала римская курія. Папа Пій II, (Эней Сильвій Пикколомини, часто посѣщавшій Чехію и написавшій чешскую исторію) уничтожилъ компактаты и потребовалъ отъ Чеховъ и ихъ короля возсоединенія съ римскою церковью,— вещи, разумѣется, невозможной для обоихъ. Напрасно чешскій король возъимѣлъ блестящую мысль: ограничить папскую курію и освободить свѣтскую власть отъ ея вліянія созданіемъ какого-то международнаго парламента христіанскихъ государей: тогдашній міръ не созрѣлъ еще для такой великой идеи. Недовольные королемъ элементы въ чешскомъ государствѣ, аристократы и нѣмецкіе города, по внушеніямъ папской

Библиотека "Руниверс"

куріи, отказались отъ повиновенія проклятому въ Римѣ „еретическому“ государю и возстали противъ него съ оружіемъ въ рукахъ. Мало того, мятежники и папа предложили чешскую королевскую корону польскому королю Казиміру; но тотъ, жалѣя о гибели „славянскаго“ народа, не принялъ ее и старался примирить короля Юрія съ его возставшими подданными. За то угорскій король, Матвѣй Корвинъ, жадно ухватился за корону чешскую и началъ долголѣтнюю войну съ „еретическимъ“ чешскимъ королемъ. Юрій скончался въ тотъ моментъ, когда, испивъ страдальческую чашу до дна, долженъ былъ сдѣлаться виновникомъ новаго блага и новой славы своего отечества. *Судьба, кажется, предназначила ему быть не побѣдителемъ, а скорѣе мученикомъ.* Какъ нѣкогда Іоаннъ Гусъ потерпѣлъ за присвоенное имъ себѣ право, которымъ пользуется въ наше время уже весь міръ, такъ и Юрій Подѣбрадскій, пострадавъ главнымъ образомъ за свое эманципированіе изъ подъ іерархической опеки, сдѣлался мученикомъ идеи новѣйшаго государства“.

Король Юрій обнаружилъ свою государственную мудрость и въ вопросѣ о своемъ наслѣдникѣ. Минуя своихъ сыновей, онъ совѣтовалъ Чехамъ выбрать въ короли сына польскаго короля, Владислава. Это и случилось: такимъ образомъ занялъ чешскій тронъ родъ Ягайла (1471 г.) въ „возвышеніе языка славянскаго“, какъ тогда думали Чехи и Поляки съ Литовцами. Но этимъ еще не прекратилась страшная война съ Матвѣемъ, тоже „королемъ чешскимъ“; кончилась она въ ущербъ чешскому государству; Моравія, Силезія и Лужицы отошли отъ него къ Угріи. Чешское государство возстановлено въ своей цѣлости и полнотѣ только по смерти Матвѣя Корвина, когда и Угры выбрали Владислава въ свои короли. Чешская корона присоединена была къ угорской, чешскіе короли и чешское государство втянуты въ дѣла и интересы угорскіе, и въ борьбѣ угорской короны противъ Турокъ, въ несчастномъ сраженіи Могачскомъ, погибъ молодой король Лудовикъ Владиславовичъ (1526 г.).

Чешская исторія во время царствованія Ягайловичей представляетъ все болѣе и болѣе грустную картину. Что касается внѣшнихъ отношеній, то чешское государство какъ будто исчезало, будучи частью государства угорскаго; внутри его видимъ разорванность, безпластіе и слабость. Чины (сословія) чешскаго королевства, панскій, владыцкій (рыцарскій) и городской, постоянно ссорятся и почти вся дѣятельность чешскаго народа того времени поглощается этими сословными спорами; слабые короли напрасно стараются посредничать и

Библиотека "Руниверс"

примирять; шляхта и города примирились только въ 1517 году знаменитымъ договоромъ Святовячеславскимъ, который сохранилъ свою обязательную силу по крайней мѣрѣ номинально до самого 1848 г. Аристократія, возвысившись послѣ Липанскаго сраженія и во время панскаго союза противъ короля Юрія, стремилась къ полному устраненію всѣхъ остатковъ древнеславянской демократіи, къ упроченію феодальныхъ учрежденій и при слабомъ королѣ достигла наконецъ того, что подданное сельское народонаселеніе прикрѣплено было къ землѣ (1487), и господство шляхты выразилось въ земскомъ уложеніи 1500 года.

Правда, въ этихъ перемѣнахъ важную роль играетъ и слѣдующее обстоятельство: чешская и моравская аристократія того времени отличалась образованностью, просвѣщеніемъ, политическимъ развитіемъ, энергіей и отчасти патріотизмомъ; имена Цтибора изъ Цимбурга, Вилема изъ Перштейна, Іоанна изъ Шельнберга, гуманистовъ Богуслава изъ Лобковицъ, Викторина изъ Вшегордъ и другихъ пановъ и шляхтичей, не мало украшаютъ страницы чешской исторіи того времени.

„Что касается духовной жизни чешскаго народа того времени, то нельзя не замѣтить, что преимущества и добродѣтели, которыя въ первой половинѣ XV вѣка сдѣлали Чеховъ предметомъ удивленія міра, чѣмъ дальше, тѣмъ очевиднѣе терялись, такъ какъ дѣятельный духъ прогресса, который бываетъ вмѣстѣ духомъ высшаго просвѣщенія, отклонился отъ этого народа и перешелъ къ его сосѣдямъ и врагамъ. Тотъ духъ прогресса и иниціативы вообще, который въ началѣ вѣка производилъ столько неслыханныхъ дѣлъ, мало-по-малу ослабѣлъ въ духовномъ изолированіи утраквистовъ, подъ владычествомъ авторитета еще болѣе строгаго, чѣмъ это было въ другихъ мѣстахъ. Даже въ военномъ искусствѣ Чехи не сдѣлали ни шагу впередъ со временъ Жижки и Прокопія; чашническій же ригоризмъ породилъ еще большія препятствія полету мысли и умственному кругозору, чѣмъ сама римская церковь. Прогрессъ, который оставался въ религіозной области, находилъ себѣ убѣжище въ благородномъ, но нѣсколько ограниченномъ *единствѣ чешскихъ братьевъ*.“ Воцареніемъ католическаго короля на чешскомъ тронѣ у папской куріи отнятъ былъ по крайней мѣрѣ поводъ къ продолженію ея враждебной политики противъ Чеховъ; но обѣщаніе Владислава—примирить чешскихъ утраквистовъ съ папой, разумѣется, не могло состояться; въ неминуемыхъ религіозныхъ распряхъ между католиками и чашниками, король дер-

Библиотека "Руниверс"

жался первыхъ, къ немалому неудовольствію ихъ противниковъ. Но подъ конецъ этихъ долговѣчныхъ споровъ расцвѣлъ отрадный плодъ просвѣщенія новѣйшаго времени — вѣротерпимость и христіанская любовь: на сеймѣ 1485 года Чехи католики и утраквисты, провозгласили полную *равноправность* обоихъ исповѣданій, и этотъ законъ встрѣчается потомъ во всѣхъ земскихъ уложеніяхъ до 1627 года. Изъ этой терпимости, конечно, были исключены ненавистные католикамъ и утраквистамъ чешскіе братья „пикгарты" (то-есть отрицатели пресуществленія), это религіозное общество подвергалось безпрестаннымъ гоненіямъ и преслѣдованіямъ.

Чехи, пользуясь внѣшнимъ и внутреннимъ миромъ, обратили свое вниманіе на мирныя занятія; усиливающаяся зажиточность народа свидѣтельствовала объ успѣхахъ земледѣлія, ремеслъ и торговли и повела къ новому развитію науки, литературы и художествъ.

Прекращеніемъ династіи Ягайловичей на чешскомъ тронѣ Палацкій кончаетъ свой разказъ и, какъ выше замѣчено, не намѣренъ его продолжать. Ему остается еще разработать чешскій текстъ періода 1283 — 1403 гг., который существуетъ пока только на нѣмецкомъ языкѣ. Палацкій обѣщаетъ затѣмъ изобразить внутреннюю исторію 1253—1526 гг., то-есть, перемѣны въ государственномъ устройствѣ и въ жизни чешскаго народа, духовной, юридической и соціальной; кромѣ того, онъ изложитъ свои мысли о славянской исторіи вообще и чешской въ особенности, о важности и значеніи чешской исторіи въ Европѣ, и пр. Ждемъ съ нетерпѣніемъ этого дополнительнаго тома, или лучше томовъ, и выражаемъ желаніе, навѣрное всѣхъ любителей славянской исторіи, чтобъ обѣщанная Палацкимъ картина культурной исторіи чешской вышла въ возможно большей полнотѣ; судя по тому, что̀ уже сдѣлано имъ (партіи и секты гуситскія, ихъ вожди, военныя роты и проч.), можно ожидать чего нибудь весьма замѣчательнаго.

Палацкій излагаетъ чешскую исторію языкомъ простымъ, напоминающимъ древнихъ историковъ греческихъ и римскихъ; онъ пишетъ не по какому-нибудь шаблону, не увлекается какими-либо теоріями философскими и политическими, и напрасно было бы искать въ его трудѣ разныхъ высокопарныхъ фразъ, какими нерѣдко изобилуютъ книги новѣйшихъ историковъ. „Исторія чешскаго народа"—это трудъ долго созидаемый; факты излагаются въ ней прагматически, только послѣ всесторонняго изученія и обдуманной, строжайшей критики источниковъ, и никогда не заводятъ автора въ царство произ-

Библиотека "Руниверс"

вольныхъ фантазій и воздушныхъ замковъ; чего историкъ на основаніи предлежащихъ данныхъ доказать не можетъ, то онъ оставляетъ нерѣшеннымъ вопросомъ. Только изрѣдка позволяетъ себѣ Палацкій нѣкоторыя историко-философскія и политическія размышленія, объясняющія въ общихъ чертахъ болѣе важныя историческія эпохи. Изъ нихъ, равно какъ и изъ цѣлаго изложенія фактовъ, видно, что Палацкій—рѣшительный приверженецъ прогресса, но прогресса не всеразрушительнаго, а вводящаго реформы въ разныя отрасли жизни мирнымъ способомъ. Онъ не предается той или другой теоріи, онъ не исключительный демократъ и не исключительный аристократъ, онъ не унижаетъ и не возвышаетъ ни Таборитовъ, ни чашниковъ; онъ смотритъ на всѣ сословія, на всѣ политическія, національныя и религіозныя партіи съ точки зрѣнія безпристрастнаго историка-изслѣдователя; онъ соображаетъ, оцѣниваетъ и осуждаетъ всѣ ихъ поступки, какъ заслуги такъ и ошибки. „Одностороннимъ, даже самымъ достовѣрнымъ извѣстіямъ нельзя безусловно вѣрить, ибо audiatur et altera pars; поэтому необходима строгая критика, если хотимъ писать исторію, а не выводы какой-либо извѣстной партіи. Стремленіе къ всевозможной исторической истинѣ и вѣрности — вотъ принципъ, которымъ я руководился",—такъ понимаетъ Палацкій задачу истиннаго историка. Недостатки своего труда онъ чувствуетъ самъ, очень часто жалуется на нихъ и, по возможности, ихъ исправляетъ.

Само собой разумѣется, что это историческое безпристрастіе не помѣшало Палацкому помнить, что онъ *Чехъ-Славянинъ*, что онъ пишетъ „исторію чешскаго народа въ Чехіи и Моравіи", къ судьбамъ котораго онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ; если онъ, съ одной стороны, не колеблется никогда отмѣчать и порицать недостатки и ошибки своего народа, то, съ другой, не умалчиваетъ и о его блестящихъ качествахъ, останавливается на нихъ съ особенною любовью.

Нападки Нѣмцевъ на чешскаго историка особенно усилились въ недавнее время, именно съ 1862 года, когда въ Прагѣ образовалось особое „общество для исторіи Нѣмцевъ въ Чехіи"; во главѣ его сталъ, выписанный изъ Баваріи, вышеупомянутый профессоръ Гёфлеръ, который, со времени своего прибытія въ Прагу, тоже началъ заниматься чешскою исторіей. Но похожденія пражскихъ Нѣмцевъ противъ Палацкаго кончились очень плачевно: своими книжками и полемикою они исключили себя изъ среды историковъ, а перешли въ ряды обыкновенныхъ памфлетистовъ. Чтобы дать понятіе объ ихъ науч-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ пріемахъ, приведемъ только слѣдующіе интересные факты: за то, что Гусъ добылъ своему чешскому народу принадлежавшее ему положеніе въ пражскомъ университетѣ, посыпался отъ нихъ рядъ ругательствъ на этого великаго человѣка, который подъ ихъ перомъ является полнѣйшимъ негодяемъ; за то, что чешскіе гуситы—еще за цѣлыхъ сто лѣтъ до „нѣмецкой" реформаціи—посмѣли поднять знамя новыхъ идей и, между прочимъ, возстановили полное господство чешско-славянской народности у себя дома, пражскіе „нѣмецкіе „историки" не находятъ словъ для ихъ порицанія; борьбу гуситовъ за новыя идеи они называютъ „невыразимо пустымъ внутреннимъ споромъ", ибо эта борьба „не стремилась къ свободѣ, прогрессу и праву, а доставила побѣду несправедливости и развращенію" (sic!). Все это пишется не въ шутку, а совершенно серьезно. Не трудно было Палацкому, на голову разбить такихъ противниковъ и обнаружить ихъ настоящую цѣль — всевозможное поношеніе чешскаго народа и его исторіи. (Die Geschichte des Hussitenthums und Prof. Höfler, 1868; Zur böhmischen Geschichtschreibung, 1871).

Надо, впрочемъ, замѣтить, что поведеніе пражскихъ борцовъ „за нѣмецкую идею" въ Чехіи, не находитъ одобренія въ Германіи, какъ это доказываютъ сочиненія Бёрингера, Крумеля, Бецольда и пр.

Значеніе главнаго историческаго труда Палацкаго у чешскаго народа—громадно. Не смотря на его чисто научную цѣну, онъ игралъ чрезвычайно важную роль и въ національномъ возрожденіи Чеховъ въ послѣднее сороколѣтіе; онъ распространенъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ; его читали и читаютъ всѣ классы общества, образованные и необразованные, шляхта, мѣщане, духовенство, крестьяне,—всѣ находятъ въ немъ свою славу, черпаютъ изъ него указанія и совѣты. Едва ли у другаго народа можно найдти подобное этому явленіе, чтобы строго ученый трудъ пріобрѣлъ такое громадное вліяніе, такую популярность, такой ненарушимый авторитетъ.

Таковы заслуги Палацкаго для чешской исторіографіи, заслуги—по истинѣ безмертныя. Стараніемъ его чешская исторіографія очутилась на такой же высотѣ, какъ и у другихъ культурныхъ народовъ, у которыхъ отечественная исторія пользуется покровительствомъ и пособіемъ высшихъ правительственныхъ кружковъ, преподается вездѣ въ учебныхъ заведеніяхъ и вообще составляетъ предметъ попеченія всѣхъ слоевъ общества. Палацкій создалъ изслѣдователей, число которыхъ все больше и больше увеличивается. Къ прежнимъ историкамъ: Воцелу, Томку, Эрбену, Иречку, Рыбичкѣ, Гин-

Библиотека "Руниверс"

дели, Дудику, Шемберѣ—присоединяются новѣйшіе: Брандель, Эмлеръ, Тифтрункъ, Калоусекъ, Томанъ, Зоубекъ и другіе.

Отъ души желаемъ славному чешскому историку еще долгой жизни, чтобъ по прежнему неутомимо дѣйствовалъ онъ на пользу чешской исторіографіи и довершилъ скорѣе главный свой трудъ—исторію чешскаго народа.

Іосифъ Первольфъ.

Библиотека "Руниверс"

ЮРИДИЧЕСКІЕ ЗНАКИ [1].

Знаки собственности у различныхъ дикихъ, кочевыхъ и земледѣльческихъ народовъ. — Переходъ знаковъ у этихъ народовъ отъ родовыхъ къ общиннымъ, затѣмъ къ дворовымъ и личнымъ.—Такія же измѣненія въ знакахъ Славянъ.— Общая классификація юридическихъ знаковъ.

Въ предшествующихъ главахъ нашего труда мы старались выяснить связь, существующую между нашими печатями, гербами, таврами, торговыми штемпелями, бирками, денежными и другими знаками и древними пятнами или знаменами, а черезъ нихъ и съ теперешними знаками собственности.

Мы знаемъ также, что крестьяне непроизвольно ввели между собою употребленіе знаковъ собственности и не заимствовали ихъ отъ сосѣднихъ народовъ, а получили ихъ какъ наслѣдство, отъ своихъ отдаленнѣйшихъ предковъ. Остается еще разрѣшить вопросы: въ какую именно эпоху возникли наши знаки собственности, что̀ обусловливало ихъ появленіе, и каковъ былъ ихъ первоначальный характеръ и видъ? Корень нашихъ знаковъ—въ родовыхъ знакахъ Славянъ; они обязаны своимъ возникновеніемъ родовому быту нашихъ предковъ.

Дѣленіе на роды, колѣна, поколѣнія или племена можно встрѣтить во всѣхъ частяхъ свѣта у народовъ, находящихся на различныхъ степеняхъ развитія, именно—не только у бродячихъ дикарей, но и у кочевниковъ, иногда даже у земледѣльческихъ племенъ. Мы его находимъ у Австралійцевъ, у Индѣйскихъ племенъ Сѣверной Америки, у Негровъ Африки, у полярныхъ номадовъ, и вообще, у Туранскихъ народовъ Азіи. Есть и въ Европѣ племена, сохранившія родовыя формы быта, какъ увидимъ ниже. У всѣхъ этихъ народовъ существуютъ и особые родовые знаки.

---

[1]) *Окончаніе*. См. ноябрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1874 г.

Библиотека "Руниверс"

Австралійскіе дикари раздѣляются на роды, изъ которыхъ каждый отличается именемъ какого-нибудь животнаго или растенія, которое служитъ символомъ рода, или *кобонгомъ*. Членъ рода ни за что не убьетъ животнаго изъ породы, къ которой принадлежитъ его кобонгъ. Это объясняется увѣренностію, что кто-либо изъ этой породы— ихъ искреннѣйшій другъ, и убить его было бы величайшимъ преступленіемъ. Тувемецъ, носящій имя растенія, позволяетъ себѣ сорвать его при извѣстныхъ условіяхъ и въ извѣстную пору года [1]). Символическіе знаки, или кобонги, кладутся австралійскими племенами на ихъ оружіяхъ, утвари, украшеніяхъ и выдѣлываются на тѣлѣ чрезъ татуированіе [2]). На островахъ Тихаго океана существуетъ обычай, при помощи своихъ знаковъ, превращать въ частную собственность рѣдкія деревья и растенія. Всякій, замѣтившій плоды на какомъ-либо лѣсномъ деревѣ, можетъ сдѣлать на немъ извѣстный знакъ, и тогда плоды эти не будутъ никѣмъ тронуты и могутъ окончательно дозрѣть [3]).

У Индѣйскихъ племенъ Сѣверной Америки каждый родъ также называется особымъ именемъ—*тотемъ* или *додемъ*,—которымъ обыкновенно служитъ названіе какого-нибудь одушевленнаго предмета, напримѣръ, медвѣдя, волка, бобра, черепахи, цапли, акулы и проч., и рѣдко или никогда не одушевленнаго предмета [4]). Это прозвище рода есть вмѣстѣ съ тѣмъ и его символическій знакъ, изображаемый на различныхъ предметахъ [5]). Важность значенія этихъ тотемовъ объясняетъ Лэбокъ въ своемъ сочиненіи „Начало цивилизаціи" еще тѣмъ, что люди положительно ведутъ отъ нихъ свою родословную. Голубь, медвѣдь и волкъ, кажется, были первобытными и самыми уважаемыми тотемами въ большей части племенъ и пользуются до сихъ поръ громаднымъ значеніемъ въ преданіяхъ Ирокезовъ и Ленапи или Делаваровъ. Озагавы, напротивъ, предполагаютъ, что они происходятъ отъ бобра и потому никогда не убиваютъ этого обожаемаго ими животнаго.

Хонды Индіи также принимаютъ названія отъ различныхъ животныхъ, такъ что племена ихъ дѣлятся: на медвѣжье племя, совиное

---

[1]) Доисторич. бытъ человѣка, *Тайлора*, стр. 109. Начало цивилизаціи *Лэбока*, стр. 34—36, 126.

[2]) Allgem. Cultur-Gesch. der Mensch. *Klemm*. I, 319.

[3]) Азбука соціальн. наукъ. С.-Пб. 1871. Ч. I, стр. 37.

[4]) См. №№ 361—365 на нашихъ таблицахъ.

[5]) Доисторич. бытъ человѣка, 382—385. Нач. цивилиз., стр. 40.

Библиотека "Руниверс"

племя, оленье племя и т. д. Колы Нагпора тоже дѣлятся на кеели или кланы, по большей части называемые по имени животныхъ, которыхъ вслѣдствіе этого они не ѣдятъ [1]).

Въ Африкѣ христіанскіе миссіонеры нашли между Неграми такое обыкновеніе, что каждое колѣно обожаетъ какой-либо особый предметъ, чаще всего животныхъ. Имена обоготворяемыхъ животныхъ, признающихся покровителями племени и не употребляемыхъ поэтому въ пищу, принимаются за родовыя прозвища.

Обожанію животныхъ, служившихъ тотемами, авторъ „Начала цивилизаціи" даетъ такое широкое и важное значеніе, что отводитъ ему особое мѣсто въ исторіи развитія человѣческихъ вѣрованій, именуя даже особый періодъ въ исторіи религій *тотемизмомъ*. Впрочемъ, онъ, какъ намъ кажется, не совсѣмъ вѣрно объясняетъ происхожденіе этого обоготворенія. По его словамъ, обожаніе животныхъ произошло отъ обыкновенія называть сперва отдѣльныя личности, а потомъ—ихъ семьи, именами различныхъ животныхъ. Семья, напримѣръ, названная медвѣдемъ, смотрѣла на это животное сперва съ особымъ участіемъ, затѣмъ, съ уваженіемъ, и наконецъ, съ благоговѣніемъ [2]). Мы же думаемъ, что обоготвореніе животныхъ должно было явиться помимо того обстоятельства, что именами ихъ называли людей; оно вытекало прямо изъ потребности человѣка обоготворять явленія внѣшняго міра и коренится въ такъ-называемомъ фетишизмѣ. Наименованіе же людей именами животныхъ только способствовало развитію бо̀льшаго уваженія къ царству животныхъ. Не у всѣхъ народовъ, даже находящихся на низшей степени развитія, символами родовъ и семей въ настоящее время служатъ одни животныя; у нѣкоторыхъ изъ нихъ въ употребленіи уже другіе знаки, какъ можно судить по изображеніямъ ихъ татуировки.

Разрисовка кожи, по словамъ Лэбока, почти повсемѣстна между низшими расами. Иногда каждый разрисовываетъ себя по своему вкусу; иногда же у каждаго клана свой особый рисунокъ. Вотъ что разказываютъ, напримѣръ, объ Аббеокутахъ. Они изображаютъ на себѣ различныя фигуры—черепахъ, алигаторовъ, ящерицъ, звѣзды, круги, зигзаги, прямыя линіи, каемочки, узелки и проч. У нихъ всякое племя, всякій кланъ, даже всякое семейство имѣетъ свой гербъ, безконечныя видоизмѣненія котораго можно сравнить только развѣ съ

---

[1]) Начало цивилизаціи, стр. 126 — 127.

[2]) Начало цивилизаціи, стр. 126.

Библиотека "Руниверс"

разнообразіемъ европейской геральдики. Племенный знакъ Бушмановъ въ Африкѣ состоитъ изъ трехъ шрамовъ, начинающихся на темени и пересѣкающихъ все лицо до рта. Жители Формозы отпечатлѣваютъ на своей кожѣ различныя фигуры деревьевъ, цвѣтовъ и животныхъ. Новозеландцы разрисовываютъ себя кривыми или спиральными линіями. Они употребляютъ свои моко, или рисунки татуировки, вмѣсто подписи [1]). По нашему мнѣнію, знаки втораго рода, то-есть, состоящіе изъ линій, произошли отъ знаковъ перваго рода, то-есть, отъ изображеній животныхъ и другихъ обоготворяемыхъ предметовъ. Доказательствомъ этому можетъ служить то, что татуированіе у многихъ дикихъ народовъ имѣетъ религіозное значеніе, даже тамъ, гдѣ для татуировки употребляются простыя линіи [2]).

Татуированіе первобытныхъ народовъ перешло у расъ болѣе развитыхъ въ нѣкоторыя другія обыкновенія. Такъ, у нѣкоторыхъ изъ племенъ Индусовъ, принятіе въ племя дѣтей совершается, на пятомъ году, чрезъ выдавливаніе на рукѣ особаго знака [3]). Всѣ мужчины городовъ Мекки и Джидды отличаются особыми знаками, которые татуируютъ имъ родители обыкновенно въ сороковой день послѣ ихъ рожденія. Эти знаки, состоя изъ трехъ длинныхъ насѣчекъ или разрѣзовъ, сдѣланныхъ на обѣихъ щекахъ, и двухъ на правомъ вискѣ, представляютъ рубцы въ три или четыре линіи, и потому не изглаживаются во всю жизнь. Бедуины не соблюдаютъ этого обычая, Меккацы же гордятся этимъ отличіемъ, которое исключаетъ всѣхъ жителей другихъ мѣстностей отъ великой чести принадлежать къ числу уроженцевъ святаго города. Чрезвычайно рѣдко татуируютъ такимъ же знакомъ и дѣвочекъ [4]). Это напоминаетъ намъ обычай христіанскаго населенія Іерусалима и паломниковъ татуировать себѣ знакъ креста съ Адамовою головой на правой рукѣ. Западно-европейскіе моряки употребляютъ на рукахъ татуировку въ видѣ имени корабля, года и числа поступленія на судно и собственнаго имени.

Всѣ почти кочевники Средней Азіи имѣютъ свои родовые знаки.

---

[1]) Начало цивилизаціи, стр. 40 — 43.

[2]) Antropologie der Naturvölker von *Waitz*, 5 ч. 2 отдѣл. 1870 г., стр. 67. Въ Микронезіи дикари на однихъ островахъ думаютъ, что татуированіе обитателей предохраняетъ островъ отъ гибели въ волнахъ моря, на другихъ — что только нататуированные идутъ послѣ смерти въ царство блаженныхъ, на третьихъ — что только нататуированные могутъ посѣщать священныя мѣста и т. д.

[3]) Die Rechtsverhältnisse bei verschied. Völker der Erde. von *Bastian*. Berl. 1872, стр. 166.

[4]) О племенахъ земнаго шара, *Хана*. Спб. 1864, ч. 3, стр. 44.

Библиотека "Руниверс"

Родовые символы теряютъ здѣсь значеніе прозвищъ для родовъ, ибо роды уже называются другими именами, напримѣръ, именами родоначальниковъ, мѣстъ кочевки и т. п. Они уже не имѣютъ того священнаго значенія, какъ у дикарей, и состоятъ по большей части изъ изображеній предметовъ домашней жизни и вообще кочевой и т. п.

Чтобы показать, какое значеніе имѣютъ родовые знаки у азіатскихъ племенъ, приведемъ въ примѣръ нѣсколько живущихъ въ предѣлахъ Россіи азіатскихъ народовъ, живо еще сохраняющихъ родовой строй жизни—Киргизъ, Кундровскихъ Татаръ, Калмыковъ и др.

Киргизы Малой Орды дѣлятся на 18 родовъ. Каждый изъ родовъ подраздѣляется на отдѣленія, а отдѣленія — на подотдѣленія. Роды значительно разнятся между собою по числу своихъ членовъ: самый малый изъ нихъ состоитъ изъ 300 кибитокъ, а самый большой—изъ 12 тысячъ кибитокъ. Всякій родъ имѣетъ свой знакъ, называемый тамгою. Тамги имѣютъ свои особыя наименованія, смотря по тому, что̀ онѣ представляютъ. Такъ, у Султанскаго рода тамгой служитъ *джя-окъ*, то-есть, лукъ со стрѣлой (№ 351): султанская тамга называется *ханъ-тамга*; у Табынскаго рода — *таракъ*, то-есть, гребень (№ 352); у рода Хаджи — *алифъ*, то-есть, буква а (№ 353); у Кирдиринскаго, равно какъ и у Шумишли-Табынскаго рода—*шумышъ*, то-есть, ковшикъ (№ 354); у Алачинскаго рода—*костамалы*, то-есть, два, соединенные въ одно (№ 355); у Байктынскаго—*серге*, деревянный намордникъ, надѣваемый на жеребятъ, чтобъ они не сосали матокъ (№ 356); у Черкесскаго — *узунъ-тамга*, то-есть, длинная тамга (№ 357); у Адаевскаго—*тыль-тамга*, то-есть, языкъ тамга (№ 358); у Китинскаго — *чекъ-тамга*, то-есть, знакъ или перекладина вверху кибитки (№ 359), и т. д. Родовыя тамги Киргизъ кладутся на лошадяхъ и овцахъ посредствомъ раскаленнаго желѣза; тамги иногда выдѣлываются на кошмахъ, то-есть, войлокахъ; онѣ же прикладываются къ бумагамъ вмѣстѣ съ подписями. У другихъ азіатскихъ народовъ тамги изображаются и на знаменахъ поколѣній [1]). Всякій пришлецъ долженъ быть приписанъ къ тому или другому поколѣнію и съ того времени пользуется его тамгою.

[1]) Не одни восточные народы изображали на знаменахъ свои родовые знаки. У древнихъ Германцевъ, по указанію Тацита, такіе были значки съ изображеніями звѣрей, для отличія и группированія воинскихъ массъ (Истор. цивилиз. Германіи, *Шерра*. Спб. 1869, стр. 196). Объ обычаѣ изображать животныхъ на знаменахъ, по словамъ Лебова, упоминаетъ и Плутархъ, который именно этому обстоятельству приписываетъ возникновеніе обожанія животныхъ (Начало цивилиз., стр. 125).

Библиотека "Руниверс"

Тамги и примѣты, о которыхъ мы говорили раньше, важны особенно въ случаяхъ грабежа, воровства и вообще пропажи животныхъ, составляющихъ почти единственное богатство Киргизъ: овецъ, лошадей и проч. Когда Киргизы отобьютъ свой скотъ отъ грабителей изъ враждебныхъ поколѣній, то узнаютъ по тамгамъ и примѣтамъ, какому роду онъ принадлежитъ, и возвращаютъ въ родъ, а этотъ ужь отдаетъ животныхъ по принадлежности. Воры и грабители скота стараются уничтожить на немъ старыя тамги и примѣты и наложить знаки своего рода. Тамъ, какъ и у нашихъ крестьянъ, такая поддѣлка служитъ доказательствомъ въ совершеніи преступленія. Если прежняя тамга заростетъ шерстью, то судьи пробриваютъ шерсть и по шрамамъ заключаютъ о воровствѣ [1]).

Приведемъ еще свѣдѣнія о родовомъ устройствѣ Кундровскихъ Татаръ, кочевыхъ инородцахъ Астраханской губерніи. Кундровскіе Татары проводятъ зиму, по примѣру осѣдлыхъ жителей, въ двухъ обширныхъ селеніяхъ Красноярскаго уѣзда, Сейтовкѣ и Хожетаевкѣ, а лѣтомъ кочуютъ по неплодороднымъ степямъ лѣваго берега Волги. По преданіямъ, они считаютъ своимъ родоначальникомъ одного изъ мурзъ Большаго-Ногая, по имени Изманла, у котораго былъ сынъ Едигей, а отъ сыновей-то этого Едигея—Касая и Каспулата — произошли нѣсколько родовъ или поколѣній Кундровцевъ.

Отъ Каспулата идутъ слѣдующіе три рода: Асъ, Найманъ и Тюбетесъ. Асскіе Кундровцы живутъ въ селеніи Хожетаевкѣ, или какъ выговариваютъ сами Татары, Ходжетай. Круглымъ числомъ считается ихъ до 600 душъ мужескаго пола. Тамга этого рода—прямая черта, направленная отъ лѣвой стороны къ правой: *кусюй*, то-есть, палецъ. Родъ Асъ подраздѣляется на два отдѣленія: 1) Шотукъ, 2) Култасъ. Родъ Найманъ живетъ въ селеніи Сейтовкѣ; число душъ мужескаго пола простирается до 500. Наймапскій родъ раздѣляется на три отрасли или отдѣленія: 1) Джагалбайлы; его тамга состоитъ изъ двухъ чертъ (съ одного конца тупыхъ, съ другаго — заостренныхъ), положенныхъ одна на другую, въ видѣ буквы Т, что довольно близко походитъ на молотокъ, какъ она и дѣйствительно называется: *шугушъ тамга*, а шугушъ, или по другому выговору, чокушъ, означаетъ молотокъ. 2) Баганайле; тамга этого отдѣленія есть черта, сверху нѣсколько раздвоенная (Y); она представляетъ собою родъ подпорки или сучковатой жерди, а потому и называется *багана*, столбъ. 3) Шо-

[1]) Изъ моего рукописнаго сборника юридическихъ обычаевъ Киргизъ Малой Орды.

Библиотека "Руниверс"

балачи; тамга его — палецъ, *илинъ*; для различія этой тамги съ тамгой Асскаго рода, она кладется не слѣва направо, а отъ правой сторонѣ къ лѣвой. Родъ Тюбетесъ, иначе называемый Джангы-найманъ, или Янгинайманъ, то-есть, новые Найманы живетъ въ Хожетаевкѣ; численность его полагается душъ въ 600 мужескаго пола. Этотъ родъ употребляетъ ханскую тамгу, *тарак*ъ, гребень.

Отъ Касая произошелъ только одинъ родъ Мангышъ, подраздѣлившійся на шесть отраслей: 1) Мангытъ. Кондровцы этого отдѣленія живутъ и въ Сейтовкѣ,и въ Хожетаевкѣ; въ каждомъ изъ нихъ численность Мангытовъ доходитъ до 1.000 душъ мужескаго пола. Тамга ихъ—ковшъ, *шёмышъ*. 2) Кугюссъ; они живутъ въ Хожетаевкѣ; ихъ числится около 400 душъ мужескаго пола; тамга ихъ или *ковшъ*, или *полумѣсяцъ*, *ай*. 3) Эргенекли; они живутъ тоже въ Хожетаевкѣ, въ числѣ, не превышающемъ 400 душъ мужескаго пола. Одна половина Кундровцовъ изъ отдѣленія Эргенекли имѣетъ тамгой ковшъ, другая—рѣшотку для ограды, *эргенекъ*. 4) Алтоякъ: мѣстожительство, численность и тамга тѣ же, что и у Эргенекли. 5) Байгунда. Татары этого отдѣленія живутъ въ Сейтовкѣ, населеніе ихъ полагаютъ душъ въ тысячу; тамга ихъ—ковшъ. Отдѣленіе Байгунда развѣтвляется на пять подотдѣленій: Байгунда, Ютугулъ, Джальмамбетъ, Аджимбетъ и Аппай. 6) Темирходжа; они живутъ въ Сейтовкѣ, общее число ихъ около 400 душъ мужескаго пола. У Темирходжи три подотдѣленія: а) Темирходжа; его тамга—сабля, *клышъ*, кривая черта, съ одного конца нѣсколько перечеркнутая для обозначенія клинка и эфеса; б) Кирентъ и в) Тойермали: тамги у нихъ — ковшъ съ кривою ручкой, называемый *тойермалё*.

У Кундровскихъ Татаръ есть еще два рода, или двѣ отрасли, неизвѣстные по происхожденію: это 1) Сальджугутъ, въ числѣ около ста душъ мужескаго пола, обитающіе въ Сейтовкѣ; тамга ихъ четырехугольникъ, составленный изъ прямыхъ чертъ □, что означаетъ домъ, *юй*, отчего и тамга эта называется *юй-тамга*, и 2) Токъ; они, всего душъ полтораста мужескаго пола, живутъ тоже въ Сейтовкѣ; въ тамгѣ у нихъ родъ треугольника, обозначающій тотъ клочекъ бумаги съ писаннымъ текстомъ изъ Корана, который благочестивые магометане носятъ на шеѣ. Тамга эта △ называется *дуа-тамга*. Впрочемъ, въ послѣднее время отрасли Сальджугутъ и Токъ замѣнили эти тамги тамгой—ковшъ съ кривою ручкой [1]).

[1]) *Журн. Мин. Вн. Дѣлъ* 1852 г., кн. 6. Волжское инородье. *Небольсина*, стр. 356—359.

Библиотека "Руниверс"

Калмыки, кочующіе въ Астраханской губерніи, дѣлятся на улусы, которыхъ всего семь; улусы составляются изъ родственныхъ между собою родовъ или анги; роды дробятся на аймаки, послѣдніе на хотоны, а хотонъ—это группа близко родственныхъ семей, нераздѣльно кочующихъ на данной мѣстности. Изъ числа семи улусовъ три считаются владѣльческими, а остальные, какъ выморочные, казенными. Казенные улусы управляются назначаемыми отъ правительства особыми правителями, а владѣльческіе — нойонами; власть переходитъ къ старшему въ родѣ. Владѣльцамъ улусовъ подчинены зайсанги, пользующіеся нѣкоторыми правами владѣнія надъ своими аймаками, которые, какъ и улусы, переходятъ безраздѣльно, по праву наслѣдства, къ старшему въ родѣ. У Калмыковъ существуютъ тамги не только улусныя и родовыя, но и у отдѣльныхъ нойоновъ, зайсанговъ и даже иногда у простыхъ Калмыковъ [1]). Тамги наиболѣе всего употребительны для тавренія лошадей. Калмыки таврятъ молодыхъ жеребятъ по достиженіи ими одного года. Обычай этотъ существуетъ не только у Калмыковъ, но и у всѣхъ сосѣднихъ съ ними инородцевъ, также какъ и у Русскихъ, имѣющихъ свои табуны.

На нашей таблицѣ подъ №№ 316 по 322 изображены клейма Калмыковъ Яндыковскаго улуса, разныхъ родовъ и отдѣленій. Такъ, подъ №№ 316 и 317 клейма Барунова рода (по всей вѣроятности—разныхъ аймаковъ), подъ № 318 клеймо Керетова рода и Трухмянъ Чогдурова рода; № 319—Шабинерова рода и Теленгутова рода Хошаутовскаго улуса. № 320—Багутова рода; это тавро находится въ четырехъ родахъ, составлявшихъ въ древности одинъ,—теперь различіе идетъ только въ величинѣ тамги. № 321 — Бага-Цатанова рода, № 322 — Аха-Цатанова рода и у крещеныхъ Калмыковъ, причисленныхъ къ Моздокскому казачьему полку, которые прежде принадлежали этому роду. Подъ №№ 323, 324 и 325 клейма Малодербетьевскаго улуса Абганерова рода. Подъ № 326 общее тавро Эркетеновскаго улуса, подъ № 327 — того же улуса Хожчутова рода (русское тавро). Подъ № 328 клеймо Багацохуровскаго улуса Барунова рода. Подъ №№ 329 до 336 включительно клейма Хошоутовскаго улуса. Изъ нихъ № 329 Ики-Хошоутова и Бага-Хошоутова рода; только въ первомъ тамга больше, а въ послѣднемъ меньше. № 330 — Эркетенова рода, № 331 въ Хошоутовскомъ улусѣ въ скотоводствѣ, № 332 тоже, № 333—Керетова

---

[1]) Калмыцкая степь Астраханской губерніи по изслѣдованіямъ Кумо-Манычской экспедиціи, изд. Мин. Гос. Имущ. Спб. 1868 г., стр. 106, 130.

Библиотека "Руниверс"

рода, также у Киргизъ Джансырова рода и у Мочажныхъ Татаръ, № 334 — Шабинерова рода, № 335 тоже, только основанъ въ различіе. № 336 — того же улуса, въ скотоводствѣ. Подъ №№ 337, 338 и 339 изображены клейма Икицохуровскаго улуса: первое — Ярга-чинъ-Эркетенева рода, второе — Ачинерова рода и у Хошоутовскаго владѣльца нойона Тюменева, третье — Зюнгарова рода, также Хошоутовскаго улуса Цаатанова рода, у Карапагайцевъ Найманова куба и у Кабардинцевъ, только у послѣднихъ тавро бываетъ длиннѣе, во всю ляшку. № 340 — Харахусовскаго улуса Харахусова рода, также Багацановскаго улуса Ламинъ-Шабинерова рода, у Карапагайцевъ Найманова куба и у Мочажныхъ Татаръ бухарскаго двора. № 341 — Малодербетевскаго, Эрденіевскаго и Хошоутовскаго улусовъ. № 342 — Багацохтровскаго зайсанга Собокова; № 343 — Икицохуровскаго нойона Церена-Убуши и Киргизскаго хана Внутренней Орды; № 344—нойона Тюменева; № 345—нойона Тундутова; № 346—нойона Очира Хапчукова; № 347 — нойона Дугарева; № 348 — Калмыка Яндыковскаго улуса Багильда Цакупова; № 349 — Калмыка Эркетеневскаго улуса Чекана Зундуева; № 350 — Калмыка того же улуса Уту-Насунъ-Ширинова [1]).

Примѣръ Кундровскихъ Татаръ и Калмыковъ Астраханской губерніи показываетъ, что вмѣстѣ съ разростаніемъ родовъ и съ разчлененіемъ ихъ на отдѣльныя самостоятельныя части или отдѣлы, родовые знаки могутъ дѣлаться знаками отдѣленій и подотдѣленій. При дальнѣйшемъ развитіи быта, при самомъ началѣ распаденія родовыхъ связей, эти знаки часто переходятъ въ общинные, и наконецъ, дворовые или личные. Вмѣстѣ съ такимъ переходомъ все яснѣе и яснѣе обозначается ихъ главный характеръ какъ знаковъ собственности, и расширяется кругъ ихъ примѣненія въ практической жизни. Такъ, у инородческихъ племенъ Архангельской губерніи, Лопарей и Самоѣдовъ, у которыхъ родовой бытъ клонится къ распаденію, родовые знаки уже перешли въ знаки собственности. Но по бѣдности бытовой обстановки, они не могутъ еще получить такого многосторонняго примѣненія, какъ у другихъ ихъ соплеменниковъ, напримѣръ, Зырянъ и Корелъ, которые въ культурномъ отношеніи стоятъ несравненно выше первыхъ. Въ то время, какъ Самоѣды и Лопари употребляютъ свои знаки только какъ клейма на животныхъ и нѣкоторыхъ вещахъ и вмѣсто подписей, Зыряне и Корелы пользуются

[1]) Калмыцкая степь. Прилож. 1-е.

Библиотека "Руниверс"

ими почти во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, какъ и мѣстное русское населеніе. У Тунгусовъ и Якутъ Сибири, находящихся не на высокой степени культурнаго развитія, уже въ XVII столѣтіи клейма, кажется, являются съ характеромъ личныхъ знаковъ [1]).

Что клейма дѣйствительно могутъ переходить изъ родовыхъ въ фамильныя, въ этомъ можно убѣдиться на клеймахъ Пермяковъ. Живущіе въ Пермской губерніи Пермяки нынѣ имѣютъ фамильные знаки, которыми обозначаютъ предѣлы захваченнаго въ лѣсу угодья, свои борти и улья, деревья, нужныя для хозяйства, накладываютъ ихъ на лошадяхъ посредствомъ раскаленнаго желѣза, прикладываютъ къ роспискамъ и т. д. Въ большинствѣ случаевъ такіе знаки переходятъ, вмѣстѣ съ имуществомъ, къ старшему въ родѣ. Съ возникновеніемъ новаго рода или семьи, является и новый знакъ. Иногда, вмѣстѣ со знакомъ, присвоивается роду особое прозваніе, напримѣръ, родъ Гыровниныхъ происходитъ отъ фамиліи Васькиныхъ, родъ Оленичей изъ фамиліи Щукиныхъ и т. д. Иногда же родъ не имѣетъ особаго прозванія, и нося одну фамилію, роды имѣютъ только свои особые знаки. Послѣднее обстоятельство доказываетъ, что еще не такъ давно семейные знаки Пермяковъ были родовыми. Дѣйствительно, сохранилась довольно старая рукопись, содержащая въ себѣ изображеніе родовыхъ знаменій, съ описаніемъ, какому роду знакъ принадлежитъ и гдѣ родъ обитаетъ [2]).

Все сказанное позволяетъ думать, что и у Славянъ знаки собственности развивались такимъ же порядкомъ. Сначала они были родовыми знаками, а потомъ, съ ослабленіемъ родоваго быта, обратились въ знаки домовые. Разумѣется, переходъ этотъ совершался не вдругъ и не скачками, такъ что наши знаки должны были пройдти не одну фазу развитія. Развитіе же ихъ обусловливалось прогрессивнымъ движеніемъ бытовой жизни народа.

Что Славяне въ началѣ своего историческаго существованія жили въ формахъ родоваго быта — объ этомъ свидѣтельствуетъ много историческихъ данныхъ, не отвергаемыхъ никѣмъ; но есть и прямое доказательство; это именно очевидные остатки родоваго быта, сохранившіеся у одного изъ славянскихъ племенъ. Мы говоримъ о Черногорцахъ. Черногорцы до сихъ поръ дѣлятся на племена, отдѣ-

[1]) Изображенія якутскихъ и тунгузскихъ клеймъ можно найдти въ Дополн. къ Актамъ Историч. изд. Археогр. Ком., т. VII, 1859 г. №№ 1—30.

[2]) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1869, № 12, стр. 338: засѣд. Моск. общ. любит. естествозн., 17-го марта.

Библиотека "Руниверс"

ленія и братства, какъ и другіе народы, находящіеся на той же ступени развитія. Каждое племя, отдѣленіе и братство имѣетъ свое названіе, и эти названія входятъ въ составъ фамильнаго прозвища всякаго Черногорца [1]). Причинъ, способствовавшихъ сохраненію этого архаическаго строя жизни среди Славянъ, надобно искать въ территоріальномъ положеніи и историческихъ условіяхъ Черногоріи. Наши предки, Русскіе Славяне, сравнительно, довольно рано разорвали узы родоваго быта; впрочемъ, не такъ рано, какъ полагаютъ нѣкоторые наши ученые. Въ Русской Правдѣ можно найдти еще много указаній если не на явное существованіе формъ кровнаго быта, то по крайней мѣрѣ, на очевидные остатки его, или лучше сказать, на промежуточныя явленія, свидѣтельствующія о господствѣ родовой общины.

Для насъ весьма важно знать, изъ какихъ частей складывалась наша родовая община, и какъ она распадалась съ развитіемъ народной жизни. Выскажу здѣсь свои соображенія, добытыя изъ изученія теперешней русской общины крайняго сѣвера Европейской Россіи и изъ нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ о ней прошлаго и семнадцатаго столѣтій. Но то, что будетъ высказано здѣсь, не считаю возможнымъ подтверждать теперь же фактами, ибо такимъ образомъ мы далеко ушли бы отъ своей ближайшей цѣли. Родовая община, какъ извѣстно изъ Русской Правды, называлась въ древности вервью, потому что обвервливалась (*вервить* значитъ измѣрять землю веревкой) вокругъ и отвервливалась отъ другихъ вервей, подобно германской маркѣ. Мы еще не знаемъ навѣрное, соотвѣтствовала ли вервь цѣлому роду, или только его отдѣленію, или подотдѣленію, скорѣе всего послѣднимъ; но для насъ это пока безразлично. Вервь складывалась изъ отдѣльныхъ маленькихъ, но значительно разбросанныхъ деревень, которыя назывались *огнищами* или *печищами*, и находились, подобно западно-славянской задругѣ, подъ управленіемъ старѣйшинъ, называвшихся *огнищанами* или *печищанами*. Каждая вервь сначала владѣла землей пахатною и сѣнокосною сообща. Потомъ земли верви раздробились между печищами, при чемъ всѣ члены печища владѣли ею нераздѣльно, не раздробляя ея между собою; пастбища же и лѣса по прежнему оставались въ общемъ владѣніи верви. Затѣмъ появилась частная поземельная собственность въ печищахъ, но такъ, что она не уничтожала совершенно общей собственности печищъ; напротивъ, частная собственность уживалась мирно рядомъ

[1]) Pravni običaji u Slovena, Bogišić, стр. 36.

Библиотека "Руниверс"

съ общимъ землевладѣніемъ. Часть земли дѣлилась между родственниками, составлявшими печище, или *складниками*, и они владѣли ею на правахъ полной собственности, а другая составляла ихъ общее достояніе, и они обработывали ее сообща. Владѣніе землей на правахъ полной собственности отмѣнено правительствомъ, которое ввело повсемѣстно общинное землевладѣніе. Что такова была историческая судьба сѣверной общины, это, какъ уже сказано, мы попытаемся доказать въ другомъ мѣстѣ; для нашей цѣли достаточно и того, что здѣсь изложено. Теперь нужно узнать, какія измѣненія претерпѣвали наши родовые знаки вмѣстѣ съ превращеніями, совершавшимися въ общинѣ. Къ сожалѣнію, прямыхъ указаній, по крайней мѣрѣ, для первоначальнаго измѣненія родовыхъ знаковъ, мы не имѣемъ, а можемъ дѣлать свои заключенія только по аналогическимъ явленіямъ, замѣчаемымъ у другихъ народовъ. Съ распаденіемъ каждаго рода на отдѣленія и подотдѣленія, изъ которыхъ составились родовыя общины или верви, родовые знаки нашихъ предковъ должны были, какъ это мы видимъ, напримѣръ, у Кундровскихъ Татаръ, раздробиться на знаки отдѣленій или общинные знаки. Вѣроятно, когда у насъ впервые обмѣривались и разграничивались верви, то каждая изъ нихъ получала свой знакъ, которымъ обозначались предѣлы верви. То же самое было и у древнихъ Германцевъ, какъ свидѣтельствуютъ данныя филологіи и исторіи. Какъ древняя родовая община Германцевъ, такъ и всѣ земли, принадлежавшія общинѣ, равно и граница земель, и служившіе границею, находившіеся въ общемъ владѣніи лѣса и луга, и даже клейма, съ отдаленнѣйшихъ временъ употреблявшіяся въ Германіи и налагавшіяся, между прочимъ, на предметы межевые, обозначались однимъ и тѣмъ же именемъ марки [1]). И у насъ, какъ мы видѣли раньше, слово, обозначавшее клеймо, знамя, было перенесено, если не на всю общинную землю, то по крайней мѣрѣ, на нѣкоторую часть ея, собственно на лѣсныя угодья и на межевые знаки, обозначавшіе болѣе или менѣе обширныя пространства. Все это служитъ намекомъ на существованіе у насъ веревныхъ знаковъ. При распаденіи общинъ на отдѣльные мелкіе поселки или печища, то-есть съ переходомъ поземельнаго землевладѣнія отъ общиннаго къ печищному, общинные знаки перешли въ печищные, а

---

[1]) Архивъ истор. юрид. свѣд. *Калачева*, кн. 2-я пол. 1-я М. 1855 г.: О родовомъ бытѣ у древнихъ Германцевъ *Грановскаго*. Древности 1867 г. т. I вып. 2: Замѣтка *А. Котляревскаго* къ ст. гр. *Тышкевича*, стр. 246. Deutsche Rechtsalterthümer von *J. Grimm*, Göt. 1854, стр. 406.

Библиотека "Руниверс"

потомъ уже эти послѣдніе—въ дворовые или домовые. Возвратимся нѣсколько назадъ, чтобъ убѣдиться въ послѣднемъ превращеніи, то-есть въ образованіи домовыхъ знаковъ изъ печищныхъ.

Говоря въ началѣ статьи о знакахъ собственности въ Архангельской губерніи и о способѣ ихъ передачи отъ одного лица къ другому, мы сказали, что въ теперешнихъ домовыхъ знакахъ собственности можно почти всегда замѣтить основной или коренной знакъ старой семьи, изъ которой образовались новыя. Въ примѣръ мы приводили крестьянина Чудинова: члены этого семейства, сначала сыновья, а потомъ зятья-пріемыши, принявъ въ основу своего клеймотцовскій знакъ, крестъ въ видѣ римской цифры X, измѣнили его прибавкою рубежей, за исключеніемъ младшаго сына, который, оставшись въ родительскомъ домѣ, удержалъ безъ измѣненія клеймо отца. Такимъ образомъ, крестъ остался кореннымъ знакомъ всего Чудиновскаго рода, составлявшаго собою до 1831 года отдѣльное печище. Если бы члены Чудиновскаго печища не дѣлились землей, хотя бы и жили въ разныхъ домахъ, какъ бывало въ старину, то этотъ знакъ оставался бы у нихъ общимъ, печищнымъ. Возникновеніе дѣлежей земли между лицами, входившими въ составъ печища, но такъ, что часть земли оставалась общею, вызвало обыкновеніе отклеймовываться особыми знаками, въ которыхъ, однакоже, можно было узнать общій печищный знакъ [1]). Въ наше время, когда память о печищахъ почти угасла, вслѣдствіе, съ одной стороны, введенія правительствомъ общиннаго землевладѣнія, а съ другой—вслѣдствіе крайняго дробленія семей, наши теперешніе знаки имѣютъ ужь исключительно характеръ домовыхъ или дворовыхъ клеймъ. Такъ какъ наши знаки переходили различныя фазы своего развитія согласно измѣненіямъ въ характерѣ землевладѣнія, слѣдовательно, подъ вліяніемъ хозяйственнаго или экономическаго начала, то въ нихъ не сохранилось того кровнаго или родоваго элемента, который бросается въ глаза въ гербахъ знатныхъ польскихъ фамилій. Тогда какъ у насъ клейма являются нынѣ представителями только двора, а въ прежнее время—печища, польскіе гербы служатъ символами цѣлыхъ рядовъ фамилій, происходящихъ отъ одного корня или искусственно приписанныхъ къ одному роду.

---

[1]) Мацѣевскій говоритъ, что нѣкогда деревни возникали у Славянъ такъ: возлѣ родительскаго дома, переходившаго къ младшему сыну, являлись строенія остальныхъ сыновей, которые имѣли одну фамилію и одинъ знакъ (гербъ). Hist. pravod. т. III, 364.

Библиотека "Руниверс"

Такъ какъ въ польскихъ гербахъ обнаруживается въ сильной степени родовой принципъ, то можно думать, что они получили свое начало въ родовыхъ знакахъ Польскихъ Славянъ; правда, противъ такого заключенія могутъ быть приводимы историческія данныя, которыя утверждаютъ, что принятіе гербовъ польскимъ дворянствомъ началось никакъ не раньше XIV столѣтія, слѣдовательно когда родовые знаки должны были уже исчезнуть [1]); но, принявъ во вниманіе тотъ фактъ, что своего рода гербовые знаки существуютъ до настоящаго времени въ иныхъ мѣстахъ Польши между простымъ народомъ, нельзя безусловно отрицать возможности происхожденія польскихъ гербовъ именно отъ родовыхъ знаковъ. О Карпатскихъ Польскихъ горцахъ сообщаютъ, что они дѣлятся на двѣнадцать отдѣльныхъ родовъ, различающихся одеждой и обычаями. Изъ нихъ такъ называемые Татранскіе солтыси (Татры—отрасль Карпатовъ) распались на множество семей, которыя, однако, признаютъ другъ друга за родственниковъ, за членовъ одного рода, пользуются *общимъ гербомъ*, имѣютъ фамильныя прозвища, держатся, по преданію, извѣстнаго образа жизни и заработковъ, имѣютъ собственныхъ выборныхъ начальниковъ и вообще бытомъ своимъ напоминаютъ шотландскіе кланы [2]). Въ виду подобныхъ фактовъ, нельзя не считать страннымъ мнѣнія тѣхъ ученыхъ, которые (какъ напримѣръ, графъ Тышкевичъ) не хотятъ видѣть корня аристократическихъ гербовъ въ гербахъ простаго народа, и нельзя не раздѣлять мнѣнія другихъ польскихъ писателей, которые придерживаются противуположнаго взгляда. Такъ, Новосельскій, авторъ книги Lud Ukrainsky, говоритъ: „Зоріанъ Ходаковскій первый замѣтилъ, что между гербовыми знаками Славянъ и ихъ древними религіозными представленіями и символами должно быть извѣстное соотношеніе; дѣйствительно, такъ и было, потому что первоначальные родовые знаки служили талисманами, которые, будучи поставлены на площадяхъ селъ, охраняли ихъ отъ нечистой силы и привлекали на людей и животныхъ плодородіе и здоровье, а будучи взяты на войну, охраняли людей одного рода, или, говоря по малорусски, одного кодла, а со временемъ сдѣлались эмблемами дворянскихъ фамилій. Эмблемы эти были названы godtami, по тому именно, что представляли кодло, или родъ" [3]).

Хотя многое изъ сказаннаго здѣсь, напримѣръ, объ обращеніи ро-

[1]) О нач. наслѣд. въ др. Руси. *Николькаго*. Прилож. 1-е, стр. 31.

[2]) Historya prawod. Słowian., *Maciejowskiego*, т. III, стр. 302—304.

[3]) Lud Ukrainsky. W., 1857. т. I, стр. 186.

Библиотека "Руниверс"

довыхъ знаковъ Славянъ въ военныя знамена, о таинственномъ значеніи родовыхъ знаковъ можно считать только предположеніемъ, тѣмъ не менѣе предположеніе это имѣетъ значительную опору, во-первыхъ, въ тожествѣ названій какъ военнаго знамени, такъ и народныхъ знаменъ или пятенъ; вовторыхъ, въ томъ, что многіе изъ народовъ какъ мы видѣли, на своихъ знаменахъ изображаютъ именно свои родовые знаки. Мысль о томъ, что родовымъ знакамъ приписывалось таинственное значеніе, чародѣйная сила, подтверждается авторомъ доказательствами такого рода, что у различныхъ народовъ разнымъ знакамъ, вошедшимъ въ ихъ алфавиты, придавалось значеніе охранительныхъ талисмановъ; такими, напримѣръ, были буквы х въ римскомъ алфавитѣ, у въ греческомъ и т. д.; нѣкоторые изъ знаковъ, служившихъ таврами для лошадей у восточныхъ народовъ, способствовали, по мнѣнію кочевниковъ, плодородію и сохраненію стада отъ всего дурнаго [1]). Мнѣніе автора можетъ быть еще подкрѣплено происхожденіемъ родовыхъ знаковъ изъ религіознаго начала. Если-жь они имѣли, при самомъ своемъ возникновеніи, религіозное значеніе, то не удивительно, что и долго послѣ того имъ приписывались таинственныя, чародѣйственныя силы.

Измѣненіе внутренняго значенія какого-либо явленія обыкновенно сопровождается перемѣнами и въ формѣ, или во внѣшнемъ видѣ этого явленія. Отсюда, по измѣненіямъ, происходящимъ во внѣшнемъ видѣ или символахъ, можно всегда заключать о дѣйствительности измѣненій въ самомъ явленіи или предметѣ, изображаемомъ символически. Если съ этой стороны взглянуть на разбираемые нами символы, то-есть, на пятна и знамена, то можно вполнѣ убѣдиться въ сказанномъ. Прежде всего слѣдуетъ вспомнить о томъ общемъ явленіи, извѣстномъ каждому археологу, слѣдившему за историческимъ развитіемъ идей, воплощаемыхъ въ символахъ, по которому, чѣмъ глубже и живѣе сознается какая-либо идея, выраженная эмблематически, тѣмъ будетъ яснѣе и цѣльнѣе и символическое ея изображеніе; по мѣрѣ же того, какъ идея затемняется, сознаваясь все смутнѣе и смутнѣе, самый символъ сбрасываетъ свою прежнюю прозрачную оболочку, черезъ которую видно все его внутреннее содержаніе, и облекается въ новую, болѣе темную; символъ становится чисто условнымъ знакомъ, подъ которымъ съ большимъ трудомъ можно узнать первичную его форму и идею, выражаемую имъ. То же самое

---

[1]) Lud Urkalusky, т. I, стр. 185, 211—212.

Библиотека "Руниверс"

можно замѣтить и въ символическихъ изображеніяхъ родовъ и семей, то-есть, пятнахъ и знаменахъ: объ измѣненіяхъ, происходившихъ въ славянскихъ пятнахъ и знаменахъ съ древнѣйшихъ временъ, съ эпохи ихъ возникновенія, мы можемъ заключать только по аналогіи; слѣдить за ихъ историческимъ развитіемъ въ первыя эпохи можемъ только въ связи съ измѣненіями, происходившими въ знакахъ другихъ народовъ, находящихся на различныхъ ступеняхъ развитія.

Въ первобытную эпоху, когда человѣкъ влачитъ свое жалкое существованіе въ борьбѣ за жизнь съ внѣшнею природой, и главнымъ образомъ, съ міромъ животныхъ, онъ является соединеннымъ въ небольшія общества, связанныя кровнымъ родствомъ для болѣе удачной борьбы за существованіе. Каждое такое поколѣніе, или родъ, проникнутое чувствомъ зависимости отъ внѣшней природы, преимущественно же отъ царства животныхъ, обоготворяетъ то или другое живое существо, принимаетъ его имя для собственнаго наименованія и признаетъ его за свой символъ. Поэтому, въ первую эпоху развитія, родовые знаки, какъ мы видѣли, состоятъ по большей части изъ изображеній животныхъ, рѣдко другихъ предметовъ, которымъ поклаяются племена. Когда наши предки находились на этой ступени развитія, то навѣрно у нихъ господствовали въ родовыхъ знакахъ образы звѣрей, птицъ, рыбъ, земноводныхъ, по именамъ которыхъ назывались отдѣльные роды, и изображенія которыхъ они выдѣлывали на своемъ тѣлѣ. Многочисленныя легенды и повѣрья, существующія между Славянскими племенами о различныхъ животныхъ, о неупотребленіи ихъ въ пищу, утверждаютъ насъ въ томъ мнѣніи, что и у Славянъ, какъ и у нынѣшнихъ дикарей, была своя эпоха тотемизма, когда обоготворялись эти животныя, а такіе факты, какъ встрѣчающееся въ одной болгарской рукописи названіе Турокъ — змѣями, Русскихъ — выдрами, Литовцевъ — зубрами, Болгаръ — быками, Сербовъ — волками [1]), подтверждаетъ предположеніе объ извѣстности Славянамъ родовыхъ символовъ, представляемыхъ животными.

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ народовъ, съ переходомъ ихъ къ кочевой жизни, когда борьба съ страшнымъ животнымъ царствомъ значительно ослабѣваетъ, когда человѣкъ самъ становится господиномъ многихъ животныхъ, и когда духовная самодѣятельность его начинаетъ

[1]) Die Rechtsverhält. bei verschied. Völkern von *Bastian*. Berl. 1872, стр 165. Названіе одного славянскаго племени Волчками или Вильцами напоминаетъ племенныя прозвища дикарей по именамъ обоготворяемыхъ ими животныхъ.

Библиотека "Руниверс"

проявляться въ изобрѣтеніи многихъ предметовъ, необходимыхъ въ домашней жизни, вообще при новой обстановкѣ, — животныя мало по малу отступаютъ въ родовыхъ знакахъ на задній планъ, а предметы домашней жизни, которые неизвѣстны въ бродячемъ быту, занимаютъ въ числѣ символовъ первое мѣсто. Они же господствуютъ и въ символахъ земледѣльческой эпохи, пока сохраняется память о родовомъ бытѣ. Самыя изображенія теряютъ уже свои округленныя очертанія и составляются изъ нѣсколькихъ чертъ, расположенныхъ такъ, чтобы представлять выражаемый ими предметъ. Эти предметы уже не служатъ прозвищемъ для родовъ; роды получаютъ особыя наименованія, по большей части отъ имени своихъ родоначальниковъ. Тутъ ужь естественно начинаетъ разрываться та связь между родами и предметами, служащими символами для нихъ, которая такъ ярко бросается въ глаза въ первую эпоху. Къ этому второму періоду, по своему внѣшнему виду, относятся и наши древніе знаки, сохранившіеся въ юридическихъ актахъ, прошедшіе чрезъ различныя фазы своего внутренняго развитія. Они имѣютъ свои особыя названія, потому что представляютъ извѣстные предметы, которые очерчиваются угловатыми и изогнутыми линіями, и при нихъ уже, какъ необходимая принадлежность, являются черточки или прямыя линіи, зародыши будущихъ рубежей.

Въ третій періодъ знаки собственности теряютъ свои названія, почти всѣ состоятъ изъ рубежей, то-есть, прямыхъ линій, и дѣлаются чисто условными знаками; здѣсь символъ и выражаемое имъ понятіе связаны только своимъ историческимъ прошлымъ.

Наконецъ, въ четвертой фазѣ своего развитія клейма являются въ совершенно новой формѣ, въ видѣ начальныхъ буквъ именъ и фамилій ихъ владѣльцевъ. Здѣсь они вполнѣ измѣняютъ свой первоначальный характеръ.

Разумѣется, это дѣленіе черезъ-чуръ общее, и уклоненіе отъ него въ ту или другую сторону весьма возможно, какъ въ этомъ можно убѣдиться и изъ приведенныхъ въ разныхъ мѣстахъ настоящаго труда фактовъ. Но тѣмъ не менѣе, оно всего болѣе удовлетворяетъ генеалогической классификаціи этихъ знаковъ.

V.

Законы развитія юридическихъ знаковъ.

Въ заключеніе нашего очерка, бросимъ краткій взглядъ на все сказанное о юридическихъ знакахъ, при чемъ постараемся уловить

Библиотека "Руниверс"

тотъ общій порядокъ, которому они подчиняются при своихъ измѣненіяхъ.

Прежде всего, мы видимъ источникъ родовыхъ знаковъ въ томъ чувствѣ зависимости человѣка отъ природы, которымъ проникнуты всѣ народы во время ихъ младенчества, и которое становится источникомъ всѣхъ ихъ будущихъ мистическихъ представленій и повѣрій. Зародившись въ видѣ священныхъ родовыхъ символовъ, знаки эти подчиняются общему всей физической и нравственной природѣ закону перехода отъ одной формы въ другія; именно, въ теченіе болѣе или менѣе значительныхъ періодовъ времени, они измѣняются какъ въ своемъ значеніи, такъ и въ формѣ: будучи сначала родовыми знаками, тѣсно связанными религіознымъ чувствомъ съ представляемыми ими родами, они, съ теченіемъ времени, переходятъ въ общинные знаки, затѣмъ въ домовые, и наконецъ, въ личные. Рядомъ съ ними, и изъ нихъ же, въ разное время образуются новыя формы, составившія, съ теченіемъ времени, совершенно особые роды знаковъ. Мы говоримъ о знакахъ, которые являются на печатяхъ, гербахъ, торговыхъ штемпеляхъ и т. д. Такимъ образомъ, намъ представляется явленіе, существующее во всей природѣ: исчезновеніе однихъ формъ и возникновеніе другихъ, хотя родственныхъ имъ, но уже значительно отклонившихся, какъ по своему внѣшнему виду, такъ и по внутреннему значенію. Эти переходы совершаются съ такою правильностію, что, зная законы видоизмѣненій знаковъ, можно предсказать ихъ дальнѣйшую судьбу у каждаго народа, находящагося на низшей ступени культуры, — разумѣется, если его развитіе будетъ идти естественнымъ путемъ.

Мы сказали, что знаки собственности проходятъ чрезъ нѣсколько фазисовъ своего развитія и въ каждую эпоху являются съ новыми характеристическими особенностями. Они, по своей формѣ, на столько различаются другъ отъ друга въ каждомъ фазисѣ развитія, что ихъ можно признавать за различные виды, происшедшіе отъ одного первоначальнаго типа. Развитіе знаковъ совершается подъ вліяніемъ тѣхъ же законовъ, которые господствуютъ и въ мірѣ органическихъ формъ. Вопервыхъ, тутъ замѣчается дѣйствіе наслѣдственности, въ силу которой формы извѣстной эпохи передаются въ неизмѣненномъ видѣ отъ одного поколѣнія къ другому, и это происходитъ подъ вліяніемъ господства въ извѣстную эпоху времени однихъ и тѣхъ же жизненныхъ условій. Вовторыхъ, мы замѣчаемъ явленіе измѣняемости, въ силу которой формы извѣстной эпохи мало по малу начи-

Библиотека "Руниверс"

наютъ переходить въ новые виды, по причинѣ происшедшихъ измѣненій въ бытовой и нравственной обстановкѣ даннаго народа, то-есть, вмѣстѣ съ перемѣной формъ жизни отъ бродячей къ кочевой, и отъ этой послѣдней къ земледѣльческой, съ переходомъ народа отъ родоваго къ общинному быту и т. д. Эта измѣняемость сопровождается борьбой за существованіе между знаками, при чемъ постепенно гибнутъ группы знаковъ болѣе слабыхъ, существованію которыхъ жизненныя условія менѣе благопріятствуютъ, а также—подборомъ знаковъ болѣе удачныхъ, соотвѣтствующихъ жизненнымъ условіямъ. Отсюда слѣдуетъ, что всякій разъ, когда въ данной странѣ измѣнится жизненная обстановка, особи, составляющія видъ, какъ и всѣ вообще организмы, распадаются на двѣ категоріи—способныхъ устоять противъ новыхъ условій и не способныхъ къ этому. Эти послѣдніе, къ которымъ принадлежитъ значительное большинство, постепенно вымираютъ; другіе же продолжаютъ жизнь или въ прежнемъ видѣ, или измѣняясь, сообразно съ новыми условіями, и вмѣстѣ со вновь возникшими формами, даютъ начало новому виду.

Мы сказали, что въ сферѣ разсматриваемыхъ знаковъ, какъ и въ мірѣ живыхъ организмовъ, встрѣчаемся съ отдѣльными особями, которыя, обладая наибольшими способностями къ сопротивленію, постоянно остаются въ живыхъ, то-есть, переживаютъ другихъ, болѣе слабыхъ, которыя безслѣдно исчезаютъ. Но прослѣдить и указать ближайшія причины, почему одинъ изъ знаковъ исчезаетъ, а другой сохраняется въ теченіе нѣсколькихъ эпохъ посреди всеобщаго и постояннаго преобразованія всѣхъ другихъ, современныхъ его возникновенію, формъ, также трудно, какъ трудно сдѣлать это и относительно живыхъ существъ. Только для нѣкоторыхъ индивидуумовъ можно безъ особеннаго труда указать эту причину. Къ числу такихъ индивидуальныхъ формъ принадлежитъ знакъ креста, который встрѣчается у нашихъ предковъ и у другихъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ и сохранился до настоящаго времени, сдѣлавшись господствующимъ среди другихъ знаковъ: это, конечно, совершилось подъ вліяніемъ христіанства.

Иногда при разбираемыхъ знакахъ, какъ напримѣръ, при русскихъ знакахъ собственности второй эпохи, являются зачаточные органы (въ данномъ случаѣ — рубежи), но это не атрофированныя частицы, какія замѣчаются въ живыхъ существахъ высшей организаціи, какъ остатки предшествовавшаго, менѣе совершеннаго, состоянія, — а такіе органы, которые способны къ дальнѣйшему развитію

Библиотека "Руниверс"

и дѣйствительно развиваются потомъ въ самостоятельные символическіе организмы или новые виды знаковъ.

Относительно географическаго распространенія нашихъ знаковъ и распредѣленія ихъ между различными слоями общества замѣчаемъ слѣдующее:

Одинъ изъ видовъ знаковъ, происшедшихъ по прямой линіи отъ родовыхъ (мы говоримъ о знакахъ собственности), сохранился въ иной средѣ, нежели другой рядъ знаковъ, происшедшихъ отъ родовыхъ и личныхъ, то-есть, знаки печатей, гербовъ, торговыхъ штемпелей, межевыхъ знаковъ и т. д.; именно, первыя нашли условія, наиболѣе благопріятныя для своего сохраненія, въ низшихъ слояхъ общества, тогда какъ вторые укоренились преимущественно среди высшихъ сословій. Притомъ, первые спасены отъ роковой борьбы и въ низшихъ слояхъ не повсемѣстно; только въ немногихъ краяхъ они защищены мѣстными условіями отъ окончательнаго истребленія.

Указанные два ряда знаковъ вели упорную борьбу не только со средой, ихъ породившею, но и между собою; при этомъ побѣда осталась за послѣдними, оказавшимися болѣе способными къ жизни; вслѣдствіе того они постоянно увеличивались въ своемъ числѣ и разнообразіи формъ, а побѣжденные мельчали и постоянно изчезали. Изъ числа знаковъ, тѣ, которые нашли для себя благопріятную обстановку среди высшихъ сословій, на столько удалились отъ первыхъ и обособились, что, кажется, составляютъ самостоятельные типы, возникшіе независимо отъ первыхъ и даже другъ отъ друга. Но если идти въ глубь временъ, до эмбріоновъ того и другаго рода знаковъ, то окажется, что какъ тѣ, такъ и другіе, въ началѣ своего существованія, совершенно тожественны. Оттого, напримѣръ, знаки собственности, печати, гербы, межевые знаки, торговые штемпеля и т. п. при самомъ началѣ различаются только по своему употребленію, а не по сущности. Потомъ эти формы, сначала тожественныя, уклоняясь, какъ мы видѣли, по своимъ признакамъ, не только отъ начальнаго типа, но и одна отъ другой, развиваются въ самыя разнообразныя формы, для раскрытія родства и связи которыхъ между собою необходимы тщательныя научныя изысканія. Но изученіе эмбріологіи нашихъ знаковъ возможно только при помощи такихъ звеньевъ въ послѣдовательномъ ряду формъ, которыя ужь исчезли у насъ, но сохранились у другихъ народовъ и на памятникахъ древности разнаго рода. Только такимъ способомъ можно убѣдиться, что настоящіе виды знаковъ, при помощи того же закона,

Библиотека "Руниверс"

которому подчинены живые организмы, то-есть, закона подбора и измѣняемости, обязаны своимъ происхожденіемъ видамъ, сходнымъ съ существующими въ другихъ мѣстностяхъ, а иногда уже давно угасшимъ.

Главное, что бросается въ глаза при разсмотрѣніи исторіи нашихъ знаковъ, есть то, что мы въ нихъ не повсюду видимъ постоянное прогрессивное развитіе формъ отъ низшихъ къ высшимъ, отъ простыхъ къ сложнымъ. Такое развитіе можно наблюдать исключительно только во второмъ типѣ символическихъ формъ, то-есть, въ печатяхъ, гербахъ, денежныхъ знакахъ и пр., тогда какъ въ первомъ ряду формъ, то-есть, въ знакахъ родовыхъ, общинныхъ и вообще въ знакахъ собственности, замѣчаются постепенные переходы, или измѣненія отъ высшихъ къ низшимъ формамъ, что ведетъ ихъ прямо къ вымиранію. Но и это явленіе не противорѣчитъ явленіямъ въ мірѣ органическихъ формъ. Сама знаменитая теорія о происхожденіи видовъ, по словамъ ея автора, вовсе не заключаетъ въ себѣ идеи о постепенно возрастающемъ прогрессированіи всего организма, но только идею измѣняемости, такъ что виды могутъ измѣняться постепенно, хотя организація ихъ и не совершенствуется.

Итакъ, мы видимъ среди нашихъ юридическихъ знаковъ взаимное родство и происхожденіе ихъ отъ одного типа, явившіяся при помощи измѣняемости, соперничества или борьбы за существованіе, и подбора, то-есть, въ силу законовъ, постоянно дѣйствующихъ вокругъ насъ въ мірѣ живыхъ существъ.

П. Ефименко.

Объясненія къ таблицѣ клеймъ.

№№ 1—15. Знаки собственности у крестьянъ одной деревни села Ракулы, Холмогорскаго уѣзда. Доставилъ крестьянинъ Дохтуровъ.

№№ 16—43. Знаки собственности у крестьянъ деревни Высокаго Бору, села Богоявленскаго, Ухтострова, Холмогорскаго уѣзда. Доставлены помощникомъ миссіонера Ф. С. Батраковымъ.

Изъ числа этихъ клеймъ означенныя подъ №№ 18—21, 24, 25, 30, а также подъ №№ 128, 130, 132, вырубаются на двухъ сторонахъ жерди.

Библиотека "Руниверс"

№№ 44—71. Знаки крестьянъ деревни Товры, Холмогорскаго уѣзда. Доставилъ крестьянинъ Короткой.

№№ 72—84. Знаки крестьянъ Шенкурскаго уѣзда. Доставлены секретаремъ съѣзда мировыхъ посредниковъ Костылевымъ.

№№ 85—87. Знаки крестьянъ селенія Зимней Золотицы, Архангельскаго уѣзда. Доставилъ священникъ Розановъ.

№№ 88—90. Знаки крестьянъ Пинежскаго уѣзда, срисованные П. А. Ивановымъ съ приговора сельскаго схода.

№№ 91—102. Знаки крестьянъ Нюхотской волости, Кемскаго уѣзда, снятые мною съ рѣшеній волостнаго суда.

№№ 103—116. Срисованные мною знаки крестьянъ селенія Сювьмы, Архангельскаго уѣзда.

№№ 117—136. Знаки эти срисованы мною въ городѣ Холмогорахъ и принадлежатъ живущимъ здѣсь крестьянамъ, также мѣщанамъ и купцамъ; у послѣднихъ клейма именныя.

Многіе изъ знаковъ собственности русскаго населенія Архангельской губерніи изображены здѣсь по нѣскольку разъ, для того, чтобы показать однообразіе знаковъ въ различныхъ мѣстностяхъ губерніи.

№№ 137—144. Заимствованы изъ изданія археографической коммиссіи: Акты юридическіе. С.-Пб. 1838 г., стр. 185 и 213; эти старинные русскіе бортные знаки.

№№ 145—153. Заимствованы изъ изданія археографической коммиссіи: Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи. Т. II-й. С.-Пб. 1864 г., стр. 558. Это тоже русскіе бортные знаки.

№№ 154—164. Старинные знаки бортниковъ Черемисовъ. Акты юридич., стр. 213.

№№ 165—196. Знаки Лопарей. Взяты изъ книги сдѣлокъ Кольскаго Печенегскаго монастыря 1734 г., находящейся въ Холмогорскомъ соборѣ, также изъ дѣлъ Холмогорскаго уѣзднаго суда 1821 и 1828 гг. по иску Лопарей съ крестьянина Погодаева.

№№ 197—303. Корельскіе знаки. Взяты изъ рѣшеній волостныхъ судовъ и книгъ договоровъ Корельскихъ волостей Архангельской губерніи.

№№ 304—313. Изъ книги Миллера: „Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ Черемисовъ, Чувашъ и Вотяковъ". С.-Пб. 1791 г., стр. 64.

№№ 314. Знакъ Темниковскаго Татарина. Взятъ изъ изданія Археографической коммиссіи: Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи. Т. II-й, стр. 433.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

№ 315. Родовой знакъ черкесскаго племени Джигитовъ. Доставилъ П. С. Познанскій.

№№ 316—350. Родовые и личные знаки Калмыковъ Астраханской губерніи. Изъ книги: Калмыцкая степь Астраханской губерніи, изданной министерствомъ государств. имуществъ. С.-Пб. 1868 г., приложеніе.

№№ 351—360. Родовыя клейма Киргизъ Малой Орды. Изъ моего рукописнаго сборника юридическихъ обычаевъ Киргизъ Малой Орды.

№№ 361—365. Родовые знаки сѣверо-американскихъ Индѣйцевъ, заимствованные изъ книги Тайлора: Доисторическій бытъ человѣка. М. 1868 г., стр. 108. Здѣсь изображены: мѣднохвостый медвѣдь, акула, зимородокъ, черепаха и журавль.

Библиотека "Руниверс"

О ФИЛОСОФСКИХЪ ТРУДАХЪ П. Д. ЮРКЕВИЧА.

Если высотою и свободою мысли, внутреннимъ тономъ воззрѣній, а не числомъ и объемомъ написанныхъ книгъ опредѣляется значеніе настоящихъ мыслителей, то безспорно почетное мѣсто между ними должно принадлежать покойному московскому профессору Памфилу Даниловичу Юркевичу. Въ умственномъ характерѣ его замѣчательнымъ образомъ соединялись самостоятельность и широта взглядовъ съ искреннимъ признаніемъ историческаго преданія, глубокое сердечное сочувствіе всѣмъ существеннымъ интересамъ жизни—съ тонкою проницательностью критической мысли. Оставленные имъ философскіе труды немногочисленны и не обширны. Какъ и бо̀льшая часть русскихъ даровитыхъ людей, онъ не считалъ нужнымъ и возможнымъ давать полное внѣшнее выраженіе всему своему умственному содержанію, выворачивать его наружу на показъ, онъ не хотѣлъ перевести себя въ книгу, превратить все свое духовное существо въ публичную собственность. Однако и изъ того, что̀ имъ оставлено, достаточно видно, что мы имѣемъ дѣло съ умомъ сильнымъ и самостоятельнымъ. Прежде чѣмъ обратиться къ обзору его трудовъ, я сообщу нѣсколько біографическихъ о немъ свѣдѣній.

Памфилъ Даниловичъ Юркевичъ былъ сыномъ сельскаго священника въ Полтавской губерніи, и родился около 1827 года. Пройдя семинарскій курсъ въ Полтавѣ, онъ поступилъ въ 1847 году въ Кіевскую духовную академію. Здѣсь, по окончаніи курса съ причисленіемъ къ первому разряду воспитанниковъ, по особому распоряженію мѣстнаго начальства введенъ былъ онъ въ назначенную ему академическою конференціею должность наставника по классу философскихъ наукъ (1851 г.); въ слѣдующемъ году возведенъ на степень магистра и переименованъ въ баккалавры академіи; въ 1853 году „за отлично усердные и весьма полезные труды его объявлено ему благоволеніе

Библиотека "Руниверс"

Св. Сѵнода". Въ слѣдующемъ году онъ опредѣленъ помощникомъ инспектора академіи, но, вѣроятно, эта должность не пришлась ему по вкусу, потому что черезъ два года онъ, согласно своему прошенію, былъ отъ нея уволенъ. Въ 1857 году, сверхъ философіи, поручено ему было преподаваніе нѣмецкаго языка, а черезъ годъ онъ возведенъ въ званіе экстраординарнаго профессора. Въ 1861 году „опредѣленіемъ Св. Сѵнода за примѣрно усердную службу, обширныя свѣдѣнія и отличное преподаваніе возведенъ въ званіе ординарнаго профессора". Труды его, отчасти напечатанные въ ученомъ журналѣ Академіи обратили на себя вниманіе не одного духовнаго начальства: въ томъ же 1861 году онъ былъ приглашенъ на философскую каѳедру въ Московскій университетъ, куда въ октябрѣ этого года и былъ съ Высочайшаго соизволенія перемѣщенъ ординарнымъ профессоромъ. Здѣсь, кромѣ университетскихъ занятій, онъ прочелъ рядъ публичныхъ лекцій о матеріализмѣ, потомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, преподавалъ педагогику въ учительской семинаріи военнаго вѣдомства [1]). Въ 1869—1873 гг. былъ онъ деканомъ историко-филологическаго факультета. Въ этомъ послѣднемъ году П. Д. лишился жены (онъ женился еще въ Кіевѣ въ 1856 году), которая умерла въ Крыму послѣ долгой болѣзни. Это несчастіе и соединенныя съ нимъ тревоги совершенно разстроили здоровье П. Д. Онъ серьезно заболѣлъ и уже болѣе не поправлялся. 4-го октября текущаго года онъ скончался въ Москвѣ отъ истощенія силъ.

Философскіе труды Юркевича, частію помѣщенные въ провинціальномъ и притомъ спеціально духовномъ журналѣ, мало извѣстны даже такимъ лицамъ, которыя могли бы оцѣнить ихъ достоинство. Познакомить ихъ съ этими статьями составляетъ цѣль слѣдующаго изложенія.

I.

Первый напечатанный трудъ Юркевича есть, на сколько мнѣ извѣстно, статья: *Сердце и его значеніе въ духовной жизни человѣка* [2]). Статья эта представляетъ значительный философскій интересъ и потому я изложу ее подробно, большею частію, словами автора.

---

[1]) Педагогика составляла одно изъ любимѣйшихъ занятій П. Д. Онъ посвятилъ ей два большіе труда. Желательно было бы, чтобы компетентныя лица оцѣнили ихъ по достоинству.

[2]) *Труды Кіевской Духовной Академіи* за 1860 г., кн. 1-я. Статья не подписана.

Библиотека "Руниверс"

Въ общемъ сознаніи существо человѣка какъ тѣлесное, такъ и душевное, представляется состоящимъ изъ двухъ важнѣйшихъ основныхъ частей, которыя на обыкновенномъ языкѣ обозначаются словами „сердце“ и „голова“. Несомнѣнно, что для общаго живаго языка слова эти, обозначающія собственно части физическаго организма, относятся вмѣстѣ съ тѣмъ и преимущественно къ двумъ главнымъ сторонамъ духовнаго существа. Такое словоупотребленіе предполагаетъ въ общемъ сознаніи то убѣжденіе, что опредѣленные элементы духовнаго существа имѣютъ свое ближайшее выраженіе или воплощеніе въ опредѣленныхъ частяхъ тѣлеснаго организма, а именно, что нравственный или практическій элементъ духа, то-есть, начало воли и душевныхъ аффектовъ, воплощается ближайшимъ образомъ въ сердцѣ, какъ центральномъ органѣ кровеносной системы, а теоретическое начало духа, то-есть, умъ, имѣетъ свое внѣшнее выраженіе въ головѣ, какъ вмѣстилищѣ важнѣйшихъ частей нервной системы, именно головнаго мозга и органовъ внѣшнихъ чувствъ. Такимъ образомъ по этому воззрѣнію человѣческое существо, какъ человѣческое, состоитъ не изъ души и тѣла, какъ двухъ субстанціальныхъ частей, а изъ сердца и ума, какъ двухъ душевно-тѣлесныхъ сторонъ одной конкретной сущности. Но этимъ двумъ сторонамъ или элементамъ разсматриваемое воззрѣніе приписываетъ не одинаковое значеніе въ общемъ существѣ человѣческомъ, какъ это можно видѣть изъ относящихся сюда мѣстъ Библіи, которою мы можемъ пользоваться какъ древнѣйшимъ памятникомъ, выражающимъ въ себѣ не личное, а общее народное сознаніе.

По Библіи сердце есть хранитель и носитель всѣхъ тѣлесныхъ силъ и средоточіе всей душевной и духовной жизни человѣка. Въ немъ коренятся не только многообразныя душевныя чувствованія, волненія, страсти и нравственныя состоянія, но также и всѣ познавательныя дѣйствія души глубочайшею своею основой имѣютъ не умъ, какъ такой, а сердце. Размышленіе по Библіи есть предложеніе или усовѣтованіе сердца; уразумѣть сердцемъ значитъ понять; познать всѣмъ сердцемъ — понять всецѣло. Какъ средоточіе всей тѣлесной и многообразной духовной жизни человѣка, сердце называется истоками жизни, оно есть ὁ τροχος της γενεσεως — кругъ или колесо, во вращеніи коего заключается вся наша жизнь. Посему оно составляетъ глубочайшую часть нашего существа: „глубоко сердце человѣку паче всѣхъ и кто познаетъ его“. Состояніемъ сердца выражается все

Библиотека "Руниверс"

душевное состояніе, но никогда внѣшнія обнаруженія слова, мысли и дѣлъ не исчерпываютъ этого источника.

Полагая средоточіе духовной жизни человѣка въ сердцѣ, Библейскіе писатели признавали голову какъ бы за видимую вершину той жизни, которая первоначально и непосредственно коренится въ сердцѣ. Впрочемъ, многія мѣста Библіи выражаютъ совершенно опредѣленную мысль, что голова имѣетъ значеніе органа посредствующаго между цѣлостнымъ существомъ души и тѣми вліяніями, которыя она испытываетъ со внѣ или свыше, и что при этомъ ей приличествуетъ достоинство правительственное въ цѣлостной системѣ душевныхъ дѣйствій; эти явленія душевной дѣятельности въ головѣ еще не исчерпываютъ всего существа души; по необходимости мышленія мы должны допустить нѣкоторую первоначальную духовную сущность, которая нуждается въ поименованномъ посредничествѣ и правительственномъ дѣйствіи головы. Эта-то первоначальная духовная сущность и имѣетъ по Библіи своимъ ближайшимъ органомъ сердце. Такимъ образомъ сердце признается не только воплощеніемъ одной стороны нашего духа, но въ то же время и выраженіемъ глубочайшей основы всего духовнаго существа. Чтобы не ходить далеко, можно привести хорошій примѣръ такого отношенія въ области тѣлеснаго бытія. Такъ кровь, будучи одною изъ жидкихъ частей живаго тѣла, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и общій субстратъ или плазма всего тѣла во всѣхъ его частяхъ, по скольку всѣ части тѣла образуются изъ питательныхъ веществъ крови, такъ что тутъ то самое, что actualiter есть лишь часть, въ то же время есть и первоначальная основа цѣлаго.

Въ какомъ же отношеніи находится то значеніе, которое придаютъ сердцу и головѣ общее сознаніе и Библія, къ положеніямъ научной философіи? На основаніи несомнѣнныхъ физіологическихъ фактовъ психологія учитъ, что голова или головной мозгъ съ идущими къ нему нервами служитъ необходимымъ и непосредственнымъ тѣлеснымъ органомъ души для образованія представленій и мыслей изъ впечатлѣній внѣшняго міра, или что только этотъ органъ есть непосредственный проводникъ и носитель душевныхъ дѣйствій. Съ этимъ безспорно истиннымъ ученіемъ о тѣлесномъ органѣ душевныхъ явленій долго было соединяемо въ психологіи особенное воззрѣніе на существо человѣческой души,—воззрѣніе, которое впрочемъ могло имѣть до извѣстной степени и самостоятельное независимое развитіе. Когда нервы, сосредоточенные въ головѣ, приходятъ въ движеніе отъ

Библиотека "Руниверс"

вліяній и впечатлѣній внѣшняго міра, то непосредственное и ближайшее слѣдствіе этого движенія есть происхожденіе въ душѣ представленій, понятій или познаній о внѣшнемъ мірѣ. Отсюда легко было прійдти къ предположенію, что существенная способность человѣческой души есть именно эта способность рождать или образовывать представленія о мірѣ по поводу движенія нервовъ, возбужденныхъ внѣшнимъ предметомъ. То, что существуетъ въ нервахъ какъ движеніе, открывается, является и существуетъ въ душѣ какъ представленіе. Сообразно съ этимъ въ философіи долго господствовалъ и доселѣ еще отчасти господствуетъ взглядъ, что душа человѣческая есть первоначально существо представляющее, что мышленіе есть самая сущность души, или что мышленіе составляетъ всего духовнаго человѣка. Воля и чувствованія сердца были понимаемы какъ явленія, видоизмѣненія и случайныя состоянія мышленія. Съ этими опредѣленіями была бы совершенно несообразна мысль, что въ самой душѣ есть нѣчто *задушевное*, есть такая глубокая существенность, которая никогда не исчерпывается явленіями мышленія. Итакъ на первый разъ мы можемъ видѣть здѣсь по меньшей мѣрѣ наклонность къ такому изъясненію явленій, въ которомъ не дается сущности бо́льшаго и значительнѣйшаго содержанія въ сравненіи съ ея явленіями, доступными нашему наблюденію; и кто напротивъ думаетъ, что въ человѣческой душѣ, какъ и во всемъ сущемъ, есть стороны недоступныя для относительнаго познанія, тотъ напередъ уже можетъ видѣть многозначительность Библейскаго ученія о *глубокомъ* сердцѣ, котораго тайны знаетъ только умъ Божественный.

Очевидно, что та философія, которая основывается на положеніи, что сущность души есть мышленіе и ничего болѣе, должна отрицать все существенно-нравственное въ человѣкѣ. Жизненную заповѣдь любви,—заповѣдь, которая такъ многозначительна для сердца—замѣняетъ она отвлеченнымъ сознаніемъ долга, сознаніемъ, которое предполагаетъ не воодушевленіе, не сердечное влеченіе къ добру, а простое безучастное пониманіе явленій. Точно также, поскольку наши познанія о Богѣ человѣкообразны, эта философія необходимо приходитъ къ отвлеченному понятію о существѣ Божіемъ, опредѣляя все богатство Божественной жизни какъ идею, какъ мышленіе, полагающее міръ безъ воли, безъ любви, изъ одной логической необходимости. Между тѣмъ несомнѣнно, что мышленіе не исчерпываетъ всей полноты духовной человѣческой жизни, такъ точно, какъ совершенство мышленія еще не обозначаетъ всѣхъ совершенствъ человѣче-

Библиотека "Руниверс"

скаго духа. Кто утверждаетъ, что мышленіе есть весь человѣкъ и надѣется изъяснить все многообразіе душевныхъ явленій изъ мышленія, тотъ успѣетъ не больше того физіолога, который сталъ бы изъяснять явленія слуха—звуки, тоны и слова,—изъ явленій зрѣнія, каковы протяженіе, фигура, цвѣтъ и т. д. Сообразно съ этимъ мы можемъ уже предположить, что дѣятельность человѣческаго духа имѣетъ своимъ непосредственнымъ органомъ въ тѣлѣ не одну голову или головной мозгъ съ нервами, къ нему идущими, но простирается гораздо дальше и глубже внутрь тѣлеснаго организма. Какъ существо души, такъ и ея связь съ тѣломъ должна быть гораздо богаче и многообразнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Эта, конечно, общая и пока еще неопредѣленная мысль о многосторонней, а не односторонней связи души съ тѣломъ, содержится въ Библейскомъ ученіи о сердцѣ, какъ непосредственномъ и ближайшемъ органѣ душевныхъ дѣятельностей и состояній. Тѣлеснымъ органомъ души можетъ быть не иное что, какъ человѣческое тѣло. Посему, такъ какъ сердце соединяетъ въ себѣ всѣ силы этого тѣла, то оно же служитъ ближайшимъ органомъ жизни душевной. Тѣло есть цѣлесообразный органъ души не по одной своей части, но по всецѣлому своему составу и устроенію.

Если, какъ было сказано, то положеніе, что душевныя дѣйствія и именно *сознательная* дѣятельность души имѣетъ свой непосредственный органъ въ головномъ мозгѣ,—доказывается несомнѣнными физіологическими фактами, то изъ этихъ фактовъ слѣдуетъ однако очень немного для психологическаго ученія о пребываніи души въ тѣлѣ. Мы только можемъ сказать: дѣятельность или, точнѣе, движеніе головнаго мозга есть необходимое условіе для того, чтобы душа могла рождать ощущенія и представленія о мірѣ; или, чтобы движеніе, сообщенное какому-либо органу, стало душевнымъ ощущеніемъ и представленіемъ, оно должно распространиться до головнаго мозга. Если же отсюда заключаютъ далѣе, что душа существомъ своимъ должна пребывать въ головномъ мозгѣ, то въ основѣ такого предположенія лежитъ постороннее наблюденіе, взятое изъ чувственнаго міра. Въ этомъ мірѣ, гдѣ два члена взаимодѣйствія, какіе только подлежатъ нашему наблюденію, равно чувственны, движеніе переходитъ отъ одного изъ нихъ на другой посредствомъ давленія или толчка: тѣло движущее должно произвести давленіе или толчокъ на пространственную сторону тѣла движимаго, которое по этому поводу развиваетъ въ себѣ такіе или другіе виды движенія. Но это давленіе, этотъ толчокъ невозможны во взаимодѣйствіи между душою и

Библиотека "Руниверс"

тѣломъ, гдѣ одинъ членъ есть непространственное существо души. Душа не имѣетъ пространственной стороны, на которую она могла бы принимать толчки отъ пространственныхъ движеній головнаго мозга. Поэтому хотя дѣятельность головнаго мозга есть необходимое условіе для того, чтобы душа могла рождать ощущенія и представленія, однако отсюда не слѣдуетъ немыслимое предположеніе, чтобы душа должна была для этого пребывать въ головномъ мозгѣ, какъ своемъ мѣстѣ. Связь между движеніемъ извѣстной части головнаго мозга и представленіемъ, которое по этому поводу образуетъ душа, есть не механическая связь давленій и толчковъ, которые безспорно предполагали бы пространственную совмѣстность связующихся членовъ, но связь цѣлесообразная, идеальная.

Эти замѣчанія показываютъ, что самые достовѣрные факты физіологіи, которыми подтверждается тѣсная связь сознательной жизни души съ дѣятельностью головнаго мозга, не находятся въ противорѣчіи съ общимъ сознаніемъ и Библейскимъ ученіемъ о сердцѣ, какъ подлинномъ средоточіи душевной жизни. Очень возможно, что душа, какъ *основа* извѣстныхъ намъ сознательныхъ психическихъ явленій, имѣетъ своимъ ближайшимъ органомъ сердце, хотя ея сознательная жизнь обнаруживаетъ себя подъ условіемъ дѣятельности головнаго мозга.

Въ настоящее время физіологія знаетъ, что сердце не есть простой мускулъ, не есть нечувствительный механизмъ, который только завѣдываетъ движеніемъ крови въ тѣлѣ посредствомъ механическаго на нее давленія. Въ сердцѣ соединяются оба замѣчательнѣйшіе порядка нервовъ, такъ называемые нервы симпатическіе, завѣдующіе всѣми растительными отправленіями организма, и нервы, служащіе необходимыми органами ощущенія или представленія и произвольнаго дѣйствія. Можно сказать, что въ сердцѣ, которое есть колодезь крови, обѣ нервныя системы — это подлинное тѣло существъ, имѣющихъ душу,—сходятся и сопроникаются въ такомъ единствѣ и взаимодѣйствіи, какого не представляетъ никакой другой органъ человѣческаго тѣла. Не можемъ ли мы сказать, не противорѣча фактамъ физіологіи, что въ сердцѣ всѣ значительнѣйшія системы человѣческаго организма имѣютъ своего представителя, который изъ этого средоточія заботится объ ихъ сохраненіи и жизни? Но по меньшей мѣрѣ отсюда дѣлается яснымъ, почему *общее чувство* души, или чувство, которое мы имѣемъ о нашемъ собственномъ духовно-тѣлесномъ бытіи, дастъ замѣчать себя въ сердцѣ, такъ что самыя непримѣтныя перемѣны въ

Библиотека "Руниверс"

этомъ чувствѣ сопровождаются перемѣнами въ біеніяхъ сердца. Между тѣмъ настроенія и расположенія души, опредѣляемыя ея общимъ чувствомъ, служатъ послѣднею глубочайшею основой нашихъ мыслей, желаній и дѣлъ. Въ то время какъ физіологія указываетъ въ головномъ мозгѣ *физическія* условія, отъ которыхъ зависитъ дѣятельность души, Библейское ученіе о сердцѣ, какъ мѣстѣ рожденія мыслей, желаній и дѣлъ человѣческихъ, указываетъ намъ непосредственный *духовно-нравственный* источникъ душевной дѣятельности въ цѣлостномъ и нераздѣльномъ настроеніи и расположеніи душевнаго существа. Наши мысли, слова и дѣла суть *первоначально* не образы внѣшнихъ вещей, а образы или выраженія общаго чувства души, порожденія нашего сердечнаго настроенія. Конечно, въ обыкновенной жизни, наполняемой заботами о текущей дѣйствительности, мы слишкомъ мало обращаемъ вниманія на эту *задушевную* сторону въ нашихъ мысляхъ и поступкахъ. Тѣмъ не менѣе остается справедливымъ, что все, входящее въ душу совнѣ, при посредствѣ органовъ чувствъ и головнаго мозга, переработывается, измѣняется и получаетъ свое послѣднее и постоянное качество по особенному, частно опредѣленному сердечному настроенію души, и, наоборотъ, никакія дѣйствія и возбужденія, идущія отъ внѣшняго міра, не могутъ вызвать въ душѣ представленій или чувствованій, если послѣднія несовмѣстны съ сердечнымъ настроеніемъ человѣка. Въ сердцѣ человѣка лежитъ основа того, что его представленія, чувствованія и поступки получаютъ особенность, въ которой выражается *его* душа, а не другая, или получаютъ такое *личное*, частно опредѣленное направленіе, по силѣ котораго онѣ суть выраженія не *общаго* духовнаго существа, а отдѣльнаго живаго дѣйствительно существующаго человѣка.

Во внутреннемъ опытѣ мы вовсе не замѣчаемъ, какъ измѣняется головной мозгъ отъ измѣненія нашихъ мыслей, желаній и чувствованій; на основаніи непосредственнаго самовоззрѣнія мы даже не знали бы, что онъ есть органъ сознающей души. Если это отношеніе между мышленіемъ и его органомъ имѣетъ разумныя основанія въ назначеніи мышленія, которое само по себѣ должно быть спокойнымъ и безучастнымъ сознаніемъ окружающей насъ дѣйствительности, то отсюда однако же слѣдуетъ, что какъ въ мышленіи, такъ и въ его тѣлесномъ органѣ, душа не являетъ себя во всей недѣлимости и полнотѣ своего существа. Если бы человѣкъ обнаруживалъ себя однимъ мышленіемъ, которое въ такомъ случаѣ было бы по всей вѣроятности самымъ подлиннымъ образомъ внѣшнихъ предметовъ, то многообраз-

Библиотека "Руниверс"

ный, богатый жизнію и красотою, міръ открывался бы его сознанію какъ правильная, но безжизненная математическая величина. Онъ могъ бы прозрѣвать въ эту величину насквозь и всецѣло, но за то нигдѣ уже не встрѣтилъ бы бытія истиннаго, живаго, которое поражало бы его красотою формъ, таинственностью влеченій и безконечною полнотою содержанія. Въ дѣйствительной душѣ нѣтъ такого односторонняго мышленія. И что̀ было бы съ человѣкомъ, если бы его мысль не имѣла другаго назначенія, кромѣ того, чтобы повторять въ своихъ движеніяхъ событія дѣйствительности, или отражать въ себѣ постороннія для духа явленія? Можетъ статься, что въ этомъ случаѣ наши мысли отличались бы такою же опредѣленностью какъ математическія величины: но за то мы могли бы въ нашемъ знаніи вещей двигаться только въ широту, а не въ глубину. Лучшіе философы и великіе поэты сознавали, что сердце ихъ было истиннымъ мѣстомъ рожденія тѣхъ глубокихъ идей, которыя они передали человѣчеству, а сознаніе, котораго дѣятельность соединена съ отправленіями органовъ чувствъ и головнаго мозга, давало этимъ идеямъ только ясность и опредѣленность, свойственныя мышленію.

Необозримое для внѣшняго взора существо души, назначенной къ развитію не только во времени, но и въ вѣчности, не можетъ быть опредѣлено по тѣмъ однимъ ея состояніямъ, какія вызываются въ ней впечатлѣніями внѣшняго міра. Въ ней всегда останется рядъ состояній и движеній, къ которымъ не можетъ быть примѣненъ физическій законъ равенства между дѣйствіемъ и противодѣйствіемъ. Уже въ простомъ представленіи, какое только образуется нашимъ мышленіемъ на основаніи впечатлѣній, идущихъ совнѣ, мы должны различать двѣ стороны: 1) знаніе внѣшнихъ предметовъ, заключающееся въ этомъ представленіи, и 2) то душевное состояніе, которое условливается этимъ представленіемъ и знаніемъ. Эта послѣдняя сторона не подлежитъ никакому математическому разчету: она выражаетъ непосредственно и своеобразно качество и достоинство нашего душевнаго настроенія. Въ одностороннемъ стремленіи къ знанію мы часто забываемъ, что всякое понятіе входитъ въ нашу душу какъ ея внутреннее состояніе, и оцѣниваемъ наши понятія только потому, въ какой мѣрѣ они служатъ для насъ образами вещей. Но древо познанія не есть древо жизни, а для духа его жизнь представляется чѣмъ-то болѣе драгоцѣннымъ, чѣмъ его знаніе. А эта особенная, своеобразная, не поддающаяся математическимъ опредѣленіямъ жизнь духа имѣетъ самое близкое отношеніе къ *сердцу* человѣка. Въ немъ

Библиотека "Руниверс"

отражаются примѣтнымъ образомъ тѣ тонкія, неуловимыя движенія и состоянія нашей души, о коихъ мы не можемъ образовать никакого яснаго представленія. Намъ никогда не удастся перевести въ отчетливое знаніе тѣ движенія радости и скорби, страха и надежды, тѣ ощущенія добра и любви, которыя такъ непосредственно измѣняютъ біенія нашего сердца. Когда мы наслаждаемся созерцаніемъ красоты въ природѣ или искусствѣ, когда насъ трогаютъ задушевные звуки музыки, когда мы удивляемся величію подвига, то всѣ эти состоянія бо́льшаго или меньшаго *воодушевленія* мгновенно отражаются въ нашемъ сердцѣ и притомъ съ такою самобытностью и независимостью отъ нашего обычнаго потока душевныхъ состояній, что человѣческое искусство всегда будетъ жаловаться на недостаточность средствъ для выраженія и изображенія этихъ сердечныхъ состояній.

Христіанскіе аскеты часто укоряли разумъ за медлительность въ признаніи того, что̀ непосредственно и прямо извѣстно сердцу, и нерѣдко называли умъ человѣческій чувственнымъ и тѣлеснымъ; и конечно онъ можетъ показаться такимъ, если сравнить его *посредственную* дѣятельность съ тѣми *непосредственными* и внезапно возникающими откровеніями истины, которыя имѣютъ мѣсто въ нашемъ сердцѣ. Этимъ впрочемъ не отрицается, что медлительное движеніе разума, какъ медленная походка, отличается опредѣленностью и правильностью, какихъ недостаетъ слишкомъ энергическимъ движеніямъ сердца. Тѣмъ не менѣе, если свѣтъ знанія долженъ сдѣлаться теплотою и жизнію духа, онъ долженъ проникнуть до сердца, гдѣ бы онъ могъ войдти въ цѣлостное настроеніе души. Такъ если истина падаетъ намъ на сердце, то она становится нашимъ благомъ, нашимъ внутреннимъ сокровищемъ. Только за это сокровище, а не за отвлеченную мысль, человѣкъ можетъ вступать въ борьбу съ обстоятельствами и людьми; только для сердца возможенъ подвигъ и самоотверженіе.

Изъ этихъ замѣчаній мы извлекаемъ два положенія: 1) сердце можетъ выражать, обнаруживать и понимать совершенно *своеобразно* такія душевныя состоянія, которыя по своей преимущественной духовности и жизненности не поддаются отвлеченному знанію разума; 2) понятіе и отчетливое знаніе разума, поскольку оно дѣлается нашимъ душевнымъ состояніемъ, а не остается отвлеченнымъ образомъ внѣшнихъ предметовъ, открывается или даетъ себя чувствовать и замѣчать не въ головѣ, а въ сердцѣ: въ эту глубину оно должно

Библиотека "Руниверс"

проникнуть, чтобы стать дѣятельною силою и двигателемъ нашей духовной жизни.

Философскія системы германскаго идеализма развили ученіе о *самозаконіи* (автономіи) человѣческаго разума, или ученіе, что этотъ разумъ самъ по себѣ, изъ собственныхъ силъ и средствъ, даетъ или полагаетъ законы для всей душевной дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія было бы необходимо согласиться, что все достоинство человѣка или весь духовный человѣкъ заключается въ мышленіи. Но законъ душевныхъ дѣятельностей не полагается силою ума какъ его изобрѣтеніе, а предлежитъ человѣку какъ готовый, неизмѣняемый порядокъ нравственно-духовной жизни человѣка и человѣчества. Самозаконіе не свойственно разуму человѣческому ни въ какомъ смыслѣ. Между явленіями и дѣйствіями души разумъ имѣетъ значеніе свѣта, которымъ озаряется не имъ положенная жизнь человѣческаго духа съ ея законами. Душа существуетъ не только какъ этотъ свѣтъ, но и какъ освѣщаемое имъ существо. Жизнь духовная зарождается прежде этого свѣта разума—во мракѣ и темнотѣ, то-есть въ глубинахъ, недоступныхъ для нашего взора. Если изъ основъ этой жизни возникаетъ свѣтъ знанія и разумѣнія, какъ послѣдующее ея явленіе, то этимъ вполнѣ оправдывается то воззрѣніе, по которому человѣческій умъ есть вершина, а не корень духовной жизни человѣка.

Но кромѣ неосновательнаго ученія о самозаконіи ума, нерѣдко встрѣчается въ психологіи неопредѣленное ученіе о существѣ человѣческой души. Обыкновенно психологія ограничивается указаніемъ только на общія родовыя свойства души, на тѣ душевныя явленія, которыя общи человѣческой душѣ со всякою другою. Человѣческая душа опредѣляется ею какъ существо ощущающее, представляющее, чувствующее и желающее, и превосходство этихъ явленій въ человѣкѣ сравнительно съ соотвѣтствующими явленіями въ другихъ чувственно-наблюдаемыхъ существахъ изъясняется изъ многихъ причинъ, которыя во всякомъ случаѣ не лежатъ въ первоначальномъ существѣ человѣческой души и только видоизмѣняютъ ея общій родовой характеръ. Между тѣмъ нужно представлять дѣло совершенно наоборотъ: человѣческая душа имѣетъ первоначальное и особенное содержаніе, которое обнаруживается или является, безспорно, въ общихъ родовыхъ формахъ душевной жизни, каковы: представленіе, чувствованіе, желаніе и т. д. Только изъ этого предположенія можно изъяснить, почему эти родовыя формы принимаютъ въ человѣкѣ особенный и совершеннѣйшій характеръ, почему въ нихъ открываются прав-

Библиотека "Руниверс"

ственная личность человѣка, для выраженія которой тщетно мы искали бы въ душѣ опредѣленнаго, дѣйствующаго по общимъ законамъ, механизма, почему, наконецъ, въ этихъ конечныхъ родовыхъ формахъ носится чувство и сознаніе безконечнаго, для котораго опять нѣтъ опредѣленнаго и частнаго носителя или представителя въ явленіяхъ душевной жизни. Но мы должны сдѣлать еще шагъ далѣе и положить, что каждая частная человѣческая душа имѣетъ свою существенную особенность и обладаетъ своеобразнымъ развитіемъ, которое выражается въ свою очередь въ общихъ родовыхъ формахъ человѣческой душевной жизни.

При изслѣдованіи явленій душевной жизни наука сообразно съ своею общею методою спрашиваетъ: по какимъ общимъ условіямъ и законамъ совершаются эти явленія? Но эта плодотворная метода науки, очевидно, имѣетъ примѣненіе только ко вторичнымъ, производнымъ явленіямъ душевной жизни. Всякая *простая основа* явленій, въ которой еще не выступили опредѣленныя направленія и формы, недоступна анализу науки, потому что этотъ анализъ предполагаетъ сложность и многоразличіе явленій, чего нѣтъ во всякой простой основѣ. Если это справедливо вообще, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ согласиться, что въ человѣческой душѣ есть нѣчто первоначальное и простое, есть потаенный сердца человѣкъ, есть глубина сердца, котораго будущія движенія не могутъ быть разчитаны по общимъ и необходимымъ условіямъ и законамъ душевной жизни. Для этой *особеннѣйшей* стороны человѣческаго духа наука не можетъ найдти общихъ и навсегда опредѣленныхъ формъ, которыя были бы привязаны къ той или другой парѣ нервовъ и возникали бы съ необходимостью по поводу ихъ движенія.

Когда мистицизмъ пытался указать формы, которыя вполнѣ соотвѣтствовали бы духовному содержанію человѣческаго сердца, то онъ могъ только отрицать всѣ доступныя для насъ формы и выраженія какъ конечнаго міра, такъ и конечнаго духа. Ему казалось, что не только низшія душевныя способности не соотвѣтствуютъ полнотѣ и достоинству сердечной жизни, но и самый разумъ, поскольку онъ мыслитъ въ частныхъ формахъ, рождая одну мысль за другою во времени, есть слабое и неточное выраженіе этой жизни. Поэтому мистикъ могъ только погружаться въ темное чувство единства и безконечности, въ ту глубину сердца, гдѣ наконецъ погасаетъ всякій свѣтъ сознанія. Это болѣзненное явленіе мистицизма, который хочетъ миновать всѣ конечныя условія нашего духовнаго развитія,

Библиотека "Руниверс"

который хочетъ стать у послѣдней цѣли съ-разу и непосредственно, не достигая ея многотруднымъ и постепеннымъ совершенствованіемъ во времени, — есть во всякомъ случаѣ замѣчательный фактъ для изъясненія душевной жизни человѣка. Въ его основаніи лежитъ истинное убѣжденіе, что полнота духовной жизни, которую мы ощущаемъ въ сердцѣ, не исчерпывается тѣми душевными формами, которыя образуются подъ условіями этого конечнаго міра, или что наше развитіе не можетъ быть замкнуто тѣми опредѣленными явленіями духа, которыя возникаютъ подъ временными условіями. Противуположность съ мистицизмомъ образуетъ то психологическое воззрѣніе, которое надѣется перечислить и опредѣлить всѣ явленія душевной жизни, какъ конечныя и разъ навсегда данныя ея формы, такъ что ни въ нихъ, ни подъ ними нельзя уже найдти жизни своеобразной, простой, непосредственной, которая бы проторгалась неожиданно и неразчитанно. Если это воззрѣніе вообще не можетъ указать въ душѣ человѣка глубочайшихъ основъ ея личности и зачатковъ ея будущей жизни, то съ другой стороны для него остаются и всегда останутся неразгаданными многія душевныя явленія, о которыхъ свидѣтельствуетъ опытъ, каковы напримѣръ: знаменательность сновъ, явленія предчувствія, состоянія ясновидѣнія, въ особенности различныя таинственныя формы религіознаго сознанія. Истину между показанными крайностями мистицизма и эмпиризма мы имѣемъ въ Библейскомъ ученіи о сердцѣ, какъ средоточіи душевной жизни человѣка. Сердце рождаетъ всѣ тѣ формы душевной жизни, которыя подлежатъ общимъ условіямъ и законамъ; и такъ оно не можетъ относиться къ нимъ отрицательно, не можетъ своими непосредственными порывами расторгать ихъ. Однако же сердце не переноситъ разъ навсегда всего своего духовнаго содержанія въ эти душевныя формы; въ его *глубинѣ*, недоступной анализу, всегда остается источникъ новой жизни, новыхъ движеній и стремленій, которыя переходятъ за предѣлы конечныхъ формъ души и дѣлаютъ ее способною для вѣчности. Поэтому и во временныхъ, но особенныхъ условіяхъ всегда остается возможность для такихъ необычайныхъ явленій, которыя выступаютъ за предѣлы ея обычнаго образа дѣйствованія.

Изо всего сказаннаго могутъ быть сдѣланы слѣдующія примѣненія:

1) Если сердце есть такое средоточіе духовной жизни человѣка, изъ котораго возникаютъ стремленія, желанія и помыслы непосред-

Библиотека "Руниверс"

ственно или тою стороной, которая не вытекаетъ съ математическимъ равенствомъ изъ внѣшнихъ дѣйствующихъ причинъ, то самая вѣрная теорія душевныхъ явленій не можетъ опредѣлить особенностей и отличій, съ какими они обнаружатся въ этой частной душѣ при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Отсюда мы можемъ заключить, что хотя въ исторіи природы все было подчинено строгому механизму, не допускающему изъятія, — въ исторіи человѣчества *возможны* событія и явленія, которыя будутъ свидѣтельствовать о себѣ своимъ простымъ существованіемъ и возможности которыхъ нельзя ни допускать, ни отрицать на основаніи *общихъ* законовъ, извѣстныхъ намъ изъ науки. Когда наука выяснитъ себѣ настоящее значоніе и предѣлы этого положенія, тогда, можетъ быть, она съумѣетъ поставить себя въ правильное отношеніе къ фактамъ религіи. Доселѣ она разсуждала такимъ образомъ: извѣстное историческое событіе, судя по сильнымъ свидѣтельствамъ, должно бы быть признано дѣйствительнымъ, но явленіе его противорѣчитъ *общимъ* законамъ, слѣдовательно нельзя принимать его за дѣйствительность. Мы противупоставляемъ этому разсужденію слѣдующій порядокъ мыслей. Въ первоначальной сущности человѣка (сердцѣ) заключается источникъ для такихъ явленій, которыя запечатлѣны особенностями, не вытекающими ни изъ какого общаго понятія или закона. По общимъ законамъ душевной жизни мы можемъ обсуждать только ежедневныя, обыкновенныя, условленныя обычнымъ теченіемъ вещей, явленія человѣческаго духа потому, что эти законы сами сняты или отвлечены отъ этихъ обычныхъ или одинаковыхъ явленій. Поэтому тамъ, гдѣ мы встрѣчаемъ явленія, выступающія изъ этого обыкновеннаго ряда, мы должны изслѣдовать первѣе всего ихъ простую дѣйствительность, не заслоняя ее общими законами, потому что еще никто не доказалъ, чтобы душа повиновалась этимъ общимъ законамъ съ механическою необходимостью, какъ мертвая и недѣятельная масса. Притомъ, если нельзя допустить, чтобы здѣсь, какъ въ области физики, дѣйствія и противодѣйствія были равны, то съ другой стороны необыкновенныя событія, какъ доказываетъ опытъ, всегда происходили среди какихъ-либо особенныхъ обстоятельствъ.

2) Положимъ, что всѣ наблюдаемыя нами событія будутъ по своей сущности таковы, что мы можемъ какъ бы становиться за ними и подсматривать тѣ причины, которыя произвели ихъ; потомъ также можемъ поставить себя за этими причинами и наблюдать условія и причины произведенія ихъ, и такъ при всякомъ наблюдаемомъ слу-

Библиотека "Руниверс"

чаѣ. Дѣйствительно матеріальныя вещи обладаютъ этимъ подлиннымъ и рѣшительнымъ качествомъ конечнаго. Но очевидно, что если бы все существующее имѣло такую производную и слагаемую изъ стороннихъ причинъ сущность, то человѣку не пришло бы и на мысль говорить о причинѣ безусловной. Если однако же человѣчество единогласно завершаетъ всѣ свои изъясненія признаніемъ безусловнаго первоначала, то это метафизическое сознаніе наиболѣе оправдывается натурою человѣческаго сердца, *за* которую мы уже не можемъ стать, чтобы подсматривать еще другія, слагающія ее, причины и которая поэтому обладаетъ всею непосредственностью бытія, полагаемаго Богомъ.

3) Еще рѣшительнѣе выступаетъ значеніе сердца въ области нравственной дѣятельности; потому что мы различно судимъ о человѣческихъ поступкахъ смотря потому, опредѣляются ли они внѣшними обстоятельствами и соотвѣтствующими соображеніями, или же возникаютъ изъ непосредственныхъ и свободныхъ движеній сердца. Только послѣднимъ по настоящему мы можемъ приписать нравственное достоинство. Христіанское ученіе говоритъ намъ, что любовь есть источникъ всѣхъ истинно нравственныхъ поступковъ. Это положеніе, стоящее въ ясной причинной связи съ Библейскимъ ученіемъ о сердцѣ, оправдывается изъ началъ нравственной философіи, такъ точно, какъ само то ученіе о сердцѣ нашло хорошія основанія въ психологіи.

Вмѣсто этого верховнаго начала любви нѣкоторые новѣйшіе моралисты предлагаютъ намъ другое: „уважай себя или свою личность", и думаютъ въ этомъ правилѣ открыть основаніе нравственно добрыхъ поступковъ человѣка. Намъ кажется, что изъ этого правила также могутъ происходить, или не происходить нравственные поступки, какъ и изъ правилъ, аналитически вытекающихъ изъ него, каковы: корми себя, сохраняй, согрѣвай свое тѣло, упражняй свою память, развивай свой умъ, свои музыкальные таланты и т. д. Болѣе значенія имѣетъ принятое въ нравственной философіи понятіе нравственнаго закона и ученіе о долгѣ. Но законъ, по которому совершается нравственная дѣятельность, не есть уже поэтому *причина* этой дѣятельности, какъ напримѣръ, законъ паденія тѣлъ не есть причина ихъ паденія. Итакъ, съ раціоналистической точки зрѣнія всегда останется неизъяснимымъ, откуда, изъ какого источника происходятъ тѣ дѣла, которыя оказываются сообразными съ нравственнымъ закономъ, какъ съ предписаніемъ разума. Всякое нравственное предпи-

Библиотека "Руниверс"

саніе разума, всякое его наставленіе о томъ, что я *долженъ* дѣлать, открываетъ мнѣ перспективу дѣлъ еще только ожидаемыхъ, пока еще не осуществленныхъ: „могу ли я совершить эти дѣла, имѣю ли я нравственныя силы какъ источники этихъ дѣлъ",—это совершенно другой вопросъ, о которомъ нравственное законодательство разума ничего не скажетъ. Точно, умъ можетъ предписывать, повелѣвать, но только тогда, когда онъ имѣетъ предъ собою не мертвый трупъ, а живаго и воодушевленнаго человѣка и когда его предписанія и повелѣнія сняты съ натуры этого человѣка, а не навязываются ей какъ что-то чуждое, не сродное: потому что ни одно существо на свѣтѣ не приходитъ къ законообразной дѣятельности изъ побужденій постороннихъ для него. Умъ, какъ говорили древніе, есть *правительственная* или *владычественная* часть души, и мистицизмъ, который погружается въ непосредственныя влеченія сердца, не переводя ихъ въ отвлеченныя, спокойныя и твердыя идеи или начала ума, противорѣчитъ свойствамъ человѣческаго духа. Но правительственная и владычественная сила не есть сила рождательная; она есть правило, простирающееся на такое содержаніе нравственнаго міра, которое рождается изъ глубочайшаго существа духа и въ своемъ непосредственномъ видѣ или въ первомъ и *основномъ* явленіи есть любовь.

II.

Въ приведенной статьѣ Юркевичъ высказываетъ и развиваетъ свои основныя воззрѣнія и, какъ легко видѣть, въ этихъ воззрѣніяхъ открываются не только его теоретическія убѣжденія, но и весь духовный характеръ. Въ слѣдующей статьѣ „Изъ науки о человѣческомъ духѣ" [1]) Юркевичу приходится защищать эти свои воззрѣнія противъ господствовавшихъ тогда, и теперь еще не совсѣмъ потерявшихъ силу надъ неразвитыми умами, теорій матеріализма. Конечно, Юркевичу не стоило никакого труда доказать философскую несостоятельность этихъ теорій и онъ доказалъ ее ясно какъ день для всякаго способнаго понимать. Я приведу тѣ мѣста статьи, гдѣ авторъ по поводу матеріализма высказываетъ свои собственныя воззрѣнія.

Обыкновенно матеріализмъ возстаетъ противъ того дуализма, который признаетъ въ человѣкѣ двѣ отдѣльныя природы, духовную и тѣлесную; но въ этомъ отрицаніи дуализма, вообще справедливомъ,

---

[1]) *Труды Кіевской Духовной Академіи* 1860 г., кн. 4-я.

Библиотека "Руниверс"

выказывается у матеріалистовъ крайняя неясность основныхъ философскихъ понятій. Когда греческій философъ Платонъ училъ, что тѣло человѣка создано изъ вѣчной матеріи, не имѣющей ничего общаго съ духомъ, то онъ этимъ допускалъ дуализмъ *метафизическій* какъ въ составѣ міра вообще, такъ и въ составѣ человѣка. Христіанское міросозерцаніе устранило этотъ метафизическій дуализмъ: матерію признаетъ оно произведеніемъ духа; слѣдовательно, она должна носить на себѣ знаки духовнаго начала, изъ котораго произошла. Въ явленіяхъ матеріальныхъ вы видите форму, закономѣрность, присутствіе цѣли и идеи. Если человѣческій духъ развивается въ матеріальномъ тѣлѣ, если его совершенствованіе связано съ состояніями тѣлесныхъ возрастовъ, то эта связь не есть внѣшняя, она опредѣляется смысломъ человѣческой жизни, ея назначеніемъ или идеей. Изучите хорошо тѣлесный организмъ человѣка и вы можете отгадать, какія формы внутренней духовной жизни соотвѣтствуютъ ему; изучите хорошо эту внутреннюю жизнь и вы можете отгадать, какой тѣлесный организмъ соотвѣтствуетъ ей. Но послѣ устраненія дуализма *метафизическаго*, остается еще дуализмъ *гносеологическій*, дуализмъ знанія. Сколько бы мы ни толковали о единствѣ человѣческаго организма, всегда мы будемъ познавать человѣческое существо двояко: внѣшними чувствами—тѣло и его органы, и внутреннимъ чувствомъ—душевныя явленія. Кажется ясно, что мысль, какъ мысль, не имѣетъ ни пространственнаго протяженія, ни пространственнаго движенія, не имѣетъ фигуры, цвѣта, звука, запаха, вкуса, не имѣетъ ни тяжести, ни температуры; и такъ физіологъ не можетъ наблюдать ее ни однимъ изъ своихъ тѣлесныхъ чувствъ. Только внутренно, только въ непосредственномъ самовоззрѣніи онъ зналъ себя какъ существо мыслящее, чувствующее, стремящееся. Пусть онъ наблюдаетъ самыя сложныя движенія нервовъ: все же эти движенія, пока они существуютъ для внѣшняго опыта, то-есть пока они суть пространственныя движенія, происходящія между матеріальными элементами, не превратятся въ ощущеніе, представленіе и мысль. Итакъ, если говорятъ, что движеніе нерва превращается въ ощущеніе и т. д., то здѣсь всегда обходятъ того дѣятеля, который обладаетъ этою чудною превращающею силой, или который имѣетъ способность и свойство рождать въ себѣ ощущеніе по поводу движенія нерва; а само это движеніе, понятно, не имѣетъ въ себѣ ни возможности, ни потребности быть чѣмъ-либо другимъ, кромѣ движенія. Психологія требуетъ признать только это феноменальное или гносеологическое различіе,

Библиотека "Руниверс"

по которому ея предметъ, какъ данный во внутреннемъ опытѣ, не имѣетъ ничего сходнаго и общаго съ предметами внѣшняго наблюденія. Всякій дальнѣйшій вопросъ о сущности этого явленія, вопросы о томъ, не сходятся ли разности матеріальныхъ и душевныхъ явленій въ высшемъ единствѣ и не суть ли они простое послѣдствіе нашего ограниченнаго познанія,—поскольку оно не постигаетъ подлинной, однородной, тождественной съ собою сущности вещей,—всѣ эти вопросы принадлежатъ метафизикѣ и равно не могутъ быть разрѣшены никакою частною наукой, изучающею явленія. Когда говорятъ о *явленіи*, то это слово, или не имѣетъ смысла, или оно означаетъ, что предметное событіе видоизмѣнилось формами ощущающаго и понимающаго субъекта. Кто, напримѣръ, изъясняетъ представленіе и мышленіе изъ нервнаго процесса, тотъ или не понимаетъ, что значитъ явленіе, или же признаетъ нервы и ихъ движенія *вещію въ себѣ*, бытіемъ метафизическимъ, сверхчувственнымъ: потому что въ противномъ случаѣ онъ согласился бы, что нервный процессъ самъ есть лишь феноменъ, то-есть, что его способъ явленія уже условленъ формою представленія, которое еще только хотятъ произвести изъ него. Если же матеріализмъ утверждаетъ, что и данныя внутренняго опыта имѣютъ только феноменальное значеніе, то-есть, что наши внутреннія состоянія представляются духовными только въ *субъективномъ* нашемъ пониманіи, а сами въ себѣ суть явленія органической жизни, то на это должно возразить, что такъ какъ сами эти явленія органической тѣлесной жизни не существуютъ для насъ внѣ формъ видящаго ихъ и понимающаго субъекта, то гдѣ же тотъ *другой* субъектъ, въ воззрѣніи и пониманіи котораго самыя формы видящаго и понимающаго субъекта становятся субъективными? Если *явленія* возможны только *для другаго*, то гдѣ этотъ другой въ области самонаблюденія и самовоззрѣнія?

Съ другой стороны если несомнѣнно, что для того, чтобы волнообразное движеніе воздуха превратилось въ звукъ, вибрація эѳира—въ свѣтъ, нужно *ощущающее* существо, въ которомъ собственно совершается это превращеніе количественныхъ движеній въ качества звука и свѣта, то на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ должно признать, что *всѣ* качества предмета существуютъ не въ самомъ предметѣ, какъ *вещи въ себѣ*, а въ *отношеніяхъ* предмета къ ощущающему субъекту. Явленіе потому и есть явленіе, что оно обусловлено формами воззрѣнія и представленія познающаго духа, а потому крайне нелѣпо изъяснять качества этого духа изъ внѣшнихъ явленій, которыя сами,

Библиотека "Руниверс"

поскольку они суть явленія, условлены этими качествами и должны быть изъясняемы изъ первоначальныхъ формъ ощущающаго и представляющаго духа. Понятно, что наши пять чувствъ вовсе не суть такое безусловное откровеніе, которое давало бы намъ ощущать и представлять всѣ существующія въ мірѣ силы, дѣятельности и событія. Но для правильной оцѣнки силъ и средствъ нашего духа нужно сдѣлать и обратное предположеніе. Именно, очень возможно, что наше чувственно-духовное существо имѣетъ органы или способности знанія, которыя не проявляются только потому, что внѣшняя природа не можетъ подѣйствовать на нихъ надлежащимъ образомъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ міръ явленій неизъяснимъ изъ самого себя; для его изъясненія нужно брать въ разчетъ ощущающій, представляющій и познающій духъ какъ одно изъ *первоначальныхъ* условій, почему вещи являются такими, а не другими. Когда вы говорите о матеріи самой въ себѣ, то вы дѣлаете пустое отвлеченіе, существующее только въ вашей мысли. Уже древніе философы приходили къ убѣжденію, что такая чистая матерія, отрѣшенная отъ идеальныхъ опредѣленій, которыхъ содержаніе мы знаемъ только изъ глубины нашего духа, есть ничто, небытіе (μὴ ὄν). Точно также, съ другой стороны, тотъ фактъ, что царство одушевленныхъ существъ простирается далѣе царства человѣческаго, служилъ для философіи во всѣ времена основаніемъ ученія, что вообще въ мірѣ нѣтъ голой матеріальности, что въ немъ все воодушевлено, способно не только быть, но и наслаждаться бытіемъ, что всякая величина экстенсивная есть вмѣстѣ и интенсивная, открывающаяся въ порывахъ и стремленіяхъ. Если же матеріализмъ пользуется этимъ для того, чтобы снять границу между животнымъ міромъ и человѣкомъ, то онъ не объясняетъ то существенное различіе, что животныя несомнѣнно обладаютъ лишь эмпирическимъ сознаніемъ, человѣкъ же никогда эмпирическимъ сознаніемъ не ограничивается, а имѣетъ и постоянно проявляетъ способность относиться *критически* къ своему собственному эмпирическому состоянію, измѣрять то, что есть, тѣмъ, что должно быть,— имѣетъ способность жить и развиваться подъ *идеею*.

Покончивъ съ матеріализмомъ въ области логики и психологіи, нашъ авторъ переходитъ къ нравственной философіи. Матеріализмъ справедливо возстаетъ противъ морали формалистическаго ригоризма, которая требуетъ, чтобы мы исполняли общіе безусловные законы долга безучастно, не испытывая радости и наслажденія отъ нравственной дѣятельности. Справедливо, что такая нравственность не со-

Библиотека "Руниверс"

образна съ существомъ человѣка: удовольствіе, удовлетвореніе, слѣдовательно, благо, счастіе, или, пожалуй, польза, суть неотдѣлимые мотивы человѣческихъ поступковъ. Наше *я* всегда будетъ тамъ, гдѣ есть *наша*, все равно нравственная или безнравственная, дѣятельность; наша живая душа всегда будетъ испытывать опредѣленныя. пріятныя или непріятныя, ощущенія, все равно будемъ ли мы дѣлать добро или зло, преслѣдовать цѣли личныя или дѣйствовать для счастія другихъ; безнравственный эгоизмъ не въ томъ состоитъ, что мы включаемъ себя и наше счастіе въ нашу дѣятельность, но въ томъ, что мы выключаемъ изъ этой дѣятельности другихъ людей и ихъ счастье.

Но не болѣе справедлива противуположная формалистическому ригоризму нравственная система утилитаризма. Полезно то, что̀ удовлетворяетъ нашимъ потребностямъ, но каковы эти потребности и каковы, поэтому, предметы способные удовлетворить имъ, это мы опредѣляемъ уже не изъ идеи пользы, а наоборотъ, идея пользы измѣняется съ измѣненіемъ нашихъ потребностей и понятій о нашемъ достоинствѣ и цѣли нашего существованія. Человѣкъ, какъ и животное, начинаетъ свое существованіе въ патологическомъ мірѣ непосредственныхъ желаній пріятнаго, какъ такого, ради его непосредственнаго качества. Но ни дикій, ни образованный человѣкъ не остается въ этомъ патологическомъ мірѣ, онъ выходитъ изъ него въ міръ дѣйствительный и вступаетъ въ область истинно-сущаго: развитіе свое онъ поставляетъ въ зависимость отъ идеи, какую онъ образовалъ о своемъ назначеніи и достоинствѣ вещей. Вслѣдствіе психическаго отношенія между мыслями и идеальными чувствованіями, которыя происходятъ изъ нихъ, человѣкъ ощущаетъ потребность или *влеченіе* выражать въ своихъ дѣйствіяхъ *истину*, воплощать теоретически истинное въ нравственно-добромъ. Если человѣкъ хотѣлъ бы дѣйствовать согласно не только съ общимъ благомъ разумныхъ существъ, но и со *смысломъ* всего существующаго, то это желаніе безусловнаго нравственнаго совершенства происходитъ изъ тѣхъ идеальныхъ аффектовъ, которыя рождаются изъ нашихъ теоретическихъ мыслей о мірѣ, его основѣ и его назначеніи.

Въ связи съ изложенною статьей находятся четыре статьи подъ заглавіемъ „Языкъ физіологовъ и психологовъ", помѣщенныя въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1862 г. Въ нихъ, по поводу вышедшей тогда на русскомъ языкѣ физіологіи Льюиса, Юркевичъ болѣе частнымъ образомъ развиваетъ то, что̀ было высказано имъ въ первой статьѣ противъ матеріализма. По времени этимъ статьямъ предшествуетъ рядъ

Библиотека "Руниверс"

ческихъ очерковъ подъ заглавіемъ: „Критико-философскіе отрывки“ [1]), гдѣ авторъ преимущественно разсматриваетъ отношеніе философскихъ системъ, особенно Канта, къ основному богословскому ученію о бытіи Божіемъ. Къ сожалѣнію эти очерки, замѣчательные (въ особенности, что̀ касается до Канта) рѣдкою критическою проницательностью, не могутъ быть здѣсь изложены вслѣдствіе ихъ объема.

Наиболѣе значенія имѣетъ послѣдній философскій трудъ Юркевича „Разумъ по ученію Платона и опытъ по ученію Канта“. Привожу его основныя мысли.

Два и только два основныхъ убѣжденія возможны для духа, по скольку онъ открываетъ свою дѣятельность въ познаніи. Одно изъ нихъ состоитъ въ томъ, что ему, какъ духу вообще, присущи начала, дѣлающія возможнымъ познаніе *самой истины*; другое въ томъ, что ему, какъ духу человѣческому, связанному съ общимъ типомъ человѣческой тѣлесной организаціи, присущи начала, дѣлающія возможнымъ только пріобрѣтеніе *общегодныхъ свѣдѣній*. Внѣ этихъ убѣжденій остается поле для скептицизма, который, разрушая знаніе, долженъ, чтобы быть въ согласіи съ собою, сомнѣваться и въ томъ, что онъ разрушаетъ знаніе, и такимъ образомъ безвыходно вращаться въ недомыслимомъ кругѣ, отрицая свои собственныя положенія.

Первый взглядъ, находящій возможнымъ знаніе *истины*, развитъ въ образцовомъ для всѣхъ временъ совершенствѣ Платономъ въ его ученіи о разумѣ и идеяхъ; второй, допускающій только знаніе *общегодное*, развитъ Кантомъ въ его ученіи объ опытѣ. Вотъ ихъ соотвѣтствующія положенія:

Платонъ. Только невидимая сверхчувственная сущность вещи познаваема.

Кантъ. Только видимое чувственное явленіе познаваемо.

Платонъ. Поле опыта есть область тѣней и грезъ: только стремленіе разума въ міръ сверхчувственный есть стремленіе къ свѣту знанія.

Кантъ. Міръ сверхчувственный есть область тѣней и грезъ; только въ области опыта возможно знаніе.

Платонъ. Настоящее познаніе мы имѣемъ, когда движемся отъ идей, чрезъ идеи, къ идеямъ.

---

[1]) *Труды Кіевской Духовной Академіи* за 1861 г. съ января по май. Первые два отрывка обозначены: «По поводу статей богословскаго содержанія въ Философскомъ Лексиконѣ», а слѣдующія три—«Доказательства бытія Божія».

Библиотека "Руниверс"

Кантъ. Настоящее познаніе мы имѣемъ, когда движемся отъ воззрѣній, чрезъ воззрѣнія, къ воззрѣніямъ.

Платонъ. Познаніе существа человѣческаго духа, его безсмертія и высшаго назначенія заслуживаетъ по преимуществу названія науки.

Кантъ. Это не наука, а формальная дисциплина, предостерегающая отъ безплодныхъ попытокъ утверждать что-либо о существѣ души.

Вообще, если для Платона познаніе истины возможно для чистаго разума, то для Канта оно не возможно ни для чистаго разума, ни для разума, обогащеннаго опытами: въ послѣднемъ случаѣ познаніе хотя возможно, но это будетъ не познаніе истины, а только познаніе общегодное. Наука имѣетъ всѣ условія для того, чтобы сообщать намъ общегодныя свѣдѣнія и ни одного условія для познанія истины. И однако же, никогда философія не одерживала такихъ блестящихъ побѣдъ надъ реализмомъ общаго смысла и наукъ положительныхъ, какія одержала она въ критикѣ чистаго разума. Никогда съ такою убѣждающею очевидностью не изобличала она всей неосновательности предразсудка общаго смысла, будто гдѣ-то внѣ насъ существуютъ чувственные предметы, совершенно готовые, размѣщенные въ пространствѣ и измѣняющіеся во времени, имѣющіе фигуру и краски, жесткіе и мягкіе, пахучіе и звучащіе, и будто всѣ эти внѣшніе предметы съ своими качествами, какъ только мы откроемъ для нихъ наши чувства, повторяются какъ въ зеркалѣ въ образахъ нашего сознанія. Опытъ, на который мы такъ довѣрчиво полагаемся, оправдывая наши мысли посредствомъ сравненія ихъ съ самими вещами, будто независимыми отъ нашихъ мыслей, не есть источникъ познанія, лежащій внѣ познающаго субъекта. „Опытъ есть первый продуктъ, который производится нашимъ разумомъ, какъ только разумъ перерабатываетъ сырой матеріалъ ощущеній". Опытъ съ его мнимыми вещами самъ произошелъ въ мастерской человѣческаго разума. Единственные данные элементы въ нашемъ познаніи суть ощущенія, которыя не существуютъ нигдѣ, кромѣ опредѣленій внутренняго чувства, будучи лишь видоизмѣненіями этого чувства, обусловленными нашимъ способомъ замѣчать ихъ одно послѣ другаго въ формѣ времени. Такимъ образомъ наши познавательныя способности, не имѣя ничего впередъ даннаго и существующаго, должны изъ себя произвести образы вещей, называемыхъ данными опыта. Это удивительное ученіе примиряетъ Платона съ Протагоромъ и Лейбница — съ Давидомъ Юмомъ и оно-то составляетъ

Библиотека "Руниверс"

душу нашей науки и нашей культуры. Оно соотвѣтствуетъ той соціальной теоріи, которая надѣется основать общественный бытъ и благо народовъ не на вѣчныхъ законахъ правды, но на всеобщемъ личномъ согласіи гражданъ.

Показавъ истинность *идеалистическихъ* положеній Канта, авторъ, на основаніи мастерской критики, которая здѣсь не можетъ быть приведена, признаетъ совершенно неосновательнымъ *скептическое* воззрѣніе Канта. Въ противуположность этому воззрѣнію онъ излагаетъ свои собственные взгляды, примыкая ихъ къ ученію Платона. Я передамъ основныя черты этихъ взглядовъ.

Реализмъ во всѣхъ своихъ видахъ надѣется познать сущность вещи, отдѣляя отъ нея всѣ ея положенія въ системѣ вещей и отличая самую вещь съ ея первобытными, ничѣмъ болѣе не опредѣленными, свойствами отъ всѣхъ такихъ положеній. Идеализмъ, отрицая самую возможность такихъ первобытныхъ вещей, изъясняетъ, напротивъ, всю ихъ сущность изъ того разумнаго положенія, какое имѣетъ каждая вещь въ системѣ міра. Это разумное положеніе опредѣляется степенью участія вещи въ идеѣ, слѣдовательно, тѣмъ мѣстомъ, какое вещь занимаетъ, какъ одинъ изъ членовъ дѣленія общаго понятія. Въ спекулятивной методѣ предполагается внутреннее развитіе понятія до тѣхъ формъ, которыя даны на вещахъ или въ вещахъ и которыхъ фактическое существованіе будетъ, такимъ образомъ, превращено въ разумное, или то, что есть, будетъ изъяснено изъ того, что должно быть по требованію идеи. Но если такимъ образомъ весь духъ истинной философской методы состоитъ въ убѣжденіи, что дѣйствительное опредѣляется мыслимымъ, то это не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ страннымъ ученіемъ, что идея сама себя осуществляетъ, что она есть свой собственный исполнитель въ мірѣ явленій—ученіемъ, которое такъ много повредило новѣйшему идеализму. Должно различать идею, какъ причину, отъ тѣхъ дѣятелей, безъ которыхъ эта идеальная причина не можетъ быть причиною. Вѣчная истина не есть сила, она есть истина, и этимъ исчерпывается все ея бытіе: essentia ejus involvit ejus existentiam. Она осуществляется въ потокѣ вещей дѣйствіемъ той воли, которая полагаетъ этотъ міръ, какъ исполнительную власть, по отношенію къ идеѣ, какъ власти законодательной. Если идеямъ должно быть приписано истинное бытіе, то далеко не тотъ смыслѣ, въ какомъ мы приписываемъ бытіе живымъ существамъ или субъектамъ. Только въ реализмѣ, который все содержаніе нашихъ мыслей и опытовъ, все живое многообразіе существъ

Библиотека "Руниверс"

и отношеній пригоняетъ къ простому и бѣдному бытію безразличныхъ атомовъ,—только въ реализмѣ категорія бытія есть столь простая и косная, что съ нею вообще нельзя ничего предпринять. По истинѣ же бытіе есть положеніе, принимающее различный смыслъ, смотря по содержанію, о которомъ мы говоримъ, что оно *есть*. Хотя справедливо, что идеи суть общее и что, слѣдовательно, бытіе постоянное и неизмѣняемое принадлежитъ общему, однако, отсюда не слѣдуетъ мысль новѣйшаго идеализма, что общее *есть то, что суть собственно вещи*. Общее, идея, истина есть вѣчное, не произведенное субъектомъ, содержаніе разума. Бытіе же способныхъ къ дѣйствію и страданію живыхъ существъ есть такое безусловное положеніе, которое не исчерпывается ихъ познаваемостью. Царство идей, образцовъ, или вѣчной истины, далѣе, царство существъ разумныхъ, призванныхъ познавать эту истину и *питаться* ею, и, наконецъ, призрачное существованіе всего тѣлеснаго,—или *мыслимое*, *сущее* и *явленіе*—таковы три сферы истиной философіи. Идеи имѣютъ то существенное значеніе, что космосъ, который есть Сынъ Божій по Платону, долженъ исполнить *всякую правду*, лежащую въ идеяхъ, чтобы наслаждаться совершеннѣйшимъ существованіемъ. Такъ какъ идеи суть система *общихъ* мыслимыхъ основаній, то мы изъ нихъ никогда діалектическимъ путемъ не выведемъ особенной индивидуальной жизненности существъ, никогда не выведемъ міра того *совершенно сущаго*, которому принадлежитъ жизнь, движеніе, душа и разумъ. Хотя существованіе его возможно только на общихъ идеальныхъ основаніяхъ, однако его дѣйствительность не обнимается логическою идеею сущности, потому что духовное начало, полагающее эту дѣйствительность, не есть сущность, а сверхсущественное. Какъ въ естествознаніи, такъ и въ философіи не могутъ быть *выведены*, но должны быть *найдены* тѣ основные факты, которые и суть таковы именно потому, что въ нихъ есть нѣчто несводимое на идеи разума. Если бы система идей была вполнѣ для насъ прозрачна, то, тѣмъ не менѣе, индивидуальное бытіе живыхъ и разумныхъ существъ представлялось бы намъ какъ непонятная судьба, и содержащееся въ идеяхъ откровеніе о томъ, *что* есть, оставляло бы насъ въ полномъ невѣдѣніи относительно того, *кто* есть. Только въ непосредственномъ, внутреннемъ сознаніи черезъ дѣйствительность нашего собственнаго духа открывается намъ тотъ сверхсущественный духъ, который *то, что можетъ быть (идея), переводитъ въ то, что есть (дѣйствительность) посредствомъ того, что должно быть* (το αγαθον).

Библиотека "Руниверс"

Изложеніе философскихъ воззрѣній Юркевича было бы неполно, еслибы мы не упомянули о тѣхъ особенныхъ историческихъ, фактическихъ основаніяхъ, которыя онъ искалъ и находилъ для нѣкоторыхъ изъ существеннѣйшихъ своихъ убѣжденій. Въ самомъ дѣлѣ, разъ міросозерцаніе, какъ это было у Юркевича, не ограничивается одною чисто-теоретическою сферою, выходитъ изъ области логическихъ возможностей и вступаетъ въ міръ дѣйствительности, оно должно и основанія себѣ брать не въ одной философской мысли, а въ фактахъ дѣйствительности. Такъ, если основныя метафизическія воззрѣнія Юркевича находили себѣ твердую опору въ исторической дѣйствительности религіи и, разумѣется, преимущественно христіанства, то болѣе частныя его воззрѣнія на природу и назначеніе человѣческаго духа, вполнѣ согласныя въ существѣ съ тѣмъ же христіанскимъ ученіемъ, получали, по его мнѣнію, ближайшее фактическое подтвержденіе въ нѣкоторыхъ особенныхъ явленіяхъ, возникшихъ въ послѣднее время. Я разумѣю явленія такъ называемаго спиритизма, въ достовѣрности которыхъ Юркевичъ былъ убѣжденъ и отъ которыхъ многаго ожидалъ въ будущемъ. На этихъ явленіяхъ въ глазахъ большинства лежитъ нѣкоторый особенный odium, отчасти оправдываемый тѣмъ, что въ сферѣ этихъ явленій открывается не малый просторъ шарлатанству и обману, а также и тѣмъ, что къ фактамъ часто привязываются ученія столь же пошлыя и неосновательныя по своему содержанію, сколько притязательныя и наглыя по своей формѣ. Юркевичъ признавалъ это вполнѣ и объяснялъ изъ свойствъ той среды, въ которой возникли явленія. Но въ его глазахъ неблагопріятная внѣшность спиритизма не могла заслонять сущности самаго факта. Сущность же факта, еслибы онъ оказался достовѣрнымъ, состоитъ въ томъ, что простымъ, для всѣхъ убѣдительнымъ образомъ, ad oculos доказывается истинность христіанскаго ученія о человѣческомъ духѣ какъ объ индивидуальномъ существѣ, имѣющемъ собственную внутреннюю дѣйствительность, не подлежащемъ всецѣло силѣ внѣшнихъ вещественныхъ условій и потому послѣ видимой смерти продолжающемъ безконечно свое развитіе въ иныхъ условіяхъ и формахъ. Было ли убѣжденіе Юркевича въ достовѣрности спиритическихъ явленій заблужденіемъ и самообольщеніемъ, весьма, впрочемъ, понятнымъ, или же эти явленія дѣйствительно имѣютъ объективную убѣдительность—покажетъ будущее.

Вл. Соловьевъ.

Библиотека "Руниверс"

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся, за время: 8-е января 1654—30-е мая 1672 года. Сочиненіе *Геннадія Карпова.* М. 1870.

Сочиненіе Г. Ѳ. Карпова, вышедшее подъ приведеннымъ заглавіемъ, составляетъ какъ-бы введеніе къ изданнымъ имъ позднѣе результатамъ его собственныхъ архивныхъ изслѣдованій: такъ, въ *Православномъ обозрѣніи* (1871, № 8) онъ помѣстилъ изслѣдованіе: „Кіевская митрополія и Московское правительство въ 1654 году, въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (1871, №№ 11 и 12): „Переговоры объ условіяхъ соединенія Малороссіи съ Великою Россіей“ и отдѣльно издалъ въ 1873 году: „Начало исторической дѣятельности Богдана Хмельницкаго.“ Такимъ образомъ эти, изслѣдованія, продолжаемыя авторомъ, должны служить примѣромъ того, какъ слѣдуетъ обращаться съ источниками въ противоположность предшествующему сочиненію, гдѣ авторъ старался показать, какъ съ ними обращаться не слѣдуетъ. Такова, кажется, мысль автора, если судить о ней по порядку, принятому имъ въ изданіи его сочиненій. Возможность такого способа доказалъ, между прочимъ, великій историкъ нашего времени Ранке, критическое сочиненіе котораго „Kritik neuerer Geschichtschreiber“, 1824 года, предшествуетъ его собственнымъ исторіографическимъ трудамъ. Слѣдовательно, начинать съ обсужденія своихъ предшественниковъ, а не съ результатовъ положительныхъ—пріемъ, быть можетъ, очень смѣлый, но не небывалый и имѣющій за себя довольно значительныя выгоды: указывая то, чего не слѣдуетъ дѣлать, какъ при изданіи источниковъ, такъ и при пользованіи ими, авторъ яснѣе и рельефнѣе можетъ показать—что именно слѣдуетъ дѣлать, и такимъ образомъ, заранѣе обозначить путь, которымъ намѣренъ слѣдовать, и объяснить читателю, чего отъ него въ правѣ

Библиотека "Руниверс"

ожидать [1]). Попытка г. Карпова вызвала полемику, выразившуюся главнымъ образомъ въ статьѣ Н. И. Костомарова въ *Бесѣдѣ* 1871 г., № 1, и въ отвѣтѣ Г. О. Карпова, появившемся отдѣльною брошюрою въ томъ же 1871 г. подъ заглавіемъ: „Г. Костомаровъ, какъ историкъ Малороссіи", на которую Н. И. Костомаровъ отвѣчалъ въ газетѣ *Голосъ*. Такимъ образомъ обѣ стороны высказались, но до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не слышно было третьяго безпристрастнаго голоса. Оттого намъ прійдется обратиться къ книгѣ нашего автора и посмотрѣть, чего онъ хотѣлъ достигнуть, и какъ онъ достигъ своей цѣли.

Цѣль своей книги авторъ выражаетъ (стр. 9) слѣдующими словами: „Предметъ нижеслѣдующаго изслѣдованія: 1-е, какъ до сихъ поръ историки Малороссіи пользовались Малороссійскими дѣлами и вообще архивными документами, — какое значеніе имъ придавали, и 2-е, составъ бумагъ Малороссійскихъ дѣлъ". Эта двойственность цѣли только видимая, ибо какъ скоро доказано, что предшествующіе историки пользовались не всѣмъ запасомъ матеріала и тѣмъ, который былъ у нихъ въ рукахъ, пользовались неудовлетворительно, является необходимость объяснить объемъ и характеръ самого запаса.

Авторъ начинаетъ съ первой половины своей задачи и опредѣляетъ, какъ пользовались источниками Д. Н. Бантышъ Каменскій, Н. А. Маркевичъ и Н. И. Костомаровъ; между двумя послѣдними онъ ставитъ автора „Исторіи Руссовъ", служившаго главнымъ источникомъ для Маркевича. При разборѣ „Исторіи Руссовъ" онъ встрѣчаетъ себѣ важное пособіе въ трудахъ С. М. Соловьева („Очерки исторіи Малороссіи" въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1848 года, №№ 11 и 12 и 1849, № 2) и М. А. Максимовича (*Кіевлянинъ* 1865 г., №№ 23—25 и *День* 1863 г., №№ 44, 46). Прибавимъ, что вообще труды С. М. Соловьева, въ особенности „Исторія Россіи", служили какъ-бы маякомъ для г. Карпова, освѣщая ему путь. Его взглядъ на казаковъ,

---

[1]) Прибавлю, что говоря о начинающемъ писателѣ, я говорю о Г. Ѳ. Карповѣ только относительно даннаго вопроса, ибо предшествовавшее его сочиненіе, писанное имъ для полученія степени магистра: «Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ», излагающее какъ военныя дѣйствія, такъ и мирныя сношенія между этими двумя государствами при Іоаннѣ III и отчасти Василіѣ Іоанновичѣ, — имѣло характеръ не полемическаго сочиненія, а историческаго разсказа, основаннаго преимущественно на документахъ Московскихъ архивовъ. Авторъ—ученикъ С. М. Соловьева—придаетъ особое значеніе архивнымъ матеріаламъ, ставя ихъ выше всѣхъ другихъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Библиотека "Руниверс"

какъ на воинское братство (дружину), стремившуюся подчинить себѣ все населеніе Малороссіи, имѣетъ источникомъ „Исторію Россіи", ибо подобное же, если еще не болѣе рѣзкое, воззрѣніе на казаковъ, высказанное въ 1842 году при разборѣ сочиненія Маркевича: „Исторія Малороссіи" („Собраніе сочиненій О. И. Сенковскаго", IX) осталось, кажется, неизвѣстнымъ г. Карпову. Спѣшимъ, однако, прибавить, что рѣзкостью своихъ выраженій и страстностью своей полемики нашъ авторъ придаетъ этому воззрѣнію болѣе рельефности, чѣмъ оно имѣетъ у С. М. Соловьева, и тѣмъ нерѣдко выводитъ его изъ сферы науки въ жгучую среду современной, не всегда научной полемики (см. напримѣръ, стр. 146: „Впрочемъ напечатаніе такого реестра легко могло бы указать и на то, какими мѣрами господа Кулишъ и Костомаровъ охраняютъ русское общество отъ вредныхъ для него познаній" (Дѣло идетъ о реестрѣ Малороссійскимъ дѣламъ, составленномъ Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ и объ изданіи „Актовъ Южной и Западной Россіи"). При изложеніи своихъ критическихъ замѣчаній, авторъ начинаетъ краткимъ введеніемъ, въ которомъ изъясняетъ свою задачу и указываетъ въ общихъ чертахъ на значеніе архивныхъ матеріаловъ, въ которыхъ съ достаточною основательностію видитъ главный источникъ для исторіи Малороссіи. Затѣмъ онъ переходитъ къ трудамъ историковъ и начинаетъ съ Д. Н. Бантыша-Каменскаго, котораго „Исторію Малороссіи" онъ считаетъ „и по сіе время единственною цѣльною исторіей Малороссіи", при чемъ указываетъ на то, что главною основою для этого труда послужили работы отца его автора—Н. Н. Бантыша-Каменскаго, которыя не были, къ сожалѣнію, провѣрены самимъ авторомъ, что̀ вполнѣ убѣдительно доказываетъ г. Карповъ примѣромъ изданія „Статей Богдана Хмельницкаго", ибо имъ изданы (и въ „Источникахъ Малороссійской исторіи", напечатанныхъ по бумагамъ Бантыша-Каменскаго въ *Чтеніяхъ въ обществѣ Исторіи* 1859, кн. 1, и въ „Исторіи Малой Россіи") не окончательныя статьи, а проекты. Къ Маркевичу нашъ авторъ относится строже, и нельзя не признать, что въ этомъ случаѣ правда на его сторонѣ. Ему удалось доказать, что главнымъ источникомъ для Маркевича служила „Исторія Руссовъ", долго приписываемая Георгію Конискому, достовѣрность которой Маркевичъ доказывалъ доводами черезъ-чуръ оригинальными: „Предполагая, что лѣтопись Конискаго есть дѣйствительно лѣтопись Гетманская, что такое показаніе преосвященнаго Георгія справедливо, и что достойный уваженія ученый мужъ, примѣрный гражданинъ и архипастырь благочестивый не увѣрялъ бы напрасно и не давалъ бы

Библиотека "Руниверс"

своего архипастырскаго слова въ томъ, что изъ собственныхъ записокъ Богдана и Юрія Хмельницкихъ составлена его лѣтопись, и такъ, предполагая все это, мы необходимо должны вѣрить на счетъ чиселъ и происшествій болѣе гетману, нежели историкамъ, которые въ битвахъ тѣхъ не были". („Исторія Малороссіи" I, 230—231). Все это основано на свидѣтельствѣ предисловія къ „Исторіи Руссовъ" (*Чтенія въ обществѣ Исторіи*, годъ I-й, № 1), которая издана по спискамъ, а подлинника, писаннаго Георгіемъ, никто не видѣлъ, и прямыхъ свидѣтельствъ Георгія о принадлежности ему этого сочиненія никто не указалъ. Подлинными офиціальными источниками Маркевичъ не пользовался,—это хорошо доказано г. Карповымъ, при чемъ, разбирая показанія Маркевича о бывшемъ у него въ рукахъ архивѣ гетмана графа Разумовскаго, заключающемъ въ себѣ и списки документовъ прежнихъ временъ, авторъ представилъ нѣсколько въ высшей степени полезныхъ замѣчаній о характерѣ и степени достовѣрности такихъ встрѣчающихся въ частныхъ архивахъ копій: не новость для историковъ, вообще такія замѣчанія дѣло весьма не лишнее въ нашей молодой литературѣ. Разобрать Конискаго было нетрудно, но и здѣсь авторъ представилъ любопытныя замѣчанія о тенденціозности его характера (на что уже были намеки въ *Вѣстникѣ Европы* при разборѣ „Исторіи южно-русской литературы") и объ отношеніяхъ его къ лѣтописямъ Самовидца, Велички, Грабенки, при чемъ сдѣлано первое указаніе на недостовѣрность такъ-называемаго дневника Зорки, писаря Богдана Хмельницкаго, дневника, будто бы послужившаго матеріаломъ для Велички. Болѣе полный и обстоятельный разборъ этого Зорки встрѣчаемъ въ другомъ сочиненіи нашего автора: „Начало исторической дѣятельности Богдана Хмельницкаго" (стр. 240—248). Указанія на вліяніе такъ-называемаго Конискаго на послѣдующихъ историковъ не пройдутъ, вѣроятно, безслѣдно для будущихъ историковъ Малороссіи, и конечно, подробное доказательство того, что свиданіе Хмельницкаго съ ханомъ, какъ оно описано въ „Исторіи Руссовъ", и какъ его передавали другіе историки, не бывало и въ такомъ видѣ не могло быть—важная заслуга на пользу будущимъ историкамъ. Можно было бы указать на то, что напрасно г. Карповъ, опровергая вѣрность свѣдѣній, сообщаемыхъ „Исторіей Руссовъ",—въ чемъ съ нимъ согласны въ настоящее время всѣ безъ исключенія, ибо приводимая имъ статейка *Филологическихъ Записокъ* едва ли кѣмъ-либо считается серьезнымъ произведеніемъ,—отказываетъ автору этого сочиненія въ художественныхъ достоинствахъ, признанныхъ за нимъ и Пушкинымъ, и М. А.

Библиотека "Руниверс"

Максимовичемъ, котораго поэтическій инстинктъ всѣмъ извѣстенъ. Впрочемъ это замѣчаніе посторонисе. Глава, посвященная трудамъ Н. И. Костомарова, поражаетъ даже лицъ, привыкшихъ къ пріемамъ современной полемики, непріятною рѣзкостью тона, которая никакъ не должна была бы имѣть мѣсто въ отношеніи ученаго столь извѣстнаго, каковъ г. Костомаровъ. Сверхъ того, авторъ кидаетъ тѣнь и на цѣлое учрежденіе—Археографическую Коммиссію, по крайней мѣрѣ въ извѣстный періодъ ея существованія. Все это заставляло относиться къ этой главѣ неблагосклонно, но откинувъ эти крайности, нельзя не сознаться, что въ основѣ своихъ обвиненій авторъ немного отступаетъ отъ истины, что дѣйствительно указанный имъ въ сочиненіи г. Костомарова недостатокъ: излишнее довѣріе къ красивымъ разказамъ, существуетъ, и что не смотря на оправданіе г. Костомарова (въ *Бесѣдѣ*), что имѣя въ виду исторію народную, онъ пропустилъ большинство дипломатическихъ сношеній, все-таки это остается важнымъ пропускомъ въ исторіи соединенія обѣихъ половинъ Руси. Наконецъ, значительная доля правды въ замѣчаніяхъ г. Карпова доказывается и тѣмъ, что опровергать его приходилось иногда посредствомъ разныхъ изворотовъ: напримѣръ, авторъ характеризуетъ дѣйствія казаковъ стремленіемъ „добыть зипуны"—выраженіе употребляемое Донцами; ему отвѣчаютъ (г. Костомаровъ въ *Голосѣ*) тѣмъ, что на Украйнѣ зипуновъ не носили. Какъ будто это выраженіе можно было принимать буквально. Нѣсколько иначе мы должны отнестись къ тому, какъ ставитъ г. Карповъ вопросъ объ изданіи источниковъ. Конечно, человѣку постороннему трудно судить, почему сдѣлано такъ или иначе, но надо было предварительно справиться,—и въ отвѣтѣ г. Костомарова мы находимъ нѣсколько облегчающихъ обстоятельствъ. Впрочемъ опять это относится скорѣе къ тону возраженій, чѣмъ къ ихъ сущности. Г. Карповъ предлагаетъ свой планъ изданія источниковъ, который, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ серьезнаго вниманія знатоковъ дѣла: онъ совѣтуетъ издать прежде всего реестры архивные, гдѣ они существуютъ; затѣмъ при печатаніи актовъ собирать однородные, при чемъ предварительно издатель долженъ изучить весь тотъ періодъ времени, къ которому относятся издаваемые акты, и послѣ такого цѣлостнаго изученія—рѣшить, что̀ печатать вполнѣ, что̀ сокращать и т. п. При печатаніи онъ рекомендуетъ держаться порядка дѣла, то-есть, того порядка, въ которомъ бумаги поступали въ приказъ. Это послѣднее замѣчаніе можетъ вызвать споры: защитники хронологическаго порядка не безъ основанія укажутъ на то, что по-

Библиотека "Руниверс"

слѣдовательность актовъ на мѣстѣ имѣетъ значительную важность и много объясняетъ самыя событія, что указанія на связь актовъ, дѣлаемыя въ примѣчаніяхъ, могутъ избавить отъ необходимости держаться приказнаго расположенія; но съ другой стороны, можно сказать, что для этой цѣли при сборникахъ должны быть хронологическіе перечни, что наконецъ начатый подъ редакціей А. А. Куника хронологическій перечень актовъ будетъ въ состояніи устранить этотъ недостатокъ. Не предрѣшая этого вопроса, указываемъ на самую постановку его, какъ на одну изъ заслугъ Г. Ѳ. Карпова. Послѣдняя глава разбираемаго сочиненія, къ сожалѣнію самая краткая, наиболѣе важна. Ея содержаніе: внѣшній видъ Малороссійскихъ дѣлъ; столбцы: возникновенія и свертки документовъ въ столбецъ (колеса); старыя описи столбцамъ. Характеръ документовъ Малороссійскихъ дѣлъ: переговоры въ приказахъ съ послами войска Запорожскаго; статейные списки и отписки посланниковъ и воеводъ; „списки съ Бѣлорусскаго письма"; распросныя рѣчи; распоряженія правительства [1]). Здѣсь авторъ старается опредѣлить внѣшній и внутренній характеръ занимающихъ его документовъ. Не смотря на свою краткость, замѣтки автора—плодъ личныхъ наблюденій и занятій—могутъ служить важнымъ руководствомъ для тѣхъ, кто имѣетъ дѣло съ нашими архивами по занимающему его вопросу; но ужь изъ выписаннаго нами оглавленія этой главы можно судить о томъ, что авторъ не позаботился придать своему изложенію ни полноты, ни систематичности, отчего—разумѣется—много теряетъ самое изложеніе. Нельзя не замѣтить вообще, что вся книга много страдаетъ отъ поспѣшности своего составленія: въ ней замѣтна какая-то случайность. Такъ, объ очень важныхъ вопросахъ (напримѣръ, дневникъ Зорки) авторъ говоритъ мимоходомъ. Если онъ на это отвѣтилъ бы, что главная цѣль — отношеніе историковъ къ великорусскимъ документамъ, то тогда напрасно было бы по ѣщать Конискаго, а при Конискомъ нужно было осмотрѣть всю исторіографію, и не было бы нужды обращаться къ тѣмъ же самымъ вопросамъ въ другихъ отношеніяхъ (такъ, въ „Началѣ исторической дѣятельности Богдана Хмельницкаго" поднятъ важный вопросъ о лѣтописи Самовидца и ея составѣ). Лучше было взять болѣе широко тему и осмотрѣть ее со всѣхъ сторонъ,—тогда было бы настоящее ученое сочиненіе, а не рядъ замѣтокъ часто справедливыхъ, но не всегда хорошо между собою связанныхъ, изложен-

[1]) Оглавленіе выписано буквально.

Библиотека "Руниверс"

ныхъ съ рѣзкими нападками на другихъ изслѣдователей и съ неясно выраженнымъ общимъ взглядомъ. Послѣдняго мы, впрочемъ, касаться не будемъ, такъ какъ главнымъ образомъ онъ, какъ уже замѣчено, принадлежитъ С. М. Соловьеву. Оставимъ также безъ вниманія внѣшнее изложеніе, которое даже въ наше время, привыкшее къ небрежности языка, невольно поражаетъ своею небрежностью. Вообще въ книгѣ много хорошаго, но она какъ-то не додѣлана.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Нравственное и умственное развитіе римскаго общества во II вѣкѣ. Историческое изслѣдованіе *В. Кожевникова*. Козловъ, 1874.

Ученое изслѣдованіе объ одномъ изъ періодовъ римской исторіи, изданное въ уѣздномъ городѣ Козловѣ (и при томъ изданное отнюдь не хуже, чѣмъ во многихъ изъ столичныхъ типографій), — уже это обстоятельство должно остановить вниманіе на книгѣ г. Кожевникова. Зная, какъ рѣдко сколько-нибудь серьезныя сочиненія появляются у насъ въ провинціальныхъ городахъ (за исключеніемъ, разумѣется, университетскихъ) читатель отнесется, быть можетъ, недовѣрчиво и къ труду, заглавіе коего выписано выше, но ознакомившись съ содержаніемъ его, онъ тотчасъ же убѣдится въ своей ошибкѣ. На этотъ разъ мы имѣемъ дѣло съ книгою весьма серьезною и умною, обнаруживающею въ авторѣ основательное знакомство съ предметомъ и написанною такъ, что она не можетъ не заинтересовать всякаго образованнаго человѣка. Послѣднее обстоятельство имѣетъ большое значеніе въ нашихъ глазахъ: нападки на классицизмъ сдѣлались у насъ общимъ мѣстомъ, но нападки эти, не смотря на весь свой задоръ, не возбуждаютъ ничего, кромѣ чувства жалости, когда подумаешь, что бѣдная русская публика не имѣетъ даже приблизительнаго понятія о классической древности. Да и откуда могла бы она заимствовать его? Исторія классицизма въ Россіи не многосложна: едва началъ онъ приниматься на нашей почвѣ, какъ былъ нанесенъ ему сильный ударъ, поразившій его, можно сказать, въ самомъ зародышѣ; публика наша еще и не видала его плодовъ, а между тѣмъ смѣло объявляетъ, что эти плоды не пригодны для нея. Не то происходитъ въ любомъ изъ европейскихъ цивилизованныхъ государствъ, гдѣ изученіе классической древности продолжалось непрерывно въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, гдѣ оно привлекало къ себѣ лучшіе умы, породило громадную литературу, — литературу, предназначенную не только для

Библиотека "Руниверс"

болѣе или менѣе обширнаго круга ученыхъ, но доступную также и всѣмъ слоямъ образованнаго общества. Въ Германія, Англіи, Франціи безпрерывно появляются книги по классической древности, изложенныя въ такой формѣ, что ими живо интересуется масса публики; въ любой книжкѣ нѣмецкихъ, англійскихъ, французскихъ „обозрѣній" можно встрѣтить статьи, которыя знакомятъ читателей съ результатами изслѣдованій объ исторіи, философіи и древностяхъ Греціи и Рима. Есть ли что-нибудь подобное у насъ? Мы не обладаемъ даже переводами самыхъ капитальныхъ иностранныхъ произведеній. „Римская исторія" Моммзена выходитъ теперь пятымъ изданіемъ, а у насъ, много лѣтъ тому назадъ, появилось въ переводѣ только начало этого превосходнаго произведенія, да этимъ началомъ все и кончилось; за Грота, Курціуса, Мериведя, Дункера, Преллера никто и не принимался; нѣтъ у насъ также достаточно образованныхъ публицистовъ, которые постановили бы себѣ задачею знакомить русское общество съ капитальнѣйшими трудами по древней исторіи и литературѣ. Вотъ почему замѣтили мы выше, что придаемъ большую цѣну такимъ, къ сожалѣнію, крайне рѣдкимъ у насъ книгамъ по классической древности, которыя помимо ученыхъ своихъ достоинствъ, могли бы быть прочитаны съ пользою и удовольствіемъ даже и не спеціалистомъ, а именно къ числу ихъ и принадлежитъ книга г. Кожевникова. Всякаго мыслящаго человѣка заставитъ она задуматься надъ существенно важными вопросами.

Занявшись изслѣдованіемъ умственнаго и нравственнаго состоянія римскаго общества во II вѣкѣ по Р. Х., авторъ говоритъ, что эпоха эта была до сихъ поръ сравнительно мало изучаема и указываетъ на два сочиненія, посвященныя ей: Грегоровіуса „Geschichte Hadrian's und seiner Zeit" и Мартà „Les moralistes sous l'empire romain". Въ самое послѣднее время появилось однако весьма подробное изслѣдованіе, посвященное именно тому предмету, которымъ занимается нашъ авторъ, и не упомянутое имъ вѣроятно только потому, что оно еще не дошло до него, когда печаталась его книга: это — „La réligion romaine d'Auguste aux Antonins" Гастона Буассье. „Цѣль моего труда, говоритъ г. Кожевниковъ, — изобразить нравственное и умственное состояніе языческаго общества въ послѣдній моментъ его самостоятельнаго развитія, въ ту пору, которая граничитъ съ началомъ усиленнаго вліянія на него христіанства. Такъ какъ это послѣднее въ изучаемую мною эпоху было занято еще исключительно своимъ собственнымъ развитіемъ, то его спеціальная исторія не вошла въ область

Библиотека "Руниверс"

моего изслѣдованія; за то я преимущественно старался обращать вниманіе на подготовку новыхъ идей въ сферѣ самого язычества; я разсмотрѣлъ особенно подробно религіозно-нравственныя теоріи II вѣка не столько вслѣдствіе самостоятельной ихъ важности, сколько потому, что онѣ составляютъ крайнюю точку сближенія стараго порядка съ новымъ". И Буассье преслѣдуетъ, хотя въ гораздо болѣе обширныхъ размѣрахъ, ту же самую задачу, а именно, онъ характеризуетъ два періода въ развитіи римской религіи,—періодъ, относящійся къ концу республики и къ началу имперіи когда, подъ вліяніемъ восточныхъ культовъ и философскихъ ученій, возникаетъ разложеніе въ религіозныхъ вѣрованіяхъ Римлянъ, и затѣмъ послѣдующій періодъ, періодъ II вѣка, когда философскія школы ревностно стараются подкрѣпить эти разшатанныя вѣрованія, приворовивъ ихъ къ новымъ понятіямъ и стремленіямъ общества. Оба эти періода тѣсно связаны между собою, одинъ вытекаетъ изъ другаго, и вотъ почему французскій ученый занялся одинаково подробнымъ изслѣдованіемъ каждаго изъ нихъ. Г. Кожевниковъ сосредоточилъ, напротивъ, вниманіе свое почти исключительно на второмъ изъ означенныхъ періодовъ и это тѣмъ болѣе жаль, что зависимость ихъ одинъ отъ другаго сознается имъ какъ нельзя лучше. Вотъ что̀ говоритъ онъ по этому поводу:

«Достойно замѣчанія, что консервативное направленіе въ римскомъ обществѣ возникаетъ въ ту пору, которая уже довольно близка ко времени внутренняго разложенія древняго міра и что оно все усиливается по мѣрѣ приближенія реформы. Параллельно съ этимъ замѣчается упадокъ скептическаго духа, упадокъ на столько ощутительный, что въ концѣ II и въ началѣ III вѣка скептицизмъ уже почти совершенно исчезаетъ, такъ что если бы противоположное направленіе не замѣняло по неволѣ до извѣстной степени благодѣтельной роли сомнѣнія, то реформа осталась бы безъ всякой поддержки со стороны язычества. Дѣло въ томъ, что скептицизмъ, будучи спутникомъ преимущественно переходныхъ эпохъ, достигаетъ вообще своего наибольшаго развитія не во время самой реформы, а въ періодъ, ей предшествующій. Скептицизмъ, болѣе близкій по времени къ старому порядку, примѣнъ оправдываетъ свое назначеніе; онъ бываетъ тогда ожесточеннѣе, иногда несправедливѣе, но за то и понятнѣе. Зло, съ которымъ онъ борется, еще слишкомъ сильно для него, чтобы не поощрять борьбы; при томъ же въ это время онъ имѣетъ прелесть новизны, качество важное для популяризированія всякой отвлеченной идеи. Но по мѣрѣ того какъ новыя идеи одерживаютъ побѣду, рвеніе скептицизма должно естественно ослабѣвать, ибо протестъ противъ стараго порядка становится уже менѣе нужнымъ, а о сомнѣнія въ новомъ порядкѣ такъ скоро не можетъ еще быть и рѣчи. Этимъ-то моментомъ обыкновенно пользуется отжившее противоположное направленіе для временнаго возобновленія только

Библиотека "Руниверс"

что отвергнутаго. Разумѣется, подобныя реставраціи ни къ чему не ведутъ, какъ скоро реформа дѣйствительно созрѣла, какъ скоро ея тенденціи не только выработались въ опредѣленную систему, но и стали достаточно уже популярны. Къ сожалѣнію, великіе перевороты слишкомъ обширны для того, чтобъ они могли совершиться быстро и единовременно: вотъ почему реставрація старины столь часто слѣдуетъ за наиболѣе важными реформами».

Мы видимъ изъ приведеннаго нами отрывка, что авторъ, различая два періода въ развитіи языческихъ религіозныхъ вѣрованій съ конца республики до эпохи Антониновъ включительно, весьма вѣрно указываетъ и на тѣ причины, по которымъ строгій консерватизмъ въ этихъ вѣрованіяхъ замѣняетъ собою господство крайняго скептицизма. Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, первый, по времени, изъ этихъ періодовъ — періодъ скептическій — изложенъ у него недостаточно обстоятельно, что не могло не повредить цѣльности представленнаго имъ очерка.

За то философскія ученія, какъ развивались они во II вѣкѣ (преимущественно стоицизмъ и платонизмъ), и подъ вліяніемъ коихъ совершался умственный и нравственный переворотъ въ римскомъ обществѣ, обозначены имъ весьма рельефно. Обширную главу посвятилъ онъ также обозрѣнію научныхъ свѣдѣній, которыя были распространены тогда въ образованныхъ классахъ Рима, и глава эта, по полнотѣ и искусной группировкѣ фактовъ, принадлежитъ едва-ли не къ лучшимъ во всей книгѣ.

Характеръ движенія, совершавшагося въ предѣлахъ римской имперіи и картина коего начертана въ разбираемой нами книгѣ, нерѣдко подавалъ, какъ извѣстно, поводъ къ самымъ ложнымъ толкованіямъ. Если одни изъ изслѣдователей не придавали ровно никакой цѣны усиліямъ лучшихъ людей той эпохи распространить болѣе нравственныя и свѣтлыя понятія въ окружавшей ихъ средѣ, то другіе, какъ выражается Буассье, „имѣя въ виду только возвышенные принципы, часто провозглашаемые тогдашними философами, и относясь равнодушно къ вопросу, примѣнялись ли эти принципы на дѣлѣ, изображали въ такомъ обаятельномъ свѣтѣ мудрость древнихъ мыслителей, что не было никакой нужды, если вѣрить имъ, въ переворотѣ, совершенномъ христіанствомъ, что въ сущности и переворота никакого не произошло, ибо христіанская религія явилась будто бы не болѣе какъ прямымъ и естественнымъ выводомъ изъ античныхъ вѣрованій преобразованныхъ античными философами“. Чтобы разоблачить во всей наготѣ этотъ софизмъ, необходимо было бы сопоставить лицомъ

Библиотека "Руниверс"

къ лицу философскія древнія ученія съ христіанствомъ, чего однако не сдѣлалъ нашъ авторъ и почему изслѣдованіе его какъ бы лишено заключительнаго слова. Только этимъ путемъ выяснилось бы, что умственное движеніе, овладѣвшее высшими сферами римскаго общества, могло лишь на время продлить его существованіе, но въ концѣ концовъ не въ состояніи было спасти его отъ погибели. „Стоицизмъ говоритъ г. Кожевниковъ, проповѣдуя идеи, во многихъ случаяхъ тождественныя съ христіанскою моралью, имѣлъ гораздо меньшій успѣхъ, чѣмъ она, и одною изъ главныхъ причинъ этого было безспорно то *пренебреженіе*, съ которымъ онъ относился къ чувству во всѣхъ нравственныхъ вопросахъ; наоборотъ, христіанство было сильно именно тамъ, гдѣ былъ слабъ стоицизмъ: философскія убѣжденія этого послѣдняго оно съумѣло высказать на столько проще и сдѣлать ихъ на столько популярнѣе, что изъ логическихъ выводовъ они превратились чуть ли не въ инстинктивныя побужденія человѣческой натуры и оттого стали искреннѣе, теплѣе, естественнѣе чѣмъ прежде". Но если массы оставались совершенно чужды къ ученіямъ языческихъ философовъ, то конечно не потому, что философы пренебрегали элементомъ чувства, а главнымъ образомъ по той причинѣ, что въ самыхъ этихъ ученіяхъ не было ничего такого, что̀ говорило бы сердцу массъ, что̀ могло бы пролить въ нихъ утѣшеніе отъ угнетавшихъ ихъ бѣдствій. Философскія системы I и II вѣка предназначены были не для нихъ, и онѣ не поняли бы этихъ системъ, тогда какъ „Посланіе къ Римлянамъ" стало тотчасъ же доступно людямъ всѣхъ безразлично состояній. Не есть ли это доказательство, что не было ничего общаго между вѣчными истинами, истолкованными апостоломъ, и ученіемъ греческихъ философовъ и ихъ римскихъ подражателей?

Послѣднимъ словомъ всѣхъ этихъ ученій было не общее благо, не общее спасеніе, а лишь нравственное благополучіе отдѣльныхъ личностей. Стоики, напримѣръ, проповѣдывали высокомѣрное презрѣніе къ міру; чѣмъ хуже былъ этотъ міръ, тѣмъ ревностнѣе долженъ былъ человѣкъ отдаляться отъ него, не заботясь нисколько объ его улучшеніи и имѣя въ виду только собственное превосходство надъ окружающею его средою. Индеферентизмъ, отчужденіе отъ дѣйствительности,—вотъ что̀ лежало въ основѣ стоицизма; отсюда происходили такія вопіющія явленія, что Сенека, одинъ изъ представителей этой школы, позволялъ себѣ крайне предосудительныя дѣйствія въ качествѣ приближеннаго лица къ Нерону. „Довлѣй самому себѣ" —

Библиотека "Руниверс"

таково было правило всѣхъ стоиковъ. Эпикурейцы проповѣдывали наслажденіе жизнью, соединяя это съ понятіемъ о добродѣтели, ибо безъ добродѣтели нѣтъ наслажденія, человѣкъ не добродѣтельный не можетъ наслаждаться. И въ основѣ этого ученія видимъ тотъ же эгоизмъ: для эпикурейца міръ представлялъ интереса лишь на столько, на сколько онъ могъ черпать изъ этого міра матеріалъ для высшихъ, нравственныхъ удовольствій, а затѣмъ онъ презиралъ его не менѣе, чѣмъ стоики. То же самое направленіе господствуетъ и въ другихъ системахъ. Всѣ онѣ отмѣчены глубокою меланхоліею: люди ищутъ счастья, успокоенія, внутренняго примиренія — и не находятъ его; они презираютъ міръ, хотятъ возвыситься надъ нимъ, а между тѣмъ онъ ихъ себѣ подчиняетъ, они побѣждены имъ. Неудивительно, что долгое время самоубійство было ultima ratio для тогдашнихъ философовъ: истинный мудрецъ, говорили они, никогда не будетъ побѣжденъ, ибо онъ можетъ умертвить себя, но что же это за побѣда, которая заключалась въ самоуничтоженіи! Этимъ самымъ философскія ученія обнаруживали свою несостоятельность, ибо конечно самоубійство—не добродѣтель, о которой проповѣдывали одни изъ нихъ, и еще менѣе—наслажденіе, къ которому стремились другіе.

Н. И.

Библиотека "Руниверс"

МУСУЛЬМАНСКІЯ УЧИЛИЩА ТУРКЕСТАНСКАГО КРАЯ.

I.

Жизнь мусульманина, какъ извѣстно, построена на началахъ религіи, созданной Кораномъ, и самыя мелочныя явленія ея подводятся подъ правила, предписываемыя шаріатомъ [1]); поэтому изученіе Корана составляя первую заботу каждаго правовѣрнаго, считается сутью всего образованія. Слѣдствіемъ такого положенія все образованіе исключительно находится въ рукахъ муллъ [2]), состоящихъ должностными лицами при мечетяхъ: отсюда школы (мектабъ) и семинаріи (медресэ) тѣсно связаны съ мечетью. Въ такомъ же положеніи находятся и мусульманскія школы въ Туркестанскомъ краѣ. Бо́льшая часть изъ нихъ имѣютъ вакфы [3]), на счетъ которыхъ онѣ содержатся вмѣстѣ съ мечетью, иногда же на счетъ вакфа содержится только школа съ учителемъ. Въ городахъ Туркестанскаго края (я говорю только о тѣхъ, которыя посѣщены мной) почти каждый гузаръ [4]), приходъ—или какъ въ другихъ городахъ называютъ *маале*,—имѣетъ свою школу. Преподавателями (мекшебдаръ) въ нихъ бываютъ

---

[1]) Толкованіе Корана и преданій, оставшихся отъ Мухамеда.

[2]) Мулла, грамотный, ученый мулла. Въ азіатскихъ государствахъ нельзя признать духовенства въ томъ корпоративномъ значеніи, какъ принято. По мусульманскому ученію, всякій ученый можетъ быть духовнымъ лицомъ.

[3]) Вакфомъ называется все то, что завѣщано какому-нибудь учрежденію или лицу. Почти каждый вакфъ обусловливается документомъ на завѣщанное имущество. По существу дарственной записи завѣщанное имущество не перепродается и не отнимается. Учрежденіе или лицо, получившее вакфъ, имѣетъ право только на доходъ съ имущества и вообще право пользованія имъ. Объемъ нашей статьи не позволяетъ намъ распространяться объ этомъ предметѣ.

[4]) Гузаръ—часть города, приходъ, отъ Таджикскаго глагола гузагитенъ.

Библиотека "Руниверс"

имамъ [1]) или муэзинъ [2]) мечети и, весьма рѣдко, постороннее лицо. Надо замѣтить, что народное образованіе во всемъ мусульманскомъ мірѣ содержится болѣе частною благотворительностью, чѣмъ на счетъ государства. Всѣ высшія училища содержатся на доходы съ завѣщанныхъ имъ имуществъ эмирами, визирями и богатыми людьми; а низшія или же на счетъ вакфа, или на счетъ общества прихожанъ. Учитель школы, какъ замѣчено выше, если онъ не изъ лицъ, служащихъ при мечети, что̀ бываетъ весьма рѣдко, избирается преимущественно изъ жителей того квартала, въ которомъ находится школа; рѣдко бываетъ это лицо постороннее, изъ другой части города. Въ обоихъ случаяхъ содержаніе ему платятъ жители квартала по 1—2 тенъги съ дома. Если же учитель приглашенъ изъ отдаленнаго квартала, то, кромѣ того, ему отводится, вмѣстѣ съ семействомъ, особое помѣщеніе вблизи школы. Для полученія мѣста школьнаго учителя не требуется никакихъ особенныхъ правъ. Кварталъ, нуждающійся въ учителѣ, поручаетъ кому-либо изъ уважаемыхъ лицъ своего околодка, пріискать таковаго; отъ послѣдняго требуется только, чтобы онъ самъ окончилъ курсъ ученія въ школѣ. Кромѣ содержанія изъ вакфа, или отъ общества и съ приходящихъ учениковъ а иногда, какъ сказано выше, готоваго помѣщенія,—учитель ничего не получаетъ. Всѣ учащіеся въ школѣ—приходящіе. Внутренность школы, какъ и вся домашняя обстановка правовѣрнаго, чрезвычайно незатѣйлива и проста. Школу составляетъ одна комната съ нѣсколькими дверьми, замѣняющими окна; лѣтомъ всѣ двери стоятъ настежъ цѣлые дни, а зимою, кромѣ входныхъ дверей, всѣ остальныя заставляются рѣшетчатыми рамами, обклеенными бумагою. Иногда надъ дверьми бываютъ небольшія окна. Въ стѣнахъ обыкновенно устроены ниши для калошъ, платья и т. п. вещей. Для освѣщенія комнаты въ потолкѣ находится небольшое квадратное отверстіе, называемое *табданъ*, открытое лѣтомъ, а зимою закрытое фонаремъ, состоящимъ изъ деревянныхъ брусковъ, обклеенныхъ бумагою. Видъ фонаря походитъ на переплетъ полураскрытой книги корешкомъ къ верху. Подобное устройство имѣютъ помѣщенія всѣхъ школъ при мечетяхъ. Тѣ же школы, для которыхъ нѣтъ особаго помѣщенія при мечети, устраиваются въ *михманъ-ханэ*—въ пріемной комнатѣ учителя.

На полу параллельно стѣнамъ, въ разстояніи 1/2 аршина отъ

---

[1]) Имамъ—совершающій богослуженіе въ мечетяхъ.

[2]) Муэзинъ—причетникъ мечети, возвѣщающій народу время молитвы.

Библиотека "Руниверс"

нихъ, положена связка изъ бревенъ вершковъ 5 толщиною, соединенныхъ между собой въ углахъ срубомъ. Связка эта замѣняетъ ученикамъ, сидящимъ на полу съ поджатыми ногами, столы и представляетъ собою парты особаго устройства. Ученики сидятъ внѣ этого сруба, лицомъ во внутрь комнаты, а учитель—среди ихъ за бревнами, образующими парты. Полъ комнаты устланъ плетенками изъ камыша или же просто соломою. Кромѣ книгъ, близъ учителя лежитъ длинный прутъ, часто употребляемый въ дѣло для возбужденія вниманія въ развлекшихся ученикахъ. Задавая урокъ одному изъ нихъ, учитель въ то же время слѣдитъ изъ подлобья за остальными и всегда неожиданно съ своего мѣста достаетъ прутомъ шалуна.

Посмотримъ теперь какъ, при этой незатѣйливой обстановкѣ, развивается мусульманская мудрость.

По существующему обычаю, отецъ, условившись предварительно съ учителемъ относительно платы, которая бываетъ, смотря по состоянію, отъ 1/2 до 2 тенги [1]) въ мѣсяцъ, приводитъ своего 6—8 лѣтняго сына въ школу и вмѣстѣ съ тѣмъ приноситъ „*дастырханъ*", т. е. угощеніе, состоящее изъ лепешекъ и изюма. Передавая сына, вмѣстѣ съ принесенными гостинцами, учителю,—отецъ поручаетъ перваго его мудрости. Учитель, принявши изюмъ и лепешки, которыхъ бываетъ числомъ девять или кратное отъ числа девяти [2]), угощаетъ ими будущихъ товарищей новобранца, потомъ, посадивъ его возлѣ себя, даетъ ему первый урокъ, заставляя повторять слѣдующіе стихи:

„Боже милосердый, просвѣти сердце раба твоего".

„Рабъ этотъ мусульманинъ, жаждующій читать Коранъ".

„Онъ ищетъ твоего покровительства, ибо много согрѣшилъ".

Изученіе этихъ стиховъ на память продолжается нѣсколько дней. Новопоступившій ученикъ, если онъ сынъ богатаго человѣка, почти всегда сидитъ близъ учителя, на видномъ мѣстѣ; въ противномъ слу-

---

[1]) Тенга=коконъ—туземная монета 20 коп.

[2]) Полагаю, не безъинтересно будетъ замѣтить, что мусульмане Туркестанскаго края за счастливыя цифры считаютъ 2, 7, 9, 11 и 40. Число *два* чествуется въ память Хозрета, пророка *Хызра* (Эноха) и Ильяса (Иліи), завѣщавшихъ для хорошаго исхода всякаго начинанія дѣлать дѣло два раза; *семь*—въ честь Богаутдина (Нахшибенди), завѣщавшаго, чтобы всякая милость, во имя Бога, творилась 7 разъ; *девять*—въ честь девяти женъ Мухамеда, *одинадцать*—въ честь Хозрета-Гаусули-Азама, имѣющаго 11-ть прозвищъ, а *сорокъ*—въ честь 40 святыхъ, бывшихъ до Магомета. Туземцы не знаютъ собственныхъ именъ этихъ святыхъ.

Библиотека "Руниверс"

чаѣ, черезъ нѣсколько дней или недѣлю, ученика сажаютъ куда придется. Вообще дѣти богачей пользуются въ школахъ большимъ вниманіемъ учителя.

Просвѣтивъ, такъ сказать, ученика вышеприведенными стихами, учитель пишетъ на доскѣ арабскую азбуку, состоящую изъ двадцати восьми буквъ. Объяснивъ ученику произношеніе каждой буквы, учитель передаетъ ему доску и поручаетъ кому-либо изъ сосѣдей помогать ему. Въ нѣкоторыхъ школахъ учитель, задавъ первый урокъ новопоступившему ученику, поручаетъ его своему халифе.

Халифе—это помощникъ учителя. Такъ какъ учитель не всегда можетъ проводить цѣлые дни въ школѣ, то у каждаго изъ нихъ есть одинъ или два халифе. Это—старшіе ученики по времени поступленія въ школу. Въ большинствѣ случаевъ они выбираются изъ учениковъ, кончившихъ уже курсъ, но оставшихся въ школѣ для усовершенствованія въ каллиграфіи. Въ отсутствіе учителя, халифе занимаются съ учениками, выслушиваютъ приготовленные ими уроки, задаютъ новые и вообще слѣдятъ, чтобы дѣти были заняты. Въ присутствіи учителя они, какъ я замѣтилъ, помогаютъ менѣе способнымъ ученикамъ приготовлять уроки. Халифе не получаютъ никакого вознагражденія за оказываемую помощь учителю. Когда, по существующему порядку, ученикъ самъ заявитъ, что онъ знаетъ урокъ, учитель задаетъ ему новый. Срока для этого заявленія не опредѣляется. Выучивъ твердо азбуку, ученикъ переходитъ къ абджаду. Абджадъ—упражненіе для памяти, состоящее въ томъ, что согласныя буквы соединены въ слова, имѣющія не лексическое значеніе, а числовое. Въ этомъ заучиваніи на память сочетанія буквъ и заключаются всѣ ариѳметическія познанія, выносимыя учениками изъ первоначальной школы.

Зубреніе кабалистическихъ словъ абджада занимаетъ 1 — 2 недѣль. Вообще, опредѣлить въ какой періодъ усвоиваетъ ученикъ книгу, равно и продолжительность самаго ученья, трудно. Пройдя абджадъ, ученикъ переходитъ къ изученію Корана. При этомъ онъ освобождается на одинъ день отъ ученія, а признательные родители, за сдѣланные сыномъ успѣхи, присылаютъ учителю одну или двѣ теньги въ подарокъ.

Изученіе Корана начинается съ 1-й главы его Алхаша. За нею слѣдуютъ, въ опредѣленномъ порядкѣ, другія главы Корана, послѣдовательность которыхъ объяснена ниже въ примѣчаніи. По изученіи каждой серіи главъ, ученикъ пользуется увольненіемъ отъ ученія на

Библиотека "Руниверс"

одинъ день, а учитель получаетъ отъ родителей 1—2 теньги, или блюдо кушанья.

Послѣ изученія учениками главы, заключающей собою третью серію, совершается особое празднованіе успѣховъ ученика, которое происходитъ, по установившимся обычаямъ, слѣдующимъ образомъ: учитель вставляетъ между связанныхъ кистей рукъ ученика, отверстіемъ къ верху, пустой пеналъ или ящикъ отъ чернильницы. Затѣмъ ученикъ, въ сопровожденіи старшаго изъ учениковъ въ школѣ и другихъ товарищей, отправляется сперва къ родителямъ, отъ нихъ со всею свитой обходитъ всѣхъ родныхъ. Каждый изъ нихъ обязанъ положить въ футляръ нѣсколько монетъ, которыя идутъ въ пользу учителя. Во все время этой прогулки, какъ къ родителямъ, такъ и къ родственникамъ, старшій изъ учениковъ халифе, поетъ сложенный для этого случая гимнъ. Содержаніе его почти одинаково во всѣхъ школахъ. Авторомъ его считается шейхъ Атаръ-Вали. Въ гимнѣ воспѣваются способности ученика, мудрость учителя и пожеланіе отъ Бога благодати ученику на поприщѣ предпринятаго имъ изученія мусульманской мудрости. Послѣ каждаго двустишія, которыя поетъ, а иногда говоритъ речитативомъ халифе, сопровождающіе ученика его школьные товарищи припѣваютъ „бяли, бяли“ — точно такъ, точно такъ.

Если процессія не успѣетъ обойдти въ одинъ день всѣхъ родныхъ, шествіе продолжается и на другой день; но при этомъ ежедневно вечеромъ ученикъ отправляется къ учителю, чтобы высыпать ему все собранное въ футлярѣ. При каждомъ посѣщеніи товарищи ученика угощаются родными и родственниками изюмомъ и лепешками.

Хотя все пройденное до сихъ поръ ученикъ училъ по книгѣ, но при этомъ онъ не зналъ всѣхъ буквъ шрифта и изученіе шло механически, на память. Поэтому ученикъ начинаетъ повторять сначала всѣ пройденныя имъ 27 главъ Корана. При повтореніи выученнаго прежде на память, онъ складываетъ каждое слово по книгѣ.

Окончательно усвоивъ пройденное, ученикъ переходитъ къ чтенію остальныхъ пятидесяти осьми главъ той части Корана, которая называется Хавту-Экъ и заключаетъ въ себѣ 69 главъ, въ числѣ которыхъ находятся и первыя пройденныя ученикомъ 21 главы. Читая Хавту-Экъ, ученикъ пропускаетъ читанныя и повторенныя уже имъ. Окончивъ Хавту-Экъ, онъ принимается за Каляму-шерифъ (священное слово) Корана.

Библиотека "Руниверс"

Передъ тѣмъ какъ одинъ изъ учениковъ долженъ приступить къ изученію Каляму-шерифъ, учитель приглашаетъ товарищей новаго богослова сдѣлать складчину на угощеніе преуспѣвающаго въ изученіи Корана ученика. На собранныя такимъ образомъ деньги, учитель покупаетъ нѣсколько лепешекъ, халвы, изюму и другихъ лакомствъ и отправляется вмѣстѣ со всѣми учениками въ домъ родителей виновника торжества. Предупрежденный объ этомъ посѣщеніи школьныхъ товарищей сына и учителя, отецъ устраиваетъ у себя праздникъ, на который приглашаетъ сосѣдей и родственниковъ, а также и товарищей сына. Во время достархана (угощенія) отецъ подноситъ въ подарокъ учителю халатъ и чалму. На женской половинѣ также празднуется это торжественное событіе. У матери ученика собираются ея знакомыя и родственницы. Послѣ угощенья, состоящаго изъ нѣсколькихъ кушаній и неизбѣжнаго *пилау*, учитель, въ присутствіи гостей, заставляетъ ученика прочесть первую главу изъ Корана, покупаемаго для этого случая отцомъ ученика. По окончаніи чтенія, гости, совершивъ молитву, расходятся.

Вызубривъ безсознательно весь Коранъ, ученикъ принимается за *Чахаръ-Китабъ*, сборникъ правилъ вѣры, написанный по-персидски. До сихъ поръ вся школьная мудрость заключалась въ безсознательномъ усвоеніи арабской грамоты; съ книгой Чахаръ-Китабъ, ученикъ изъ таджиковъ переходитъ къ болѣе или менѣе толковому чтенію и пониманію того, что онъ учитъ, хотя для мальчика всякой другой національности, не говорящаго по-таджикски [1]), зубреніе измѣняется только въ отношеніи звуковъ, но не пониманія читаемаго и учимаго.

Казалось бы, что ученику, усвоившему себѣ пока только буквы арабской азбуки, съ переходомъ къ чтенію на персидскомъ языкѣ, въ которомъ болѣе звуковыхъ знаковъ (31 буква вмѣсто 28 арабскихъ), должны представляться особенныя затрудненія при чтеніи письменности, въ которую входятъ незнакомыя ему буквы; но этого, какъ мнѣ приходилось видѣть, не случается. Ученикъ, безъ всякихъ разъясненій со стороны учителя, прямо начинаетъ читать по-персидски, и о существованіи лишнихъ буквъ въ персидскомъ языкѣ противъ арабскаго, онъ узнаетъ только при урокахъ каллиграфіи.

Окончивъ Чахаръ-Китабъ и представивъ учителю подарокъ отъ родителей въ 1—2 теньги, ученикъ принимается за книгу Маштыкъ,

---

[1]) Нарѣчіе персидскаго языка.

Библиотека "Руниверс"

сочиненіе шейхъ Атаръ-Вали, написанное по-таджикски. Послѣ нея ученикъ переходитъ къ сочиненіямъ хаджи Хафиза, одного изъ любимыхъ поэтовъ востока. Стихотворенія его написаны на персидскомъ языкѣ и пользуются огромною извѣстностію. Выучивъ Хафиза, ученикъ приноситъ учителю, неизбѣжный послѣ окончанія изученія каждой книги, достарханъ и двѣ теньги, и на другой день принимается за книгу Мирза-Видиль, написанную по-таджикски. По изученіи ея, послѣ обычнаго достархана, онъ переходитъ къ послѣдней, завершающей школьную мудрость, книгѣ — стихотвореніямъ эмира Навай, писаннымъ на тюркскомъ языкѣ. Впрочемъ, болѣе ретивые ученики, послѣ книги Навай, изучаютъ еще стихотворенія Фузули, написанныя на узбекскомъ языкѣ.

Надо замѣтить, что въ нѣкоторыхъ школахъ за книгой Чахаръ-Китабъ дальнѣйшее изученіе не всегда идетъ въ вышеприведенномъ порядкѣ одного сочиненія за другимъ и не всегда проходятся всѣ указанные учебники; въ школахъ, исключительно наполненныхъ таджиками, послѣ Корана проходятъ только персидскія книги; тамъ же, гдѣ преобладаетъ узбекское населеніе, послѣ Чахаръ-Китабъ за таджикскими книгами изучаютъ и узбекскія.

Выборъ книгъ зависитъ отъ взгляда учителя, но всѣ они держатся одного общаго правила: не прежде давать ученику новую книгу, какъ окончивъ раньше начатую. Можно безошибочно сказать, что нѣтъ школы, гдѣ бы ученикъ въ одно время проходилъ параллельно двѣ, три книги.

Закончивъ все школьное обученіе книгой Навай или Фузули, ученикъ, если пожелаетъ, продолжаетъ посѣщать школу съ цѣлью выучиться калиграфіи, и только одолѣвъ эту послѣднюю, онъ идетъ въ медресэ.

Желающіе учиться калиграфіи обыкновенно приготовляютъ себя къ обязанностямъ мирзъ; тѣ же, которые идутъ въ медресэ для усовершенствованія себя въ богословскихъ и юридическихъ наукахъ, изучаютъ калиграфію не въ первоначальной школѣ, а въ медресэ, у профессоровъ. Выучившись калиграфіи, ученикъ изучаетъ цифры и узнаетъ абджадъ, которому онъ безсознательно учился лѣтъ 5 — 8 назадъ.

Экзаменовъ не существуетъ въ видѣнныхъ мною туземныхъ школахъ. Въ нихъ нельзя встрѣтить правильной группировки учениковъ по изучаемымъ книгамъ. Самая неподдѣльная простота существуетъ во

Библиотека "Руниверс"

всемъ. Рядомъ съ ученикомъ, зубрящимъ громогласно, на всю улицу, азбуку, почти всегда встрѣтите мальчика, безсознательно скандирующаго стихи хаджи Хафиза, или не менѣе громко читающаго Коранъ. Въ видѣнныхъ мною городахъ присутствіе школы въ кварталѣ даетъ себя знать за нѣсколько десятковъ саженей.

Всѣ классныя принадлежности и руководства обыкновенно пріобрѣтаются родителями учениковъ. Для этого, за нѣсколько дней до окончанія изучаемой книги, учитель, лично или черезъ ученика, даетъ знать отцу послѣдняго, чтобы была куплена такая-то книга.

Въ средне-азіатской педагогикѣ не принято давать ученику уроковъ на домъ. По существующему обычаю, ученики проводятъ въ школѣ цѣлый день. Они собираются въ школу около 8-ми часовъ утра и остаются въ ней до заката солнца, отлучаясь только въ полдень домой на одинъ часъ, чтобы пообѣдать. Ученье въ школахъ обыкновенно идетъ круглый годъ, исключая еженедѣльно пятницъ и праздниковъ Рамазана, Курбанъ-Байрама и новаго года. По случаю прекращенія занятій въ эти дни, учитель не остается безъ подарковъ. Наканунѣ пятницы, въ четвергъ, ученики приносятъ учителю по одной сдобной лепешкѣ. Занятія въ этотъ день продолжаются только до полдня. Въ 12 часовъ, передъ роспускомъ учениковъ, учитель осматриваетъ у нихъ ногти, и тѣхъ, у которыхъ они окажутся нечистыми, бьетъ переплетомъ книги или доской, на которой пишется азбука. Послѣ осмотра ногтей всѣ ученики становятся въ рядъ, лицомъ къ Каабѣ, и учитель учитъ ихъ правиламъ намаза (молитвы). За этимъ онъ дѣлаетъ наставленіе ученикамъ: какъ вести себя въ отношеніи старшихъ, не пропускать время молитвы, почтительно отвѣчать на вопросы родителей и не откликаться, когда ихъ зовутъ звуками „ха" и т. п., наконецъ, не играть на улицахъ въ горѣлки и др. игры. За неисполненіе этихъ совѣтовъ виновные наказываются фалахомъ [1]).

Передъ годовыми праздниками учитель заставляетъ учениковъ выучить слѣдующія четырестишія, которыми дѣти должны поздравить родителей съ праздникомъ.

По случаю Рамазана.

Мѣсяцъ Рамазанъ уноситъ горе всѣхъ. Онъ даетъ всѣмъ вкусить шербетъ, очищающій грѣхи.

---

[1]) Фалахъ—палка, употребляемая при наказаніяхъ по пяткамъ.

Библиотека "Руниверс"

Этотъ священный мѣсяцъ приходитъ въ годъ разъ.
Да сохранитъ васъ всѣхъ Богъ до другаго года!

По случаю Курбанъ-Байрама.

Праздникъ Курбанъ насталъ, приносите жертвы.
Посвящайте свои души Господу Богу милосердному.
Пилигримы теперь обходятъ Каабу, а вы, православные, дѣлайте здѣсь доброе дѣло.

На новый годъ.

Во время новаго года народъ гуляетъ въ полѣ.
Соловьи въ цвѣтникѣ любуются розами.
Отецъ, дай праздничныя (деньги), возрадуй моего учителя, и тѣмъ приготовь для себя жилище въ раю до послѣдняго дня.

Каждый изъ родителей, повѣщенный приведенными стихами о наступающемъ праздникѣ, считаетъ своею обязанностью послать учителю нѣсколько монетъ или же какой-либо другой подарокъ. Приведенные стихи не одинаковы во всѣхъ существующихъ школахъ и выбираются учителемъ изъ разныхъ сочиненій, или складываются имъ самимъ на каждый новый случай.

Для обученія каллиграфіи существуетъ нѣсколько почерковъ: Китаби [1]), Корани [2]), Куфа и Райтани [3]); въ школахъ же употребляется преимущественно Китаби и Коранъ.

По поводу каллиграфіи замѣчу кстати объ этикетѣ, соблюдаемомъ мирзами въ частной перепискѣ. Принято обрѣзывать полукругомъ правый уголъ бумаги, на которой пишется письмо, что̀ должно выражать желаніе, чтобы письмо быстрѣе дошло по назначенію. Въ основаніи этого обычая лежитъ слѣдующая легенда: письма Хозрета Сулеймана [4]) разносила птица Нудъ-Нудъ (потатуйка), держа ихъ въ клювѣ за правый уголъ. Въ настоящее время обрѣзываніе праваго угла письма, напоминая быстроту, съ которой птица разносила письма, выражаетъ желаніе такого же быстраго доставленія отправляемаго письма.

Дисциплинарными мѣрами, кромѣ совѣтовъ, щедро расточаемыхъ

---

[1]) Книжный,—извѣстно, что на востокѣ не существуетъ печатанія: всѣ книги рукописныя, вслѣдствіе этого и сложился особый почеркъ.

[2]) Коранный.

[3]) По мѣсту составленію письменъ.

[4]) Соломона.

Библиотека "Руниверс"

учителемъ по четвергамъ, ему служатъ, какъ было выше замѣчено, длинный прутъ, всегда лежащій около него, переплетенная книга и линейка для взысканій за грязные ногти и, наконецъ, высшая мѣра наказанія это—фалахъ, состоящій изъ палки, длиною въ $^1/_2$ аршина съ веревочною петлей по срединѣ. Положивъ провинившагося ученика, на ноги ему надѣваютъ петлю и поднимаютъ ноги, держа за концы палки, для того, чтобы удобнѣе было дѣйствовать другою палкой по пяткамъ наказуемаго. Наказаніе этого рода примѣняется большею частью за побѣгъ отъ школьныхъ занятій. О нелвляющихся нѣсколько дней въ школу ученикахъ наводится справка у родителей и, если окажется, что отсутствующій ученикъ уходитъ изъ дому, но не бываетъ въ школѣ, то для отысканія его командируются нѣсколько его школьныхъ товарищей. Право отколотить его палками по пятамъ, принадлежитъ разыскавшимъ его товарищамъ, какъ вознагражденіе за поимку.

Нельзя точно опредѣлить время прохожденія ученикомъ курса по изложенной выше программѣ. На это употребляется среднимъ числомъ отъ 6 — 8 лѣтъ. Многое въ этомъ случаѣ зависитъ отъ обстоятельствъ. Не рѣдко мальчикъ, прошедшій Коранъ, берется родителями изъ школы для торговыхъ или домашнихъ занятій. Равнымъ образомъ трудно опредѣлить и среднее число учениковъ въ школахъ. Цифра приходящихъ учениковъ сильно колеблется. Мои наблюденія со справками прошедшаго времени показываютъ, что въ послѣднее время, съ занятіемъ края Русскими, число посѣщающихъ школы учениковъ значительно уменьшилось; такъ, въ Самаркандѣ, нынѣ среднее число учениковъ въ каждой изъ школъ колеблется между 20 — 30, хотя и есть школы, въ которыхъ, по показаніямъ учителей, число это доходитъ до 60-ти. Впрочемъ, школъ съ такимъ числомъ учениковъ, весьма немного: къ нимъ можно отнести только тѣ, которыя посѣщаются дѣтьми нѣсколькихъ сосѣднихъ кварталовъ (гузаровъ), не имѣющихъ своихъ школъ по недостатку преподавателя или помѣщенія.

По показаніямъ туземцевъ Самарканда, самое значительное число учащихся было во время Эмира-Насруллы, когда было строго вмѣнено въ обязанность раисовъ (полицейскихъ чиновниковъ) слѣдить за тѣмъ, чтобы родители посылали своихъ дѣтей въ школы. При этомъ тѣ родители, дѣти которыхъ отъ пяти до семилѣтняго возраста не посѣщали школу, подвергались денежному штрафу, независимо отъ котораго, дѣтей ихъ отводили въ школу раисы. Съ вступленіемъ

Библиотека "Руниверс"

на престолъ Эмира-Музафера, на народное образованіе мало обращалось вниманія, и школы начали пустѣть.

Принимая во вниманіе вышеприведенныя данныя, я полагаю, можно принять за среднее число учащихся въ школахъ посѣщенныхъ мной городовъ 20—25 мальчиковъ на каждый гузаръ, безъ различія, есть ли въ немъ школа или нѣтъ, такъ какъ выше было замѣчено, что не рѣдко дѣти двухъ—трехъ магале посѣщаютъ одну школу, находящуюся въ центрѣ сосѣднихъ кварталовъ. Такимъ обрачисло учащихся въ Ходжентѣ, гдѣ 20 находится магале, будетъ 400 мальчиковъ.

Въ Ура Тюбе, 41 магале, 840 мальчиковъ.

Въ Джизикѣ, 7 магале, 7 школъ, 140 мальчиковъ.

Въ Заамминѣ, 2 школы, 100 учащихся.

Въ Самаркандѣ, 80 школъ, 1.000 учащихся.

Въ Ташкентѣ, 144 магале, 118 школъ, 2.036 мальчиковъ.

Въ началѣ я уже сказалъ, что въ городахъ Туркестанскаго края школа почти постоянно находится при мечети. То же встрѣчается и въ кышлакахъ (деревняхъ), но съ тою разницею, что здѣсь хотя и бываетъ нѣсколько мечетей, но школа учреждается только при одной или двухъ.

Преподаваніе въ школахъ въ кышлакахъ заканчивается Кораномъ. Родители, желающіе дать своимъ дѣтямъ большее образованіе, отвозятъ ихъ въ городъ къ мектебдару, у котораго и живетъ ученикъ до окончанія школьнаго обученія.

Въ заключеніе замѣчу нѣсколько словъ о грамотности между женщинами. Хотя грамотность между мусульманками въ среднеазіатскихъ городахъ сравнительно весьма мало распространена, тѣмъ не менѣе почти въ каждомъ городѣ находится одна или двѣ наставницы (биби-халифе), которыя спеціально занимаются обученіемъ грамотѣ дѣвушекъ.

Биби-халифе большею частію бываютъ жены школьныхъ учителей и имамовъ мечетей. Преподаваемый ими курсъ мусульманской мудрости не идетъ далѣе стихотвореній Хафиза.

Способы преподаванія и руководства у биби-халифе тѣ же, что и у школьныхъ учителей. Изученіе книгъ у нихъ идетъ тѣмъ же путемъ, одна за другою. Слѣдующія цифры обучающихся дѣвушекъ и биби-халифе, въ посѣщенныхъ мною городахъ, могутъ служить указателемъ грамотности между женщинами:

Библиотека "Руниверс"

9	Биби-халифе	въ	Ходжентѣ.
7		„	Ура-Тюбе.
1		„	Зааминѣ.
5		„	Джизакѣ.
15		„	Самаркандѣ.
25		„	Ташкентѣ.

Учащіяся дѣвушки бываютъ большею частію дѣти богатыхъ людей. Для ученія онѣ собираются на домъ къ биби-халифе. Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ наставницы принимаются въ домъ для обученія дѣвушекъ. То же самое можно замѣтить и о мектебдарахъ. Если биби-халифе или мектебдаръ приглашаются преподавать на дому, то въ этомъ случаѣ родители учащихся отводятъ имъ у себя отдѣльное помѣщеніе.

1871 года апрѣля 15-го.
Ташкентъ.

И. Т.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Библиотека "Руниверс"

ЗАМѢТКА О ГИМНАСТИКѢ ДЛЯ ДѢВИЦЪ.

Гимнастика имѣетъ цѣлью приготовить человѣка къ житейскому поприщу,—мужчину къ борьбѣ со свѣтомъ, женщину къ тихой дѣятельности матери и хозяйки. Соотвѣтственно этому слѣдуетъ распредѣлить и гимнастическія упражненія, состоящія главнымъ образомъ изъ упражненій вольныхъ (движенія на мѣстѣ), порядковыхъ (движенія съ мѣста), упражненій съ снарядами и на оныхъ. Посредствомъ движеній вольныхъ и порядковыхъ систематически и многообразно упражняются мускулы и вмѣстѣ съ тѣмъ прямо и косвенно приводятся въ дѣятельность главнѣйшіе факторы жизненныхъ процессовъ. Развитіе прочнаго здоровья, тѣлесной ловкости и увѣренности во всѣхъ движеніяхъ, вотъ что составляетъ цѣль этихъ упражненій, которыя почитаются зерномъ и основаніемъ гимнастики. Однако онѣ недостаточны для мужчинъ, которымъ необходимы еще упражненія на снарядахъ, развивающія преимущественно силу мускуловъ, особенную тѣлесную ловкость, мужество и рѣшительность. Такъ какъ посредствомъ этихъ упражненій физическія способности юношей развиваются до степени искусства, то и самая гимнастика для мальчиковъ принимаетъ характеръ искусства. Такая внѣшняя дѣятельность, требующаяся въ жизни мужчины, само собой разумѣется, не соотвѣтствуетъ призванію женщины, натура которой сама не допускаетъ спеціальнаго развитія мускуловъ, а требуетъ скорѣе для полнаго духовнаго и физическаго здоровья соразмѣрно большей дѣятельности внутреннихъ органовъ, особенно же органовъ питанія и кровообращенія. Преимущественное развитіе мускуловъ нарушило бы эту внутреннюю дѣятельность, обезобразило бы женщину, потому что излишняя выпуклость мускуловъ, не составляя для женщинъ необходимаго условія здоровья, можетъ нарушить гармонію формъ. Снаряды употребляются въ женской гимнастикѣ, или для достиженія гигіени-

Библиотека "Руниверс"

ческой цѣли (напримѣръ, упражненія въ висѣніи на горизонтальной перекладинѣ и упражненія съ палками для противодѣйствія вредному вліянію отъ согнутаго держанія тѣла при классныхъ занятіяхъ), или для гимнастическихъ игръ (напримѣръ, короткіе и длинные канаты, воланы, кольца, штурмовая доска и пр.).

Къ сожалѣнію, на практикѣ рѣдко слѣдуютъ вышеприведеннымъ правиламъ. Упражненія вольныя и порядковыя требуютъ предварительнаго составленія плана для каждаго гимнастическаго урока; кромѣ того упражненія на снарядахъ представляютъ больше интереса для юношества, чѣмъ упражненія вольныя и порядковыя; поэтому, при обученіи педагогической гимнастикѣ, мальчикамъ почти всегда выпускаютъ упражненія вольныя и порядковыя (какъ это и видно изъ сочиненій здѣшнихъ учителей гимнастики) и весь гимнастическій урокъ почти исключительно посвящается упражненіямъ на снарядахъ. Эта метода преподаванія, къ сожалѣнію, нерѣдко имѣетъ вредныя послѣдствія для здоровья, потому что требующія значительныхъ усилій упражненія на снарядахъ, большею частію, производятся руками, отчего чрезмѣрно развивается верхняя часть туловища, и такимъ образомъ нарушается гармоническое соотвѣтствіе отдѣльныхъ частей тѣла,—существенное условіе здоровья.

При гимнастическихъ занятіяхъ съ дѣвицами, пренебреженіе упражненіями вольными и порядковыми становится еще ощутительнѣе, такъ какъ именно эти упражненія должны исключительно составлять женскую гимнастику. Для пополненія этого пробѣла прибѣгаютъ обыкновенно къ гимнастическимъ играмъ, которыя конечно удовлетворяютъ дѣтской потребности въ разнообразіи и веселомъ движеніи, но для тѣлеснаго развитія имѣютъ едва ли болѣе значенія, чѣмъ обыкновенныя игры. Значеніе этихъ гимнастическихъ игръ не увеличивается отъ того, что ими, на публичныхъ испытаніяхъ, ловче можно пускать пыль въ глаза.

Если въ Германіи гимнастика для дѣвицъ не достигла еще полнаго развитія (хотя и по этой части тамъ появилось много прекрасныхъ сочиненій), то причины этого слѣдуетъ, кажется, искать въ томъ, что женская гимнастика находится въ рукахъ учителей, посвятившихъ свою дѣятельность мужской гимнастикѣ и не старающихся вникнуть въ сущность гимнастики для дѣвицъ. Было бы поэтому гораздо практичнѣе, еслибъ женскою гимнастикой занимались исключительно женщины: зная потребности женской натуры, онѣ болѣе способны понять научное основаніе вольныхъ и порядковыхъ

Библиотека "Руниверс"

упражненій и никогда не допустятъ такихъ положеній и движеній, которыя, хотя бы въ малѣйшей степени, были неприличны для дѣтей женскаго пола; кромѣ того, онѣ легче подчиняются контролю врачей, столь важному въ гимнастикѣ, какъ наукѣ преимущественно гигіенической, и, наконецъ, учительница, которой предстоитъ заниматься не исключительно вольными и порядковыми упражненіями, будетъ по необходимости стараться возбуждать и поддерживать въ дѣвицахъ интересъ и любовь къ занятіямъ гимнастикой наиболѣе пригодными способами обученія этому предмету.

Д-ръ Ѳ. Клепезаль.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

О ВВЕДЕНІИ ОБЯЗАТЕЛЬНАГО ОБУЧЕНІЯ ПО ХОДАТАЙСТВАМЪ НѢКОТОРЫХЪ ЗЕМСКИХЪ СОБРАНІЙ [1].

Вопросъ о введеніи обязательнаго начальнаго обученія возбужденъ въ настоящее время по ходатайству губернскихъ земскихъ собраній: Олонецкаго и Владимірскаго, уѣздныхъ земскихъ собраній: Вытегорскаго и Каргопольскаго (Олонецкой губерніи), Сапожковскаго (Рязанской губерніи), Спасскаго (Казанской губерніи), Павлоградскаго (Екатеринославской губерніи), Юрьевецкаго (Владимірской губерніи), Конотопскаго (Черниговской губерніи) и уѣздныхъ же Нижегородскаго и Пензенскаго. Сверхъ того, подобное же заявленіе сдѣлано во всеподданнѣйшемъ отчетѣ начальника Смоленской губерніи за 1870 годъ.

Во всѣхъ ходатайствахъ вышеозначенныхъ земскихъ собраній выставляются болѣе или менѣе одинаковыя причины, по которымъ введеніе обязательнаго начальнаго обученія признается мѣрою крайне необходимою. Потребность въ образованіи сельскаго населенія, по мнѣнію вышеозначенныхъ земскихъ собраній, никогда еще не чувствовалась въ такой мѣрѣ, какъ въ настоящее время, когда великія реформы нынѣшняго царствованія вызвали къ общественной дѣятельности всѣ сословія государства и въ томъ числѣ сельское крестьянское населеніе, получившее право самоуправленія, но лишенное возможности, по своей неразвитости и безграмотности, пользоваться надлежащимъ образомъ этимъ правомъ. Отъ распространенія начальнаго образованія въ массѣ сельскаго населенія, кромѣ возвышенія уровня нравственности, представится возможность, вопервыхъ, вмѣсто невѣжественныхъ, безграмотныхъ и обсчитываемыхъ на каждомъ шагу волостныхъ судей и сборщиковъ податей, имѣть на этихъ мѣстахъ болѣе развитыхъ и болѣе достойныхъ людей изъ среды народа; вовторыхъ, народъ избавится въ большей или меньшей степени отъ обмановъ въ

[1] Помѣщая статьи объ обязательномъ обученіи (въ нынѣшней и ноябрьской книжкахъ) мы готовы напечатать и всякія дѣльныя замѣчанія возраженія по ихъ поводу. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

торговлѣ, въ тяжебныхъ дѣлахъ и заключаемыхъ имъ условіяхъ, чему онъ безпрерывно подвергается теперь, по своей безграмотности, и втретьихъ, произойдетъ явный выигрышъ для него въ хозяйственномъ отношеніи, такъ какъ усвоеніе начальнаго образованія даетъ право на сокращеніе срока дѣйствительной военной службы и чрезъ то, болѣе скорымъ возвращеніемъ отслужившихъ свой срокъ въ крестьянскую среду, увеличиваетъ число рабочихъ силъ.

При всѣхъ этихъ очевидныхъ выгодахъ образованія, наше крестьянское населеніе, по мнѣнію земскихъ собраній, еще мало сознаетъ пользу ученія даже первоначальнаго; повсюду оказывается недостатокъ въ училищахъ по отношенію къ народонаселенію; число ихъ не только не увеличивается, но и уменьшается; тамъ, гдѣ уже существуютъ училища, бо́льшая половина населенія вовсе не учится въ нихъ, и такимъ образомъ затраты земства и сельскихъ обществъ оказываются мало производительными. Наконецъ и тѣ, сравнительно немногіе, которые учатся въ училищахъ, не выносятъ изъ нихъ всей пользы отъ крайне неисправнаго посѣщенія ихъ, составляющаго язву нашихъ сельскихъ школъ. Родители безпрерывно отвлекаютъ своихъ дѣтей отъ училищъ, то для сельскихъ и другихъ домашнихъ работъ, то ради праздничныхъ дней, число которыхъ въ нашихъ селеніяхъ доходитъ до 200 въ теченіе года, то безъ всякой причины, не говоря уже о томъ, что и дѣти, находясь внѣ всякаго контроля, прогуливаютъ нерѣдко время классныхъ занятій, не подвергаясь за то никакой отвѣтственности. Для устраненія всѣхъ этихъ явленій, сильно тормозящихъ распространеніе образованія въ сельскомъ населеніи и дѣлающихъ безплодными, или по крайней мѣрѣ, мало полезными усилія правительства, земства и общества къ развитію образованія въ народѣ, необходимо, по мнѣнію земскихъ собраній, установить обязательность ученія, какъ такую мѣру, которая повсюду оказалась вполнѣ дѣйствительною для достиженія этой цѣли.

Предлагая такую мѣру, всѣ земскія собранія благоразумно ограничиваютъ, однако, кругъ дѣйствія этой обязательности только извѣстными мѣстностями, именно признаютъ возможнымъ обязывать къ посѣщенію училищъ дѣтей школьнаго возраста только въ такихъ селеніяхъ, которыя имѣютъ уже училища или отстоятъ отъ послѣднихъ не далѣе двухъ или трехъ верстъ. Нѣкоторыя земскія собранія прибавляютъ къ этой обязательности непремѣнное условіе, чтобы такія училища были хорошо устроены, чтобы въ нихъ обучали чтенію, письму, закону Божію и молитвамъ, первымъ четыремъ ариѳме-

Библиотека "Руниверс"

тическимъ дѣйствіямъ, счисленію на счетахъ и, по возможности, церковному пѣнію, чтобы въ училищахъ были способные и приготовленные учителя, и чтобъ училища имѣли достаточно просторныя и приноровленныя къ этой цѣли помѣщенія.

Находя возможнымъ вводить обязательность сначала только тамъ, гдѣ есть уже школы, и затѣмъ, постепенно распространять ее на вновь учреждаемыя школы, нѣкоторыя земскія собранія указываютъ и возрастъ, въ теченіе котораго ученіе должно быть обязательно для дѣтей обоего пола. Самый большой срокъ опредѣляется въ 6 лѣтъ, отъ 6 до 12 лѣтъ, затѣмъ въ 4 года, отъ 8 до 12 или отъ 7 до 11 лѣтъ, затѣмъ въ 3 года и, наконецъ, въ 2 года, въ возрастѣ между 10 и 16 годами. При этомъ многими земскими собраніями обращено вниманіе и на продолжительность годичнаго учебнаго курса, въ настоящее время весьма различную въ нашихъ сельскихъ школахъ, въ которыхъ не рѣдко ученье начинается въ октябрѣ, ноябрѣ и даже декабрѣ и оканчивается большею частью въ апрѣлѣ и рѣдко въ маѣ мѣсяцѣ, и изъ этого короткаго учебнаго срока не мало времени пропадаетъ еще для ученья за множествомъ праздниковъ. Въ отвращеніе такой траты времени предлагаются разныя мѣры, какъ-то: установленіе продолжительности годичнаго учебнаго курса не менѣе 9-ти мѣсяцевъ, ограниченіе праздниковъ одними воскресными и табельными днями и назначеніе опредѣленнаго годичнаго срока ученія съ 1-го октября, то-есть, со времени окончанія полевыхъ работъ, до 1-го апрѣля или до 1-го мая, то-есть, до начатія весеннихъ работъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, при обязательности обученія, опредѣленіе учебнаго срока является необходимымъ, и что срокъ этотъ, даже при семимѣсячномъ годичномъ курсѣ, никакъ не можетъ быть менѣе трехъ лѣтъ, дабы учащіеся могли окончить полный курсъ ученія по Высочайше утвержденному положенію о начальныхъ училищахъ и такимъ образомъ пріобрѣсти льготы по воинской повинности по 4-му разряду, сокращающія сроки дѣйствительной военной службы.

Всѣ земскія собранія, высказавшіяся въ пользу введенія обязательнаго обученія, ходатайствуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы обученіе это было и даровое для всѣхъ учащихся въ сельскихъ начальныхъ училищахъ.

Касательно способовъ исполненія мѣры объ обязательности ученія находятся указанія только въ немногихъ ходатайствахъ земскихъ собраній. По мнѣнію Пензенскаго земскаго собранія, отвѣтственность за посѣщеніе школы дѣтьми должна лежать на родителяхъ, опеку-

Библиотека "Руниверс"

нахъ, и вообще, старшихъ въ семьѣ, а наблюденіе за точнымъ исполненіемъ послѣдними этой обязанности должно быть возложено на сельское и волостное начальство. Сапожковское уѣздное земское собраніе предполагаетъ съ тою же цѣлію учредить при каждой школѣ наблюдательный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго священника, изъ 6 членовъ по выбору общества, слѣдящій за ходомъ ученія и исправнымъ посѣщеніемъ школы учащимися.

Въ числѣ наказаній родителей за непосѣщеніе дѣтьми ихъ школы безъ уважительной причины указываются въ ходатайствахъ земскихъ собраній слѣдующія: *Сапожковскаго*—выговоръ отъ наблюдательнаго комитета, сообщеніе комитетомъ обществу о нерадивыхъ родителяхъ и выговоръ имъ отъ имени общества, а при неуспѣшности обѣихъ этихъ мѣръ, лишеніе нерадивыхъ, по общественному приговору, права на хозяйство въ семьѣ и назначеніе къ нимъ опекуна; *Павлоградскаго*—наложеніе на родителей штрафа въ размѣрѣ не менѣе 25 коп. за каждый разъ непосѣщенія школы, со взысканіемъ этого штрафа, въ случаѣ несостоятельности провинившагося, съ самого общества; *Конотопскаго* — взысканіе также денежнаго штрафа не свыше, однако, цѣнности двухъ мужскихъ рабочихъ дней за каждый день непосѣщенія школы, при чемъ Конотопское земское собраніе обратило вниманіе на важное въ практическомъ отношеніи обстоятельство, именно на доставленіе бѣднымъ дѣтямъ возможности исправно посѣщать школу снабженіемъ ихъ, на счетъ земства, обувью и одеждою, необходимыми особенно въ холодное время.

Заботы относительно матеріальнаго обезпеченія школъ земскія собранія принимаютъ на себя; болѣе полныя указанія въ этомъ отношеніи находятся только въ одномъ ходатайствѣ Сапожковскаго земскаго собранія, которое назначаетъ на содержаніе каждой школы съ жалованьемъ учителю 300 руб. въ годъ и на обязательное устройство училищнаго зданія единовременно по 500 руб., и сверхъ того, полагаетъ откладывать ежегодно по 2.000 руб. для образованія неприкосновеннаго училищнаго капитала, который не долженъ быть смѣшиваемъ съ другими земскими суммами и проценты съ котораго не могутъ быть расходуемы въ теченіе 11-ти лѣтъ; къ этому же капиталу должны быть причисляемы и могущіе быть остатки отъ содержанія и устройства школъ. Какъ на источникъ, изъ котораго земство могло бы легко покрыть всѣ эти расходы, Сапожковское собраніе указываетъ на обложеніе всѣхъ земель уѣзда ежегоднымъ пятикопѣечнымъ сборомъ съ десятины.

Библиотека "Руниверс"

Не входя еще въ подробное обсужденіе вышеозначенныхъ ходатайствъ земскихъ собраній, нельзя не признать однако съ перваго же взгляда, что въ ходатайствахъ этихъ мѣры къ введенію обязательнаго обученія достаточно обставлены тѣми необходимыми условіями при которыхъ успѣшное достиженіе предположенной цѣли является вполнѣ возможнымъ: ходатайство это распространяется только на тѣ мѣстности, гдѣ есть и школы, а слѣдовательно, возможность содержать ихъ, и учителя, способные вести въ школахъ дѣло ученія съ надеждою на успѣхъ.

Тѣмъ не менѣе, постановленія земскихъ собраній о введеніи обязательнаго обученія вызвали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, даже въ средѣ самаго земства, возраженія, заслуживающія полнаго вниманія. Такъ, г. Шиловскій, гласный Сапожковскаго земскаго собранія, замѣтилъ, что экономическій бытъ нашего народа далеко еще не приготовленъ къ тому, чтобы возможно было потрясать его новою тяготой, отрывая обязательно хотя малолѣтняго работника. Но особенно подробно развитыми являются слѣдующіе доводы, представленные противъ обязательнаго обученія гласнымъ Сапожковскаго земскаго собранія А. И. Кошелевымъ:

1) Обязательность можетъ быть умѣстна въ отношеніи къ платежу податей, къ запрещенію дѣйствій, вредныхъ для другихъ лицъ, и т. п., но совершенно непригодна при раздачѣ благодѣяній. Грамотность есть благо, выгода. Какъ же людямъ навязывать, подъ страхомъ наказанія, блага, выгоды? Тутъ надо дѣйствовать убѣжденіемъ, примѣромъ, пособіемъ; этимъ только путемъ благо сохраняетъ свой характеръ и истинно плодотворно. Надо людей вообще мало уважать, а о себѣ имѣть слишкомъ высокое мнѣніе, чтобы считать себя въ правѣ благодѣтельствовать людямъ вопреки ихъ желанію. Позволительно думать, что и земства, и правительство, которыя принимаютъ на себя обязанности просвѣтителей народа путемъ принужденій, дѣйствуютъ *не по праву*, *внѣ круга настоящихъ ихъ обязанностей*, и *приносятъ не пользу*, а причиняютъ *вредъ народу*.

2) Обязательность обученія установлена не во многихъ странахъ, *почти только въ одной Германіи*, гдѣ ужь и безъ того почти весь народъ грамотный. Какъ же устанавливать ее въ Сапожковскомъ уѣздѣ, гдѣ изъ ста человѣкъ нѣтъ десяти грамотныхъ? Для того, чтобъ имѣть возможность установить обязательность грамотности, надо прежде устроить школы во всѣхъ селеніяхъ, а ихъ въ Сапожковскомъ уѣздѣ болѣе пятисотъ. Устанавливать же обязательность грамотности только

Библиотека "Руниверс"

для тѣхъ селеній, гдѣ школы существуютъ или будутъ учреждены, опасно. Мы этимъ не поможемъ, а повредимъ устройству школъ. Обязательность посадки картофеля, выдуманная во время оно министерствомъ государственныхъ имуществъ, также въ видѣ оказанія благодѣяній неразвитому народу, вызвала бунты и сопровождалась военными экзекуціями. Какъ бы обязательность посѣщенія школъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ школы, не вызвала поджоговъ, столь у насъ и безъ того, къ сожалѣнію, частыхъ.

3) Установленіе обязательности обученія требуетъ необходимо и карательныхъ мѣръ, иначе обязательность останется только на бумагѣ. Какія же карательныя мѣры могутъ быть теперь установлены? Штрафы съ родителей, не посылающихъ дѣтей въ школы? Эта мѣра дѣйствительна, но едва ли она примѣнима; пришлось бы ихъ взыскивать съ самыхъ бѣдныхъ крестьянъ. Лишеніе дѣтей въ будущемъ нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ? Но если отцы считаютъ теперь большинство этихъ правъ обязанностями, повинностями, то едва ли они будутъ дорожить ими и для своихъ дѣтей. Если же лишеніе этихъ правъ обратить противъ отцовъ, то во многихъ селеніяхъ едва ли останутся люди полноправные, то-есть, могущіе быть старостами, старшинами, присяжными засѣдателями и проч.

4) Нельзя обманывать себя на счетъ настоящаго хозяйственнаго положенія крестьянъ. Для хожденія въ школу, существующую даже въ томъ же селеніи, необходимо, чтобы дѣти были тепло обуты и одѣты, ибо у насъ школы въ полномъ ходу только зимой; а селенія часто расположены на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ. Возможно ли при такихъ условіяхъ требовать, чтобы дѣти всѣхъ крестьянъ ходили въ школу?

5) Всякое ходатайство должно заключаться не въ одномъ изъясненіи желанія, но и въ указаніи мѣръ къ его исполненію. Въ предложеніи большинства Сапожковскаго земскаго собранія указаны финансовыя мѣры, разбирать которыя здѣсь не у мѣста, но вовсе пройдено молчаніемъ о томъ, какимъ способомъ обезпечить приведеніе въ дѣйствіе обязательности обученія, о которой ходатайствуется; а это, въ настоящемъ случаѣ, особенно важно и въ этомъ заключается главнѣйшая трудность.

6) Предметъ ходатайства есть общій, а не какой-либо мѣстный; законъ объ обязательности народнаго обученія не можетъ быть изданъ для одного Сапожковскаго уѣзда; дѣло такой первостепенной важности должно быть обсуждено, сколько возможно, большимъ чи-

Библиотека "Руниверс"

сломъ людей и сколь возможно въ болѣе пространномъ кругѣ дѣйствія. Отправлять прямо изъ уѣзднаго собранія къ правительству подобное ходатайство и избѣгать его обсужденій въ губернскомъ собраніи—значитъ бояться всесторонняго его обсужденія, значитъ не быть увѣреннымъ въ его основательности и своевременности.

Изъ десяти начальниковъ губерній, въ которыхъ поднятъ былъ вопросъ объ обязательности ученія, восемь признали осуществленіе этой мѣры полезнымъ, и только двое высказались безусловно противъ мѣры, предлагаемой земскими собраніями.

Но сколь ни вѣскими должны казаться съ перваго взгляда вышеприведенные доводы противниковъ обязательнаго ученія, они не могутъ выдержать сколько-нибудь серьезной критики,—и въ томъ случаѣ, если мы станемъ разсматривать ихъ съ точки зрѣнія юридическаго права, и въ томъ, когда будемъ оцѣнивать ихъ на основаніи богатаго опыта европейской школы, представляющаго неопровержимыя фактическія доказательства того, что народное просвѣщеніе распространено во всѣхъ классахъ лишь въ тѣхъ европейскихъ государствахъ, гдѣ начальное образованіе обязательно для всѣхъ дѣтей обоего пола.

1) Положенія, что обязательность совершенно непригодна при раздачѣ благодѣяній, къ числу которыхъ относится и грамотность, что нельзя навязывать благодѣяній людямъ вопреки ихъ желанію и подъ страхомъ наказанія, и что правительство, принимающее на себя обязанность просвѣщать народъ по принужденію, дѣйствовало бы не по праву и внѣ круга настоящихъ своихъ обязанностей и могло бы принести народу не пользу, а вредъ,—оказываются съ юридической точки зрѣнія несостоятельными. Положенія эти не новы и выражаютъ собою односторонній взглядъ на личную свободу въ примѣненіи къ дѣлу воспитанія мыслителей-теоретиковъ, преимущественно англійскихъ, взглядъ, теряющій съ каждымъ годомъ своихъ защитниковъ повсюду и даже въ самой Англіи, гдѣ обязательное ученіе введено уже во многихъ городахъ, какъ-то: въ Лондонѣ, Ливерпулѣ, Манчестерѣ, Оксфордѣ, Стокпортѣ, Бутлѣ, Рочдэлѣ, Гаплеѣ, Берилеѣ, Блэкбернѣ, Барнстаплѣ и нѣкоторыхъ другихъ, въ силу акта первоначальнаго образованія 1870 года (Elementary education act 1870), предоставляющаго училищнымъ совѣтамъ (school board) дѣлать въ ихъ округахъ обязательнымъ обученіе всякаго ребенка отъ 5 до 13 лѣтъ. Никто не будетъ оспаривать необходимости уважать личную свободу каждаго человѣка; но никто не можетъ и отрицать, что лич-

Библиотека "Руниверс"

ная свобода человѣка, живущаго въ обществѣ, ограничивается извѣстными предѣлами, которые установляетъ законъ во имя общественнаго блага. Пользованіе личною свободою не освобождаетъ однако никого отъ обязанности платить налоги, соблюдать полицейскія постановленія, исполнять лично военную повинность и т. п. Правительство, во имя общественнаго блага, строго слѣдитъ за точнымъ исполненіемъ этихъ обязанностей каждымъ членомъ общества, и законъ опредѣляетъ за нарушеніе ихъ соотвѣтствующія наказанія. Точно также общественное благо настоятельно требуетъ возможнаго уничтоженія источниковъ нищеты, пороковъ и преступленій, вносящихъ элементы разложенія въ гражданскій строй общества, а главный изъ этихъ источниковъ безспорно составляетъ невѣжество. Дабы искоренить это невѣжество, необходимо, чтобы родители заботились объ исполненіи своей священной обязанности воспитывать своихъ дѣтей, и въ этомъ отношеніи всѣ просвѣщенныя правительства являются на помощь къ родителямъ и доставляютъ имъ возможныя средства для воспитанія ихъ дѣтей, оставляя за ними въ то же время полную свободу въ выборѣ способовъ воспитанія. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы родителямъ могла быть оставлена полная свобода вовсе не учить дѣтей ничему. Утверждать, что отецъ, не дающій своимъ дѣтямъ никакого образованія, не совершаетъ дѣянія противозаконнаго, значило бы отвергать непреложныя основы права естественнаго, защищать, подъ предлогомъ ненарушимости родительскихъ правъ, свободу невѣжества и содѣйствовать общественному злу поддержаніемъ и размноженіемъ невѣжества, порождающаго главнымъ образомъ различные общественные недуги. Съ этой точки зрѣнія правительство, обязанное пещись о сохраненіи и поддержаніи общественнаго блага, имѣетъ не только полное право, но даже священную обязанность напоминать родителямъ, не радѣющимъ о воспитаніи своихъ дѣтей, объ ихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ дѣтямъ и требовать отъ нихъ, во имя общественнаго блага, точнаго исполненія этихъ обязанностей подъ опасеніемъ взысканія за ихъ нарушеніе. Въ этомъ случаѣ правительство, принуждая родителей-невѣждъ исполнять ихъ обязанности, ограждаетъ только право малолѣтнихъ отъ злоупотребленія или неправильнаго примѣненія родительской власти и предупреждаетъ вредныя послѣдствія, которыя могли бы возникнуть для общественнаго блага изъ такихъ дѣяній родителей, а потому полное оправданіе этого вмѣшательства правительства въ дѣло воспитанія заклю-

Библиотека "Руниверс"

чается въ правѣ его предусматривать преступленіе и хранить законные общественные интересы.

Итакъ, установленіе обязательнаго начальнаго ученія слѣдуетъ съ юридической точки зрѣнія, считать вполнѣ справедливымъ; но приведеніе въ исполненіе этой мѣры, сверхъ того, приноситъ огромную пользу и потому является необходимымъ. Наглядное доказательство всей пользы этой мѣры представляетъ сравненіе состоянія образованія въ странахъ, гдѣ нѣтъ всеобщаго обязательнаго ученія, каковы: Франція, Бельгія и Англія, съ другими странами, гдѣ существуютъ эти мѣры, каковы: Германія и вообще протестантскія государства. Во Франціи, не смотря на цѣлесообразные законы и усилія общества, не смотря на то, что каждая община обязана тамъ содержать начальную школу, половина народонаселенія остается безграмотною; на 5 дѣтей школьнаго возраста отъ 7 до 13 лѣтъ приходится тамъ только 1 учащійся, но и изъ учащихся въ школахъ только 48% исправно посѣщаютъ школы, а остальные выходятъ малограмотными, едва умѣющими только читать; поэтому изъ поступающихъ въ рекруты въ нѣкоторыхъ департаментахъ болѣе половины оказываются безграмотными; точно также и изъ женщинъ болѣе половины не умѣютъ подписать своего имени. И въ Бельгіи, находящейся въ одинаковыхъ условіяхъ съ Франціей, не смотря на превосходно устроенныя школы, при народонаселеніи въ 5.021.366 жителей, считается 2.548.742 не умѣющихъ ни читать, ни писать, то-есть, 52% всего народонаселенія. Столь же неудовлетворительны, и по той же причинѣ, результаты начальнаго ученія въ Англіи, не смотря на содѣйствіе частныхъ лицъ и религіозныхъ общинъ и на пособія отъ правительства дѣлу начальнаго образованія. Изъ вѣдомостей о бракосочетавшихся въ 1870 г. въ Англіи оказывается, что на 100 молодыхъ людей, вступившихъ въ бракъ, приходится около трети не умѣвшихъ ни читать, ни писать, а изъ 4 милліоновъ дѣтей было тамъ до сихъ поръ менѣе 2 милліоновъ посѣщающихъ школы, а между послѣдними—менѣе половины исправно ходящихъ въ школы.

Совершенно другую картину представляетъ начальное образованіе въ странахъ протестантскихъ, каковы Германія, Швеція, Норвегія и Данія, гдѣ введено обязательное ученіе. Въ Пруссіи въ 1864 году, при народонаселеніи въ 18.476.500 человѣкъ, изъ 3.090.294 дѣтей школьнаго возраста 2.959.857 посѣщали общественныя и частныя начальныя школы, а остальные 130.437 распредѣлены были большею частью по среднимъ учебнымъ заведеніямъ, или получали до-

Библиотека "Руниверс"

машнее воспитаніе; оставались безъ всякаго образованія только весьма немногіе, уволенные отъ ученья по болѣзни или по другимъ уважительнымъ причинамъ. По свѣдѣніямъ *Статистическаго журнала* Энгеля за 1871 годъ неграмотные изъ рекрутъ составляли въ Пруссіи: въ Берлинѣ 0,3%, въ Магдебургѣ и въ Висбаденѣ 0,2%, въ Кельнѣ 0,8%, такъ что на 1000 человѣкъ грамотныхъ приходится только 2 безграмотныхъ. Тѣ же самые результаты, какъ и въ Пруссіи, представляютъ успѣхи начальнаго образованія въ другихъ государствахъ, а также въ Германіи, Швеціи, Норвегіи и Даніи, гдѣ издавна введено уже обязательное ученіе.

Но польза обязательнаго обученія заключается не въ одномъ только томъ, что оно привлекаетъ въ школы всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, а еще болѣе въ томъ, что оно предохраняетъ школу отъ господства двухъ золъ, подтачивающихъ ея успѣхи въ самомъ корнѣ, именно отъ неисправнаго посѣщенія уроковъ дѣтьми и отъ преждевременнаго оставленія ими ученія; то и другое строго преслѣдуется при обязательности ученія; пропуски уроковъ дѣтьми безъ уважительныхъ причинъ влекутъ за собою наказаніе ихъ родителей; оставленіе же школы раньше положеннаго срока и вовсе не допускается, а вслѣдствіе этихъ мѣръ результаты ученія оказываются болѣе плодотворными, и школа пріобрѣтаетъ возможность приготовлять для общества будущихъ гражданъ, не просто грамотныхъ, но и обладающихъ уже достаточными начальными знаніями. Притомъ, болѣе или менѣе продолжительное пребываніе въ школѣ, требуемое при обязательномъ ученіи, пріучаетъ дѣтей къ порядку, дисциплинѣ, опрятности, что въ свою очередь не можетъ не оказать полезнаго вліянія на ихъ будущую дѣятельность въ обществѣ.

Всѣ эти выгоды системы обязательнаго обученія слишкомъ очевидны. Этимъ только обстоятельствомъ и можно объяснить, что обязательное обученіе сдѣлало въ послѣднее время въ Европѣ значительные успѣхи; кромѣ Германіи, Швеціи, Норвегіи, Даніи и Швейцаріи, оно введено теперь въ Австріи, Италіи, Испаніи, Португаліи, Греціи; начало введенію его положено уже, какъ сказано выше, въ Лондонѣ и въ другихъ большихъ городахъ Англіи, гдѣ общественное мнѣніе просвѣщенныхъ людей, безъ различія партій, все болѣе и болѣе склоняется въ пользу того, чтобы начальное ученіе сдѣлано было обязательнымъ не только въ тѣхъ округахъ, гдѣ это уже сдѣлали училищные совѣты, но и на всемъ пространствѣ Англіи. Вопросъ о введеніи обязательнаго обученія возбуждался уже нѣсколько

Библиотека "Руниверс"

разъ во Франціи и Бельгіи, и если онъ не рѣшенъ еще въ утвердительномъ смыслѣ, то это зависѣло отъ разныхъ политическихъ причинъ, съ устраненіемъ которыхъ нельзя сомнѣваться въ благопріятномъ его рѣшеніи. Но и внѣ предѣловъ Европы вопросъ объ обязательномъ ученіи имѣетъ сильныхъ защитниковъ, именно въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ обязательное обученіе введено въ штатахъ Массачузетсѣ, Мичиганѣ, Арканзасѣ, и гдѣ раздаются сильные голоса въ пользу распространенія этой мѣры на всѣ штаты. „Я знаю только одно средство къ обезоруженію дикости будущей ватаги избирателей, невѣжество которыхъ угрожаетъ нашему общественному и политическому строю", говоритъ американскій публицистъ Генри Барнардъ,—„и оно заключается въ изданіи закона, обязующаго всѣхъ дѣтей посѣщать школы и упрочивающаго ихъ хорошее нравственное воспитаніе" Слова эти имѣютъ особенный вѣсъ въ виду того, что въ Соединенныхъ Штатахъ число школъ, сравнительно даже съ Германіей, огромное и вполнѣ достаточное для населенія; на содержаніе школъ истрачиваются громадныя суммы, въ учителяхъ нѣтъ ни малѣйшаго недостатка, и вообще начальное образованіе поощряется тамошними правами, вѣковыми преданіями и требованіями владычествующаго вѣроисповѣданія; тѣмъ не менѣе во многихъ штатахъ, въ которыхъ не существуетъ обязательнаго ученія, какъ напримѣръ, въ Алабамѣ, Флоридѣ, Луизіанѣ, на 1000 человѣкъ приходится отъ 480 до 490, то-есть, почти половина, безграмотныхъ, а въ Массачузетсѣ, гдѣ введено обязательное ученіе, изъ 1000 человѣкъ только 38 безграмотныхъ, то-есть, 3,8%.

Въ виду приведенныхъ выше доводовъ, доказывающихъ юридическую справедливость мѣры введенія обязательнаго обученія и неоспоримость огромной пользы, приносимой ею, едва ли, кажется, можно сомнѣваться въ томъ, что у насъ въ Россіи, гдѣ начальное образованіе стоитъ, сравнительно даже съ Франціей, еще на весьма низкой степени, гдѣ, напримѣръ, въ Московскомъ учебномъ округѣ приходится 1 учащійся на 173 жителя, а между дѣтьми школьнаго возраста учится только 1 изъ 17, введеніе обязательности должно считаться въ высшей степени желательнымъ и необходимымъ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь. Само собою разумѣется, что при этомъ, по недостатку школъ, учителей и даже матеріальныхъ средствъ, не можетъ быть и рѣчи о повсемѣстномъ введеніи у насъ обязательнаго обученія; но ничто не мѣшаетъ допустить примѣненіе этой мѣры къ тѣмъ мѣстностямъ, которыя имѣютъ уже благоустроенныя школы, какъ ходатайствуютъ

Библиотека "Руниверс"

о томъ земскія собранія, и затѣмъ, по мѣрѣ учрежденія новыхъ школъ и поступленія новыхъ ходатайствъ мѣстныхъ обществъ, постепенно распространять обязательность ученія и на новыя мѣстности. Прямая выгода допущенія такой системы заключается уже въ томъ, что по крайней мѣрѣ въ мѣстностяхъ со школами, будутъ учиться не нѣкоторыя только дѣти, а всѣ дѣти этой мѣстности, что учащіеся будутъ аккуратнѣе посѣщать училища и будутъ оставлять ихъ не во всякое время, а по прошествіи извѣстнаго срока, когда успѣютъ уже пріобрѣсти болѣе или менѣе основательное знаніе начальнаго курса. Независимо отъ такой прямой пользы для данной мѣстности отъ введенія въ ней обязательнаго обученія, можетъ произойдти и другая косвенная польза; примѣръ училища, дающаго такіе хорошіе плоды, благодаря обязательности ученія, не можетъ остаться безъ вліянія и на окружающія мѣстности, гдѣ нѣтъ еще обязательнаго ученія и потому въ школахъ учатся только немногіе, а учащіеся ходятъ въ школы мало и неисправно и въ большинствѣ выходятъ изъ нихъ полуграмотными. Одно это сравненіе можетъ побудить общества этихъ мѣстностей къ ходатайству о введеніи и въ ихъ школахъ обязательнаго ученія, а въ итогѣ всего этого явится постепенное и прочное распространеніе въ массѣ населенія основательнаго начальнаго образованія.

Г. Кошелевъ приводитъ нѣсколько причинъ, которыя, по его мнѣнію, могутъ воспрепятствовать у насъ введенію обязательнаго ученія даже на вышеприведенныхъ основаніяхъ. Главное препятствіе, по его мнѣнію, заключается въ опасности, съ которою сопряжено установленіе обязательности не повсемѣстное, а только въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, гдѣ школы уже существуютъ или будутъ учреждены. Такая мѣстная обязательность можетъ возбудить неудовольствіе въ крестьянскомъ населеніи и можетъ вызвать даже поджоги, и безъ того уже у насъ, къ сожалѣнію, частые. Притомъ же вопросъ объ обязательности есть вопросъ общій, а не какой-либо мѣстный, и потому законъ, устанавливающій эту мѣру, не можетъ быть изданъ для одного какого-либо уѣзда. На это можно сказать, что если не представляется возможности ввести обязательность ученія повсемѣстно, то слѣдуетъ довольствоваться постепеннымъ введеніемъ ея по частямъ въ различныхъ мѣстностяхъ, какъ сдѣлала это Англія въ послѣднее время, не вызвавъ никакого волненія въ населеніи, привыкшемъ охранять свою личную свободу. У насъ же эти опасенія еще менѣе возможны: обязательнотсь предположено вводить только тамъ, гдѣ

Библиотека "Руниверс"

ходатайствуютъ о томъ мѣстныя общества или земства, и гдѣ ужь есть готовая школа, вполнѣ обезпеченная на мѣстныя средства. Здравый практическій смыслъ Русскаго народа скоро пойметъ, что если правительство требуетъ, чтобы *всѣ* учились въ такой школѣ, то это потому, что желаетъ, чтобы школа приносила пользу *всѣмъ безъ исключенія*, такъ какъ хорошее ученье дѣлаетъ человѣка вполнѣ грамотнымъ, болѣе пригоднымъ для всякаго дѣла и сокращаетъ, кромѣ того, срокъ дѣйствительной военной службы. Кто же будетъ жечь школу, въ которой введено обязательное обученіе? Конечно, не крестьяне той мѣстности, которые сами пожелали ее устроить именно съ этою цѣлью. Но и жителямъ сосѣднихъ мѣстностей, гдѣ не введено еще обязательное обученіе, нѣтъ надобности прибѣгать къ подобному преступленію, такъ какъ имъ вполнѣ предоставлено право открывать училища и содержать ихъ, не вводя обязательнаго ученія, и такъ какъ обязательность эта можетъ быть вводима только по ихъ собственному желанію, выраженному въ общественномъ приговорѣ.

Второе препятствіе къ достиженію цѣли г. Кошелевъ видитъ въ невозможности установленія дѣйствительныхъ карательныхъ мѣръ, безъ которыхъ обязательность ученія осталась бы только на бумагѣ. Штрафы съ родителей могли бы быть дѣйствительны, но они у насъ не примѣнимы, потому что пришлось бы взыскивать ихъ съ самыхъ бѣдныхъ крестьянъ. Лишеніе дѣтей въ будущемъ нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ, какъ напримѣръ, права выбора на общественныя должности, не дѣйствительно, потому что крестьяне не дорожатъ этими правами, считая ихъ тяжелыми для себя повинностями; еще менѣе возможно лишать такихъ правъ самихъ родителей; тогда во многихъ селеніяхъ едва ли бы остались люди полноправные, то-есть, могущіе быть старостами, старшинами, присяжными засѣдателями и т. п. Возраженія эти имѣютъ значительную долю основательности; дѣти, не посѣщающія школы, не могутъ быть наказываемы за вину ихъ родителей, и лишеніе родителей нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ у насъ также не всегда было бы дѣйствительнымъ наказаніемъ; но нѣтъ никакого основанія считать не примѣнимымъ у насъ наказаніе родителей денежными штрафами потому только, что пришлось бы взыскивать штрафы съ самыхъ бѣдныхъ крестьянъ, не посылающихъ дѣтей своихъ въ школы, иногда за неимѣніемъ обуви и одежды въ зимнее время. Причины послѣдняго рода дѣйствительно могутъ быть; но въ такомъ случаѣ слѣдуетъ озаботиться, какъ это принято вездѣ при обязательномъ обученіи, о снабженіи дѣтей, особенно бѣдныхъ,

Библиотека "Руниверс"

обувью и одеждою въ зимнее время, а затѣмъ уже требовать неуклоннаго посѣщенія школъ и взыскивать денежные штрафы, какъ съ достаточныхъ, такъ и съ бѣдныхъ родителей, а въ случаѣ несостоятельности послѣднихъ, уплату штрафныхъ денегъ возлагать на мѣстныя общества. При устройствѣ нашихъ крестьянскихъ обществъ на общинномъ началѣ, примѣненіе этой послѣдней мѣры не могло бы встрѣтить у насъ препятствія и принесло бы еще ту пользу, что побудило бы крестьянскія общества слѣдить внимательнѣе за исправнымъ посѣщеніемъ школъ дѣтьми. Суровость этой мѣры не должна останавливать ея примѣненія, потому что только при точномъ ея исполненіи, въ обществѣ укрѣпляется сознаніе необходимости посѣщать школу исправно, и самая обязательность посѣщенія школъ постепенно утрачиваетъ свой насильственный характеръ. Въ Пруссіи ребенокъ каждый день отправляется въ школу также естественно, какъ отецъ идетъ на работу, а потому въ Пруссіи, при 3 милліонахъ учащихся въ школахъ, общая цифра приговоровъ о наложеніи штрафа за непосѣщеніе школы — сравнительно незначительна, и годичный сборъ штрафной суммы, за исключеніемъ Берлина, составляетъ ничтожную цифру не болѣе, какъ отъ 500 до 750 талеровъ.

Наконецъ, г. Кошелевъ находитъ невозможнымъ введеніе обязательнаго ученія безъ указанія способовъ, какъ привести въ исполненіе такую мѣру у насъ. Но способы примѣненія на практикѣ обязательнаго ученія тамъ, гдѣ оно существуетъ, слишкомъ хорошо извѣстны и отличаются простотой и несложностью своихъ пріемовъ. При введеніи обязательнаго обученія на основаніяхъ, предлагаемыхъ земскими собраніями, дѣло это могло бы устроиться у насъ также просто, какъ, напримѣръ, въ Пруссіи. Прежде всего было бы необходимо къ школѣ, въ которой введено обязательное обученіе, приписать населеніе какъ того мѣста, гдѣ находится школа, такъ и ближайшихъ къ нему мѣстъ не далѣе двухъ верстъ отъ школы; затѣмъ образовать при школѣ особый училищный комитетъ, въ составъ котораго должны входить непремѣнно мѣстный приходскій священникъ, представитель земства, сельскій или волостной старшина и учитель школы. На обязанности комитета должно лежать составленіе, при помощи метрическихъ книгъ, находящихся у священника, списка всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, ежегодная повѣрка этого списка, исключеніе изъ него дѣтей, перешедшихъ школьный возрастъ, и пополненіе его вновь дѣтьми, достигшими школьнаго возраста. На основаніи этого списка комитетъ извѣщаетъ родителей, дѣти которыхъ

Библиотека "Руниверс"

достигли школьнаго возраста, объ обязанности ихъ посылать дѣтей въ школу. Въ то же время учитель школы провѣряетъ каждый день учениковъ школы и записываетъ имена пропустившихъ уроки на особой печатной таблицѣ, которую, по окончаніи недѣли, отсылаетъ предсѣдателю комитета. Послѣдній призываетъ къ себѣ родителей не явившихся учениковъ, спрашиваетъ о причинѣ ихъ неявки въ школу, и въ случаѣ неуважительности такой причины, дѣлаетъ имъ внушеніе, а при повтореніи подобнаго же случая, и выговоръ съ угрозою наказанія. Наказаніе, заключающееся въ денежномъ штрафѣ, который не можетъ быть, однако, значительнымъ и не долженъ превышать цѣнности, напримѣръ, двухъ рабочихъ дней, приводится въ исполненіе не самимъ училищнымъ комитетомъ, а мѣстнымъ волостнымъ правленіемъ по постановленію училищнаго комитета. Обвиненному можетъ быть предоставлено право обжаловать рѣшеніе комитета уѣздному училищному совѣту, постановленія котораго должны ужь имѣть силу окончательнаго рѣшенія и приводиться въ исполненіе также мѣстнымъ волостнымъ правленіемъ. Штрафныя деньги поступаютъ въ особый фондъ училища, изъ котораго могутъ быть дѣлаемы пособія бѣднымъ родителямъ, чтобы облегчить для нихъ возможность исправной посылки ихъ дѣтей въ школу. Вотъ въ главныхъ чертахъ и всѣ способы, необходимые для успѣшнаго введенія обязательнаго ученія; быть можетъ, на дѣлѣ окажется необходимымъ измѣнить нѣкоторыя подробности, но сущность дѣла, поражающая своею простотою, не можетъ подлежать измѣненію.

Остается сказать еще нѣсколько словъ по поводу замѣчанія г. Шиловскаго противъ обязательности обученія, что дѣти необходимы родителямъ для крестьянскихъ работъ, а потому отвлеченіе ихъ въ школы составило бы новую тяготу для крестьянъ и могло бы еще болѣе ухудшить ихъ и безъ того скудный экономическій бытъ. Возраженіе это теряетъ всякую силу, если, вопервыхъ, будетъ установленъ, какъ предлагаютъ то нѣкоторыя земскія собранія, срокъ обязательности ученія въ возрастѣ отъ 8 до 11 лѣтъ, когда дѣти еще не могутъ оказывать своимъ родителямъ сколько-нибудь дѣйствительной помощи, и если, вовторыхъ, на учебный годъ будетъ назначено въ сельскихъ училищахъ время отъ 1-го октября по 1-е мая, когда и не предстоитъ надобности родителямъ въ особой помощи дѣтей, а остальное время полевыхъ работъ съ 1-го мая по 1-е октября дѣти остаются свободными отъ школы и не лишены возможности помогать родителямъ въ ихъ полевыхъ работахъ.

Библиотека "Руниверс"

На основаніи вышеизложеннаго, признавая не только возможнымъ, но и весьма полезнымъ введеніе у насъ обязательнаго обученія на предложенныхъ земскими собраніями основаніяхъ, необходимо, однако, обезпечить успѣшное осуществленіе этого перваго опыта, могущаго имѣть неизмѣримо важныя послѣдствія. По примѣру вышеуказанныхъ земскихъ собраній, могутъ выразить желаніе ввести у себя обязательное ученіе другія земскія собранія, также городскія и сельскія общества. При осуществленіи такихъ ходатайствъ, могли бы служить руководствомъ слѣдующія общія основанія:

1) Обязательное начальное ученіе вводится каждый разъ съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія не иначе, какъ по ходатайству земскихъ собраній, городскихъ и сельскихъ обществъ, сначала въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ находятся уже начальныя училища, а потомъ и тамъ, гдѣ вновь откроются училища, если училища эти:

а) обезпечены въ средствахъ содержанія, то-есть, на каждое училище назначено не менѣе 300 рублей въ годъ, и кромѣ того, имѣютъ достаточное и просторное помѣщеніе,

б) слѣдуютъ учебному курсу по Положенію 25-го мая 1874 года о начальныхъ училищахъ,

в) имѣютъ учителей, выдержавшихъ установленное испытаніе на званіе учителя начальнаго училища.

Примѣчаніе. При ходатайствѣ о введеніи обязательнаго обученія, должны быть представляемы, вмѣстѣ съ обозначеніемъ содержанія училища, обязательства, что училище не можетъ быть закрыто впослѣдствіи, и что сумма, назначенная на его содержаніе, не можетъ быть уменьшена.

2) Обязательность посѣщенія училища распространяется въ селахъ на всѣхъ дѣтей обоего пола не только той мѣстности, гдѣ находится училище, но и на мѣстности, находящіяся въ разстояніи не далѣе двухъ верстъ, въ городахъ же—на дѣтей, живущихъ въ чертѣ города.

3) Въ случаѣ невозможности помѣщенія въ училище всѣхъ дѣтей, обязанныхъ учиться, земскія собранія, городскія или сельскія общества, по ходатайству которыхъ вводится обязательность ученія, обязаны открыть новое училище или отдѣленіе при прежнемъ училищѣ, при чемъ наблюдается, чтобы въ училищѣ, гдѣ находится болѣе 70-ти учениковъ, назначался второй учитель или учительскій помощникъ.

4) Учебный годъ начинается въ начальныхъ училищахъ сельскихъ

Библиотека "Руниверс"

съ 1-го октября и продолжается по 1-е мая; во все это время ученье обязательно, за исключеніемъ воскресныхъ и табельныхъ дней. Въ начальныхъ училищахъ городскихъ на годичный учебный курсъ назначается время съ 15-го августа по 15-е іюня.

Примѣчаніе. Продолжительность учебнаго года въ сельскихъ училищахъ съ 1-го октября по 1-е мая, по различію мѣстностей, можетъ быть измѣняема, съ тѣмъ только, чтобы въ общей сложности она составляла не менѣе 7-ми мѣсяцевъ въ году.

5) Дѣти обоего пола обязаны посѣщать училище въ селеніяхъ: въ возрастѣ отъ 8-ми до 11-ти лѣтъ, а въ городахъ отъ 8-ми до 12-ти лѣтъ. Отвѣтственность за исправное посѣщеніе училища возлагается на ихъ родителей, опекуновъ, старшихъ въ семействѣ, и вообще, лицъ, замѣняющихъ собою родителей. Впрочемъ родителямъ предоставляется, по ихъ желанію, учить дѣтей и дома, или въ частныхъ училищахъ; въ такомъ случаѣ успѣхи домашняго ученія повѣряются ежегодно училищнымъ начальствомъ, имѣющимъ право, въ случаѣ неудовлетворительности домашняго ученья, обязать родителей посылать дѣтей въ общественную школу.

6) Родители, не заботящіеся вовсе о воспитаніи дѣтей и отклоняющіе ихъ отъ посѣщенія школы или неисправно посылающіе ихъ въ школы безъ уважительныхъ причинъ, подвергаются сначала внушеніямъ, выговорамъ, а потомъ и наказаніямъ денежными штрафами.

7) За ученье въ сельскихъ училищахъ не взимается никакой платы; въ начальныхъ же училищахъ городскихъ допускается, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, введеніе платы за ученіе по приговору самихъ обществъ съ увольненіемъ отъ такой платы бѣдныхъ учениковъ; впрочемъ такое право можетъ быть предоставлено и сельскимъ обществамъ, если они того пожелаютъ.

8) На земскія собранія, городскія и сельскія общества, по ходатайству которыхъ вводится обязательность ученія, возлагается обязанность снабжать бѣдныхъ учениковъ, по надлежащемъ удостовѣреніи въ ихъ бѣдности, одеждой и обувью, необходимыми для посѣщенія школы въ холодное время.

9) При каждой школѣ, въ которой установлено обязательное ученье, долженъ находиться особый училищный комитетъ, въ составъ котораго входятъ мѣстный приходскій священникъ, представитель отъ земства и отъ обществъ: сельскаго въ селахъ и городскаго въ городахъ, и учитель школы. Предсѣдательство въ этомъ комитетѣ принадлежитъ въ училищахъ, содержимыхъ земствомъ, представителю

Библиотека "Руниверс"

земства, въ училищахъ городскихъ—представителю городскаго общества и въ училищахъ сельскихъ — мѣстнымъ приходскимъ священникамъ.

Примѣчаніе. Въ городахъ, имѣющихъ нѣсколько училищъ, для всѣхъ ихъ можетъ быть одинъ комитетъ.

10) На комитетъ возлагается наблюденіе за точнымъ исполненіемъ всѣхъ постановленій обязательнаго ученія. Съ этою цѣлію комитетъ:

а) ведетъ списки всѣмъ дѣтямъ школьнаго возраста, обязаннымъ посѣщать школу, ежегодно повѣряетъ эти списки, исключая изъ нихъ дѣтей, перешедшихъ уже школьный возрастъ и включая въ нихъ достигшихъ школьнаго возраста;

б) увѣдомляетъ родителей о дѣтяхъ, достигшихъ школьнаго возраста и приглашаетъ ихъ посылать дѣтей въ училище;

в) разсматриваетъ еженедѣльно вѣдомости учителя школы о пропущенныхъ дѣтьми урокахъ и дѣлаетъ чрезъ своего предсѣдателя дознаніе о причинѣ пропуска уроковъ;

г) принимаетъ заявленія родителей, желающихъ учить дѣтей дома или въ частныхъ училищахъ, ведетъ списки такимъ дѣтямъ и принимаетъ мѣры къ повѣркѣ успѣховъ дѣтей, получающихъ домашнее воспитаніе;

д) въ случаѣ пропуска уроковъ по неуважительнымъ причинамъ, поручаетъ предсѣдателю сдѣлать внушеніе родителямъ о необходимости и пользѣ посѣщенія ихъ дѣтьми школы, а при неуспѣшности этой мѣры, дѣлаетъ выговоръ родителямъ съ угрозою наказанія;

е) при недѣйствительности предыдущихъ мѣръ, дѣлаетъ постановленія о наложеніи денежнаго штрафа на виновныхъ родителей, который, при повтореніи вины, можетъ увеличиваться, но ни въ какомъ случаѣ не долженъ превосходить цѣнности двухъ рабочихъ дней;

ж) пересылаетъ постановленія о наказаніяхъ въ селахъ въ мѣстное волостное правленіе, а въ городахъ — въ мѣстное полицейское управленіе, которые уже приводятъ ихъ въ исполненіе;

з) принимаетъ отъ приговоренныхъ къ наказанію, въ случаѣ ихъ недовольства рѣшеніемъ, жалобы и представляетъ ихъ съ своимъ заключеніемъ въ уѣздный училищный совѣтъ, постановляющій ужь окончательное рѣшеніе, которое приводится затѣмъ въ исполненіе мѣстнымъ полицейскимъ управленіемъ въ городахъ и волостнымъ правленіемъ въ селахъ.

Библиотека "Руниверс"

Примѣчаніе. Штрафныя деньги, взысканныя полицейскимъ управленіемъ или волостнымъ правленіемъ съ виновныхъ, или въ случаѣ несостоятельности ихъ, со всего мѣстнаго общества, обращаются въ не прикосновенный училищный фондъ, изъ котораго, на основаніи ст. 8-й, земскія собранія, сельскія и городскія общества дѣлаютъ пособіе бѣднымъ ученикамъ.

11) Во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ сельскія или городскія училища, къ которыхъ введено обязательное ученіе, подчиняются правиламъ, установленнымъ въ Высочайше утвержденномъ 25-го мая 1874 года Положеніи о начальныхъ народныхъ училищахъ.

Предложенныя здѣсь правила представляютъ проектъ тѣхъ руководящихъ основаній, которыя было бы полезно принять при введеніи у насъ обязательнаго ученія; правила эти болѣе или менѣе согласны и съ желаніями, выраженными въ вышеприведенныхъ ходатайствахъ земскихъ собраній и достаточно уже объясненными. Остается въ заключеніе всего сказать нѣсколько словъ въ поясненіе четырехъ постановленій: а) о разрѣшеніи вводить обязательное ученіе *не иначе*, какъ по ходатайствамъ земскихъ собраній, городскихъ или сельскихъ обществъ, б) о требованіи отъ училищъ съ обязательнымъ обученіемъ полнаго курса начальныхъ училищъ, в) о допущеніи въ этихъ училищахъ даровaго ученія и г) о позволеніи родителямъ обучать дѣтей дома или въ частныхъ училищахъ.

а) Если бы Россія относительно начальныхъ школъ была въ такомъ положеніи, какъ Франція и Бельгія, гдѣ число школъ достаточно для населенія, гдѣ каждая община обязательно содержитъ школу на свой счетъ, то конечно, не могло бы быть никакого сомнѣнія въ томъ, что, при такихъ условіяхъ, возможно было бы ввести обязательность ученія во всѣхъ школахъ, не спрашивая на то согласія самихъ обществъ. Но у насъ недостатокъ школъ — огромный не только въ селахъ, но даже въ городахъ, а потому необходимо пока поддерживать всячески стремленіе, особенно сельскаго населенія, открывать новыя школы, хотя бы и не вполнѣ удовлетворительныя, и поощрять желаніе улучшать уже существующія школы. Есть основаніе опасаться, что введеніе обязательнаго обученія по одному почину правительства повсюду, гдѣ есть хорошія школы, можетъ, при неразвитости нашего сельскаго населенія, охладить въ немъ стремленіе къ открытію и улучшенію школъ и даже имѣть послѣдствіемъ закрытіе многихъ школъ. Поэтому было бы благоразумнѣе оказывать одинаковое покровительство всѣмъ школамъ, хотя бы въ нихъ и не

Библиотека "Руниверс"

было введено обязательное обученіе, и приступать къ введенію этой послѣдней мѣры только тамъ, гдѣ желаютъ этого сами мѣстныя общества или земскія собранія. При такой системѣ распространеніе обязательности ученія, конечно, пойдетъ медленнѣе, но за то, опираясь на поддержку общества, будетъ прочнѣе.

б) При обязательномъ обученіи каждый ребенокъ обязанъ учиться непремѣнно отъ 3 до 4 лѣтъ и не можетъ пропускать уроковъ безъ уважительныхъ причинъ; при такой продолжительности учебнаго курса и при хорошо приготовленныхъ учителяхъ, что̀ также постановлено въ непремѣнное условіе, оказывается вполнѣ возможнымъ пройдти въ такихъ училищахъ полный курсъ, знаніе котораго доставляетъ притомъ учившимся прямую выгоду сокращенія срока дѣйствительной военной службы. Въ этой-то возможности качественнаго улучшенія ученія въ начальныхъ училищахъ и заключается главная выгода обязательнаго ученія, и ею необходимо воспользоваться; ограниченіе же требованій меньшимъ курсомъ повлекло бы за собою для большинства учениковъ праздное провожденіе времени въ училищѣ и пониженіе вообще уровня начальнаго народнаго образованія.

в) Обязательное ученіе не имѣетъ ничего общаго съ даровымъ безплатнымъ обученіемъ, но и этотъ послѣдній вопросъ, при введеніи обязательнаго обученія, казалось бы, слѣдуетъ признать заслуживающимъ вниманія. Введеніе обязательности было бы у насъ новостью, а потому, при бѣдности крестьянъ, несущихъ уже налоги на содержаніе училищъ, и во избѣжаніе толкованій, что крестьяне облагаются новымъ налогомъ въ видѣ платы за ученіе ихъ дѣтей, было бы благоразумнѣе на первый разъ оставить ученіе безплатнымъ, по крайней мѣрѣ, въ сельскихъ училищахъ, не отнимая однако у сельскихъ обществъ права постановлять, по ихъ желанію, приговоры о введеніи такой платы. И въ Европѣ во многихъ государствахъ не существуетъ платы за ученіе въ начальныхъ училищахъ, какъ-то: въ Италіи, Даніи, Португаліи и нѣкоторыхъ Швейцарскихъ кантонахъ; въ послѣднее время взиманіе платы за начальное ученіе отмѣнено въ Испаніи и даже въ Пруссіи; въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ начальное ученіе признается повсюду даровымъ.

г) Наконецъ, и при обязательномъ обученіи необходимо наблюдать только, чтобы всѣ родители безъ исключенія давали дѣйствительно воспитаніе своимъ дѣтямъ, но нѣтъ никакого основанія запрещать родителямъ исполнять эту обязанность домашнимъ ученіемъ дѣтей или помѣщеніемъ ихъ въ частныя училища, если они того

Библиотека "Руниверс"

пожелаютъ, и требовать непремѣнно отъ всѣхъ посылки дѣтей въ общественныя школы, что̀ было бы стѣсненіемъ родителей, не имѣющимъ никакой разумной цѣли. Во всѣхъ странахъ, гдѣ введено обязательное ученіе, усмотрѣнію родителей предоставляется посылать своихъ дѣтей въ общественныя школы, или воспитывать ихъ въ частныхъ училищахъ, или дома, подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы домашнее ученіе подвергалось повѣркѣ учебнаго начальства. Правило это въ статьѣ 5-й предложено и для нашихъ училищъ, такъ какъ въ селахъ нашихъ, а еще болѣе въ городахъ, могутъ быть землевладѣльцы и вообще достаточные люди, которые предпочтительно изберутъ домашнее воспитаніе для своихъ дѣтей.

Независимо отъ введенія обязательности ученія по ходатайствамъ земскихъ собраній, городскихъ и сельскихъ обществъ, казалось бы необходимымъ, въ виду несомнѣнной пользы этой мѣры, теперь же принять еще слѣдующія мѣры:

а) при выборѣ мѣстностей для учрежденія сельскихъ одноклассныхъ и двуклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, получающихъ пособіе отъ правительства, отдавать на будущее время предпочтеніе тѣмъ мѣстностямъ, общества которыхъ, кромѣ выполненія другихъ условій, ходатайствуютъ о введеніи обязательнаго ученія, и

б) приступить предварительно къ собранію свѣдѣній по всѣмъ городамъ о томъ, сколько училищъ потребуется въ каждомъ городѣ для того, чтобы число училищъ было вполнѣ достаточно для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, и въ какой мѣрѣ возможно въ каждомъ городѣ разчитывать на матеріальное содѣйствіе городскаго общества къ учрежденію достаточнаго числа училищъ, для того, чтобы можно было приступить къ введенію въ томъ или другомъ городѣ обязательнаго ученія.

Библиотека "Руниверс"

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ О ДОЛИНѢ СРЕДНЯГО И НИЖНЯГО ДУНАЯ [1].

Совершивъ нѣсколько этнографическихъ экскурсій изъ г. Черновицъ по окрестнымъ селеніямъ Надпрутской долины, я отправился (29-го августа 1873 года) на югъ, въ Придунайскія княжества, съ цѣлію хотя бѣгло ознакомиться съ общественными и народными отношеніями этихъ странъ, съ ихъ главнѣйшими центрами, съ движеніемъ ихъ литературы и науки. На почву румунской или волошской народности я вступилъ въ г. Сучавѣ, а оставилъ ее въ Мармарошскомъ Сиготѣ, посѣтивъ по очереди Яссы, Галацъ, Букарештъ, Брашево [2]), Сибинъ [3]), Колошваръ [4]), Дебрецинъ. Затѣмъ, я пробылъ нѣсколько недѣль въ средѣ нашихъ ближайшихъ заграничныхъ соплеменниковъ, Угорскихъ Русскихъ, въ ихъ городахъ: Сиготѣ, Гуштѣ, Мукачевѣ, Унгварѣ, Бардѣевѣ, Пряшевѣ и въ нѣкоторыхъ деревняхъ Земплинской и Шаришской жупаній. Наступили затѣмъ осенніе мѣсяцы, не совсѣмъ удобные для деревенскихъ экскурсій, вслѣдствіе чего я предпочелъ провести ихъ въ городахъ. Разчитывая найдти что-нибудь поучительное и для себя на Вѣнской всемірной выставкѣ, я отправился въ Вѣну и имѣлъ возможность болѣе или менѣе внимательно изучить интересовавшіе меня (археологическіе и этнографическіе) отдѣлы. Изъ Вѣны я еще разъ посѣтилъ Прагу, гдѣ собралъ нѣкоторыя данныя для характеристики современнаго общественнаго и экономическаго положенія Чехіи, Моравіи и Австрійской Силезіи а равно и нѣкоторые другіе матеріалы этнографическаго и историко-литературнаго характера. Изъ Праги я отправился затѣмъ

---

[1]) Извлечено изъ отчета командированнаго за границу для приготовленія къ профессорскому званію магистра славянской филологіи А. С. Будиловича.

[2]) Кронштадтъ.

[3]) Германштадтъ.

[4]) Klausenburg.

Библиотека "Руниверс"

въ Пожунъ [1]), а оттуда въ Пештъ, гдѣ оставался болѣе полутора мѣсяца (4-го декабря 1873—25-го января 1874 г.), совершивъ оттуда двѣ небольшія экскурсіи — въ Вышеградъ и въ нѣкоторые центры Словенской земли (Турчанскій св. Мартинъ, Кляшторъ подъ Зніовымъ, Зволянъ, Банская Быстрица). Наконецъ, въ концѣ января мѣсяца, я перебрался изъ Пешта въ Хорватскій Загребъ. Такимъ образомъ, вторую половину 1873 года я посвятилъ преимущественно изученію территоріи, населенія и исторіи слѣдующихъ странъ: Буковины, Молдавіи, Валахіи, Семиградья, Венгріи (подкарпатской) и Хорватіи. Не могу сказать, чтобы знакомство мое съ этими странами и теперь, послѣ путешествія въ нихъ, было особенно полное и обстоятельное. Для этого необходимо было бы на каждую изъ нихъ отдѣльно посвятить, по крайней мѣрѣ, полгода времени. Мнѣ же пришлось ограничиться лишь самымъ существеннымъ,—въ знакомствѣ съ положеніемъ отношеніями и исторіей вышеназванныхъ странъ и ихъ населенія отложивъ изученіе частностей до другаго болѣе благопріятнаго случая., Притомъ, въ настоящемъ очеркѣ я могу представить лишь краткіе и бѣглые намеки на то, что будетъ развито въ подробномъ описаніи моего путешествія, которое я надѣюсь издать въ послѣдствіи.

Русское населеніе Буковины составляетъ до 250.000 душъ, хотя статистическимъ показаніямъ центральныхъ австрійскихъ комитетовъ, равно какъ и показаніямъ народныхъ переписей, вѣрить абсолютно не возможно, потому что эти переписи всюду почти и при томъ довольно систематически направлены на преуменьшеніе (хотя кажущееся) населенія славянскаго, въ пользу всякой другой народности — нѣмецкой, мадьярской, италіанской, румунской. Единственное въ этомъ отношеніи исключеніе составляютъ Поляки, которыхъ мѣстная статистика не только не преслѣдуетъ, но даже замѣтно покровительствуетъ имъ — на счетъ Русскихъ. Вообще же можно сказать, что русскій элементъ даже статистикамъ внушаетъ наиболѣе заботъ и заставляетъ ихъ постоянно прибѣгать къ разнымъ пріемамъ — конечно, фиктивнаго лишь — его ослабленія. Въ Буковинѣ это совершается съ помощію румунскаго элемента, въ Венгріи — съ помощію мадьярскаго, отчасти даже словенскаго. Какъ бы то ни было, русское населеніе въ Буковинѣ составляетъ

---

[1]) Pressburg.

Библиотека "Руниверс"

абсолютное большинство. Границы его трудно опредѣлить, потому что онѣ не идутъ по одной опредѣленной линіи, а, напротивъ, того во многихъ мѣстахъ прорываютъ этнографическую черту Румуновъ и смѣло врѣзываются въ глубь ихъ народной территоріи. Оттого ни Прутъ, ни Серетъ не могутъ быть названы пограничною русско-румунскою рѣкой. Есть острова русскіе и за Серетомъ, на Сучавѣ, даже подъ самою Кирли Бабой, на крайнемъ юго-западѣ провинціи, близъ границъ Семиградья. Я распрашивалъ мѣстныхъ старожиловъ о томъ, въ которую сторону раздвигается область народная и почти всѣ увѣряли меня, что это совершается въ пользу народности русской и на счетъ румунской. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что румунская народность является здѣсь привиллегированною въ сравненіи съ русскою. Въ рукахъ Румуновъ находится бо̀льшая часть крупныхъ поземельныхъ участковъ. Они имѣютъ преобладающее вліяніе и въ свѣтскихъ, и въ духовныхъ управленіяхъ, потому что и Нѣмцы, вліятельные въ мѣстной администраціи, гораздо нѣжнѣе относятся къ богатой „панской" народности румунской, чѣмъ къ бѣдной мужицкой — русской. Румуны имѣютъ нѣсколько гимназій, Русскіе—ни одной. Даже въ семинаріи духовной, гдѣ Русскіе рѣшительно составляютъ большинство, русскіе ученики должны учиться на румунскомъ языкѣ, должны учиться на румунскомъ языкѣ проповѣдывать впослѣдствіи въ русскихъ приходахъ! И не смотря на все это, русская народность въ Буковинѣ ширится, а румунская — убываетъ.

Что касается народнаго типа, то нужно различать здѣсь три элемента русскаго населенія.

Самый многочисленный изъ нихъ — *Гуцульскій*. Этотъ горный типъ встрѣчается не только въ горныхъ и пограничныхъ съ Румунами частяхъ Галиціи и Буковины, но и въ Закарпатскомъ (венгерскомъ) Мармарошѣ. Въ этомъ типѣ замѣчается сильная примѣсь крови волошской. Не въ одномъ только высокомъ ростѣ, смугломъ лицѣ, стройной осанкѣ и гордыхъ пріемахъ отражается эта примѣсь южной крови, но и въ костюмѣ, въ пѣснѣ, въ музыкѣ, въ обстановкѣ быта, въ языкѣ Гуцула. Ужь одна женская юбка, въ видѣ двухъ связанныхъ платковъ (спереди и сзади) достаточно свидѣтельствуетъ о румунской „модѣ" у гуцульскихъ красавицъ—въ Буковинѣ, въ округѣ Коломыйскомъ и въ комитетѣ Мармарошскомъ. Столь же родственны между собою оригинальные мотивы музыки гуцульской (коломыйка) и волошской. Замѣчательно, что тѣ же мотивы составляютъ особенность и цыганской музыки, господствующей какъ въ придунайскихъ княже-

Библиотека "Руниверс"

ствахъ, такъ и въ Венгріи, собственно мадьярской. Одинъ русскій путешественникъ выражалъ мнѣ свое удивленіе по поводу страннаго сходства музыки цыганской съ персидскою. Не принесли ли Цыгане этой музыки изъ Азіи (Индіи, Персіи), и не послужили ли Румуны лишь распространителями этихъ мелодій въ средѣ прикарпатскихъ горцевъ? Кажется, что и Евреи хлебнули изъ этого музыкальнаго источника. Танцы гуцульскіе и волошскіе тоже очень сходны [1]). Даже „дипломатическимъ" языкомъ у Гуцуловъ при пляскахъ служитъ — волошскій (какъ въ цивилизованныхъ обществахъ—французскій)! На воловъ своихъ Гуцулъ тоже кричитъ по волошски (но относительно лошадей и собакъ я встрѣчалъ въ Буковинѣ примѣненіе нѣмецкаго языка, какъ „международнаго дипломатическаго": vorwärts, rückwärts и т. д.). Подобно Румуну, Гуцулъ предпочитаетъ кукурузу всякой другой пищѣ. Мамалыга, плачента — любимыя его блюда. Какая-то затѣмъ по истинѣ волошская беззаботность и легкомысліе отличаютъ Гуцула [2]). Конечно, въ этой послѣдней области трудно рѣшить, гдѣ оригиналъ, а гдѣ копія: Русскіе ли отъ Волоховъ или Волохи отъ Русскихъ заимствовали свою лѣнь, безпечность и страсть къ пьянству. Или это признакъ ихъ общей принадлежности къ „оріенту", къ „греко-славянскому" культурному міру? Несомнѣнно только, что и Мадьяры въ этомъ отношеніи наши „восточные" братья. Только у нихъ эта лѣнь еще величественнѣе, а безпечность еще первобытнѣе.

Было бы, однако, несправедливо все общее въ типѣ и бытѣ Русскихъ и Волоховъ приписывать одностороннему вліянію вторыхъ на первыхъ. Еще могущественнѣе, безъ сомнѣнія, было вліяніе первыхъ на вторыхъ, что̀ и отразилось не только въ современномъ языкѣ Волоховъ, но и въ массѣ волошскихъ историческихъ памятниковъ, писанныхъ на русскомъ языкѣ. Ниже еще будетъ рѣчь объ этомъ; теперь же замѣтимъ лишь фактъ чрезвычайнаго сходства между Русскими и Румунами, и притомъ такъ, что Подоляне Русскіе похожи на Молдаванъ, а Горцы (Гуцулы)—на Волоховъ въ собственномъ смыслѣ, или „Мунтянъ".

Съ другой стороны, очень вѣроятно, что бо̀льшую долю Гуцуловъ составляютъ обрусѣвшіе Волохи. Это видно, между прочимъ,

---

[1]) Называются они, напримѣръ, кордія, сербинъ, арканъ, козакъ, коломыйка или рускій танецъ.

[2]) Но Гуцулки гораздо солиднѣе, трудолюбивѣе, скромнѣе Волошекъ. На нихъ держится общественный порядокъ Гуцульскаго края.

Библиотека "Руниверс"

изъ географической номенклатуры карпатскихъ жилищъ Гуцуловъ. Волошскій языкъ запечатлѣлся въ названіяхъ горъ и равнинъ на всемъ почти протяженіи Карпатовъ, но преимущественно въ южной, гуцульской ихъ части. Нѣтъ сомнѣнія, что однимъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей въ этой совершившейся здѣсь руссификаціи Румуновъ былъ церковно-славянскій богослужебный языкъ, лишь недавно вытѣсненный румунскимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и другіе элементы народные присоединились къ образованію этого любопытнаго гуцульскаго типа, но важнѣйшимъ, основнымъ долженствовалъ быть волошскій. Въ историческія изысканія о томъ, когда, въ какомъ вѣкѣ совершилось образованіе этого типа, когда и какъ онъ вошелъ въ Буковину, поселился и все далѣе въ ней распространился и распространяется — пускаться здѣсь не стану, такъ какъ это вопросъ мало еще разъясненный. Буковина была, между прочимъ, полемъ борьбы Польши съ Турціей, что̀ не могло не отразиться и на населеніи этой области. Оно прежде было очень малочисленно и углублено въ горы. Но со времени присоединенія къ Австріи, область быстро населилась и развилась. Вѣроятно, въ это уже время преимущественно расширилось въ Буковинѣ и гуцульское ея населеніе. Какъ бы то ни было, въ настоящее время это самый сильный изъ элементовъ мѣстнаго населенія, разростающійся, не смотря на всѣ неблагопріятныя условія. Къ вышеизложеннымъ соображеніямъ о румунской основѣ гуцульскаго типа, можно привести еще одно обстоятельство, не лишенное своего значенія. Всѣ, можно сказать, Буковинскіе Гуцулы суть православные, а не уніаты. Зовутъ же они себя и Волохами [1]), но не Русскими: Русскій въ Буковинѣ означаетъ уніата. Почему это? Потому, что „Волохъ" дѣйствительно еще упорнѣе въ православіи, чѣмъ Русскій. Хотя въ Семиградьѣ есть и Румуны-уніаты, но въ Буковинѣ таковыхъ почти нѣтъ: всѣ буковинскіе уніаты [2]) суть позднѣйшіе (послѣ Іосифа II) выходцы изъ Галиціи. Но число такихъ уніатовъ русскихъ въ Буковинѣ очень незначительно: для уніатской пропаганды оказалась въ Буковинѣ почва равно неблагопріятная какъ между Волохами, такъ и между Гуцулами.

---

[1]) Волохами, но не Румунами. Про Румуновъ же одинъ русскій крестьянинъ сказалъ: «У нихъ вѣра московская, а языкъ цыганскій».

[2]) Мѣстная власть и здѣсь, какъ всюду, поддерживала унію. Довольно характерно, хотя и неумышленно выразился одинъ — не совсѣмъ безграмотный — уніатъ, отвѣтивъ на вопросъ: какой ты вѣры? — «Я цесарскій католикъ»!

Библиотека "Руниверс"

Кромѣ этихъ двухъ частей русскаго населенія Буковины — Гуцуловъ и галицкихъ переселенцевъ уніатовъ, есть тамъ еще третья, незначительная по числу, но важная по идеямъ, какія она представляетъ и по энергіи своихъ членовъ. Это—Липоване, то-есть, великорусскіе раскольники, имѣющіе здѣсь, въ Бѣлой Криницѣ, свою митрополію—не только для Буковины, но и для всего русскаго старовѣрческаго міра.

Я не стану распространяться здѣсь о религіозномъ направленіи и значеніи этихъ бѣлокриницкихъ раскольниковъ. Скажу только о той репутаціи, какою они тутъ пользуются между другими элементами населенія. Какихъ-нибудь 5.000 душъ —въ трехъ-четырехъ деревушкахъ,—а сколько труда, какую дѣятельность умѣютъ они развить въ странѣ! Своею особою спеціальностью считаютъ они земляныя работы. И дѣйствительно, значительная часть дорогъ и мостовъ, рвовъ и капаловъ — не только въ Буковинѣ, но и въ смежныхъ частяхъ Галиціи, произведены этою горстью „мужиковъ-инженеровъ". Въ послѣднее время они ходятъ на работы и въ Бессарабію. Говорятъ они на чистѣйшемъ великорусскомъ языкѣ; живутъ строго, честно и зажиточно; на людей другихъ народностей и исповѣданій смотрятъ съ недовѣріемъ, но и вмѣстѣ съ какимъ-то высокомѣрнымъ сознаніемъ своего превосходства. Въ послѣднее время между ними образовалась партія, желающая возвратиться въ Россію, примириться съ землею своихъ предковъ; но митрополитъ и его штатъ очень неблагосклонно относится къ этой мысли, боясь потерять свое „папское" вліяніе по удаленіи ихъ изъ своего Бѣлокриницкаго Рима. Примиреніе съ этими упрямыми, людьми очень подняло бы авторитетъ Россіи между другими заблудшими ея дѣтьми, напримѣръ, Липованами въ Молдавіи и Некрасовцами въ дунайскихъ плавняхъ и Добруджѣ. Извѣстно, что этимъ, турецкимъ теперь, Русскимъ принадлежатъ въ настоящее время плавни, то-есть, гирла Дуная. Въ 1853—1854 годахъ они составляли авангарды турецкихъ войскъ; но теперь я замѣчалъ въ разговорахъ съ нѣкоторыми изъ нихъ недовольство своимъ положеніемъ и какъ бы тоску по родинѣ своихъ отцовъ.

Впослѣдствіи въ Яссахъ, Галацѣ и Букарештѣ мнѣ пришлось встрѣтить еще другой видъ русскаго раскола, именно скопцовъ; но тѣ производятъ впечатлѣніе уже другаго рода. Конечно, и они не потеряли русской сметки и находчивости; они трудолюбивы и бережливы, зажиточны и трезвы. Но уродство физическое кладетъ и на духовную ихъ сторону какое-то темное, зловѣщее пятно. На глад-

Библиотека "Руниверс"

комъ, равнодушномъ ихъ лицѣ читаешь невольно какую-то затаенную злобу, подавленное страданіе и какъ-бы презрѣніе къ себѣ и къ людямъ. Въ придунайскихъ княжествахъ, вѣроятно, наберется до 1.000 приверженцевъ этой мрачной секты. Бо́льшая ихъ часть занимается извощичьимъ промысломъ въ большихъ городахъ. Лучшіе рысаки въ обѣихъ румунскихъ столицахъ, самые изящные экипажи, блестящая збруя принадлежатъ этимъ русскимъ скопцамъ. Мнѣ случалось слышать, что общество румунское потому и смотритъ сквозь пальцы на вскрывающіяся по временамъ безобразія этой секты, что боится потерять несравненныхъ своихъ кучеровъ-извощиковъ. А кто бывалъ въ Яссахъ и Букарештѣ, тотъ знаетъ, какую громадную роль играетъ въ жизни этого легкомысленнаго общества — катанье по Corso или шоссе....

Скажу теперь нѣсколько словъ объ интеллигенціи Буковинскихъ Русскихъ. Къ сожалѣнію, какъ и во многихъ другихъ славянскихъ земляхъ, она далеко несоотвѣтствуетъ своему народу — ни по количеству, ни по качеству. Особенно падаетъ этотъ упрекъ на русское духовенство Буковины. Другихъ интеллигентныхъ русскихъ сословій здѣсь и быть не можетъ. Помѣщики—почти всѣ Румуны, либо Нѣмцы, Евреи и Армяне. Между чиновниками хотя и есть Русскіе, но они должны соображаться со своими начальниками, преимущественно Нѣмцами. Между учителями тоже есть Русскіе, но они должны преподавать либо на нѣмецкомъ, либо на румунскомъ языкахъ и таить свои народныя чувства. Духовенство могло бы быть болѣе заботливымъ о нравственныхъ потребностяхъ своего народа. Нужно вспомнить, что нигдѣ почти въ Австріи духовенство не представляется столь обезпеченнымъ матеріально, какъ въ Буковинѣ. Прежде богатства буковинскаго духовенства были еще значительнѣе. Іосифъ II, закрывъ здѣсь двадцать-одинъ монастырь (изъ 25-ти), наложилъ руку и на церковныя имущества. Изъ имуществъ этихъ образованъ былъ такъ-называемый Studien und Religions-Fond, который въ Буковинѣ и въ настоящее время представляетъ до 11-ти милліоновъ въ капиталахъ и до 10-ти милліоновъ въ имѣніяхъ (особенно лѣса, составляющіе почти половину всѣхъ лѣсовъ Буковины). Какъ ни плохо управленіе этимъ фондомъ, все же духовенство буковинское получаетъ съ него болѣе 700.000 флориновъ. Имѣя въ виду, что сумма эта распредѣляется на духовно-религіозныя потребности народа менѣе чѣмъ въ полмилліона душъ, можно понять, что положеніе православнаго духовенства Буковины довольно обезпеченное. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ

Библиотека "Руниверс"

нововоздвигаемая въ Черновицахъ резиденція православнаго епископа, нынѣ митрополита Буковины и Далмаціи. Это одно изъ громаднѣйшихъ и красивѣйшихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ одно изъ самыхъ дорогихъ зданій Австріи. Болѣе милліона издержано уже изъ суммъ религіознаго фонда Буковины — на сооруженіе этого зданія, а оно еще далеко не окончено. Странно видѣть такую расточительную роскошь въ резиденціи православнаго владыки полумилліона (по съ Далмаціей — все-таки менѣе милліона) душъ! Ужь одна эта резиденція можетъ служить достаточнымъ указаніемъ какъ на богатства буковинской церкви, такъ и на неумѣнье ея пользоваться этимъ богатствомъ....

Не изъ одного источника слышалъ я также о жадности нѣкоторыхъ, другіе говорятъ — очень многихъ, православныхъ священниковъ Буковины. Эта жадность при исправленіи требъ бывала даже поводомъ къ совращенію православныхъ Буковинцевъ въ унію, духовенство которой гораздо безупречнѣе въ этомъ отношеніи. Что касается развитія народнаго сознанія въ большинствѣ русскаго православнаго духовенства въ Буковинѣ, то недостаточность его видна ужь изъ того, что въ его средѣ чрезвычайно распространено употребленіе нѣмецкаго языка. Это не только дипломатическій, но и семейный языкъ значительной части русскаго священства Буковины. Нельзя отрицать, что есть и теперь уже нѣсколько дѣльныхъ и ревностныхъ патріотовъ въ средѣ какъ духовной, такъ и свѣтской интеллигенціи русской въ Буковинѣ, но это исключенія, хотя пріятныя, но, къ сожалѣнію, довольно рѣдкія. Въ этомъ отношеніи даже Галиція гораздо выше Буковины. Есть въ Черновицахъ, правда, клубъ — Русская бесѣда. Прежде было даже двѣ: гражданская и ученическая; потомъ онѣ слились во-едино; но особеннаго оживленія въ мѣстную общественную русскую жизнь онѣ не внесли. Отношеніе интеллигенціи румунской къ русской (въ Буковинѣ) довольно вѣрно можно охарактеризовать размѣрами основнаго фонда Черновицкихъ бесѣдъ румунской, съ одной стороны, и русской — съ другой. Фондъ первой доходилъ до 50.000 флориновъ., а второй — едва до 1.500 флориновъ.

Что касается вліянія, какое можетъ имѣть октроированное недавно австрійскимъ министерствомъ іерархическое соединеніе Буковины съ Далмаціей, то оно едва ли будетъ вредно народнымъ интересамъ Славянъ Буковинскихъ или Далматинскихъ. Какъ ни противоестественна эта административная комбинація, она однако оказалась болѣе непріятною Румунамъ, чѣмъ Славянамъ. Первые предпочли бы союзъ церковный съ любою страною румунскою, напри-

Библиотека "Руниверс"

мѣръ, Семиградьемъ и Молдавіей, такъ какъ мысль о сближеніи разрозненныхъ частей „великой Дакіи" занимаетъ не послѣднее мѣсто въ головѣ румунскихъ патріотовъ. Естественнымъ же центромъ тяготѣнія церкви буковинско-русской былъ бы востокъ, еслибъ этому не препятствовали многія обстоятельства, внутреннія и внѣшнія. Во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать, что природа, и страны, и населенія, приковала Буковину къ славянскому востоку, еще болѣе, чѣмъ къ волошскому югу, не говоря уже о задунайской Германіи. Сюда, на востокъ, текутъ всѣ рѣки Буковины; сюда направлены всѣ ея торговые пути; сюда стремятся инстинкты населенія. Каждое лѣто масса буковинскихъ горцевъ спускается въ сосѣднюю Подолію, Бессарабію и далѣе до Днѣпра и Чернаго моря, на заработки. Лишь немногіе изъ Русскихъ Буковины ходятъ въ Молдавію.

Во всякомъ случаѣ, эта небольшая, по интересная область во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія русскихъ ученыхъ. Своими преданіями, своимъ населеніемъ, своими интересами она связана съ сосѣдними областями южной Россіи. Отъ западныхъ центровъ науки она слишкомъ удалена и въ прямомъ, и въ переносномъ (нравственномъ) смыслѣ. Оттого она очень мало еще изслѣдована, какъ въ физическомъ, такъ и въ историческомъ отношеніяхъ. Существующія описанія Буковины [1]) не выходятъ за предѣлы краткихъ популярныхъ очерковъ, особенно въ историческихъ и археологическихъ своихъ отдѣлахъ. Исторія буковинскихъ монастырей изслѣдована отчасти Львовскимъ ученымъ О. А. Петрушевичемъ; но къ сожалѣнію, лишь незначительный ея отрывокъ былъ напечатанъ въ одномъ, изчезнувшемъ уже теперь, Черновицкомъ періодическомъ изданіи. Очень было бы желательно побудить г. Петрушевича обнародовать продолженіе своего труда; онъ обозрѣлъ и архивы буковинскихъ монастырей, вслѣдствіе чего трудъ его долженъ быть очень важенъ для исторіи южной Руси политической и религіозной, съ Приднѣстровьемъ и Припрутьемъ. Мнѣ удалось разсмотрѣть еще одинъ рукописный трудъ о Буковинѣ, именно этнографическое описаніе одной ея части (Берюметъ надъ Прутомъ и сосѣднія селенія), со сборникомъ пѣсенъ, пословицъ и т. д., составленное г. Купчанкомъ и находящееся нынѣ въ распоряженіи Кіевскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Этотъ сборникъ за-

[1]) Напримѣръ *Bendella*: Die Bukowina 1845; *Bukowina*, Heimathskunde Czernowitz 1872; *Bukowina*, Bericht d. Czernowitzer Handels-und Gewerbe Kammer 1873; *Simiginowicz-Staufe*, Bodenplastik der Bukowina, Kroustadt 1873.

Библиотека "Руниверс"

ключаетъ не мало интересныхъ данныхъ, но онъ обнимаетъ лишь незначительную часть русской Буковины. Здѣсь я рѣшаюсь высказать убѣжденіе, что, въ интересахъ науки русской этнографіи, было бы очень желательно, чтобы Русское Географическое Общество обратило свое вниманіе на этнографическое изученіе и закордонныхъ частей Русскаго племени, то-есть на русское населеніе Галиціи, Буковины и восточной Венгріи. Это тѣмъ важнѣе, что значительная, а именно подгорная часть этого населенія донынѣ осталась на довольно патріархальной ступени общественнаго развитія и потому представляетъ въ живомъ видѣ много изчезнувшихъ уже индѣ чертъ древне-русскаго быта, нравовъ, обрядовъ, повѣрій и т. д. Не малую въ этомъ отношеніи услугу оказало русской наукѣ Московское общество исторіи и древностей изданіемъ сборника народныхъ пѣсенъ галицкихъ, а отчасти буковинскихъ и венгерско-русскихъ И. Ѳ. Головацкаго. Но область эта не истощима и не исчерпаема въ научномъ отношеніи. Между тѣмъ въ послѣднее время, послѣ многихъ измѣненій въ общественныхъ и народныхъ отношеніяхъ австрійскихъ народовъ (съ 1848 года), старыя условія быта сильно потрясены даже въ самыхъ недоступныхъ культурнымъ вліяніямъ ущельяхъ Карпатскихъ горъ. Пути сообщенія, школы открыли туда доступъ новымъ элементамъ, новымъ идеямъ: въ Галиціи преимущественно польскимъ, въ Буковинѣ—нѣмецкимъ и румунскимъ, а въ Венгріи—мадьярскимъ. Поэтому съ каждымъ днемъ понемногу гибнетъ здѣсь народная русская старина въ бытѣ и понятіяхъ, гибнетъ, слѣдовательно, драгоцѣнный матеріалъ для этнографа, археолога и историка. Было бы очень поэтому желательно, чтобы наши этнографическія южно-русскія экспедиціи распространялись по возможности и на подкарпатскія области Русскаго племени.

Перехожу теперь къ сосѣдней Южнорусамъ и во многомъ чрезвычайно имъ родственной народности румунской, или волошской.

Границъ строго опредѣленныхъ эта народность не имѣетъ. Правда, что нѣкоторые румунскіе мечтатели опредѣляютъ эти границы рѣками: Днѣстромъ, Тисой и Дунаемъ, но на пространствѣ, обнятомъ этою линіею, живетъ нѣсколько милліоновъ не Румуновъ, во многихъ случаяхъ болѣе или менѣе сплошными массами, какъ напримѣръ, Мадьяры въ Бихарскомъ, Аразскомъ, Чанадскомъ, Ченградскомъ, Бекешскомъ и т. д. комитатахъ; Сербы въ западномъ Банатѣ, Русскіе въ Мармарошѣ, Угочскомъ, Сутмарскомъ, Заболотскомъ комитатахъ, въ Коломыйскомъ округѣ, сѣверной Буковинѣ, въ низовьяхъ и гирлахъ Дуная. Даже внутри ихъ собственной территоріи есть значительные

Библиотека "Руниверс"

острова инородцевъ, напримѣръ, острова Зикскихъ Секляровъ, затѣмъ Брашовскихъ, Сибинскихъ и Быстрицкихъ Саксовъ въ Семиградьѣ. Значительную часть городскаго населенія въ Молдавіи составляютъ Евреи, а въ Валахіи—Болгары. Города же придунайскіе представляютъ пеструю смѣсь всѣхъ почти восточныхъ и нѣкоторыхъ западныхъ народовъ. Стоитъ пройдтись по площадямъ и набережнымъ Галаца, чтобы составить себѣ понятіе о разнокалиберной смѣси толкущихся здѣсь народовъ. Рядомъ встрѣчаете вы тутъ и греческій фесъ, и турецкій тюрбанъ, и румунскую овчинную шапку, и швабскій цилиндръ, и еврейскую мыцку. Такое же смѣшеніе въ языкахъ, въ лицахъ, въ нравахъ.

Румунская народность представляетъ чрезвычайно любопытное этнографическое явленіе. Тутъ повторяется то, что замѣчается и между Евреями: противорѣчіе между языкомъ и бытомъ, формой и содержаніемъ. Кто назоветъ Еврея Нѣмцемъ, не смотря на все то, что̀ онъ говоритъ въ семьѣ и въ общественныхъ отношеніяхъ на нѣмецкомъ, какъ на родномъ языкѣ? Столько же трудно назвать Романцемъ Волоха, хотя говоритъ онъ на одномъ изъ романскихъ нарѣчій. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ общаго съ западными соплеменниками своими имѣетъ этотъ Волохъ? Что̀ его роднитъ съ ними: вѣра ли, общественный ли строй, характеръ или бытъ? Зайдите въ его церковь. Правда, теперь вы уже не услышите звуковъ славянскаго языка, но увидите еще всюду славянскія буквы,—ибо и Куза не въ состояніи былъ вытѣснить кириллицу изъ церковнаго употребленія, даже при румунскомъ языкѣ. А если икона подревнѣе, то непремѣнно вы прочтете на ней славянскую надпись. Взгляните на этотъ куполъ, который возвышается надъ вами, на эти стѣны, разукрашенныя оригинальною живописью, на стиль этихъ зданій, на характеръ этой живописи: развѣ это романскій западъ? Пройдитесь по любому волошскому городу, конечно, не нѣмецкому только, по улицамъ Яссъ, Галаца, Букарешта, присмотритесь къ этому раскидистому простору, къ этимъ то грязнымъ, то пыльнымъ улицамъ, къ постройкѣ этихъ одноэтажныхъ, пестрыхъ, домиковъ съ плоскими крышами: развѣ это не нашъ родной—привольный, но безалаберный востокъ, тотъ же востокъ, который преслѣдуетъ васъ всюду, гдѣ живетъ Славянинъ, Грекъ, Турокъ, Волохъ, Мадьяръ? Войдете вы въ волошскую деревню, посмо̀трите на эту деревянную „архитектуру", на эти соломенныя крыши,—присмо̀тритесь къ домашней утвари, къ ихъ хозяйственнымъ приборамъ, къ узорамъ ихъ тканей, прислушаетесь къ мотивамъ ихъ пѣ-

Библиотека "Руниверс"

сенъ, приглядитесь къ характеру ихъ плясокъ, и сколько найдете во всемъ этомъ поразительно сходнаго со славянскимъ, особенно же съ малорусскимъ! Та же поэзія и та же безпечность; то же добродушіе и то же отсутствіе самообладанія; тѣ же величавые пріемы и та же неповоротливость въ обращеніи; та же вѣрность своимъ религіознымъ преданіямъ и суевѣріе столь же невѣжественное. Даже бѣлые украинскіе быки, съ безконечными рогами, также неизбѣжны въ каждомъ почти волошскомъ селѣ. Только лицо нѣсколько смуглѣе, жестикуляція живѣе, кровь жарче. Къ торговлѣ и ремесламъ Волохъ обнаруживаетъ очень мало наклонности. За него это исправляютъ Евреи въ Молдавіи, Болгары въ Валахіи, а Саксы и другіе Нѣмцы въ Семиградьѣ и Венгріи. Волохъ столь же исключительный земледѣлецъ, какъ Малороссъ или Мадьяръ. Лишь въ горахъ онъ пускается—и то по нуждѣ—въ промыслы.

Впрочемъ, нужно различать—какъ всюду, такъ и здѣсь - Волоха-горца и Волоха-подолянина. Первые называются тамъ Мунтянами; а вторые иногда смѣшиваются съ названіемъ Молдаванина. Отношеніе между ними почти то же, что̀ между Гуцуломъ или Верховинцемъ (въ Венгріи) и подоляниномъ Русскимъ. Первый нѣсколько грубѣе, суровѣе, но и энергичнѣе; послѣдній мягче, добрѣе, но и апатичнѣе. Между первыми есть цѣлое сословіе пастуховъ, знаменитыхъ волошскихъ пастуховъ, распространившихъ свое имя и пріемы пастушескаго дѣла не только по Карпатскимъ, но отчасти и по Балканскимъ горамъ. Оттого въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и донынѣ слово „влахъ“ служитъ почти синонимомъ пастуха. Не они ли разнесли волошскія названія по цѣлому гребню Карпатовъ, до самыхъ Татръ, между которыми тоже есть одна гора „Волошинъ“? Центромъ и исходнымъ мѣстомъ этихъ волошскихъ Мунтянъ были, по видимому, Альпы Семиградскія — южныя и восточныя. Едва ли другому обстоятельству, какъ не недоступности этихъ горъ, Румуны обязаны своимъ народнымъ спасеніемъ. И Баски лишь въ горахъ спасли свою народность въ круговоротѣ вѣковъ и тысячелѣтій. То же было съ Кельтами, Албанцами, Осетинами и др.

Къ вышеизложеннымъ чертамъ сходства или этнографическаго сродства между Румунами и Славянами можно присоединить еще одну, печальную историческую примѣту. До послѣдняго времени Румуны всюду почти и въ полномъ смыслѣ слова были беззащитными общественными паріями. Не стану вспоминать здѣсь вѣковой неволи турецкой, не мало сроднившей Румунъ со Славянами общностью

Библиотека "Руниверс"

страданій. Приведу лишь одинъ фактъ изъ исторіи Семиградскихъ Румуновъ. Извѣстно, что они составляютъ въ Семиградьѣ громадное большинство населенія, въ сравненіи со всѣми другими элементами—мадьярскимъ, секлярскимъ и саксскимъ. Тѣмъ не менѣе политическій тріумвиратъ семиградскихъ народностей состоялъ изъ: Мадьяровъ, Секляровъ (тоже вѣтвь Мадьяровъ) и Саксовъ! Румуновъ словно тамъ и не существовало! Но еще тяжелѣе этого политическаго рабства было рабство соціальное, крѣпостная зависимость отъ помѣщиковъ, имѣвшихъ громадное значеніе какъ въ Семиградьѣ, такъ и въ княжествахъ, значеніе, не вполнѣ утраченное и въ настоящее время. Правда, что румунскіе крестьяне эманципированы и въ Австріи (1848 г.), и въ княжествахъ (1864 г.). Но эманципація эта не освободила ихъ отъ зависимости. Аристократическій элементъ слишкомъ силенъ здѣсь не только громадными своими богатствами, но и солидарностью интересовъ, привычкою господствовать, превосходствомъ образованія, вліяніемъ на правительство. Нужно при этомъ вспомнить, что какъ въ Венгріи, такъ и въ княжествахъ власть находится преимущественно въ рукахъ инородцевъ, въ которыхъ, слѣдовательно, румунская народность не можетъ ожидать особеннаго къ себѣ расположенія. Какъ бы то ни было, Румунскій народъ представляется въ настоящее время почти повсемѣстно расколотымъ на два очень различные слоя, между которыми мало сродства въ бытѣ и въ интересахъ. Верхній классъ—боярство, знать, и низшій—misera contribuens plebs. Большая часть того, что сказано выше о Румунахъ, относится преимущественно къ послѣднему, низшему классу народа. Онъ же составляетъ и громадное большинство, можетъ быть, 90% населенія, такъ какъ интеллигентный классъ вообще здѣсь очень не значителенъ. Расколъ между двумя классами Румунскаго народа такъ силенъ, какъ, быть можетъ, былъ въ Россіи нѣкогда, при Аннѣ Іоанновнѣ или Петрѣ III. Разница эта не мало усиливается и тѣмъ обстоятельствомъ, что румунская, то-есть, между Румунами живущая, аристократія въ значительной части—иностраннаго происхожденія: въ Венгріи—мадьярскаго и нѣмецкаго, а въ княжествахъ—греческаго, турецкаго, сербскаго. Въ Венгріи даже религія раздѣляетъ знать отъ простаго народа: первая принадлежитъ преимущественно къ протестантамъ (Мадьяры — кальвинисты, Нѣмцы — лютеране) или католикамъ, а послѣдній исповѣдуетъ православіе. Въ Княжествахъ этого различія нѣтъ; но стремленіе къ нему и здѣсь начинаетъ пробиваться. Съ тѣхъ поръ, какъ между румунскою интеллигенціею сталъ пробиваться романизмъ, или,

Библиотека "Руниверс"

лучше сказать, „галломанія",—появилось кой-гдѣ и стремленіе эмансипироваться отъ востока и примкнуть къ западу въ религіозномъ отношеніи. Первый ударъ направленъ былъ на славянскій языкъ въ богослуженіи, второй—на кирилловскую азбуку въ гражданской и духовной литературѣ. Но на этомъ пока и остановилось дѣло. Корни румунизма слишкомъ глубоко всосались въ почву православія, чтобъ однимъ усиліемъ можно было ихъ вырвать изъ этой почвы и пересадить на другую. Впрочемъ, религіозный индифферентизмъ составляетъ уже теперь преимущественную религіозную атмосферу, въ которой растетъ и развивается румунская „интеллигенція". Вслѣдствіе этого такъ сочувственно отнеслась она къ тому сильному удару, который нанесенъ румунской церкви княземъ Кузою чрезъ секуляризацію церковныхъ имуществъ и упраздненіе всѣхъ почти румунскихъ монастырей въ княжествахъ. Конечно, часть отвѣтственности за это равнодушіе общества къ интересамъ своей церкви должна пасть на голову служителей послѣдней, слишкомъ часто забывавшихъ свои обязанности въ отношеніи къ своему народу и жившихъ своими интересами, личными и кастовыми. Но съ другой стороны, значительная часть церковныхъ доходовъ княжествъ должна была отсылаться въ патріархію и употребляться на цѣли, часто противорѣчащія интересамъ румунской народности. Во всякомъ случаѣ общество въ правѣ было требовать отъ своего правительства, по крайней мѣрѣ, употребленія секуляризованныхъ имуществъ на цѣли религіозно-нравственныя. Іосифъ II также взялъ въ казну монастырскія имущества въ Австріи; но онъ образовалъ изъ нихъ особый Studien-und Religions-Fond, тогда какъ въ Румуніи тѣ имущества поступили въ число государственныхъ, употребляются на армію, пути сообщенія и т. д., на вещи, конечно нужныя, но очень различныя отъ тѣхъ, на какія онѣ пожертвованы завѣщателями. Послѣ этой конфискаціи церковныхъ имуществъ, румунское духовенство утратило и остатокъ своего вѣса и значенія. Боярство не имѣетъ въ немъ противовѣса своимъ олигархическимъ стремленіямъ.

Не смотря на потерю даровaго крестьянскаго труда, румунскіе бояре находятся все еще въ довольно блестящемъ матеріальномъ положеніи. Доходы въ 50,000 или 100.000 червонцевъ не рѣдкость между ними. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время между ними сталъ сильно распространяться вкусъ къ роскоши, къ раззорительнымъ путешествіямъ, а вслѣдствіе этого, они стали входить въ долги. Конечно, долги показываютъ развитіе кредита, но здѣсь они служатъ признакомъ важнаго общественнаго переворота—перехода крупнаго землевладѣнія

Библиотека "Руниверс"

и капиталовъ отъ волошскихъ бояръ къ нѣмецкимъ спекулянтамъ, Евреямъ ростовщикамъ и греческимъ торговцамъ. Что выиграетъ отъ этого народъ — покажетъ время.

Вообще современное общественное состояніе Румуніи не представляется особенно утѣшительнымъ. Не стану касаться здѣсь неурядицъ политическихъ и плохого состоянія румунскихъ финансовъ (не смотря на всѣ выгоды естественнаго положенія страны, на превосходное качество почвы, обиліе водяныхъ путей, близость къ торговымъ хлѣбнымъ рынкамъ). Не стану распространяться о легкомысліи румунскаго общества, легкомысліи въ отношеніяхъ семейныхъ и общественныхъ, о призрачной свободѣ народа, съ благодарностью, но и съ грустью вспоминающаго о временахъ графа Киселева, когда господствовалъ законъ и для сильныхъ, и для слабыхъ. Не буду говорить о деморализаціи политическихъ представителей народа, о ихъ готовности служить подъ каждымъ „выгоднымъ" знаменемъ. Скажу лишь нѣсколько словъ о состояніи образованія въ Княжествахъ.

Не смотря на то, что въ краѣ есть два университета и нѣсколько гимназій, состояніе школъ въ Румуніи, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, очень печально. Достаточно привести тотъ, напримѣръ, фактъ, что въ городѣ Галацѣ, съ болѣе чѣмъ 70.000 населенія, существуетъ лишь 4-х-классная гимназія. Кто ищетъ для своихъ дѣтей серьезнаго образованія, посылаетъ ихъ въ нѣмецкія гимназіи въ Брашево, Сибинъ или Черновицы. Аристократія воспитываетъ дѣтей въ разныхъ заграничныхъ заведеніяхъ. Лучшіе профессора княжествъ — тѣ, которые вызваны изъ Семиградья и Буковины. Любви къ литературному и ученому труду замѣтно еще мало. Книжные магазины Яссъ, Букарешта и т. д. наполнены произведеніями французской литературы. Замѣчательно это одностороннее пристрастіе румунскаго общества къ Франціи! Нѣмецкій и англійскій языки и книги здѣсь еще мало распространены и не популярны. По видимому, не мало содѣйствовалъ этому Наполеонъ III, его слава, обаяніе его имени, его вліяніе, господствовавшіе здѣсь особенно съ 1856 года; Куза не мало потрудился въ этомъ направленіи. Русскій языкъ мало кому извѣстенъ въ княжествахъ; русская книга—величайшая тутъ рѣдкость. И однако, всѣ симпатіи народныхъ массъ румунскихъ, всѣ ея надежды, еще въ большей мѣрѣ устремлены на Россію, чѣмъ симпатіи интеллигенціи — на Францію. Нѣмецкая же наука и политика пользуются здѣсь самымъ слабымъ вліяніемъ и на интеллигентное общество, и на массы. Судя по всему этому, русская литература, русскій языкъ имѣютъ тамъ

Библиотека "Руниверс"

будущность, по настоящее почти безраздѣльно принадлежитъ французскому языку и литературѣ.

Собственно румунская литература чрезвычайно еще бѣдна и скудна. Самый языкъ литературный еще не установился, и правописаніе не опредѣлилось окончательно. По количеству и качеству своихъ произведеній, румунская литература не можетъ сравняться и съ сербскою, не говоря о чешской, польской или русской. Любимѣйшую область изученія, конечно, и здѣсь составляютъ отечественная исторія и древности. Со времени Кантемира уже кое-что сдѣлано [1]), хотя къ сожалѣнію много вредитъ румунскимъ историкамъ какое-то пренебреженіе ихъ къ славянскимъ языкамъ и къ исторіи сосѣднихъ славянскихъ народовъ, съ которою румунская исторія переплетена самымъ неразрывнымъ образомъ. Историкъ Румуновъ и Мадьяръ долженъ быть славистомъ, а славистъ принужденъ включить Румунію и Венгрію въ кругъ своего изученія, если хочетъ понять исторію Славянъ, сосѣднихъ съ этими странами, а отчасти и населяющихъ оныя. Большое преимущество предъ своими товарищами имѣетъ въ этомъ отношеніи новѣйшій исторіографъ Румуніи, г. Хаждевъ (Hasdeu). Уроженецъ Бессарабіи и воспитанникъ Харьковскаго университета, онъ имѣлъ возможность изучить языкъ русскій и обратить вниманіе на другія славянскія нарѣчія. Ему обязана славистика изданіемъ многихъ важныхъ кирилловскихъ историческихъ памятниковъ, касающихся исторіи придунайскихъ странъ въ его „Archiva istorico a Romanici“ (Букарештъ 5 выпусковъ). Но обширнѣйшій и важнѣйшій трудъ г. Хаждева составляетъ его „Istoria critica a Romaniloru“, которой I-й томъ вышелъ въ прошломъ году въ Букарештѣ. Планъ этого сочиненія, обнимающаго внутреннюю и внѣшнюю исторію всѣхъ областей древней Дакіи (область между Днѣстромъ, Тисой и Дунаемъ), задуманъ очень широко, можетъ быть, слишкомъ широко. Авторъ предполагаетъ поочередно разсмотрѣть территоріальную, политическую, религіозную, общественную, экономическую, литературную и другія стороны румунской исторіи, что̀ должно составить содержаніе 20 или 30 большихъ томовъ. Первый томъ (4°) обнимаетъ территоріальную исторію Румуновъ съ древнѣйшихъ временъ. Нѣтъ сомнѣнія, что автору удалось разрѣшить не мало темныхъ вопросовъ изъ географіи древней и новой Дакіи и очень желательно, чтобы

[1]) *Kagolnicanu*. Chroniche Romanili. 2-е изд. 1872; *Carra*. Istoria Mold. zi Valach. 1857. Bukurest; *Lauriaru*, Istoria Romaniloru. 4-е изд. 1863; *Latino*, Istoria generala a Daciei Bukurest 1872.

Библиотека "Руниверс"

наши слависты обратили вниманіе на этотъ трудъ. Я имѣлъ возможность лишь бѣгло перелистовать это сочиненіе и потому воздерживаюсь отъ критики, хотя не могу умолчать, что мнѣ показались неумѣстными многочисленныя экскурсіи автора въ область исторической методологіи и философіи, которыя лишь затрудняютъ и автора, и читателя, а нисколько не относятся къ спеціальному предмету его изслѣдованія. Г. Хаждевъ редактируетъ еще румунскій ежемѣсячникъ по части исторіи и критики: *Троянова колонна*, не лишенный интереса и для славистовъ.

Лучшій топографическій обзоръ княжествъ составленъ г. Фрунелеску (Dictionaru topograficu Zi Statisticu alu Romanici, 1872). Самый значительный сборникъ народныхъ румунскихъ пѣсенъ составленъ извѣстнымъ румунскимъ поэтомъ Александри [1]). Есть еще сборники Помпиліу (Balade populare Romane. Jassi, 1870), Wartha (Dorulu. Букарештъ, 1873) и др.

Изъ, работъ еще не напечатанныхъ, упомяну объ обширной исторіи Молдавіи, составляемой г. Гармазаки въ Черновицахъ. Архимандритъ Августинъ въ Яссахъ показывалъ мнѣ румунскую рукопись составленной имъ „Исторіи молдавскихъ монастырей Нямца и Секула", на основаніи рукописей монастырскихъ архивовъ. Я просилъ отца Августина предоставить эту рукопись, въ русскомъ переводѣ, какому-нибудь изъ русскихъ ученыхъ обществъ или изданій, такъ какъ въ княжествахъ не представляется удобнымъ издать это сочиненіе. Авторъ согласился на мою просьбу, но исполнилъ ли онъ ее, мнѣ не извѣстно. Сочиненіе это любопытно потому, что Нямецкій монастырь игралъ очень важную роль въ исторіи молдавской церкви. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ тамъ было до 800 человѣкъ братіи, изъ коихъ до 100 было Русскихъ, большею частію образованныхъ людей [2]). Но съ тѣхъ поръ, какъ противъ славянскаго языка воздвигнуто гоненіе въ румунской церкви, большая часть братій Нямецкаго монастыря изъ Славянъ разошлась. Хотя монастырь этотъ и понынѣ не закрытъ, но потерялъ свое прежнее значеніе.

Существуетъ еще одинъ трудъ по исторіи румунскихъ монастырей и церковныхъ имуществъ [3]); онъ составленъ секретаремъ рус-

---

[1]) Poesii populare ale Romaniloru. 1866.

[2]) По разказамъ одного изъ бывшихъ братій этого монастыря.

[3]) Объ этомъ предметѣ есть сочиненіе румунское: *Bolliac*, Monastirile din Romania. Bucurest 1862; но, писанное по заказу правительства; оно слишкомъ тенденціозно и одностороннє.

Библиотека "Руниверс"

скаго консульства въ Галацѣ, г. Елисицынымъ; авторъ отдалъ его въ мое распоряженіе, и я надѣюсь со временемъ сдѣлать этотъ трудъ доступнымъ для ученой публики.

Изъ ученыхъ хранилищъ Румуніи, особеннаго вниманія заслуживаетъ Букарештскій центральный архивъ. Въ немъ находится значительное количество и славянскихъ рукописей. Часть ихъ издана г. Хаждевымъ въ вышеупомянутомъ его „Архивѣ". Остальное ждетъ еще изслѣдователей и издателей.

Публичный музей Букарештскій не особенно еще богатъ, но любопытна частная археологическая коллекція маіора Папазоглу [1]), въ которой находится много римскихъ древностей Дакіи. Кромѣ того, есть въ этомъ музеѣ и греческія, турецкія, славянскія древности—грамоты, иконы, утварь, и т. д. Вообще, коллекція эта очень интересна и довольно значительна; еслибъ она была продана въ Россію — чего очень желаетъ владѣлецъ,—то была бы хорошимъ дополненіемъ къ собираемымъ въ нашихъ музеяхъ древностямъ Таврическаго полуострова и побережья Черноморскаго.

Отъ княжествъ перехожу къ Румунамъ Семиградья и Венгріи; впрочемъ, по этому поводу немного остается прибавить къ сказанному уже выше о румынской народности. Замѣчательно лишь то, что Румуны являются въ этихъ областяхъ представителями населенія почти исключительно горнаго, въ такой же мѣрѣ, какъ Словаки въ Верхней Венгріи, или напримѣръ, Нѣмцы въ Чехіи. Каждая болѣе обширная и плодородная долина занята здѣсь Саксами, либо Мадьярами. Съ послѣдними побѣгами Семиградскихъ горъ на западъ и сѣверо-западъ оканчиваются и послѣднія селенія румунскія. Произошло ли это отъ поздняго сравнительно появленія и распространенія здѣсь Румуновъ, или отъ несчастій ихъ прошлаго, отъ несправедливости къ нимъ сосѣдей и пришельцевъ-поработителей, — не станемъ теперь разбирать. Упомянемъ лишь, что естественнымъ и понятнымъ послѣдствіемъ этого обстоятельства была и есть бѣдность Румуновъ Семиградскихъ, въ сравненіи съ зажиточными Саксами и Мадьярами. А рядомъ съ бѣдностію шла безпомощность и преслѣдованія—политическія, религіозныя, народныя. Румунское племя дало Венгріи нѣсколько знаменитыхъ именъ (Гуніадъ, М. Корвинъ), но само мало извлекло пользы изъ ихъ исторической дѣятельности. Стоитъ проѣхать нѣсколько сосѣднихъ деревень румунскихъ, съ одной стороны.

---

[1]) См. брошюру: Muzeul Papazoglu. Bukurest, 1865.

Библиотека "Руниверс"

и мадьярскихъ или нѣмецкихъ—съ другой, взглянуть на деревянныя лачужки и бѣдныя деревянныя же православныя церкви первыхъ—и просторные и чистые каменные дома и каменныя же бѣлыя церкви (лютеранскія, кальвинистскія и католическія), съ высокими башнями. послѣднихъ, чтобы съ-разу замѣтить различіе экономическаго ихъ положенія. Румунское населеніе и здѣсь является со всѣми „аттрибутами" славянства—бѣдностію, подавленностію, какимъ-то паріемъ въ средѣ другихъ народовъ! Вѣковое давленіе сломило здѣсь отчасти прославленное упрямство Румуновъ въ православіи: часть ихъ приняла уже унію.

Въ послѣднее время и въ среду австрійскихъ Румуновъ Семиградскихъ и Венгерскихъ начинаетъ проникать идея народнаго самосознанія. 1848 годъ и для нихъ въ этомъ отношеніи былъ знаменательнымъ. Впервые возстали они тогда на своихъ притѣснителей и видѣли униженіе Мадьяръ на сценѣ исторіи международной. Съ тѣхъ поръ Мадьярамъ не удается ужъ усыпить пробудившееся и развивающееся народное сознаніе Румуновъ. Конечно, оно не приняло еще широкихъ размѣровъ, не достигло самоувѣренности и смѣлости; но рано или поздно оно должно будетъ завоевать себѣ признаніе и уваженіе.

Что касается литературы Семиградской, то всего болѣе сдѣлано въ этомъ отношеніи Нѣмцами, которые имѣютъ въ Сибинѣ общество исторіи и древностей и не мало уже сдѣлали для археологическаго и этнографическаго изученія края. Особенно много потрудился для этого Шуллеръ [1]). Нельзя удивляться тому, что нѣмецкіе ученые довольно односторонне даютъ предпочтеніе въ Семиградьѣ своей народности, то есть, Саксамъ, и почти игнорируютъ Румуновъ. Изъ среды же послѣднихъ до настоящаго времени мало еще выходило самостоятельныхъ изслѣдователей. Во главѣ ихъ долженъ быть поставленъ бывшій митрополитъ семиградскихъ Румуновъ, Шагуна. Изъ иностранцевъ стоитъ упоминанія, кромѣ почтеннаго Нѣмца Ресслера, еще Англичанинъ Боперъ, издавшій довольно обстоятельное описаніе природы и населенія Семиградья.

Не менѣе Румуновъ важную роль въ славянской исторіи и поли-

---

[1]) См. также: *Bieltz*, Handbuch der Heimathskunde v. Siebenbürgen, 1857. Hermanstadt; *Söllner*, Statistik v. Siebenbürgen, 1818; *Salzer*, Reisebilder in Siebenbürgen, 1860; *Schuster*, Siebenbürgisch-Sächsische Volkslieder, 1865; *Frank*, Siebenbürgens hervorragende Bestimmung als Industrie. Land, 1868; *Obermüller*, Die Herkunft der Sekler, 1872.

Библиотека "Руниверс"

тикѣ игралъ и играетъ другой тоже не славянскій народъ—Мадьяры. Судя по той роли, какую онъ теперь играетъ въ Австріи, можно бы подумать, что это очень многочисленный народъ. Между тѣмъ, по достовѣрнымъ статистическимъ даннымъ, число Мадьяръ едва превышаетъ число Словаковъ и уступаетъ въ численности народностямъ Чешской, Сербской, Болгарской, Польской, Румунской. Территорія, на которой онъ живетъ въ болѣе или менѣе сплошныхъ массахъ, довольно вѣрно опредѣляется слѣдующими *пограничными* городами: Пожунъ (Пресбургъ), Пештъ, Мѣшковецъ (Miszkolcz), Дебрецинъ, В. Арадъ, Сегединъ, Печуеъ (Fünfkirchen), В. Канижа и Каменецъ (Steinamanger). Естественнымъ центромъ этой мадьярской территоріи представляется г. *Кечкеметъ*. Внѣ этой пограничной черты остаются лишь два болѣе значительные острова: одинъ на сѣверѣ отъ Пешта, на территоріи словацкой, на склонахъ горъ Черхата и Матры; а другой на югѣ, на территоріи румунской, на западныхъ склонахъ горъ семиградско-молдавскихъ. Первые извѣстны подъ именемъ Половцевъ (Palocsen), а вторые—Секлеровъ или Сейкелевъ. Какъ тѣ, такъ и другіе, довольно отличны отъ Мадьяръ и по языку, и по условіямъ быта. Мадьяръ изъ пушты съ трудомъ уже понимаетъ Половца. Языкъ Секлеровъ тоже довольно отличенъ отъ мадьярскаго собственно, или литературнаго языка. Что же касается Кумановъ (Kunen) и Языговъ (Jasen), живущихъ въ пуштѣ, то они считаются чистѣйшими представителями мадьяризма. Въ другихъ частяхъ Венгріи Мадьяры являются уже сильно перемѣшанными съ инородцами: на сѣверѣ со Словаками, на востокѣ съ Русскими и Румунами, на югѣ съ Сербами, на западѣ съ Нѣмцами и т. д. Внѣ вышеозначенной пограничной черты они являются уже въ меньшинствѣ болѣе или менѣе значительномъ. Есть, какъ мы видѣли, мадьярскія (секлерскія) поселенія и въ Буковинѣ; есть нѣсколько селъ и въ Молдавіи, имѣющихъ особый выговоръ (з, ц, с вмѣсто ж, ч, ш, какъ у Мазуровъ). Но эти дробные осколки племени не имѣютъ значенія. Не нужно затѣмъ забывать, что во всей Венгріи, можетъ быть, найдется не болѣе двухъ-трехъ жупаній, гдѣ Мадьяры живутъ не смѣшанно съ другими народностями. Во всѣхъ же другихъ жупаніяхъ они перемѣшаны страннымъ образомъ со Славянами, Румунами и Нѣмцами. Что касается городскаго населенія Венгріи, то въ составѣ его находится самый ничтожный процентъ Мадьяръ, напримѣръ, въ Пештѣ, Пожунѣ, Кошицахъ, Шопронѣ (Оденбургѣ). Собственно же мадьярскіе города, какъ, напримѣръ, Дебре-

Библиотека "Руниверс"

цинъ, Солнокъ, Кечкеметъ и др., называются городами лишь по недоразумѣнію, это не болѣе какъ большія села.

Мадьяры занимаютъ почти также исключительно долины и равнины, какъ Семиградскіе Румуны — холмы и горы Въ самомъ дѣлѣ, границы Мадьяръ и Румуновъ странпымъ образомъ вполнѣ почти совпадаютъ съ орографическими очерганіями страны. Тоже почти относится къ границамъ между землями Мадьяръ и Словиновъ. Даже за Дунаемъ Мадьяры сидятъ преимущественно въ равнинахъ, а въ горахъ—уже Нѣмцы. Мы не хотимъ сказать, чтобы все пространство обѣихъ среднедунайскихъ низменностей было занято Мадьярами, а только утверждаемъ, что громадное большинство, можетъ быть, до 80%, Мадьяръ живетъ въ равнинахъ, въ низменностяхъ. Исключеніе болѣе значительное составляютъ вышеупомянутые Половцы на сѣверѣ и Секлеры на югѣ. Но они не представляютъ уже столь чистаго мадьярскаго типа.

Изъ того обстоятельства, что масса Мадьяръ занимаетъ равнины и притомъ очень плодородныя, естественно проистекаетъ земледѣльческій характеръ этого народа и его зажиточность. Мадьяръ почти въ такой же мѣрѣ можетъ быть названъ земледѣльцемъ, какъ и Румунъ Придунайскій, Малороссъ или Болгаринъ. Даже громадные бѣлые волы съ большими рогами южно-русскихъ степей и молдо-валашской низменности представляются нераздѣльнымъ спутникомъ Мадьяра въ его пущахъ. Усвоивъ себѣ такимъ образомъ земледѣльческіе инстинкты своихъ славянскихъ и румунскихъ сосѣдей, Мадьяръ принялъ отъ нихъ много и другихъ бытовыхъ условій, много первобытной поэзіи, патріархальной простоты и даже добродушія, подъ маской грубости и холодности. Дикіе же инстинкты старой природы съ большею силой уцѣлѣли лишь въ пастушеской части народа. Быть можетъ, они и тутъ давно бы замерли, еслибы тысячелѣтняя исторія этого народа не представляла непрерывной почти смѣны войнъ сначала наступательныхъ, потомъ оборонительныхъ и снова наступательныхъ, — войнъ, поддерживавшихъ въ народѣ жажду крови и хищническіе инстинкты. Пріютомъ для этихъ хищниковъ были степи Птисья и Подунавья, Баконскій лѣсъ, горы Семиградья и т. д.

Мадьярскіе мужики совсѣмъ не питаютъ той злобы къ другимъ, особенно Славянскимъ народамъ, какъ ихъ нетерпимая интеллигенція. Напротивъ того, они легко съ ними братаются и съ большимъ недовѣріемъ относятся къ Нѣмцу, чѣмъ къ Славянину. Въ этомъ случаѣ мадьярская интеллигенція столь же мало представляетъ чувства

Библиотека "Руниверс"

и интересы своихъ массъ, какъ напримѣръ, польская шляхетская интеллигенція. Конечно, имѣя въ своихъ рукахъ каѳедры церквей и школъ, весь авторитетъ власти и всю энергію фанатизма, возможно привить новому поколѣнію народа такія чувства и понятія, какія чужды были его отцамъ и дѣдамъ. Въ послѣдніе десятки лѣтъ Мадьяры не мало преуспѣли въ этой проповѣди вражды къ людямъ и суевѣрнаго самомнѣнія. Но все-таки и теперь еще главный фундаментъ мадьяризма, его чаяній и стремленій его бреда и фантазій заключается не въ народѣ, а въ сословіи, въ шляхтѣ, — совершенно также, какъ и въ Польшѣ. Вообще прошлое и настоящее этихъ двухъ странъ и народностей — Польши и Венгріи, Поляковъ и Мадьяръ — представляетъ много поразительныхъ аналогій: тоже раздѣленіе сословій, тотъ же фанатизмъ вѣроисповѣдный и народный, то же самовольство буйной и воинственной шляхты, слабость центральной власти, подавленность народныхъ массъ. Роднитъ Мадьяръ съ Поляками и какая-то политическая близорукость, страшное легкомысліе и отсутствіе серьезности въ мысляхъ и дѣятельности. Истый, типическій Мадьяръ (шляхтичъ) всюду вноситъ съ собою какіе-то наѣздническіе пріемы: гусаромъ-наѣздникомъ является онъ въ арміи, въ политикѣ, въ администраціи, въ общественныхъ отношеніяхъ, въ наукѣ и литературѣ; ничего не представляется ему неприступнымъ, недостижимымъ; но если нѣсколько бѣшеныхъ приступовъ къ чужой крѣпости отбито, то Мадьяръ не предпріиметъ правильной и продолжительной осады. Безумная храбрость и малодушное отчаяніе какъ-то странно сосѣдятъ въ типѣ Мадьяра. Это обнаружилось и въ событіяхъ 1848 и 1849 годовъ.

Что касается физическаго типа Мадьяръ, то въ немъ столь же мало уже можно теперь найдти финскаго, какъ въ остальныхъ—тюркскаго. Они насквозь пропитаны элементомъ славянскимъ, отчасти румунскимъ и нѣмецкимъ. Особенно относится это къ аристократіи—такъ-называемой нынѣ „мадьярской", а прежде „венгерской",—которая составилась изъ народныхъ ренегатовъ всевозможныхъ народностей. Нѣсколько десятилѣтій передъ симъ три четверти мадьярской аристократіи и не понимали мадьярскаго языка. Офиціальнымъ языкомъ былъ тогда латинскій, общественнымъ—французскій или нѣмецкій, а семейнымъ—очень часто славянскій. Особенно словенскій языкъ сильно былъ, да остается и теперь, распространеннымъ между венгерскими аристократами, потому что главная сила венгерскаго аристократизма, особенно въ прежнее время, сосредоточена была въ

Библиотека "Руниверс"

Верхней Венгріи, то-есть, на Словачинѣ. Отсюда произошли Ердеди, Палвдеи, Кароли и другія фамиліи. Въ турецкія времена богатые люди и не смѣли спускаться въ долины. Другимъ центромъ венгерскаго магнатства была Хорватія, опять-таки славянская страна; третьимъ, наконецъ, Семиградье, гдѣ славянскій элементъ прежде былъ гораздо сильнѣе, тѣмъ болѣе, что къ Семиградью принадлежали тогда горныя части Потисья, напримѣръ, Мармарошъ, Сутмаръ. Къ тому же въ XVI и XVII вѣкахъ Семиградье при независимыхъ своихъ князьяхъ: Занольѣ, Баторіяхъ, Бочкаѣ, Гавріилѣ, Ботленѣ, Текели, при Раковскихъ (Rakoczy), находилось въ непрерывной почти связи съ Верхнею Венгріей, населенною Словаками и Русскими.

Нельзя поэтому отрицать, что многими своими традиціями магнатство венгерское связано со Славянами. Да и теперь еще въ средѣ венгерскихъ аристократовъ тайное знаніе славянскаго языка довольно распространено. Къ сожалѣнію, они мало пользуются этимъ знаніемъ для усвоенія себѣ сокровищъ славянскихъ литературъ. То же должно сказать и объ огромномъ большинствѣ мадьярской средней и низшей шляхты: по крайней мѣрѣ 80% оной обладаютъ знаніемъ одного изъ славянскихъ языковъ, но очень многіе скрываютъ это компрометтирующее ихъ въ политическомъ отношеніи обстоятельство, и никто не интересуется славянскими литературами, изъ коихъ по крайней мѣрѣ русская могла бы, кажется, достаточно вознаградить ихъ за знаніе славянскаго языка. Отворачиваясь такимъ образомъ отъ всего, что напоминаетъ славянство, они вступаютъ въ безплодную борьбу съ самими собою, со своими народными преданіями, своею кровью, своею физическою и нравственною природою. Въ самомъ дѣлѣ, не нужно даже читать исторію Мадьяръ, исторію ихъ прихода въ долину средняго Дуная и 1000-лѣтняго тамъ сожительства, большею частью мирнаго, со славянами, не нужно рыться въ лѣтописяхъ,—стоитъ лишь взглянуть на Мадьяра, на его деревню, его домъ, обстановку, нравы и обычаи, чтобъ убѣдиться, что онъ почти въ такой же мѣрѣ, какъ и Румунъ, насквозь пропитанъ славянскими стихіями. Даже мадьярскій танецъ—чардашъ есть ни дать ни взять славянская коломыйка; ихъ костюмъ — аттила, ихъ гусарскіе штаны, ихъ высокіе ботфорты, все это словенское или хорватское, и ужь никакъ не гунское или угрофинское наслѣдіе. Мотивы ихъ музыки, ихъ пѣсенъ напоминаютъ либо славянскіе, либо румунскіе. Правда, и западъ европейскій оказалъ на нихъ свое вліяніе; но оно отразилось болѣе на поверхности народной жизни, на высшихъ слояхъ народа, на интеллигенціи и городскомъ

Библиотека "Руниверс"

населенія. Въ деревняхъ только высокая готическая колокольня напоминаетъ западъ, но и ея видъ достаточно парализуется нѣсколькими окружающими ее оригинальными славянскими колодцами („журавли"), въ видѣ громадныхъ вѣсовъ, на одномъ рычагѣ коихъ виситъ камень, а на другомъ — ведро съ водой. Правда, что религія у большинства Мадьяръ западная, а не восточная. Но есть и православные Мадьяры, очень твердо придерживающіеся своей „старой вѣры", какимъ именемъ вообще называется православіе въ Венгріи. Я имѣю въ виду нѣсколько православныхъ мадьярскихъ селеній на такъ-называемомъ потискомъ „пиру" (березнякѣ), за Дебрециномъ, Дорогъ, Бесермени и т. д. Эти Дорогскіе Мадьяры очень твердо держатся православнаго богослуженія, даже донынѣ на *славянскомъ* языкѣ. Называютъ они себя *Orosz ember* (Русскій человѣкъ), хотя не говорятъ по-русски и даже не понимаютъ этого языка. Такихъ православныхъ Мадьяръ есть тамъ нѣсколько десятковъ тысячъ. Трудно сказать, древніе ли это Мадьяры, или омадьяренные впослѣдствіи Русскіе или Сербы (такъ какъ и сербскія колоніи гайдуцкія находились здѣсь нѣкогда). Но во всякомъ случаѣ это доказываетъ непримиримость православія съ мадьяризмомъ. Нѣкогда въ X — XI вѣкахъ православіе, какъ извѣстно, господствовало во всей Венгріи и Семиградьѣ. Еще въ XIII вѣкѣ Иннокентій III жаловался на многочисленность въ Венгріи монастырей православныхъ и на малочисленность латинскихъ. На народномъ гербѣ Венгріи понынѣ красуется шестиконечный крестъ. Непрочность же католицизма въ мадьярскомъ народѣ, не смотря на всѣ усилія католическаго духовенства и на громадное вліяніе богатаго и образованнаго латинскаго клира, обнаружилась въ XVI вѣкѣ, когда въ одно поколѣніе вся почти Венгрія совратилась въ протестантизмъ. Извѣстно, какія мѣры употребляли потомъ Габсбурги (особенно Леопольдъ) для возстановленія въ Венгріи католичества. Однако это и понынѣ еще не удалось. Хотя въ Венгріи католики имѣютъ большинство, но между Мадьярами народнымъ вѣроисповѣданіемъ считается кальвинизмъ, а не католичество, и Дебрецинъ, а не Остригомъ считается теперь мадьярскимъ Римомъ. И знаменательно то, что не лютеранство, а кальвинизмъ привился къ Мадьярскому народу; то же замѣтно въ Чехіи, гдѣ между Славянами почти нѣтъ лютеранъ, а есть кальвинисты.

Изъ сказаннаго можно ужь отчасти видѣть, въ какой значительной степени сроднилось мадьярство со славянствомъ, и какъ много сходнаго между ними въ преданіяхъ, въ бытѣ, въ учрежденіяхъ, въ

Библиотека "Руниверс"

характерѣ и нравахъ. Однако послѣднія поколѣнія мадьярской интеллигенціи, по какому-то странному и роковому заблужденію, рѣшились эманципировать мадьярство отъ славянства; мало того—рѣшились поставить ихъ во враждебныя отношенія, принести, наконецъ, славянство въ жертву мадьяризму, или правильнѣе—германизму. Начали они эту Сизифову работу съ такою энергіей и фанатизмомъ, повели ее съ такою безразборчивостью и беззастѣнчивостью, какія напоминаютъ политику Польскаго государства во второй половинѣ прошлаго вѣка. Изъ мадьяризма они создали себѣ какого-то золотого тельца, въ жертву которому рѣшились принести все: свободу народовъ, ихъ благосостояніе и образованіе, честь лица и святыню семьи.... Для омадьяренія всѣхъ Венгровъ они считаютъ все позволительнымъ. Какъ нѣкогда Римляне говорили: fiat justitia, pereat mundus, такъ теперь Мадьяры: vivat Madjarismus, pereant ustitia, mundus. Всякая законодательная мѣра, касается ли она судовъ или администраціи, школъ или церквей, науки или искусства, путей сообщенія или филантропическихъ учрежденій, все оцѣнивается прежде всего съ точки зрѣнія мадьяризма. И ничто не могло задержать ихъ на этомъ пути, пока громъ не грянулъ надъ ихъ головою въ видѣ угрожающаго банкротства. Дай Богъ, чтобы послѣдовало благодѣтельное отрезвленіе, потому что тотъ путь неминуемо довелъ бы не однихъ Мадьяръ, а всю Венгрію къ тому, къ чему доведены были сто лѣтъ тому назадъ, подобнымъ же своеволіемъ шляхты, государство и народность Польская.

Такое положеніе вещей слишкомъ рѣзко бьетъ въ глаза каждому путешествующему въ Венгріи. Нѣкоторое знакомство съ этими обстоятельствами необходимо и для пониманія литературныхъ отношеній венгерскихъ народовъ, особенно же Мадьяръ, Русскихъ, Сербовъ и Словаковъ. Нѣмцевъ не упоминаю я здѣсь потому, что хотя число ихъ въ Венгріи довольно значительно и вліяніе сильно, но это вліяніе обращено болѣе на торговлю и промышленность, чѣмъ на литературу и политику. Нѣмцы и Евреи предоставили Мадьярамъ философствовать и разглагольствовать на комитатскихъ и городскихъ собраніяхъ, на сеймѣ и т. д., а сами позаботились прибрать въ это время въ свои руки всѣ болѣе выгодныя статьи экономической дѣятельности, овладѣли народными капиталами, сдѣлали большую часть мадьярской знати и интеллигенціи своими должниками, и такимъ образомъ, стали фактическими господами страны. Мадьяры же распространяютъ свой языкъ среди Словаковъ и Венгерскихъ Русскихъ,

Библиотека "Руниверс"

въ Банатѣ и Семиградьѣ, мадьярятъ Славянъ, Нѣмцевъ и Румуновъ. Что же даютъ они прозелитамъ своимъ въ замѣнъ оставленнаго, кромѣ синекуръ, денегъ, власти? Чѣмъ питаютъ они ихъ духовную жажду? Къ счастію Мадьяръ, эта жажда не оказывается у прозелитовъ столь отвлеченною: они могутъ утолить ее и хорошимъ токайскимъ или флавскимъ! Остальное удовлетворяется политическими брошюрами, да романами — Этвеша, Токая и др. Академія наукъ издаетъ, правда, и серьезныя книги[1]), Историческое общество также описываетъ нѣкоторые архивы, разбираетъ старину. Но кто станетъ это читать между Мадьярами, кромѣ самихъ же пишущихъ! По недостатку читателей, серьезныхъ книгъ и пишется очень мало. Да и кто ихъ пишетъ? Тѣ же Нѣмцы, Словаки, Евреи: Гунфальви, Буденцъ, Шунала, Вамбери и пр.

Контроль общественнаго мнѣнія надъ произведеніями мадьярской науки и литературы не идетъ далѣе наблюденія за направленіемъ, то-есть, охраненія чести своихъ признанныхъ героевъ, достовѣрности своихъ привиллегированныхъ историческихъ источниковъ (какъ Анонимъ короля Белы), и подавленія всего, что пахнетъ въ мадьярской исторіи и бытѣ славянствомъ. Вслѣдствіе такого „общественнаго контроля почти все, что пишется въ Венгріи изъ области отношеній международныхъ, запечатлѣно характеромъ страшной односторонности, тенденціозности. И тутъ нѣтъ исключенія. Возникла эта тенденціозность, особенно между венгерскими историками, уже давно; отъ нея не свободны и старые историки, какъ напримѣръ, Прай, Бель, Катона, Фейеръ. Но чѣмъ новѣе сочиненіе, тѣмъ эта струя сильнѣе и глубже. Въ историческихъ работахъ Хорвата, Толди, Феслера, Сопая эта тенденціозность доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Гдѣ нѣтъ извращенія фактовъ, является умышленное ихъ опущеніе. Поэтому славянскимъ историкамъ приходится совершенно съизнова строить всю венгерскую исторію, такъ какъ выстроенная Мадьярами не имѣетъ фундамента.

Содержаніе венгерскихъ архивовъ еще очень мало извѣстно, особенно то, что тамъ хранится изъ писаннаго на славянскихъ языкахъ, или касающагося до участія Славянъ въ венгерской исторіи. Все это умышленно игнорируется изслѣдователями мадьярскими; поэтому было бы въ высшей степени желательно, чтобы русскіе ученые обратили вниманіе на венгерскіе архивы, такъ какъ для

[1]) Напримѣръ, Monumenta Hungariae Historica. Вышло уже 45 томовъ, подъ редакціей *Венцеля*.

Библиотека "Руниверс"

мѣстныхъ славянскихъ ученыхъ они очень трудно доступны, а часто и совсѣмъ недоступны. Особенно заслуживали бы вниманія, послѣ государственнаго архива Вѣнскаго (Hof-und Staatsarchiv), еще земскій (Landesarchiv) и катедральный (министерства финансовъ) архивы Пештскіе, изъ коихъ въ первомъ заключаются документы для внутренней административной, а во второмъ — для финансовой исторіи Венгріи. Затѣмъ, для исторіи Верхней Венгріи (Словацкой и Русской) должны быть важные документы въ монастырскихъ архивахъ Лелешскомъ (въ Землинскомъ комитатѣ) и Ясовскомъ (въ Абауйскомъ комитатѣ), гдѣ были такъ-называемыя locus credibilis для сѣверо-восточной Венгріи. Много матеріала должно скрываться также въ архивахъ городскихъ, епископскихъ (напримѣръ, въ Унгварѣ, Бапской Быстрицѣ) и частныхъ фамильныхъ [1]). Для археологическаго изученія Венгріи важенъ центральный музей въ Пештѣ, основанный графомъ Сѣчени и хранящій много древностей, особенно изъ Верхней Венгріи [2]) Къ сожалѣнію, и тутъ старина славянская отодвинута на задній планъ.

Въ этнографическомъ отношеніи много данныхъ о населеніи Венгріи, особенно за послѣдніе вѣка, собрано въ извѣстномъ трудѣ Черинга: „Австрійская этнографія". Мадьярскіе ученые не занимаются своею этнографіей, считая эту науку противною ихъ культурному призванію и ихъ политическимъ интересамъ. Они боятся, напримѣръ, точной этнографической переписи народа, боятся своей „тѣни" Этнографія и потому уже не пользуется особенною любовью Мадьяръ, что эта наука, имѣя предметомъ народный бытъ, переноситъ центръ народности изъ интеллигентныхъ сословій въ простыя массы. Быть можетъ, мадьярскіе ученые и сами сомнѣваются въ томъ, чтобъ, изучивъ оригинальныя основы мадьярскаго народнаго духа и быта, имъ удалось открыть тамъ достаточно мотивовъ для выработки изъ нихъ самостоятельной мадьярской культуры, равнозначительной другимъ великимъ культурнымъ типамъ: романскому, германскому, англо-саксонскому, славянскому. Не имѣя же у себя передъ глазами и подъ ногами твердой и вмѣстѣ съ тѣмъ новой идеальной основы, они принуждены копировать чужіе болѣе или менѣе устарѣлые образцы, переводить нѣмецкіе оригиналы на мадьярскіе.

---

[1]) Напримѣръ, въ Мукачевѣ, архивъ графа Шенборна, прежде Ракоціевскій, очень важный для исторіи Венгерскихъ Русскихъ.

[2]) Ср. *Romer*. Illustrirte Führer in die Münz- und Alterthumsabtheilung des Ungarischen National Museums. Budapest 1873.

Библиотека "Руниверс"

Но довольно о Мадьярахъ. Скажу теперь нѣсколько словъ о тѣхъ славянскихъ народахъ, на которые преимущественно обращены ихъ стремленія къ мадьяризаціи, именно о Венгерскихъ Русскихъ и Словакахъ.

Венгерскіе Русскіе, или Русняки, замѣчательны не столько по своей численности (около полумилліона), сколько по территоріи, которую они занимаютъ, и по своимъ этнографическимъ особенностямъ. Въ большей или меньшей частотѣ и плотности они населяютъ весь венгерскій склонъ центральныхъ Карпатовъ, отъ истоковъ Попрада и Вага до истоковъ Тисы. Западная граница, отдѣляющая ихъ отъ Словаковъ въ собственномъ смыслѣ, опредѣляется приблизительно такъ: водораздѣлъ Попрада и Вага западная граница Спишской жупаніи; въ Гемерской граница идетъ мимо селъ Вернаръ, Телгартъ, Шумяцъ; далѣе по горамъ, мимо Рожнавы до г. Мѣшковца и р. Тисы [1]). Слѣдовательно, линія эта почти совпадаетъ съ рр. Шаявою (Sajò) и Тисою. Выше г. Гушта граница идетъ по горамъ, отдѣляющимъ Мармарошъ отъ Сутмарской жупаніи. Крайній юго-восточный пунктъ почти совпадаетъ съ политическою границею Венгріи и Семиградья. Болѣе или менѣе значительные острова Русскаго населенія находятся далеко въ „Ниру". Напримѣръ, въ селѣ Весермени и донынѣ должно быть до 1½ тысячи душъ, говорящихъ по русски. Много есть и другихъ отдѣльныхъ селеній Русскихъ въ Заболотской (Szaboles) и Сутмарской жупаніяхъ, до самаго почти Дебреценна, гдѣ тоже есть нѣсколько сотъ Русскихъ, и который представляетъ населеніе изъ трехъ племенъ Русскаго, Волошскаго и Мадьярскаго.

Такимъ образомъ русская народность въ Венгріи обнимаетъ приблизительно слѣдующія жупаніи: Мармарошъ, Угочу, Берегъ, Ужъ (Ужгородъ), Землинъ, Шаришъ, Спишъ, Абауйваръ, Торну, и части Гемерскаго, Боршодскаго, Заболотскаго и Сутмарскаго комитатовъ. Были нѣкогда русскія поселенія и гораздо далѣе, именно въ Новоградскомъ комитатѣ, и даже по ту сторону Дуная (Oroszvar), но отъ нихъ ничего теперь не осталось, кромѣ названій деревень и урочищъ. Подобно Галицкой, территорія Венгерскихъ Русскихъ или, лучше сказать, Закарпатской Руси, раздѣляется тоже на Верховину и Подолье, часть котораго за Тисой зовется здѣсь Ниромъ (березнякъ?). Впрочемъ и са-

---

[1]) Я самъ не имѣлъ возможности объѣхать всю эту линію. Обозначаю ее на основаніи указаній извѣстнаго знатока народныхъ отношеній Венгріи А. И. Добрянскаго.

Библиотека "Руниверс"

мая Верховина должна быть здѣсь подраздѣлена на двѣ части: первая — юго-восточная или группа Черной Горы (между Коломыйщиной и Мармарошемъ), у истоковъ Тисы, до Талабора и Ломницы; далѣе на сѣверѣ и сѣверо-западѣ горный хребетъ все понижается, и въ Землинскомъ, Шаришскомъ, Спишѣ представляетъ уже гораздо меньшія высоты и лучшіе переходы. Этотъ двоякій характеръ закарпатской Верховины отразился и на ея населеніи. Юговосточную, меньшую ея часть (Черногорскую) занимаютъ Лишаки, которые по типу, языку и обстановкѣ быта очень мало разнятся отъ Коломыйскихъ и Буковинскихъ горцевъ и Гуцуловъ. Затѣмъ, за р. Талаборомъ на сѣверъ и сѣверо-западъ живутъ уже Лемки или Лемаки, которые тянутся до самаго Попрада. Они соотвѣтствуютъ по своему положенію, а отчасти и типу, Галицкимъ Бойкамъ. Такимъобразомъ, Лишаки занимаютъ собственно лишь Мармарошъ да часть Угочской жупаніи: все остальное, то-есть, $^3/_4$ русской закарпатской территоріи занято Лемками. Югозападная часть Лемковъ (около Шаришскаго Потока, Уйгеля и т. п.) носитъ еще частное прозвище Сотаковъ.

По типу и быту Лишаки, подобно Гуцуламъ, обнаруживаютъ въ себѣ не малую примѣсь волошской крови. Это какъ-бы составная еще часть этого Муптянскаго населенія, о которомъ говорено выше. Связь же Гуцуловъ Коломыйско-Буковинскихъ и Мармарошскихъ самая тѣсная и непрерывная. Дорога, связывающая Сиготъ съ Коломыей [1]), два главные крайніе пункта Гуцульщины, непрерывно кишитъ подводами съ той и другой стороны. Ярмарки Коломыйскія посѣщаются Мармарошцами и наоборотъ. На Мармарошскіе „полонины" (альпійскія пастбища у Польскихъ Горалей—hali или: holi) гоняютъ свои стада югасы Коломыйскіе, конечно, по взаимному соглашенію. При этомъ западная, венгерская сторона Гуцульской Черной Горы считается лучшею, богатѣйшею, „образованнѣйшею". Сиготъ считается болѣе цивилизованнымъ городомъ, чѣмъ Коломыя или Куты. Въ первомъ можно купить хорошій поясъ, пряжку, шляпу, а въ послѣднихъ—лишь кукурузу да пшеницу. Гуцулы Галицкіе ходятъ иногда на заработки въ Венгрію, но не на оборотъ. Тоже замѣчается и въ Землинскомъ комитатѣ. Русняки Венгерскіе считаются и тутъ какъ бы болѣе благородною расою, чѣмъ ихъ галицкіе сосѣди. Послѣдніе считаютъ большою честію выдать свою дочку за-мужъ въ Венгрію, по ту сторону горъ. И чѣмъ далѣе къ западу, тѣмъ народъ считается образованнѣе.

---

[1]) Черезъ с. Ясвны.

Библиотека "Руниверс"

Впрочемъ, послѣднее не относится къ Мадьярамъ, а къ Словакамъ. Напримѣръ, въ Берегскомъ или Землинскомъ комитатѣ, въ разговорѣ съ бариномъ крестьянинъ любитъ ввернуть словенское словечко, чтобы показать, что и онъ-де не совсѣмъ ужъ простъ и невѣжественъ.

Словенскій языкъ (то есть, языкъ Словаковъ) считается здѣсь почти такою же принадлежностію образованія, какъ въ Галиціи польскій. При такомъ взглядѣ на языкъ и при непрерывныхъ сношеніяхъ Русняковъ, особенно Лемковъ со Словаками, нечего удивляться, что языкъ первыхъ значительно пропитанъ словенизмами. Это замѣтно уже въ Гуштѣ, отчасти даже въ Сиготѣ („*най ся пачить*", то-есть, пожалуйста; *айно*=да; *вшитко*=все, и т. д.). Съ Землинскаго же католичества и до Спиша эта примѣсь словенизмовъ въ словахъ, оборотахъ, даже формахъ является уже столь сильною, что во многихъ случаяхъ вы должны назвать этотъ русскій языкъ уже ословенившимся. Лишь православная вѣра хранитъ еще въ этихъ мѣстахъ память русскаго имени, слѣдъ русской народности. Въ тѣхъ же селеніяхъ, гдѣ заведенъ католицизмъ, а имя русское исчезло, народъ, по наставленію ксендзовъ, зоветъ себя Словаками или просто католиками, то-есть, не Русскими.

Вообще должно замѣтить, что русская народность считается въ Венгріи самою послѣднею и какъ-бы позорною. Какъ ни свысока смотритъ Мадьяръ на Словака, и какъ ни презираетъ онъ его и ненавидитъ, однако, когда прійдется выбирать даже между Словакомъ и Русскимъ, то Мадьяръ ни мало не задумается подать руку первому. Поэтому Мадьяры желали бы всѣхъ Русняковъ обратить—если ужъ не въ Мадьяръ, то по крайности въ Словаковъ. Все-таки Словаки—католики, либо протестанты; все-таки они не носятъ и такого грознаго имени, какъ эти Русскіе!

Грозны для Мадьяръ эти Русскіе не только своимъ именемъ, но и важностію той территоріи, какую они занимаютъ. Въ ихъ рукахъ находятся всѣ проходы чрезъ Карпаты отъ Татръ до Кирли-Бабы. Они господствуютъ надъ всею сѣверо-восточною Венгріей. Значеніе этой территоріи и въ древнее время видно изъ многихъ здѣшнихъ замковъ, игравшихъ значительную роль въ венгерской исторіи. Начиная отъ Сигота, тянется цѣлая сѣть такихъ замковъ: Сиготъ, Вышковъ, Гуштъ Кирали-Газа, Мукачевъ, Середня, Унгваръ, Сборовъ, Капушанскій замокъ, Шаришъ и т. д. Цѣлью ихъ было, съ одной стороны,—охранять проходы чрезъ Карпаты, а съ другой—господство-

Библиотека "Руниверс"

вать надъ сосѣднею низменностію, надъ теченіемъ многочисленныхъ, выбѣгающихъ изъ русской территоріи, рѣкъ.

И какой-то дивный историческій инстинктъ словно приковалъ горсть Русскаго племени къ этимъ бѣднымъ, хотя прекраснымъ горамъ. Долина манитъ ихъ всѣми обаяніями богатства и довольства, но Русякъ сидитъ въ своей глуши, какъ-бы не довѣряя этому подолью, какъ-бы не любя его! Правда, лѣтомъ онъ спускается въ долъ—на работы, сплавляетъ туда лѣсъ, жнетъ пшеницу и кукурузу, коситъ сѣно, собираетъ виноградъ и—возвращается назадъ въ свои родныя горы. Да и тогда Русякъ не отваживается проникать далеко въ пушту: Мармарошецъ доходитъ до Дебрецина, Землинецъ до Токая и Мѣшковца, далѣе же предоставляется поле Словакамъ или Волохамъ. Да и можетъ ли однообразная, знойная, часто безводная и всегда почти безлѣсная пушта замѣнить Русняку его привольныя прохладныя горы, съ здоровымъ вѣтромъ, ключевою водою и темными лѣсами?

Мадьяръ, напротивъ того, очень не охотно поселяется въ горахъ. Прежде было много мадьярскихъ поселеній въ Шаришской жупаніи, но теперь и слѣдъ ихъ изчезъ. Лишь бо́льшая грубость и буйство нѣкоторыхъ Шаришскихъ Русняковъ заставляютъ въ нихъ предполагать обрусѣвшихъ Мадьяръ. Правда, вы очень часто услышите мадьярскій языкъ и въ Сиготѣ, и въ Гуштѣ, и въ Мукачевѣ, и въ Унгварѣ: но это вѣдь органъ администраціи, судовъ, школъ и интеллигенціи! Притомъ же и эти Мадьяры не болѣе какъ ренегаты русской народности или даже печальныя ея жертвы! Какъ удивился *я*, услыхавъ на торжественномъ собраніи *русскаго* общества Василія Великаго (въ Унгварѣ) большую часть преній и рѣчей на *мадьярскомъ* языкѣ! А между тѣмъ, главное содержаніе этихъ рѣчей составляла оппозиція противъ наклонной къ Мадьярамъ политики нынѣшняго Мукачевскаго епископа Панковича. Но виновата ли эта интеллигенція Русскаго народа, въ Венгріи, что все свое образованіе она принуждена была получать на мадьярскомъ языкѣ? Виноваты ли эти люди, что не имѣютъ ни одной русской гимназіи—ни мужской, ни женской, и потому должны въ своемъ собственномъ центрѣ, въ Унгварѣ, учиться по мадьярски? Съ другой стороны, имѣютъ ли они возможность дополнить домашнимъ образованіемъ эти недостатки своихъ школъ? Вся ихъ мѣстная литература состоитъ изъ одной газетки (прежде „Свѣтъ", „Сова", затѣмъ „Новый Свѣтъ" а теперь „Карпатъ"), да нѣсколь-

Библиотека "Руниверс"

кихъ брошюрокъ [1]). Книги русскія изъ Россіи считаются здѣсь самою опасною политическою контрабандою. Нѣмецкій языкъ довольно распространенъ въ Верхней Венгріи (около Кишицъ, Пряшева), но въ восточныхъ русскихъ жупаніяхъ мало кому знакомъ. Что остается этой русской интеллигенціи другаго, какъ питаться мадьярскою литературой! Вообще, нѣтъ въ славянскомъ мірѣ народности болѣе подавленной въ духовномъ смыслѣ, чѣмъ эти Венгерскіе Русскіе. И нельзя сказать, чтобы не было въ средѣ мѣстныхъ людей сознанія этого страннаго положенія. Но что пользы отъ сознанія болѣзни, когда нѣтъ въ рукахъ средствъ для ея излеченія? Народъ бѣденъ; его помѣщики, за малыми исключеніями—чужеродцы или ренегаты; его духовные пастыри связаны волею мадьярскаго (въ Мукачевской епархіи) епископа или крохами той правительственной субсидіи, какую они получаютъ подъ именемъ „congrua" [2]); его воспитатели, администраторы, судьи—либо инородцы, либо запуганные люди, которые не рѣшаются поднять голосъ за народные интересы. Имѣютъ эти Русскіе нѣсколько представителей въ сеймѣ, но лишь одинъ изъ нихъ не стыдится своего русскаго имени: да одинъ въ полѣ не воинъ!

Нѣсколько лучше положеніе дѣлъ въ Пряшевской епархіи, гдѣ епископъ не отдѣлился отъ своей паствы, какъ Мукачевскій, гдѣ поэтому духовенство менѣе связано въ своей дѣятельности для народа. Есть въ Пряшевѣ и одно общество (Іоанна Предтечи), которое содержитъ до 40 стипендіатовъ изъ бѣдныхъ русскихъ учениковъ мѣстныхъ школъ. Но и эти стипендіаты все-таки принуждены уже съ первыхъ классовъ гимназіи проходить весь курсъ на мадьярскомъ языкѣ!

Еще печальнѣе женское образованіе этихъ Русскихъ. Единственныя женскія школы здѣсь суть монастырскія, въ женскихъ католическихъ монастыряхъ въ Кошицахъ, Бардѣевѣ, Уйгенѣ, Унгварѣ: здѣсь русскія дѣвушки получаютъ образованіе въ католическомъ и мадьярскомъ духѣ! Но самое печальное положеніе тѣхъ Русскихъ, которые живутъ разсѣянно островами въ средѣ мадьярскаго населенія. Тѣ рѣшительно теперь гибнутъ въ народномъ смыслѣ, и раз-

---

[1]) Напримѣръ, Уріила Метеора «Крейцарова комедія», гдѣ осмѣянъ Паниковичъ, съ его сателлитами.

[2]) Нормальный окладъ священника опредѣленъ въ 300 флориновъ. Если доходъ съ земли и требъ не приноситъ этой суммы, то недостающее выдается изъ религіознаго фонда, подъ названіемъ congrua.

Библиотека "Руниверс"

вѣ какой-нибудь deus ex machina въ состояніи спасти ихъ отъ мадьяризаціи.

Литература этого народа столь же бѣдна, какъ онъ самъ, какъ и свѣдѣнія объ его прошломъ и настоящемъ. Лучшимъ историческимъ изслѣдованіемъ еще остается трудъ Баяиловича „Исторія Базиліянскаго монастыря въ Мукачевѣ". Исторію и топографію Земплинскаго комитата обработывалъ графъ Ширмай, Спишскаго—Вагнеръ, а Гемерскаго — Бартоломеидевъ. Бидерманъ не окончилъ, къ сожалѣнію, своей исторіи Венгерскихъ Русскихъ (Ungarischen Russen, 1862. II т.). Въ настоящее время печатаетъ на русскомъ языкѣ исторію Венгерской Руси о. Дулишковичъ (въ Чинодѣевѣ, около Мукачева). Онъ воспользовался, между прочимъ, Лучкаевскою рукописью „Церковной исторіей Венгерскихъ Русскихъ", которая хранится, въ нѣсколькихъ фоліантахъ, въ Унгварскомъ епископскомъ архивѣ. Я имѣлъ въ рукахъ нѣсколько листовъ исторіи о. Дулишковича; но она вращалась еще въ области славянскихъ древностей. Нѣсколько любопытныхъ историческихъ документовъ о прежней автономіи русскаго княжества въ Венгріи издалъ Добрянскій въ своей „Rede in d. Adress-Angelegenheiten (1861). Они извлечены изъ Лелешскаго архива, о коемъ упомянуто выше. О. Кустодіевъ (въ Пештѣ) обладаетъ теперь нѣкоторыми рукописными трудами о. Духновича, какъ-то: „Краткая исторія Венгерской Руси"; „Исторія Пряшевской епархіи" и т. д. Не лишены интереса и напечатанныя уже оригинальныя статьи о. Кустодіева: „Конгрессъ католиковъ Венгріи и Угорскіе Русскіе" (1872), „Церковь Угорскихъ Русскихъ и Сербовъ" (1873). Но вообще должно сказать, что исторія этой любопытной и важной части Русскаго племени и русской территоріи еще ждетъ изыскателей. Изысканія эти должны быть произведены въ двухъ направленіяхъ — этнографическомъ [1]) и археологическо-историческомъ [2]). Это была бы прямая обязанность нашихъ ученыхъ. По моему скромному мнѣнію, подвигъ этихъ Русскихъ, перенесшихъ границы Русскаго племени по ту сторону Карпатъ, есть одинъ изъ величайшихъ и важнѣйшихъ подвиговъ Русскаго народа на поприщѣ всемірной исторіи.

---

[1]) Матеріалъ, обнародованный г. Головацкимъ въ *Чтеніяхъ Московскаго общества Исторіи и Древностей*, мнѣ еще незнакомъ.

[2]) Повторю еще разъ о необходимости обозрѣнія архивовъ: Лелешскаго и Ясовскаго, Унгварскаго епископскаго и Мукачевскаго—гр. Шенберна. О. Дулишковичъ воспользовался, какъ я слыхалъ, нѣкоторыми рукописными матеріалами (Унгварскаго архива), но въ очень незначительной лишь степени.

Библиотека "Руниверс"

Перехожу теперь къ ближайшимъ сосѣдямъ и соплеменникамъ Венгерскихъ Русскихъ—Словакамъ. Какъ территорія, такъ и народность этого племени принадлежитъ къ числу любопытнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ на славянскомъ западѣ. Къ сожалѣнію, собравшись туда уже зимою, я мало имѣлъ возможности ближе и непосредственнѣе ознакомиться съ этою страною. Я провелъ на почвѣ словенской лишь нѣсколько недѣль (въ Турчанской, Зволянской и Пажурской жупаніяхъ); между тѣмъ для ближайшаго съ нею ознакомленія понадобился бы не одинъ мѣсяцъ.

Территорія Словаковъ опредѣляется слѣдующею чертою: Дунай отъ Пожуна до Пешта; затѣмъ линія отъ Пешта, по склону Матры подъ Мѣшковецъ, гдѣ является сочетаніе трехъ элементовъ: Русскаго, Словенскаго и Мадьярскаго; дальше вышеозначенная линія русской народности до Кралевой голи и Ламницкаго шпица; затѣмъ Татры и Бескиды, по водораздѣлу Вислы и Дуная, близъ политической границы Венгріи, которая перейдена словенскою народностью лишь въ Моравіи, гдѣ рѣка Морава отдѣляетъ приблизительно діалектическую область Словенскую отъ Чешской. На описанной территоріи живетъ свыше 3 милліоновъ населенія, въ томъ числѣ лишь нѣсколько процентовъ несловенскаго (мадьярскаго и нѣмецкаго). Но и внѣ этой линіи есть значительныя колоніи словенскія, напримѣръ, Чаба, Сарвашъ и т. д., достигающія на югѣ до Баната и кое-гдѣ даже до Военной границы. Въ смыслѣ колонизаціонномъ едва ли какой народъ можетъ сравняться со Словаками. Даль ихъ не пугаетъ, а напротивъ, какъ-бы манитъ къ себѣ. Это выражается и страстью Словаковъ къ кочевой коммерціи, которая ведется ими не только въ Венгріи, Чехіи, Моравіи, Польшѣ, но и по всей Россіи, вплоть до Иртыша и Оби. А нѣкоторые Пресбургскіе (изъ св. Зора) ходебщики осмѣливаются проникать и въ западную Европу и Америку. Центромъ этихъ кочевыхъ словенскихъ торговцевъ служитъ Турчанскій комитатъ, именно одна его околица, называемая Держава. Изъ этой Державы, обнимающей дюжину деревень, ходебщики отправляются въ самыя отдаленныя даже губерніи Россіи. Я бесѣдовалъ въ г. Кляшторѣ подъ Зніовомъ (столица этой Державы) съ однимъ старикомъ, который еще въ 40-хъ годахъ пробирался, со своими компаньонами, до Тобольской губерніи. Торгуютъ они полотняными и суконными, а также и разными галантерейными предметами. Многіе изъ этихъ Державцевъ пріобрѣли значительное состояніе (до 100.000 флориновъ). Живутъ они просто, но съ извѣстнымъ комфортомъ, — съ самоварами, хоро-

Библиотека "Руниверс"

шею боровичкой и т. д. Они считаются наиболѣе развитыми и патріотическими изъ Словенскихъ крестьянъ. Быть можетъ, этому кочевому промыслу Державцевъ не мало обязанъ и вообще Турчанскій комитатъ своимъ теперешнимъ первенствомъ въ народномъ отношеніи передъ всѣми другими. Ходятъ еще на промыселъ и изъ Оравскаго (blachari и др.) и Трепчинскаго (polejkari и др.), но не въ такихъ размѣрахъ, какъ изъ Турца.

Вслѣдствіе этихъ частныхъ блужданій по славянскимъ землямъ, знаніе другихъ славянскихъ нарѣчій, и въ томъ числѣ русскаго, довольно распространено между Словенскимъ народомъ. Русскихъ они даже называютъ обыкновенно тоже Словаками, а русскій языкъ считаютъ словенскимъ, какъ Серба — сербскимъ, только съ другимъ-де выговоромъ. Не на этой ли почвѣ выросли славянскія идеи Словаковъ Галлаго, Коллара, Шафарика, Штура, Гаджи, Гурбана и т. д., которыя утвердили за Словаками имя панславистовъ? Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ отношеніи Словаки опередили не только Чеховъ, но и всѣ почти другія Славянскія племена.

Но что̀ пользы отъ идеи, хотя и возвышенной, когда некому и нѣтъ способовъ осуществить ее! А Словаки—народъ вообще бѣдный, хотя и не въ такой степени какъ русскіе Верховиняне. Особенно скудна природа въ трехъ горныхъ жупаніяхъ: Оравской, Тренчинской, Линтовской, а затѣмъ и въ Турчанской. Немногимъ лучше и Зволенская, Гемерская, Тековская жупаніи, большая часть коихъ покрыта болѣе или менѣе высокими горами. Богаче и плодотворнѣе низменныя части Нитранской, Пожунской, Новоградской и т. д. жупаній, но сюда уже направился потокъ мадьяризма, отчасти успѣвшій оттѣснить Словаковъ въ горы.

Знати на Словачинѣ много: въ турецкія времена это былъ главный пріютъ аристократіи. Но она не хранитъ ни языка, ни интересовъ своей народности. За малыми исключеніями, она мадьярствуетъ самымъ лютымъ образомъ. Еще больше страдаетъ тѣмъ же порокомъ низшая шляхта, нищая, но заносчивая (въ родѣ польскихъ „однодворцевъ"). Собственно говоря, эта послѣдняя, а не магнатство, и задастъ теперь тонъ въ Венгріи. Она пересилила магнатовъ въ комитатскихъ и избирательныхъ собраніяхъ и успѣла даже терроризировать свою знать въ такой степени, что мадьярскіе, или вообще венгерскіе, графы и князья не смѣютъ публично иначе и говорить, какъ на мадьярскомъ языкѣ. Зоветъ себя эта мелкопомѣстная шляхта земанами, — иначе интеллигенціей, хотя часто такой интеллигентъ

Библиотека "Руниверс"

едва грамотѣ умѣетъ. Горячится же эта интеллигенція за мадьяризмъ потому, что онъ ее кормитъ, даетъ ей монополію всѣхъ публичныхъ должностей, даетъ синекуры, словомъ —хлѣбъ.

Изъ кого же состоитъ здѣсь дѣйствительная и независимая интеллигенція Словенскаго народа? Изъ нѣсколькихъ рѣшительныхъ „фанатиковъ народности", нѣсколькихъ самоотверженныхъ адвокатовъ, священниковъ, писателей, учителей. Счастіе Словенскому народу, что есть хоть нѣсколько такихъ въ его средѣ! Они спасаютъ его нравственный авторитетъ, его преданія, лелѣютъ его мечты, созидаютъ его будущее. Въ другой странѣ и народности достаточно имѣть знаніе и талантъ, чтобы сдѣлаться писателемъ, ученымъ, публицистомъ. Но въ средѣ этихъ загнанныхъ народностей нужно гораздо болѣе того: нужна еще рѣшимость на борьбу съ нуждою, съ общественною оппозиціей, съ народнымъ безучастіемъ. Поэтому несправедливо было бы оцѣнивать на одну мѣрку заслуги первостепеннаго, напримѣръ, поэта или ученаго словенскаго съ мадьярскимъ, польскимъ, русскимъ. Послѣдніе имѣютъ за собою преданіе, а вокругъ себя — поддержку и литературную и нравственную. Писатель же словенскій предоставленъ единственно своему таланту, своей энергіи, своему самоотверженію. Словакъ тоже имѣетъ свой политическій центръ, имѣетъ государство, за которое онъ столько разъ проливалъ кровь; но это государство ничего не жертвуетъ на его школы, его литературныя общества, его народныя предпріятія. Государство взимаетъ съ него подати и налоги, но оно употребляетъ ихъ на свои особыя цѣли. На деньги Словаковъ, Русскихъ, Румуновъ, Сербовъ Венгерское государство содержитъ мадьярскіе театры и академіи, музеи и университеты, гимназіи и политехники; на эти деньги оно поддерживаетъ мадьярскіе газеты и журналы, подкупаетъ славянскихъ избирателей, строитъ желѣзныя дороги, гдѣ это нужно мадьярскимъ помѣщикамъ и политикамъ. Но на словенскую, напримѣръ, гимназію, музей, матицу—оно не израсходуетъ ничего. Совсѣмъ другой смыслъ получаетъ такая словенская гимназія, содержимая на послѣдніе гроши патріотовъ.

Въ настоящее время есть уже три частныя словенскія гимназіи: одна полная (въ Вел. Ревуцей) и двѣ четырехклассныя (Турчанскій Мартинъ и Кляшторъ подъ Зніовомъ). Чтобъ оцѣнить самоотверженіе учителей этихъ гимназій, достаточно сказать, что въ Вел. Ревуцей учителя этой словенской гимназіи, и притомъ лучшіе педагоги своего народа, живутъ съ семействомъ на содержаніи въ 500 — 600 флориновъ, а нѣкоторые даже менѣе.

Библиотека "Руниверс"

Свои газеты словенскіе журналисты издаютъ при 500—600 подписчикахъ. О литературномъ гонораріи здѣсь рѣдко когда и рѣчь бываетъ. Хорошо еще, если удастся найдти издателя. Въ послѣднемъ отношеніи много пользы приноситъ словенская матица въ Т. Св. Мартинѣ. Ея *Лѣтопись* служитъ единственнымъ пріютомъ для серьезныхъ историческихъ, археологическихъ и т. п. статей и изслѣдованій. Въ десятилѣтнее существованіе свое матица успѣла издать не мало важныхъ изслѣдованій изъ области мѣстной исторіи и древностей (Сасинка, Гостинскаго, Заборскаго и др.). Въ послѣднее время усиліями Францисци и Павлини-Тота основано въ Т. Св. Мартинѣ еще другое—Акціонерное издательское общество, которое издало нѣсколько десятковъ популярныхъ книгъ, повѣстей (напримѣръ, Калинчака), драматическихъ пьесъ (Халупки и др.), учебниковъ для народныхъ школъ и гимназій (Зоха, Ормиша, Кожелуги, Чулена и т. д.). Павлини-Тотъ издаетъ *Narodne Noviny*, Ференчакъ — *Hlasnik*, Гурбанъ—*Evangelicke listy*, Лихардъ—*Hospodarske noviny*, Страковичъ—ежемѣсячникъ *Dunaj* и т. д.

Главнымъ литературнымъ центромъ словенскимъ считается теперь Турчанскій Св. Мартинъ, какъ мѣстопребываніе наибольшаго числа словенскихъ писателей. Центромъ, около котораго они здѣсь собраны, служитъ матица. Болѣе значительные словенскіе города, какъ Банская Быстрица, Нитра, Тренеинъ, С. Микулашъ не рѣшались въ 1861 году открыть въ своей средѣ пріютъ для матицы; вслѣдствіе того наименьшій изъ словенскихъ комитатскихъ городовъ, Св. Мартинъ, сталъ во главѣ народнаго движенія, сталъ въ нѣкоторомъ смыслѣ Виѳлеемомъ Словенскаго народа. Прежде не было постояннаго и опредѣленнаго центра словенской народности и литературы. При Палковичѣ и затѣмъ Л. Штурѣ таковымъ былъ Пожунъ, затѣмъ при Гождѣ — Св. Микулашъ, при Францисци, Полярикѣ и Викторинѣ — Пештъ; наконецъ, въ послѣдніе годы Св. Мартинъ сосредоточилъ въ себѣ наилучшія словенскія силы: Францисци, Павлини-Тотъ, Ференчакъ, Сасинекъ, Мудронь; въ сосѣдствѣ же этого города живутъ Гочаръ, Чуленъ и мн. др. Въ Пештѣ тоже начинаетъ словно просыпаться словенская народность (Бахатъ, Страковичъ и мн. др.), что̀ выражается въ предпринятіи словенскаго ежемѣсячника *Dunaj*. Но это лишь робкое начало, неизвѣстно къ чему имѣющее привести. Издается, правда, въ Пештѣ и политическая словенская газета *Slovenske Noviny* (ред. Бобуля); но она прежде не пользовалась довѣріемъ народа; въ послѣднее впрочемъ время, по видимому, измѣни-

Библиотека "Руниверс"

лась къ лучшему. Въ Банской Быстрицѣ издается еще словенскій листокъ *Syornost*, но это офиціозный мадьярскій органъ. Изъ этого видно, что при подобныхъ условіяхъ о литературѣ словенской, въ настоящемъ смыслѣ слова, не можетъ быть и рѣчи. Но то немногое, что̀ явилось уже на словенскомъ языкѣ, особенно въ области поэзіи (Голый, Сладковичъ, С. Халупка, Калинчакъ, Заборскій, Штуръ), позволяетъ возлагать самыя большія надежды на свѣжую силу и духовную производительность этого народа. Нужно лишь желать, чтобы жалкія современныя общественныя и педагогическія условія перемѣнились здѣсь въ духѣ справедливости и уваженія къ человѣческому достоинству каждаго лица и каждаго народа.

Наконецъ, скажу нѣсколько словъ о современномъ положеніи науки и литературы въ Хорватіи, въ столицѣ которой — Загребѣ, я пробылъ около мѣсяца.

Хотя число Хорватовъ и уступаетъ количеству Словаковъ, однако положеніе ихъ, особенно въ настоящее время, несравненно благопріятнѣе. Хорваты имѣютъ свою округленную область, какой донынѣ не имѣютъ еще Словаки. За Дравой начинается область Тріединаго королевства, начинается почва особой историко-политической индивидуальности, которой не оспариваютъ и Мадьяры, такъ какъ и сами они чувствуютъ подъ собою единственно эту историко-политическую почву, за отсутствіемъ выгодной почвы этнографической или какой другой. Идея историческаго права импонируетъ на Мадьяръ: по крайней мѣрѣ они не оспариваютъ ея гласно. Конечно, и Венгерскіе Русскіе ссылаются на свои старыя автономическія учрежденія, на привиллегіи своего Русскаго княжества; ссылаются затѣмъ и Словаки на древнюю автономію Нитранскаго княжества, на старую независимость владѣтелей Вага и Грона. Но Мадьяры не признаютъ этихъ историческихъ преданій. Въ Тріединомъ же королевствѣ они формально его не оспариваютъ; быть можетъ, преданія Елачича предостерегаютъ ихъ отъ этого; какъ бы то ни было, изо всѣхъ народовъ венгерскихъ, одни Хорваты считаются историческимъ народомъ, на ряду съ Мадьярами; одни Хорваты смѣютъ употреблять родной языкъ и въ Пештскомъ сеймѣ; одни они имѣютъ свой отдѣльный земскій соборъ, имѣютъ провинціальную автономію. Такимъ образомъ, права хорватскаго языка въ Тріединомъ королевствѣ не оспаривались даже при мадьярскихъ банахъ Радхѣ и Вакановичѣ. Они имѣютъ гимназіи, учительскія семинаріи, техническія школы, юридическую академію съ преподаваніемъ на хорватскомъ языкѣ и свою ака-

Библиотека "Руниверс"

демію наукъ, довольно хорошо обезпеченную; въ самомъ скоромъ времени будутъ они имѣть свой университетъ, чего даже Чехи не имѣютъ, хотя чешская народность почти втрое болѣе сербо-хорватской въ Австріи [1]). Хорваты имѣютъ администрацію и суды съ дѣлопроизводствомъ на народномъ языкѣ. Ихъ „домобранцы" (ополченцы) имѣютъ хорватскую же команду. Они имѣютъ бана, отвѣтственнаго предъ народнымъ соборомъ, и притомъ должность бана занимаетъ теперь одинъ изъ лучшихъ хорватскихъ патріотовъ и писателей Иванъ Мажураничъ. Хорваты имѣютъ далѣе несравненнаго мецената своей науки и литературы, заслуженнаго покровителя всѣхъ народныхъ хорватскихъ предпріятій для общественной пользы—епископа Штросмайера. Число жертвъ, принесенныхъ имъ на алтарь народности, опредѣляется нѣкоторыми суммою до милліона флориновъ. Онъ болѣе другихъ содѣйствовалъ и основанію въ Загребѣ академіи наукъ и университета. Но еще важнѣе принесенныхъ имъ матеріальныхъ для народа пожертвованій есть то нравственное вліяніе, какое онъ имѣлъ своимъ патріотизмомъ на хорватское духовное и свѣтское общество, возбуждая въ немъ любовь къ родному знамени и мужество въ борьбѣ за него. Наконецъ, и народъ Хорватскій богаче Словенскаго или Угро-Русскаго. За исключеніемъ нѣкоторыхъ граничарскихъ полковъ (Ликскій, Оточацкій, Огулинскій), Хорватія и Славонія занимаютъ придорожныя, а отчасти и благословенныя мѣстности (напримѣръ, Нижняя Славонія).

Литературное единеніе Хорватовъ съ Сербами открываетъ значительный сбытъ для ихъ произведеній и привлекаетъ много силъ на поприще хорватской литературы. Съ другой стороны, Хорваты очутились наслѣдниками богатыхъ сокровищъ литературныхъ, завѣщанныхъ потомству старыми далматинскими поэтами и скрывавшихся донынѣ въ библіотекахъ и архивахъ Дубровника, Задра, Сплета, Загреба и т. д.

Соединеніе всѣхъ этихъ условій очень облегчило задачу хорватскихъ патріотовъ и дозволило имъ въ короткое время сдѣлать Загребъ—если не вполнѣ еще, то хотя отчасти—юго-славянскими Аѳинами. Нужно замѣтить, что и старая религіозная вражда, раздѣлявшая нѣкогда Хорватовъ отъ Сербовъ, въ послѣднее время замѣтно ослабѣла. Хорваты не только не боятся вступить теперь въ духовное

---

[1]) Нынѣ, какъ извѣстно, университетъ въ Загребѣ уже открытъ.

Прим. ред.

Библиотека "Руниверс"

общеніе съ другими вѣтвями Юго-Славянъ, но даже вызываютъ на это и Словенцевъ, и Сербовъ, и Болгаръ. Не безъ этой мысли между прочимъ и академію свою назвали они юго-славянскою. Въ соотвѣтствіе съ этимъ, и въ ученую свою дѣятельность Хорваты хотѣли бы включить все южное славянство. Не упоминая о старомъ иллиризмѣ Гая, приведу лишь, напримѣръ, Кукулевича *Архивъ за повѣстницу югославенску* (XI тт.); Любича *Ogledalo Kusitevne poviesti jugoslavjanskë*; его же „Нумизматику *югославянскую*" (печатается); Рачкаго „Борьба *Югославянъ* въ XI вѣкѣ"; онъ же составляетъ нынѣ древнѣйшую исторію *югославянскихъ* областей на Балканскомъ полуостровѣ"; Матковичъ, кромѣ изданныхъ уже изслѣдованій топографическихъ, напримѣръ, о Босніи и Болгаріи, занятъ въ настоящее время изученіемъ старинныхъ итинераріевъ по *югославянскимъ* областямъ Турціи; Богишичъ издалъ одинъ томъ „Pisani sakoni u *Jugoslavena*" и „Матеріалы для обычнаго права *Югославянъ*" (въ печати).

Такимъ образомъ, въ изслѣдованіяхъ Загребскихъ ученыхъ замѣчается утѣшительное расширеніе кругозора своего и на другія сосѣднія Славянскія племена. Конечно, это можетъ возбуждать нѣкоторую ревность въ ученыхъ Бѣлградскихъ, привыкшихъ видѣть въ Бѣлградѣ центръ югославянства; но если эта ревность выразится въ соревнованіи Хорватамъ въ подобномъ же направленіи, то наука и жизнь югославянская могутъ лишь выиграть отъ этого.

Не менѣе чести приноситъ Хорватамъ ихъ заботливость объ изданіи сокровищъ старой далматинской литературы. До настоящаго времени издано уже академіей Загребскою пять томовъ „Starpisci" hrvatski, именно—произведенія Марка Марулича (I-й т.), Шишка Менчетича и Држића (II-й т.), М. Ветранича (III-й и IV-й тт.), Н. Димитровича и Н. Налешковича (V-й т.). Далѣе предполагаютъ издавать Чубрановича и др. Когда этотъ циклъ будетъ завершенъ, (что̀ потребуетъ до 30—40 томовъ), тогда гораздо легче будетъ изучать исторію далматинской поэзіи, бывшей донынѣ доступною лишь для архиваріевъ. Значительное число драматическихъ сюжетовъ и отрывковъ древней дубровацкой драмы извлечено изъ рукописей г. А. Павичемъ и издано въ его полезномъ трудѣ „Исторія дубровацкой драмы" (1871. Загребъ).

Для историческаго, археологическаго и литературнаго изученія южнославянскихъ земель, особенно же Хорватіи и Далматіи, много матеріалу издано Загребскою академіей въ 25-ти томахъ ея сбор-

Библиотека "Руниверс"

ника: *Rad.* и въ 5-ти томахъ *Starine*[1]). Любичъ (кромѣ юго-славянской нумизматики) печатаетъ V-й томъ Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium (матеріалы изъ Венеціанскихъ архивовъ). Рачкій издалъ документы о заговорѣ бана Петра гриньскаго и князя Франкопана (при Леопольдѣ. Acta conjurationem bani P-n. Zrinio et com. F. Francopani illustrantia. 1873. 8°, 596). Кромѣ того, онъ же приготовляетъ палеографическое изданіе памятниковъ хорватской исторіи до начала XII вѣка. Ткалчичь издалъ недавно: Monumenta Episcopatus Sagrabiensis (XII—XIII в.) Agram. 1873.

Кромѣ академіи наукъ, въ Загребѣ есть еще одно ученое и два издательскія общества, именно: Общество для югославянской исторіи, Иллирская (теперь уже переименованная въ Хорватскую) матица, общество св. Іеронима. Предсѣдатель перваго изъ названныхъ обществъ, многозаслуженный ветеранъ югославянской науки и литературы Кукулевичъ Сакцинскій, издалъ недавно I-й томъ Codex diplomaticus regni Croatiae, Slavoniae et Dalmatiae (1874. Загребъ), заключающій въ себѣ 248 грамотъ (отъ 503 по 1102 годъ по Р. Хр.), извлеченныхъ изъ 19-ти различныхъ архивовъ и библіотекъ Далмаціи, Италіи, Хорватіи, Пешта, Вѣны и т. д. Въ концѣ приложенъ очень обстоятельный указатель историческій, топографическій, юридическій и т. п. Кромѣ того, печатается XII-й томъ *Архива* Кукулевича[2]). Второе изъ названныхъ выше издательскихъ обществъ, матица, въ послѣдніе годы ничего не издавало. *Книжевникъ* ея прекратился немедленно съ открытіемъ академическаго *Rad.* Въ настоящее время матица предполагаетъ предпринять опять свое особое изданіе, для статей, болѣе популярнаго содержанія, молодыхъ хорватскихъ литераторовъ, для которыхъ недоступно еще участіе въ академическомъ сборникѣ. Общество св. Іеронима издало нѣсколько книжекъ для

---

[1]) Въ 5-мъ томѣ *Старина* помѣщено, между прочимъ, нѣсколько новыхъ матеріаловъ для сербской письменности, извлеченныхъ проф. Ягичемъ изъ рукописей Вука Караджича, Берлинской и С.-Петербургской публичныхъ библіотекъ.

[2]) Г. Кукулевичъ обладаетъ, между прочимъ, довольно значительнымъ собраніемъ средневѣковыхъ надписей, собранныхъ имъ въ различныхъ мѣстахъ Хорватіи и Славоніи (числомъ до 800—900). Было бы очень желательно дополнить эту коллекцію надписями далматинскими, истріанскими и пр. и издать въ печати. Любичъ тоже имѣлъ подобную эпиграфическую коллекцію, но уступилъ ее проф. Моммзену, который и воспользовался этимъ матеріаломъ въ недавно изданномъ III-мъ томѣ Corpus Inscriptionum, куда вошли именно надписи паннонскія.

Библиотека "Руниверс"

школъ и народнаго чтенія (напримѣръ, популярную физику, составленную извѣстнымъ Словакомъ Шулекомъ, хорватскимъ лексикографомъ). Не неумѣстно будетъ упомянуть здѣсь объ основаніи въ Хорватіи новаго общества св. Кирилла и Меѳодія, которое поставило своею цѣлью поддержаніе боснійскихъ школъ, снабженіе ихъ книгами, учеными принадлежностями и т. д. Если общество это не собьется въ католическую пропаганду, то можетъ принести несомнѣнную пользу невѣжественнымъ боснійскимъ райямъ.

Заслуживаетъ еще упоминанія прекрасное изданіе полнаго собранія поэтическихъ произведеній Петра Прерадовича, одного изъ лучшихъ новыхъ хорватскихъ лириковъ, нѣсколько сроднаго нашему Лермонтову. Было бы очень желательно, чтобы наши поэты и критики поближе познакомили и русскую литературу съ этимъ корнеесмъ хорватской литературы.

Наконецъ, упомяну еще объ одномъ обширномъ ученомъ предпріятіи Хорватовъ, именно — о составленіи историческаго словаря сербо-хорватскаго языка (по плану нѣмецкаго словаря братьевъ Гриммовъ). Затѣянъ этотъ трудъ, конечно, академіей наукъ; ближайшее его веденіе поручено было Даничичу. Въ настоящее время уже значительная часть старыхъ далматскихъ писателей и древнихъ грамотъ исчерпаны для словаря. Послѣ отъѣзда Даничича въ Бѣлградъ, завѣдываніе этимъ дѣломъ перешло въ руки Шулека, нынѣшняго секретаря Юго-славянской академіи и одного изъ лучшихъ ея членовъ. Во всякомъ случаѣ, окончанія этого обширнаго предпріятія прійдется ожидать еще нѣсколько лѣтъ.

Библіотечныя и архивныя богатства Загреба довольно значительны. Первопрестольная церковь, юридическая академія, академія наукъ, наконецъ, музей имѣютъ болѣе или менѣе значительныя собранія книгъ и рукописей. Академія наукъ недавно обогатила свою коллекцію рукописей покупкою нѣсколькихъ десятковъ церковно-славянскихъ рукописей (большею частью священныхъ и церковныхъ книгъ) г. Михаловича. Значительною долей этихъ рукописей пользовался уже Миклошичъ для своего словаря. Самая замѣчательная изъ этихъ рукописей есть сербская Кормчая 1260 года. Она была уже разсмотрѣна и г. Ягичемъ, который, какъ я слышалъ, предполагаетъ вскорѣ издать результатъ своихъ изслѣдованій.

Музей Загребскій обладаетъ очень значительною нумизматическою коллекціей (до 100.000 экз.), особенно полною по отдѣламъ сербо-хорватской нумизматики. Есть также нѣсколько замѣчательныхъ над-

Библиотека "Руниверс"

писей на камняхъ, между прочимъ, вѣрный оттискъ знаменитой глаголической надписи, вырѣзанной на камнѣ на о.Ркѣ, которая должна принадлежать XI вѣку. Въ настоящее время каноникъ Рачкій занимается объясненіемъ этой надписи, съ которой сдѣланъ очень хорошій фотографическій снимокъ.

Довольно приведенныхъ фактовъ, чтобы видѣть, что литературное движеніе довольно сильно въ Хорватіи — особенно въ виду малой численности самого народа, въ средѣ котораго оно совершается. Стоитъ пожелать, чтобы движеніе это перешло за предѣлы самой Хорватіи и оживило бы ученую пытливость и умственную дѣятельность въ средѣ сосѣдей Хорватовъ — Словенцевъ и Сербовъ, чтобы новый Загребскій университетъ съумѣлъ притянуть къ себѣ массу юго-славянской молодежи, скитающейся по университетамъ всей западной Европы, отъ Пешта, Градца и Вѣны до Лейпцига, Цюриха и Парижа.

А. Будиловичъ.

Библиотека "Руниверс"

ОТЧЕТЪ О СЕМНАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА ЗА ИСТОРИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ [1].

Сочиненій по части русской и славянской исторіи, представленныхъ на соисканіе наградъ графа Уварова, было девять; кромѣ того, въ соисканіи участвовало одно сочиненіе, отложенное отъ прошлогодняго конкурса. Для разсмотрѣнія этихъ трудовъ, конференціей Академіи была назначена коммиссія, подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго секретаря, изъ гг. академиковъ: А. А. Куника, И. И. Срезневскаго, М. И. Сухомлинова, Я. К. Грота, А. Ѳ. Бычкова, М. И. Броссе и А. В. Никитенко.

Ознакомившись съ переданными ей на разсмотрѣніе сочиненіями, коммиссія для каждаго изъ нихъ избрала рецензентовъ, частью изъ среды своей, частью изъ постороннихъ ученыхъ, и пригласила ихъ сообщить ей подробные разборы къ назначенному для того сроку.

По полученіи этихъ рецензій и по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства конкурсныхъ сочиненій, коммиссія, въ засѣданіи 10-го сего сентября, положила удостоить меньшихъ Уваровскихъ премій (въ 500 руб. каждая) слѣдующія четыре книги:

I.

Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ. *М. О. Кояловича.* С.-Петербургъ 1873 г.

Это сочиненіе было разсмотрѣно членомъ-корреспондентомъ Академіи А. Н. Поповымъ, который въ своей рецензіи, подробно указавъ на достоинства труда г. Кояловича, вмѣстѣ съ тѣмъ изложилъ тѣ

[1] Составленъ непремѣннымъ секретаремъ Императорской Академіи Наукъ К. С. Веселовскимъ и читанъ въ публичномъ ея засѣданіи 25-го сентября 1874 года.

Библиотека "Руниверс"

основанія, по которымъ онъ не считаетъ возможнымъ согласиться съ нѣкоторыми взглядами автора.

Сущность замѣчаній рецензіи состоитъ въ слѣдующемъ:

Имя профессора С.-Петербургской духовной академіи М. О. Кояловича давно извѣстно въ нашей ученой литературѣ, и прежніе его труды оцѣнены по достоинству. Еще въ 1859 и 1861 гг. онъ издалъ два тома изслѣдованій о Литовской церковной уніи. Затѣмъ, какъ самъ онъ говоритъ въ рѣчи, произнесенной имъ передъ защитою разсматриваемаго нами сочиненія, которое было представлено на соисканіе ученой степени доктора,—онъ „началъ заниматься, одиннадцать лѣтъ тому назадъ, исторіей возсоединенія уніатовъ въ 1839 г. Но изучивъ главнѣйшіе памятники этого событія въ собраніи бумагъ покойнаго графа Д. Н. Блудова, въ громадномъ собраніи дѣлъ архивовъ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода и греко-уніатской коллегіи, и въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ въ Западной Россіи, и послѣ бесѣдъ съ современными свидѣтелями этого событія, авторъ пришелъ къ убѣжденію, что возсоединеніе уніатовъ 1839 г., во главѣ котораго стоялъ необыкновенный человѣкъ нашего времени, покойный митрополитъ Литовскій Іосифъ Сѣмашко, не было дѣломъ новымъ, имъ измышленнымъ или искуственно созданнымъ русскимъ правительствомъ, а составляло продолженіе направленія, давно существовавшаго и только около времени митрополита Іосифа заслоненнаго извѣстною политическою системою дѣйствій князя Адама Чарторыйскаго, нашествіемъ Французовъ и господствомъ въ нашей интеллигенціи западно-европейскихъ идей". Изъ этихъ словъ видно, что авторъ въ продолженіе многихъ лѣтъ постоянно и непрерывно посвящалъ свои занятія изслѣдованіямъ объ историческихъ судьбахъ уніи, или какъ онъ постоянно ее называетъ,—*уніатской церкви*. Начавъ свои занятія исторіей уніи со временъ первоначальнаго ея установленія, г. Кояловичъ намѣревался перейдти затѣмъ къ изслѣдованію того событія, которымъ окончилось ея существованіе въ предѣлахъ Русской Имперіи, то-есть, къ возсоединенію уніатовъ съ восточною церковью въ 1839 году. Но продолжая занятія своимъ предметомъ, онъ естественно пришелъ къ тому убѣжденію, что это событіе не можетъ быть ни понято, ни объяснено надлежащимъ образомъ безъ предварительнаго изслѣдованія предшествовавшихъ ему явленій въ исторіи уніи. Плодомъ этихъ изслѣдованій представляется новый трудъ г. Кояловича, служащій переходомъ отъ первыхъ его, уже обнародованныхъ, изслѣдованій объ уніи, къ розысканіямъ, предположеннымъ въ

Библиотека "Руниверс"

будущемъ—о возсоединеніи уніатовъ при императорѣ Николаѣ. Обиліе и особое свойство источниковъ дали возможность сочинителю подробно изложить происшествія второй половины XVIII столѣтія и сообщить своему изложенію особенную живость. Много источниковъ уже обнародовано коммиссіей для разбора древнихъ актовъ при Кіевскомъ генералъ-губернаторѣ, коммиссіей, бывшею при Виленскомъ учебномъ округѣ, археографическою коммиссіей и пр. Но еще большее ихъ количество хранится въ архивахъ. Всѣми такими матеріалами пользовался авторъ. „Въ борьбѣ, происходившей въ уніи", говоритъ М. О. Кояловичъ,—„часть Русскихъ людей, оставшаяся въ предѣлахъ Польши и лишенная почти всей своей интеллигенціи, съ поразительною искренностью и самоотверженіемъ ратуетъ за свое русское и православное званіе. Мы видимъ, что во время этой борьбы всѣ слои народа, простые крестьяне, ктиторы, то-есть, церковные старосты, священники, иноки, стоятъ за одно, *обладаютъ большими свѣдѣніями политическими, знаютъ даже секреты политическіе*, и такъ какъ во главѣ этого русскаго общества стояли духовные, которымъ естественно было сообщать свои свѣдѣнія нашему центральному духовному правительству, то отсюда вышло, что нашъ синодъ обладалъ полными и вѣрными свѣдѣніями о дѣлахъ въ Польшѣ". Но эта борьба части Русскаго народа, находившагося въ Польшѣ, шла съ уніатами и латинянами-Поляками, которые, съ своей стороны, оставили не менѣе извѣстій, какъ напечатанныхъ, такъ и хранящихся въ архивахъ. Архивъ уніатскихъ митрополитовъ сохраняетъ значительное количество такихъ извѣстій, и между ними г. Кояловичъ весьма справедливо считаетъ *чрезвычайно важною* переписку, продолжавшуюся непрерывно десять лѣтъ между королевскимъ секретаремъ и въ то же время уніатскимъ архидіакономъ, а потомъ епископомъ, Левинскимъ съ уніатскимъ митрополитомъ Смогоржевскимъ. Въ этой перепискѣ дѣйствительно *замѣтны* нѣкоторыя *свѣдѣнія о дѣлахъ политики* и даже *тайныхъ*, но эти свѣдѣнія незначительны. Вообще же они не могли быть извѣстны въ то время никому, кромѣ нѣкоторыхъ кабинетовъ европейскихъ державъ, и по преимуществу, русскому. Въ извѣстіяхъ, оставленныхъ латинянами и Поляками даже о происшествіяхъ того времени, замѣчается разнообразіе. Такъ ли могли относиться къ дѣламъ того времени іезуиты, уничтоженные въ то время папою, преслѣдуемые въ Польшѣ и нашедшіе себѣ пріютъ въ Россіи, какъ относилась польская латинская іерархія, руководимая папскими нунціями? Одинаковы ли между собою свѣдѣнія

Библиотека "Руниверс"

объ этихъ дѣлахъ, какія могли сообщать тѣ польскіе паны, которые не только не преслѣдовали православныхъ, но даже защищали ихъ, и тѣ свѣдѣнія, какія оставили въ наслѣдство исторіи правительство и шляхетство польскія? Въ самой средѣ уніатовъ шла въ то время роковая борьба двухъ направленій, постоянно въ ней существовавшихъ, и она не могла не отразиться на источникахъ, вышедшихъ изъ этой среды.

При такихъ условіяхъ историческіе памятники этой эпохи уніи весьма многочисленны, разнообразны по направленію и по степени правдивости. Разнообразіе, условленное вліяніемъ среды, изъ которой они происходили, усиливалось еще болѣе тѣмъ особеннымъ порядкомъ, или лучше сказать, безпорядкомъ устройства Польскаго государства, который допускалъ необузданность личности, не сдерживаемой ни законами, ни обычаями, ни государственною властью. Это свойство придавало особый, такъ сказать, *индивидуальный* характеръ большей части этихъ памятниковъ; но въ то же время оно давало и возможность каждой личности оставить въ память потомству свой обликъ со всѣми достоинствами и недостатками, со всѣми страстями и увлеченіями.

Такія свойства историческихъ источниковъ, представляя огромное преимущество, даютъ обильныя краски для начертанія оживленной картины прошедшаго; но вмѣстѣ съ тѣмъ они представляютъ и большую опасность: они могутъ увлечь историка въ одну сторону и лишить его необходимаго безпристрастія. Такое вліяніе этихъ источниковъ отражалось на всѣхъ сочиненіяхъ объ уніи, писанныхъ въ Польшѣ и западной Европѣ. Конечно, эта опасность менѣе всѣхъ угрожаетъ русскому православному историку, потому что въ этомъ случаѣ правда на его сторонѣ; но тѣмъ не менѣе на немъ лежитъ обязанность подчинить себѣ эти источники и уберечься отъ ошибокъ.

По добросовѣстности и подробности, съ которыми авторъ излагаетъ происшествія избраннаго имъ періода въ исторіи уніи, его сочиненіе составляетъ важный вкладъ въ науку русской исторіи. Если, какъ замѣчаетъ рецензентъ, и возможно указать въ этомъ трудѣ на нѣкоторыя неточности, неизбѣжныя какъ по сложности работы, такъ и по свойству источниковъ, то онѣ не на столько значительны, чтобы могли уменьшить достоинство сочиненія. Но что касается до оцѣнки нѣкоторыхъ русскихъ, дѣйствовавшихъ въ это время, лицъ и взгляда вообще на политику императрицы Екатерины въ отношеніи къ во-

Библиотека "Руниверс"

просу объ уніи, то г. Поповъ не соглашается съ мнѣніями почтеннаго профессора духовной академіи, и въ своемъ отзывѣ приводитъ тѣ основанія, по которымъ онъ полагаетъ, что объективное и менѣе одностороннее изученіе историческихъ свидѣтельствъ должно приводить къ нѣсколько иной оцѣнкѣ нѣкоторыхъ лицъ, чѣмъ та, которую дѣлаетъ авторъ.

II.

Сборникъ памятниковъ, относящихся до книгопечатанія въ Россіи. Выпускъ I-й. Текстъ *В. С. Румянцова.* Москва 1872 г. (1873).

Постановляя приговоръ свой объ этомъ сочиненіи, коммиссія имѣла въ виду его разборъ, написанный по ея порученію, академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ.

Поводомъ къ изданію сборника памятниковъ русскаго книгопечатанія было исполнившееся въ 1864 году трехсотлѣтіе со времени выхода въ свѣтъ первой печатной книги изъ Московской типографіи, существующей и доселѣ подъ именемъ синодальной. Представленный Академіи первый выпускъ этого роскошнаго изданія содержитъ въ себѣ исторію Московскаго печатнаго двора до разоренія его въ Смутное время и дѣлится на слѣдующіе шесть отдѣловъ: 1) учрежденіе печатнаго двора въ Москвѣ, 2) Московскіе первопечатники, 3) первыя Московскія изданія, 4) распространеніе книгопечатанія на югѣ-западѣ Россіи, 5) книгопечатаніе въ Москвѣ до Литовскаго нашествія и 6) библіографическія свѣдѣнія объ изданіяхъ Московскаго печатнаго двора со времени основанія до Литовскаго разоренія.

Главными матеріалами для исторіи типографскаго дѣла въ Россіи доселѣ были: данныя о книгопечатаніи въ южно-славянскихъ земляхъ, послѣсловія къ печатнымъ книгамъ, выходившимъ изъ Московской и другихъ русскихъ типографій, и два поясняющія исторію Московскаго книгопечатанія сказанія, находящіяся въ одномъ изъ сборниковъ синодальной библіотеки. Всѣ же другіе матеріалы, которыхъ число впрочемъ весьма ограничено, особенно для періода съ 1553 по 1611 годъ, имѣютъ второстепенное значеніе и могутъ лишь служить иногда къ поясненію главныхъ фактовъ. Послѣ трудовъ митрополита Евгенія, Сопикова, Снегирева и въ особенности П. М. Строева, современный изслѣдователь, если только онъ случайно не найдетъ новыхъ, неизвѣстныхъ матеріаловъ, едва ли въ состояніи сказать что-либо новое объ исторіи книгопечатанія въ Россіи; но обязанность такого изслѣдователя—отнестись критически къ трудамъ своихъ пред-

Библиотека "Руниверс"

шественниковъ, и очистивъ извѣстное отъ невѣрныхъ данныхъ или бездоказательныхъ предположеній, изложить въ стройномъ цѣломъ все, что̀ добыто наукою до послѣдняго времени. Эту задачу исполнилъ г. Румянцевъ. Изъ подъ его пера, по отзыву рецензента, явился трудъ, въ которомъ не пропущено и не оставлено безъ вниманія ни одного изъ дошедшихъ до насъ данныхъ, а нѣкоторымъ фактамъ сдѣланы новыя объясненія, — словомъ, трудъ, далеко оставившій за собою всѣ предшествовавшіе труды по этому предмету.

Чтобы доказать справедливость такого сужденія о книгѣ г. Румянцева, академикъ Бычковъ входитъ въ подробное разсмотрѣніе каждаго изъ ея отдѣловъ, при чемъ указываетъ на наиболѣе важные выводы, добытые авторомъ. Съ особымъ вниманіемъ останавливается рецензентъ на исторіи появленія въ свѣтъ и на описаніи „Дѣяній апостольскихъ и посланій соборныхъ и святаго апостола Павла посланіяхъ"—первой, сколько до сихъ поръ извѣстно, печатной книги, вышедшей изъ Московской типографіи. Эту книгу, образецъ изящной печати, которому нельзя не удивляться даже и въ наше время, г. Румянцевъ впервые описалъ отчетливо и подробно, какъ съ внѣшней стороны, такъ и со стороны типографской техники. Его описаніе, по свидѣтельству г. Бычкова, даетъ о ней самое вѣрное понятіе и возбуждаетъ невольное сожалѣніе о томъ, что такимъ же образомъ не описаны у автора и другія книги, выпущенныя изъ Московской типографіи, по крайней мѣрѣ такъ называемыя первоначальныя изданія. Рукопись, по которой печатался Апостолъ 1564 года, не дошла до насъ, а славянскій текстъ его до сихъ поръ не былъ еще изслѣдованъ, и наши ученые, какъ напримѣръ, С. М. Соловьевъ и архіепископъ Харьковскій Филаретъ, имѣли о немъ сбивчивыя и невѣрныя понятія; поэтому г. Румянцевъ, для болѣе точнаго ознакомленія съ особенностями текста Апостола и для сравнительнаго опредѣленія его достоинства, сличилъ текстъ означенной книги съ текстомъ, находящимся въ древнѣйшихъ рукописяхъ Апостола, хранящихся въ Московской синодальной библіотекѣ, и въ печатныхъ изданіяхъ: Острожскомъ 1581 года и нынѣшнемъ. Для успѣшнаго разрѣшенія этой нелегкой, а между тѣмъ очень существенной задачи, г. Румянцеву послужила немаловажнымъ пособіемъ найденная имъ и напечатанная въ приложеніи къ его изслѣдованію, обширная „докладная выписка", составленная справщиками печатнаго двора, и между прочимъ, извѣстнымъ Медвѣдевымъ, по приказанію патріарха Іоакима, о замѣченныхъ ими разностяхъ при сличеніи напечатанной въ 1671 году книги

Библиотека "Руниверс"

Апостола „съ древними апостолы рукописанными и харатейными словенскими, съ бесѣдами апостольскими и со иными преводы". Г. Румянцевъ все довольно значительное число указанныхъ въ выпискѣ и найденныхъ имъ самимъ разностей въ текстѣ первопечатнаго Апостола и другихъ текстахъ, раздѣлилъ на три групы. Къ первой онъ отнесъ мѣста, въ которыхъ слова и рѣченія несогласны съ принятыми въ нынѣшнемъ текстѣ или и совсѣмъ изъ него исключены, съ указаніемъ тѣхъ мѣстъ, которыя въ Острожской библіи исправлены сходно съ нынѣшнимъ текстомъ. Во вторую групу онъ помѣстилъ слова и рѣченія, встрѣчающіяся только въ первопечатномъ Апостолѣ, и которыхъ Іоакимовскіе справщики не нашли въ имѣвшихся у нихъ рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ. Наконецъ, третью групу образовали мѣста первопечатнаго Апостола, въ которыхъ противъ бумажныхъ списковъ встрѣчаются новыя исправленія какъ въ чтеніяхъ греческаго текста, такъ и въ переводѣ. На основаніи такого сличенія, которое нельзя не признать весьма цѣннымъ вкладомъ для исторіи славянскаго текста Апостола, и которое даетъ точное понятіе какъ о недостаткахъ и достоинствахъ текста первопечатнаго Апостола, такъ и объ его отношеніи къ тексту древнѣйшихъ и современныхъ ему рукописныхъ Апостоловъ, а также къ Острожскому и нынѣшнему печатнымъ, авторъ изслѣдованія дѣлаетъ свой выводъ о первопечатномъ текстѣ, который, „принадлежа къ фамиліи бумажныхъ списковъ, въ то же время является самостоятельнымъ, и притомъ не только тамъ гдѣ онъ представляетъ другія чтенія или другой переводъ противъ списковъ, но и въ самыхъ заимствованіяхъ своихъ изъ рукописей. Эти заимствованія дѣлаются въ немъ иногда изъ бумажныхъ, иногда изъ харатейныхъ списковъ, иногда изъ древняго перевода, сохранившагося въ синодальныхъ толковыхъ апостолахъ. Вообще видно, что издатели первопечатнаго Апостола имѣли подъ руками не мало славянскихъ списковъ разныхъ переводовъ или редакцій. Руководствуясь этими списками, а иногда, по видимому, и собственнымъ разумѣніемъ, они внесли въ текстъ бумажныхъ списковъ, бывшихъ въ то время во всеобщемъ употребленіи, весьма много новыхъ исправленій. Исправленія эти, если не вездѣ, то по крайней мѣрѣ въ большей части случаевъ сдѣланы были удачно и вообще болѣе всѣхъ извѣстныхъ списковъ приблизили славянскій апостольскій текстъ къ принятому нынѣ"

Послѣ замѣчаній объ языкѣ первопечатнаго Апостола и его правописаніи и краткаго описанія часовника—второй книги, напечатанной въ Москвѣ, авторъ приводитъ свѣдѣнія о томъ, какимъ обра-

Библиотека "Руниверс"

зомъ и при какихъ обстоятельствахъ книгопечатаніе распространилось изъ Москвы на юго-западъ Россіи, и излагаетъ послѣдующую исторію типографскаго дѣла въ самой Москвѣ, до Литовскаго нашествія. Не сообщая при этомъ новыхъ фактовъ, онъ не упускаетъ изъ виду ничего, что̀ было добыто другими изслѣдователями, и подвергая уже извѣстныя данныя ученой критикѣ, искусно групируетъ ихъ и выставляетъ въ надлежащемъ свѣтѣ.

Кромѣ вышеупомянутой „докладной выписки" и библіографическихъ свѣдѣній объ изданіяхъ Московскаго печатнаго двора, г. Румянцевъ приложилъ къ своему труду 27 листовъ снимковъ съ печатныхъ книгъ и съ византійско-русскихъ украшеній. Эти таблицы исполнены превосходно и служатъ нагляднымъ пособіемъ къ изученію исторіи типографскаго у насъ искусства до 1611 года. Выборъ помѣщеннаго на таблицахъ сдѣланъ искусно и съ большимъ знаніемъ дѣла: изъ каждой книги взято наиболѣе характеристичное, именно то, что̀ отличаетъ ее отъ всѣхъ прочихъ: гравюры, заставицы, заглавныя буквы, вязь, цвѣтки и узлы. Сверхъ того, на нѣкоторыхъ таблицахъ заключаются данныя, посредствомъ которыхъ каждому изслѣдователю легко опредѣлить степень вліянія иноземныхъ и западно-русскихъ типографій на Московскую.

Свою рецензію г. Бычковъ оканчиваетъ замѣчаніемъ, что книга г. Румянцева, при всѣхъ ея достоинствахъ, имѣетъ и недостатки, состоящіе въ нѣкоторыхъ недомолвкахъ и въ слишкомъ краткомъ описаніи книгъ, вышедшихъ изъ Московской типографіи, за исключеніемъ первопечатнаго Апостола. Но эти недостатки не могутъ уменьшить важности разсматриваемаго труда, составляющаго, по одному уже описанію Апостола 1564 года, значительное пріобрѣтеніе для науки.

III.

Очеркъ внутренней исторіи Пскова, *А. Никитскаго.* С.-Пб. 1873 г.

Рецензія этого сочиненія была, по приглашенію Академіи, составлена профессоромъ Дерптскаго университета И. Е. Энгельманомъ, который въ особенности указываетъ на тщательность и добросовѣстность изслѣдованій автора. Г. Никитскій старался вникнуть въ истинный смыслъ источниковъ и извлечь изъ нихъ все, что̀ они содержатъ; мѣтко схватывая особенности Псковскаго быта, онъ заботится объ объясненіи ихъ происхожденія особенными обстоятельствами существованія Пскова. Добросовѣстность въ собираніи фактовъ, правильность ихъ оцѣнки и наглядность групировки — таковы, по словамъ ре-

Библиотека "Руниверс"

цензента, отличительныя качества сочиненія г. Никитскаго. Оно несомнѣнно принесетъ пользу наукѣ, требующей именно подробнаго и строгаго разбора источниковъ и надлежащей обработки фактовъ. Тѣмъ не менѣе рецензентъ находитъ, что автору недостаетъ навыка въ примѣненіи пріемовъ исторической критики. Иногда, считая дѣло совершенно яснымъ, онъ не беретъ на себя труда собрать всѣ извѣстія, касающіяся до этого предмета, и заглянуть во всѣ источники, вслѣдствіе чего мѣстами приходитъ къ поверхностнымъ результатамъ. Иной разъ, въ своихъ сужденіяхъ, онъ теряетъ изъ виду общій планъ изслѣдованія; разсматривая извѣстную сторону предмета, онъ увлекается ею, забываетъ другую сторону, а переходя къ другой, увлекается и ею и противорѣчитъ самому себѣ, такъ что читателю трудно рѣшить—какого же, наконецъ, мнѣнія придерживается авторъ. Но самый главный недостатокъ г. Никитскаго состоитъ въ томъ, что онъ не ограничиваетъ свой трудъ тѣмъ предметомъ и тѣми способами изслѣдованія, которыми умѣетъ пользоваться,—у него является иногда охота пускаться въ сравнительную исторію права и въ историко-философскія разсужденія и соображенія, что̀ ему очевидно не подъ силу. Нельзя также не замѣтить его страсти къ громкимъ и необыкновеннымъ словамъ, поражающимъ читателя, его небрежности въ употребленіи нѣкоторыхъ выраженій, и наконецъ, излишества иностранныхъ словъ.

Послѣ общихъ замѣчаній о разсмотрѣнной имъ книгѣ, г. Энгельманъ дѣлаетъ оцѣнку отдѣльныхъ ея частей.

Изслѣдованіе г. Никитскаго, раздѣленное на шесть главъ, изъ которыхъ первая названа введеніемъ, распадается на самомъ дѣлѣ на двѣ части, не имѣющія ничего между собою общаго: въ первой излагается взглядъ автора на родовой бытъ въ древней Руси, а вторая посвящена самому изслѣдованію внутренней исторіи Пскова. Эта вторая часть состоитъ изъ пяти главъ: 1) областной бытъ Великаго Новгорода, 2) Псковъ и его устройство, 3) состояніе церкви во Псковѣ, 4) торжество Московскаго порядка и 5) вліяніе Москвы на церковныя дѣла.

При изложеніи своего взгляда на родовой бытъ въ древней Руси, авторъ не ограничивается положительными данными, но вдается и въ общія историко-философскія разсужденія, и забираясь слишкомъ далеко, касается исторіи цивилизаціи народовъ по поводу такого спеціальнаго предмета, какъ внутренняя исторія Пскова. При этомъ онъ затрогиваетъ разные обширные вопросы исторіи цивилизаціи, которые

Библиотека "Руниверс"

въ двухъ-трехъ словахъ не могутъ быть не только разрѣшаемы, но и излагаемы ясно и понятно. Въ этомъ отдѣлѣ труда г. Никитскаго рецензентъ находитъ заслуживающими вниманія изслѣдованія различіи между круговою порукою, существовавшею, вѣроятно, уже въ древнѣйшее время, и тою, которая встрѣчается въ позднѣйшую, историческую пору, о характерѣ родовыхъ отношеній, о значеніи родоначальника, городовъ о паденіи родоваго быта и установленіи государственнаго начала и т. п. Рецензентъ находитъ здѣсь много основательныхъ замѣчаній, къ сожалѣнію, слишкомъ часто прерываемыхъ фикціями или слишкомъ искусственными объясненіями автора.

Въ главѣ, посвященной изображенію Новгородскаго строя, г. Никитскій, придавая этому предмету значеніе лишь введенія въ исторію Пскова, не рисуетъ полной картины историческаго развитія Новгородскаго быта, но указываетъ лишь на тѣ явленія, которыя имѣютъ особенную важность: онъ объясняетъ, какое значеніе имѣло понятіе старшинства на отношенія городовъ между собою; затѣмъ разсматриваетъ тѣ средства, которыми старѣйшій городъ Новгородъ располагалъ для вліянія на осластной бытъ. По отзыву рецензента, весьма понятно и ясно изложены здѣсь отношенія Новгорода къ сосѣднимъ великимъ князьямъ по спорнымъ землямъ, значеніе служилыхъ людей, вступившихъ, какъ доказываетъ авторъ, въ такія же отношенія къ Новгороду, въ какія они вступали къ великимъ князьямъ, отношеніе Двинской земли къ Новгороду и проч.

Въ исторіи самого Пскова, г. Никитскій съ особымъ вниманіемъ излагаетъ ходъ событій, доведшихъ этотъ городъ до совершенной независимости отъ Новгорода; онъ доказываетъ коренное различіе между положеніемъ князей во Псковѣ и въ Новгородѣ—различіе, на которое до сихъ поръ не было обращено должнаго вниманія, и утверждаетъ, что Псковскіе князья были сначала только кормленщики, лишь мало-по-малу получили другое значеніе, и наконецъ, съ конца первой четверти XIV вѣка явились самостоятельными князьями. Это положеніе г. Никитскій старается вывести съ особенною послѣдовательностью, такъ что измѣненіе въ характерѣ княжеской власти представляется у него необходимымъ слѣдствіемъ опредѣленныхъ стремленій. По мнѣнію рецензента, такого стройнаго развитія этихъ отношеній не было въ дѣйствительности; въ Псковѣ, даже ранѣе XIV вѣка, бывали, хотя изрѣдка, самостоятельные князья, такъ что напрасно авторъ всѣми средствами старается низвести ихъ на степень простыхъ Новгородскихъ намѣстниковъ, а самый Псковъ на степень

Библиотека "Руниверс"

простаго пригорода. Вообще все изслѣдованіе о положеніи хозяйства во Псковѣ, по замѣчанію г. Энгельмана, отличается несомнѣнными достоинствами, тщательнымъ обслѣдованіемъ источниковъ и отдѣльныхъ фактовъ, удачною групировкой провѣреннаго матеріала, но страдаетъ тѣмъ, что авторъ слишкомъ усердно старается доказать, что до первой четверти XIV вѣка оставалось все по прежнему, а послѣ того все измѣнилось, и подкрѣпляетъ это положеніе выводами, которые нельзя не счесть натяжками.

Въ главѣ „Псковъ и его устройство" авторъ даетъ возможно полную картину Псковскаго общественнаго строя; подробно и обстоятельно объясняетъ онъ положеніе и значеніе Псковской области и города, характеризуетъ княжескую власть, значеніе вѣча и вліяніе боляръ на ходъ политическихъ дѣлъ. Это обстоятельное и серіозное изслѣдованіе рецензентъ считаетъ весьма важнымъ пріобрѣтеніемъ русской исторической литературы.

Говоря, въ III-й и V-й главахъ, о состояніи церкви во Псковѣ и о вліяніи Москвы на церковныя дѣла, г. Никитскій выказываетъ какъ умѣніе пользоваться источниками, такъ и талантъ для изслѣдованій въ области положительной исторіи. Здѣсь рецензентъ не находитъ ничего существеннаго, что можно было бы возразить автору; его изслѣдованіе, основанное на подробномъ изученіи источниковъ, тѣмъ важнѣе, что до послѣдняго времени свѣтскіе писатели по большей части упускали изъ виду вліяніе церковныхъ дѣлъ на гражданскія и политическія обстоятельства.

Не менѣе любопытна IV-я глава, гдѣ разказывается о торжествѣ Московскаго порядка, то-есть, о паденіи „господина Пскова" и всей Псковской земли, объ уничтоженіи въ ней мѣстной жизни, ея строя, ея права, ея стариннаго быта. Въ отношеніи способа изслѣдованія, эта глава, по свидѣтельству рецензента, отличается тѣми же достоинствами, какъ и главы II-я, III-я и V-я; тѣмъ не менѣе и здѣсь, при чтеніи разказа о происшествіяхъ и столкновеніяхъ, подготовившихъ для Пскова трагическій конецъ, читателя поражаетъ странность нѣкоторыхъ общихъ сужденій автора, противорѣчащихъ не только тѣмъ фактамъ, которые онъ самъ же сообщаетъ, но и его собственной характеристикѣ происшествій, въ особенности поступковъ Московскихъ князей.

Въ заключеніе своей рецензіи, г. Энгельманъ замѣчаетъ, что всѣ указанные имъ недостатки труда г. Никитскаго встрѣчаются во введеніи къ оному и въ предварительныхъ разсужденіяхъ автора, не

Библиотека "Руниверс"

имѣющихъ прямаго отношенія къ его спеціальной задачѣ; частью же эти недостатки вредятъ нѣкоторымъ его воззрѣніямъ и общимъ сужденіямъ, имѣющимъ только внѣшнюю связь съ его розысканіями. Поэтому они не оказали вліянія на внутреннее содержаніе изслѣдованія. Собственно же историческія розысканія изъ положительной исторіи выказываютъ въ авторѣ несомнѣнный талантъ, и русская историческая литература можетъ ожидать отъ него еще многаго.

IV.

Очерки русской исторической географіи. Географія начальной лѣтописи. Изслѣдованіе *Н. П. Барсова* Варшава. 1873.

При самомъ зарожденіи русской исторіи, какъ науки, въ началѣ XVIII столѣтія, изслѣдователи не могли не обратить вниманія на изученіе явленій, составляющихъ въ настоящее время предметъ особой отрасли знаній—исторической географіи. Въ теченіе этого столѣтія область ея значительно расширилась открытіемъ новыхъ источниковъ, сборниками матеріаловъ по мѣстной исторіи и изданіемъ путешествій по Россіи, содержащихъ въ себѣ драгоцѣнныя данныя по этнографіи и археологіи. Однако, не смотря на эти успѣхи, наша древнѣйшая географія еще долго не была самостоятельною отраслью исторической науки, и труды ученыхъ XVIII вѣка не давали яснаго представленія о древней географіи Россіи. Тому, кто впервые сдѣлалъ исторію нашего отечества доступною для большинства, принадлежитъ и важная заслуга въ дѣлѣ разработки предмета, о которомъ идетъ рѣчь: пользуясь нашими письменными памятниками, на сколько они были необходимы для построенія общей исторіи Россіи, Карамзинъ, не смотря на неудовлетворительность въ его время историческихъ пособій, избѣгъ тѣхъ произвольныхъ догадокъ и ошибокъ, въ какія нерѣдко впадали его предшественники, такъ что на основаніи его объясненій можно было составить довольно вѣрную карту древней Руси. Около того же времени явились превосходныя изслѣдованія Лерберга, пріемы котораго въ изученіи историко-географическихъ вопросовъ до сихъ поръ остаются образцовыми. Изъ слѣдовавшихъ затѣмъ трудовъ по русской исторической географіи замѣчательны сочиненія Арцыбышева, Надеждина, Неволина и Погодина. Независимо отъ того, въ послѣдніе двадцать лѣтъ явилось, кромѣ нѣкоторыхъ монографій, не мало замѣтокъ и указаній въ различныхъ изданіяхъ; напечатаны дотолѣ неизвѣстные памятники, заключающіе въ себѣ новыя данныя; явились разныя пособія по географіи Россіи;

Библиотека "Руниверс"

критическая разработка древнѣйшихъ памятниковъ подвинулась впередъ, впервые было обращено вниманіе на распространеніе географическихъ свѣдѣній въ древней Руси, болѣе и болѣе сталъ выясняться вопросъ о вліяніи природы восточной Европы на народы, въ ней обитавшіе, была сознана важность вопроса о колонизаціи русской народности, вслѣдствіе чего и предметъ исторической географіи получилъ новое освѣщеніе.

Все это привело къ убѣжденію въ необходимости новаго труда, въ которомъ были бы сведены въ одно цѣлое результаты частныхъ изысканій и дополнены, а также провѣрены, предшествовавшія работы по русской исторической географіи.

Такого рода трудъ для географіи древнѣйшаго лѣтописнаго свода исполненъ нынѣ г. Барсовымъ. Подробная и основательная оцѣнка его сдѣлана, по приглашенію Академіи, профессоромъ Е. Е. Замысловскимъ, который, въ своей рецензіи, отзываясь о немъ съ большою похвалою, замѣчаетъ, что въ немногихъ трудахъ русскихъ ученыхъ по исторической географіи можно встрѣтить такое обстоятельное изученіе источниковъ, какимъ отличается трудъ г. Барсова.

Самъ авторъ говоритъ, что онъ „имѣлъ цѣлью не полное и всестороннее изложеніе исторической географіи Руси въ эпоху, обнимаемую начальною лѣтописью, но главнымъ образомъ разъясненіе только тѣхъ вопросовъ этого обширнаго предмета, которые ставитъ сама лѣтопись, и что поэтому, онъ „ограничивается разборомъ географическаго матеріала, который она представляетъ“. Не смотря на такое скромное опредѣленіе задачи авторомъ, его трудъ, по замѣчанію рецензента, представляетъ разборъ не только матеріала начальной лѣтописи, но и другихъ памятниковъ; видно, что авторъ хорошо изучилъ предметъ и приложилъ стараніе къ удовлетворительному рѣшенію даже и такихъ вопросовъ, которые не имѣли прямаго отношенія къ его изслѣдованію. При этомъ, касаясь какого либо еще мало выясненнаго или спорнаго вопроса, авторъ обстоятельно знакомитъ читателя съ литературой этого вопроса, и пользуется источниками согласно требованіямъ современной исторической критики.

Кромѣ этихъ достоинствъ, рецензентъ ставитъ г. Барсову въ заслугу и строгость его изложенія. Отъ опредѣленія понятій о мірѣ, извѣстномъ начальной лѣтописи, авторъ обращается къ описанію рѣчныхъ системъ, а затѣмъ переходитъ къ разбору извѣстій о племенахъ Литовскомъ, Финскомъ и Славянскомъ; извѣстія же о Тюрк-

Библиотека "Руниверс"

скомъ племени, къ сожалѣнію, не сведены имъ въ одно цѣлое, но разбросаны по разнымъ мѣстамъ.

Входя въ подробную оцѣнку отдѣльныхъ частей сочиненія, рецензентъ указываетъ на любопытнѣйшія изъ заключеній автора. Въ особенности замѣчательнымъ, по обстоятельности доказательствъ и разнообразію ученыхъ пріемовъ, г. Замысловскій считаетъ изслѣдованіе г. Барсова о томъ, какую область занимали Ятвяги, вопросъ о національности которыхъ онъ признаетъ еще не рѣшеннымъ. Въ этомъ изслѣдованіи, едва ли не лучшемъ отдѣлѣ всего сочиненія, авторъ, принявъ въ соображеніе и раннія и болѣе позднія извѣстія, находящіяся какъ въ русскихъ, такъ и въ польскихъ источникахъ, а равно и данныя нынѣшней номенклатуры, пришелъ къ выводу, отличному отъ общеприпятаго въ настоящее время, и состоящему въ томъ, что первоначальныя поселенія Ятвяговъ простирались по Нѣману и его южнымъ притокамъ, отъ водораздѣла съ Припетью и Побужьемъ, на сѣверо-западъ отъ того мѣста, гдѣ Нѣманъ принимаетъ сѣверное направленіе у Гродна. Для опредѣленія области, которую занимало племя Весь, авторъ приводитъ много указаній изъ современной географической номенклатуры, могущихъ служить для дальнѣйшей разработки исторической географіи. Любопытно также объясненіе, какое даетъ онъ характеру извѣстій начальной лѣтописи о финскихъ племенахъ вообще, — объясненіе, которое существенно разнится отъ объясненія Шегрена. Наконецъ, г. Замысловскій считаетъ новымъ и важнымъ то, что̀ сдѣлано авторомъ для опредѣленія колонизаціи каждаго славянскаго племени въ восточной Европѣ.

Указавъ на достоинства разсмотрѣннаго имъ труда, рецензентъ не скрываетъ и его недостатковъ. Онъ находитъ, что нѣкоторые изъ выводовъ автора построены на нетвердомъ основаніи. Сколь ни многочисленны были матеріалы, находившіеся въ распоряженіи г. Барсова, онъ однако упустилъ изъ виду нѣкоторыя важныя пособія. Не говоря уже о томъ, что онъ не пользовался статьями и замѣтками, разсѣянными въ губернскихъ вѣдомостяхъ и другихъ провинціальныхъ изданіяхъ, представляется страннымъ то обстоятельство, что ему, по видимому, было неизвѣстно изслѣдованіе академика Видемана о прежней судьбѣ и нынѣшнемъ состояніи Ливовъ, тогда какъ въ этомъ сочиненіи онъ нашелъ бы не мало полезныхъ для себя данныхъ. Жаль также, что авторъ недостаточно воспользовался указаніями, которыя онъ могъ бы найти въ изданныхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ спискахъ населенныхъ мѣстъ.

Библиотека "Руниверс"

Впрочемъ, не смотря на недостатки и нѣкоторыя неточности въ изложеніи, трудъ г. Варсова, по мнѣнію рецензента, долженъ занять мѣсто въ ряду полезныхъ изслѣдованій по русской исторіи.

По присужденіи Уваровскихъ наградъ, Академія сочла своимъ долгомъ публично выразить свою признательность А. Н. Попову, и профессорамъ И. Е. Энгельману, Е. Е. Замысловскому и К. Н. Бестужеву-Рюмину за содѣйствіе, которое они ей оказали при оцѣнкѣ конкурсныхъ сочиненій, и присудила имъ установленныя для сего золотыя Уваровскія медали.

Независимо отъ большихъ и малыхъ наградъ графа Уварова, положеніемъ объ этихъ наградахъ установлена особая поощрительная премія, въ 500 рублей, за удовлетворительное рѣшеніе задачъ, предлагаемыхъ Академіей по исторіи и древностямъ русскимъ.

На нынѣшній разъ Академія вновь обращаетъ вниманіе занимающихся русскою исторіей на вопросы, предложенные ею прежде, и приглашаетъ ихъ доставить ей рѣшеніе слѣдующихъ задачъ:

1) Исторія древне-русскихъ княжествъ.

2) Историческія отношенія Польскаго народа и государства къ Русскому племени.

3) О составѣ западно-русскихъ, такъ-называемыхъ литовскихъ, лѣтописей.

и 4) Историко-литературное обозрѣніе печатныхъ полемическихъ сочиненій, статей и брошюръ, изданныхъ въ свѣтъ Русскими въ сѣверо- и юго-западномъ краяхъ Россіи съ конца XVI до начала XVIII столѣтій.

Кромѣ того, Академія предлагаетъ слѣдующія двѣ новыя задачи:

1) Коментарій на договоры Кіевскихъ великихъ князей съ Византійскими царями.

2) Исторія мореплаванія у Славянскихъ народовъ до XIII вѣка.

Задачи, предлагаемыя Императорскою Академіей Наукъ на соисканіе поощрительныхъ премій графа Уварова.

I. Задачи, прежде предложенныя и нынѣ возобновленныя:

1.

Исторія древне-русскихъ княжествъ.

Монографіи, касающіяся исторіи древне-русскихъ княжествъ, вообще не многочисленны и не всѣ удовлетворяютъ условіямъ совре-

Библиотека "Руниверс"

менной науки. Принимая это во вниманіе, Академія приглашаетъ желающихъ заняться изслѣдованіями по этому предмету. Имѣя въ виду обширность предлагаемой задачи, Академія предоставляетъ конкурентамъ — самимъ избрать себѣ предметомъ то или другое княжество и дать своему сочиненію болѣе или менѣе обширный объемъ. Хотя наша историческая литература еще нуждается въ хорошихъ сочиненіяхъ касательно исторіи княжествъ: Кіевскаго, Полоцкаго, Смоленскаго, Владимірскаго, Тверскаго и пр., однако къ конкурсу допускаются, кромѣ сочиненій объ этихъ достояніяхъ Рюриковой династіи, изслѣдованія и о литовско-русскихъ княжествахъ Гедиминовой династіи.

2.

Объ историческихъ отношеніяхъ Польскаго народа и государства къ Русскому племени.

Предметъ этотъ уже самъ по себѣ столь богатъ важными эпизодами, что, предлагая соискателямъ Уваровской преміи заняться имъ, Академія предоставляетъ ихъ произволу избрать себѣ какой-либо спеціальный предметъ по этой отрасли исторической науки. Не излишне однако замѣтить, что здѣсь, подъ историческими отношеніями, разумѣются не исключительно войны и дипломатическія сношенія Польши съ Россіей, но литературныя, юридическія и церковныя дѣла преимущественно великаго княжества Литовскаго, въ которыхъ отразилась борьба польскаго и русскаго элементовъ. Само собою разумѣется, что авторъ, разбирая эту борьбу, долженъ соблюдать строгое безпристрастіе въ оцѣнкѣ историческихъ личностей и событій.

Хотя Академія не желаетъ стѣснять конкурентовъ въ выборѣ спеціальныхъ изслѣдованій, имѣющихъ цѣлью разъяснить историческія отношенія Польскаго племени къ Русскому, однако она сочла полезнымъ на этотъ разъ обратить особенное вниманіе ученыхъ на два слѣдующіе предмета:

3.

О составѣ западно-русскихъ, такъ-называемыхъ литовскихъ, лѣтописей.

Въ ряду источниковъ отечественной исторіи занимаютъ не послѣднее мѣсто западно-русскія лѣтописи о великомъ княжествѣ Литовскомъ. До насъ дошло нѣсколько ихъ списковъ; изъ нихъ одни напечатаны, другіе остаются еще въ рукописяхъ; сверхъ того, есть указаніе въ польскихъ историкахъ на существованіе лѣтописей этого

Библиотека "Руниверс"

же разряда, болѣе подробныхъ, чѣмъ тѣ, которыя находятся теперь у насъ въ рукахъ. Академія предлагаетъ на разрѣшеніе слѣдующую задачу: опредѣлить по печатнымъ спискамъ, а если угодно, то и по рукописнымъ, время составленія дошедшихъ до насъ западно-русскихъ, такъ-называемыхъ литовскихъ, лѣтописей и ихъ составъ, и показать, какими извѣстіями изъ этихъ лѣтописей воспользовались, съ одной стороны, составители русскихъ лѣтописныхъ сборниковъ, а съ другой — польскіе историки, какъ напримѣръ, Длугошъ, Стрымковскій, Бѣльскій и другіе. При этомъ изъ польскихъ историковъ необходимо сдѣлать выборку событій, имѣющихъ отношеніе къ западно-русскому краю и не находящихся въ напечатанныхъ спискахъ западно-русскихъ лѣтописей; расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ и привести соотвѣтствующія имъ мѣста, если таковыя имѣются, изъ сѣверно-русскихъ и южно-русскихъ лѣтописей, и указать, какія изъ этихъ извѣстій и на какомъ основаніи должны были находиться въ литовскихъ лѣтописяхъ.

4.

Историко-литературное обозрѣніе печатныхъ полемическихъ сочиненій, статей и брошюръ, изданныхъ въ свѣтъ Русскими въ сѣверо- и юго-западныхъ краяхъ Россіи съ конца XVI до начала XVII столѣтій.

Сочиненія эти хотя и касаются по большей части богословскихъ предметовъ, однако въ то же время заключаютъ въ себѣ не мало характеристическихъ чертъ и указаній для исторіи политическихъ отношеній, нравовъ и просвѣщенія помянутой эпохи. Вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ сохранены свѣдѣнія о писателяхъ и дѣятеляхъ, въ настоящее время или забытыхъ, или очень мало извѣстныхъ. Все это имѣетъ значеніе не только по отношенію къ исторіи русской литературы, но и для уразумѣнія духа и направленія умовъ въ тѣхъ краяхъ. Само собою разумѣется, что въ подобномъ изслѣдованіи нельзя пройдти безъ вниманія польско-латинскія книги и брошюры, которыя или вызывали, или преслѣдовали полемическія сочиненія бѣлорусскія и малорусскія, но такъ какъ о первыхъ есть уже обстоятельныя описанія въ польской литературѣ (въ трудахъ Іохера, Вишневскаго, Мацѣевскаго и друг.), то о нихъ въ обозрѣніи можно уже говорить лишь на столько, на сколько эти книги и брошюры послужатъ матеріаломъ для разъясненія бѣлорусскихъ и малорусскихъ произведеній

Библиотека "Руниверс"

II. Задачи, вновь предложенныя.

1.

Исторія мореплаванія у Славянскихъ народовъ до XIII вѣка.

Между многочисленными пробѣлами, которые замѣчаются въ отечественной исторіи, особенно чувствителенъ недостатокъ исторіи русской торговли и связаннаго съ нею плаванія по рѣкамъ и морямъ до Петра Великаго. Восполнить этотъ пробѣлъ — становится одною изъ главныхъ задачъ для всѣхъ понимающихъ тѣсную связь, которая существуетъ между культурною жизнію древней Россіи и расширеніемъ ея торговыхъ сношеній.

Чтобы обратить вниманіе на этотъ предметъ, Академія предлагаетъ задачу объ исторіи мореплаванія у Славянскихъ народовъ до XIII вѣка. Форма изложенія этой задачи совершенно предоставляется соискателямъ наградъ.

При разнообразіи и частію при малой извѣстности источниковъ о началѣ славянскаго мореплаванія, точныя ссылки на лѣтописи и другіе документы необходимы.

Сравнительное изученіе мореплаванія Славянскихъ народовъ не можетъ не быть плодотворнымъ, особенно при оцѣнкѣ перваго періода его. Вотъ почему не лишнимъ будетъ собраніе и разборъ древнихъ терминовъ, касающихся до морскаго дѣла, общихъ всѣмъ Славянамъ, или заимствованныхъ въ упомянутый періодъ отъ другихъ народовъ. Кромѣ того, нельзя не желать отъ составителя такой спеціальной исторіи точнаго изложенія причинъ, по которымъ тотъ или другой славянскій народъ, хотя жившій по большой рѣкѣ или на берегу моря, не успѣлъ ознаменовать себя морскими предпріятіями, какъ для военныхъ, такъ и для торговыхъ цѣлей.

Хотя морскіе набѣги и торговыя предпріятія на морѣ Македонскихъ, Далматинскихъ и Померанскихъ Славянъ должны занять видное мѣсто въ исторіи славянскаго мореплаванія до XIII вѣка, тѣмъ не менѣе необходимо обратить особенное вниманіе на происхожденіе и первоначальное развитіе русскаго мореплаванія на Черномъ, Каспійскомъ и Балтійскомъ моряхъ, при чемъ слѣдуетъ ясно указать обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ, уже во время удѣльнаго періода нашей исторіи, мореходное дѣло приходило въ упадокъ еще до нашествія Татаръ.

При малочисленности имѣющихся по предмету такого изслѣдова-

Библиотека "Руниверс"

нія матеріаловъ, настоящая задача не можетъ, кажется, представить особенныхъ затрудненій.

2.

Коментарій на договоры великихъ князей Кіевскихъ съ Византійскою Имперіей.

Давно уже сознано, что договоры 907, 911, 944 и 972 годовъ, дошедшіе до насъ въ славяно-русскомъ переводѣ, и то только по сохранившимся позднимъ спискамъ, представляютъ для изслѣдователей много затруднеиій и даже совершенно темныхъ мѣстъ. Одна изъ главныхъ тому причинъ, которыхъ, какъ извѣстно, не мало, — та, что переводчики слишкомъ заботились о дословной передачѣ содержанія византійскаго подлинника.

Много уже сдѣлано для объясненія этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ русской старины. Но для полнаго пониманія и систематическаго изложенія содержанія ихъ предстоитъ еще предварительная обработка нѣкоторыхъ отдѣльныхъ, болѣе или менѣе темныхъ, вопросовъ. Конечно, все это, при современномъ положеніи бытовой исторіи какъ Византіи, такъ и Славянскаго племени, не по силамъ одному лицу. Академія же, считая своевременнымъ пригласить изслѣдователей къ критической оцѣнкѣ всего того, что до сихъ поръ уже сдѣлано по этому предмету, предлагаетъ задачу о составленіи филологическаго и историческаго коментарія на помянутые договоры. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, не желая стѣснять соискателей особою программой, Академія полагаетъ однако не лишнимъ указать на нѣкоторыя условія, которыя необходимо имѣть въ виду будущему коментатору договоровъ.

Прежде всего текстъ договоровъ долженъ быть возстановленъ по всѣмъ дошедшимъ до насъ спискамъ, заслуживающимъ вниманія, и раздѣленъ на статьи. Само собою разумѣется, что при разбросанности трудовъ, касающихся языка и содержанія договоровъ, необходимо сколь возможно полное исчисленіе этихъ предварительныхъ розысканій въ связи съ критическимъ разборомъ тѣхъ изъ нихъ, которыя способствовали къ научному пониманію договоровъ. Коментарій же долженъ представить краткій сводъ всего того, что до сихъ поръ сдѣлано для объясненія заключающихся въ договорахъ статей или особенно важныхъ терминовъ. Это критическое сравненіе, безъ сомнѣнія, поведетъ коментатора къ новымъ соображеніямъ, но весьма желательно, чтобъ онъ при этомъ не пренебрегалъ другими памят-

Библиотека "Руниверс"

никами славяно-русской и византійской письменности, могущими служить новымъ подспорьемъ предмету, тѣмъ болѣе, что въ послѣднія двадцать лѣтъ число византійскихъ договорныхъ и другихъ грамотъ значительно увеличилось. Исчерпать этотъ запасъ источниковъ — дѣло времени, но приращеніе параллельныхъ мѣстъ въ договорахъ и подобныхъ памятникахъ значительно облегчитъ задачу будущихъ историковъ воспроизвести переводъ договоровъ на офиціально-литературномъ языкѣ, бывшемъ въ употребленіи въ Византіи.

Въ концѣ коментарія слѣдуетъ приложить алфавитный указатель словъ и именъ, заключающихся въ договорахъ, съ указаніемъ на мѣсто, гдѣ то или другое изъ нихъ объяснено.

Библиотека "Руниверс"

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Дерптскаго университета въ 1873 году; личный составъ преподавателей; вакантныя каѳедры; усиленіе учебной дѣятельности студентовъ; награды за сочиненія на заданныя темы; ученые труды преподавателей; публичныя лекціи; утвержденіе въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ; командировки съ ученою цѣлію; свѣдѣнія объ учащихся; бюджетъ университета; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій.

Въ теченіе 1873 года въ Дерптскомъ университетѣ состояло слѣдующее число преподавателей: по историко-филологическому факультету: ординарныхъ профессоровъ — 7, доцентовъ — 4, лекторовъ — 2; по физико-математическому: ординарныхъ профессоровъ — 8, экстраординарный — 1, астрономъ-наблюдатель — 1, доцентовъ — 2; по медицинскому: ординарныхъ профессоровъ — 10, экстраординарный — 1, прозекторъ — 1, доцентовъ — 2, ученый аптекарь — 1; по юридическому: ординарныхъ профессоровъ 6; по богословскому: ординарныхъ профессоровъ — 5, доцентъ — 1; сверхъ того профессоръ богословія для студентовъ православнаго исповѣданія и 6 учителей искусствъ. Общее число преподавателей по всѣмъ факультетамъ было 59, въ томъ числѣ: ординарныхъ профессоровъ — 36, экстраординарныхъ — 2, профессоръ богословія для студентовъ православнаго исповѣданія — 1, прозекторъ — 1, астрономъ-наблюдатель — 1, доцентовъ — 9, ученый аптекарь — 1, лекторовъ — 2, учителей искусствъ — 2. Сверхъ общаго, положеннаго по штату, числа преподавателей состояли: помощникъ профессора спеціальной патологіи и клиники по части поликлиники — 1 и законоучитель для студентовъ римско-католическаго исповѣданія — 1. Приватъ-доцентовъ было 4: по медицинскому факультету — 2 (по хирургіи и по спеціальной патологіи) и по физико-математическому — 2

Библиотека "Руниверс"

(по зоологіи и по химіи). Вакантныхъ каѳедръ было 8: спеціальной патологіи и клиники — съ 11-го ноября 1872 года; географіи, этнографіи и статистики — съ 1-го іюля 1873 года; русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣдѣнія вообще — съ 1-го октября 1873 года; латышскаго, французскаго и италіанскаго языковъ; сверхъ того одна доцентура и должность преподавателя началъ архитектуры.

Въ 1873 году факультеты имѣли засѣданій: богословскій — 10, юридическій—15, медицинскій—15, историко-филологическій—14 и физико-математическій—10. Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ, независимо общеустановленныхъ мѣръ, какъ-то стипендій и пособій, освобожденія отъ платы за слушаніе лекцій, присужденія медалей за научные труды, изданія отличнѣйшихъ изъ нихъ на счетъ университета, въ минувшемъ году, по примѣру прежнихъ лѣтъ, сверхъ лекцій существовали по всѣмъ факультетамъ бесѣды, репетиціи, практическія упражненія въ письменныхъ занятіяхъ и научныя занятія, и во всѣхъ такихъ занятіяхъ студенты участвовали въ весьма значительномъ числѣ. Изъ разсужденій, представленныхъ студентами для соисканія наградъ или для пріобрѣтенія ученой степени, по особенной полнотѣ, основательности и самостоятельности, заслуживаютъ особеннаго вниманія слѣдующія: въ юридическомъ факультетѣ: Хр. Эйзеншмидта — „Der Criminalprocess nach Dörptschen Stadtrecht während der Periode der polnischen Herrschaft", А. Дейбнера — „Die Location der Gläubiger nach Rigaschem Concursprocess", барона Макс. Радена — „Stam-und Erbgüter nach curländischem Rechte", Ник. Шефера—„Der Executivprocess in Curland"; въ медицинскомъ диссертаціи докторовъ: Роб. Гюбера—„Zur Histologie der pathologischen Verknöcherung", Конст. Эверса—„Ueber die phisiologischen Wirkungen des aus Aconitum Ferox dargestellten Aconitin", Берн. Ароштейна—„Ueber die Darstellung salzfreier Albuminlösungen vermittelst der Diffusion"; Павл. Крамора — „Experimentelle Untersuchungen über den Blutdruck im Gehirn", Никол. Герца— a) „Untersuchungen über der Nativellesschen Digitalispräparate in chemischer und physiologicher Beziehung„ и b) „Ein Beitrag zur physiologischen Wirkung des Dagitalins auf den Blutdruck"; въ историко-филологическомъ разсужденія кандидатовъ: Эд. Томберга — „Die Stellung Gregors VII zu Berengar von Tours", Фр. Глазенапа—„Ueber das sprachliche Geschlecht des Begriffs- Erde-und einiger andores sich daran schliessender Begriffe", Авг. Ливенталя—„Zur Agrargesetzgebung

Библиотека "Руниверс"

und Statistik der bäuerlichen Vethältnisse in Curland", Вильг. Стиды— „Das Merkantilsystem in Russland unter Peter dem Grossen"; въ физико-математическомъ разсужденіе кандидата Юл. Пульса — „Ueber die Metall-Glyceride".

За представленныя въ 1873 году сочиненія награждены медалями слѣдующіе студенты: золотыми: медицинскаго факультета — Антонъ Яновицкій за разсужденіе на задачу „О физіологическомъ дѣйствіи переливанія" и физико-математическаго—Юлій Пульсъ за разсужденіе „О металлическихъ глицеридахъ"; серебряною — богословскаго факультета Густавъ Каровъ за разсужденіе „О реформаторской дѣятельности Лютера по богослуженію"; медали сенатора фонъ-Врадке— юридическаго факультета баронъ Гаральдъ Толль за разсужденіе „Исторія управленія города Дерпта"; медали Фармацевтическаго общества въ С.-Петербургѣ—провизоръ Эдуардъ Леманъ за разсужденіе „Составъ коры крушины и вишневыхъ косточекъ, доставляющій синильную кислоту.

Въ 1873 году напечатали слѣдующіе труды преподаватели Дерптскаго университета: профессоры: А. фонъ-Эттингенъ — „Christliche Sittenlehre", 2 части; „Zur Rechtfertigung einer Socialethik" въ Dorpater Zeitschrift für Theologie und Kirche; „Ueber Socialwissenschaft der Zukunft" въ Baltische Monatschrift; Фолькъ — „Ueber die Bedeutung der semitischen Philologie für die alttestamentliche Exegese"; Эрдманъ — „Die Vindication der Mobilien nach Provincialrecht" въ Dorpater Rechtswissenschaft; Г. фонъ-Эттингенъ—„Zur Casuistik und Diagnostik der Orbitaltumoren въ Klinische Monatshefte für Augenheilkunde"; Вейрихъ —„Rückblick auf die Choleraepidemie zu Dorpat im Jahre 1871" въ Dorpater medicinische Zeitschrift; Цетхеръ — „Ueber die Entwickelung der traumatischen Keratitis" въ Dorpater medicinische Zeitschrift; Драгендорфъ—„Zur Völksmedicin Turkestans" въ Repertorium für Pharmacie Бухнера, „Ueber den jetzigen Zustand der Völksmedicin in Turkestan" въ Russische Revue, и „On cantharidal plaster and fluid extract of cantharides" въ Chicago-Pharmacist; Вергманъ —„Zur Behandlung der Erfrierungen въ Dorpater medicinische Zeitschrift, „Specifische Embolie der Lungenkapillaren durch Micracocun in Felttropfen" въ Archiv Лангенбекка (Verhandlungen des 2-ten Chirurgencongresses)—„Ein Fall tödtlicher Fettombolia" въ Berliner klinische Wochenschrift, "Die Lehre von den Kopfverletzungen" (составляетъ часть издаваемаго Питтою и Вильротомъ руководства хирургіи); Стида— „Studien über Ampheoxus lanceolatus" въ запискахъ С.-Петербург-

Библиотека "Руниверс"

ской академіи наукъ, „Образованіе костной ткани“ въ Военно-медицинскомъ журналѣ, „Zur Kritic der Untersuchungen Schöbels über die Haare“ въ Archiv für mikroscopische Anatomie, „Uber den Bau des Rückenmarks der Kochen und der Haie“ въ Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie, „Ueber die Deitung der einzelnen Theile des Fischgehirns“ тамъ же; Паукеръ—„Beiträge zur lateinischen Lexicographie und Wortbildungsgeschichte“ въ Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg, „Zusätze zu den Beiträgen zur lateinischen Lexicographie und Wortbildungsgeschichte“, „Ergänzungen zum lateinischen Lexicon“ въ Zeitschrift für österreichische Gymnasien, „Emendationes in Plinio Valeriano“ въ Bulletin de l'Académie des sciences de St.-Petersbourg; Мейеръ—„Ueber Vocalsteigerung ins besondere in der Verbalflexion“ въ Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung Купа, „Ueber einige deutsche Pronominalbildungen“ тамъ же, „Ueber die livländische Reimchronik“ въ Baltische Monatsschrift и въ Zeitschrift für deutsche Philologie Цахера; Брикнеръ—„Die Reise Katharinas nach Südrussland im Jahre 1787“ въ Russische Revue, „Ein Kleiderreformproject vor Peter dem Grossen“ тамъ же, „Katharina II und die französiche Revolution“ тамъ же, „Des Patriarchen Nikon Ausgabenbuch 1652. Ein Beitrag zur Wirthschaftsgeschichte Russlands“ въ Baltische Monatsschrift, „Разрывъ между Россіею и Турціею въ 1787 году“ въ *Журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія*, „Осада Очакова въ 1788 году“ тамъ же, „Вскрытіе чужихъ писемъ и депешъ при Екатеринѣ I“ въ *Русской Старинѣ*; Тейхмюллеръ—„Ueber die Unsterblichkeit der Seele“; Ульманъ—„Zur Erinnerung an Ch. S. von Stockmar“ въ Preussiche Jahrbücher, „Miscelle über die Haltung des Bärtigen von Sachsen betreffend die sächsische Kurwürde im J. 1523“ въ Archiv für sächsische Geschichte, „Ueber eine coronica principum Misnersium und einige andere Geschichtsquellen des 13 und 14 Jahrhunderts“ въ Forschungen zur deutschen Geschichte; Петерсенъ — „Die Kunst des Pheidias“, „De vita Thucydides disputatio“; К. Шмидтъ — „Hydrologische Untersuchungen“ въ Mémoires de l'Acad. Imp. de St.-Petersbourg, „Die Mineralbutter der Uferfelsen des Irtisch und Jennissei“ въ Bulletin de l'Academie Impériale de St.-Petersb., „Zur chinesischen Diätetik und Pharmakologie“, „Wienerausstellungsnotizen“ въ Dorpater Medicinische Zeitschrift; Арт. фонъ-Эттингенъ— „Ueber Anomographie“ въ Zeitschrift der österreichischen meteorologischen Gesellschaft, „Ueber künstliche Interruption der oscillatorischen Entladung der Leydener Batterie uno über das Gesetz der electri-

Библиотека "Руниверс"

schen Schlagweite" въ Jubelband Поггендорфскихъ лѣтописей; Вилькомъ — „Forstliche Flora von Deutschland und Oesterreich", „Atlas der Botanik"; Шварцъ — Kurzer Bericht über die Beobachtungen der Sterne des nördlichen Himmels bis zur G-t Grösse inclus." въ Vierteljahresschrift der astronomischen Gesellschaft; Генъ —„Bericht über die landwirthschaftliche Abtheilung der Wiener Weltausstellung des Jahres 1873"; доценты: Рейгеръ —„Wie hilft man in plötzlicher Lebensgefahr"; Рюль —„Ueber die Ammianhandschrift des Accursius" въ Rheinische Museum, „Dionysios Periegetes" тамъ же, „Nachträgliches zu Justinus" въ Jahrbücher von Jahn, тамъ же, „Kaukasische Inschrift" въ Philologus; приватъ-доцентъ Зейдлицъ — „Fauna baltica" вып. III, „Kritik über die Auflösung der Arten" въ Ausland.

Въ 1873 году публичныя лекціи читали: профессоры: фонъ-Энгельгардтъ — „Соціальный политическій прогрессъ и христіанская церковь", „О іезуитахъ и іезуитизмѣ"; Фолькъ—„Гиксосы и Фараонъ исхода Израильтянъ", „Объ именахъ Божіихъ въ ветхомъ завѣтѣ", „Значеніе семитической филологіи для экзегетики древняго завѣта"; Мюлау — „Ремесла у Израильтянъ", „О Самаритянахъ"; Эрдманъ — „О гражданскомъ бракѣ", „Нѣчто о прежнихъ цѣхахъ"; Г. фонъ-Эттингенъ — „О чувствахъ и органахъ чувствъ", „О мѣшетчатыхъ опухоляхъ глазницы"; Вейрихъ—„Взглядъ на бывшую въ 1871 году въ Дерптѣ холерную эпидемію", „Къ вопросу объ оспѣ"; Бетхеръ— „О путяхъ пасоки во внутреннемъ ухѣ", „Къ анатоміи оспеннаго прыща"; Драгендорфъ—„О новѣйшихъ научныхъ работахъ въ Дерптскомъ фармацевтическомъ институтѣ„; Фогель — „О бѣлокровіи", „Объ эпилепсіи", „О значеніи употребленія желудочнаго насоса"; А. Шмидтъ —„Объ очищеніи бѣлковыхъ веществъ діализомъ"; Бергманъ— „О леченіи обмороживаній", „Объ эмболическомъ закупориваніи жировыми сгустками", „Отчетъ о новыхъ открытіяхъ по патологіи febris recurrentis", „О медленно развивающихся формахъ сифилиса", „Объ остановленіи кровотеченій", „Случай усиленнаго мѣстнаго перерожденія костей"; Бемъ —„О дѣйствіи дигиталина"; Стида —„О египетскихъ мумiяхъ"; Мейеръ: „О введеніи въ употребленіе чужихъ словъ въ нѣмецкій языкъ"; Брикнеръ—„Императрица Екатерина II и французская революція", „Публицистика въ Германіи и Франціи въ послѣднія столѣтія", „О развитіи почтъ", „О модахъ во время французской революціи"; Тейхмюллеръ—„О времени", „Измѣняется ли характеръ человѣка или нѣтъ"; Ульманъ—„Императоръ Максимиліанъ I"; Гревингъ — различныя лекціи въ публичныхъ засѣданіяхъ общества

Библиотека "Руниверс"

естествоиспытателей и ученаго Эстскаго общества; К. Шмидтъ — „Объ успѣхахъ химической технологіи въ послѣднее десятилѣтіе", „Школа на вѣнской выставкѣ"; Гельмлингъ—„О начальной механикѣ", „Опытныя опредѣленія числа колебаній тона опредѣленной высоты"; Арт. фонъ-Эттингенъ — „Ученіе объ электричествѣ и примѣненіе его въ техникѣ", „О происхожденіи гармоническаго пѣнія въ Европѣ", „О методѣ измѣренія температуры"; Вилькомъ—„О возстаніи въ Испаніи"; Шварцъ—„О наименьшихъ тѣлахъ во вселенной"; доценты: Гетгенсъ — „О приметулалинѣ", „О новомъ произведеніи разложенія тепна и объ отдѣленіи алкаліевъ изъ тѣла животныхъ"; Раоль—„Древне-римскій домъ"; приватъ-доцентъ Зейдлицъ — о десцендентціальной теоріи.

Въ 1873 году Дерптскимъ университетомъ утверждены: въ степени доктора медицины—В. Кубицкій, Ѳ. Бетхеръ, Фр. Нейманъ, І. Гёпе, И. Кармель, Р. Гюберъ, І. Тараскевичъ, К. Эверсъ, В. Ароиштейнъ, П. Крамеръ, Э. Брюкнеръ, И. Герцъ, І. Фикъ, С. Унтербергеръ, Э. Гарнакъ, И. Іогансонъ, А. Кни, Г. Юндзалъ; въ степени магистра: Э. Блокъ—астрономіи, Г. Бунге—химіи и В. Дыбовскій — минералогіи. Сверхъ того удостоены степени доктора: гёттингенскій профессоръ Фр. Велеръ — по химіи, старшій учитель гёттингенской гимназіи М. Фикъ — по сравнительному языковнанію, и аптекарь въ Ригѣ К. Фредеркингъ — степени магистра фармаціи. Затѣмъ утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: кандидата—40 (по юридическому факультету—27, историко-филологическому — 7, физико-математическому — 6), дѣйствительнаго студента — 23 (по богословскому — 4, юридическому—12, историко-филологическому—7), лекаря—2, уѣзднаго врача — 2, инспектора врачебной управы — 2, магистра фармаціи — 1, провизора — 21, аптекарскаго помощника—45, повивальной бабки—24.

Съ Высочайшаго соизволенія командированы были за границу съ ученою цѣлію: профессоръ Драгендорфъ, на 4 мѣсяца, для посѣщенія Вѣнской всемірной выставки, съ цѣлію изученія лекарственныхъ снадобій, для принятія участія въ общемъ собраніи общества австрійскихъ аптекарей, въ засѣданіяхъ общества германскихъ аптекарей и съѣзда естествоиспытателей въ Висбаденѣ, для посѣщенія гористыхъ странъ съ цѣлію изслѣдованія въ породахъ аконита digitalis дѣйствующихъ составныхъ частей и для пользованія разными библіотеками для продолженія своего труда о химическомъ анализѣ растеній и частяхъ растеній; профессоръ Стида, на 4 мѣсяца, для изу-

Библиотека "Руниверс"

ченія на всемірной выставкѣ касающихся анатоміи и анатомической техники предметовъ, и въ Тріестѣ—для продолженія начатыхъ имъ анатомическихъ изслѣдованій надъ безпозвоночными животными; профессоръ Мейеръ, на лѣтнее вакаціонное время и 29 дней, въ разныя библіотеки Германіи для изученія средневысоконѣмецкаго языка, съ цѣлію окончанія своего труда о лифляндской риѳмованной лѣтописи; доцентъ Гаусманъ, на 1 годъ, для занятій въ историческихъ библіотекахъ и архивахъ съ цѣлію изученія германской исторіи XIV вѣка; приватъ-доцентъ и ассистентъ Рейгеръ, на 8 мѣсяцевъ, для посѣщенія и изученія хирургическихъ барачныхъ построекъ.

Студентовъ въ Дерптскомъ университетѣ къ 1-му января 1873 г. состояло 686; въ теченіе года вновь поступило 294, въ томъ числѣ: изъ гимназій—141, бывшихъ студентовъ Дерптскаго университета—35, изъ другихъ университетовъ—11, аптекарскихъ помощниковъ—37; въ теченіе года выбыло: до окончанія курса—119, по окончаніи курса—90, всего 209; затѣмъ къ 1-му января 1874 года оставалось 701, которые распредѣлены были по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: въ богословскомъ — 86, въ юридическомъ — 190, въ медицинскомъ—259, въ историко-филологическомъ—80 (по разряду историко-филологическому — 59, по камеральному — 21), въ физико-математическомъ — 86 (по математическому разряду—33, по разряду естественныхъ наукъ — 53). Постороннихъ слушателей къ 1-му января 1873 года было 6; въ теченіе 1873 года вновь поступило 25; въ теченіе года выбыло: до окончанія курса—25, по окончаніи курса—1; затѣмъ къ 1-му января 1874 г. оставалось 5. Изъ общаго числа студентовъ, простиравшагося въ 1873 году до 910 человѣкъ, освобождено было отъ платы за слушаніе лекцій: въ первомъ семестрѣ—158, во второмъ—161, среднимъ числомъ—160 студентовъ, что составляетъ $17^3/_8$ общаго числа. Въ 1873 году стипендіатовъ было: въ богословскомъ факультетѣ—9 (2.550 руб.), въ юридическомъ—4 (291 руб. 66 коп.), въ медицинскомъ—19 (5.450 руб.), въ историко-филологическомъ—20 (1.800 р.), въ физико-математическомъ—2 (300 руб.), стипендіатовъ Виленскаго евангелическо-реформатскаго синода — 3 (500 руб.), всего 57 стипендіатовъ на сумму 10.891 руб. 66 коп. Расходъ этотъ, за исключеніемъ 500 руб. на стипендіатовъ Виленскаго евангелическо-реформатскаго синода, произведенъ изъ суммы, положенной по штату университета на стипендіи.

По финансовой смѣтѣ на содержаніе Дерптскаго университета въ 1873 году ассигновано было 212.144 руб. 45 коп., въ томъ числѣ:

Библиотека "Руниверс"

на содержаніе личнаго состава 135.923 руб., на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы—54.650 руб., на стипендіи и пособія студентамъ—14.000 руб., на награды и пособія—2.000 руб., на экипировку окончившимъ курсъ врачамъ—600 руб., на расходы при чтеніи публичныхъ лекцій по техническимъ наукамъ—971 руб. 45 коп., на содержаніе хирургической клиники, въ дополненіе къ штатной суммѣ, 4.000 руб. Спеціальныхъ средствъ въ 1873 году поступило всего на сумму 6.983 руб., именно: сбора за слушаніе лекцій—5.705 руб., и за матрикулы—1.278 руб. Сумма эта израсходована сполна по распоряженію правленія университета.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Дерптскаго университета къ 1-му января 1874 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ общей университетской библіотекѣ состояло книгъ и періодическихъ изданій — 124.897, рукописей — 710; плановъ, картъ и рисунковъ — 5.551; библіотекою пользовались 480 студентовъ. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ: древностей и искусственныхъ работъ—7.174, монетъ и медалей—7.380, сочиненій—1.074. Въ центральномъ музеѣ отечественныхъ древностей: 2.720 экземпляровъ, книгъ—388. Въ математическомъ кабинетѣ: 284 экземпляра и книгъ—284. Въ рисовальной школѣ: 3.848 предметовъ, книгъ — 111. Въ физическомъ кабинетѣ: приборовъ—923, книгъ—372. Изъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ въ 1873 году, особеннаго вниманія заслуживаетъ самозаписывающій анемометръ. Физическими опытными изслѣдованіями занимались: въ первомъ семестрѣ—5, во второмъ—11 студентовъ. Въ химическомъ кабинетѣ: 767 предметовъ, книгъ — 203. Въ химической лабораторіи занимались: въ первомъ семестрѣ — 30, во второмъ — 37 студентовъ, а именно вновь поступившіе студенты квалитативнымъ, старые — квантитативнымъ анализомъ, преимущественно по минеральной химіи (химической геологіи, сельско-хозяйственной химіи), затѣмъ практическимъ изслѣдованіемъ различныхъ аналитическихъ методовъ, приготовленіемъ препаратовъ для анализа и проч. Въ минералогическомъ кабинетѣ: 35.837 предметовъ, книгъ — 651. Изъ пріобрѣтеній заслуживаютъ особаго вниманія квартерные потонные остатки позвоночныхъ животныхъ Самарской губерніи. Практическими упражненіями, состоящими въ измѣреніи кристалловъ и опредѣленіи минераловъ, горныхъ породъ и окаменѣлостей, занимались 15 студентовъ. Въ зоологическомъ музеѣ: 16.020, книгъ—60. Изъ пріобрѣтеній особаго вниманія заслуживаетъ количество прѣсноводныхъ раковинъ Сѣверной Америки. Въ ботаническомъ саду: живыхъ растеній и сѣмянъ—13.376,

Библиотека "Руниверс"

сушеныхъ растеній въ гербаріяхъ—27.300; въ ботанической библіотекѣ — 534 сочиненія. Садъ доставлялъ достаточный матеріалъ для демонстрацій и упражненій въ анализѣ, равно какъ и для микроскопическихъ изслѣдованій. Въ демонстраціяхъ и упражненіяхъ въ анализѣ живыхъ растеній участвовали 8 студентовъ, въ разныхъ другихъ изслѣдованіяхъ—53 студента. Въ сельско-хозяйственномъ и технологическомъ кабинетѣ и лабораторіи для сельско-хозяйственной химіи: предметовъ—1.347, сочиненій—356. Изъ пріобрѣтеній заслуживаютъ вниманія 4 платинныхъ выпаривательныхъ чашки большаго размѣра. Изслѣдованіями по физіологіи процесса питанія занимались два доктора, изслѣдованіями почвы — два студента. Въ астрономической обсерваторіи: инструментовъ — 152, книгъ — 2.529, картъ, эстамповъ и т. д. — 42. Въ анатомическомъ театрѣ коллекцій: для анатоміи человѣка—757, для сравнительной анатоміи—2.307, инструментовъ, статуй, моделей — 232, сочиненій — 163. Изъ полученныхъ 23 труповъ употреблены: 5 — для хирургическихъ цѣлей, 14 — для упражненій въ приготовленіи анатомическихъ препаратовъ, и одинъ трупъ — для лекцій. Изслѣдованіями труповъ занимались 30 студентовъ. Въ физіологическомъ институтѣ: предметовъ—258, сочиненій—71. Изъ пріобрѣтеній заслуживаетъ особеннаго вниманія кимографіонъ съ часами. Спеціально-научными изслѣдованіями занимались 3 студента. Въ патологическомъ институтѣ: предметовъ — 1.555, сочиненій — 96. Научными изслѣдованіями занимались 4 студента, вскрыто 52 трупа. Въ фармацевтическомъ институтѣ: предметовъ — 2.269, сочиненій—10. Для коллекціи химическихъ препаратовъ сдѣлано 140 нумеровъ. Въ практическихъ занятіяхъ по химіи участвовали 69 студентовъ медицины и 61 фармацевтъ. Научными работами бо̀льшаго объема занимались 12 лицъ. Въ фармакологическомъ институтѣ: предметовъ — 1.125, сочиненій — 10. Спеціально-научными изслѣдованіями занимались 10 лицъ. Въ хирургической коллекціи имѣлось: перевязокъ и машинъ — 727, инструментовъ — 1.234. Изъ пріобрѣтеній заслуживаютъ особеннаго вниманія два гальваническихъ снаряда по Штёрсру. Въ коллекціи офталмологической—266, въ коллекціи акушерской—377 инструментовъ. Въ клиникахъ: медицинской (47 практикантовъ): къ 1-му января 1873 года состояло больныхъ—1, въ 1873 году принято — 211, выздоровѣло — 54, выпущено получившихъ облегченіе или неизлечимо-больныхъ — 121, умерло—34, къ 1-му января 1874 года больныхъ не осталось; въ хирургической (46 практикантовъ): къ 1-му января 1873 года состояло — 25, въ 1873

Библиотека "Руниверс"

году принято—266, выздоровѣло—137, выпущено—121, умерло—20, осталось къ 1874 году — 13; офталмологической (20 практикантовъ): къ 1873 году состояло — 2, въ теченіе года принято — 150, выздоровѣло—71, выпущено—80, умеръ—1, къ 1874 году не осталось ни одного; въ акушерской (43 практиканта): къ 1873 году—4, принято—100, выздоровѣло—73, выпущено—27, умерло—3, къ 1874 году осталось — 1; въ университескомъ отдѣленіи окружной лечебницы (7 практикантовъ): къ 1873 году — 38, принято — 236, выздоровѣло—145, выпущено—80, умерло—24, къ 1874 году осталось—25. Число изслѣдованій труповъ и судебныхъ вскрытій было 45.

ГИМНАЗІИ.

О состояніи и дѣятельности Архангельской мужской гимназіи въ 18⁷³/₇₄ учебномъ году.

Архангельская гимназія преобразована согласно дѣйствующему нынѣ уставу гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія съ начала 18⁷²/₇₃ учебнаго года. Въ 17⁷³/₇₄ учебномъ году въ четырехъ низшихъ классахъ былъ уже введенъ полный курсъ классическихъ гимназій съ обоими древними языками; въ V-мъ преподавался лишь одинъ латинскій языкъ, согласно распоряженію министерства; взамѣнъ греческаго языка оба новыхъ были оставлены обязательными; VI — VII классы оставались еще реальными и въ нихъ преподавались предметы, положенные программою согласно уставу реальныхъ гимназій, Высочайше утвержденному въ 1864 году.

Движеніе учащихся представляется въ слѣдующемъ видѣ: къ началу 18⁷³/₇₄ учебнаго года съ оставшимися отъ предыдущаго года и съ вновь поступившими состояло—156; въ теченіе года поступило—13; итого въ теченіе года было—169 (въ приготовительномъ классѣ—32, въ I — 34, во II — 32, въ III — 18, въ IV — 18, въ V — 13, въ VI—12, въ VII—10); выбыло до испытаній — 16, подвергались испытаніямъ — 142; изъ нихъ, переведено: до вакацій — 79, по дополнительнымъ испытаніямъ послѣ вакацій — 13, всего переведено — 92; оставлено въ тѣхъ же классахъ на другой годъ — 49, уволено за малоуспѣшность на основаніи § 34 устава—8, уволено за совершенное нерадѣніе и неодобрительное поведеніе, съ правомъ поступленія въ другія учебныя заведенія — 4; окончило полный курсъ реальной гимназіи съ аттестатами — 6, выбыло въ теченіе каникулярнаго вре-

Библиотека "Руниверс"

меня — 10, подано прошеній для поступленія въ гимназію — 54; изъ подавшихъ прошенія принято — 38, отказано по недостаточной подготовкѣ—24; къ началу учебныхъ занятій 18⁷⁴/₇₅ учебнаго года состояло—162, которые распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: въ приготовительномъ классѣ — 34, въ I — 38, во II - 24, въ III — 26, въ IV — 12, въ V — 6, въ VI — 8, въ VII — 15. Учащіеся въ 18⁷³/₇₄ учебномъ году распредѣлялись: а) по сословіямъ: дворянъ и чиновниковъ — 97 (59%), духовнаго званія — 13 (8%), городскихъ сословій — 53 (32,1%), сельскихъ сословій — 5 (3,3%), иностранцевъ — 1 (0,6%); б) по вѣроисповѣданіямъ: православнаго — 157 (95,2%), римско-католическаго—8 (4,8%), евангелическаго — 4 (2,9%); в) по возрасту: 8-ми лѣтъ—3, 9-ти—10, 10-ти—17, 11-ти—15, 12-ти—23, 13-ти — 25, 14-ти — 14, 15-ти—15, 16-ти—17, 17-ти—16, 18-ти—6, 19-ти — 8. Изъ 142 учениковъ, подвергавшихся экзамену, оказали успѣхи: весьма хорошіе — 24, хорошіе и порядочные — 55, посредственные — 43, слабые — 20.

По сравненіи годичныхъ занятій и переводныхъ экзаменовъ, бывшихъ до вакацій, успѣшность по классамъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: лучше всѣхъ оказывается V классъ, такъ какъ изъ 11 учениковъ его, подвергавшихся экзамену, переведено 9 (70%); за нимъ слѣдуетъ III классъ (изъ 15 переведено 10, то-есть, 66²/₃%); за тѣмъ VII—60%, VI—59%, II—56% и I—47%, то-есть, изъ 32 удостоились перевода 15 учениковъ. Успѣхи учениковъ приготовительнаго класса могутъ быть названы очень удовлетворительными, такъ какъ изъ 20 экзаменовавшихся переведено въ I классъ 15, т. е. 75%. Самымъ слабымъ по успѣхамъ былъ I-й классъ. Къ числу слабѣйшихъ учениковъ этого класса принадлежали 5 мальчиковъ, принятыхъ въ августѣ 1872 года, по введеніи устава 1871 года, на основаніи прежняго устава, требованія котораго для поступленія въ гимназію были гораздо слабѣе; особенно слабыми оказались ученики по русскому языку и ариѳметикѣ. Но и изъ принятыхъ въ августѣ 1873 года оказалось весьма много слабыхъ и мало развитыхъ. Бо̀льшая часть вновь принятыхъ поступила изъ частныхъ школъ, въ которыхъ обученіе ведется по старому методу: главную задачу свою школы эти полагаютъ въ наученіи дѣтей читать, писать и механическимъ вычисленіямъ; умственное же развитіе ихъ почти не входитъ въ программу частныхъ школъ,—вотъ причина слабости I класса. Степень успѣшности въ главныхъ предметахъ гимназическаго курса, считая первые пять классовъ, преобразованныхъ по новому уставу,

Библиотека "Руниверс"

выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: по латинскому языку на 100 учившихся было: удовлетворительныхъ — 64, неудовлетворительныхъ — 36; по греческому на 25 учившихся: удовлетворительныхъ — 17 (68%), неудовлетворительныхъ — 8 (32%); по математикѣ на 100 учившихся: удовлетворительныхъ — 75, неудовлетворительныхъ — 25. Изъ необязательныхъ предметовъ, каковыми признаются одинъ изъ новѣйшихъ языковъ, рисованіе, пѣніе и гимнастика, тремъ послѣднимъ обучалось весьма ограниченное число учениковъ. Ученики V класса, которымъ преподавался одинъ только латинскій языкъ, равно какъ ученики VI и VII классовъ, обязаны были обучаться обоимъ новымъ языкамъ. Изъ 90 учениковъ, бывшихъ въ шести высшихъ классахъ, обучались: одному французскому языку — 35 (39%), одному нѣмецкому — 8 (9%), обоимъ новымъ языкамъ — 42 (52%). Остальнымъ необязательнымъ предметамъ обучались ученики низшихъ классовъ: рисованію — 23, гимнастикѣ — ученики I и II классовъ, пѣнію — 10. За неимѣніемъ ни свободнаго времени, ни мѣста, рисованію могли обучаться только по воскреснымъ днямъ послѣ обѣдни, отчего число желающихъ уменьшалось все болѣе и болѣе и къ концу года осталось только 7. Гимнастикѣ могли обучаться только ученики I и II классовъ по два раза въ недѣлю по одному часу во время 5-го урока; компатой для гимнастики служило помѣщеніе I класса, въ которомъ сдвигались классные столы, тѣмъ не менѣе помѣщеніе оказалось тѣснымъ для 30 человѣкъ. При томъ, преподаватели сосѣднихъ классовъ, имѣвшихъ 5-е уроки, постоянно жаловались на шумъ, который производился во время гимнастики, и это неудобство будетъ оставаться до тѣхъ поръ, пока не окажется возможнымъ имѣть особое помѣщеніе для гимнастики. Весной, въ хорошіе дни, гимнастикой занимались въ гимназическомъ саду, въ которомъ устроены необходимые для этого снаряды. Пѣнію обучались весьма немногіе, и то въ первое только полугодіе по субботамъ.

Здоровье учащихся было вообще удовлетворительно, особенно во второе полугодіе. Въ теченіе перваго полугодія свирѣпствовала оспа, которою переболѣло 10 учениковъ, въ томъ числѣ 3 — приготовительнаго класса; всѣ они выздоровѣли. Въ предупрежденіе бо́льшаго распространенія оспы гимназическій врачъ ревакцинировалъ не только всѣхъ учениковъ, но и почти всѣхъ служащихъ въ гимназіи лицъ съ ихъ семействами. Въ теченіе года гимназическій врачъ пользовалъ до 40 учениковъ; въ случаѣ крайней бѣдности родителей учащихся, лекарства или даромъ отпускались изъ аптеки, или прописы-

Библиотека "Руниверс"

вались докторомъ на собственный его счетъ. Смертныхъ случаевъ не было ни одного.

Пропущенныхъ учениками по болѣзни уроковъ было: въ четырехъ низшихъ классахъ — 4.760, среднимъ числомъ 54 на 89 учениковъ, въ трехъ высшихъ — 840, среднимъ числомъ 26 на 33 ученика, всего — 46 на 122 ученика. По причинамъ неуважительнымъ пропущено въ теченіе года 190 уроковъ, бо́льшая часть коихъ приходится на старшіе четыре класса.

Поведеніе учениковъ вообще было очень хорошее. Разныя дѣтскія шалости проявлялись преимущественно въ низшихъ трехъ классахъ. Изъ приготовительнаго класса въ концѣ года исключены трое за крайнюю лѣность, постоянное невниманіе въ классѣ и вредное вліяніе на своихъ товарищей. Изъ проступковъ, чаще всего повторявшихся въ теченіе года, замѣчательны слѣдующіе: неприготовленіе уроковъ, списываніе заданной на домъ работы у товарища, невниманіе и шалость во время урока, занятіе посторонними предметами во время уроковъ, развлеченіе товарищей въ классѣ, непосѣщеніе уроковъ безъ уважительныхъ причинъ, самовольный уходъ съ урока (въ VI и VII клас.), брань и драка съ товарищами, самовольный уходъ съ гимнастики.

Пособія учащимся въ теченіе года оказаны были слѣдующія: а) изъ спеціальныхъ средствъ гимназіи сшиты были форменныя платья четыремъ ученикамъ, на сумму 60 рублей; б) изъ суммы, отпускаемой городскою думой въ пособіе гимназіи, 5 бѣднѣйшихъ и прилежныхъ учениковъ получали стипендіи по 57 руб. 14 коп. каждый; в) 8-ми бѣднѣйшимъ ученикамъ выданы учебныя и классныя принадлежности изъ суммъ, ежегодно назначаемыхъ въ пособіе ученикамъ (17 руб.), и кромѣ того весьма многіе пользовались безвозмездною выдачею учебниковъ и лексиконовъ, какъ по древнимъ, такъ и по новѣйшимъ языкамъ, изъ склада учебниковъ, образовавшагося въ теченіе многихъ лѣтъ. Наконецъ, при гимназіи существуютъ стипендіи: одна — Ломоносовская въ 200 руб., на которую воспитывается одинъ крестьянскій мальчикъ изъ родины Ломоносова; двѣ учрежденныя чиновниками казенной палаты: одна — въ 20 руб., другая — въ 25 руб., и три — учрежденныя въ память бывшаго архангельскаго губернатора, по 30 руб. каждая. Отъ платы за ученіе освобождено было 11 бѣднѣйшихъ учениковъ, что составляетъ 8,8% всего числа учащихся, и кромѣ того 14 сыновей лицъ, служащихъ по министерству народнаго просвѣщенія.

Библиотека "Руниверс"

Учебныя пособія находились въ слѣдующемъ положеніи: въ фундаментальной библіотекѣ къ концу 18⁷³/₇₄ учебнаго года состояло 2.229 названій въ 5,360 томахъ; въ томъ числѣ въ теченіе года пріобрѣтено 160 названій въ 260 томахъ на 468 руб. Въ ученической библіотекѣ къ тому же времени считалось 742 названія въ 1.104 томахъ. Въ отдѣлѣ учебниковъ для безвозмездной выдачи бѣднѣйшимъ ученикамъ для пользованія состояло 32 названія въ 211 экземплярахъ. Въ физическомъ кабинетѣ числилось разныхъ приборовъ 228 нумеровъ. Изъ новыхъ пріобрѣтеній особенно замѣчательны: телескопъ, приборъ Фуко, гальваническіе часы, приборъ Карпентера для производства увеличенныхъ изображеній разныхъ предметовъ на экранѣ и фотоскопъ. Въ кабинетѣ естественныхъ наукъ состояло 450 минераловъ и 814 окаменѣлостей. Для кабинета сдѣлано весьма цѣнное пріобрѣтеніе — 100 таблицъ стѣнныхъ изображеній для нагляднаго преподаванія естествовѣдѣнія Ветштейна. Сверхъ того въ кабинетѣ имѣется коллекція животныхъ изъ папье-маше въ числѣ 97 нумеровъ. Пособій при изученіи исторіи и географіи, состоящихъ въ атласахъ, стѣнныхъ картахъ, глобусахъ, теллуріи — 162 нумера. Рисунковъ и моделей проволочныхъ, деревянныхъ, жестяныхъ и гипсовыхъ — 542 нумера. Матеріальныя средства гимназіи заключались въ слѣдующемъ: изъ государственнаго казначейства — 26.609 руб. 94 коп., отъ городской думы — 705 руб. 14 коп., сбора за ученіе — 1.820 руб., остатокъ отъ суммы 1873 года — 1.522 руб. 47 коп., всего 30.657 руб. 55 коп.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

(По офиціальнымъ и частнымъ извѣстіямъ).

Православное Обозрѣніе извѣщаетъ, что новое „Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ", Высочайше утвержденное 25-го мая, предложено было вниманію св. синода г. синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, который, согласно журналу общаго собранія государственнаго совѣта, заявилъ, сколь желательно и необходимо для успѣха дѣла, чтобы при новомъ устройствѣ училищной части духовенство съ неослабнымъ усердіемъ продолжало нести и усугубляло труды по исполненію обязанностей учителей и наставниковъ народа, распространяя въ населеніяхъ, вмѣстѣ съ грамотностью, ясное разумѣніе божественныхъ истинъ ученія Христова съ живымъ и дѣятельнымъ чувствомъ нравственнаго и гражданскаго долга.

Библиотека "Руниверс"

Св. синодъ, съ своей стороны, нашелъ нужнымъ пояснить какъ значеніе новаго Положенія о народныхъ училищахъ для дѣятельности православнаго духовенства, такъ и тѣ обязанности, къ коимъ оно этимъ Положеніемъ призывается. Эти объясненія даны въ циркулярномъ указѣ св. синода отъ 10-го октября 1874 года и изложены такъ:

„Стоя близко къ народу, духовенство наше искони, въ силу пастырскихъ обязанностей, служило дѣлу народнаго образованія, и безкорыстная въ теченіе многихъ вѣковъ дѣятельность его на этомъ поприщѣ сколько оцѣнена по достоинству правительствомъ, столько же и несомнѣнна: многочисленныя народныя училища, заведенныя духовенствомъ и содержимыя на его счетъ, служатъ осязательнымъ тому доказательствомъ. Новое Положеніе упрочиваетъ вліяніе духовенства не только на эти имъ устраиваемыя, но и на всѣ начальныя народныя училища; оно ввѣряетъ высшее наблюденіе какъ за преподаваніемъ закона Божія, такъ и вообще за религіозно-нравственнымъ направленіемъ обученія мѣстному епархіальному архіерею, предоставляя ему или лично обозрѣвать училища, или поручать это особо назначаемымъ имъ духовнымъ лицамъ; далѣе, Положеніе, приглашая къ преподаванію закона Божія приходскихъ священниковъ или особыхъ законоучителей съ утвержденія епархіальнаго начальства, предоставляетъ духовнымъ лицамъ обучать въ училищахъ и прочимъ предметамъ; наконецъ, новое Положеніе сохраняетъ за духовенствомъ и право участія въ управленіи народными училищами въ лицѣ своихъ представителей, назначаемыхъ членами училищныхъ совѣтовъ. Такимъ образомъ, настоящее Положеніе о начальныхъ училищахъ даетъ духовенству весьма почетное мѣсто въ дѣлѣ народнаго образованія, къ поддержанію и упроченію котораго въ истинно благомъ направленіи Государю Императору благоугодно было призвать всѣхъ просвѣщеннѣйшихъ людей страны. Проникаясь мыслію, какъ важно въ этомъ дѣлѣ единодушное усиліе всѣхъ вѣдомствъ, призванныхъ Монаршею волею стать на стражѣ религіозно-нравственнаго воспитанія русскаго народа, св. синодъ не сомнѣвается, что православное духовенство потщится оправдать и въ семъ отношеніи возлагаемыя на оное Его Императорскимъ Величествомъ надежды, и усугубивъ всегда отличавшія священнослужителей усилія и ревность къ исполненію своего пастырскаго долга, не престанетъ содѣйствовать словомъ, дѣломъ и примѣромъ къ размноженію народныхъ училищъ и къ упроченію въ нихъ религіозно-нравственнаго направленія. А какъ такое направле-

Библиотека "Руниверс"

ніе главнымъ образомъ обусловливается должнымъ выясненіемъ учащимся евангельскихъ истинъ, то св. синодъ не можетъ не желать чтобы преподаваніе закона Божія въ народныхъ училищахъ было ведено основательно и такъ, чтобы божественныя истины укоренялись въ сердцахъ учащихся. Благословляя православное россійское духовенство на дальнѣйшее служеніе въ указанномъ смыслѣ великому и священному дѣлу народнаго образованія, св. синодъ приглашаетъ и епархіальныхъ архіереевъ содѣйствовать успѣху этого дѣла всѣми зависящими отъ нихъ способами, поощряя отличающихся на этомъ поприщѣ дѣятелей и вразумляя нерадѣющихъ къ оному".

— Со всѣхъ сторонъ получаются свѣдѣнія объ открытіи губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 25-го мая сего года Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ. *Московскія Вѣдомости* извѣщаютъ, между прочимъ, о тѣхъ мѣрахъ, которыя одинъ изъ нихъ, а именно Серпуховскій совѣтъ, обсуждалъ въ первомъ же своемъ засѣданіи, имѣя въ виду не одно распространеніе грамотности, но и поднятіе уровня народной нравственности. Въ засѣданіи этомъ, происходившемъ 3-го сентября, предсѣдатель совѣта Д. П. Жуковъ, упомянувъ о священныхъ, дорогихъ словахъ, которыя были сказаны Государемъ Императоромъ дворянству, призванному блюсти народное образованіе, выразилъ желаніе, чтобы благая мысль Монарха о возвышеніи религіозно-нравственнаго направленія народной школы дѣятельно осуществлялась. Г. Жуковъ находилъ полезнымъ обязать всѣхъ учителей народныхъ школъ каждое воскресенье и каждый праздникъ собирать въ школу всѣхъ учащихся до обѣдни и объяснять то евангеліе, которое будетъ читаться въ церкви, и затѣмъ съ дѣтьми отправляться къ слушанію литургіи; вмѣнить также въ обязанность учителямъ, чтобы мальчики обучались церковному пѣнію въ школахъ и обученные пѣли на клиросахъ, такъ какъ пѣнію обучаются во всѣхъ школахъ. Онъ убѣжденъ, что это самый лучшій и вѣрный способъ къ развитію религіозно-нравственнаго чувства въ ребенкѣ, пріучая его съ ранняго возраста посѣщать церковь и быть внимательнымъ къ службѣ. Онъ увѣренъ тоже, что на эти бесѣды, кромѣ учениковъ, будутъ ходить и взрослые, особенно если учителя съ должнымъ вниманіемъ отнесутся къ этому дѣлу. Далѣе, онъ предложилъ бы совѣту войдти въ соглашеніе съ Обществомъ распространенія Св. Писанія и получать отъ него всѣ книги, имъ издаваемыя, которыя и распространять какъ можно болѣе между народомъ. Эту продажу книгъ можно возложить

Библиотека "Руниверс"

на учителей каждой школы подъ непосредственнымъ контролемъ совѣта. Мѣра эта имѣла бы, кромѣ нравственнаго значенія, и матеріальную выгоду, такъ какъ при значительной покупкѣ книгъ Общество дѣлаетъ уступку въ 10 и болѣе процентовъ съ рубля, а деньги эти могли бы быть присоединены къ образующемуся неприкосновенному капиталу, проценты съ котораго должны идти на народное образованіе. Кромѣ того, г. Жуковымъ предложены еще слѣдующія мѣры: 1) утвердить прежнее раздѣленіе уѣзда на участки, или составить новый раздѣлъ, въ виду того, что въ совѣтъ вошли и новые члены, которымъ, можетъ быть, прежній раздѣлъ будетъ не совсѣмъ удобенъ. Эта мѣра необходима для лучшаго контролированія учителей, ибо немыслимо оставить болѣе 70-ти школъ уѣзда безъ всякаго наблюденія, или поручить это наблюденіе одному или двумъ лицамъ. При этомъ, обязать членовъ совѣта объѣзжать свои участки по крайней мѣрѣ два раза въ годъ, въ декабрѣ и предъ окончаніемъ ученія. 2) Повторить ходатайство, чтобы было разрѣшено устроить въ уѣздѣ три или четыре пункта, куда должны быть собираемы ученики изъ ближайшихъ школъ для испытанія ихъ ежегодно при окончаніи ученія. Эта мѣра необходима какъ для контроля надъ ученіемъ, такъ и въ виду всесословной военной повинности, устанавливающей извѣстную льготу кончившимъ курсъ ученія въ народной школѣ, и можетъ служить провѣркою дѣйствій самихъ членовъ совѣта при ихъ разъѣздахъ по участкамъ. 3) Повторить учителямъ распоряженіе совѣта, чтобъ они ежегодно, при окончаніи ученія, сообщали совѣту списки о всѣхъ нуждахъ народныхъ училищъ. Эта мѣра необходима потому, что совѣтъ, заблаговременно составивъ полный списокъ, потребуетъ отъ земской управы заблаговременной подготовки всего необходимаго, и затѣмъ, предъ началомъ ученія разошлетъ все нужное въ школы.

Въ заключеніе г. Жуковъ сообщилъ, что нѣкоторыми лицами сдѣланы денежныя пожертвованія на народное образованіе съ тѣмъ условіемъ, чтобы капиталъ этотъ былъ неприкосновеннымъ, а проценты съ него шли бы на пользу школъ. Вслѣдствіе этого и былъ избранъ совѣтомъ казначей, ведущій всю отчетность. Деньги заключаются въ билетахъ внутренняго съ выигрышами займа и въ наличной суммѣ. При этомъ членъ совѣта И. Е. Новосильцевъ обѣщалъ пополнить наличную сумму на столько, чтобы купить еще одинъ билетъ выигрышнаго займа.

Г. директоромъ было предложено, чтобы дѣлопроизводство совѣта

Библиотека "Руниверс"

оставалось по прежнему на обязанности штатнаго смотрителя, какъ члена совѣта, такъ какъ инспектору неудобно вести это дѣло во многихъ уѣздахъ, особенно въ такомъ, какъ Серпуховской, гдѣ болѣе 70 училищъ.

Обсудивъ всѣ эти заявленія, совѣтъ призналъ предлагаемыя г. Жуковымъ мѣры полезными и постановилъ привести ихъ въ исполненіе, а также и предложеніе г. директора относительно оставленія дѣлопроизводства совѣта въ завѣдываніи штатнаго смотрителя. Далѣе, совѣтомъ опредѣлено выразить г. Жукову благодарность за плодотворную дѣятельность его и постоянную и настойчивую заботливость о распространеніи народнаго образованія, въ теченіе шестилѣтней его службы въ должности предсѣдателя совѣта, и благодарность г. Новосильцеву за обѣщанное имъ пожертвованіе.

— Въ журналѣ *Народная Школа* находимъ мы весьма интересныя свѣдѣнія о практическихъ занятіяхъ воспитанниковъ Черниговской земской учительской семинаріи. Заимствуемъ ихъ изъ означеннаго журнала.

Согласно уставу Черниговской земской учительской семинаріи, для практическихъ занятій воспитанниковъ посвящается собственно только 3-й годъ семинарскаго курса, то-есть, послѣдній передъ выходомъ ихъ изъ семинаріи. Теоретическія занятія воспитанниковъ 3-го класса въ это время хотя и продолжаются, но характеръ этихъ занятій болѣе спеціальный, нежели общеобразовательный, и имѣетъ главною цѣлью — подготовленіе слушателей къ практическимъ занятіямъ по тому или другому учебному предмету, входящему въ курсъ начальной народной школы. Такимъ образомъ, въ 3-мъ классѣ семинаріи воспитанники слушаютъ: курсы методики русскаго языка, ариѳметики, отчизновѣдѣнія, методику письма, черченія и методику нагляднаго обученія или такъ-называемыхъ предметныхъ уроковъ. Кромѣ того, въ 3-мъ же классѣ они оканчиваютъ курсъ закона Божія, который, по обширности своей, не можетъ быть пройденъ въ два первые года семинарскаго курса, и общую педагогику и дидактику, преподаваемую также и во 2-мъ классѣ семинаріи. Для практическихъ занятій воспитанниковъ, при учительской семинаріи имѣется школа, составленная изъ дѣтей обоего пола, воспитывающихся въ сиротскомъ домѣ на полномъ содержаніи отъ земства Черниговской губерніи. Чтобы этой школѣ придать характеръ сельской, съ которою будущимъ учителямъ главнымъ образомъ и придется имѣть дѣло, ее раздѣлили на 3 группы или отдѣленія, и курсъ каждой изъ этихъ

Библиотека "Руниверс"

группъ соотвѣтствуетъ таковой въ школѣ народной. Въ первой группѣ начинаютъ обученіе чтенію и письму, ариѳметикѣ, (изученіе чиселъ 1-го десятка), ведутся наглядныя бесѣды, какъ пособіе для изученія языка и для развитія мыслительной способности дѣтей, и сообщается значеніе главнѣйшихъ молитвъ; во 2-й группѣ съ дѣтьми ведется объяснительное чтеніе, наглядныя бесѣды, изученіе чиселъ до 1.000 и проходится вкратцѣ исторія ветхаго завѣта; наконецъ, въ 3-мъ отдѣленіи, кромѣ объяснительнаго чтенія, дѣтей знакомятъ съ правилами элементарной граматики, сообщаются понятія о простыхъ дробяхъ, проходится краткій курсъ отчизновѣдѣнія, вмѣстѣ съ уроками черченія и рисованія, и исторія новаго завѣта (главнѣйшія событія), вмѣстѣ съ объясненіемъ важнѣйшихъ обрядовъ православнаго богослуженія. Изученіе церковно-славянской азбуки начинается въ концѣ 1-го года или въ началѣ 2-го.

Завѣдываніе практическою школой поручается одному изъ преподавателей семинаріи, а въ помощь ему, собственно для надзора за воспитанниками сиротскаго дома въ внѣклассное время дается особый надзиратель

Практическимъ урокамъ воспитанниковъ по каждому предмету курса начальной народной школы *предшествуетъ* теоретическое знакомство ихъ съ пріемами преподаванія этого предмета или извѣстнаго его отдѣла на урокахъ методики, такъ что, приступая къ самостоятельнымъ практическимъ урокамъ въ школѣ, практиканту остается только овладѣть самою *техникой* преподаванія, а это пріобрѣтается навыкомъ и строгимъ отношеніемъ къ каждому изъ пріемовъ, употребленныхъ на урокѣ.

Практическія занятія открываются *примѣрными* уроками *руководителей*, то-есть, преподавателей учительской семинаріи, каждымъ по своему предмету. Примѣрный урокъ дается сначала въ одной только 1-й группѣ, въ присутствіи всѣхъ воспитанниковъ 3-го класса. По окончаніи урока, преподаватель разъясняетъ цѣль его, средства, употребленныя имъ для достиженія этой цѣли, указываетъ на причины, по которымъ то или другое средство, тотъ или другой пріемъ не оказали должнаго дѣйствія и не привели къ желаемымъ результатамъ. Затѣмъ, руководитель приглашаетъ практикантовъ высказать ихъ личныя соображенія на счетъ того, какой выходъ избрали бы они сами изъ затруднительнаго положенія, какой способъ или пріемъ примѣнили бы въ данномъ случаѣ и т. д. Послѣ примѣрнаго урока руководителя слѣдуетъ рядъ *практическихъ* уроковъ воспитанни-

Библиотека "Руниверс"

ковъ по тому же самому предмету и въ той же самой группѣ, но при этомъ имѣется въ виду, чтобы въ 1-й группѣ было не болѣе 2-хъ уроковъ въ день: одинъ по родному языку, а другой по ариѳметикѣ, и чтобы каждый урокъ длился не болѣе $^3/_4$ часа. Урокъ каждаго практиканта сопровождается *разборомъ* его со стороны присутствующихъ на немъ товарищей, при чемъ преніями и всѣмъ ходомъ дѣла руководитъ преподаватель того предмета, по которому данъ урокъ. Разборъ этотъ производится слѣдующимъ образомъ. Сначала практикантъ, дававшій урокъ, читаетъ приготовленный имъ еще наканунѣ и просмотрѣнный руководителемъ конспектъ своего урока, вмѣстѣ съ программой его, и тутъ же указываетъ самъ на сдѣланные имъ на урокѣ промахи, подводя ихъ подъ то или другое правило методики, отступленіе отъ котораго и составляетъ самый промахъ; вслѣдъ за нимъ дѣлаютъ замѣчанія объ урокѣ слабѣйшіе изъ его товарищей. Это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы дать симъ послѣднимъ возможность высказывать свои наблюденія, которыя могли бы быть предвосхищены у нихъ при иномъ порядкѣ разбора. За слабѣйшими товарищами высказываютъ свои замѣчанія и лучшіе. При этомъ непремѣннымъ условіемъ ставится то, чтобы каждое изъ высказываемыхъ замѣчаній не было голословно, а подкрѣплялось бы извѣстнымъ педагогическимъ соображеніемъ. Рѣшающій голосъ въ спорѣ или въ недоразумѣніи принадлежитъ руководителю; за нимъ остается также и послѣднее слово объ урокѣ. При распредѣленіи уроковъ между практикантами, принято за правило предоставлять ихъ сначала наиболѣе сильнымъ ученикамъ, обнаруживающимъ не только теоретическія познанія въ методикѣ даннаго предмета, но и нѣкоторую даровитость въ исполненіи. Такимъ образомъ, слабѣйшіе изъ практикантовъ, прежде чѣмъ дойдетъ до нихъ очередь, имѣютъ возможность видѣть нѣсколько образцовыхъ для себя уроковъ. Наканунѣ своего урока, практикантъ, вмѣстѣ съ двумя кандидатами, уроки которыхъ должны слѣдовать тотчасъ за его урокомъ, сообщаетъ составленную имъ программу и конспектъ урока руководителю, который одобряетъ ее, дополняетъ или измѣняетъ, объясняя при этомъ причины, почему онъ дѣлаетъ такъ, а не иначе. Иногда руководитель назначаетъ составлять конспекты и приготовляться къ уроку не одному, а тремъ или четыремъ практикантамъ разомъ, и потомъ, у кого изъ нихъ конспектъ окажется лучше,— тому онъ и назначаетъ давать урокъ; остальные же считаются кандидатами и приготовляютъ конспекты къ слѣдующему дню.

Библиотека "Руниверс"

Само собою разумѣется, что всѣ уроки ведутся въ извѣстной системѣ и по одному и тому же плану. Такъ, напримѣръ, практическіе уроки по обученію грамотѣ сначала и до конца слѣдуютъ или аналитическому методу, или синтетическому,—смотря по тому, какой изъ нихъ принятъ въ основаніе цѣлаго курса. При этомъ, конечно, не упускается изъ виду и самая программа того, что̀ положено пройдти въ извѣстномъ отдѣленіи школы.

Когда, такимъ образомъ, всѣ наличные практиканты дадутъ, въ присутствіи своихъ товарищей и подъ руководствомъ преподавателя, по одному уроку въ 1-й группѣ по каждому предмету,—тогда переходятъ ко 2-му отдѣленію школы, гдѣ серія практическихъ уроковъ воспитанниковъ открывается опять-таки примѣрными уроками руководителей, каждымъ по своему предмету. Первое же отдѣленіе на это время препоручается по очереди каждому изъ воспитанниковъ, считая по недѣлѣ на каждаго, и тутъ уже практикантъ ведетъ уроки вполнѣ *самостоятельно* и по *всѣмъ* предметамъ, положеннымъ по программѣ въ этой группѣ. На урокахъ этихъ, изъ воспитанниковъ присутствуетъ только тотъ, кого назначили *преемникомъ* практикующему. Надъ такого рода самостоятельными занятіями воспитанниковъ установленъ контроль, который выражается отчетностью практиканта въ томъ, что̀ онъ сдѣлалъ за истекшую недѣлю и въ какомъ видѣ передаетъ онъ классъ своему преемнику. Отчетъ этотъ провѣряется руководителемъ, присутствующимъ на послѣднемъ урокѣ практиканта, и сопровождается замѣчаніями и наставленіями съ его стороны тому, въ чьи руки потомъ переходитъ группа.

Переходъ къ 3-му отдѣленію совершается послѣ того, какъ всѣми практикантами даны уроки во 2-й группѣ. Здѣсь происходитъ та же процедура; 2-е отдѣленіе поручается самостоятельному обученію одного изъ воспитанниковъ, по очереди, на урокахъ котораго присутствуетъ преемникъ его, и т. д. Въ это время, слѣдовательно, ведутся практическіе уроки воспитанниковъ, въ присутствіи всѣхъ практикантовъ и подъ руководствомъ преподавателя, въ 3-мъ отдѣленіи школы и самостоятельныя занятія очередныхъ практикантовъ въ 1-мъ и 2-мъ отдѣленіяхъ, въ томъ же порядкѣ и при той же отчетности.

По окончаніи занятій съ 3-ею группой, всѣ три группы сводятся въ одинъ классъ и начинается серія уроковъ съ *тремя* отдѣленіями разомъ, которую открываетъ примѣрный урокъ руководителя, избраннаго своими товарищами для руководства занятіями воспитанниковъ

Библиотека "Руниверс"

съ тремя отдѣленіями. Занятія ведутся такимъ образомъ, что въ одинъ и тотъ же урокъ практикантъ занимается различными предметами съ различными отдѣленіями класса; въ томъ же смыслѣ составляются имъ программа и конспектъ урока. При этомъ, по возможности, соблюдается правило, чтобы, въ продолженіе урока, практикантъ успѣлъ заняться съ каждою группой, и въ то время, когда онъ занимается съ одною, остальныя не бездѣйствовали бы, а исполняли тѣ самостоятельныя работы, которыя назначены имъ учителемъ. На урокъ съ тремя отдѣленіями полагается часъ времени. Каждый урокъ практиканта сопровождается и въ данномъ случаѣ разборомъ, причемъ особенное вниманіе обращается на умѣнье практиканта распорядиться какъ временемъ, такъ равно и тѣмъ учебнымъ матеріаломъ, который былъ назначенъ для разработки въ данный урокъ.

Для надзора за дѣтьми во время рекреаціи, съ цѣлью наблюденія за порядкомъ, и въ то же самое время для того, чтобы имѣть возможность наблюдать характеръ ребенка, сочтено было нужнымъ установить между практикантами *дежурство*, назначая по два изъ нихъ ежедневно для этой цѣли. Но мѣра эта, по разнымъ причинамъ, не могла привиться и успѣха не имѣла. Точно также къ сожалѣнію, не имѣлъ успѣха и выборъ такъ-называемыхъ классныхъ наставниковъ или вѣрнѣе, *репетиторовъ*, которымъ поручались отдѣльные ученики и ученицы для изученія ихъ характеровъ, для повторенія съ ними уроковъ и вообще для педагогическаго надзора за ними. Предполагалось, что каждый изъ репетиторовъ будетъ дѣлиться наблюденіями съ своими товарищами и съ руководителями, причемъ былъ бы возможенъ обмѣнъ мыслей и обсужденіе тѣхъ мѣръ, которыя скорѣе и вѣрнѣе могутъ привести къ цѣли—ко всестороннему развитію дитяти. Но и эта педагогическая мѣра, какъ сказано выше, не удалась,—можетъ быть, главнымъ образомъ потому, что воспитанники семинаріи не проникнулись важностью того дѣла, къ которому ихъ призывали, а можетъ быть и потому еще, что, не будучи хорошо къ нему приготовлены, не знали, какъ за него приняться. Есть, впрочемъ, надежда достигнуть того, чтобы ученики семинаріи не ограничивались заботами объ одномъ только обученіи дѣтей, но чтобы обращали вниманіе и на воспитательную сторону дѣла.

По окончаніи всѣхъ вообще практическихъ занятій воспитанниковъ семинаріи,—весною, въ одинъ изъ воскресныхъ или праздничныхъ дней, предпринимается *экскурсія въ народную школу*, причемъ къ назначенному часу въ училище собираются мальчики и дѣвочки

Библиотека "Руниверс"

и ждутъ прибытія семинаристовъ вмѣстѣ съ ихъ руководителями. Экскурсія эта совершается пѣшкомъ, въ село, отстоящее на 12 верстъ отъ города и имѣющее школу *среднюю* достоинства, не очень плохую, но и не очень хорошую. По прибытіи на мѣсто, начинается осмотръ школы: составляется описаніе наружнаго ея вида, географическаго положенія ея въ селѣ и относительно другихъ строеній, описаніе помѣщенія школы; дѣлаются измѣренія кубическаго содержанія воздуха въ классахъ и вычисляется отношеніе между нимъ и числомъ учащихся, дѣлается осмотръ классной мебели и классныхъ принадлежностей, училищной библіотеки, учебныхъ пособій и проч., причемъ сами практиканты указываютъ на тотъ или другой недостатокъ школы. Въ заключеніе, практиканты пробуютъ свои силы на урокахъ по родному языку, ариѳметикѣ и наглядному обученію. Руководители, обращая вниманіе практикантовъ на жалкую обстановку школы, указываютъ имъ средства, при помощи которыхъ можно хотя до нѣкоторой степени облегчить и улучшить дѣло обученія при такихъ неблагопріятныхъ для него условіяхъ, указываютъ на тѣ простые предметы, которые, за неимѣніемъ лучшихъ, могутъ служить учебными пособіями для сельской школы и проч. На обратномъ пути руководители сообщаютъ будущимъ учителямъ краткія свѣдѣнія о томъ, какимъ образомъ производить экскурсіи съ дѣтьми, какими цѣлями необходимо при этомъ задаваться и, наконецъ, какими средствами ихъ достигать.

— 22-го сентября сего года открыты были въ с. Рыбацкомъ (С.-Петербургскаго уѣзда) двухклассное мужское и одноклассное женское народныя училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Училища эти помѣщаются въ собственномъ домѣ, на устройство коего было выдано изъ суммъ министерства 2.000 руб., отъ мѣстнаго общества—1.000 руб. и пожертвовано П. Ф. Громовымъ лѣсныхъ матеріаловъ и желѣза для крыши на 5.430 руб. Домъ выстроенъ въ два этажа: въ первомъ изъ нихъ помѣщаются два класса (каждый на 50 учащихся), мастерская, сборная для дѣтей комната и квартира учителя, а во второмъ: классъ для дѣвочекъ (тоже на 50 дѣтей), библіотека, сборная комната и двѣ квартиры—для учителя и учительницы. Внутреннее расположеніе комнатъ весьма удобно и соотвѣтствуетъ учебнымъ и гигіеническимъ требованіямъ. Во флигелѣ находится помѣщеніе для сторожа и всѣ необходимыя службы. Домъ и флигель выстроены прочно и красиво, благодаря добросовѣстности и

Библиотека "Руниверс"

безкорыстію подрядчика М. Яковлева, который сдѣлалъ въ главномъ зданіи много улучшеній и добавленій на собственный счетъ.

На обзаведеніе училищъ выдано министерствомъ народнаго просвѣщенія 700 р., а г. Громовымъ и его супругою пожертвованы: 4 образа въ кіотахъ, цѣною въ 315 руб.; два портрета Государя Императора, портреты Государыни Императрицы, Наслѣдника Цесаревича и Цесаревны; классная мебель на 311 руб.; бронзовый бюстъ Ломоносова съ пьедесталомъ къ нему; книги для библіотеки, картины священной исторіи и для нагляднаго обученія, разныя учебныя и канцелярскія принадлежности и т. д. Пожертвованія эти, вмѣстѣ съ лѣснымъ матеріаломъ и желѣзомъ для крыши, простираются до 7.100 р. Вслѣдствіе всего этого Рыбацкія училища обставлены весьма удачно, снабжены всѣми необходимыми учебными пособіями и имѣютъ хорошую библіотеку.

Къ открытію училищъ находилось въ нихъ 87 мальчиковъ и 45 дѣвочекъ. Священникъ мѣстной приходской церкви обратился къ нимъ съ наставленіемъ, а учитель школы, Н. Добромысловъ, произнесъ рѣчь, въ которой старался объяснить родителямъ, какъ должны они относиться къ училищамъ, которымъ они ввѣряютъ своихъ дѣтей.

— Въ отчетѣ г. директора училищъ Симбирской губерніи мы находимъ свѣдѣнія о слѣдующихъ *инородческихъ* начальныхъ школахъ въ означенной губерніи:

Ходаровская мужская, существующая уже четыре года, получаетъ на содержаніе свое по 500 руб. отъ министерства народнаго просвѣщенія и весьма удобно помѣщается во вновь построенномъ для нея домѣ. За переходомъ прежняго законоучителя въ другое село, священникъ Элпидинъ съ любовью и рѣдкимъ усердіемъ продолжалъ занятія съ дѣтьми. Учащіеся составляютъ въ текущемъ году три отдѣленія, изъ коихъ въ старшемъ было 6, въ среднемъ — 14 и въ младшемъ — 20; въ числѣ ихъ одинъ сынъ чиновника, одинъ изъ духовнаго званія, остальные—дѣти мѣстныхъ крестьянъ; по происхожденію, за исключеніемъ 4 Русскихъ, всѣ—Чуваши. На испытаніяхъ, происходившихъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, успѣхи по закону Божію, русскому языку и ариѳметикѣ оказались весьма удовлетворительными: дѣти старшаго возраста очень не дурно описали мѣстную ярмарку, да и дѣти средняго отдѣленія сдѣлали письменныя упражненія порядочно. Вообще Ходаровская школа занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между всѣми другими. Сами крестьяне удивляются успѣхамъ своихъ дѣтей, какъ видно между прочимъ изъ слѣдующаго: однажды приходитъ въ

Библиотека "Руниверс"

школу родитель одного изъ учениковъ и проситъ священника составить ему какое-то письменное условіе. Священникъ поручилъ эту задачу сыну просителя, обучавшемуся только второй годъ, и мальчикъ немедленно, безъ всякой посторонней помощи, написалъ бумагу. Радости и удивленію отца не было предѣловъ.

Кошкинская начальная школа, основанная въ 1871 году, замѣтно улучшается со времени назначенія новаго учителя изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ бывшихъ педагогическихъ классовъ при Симбирскомъ училищѣ, природнаго Чуваша Макарова. Помѣщеніе весьма удобно: въ свѣтлой просторной комнатѣ стоятъ 20 парныхъ ученическихъ столовъ, конторка для учителя и шведскіе счеты. Всѣхъ учащихся 33 (въ старшемъ отдѣленіи 12 и въ младшемъ 21), между которыми двое Русскихъ, остальные—Чуваши. Успѣхи, сравнительно съ прошлымъ годомъ, удовлетворительны, хотя и слабѣе чѣмъ въ Ходаровской школѣ. Предъ началомъ и по окончаніи уроковъ, дѣти, подъ руководствомъ учителя, поютъ молитвы по славянски и по чувашски, а въ праздничные дни поютъ также весьма не дурно въ приходской церкви.

Симбирская чувашская школа принадлежитъ къ закрытымъ учебнымъ заведеніямъ, ибо всѣ ученики живутъ въ ней. Она пользуется двумя стипендіями отъ министерства народнаго просвѣщенія и кромѣ того имѣетъ стипендіатовъ отъ земствъ: Буинскаго—12, Симбирскаго—10 и Чистопольскаго—3. Всѣхъ учащихся 50, но кромѣ того въ школѣ живутъ 5 воспитанниковъ Симбирскаго уѣзднаго училища. Дѣти раздѣляются на два отдѣленія и успѣхи ихъ оказались весьма удовлетворительными. Кромѣ учебныхъ предметовъ, они занимаются также сапожнымъ ремесломъ.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

10/22 ноября 1874 года.

I.

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій высшаго совѣта народнаго просвѣщенія, министръ, г. Кюмонъ, произнесъ рѣчь, имѣвшую цѣлью ознакомить совѣтъ съ различными произведенными имъ преобразованіями. Прежде всего г. Кюмонъ упомянулъ о факультетахъ, преимущественно о финансовомъ и матеріальномъ ихъ положеніи. Министръ не отрицаетъ того факта, что факультеты — не столько въ самомъ Парижѣ, сколько въ провинціяхъ—сильно страдаютъ отъ недостатка помѣщенія, отъ тѣсноты лабораторій, что ихъ библіотеки, коллекціи, минералогическіе и другіе кабинеты находятся въ упадкѣ. Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ министромъ народнаго просвѣщенія, видно, что въ Греноблѣ, Реннѣ, Пуатье, Дижонѣ, Каанѣ и Лиллѣ городскія общества построили для тамошнихъ факультетовъ болѣе или менѣе обширныя зданія и отдали ихъ въ полное распоряженіе министерства. Вообще, далеко не рѣдкость, что богатые провинціальные города, сознавая, что существующіе у нихъ факультеты приносятъ имъ и извѣстность, и матеріальную пользу, дѣлаютъ для нихъ значительныя пожертвованія; на помощь нѣкоторымъ изъ такихъ городовъ является и министерство субсидіями отъ 12.000 до 30.000 фр. По словамъ г. Кюмона, въ теченіе 1871, 1872 и 1873 годовъ израсходовано было на пріобрѣтеніе книгъ и инструментовъ для факультетовъ 955.000 фр., то-есть, болѣе чѣмъ по 300.000 ежегодно. Въ 1874 году назначено на тотъ же предметъ 220.000 фр.

Что касается собственно учебнаго дѣла въ упомянутыхъ высшихъ школахъ, то оно не подвергалось въ послѣднее время ни малѣйшей перемѣнѣ. Многимъ хотѣлось бы произвести въ немъ болѣе или менѣе важныя реформы, учредить новыя каѳедры, ввести приватъ-доцентуру

Библиотека "Руниверс"

и т. п., но министръ не упомянулъ ни однимъ словомъ о подобныхъ требованіяхъ, да и высшій совѣтъ вовсе не расположенъ, кажется, приступить къ нимъ. Вотъ почему провинціальные наши факультеты продолжаютъ влачить довольно жалкое существованіе. Высшее преподаваніе, въ настоящемъ смыслѣ слова, сосредоточивается по прежнему только въ Парижѣ.

Мало новаго сообщилъ г. Кюмонъ и о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ выставилъ на видъ благодѣтельныя послѣдствія, долженствующія произойдти отъ преобразованія системы экзаменовъ на степень баккалавра; упомянулъ также о предстоящемъ увеличеніи жалованья преподавателей лицеевъ. Преподаватели эти раздѣляются, какъ извѣстно, на два разряда: лиценціатовъ (licenciés) и ихъ помощниковъ или адъюнктовъ (agregés). Чтобы удостоиться этой послѣдней степени, нужно выдержать весьма трудное, какъ устное, такъ и письменное, испытаніе. Правительство намѣревается увеличить жалованье такъ называемыхъ преподавателей-agregés 500 франками, а тѣмъ изъ преподавателей, которые, не получивъ еще упомянутой степени, все таки допущены къ занятію учительскихъ должностей въ лицеяхъ, прибавка назначена въ 300 фр.

Говоря о народныхъ школахъ, министръ указалъ на усиленіе занятія въ нихъ географіею, особенно мѣстною. Учителя ревностно принялись за это дѣло. Въ очень многихъ школахъ, даже въ большинствѣ ихъ, находятся теперь карты кантоновъ и общинъ, къ которымъ онѣ принадлежатъ, а въ школахъ образцовыхъ или нормальныхъ сами ученики чертятъ подобныя карты на стѣнахъ въ большомъ размѣрѣ. Министерство народнаго просвѣщенія щедро поощряетъ изданіе частными людьми географическихъ картъ различныхъ мѣстностей Франціи. Начиная съ 1872 года, 10.169 начальнымъ школамъ роздано 50 845 картъ и глобусовъ. Изъ всего этого видно, что преподаваніе географіи идетъ тамъ довольно успѣшно. Г. Кюмонъ замѣтилъ, что желательно было также ввести въ народныхъ школахъ обученіе земледѣлію и садоводству, но до сихъ поръ еще нельзя было приступить къ этому повсюду, за неимѣніемъ опытныхъ и надежныхъ наставниковъ. Въ нормальныхъ училищахъ оно уже существуетъ, но занимаются имъ не сами учители, а ихъ помощники, свѣдѣнія коихъ, — особенно практическія свѣдѣнія — весьма скудны. Въ январѣ текущаго года министръ назначилъ особую коммиссію для разсмотрѣнія вопроса о курсѣ земледѣлія и садоводства

Библиотека "Руниверс"

для начальныхъ школъ, и коммиссія эта выразила свое мнѣніе въ слѣдующихъ пунктахъ:

1. На будущее время основныя свѣдѣнія изъ земледѣлія и садоводства должны быть обязательны для всякаго, кто желаетъ получить дипломъ народнаго учителя.

2. Для обезпеченія преподаванія земледѣлія въ нормальныхъ низшихъ школахъ, необходимо озаботиться, въ каждомъ департаментѣ, о подготовкѣ преподавателей этого предмета, расходъ на содержаніе коихъ долженъ быть внесенъ въ бюджетъ министерствъ народнаго просвѣщенія и земледѣлія.

3. Департаменты, съ своей стороны, должны выдавать субсидіи тѣмъ преподавателямъ садоводства, которые согласились бы распространять свѣдѣнія по этому предмету посредствомъ общедоступныхъ лекцій.

На основаніи приведенныхъ мною резолюцій коммиссіи, министръ озаботился собрать необходимыя свѣдѣнія изъ всѣхъ департаментовъ, послѣ чего будетъ постановлено имъ окончательное рѣшеніе. Въ настоящее время сады существуютъ уже при 27.957 школахъ, и для учениковъ устроены въ нихъ практическія занятія.

Что же касается вообще начальныхъ училищъ, то число ихъ въ послѣднее время замѣтно возростаетъ, и очень жаль, что въ рѣчи г. Кюмона не содержится никакихъ статистическихъ данныхъ на этотъ счетъ. Министерство сильно озабочено вопросомъ объ увеличеніи жалованья народныхъ учителей: это тѣмъ болѣе необходимо, что теперь нерѣдко возникаютъ затрудненія даже при замѣщеніи наставниковъ нормальныхъ школъ.

Замѣчено было, что министръ не сдѣлалъ ни малѣйшаго намека въ своей рѣчи на важный вопросъ о высшемъ преподаваніи. Клерикальная партія чрезвычайно занята имъ, и нѣкоторые епископы уже пожертвовали болѣе или менѣе значительныя суммы на учрежденіе такихъ учебныхъ заведеній, которыя могли бы соперничать съ университетами.

Въ настоящую сессію высшій совѣтъ народнаго просвѣщенія не будетъ обремененъ слишкомъ большимъ количествомъ дѣлъ. Только одно изъ нихъ представляетъ интересъ: въ прежнее время каждый лицей и коллегіумъ могъ ввести у себя то или другое руководство, не требуя для этого особаго разрѣшенія; высшій совѣтъ одобрялъ только тѣ изъ нихъ, которыя нарочно были представляемы на его разсмотрѣніе, а министерство имѣло право преграждать доступъ въ

Библиотека "Руниверс"

школы такимъ учебникамъ, которыя казались ему неблаговидными съ точки зрѣнія религіи, нравственности и педагогіи. Съ 1873 года постановлено, что только руководства, одобренныя совѣтомъ, могутъ быть допускаемы въ училищахъ, но такъ какъ руководствъ выходитъ вообще очень много и совѣтъ не успѣваетъ просматривать ихъ, то ему предстоитъ организовать это дѣло болѣе правильнымъ образомъ.

Недавно президентъ республики пожаловалъ орденъ почетнаго легіона директору французской школы въ Римѣ, г. Альберту Дюмону, и по общему отзыву г. Дюмонъ вполнѣ заслужилъ эту награду. Извѣстно, въ какихъ щекотливыхъ отношеніяхъ находится Франція къ итальянскому правительству и къ папскому двору, какъ не легко удается ей избѣгать столкновенія съ этими соперничествующими элементами. И французской нашей школѣ въ Римѣ постоянно приходится лавировать между Квириналомъ и Ватиканомъ, ибо главнѣйшіе музеи, въ которыхъ должны работать ея воспитанники, находятся въ распоряженіи папскихъ чиновниковъ. Г. Дюмонъ выказалъ себя въ этомъ случаѣ отличнымъ дипломатомъ и заслуги его были оцѣнены по достоинству.

Кстати о французской школѣ. Двое ея воспитанниковъ совершили въ нынѣшнемъ году весьма длинное путешествіе. Отправившись въ февралѣ мѣсяцѣ изъ Рима, они объѣздили Эпиръ, значительную часть Ѳессаліи и оставались довольно долго на Аѳонской горѣ; одинъ изъ нихъ осмотрѣлъ также библіотеку на о. Патмосѣ. Г. А. Дюмонъ говоритъ въ своемъ докладѣ министру, что путешествіе это привело къ весьма важнымъ результатамъ относительно эпиграфики, археологіи и палеографіи. По *эпиграфикѣ* упомянутые воспитанники (гг. Дюшенъ и Байе) скопировали, преимущественно въ Салоникѣ и Ѳессаліи, болѣе ста шестидесяти надписей. Сто сорокъ изъ нихъ никогда еще не были изданы. По *археологіи* г. Байе тщательно изслѣдовалъ въ Салоникѣ тамошнія мозаики и кромѣ того составилъ сборникъ надписей, по которымъ можно прослѣдить исторію искусства на Аѳонѣ,—сборникъ весьма замѣчательный, по свидѣтельству г. Дюмона. Кромѣ того изслѣдователи сообщили подробное описаніе (съ фотографическимъ снимкомъ) одной церковной каѳедры, найденной ими въ Салоникѣ. Каѳедра эта украшена весьма оригинальною скульптурою. По *палеографіи* изысканія гг. Дюшена и Байе оказались особенно замѣчательными: первый изъ нихъ открылъ 22 неизданныхъ схолій Иліады, 9 листковъ посланій ап. Павла (Кесарійскій манускриптъ), 33 листка Евангелія св. Марка (манускриптъ VI вѣка),

Библиотека "Руниверс"

неизданныя схоліи Демосѳена, Эсхина и Ѳукидида, нѣсколько латинскихъ документовъ, касающихся сношеній греческихъ монастырей съ западно-европейскими, преимущественно съ римскимъ дворомъ и т. д. Кромѣ того составилъ онъ каталогъ и подробно описалъ главнѣйшія рукописи Патмосской библіотеки. По надписямъ, открытымъ въ Салоникѣ, можно, кажется, болѣе точнымъ образомъ опредѣлить хронологію Македоніи, а надписи Ларисскія содержатъ много любопытныхъ указаній на гражданское право, состояніе училищъ и т. п. Особенно же важны, въ ряду палеографическихъ открытій, схоліи, относящіяся къ Иліадѣ. Увѣряютъ, что въ Патмосской библіотекѣ найдены совершенно неизвѣстные доселѣ отрывки изъ Софокла и Менандра.

Результаты всѣхъ этихъ открытій будутъ вскорѣ обнародованы въ весьма обширномъ изданіи, предпринятомъ по иниціативѣ министерства народнаго просвѣщенія: можно надѣяться, что оно сдѣлаетъ честь французской археологіи.

Извѣстно, что наша Академія Надписей давно уже приступила къ изданію „Историковъ крестовыхъ походовъ", въ которое должны войдти всѣ главнѣйшія лѣтописи, относящіяся къ этой эпохѣ. Но кромѣ того, не только во Франціи, но и повсюду въ Европѣ разсѣяно много документовъ меньшей важности, историческихъ и географическихъ, которые или еще не изданы, или составляютъ библіографическую рѣдкость: съ цѣлью собирать и печатать ихъ образовалось недавно въ Парижѣ особое общество (Société de l'Orient latin), между учредителями коего первое мѣсто занимаютъ гг. Эггеръ, Леопольдъ Делиль и де-Соси. Общество это состоитъ не болѣе какъ изъ сорока членовъ-учредителей (Французовъ и иностранцевъ) и членовъ соревнователей, число коихъ простирается до 350 (первые изъ нихъ вносятъ ежегодно по 50, а вторые — по 15 фр.). Общество намѣревается издавать по два обширныхъ тома въ годъ съ приложеніемъ фотографическихъ снимковъ (которые изготовляются, впрочемъ, только въ количествѣ 40 экземпляровъ) подъ заглавіемъ: „Bibliothèque de l'Orient latin". Этотъ сборникъ раздѣляется на три части: 1) историческую; 2) географическую—куда войдутъ описанія путешествій на всѣхъ языкахъ, и 3) стихотворную, заключающую въ себѣ поэмы латинскія, французскія, нѣмецкія и т. д. Кромѣ того, существуетъ намѣреніе посвящать по два особыхъ тома картографіи, нумизматикѣ и эпиграфикѣ латинскаго востока. Въ свое время я сочту долгомъ

Библиотека "Руниверс"

упомянуть о первыхъ результатахъ, которыми ознаменуется дѣятельность этого новаго ученаго общества.

II.

Переходя къ обзору литературныхъ новостей, обращаю вниманіе ваше прежде всего на только что появившійся 3-й выпускъ словаря греческихъ и римскихъ древностей (Grand dictionnaire des antiquités grecques et romaines), издаваемаго гг. Дарамбергомъ и Саліо. Въ выпускѣ этомъ содержатся 221—480 страницъ I-го тома. Особенно интересны слѣдующія, помѣщенныя въ немъ, статьи: *Apothéose* (съ весьма любопытными рисунками) г. Гастона Буассье, *Aqua*, *Aquae ductus*, *Ara*, *Arbores sacrae*, *Arca*, *Architecte*, *Archontes*, *Arcopage*, *Argonautes*, *Arithmetica*, *Artifices*, *Arvales*, *As*. Рисунки исполнены превосходно и еще болѣе возвышаютъ достоинство этого изданія, дѣлающее большую честь какъ трудолюбію французскихъ ученыхъ, такъ и предпріимчивости книгопродавца Гашета. Еще недавно увѣряли меня, будто бы ежегодный торговый оборотъ этого книгопродавца простирается до 12.000.000 фр. и что всѣ вмѣстѣ лейпцигскія книжныя фирмы не могутъ съ нимъ соперничать въ этомъ отношеніи. Превосходятъ его размѣрами своей дѣятельности только два лондонскихъ торговыхъ дома.

Бывшій министръ народнаго просвѣщенія г. Дюрюи издалъ недавно четвертый томъ своей римской исторіи („Histoire des Romains" par Victor Duruy), — продолженіе труда, которымъ онъ занимается около 15 лѣтъ. Первая часть его появилась еще въ 1840 году, но съ тѣхъ поръ авторъ нерѣдко отвлекаемъ былъ отъ своихъ занятій обязанностями государственной службы. Г. Дюрюи получилъ, въ теченіе этого времени, двѣ преміи, какъ отъ Академіи французской, такъ и отъ Академіи Надписей. Въ книгѣ его не слѣдуетъ искать какихъ-либо новыхъ взглядовъ, оригинальныхъ изслѣдованій: это преимущественно весьма добросовѣстный сводъ того, что̀ было сдѣлано другими,—сводъ дѣльный и умный, отличающійся изящнымъ изложеніемъ; если спеціалисты упрекнули бы г. Дюрюи, что онъ не воспользовался надлежащимъ образомъ надписями и нумизматикою, то онъ можетъ отвѣчать, что прежде всего его цѣлью было сочинить книгу, доступную для массы образованной публики, а не для ограниченнаго только круга ученыхъ. Авторъ принадлежитъ къ школѣ Мишле; онъ умѣетъ излагать предметъ съ большимъ одушевленіемъ,

Библиотека "Руниверс"

мастеръ рисовать блестящія картины и оттого произведенія его пользуются большою популярностью. Въ вышедшемъ нынѣ томѣ содержится политическая исторія римскихъ императоровъ отъ Тиверія до Марка-Аврелія,—что же касается до религіи, учрежденій и нравовъ, то онѣ отложены до слѣдующаго тома.

Между учебниками особеннаго вниманія заслуживаетъ „Новая французская граматика" г. Августа Браше (Nouvelle Grammaire française, par Auguste Brachet). Авторъ уже достаточно хорошо извѣстенъ публикѣ, ибо изданные имъ нѣсколько времени тому назадъ „Этимологическій словарь" и „Историческая граматика" составили ему репутацію отличнаго филолога. Въ новой его книгѣ большую роль играетъ сравнительная филологія; онъ хочетъ, чтобы ученики усвоивали себѣ граматическія правила не одною только памятью, но и размышленіемъ. Извѣстно, что въ надѣлавшемъ такъ много шуму циркулярѣ своемъ отъ 8-го октября 1872 года г. Ж. Симонъ выразилъ ту же самую мысль, которая показалась нашимъ педагогамъ до такой степени основательною, что они и теперь заботятся объ ея осуществленіи, между тѣмъ какъ всѣ остальныя реформы г. Ж. Симона давно уже отмѣнены. Высшій совѣтъ народнаго просвѣщенія назначилъ нѣсколько времени тому назадъ коммиссію изъ гг. Дюпанлу, Эггера и Патена, и коммиссія эта постановила, что „методъ преподаванія граматики долженъ быть измѣненъ, что преподаватель обязанъ принимать во вниманіе изысканія сравнительной филологіи для объясненія ученикамъ правилъ, заучиваемыхъ ими наизусть". Такъ какъ высшій совѣтъ, о которомъ мы упомянули сейчасъ, предписалъ ввести въ лицеяхъ курсъ французской литературы до XVII вѣка, то г. Браше издаетъ теперь два сборника: первый содержитъ въ себѣ избранные отрывки изъ писателей отъ IX до XV столѣтія (онъ уже вышелъ въ свѣтъ и всѣ его экземпляры были раскуплены съ необыкновенною быстротою), а второй, ожидаемый въ непродолжительномъ времени, будетъ посвященъ литературѣ XV и XVI вѣковъ.

Упомяну затѣмъ о трудѣ, находящемся въ связи съ названнымъ мною выше и принадлежащемъ г. Полю Альберу, преподавателю Парижской Нормальной школы и автору весьма добросовѣстныхъ изслѣдованій о старинной нашей литературѣ. Онъ издалъ теперь „Французскую литературу XVIII столѣтія" (La littérature française au XVIII siècle, par Paul Albert). Это новое его сочиненіе отличается

Библиотека "Руниверс"

весьма замѣчательными достоинствами, но можно указать въ немъ также и на недостатки, между которыми особенно поражаетъ крайняя рѣзкость тона: авторъ, занимающійся не столько разборомъ и оцѣнкою литературныхъ произведеній, сколько изображеніемъ общаго хода идей, слишкомъ преклоняется предъ писателями XVIII столѣтія, между тѣмъ какъ къ предшественникамъ ихъ относился черезъ чуръ строго.

Въ одной изъ послѣднихъ моихъ корреспонденцій я указывалъ на замѣчательную монографію г. Гюреля: „Проповѣдники временъ Лудовика XIV", но повидимому, авторъ не исчерпалъ свою тему, ибо недавно появилось новое о ней изслѣдованіе. Преподаватель одного изъ парижскихъ лицеевъ, г. Фёжеръ, защищалъ въ словесномъ факультетѣ диссертацію подъ заглавіемъ: „Бурдалу, его проповѣдь и его время" (Bourdaloue, sa prédication et son temps). По силѣ своего ораторскаго таланта Бурдалу мало уступалъ Боссюету, а между тѣмъ далеко не пользовался такою же славою, хотя объясняется это отчасти посторонними причинами; Боссюетъ былъ епископомъ и наставникомъ королевскаго сына, онъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ событіяхъ, происходившихъ при дворѣ Лудовика XIV, между тѣмъ какъ Бурдалу вполнѣ довольствовался скромною обстановкою монашескаго званія. Личность его не выдавалась впередъ, а между тѣмъ она заслуживаетъ внимательнаго изученія какъ съ точки зрѣнія рѣдкихъ способностей этого проповѣдника, такъ и съ точки нравственнаго состоянія французскаго общества въ XVII вѣкѣ. Во многихъ случаяхъ произведенія его служатъ отличнымъ комментаріемъ къ мемуарамъ Сенъ-Симона и къ письмамъ г-жи Севинье. Два года тому назадъ Французская Академія назначила темою для соисканія преміи краснорѣчія похвальное слово Бурдалу и премія присуждена была г. Фёжеру, который издалъ теперь свой трудъ, значительно дополнивъ его: книга эта написана имъ съ большимъ талантомъ.

Рѣдко считаю я нужнымъ говорить о переводахъ, но на этотъ разъ долженъ сдѣлать исключеніе въ пользу „Зоологической миѳологіи" г. Губернатиса. Переводъ этой любопытной книги сдѣланъ членомъ нашего Азіатскаго общества г. Рено, а введеніе къ ней написано Фредерикомъ Бодри, который извѣстенъ многими замѣчательными трудами о миѳологіи индѣйской.

Во всѣхъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ уже начались обычныя занятія. Въ школѣ восточныхъ языковъ введенъ теперь

Библиотека "Руниверс"

курсъ русскаго языка, преподаваніе коего поручено г. Л. Лежеру. Въ школѣ высшихъ наукъ началъ свои лекціи новый профессоръ, г. Эрнестъ Дежарденъ, занявшій мѣсто г. Мореля, который принялъ каѳедру въ Женевскомъ университетѣ: онъ излагаетъ своимъ слушателямъ въ нынѣшнемъ году политическія учрежденія древняго Рима.

Л. Л—ръ.

Библиотека "Руниверс"

ОТДѢЛЪ

КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ ДРЕВНИХЪ РИМЛЯНЪ.

(по Кирхманну.)

Въ предлагаемомъ очеркѣ погребальныхъ обрядовъ у древнихъ Римлянъ мы имѣли цѣль чисто *педагогическую*, а именно облегчить нѣсколько учениковъ при чтеніи латинскихъ авторовъ.

Какъ извѣстно, литература, особенно поэтическая, у каждаго народа есть чистое и ясное зеркало его жизни съ религіей, нравами, обычаями и пр. Въ особенности древняя классическая поэзія есть рядъ картинъ и сценъ былой жизни. Часто въ отдѣльномъ стихѣ выражается или народное преданіе, или торжественный отголосокъ религіознаго гимна, либо живописный актъ изъ разнообразнаго и драматическаго ритуала древняго богослуженія. Творенія Гомера, Софокла, Аристофана, Вергилія, Горація, Овидія представляютъ богатую галлерею картинъ изъ миѳологіи, рядъ житейскихъ сценъ, обрядовъ и пр.

Очевидно, что разумное чтеніе такихъ авторовъ не мыслимо безъ знакомства съ жизнію классическихъ народовъ.

Такъ какъ человѣкъ проводитъ свою жизнь „при двойномъ свѣтѣ вѣнчальнаго и погребальнаго факеловъ — inter faces nuptiales et funerales", — то и такихъ мѣстъ, гдѣ упоминаются *погребальные обряды* Римлянъ, разсѣяно у читаемыхъ въ гимназіи авторовъ весьма много [1]).

По возможности полная картина римскихъ похоронъ, составленная на основаніи лучшихъ писателей, много поможетъ ученику. Здѣсь, въ этомъ очеркѣ, онъ найдетъ подробное объясненіе множества словъ, выраженій, пословицъ, относящихся къ траурной сторонѣ жизни, и которыхъ значеніе всегда будетъ темно или не полно безъ знакомства съ самыми обрядами.

[1]) Въ нашемъ очеркѣ они указываются.

Библиотека "Руниверс"

Прекрасный трудъ, которымъ мы пользовались при составленіи нашего очерка, заслуживаетъ того, чтобы съ нимъ познакомиться. Въ этомъ трудѣ (Iohanni Kirchmanni Lubecensis De funeribus Romanorum libri quatuor. Lubecai MDCXXV) собрано все, касающееся римскихъ погребальныхъ обрядовъ. Видно, что авторъ занимался этою стороной древней римской жизни съ особеннымъ увлеченіемъ. Позднѣйшіе изслѣдователи римскихъ древностей часто обращались къ труду Кирхманна, говоря объ этомъ предметѣ. Сочиненіе Кирхманна, написанное по-латинѣ, было издано 4 раза. Мы цитуемъ Любекское изданіе 1625 года, по экземпляру Императорской Академіи Наукъ.

I.

«Λέγω τοίνυν ἀεὶ καὶ παντὶ καὶ παντα-χοῦ κάλλιστον εἶναι ἀνδρί, πλουτοῦντί, ὑγιαί-νοντι, τιμωμένῳ ὑπὸ τῶν Ἑλλήνων, ἀφικομένῳ εἰς γῆρας, τοὺς αὑτοῦ γονέας τελευτήσαντας καλῶς περιστείλαντι, ὑπὸ τῶν αὑτοῦ ἐκγόνων καλῶς καὶ μεγαλοπρεπῶς ταφῆναι».

Plato in Hipp. Major [1]).

„Съ подобающею честью быть погребеннымъ (καλῶς καὶ μεγαλοπρεπῶς ταφῆναι)" составляло одинъ изъ идеаловъ жизни древняго Грека, по ученію Платона. Такой высокій взглядъ на погребеніе имѣлъ основаніе свое въ религіи и философіи классическаго міра. Какъ греческая религія, такъ и философія твердо вѣрили въ загробную жизнь. Темный вопросъ о загробной жизни является до очевидности яснымъ въ классической миѳологіи и въ ученіяхъ греческихъ философовъ. Съ особенною послѣдовательностію и полнотою развилъ ученіе о судьбѣ отшедшихъ душъ Сократъ. Начиная съ минуты, когда душа разлучается съ тѣломъ, онъ подробно рисуетъ состояніе ея за предѣлами земнаго міра. Опредѣливъ топографію жилища умершихъ или ада, философъ указываетъ тѣ мытарства, чрезъ которыя проходитъ душа.

„При такомъ устройствѣ преисподней, умершіе приходятъ на мѣсто, куда каждаго ведетъ духъ (δαίμων) и прежде всего подвер-

---

[1]) «Я говорю, что всегда и вездѣ считается лучшимъ благомъ для каждаго мужа, когда онъ, при достаткѣ и здоровьѣ, почитаемый Эллинами, достигнетъ старости, прилично похоронитъ своихъ родителей, и самъ, въ свою очередь, чинно и благолѣпно будетъ погребенъ собственными дѣтьми». Plat. Opera изд. Stallb. vol. IV. Sect. I, стр. 229—230.

Библиотека "Руниверс"

гаются суду, кто изъ нихъ жилъ хорошо и свято, и кто нѣтъ. Тѣ, жизнь коихъ оказывается посредственною, обитаютъ близъ Ахеропа; тамъ они очищаются и, вытерпѣвъ наказаніе за свои неправды, становятся свободными отъ проступковъ, а за сдѣланное добро по заслугамъ получаютъ награду.... Люди, по святости жизни оказавшіеся отличными, освобождаются отъ этихъ подземныхъ мѣстъ, какъ отъ темницы, прибываютъ въ жилище чистое и обитаютъ надъ землею, вселяются въ жилища прекраснѣе земныхъ, въ такія жилища, какія теперь изобразить не легко" [1]).

Подробное изображеніе состоянія душъ умершихъ находимъ у Платона также въ повѣствованіи (миѳѣ) Эра, сына Арменіева. Этотъ Эръ палъ нѣкогда въ битвѣ; на десятый день, между тѣмъ какъ тѣла другихъ убитыхъ подверглись разрушенію, его тѣло найдено нисколько не поврежденнымъ, и отнесено въ домъ, гдѣ онъ жилъ прежде. Когда въ двѣнадцатый день собрались совершить надъ нимъ обрядъ погребенія, и тѣло его уже лежало на кострѣ, онъ вдругъ ожилъ и пересказалъ все видѣнное на томъ свѣтѣ. Смыслъ всего разказаннаго Эромъ тотъ, что всякій за совершенное зло претерпѣваетъ на томъ свѣтѣ десятикратное наказаніе, которое возобновляется каждые сто лѣтъ, потому что таково наибольшее продолженіе человѣческой земной жизни. Въ такихъ же размѣрахъ благочестивые и справедливые получаютъ достойныя награды [2]).

Наконецъ, погребальные обряды, наглядно представляя въ своемъ разнообразіи вѣрованія и взгляды древнихъ Грековъ и Римлянъ, сдѣлались торжественнымъ ихъ исповѣдываніемъ вѣры въ жизнь за предѣлами гроба. „Изъ погребальныхъ церемоній", говоритъ Сократъ, „я вывожу заключеніе о судьбѣ отшедшихъ душъ въ преисподнюю [3])". При твердомъ и искреннемъ убѣжденіи въ существованіи замогильной жизни, погребальные обряды получили святое значеніе для каждаго Грека и Римлянина. Отсюда проистекаетъ, съ одной стороны, полнота и разнообразіе похороннаго ритуала, а съ другой — особенная забота и стараніе соблюсти его чинно (καλῶς), благолѣпно (μεγαλοπρεπῶς). Для живыхъ обязанности въ отношеніи къ умершимъ были заповѣдью боговъ, догматомъ вѣры, для умершихъ погребаль-

---

[1]) См. *Пропилеи* т. V, «Федонъ», разговоръ Платона, перев. Карпова, стр. 72—73.

[2]) Respub. p. 614. *Пропилеи*, т. V, стр. 85. «О Платоновыхъ миѳахъ», ст. проф. Карпова.

[3]) См. «Федонъ», разговоръ Платона въ переводѣ проф. Карпова.

Библиотека "Руниверс"

ные обряды приготовляли спокойное пребываніе за могилой, были необходимымъ условіемъ вѣчнаго упокоенія, единственнымъ, такъ сказать, мостомъ для перехода на тотъ свѣтъ....

Такимъ благоговѣніемъ къ послѣднему долгу проникнута душа каждаго Грека и Римлянина, что обязанности въ отношеніи къ умершимъ называются *всеобщимъ закономъ* (νόμος Παναλλήνων), *наградою умершихъ* (τὸ γὰρ γέρας ἐστὶ θανόντων) [1]), божественнымъ закономъ, не писаннымъ, но *незыблимымъ*, *непреложнымъ закономъ боговъ* (ἄγραπτα κἀσφαλῆ θεῶν νόμιμα) [2]) *справедливымъ* — τὰ δίκαια, justa, для всѣхъ *обязательнымъ* — debita и *вѣчно бывшимъ* (κοὐδεὶς οἶδεν ἐξ ὅτου φάνη) [3]).

Антигона рѣшается лучше умереть, чѣмъ заслужить гнѣвъ боговъ, оставивъ брата Полиника безъ погребенія. Геніальнѣйшая изъ трагедій Софокла являетъ предъ нами во всей полнотѣ это, въ высшей степени благоговѣйное, отношеніе классическаго міра къ погребальнымъ обрядамъ. Замѣчательна сцена допроса, дѣлаемаго Креономъ Антигонѣ [4]):

Креонъ (Антигонѣ).

Ты знала и дерзнула
Законъ [5]) нарушить?

Антигона.

Не Зевесъ его
Мнѣ возвѣстилъ и не богиня правды,
Живущая съ подземными богами;
Не думала я видѣть столько силы
Въ твоихъ уставахъ, чтобы, смертный, могъ
Ты ими попирать боговъ законы;
Не писаны, не зыблемы они,
Явились не вчера или сегодня,
Но жили прежде и всегда: начало
Ихъ никому невѣдомо. За нихъ-то
Не захочу я дать отвѣтъ богамъ,

---

[1]) Odyss. XXIV.
[2]) Antig. Tragoed. Sophocl. 450.
[3]) Antig. 457.
[4]) «Антигона», траг. Софокла, перев. Водовозова.
[5]) Запрещавшій похоронить Полиника эдиктъ Креона.

Библиотека "Руниверс"

Страшась нарушить волю человѣка!
Умру... я знала: какъ же быть иначе?
Безъ твоего рѣшенья это было-бъ;
А если преждевременно умру,
То въ этомъ снова выгода моя.
Тому, кто жизнь свою всегда влачилъ
Подобно мнѣ, среди однихъ несчастій,
Какъ можетъ смерть невыгодной казаться?
Поэтому нисколько не прискорбна
Мнѣ горькая судьба моя; но если-бъ
Умершій братъ, единокровный мнѣ,
Лежалъ безъ погребенья... да! Объ этомъ
Скорбѣла-бъ я, не о моей судьбѣ!

Участь души не погребеннаго человѣка ужасна. Ей суждено сто лѣтъ скитаться около стѣнъ мрачнаго ада. „Не зарытымъ костямъ нѣтъ успокоенія", вѣровали Греки и Римляне:

„Не суждено никому переплыть черезъ страшныя воды (Стикса)
Прежде, чѣмъ кости его сокроются въ темной могилѣ.
Сто лѣтъ блуждаютъ онѣ (тѣни) вкругъ береговъ тѣхъ скитаясь,
Лишь тогда возвращаются снова на берегъ желанный" [1]).

Полинуръ, утонувшій, умоляетъ Энея въ аду:

„Ахъ, умоляю тебя и солнечнымъ блескомъ, и милымъ
Свѣтомъ небесъ, и отцемъ, и надеждою сына Іюла,
Непобѣдимый Эней, исторгни меня изъ пучины
Горя и золъ, или покрой мое бренное тѣло землей" [2]).

Душа Патрокла проситъ Ахиллеса:

„О, погреби ты меня, да войду я въ обитель Аида!
Души, тѣни умершихъ меня отъ воротъ его гонятъ,
И къ тѣнямъ пріобщиться къ себѣ за рѣку не пускаютъ;
Тщетно скитаюсь я предъ широковоротнымъ Аидомъ [3]).

Въ силу такой важности погребальнаго обряда для умершаго, каждый, при встрѣчѣ съ непогребеннымъ тѣломъ, обязанъ былъ предать его землѣ. Сущность обряда будетъ исполнена, если тѣло встрѣченное будетъ посыпано тремя горстями земли (ter pulvere jacto). Тому, кто не совершилъ, по чему-либо, этого краткаго обряда, грозитъ мщеніе боговъ, и не только ему, но и потомству его.

---

[1]) Энеид. кн. VI, переводъ *Шершеневича*, изд. 1868 г.
[2]) Энеид. кн. VI, въ перев. *Шершеневича*, ср. кн. X.
[3]) Иліада, перев. *Гнѣдича*, пѣснь XXIII, стих. 70.

Библиотека "Руниверс"

„Ты, матросъ, будь добрымъ человѣкомъ", говоритъ у Горація не погребенный трупъ мимо плывшему моряку, „не пожалѣй *сыпучаго песку* (vagae arenae) для моей непогребенной головы и моихъ неуспокоенныхъ костей. Если ты совершишь обрядъ—какъ бы ни грозилъ тебѣ Эвръ гиперидскими волнами, какъ бы ни гнулись лѣса Венузія—ты будешь невредимъ, и много барышей стечется къ тебѣ отовсюду по милости справедливаго Юпитера и Посидона, стража священнаго Тарента. Ужели ты позволишь себѣ по небрежности обмануть мои ожиданія и тѣмъ впослѣдствіи навлечь вредъ на неповинныхъ дѣтей своихъ... Мои мольбы будутъ отмщены и тебя не разрѣшатъ отъ такого грѣха никакія очистительныя жертвы. Хоть ты и спѣшишь (но за дѣломъ, о коемъ я прошу) — не велико промедленіе. Ты можешь тотчасъ же плыть, только *брось на меня три горсти земли*" (non est longa mora, licebit injecto ter pulvere curras [1]).

Любопытно въ этомъ случаѣ сопоставленіе вѣрованія древнихъ Римлянъ съ вѣрованіемъ нашего народа въ то возмездіе, которое ожидаетъ каждаго за неисполненіе надъ встрѣченнымъ трупомъ послѣдняго долга.

Послѣ сказаннаго понятно, почему между идеалами классическаго міра было и стремленіе удостоиться „велелѣпнаго" погребенія (μεγαλοπρεπῶς ταφῆναι), т. е. погребенія по обрядамъ, завѣщаннымъ стариной, обрядамъ, сложившимся вѣками, обрядамъ, въ которыхъ каждый прозрѣвалъ утѣшительную надежду, чаяніе новой жизни и разрѣшительный актъ для перехода въ страну, „откуда нѣтъ возврата"—страну вѣчнаго мира и покоя...

Далѣе, понятна и та осмысленность, которую мы видимъ въ погребальномъ ритуалѣ Грековъ и Римлянъ. Каждый обрядъ, даже маловажный, носитъ въ себѣ идею, мысль. Такъ какъ Грекамъ первымъ изъ этихъ двухъ народовъ принадлежала честь привести погребальные обряды въ стройный и послѣдовательный порядокъ, то на всемъ траурѣ лежитъ кромѣ того печать изящнаго. Цвѣты, вѣнки, кипарисы, факелы, музыка—необходимая принадлежность похоронъ въ древней Элладѣ...

Римляне, какъ преемники греческой цивилизаціи, у Грековъ же въ главныхъ чертахъ заимствовали и погребальные обряды. Но, оставаясь по существу одинаковыми, эти обряды въ Римѣ, особенно императорскомъ Римѣ, значительно дополнились: сдѣлались блестящѣе,

---

[1]) Horat. Lib. I. Od. XXVIII.

Библиотека "Руниверс"

тщеславнѣе. Эти дополненія въ римскихъ погребальныхъ обрядахъ, сравнительно съ греческими, отчетливо рисуютъ разницу изящной Эллады отъ гордаго orbis terrarum.

II.

Съ древнѣйшихъ временъ Римляне двоякимъ образомъ совершали погребеніе: *предавали землѣ* и *сожигали* тѣла (humatio et combustio), подражая Грекамъ, у коихъ преданіе землѣ (ταφή) и сожиганіе (καῦσις), какъ два вида погребенія, одновременно имѣли мѣсто [1]).

Критонъ, одинъ изъ учениковъ Сократа, за минуту до принятія симъ послѣднимъ яда, спросилъ своего учителя: „*какимъ образомъ* похоронить тебя—θάπτομεν δέ σε τίνα τρόπον?"—„Какимъ вамъ угодно", отвѣчалъ Сократъ. Потомъ, обратившись къ другимъ слушателямъ, и, указывая на Критона, Сократъ продолжалъ: „видя мое тѣло *сожигаемымъ* или *закапываемымъ* (ὁρῶν μου τὸ σῶμα ἢ καιόμενον ἢ κατακρυπτόμενον), онъ устыдится своей скорби, потому что будетъ сожжено *одно тѣло* Сократа" [2]).

Двоякій способъ погребенія оправдывался воззрѣніями греческой натуральной философіи. Одни изъ философовъ, какъ Гераклитъ, доказывали, что всѣ тѣла созданы изъ огня и должны разрѣшиться въ эту стихію; другіе (Ѳалесъ) все сотворенное производили изъ земли, въ которую опять и должно все возвратиться [3]).

Обычай *зарывать тѣла въ землю* (terra obruere, humare) и *сожигать* cremare, comburere) одновременно существовалъ и у Римлянъ. Смотря по желанію самого умершаго или его родственниковъ, трупы однихъ предавались землѣ, другихъ—пламени. Такъ, въ домѣ Корнеліевъ до Суллы никто не былъ сожженъ. Сулла же пожелалъ быть сожженнымъ, такъ какъ послѣ смерти боялся подвергнуть свое тѣло такой же участи, какая постигла тѣло Марія, надъ останками котораго Сулла наругался, приказавъ ихъ вырыть и развѣять (dissipari jussit) [4]).

Одновременное существованіе двоякаго способа погребенія у Римлянъ подтверждаетъ законъ XII таблицъ, гдѣ запрещено *хоронить* (sepelire) и *сожигать* (comburere) мертвыхъ. Все таки сожиганіе было самымъ обыкновеннымъ и распространеннымъ способомъ погребенія.

Обыкновенно не сожигались, а закапывались: во-1-хъ, тѣла дѣтей,

---

[1]) Илiад. пѣснь 1. Aeneid. XI.

[2]) Федонъ, разговоръ Платона, пер. *Карнова*. См. *Пропилеи* кн. V, стр. 74.

[3]) Kirchm. Lib. 1.

[4]) Plin. Lib. VII cap. LIV.

Библиотека "Руниверс"

которымъ не минуло 40 дней отъ рожденія, у которыхъ еще не прорѣзался зубокъ (priusquam genito dente), такъ какъ въ сущности нечему горѣть и не долго разлагаться. Могила такихъ дѣтей называлась *suggrundarium*.

Во-2-хъ, считалось неприличнымъ сожигать тѣла убитыхъ молніей (de coelo tacti, fulminati, fulgurati). Религія Римлянъ считала таковыхъ неприкосновенными (salvi) и повелѣвала предавать землѣ на томъ же мѣстѣ, гдѣ поразила ихъ стрѣла Громовержца [1]).

Какимъ бы способомъ ни совершалось погребеніе, на языкѣ Римлянъ оно обозначалось однимъ общимъ словомъ *funus*, и ведетъ свое происхожденіе отъ (funis, funale — веревка, факелъ) факеловъ (funalia), при свѣтѣ коихъ встарину одинаково для всѣхъ, и бѣдныхъ и богатыхъ, ночью скромно совершалась погребальная церемонія.

Впослѣдствіи, свойственныя людямъ суетность и тщеславіе одѣли самую печаль роскошною ризой, окружили блескомъ и великолѣпіемъ. И вотъ скромное, печальное шествіе ночью при свѣтѣ факеловъ превращается мало по малу въ блестящую *помпу* (pompa funebris), торжественно слѣдующую среди бѣлаго дня чрезъ форумъ по многолюднымъ улицамъ Рима. О ней напередъ возвѣщаютъ герольды, ее сопровождаютъ громогласные звуки погребальной музыки, состоявшей изъ флейтъ, роговъ, трубъ, — цѣлые хоры голосящихъ плакальщицъ, кривляющихся мимовъ и проч.

Первоначальное *funus*, какъ названіе погребенія, стало прилично развѣ только бѣднымъ плебейскимъ похоронамъ, которыя и теперь (въ позднѣйшія времена республики и имперіи), какъ и во время оно, также молчаливо вечеромъ, по необходимости, а не ради роскоши, при тускломъ свѣтѣ факеловъ, число коихъ ограничивалось закономъ, по заднимъ улицамъ пробирались за городъ къ мѣсту сожженія.

Возрастъ, состояніе, общественное положеніе и, наконецъ, послѣдняя воля умершаго обусловливали собою характеръ и многія подробности погребальнаго обряда. Различныя подробности погребальнаго церемоніала строго опредѣлялись римскимъ законодательствомъ.

Такимъ образомъ явились похороны *съ оглашеніемъ* (funus indictivum), *негласныя* (tacitum), *публичныя* (publicum), *тріумфаторскія* (triumphale), погребеніе *высшихъ сановниковъ* (censorium, consularium, praetorium), *плебейское* (plebejum), *рядовое*, *обыкновенное* (commune), *запросто*, *безъ затѣй* (simpludiarium, translaticium), погребеніе *несо-*

---

[1]) Plin. Lib. II. Cap. LIV.

Библиотека "Руниверс"

вершеннолѣтнихъ, младенцевъ (funus acerbum, immaturum). Были даже похороны мнимыя, похороны *масокъ* (funus larvatum), похороны однихъ *изображеній* или портретовъ (imaginarium funus) [1]).

Все это разнообразіе похоронъ можетъ быть раздѣлено на двѣ главныя категоріи: похороны *гласныя* (funus indictivum) для патриціевъ и похороны *безъ оглашенія* (funus tacitum—иначе plebejum) для плебеевъ.

Нашъ очеркъ будетъ посвященъ, главнымъ образомъ, описанію погребальныхъ обрядовъ при *гласныхъ похоронахъ*.

III.

Погребальные обряды слѣдовали въ такомъ порядкѣ: 1) обряды до выноса тѣла, 2) при выносѣ и погребальномъ шествіи, 3) во время сожженія и 4) послѣ сожженія.

Современныя выраженія: „принять послѣдній вздохъ", „закрыть глаза"—есть живой отголосокъ нравовъ и обычаевъ классической старины.

Обязанность цѣлованіемъ „принять въ себя послѣдній вздохъ умирающаго (excipere extremum halitum, ore legere halitum extremum), а вмѣстѣ съ дыханіемъ перенимать, ловить какъ бы самую душу умирающаго [2]), равно какъ закрывать глаза (καθαίρειν, συγκλεῖν τοὺς οφθαλμοὺς ἢ βλέφαρα=*condere, firmare, operire, comprimere oculos aut lumina* [3])—исполняли ближайшіе родственники умершаго. Этотъ обыкновенный актъ любви къ покойному у Грековъ и Римлянъ получилъ санкцію обряда и вошелъ, какъ таковый, въ погребальный ритуалъ.

„Закрывать глаза тотчасъ послѣ смерти и вновь открывать ихъ на кострѣ было священнымъ обрядомъ Квиритовъ", говоритъ Плиній [4]), „обычай сложившійся потому, что неприлично людямъ смотрѣть въ потухшіе глаза, и тѣмъ болѣе неприлично не открыть ихъ для неба (et coelo non ostendi nefas)". Вѣроятно, первоначальною

---

[1]) Kirchm. de funer. Rom. lib. I, Cap. IV, p. 23.

[2]) Aeneid. IV. Объ имѣющихъ скоро умереть обыкновенно говорили: animam in primo ore vel labris tenere, то-есть, душа едва держится во рту.

[3]) Aeneid. IX, 487. Ovid. Trist. III, 3, 43.

[4]) Plin. XI, 37. Римляне очень хлопотали о туалетѣ своихъ покойниковъ. Светоній разказываетъ, что Августъ за нѣсколько минутъ предъ смертью попросилъ зеркало и приказалъ себя умыть и причесать себѣ волосы. Svet. XIC. Kirchm. Lib. 1. C. V.

Библиотека "Руниверс"

причиною обычая закрывать глаза было тоже, что и теперь, то-есть, желаніе придать благообразный видъ лицу покойника, такъ какъ открытые безжизненные глаза внушаютъ чувство страха и невольнаго отвращенія. Ближайшіе родственники, дабы убѣдиться въ подлинности смерти, или чтобы пробудить чувства, которыя можетъ быть только замерли [1]), тотчасъ послѣ закрытія глазъ и послѣдняго цѣлованія, начинали громко произносить имя покойнаго (conclamatio) и со словами: „прощай, прощай—have, vale" поднимались общее рыданіе и вопли.

Вотъ почему латинское выраженіе: conclamatum est (окликали) значитъ: нѣтъ болѣе надежды, все напрасно, скончался!

Вслѣдъ *за окликаніемъ*, снаружи дома, у входа, выставлялись *пихта* и *кипарисъ*, знакъ, что въ домѣ покойникъ. „Пихта, дикое дерево, любитъ разсѣлины горъ и стужу (amat montes atque frigora)", говоритъ Плиній, „кипарисъ же посвященъ Плутону, адскому богу; вотъ почему они служатъ эмблемами траура (funebre indicium) и составляютъ принадлежность погребальныхъ церемоній" [2]). Къ тому же траурныя деревья служили предостереженіемъ особенно для жрецовъ, которыхъ оскверняло посѣщеніе дома, гдѣ былъ покойникъ [3]).

Любопытны основанія, по которымъ Римляне сосну и кипарисъ считаютъ деревьями печали и потребляютъ какъ знаки траура. О кипарисѣ существуетъ нѣсколько грустныхъ преданій. По одному изъ нихъ, кипарисъ впервые выросъ на могилѣ Кипариссы (Cyparissae), дочери Борея; по другому—нѣсколько кипарисныхъ деревьевъ выросло по волѣ Теллюры, какъ надгробный памятникъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ Кипрессы, дочери Этеокла, во время священной пляски (tripudium) упали въ колодезь и погибли. По третьему, Кипарисъ былъ сынъ Телефа, любимый Аполлономъ, превращенный въ дерево за то, что неутѣшно оплакивалъ убитаго имъ любимаго оленя [4]).

Пихта (arbor Diti sacra) Плутону посвящена какъ дерево печали потому, вопервыхъ, что любитъ горы, слѣдовательно, растетъ нѣкоторымъ образомъ во владѣніяхъ подземнаго бога; вовторыхъ, потому, что, по словамъ Феста, „однажды срубленная не отрождается

---

[1]) Kirchm. (de funerib. XIII. cap. p. 103, lib. 1) приводитъ изъ разныхъ писателей нѣсколько случаевъ замиранія.

[2]) Plin. Lib. XVI. Cap. X, XXXIII.

[3]) Kirchm. de funerib. Lib. 1, p. 110.

[4]) Ibid. Cap. XIII, p. 110—111. Lib. 1.

Библиотека "Руниверс"

(excisa nihil renascitur) и совершенно пропадаетъ. Такъ и отъ мертваго нечего уже ждать (ex mortuo nihil sperandum est)" [1]).

Ельникъ—знакъ печали и въ наши дни. Отчаянію языческаго міра христіанство противупоставило вѣру и надежду на воскресеніе. Сосна и ель однѣ круглый годъ не теряютъ своихъ зеленыхъ хвой и, устилая собою путь похоронной процессіи, знаменуютъ чаяніе вѣчной, неувядающей жизни за гробомъ.

IV.

Дальнѣйшія заботы о приготовленіи покойника къ погребенію поручались въ Римѣ лицамъ, спеціальностію коихъ были похороны. Эти похоронные служители или хоронильщики (νεκροθάπται) носили общее имя *либитинаріевъ* (libitinarii). Институтъ либитинаріевъ ведетъ свое начало отъ Сервія Туллія. Этотъ царь статистиковъ для веденія правильнаго счета числу рождающихся и умирающихъ постановилъ, чтобы родители за каждаго новорожденнаго вносили нѣкоторую сумму въ храмъ Юноны Люцины (Junonis Lucinae), а за умершаго родственники его—въ храмъ Венеры Либитины (Veneris Libitinae). Въ этихъ храмахъ велись книги, куда и вписывались всѣ рождающіеся и умирающіе. Впослѣдствіи при храмѣ Либитины образовалось хранилище (складъ, депо) всѣхъ погребальныхъ принадлежностей (τὰ πρὸς τὰς ταφάς). Здѣсь продавались или отдавались на прокатъ носилки, благовонныя масла для намащенія, курительныя вещества, дрова для костровъ и пр. Здѣсь же жили и похоронные служители: смывальщики (lotores), намащатели (pollinctores), факельщики (lictores), носильщики (lecticarii), мимы (ludiones, scurrae), плакальщицы, причитальщицы (praeficae, naeniae) съ распорядителемъ похоронной церемоніи или церемоніймейстеромъ (designator) во главѣ.

Вотъ почему слово „libitina" на языкѣ Римлянъ означаетъ и собственно похоронныхъ служителей, и погребальный одръ (lectulus), и погребальныя принадлежности (funeralia), и обязанность въ отношеніи къ умершимъ (defunctis justa), и судьбу и богиню смерти, и похороны, и самую смерть [2]).

---

[1]) Kirchm. de funer. Lib. 1, c. XIII.

[2]) Multaque pars mei vitabit libitinam. Hor. Lib. III. Od. XXX. Lib. II. Epist. 1. Phaedr. Lib. IV. Fab. LXXVII.

Библиотека "Руниверс"

V.

«Наконецъ-то покойничекъ (beatulus),
Положенный на высокомъ одрѣ,
Густо намазанный нибиремъ,
Къ двери протягиваетъ окоченѣлыя пятки
И смотритъ вонъ». *Персій* [1]).

Затѣмъ тѣло поступало въ распоряженіе либитинаріевъ... Надобно сказать, что Римляне слишкомъ заботились о туалетѣ своихъ мертвецовъ. Женщинъ даже румянили [2]). „Великолѣпно выряжаютъ и одѣваютъ, точно боятся, чтобы мертвые дорогой не озябли и въ неприличномъ видѣ не явились предъ Церберомъ", говоритъ Люціанъ [3]). „Августъ", говоритъ Светоній, „въ день смерти потребовалъ зеркало, приказалъ причесать волосы, привести въ порядокъ впавшія щеки (malas labantes corrigi praecepit") [4]).

Неудивительно послѣ этого, что всѣ перечисленныя должности либитинаріевъ—всѣ эти unctores, pollinctores, lotores имѣли не мало работы около покойника.

Омытый, намащенный, надушенный, часто нарумяненный трупъ одѣвался въ лучшую одежду. Общая одежда мертвыхъ Римлянъ была бѣлая тога [5]); чиновники (magistratus) хоронились въ тогахъ, соотвѣтствующихъ должности (toga praetexta, purpurea). Траурная же тога была темнаго цвѣта (pulla toga).

Греки на своихъ покойниковъ возлагали вѣнки (εἰώθασι στέφειν τοὺς νεκρούς). Этотъ обычай соблюдался и у Римлянъ. Они тоже увѣнчивали своихъ умершихъ оливковыми вѣнками (oleastro). Тѣ изъ покойниковъ, которые при жизни стяжали себѣ почетные вѣнки, какъ награду на играхъ, или какъ побѣдители враговъ, хоронились въ этихъ вѣнкахъ, иногда золотыхъ [6]), „Для напоминанія предстоящимъ, что жизнь человѣческая коротка и „яко цвѣтъ сельный, тако отцвѣтетъ (quae spectatissime floreat, celerrime marcescere)", говоритъ Плиній, осыпали покойника и ложе его цвѣтами [7]).

---

[1]) Satir. III. «Tandemque beatulus alto
Compositus lecto, crassisque lutatus amomis
In portas rigidos calces extendit». Sat. III.

[2]) Діонъ въ жизни Нерона,—Kirch. 149 стр.

[3]) Lucian. «de luctu».

[4]) Sveton. vita August.

[5]) Juven. Sat. III.

[6]) Cic. II, de legib. См. Kirch. de funer. lib, 1. Cap. XI.

[7]) ἀνζέων βολή—у Грековъ.

Библиотека "Руниверс"

Снаряженіе (compositio, componere) покойника, то-есть, омовеніе, намащеніе, одѣваніе и проч., обыкновенно совершалось во внутреннихъ комнатахъ. Затѣмъ, приготовленное къ погребенію тѣло помѣщалось (collocabatur, πρόθεσις, collocatio) въ пріемной или передней (vestibulum) на парадномъ богатомъ ложѣ (lectus) или одрѣ, нерѣдко изъ слоновой кости, устланномъ дорогимъ парчевымъ или пурпуровымъ покрываломъ. Тѣло обыкновенно лежало ногами къ выходу, такъ какъ „по закону природы человѣку свойственно рождаться головой впередъ, а выносить его наоборотъ, то-есть, впередъ ногами“ [1]). Около одра стояли благовонныя курильницы (ara acerra) и рабы съ опахалами для отгонянія мухъ (abigatores).

VI.

Тѣло оставалось въ домѣ семь дней. На восьмой день обыкновенно былъ *выносъ* (elatio, ἐκφορά); въ этотъ же день трупъ сожигался, на девятый его хоронили. Выносъ тѣла [2]) у Римлянъ совершался со всею торжественностью.

Наканунѣ выноса обыкновенно разъѣзжали особые глашатаи, герольды (praecones) по главнымъ улицамъ города и возвѣщали о печальномъ событіи [3]) въ такихъ выраженіяхъ: „Ollus Quiris letho datus est. Exequias ire cui commodum est, jam tempus est. Ollus ex aedibus effertur“, то-есть: такой-то гражданинъ скончался. Время уже идти, кому угодно на выносъ. Такого-то выносятъ“ [4]).

Древній Римъ былъ строго религіозное государство (religiosa civitas). Тогда считалось непристойнымъ выносить покойниковъ среди бѣлаго дня, потому что животворящее солнце оскорблялось картиной мертваго тѣла. Точно также считалось предосудительнымъ для жрецовъ и высшихъ сановниковъ (которые тогда почитались лицами священными) встрѣчаться съ покойникомъ. Вотъ почему въ древнія времена Римскаго государства даже царей хоронили въ ночное время. Напримѣръ, Сервій Туллій, по свидѣтельству Діонисія Галикарнасскаго, вынесенъ былъ ночью [5]). Римъ позднѣйшаго времени измѣ-

---

[1]) Ritu naturae capite hominem gigni mos est, pedibus efferri. *Plin.* Lib. VII, Cap. VIII.

[2]) «Elatio, efferre, exportare, funus ducere, exequias ducere, pompa funebris).

[3]) Indicabant,—отсюда *indictivum funus*, въ противуположность tacitum funus.

[4]) Kirchm. de funerib. Lib. 1.

[5]) Что самое погребеніе получило названіе отъ употреблявшихся при выносѣ факеловъ (funus, funalia), объ этомъ мы говорили выше.

Библиотека "Руниверс"

нилъ этотъ скромный обычай. Предоставивъ бѣднякамъ выносить своихъ мертвецовъ *молчаливо, во мракѣ ночи*, гордые римскіе вельможи истощали всю изобрѣтательность, чтобы придать своимъ похоронамъ всевозможный блескъ и торжественность.

Обыкновенно на богатыхъ похоронахъ выносъ происходилъ въ разгаръ городскаго движенія, когда площади и улицы Рима были полны народа.

Погребальная роскошь позднѣйшаго времени до такой степени была велика, что сочли нужнымъ издать особый законъ, которымъ ограничивалась излишняя пышность [1]).

Распорядителемъ погребальной процессіи былъ особый церемоніймейстеръ (designator) [2]) съ своими черными ликторами и подручнымъ (accensus). Во главѣ шествія помѣщалась музыка вокальная и инструментальная. Съ одной стороны флейтщики, трубачи, рогачи (cornicen), съ другой — плакальщицы, подъ предводительствомъ своей главной *заводчицы* (praefica), составляли одинъ ужасный хоръ, въ которомъ рѣзкіе звуки роговъ и трубъ сливались съ пронзительными воплями, стенаніями и причитаніями (naenia или mortualia) въ раздирающій душу погребальный маршъ.

Впрочемъ, похоронная музыка у Римлянъ совершенно удовлетворяла своей цѣли, которая состояла между прочимъ и въ томъ, чтобы уничтожить сильными звуками привидѣнія, прогнать нечистую силу и всякое дьявольское наважденіе [3]).

Сколько рѣзки и отвратительны были звуки похоронной музыки инструментальной, столько же дики и безсмысленны причитанья (naeniæ) плакальщицъ. Эти причитанья вошли у Римлянъ въ пословицу для выраженія самаго непріятнаго впечатлѣнія или обозначенія пустяковъ, вздора, вещей ничтожныхъ. О рѣчи неискуснаго оратора, грубомъ стихѣ бездарнаго поэта, вздорномъ умствованіи ложнаго философа, обыкновенно говорили: „это сборникъ заупокойныхъ причитаній", „точь въ точь причитанья плакальщицъ" [4]). Содержаніемъ причитаній обыкновенно были похвалы покойнику.

Praeficæ — передовыя плакальщицы (заводчицы) дирижировали похоронным плачемъ и давали тактъ остальнымъ плакальщицамъ

---

[1]) Cic. Phil. IX, 7. См. Pauly. T. III, стр. 544.

[2]) Horat. Ep. 1, 7, 6.

[3]) Avertere spectra et daemonum ludibria. Kirchm. de funer. Lib. II, p. 143.

[4]) «Mortuaria glossaria, tanquam mulierum voces praeficarum». Agell. lib. XVIII Cap. VII. Kirchm. de funer. lib. II. Cap. VI. pag. 153.

Библиотека "Руниверс"

мѣрными ударами въ грудь (quæ dant cæteris modum plangendi). Нерѣдко картина надгробнаго рыданія (planctus) превращалась въ безобразное зрѣлище. Плакальщицы въ своемъ наемномъ усердіи, а за ними и другія женщины, учавствовавшія въ погребальной процессіи, нерѣдко преступали границы всякаго приличія, слишкомъ утрируя свои плачевныя обязанности: онѣ неистовствовали, голосили, выли, били себя въ грудь, рвали волосы, пачкали лице грязью и раздирали до крови щеки. Такъ, Анна въ Энеидѣ, оплакивая смерть сестры Дидоны, разцарапываетъ лице и грудь ногтями [1]). Законъ XII таблицъ запрещаетъ женщинамъ царапать щеки — „да не царапаютъ женщины себѣ щекъ" [2]), а Цицеронъ подобный способъ выраженія скорби называетъ „отвратительнымъ [3]).

За толпой музыкантовъ и плакальщицъ слѣдовали *мимы* (актеры), *комедіанты* (histriones), *шуты*, *скоморохи* (scurræ). Эта странная труппа съ архимимомъ во главѣ должна была представить въ похоронной процессіи, по возможности близко къ оригиналу, лице самого покойника и его близкихъ и дальнихъ умершихъ родственниковъ.

Въ сущности невинное желаніе родныхъ и знакомыхъ оживить, такъ сказать, въ своемъ воображеніи дорогую личность покойника, мало по малу превратилось въ особый родъ траурнаго спектакля, въ которомъ дѣйствующими лицами были покойникъ съ своими умершими предками и сродниками. Комедіантамъ раздавались роли: каждый изъ нихъ, изображая лице извѣстнаго родственника покойника, надѣвалъ его восковую маску (persona - imago) и подходящій костюмъ. Первую роль, т. е. лице самого покойника, игралъ архимимъ. Въ маскѣ и костюмѣ умершаго, онъ различными кривляньями старался возсоздать для публики личность погребаемаго. Такъ „Фаворъ архимимъ шелъ впереди носилокъ Веспасіана въ его маскѣ, подражая, по обычаю, дѣламъ и словамъ этого мужа" [4]).

Извѣстно, что знатныя фамиліи (nobiles gentes) въ Римѣ имѣли право хранить въ своемъ домѣ изображенія предковъ (jus imaginum). Въ знатныхъ, родовитыхъ домахъ (напр. Корнеліевъ, Сципіоновъ) такихъ восковыхъ изображеній или портретовъ (effigies majorum, stem-

---

[1]) Lib. IV. Aeneid.

[2]) «Mulieres genas ne radunto».

[3]) «Detestabilia genera lugendi».—Cic. III. Tuscul.

[4]) «Favor archimimus personam Vespasiani ferens imitansque, ut est mos, facta et dicta viri». Sveton. Vespas. 19.

Библиотека "Руниверс"

ma) скоплялось большое количество. Въ случаѣ смерти одного изъ членовъ такой родовитой фамиліи, всѣ эти восковые предки считали обязанностью участвовать въ погребальной процессіи, и провожали умершаго до костра, какъ бы указывая новому жителю преисподней знакомую дорогу въ подземное царство Плутона. Помѣщенныя на высокихъ шестахъ (celsa feretra) они окружали со всѣхъ сторонъ, какъ свита, тѣло покойника. Иногда число восковыхъ изображеній доходило до нѣсколькихъ сотъ. „Шествіемъ изображеній" (pompa imaginum) предковъ, по словамъ Тацита [1]), особенно замѣчательны были похороны Друза. Здѣсь присутствовали портреты всѣхъ царей, императоровъ и знаменитыхъ людей, начиная съ Энея и Ромула.

На похоронахъ полководцевъ, императоровъ, впереди покойника несли на особыхъ доскахъ изображенія завоеванныхъ городовъ, покоренныхъ народовъ, перечень побѣжденныхъ непріятелей, побѣдные трофеи, названія изданныхъ законовъ (tituli). При погребеніи государственныхъ сановниковъ (summi magistratus) носилкамъ предшествовали знаки (insignia) ихъ достоинствъ: связки ликторовъ (fasces), сѣкиры, щиты и другое оружіе въ обратномъ видѣ (arma verba): копья остріемъ внизъ, а щиты оборотными сторонами. Того требовалъ траурный этикетъ (mos lugentium) [2]).

Затѣмъ слѣдовало самое тѣло. Его несли на погребальномъ ложѣ (lectica, torus, ἡ κλίνη), нерѣдко изъ слоновой кости, отдѣланномъ золотомъ, выстланномъ пурпуровою или парчевою матеріею, на носилкахъ (feretrum) [3]).

Честь нести богатыхъ покойниковъ принадлежала вольноотпущенникамъ [4]) и наслѣдникамъ:

„Густо намащенный трупъ
На обнаженныхъ плечахъ несъ наслѣдникъ" [5]).

Высшихъ государственныхъ сановниковъ, императоровъ обыкновенно должны были нести сенаторы, всадники и другіе чины [6]).

---

[1]) Tacit. Annal. lib. IV.

[2]) Kirchm. Lib. II. p. 166.

[3]) Becker-Gallus. Pauly III. 545. *Feretrum* — отъ *fero*. На обыкновенныхъ похоронахъ (tacitum funus) несли одръ особые наемные носильщики изъ числа либитинаріевъ (νεκροφόρος, lecticarius, sandapila, vespillo — отъ *vesper* — носильщикъ на ночныхъ похоронахъ) на одрѣ, называвшемся *sandapila*—λίχος—λίχη, ἐφ' οἷς τοὺς νεκροὺς κόσμουσιν.

[4]) Horat. Lib. II. Sat. V.

[5]) Juven. Sat. III.

[6]) Tacit. Annal. I.

Библиотека "Руниверс"

Позади тѣла шли родственники, знакомые и всѣ присутствовавшіе на похоронахъ, въ траурной одеждѣ (lugubria) темнаго цвѣта (toga pulla). Цвѣтныя одежды, знаки власти (insignia—toga praetexta, purpurea, lictores, fasces и пр.) золотыя, серебряныя украшенія, даже кольца строго запрещались траурнымъ римскимъ этикетомъ, который предписывалъ во время погребальной процессіи надѣвать трауръ (sumere, ponere, induere lugubria) всѣмъ присутствующимъ, а ближайшимъ родственникамъ не снимать его (exuere, deponere lugubria) цѣлый годъ[1]).

Погребальное шествіе (feralis pompa) направлялось изъ дома покойнаго [къ мѣсту погребенія или сожженія чрезъ форумъ. Здѣсь передъ рострами процессія останавливалась. Lectica съ тѣломъ ставилась на особое возвышеніе. Вокругъ ея, въ видѣ амфитеатра, разсаживались на скамьяхъ мимы въ маскахъ, изображенія предковъ ставились въ восходящемъ хронологическомъ порядкѣ. Входилъ на каѳедру (rostra) ораторъ и начиналъ надгробную рѣчь (oratio funebris). Въ силу пословицы: de mortuis aut bene aut nihil, эти надгробныя рѣчи изобиловали похвалами покойнику, его усопшимъ отцамъ, братіямъ и всему его роду. Видно, что ораторъ для ублаженія памяти самого покойника и его предковъ не скупился на похвалы и льстивыя выраженія, если римскіе писатели, каковы Ливій и Цицеронъ надгробныя рѣчи признаютъ причиною лживости (подкрашенности, подрумяненности) вообще римской исторіи [2]). „У насъ существуютъ, говоритъ Цицеромъ, похвальныя рѣчи умершимъ. Эти похвальбы хранились въ семействахъ, какъ памятники и украшеніе. Въ случаѣ смерти новаго члена дома ими пользовались другіе ораторы для прославленія знатности рода (ad nobilitatem illustrandam). Вслѣдствіе этихъ похвальныхъ рѣчей исторія наша стала лживѣе (mendosior), потому что въ этихъ фамильныхъ памятникахъ помѣщено много небывалыхъ событій, тріумфовъ, консульствъ и другихъ небылицъ“ [3]).

Тоже говоритъ и Ливій: „память о нашихъ историческихъ событіяхъ, я полагаю, совершенно испорчена (memoriam vitiatam) этими надгробными похвалами, такъ какъ всякая фамилія имѣетъ привычку присвоивать себѣ славу совершенныхъ доблестныхъ подвиговъ, подъ вліяніемъ обманчивой и лживой лести [4])“. По окончаніи надгробной

---

[1]) Kirchm. lib. II. Cap. VIII. Ovid. Metam. lib. VI.

[2]) Laudibus funebribus fucata est historia, mendosior facta est.

[3]) Cicer. in Bruto.

[4]) «Ad se quaeque familia famam rerum gestarum fallente mendacio trahit». Liv. Lib. VIII.

Библиотека "Руниверс"

рѣчи, процессія слѣдовала въ прежнемъ порядкѣ за городъ для сожженія и погребенія, такъ какъ еще законъ XII таблицъ гласилъ: intra urbem hominem mortuum neque urito, neque sepelitô, то-есть, не сожигать и не хоронить тѣлъ внутри города [1]). Исключеніе было только для жрецовъ, весталокъ, тріумфаторовъ и императоровъ [2]).

VII.

«Воздвигается на полѣ высокій костеръ изъ пихты и прикрылъ его со всѣхъ сторонъ плакучій кипарисъ» [3]).

Стацій.

Способъ сожиганія (combustio), какъ мы выше говорили, въ Римѣ былъ болѣе употребительною формою погребенія, нежели преданіе землѣ (humatio). Мѣстомъ сожженія богатыхъ служили ихъ собственныя загородныя виллы, помѣстья, поля, или откупленные съ этою цѣлью участки за городомъ, гдѣ устроивались фамильные склепы, большею частію близь большихъ дорогъ (см. ниже). Обыкновенно сжигались тѣла на кострѣ (rogus, pyra). Мѣсто, на которомъ горѣлъ костеръ, называлось *пепелище* (ustrina). Костеръ строился изъ пихты, сосны, какъ деревьевъ, посвященныхъ адскому богу, и другихъ смолистыхъ деревьевъ. Для костровъ употреблялись грубыя, нетёсанныя бревна: „не выглаживайте костра скобелью (rogum ascia ne polito)“, гласилъ законъ XII таблицъ [4]).

Костры по своей конструкціи имѣли форму громаднаго жертвенника (ingens ara). Костеръ покрывали зеленью и кругомъ ставили кипарисы. Тѣло вмѣстѣ съ погребальнымъ одромъ поднималось на вершину костра. Тотчасъ ближніе родственники умершаго брали зажженные факелы (fax funeralis) и, „держа отвращенные взоры“ [5]), знакъ печальной необходимости, поджигали костеръ съ четырехъ угловъ.

Древніе Римляне, какъ и Греки, были убѣждены, что душа покойника тѣмъ угоднѣе богамъ, чѣмъ скорѣе сгорало его тѣло. Въ силу этого вѣрованія, костеръ строился изъ смолистыхъ, удобосгораемыхъ деревьевъ, которыя сверхъ того, обливались масломъ. Тот-

---

[1]) Cic. de legg. II. См. Kirch. lib. II. C. XX.

[2]) Ibidem.

[3]) Stat. lib. IV.

[4]) Cic. de legg. II. Plin. XXXV. 7.

[5]) «Aversi tenuere facem». Aen. lib. VI. Перев. Шершеневича.

Библиотека "Руниверс"

часъ, по зажженіи костра, всѣ предстоящіе обращались съ молитвою къ Эолу, чтобы онъ помогъ раздуть пламя. Особенно горяча была молитва, если костеръ горѣлъ тихо и медленно.

„Но костеръ между тѣмъ не горѣлъ подъ мертвымъ Патрокломъ.
Ставъ отъ костра въ отдаленіи началъ молиться онъ (Ахиллъ) вѣтрамъ,
Вѣтру Борею и Зефиру, жертвы для нихъ обѣщая.
Часто кубкомъ златымъ возливалъ онъ вино и молилъ ихъ
Къ полю скорѣй принестися и, пламенемъ срубъ воспаливши,
Тѣло скорѣе сожечь... Воздвиглися вѣтры,
Съ шумомъ ужаснымъ несяся и тучи клубя предъ собою...
Всѣ на костеръ налегли и огонь загремѣлъ пожиратель.
Вѣтры всю ночь волновали высоко крутившееся пламя,
Шумно дыша на костеръ"... [1]).

Печальные звуки трубъ и роговъ, завываніе плакальщицъ, вздохи и молитвы предстоящихъ мѣшались съ трескомъ пламени. Во все это время вблизи костра совершались возліянія душамъ предковъ (manibus) и подземнымъ богамъ.

При похоронахъ императоровъ, полководцевъ, во время горѣнія костра происходилъ военный парадъ. Трижды слѣва на право вмѣсто справа налѣво (orbe *sinistro* вм. orbe *dextro* въ обыкновенныхъ военныхъ играхъ) отряды всадниковъ объѣзжали пылавшій костеръ съ гикомъ, похожимъ на стонъ [2]) (ululatus). Каждый изъ всадниковъ держалъ оружіе въ обратномъ видѣ [3]).

„И ратниковъ крики и трубные звуки
Къ звѣздному своду несутся. Другіе же въ пламя бросаютъ
Съ павшихъ Латинянъ добычу: бросаютъ шеломовъ,
Много прекрасныхъ мечей и уздъ и колесъ быстролетныхъ" [4]).

Въ горящій костеръ часто бросали любимыя вещи покойнаго: одежды, оружіе, лошадей, собакъ, а встарину — плѣнныхъ и рабовъ [5]). Сожигаемому дѣлались приношенія и дары. Такъ, Корнелія на костеръ Помпея бросила его одежду, вышитую ея руками (pictam togam), и обувь. При погребеніи Цезаря, многія матроны бросали на

---

[1]) Иліад. Пѣсн. XXIII, 195—215. Пер. Гнѣдича.
[2]) Aeneid. lib. XI.
[3]) «Обращенными копьями въ землю».
[4]) Aeneid. кн. XI, пер. *Шершеневича*.
[5]) См. Kirchm. lib. III.

Библиотека "Руниверс"

костеръ свои золотыя запястья, одежды, медальоны (bulla — кольцо сердечкомъ, амулетъ) [1]). Въ отдаленной древности римскія жены, — что́ и теперь дѣлается въ Индіи, — считали за честь сжигать себя за живо вмѣстѣ съ своими мужьями [2]). Цицеронъ упоминаетъ объ этомъ самосожиганіи: „въ Индіи жены, говоритъ онъ, когда умираетъ мужъ, начинаютъ споръ о томъ, которую изъ нихъ покойный больше любилъ. И та, которая одержитъ верхъ, торжествующая и радостная, въ сопровожденіи остальныхъ, идетъ за тѣломъ мужа и вмѣстѣ съ нимъ возлагается на костеръ: жены побѣжденныя съ грустью удаляются [3])". Эту сцену прекрасно рисуетъ Проперцій:

„Когда послѣдній зажженный факелъ брошенъ подъ смертное ложе, благоговѣйная толпа женъ стоитъ съ распущенными волосами и ведетъ горячій споръ о томъ, которой изъ нихъ слѣдовать за своимъ супругомъ; было бы стыдомъ и поношеніемъ не имѣть преимущества умереть... И вотъ побѣдительницы уже пылаютъ на кострѣ, подставляютъ свою грудь пламени и обгорѣлыя уста прижимаютъ къ своимъ (пылающимъ) мужамъ [4]).

Картину построенія и горѣнія костра находимъ у Вергилія:

„Между тѣмъ Трояне у берега моря рыдали
Надъ Мизеновымъ тѣломъ, послѣдній долгъ отдавая
Праху его. Сначала огромный костеръ положили
Изъ дубовыхъ вѣтвей и смолистаго дерева сосны;
По сторонамъ костра положили темныя лозы;
И посадили кругомъ ряды кипарисовъ надгробныхъ,
И украсили все бронею покойнаго мужа.
А другіе—печальный обрядъ!—поднявъ на плеча носилки
И, по обычаю предковъ, держа отвращенные взоры,

---

[1]) Sveton. XXIV. См. Лекс. Кронеберга.

[2]) Valer. Maxim. lib. IV. C. VI. Senec. lib. II. Declam. II. Tacit. lib. XIV. Annal.

[3]) Cic. V. Tuscul.

[4]) «Namque ubi mortifero jacta est fax ultima lecto,
Uxorum fusis stat pia turba comis,
Et certamen habent leti, quae viva sequatur
Conjugium, pudor est non licuisse mori.
Ardent victrices et flammæ pectora praebent
Imponuntque suis ora perusta viris».
Propert. lib. III. Eleg. 11.

Библиотека "Руниверс"

Подъ изготовленный лѣсъ положили пылающій факелъ;
Жгутъ благовонныя жертвы, изъ чашъ возливаютъ елей" [1]).

VIII.

Костеръ наконецъ догоралъ. Тогда начинался обрядъ *собиранія костей* (ossilegium):

„А когда ужъ костеръ догорѣлъ и пламя потухло,
Льютъ на горячіе пепелы вино и, кости собравши,
Мужъ Кориней сложилъ и закупорилъ въ мѣдномъ сосудѣ.
Онъ же товарищей трижды обнесъ священной водою,
Брызгая мелкой росой изъ вѣтки счастливой оливы,
И очистилъ мужей, и сказалъ прощальное слово" [2]).

Церемонію собиранія костей прекрасно рисуетъ Тибуллъ въ одной изъ своихъ элегій:

„Когда я превращусь въ тончайшую тѣнь и черная сажа покроетъ бѣлыя кости мои, къ моему костру подойдетъ печальная жена. У нея длинные, распущенные волосы въ безпорядкѣ и она заплачетъ...

„Но она придетъ въ сопровожденіи своей, тоже грустной, дорогой матушки. Эта потужитъ надъ зятемъ, а та поплачетъ надъ мужемъ... Вотъ онѣ прежде помолятся, совершатъ возліяніе тѣнямъ предковъ и моей душѣ, благоговѣйно вымоютъ свои руки... Потомъ, распоясавши траурную одежду (incinctae nigra veste), соберутъ остатки моего тѣла—бѣлыя кости. Сначала оросятъ ихъ годовалымъ елеемъ, затѣмъ обольютъ бѣлоснѣжнымъ молокомъ (nivco lacte). Послѣ того завернутъ ихъ въ бѣлыя полотна просушить (carbaseis humorem tollere ventis) и сложатъ въ мраморной гробницѣ (marmorea domo—домовинѣ) [3]). Тамъ надъ костями обильно прольются всѣ ароматы, что посылаетъ намъ востокъ, богатая Аравія и Ассирія; а съ ароматами сольются и слезы помнящихъ насъ очей (nostri memores lacrimae fundantur eodem). И уходя скажетъ: сладко и мирно покойся, и да будетъ земля легка надъ твоими костями! [4]).

---

[1]) См. Энеид. пер. Шершеневича, кн. XI.

[2]) Энеид. кн. VI. Пер. Шершеневича.

[3]) Областное у насъ названіе «гробницы».

[4]) «Et bene, discedens dicit, placideque quiescas
Terraque securae sit super ossa levis».

Библиотека "Руниверс"

„Вотъ какъ я желалъ бы похороненнымъ быть, когда обращусь въ кости и пепелъ“ [1]).

Такимъ образомъ кости и пепелъ, орошенныя виномъ, ароматами и слезами собирались въ особыя урны (urna—ossuaria—cineraria) [2]), то-есть, сосуды для костей и пепла. Урны были небольшіе сосуды изъ золота, серебра, мѣди и глины. Иногда онѣ заранѣе приготовлялись [3]). Кости императора Траяна, по свидѣтельству Светонія, были собраны въ золотую урну и похоронены въ городѣ въ особомъ мавзолеѣ. Поэтъ Проперцій назначаетъ своимъ костямъ покоиться въ глиняной урнѣ. „Когда огонь испепелитъ меня, говоритъ онъ, мои останки (meos manes) приметъ *глиняный горшечекъ*“ (parvula testa) [4]).

Урны ставились въ склепы или гробницы (sepulchrum) [5]), гдѣ были особыя для того ниши (loculi).

Во все время собиранія и убиранія костей (sepultura) praefica продолжала плакать, стонать подъ звуки флейты,—предстоящіе вторили ея воплямъ и рыданіямъ. Когда, наконецъ, устанавливались урны въ гробницахъ,—присутствовавшіе окроплялись очистительною водой и наконецъ praefica произносила отпускъ: „ilicet — ire licet — позволяется уходить“. Тогда всѣ расходились при троекратномъ восклицаніи: „прости на вѣкъ (salve, vale aeternum), да будетъ надъ тобою земля легка (sit tibi terra levis!)“ [6]).

IX.

Гробницы или склепы, какъ и въ наше время, были различны и по своей величинѣ, и по богатству, и по виду. Слѣдуетъ замѣтить, что могильные памятники у Римлянъ вообще отличались роскошью, особенно фамильные склепы (sepulcra familiaria, haereditaria, gentilia) и мавзолеи [7]). Они обыкновенно выкапывались довольно глубоко въ землѣ сводами, выстилались камнемъ, имѣли двери. Въ стѣнахъ

---

[1]) Tibull. lib. III. Eleg. II.

[2]) Urna—urere горѣть, ossuaria — os,—cineraria — cinis. См. Kirchm. lib. III. C. VIII p. 366.

[3]) См. Kirchm. lib. III, cap. VIII.

[4]) Propert. lib. II. Eleg. XII.

[5]) Иначе—*усыпальницы* (requictorium), *памятники* (τὸ μνῆμα, monumentum), вѣчный домъ, послѣднее жилище (sedes, domus, thesaurus, stabula cadaverum—tumulus—sarcophagus) склепы, мавзолеи (великолѣпная, царская гробница).

[6]) Tibull. lib. III. Eleg. II. Propert. lib. I. Eleg. XVII.

[7]) Напримѣръ, мавзолей Адріана въ Римѣ, теперь крѣпость св. Ангела.

Библиотека "Руниверс"

были ниши или углубленія (loculi, capuli, arca, solia) для урнъ. „Здѣсь-то, по выраженію Апулея, поселялись на житье испепеленные и обратившіеся въ прахъ мертвецы“ (quis inhabitabant pulverei et jam cinerosi mortui) [1]). Склепы строились большею частію изъ мрамора, ограждались рѣшетками (sepimentis), иногда обсаживались деревьями, большею частію кипарисами. Наружныя стѣны гробницъ и саркофаговъ весьма часто, почти всегда, украшались скульптурными изображеніями (simulacris) иногда цѣлыхъ сценъ: воинскихъ игръ, сраженій, охоты, жертвоприношеній, эпизодами изъ похожденій Геркулеса, адскихъ боговъ и пр. Самая распространенная тема для надгробныхъ украшеній была похищеніе Прозерпины Плутономъ [2]). На одной изъ мраморныхъ плитъ, составлявшихъ переднія стороны римскаго саркофага, которыя находятся въ Императорскомъ Эрмитажѣ, изображенъ Плутонъ, сопутствуемый маленькимъ богомъ любви и увлекающій Персефону (Прозерпину) въ подземное царство. За Плутоновою колесницей видны три нимфы, въ сопровожденіи которыхъ Прозерпина играла на лугу, когда ее вдругъ похитилъ страшный властитель преисподней. Минерва, принимавшая участіе въ игрѣ дѣвъ, также находится здѣсь. Одна она имѣетъ смѣлость воспротивиться могучему богу и спѣшитъ за нимъ, чтобы вырвать добычу. Мать Персефоны, Деметра (Церера) уже замѣтила отсутствіе дочери. На другомъ концѣ изображенія бѣжитъ она по горамъ и долам на колесницѣ, везомой двумя большими змѣями, съ горящими факелами въ рукахъ и ищетъ свою любимую дочь [3]).

Искусство, желая оживить надежду на безсмертіе и вмѣстѣ доставить утѣшеніе родственникамъ умершаго, выбирало для саркофаговъ миѳологическія изображенія, заключавшія въ себѣ указанія на возвратъ изъ преисподней или вообще на счастливую жизнь по смерти. Ни одинъ сюжетъ не былъ такъ приличенъ для этого, какъ похищеніе Прозерпины, этой цвѣтущей дѣвы, увлеченной Плутономъ отъ любящей матери въ царство смерти, но потомъ, по просьбамъ Деметры, получившей отъ Зевеса право проводить жизнь свою — полгода въ нижнемъ и полгода въ верхнемъ мірѣ, такъ что она равно принадлежала и царству смерти и царству жизни.

---

[1]) Apul. lib. IV. Met.

[2]) См. статью академика Стефани въ V томѣ *Пропилей*: «Путеводитель по античному отдѣленію Эрмитажа».

[3]) «Пропилеи», т. V.

Библиотека "Руниверс"

Въ Эрмитажѣ есть, кромѣ другихъ многихъ, надгробный камень, замѣчательный по своей надписи. Онъ былъ назначенъ сохранить память о четырнадцатилѣтнемъ мальчикѣ Трифонѣ, который изображенъ на немъ вмѣстѣ съ любимою собакой. Надпись гласитъ:

„Ты спрашиваешь, о путникъ,
Что это за камень, что за гробница,
Что это за новое изваяніе видно на камнѣ?
Сынъ Трифона, то же имя носящій,
Четырнадцать лѣтъ бѣжалъ я по стадіи
Жизни и вотъ чѣмъ наконецъ сталъ —
Плита, гробница, камень, изображеніе“ [1]).

Какъ изображенія на памятникахъ, такъ и надписи (эпитафіи) были разнообразны. Самая обыкновенная — Dis manibus Sacrum, то-есть, храмъ душамъ усопшимъ. На нихъ также значилось имя, годъ смерти, нерѣдко причина ея, имя того, кто соорудилъ памятникъ. Нерѣдко пишется на плитахъ надгробныхъ: „I. V. F.—V. F. C., то-есть, ipse vivus fecit“ — самъ заживо себѣ приготовилъ, — vivus faciendum curavit — заживо позаботился сдѣлать, или: haeres ex testamento fecit — наслѣдникъ соорудилъ по завѣщанію“ [2]). „Часто исписываютъ надгробные камни стихами“ (signant carmine saxum), говоритъ Овидій [3]). Поэтъ Проперцій проектируетъ себѣ такую эпитафію.

„Здѣсь лежитъ въ видѣ отвратительнаго праха тотъ, кто когда-то былъ рабомъ одной любви“ [4]).

Овидій завѣщаетъ сдѣлать такую эпитафію на своемъ памятникѣ:

„Чтобы могъ и торопливый прохожій бѣглымъ глазомъ (properante oculo) прочитать, такъ вычекани (caede notis) на моемъ мраморномъ памятникѣ крупными буквами слѣдующіе стихи: „Я, который здѣсь

---

[1]) «Ζητεῖς, ὦ παροδῖτα, τίς ἡ στήλη, τίς ὁ τύμβος,
Τίς δὴ ἐν τῇ στήλῃ εἰκὼν νεότευκτος ὑπάρχει;
Υἱὸς Τρύφωνος τοὔνομα τἀυτὸν ἔχων,
Τεσσαρακαίδεκ' ἔτη δόλιχον βιότου σταδιεύσας,
Τοῦθ' ἁπάντων γέγονα στήλη, τύμβος, λίθος, εἰκών».
—«Пропилеи» V т. 279 стр., «Путеводитель» акад. Стефани.

[2]) Kirchm. lib. III. Cap. XI. См. lap. XIII.

[3]) Ovid. II. Metamorph.

[4]) «Et duo sint versus: qui nunc jacet horridus pulvis
Unius quondam servus amoris erat».
Propert. lib. I. Eleg. X.

Библиотека "Руниверс"

лежу,— поэтъ Назонъ, пѣвецъ нѣжной любви и гибну отъ собственнаго генія [1]).

Горацій упоминаетъ о скрягѣ Стаберіи, который завѣщалъ на своемъ памятникѣ, вмѣсто всякой эпитафіи, написать разчетъ, кто изъ наслѣдниковъ и сколько получилъ отъ него [2]).

Плиній сообщаетъ любопытную эпитафію: turba se medicorum periisse, то-есть, „погибъ отъ множества врачей" [3]).

Особый видъ гробницъ назывался *кенотафы* (cenotaphia — κενοτάφιον), то-есть, пустыя или почетныя гробницы [4]). Такіе кенотафы были двухъ родовъ: почетные — такъ, напримѣръ, воины воздвигли Друзу на мѣстѣ его смерти въ Галліи почетный кенотафъ [5]), или кенотафы устраивались въ память безвѣстно погибшихъ или утонувшихъ въ морѣ. Въ послѣднемъ случаѣ они замѣняли погребеніе (funeris instar habet) и самую гробницу.

X.

Богатые Римляне хоронили своихъ мертвецовъ близъ большихъ дорогъ.

„Боги да устроятъ, говоритъ Проперцій, чтобы земля пріютила мои кости не тамъ, на торной дорогѣ, по которой снуетъ постоянно народъ, и гдѣ, такимъ образомъ, опошливаются (infamantur) надгробные памятники любящихъ. Пусть меня земля прикроетъ со стороны дороги древесною листвою, или совсѣмъ схоронитъ безвѣстный песчаный курганчикъ. Непріятно посреди дороги выставлять свое имя" [6]).

Пріюту вѣчнаго покоя прилична тишина, мирное уединеніе, вдали отъ городскаго шума, на лонѣ природы. Развитые эстетически сыны

---

[1]) Lib. III. Trist. Eleg. III:
«Quosque legat versus oculo properante viator
Grandibus in tumuli marmore caede notis:
Hic ego, qui jaceo tenerorum lusor amorum,
Ingenio pereo Naso poëta meo».

[2]) Horat. lib. II. Sat. III.

[3]) Plin. lib. XXIX. Natur. Histor. Cap. 1.

[4]) Ὡς τύπος νεκροῦ, μὴ ἔχων νεκρόν — honorarius tumulus.

[5]) Sueton. in vita Clandii.
Tacit. Annal. 1.

[6]) «Di faciant, mea ne terra locet ossa frequenti,
Qua facit assiduo tramite vulgus iter,
Post mortem tumuli sic infamantur amantum,

Библиотека "Руниверс"

древней Эллады избирали для могильныхъ склеповъ уединенныя и живописныя мѣста — гдѣ-нибудь въ саду, въ рощѣ или на берегу моря.

Наши лучшіе поэты желали опочить вѣчнымъ сномъ среди природы...

„И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять",—

говоритъ одинъ [1]).

„Чтобы всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ (заснувшему на вѣки) сладкій голосъ пѣлъ,
Надо мной чтобъ вѣчно зеленѣя
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ„—

поетъ другой [2]).

—„Потокъ воды, двѣ три березы,
Да ближнихъ искреннія слезы —
Вотъ монументовъ красота"!

— завѣщаніе третьяго.

Не мудрено, если сердце римскаго поэта скорбитъ о тщеславномъ обычаѣ Римлянъ устроивать свои могилы на бойкихъ и людныхъ мѣстамъ.

Извѣстно, что всѣ главныя дороги, ведшія въ Римъ, были усѣяны памятниками съ такими, между прочимъ, надписями: „взгляни, о путникъ! (aspice, viator)"—„Кто бы ты ни былъ, идущій по Фламиніевой дорогѣ, не проходи мимо благороднаго мрамора" (памятника) [3]) и др.

Для погребенія бѣдныхъ, рабовъ и проч. отведено было общее поле за Эсквилинскими воротами и называлось просто— *ямы* (puticuli). Здѣсь же совершались рукою палача казни преступниковъ. Впослѣдствіи мѣсто это было подарено Августомъ Меценату, который раз-

---

Me tegat arborea devia terra coma,
Aut humet ignotae cumulis vallatus arenae:
Non juvat in media nomen habere via».

Propert. Eleg. lib. III.

[1]) Пушкинъ въ элегіи: «Брожу ли я».

[2]) Лермонтовъ въ элегіи: «Выхожу одинъ я на дорогу».

[3]) «Quisquis Flaminiam teris viator,
Noli nobile praeterire marmor».

Библиотека "Руниверс"

велъ на мѣстѣ убогаго кладбища свои извѣстные сады. Горацій говоритъ: „И вотъ теперь воткнутая жердь (съ чучелой или трещеткой) пугаетъ птицъ назойливыхъ и запрещаетъ имъ садиться въ новыхъ садахъ. Здѣсь прежде дешевые склепы (vilis area) вмѣщали трупы, выброшенные изъ узкихъ подваловъ. Здѣсь была общая гробница для бѣднаго люда... Теперь можно удобно жить на здоровомъ Эсквилинѣ и гулять въ благорастворенномъ климатѣ холма. А прежде грустно было глядѣть на поле, обезображенное бѣлыми костями" [1]).

Особыя мѣста были для погребенія младенцевъ *(suggrundaria)* и убитыхъ молніею (*bidental* — рогатка, огороженное мѣсто) [2]).

Гробницы и мѣста погребенія считались священными и неприкосновенными. „Священны надгробные камни и кто бы осмѣлился развѣять прахъ и потревожить мирный покой костей"? восклицаетъ Квинтиліанъ [3]).

Оскорбители гробницъ и могильныхъ памятниковъ, выкапывающіе украшенія (spoliatores cadaverum, τυμβωρύχοι) судились какъ святотатцы (sacrilegi) и наказывались, по закону XII таблицъ, смертію [4]).

XI.

«Дни поминовенія родителей (parentalia—родительскія) древняго происхожденія и еще установлены Нумой въ честь его родственниковъ. Оставшіеся въ живыхъ ничѣмъ болѣе не выразятъ своего святаго уваженія къ памяти умершихъ, какъ благоговѣйнымъ о нихъ воспоминаніемъ».

Авзоній [5]).

Дни поминовенія были общественные и частные — въ каждомъ

---

[1]) «Ast importunas volucres in vertice arundo
Terret fixa vetatque novis considere in hortis.
Huc prius augustis ejecta cadavera cellis
Conservus vili portanda locabat in area:
Hic miserae plebi stabat commune sepulcrum
Nunc licet Esquiliis habitare salubribus atque
Aggere in aprico spatiari, quo modo tristes
Albis informem spectabant ossibus agrum».

[2]) Объ этомъ см. выше.

[3]) Quintil declam. X.

[4]) Kirchm. de funerib. lib. III cap XXVI.

[5]) Ausonius in praef. Parentalium:
«Parentalia-antiquae appellationis-hic dies est jam inde ab Numa cognatorum inferiis institutus, nec quicquam sanctius habet reverentia superstitum, quam ut amissos venerabiliter recordetur.»

Библиотека "Руниверс"

отдѣльномъ семействѣ. Ежегодное общественное поминовеніе (feralia[1]) усопшихъ происходило въ февралѣ мѣсяцѣ. Въ частности по каждомъ новомъ умершемъ въ семействѣ соблюдались *девятый день* послѣ похоронъ (novemdialia) и *десятый* (denicalia).

Десятый день назывался днемъ *очищенія* или *очистительнаго жертвоприношенія* (exuerrae, everrae). Такимъ образомъ домъ, считавшійся нечистымъ по причинѣ бывшаго покойника, освящался жертвоприношеніемъ и омовеніемъ. Десятый день былъ послѣднимъ днемъ *глубокаго* траура[2]).

Дни поминовенія праздновались жертвоприношеніями, пирами, играми, возліяніями, возложеніемъ на могилу вѣнковъ, цвѣтовъ.

Въ одной эклогѣ такъ описываются эти поминальныя приношенія (inferiae):

„На вѣки прощай, счастливый Мелибей: тебѣ даритъ благовонныя листья сельскій Аполлонъ, срывающій лавры. Даютъ тебѣ Фавны, что́ каждый можетъ: съ виноградной лозы — сочныя грозды, съ поля — хлѣбные колосья, и съ каждаго дерева — плоды; даетъ долговѣчная Палеса (богиня стадъ) кринки съ пѣнящимся молокомъ. Нимфы несутъ медъ, Флора даетъ разноцвѣтные вѣнки. И самый высокій даръ умершимъ (душамъ) музы несутъ свои пѣсни“[3]).

Всѣ эти жертвы, возліянія и куренія, по словамъ Тацита[4]), совершались со слезами, воплями и восклицаніями.

На обѣдахъ поминальныхъ (epulae inferales) царствовало обыкновенно глубокое молчаніе, дабы отличить трапезу печали отъ другихъ пировъ и чтобы выразить свое благоговѣніе къ тѣнямъ умершихъ, которыя, по вѣрованіямъ древнихъ Римлянъ, присутствовали молча (si-

---

[1]) *Feralia* — отъ fero, собственно приношеніе на могилу различныхъ веществъ для поминальнаго пиршества, иначе назывались *inferiae*, т. е. жертвоприношенія въ честь умершихъ—sacrificia, quae dis Manibus inferebant.

[2]) См. Kirch. lib. IV. Cap. 1. *Exuerrae* отъ *exuo*—ere, раздѣвать, снимать одежду (траурную). *Everro*—выметать, очищать.

[3]) «Felix, o Meliboee, vale: tibi frondis oderae
Munera dat lauros carpens ruralis Apollo:
Dant Fauni quod quisque valet: de vite racemos,
De campo culmos, omnique ex arbore fruges,
Dat grandaeva Pales spumantia cymbia lacte,
Mella ferunt Nymphae: pectas dat Flora coronas
Manibus hic supremus honor dant carmine Musae.»
См. Kirchm. lib. III. p. 347.

[4]) Tacit. Annal. III.

Библиотека "Руниверс"

lentes) на этихъ печальныхъ столованіяхъ. Вотъ почему такая трапеза называлась *silicernium*[1]). Обычай запрещалъ что нибудь ѣсть на поминальной трапезѣ: „oblata Diis Manibus gustare nefas"—т. е. принесенное душамъ умершихъ непристойно вкушать, говорили они, такъ что всѣ кушанья тутъ же сжигались. Вслѣдствіе этого обычая жадные и прожорливые люди называли *bustirâpi*, т. е. ворующіе то, что брошено въ огонь во время поминокъ." На богатыхъ похоронахъ, особенно при похоронахъ важныхъ сановниковъ, въ поминальные дни устроивались гладіаторскія игры и давались пиры народу (viscerationes[2]). Во время игръ и представленій ставилось кресло (sella), на которомъ помѣщалась статуя или изображеніе покойника, въ честь коего давались игры. Нерѣдко таковое изображеніе въ золотомъ вѣнкѣ везено было торжественно на слонахъ къ мѣсту представленій или игръ[3]).

Срокъ траура (tempus lugendi) самый большой,—который, напримѣръ, дѣти носили по родителямъ, жена по мужѣ—продолжался годъ. Въ это время, какъ и у насъ теперь, строго соблюдались, особенно женщинами, правила, предписываемыя траурнымъ этикетомъ (mos lugendi, mos lugentium). Въ числѣ признаковъ траура[4]) была черная одежда (atrata, pulla toga), отсутствіе въ туалетѣ какихъ нибудь украшеній. Трауромъ также строго воспрещалось являться на улицахъ, въ собранія, въ театры и другія общественныя мѣста. Въ траурномъ домѣ не зажигали огня[5]). Высшіе сановники во время траура являлись на площадь, къ исправленію своихъ должностей, безъ знаковъ отличія. Такъ водилось при частномъ траурѣ (privatus luctus).

По случаю же смерти важныхъ государственныхъ сановниковъ: консуловъ, императоровъ, особымъ эдиктомъ сената предписывался *общественный трауръ* (publicus luctus). Въ это время на нѣсколько дней объявлялось закрытіе присутственныхъ мѣстъ и прекращеніе служебныхъ занятій (justitium). Такъ, по случаю смерти Германика, говоритъ Тацитъ, прежде еще сенатскаго эдикта, лишь только разнеслась печальная вѣсть, послышались въ городѣ вздохи, стенанія,

---

[1]) Sileo—être молчать.
[2]) Liv. lib. XXXIX.
[3]) Dio lib. LII.
[4]) «Signa tristia.»
[5]) Juvenal. Lat. III. Kirchm. lib. IV. p. 627.

Библиотека "Руниверс"

заперлись лавки, дома. Всѣ болѣе душевно, нежели наружно, горевали [1]).

„Суды молчатъ, нѣмые законы остаются безъ отмщенія; на цѣлой площади (форумѣ) не видать ни одной пурпурной одежды", говоритъ одна элегія [2]).

XII.

«Уже самъ (Августъ) творитъ боговъ и возноситъ новаго кумира до небесъ. Въ его царствованіе ростетъ и увеличивается небо» (т. е. лихъ боговъ).

Манилій [3]).

Самая высокая степень, которой достигало почитаніе душъ умершихъ въ Римѣ, выразилась въ апоѳеозѣ или причисленіи умершаго къ лику боговъ.

Апоѳеозъ (ἀποθέωσις, consecratio, deificatio) ведетъ свое начало съ древнѣйшихъ временъ. Миѳическій и героическій періодъ исторіи каждаго народа богатъ сказаніями (эпосъ) о полубогахъ и герояхъ. Не говоря о Тезеѣ, Геркулесѣ,—всѣ герои Иліады и Одиссеи были полубоги. Фантазія каждаго народа окружаетъ обыкновенно своихъ любимыхъ вождей ореоломъ нечеловѣческой славы. Богатыри, герои народнаго эпоса совершаютъ нечеловѣческіе подвиги, потому что одарены сверхъестественною силою, — силою необыкновенною владѣютъ они потому, что всѣ божественнаго происхожденія, прямо или косвенно, по прямой или боковой линіи, но непремѣнно въ родствѣ съ богами. Исторія древнѣйшая Греціи и Рима, анналы, хроники и лѣтописи другихъ народовъ кишатъ такими полубогами. Ромулъ даже взятъ живой на небо. Отъ этихъ героическихъ почестей (Ἡρωϊκαὶ τιμαί) недалеко было до боготворенія (Θεοποιά). И героямъ народнаго эпоса строились храмы, воздавались божескія почести— стали ихъ дѣлать богами (θεὸν ποιεῖν, ἀποθεοῦν). Такъ было въ Греціи. Подобное „возведеніе въ санъ" бога было актомъ суевѣрной фантазіи народа.

---

[1]) Tacit, Lib. 1. Annal.

[2]) Iura silent, mutaeque jacent sine vindice leges,
Aspicitur toto purpura nulla foro.»
См. Kirchmann lib. IV.

[3]) «Jam facit ipse deos, mittitque ad sidera numen.
«Majus et Augusto crescit sub principe coelum.»

Библиотека "Руниверс"

Римляне же не ограничивались богопочтеніемъ однихъ эпическихъ героевъ, которыхъ подвиги, спустя долгое время, иногда цѣлые вѣка послѣ смерти, народная фантазія разукрашиваетъ безчисленными невѣроятными разказами и причисляетъ къ сонму боговъ. Нѣтъ, апоѳеозъ у Римлянъ былъ дѣломъ лести современниковъ; тамъ посвященіе въ боги (consecratio) совершалось по опредѣленію сената, — per senatum et populum in deos creatus est — т. е. „сенатомъ и народомъ причисленъ къ богамъ".

Первымъ новопосвященнымъ богомъ у Римлянъ былъ Ромулъ, а за нимъ слѣдуетъ длинный рядъ боговъ и богинь (divi et divae). Этотъ рядъ открываетъ Юлій Цезарь, котораго Августъ возвелъ въ божескій санъ. Вотъ на какомъ основаніи поэтъ называетъ Августа „творцемъ боговъ, умножающимъ ликъ небожителей:"

Такъ совершалось обожествленіе покойнаго чрезъ нѣсколько времени послѣ его смерти, по словамъ Геродіана [1]).

„Есть обычай", говоритъ онъ, „у Римлянъ причислять къ богамъ императоровъ, которые умираютъ, оставляя по себѣ наслѣдниковъ. Въ назначенный для апоѳеоза день въ цѣломъ городѣ какъ будто замѣчается трауръ, смѣшанный съ какою-то праздничною торжественностью, точно во время похоронъ какого нибудь знатнаго покойника.

„Для этого дѣлается восковое изображеніе посвящаемаго (императора), выставляется оно въ vestibulum дворца на высочайшемъ ложѣ изъ слоновой кости, устланномъ золотыми покровами. Съ одной стороны сенаторы, съ другой — знатнѣйшія матроны въ траурной одеждѣ окружаютъ ложе. Въ такомъ положеніи выставленное изображеніе оставалось, какъ и тѣло настоящаго покойника, семь дней. Въ эти семь дней будущій богъ считался опасно больнымъ. Его навѣщали врачи, притворялись обезпокоенными безнадежнымъ положеніемъ больнаго, и, наконецъ, объявляли, что онъ скончался.

„Тогда сенаторы и всадники несли ложе съ восковымъ изображеніемъ на древній форумъ по священной дорогѣ (via sacra). Здѣсь на особомъ возвышеніи ставился парадный одръ. Хоры мальчиковъ съ одной стороны, и хоры дѣвочекъ съ другой пѣли гимны въ честь божественнаго покойника. Отсюда шествіе направлялось за городъ на Марсово поле. Здѣсь устроивался богатый почетный костеръ въ видѣ жертвенника, который имѣлъ форму пирамидальной многоэтаж-

---

[1]) Herodiani lib. IV. Kirchm. lib. IV, 638 p.

Библиотека "Руниверс"

ной башни. Эта башня внутри была пуста и наполнялась чрезъ двери, которыя были во второмъ этажѣ, различными благовонными, удобосгараемыми веществами. Снаружи обтягивалась башня парчевыми матеріями, украшеніями изъ слоновой кости и различными рисунками. Во второмъ этажѣ этого жертвенника (башни) ставилось восковое изображеніе на своемъ ложѣ. Со всѣхъ сторонъ на перерывъ обливали его благовоніями, осыпали цвѣтами, наполняли все пространство вокругъ ароматными курительными веществами. Когда все было готово для горѣнія,—начинались воинскія игры. Сословіе всадниковъ, подъ предводительствомъ особыхъ церемоніймейстеровъ, которые разодѣты были въ пурпоровыя тоги и на лицѣ имѣли маски знаменитыхъ полководцевъ, особымъ маршемъ нѣсколько разъ объѣзжало кругомъ костра. По окончаніи парада воинскаго, преемникъ обожествляемаго императора первый беретъ зажженный факелъ и подкладываетъ его подъ костеръ (башню); за нимъ другія знатныя лица поджигаютъ съ другихъ угловъ. Когда пламя обниметъ костеръ, извнутри верхняго этажа башни выпускается орелъ, который будто бы уносилъ душу новопосвященнаго бога къ престолу Юпитера".

Съ этой минуты извѣстное лице считалось богомъ или богиней. Имени ихъ посвящались храмы съ особымъ причтомъ жрецовъ и весталокъ, ставились жертвенники, имъ пѣлись божественные гимны и молитвы (saliaria carmina), именемъ ихъ клялись, словомъ, новые боги вступали во всѣ свои права.

А. Родонежскій.

Библиотека "Руниверс"

ОБЪ УПОТРЕБЛЕНІИ ВРЕМЕНЪ ГРЕЧЕСКАГО ГЛАГОЛА У АТТИЧЕСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО У КСЕНОФОНТА[1].

§ 1. Общія понятія о формахъ греческаго спряженія, называемыхъ временами (tempora).

Чтобы уразумѣть истинное значеніе этихъ формъ, необходимо какъ можно далѣе держаться отъ положеній, основывающихся на воззрѣніяхъ новаго времени. Къ числу таковыхъ прежде всего при-

[1]) Статья эта составляетъ первую часть приготовляемаго къ сочиненію премія В. П. Боткина «Разсужденія» на предложенную коммиссіею гг. профессоровъ историко-филологическаго факультета Императорскаго Московскаго университета слѣдующую тему: «Изложить употребленіе временъ греческаго глагола у аттическихъ писателей, преимущественно у Ксенофонта; изслѣдовать, существуютъ ли въ греческомъ языкѣ виды, подобные видамъ русскаго глагола; показать, какія средства имѣются въ греческомъ языкѣ для обозначенія оттѣнковъ, выражаемыхъ русскими видами. Отъ автора ожидается, что онъ изготовитъ литературный и тщательно составленный переводъ одного изъ трехъ сочиненій Ксенофонта: Анабасиса, или Киропедія, или Меморабилій, и приложитъ его къ своему разсужденію, какъ главное основаніе своего изслѣдованія».

Изложеніе употребленія временъ греческаго глагола представлено здѣсь въ видѣ свода ученій объ этомъ предметѣ извѣстнѣйшихъ нѣмецкихъ филологовъ, а именно:

A. F. Aken. Die Grundzüge der Lehre vom Tempus und Modus im Griechischen Rostock. 1861.

G. Curtius. Griechische Schulgrammatik. 1870.

Ero ze Erläuterungen zu meiner griechischen Schulgrammatik. 1870.

E. Koch. Griechische Schulgrammatik. 1871.

K. V. Krüger Griechische Sprachlehre. Syntax. 1873.

Библиотека "Руниверс"

надлежитъ то, будто каждая глагольная форма должна означать понятія о прошломъ, настоящемъ или будущемъ (Аксп). Изъ анализа формъ оказывается ясно, что для означенія прошлаго въ греческомъ языкѣ вообще нѣтъ другихъ средствъ, кромѣ наращенія (Augment), и что потому прошлое собственно лишь въ тѣхъ формахъ выражается, гдѣ есть наращеніе, то-есть, въ imperfectum, plusquamperfectum и аористѣ изъявител. наклоненія, стало быть вообще только въ изъявит. наклоненіи. На этихъ формахъ изъявительнаго наклоненія также весьма ясно можно видѣть, что кромѣ прошлаго, языкъ выражаетъ ими еще что-то другое. Ἐ-γέν-ε=το, ἐ-γίγν-ε-το, ἐ-γεγόν-ει различаются между собою чѣмъ-то другимъ, сравнительно съ ἐγίγνετο отъ γίγνομαι, ἐγεγόνει отъ γέγονα. Грекъ различаетъ троякое свойство въ темпоральныхъ формахъ спряженія, перекрещивающееся съ понятіями о настоящемъ, прошломъ и будущемъ и проникающее весь богатый строй временъ, наклоненій и отглагольныхъ именъ. Различіе между этими свойствами есть болѣе внутреннее, между тѣмъ какъ (собственно) темпоральное [1]) различіе есть болѣе внѣшнее. Различіе между временами настоящимъ, прошедшимъ и будущимъ основывается на отношеніи дѣйствія къ говорящему (то-есть, ко времени его рѣчи). Потому различіе это, какъ относящееся лишь къ точкѣ зрѣнія, можно назвать *ступенью времени* (Zeitstufe). Дѣйствіе или совпадаетъ съ моментомъ рѣчи о немъ, или оно лежитъ въ видѣ предшествующей ступени, позади него, или въ видѣ ступени предстоящей, впереди находящейся. Слово *ступень* должно здѣсь выражать только послѣдовательность времени, помимо внутренней перемѣны въ самомъ дѣйствіи. Между формами же γενέσθαι, γίγνεσθαι, γεγονέναι различіе состоитъ не въ отношеніи къ чему-либо, находящемуся внѣ самого дѣйствія, но проявляется внутри самого дѣйствія. Это различіе можно выразить словомъ *видъ времени* (Zeitart) [2]), такъ какъ слово *видъ* (Art) употребляемъ мы для означенія специфическихъ, внутреннихъ особенностей чего-либо. Троевидность

[1]) Подъ темпоральностію собственно разумѣется здѣсь свойство извѣстной глагольной формы выражать относительное время дѣйствія, то-есть, по сравненію съ моментомъ, въ которомъ говорится о дѣйствіи.

[2]) Вѣрнѣе было бы, кажется, назвать это *видомъ дѣйствія*, а не видомъ времени, такъ какъ рѣчь идетъ не о различіи какихъ-либо свойствъ времени, а о различіи извѣстныхъ свойствъ самого дѣйствія.

Библиотека "Руниверс"

дѣйствія составляютъ: 1) его *продолжительность*, выражаемая корнемъ настоящаго времени, 2) его *законченность*,—корнемъ перфекта и 3) то его свойство, которое выражается корнемъ аориста и могло бы быть названо *моментальностію* [1]). Но иной смѣшаетъ, пожалуй, моментальность съ мгновенностію и станетъ по часовой стрѣлкѣ искать различія между ποιεῖν и ποιῆσαι, νικᾶν и νικῆσαι, ἔβαλλε и ἔβαλε. Художникъ, подписывая подъ своею работою ἐποίησε или ἐποίει, вовсе не думалъ означить тѣмъ количество употребленнаго на работу времени; по первою формою указывалъ лишь на простой фактъ, что художникъ былъ именно онъ, а второю формою указывалъ на трудъ, котораго стоило произведеніе [2]). Потому лучше вмѣстѣ съ Ростомъ и Крюгеромъ назвать выражаемое аористомъ дѣйствіе *наступленіемъ дѣйствія* (Die eintretende Handlung). Этимъ наименованіемъ выражается существенная особенность аористическаго дѣйствія. Наступленіе дѣйствія не должно смѣшивать ни съ дѣйствіемъ начинающимся (beginnend), ни съ предстоящимъ (bevorstehend, tempus instans). Наступленію или вступленію дѣйствія противополагается: а) дѣйствіе длящееся, въ родѣ того, какъ вступленіе въ домъ противополагается пребыванію въ домѣ, наступленіе темноты—самой темнотѣ. Въ этомъ смыслѣ наступленіе дѣйствія означаетъ какъ бы начальную точку линіи, напримѣръ, ἐρασθῆναι или ἐράσασθαι влюбиться и ἐρᾶν любить, ἄρξαι начать и ἄρχειν начинать, νοσῆσαι заболѣть и νοσεῖν быть больнымъ, болѣть, βασιλεῦσαι воцариться и βασιλεύειν царствовать. Аористъ, выражающій такого рода наступленіе дѣйствія, можно назвать аористомъ *наступательнымъ* (ingressiver Aorist). Съ другой стороны, на-

---

[1]) Это и было бы самое настоящее названіе, если условиться разумѣть подъ моментальностію дѣйствія не только реальную его мгновенность (хотя въ русскомъ языкѣ и таковая выражается особою формою спряженія — *ну*), но также извѣстный способъ представленія себѣ дѣйствія въ одномъ изъ фазисовъ (моментовъ) его развитія или совершенія, помимо всѣхъ прочихъ фазисовъ.

[2]). Скорѣе почти на оборотъ: imperfect'омъ въ этомъ случаѣ указана только принадлежность работы вообще (ἐποίει дѣлалъ, рисовалъ, ваялъ и т. п.), а вовсе не ея трудность; аористомъ же схваченъ окончательный моментъ труда (ἐποίησε сдѣлалъ, нарисовалъ, изваялъ и т. п.). Но необходимо отличать реальную, объективную законченность дѣйствія отъ субъективной, только мыслимой. Первая, поколину дѣйствіе сопровождается состояніемъ, какъ его слѣдствіемъ, выражается въ греческомъ языкѣ посредствомъ perfectum и plusquamperfectum, а вторая, выражаемая преимущественно аористами, обозначаетъ все дѣйствіе указаніемъ на одинъ изъ моментовъ въ его совершеніи.

Библиотека "Руниверс"

ступленіе дѣйствія противополагается: б) приготовленію къ дѣйствію, какъ наступленіе ночи сумеркамъ. Такъ διδόναι можетъ выражать только одну попытку дать одно предложеніе чего-либо (давать), а δοῦναι — уже самое выполненіе этого дѣйствія (дать), словомъ, самую передачу; ἄγειν отводить, ἀγαγεῖν отвесть; κτᾶσθαι пріобрѣтать, κτήσασθαι пріобрѣсть; πράττειν дѣлать, πρᾶξαι сдѣлать, πείθειν уговаривать, πεῖσαι уговорить. Такого рода аористъ можно назвать *окончательнымъ* (effectiver Aorist), такъ какъ здѣсь означается конечная точка линіи, противополагаемая предшествующей продолжительности дѣйствія. Въ томъ и другомъ случаѣ аористомъ выражается дѣйствіе, совершаемое за-разъ, въ одинъ пріемъ (auf einen Schlag), или такое, на отдѣльные моменты котораго (въ его совершеніи) не обращается вниманіе. Возражаютъ, что терминъ—наступленіе дѣйствія — разнозначителенъ и неопредѣленъ; но и греческій аористъ разностороненъ, такъ что въ обширности значенія этого термина именно и состоитъ его преимущество.

Найдти же совершенно точное опредѣленіе для греческаго аориста[1]) никогда не удастся. Различіе видовъ времени (Zeitarten) осно-

---

[1]) Названіе аористическаго дѣйствія наступительнымъ (eintretend, ingressiv) и въ то же время законченнымъ (effectiv) производитъ сбивчивость, которая отнюдь не устраняется многообразными объясненіями; такъ какъ эти послѣднія въ свою очередь оказываются отчасти во взаимномъ противорѣчіи. Воспрещается, напр., понимать подъ наступленіемъ дѣйствія начало дѣйствія; а между тѣмъ наступленіе уподобляется исходной точкѣ линіи. Избѣгаютъ называть аористическое дѣйствіе моментальнымъ, изъ опасенія, чтобы не смѣшали моментальность дѣйствія съ мгновенностію; а между тѣмъ утверждаютъ, что аористъ выражаетъ дѣйствіе, совершаемое за разъ, въ одинъ пріемъ (auf einen Schlag). Гораздо удачнѣе опредѣлена тройственность формъ спряженія у Акона: «Длительными формами выражается дѣйствіе въ его развитіи, продолжаемости, совершаемости; формами совершеннаго глагола (verbum perfectum) выражается дѣйствіе въ его состояніи совершенія (auf einer erreichten Stufe der Vollkommenheit); формами же аористическими выражается дѣйствіе положительно, какъ пунктъ, какъ моментъ, безъ этихъ побочныхъ отношеній. Этимъ способомъ опредѣляется дѣйствіе само изъ себя, то-есть или по линіи его теченія, именно началомъ, срединою, концомъ; или же какъ пунктъ». Противъ этого можно лишь замѣтить во-первыхъ, что когда дѣйствіе опредѣляется само изъ себя, то начало, средина или конецъ его уже нельзя назвать побочными отношеніями, а второе, что посредствомъ perfectum выражается точно такие одинъ пунктъ въ дѣйствіи, именно законченность, какъ и аористомъ, только въ первомъ случаѣ разумѣется законченность реальная, объективная, а во-второмъ — мысленная только или субъективная. (См. § 1. Примѣч. 4-е).

Библиотека "Руниверс"

вывается на нѣкоторомъ чутьѣ, которое можно пріобрѣсть лишь тѣмъ, если будемъ переноситься въ область воззрѣній того языка, чему подобіе или соотвѣтственный картинный способъ выраженія на родномъ языкѣ болѣе содѣйствуетъ, чѣмъ всякая логика. Французскіе грамматисты (какъ и Французы вообще) не расположены къ различеніямъ, выходящимъ изъ круга логическихъ, а посему почти повсемѣстно признанное въ Германіи воззрѣніе на аористъ не принимается даже тѣми изъ нихъ, которые въ другихъ случаяхъ сочувствуютъ нѣмецкимъ изслѣдованіямъ объ языкѣ. Извѣстный французскій ученый Шарль Тюро (Thurot) въ „Observations sur la signification des radicaux temporels en Grec" (*Memoires de la société linguistique de Paris.* T. I pag. 111—125) опровергаетъ существованіе видовыхъ временъ. Онъ утверждаетъ, что вообще нѣтъ различія между imperfectum и аористомъ изъявит. наклоненія, между настоящимъ временемъ сослагательнаго, повелит., желат. и неопредѣленнаго наклоненій съ одной стороны, и аористомъ тѣхъ же наклоненій съ другой; что вообще при употребленіи временъ греческаго спряженія дѣло можетъ идти лишь о современности, предшествованіи или послѣдованіи. Но какъ эти (три) категоріи вовсе не приложимы, напримѣръ, къ повелительному наклоненію, то, по мнѣнію г. Тюро, „употребленіе часто бываетъ также капризно, какъ относительно рода именъ. Почему, напр., ораторъ въ одномъ случаѣ употребляетъ λέγε читай, а въ другомъ ἀνάγνωθι прочитай, это столь же трудно (!) рѣшить, какъ и то, почему βότρυς мужескаго рода, а λάρναξ женскаго". Г. Тюро приводитъ множество мѣстъ изъ аттическихъ писателей и доказываетъ, что „предлагаемыя различенія остроумны, но неудовлетворительны (plus subtiles que satisfaisants, pag. 121). Часто вполнѣ безразлично выразить или не выразить длительность дѣйствія и съ другой стороны синонимическія формы настоящаго времени и аористовъ столь многочисленны, что писателю почти при каждомъ членѣ фразы приходилось бы спрашивать себя, употребить ли настоящее время или аористъ, а такія усилія мысли не совмѣстимы съ быстротою рѣчи". Какъ будто при такихъ прирожденныхъ народу различеніяхъ бываетъ нужда въ соображеніи! Славяне говорятъ не менѣе быстро, чѣмъ Нѣмцы, однако же и необразованные изъ нихъ дѣлаютъ эти различенія съ величайшею точностію. Что касается до приведенныхъ г. Тюро мѣстъ, то многія изъ нихъ, безъ всякой натяжки, можно объяснить согласно съ нашимъ воззрѣніемъ. Что строгое древнее употребленіе perfectum

Библиотека "Руниверс"

начинаетъ ослабѣвать со временъ Ксенофонта,—это признано и нѣмецкими учеными. Можно даже допустить, что обсуждаемыхъ различеній нельзя съ очевидностію указать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и что говорящему часто представляется свободный выборъ; все-таки изъ этого не слѣдуетъ, что различія эти вовсе не существуютъ и что у Грековъ, одаренныхъ тонкимъ чутьемъ языка, различія корней временъ, наслѣдованныя изъ первобытныхъ свойствъ индогерманскихъ языковъ, были безполезнымъ баластомъ. Кто можетъ опредѣлить всякій разъ различія родственныхъ по смыслу словъ въ языкѣ? И однако ихъ чувствуетъ всякій, владѣющій языкомъ, особенно если онъ ему родной, а ужъ задача науки—выслѣдить, въ томъ или въ другомъ случаѣ, эти часто весьма тонкія различія. Между живыми языками, въ славянскихъ находимъ совершенно сходныя, тонкія различенія видовыхъ временъ; вслѣдствіе чего природному Славянину весьма легко усвоить употребленіе аориста и его различіе отъ временъ, производимыхъ отъ корня настоящаго времени (Курціусъ).

§ 2-й. Таблица временъ греческаго спряженія.

Чтобы составить первоначальную таблицу временъ, предначертанную самимъ языкомъ, прежде всего надобно вычеркнуть всѣ tempora prima (слабое спряженіе). Они отличаются отъ tempora secunda (сильное спряженіе) не значеніемъ (по крайней мѣрѣ не въ темпоральномъ отношеніи), а только по формѣ. Именно, такъ какъ не всѣ корни, особенно позже развившіеся, оказывались способными образовать себѣ времена по сильному спряженію, то возникло спряженіе слабое, болѣе механическимъ образомъ, посредствомъ внѣшней, для всякаго глагола возможной прибавки (Tempuscharakter); между тѣмъ какъ сильное спряженіе, основывающееся на измѣненіи гласной внутри самаго корня, предполагаетъ особенныя свойства корня. По общепринятому закону, tempora prima даже сдѣлались обыкновенными, такъ называемыми правильными формами (Акенъ).

При означеніи времени въ греческомъ языкѣ различаются:

1) *Ступень времени.* Такихъ ступеней три: настоящая, прошлая или прошедшая и будущая.

2) *Виды времени.* По виду времени дѣйствіе бываетъ или а) дли-

Библиотека "Руниверс"

щимся, длительнымъ, напр., γιγνώσκειν узнавать (kennen lernen; дѣйствіе изображается въ его протяженіи, дленіи); б) наступительнымъ, напр., γνῶναι узнать (inne werden; дѣйствіе представляется въ его проявленіи, наступленіи); в) готовымъ, конченнымъ, напр. ἐγνωκέναι узнать, знать (nosse, erkannt haben; дѣйствіе изображается въ его готовности, конченности).

Длящіяся дѣйствія означаются формами, производимыми отъ корня настоящаго времени. Дѣйствіе въ его наступленіи выражается формами, производимыми отъ корня аориста. Дѣйствіе конченное, готовое, выражается формами, производимыми отъ корня perfectum. Будущее время означаетъ ступень времени относительно какъ длящагося дѣйствія, такъ и дѣйствія въ его наступленіи. Такъ γνώσομαι я буду узнавать, а также я узнáю (ich werde kennen lernen allmälig, а также: ich werde erkennen).

3) Будущее, futurum exactum, выражаетъ конченность дѣйствія: ἐγνωκὼς ἔσομαι мнѣ будетъ извѣстно (novero).

Времена настоящее, аористъ и perfectum означаютъ опредѣленную ступень времени только въ изъявительномъ наклоненіи; прочія наклоненія и причастія примыкаютъ, по значенію своему, къ соотвѣтствующимъ временамъ изъявительнаго наклоненія только относительно вида, а не ступени времени.

Библиотека "Руниверс"

ВИДЫ ВРЕМЕНИ.	СТУПЕНИ ВРЕМЕНИ.		
	НАСТОЯЩНОСТЬ.	ПРОШЛОСТЬ.	БУДУЩНОСТЬ.
Дленіе, корень	Настоящее время изъявительнаго наклоненія: τύπτω бью.	Imperfectum изъявительнаго наклоненія: ἔτυπτον билъ.	Будущее изъявительнаго наклоненіі τύψω буду бить.
	Сослагательное, желательное, повелительное, неопредѣленное наклоненія [1]) и причастіе настоящаго времени.		
Наступленіе, корень τυπ.		Аористъ изъявительнаго наклоненія: ἔτυπον я побилъ, я прибилъ.	(Будущее: [τυπῶ] прибью, побью).
	Сослагательное, желательное, повелительное и неопредѣленное наклоненія аориста.		
Готовность, законченность, корень	Perfectum изъявительнаго наклоненія: τέτυπα мною побитъ, а, о, ы.	Plusquamperfectum ἐτέτυπει: мною былъ—а, о, и побитъ—, о, ы.	Будущее совершенное (futurum exactum) τετύψομαι буду побитъ.
	Сослагательное, желательное, повелительное, неопредѣленное наклоненія и причастіе перфекта.		

(*Акенъ*, *Курціусъ*).

[1]) О формахъ временъ повелительнаго, сослагательнаго, желательнаго и неопредѣленнаго наклоненій какъ здѣсь, такъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи упоминается лишь по ихъ отношенію къ темпоральности и къ видовымъ свойствамъ дѣйствія, не касаясь ихъ модальныхъ значеній. Въ противномъ случаѣ потребовалось бы изложеніе ученія родахъ предложеній, что вовсе не входитъ въ составъ темы этого сочиненія.

Библиотека "Руниверс"

Греческій глаголъ, съ точки зрѣнія нѣмецкаго языка, состоитъ изъ трехъ глаголовъ. При двухъ изъ нихъ одна главная форма (настоящее время) и одна придаточная. Аористическій глаголъ не имѣетъ главнаго времени. Формы временъ и наклоненій каждаго изъ этихъ трехъ глаголовъ состоятъ вовсе не въ темпоральномъ отношеніи къ таковымъ же формамъ прочихъ двухъ глаголовъ. Относительность временъ можетъ имѣть значеніе только въ противоположеніи временъ *главныхъ* и *второстепенныхъ*. Послѣднія суть *наращательныя* формы (Augmenttempora) и выражаютъ прошлость; а потому главнымъ временамъ и приходится выражать настоящность (Акенъ).

§ 3-й. Настоящее время.

Ст. 1-я. Настоящее время означаетъ дѣйствіе, мыслимое въ непосредственномъ соприкосновеніи съ *настоящимъ мгновеніемъ*, такъ что дѣйствіе или 1) заканчивается вмѣстѣ съ этимъ мгновеніемъ, или 2) вмѣстѣ съ нимъ начинается, или 3) тянется, что̀ всего обыкновеннѣе, по обѣ стороны этого мгновенія. При этомъ въ первомъ и третьемъ случаяхъ остается неопредѣленнымъ начальный, а во второмъ и въ третьемъ случаяхъ — конечный или послѣдній моментъ дѣйствія. Поэтому настоящее время можетъ означать также неограниченное протяженіе времени (всегдашнее настоящее, allzeitiges Präsens). Πλοῖον εἰς, Δῆλον Ἀθηναῖοι πέμπουσιν (κατ' ἐνιαυτόν). Πλ. Φαίδ. 58. Аѳиняне посылаютъ (ежегодно) корабль въ Делосъ.

Ст. 2-я. Къ третьему случаю относится и то настоящее, коимъ выражается дѣйствіе, простирающееся по обѣ стороны настоящаго мгновенія, хотя съ перерывами, но все-таки составляющее въ многократныхъ своихъ проявленіяхъ одно цѣлое. Потому настоящее время употребляется также въ предложеніяхъ, выражающихъ опытную истину и въ гномахъ, рядомъ съ аористомъ и перфектомъ. Οὐ μόνον ἀεὶ τὰ αὐτὰ λέγω, ἀλλὰ καὶ περὶ τῶν αὐτῶν. Ксенофъ. Апол. 4, 4, 6. Не только говорю всегда то же самое, но и объ томъ же самомъ (Крюгеръ). Нѣкотораго рода длительностію считается также связное повтореніе, обычное дѣйствіе (Кохъ).

Ст. 3-я. Распространеніемъ перваго случая можно считать настоящее, которымъ выражается дѣйствіе, хотя и законченное предъ настоящимъ мгновеніемъ, однакоже состоящее съ нимъ въ связи, по своему продолжающемуся вліянію. Такъ формы настоящаго въ глаголахъ: ἀκούω (у поэтовъ также κλύω) слышу, πυνθάνομαι спрашиваю, разузнаю, αἰσθάνομαι чую, понимаю, μανθάνω учусь, разумѣю употреб-

Библиотека "Руниверс"

лаютъ вмѣсто ихъ перфектовъ, если содержаніе слышаннаго мыслится продолжающимся и въ настоящее время. Οἱ Σικελιῶται στασιάζουσιν, ὥσπερ πυνθανόμεθα. Θ. 6, 17, 3. Сикеліоты, слышимъ (какъ слышно), бунтуютъ.

Ст. 4-я. Такимъ образомъ настоящія времена многихъ глаголовъ, рядомъ съ собственнымъ значеніемъ, получили значеніе перфекта, какъ φεύγω бѣгу и я изгнанъ, ἁλίσκομαι меня берутъ и, рѣже, я взятъ въ плѣнъ, νικῶ и κρατῶ побѣждаю и — я побѣдилъ (я побѣдитель), ἀδικῶ погрѣшаю и — я погрѣшилъ, я не правъ, ἡττῶμαι меня побѣждаютъ и — я побѣжденъ (Крюгеръ). Сюда же θνήσκει онъ мертвъ; у поэтовъ τίκτειν, ἐκφύειν рождать. Τίς μ' ἐκφύει βροτῶν — кто изъ смертныхъ породилъ меня (чье я рожденіе)? (Курціусъ). Τῶν νικώντων ἐστὶ καὶ τὰ ἑαυτῶν σώζειν καὶ τὰ τῶν ἡττωμένων λαμβάνειν. Анаб. 3, 2, 39. Побѣдителямъ (или: побѣждающимъ) свойственно свое сберегать, а брать принадлежащее побѣжденнымъ (или: побѣждаемымъ).

Ст. 5-я. Всегда близкое къ перфекту значеніе имѣютъ: ἧκω я пришелъ, или: я здѣсь, οἴχομαι я ушелъ, или: я ухожу [1]). Ихъ имперфекты употребляются собственно какъ plusquamperfectum, при чемъ однако ἧκον, сообразно своего значенія, соотвѣтствуетъ аористу синонимическихъ себѣ глаголовъ. Ὠχόμην можетъ выразить оба времени. Также отъ глаголовъ, упомянутыхъ выше въ ст. 4-й, встрѣчаются имперфекты на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ слѣдовало ожидать аористовъ. Καταλαμβάνει τὴν θυγατέρα τοῦ κωμάρχου· ὁ δ' ἀνὴρ αὐτῆς λαγῶς ᾤχετο θηράσων. Анаб. 4, 5, 24. Онъ захватываетъ дочь комарха (сельскаго старшины), а мужъ ея ушелъ (уходилъ?) на охоту за зайцами.

Ст. 6-я. Въ глаголахъ: ἥκω, νικῶ, κρατῶ, ἡττῶμαι настоящія времена сослагательнаго и желательнаго наклоненій, какъ и аористы, употребляются въ гипотетическихъ и темпоральныхъ предложеніяхъ, съ значеніемъ futurum exactum. Κῦρος εὔχετο τοσοῦτον χρόνον ζῆν, ἕως νικήσῃ καὶ τοὺς εὖ καὶ τοὺς κακῶς ποιοῦντας ἀλεξόμενος. Анаб. 1, 9, 11.

---

[1]) По-русски иногда на оборотъ: прошедшее видовое глагола *уходить* употребляется вмѣсто настоящаго. Напримѣръ, кто уходитъ изъ дому, тотъ, давая знать о томъ остающимся, чтобы заперли за нимъ дверь, кричитъ: я ушелъ (вмѣсто: я ухожу)! Впрочемъ и по-русски часто говорится: *прихожу*, вм. *я пришелъ*. Напримѣръ, *вчера прихожу я къ брату, а онъ еще въ постели*. Но это можно отнести къ употребленію историческаго настоящаго, употребляемаго по-русски исключительно въ оживленномъ разсказѣ.

Библиотека "Руниверс"

Киръ желалъ жить столько времени, пока произойдетъ воздаяніемъ хорошо и худо съ нимъ поступающихъ.

Ст. 7-я. Распространеніемъ втораго случая должно считать то, когда настоящимъ временемъ означается дѣйствіе будущее, которое въ настоящее время уже подготовлено или начато (eingeleitet). Ἐπεὶ δ' ἡμᾶς ἔχετε τήνδε τὴν χώραν, νῦν δὴ ἐξελαύνετε ἡμᾶς. Анаб. 7, 7, 7. Послѣ того, какъ вы чрезъ насъ получили эту самую страну, теперь выгоняете (=хотите выгнать) насъ изъ нея. Εἰ δ' ὑμῖν γνώμη ἐστὶ κωλύειν τε ἡμᾶς... καὶ τὰς σπονδὰς λύετε, ἡμᾶς τούσδε λαβόντες. Thuk. 1, 53, 2. Если вы намѣрены препятствовать намъ... и вы нарушите (нарушаете) договоръ, то схвативши насъ...

Ст. 8-я. Въ оживленномъ разказѣ настоящее время ставится вмѣсто будущаго иногда въ глаголахъ πορεύομαι и ἔρχομαι, обыкновенно же въ εἶμι иду. Ἡ πόλις ἤδε, εἰ ἔρχονται Ἀθηναῖοι, ἀμυνεῖται αὐτούς. Thuk. 6, 40, 2. Этотъ городъ, если придутъ (идутъ) Аѳиняне, отразитъ ихъ (Крюгеръ). Сюда же относится καταβαίνω. Акцентъ объясняетъ это тѣмъ, что всѣ глаголы, выражающіе ходьбу, могутъ быть понимаемы въ значеніи стремленія къ цѣли.

Ст. 9-я. Въ оживленной вопросительной рѣчи настоящее изъявит. наклоненія ставится синонимомъ будущаго или настоящаго сослагательнаго, такъ какъ опредѣленіе того, что̀ должно быть сдѣлано, представляютъ себѣ какъ бы настоящимъ, въ качествѣ чисто объективной неизвѣстности (?). Βουλόμεθα δεῖξαι αὐτοῖς ὅτι Λωριῆς ἐσμέν· ἢ μένομεν ἕως ἂν ἕκαστοι κατὰ πόλεις ληφθῶμεν; Th. 6, 77, 2. Рѣшимся ли мы показать имъ, что мы Дорійцы, или будемъ ждать, пока у насъ заберутъ городъ за городомъ.

Ст. 10-я. Въ оживленномъ повѣствованіи мысленно представляютъ себѣ прошедшее дѣйствіе какъ бы наглядно происходящимъ. Это настоящее называется историческимъ настоящимъ, которое весьма употребительно въ греческомъ языкѣ вмѣсто какого-либо прошедшаго, особенно же вмѣсто повѣствовательнаго аориста (Крюгеръ). Историческое настоящее часто смѣняется съ временами прошедшими. Καὶ πῶς ὁρᾶται καὶ ᾑρέθη. И какимъ образомъ увидали (усматриваютъ) ее и схватили (Курціусъ) [1]).

---

[1]) Тоже самое и въ русскомъ языкѣ:

«Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ,
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины,

Библиотека "Руниверс"

Ст. 11-я. Когда настоящимъ изъявительнаго повидимому означается только попытка къ дѣйствію (praesens de conatu), на самомъ же дѣлѣ дѣйствіе представляется въ такихъ случахъ длящимся, не законченнымъ; напримѣръ: πείθω αὐτόν я убѣждаю его (то-есть, стараюсь его убѣдить). Если передъ такимъ настоящимъ стоитъ отрицаніе, то отрицается не попытка, а законченность; οὐ πείθω не значитъ: я не занимаюсь его убѣжденіемъ, а—я не могу его убѣдить (Кохъ) [1]).

§ 4.

Ст. 1-я. Сослагательное, повелит., неопредѣленное наклоненія и причастіе въ настоящемъ времени выражаютъ только длительность дѣйствія, все равно настоящаго, прошлаго или будущаго. Μαινόμεθα πάντες, ὁπόταν ὀργιζώμεθα. Мы всѣ сумасшествуемъ, когда сердимся. Οὕτω ποιήσω, ὅπως ἂν σὺ κελεύῃς. Такъ буду поступать, какъ ты приказываешь (прикажешь). Ταῦτα λέγων θορύβου ἤκουσε διὰ τῶν τάξεων ἰόντος, καὶ ἤρετο, τίς ὁ θόρυβος εἴη. Анаб. 1, 8, 16. Говоря (какъ онъ говорилъ) это, онъ услышалъ шумъ, идущій (шедшій) по рядамъ и спросилъ, что это (есть, былъ) за шумъ (Курціусъ).

Ст. 2-я. Настоящее повелительнаго, сослаг., желат., неопредѣлен. наклоненій и причастія означаетъ дѣйствіе въ его развитіи, въ его продолженіи, безъ всякаго означенія времени. Этими же формами выражается дѣйствіе, къ которому дѣлалась только попытка, а также дѣйствіе повторяющееся. Βουλεύου μὲν βραδέως, ἐπιτέλει δὲ ταχέως τὰ δόξαντα. Isoc. 1, 34. Обдумывай медленно, но разъ рѣшенное выполняй быстро (Кохъ).

Ст. 3-я. Относительное опредѣленіе времени, то-есть прошлость, настоящность и будущность, выражается въ греческомъ языкѣ только

Сдается пылкій Шлиппенбахъ,
Тѣснимъ мы Шведовъ рать за ратью,
Темнѣетъ слева ихъ знаменъ,
И Бога бранней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

А. Пушкинъ.

[1]) Что здѣсь разумѣется не попытка, а самое дѣйствіе въ его продолженіи, видно изъ того, что попытка означаетъ не намѣреніе только дѣйствовать, но начало самаго дѣйствія («Попытка не пытка, а спросъ не бѣда»). Впрочемъ, значеніе οὐ πείθω едва ли можетъ быть объяснено отрицаніемъ законченности, а скорѣе обыкновеннымъ риторическимъ употребленіемъ настоящаго вмѣсто аориста или перфекта (см. § 3. Ст. 10).

Библиотека "Руниверс"

формами изъявительнаго наклоненія. Формы прочихъ наклоненій опредѣляютъ дѣйствіе безотносительно ко времени, то-есть, лишь длительность, оконченность, моментъ. Во всякомъ случаѣ объ относительности можетъ при этомъ быть рѣчь лишь на столько, на сколько она бываетъ видна изъ модальности. Такъ сослагательное наклоненіе, выражая ожиданіе, указываетъ на будущность; наклоненіе желательное, означая желаніе, можетъ собственно относиться лишь къ настоящности или будущности (Акенъ).

Ст. 2-я. Настоящее неопредѣленнаго наклоненія относится иногда къ дѣйствію будущему, не означая собственно никакого времени, какъ и аористъ, употребляющійся въ подобныхъ же случаяхъ. Ὑπέσχοντο πολεμεῖν... πρᾶξαι... Они обѣщались воевать (обѣщали войну), сдѣлать (Крюгеръ).

§ 5. Imperfectum.

Ст. 1-я. Imperfectum выражаетъ прошлое дѣйствіе въ его длительности, въ его продолженіи, протяженіи по времени рядомъ съ другими дѣйствіями, или же въ его продолжающейся повторительности. Οὔποτε μεῖον ἀπεστρατοπεδεύοντο οἱ βάρβαροι τῶν Ἑλλήνων ἑξήκοντα σταδίων. Анаб. 3, 4, 34. Никогда варвары не располагались лагеремъ менѣе, чѣмъ въ шестидесяти стадіяхъ отъ Эллиновъ (Курціусъ).

Ст. 2-я. Слова, означающія рѣчь (говорить, возвѣщать, приказывать, спрашивать), часто ставятся не въ аористѣ, а въ имперфектѣ, если говоренныя слова передаются прямо или косвенно; потому что чрезъ это самое представляется намъ дѣйствіе говоренія въ его постепенномъ развитіи. Такъ у Ѳукидида VI, 32, 3, о рѣчи Гермократа: ἔλεγε καὶ παρῄνει τοιάδε.. говорилъ и увѣщевалъ слѣдующимъ образомъ. Затѣмъ приводится самая рѣчь въ главахъ 33 и 34, а въ началѣ 35-й главы, въ заключеніе употребленъ аористъ. ὁ μὲν Ἑρμοκράτης τοσαῦτα εἶπε. Вотъ что̀ сказалъ Гермократъ (Кохъ).

Что понятіе длительности не есть существенный (довольно бы сказать: не исключительный) признакъ имперфекта, это доказывается безчисленными примѣрами, въ которыхъ имперфектомъ выражается чисто моментальное дѣйствіе, какъ въ ἠρώτα. Анаб. II, 3, 4, 7; а между тѣмъ ἠρώτησεν. Анаб. II, 4, 15 [1]). Ἐδόκει. Анаб. II,

[1]) Въ обоихъ случаяхъ имперфектъ и аористъ стоятъ, кажется, на своихъ мѣстахъ. Ἐπεὶ δὲ ἦν πρὸς τοῖς ἀγγέλοις, ἀνηρώτα, τί βούλοιντο. Когда онъ былъ близъ вѣстниковъ, то *спрашивалъ*, чего они хотятъ. Καὶ προσελθὼν ἄνθρωπός τις ἠρώτησε τοὺς προφύλακας ποῦ ἂν ἴδοι Πρόξενον. И какой-то человѣкъ, подошедши

Библиотека "Руниверс"

3, 8, 9. III, 3, 5, 8, 4, 36. 40. 4, 12; а между тѣмъ ἔδοξε Анаб. I, 10, 16. II, 1, 2. 3, 28. 5, 2. 24. ἤγγελλε. Анаб. I, 7, 8. 13. 8, 3. II, 3, 9. 4, 23. 24. 5, 26; а между тѣмъ ἤγγειλε. I, 1, 6. II, 2, 21. III, 5, 18; ἐκέλευσε I. 7, 1. 8, 11. 15. 9, 27. II, 3, 1. 9. 5, 36; а между тѣмъ ἐκέλευσε II, 2, 20. 5, 26 (Маттэ). Обѣ послѣднія формы Акенъ объясняетъ такъ: ἐκέλευσε означаетъ подготовительное дѣйствіе, гдѣ возбуждено ожиданіе того, будетъ ли оказано послушаніе; ἐκέλευσε, гдѣ исполненіе, по видимому, само собою разумѣется [1]).

Ст. 3-я. Нѣкоторыя дѣйствія Грекъ любилъ представлять себѣ преимущественно длящимися и потому употреблялъ ихъ какъ въ имперфектѣ, такъ и въ аористѣ. Это относится къ глаголамъ, выражающимъ ходъ, бѣгъ, торопленье, атаку, посылку. Вообще Грекъ

къ стражамъ, *спросила*, гдѣ ему увидать Проксена. Въ первомъ случаѣ дѣйствіе представлено длящимся, потому что это былъ формальный переговоръ, веденный, конечно, черезъ переводчика; во 2-мъ случаѣ вопросъ сдѣланъ однимъ человѣкомъ, говорившимъ, какъ видно, по-гречески.

[1]) По моему же мнѣнію, на употребленіе той или другой формы едва ли здѣсь имѣетъ вліяніе успѣшность приказанія, извѣстность или неизвѣстность выполненія. Имперфектомъ (какъ общимъ прошедшимъ) выражается здѣсь дѣйствіе, въ самомъ дѣлѣ длившееся, или даже повторявшееся. Напримѣръ: «*Говорила* ли милой Дунюшкѣ, *наказывала*: посмирнѣе живи, моя любушка!» Аористомъ же (какъ видовымъ прошедшимъ временемъ) указывается на заключительный моментъ рѣчи, сколько бы она ни продолжалась. «Дай лучше смерть, чѣмъ жизнь поносну плачить мнѣ въ плѣнѣ!» Онъ *сказала* и вмигъ на Ермака напалъ!» (Дмитріевъ). *Кюнеръ* даетъ другое объясненіе подобному сопоставленію имперфекта съ аористомъ. Напримѣръ, Анаб. II, 5, 32. οἱ τ' ἔνδον ξυνελαμβάνοντο καὶ οἱ ἔξω κατεκόπησαν. Находившихся внутри *хватали*, а находившіеся снаружи *были изрублены*. Кюнеръ утверждаетъ, что здѣсь имперфектомъ выражено дѣйствіе второстепенное, придаточное (res secundaria), аористомъ же—главное (res primaria), передавая эту фразу латинскою рѣчью такимъ образомъ: dum ei, qui intus erant, comprehendebantur, ei, qui foris erant, trucidati sunt. Но по связи рѣчи, оба дѣйствія происходили одновременно и еслибы не такъ, то на послѣднее изъ нихъ требовалось времени болѣе, чѣмъ на первое, потому что вождей внутри палатки находилось только пятеро, а снаружи стояла ихъ свита до 200 человѣкъ. Съ точки зрѣнія русскаго языка, подобное сопоставленіе имперфекта съ аористомъ объясняется изобразительнымъ значеніемъ здѣсь имперфекта, какъ *общей* (не видовой) формы прошедшаго и въ народной русской рѣчи попадается чуть не на каждомъ шагу. Напримѣръ: «*Сходятъ* они на червленъ корабль, *подымали* тонки парусы полотнянные, *побежали* по озеру Ильменю». Здѣсь имперфектъ *подымали* вполнѣ приравнивается историческому настоящему *сходятъ*, которое, въ свою очередь, поставлено на мѣстѣ аориста (сошли) для болѣе живаго представленія дѣйствія и соотвѣтствуетъ аористической формѣ: *побежали*.

Библиотека "Руниверс"

ведетъ разказъ не всегда въ аористѣ, а между аористами употребляетъ и имперфектъ, какъ скоро дѣйствіе представляется ему не въ видѣ пункта, но въ его постепенномъ развитіи, какъ бы въ видѣ линіи; такъ ваятели, живописцы подъ своими произведеніями подписывали не ἐποίησε, ἔγραψε, а ἐποίει, ἔγραφε, въ знакъ скромности. Imperfectum modestiae (Срав. § 1, примѣч. 4-е). Ἐπεὶ δ' αὐτοῖς ἀετὸς δεξιὸς φανεὶς προηγεῖτο, προσευξάμενοι θεοῖς.. διέβαινον τὰ ὅρια. Ἐπειδὴ δὲ διέβησαν, προσηύχοντο αὖθις θεοῖς.. Ταῦτα δὲ ποιήσαντες ὁ μὲν πατὴρ πάλιν εἰς πόλιν ἀπῆει, Κῦρος δὲ εἰς Μήδους ἐπορεύετο. Кур. II, 1, 1. Когда же показавшійся съ правой стороны орелъ полетѣлъ передъ ними, то, помолившись богамъ,... они *стали* переходить границу. Когда же перешли границу, опять *стали* молиться (молились) богамъ.. Сдѣлавши это.. отецъ пошелъ назадъ въ городъ, Киръ же отправился (пошелъ) въ Мидію [1]).

Ст. 4-я. Форма настоящаго, выражающаго попытку (de conatu), имѣетъ при себѣ такой же имперфектъ. Ἔπειθον я уговаривалъ, οὐκ ἔπειθον я не могъ (!) уговорить (ich konnte nicht überreden) [2]). Νέων ἔπειθεν αὐτοὺς, ἀποτρέπεσθαι· οἱ δ' οὐχ ὑπήκουον. Анаб. VII, 3, 7. Неонъ *уговаривалъ* ихъ возвратиться, но они не слушались. Πολλοὶ μὲν ἀπεδίδρασκον, πολλοὶ δὲ ἐάλωσαν. Κυροπ. IV, 5, 5. Многіе *бѣжали*, многіе были и схвачены. Ταῦτ' εἰπὼν ἀνιστάμην ὡς ἀπιών καί μου ἀνισταμένου ἐπιλαμβάνεται ὁ Καλλίας τῆς χειρὸς καὶ εἶπεν· οὐκ ἀφήσομέν σε ὦ Σώκρατες. Καὶ ἐγώ εἶπον—ἤδη δε ἀνεστήκη ὡς ἐξιών, ὦ παῖ.. Сказавши это, я всталъ *было* (сталъ приподниматься), чтобы уйдти,

---

[1]) Въ этомъ примѣрѣ имперфекты, состоя въ очевидномъ противоположеніи съ ближайшими аористами: φανείς, προσευξάμενοι, διέβησαν, ποιήσαντες, означающими окончательные моменты дѣйствій, выражаютъ начальные моменты дѣйствія, именно здѣсь—начало движенія. Такъ προηγεῖτο полетѣлъ впереди. Киръ съ отцомъ только и могли видѣть начало этого дѣйствія, потому что орелъ, конечно, скрылся скоро изъ виду. Διέβαινον стали переходить. Границею служила вѣроятно не черта какая-либо, а горный перевалъ, или рѣчка и т. п., такъ что для перехода он требовалось время, котораго только начальный моментъ здѣсь указывается. Ἀπῆει, ἐπορεύετο объясняются также, какъ προηγεῖτο. Итакъ, имперфектъ этого рода можно назвать *начинательнымъ*.

[2]) Едвали οὐκ ἔπειθον (въ дѣйствительномъ залогѣ) можетъ означать безуспѣшность дѣйствія, которая должна бы выразиться аористомъ οὐκ ἔπεισα, или перфектомъ. Скорѣе здѣсь отрицается самое дѣйствіе. Въ приведенномъ тамъ же у Коха примѣрѣ изъ Аристофана: Vesp 116. ἀνέπειθον αὐτὸν μὴ ἐξιέναι, ὁ δ' οὐκ ἀνεπείθετο. Я убѣждалъ его не уходить, онъ же не убѣждался (не слушался—употребленъ страдательный залогъ, имѣющій здѣсь значеніе средняго: убѣждаться (срав. § 3, ст. II, прим. 4).

Библиотека "Руниверс"

и, какъ я вставалъ, Калліасъ схватилъ меня за руку и сказалъ: мы не пустимъ тебя, Сократъ. А я сказалъ,—потому что я *всталъ* уже, чтобъ уйти,—о сынъ.. (Кохъ) [1]).

Imperfectum, по объясненію Курціуса, часто выражаетъ предпринимавшееся, но не выполненное дѣйствіе. Πρῶτος Κλέαρχος τοὺς αὑτοῦ στρατιώτας ἐβιάζετο ἰέναι, οἱ δὲ αὐτὸν ἔβαλλον καὶ τὰ ὑποζύγια τὰ ἐκείνου, ἐπεὶ ἤρξατο προϊέναι. Анаб. I, 3, 1. Клеархъ сперва приневоливалъ *было* (*сталъ* приневоливать) своихъ воиновъ идти, а они *стали* бросать въ него (каменьями) и въ его обозъ, когда онъ двинулся впередъ [2]).

Ст. 5-я. Отъ формъ настоящаго времени νικάω, ἀδικέω, φεύγω, κρατέω, ἡττῶμαι, имѣющихъ часто значеніе перфектовъ, производимые имперфекты имѣютъ (соотвѣтственно тому) часто значеніе плюсквамперфектовъ, напримѣръ, ἐνίκων я былъ побѣдитель (Кохъ).

Ст. 6-я. Въ связи съ другими прошедшими временами, имперфектъ хотя означаетъ событія, продолжающіяся рядомъ съ другими, нерѣдко однако означаетъ и такія длящіяся событія, которыя предшествовали главному дѣйствію, что въ нѣмецкомъ и въ латинскомъ языкахъ выражается чрезъ plusquamperfectum. Οἱ Λέσβιοι ἠναγκάσθησαν τὴν ἀπόστασιν πρότερον, ἢ διενοοῦντο ποιήσασθαι. Лесбійцы принуждены были совершить отпаденіе ранѣе, чѣмъ разсчитывали это сдѣлать (Курціусъ).

Имперфектъ съ понятіемъ длительности употребляется вмѣсто нѣмецкаго plusquamperfectum, и не только при соотвѣтственномъ тому нарѣчіи, но и безъ него. Ἦσαν αἱ Ἰωνικαὶ πόλεις Τισσαφέρνους τὸ ἀρχαῖον, τότε δὲ ἀπέστησαν πρὸς Κῦρον. Анаб. I, 1, 6. Іонійскіе города *были* сначала Тиссаферновы, тогда же перешли къ Киру. Λέγουσι ὅσων Εὐρυσθεὺς ἦρχε τὴν βασιλείαν Ἀτρέα παραλαβεῖν. Θ. I, 9, 2. Говорятъ, что Атрей *получилъ* господство надъ всѣмъ, чѣмъ *владѣлъ* Еврисѳенъ (Крюгеръ).

---

[1]) Формами ἀνιστάμην и ἀνισταμένου дѣйствительно выражается попытка въ смыслѣ начальнаго момента дѣйствія. Поэтому эти формы также должны быть отнесены къ начинательному имперфекту, о которомъ говорилось выше въ примѣч. 3-мъ.

[2]) Здѣсь нельзя назвать дѣйствій ἐβιάζετο и ἔβαλλον не выполненными, а развѣ только не доведенными до конца, то-есть, что Клеархъ воиновъ не принудилъ идти, а они его не убили каменьями. Но все-таки оба дѣйствія имѣли мѣсто, то-есть, были начаты. Потому и эти имперфекты должны быть отнесены къ начинательнымъ.

Библиотека "Руниверс"

Ст. 7-я. Въ географическихъ описаніяхъ вмѣсто настоящаго ставится часто имперфектъ, по отношенію къ тому времени, о которомъ говоритъ разкащикъ. Ἀφίκοντο ἐπὶ τὸν ποταμόν, ὃς ὥριζε τήν τε τῶν Μακρώνων χώραν καὶ τὴν τῶν Σκυθινῶν. Анаб. IV, 8, 1. Они пришли къ рѣкѣ, которая отдѣляла землю Макроновъ отъ земли Скиѳиновъ (Кохъ).

Ст. 8-я. Имперфекты глаголовъ, выражающихъ *долженствованіе*, означаютъ, какъ и въ латинскомъ языкѣ, что̀ слѣдовало бы дѣлать въ противоположность тому, что̀ дѣйствительно дѣлается. Ἔδει τοὺς λέγοντας μήτε πρὸς ἔχθραν ποιεῖσθαι τὸν λόγον μήτε πρὸς χάριν. Ораторамъ должно было бы говорить ни по враждѣ, ни по пристрастію. Таковы глаголы: χρῆν должно, εἰκὸς ἦν слѣдовало бы, ἐξῆν возможно было бы, καλὸν ἦν, καλῶς εἶχεν было бы прекрасно, ἄξιον, δίκαιον ἦν было бы справедливо (Курціусъ). Сюда же ὤφελε, αἰσχρὸν ἦν. Ὤφελε Κῦρος ζῆν. Анаб. II, 1, 4. Надобно бы Киру въ живыхъ быть (Маттѣо).

Ст. 9-я. Имперфекты глаголовъ ἧκω прихожу и я пришелъ, εἶχομαι я ухожу и я ушелъ, употребляются собственно какъ plusquamperfectum, при чемъ однако ἧκον, сообразно своего значенія, соотвѣтствуетъ аористу синонимическихъ себѣ глаголовъ, ᾠχόμην можетъ выразить оба времени (срав. § 3, ст. 5. Тамъ же и примѣры. Крюгеръ. См. ниже, ст. 10).

Ст. 10-я. Въ придаточныхъ предложеніяхъ (Vordersatz) предположительнаго или условнаго (hypothetisch) періода употребляется имперфектъ, или аористъ, или плюсквамперфектъ изъявительнаго наклоненія съ союзомъ εἰ, смотря по тому, идетъ ли рѣчь: а) о дѣйствіи настоящаго времени, или б) о дѣйствіи закончившемся, или, наконецъ, в) о дѣйствіи, которое было уже законченнымъ.

а) Ἐὰν εἶχε βέλτιόν τι δεῖξαι, ὡμολόγουν ἂν ἀδικεῖν. Еслибы ты имѣлъ (у тебя есть) показать что-либо лучшее, то я сознался бы (сознаюсь) [1]), что я неправъ. Здѣсь подразумѣвается отрицаніе обоихъ предложеній, и придаточнаго и главнаго, и отрицаніе должно бы быть выражено въ настоящемъ времени, именно: νῦν δ' οὐδὲν ἔχεις· οὐ τοίνυν ὁμολογῶ ἀδικεῖν. Но у тебя ничего нѣтъ, а потому я не

[1]) Употребленіе въ русскомъ языкѣ будущаго совершеннаго въ главномъ предложеніи условнаго періода можно объяснить тѣмъ, что и въ придаточномъ подразумѣвается собственно также будущее дѣйствіе совершеннаго вида. «Если *покажешь* мнѣ, что у тебя есть что нибудь лучшее, то признаю себя неправымъ».

Библиотека "Руниверс"

признаю себя неправымъ. Εἰ τὸν Φίλιππον τὰ δίκαια πράττοντα ἑώρων, σφόδρα ἂν θαυμαστὸν ἡγούμην αὐτόν. Еслибы я видѣлъ (увидѣлъ), что Филиппъ поступаетъ справедливо, то я считалъ бы (счелъ бы) его весьма удивительнымъ человѣкомъ. Подразумѣвать должно: но я этого не вижу, а потому его таковымъ и не считаю.

б) Ἀπέθανον ἄν, εἰ μὴ ἡ τῶν τριάκοντα ἀρχὴ κατελύθη. Я пропалъ бы, еслибы владычество тридцати не рушилось. Подразумѣвать должно противоположныя дѣйствія, которыя также выразились бы въ аористѣ: ἐπεὶ δὲ κατελύθη, οὐκ ἀπέθανον.. Но оно рушилось, и я не погибъ.

в) Εἰ τοῦτο ὡμολόγητο ἡμῖν' ῥᾳδίως ἂν διεμαχόμεθα. Еслибы мы въ этомъ были согласны (оказались согласившимися), намъ было бы легко продолжать споръ. То-есть: этого согласія у насъ не оказалось, и намъ теперь не легко продолжать споръ.

Въ главныхъ предложеніяхъ таковыхъ періодовъ могутъ стоять имперфектъ, аористъ или плюсквамперфектъ изъявительнаго наклоненія и всегда съ частицею ἄν, независимо отъ того, тѣ ли же самыя или другія формы употреблены въ предложеніяхъ придаточныхъ. Εἰ τότε ἐβοηθήσαμεν, οὐκ ἂν ἠνώχλει νῦν ὁ Φίλιππος. Еслибы тогда пошли на помощь, то теперь Филиппъ насъ не безпокоилъ бы. Иногда частица ἄν въ главномъ предложеніи, для большей его выразительности, опускается. Ἠισχυνόμην μέντοι, εἰ ὑπὸ πολεμίου γε ὄντος ἐξηπατήθην. Анаб. VII, 6, 21. Я стыдился (устыдился) бы, еслибы обманутъ былъ непріятелемъ (дался бы въ обманъ непріятелю).

Придаточное предложеніе, въ которомъ должно заключаться условіе, иногда вовсе опускается и должно быть подразумѣваемо. Ἐπιστευόμην ὑπὸ Λακεδαιμονίων, οὐ γὰρ ἄν με ἔπεμπον πάλιν πρὸς ὑμᾶς. Мнѣ довѣрялись Лакедемонцы, иначе не послали бы опять къ вамъ.

Ст. 11-я. Къ имперфекту, какъ и къ аористу, приставляется иногда частица ἄν, для означенія прошлаго дѣйствія, которое совершалось при извѣстномъ случаѣ (eventuell) [1]). Ἀναλαμβάνων αὐτῶν τὰ

---

[1]) Изъ приведенныхъ примѣровъ вовсе не видно, чтобы дѣйствіе, при выраженіи котораго употребляется частица ἄν, происходило при извѣстномъ какомъ-либо случаѣ (eventuell), а скорѣе указывается именно неопредѣленное число случаевъ, рядъ обычныхъ дѣйствій выражается *собирательно*. Здѣсь легко замѣтить сходство значенія этой частицы въ данномъ случаѣ съ русскою глагольною прибавкою *бывало*, которая придаетъ смыслъ собирательности и прошлости всякой глагольной формѣ, какого бы ни была она времени и вида, напр. «Бывало позднею порою сберутся (сбирались, сбираются) юноши толпою; игра

Библиотека "Руниверс"

ποιήματα, διηρώτων ἂν αὐτούς, τί λέγοιεν. Я бралъ ихъ стихотворенія и спрашивалъ ихъ *бывало* (auch wohl gelegentlich), что они хотѣли этимъ сказать. Εἴ τις δοκοίη αὐτῷ βλακεύειν, ὁ Κῦρος ἔπαισεν ἄν. Анаб. II, 3, 11. Если *бывало* Киру покажется, что кто-нибудь лѣнится, того онъ бывало приколотитъ. Εἰ δέ τινα ὁρῴη δεινὸν ὄντα οἰκονόμον ἐκ τοῦ δικαίου, οὐδένα ἂν πώποτε ἀφείλετο, ἀλλ' ἀεὶ πλείω προσεδίδου. Анаб. 1, 9, 19. Если онъ въ комъ увидитъ бывало (усматривалъ) славнаго и честнаго хозяина, у того никогда ничего не отнималъ (бывало не отниметъ), но тому бывало еще больше прибавлялъ. Εἰ δέ τι δόξειεν αὐτῷ σημαίνεσθαι παρὰ τῶν θεῶν, ἧττον ἂν ἐπείσθη παρὰ τὰ σημαινόμενα ποιῆσαι. Memor. 1, 3, 4. Всякій разъ какъ, *бывало*, что нибудь покажется ему за указаніе боговъ, трудно *бывало* уговорить его — поступить противъ указанія. Εἰ δέ τις αὐτῷ περί του ἀντιλέγοι... ἐπὶ τὴν ὑπόθεσιν ἐπανῆγεν ἂν πάντα τὸν λόγον. Memor. IV, 6, 13. Если кто *бывало* ему въ чемъ противорѣчилъ, то онъ сводилъ (бывало) весь разговоръ къ основанію.

Встрѣчается ἂν въ прибавленіи и къ причастію настоящаго времени (какъ замѣняющаго имперфектъ) и аориста. Ἔσφαττον ὧν κρατεῖν δύναντο καὶ ἀποτέμνοντες ἂν (ἀπέτεμνον ἂν) τὰς κεφαλὰς ἐπορεύοντο. Анаб.

Убивали, кѣмъ могли овладѣть, и, отрубая *бывало* голову, выступали (Курціусъ, Кохъ).

Ст. 12-я. Неопредѣленное наклоненіе и причастіе настоящаго времени принадлежатъ и имперфекту, а потому могутъ имѣть и значеніе этого послѣдняго, и не только въ связи съ прошедшими временами, но и съ настоящимъ. Ξενοφῶντος κατηγόρησάν τινες φάσκοντες παίεσθαι ὑπ' αὐτοῦ καὶ ὡς ὑβρίζοντος τὴν κατηγορίαν ἐποιοῦντο. Анаб. 5, 8, 1. Нѣкоторые обвиняли Ксенофонта, говоря, что бывали имъ биты, и обвиняли, что онъ былъ заносчивъ (Крюгеръ).

§ 6-й Аористъ.

Ст. 1-я. Аористъ изъявительнаго наклоненія выражаетъ относящееся къ прошедшему времени дѣйствіе, въ его наступленіи [1]). Грекъ

смѣняется (смѣнялся) игрою и пр. (Пушкинъ). Такъ и въ греческихъ примѣрахъ хотя δοκοίη, ὁρῴη суть формы настоящаго времени, какъ и ἀποτέμνοντες, а не имперфекты и аористы, при которыхъ поставлены ἂν, но темпоральное ихъ значеніе совершенно одинаково съ сими послѣдними, а потому и вліяніе частицы ἂν равно и на нихъ простирается.

[1]) О неточности этого опредѣленія говорено въ § 1. Примѣч. 2. 3. 4. Къ этому прибавить можно слѣдующее: *наступленіе* дѣйствія можно понимать лишь

Библиотека "Руниверс"

употребляетъ эту форму въ разказѣ о прошломъ событіи, давая ею только знать, что оно было и не вводя его ни въ какія отношенія къ другимъ дѣйствіямъ. Μετὰ τὴν ἐν Κορωνείᾳ μάχην οἱ Ἀθηναῖοι ἐξέλιπον τὴν Βοιωτίαν πᾶσαν. Послѣ битвы при Коронеѣ Аѳиняне оставили всю Беотію. Παυσανίας ἐκ Λακεδαίμονος στρατηγὸς ὑπὸ Ἑλλήνων ἐξεπέμφθη μετὰ εἴκοσι νεῶν ἀπὸ Πελοποννήσου, ξυνέπλεον δὲ καὶ Ἀθηναῖοι τριάκοντα ναυσὶ καὶ ἐστράτευσαν ἐς Κύπρον καὶ αὐτῆς τὰ πολλὰ κατεστρέψαντο. Павзаній Лакедемонскій посланъ былъ, въ качествѣ вождя, Эллинами, съ 20 кораблями изъ Пелопонеса; съ нимъ вмѣстѣ плыли и Аѳиняне съ 30-ю кораблями; и они выступили въ походъ противъ Кипра и бо́льшую его часть покорили. Τοξικὴν καὶ ἰατρικὴν καὶ μαντικὴν Ἀπόλλων ἀνεῦρεν. Искусство стрѣлянія, лѣченья и гаданья изобрѣлъ Аполлонъ.

Ст. 2-я. Аористъ изъявительнаго наклоненія употребляется въ предложеніяхъ, выражающихъ опытныя истины (Erfahrungssätze), означая, что произошло нѣчто, повторяющееся во всѣ времена. Τῷ χρόνῳ ἡ δίκη πάντως ἦλθ' ἀποτισαμένη. Со временемъ пришло (придетъ, приходитъ) таки карающее правосудіе. Καὶ βραδὺς εὔβουλος εἷλεν ταχὺν ἄνδρα διώκων. И медленный (да) разумный настигъ (настигаетъ, настигнетъ) въ погонѣ рѣзваго человѣка.

Такой аористъ встрѣчается особенно въ гномахъ, или поговоркахъ, потому и называютъ его *гномическимъ* (*Курціусъ*).

двояко: или въ смыслѣ точки отправленія въ дѣйствіи, т. е. начала дѣйствія; но этого Курціусъ (§ 1) не допускаетъ; или въ смыслѣ простаго указанія, что дѣйствіе вообще имѣло мѣсто; но это можно сказать одинаково обо всѣхъ прошедшихъ формахъ изъявит. наклоненія. Изъ всего сказаннаго объ аористѣ можно вывести такое его опредѣленіе: *основное* значеніе аориста состоитъ въ представленіи дѣйствія какъ бы моментальнымъ и вмѣстѣ оконченнымъ. Иначе сказать, аористъ выражаетъ оконченное дѣйствіе указаніемъ на одинъ только изъ трехъ моментовъ его развитія: или на исходный, начальный (конецъ начала), или на высшій (ἀκμή, разгаръ дѣйствія), или на послѣдній, заключительный. Такое значеніе аориста потому называю основнымъ, что аористомъ же въ извѣстныхъ случаяхъ, о которыхъ говорено будетъ въ своемъ мѣстѣ, могутъ быть означаемы прошлыя дѣйствія и *собирательно*, *суммарно*. Близко къ этому воззрѣнію на значеніе аориста опредѣляетъ его и Крюгеръ: «аористъ выражаетъ дѣйствіе не въ раскрытіи, а въ сжатомъ видѣ (nicht entfaltend, sondern zusammengefasst). Въ противоположность имперфекту аористъ сдѣлался по преимуществу повѣствовательнымъ временемъ, представляя событіе въ его концентрированномъ проявленіи (то-есть въ одномъ изъ существенныхъ моментовъ его проявленія).

Библиотека "Руниверс"

Что случилось разъ въ прошлое время, то, при подобныхъ обстоятельствахъ можетъ и теперь во всякое время случиться [1]). Этотъ же аористъ употребляется въ сравненіяхъ и картинахъ, чтобы единичный (конкретный) случай тѣмъ нагляднѣе дѣйствовалъ.

У Гомера чрезъ это придается много жизни картинамъ природы:

'Αλλ' ὅτε δή ῥ' ἐν τοῖσιν ἑλίξεται, ἀλκὶ πεποιθὼς,
ἄψ τ' ἀνεχώρησαν διά τ' ἔτρεσαν ἄλλυδις ἄλλος.

Il. 17, 729. Но только что онъ (кабанъ), увѣренный въ силѣ, обернется на нихъ (преслѣдующихъ его собакъ), какъ онѣ мигомъ *пустились* (=пускаются) назадъ и кто куда разбѣжались (разбѣгаются). (Кохъ, Акенъ).

Ст. 3-я. Аористомъ выражается какъ бы дѣйствіе ускоренное, быстро мелькающее, какъ бы происходящее вмѣстѣ съ рѣчью объ немъ. Напримѣръ, σὲ γὰρ ἐκάλεσα я кликнула, позвала (=кличу, зову) тебя (Акенъ). Τί τοῦτ' ἐγέλασας; что ты засмѣялся (смѣешься)? Въ разговорѣ вызванное во мнѣ чѣмъ-либо чувство, въ то мгновеніе, когда я о немъ говорю, уже принадлежитъ прошлости; поэтому въ греческомъ языкѣ ставится въ такихъ случаяхъ 1-е лицо аориста изъявительнаго наклоненія. Πῶς ἐξανασχήσεσθε, τοῖσιν Ἀτρέως ἐμὲ ξυνόντα παισίν, οἵ μ' ἀπώλεσαν. Soph. Φιλ. 1313—1314. Какъ вы перенесете то, что я соединяюсь съ дѣтьми Атрея, которые сгубили меня (Кохъ). Χρὴ δὲ ξένον μὲν κάρτα προσχωρεῖν πόλει· οὐδ' ἀστὸν ἥνες, ὅς τις αὐθάδης γεγὼς πικρὸς πολίταις ἐστὶν ἀμαθίας ὅπο. Eurip. Med. 220. Чужестранецъ долженъ приноравливаться къ (новому) государству. Не похвалю (не похвалила) я гражданина, который, сдѣлавшись заносчивымъ, тягостенъ согражданамъ по своей невѣжливости.

Также въ отрицательныхъ вопросахъ, на которые съ нетерпѣніемъ ожидаютъ отвѣта. Τί οὖν οὐ διηγήσω ἡμῖν; Plat. Phaed. 86. D. Зачѣмъ же ты не *разсказалъ* (не разсказываешь, не разкажешь) намъ? Τί οὖν οὐχί, σύ γε αὐτίκα μάλα εὐδαίμων ἐγένου καὶ ἐμὲ εὐδαίμονα ἐποίησας Kyp. 8, 3, 46. Ну такъ вотъ ты и сдѣлался (дѣлаешься)

---

[1]) Въ русскихъ народныхъ поговоркахъ, загадкахъ и пословицахъ встрѣчаемъ то же самое. «Кто смѣлъ, тотъ два *сѣлъ*. — Китайская стрѣла (чай) въ Россію *вошла* въ крестьянскія сердца, *сгубила* всѣхъ до конца.—Маленькій, горбатенькій (серпъ) все поле проскакалъ.—*Пришла* (когда приходитъ) бѣда, отворяй ворота (то-есть за ней придутъ другія). Воронъ за море летѣлъ, а умнѣй не *сталъ*.—Жилъ-былъ молодецъ, дома не видалъ веселья, *ушелъ* на чужбину *заплакалъ*. — Рано пташка запѣла, какъ бы кошка не съѣла.

Библиотека "Руниверс"

очень счастливымъ и меня счастливымъ сдѣлалъ (дѣлаешь)! Τί οὖν οὐ καὶ Πρόδικον ἐκαλέσαμεν; Plat. Protag. 317. D. Отъ чего же мы не позвали также Продика? Τί οὖν οὐκ ἐκεῖνο πρῶτον ἐπεσκεψάμεθα; Mem. IV, 6, 14. Такъ не разсмотрѣть ли намъ сперва то? Ἄνερ φίλε, μή με πατήσῃς. Ὀρθὸς ἀνέστα ὁ πυῤῥός. Ἴδ', ὡς ἄγριος. Theocr. Любезный человѣкъ, не задави меня. Гнѣдой *сталъ* на дыбы—вишь, какой бѣшеный [1]). Такой аористъ даже можетъ означать будущее дѣйствіе, какъ бы предваряя его, чтобы выразить быстроту выполненія [2]). Ἢν δ' ἄρα του καὶ πείρᾳ σφαλῶσιν, ἀντελπίσαντες ἄλλα ἐπλήρωσαν τὴν χρείαν. Thuc. 1, 70, 7. Если потерпятъ въ попыткѣ неудачу, то, создавъ себѣ новыя надежды, они уже *возмѣстили* убытокъ. Ἢν τις ἄρα ξὺν κατηγορίᾳ παροξύνῃ, οὐδὲν μᾶλλον ἀχθεσθέντες ἀνεπείσθημεν. Thuc. 1, 84. Если кто обвиненіемъ будетъ раздражать насъ — не увлечемся (не увлеклись) негодованіемъ.

Ст. 4-я. Если быстро наступающее дѣйствіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и такое, которое во всякое время случается, то сближаются по значенію своему дѣйствія моментальное и обычное. Ἐπακούσας δὲ τῆς φωνῆς ὁ κροκόδειλος ἵεται κατὰ τὴν φωνήν, ἐντυχὼν δὲ τῷ νώτῳ καταπίνει· οἱ δὲ ἕλκουσι. Ἐπεὰν δὲ ἐξελκυσθῇ ἐς γῆν, πρῶτον ἁπάντων ὁ θηρευτὴς πηλῷ κατ' ὧν ἔπλασε αὐτοῦ τοὺς ὀφθαλμούς. Herod. 2, 70. Крокодилъ, услыхавъ голосъ (поросенка), плыветъ на голосъ; встрѣтившись же съ хребтовиною (свинины), проглатываетъ ее. Тѣ тащатъ. Какъ скоро онъ вытащенъ на землю, то прежде всего охотникъ засоритъ (засорилъ) ему глаза глиной [3]). Μετὰ δὲ λίθῳ Αἰθιοπικῷ ὀξεῖ παρασχίσαντες παρὰ τὴν λαπάρην ἐξ ὧν εἷλον τὴν κοιλίην πᾶσαν. Herod. 2, 86. Потомъ острымъ эѳіопскимъ камнемъ разрѣзавъ подъ нахомъ, вынимаютъ (вынули, вынуть) всю внутренность. Ἐπεὰν τοὺς κλυστῆρας πλήσωνται τοῦ ἀπὸ κέδρου ἀλείφατος γινομένου, ἐν ὧν ἔπλησαν τοῦ νε-

---

[1]) То же самое и въ русскомъ просторѣчіи: тебя чуть тронь, ты и *заревѣлъ* (то-есть, начинаешь реветь). — Подойдешь къ глубокой рѣкѣ, — моста нѣтъ, и *стало* дѣло. Онъ вскочилъ на коня, да и *былъ* таковъ!

[2]) Въ русскомъ просторѣчіи: ты топнешь, а я вотъ тебѣ такъ и испугалась (то-есть, не испугаюсь)! Кончилъ (какъ скоро кончишь) дѣло, гуляй смѣло. Не рѣдко въ подобныхъ случаяхъ ставится будущее и непремѣнно видовое: шила въ мѣшкѣ не утаишь. Поспѣшишь, людей насмѣшишь. Муравей не по себѣ ношу тащитъ, никто спасибо не скажетъ. Выйдетъ красно солнце, уйдетъ свѣтелъ мѣсяцъ.

[3]) Этотъ случай употребленія аориста кажется совершенно аналогичнымъ съ предыдущими и съ приведенными въ примѣчаніяхъ 2-мъ и 3-мъ русскими примѣрами. Еще примѣръ: Отъ чего казакъ гладокъ? *Пошелъ* и на бокъ!

Библиотека "Руниверс"

κροῦ τὴν κοιλίην. Herod. 2, 87. Влитъ въ клистиръ кедроваго масла, наполняютъ (наполнили, наполнятъ) имъ животъ у трупа.

Ст. 5-я. Аористъ часто выражаетъ пунктъ, въ которомъ сосредоточивается значеніе всего дѣйствія, ἀκμή, вершину дѣйствія,—еще не состояніе, но какъ бы моментъ достиженія той высоты, откуда начинается состояніе [1]). Βουληθῆναι *по*совѣтовать, δυνηθῆναι *воз*мочь, ἐρασθῆναι *по*любить (возлюбить, влюбиться). Здѣсь формы настоящаго времени служатъ какъ бы начинательными (inchoativa) при аористѣ. Ἤδη γὰρ Πριάμου γενεὴν ἠχθήρε Κρονίων. Il. 20, 306. Ибо *не за*любилъ (не возлюбилъ, возненавидѣлъ) Кроніонъ родъ Пріама. Особенно же имъ выражается достиженіе чего-либо: ἐβασίλευσαν воцарились (Акенъ).

Аористомъ изъявительнаго наклоненія выражается наступленіе дѣйствія въ прошломъ времени (ingressiv). Напримѣръ, ἔσχον (франц. j'eus) я получилъ, то-есть, я сталъ имѣть; ἐχρησάμην я воспользовался, сталъ употреблять, ἦρξα я возгосподствовалъ, сдѣлался начальникомъ, ἐδυνάσθην я получилъ возможность что-нибудь сдѣлать, ἴσχυσα я окрѣпъ, ἐβασίλευσα я воцарился, ἐστρατήγησα я сдѣлался полководцемъ, ἐβουλευσα я вступилъ въ члены совѣта, ἐτυράννησα я сдѣлался владыкою, ἐδούλευσα я попалъ въ рабство, ἐπολέμησα я началъ воевать, ἐνόσησα и ἠσθένησα я заболѣлъ, ἐπεδήμησα я пришелъ домой, во свояси, ἐκοιμήθην я заснулъ, ἐπλούτησα я разбогатѣлъ, εὐδοκίμησα я вошелъ въ славу, ἐσχόλασα я удосужился, ἐγέλασα я засмѣялся, ἐδάκρυσα я заплакалъ, ἐσίγησα я замолчалъ, ἠράσθην я полюбилъ, влюбился, ἠγάσθην, ἠσθην, ἠχθέσθην, ἐφοβήθην и ἔδεισα я удивился, возрадовался, разсердился, испугался, ἐθάρσησα я ободрился, ὑπώπτευσα я сталъ подозрѣвать, ἐθαύμασα я удивился, ἐνόμισα и ἡγησάμην и ᾠήθην я вздумалъ, напалъ на мысль. Корень формы настоящаго этихъ глаголовъ означаетъ частію состояніе, напримѣръ, имѣть, царствовать, частію связное повтореніе (?), напримѣръ, смѣюсь, плачу, люблю (Кохъ).

Ст. 6-я. Объ употребленіи аориста съ частицею ἄν, наравнѣ съ имперфектомъ, при обозначеніи прошлыхъ обычныхъ дѣйствій, гово-

---

[1]) Пунктомъ, въ которомъ сосредоточивается значеніе всего дѣйствія, въ русскомъ языкѣ можетъ быть не средина только, или, какъ у Акена, вершина (ἀκμή), но также начало и конецъ дѣйствія; такъ какъ указаніемъ и на одинъ изъ этихъ моментовъ дѣйствія выражается все дѣйствіе. Но и этою, столь мѣтко уловленною Акеномъ, *вершиною* дѣйствія не вполнѣ выражается точка наибольшаго напряженія, разгара дѣйствія, увлеченія дѣйствіемъ. Едва ли удастся найдти равносильныя русскимъ формы: разъигралась, расплясалась.

Библиотека "Руниверс"

рено выше (§ 5, ст. 11), съ приведеніемъ примѣровъ. Акенъ находитъ то различіе между употребленіемъ въ подобныхъ случаяхъ имперфекта и аориста, что имперфектомъ выражается обычность продолжительная, непрерывная, аористъ же представляетъ *сумму отдѣльныхъ фактовъ*. Это и есть именно то, что я называю видовою *собирательною* формою, когда упоминается о прошломъ обычномъ дѣйствіи *суммарно, собирательно*.

Ст. 7-я. Прошлое дѣйствіе, происшедшее прежде другаго, прошлаго же дѣйствія, обыкновенно выражается аористомъ изъявительнаго наклоненія, который въ этомъ случаѣ соотвѣтствуетъ латинскому plusquamperfectum. Впрочемъ, предшествованіе одного прошедшаго времени другому прошедшему же выражается не самою формою аориста, а скорѣе явствуетъ изъ связи рѣчи. Именно въ предложеніяхъ относительныхъ и служащихъ для опредѣленія времени, если придаточное дѣйствіе предшествуетъ главному, или иначе какъ къ нему относится, оно ставится въ аористѣ изъявительнаго наклоненія. Такъ употребляется аористъ съ союзами времени ἐπεί, ὡς, ὅτε какъ въ латинскомъ перфектѣ съ postquam, ubi, ut, ὡς ὁ Κῦρος ᾔσθετο χραυγῆς, ἀνεπήδησεν ἐπὶ τὸν ἵππον ὥσπερ ἐνθουσιῶν. Какъ только Киръ услыхалъ (postquam audivit) крикъ, вскочилъ онъ, будто изступленный, на коня. Λαρεῖος Κῦρον μεταπέμπεται ἀπὸ τῆς ἀρχῆς, ἧς αὐτὸν σατράπην ἐποίησεν. Анаб. 1, 1, 2. Дарій вызываетъ Кира изъ области, надъ которою онъ былъ отъ него поставленъ сатрапомъ. Ἐπεὶ Κῦρος Τισσαφέρνει ἐπολέμησε, πᾶσαι αἱ πόλεις ἑκοῦσαι Κῦρον εἵλοντο ἀντὶ Τισσαφέρνους. Анаб. 1, 9, 9. Послѣ того какъ Киръ сталъ воевать (quum bellum gerere coepisset) съ Тиссаферномъ, всѣ города добровольно передались Киру вмѣсто Тиссаферна.

Надобно замѣтить, что здѣсь, какъ и вообще, Грекъ оставляетъ послѣдовательность времени безъ означенія, что въ латинскомъ языкѣ именно означается самымъ подробнымъ образомъ (Курціусъ, Кохъ). Акенъ объясняетъ употребленіе аориста на мѣстѣ плюсквамперфекта тѣмъ, что такъ какъ одновременность не возможна безъ длительности, то пунктъ ставится предъ начинающеюся линіею (fällt der Punct vor Beginn der Linie).

Ст. 8-я. Аористъ изъявительнаго наклоненія ставится вмѣсто перфекта вслѣдствіе того, что отношеніе дѣйствія къ моменту говоренія о немъ остается невыраженнымъ. На этомъ и вообще основывается опущеніе выраженія отношеній по времени. Такъ въ латинскомъ языкѣ ставится большею частію perfectum historicum тамъ,

Библиотека "Руниверс"

гдѣ мы ожидаемъ собственно перфекта. Νῦν δ' ὧδε ξὺν νηὶ κατήλυθον. Hom. Odys. 1, 182. Теперь же я прибылъ сюда съ кораблемъ. Тамъ же 172, 194, 211, 219, 2, 28, 46, 96, 4, 810, 727, 23, 27, 3, 103. Αἰσθόμενοι δὲ καταβοὴν οὐκ ὀλίγην οὖσαν ἡμῶν παρήλθομεν. Thuc. 1, 73, 1. Узнавши о немалой на насъ клеветѣ, мы *явились*. Κερκυραῖοι ἀπέστειλαν ἡμᾶς. Thuc. 1, 32. Керкорейцы прислали насъ. Ἐκκλησίαν ξυνήγαγον. Thuc. 1, 120, 1. Они созвали собраніе. Ξυνεκάλεσα. Thuc. 2, 89, 1. Я созвалъ. Ἔγραψα δὲ αὐτὰ διὰ τόδε. Thuc. 1, 97, 2. А написалъ я это потому. Νῦν ἐπεδείξατε. Thuc. 4, 17, 1. Теперь вы это доказали. Ἔπεμψαν ἡμᾶς οἱ Λακεδαιμόνιοι. Thuc. 4, 17, 1. Насъ послали Лакедемонцы. Οὐκ ἀπὸ τοῦ ἴσου παρεσκευάσαντο. Thuc. 2, 89, 1. Они изготовились не въ равномъ числѣ. Ἐκαλλωπισάμην' ἵνα καλὸς παρὰ καλὸν ἴω. Plat. Symp. 182. C. Я украсился, чтобы къ красивому прійти самому красивымъ. Εὗρες καὶ ἔχεις. Ты нашелъ и имѣешь. Symp. 175. Д. Παῦσαι τῆς λυγγός. Перестань рыдать и Ἐπαύσατο пересталъ. Symp. 188. E. Ἐπειδὴ θνητοῦ σώματος ἔτυχες. Isocr. 2, 37. Такъ какъ ты получилъ смертное тѣло.

Нерѣдко аористъ употребляется смѣшанно съ перфектомъ. Τί οὖν ταῦτ' ἐπήραμαι καὶ τί ἐτεινάμην οὕτωσὶ σφοδρῶς. Dem. 18, 142. Но для чего я такъ поклялся и такъ объ этомъ распространился. Κεῖται δὲ νεκρὸς περὶ νεκρῷ, τὰ νυμφικὰ τέλη λαχὼν δείλαιος ἐν γ' Ἅιδου δόμοις. Soph. Antig. 1229 (1208). Лежитъ мертвецъ рядомъ съ мертвецомъ, получивши, несчастный, брачное благословеніе въ жилищахъ аида.

Ὑμεῖς μὲν Κῦρον ηὐξήσατε, στράτευμα δόντες, καὶ ἄρχοντα τούτου αὐτὸν καταστήσαντες. Κῦρος δὲ ἡγούμενος τούτου εὐκλεεῖς μὲν ὑμᾶς ἐν πᾶσιν ἀνθρώποις ἐποίησεν· τῶν δὲ συστρατευσαμένων τοὺς μὲν ἀρίστους καὶ πεπλούτικε, τοῖς δὲ πολλοῖς μισθὸν καὶ τροφὴν παρεσκεύακεν· ἱππικὸν δὲ καταστήσας Περσῶν πεποίηκε Πέρσαις καὶ πεδίων εἶναι μετουσίαν. Kyp. 8, 5, 23. Вы *сдѣлали* Кира великимъ, давши ему войско и поставивши его надъ нимъ начальникомъ. Киръ же, предводительствуя имъ, *сдѣлалъ* васъ славными между всѣми людьми. Изъ тѣхъ, которые пошли съ нимъ въ походъ, самыхъ лучшихъ онъ *обогатилъ*, многимъ другимъ доставилъ жалованье и содержаніе. Учредивши же персидскую конницу, онъ *сдѣлалъ* Персовъ соучастниками во владычествѣ надъ равнинами.

Такимъ образомъ аористъ приравнивается не только нѣмецкому перфекту, но и греческому, то-есть, употребляется не только тамъ, гдѣ выражается отношеніе времени дѣйствія ко времени говоренія о немъ, но и тамъ, гдѣ дѣйствіе результатомъ своимъ входитъ въ

Библиотека "Руниверс"

настоящность, и это основывается вовсе не на значеніи законченности, но на оставленіи безъ вниманія относительнаго опредѣленія времени, на несоблюденіи послѣдовательности (consecutio) временъ (Акенъ) [1]).

Ст. 9-я. Аористы *первый*, иначе аористъ слабаго спряженія, и *второй*, или аористъ сильнаго спряженія, относительно времени ни чѣмъ между собою не разнятся (Крюгеръ). Въ нѣкоторыхъ глаголахъ, имѣющихъ обѣ формы аористовъ и колеблющихся между переходнымъ и непереходнымъ значеніемъ, аористу второму принадлежитъ значеніе непереходное, аористу первому переходное. Ἔστην я сталъ, ἔστησα я поставилъ; ἔβην я пошелъ, ἔβησα (у поэтовъ) я заставилъ идти; ἔφυν я родился, ἔφυσα я родилъ; ἔδυν я погрузился, ἔδυσα я погрузилъ; ἔσβην я погасъ, ἔσβεσα я погасилъ; ἔπιον я пилъ (напился), ἔπισα я поилъ (напоилъ).

Ст. 10-я. Аористъ въ повелительномъ, желательномъ, сослагательномъ и неопредѣленномъ наклоненіяхъ выражаетъ наступленіе дѣйствія вообще, будетъ ли то въ настоящемъ, прошедшемъ или будущемъ времени. Οἱ τριάκοντα προσέταξαν ἀπαγαγεῖν Λέοντα, ἵν' ἀποθάνῃ. Тридцать тирановъ приказали отвесть Леона на убіеніе. Ἀπορῶ, τί πρῶτον μνησθῶ. Недоумѣваю, о чемъ прежде упомянуть. Μὴ θαυμάσητε, ἐὰν παράδοξον εἴπω τι. Не удивитесь, если скажу нѣчто странное. Μέγα οἶμαι ἔργον τὸ ἀρχὴν καταπρᾶξαι, πολὺ δ' ἔτι μεῖζον τὸ λαβόντα διασώσασθαι. Считаю великимъ дѣломъ достигнуть власти, но гораздо еще бо́льшимъ, достигши удержать ее.

Аористъ въ повелительномъ, желательномъ, сослагательномъ и неопредѣленномъ наклоненіяхъ отличается отъ соотвѣтствующихъ формъ настоящаго времени тѣмъ же самымъ, чѣмъ аористъ изъявительнаго наклоненія отъ имперфекта. Формы аориста указываютъ болѣе на единичность факта, на дѣйствіе, схваченное въ одной точкѣ его со-

---

[1]) Маттье (Grammatischer Anfang zu Xenoph. Anabasis § 5), объ употребленіи аориста вообще выражается такъ: «латинскій и нѣмецкій языки, употребляющіе вмѣсто аориста въ большей части случаевъ форму настоящаго времени, представляются въ этомъ отношеніи монотонными, неповоротливыми и вялыми, въ сравненіи съ греческимъ языкомъ, который попеременнымъ употребленіемъ аориста означая окончательное наступленіе дѣйствія, придаетъ волѣ, намѣренію, рѣшенію опредѣленность и твердость, желанію и повелѣнію настойчивость, мнѣнію и утвержденію увѣренность, заботѣ извѣстность, надеждѣ основательность, возможное представляетъ достижимымъ, невозможное немыслимымъ, необходимое неизбѣжнымъ и вообще дѣлаетъ способъ выраженія въ высшей степени опредѣленнымъ и точнымъ».

Библиотека "Руниверс"

вершенія; формы настоящаго времени выражаютъ состояніе, часто длительность. Χαλεπὸν τὸ ποιεῖν, τὸ δὲ κελεῦσαι ῥᾴδιον. Трудно дѣлать, а приказать легко. Εἴ τῃ ἔχεις ἀντιλέγειν, ἀντίλεγε· εἰ δὲ μή, παῦσαι πολλάκις λέγων τὸν αὐτὸν λόγον. Если имѣешь, что возразить, возражай; если нѣтъ, *перестань* твердить ту же рѣчь.

Ст. 11-я. Причастіе аориста выражаетъ обыкновенно дѣйствіе, предшествовавшее дѣйствію, выражаемому главнымъ глаголомъ. Κροῖσος Ἅλυν διαβὰς μεγάλην ἀρχὴν καταλύσει. Крезъ, перешедши Галисъ, разрушитъ великое государство. Такъ какъ аористъ вообще выражаетъ наступленіе дѣйствія (выражаетъ дѣйствіе указаніемъ на одинъ моментъ въ его развитіи), то и причастіе аориста выражаетъ только, что наступленіе этого дѣйствія предшествовало другому дѣйствію; между тѣмъ какъ оно могло продолжаться и рядомъ съ нимъ. Γελάσας εἶπε. Засмѣявшись сказалъ онъ. Χάρισαί μοι ἀποκριναμένος. Сдѣлай милость, отвѣть мнѣ.

§ 7. Perfectum.

Ст. 1-я. Perfectum означаетъ настоящее состояніе совершившагося дѣйствія; это есть настоящее совершеннаго дѣйствія. Τέθνηκα я мертвъ, κέκτημαι у меня пріобрѣтено, τέθαπται онъ погребенъ, ἕστηκα я сталъ, σεσίγηκα я смолкъ (σιγῆσαι замолчать). Ὦ μακάριε σὺ τά τε ἄλλα καὶ αὐτὸ τοῦτο, ὅτι ἐκ πένητος πλούσιος γεγένησαι· πολὺ γὰρ οἴομαί σε καὶ διὰ τοῦτο ἥδιον πλουτεῖν, ὅτι πεινήσας χρημάτων πεπλούτηκας. Cyrop. VIII, 2, 23. Счастливъ ты сверхъ прочаго и потому, что изъ бѣдняка сталъ богачемъ; думаю, что тебѣ гораздо пріятнѣе быть богатымъ, потому что ты, наголодавшись, разбогатѣлъ.

Ст. 2-я. Perfectum глаголовъ душевнаго движенія означаютъ не то, что движеніе кончилось, но что начало движенія закончилось и что субъектъ пребываетъ въ этомъ движеніи (волненіи) душевномъ. Ἐντεθύμημαι. Анаб. III, 1, 43. Я додумался, задумалъ (ich bin von dem Gedanken durchdrungen). Ἐπιτεθύμηκα. Plat. Phaed. 227. Д. Я возжелалъ, мнѣ захотѣлось. Ἐσπούδακα. Luc. Char. 20. Я разохотился (ich bin voll Eifers). Ἔστιν οὕστινας ἀνθρώπους τεθαύμακας ἐπὶ σοφίᾳ; Mem. 1, 4, 2. Не въ изумленіи ли ты отъ нѣкоторыхъ людей, въ слѣдствіе ихъ мудрости? Ἐφοβήθην καὶ ἔτι καὶ νῦν τεθορύβημαι. Aesch. 2, 4. Я испугался и теперь еще въ смущеніи (не очнулся). (Кохъ.)

Ст. 3-я. Состояніе, вытекающее изъ заключенія окончившагося дѣйствія, можетъ быть *положительное* и *отрицательное*. Послѣднее рѣже. Ἅλις πεπαίσθω. Полно шутить (собственно: пусть довольно бу-

Библиотека "Руниверс"

детъ пошучено. Перестань шутить)! Въ латинскомъ языкѣ это употребительнѣе. Fuimus Troes. Были мы Троянцами. Habui filiam! Была у меня дочь (то-есть, теперь нѣтъ у меня дочери). [1]).

Такъ какъ первоначальное дѣйствіе въ perfectum представляется уже оконченнымъ, то въ тѣхъ глаголахъ, въ которыхъ состояніе выражается уже формою настоящаго, состояніе это формою perfectum отрицается. Βεβίωκασι *пожили*, *отжили*. Но форма настоящаго допускаетъ также и значеніе начинательности; поэтому βεβίωκα можетъ значить и *пожилъ* (dieses Resultat des Lebens habe ich gewonnen). Такимъ образомъ ἔσχηκα имѣетъ отрицательное значеніе къ настоящему въ смыслѣ: *имѣть*, и положительное къ настоящему въ смыслѣ: *получать* [2]).

Ст. 4-я. Состояніе законченности, смотря по значенію слова, можетъ быть очень разнообразно: часто оно есть прекращеніе дѣйствія (κεκορῆσθαι, κεκλῆσθαι); часто дѣйствіе представляется какъ бы слившимся съ дѣятелемъ (als haftend an der Person): ἐκτονέναι быть чьимъ-нибудь убійцею; часто оно есть выполненіе новаго дѣйствія: δέδορκα, πέπυσθα, οἶδα (Акенъ).

Ст. 5-я. Очень часто Грекъ ставитъ аористъ, гдѣ мы ожидаемъ встрѣтить perfectum. Въ этихъ случаяхъ онъ, значитъ, не обращаетъ вниманія на то, что дѣйствіе въ настоящее время предлежитъ въ законченномъ видѣ, а лишь на то, что оно поступило въ область прошлаго. Παρεκάλεσα ὑμᾶς. Анаб. 1, 6, 6. Я позвалъ васъ. Ἔπεμψεν ἡμᾶς. Анаб. 5, 5, 8. Прислалъ насъ. Но наоборотъ: perfectum никогда не ставится вмѣсто аориста (Кохъ [3]). Впрочемъ Акенъ, ссылаясь на Беригарди, замѣчаетъ, что теперь мѣста, гдѣ perfectum употребленъ былъ вмѣсто аориста, всѣ измѣнены.

Ст. 6-я. Perfectum, съ прибавкою εὐθύς, παραχρῆμα, ταχύ выражаетъ и будущее законченное, неотложное и непремѣнное дѣйствіе.

[1]) Въ томъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать и русскую пословицу: «Былъ молодцу не укоръ», —то-есть, проступки, которые болѣе не повторяются, не безчестятъ хорошаго человѣка. То же значеніе вѣроятно имѣетъ и прибавка былъ—а, о—и въ сказочномъ выраженіи: жилъ-былъ; а также въ выраженіи: и былъ таковъ.

[2]) Двоякій смыслъ встрѣчается и въ русскихъ глаголахъ, сложенныхъ съ перфективными (такъ сказать) предлогами. Напримѣръ, отжилъ онъ — можетъ значить: онъ не въ живыхъ уже, или: онъ не живетъ уже (у кого-либо), а также и въ смыслѣ: *отработалъ*, напримѣръ, я отжилъ ему свой долгъ. — Отгулялся, то-есть, болѣе не будетъ гулять; а также: поправился черезъ гулянье.

Библиотека "Руниверс"

Οὐ βουλεύεσθαι ὥρα, ἀλλὰ βεβουλεῦσθαι. Plat. Crit. 46. Не совѣтоваться пора, а уже принять рѣшеніе. Ἀριθμὸς ἐὰν ἀφέλῃς τι ἢ προσθῇς, ἕτερος εὐθὺς γέγονεν. Πλ. Κρατ. 432. Число, какъ скоро отъ него отнимешь что-либо, или приложишь, сейчасъ другое сдѣлалось (Кохъ). Аксенъ называетъ такой perfectum предвзимающимъ (vorausgreifend). Ὄλωλα. Я пропалъ. Cyr. 4, 2, 26. Весьма хорошій примѣръ такого perfectum встрѣчается въ Анабазисѣ 1, 8, 12. Κἂν τοῦτ', ἔφη, νικῶμεν, πάνθ' ἡμῖν πεποίηται. И если мы побѣдимъ его (центръ арміи), то у насъ все покончено (будетъ).

Ст. 7-я. Perfectum въ изъявительномъ наклоненіи можетъ выражать вмѣстѣ съ окончаніемъ дѣйствія и его слѣдствіе. Ἐπιμελῶς οἱ θεοί ὧν οἱ ἄνθρωποι δέονται κατεσκευάκασιν. Xenoph. Apol. 4, 3, 3. Богами заботливо припасено все, что̀ нужно людямъ. Но собственно, чтобы означить слѣдствіе прежняго дѣйствія, какъ еще продолжающееся, употребляется perfectum (а также и аористъ) въ причастіи съ εἰμί. Οὗτος ἂν καὶ οὐδεὶς ἕτερος ἀποκτείνας αὐτὸν εἴη. Ant. Этотъ, а не другой кто, его убійца.

Ст. 8-я. Такимъ образомъ perfectum отъ нѣкоторыхъ глаголовъ сдѣлались синонимами настоящаго времени тѣхъ же или другихъ, соотвѣтствующихъ глаголовъ, выражая однако вмѣстѣ съ тѣмъ и законченность дѣйствія; другіе же выражаютъ рѣшительнѣе результатъ.

Καλεῖν называть, κεκλῆσθαι зваться, быть названнымъ, отъ γιγνώσκειν узнавать, ἐγνωκέναι знать, novisse, отъ μιμνήσκειν вспоминать, μεμνῆσθαι помнить; отъ κτᾶσθαι пріобрѣтать, κεκτῆσθαι владѣть. Ἄνθρωπος ὢν μέμνησο τῆς κοινῆς τύχης. Будучи человѣкомъ, помни общую долю (Крюгеръ). Сюда же принадлежатъ: πείθομαι слѣдую, πέποιθα я расположился (на кого); ὄλλυμαι погибаю, ὄλωλα я погибъ; ἵσταμαι становлюсь, ἕστηκα я сталъ (= стою), βαίνω иду, βέβηκα я пошелъ (Курціусъ) [1]).

Ст. 9-я. Perfectum повелительнаго, желательнаго, сослагательнаго и неопредѣленнаго наклоненій выражаетъ законченность дѣйствія, безъ означенія времени. Τεθνάναι быть мертвымъ, μέμνησο помни.

Ст. 10-я. Причастіе perfectum выражаетъ не предшествовавшую прошлость (Vorvergangenheit), но, подобно plusquamperfectum, одновременность законченнаго придаточнаго дѣйствія съ главнымъ.

[1]) Совершенно то же встрѣчается въ русскомъ языкѣ: куда ты пошелъ? вмѣсто: куда ты идешь? Если ты мнѣ не поможешь, то я пропалъ.

Библиотека "Руниверс"

Ἐποοῦντο διαβάσεις ἐκ τῶν φοινίκων, οἳ ἦσαν ἐκκεκτωκότες. Анаб. 2, 3, 10. Дѣлали переправы изъ лежавшихъ тамъ финиковыхъ деревьевъ. Ἠρώτησεν εἰ ἤδη ἀποκεκριμένοι εἶεν. Анаб. 2, 1, 15. Онъ спросилъ, данъ ли уже имъ отвѣтъ.

Ст. 11-я. Ἔχειν съ причастіемъ perfectum означаетъ существующее и основанное на дѣйствіи обладаніе. Πολλὰ χρήματα ἔχομεν ἡρπακότες. Анаб. 1, 3, 14. Много имущества у насъ награблено. Χωρία ἔχουν ἰσχυρὰ οἱ Ταόχοι, ἐν οἷς καὶ τὰ ἐπιτήδεια πάντα εἶχον ἀνακεκομισμένοι. Анаб. 4, 1, 1. Таохцы живутъ въ укрѣпленныхъ мѣстахъ, гдѣ у нихъ собраны и всѣ съѣстные припасы.

Но какъ оконченность дѣйствія уже достаточно выражается глаголомъ ἔχειν, то Грекъ употребляетъ часто вмѣсто причастія perfecti причастіе аориста. Τοὺς ἄλλους πάντας εἶχε καταστρεψάμενος Κροῖσος. Herod. 1, 28. Всѣ другіе были покорены Крезомъ.

У трагиковъ встрѣчается ἔχειν съ переходнымъ значеніемъ (пребывать въ извѣстномъ состояніи) въ связи съ причастіемъ перфекта или аориста. Θαυμάσας ἔχω τόδε. Soph. Phil. 1362. Удивляюсь этому (=τεθαύμακα τόδε) (Кохъ).

§ 8. Plusquamperfectum.

Ст. 1-я. Plusquamperfectum есть прошедшее конченнаго (готоваго) дѣйствія. Грекъ выражаетъ имъ дѣйствіе оконченное (бывшее готовымъ), по отношенію къ прошедшему времени: ἐτεθνήκειν я былъ уже умершимъ, ἐκεκτήμην я состоялъ владѣльцемъ, ἐτέθαπτο онъ былъ уже погребеннымъ, ἐπεφοβήμην я былъ испуганъ. Ἐντοῖς Δράκοντος νόμοις μία ἅπασιν ὥριστο τοῖς ἁμαρτάνουσι ζημία θάνατος. Въ драконовыхъ законахъ *было* для всѣхъ преступниковъ одно *положено* наказаніе—смертная казнь. Это говоритъ одинъ Аѳинянинъ, послѣ того какъ законы эти были отмѣнены; а пока они были въ дѣйствіи — ὥρισται (Курціусъ, Кохъ).

Ст. 2-я. Иногда писатель въ оживленномъ разказѣ упоминаетъ о дѣйствіи, какъ законченномъ, о совершеніи котораго онъ вовсе еще не упоминалъ. Εὐθὺς τά τε χρήματα ἐκ τῶν ἀγρῶν συνῆγον καὶ αἱ πύλαι ἐκέκλειντο καὶ ἐπὶ τῶν τειχῶν ὅπλα ἐφαίνετο. Анаб. VI. 2, 8. Тотчасъ они убрали имущество изъ деревень (въ городъ), и ворота *предъ тѣмъ уже* были заперты и на стѣнахъ видно было оружіе.

Ст. 3-я. Греческій plusquamperfectum въ придаточныхъ предложеніяхъ не выражаетъ предшествовавшей прошлости, какъ въ латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (для чего Грекъ употребляетъ

Библиотека "Руниверс"

аористъ изъявительнаго наклоненія), а одновременность оконченнаго придаточнаго дѣйствія съ главнымъ (Кохъ).

Ст. 4-я. Plusquamperfectum изчисленныхъ выше § 7, ст. 8 глаголовъ, у которыхъ perfectum сдѣлались синонимами формъ настоящаго времени, равнозначительны imperfectum'у. Ὧν παρῆνεσε πρότερον ἐμέμνητο οὐδέν. Θ. 2, 21, 3. Онъ ничего не помнилъ изъ того, что̀ прежде посовѣтовалъ.

Ст. 5-я. Желательное, неопредѣленное наклоненія и причастіе perfectum'а принадлежатъ также и plusquamperfectum'у (Крюгеръ).

§ 9. Будущее время.

Ст. 1-я. Будущее время, по происхожденію ближайшее къ аористу, означаетъ собственно предстоящее наступленіе дѣйствія, но расширяется до неопредѣленнаго аористическаго выраженія, особенно когда дѣйствіе не утверждается положительно. Такъ отъ ἔχω имѣю ἕξω я достигну, а также: я буду владѣть; отъ ἄρχω—ἄρξω я достигну владычества, а также: я буду владѣть. Даже ἔσομαι можетъ имѣть и то и другое значеніе: я буду и—я сдѣлаюсь (стану). Οἱ Ἀθηναῖοι ἡγοῦντο, εἰ Συρακούσας σχοῖεν, ῥᾳδίως καὶ τὰ ἄλλα ἕξειν. Θ. 6, 33, 2. Аѳиняне думами, что если они овладѣютъ Сиракузами, то легко и прочее получатъ. Νῦν πολὺ μᾶλλον πραγματεύονται, ὅπως ἄρξουσιν ἢ ὅπως ἄξιοι τούτου ἔσονται Xen. Lac. П. 14, 5. Теперь же гораздо болѣе хлопочутъ о томъ, чтобы получить власть, нежели о томъ, чтобы сдѣлаться ея достойными.

Ст. 2-я. Второе лицо будущаго времени ставится также въ качествѣ смягченнаго повелительнаго, а въ вопросахъ, въ соединеніи съ οὐ, означаетъ живое настояніе [1]). Λέγ' εἴ τι βούλει, χειρὶ δ' οὐ ψαύσεις ποτέ. Εὐ. Μηδ. 1320. Говори, если хочешь, а рукою не тронь (Крюгеръ).

Ст. 3-я. Замѣчательно употребленіе будущаго изъявительнаго въ придаточныхъ предложеніяхъ вопросительныхъ и относительныхъ. Будущее изъявительное въ этомъ случаѣ собственно означаетъ, что дѣйствіе, по отношенію къ другому дѣйствію, есть будущее, то-есть имѣетъ мѣсто послѣ него, все равно, относится ли это послѣд-

---

[1]) По-русски наоборотъ. Будущее 2-го лица, употребляемое вмѣсто повелительнаго, скорѣе усиливаетъ, чѣмъ смягчаетъ приказаніе; напримѣръ: завтра ты разбудишь меня въ пять часовъ. Здѣсь дается приказаніе съ полною увѣренностію въ его исполненіи. Въ отрицательныхъ предложеніяхъ будущее вовсе не можетъ замѣнить повелительнаго наклоненія.

Библиотека "Руниверс"

нее дѣйствіе къ настоящему или къ прошедшему, такъ что формою будущаго въ подобныхъ случаяхъ просто выражается дѣйствіе предположенное или желаемое. Τὴν ἑορτὴν βούλομαι θεάσασθαι, τίνα τρόπον ποιήσουσιν. Желаю посмотрѣть на праздникъ, какимъ образомъ они его будутъ дѣлать. Но также: Κατέβην χθὲς τὴν ἑορτὴν βουλόμενος θεάσασθαι, τίνα τρόπον ποιήσουσιν. Οἱ Ἀθηναῖοι ἄνδρας ἔπεμψαν, οἳ αἱρήσουσι τὸν Θεμιστοκλέα. Аѳиняне послали людей схватить Ѳемистокла.

Ст. 4-я. Такимъ же образомъ употребляется и причастіе. Ἡ χώρα πολλὴ καὶ ἀγαθὴ ἦν καὶ ἐνῆσαν οἱ ἐργασόμενοι. Земля была велика и хороша; были и люди для ея обработки. Τίς ἔσται ὁ ἡγησόμενος: кто будетъ проводникомъ?

Ст. 5-я. Къ будущему изъявительнаго накл. прибавляется ἄν, для означенія, что дѣйствіе только можетъ наступить. Εὖ οἶδ' ὅτι ἄσμενος ἂν πρὸς ἄνδρα οἷος σὺ εἶ ἀπαλλαγήσεται. Знаю навѣрное, что онъ охотно примирится съ такимъ, какъ ты, человѣкомъ.

Такое употребленіе въ аттической прозѣ весьма рѣдко; вмѣсто же того употребляется тамъ настоящее, или аористъ желат. наклоненія съ ἄν.

Ст. 6-я. Чтобы означить непосредственно предстоящее, или преднамѣренное дѣйствіе, Грекъ употребляетъ глаголъ μέλλω съ настоящимъ, будущимъ, или, хотя гораздо рѣже, съ аористомъ неопредѣленнаго наклоненія. Μέλλω ὑμᾶς ἄγειν εἰς Ἀσίαν. Думаю вести васъ въ Азію. Это будущее называется *перифрастическимъ*, то-есть, описательнымъ. Ἀγορὰν οὐδεὶς παρέξειν μέλλει. Никто не будетъ (не кому) доставлять съѣстные припасы.

Ст. 7-я. Какъ въ латинскомъ языкѣ употребляется будущее причастіе (на urus) съ esse, такъ и въ греческомъ μέλλω употребляется въ другихъ временахъ съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ. Πλησίον ἤδη ἦν, ὁ σταθμὸς ἔνθα ἔμελλον καταλύσειν. Уже близка была стоянка, гдѣ думали отдохнуть (Курціусъ).

Ст. 8-я. Третье будущее, какъ показываетъ самая его форма, переноситъ перфектъ (окончаніе дѣйствія) въ будущее время, слѣдовательно, оно отвѣчаетъ латинскому futurum exactum, но только въ самостоятельныхъ предложеніяхъ; потому что въ чисто гипотетическихъ предложеніяхъ и въ смѣшанныхъ ставится вмѣсто него аористъ желательнаго и сослагательнаго наклоненія. Ἐάν με ἐξελέγξῃς, οὐκ ἀχθεσθήσομαί σοι, ἀλλὰ μέγιστος εὐεργέτης ἀναγεγράψει. Пл. Го. 506.

Библиотека "Руниверс"

Если обличишь меня, не обижусь на тебя, но сочту тебя (сочтенъ будешь) за величайшаго благодѣтеля.

Ст. 9-я. Подобно тому, какъ для означенія пребывающаго результата прежняго (оконченнаго) дѣйствія употребляется перфектъ въ причастіи съ εἰμί, становится перфектъ въ причастіи и съ ἔσομαι. Этотъ описательный оборотъ необходимъ при глаголахъ дѣйствительныхъ, гдѣ, впрочемъ, болѣе у поэтовъ, встрѣчается съ ἔσομαι и аористъ въ причастіи. Τῇ αὐτῇ ψήφῳ τούς τε ἄλλους βελτίους ποιήσετε καὶ παρὰ τούτων δίκην εἰληφότες ἔσεσθε. Ду. 30. 23. Тѣмъ же самымъ голосованіемъ вы поставите другихъ лучшихъ и на этихъ положите наказаніе.

Однако же дѣйствіе, долженствующее пребывать выражается и третьимъ будущимъ. Сюда относятся также κεκλήσομαι—мнѣ будетъ названіе, μεμνήσομαι—буду помнить. Μεμνήσομεθα, ὅτι ἡμεῖς αἴτιοί ἐσμεν. Суг. 3. 1. 27. Вспомнимъ, что мы виноваты.

Ст. 10-я. Третье будущее можетъ быть также поставлено для выраженія неизбѣжнаго и неотложнаго наступленія предстоящаго дѣйствія, мыслимаго въ его законченности. Εὐθὺς Ἀριαῖος ἀφεστήξει, ὥστε φίλος ἡμῖν οὐδεὶς λελείψεται, ἀλλὰ καὶ οἱ πρόσθεν (φίλοι) ὄντες πολέμιοι ἡμῖν ἔσονται. Анаб. 2, 4, 5.Аріэй оставитъ насъ, такъ что у насъ не останется ни одного друга, и тѣ, которые прежде были нашими друзьями, будутъ нашими врагами.

Ст. 11-я. Будущее желательнаго наклоненія встрѣчается обыкновенно только въ косвенной рѣчи послѣ историческаго времени, хотя и въ этомъ случаѣ изъявительное очень употребительно. Ἔζη ὑπὸ πολλῆς ἐπιμελείας, ὅπως ὡς ἐλάχιστα μὲν ὄψοιτο, ἐλάχιστα δ' ἀκούσοιτο, ἐλάχιστα δ' ἔροιτο. Хер. Оік. 7, 5. Сидѣлъ въ большомъ раздумьѣ, какъ бы поменьше видѣть, поменьше слышать, поменьше спрашивать.

Ст. 12-я. Будущее въ неопредѣленномъ наклоненіи встрѣчается иногда вмѣсто настоящаго въ томъ же наклоненіи послѣ глаголовъ, выражающихъ предположеніе, желаніе. Τὸν πόλεμον διενοοῦντο προθύμως οἴσειν. Θ. 4, 121, 1.Они надѣялись бодро вести войну. Τὸν λυπήσαντα σφᾶς ἐβούλοντο τιμωρήσεσθαι. Θ. 6, 6, 1. Они хотѣли наказать оскорбляющаго ихъ.

С. Шафрановъ.

Библиотека "Руниверс"

БОРЬБА ДЕМОСѲЕНА СЪ ЭСХИНОМЪ ПО ПОВОДУ ПОСОЛЬСТВА КЪ МАКЕДОНСКОМУ ЦАРЮ ФИЛИППУ II ВЪ 346 ГОДУ ДО Р. Х.

Исторія процесса, возбужденнаго Демосѳеномъ противъ Эсхина по поводу посольства къ Филиппу въ 346 году до Р. Х. [1]), важна не только потому, что она представляетъ намъ споръ между двумя величайшими ораторами своего времени, но еще въ особенности и потому, что въ лицѣ Демосѳена и Эсхина стали лицемъ къ лицу два политическія направленія, двѣ партіи, на которыя въ то время была раздѣлена, можно сказать, вся Греція, а именно: *олигархическая партія*, представителемъ которой въ то время въ Аѳинахъ можно считать Эсхина, и *демократическая*, главнымъ представителемъ которой былъ Демосѳенъ [2]). И та и другая партіи не имѣли недостатка въ даровитыхъ и энергическихъ приверженцахъ. Такъ къ демократической партіи принадлежалъ, какъ мы уже сказали, Демосѳенъ, величайшій изъ ора-

---

[1]) Въ 346 году Аѳиняне отправляли къ Филиппу II Македонскому два посольства, въ которыхъ участвовали въ качествѣ пословъ Демосѳенъ и Эсхинъ, —первое для предварительныхъ переговоровъ о мирѣ, а второе для утвержденія составленныхъ уже условій мира. Демосѳенъ обвинялъ Эсхина собственно по поводу втораго посольства. Въ третьемъ посольствѣ, бывшемъ въ томъ же году, Демосѳенъ отказался участвовать.

[2]) Что дѣйствительно Эсхинъ принадлежалъ къ партіи олигарховъ и агитировалъ въ ея пользу, на это часто указываетъ Демосѳенъ, обвиняя Эсхина въ томъ, что онъ хочетъ разрушить демократическое (τῶν πολλῶν) правленіе въ Аѳинахъ, и дѣйствуетъ въ пользу немногихъ (ὀλίγων). Demosth. orat. de falsa legation § 225, pag. 436; 341, p. 450. Сравн. 300, p 437; 314, p. 442. (Въ цитатахъ изъ рѣчей Демосѳена и Эсхина указываются параграфы и страницы, означенныя въ изданіи Дидота.) Эсхинъ же, оправдываясь, говоритъ, что онъ не имѣетъ въ виду разрушать власть народа, но понимая его интересы гораздо лучше Демосѳена и тѣхъ, которые считаютъ себя приверженцами и защитниками демократіи, дѣйствуетъ въ пользу послѣдней. Aesch. or. de fals. leg. § 177. p. 51—52.

Библиотека "Руниверс"

торовъ древности, который, не смотря на всю испорченность аѳинскаго народа и его отвращеніе отъ занятій дѣлами государства и преимущественно отъ военной службы, силою своихъ рѣчей умѣлъ возбуждать въ немъ рѣшимость браться за оружіе и отстаивать свою свободу противъ македонскаго царя Филиппа II; Гиперидъ, обвинитель Филократа за его дѣйствія въ пользу Филиппа [1]); ораторъ Гегезиппъ, и другіе. Къ партіи же олигарховъ принадлежалъ великій противникъ Демосѳена Эсхинъ, въ богатствѣ ораторскихъ дарованій которому не можетъ отказать самъ Демосѳенъ [2]); Евбулъ, бывшій архонтомъ въ Аѳинахъ и завѣдывавшій государственными финансами, мужъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ между своими согражданами и оказывавшій покровительство Эсхину [3]); Фокіонъ, извѣстный, какъ хорошій полководецъ, и какъ человѣкъ, отличавшійся рѣдкою честностію; Навзиклъ, пріятель и сверстникъ Эсхина [4]); и наконецъ Филократъ главный дѣятель при заключеніи мира съ Филиппомъ Македонскимъ въ 346 г. до Р. Хр. Политическимъ идеаломъ демократической партіи была прошедшая, полная славы, исторія Аѳинъ, съ верховною властію народа, и этотъ идеалъ демократическая партія старалась осуществить, забывая то измѣненіе нравовъ къ худшему, которое произошло между Греками вообще и Аѳинянами въ особенности. Видя стремленіе Филиппа къ господству надъ Греціею, демократы считали его врагомъ греческой свободы и старались направить противъ него всѣ силы Грековъ. Олигархи, напротивъ, сознавали ничтожность аѳинскаго демоса и его неспособность къ самоуправленію [5]). Вслѣдствіе этого воззрѣнія на демократію, они не видѣли ничего преступнаго въ стремленіяхъ Филиппа пріобрѣсть игемонію надъ Греціею и ничего

---

[1]) Hyperidis fragm. въ изд. Didot'a: Orat. attici. m. II, стр. 379, § 29—32.

[2]) Demosth. de fals. leg. 120, p. 378; 216, p. 408; 337, p. 449.

[3]) Arg. ad or. Aesch. de fals. leg. p. 28: Εὐβούλου αὐτῷ (Αἰσχίνῃ) τοῦ δημαγωγοῦ συναγωνισαμένου.

[4]) Aesch. or. de fals. leg. 184, p. 52: Παρακαλῶ δὲ Εὔβουλον ἐκ τῶν πολιτικῶν καὶ σωφρόνων ἀνδρῶν συνήγορον, Φωκίωνα δ' ἐκ τῶν στρατηγῶν, ἅμα δὲ καὶ δικαιοσύνῃ διενηνοχότα παντων, ἐκ δὲ τῶν φίλων καὶ τῶν ἡλικιωτῶν, τῶν ἐμαυτοῦ Ναυσικλέα καὶ τοὺς ἄλλους, οἵστισι ἐγὼ κέχρημαι.

[5]) Въ этомъ отношеніи замѣчательно одно мѣсто Демосѳена, de fals. leg. 136, p. 383, гдѣ онъ говоритъ, что люди одного образа мыслей съ Эсхиномъ считаютъ народъ неспособнымъ къ самоуправленію, потому что онъ, будучи въ высшей степени непостояннымъ (ἀσταθμητότατον πρᾶγμα τῶν πάντων καὶ ἀσυνθετώτατον), и повинуясь, подобно морской волнѣ, гонимой вѣтромъ, первому внѣшнему движенію, вовсе не заботится о дѣлахъ государственныхъ.

Библиотека "Руниверс"

бѣдственнаго для Грековъ въ достиженіи имъ этихъ стремленій. При томъ олигархическая партія сознавала невозможность для аѳинскаго народа бороться съ такимъ могущественнымъ и энергическимъ противникомъ, какъ Филиппъ, и поэтому старалась сохранять съ нимъ миръ, какъ необходимое условіе благоденствія для аѳинскаго государства [1]). Поэтому олигархическую партію, по ея отношенію къ македонскому царю, можно назвать партіею мира, а демократическую, которая требовала войны съ Филиппомъ, — партіею войны. Такимъ образомъ, начало вражды между Демосѳеномъ и Эсхиномъ, выразившейся въ спорѣ ихъ по поводу посольства къ Филиппу, лежало уже въ различіи ихъ политическихъ убѣжденій.

Разсмотрѣніе обстоятельствъ, вызвавшихъ этотъ споръ, и изложеніе исторіи самого спора и составляетъ цѣль настоящаго труда.

Но прежде, чѣмъ перейдти къ главному предмету нашего изслѣдованія, необходимо изложить нѣкоторые факты, касающіеся политическаго состоянія аѳинскаго государства во время третьей священной войны [2]) и его отношеній къ Македоніи; затѣмъ мы перейдемъ къ исторіи аѳинскихъ посольствъ къ Филиппу въ 346 году для мирныхъ переговоровъ и для утвержденія мира, такъ какъ во время этихъ посольствъ обнаружилась непріязнь между Демосѳеномъ и Эсхиномъ, и наконецъ, разсмотримъ процессъ, возникшій между ними по поводу втораго посольства къ Филиппу. Главный источникъ свѣдѣній о нашемъ предметѣ заключается въ обвинительной рѣчи Демосѳена противъ Эсхина: ὁ περὶ τῆς παραπρεσβείας, и въ рѣчи, которою Эсхинъ отвѣтилъ на обвиненіе Демосѳена, имѣющей точно такое же надписаніе. Обѣ эти рѣчи очень богаты историческими свѣдѣніями, и нерѣдко представляютъ связный, послѣдовательный разказъ изъ исторіи посольствъ Аѳинянъ къ Филиппу въ 346 году. И тотъ и другой ораторъ, говоря объ однихъ и тѣхъ-же событіяхъ, естественно старается выставить ихъ въ благопріятномъ видѣ для себя и въ неблагопріятномъ для своего соперника, упомянуть кратко, или даже и совсѣмъ умолчать о тѣхъ фактахъ, которые не говорятъ въ его пользу,

---

[1]) Сравн. Aesch. de fals. leg. 177 — 178, p. 52.

[2]) Четыре такъ называемыя священныя войны были ведены въ разныя времена и по разнымъ, большею частію политическимъ, причинамъ; предлогомъ же къ этимъ войнамъ была защита святыни Дельфійскаго храма противъ разнаго рода оскорбленій. Первая священная война относится къ 600 — 590 г. до Р. Хр., вторая къ 448 г., третья къ 356—346 г., четвертая къ 339—338 г.

Библиотека "Руниверс"

и представить ясно и со всѣми подробностями тѣ изъ нихъ, которые для него благопріятны. Отъ этого выходитъ, что ораторы пополняютъ и какъ бы исправляютъ другъ друга; изъ соединенія, сличенія и критическаго разбора показаній обоихъ соперниковъ можно составить себѣ относительно вѣрный взглядъ на все это дѣло. Главнымъ пособіемъ, какъ для изученія эпохи, къ которой относится означенное посольство, такъ и для уразумѣнія нѣкоторыхъ фактовъ изъ самаго посольства, служило при составленіи настоящей статьи сочиненіе Шефера: Demosthenes und seine Zeit.

I.

Краткій очеркъ событій, касающихся политическаго состоянія Аѳинскаго государства и его отношеній къ Македонскому царю Филиппу II во время 3-й священной войны.

Аѳиняне, значеніе которыхъ было унижено послѣ Пелопонезской войны, пріобрѣли потомъ, благодаря стараніямъ и военнымъ талантамъ полководца своего Тимоѳея, игемонію надъ 75 городами [1]); въ числѣ ихъ союзниковъ были города Потидея, Меѳона и Пидна при Ѳермейскомъ заливѣ, а также многіе острова; кромѣ того Аѳиняне утвердили свое вліяніе во Ѳракійскомъ Херсонесѣ, и основали тамъ свои колоніи. Но это благосостояніе Аѳинъ продолжалось недолго; вслѣдствіе притѣсненій со стороны ихъ полководцевъ, союзники возстали; Аѳиняне хотѣли удержать ихъ въ повиненіи; началась такъ называемая „*союзническая война*" (358 — 355 г.), которая окончилась отпаденіемъ отъ Аѳинянъ большей части ихъ союзниковъ и стоила имъ огромныхъ издержекъ [2]).

Въ это время на престолѣ Македоніи былъ Филиппъ II, человѣкъ очень умный и въ высшей степени дѣятельный, во всю свою жизнь неутомимо преслѣдовавшій одну цѣль — пріобрѣсти игемонію надъ Греціей. Подавивъ противную себѣ партію въ самой Македоніи, и отразивъ внѣшнихъ враговъ—Пэонійцевъ и Иллирійцевъ, онъ рѣшился потомъ распространить предѣлы Македоніи до Эгейскаго моря, и въ то время, какъ Аѳиняне вели союзническую войну, вѣроломнымъ образомъ овладѣлъ Амфиполемъ и Пидною (358 г.), потомъ Потидеею (357 г.), а чрезъ нѣсколько лѣтъ взялъ и Меѳону (353 г.). Кромѣ того, Филиппъ отнялъ у Ѳракійскаго царя Керсовлента, союзника

---

[1]) Aesch. de fals. leg. 70, p. 37.
[2]) Aesch. de fals. leg. 71, p. 37.

Библиотека "Руниверс"

Аѳинянъ, часть принадлежавшихъ ему владѣній. Завоеваніемъ городовъ, союзныхъ съ Аѳинянами, Филиппъ ставилъ себя въ непріязненныя отношенія къ послѣднимъ, и дѣйствительно, уже со времени завоеванія Амфиполя у Аѳинянъ съ нимъ начинается вражда, которая потомъ перешла въ открытую войну за независимость Олинѳа (349 г.), окончившуюся миромъ въ 346 году до Р. Хр.

Медленнымъ, но твердымъ шагомъ шелъ Филиппъ къ осуществленію своего плана пріобрѣтенія игемоніи надъ греческими государствами, пользуясь искусно всякимъ благопріятнымъ для себя случаемъ. Около четырехъ лѣтъ спустя по вступленіи его на престолъ, *третья священная война* (356 — 346) подала ему поводъ вмѣшаться въ дѣла Греціи и возможность утвердить въ ней свое вліяніе. Эта война, какъ извѣстно, было ведена главнымъ образомъ Фокейцами противъ Ѳиванцевъ и ихъ союзниковъ: Локрійцевъ, Дорійцевъ и другихъ. По смерти Филомела, предводителя Фокейцевъ, братъ его Ономархъ занялъ его мѣсто (354) и вступилъ въ союзъ съ Аѳинянами, Спартанцами и Ферскими тиранами Пиѳолаемъ и Ликофрономъ. Тогда владѣтели другихъ ѳессалійскихъ городовъ, опасаясь за свою независимость, призвали на помощь Филиппа II Македонскаго. Послѣдній принялъ предложеніе и явился съ войскомъ въ Ѳессалію. Разбитый въ двухъ сраженіяхъ Ономархомъ, онъ однако скоро успѣлъ собраться съ новыми силами; въ происшедшемъ затѣмъ сраженіи войско Ономарха было разбито и самъ онъ убитъ (353). Пиѳолай и Ликофронъ были изгнаны и вся Ѳессалія покорилась Филиппу, котораго власть была распространена теперь до Ѳермопилъ, или Средней Греціи. Аѳиняне, прежде спокойно слѣдившіе за ходомъ войны, теперь были устрашены успѣхами Филиппа; съ занятіемъ имъ Ѳермопилъ и съ покореніемъ Фокиды, Аттика дѣлалась открытою для его нападеній, и Ѳиванцы, не встрѣчая болѣе противодѣйствія въ Фокейцахъ, могли также въ союзѣ съ Филиппомъ обратить противъ Аѳинянъ всѣ свои силы. Теперь интересъ Аѳинянъ требовалъ подать помощь Фокейцамъ, которая дѣйствительно и была послана (Dem. d. f. leg. § 319, p. 443), а главная задача Филиппа состояла въ томъ, чтобы отвлечь вниманіе и силы Аѳинянъ отъ Фокиды. Поэтому прежде, чѣмъ идти далѣе въ осуществленіи своего плана относительно игемоніи надъ Греціею, Филиппъ занялся постройкой флота и завоеваніемъ Олинѳа.

Олинѳяне происходили изъ города Халкиды на Эвбеѣ [1]), который

[1]) Это и другія, слѣдующія за симъ, свѣдѣнія объ Олинѳѣ заимствованы

Библиотека "Руниверс"

сначала былъ Аѳинскою колоніей. Сдѣлавшись потомъ могущественнымъ городомъ, и ставъ во главѣ одноплеменныхъ (συγγενῶν) съ нимъ ѳракійскихъ городовъ, Олинѳъ велъ войну съ Аѳинянами и Спартанцами за независимость, и даже заключилъ союзъ противъ Аѳинянъ съ Филиппомъ II Македонскимъ, который за это передалъ ему отнятый у Аѳинянъ городъ Потидею. Но потомъ, видя постепенно возраставшее могущество Македонскаго царя и его замыслы противъ себя, Олинѳяне тайно послали пословъ въ Аѳины просить помощи противъ Филиппа. Аѳиняне, послушавшись совѣтовъ Демосѳена, вступили съ Олинѳійцами въ союзъ, и потомъ, когда Филиппъ объявилъ Олинѳу войну и началъ осаждать его, два раза посылали ему на помощь свой флотъ, но во главѣ этихъ экспедицій стояли люди неспособные и безнравственные — Харесъ и Харидемъ; войско ихъ состояло изъ наемниковъ, которые скорѣе думали о грабежѣ, чѣмъ объ интересахъ аѳинскаго народа. Въ самомъ Олинѳѣ нашлись измѣнники — Ласѳенъ и Эвѳикратъ, которые, получивъ начальство надъ олинѳійскою конницей, съ намѣреніемъ завели порученное имъ войско въ непріятельскую засаду. Видя, что Олинѳяне ослабѣваютъ въ борьбѣ съ Филиппомъ, Аѳиняне рѣшились въ третій разъ послать имъ помощь, но прежде, чѣмъ она достигла Олинѳа, онъ былъ уже взятъ (348 г.); другіе союзные съ Олинѳомъ города были завоеваны Филиппомъ еще прежде [1]). Долгое и упорное [2]) сопротивленіе Олинѳа, а также пріемъ, оказанный имъ двумъ македонскимъ государственнымъ измѣнникамъ, сводным братьямъ Филиппа, сильно ожесточили послѣдняго. Городъ былъ разграбленъ и жители его проданы въ рабство или подарены приверженцамъ Македонскаго царя въ другихъ греческихъ городахъ. Такимъ образомъ палъ послѣдній опасный сосѣдъ Македоніи на полуостровѣ Халкидикѣ. Филиппъ понималъ важное значеніе завоеванія Олинѳа, и праздновалъ его великолѣпными олимпійскими играми [3]). Аѳиняне остались теперь безъ союзниковъ. Еще прежде войны за независимость Олинѳа Аѳиняне должны были вести борьбу съ

изъ предисловія (ὑπόθεσις, argumentum) къ 1-й Олинѳійской рѣчи Демосѳена, написаннаго схоліастомъ Либаніемъ.

[1]) Demosth. de fals. leg. 266, p. 426: πρὶν μὲν ἐξελθεῖν ἐνιαυτὸν τὰς πόλεις ἁπάσας ἀπωλωλέκεσαν τὰς ἐν τῇ Χαλκιδικῇ προδιδόντες.

[2]) Продолжавшееся около года. См. предыдущее примѣчаніе.

[3]) Demosth. de fals. leg. 192. p. 401: ἐπειδὴ γὰρ εἷλεν Ὀλινθον Φίλιππος, Ὀλύμπια ἐποίει, εἰς δὲ τὴν θυσίαν ταύτην καὶ τὴν πανήγυριν πάντας τοὺς τεχνίτας συνήγαγεν.

Библиотека "Руниверс"

возставшими жителями острова Эвбеи. Эвбея, послѣ изгнанія изъ нея аѳинскимъ полководцемъ Тимоѳеемъ Ѳиванцевъ, находилась въ зависимости отъ Аѳинянъ. Но Филиппъ, чтобы отвлечь вниманіе Аѳинянъ отъ дѣлъ Греціи, и тѣмъ успѣшнѣе дѣйствовать въ ней самому, сталъ посылать къ Эвбейцамъ письма, которыми возмущалъ ихъ противъ Аѳинянъ, и достигъ того, что на Эвбеѣ образовалась партія, желавшая свергнуть ихъ господство. Аѳиняне послали на Эвбею войско подъ начальствомъ Фокіона (350 г.), который одержалъ надъ противниками блистательную побѣду при городѣ Таминѣ (Τάμυναι) [1]. Но Фокіонъ скоро былъ отозванъ изъ Эвбеи, оставивъ тамъ войско, которое затѣмъ было взято врагами въ плѣнъ. О новой экспедиціи для Аѳинянъ, занятыхъ олинѳійскою войною и истощенныхъ въ матеріальныхъ средствахъ, нечего было и думать. Эвбея для нихъ была совершенно потеряна. Наконецъ, видя невозможность бороться съ Македонскимъ царемъ лишь собственными средствами, Аѳиняне, послѣ взятія Олинѳа, или не задолго до этого [2], хотѣли подпять всю Грецію для защиты греческой свободы отъ Македонскаго царя. По предложенію Эвбула [3], съ этою цѣлью они отправили въ разныя греческія государства пословъ [4], чтобы заключить съ ними союзъ и условиться относительно военныхъ дѣйствій противъ общаго врага; вмѣстѣ они должны были воевать противъ него, вмѣстѣ же и заключить миръ [5]. При этомъ Эсхинъ былъ назначенъ въ Пелопонезъ [6], именно въ Аркадію. Но это стараніе

---

[1]) Ораторъ Эсхинъ служилъ оплитомъ въ Эвбейской экспедиціи и былъ отправленъ Фокіономъ въ Аѳины съ радостною вѣстію о побѣдѣ при Таминѣ. Aesch. de fals. leg. 169, p. 50.

[2]) Что посольство было отправлено не задолго до взятія Олинѳа или тотчасъ послѣ него, это можно заключить изъ словъ Демосѳена, который приводитъ разказъ Эсхина о томъ, что этотъ послѣдній на возвратномъ пути изъ Пелопонеза встрѣтилъ Аркадца Атрестида, который велъ съ собою около 30 подаренныхъ ему Олинѳійцевъ, женщинъ и дѣтей. Demosth. de fals. leg. 305, 306, p. 439.

[3]) οὐχ' ὁ μὲν γράφων τὸ ψήφισμα Εὔβουλος ἦν. . . .; Demosth. de fals. leg. 304, p. 438.

[4]) Demosth. de fals. leg, 10, p. 344; 304, p. 338; 16, p. 346; Aesch. de fals. leg. 60, p. 35.

[5]) Aesch. de fals. leg. 57, p. 35: οἱ Ἕλληνες μεταπεμφθέντες ὑπὸ τοῦ δήμου, ἵνα κοινῇ καὶ πολεμοῖεν, εἰ δέοι, Φιλίππῳ μετὰ Ἀθηναίων, καὶ τῆς εἰρήνης, εἰ τοῦτο εἶναι δοκοίη συμφέρον, μετέχοιεν.

[6]) Demosth. de fals. leg. 304, p. 438: ὁ δὲ πρεσβεύων εἰς Πελοπόννησον Αἰσχίνης οὑτοσί (ἦν);

Библиотека "Руниверс"

поднять всѣхъ Грековъ противъ Филиппа не принесло никакихъ результатовъ. Хотя Эсхинъ успѣлъ возбудить въ Мегалополѣ живое сочувствіе къ этому дѣлу, но извѣстно также, что далеко не всѣ въ Аркадіи раздѣляли это сочувствіе. Такъ Эсхинъ долженъ былъ говорить рѣчь противъ аркадца Іеронима, приверженца Филиппа, доказывая, что тѣ Греки, которые, бывъ подкуплены, дѣйствуютъ въ пользу Македонскаго царя, виновны не только противъ своего отечества, но и противъ всей Греціи [1]), потому что Филиппъ—варваръ и общій врагъ всѣхъ Грековъ [2]). Тѣмъ не менѣе Аѳиняне вѣроятно были заподозрѣны въ честолюбивыхъ стремленіяхъ къ игемоніи; ни одно государство не рѣшилось вступить съ ними въ союзъ; напротивъ, одни стали спокойно выжидать, что будетъ, другіе даже приняли сторону Филиппа [3]).

Между тѣмъ какъ Филиппъ былъ занятъ внутренними дѣлами государства и завоеваніемъ Олинѳа, а Аѳиняне старались утвердиться на Эвбеѣ, и, поддерживая Олинѳянъ противъ Филиппа, пытались составить противъ него коалицію изъ разныхъ греческихъ государствъ, священная или Фокейская война продолжалась главнымъ образомъ между Фокейцами и Ѳиванцами. Мѣсто Ономарха занялъ братъ его Фаиллъ, а по смерти послѣдняго предводителемъ Фокейцевъ сталъ племянникъ Фаилла, сынъ Ономарха, Фалекъ (352 г.). Долго война велась нерѣшительно. Хотя Фокейцы, по свидѣтельству Демосѳена, имѣли большой перевѣсъ надъ Ѳиванцами [4]), но они должны были дѣлать постоянно огромные расходы на наемъ войска [5]), пока, наконецъ, сокровища храма, представлявшія имъ для этого средства, совсѣмъ истощились, и между наемными войсками, не получавшими жалованья, появились смуты [6]). При томъ Ѳиванцы пригласили къ себѣ на помощь противъ Фокейцевъ Филиппа и Ѳессалій-

---

[1]) Demosth. de fals. leg. 11, p. 344.

[2]) Demosth. de fals. leg. 305, p. 438.

[3]) Aesch. de fals. leg. 79, p. 38: οὐδενὸς δ' ἀνθρώπων ἐπικουρούντος τῇ πόλει, ἀλλὰ τῶν μὲν περιορώντων, ὅτι συμβήσεται, τῶν δὲ συνεπιστρατευόντων (Схол. къ послѣднему слову: καθ' ἡμῶν δηλονότι μετὰ Φιλίππου στρατευόντων).

[4]) Demosth. de fals. leg. 148; p. 387; 141, p. 384; 320 p. 441.

[5]) Во время сдачи Фалекомъ Филиппу Ѳермопилъ у Фалека было еще, по свидѣтельству Демосѳена, 10.000 пѣхотнаго войска и 1.000 конницы. Demosth. de fals. leg. 230, p. 412. Бо́льшая часть войска у Фокейцевъ состояла изъ наемниковъ.

[6]) Aesch. de fals. leg. 132, p. 45: αὐτοὺς (Φωκέας) καθεῖλεν ἡ τοῖς ἀπορουμένοις στρατοπέδοις συνήθως παρακολουθοῦσα στάσις.

Библиотека "Руниверс"

цевъ, а Фокейцы обратились тогда за помощію къ Аѳинянамъ, которымъ обѣщали сдать господствовавшія надъ Ѳермопилами крѣпости: Алпонъ, Ѳроній и Никею (347 г.). Аѳиняне съ радостію приняли это предложеніе; они снарядили 50 триремъ, вооружили всѣхъ гражданъ до 30-тилѣтняго возраста и поручили полководцу своему Проксену плыть къ Ѳермопиламъ и принять во власть упомянутыя крѣпости. Но къ несчастію Фокейцевъ между ними не было согласія. Въ то время какъ партія людей болѣе благоразумныхъ, видя въ Аѳинянахъ естественныхъ своихъ союзниковъ, приглашала ихъ на помощь и предлагала имъ занять три упомянутые города, Фалекъ и его приверженцы [1]) отказались сдать Проксену эти города, и даже заключили въ оковы пословъ, обѣщавшихъ Аѳинянамъ, что они будутъ сданы [2]). Съ этого времени всѣ вооруженія, предпринятыя Аѳинянами для подачи помощи Фокейцамъ, были пріостановлены: 50 приготовленныхъ триремъ безъ войска стояли въ гавани близъ города Орея, на сѣверномъ берегу Эвбеи [3]); граждане оставались дома и не думали о военной службѣ [4]). Не смотря, однакожъ, на такое оскорбленіе со стороны Фалека, Аѳиняне продолжали считать Фокейцевъ своими естественными союзниками и готовы были оказывать имъ помощь противъ Филиппа, потому что съ завоеваніемъ Фокиды Филиппъ становился обладателемъ Ѳермопилъ и могъ постоянно грозить независимости Аттики.

А. Фесенко-Навроцкій.

---

[1]) Aesch. de fals. leg. 133, p. 45: οἱ τύραννοι; ср. 135, p. 46.

[2]) Aesch. de fals. leg. 132—133, p. 45.

[3]) Demosth. de fals. leg. 322, p. 444; 52, p. 357; 123, p. 378; 155, p. 389. Aesch. de fals. leg. 37 p. 33; 89, p. 40.

[4]) Demosth. de fals. leg. 43, p. 355: αὐτοὺς (ὑμᾶς, Ἀθηναίους) οἴκοι καταμεῖναι. 50, p. 356: μενόντων μὲν ὑμῶν οἴκοι καὶ οὐκ ἐξεληλυθότων.

Библиотека "Руниверс"

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНІИ
ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ
ВЪ 1875 ГОДУ.

„Православное Обозрѣніе" въ 1875 году будетъ издаваться по прежней программѣ, въ томъ же направленіи, какъ издавалось доселѣ въ теченіе пятнадцати лѣтъ.

„Православное Обозрѣніе", какъ *журналъ богословскій*, имѣетъ своею задачей—разъяснять религіозную истину, хранимую Православіемъ, для людей мыслящихъ, ищущихъ религіознаго убѣжденія. Находя нужнымъ предлагать читателямъ статьи нравственно-назидательнаго содержанія, имѣющія надлежащія литературныя достоинства, „Православное Обозрѣніе" особенно дорожитъ статьями съ научно-богословскимъ характеромъ, могущими имѣть болѣе или менѣе руководительное значеніе. Изслѣдованія по всѣмъ отраслямъ богословскаго знанія находятъ себѣ мѣсто на страницахъ нашего журнала, какъ скоро отвѣчаютъ требованіямъ православно-богословской науки, религіознымъ запросамъ общества или современнымъ потребностямъ церковной жизни. Въ отдѣлѣ историческомъ прежде всего имѣется въ виду—доселѣ еще недостаточно разработанная у насъ—исторія Православія какъ въ церкви Восточной, такъ въ особенности въ церкви Русской, а равно у единовѣрныхъ намъ народовъ Славянскихъ. Различное отношеніе къ религіозной истинѣ христіанскихъ

Библиотека "Руниверс"

обществъ, извѣстныхъ на Западѣ, само собою вызываетъ нужду внимательнаго изученія какъ прошедшей ихъ исторіи, такъ и современнаго состоянія: очерки изъ исторіи западныхъ христіанскихъ обществъ, уже въ значительномъ числѣ напечатанные въ „Православномъ Обозрѣніи" за прежніе годы, будутъ продолжаться и на будущее время. Слѣдя научныя и литературныя направленія, неблагопріятныя или прямо враждебныя религіозной истинѣ, появляющіяся за границей и при неустойчивости нашей общественной мысли и жизни легко пріобрѣтающія у насъ приверженцевъ, мы намѣрены дать въ журналѣ болѣе широкое мѣсто статьямъ апологетическаго содержанія. Той же потребности религіознаго руководства будетъ служить критическое обозрѣніе болѣе видныхъ и вліятельныхъ произведеній иностранной богословской литературы, обсуждаемыхъ съ православно-научной точки зрѣнія. На научныхъ же основаніяхъ, избѣгая мелкой полемики, предпочитаемъ мы вести и разработку церковно-практическихъ вопросовъ, открывшихся у насъ вслѣдствіе сознанной потребности преобразованій въ церковномъ быту, но еще далекихъ отъ своего разрѣшенія вслѣдствіе незрѣлости у насъ потребныхъ знаній въ этой области. Желая сдѣлать болѣе доступною пониманію общества богослужебную практику Православной церкви, мы надѣемся начать съ будущаго года печатать переводы на русскій языкъ изъ церковныхъ богослужебныхъ книгъ, принадлежащіе одному изъ знатоковъ нашей церковности. Лѣтопись церковной жизни на Востокѣ и на Западѣ—какъ въ ея свѣтлыхъ явленіяхъ, представляющихъ положительное развитіе религіозной истины, такъ и въ ея темныхъ сторонахъ, обличающихъ несостоятельность односторонпихъ направленій, составляетъ постоянный отдѣлъ нашего журнала. Въ виду того живаго вниманія, какое возбуждаютъ въ нашемъ духовенствѣ и обществѣ явленія и вопросы нашей внутренней церковной жизни, начиная отъ успѣховъ православной миссіи до новостей епархіальной хроники,—мы постараемся расширить отдѣлъ внутренняго обозрѣнія: здѣсь мы будемъ обозрѣвать движеніе нашей общецерковной и мѣстной епархіальной жизни въ возможной полнотѣ,—избѣгая впрочемъ безпорядочнаго и безсвязнаго совмѣщенія на страницахъ журнала массы сыраго газетнаго матеріала; наконецъ мы будемъ по временамъ подвергать разбору и тѣ явленія нашей общественной жизни и свѣтской журналистики, которыхъ въ религіозно-нравственномъ интересѣ не можетъ обходить молчаніемъ современный духовный журналъ.

Труды редакціи будутъ по прежнему раздѣлять: *свящ. Г. Смир-*

Библиотека "Руниверс"

новъ-Платоновъ, прот. А. Иванцовъ-Платоновъ и *свящ. П. Преображенскій.*

Въ 1875 году „Православное Обозрѣніе“ будетъ выходить ежемѣсячно, книжками отъ 12 печатныхъ листовъ и болѣе. Подписная цѣна: 6 руб. 50 коп. въ годъ,—а съ доставкою на домъ въ Москвѣ и пересылкою въ другіе города 7 руб. Подписная цѣна съ „Указателемъ“ за одинадцать лѣтъ 8 руб.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ редакціи журнала, на Остоженкѣ, приходъ Новаго Воскресенія, домъ свящ. Смирнова-Платонова,—и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями исключительно такъ: Въ редакцію „Православнаго Обозрѣнія“ въ Москвѣ.

Подписка на Православное Обозрѣніе 1874 года продолжается.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ

СТО СЕМЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

СТРАН.

1. *31-го августа 1874 года.* Объ учрежденіи стипендіи при Тульской гимназіи . 3

2. *7-го сентября 1874 года.* Объ учрежденіи стипендіи при Харьковскомъ университетѣ —

3. *7-го сентября 1874 года.* Объ учрежденіи стипендіи при Харьковскомъ университетѣ . . 4

4. *14-го сентября 1874 года.* Объ учрежденіи стипендіи при С.-Петербургскомъ университетѣ . 25

5. *21-го сентября 1874 года.* Объ учрежденіи стипендіи въ Кронштадтской женской гимназіи . . 26

6. *21-го сентября 1874 года.* О присвоеніи Жиздринской женской прогимназіи наименованія „Маріинской" —

7. *21-го сентября 1874 года.* Объ учрежденіи стипендіи при Костромской гимназіи —

8. *21-го сентября 1874 года.* Объ учрежденіи стипендіи при Кіевскомъ реальномъ училищѣ . 27

9. *21-го сентября 1874 года.* Объ учрежденіи стипендіи при Кіевской второй мужской гимназіи 28

10. *7-го октября 1874 года.* Объ учрежденіи стипендіи при Демидовскомъ юридическомъ лицеѣ . 29

Библиотека "Руниверс"

ОТРАН.

11. *7-го октября 1874 года.* Объ учрежденіи стипендіи въ Московскомъ университетѣ 29

Высочайшіе приказы.

30-го августа 1874 года (№ 11) 4

14-го сентября 1874 года (№ 12). 30

Министерскія распоряженія.

1. *24-го августа 1874 года.* Положеніе о стипендіи имени генералъ-лейтенанта Андрея Андреевича Керстича, учрежденной при Оренбургской гимназіи 5

2. *19-го сентября 1874 года.* Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о допущеніи къ переводу изъ приготовительнаго въ первый классъ гимназій и прогимназій учениковъ, не достигшихъ 10-лѣтняго возраста 6

3. *28-го сентября 1874 года.* Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о снабженіи директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ казенными гербовыми печатями —

4. *3-го октября 1874 года.* Положеніе о стипендіи имени умершаго Кронштадтскаго 1-й гильдіи купца Григорія Петровича Сидорова при Кронштадтской женской гимназіи . . 8

5. *14-го октября 1874 года.* Циркулярное предложеніе попечителямъ учебныхъ округовъ о своевременномъ доставленіи въ контрольныя палаты шнуровыхъ книгъ . 30

6. *12-го октября 1874 года.* Циркулярное предложеніе попечителямъ учебныхъ округовъ о составѣ экзаменныхъ коммиссій для поступающихъ вольноопредѣляющимися въ военную службу. 31

7. *19-го октября 1874 года.* Положеніе о стипендіи надворнаго совѣтника Петра Манчтета 33

8. *9-го ноября 1874 года.* Правила о стипендіи тайнаго совѣтника Ѳедора Ивановича Долгополова при Московскомъ университетѣ —

9. *26-го октября 1874 года.* Дополнительныя статьи къ правиламъ о спеціальныхъ испытаніяхъ по министерству народнаго просвѣщенія 34

10. (*15-го октября 1874 года.* Правила для выдачи свидѣтельствъ о знаніи курса начальныхъ училищъ лицамъ, желающимъ при отбытіи воинской повинности воспользоваться льготою, опредѣленною п. 4 ст. 56 устава о воинской повинности . 37

Библиотека "Руниверс"

11. *12-ю октября 1874 года.* Циркулярное предложеніе попечителямъ учебныхъ округовъ о введеніи въ учебныя заведенія „Международныхъ Словарей" г. Макарова . 52

Приказъ министра народнаго просвѣщенія.

14-го сентября 1874 года (№ 18) —

Приказы управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра.

24-го іюля 1874 года (№ 15) . 9
17-го августа 1874 года (№ 16) 12
24-го августа 1874 года (№ 17) 15

Опредѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

О „Международныхъ словаряхъ для среднихъ учебныхъ заведеній", составленныхъ по программѣ министерства народнаго просвѣщенія *Н. Макаровымъ* 16

О книгѣ: „Естественная исторія пчелы и наставленіе къ разумному пчеловодству". Съ 63-мя рисунками, на одной, особо приложенной таблицѣ. Составилъ *О. Паульсонъ* . , . . 17

О книгѣ: „Cours élémentaire méthodique et pratique de langue française par E. Varon. 1-re et 2 partie —

О „Географической таблицѣ". Курсъ I-го и II-го классовъ. Составилъ *Н. Лыткинъ* . —

О издаваемыхъ книгопродавцемъ Черкесовымъ книгахъ: а) „Физика" проф. Бальфура Стюарта; б) „Физическая географія" проф. Гейки, и в) „Химія" проф. Роско. —

О книгѣ: „Руководство къ физикѣ". *В. Полкотыцкаго* —

О книгѣ: „Учебникъ химіи". Составилъ преподаватель С.-Петербургскаго реальнаго училища *Ковалевскій* . 18

О книгѣ: „Хрестоматія какъ пособіе при изученіи русской словесности и при повтореніи граматики". Часть 2-я. Составилъ *А. Семеновъ* . . —

О книгѣ: „Наука грамотѣ съ изборникомъ для послѣдовательнаго письма съ голосу. *П. Перевмьсскаго* . . —

О „Таблицѣ удѣльнаго періода Русской исторіи". Составилъ *Пикторскій* . —

О составленныхъ Г. Острогорскимъ книгахъ: а) Хронологія всеобщей и русской исторіи". Курсъ эпизодическій III и IV

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

классовъ гимназій и прогимназій; б) „Хронологія всеобщей и русской исторіи". Курсъ систематическій, и в) „Курсъ всеобщей и русской исторіи". Курсъ систематическій , 54

О книгѣ: „Природа", популярный естественно-историческій сборникъ. Книга 2-я. Составилъ *А. Сабанѣевъ* 55

О книгѣ: „Очеркъ ученія православной вѣры". Составилъ законоучитель 1-го военнаго Павловскаго училища протоіерей *Іоаннъ Заркевичъ* . —

О составленныхъ А. Леве: а) „Наглядная геометрія и собраніе геометрическихъ задачъ" и б) „Начальныя основанія геометріи и собраніе геометрическихъ задачъ", въ 3-хъ частяхъ —

О книгѣ: „Способъ къ обученію скорописи", *А. Верре*, преподавателя Николаевскаго сиротскаго института. —

О изданіяхъ Ильина: а) „Опытъ статистическаго атласа Россійской имперіи" и б) „Атласъ полнаго гимназическаго курса". —

О книгѣ: „Практическій курсъ элементарной статистики латинскаго языка въ соединеніи съ изученіемъ синонимики", составленный по Шпенделю, преподавателями древнихъ языковъ Костромской гимназіи *Л. Кульчицкимъ* и *В. Демидовымъ*. —

О „Лекціяхъ по исторіи римской литературы", читанныхъ въ университетѣ св. Владиміра ординарнымъ профессоромъ *В П. Модестовымъ*. Курсъ первый. . . 56

О изданіи: „Исторія римской литературы въ таблицѣ". Составилъ *А Захарбековъ*, инспекторъ Владимірской гимназіи —

О книгѣ: „Руководство къ переводамъ на греческій языкъ Э. Бергера и Г. Гейдельберга", обработанное для русскихъ гимназій *Я. Левенштейномъ*, преподавателемъ 2-й Московской гимназіи . . . —

О книгѣ: „Учебникъ русской словесности для учениковъ V-го класса гимназій, съ приложеніемъ хрестоматіи". Составилъ *П. Смирновскій* —

О составленныхъ К. Клоссе: а) „Нѣмецкая граматика для русскихъ гимназій и реальныхъ училищъ" и б) „Учебный нѣмецко-русскій словарь синонимовъ и однозвучныхъ словъ нѣмецкаго языка". Пособіе для учащихся . —

О составленныхъ И. Балицкимъ: „Избранные отрывки изъ памятниковъ церковно-славянскаго языка древняго и новаго для граматическаго разбора. Со свѣдѣніями и замѣчаніями о памят-

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

никахъ, съ палеографическими снимками греческихъ текстовъ и словаремъ". 56

О изданіяхъ А. Добрякова: а) „Историческія таблицы". Подробный историческій конспектъ" и б) „Рисунки памятниковъ искусства древнихъ народовъ съ объяснительнымъ къ нимъ текстомъ . . 57

О „Географическихъ таблицахъ". Обозрѣніе европейскихъ государствъ. Курсъ III класса. Составилъ *Г. С. Лыткинъ* —

О брошюрѣ изъ народныхъ чтеній въ Соляномъ городкѣ, подъ заглавіемъ: „О грозѣ". *Н. П. Животовскаго* —

О брошюрѣ изъ народныхъ чтеній въ Соляномъ городкѣ, подъ заглавіемъ: „Объ апоплексіи мозга или пострѣлѣ". Д-ра *Н. Ф. Глинскаго* —

О книгѣ: „Новая Зеландія и Океанія или острова Южнаго мора". Соч. *Кристмана* и *Оберлендера*. —

О брошюрѣ: „О птицахъ и гадахъ, полезныхъ для земледѣльца и лѣсовода. *П. А. Аникіева* —

О брошюрѣ: „Какъ разводить ленъ и какъ увеличить сборы съ разныхъ посѣвовъ". *Н. П. Казанскаго* 58

О книгѣ: „Греко-латино-русскій словарь къ сочиненію Ксенофонта Κύρου Ἀνάβασις, составленный *П. Тихоновичемъ* —

О книгѣ: „Синтаксисъ латинскаго языка". По нѣмецкимъ источникамъ, составилъ *Э. Кесслеръ*

Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Сказка объ Иванѣ Царевичѣ и Сѣромъ Волкѣ". Соч. *В. Н. Соболева* 18

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Исторія Россіи". Съ картинками, для народныхъ училищъ. Сочин. *М. Острогорскій* —

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Животныя, полезныя для полей и лѣсовъ". Соч. *П. Аникіевъ* —

О изданной княгинею Маріею Барятинскою книгѣ, подъ заглавіемъ: „Начатки". Приготовленіе къ христіанскому ученію, въ вопросахъ и отвѣтахъ, приспособленное къ дѣтскому возрасту 19

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Бесѣды о главнѣйшихъ потребностяхъ духовной жизни человѣка". (Опытъ народной гигіены). Съ 21 рисункомъ въ текстѣ. *С. Бобровскаго* —

О книгѣ Н. Потулова, подъ заглавіемъ. „Руководство къ

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

практическому изученію древняго Богослужебнаго пѣнія православной россійской церкви 58

О брошюрѣ подъ заглавіемъ: „А. В. Кольцовъ и его пѣсни". Сост. *М. П. Паруновъ* —

О брошюрахъ подъ заглавіями: 1) „О томъ какого вида земля и какъ велика она". *Н. Б. Медера*, и 2) „Отчего бываетъ день и ночь, весна, лѣто, осень и зима". *Н. Б. Медера*. 59

О брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Задачи практическаго счета для швейцарскихъ народныхъ школъ", составленныя г. Церингеромъ и передѣланная для употребленія въ русскихъ народныхъ школахъ *П. Щукинымъ* —

О книгахъ подъ заглавіями: 1) „Троице-Сергіева лавра". Историческій очеркъ *Т. Толмачевой*. 2) „Приключенія Робинзона Крузе". *А. Н. Яхонтова*, и 3) „Котъ въ сапогахъ", „Овсяный кисель", „Свѣтлана". Соч. *В. А. Жуковскаго*. —

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Руководство гимнастики для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній духовнаго и гражданскаго вѣдомствъ". Составилъ *К. А. Шмидтъ*. —

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Сборникъ ариѳметическихъ задачъ". Изданіе 6-е, часть II. Составилъ *В. Евтушевскій* —

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Европейскіе классики въ русскомъ переводѣ" (для учащихся), подъ редакцію Петра Вейнберга —

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Отечественная война 1812 года и Кутузовъ". *Е. Жилябужскаго*. Изданіе народнаго журнала „Грамотей". 50

Офиціальныя извѣщенія 19 и 60

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Казанскія гимназіи въ XVIII столѣтіи. *А. Артемьева* 1

Индѣйскія сказки. *И. Минаева* 68

Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Константинополѣ XI и XII вѣковъ. *В. Васильевскаго* 105

Юридическіе знаки. *П. Ефименко* 144 и 271

Францъ Палацкій. *Іосифа Первольфа* 197

О философскихъ трудахъ П. Д. Юркевича. *Вл. Соловьева* 294

Библиотека "Руниверс"

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

СТРАН.

Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. Экономическое изслѣдованіе. Е. Карповича. *А. Брикнера* 171

Физіологија гласа и гласови српскога језика. Лингвистичка студија Стојана Новаковића. (Физіологія слова человѣческаго и звуки сербскаго языка. Лингвистическое изслѣдованіе Стояна Новаковича) . . . 182

Descriptio codicum slovenicorum, qui in bibliotheca universitatis Jagiell. inveniuntur, cura et opera Aemiliani Kałużniacki con. etc. a, MDCCCXXI. (Описаніе славянскихъ рукописей, находящихся въ библіотекѣ Ягеллонскаго университета, трудъ Эмиліана Калужняцкаго, изд. 1871 г.), съ двумя листками снимковъ. (Отчетъ дирекціи гимназіи св. Анны въ Краковѣ за учебный 1871 годъ). *И. Бодуэна-де-Куртенэ* 193

Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся, за время: 8-е генваря 1654—30-е мая 1672 года. Сочиненіе Геннадія Карпова. *К. Бестужева-Рюмина*. 319

Нравственное и умственное развитіе римскаго общества во II вѣкѣ. Историческое изслѣдованіе В. Кожевникова. *Н. И.* 325

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Олонецкая гимназія съ 1808 по 1831 годъ. *К. Петрова.* 1

Мусульманскія училища Туркестанскаго края. *И. Т.* 23

Замѣтка о гимнастикѣ для дѣвицъ. *Д-ра Ѳ. Клевезаля* 35

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Шестиклассныя прогимназіи . 1

О введеніи обязательнаго обученія въ С.-Петербургѣ . 5

Село Мишенское, родина В. А. Жуковскаго. *П. Мартынова.* 28

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты, б) гимназіи, и в) низшія училища. 35 и 195

Открытіе учительской семинаріи въ Псковѣ 73

Письма изъ Парижа. *Л. Л—ра* 84 и 220

А. И. Артемьевъ. *Л. Майкова.* . 94

О введеніи обязательнаго обученія по ходатайствамъ нѣкоторыхъ земскихъ собраній 111

Библиотека "Руниверс"

страв.

Путевыя замѣтки о долинѣ средняго и нижняго Дуная. *А. Будиловича* 132

Отчетъ о семнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова за историческія сочиненія 175

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Замѣтка о первоначальномъ преподаваніи греческаго языка. *Ем. Бѣлоброва* 3

De clavo purpureo, tunicae Romanae ornamento. *Ernestus Schulze* 17

Значеніе и употребленіе желательнаго наклоненія греческаго глагола. (Окончаніе). *І. Гобзы* 22

Погребальные обряды древнихъ Римлянъ. *А. Родонежскаго*. 61

Объ употребленіи временъ греческаго глагола у аттическихъ писателей, преимущественно у Ксенофонта. *С. Шафранова* 93

Борьба Демосѳена съ Эсхиномъ по поводу посольства къ Македонскому царю Филиппу II въ 346 году до Р. Х. *А. Фесенко-Навроцкаго*. 126

Библиотека "Руниверс"

Принимается подписка на ежемѣсячный историческій журналъ, издаваемый въ Петербургѣ:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1875 г.

шестой годъ изданія.

«РУССКАЯ СТАРИНА» въ **1875** году будетъ выходить на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ первыя **пять лѣтъ** изданія (1870—1874 гг.).

Годовое изданіе изъ **двѣнадцати** книгъ составитъ **три тома**, каждый не менѣе 44 листовъ убористой, четкой печати, т. е. всего въ годъ не менѣе 2,200 печатныхъ страницъ.

При изданіи прилагаются: **портреты** достопамятныхъ русскихъ дѣятелей, **снимки** съ подлинныхъ ихъ писемъ, **рисунки** историческихъ памятниковъ, зданій, генеалогическія **таблицы** замѣчательныхъ русскихъ фамилій и проч.

Каждая книга «РУССКОЙ СТАРИНЫ» выходитъ **ежемѣсячно**, непремѣнно 1-го числа, и одновременно разсылается, какъ городскимъ, такъ и иногороднымъ подписчикамъ.

Цѣна годовому изданію «РУССКОЙ СТАРИНЫ» **1875 г.**:

Съ доставкою на домъ, въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, и съ пересылкою въ прочіе города имперіи:

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Лица, проживающія за границей, приплачиваютъ къ **ВОСЬМИ** рублямъ за доставку: въ Германію, Бельгію, Францію—**два** рубля; въ Англію, Швейцарію и Италію—**три** рубля.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ въ **С.-Петербургѣ**, въ Главной Конторѣ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ книжномъ магазинѣ Александра Ѳедоровича **Базунова** (Невскій просп., д. № 30); въ Москвѣ—въ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева (на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева).

☞ Гг. **Иногородныхъ** просятъ обращаться **исключительно** въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ С.-Петербургѣ, у Спаса Преображенія, Литейной части, въ д. Трута, кв. № 12.

Библиотека "Руниверс"

Читатели „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ теченіи пяти лѣтъ, безъ сомнѣнія, достаточно ознакомились со степенью разнообразія, интереса и значенія, для отечественной исторіи и исторіи русской литературы, тѣхъ записокъ (мемуаровъ), воспоминаній, очерковъ, разсказовъ, біографій и другихъ статей и матеріаловъ, которые появляются на страницахъ этого ежемѣсячнаго изданія. Нынѣ мы съ удовольствіемъ можемъ сообщить, что наши собранія помянутыхъ статей, записокъ и матеріаловъ, не только не уменьшаются, но продолжаютъ увеличиваться. Съ различныхъ мѣстъ Россіи, а частью и изъ-за границы, отъ нашихъ соотечественниковъ, непрерывно поступаютъ сообщенія, нерѣдко весьма важныхъ, полныхъ значенія и интереса, статей и матеріаловъ для отечественной исторіи и исторіи русской литературы. Не перечисляя таковые, довольно сказать, что въ распоряженіи „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, не считая работъ самой редакціи по документамъ различныхъ архивовъ и подготовленныхъ ею очерковъ, біографій и прочихъ статей, находится до тысячи шести сотъ сообщеній, какъ извѣстныхъ ученыхъ, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, такъ и частныхъ лицъ, ревнителей разработки новѣйшей исторіи Россіи. (Списокъ тѣхъ изъ нашихъ сотрудниковъ, сообщенія которыхъ предположены къ напечатанію въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ 1875 года, будетъ помѣщенъ въ XII книгѣ текущаго года).

Всѣ статьи и матеріалы, имѣющіе появиться въ „Русской Старинѣ“ **1875** года, относятся къ слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Записки (мемуары) и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ Русской Исторіи, преимущественно XVIII и XIX вѣковъ.—III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ писателей, артистовъ и проч.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстнѣйшихъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч.—VI. Историческіе разсказы, анекдоты и мелочи, эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и начала XIX в.—Курьезныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листки изъ записной книжки „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.—VII. Народная русская словесность: историческія и сатирическія пѣсни XVII и XVIII вв.—Стихи духовные и раскольничьи.—Пѣсни скопцовъ, замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго на-

Библиотека "Руниверс"

рода.—VIII. Библіографическій листокъ новыхъ, преимущественно историческихъ, русскихъ книгъ.

Къ первой книгѣ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ **1875** г. будетъ, между прочимъ, приложенъ гравированный въ Лейпцигѣ портретъ графа **Алексѣя Андреевича Аракчеева**, съ изображеніемъ его герба и девиза: *„безъ лести преданъ“*.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. **1874** г. Цѣна за 12 книгъ **8** руб. съ пересылкою. Гг. подписавшіеся получаютъ всѣ вышедшія, съ 1-го января 1874 г., книги.

Принимается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. **1875** г. 12 книгъ, со всѣми приложеніями, портретами и рисунками, цѣна **8** руб. съ пересылкою.

Примѣчаніе. Въ числѣ историческихъ книгъ, отдѣльно изданныхъ редакціей «Русской Старины» и составленныхъ изъ статей и матеріаловъ, напечатанныхъ въ этомъ журналѣ, имѣется, впрочемъ не въ большомъ количествѣ экземпляровъ, книга: **«Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія»** 1809—1831 гг. Въ ней помѣщены разсказы и воспоминанія очевидцевъ о бунтѣ военныхъ поселянъ въ 1831 году; подробный историческій обзоръ учрежденія и внутренняго быта военныхъ поселеній и подлинная переписка гр. Аракчеева.

Лица, выписывающія «Русскую Старину» въ текущемъ году, при возобновленіи подписки на 1875 г., могутъ получить книгу: «Графъ Аракчеевъ» безплатно, выславъ лишь при 8-ми рубляхъ, слѣдуемыхъ за «Русскую Старину» 1875 г., пять десятикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ или 50 коп. на пересылку означенной книги.

Въ составленіи и изданіи «РУССКОЙ СТАРИНЫ» принимаетъ постоянное и непосредственное участіе

М. И. Семевскій.

В. Семевскій,
отвѣтств. изд.-ред. «Русской Старины».

Библиотека "Руниверс"

Въ конторахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

продаются слѣдующія ея изданія:

I. **Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей 1801—1825 гг.** (Письма, стихотворенія, замѣтки и подписи).

Роскошное изд. ред. «Русской Старины» Ѳ. Е. Опочинина. Спб. 1873 г. Въ листъ; 152 стр.; заглавный листъ—рисунокъ академика В. А. Гартмана; собраніе фотолитографическихъ снимковъ съ автографовъ замѣчательныхъ лицъ; въ приложеніяхъ напечатаны (большею частію впервые) подлинники снимковъ, какъ-то письма, стихотворенія и замѣтки русскихъ историческихъ дѣятелей; въ концѣ книги помѣщенъ алфавитный указатель.

Цѣна книги 3 р., въ красивой папкѣ 3 р. 50 к.; пересылка 50 коп.

II. **Русская Родословная книга.** Изд. «Русской Старины». Спб. 1873, въ 8 д., 400 стр. **Цѣна 3 р.** съ пересылкой.

Въ этотъ томъ вошло значительное собраніе родословій русскихъ титулованныхъ и нетитулованныхъ дворянскихъ фамилій, преимущественно такихъ, многіе представители которыхъ ознаменовали себя, въ разныя эпохи русской исторіи, заслугами на поприщахъ государственномъ, общественномъ, ученомъ или литературномъ.

III. **Записки кн. Якова Петровича Шаховскаго,** полиціймейстера при Биронѣ, оберъ-прокурора святѣйшаго синода, генералъ-кригсъ-коммисара, затѣмъ генералъ-прокурора и конференцъ-министра въ царствованіе Елисаветы и сенатора при Екатеринѣ II, 1705—1777 гг. Спб., въ 8-ю д., 325 стр. (въ приложеніяхъ помѣщены подлинныя бумаги кн. Шаховскаго изъ архивовъ: государственнаго и св. синода.)

Цѣна 1 р. съ пересылкою.

„Русская Старина“ изд. 1870 г., 1871 г. и 1873 г., сполна разошлись по подпискѣ до послѣдняго экземпляра.

„Русскую Старину“ 1872 г. (изданіе второе), можно получить всѣ двѣнадцать книгъ съ портретами и рисунками. (Осталось 86 экземпляровъ). Цѣна 8 руб. съ пересылкою.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ 1875 г. Цѣна за 12 книгъ съ портретами и рисунками — 8 руб. съ пересылкою.

6019
3

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25-го октября 1874 г.

Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49—2).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"